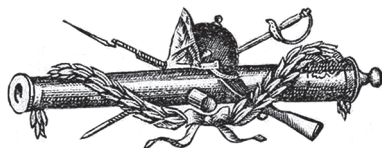

А. Н. Дежиденко

СЛУЖБА И ВОЙНЫ
ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА
М. И. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА
БЕЗ ПРИКРАС

Одесса
«Астропринт»
2021

УДК 355.484
Д304

This monograph is the result of researching and rethinking the vast amount of historical sources about the biography of Field Marshal M. I. Golenishchev-Kutuzov (1747–1813) and several military campaigns with his participation which have become available to researchers in the new digital age.

The book is intended for everyone interested military history of Russia and true facts that lie under the scenery of ideological myths.

Демиденко А. Н.

Д304 Служба и войны генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова без прикрас : [монография] / А. Н. Демиденко. — Одесса : Астропринт, 2021. — 1048 с.
ISBN 978–966–927–786–2

Данная монография является результатом исследования и переосмысления множества исторических материалов о фельдмаршале М. И. Голенищеве-Кутузове (1747–1813) и его военных кампаниях, ставших доступными для исследователей в новый цифровой век.

Книга предназначена всем, кто интересуется военной историей России и подлинными фактами, лежащими под покровом идеологических мифов.

УДК 355.484

ISBN 978–966–927–786–2

© Демиденко А. Н., 2021

Оглавление

Введение. М. И. Голенищев-Кутузов, отечественные войны
и современное сознание 7

Часть I НА ЗАКАТЕ ЭПОХИ, НАКАНУНЕ ИСПЫТАНИЙ

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ И НАДЛОМ

- 1.1. Начало жизненного и служебного пути 19
- 1.2. От капитана до генерала 28
- 1.3. Кинбурн и Очаков 40
- 1.4. Ужас и слава Измаила 48

Глава 2

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ДВОРЦОВАЯ КАРЬЕРА

- 2.1. Мачин. Неожиданный уход от военной деятельности
и первый дипломатический опыт 68
- 2.2. При екатерининском дворе 79
- 2.3. При павловском дворе 86
- 2.4. Начало Александровской эпохи. Конец придворной
карьеры Кутузова и его возвращение в армию 98

Глава 3

ВОЙНА 1805 ГОДА

- 3.1. Марш-маневр от Браунау 108
- 3.2. Аустерлиц 130
- 3.3. Откуда взялись планы Вейротера и Наполеона,
и как Кутузов оказался на стороне первого, не подумав
о втором 156
- 3.4. Последствия и невыученные уроки разгрома. Умелое
уклонение от ответственности и настоящая причина
опалы Кутузова 175

Глава 4

НОВАЯ МОЛДАВСКАЯ И БАЛКАНСКАЯ ЭПОПЕЯ

- 4.1. М. И. Кутузов и А. А. Прозоровский. Браиловская трагедия 188
- 4.2. Кампания 1810 года на Дунае. Н. М. Каменский 2-й, — утраченный Россией полководец 210
- 4.3. Рушукская несурaziца 233
- 4.4. Результаты затяжной кампании 1811—1812 гг. Бухарестский мир 262

**Часть II
НАШЕСТВИЕ**

Глава 5

ОТ НЕМАНА ДО МОСКВЫ-РЕКИ

- 5.1. Расстановка сил и планы сторон. Открытие военных действий 281
- 5.2. Деятельность М. И. Кутузова во время отступления М. Б. Барклая де Толли к Смоленску и основные события этого периода войны 308
- 5.3. Призвание Кутузова. Рассуждения Чрезвычайного комитета 339
- 5.4. Царево-Займище. Дорогой Барклая. Первые партизаны 358

Глава 6

БОРОДИНО

- 6.1. Силы сторон и основы русской диспозиции к сражению 393
- 6.2. Шевардинский бой. Его подлинное значение и связь с позиционной ошибкой 421
- 6.3. Управление артиллерией и войсками на Бородинской позиции. Проблемы, о которых не принято говорить 433
- 6.4. «Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой...» 456

Глава 7
МОСКВА

- 7.1. Итоги битвы и судьба Москвы. Дополнительный разбор 487
- 7.2. Отступление к Москве. Чем патриотичнее ложь, тем легче в нее поверят 516
- 7.3. Совет в Филях 537
- 7.4. Оставление Москвы. Россия над бездной 554

Глава 8
**НЕОЖИДАННЫЙ ЛИЧНЫЙ ТРИУМФ М. И. КУТУЗОВА,
УСТРАНЕНИЕ КОНКУРЕНТОВ**

- 8.1. Ошибочный уход главнокомандующего к Владимиру. Совет в деревне Боровской. Тарутинский маневр. Принятие Петербургского стратегического плана 584
- 8.2. Кутузов и русская армия в Тарутинском лагере. Интриги 611
- 8.3. Тарутинские дела. Партизаны, казаки, ополчение, крестьяне 643
- 8.4. Тарутинский бой (сражение на Чернишне) 661

Часть III
ПОРАЖЕНИЕ И УХОД НАПОЛЕОНА

Глава 9
ПЕРЕЛОМ

- 9.1. Московское сидение и полный провал авантюрной стратегии Бонапарта в России 685
- 9.2. Полоцк и Брест: недооцененные военной историей сражения 699
- 9.3. Малоярославец. Чудеса взаимного отступления 717
- 9.4. Переход русской армии к преследованию Наполеона. Вязьма 739

Глава 10

ВОЗМЕЗДИЕ

- 10.1. Смоленск и Красный. Первая возможность покончить с Наполеоном 759
- 10.2. Движение русских армий к реке Березине и их расположение перед сражением 785
- 10.3. Переправа Наполеона 810
- 10.4. К вопросу о том, кто, как и зачем выпустил Бонапарта из России 829

Глава 11

ЗАВЕРШЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АРМИИ

- 11.1. У границ империи. Обострение разногласий между Кутузовым и Александром I. Перемены в командовании 867
- 11.2. Цена войны. Потери русских войск и разоренных губерний 903
- 11.3. Заграничный поход. Дальнейшие операционные планы и союз с Пруссией. Возвращение влияния Кутузова 924
- 11.4. Смерть Кутузова и ее влияние на продолжение военных операций 960

Заключение

- М. И. Кутузов как реальная личность, герой своего и нашего времени 983

- Библиография* 1019

Введение

М. И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Слава, приобретенная Россией, не имеет
надобности в пособии хитрости и лжи.

Д. П. Бутурлин

Генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский, главнокомандующий русской армией в Отечественной войне 1812 года и союзной русско-прусской армией в начале заграничного похода 1813 года, является одной из немногих фигур, о которых написаны, без преувеличения, многие тысячи книг, статей, биографических заметок и научных работ. По памятным датам и годовщинам жизни полководца проводятся официальные и общественные мероприятия. Нет, наверное, в России и на всем пространстве бывшего СССР человека, который не слышал бы об этом историческом персонаже. Переплетаясь с темой отечественных войн, образ Кутузова буквально вмонтирован в русское национальное и российское общественное сознание, служа в нем ориентиром патриотизма, эталоном полководческих качеств и рвения к защите отечества, примером индивидуального, общественного и политического поведения, которому должен следовать каждый добросовестный гражданин.

Соответствует ли этот образ реальной личности Кутузова? Узкому кругу историков и военных специалистов давно и хорошо известно, что нет. На деле, как у всякого человека, были у него достоинства и недостатки; как верные решения, так и крупные ошибки, включая череду поступков, побудительные мотивы к которым видны чисто индивидуалистические и эгоистические. Все это было затерто и исключено из истории панегирической, возвеличивающей Михаила Илларионовича традицией, пафосно объявившей фельдмаршала «спасителем отечества». Усилиями панегиристов, снискавших одобрение государственной пропаганды, граждане могли лишь благоговеть перед представленным их взору сияющим монументом, пока с приходом компьютерной эры не открылся свободный доступ к оцифрованной литературе XVIII и XIX вв.

Если вчера можно было возражать общепринятому мнению лишь интуитивно и малодоказательно, то сегодня любой читатель может скачать себе из электронных библиотек и пролистать на экране свидетельства и описания множества современников Кутузова и участников его войн, собрания документов, а также выкладки целого ряда выдающихся русских историков и военных специалистов. Там столько не укладываемых в ранжир интересных фактов и описаний, что возникает понимание: однобокий, канонизированный образ полководца, который предлагается благоговейно беречь и соблюдать, очень вредил и продолжает вредить изложению российской военной истории, а равно извлечению полезных выводов из нее. Время от времени предпринимались попытки указать на историческую правду и недопустимость ее искажения в угоду властным интересам, новым геополитическим раскладкам сил и прочим исторически преходящим надобностям. Военная история как часть военного дела есть наука, не должна зависеть от идеологии, — иначе на полях сражений будут повторяться старые ошибки и литься лишняя народная кровь. Как царскими, так и ведущими советскими генералами указывалось, что не критическая апологетика отдельных лиц и замалчивание имевших место в вооруженной борьбе недостатков — это работа отнюдь не во славу русского оружия и России.

Первым критическую традицию осторожно наметил в начале 20-х годов XIX в. Д. П. Бутурлин, указав на отдельные ошибки главнокомандующего князя Смоленского и прикрыв их пеленой славословия в его адрес. Много тактично изложенной критики содержится в трудах К. фон Клаузевица, Н. А. Окунева, М. Б. Баркляя де Толли, А. П. Ермолова, Д. В. Давыдова. Но эти работы не были читаемы широкой общественностью. В то же время опережающими темпами и тиражами складывалась и расширялась панегирическая биографическая традиция. Она пошла от патриотического рвения Г. Р. Державина, А. И. Крылова, Ф. М. Синельникова и многих других подобных авторов, не смыслящих в военном деле, к М. И. Кутузову по жизни и службе не близких, и раздувающих морально-патриотические аспекты.

Достоверностью изложения, умением правильно связывать военные факты между собой биографы и историки панегирического направления не отличаются. К примеру, очевидно, что Синельников, начавший с посылки Кутузову своих хвалебных стихов, не мог написать его объективную биографию — труд, за который с величайшей деятельностью взялся. Точно так же, Державин мог бы подойти к справедливой оценке труда полководца, если бы умел управлять не то что

армией, а хотя бы собственными крестьянами (нищета и голод державинских крестьян были общеизвестны, став после его смерти предметом расследования имперских властей). Понятное дело, — куда проще показывать свою преданность отечеству стихами, игнорируя нужды зависимых людей, которые частью этого самого отечества являются. Всплеск издания панегирической литературы о Кутузове произошел сразу после его смерти в 1813 году, — слишком рано, чтобы иметь достоверное содержание. Тенденция жертвовать объективностью ради общественных ожиданий была закреплена в работах А. И. Михайловского-Данилевского, одаренного и осведомленного историка, считавшего возможным исказить отдельные аспекты, лиц и события ради народной и государственной пользы, как он их понимал. Не случайно его труды заслужили полное высочайшее одобрение.

Господство в русском дворянском сознании панегирической традиции было предопределено ее мощным морально-политическим и охранительным посылом, имеющим прямое отношение к охране сословных привилегий и надеждам каждого дворянина на продвижение ближе к престолу. От дворян она проникла в разночинные массы и крестьянство, в изрядной мере ориентирующееся на своих помещиков. Стихийное движение дворянской солидарности, с которым был вынужден считаться император Александр I и обуздали его наследники, привело к тому, что М. И. Богданович, поставивший себе целью создать историю Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, столкнулся с хором порицаний. Он был вынужден сгладить аналитические углы и продолжить традицию Михайловского-Данилевского. Все же в промежуточные, упрятанные в глубине работы выводы Богдановича попало много поучительного и интересного.

Начиная с 50-х годов XIX в. воспоминания участников Отечественной войны и современников М. И. Кутузова, другие интересные материалы появляются как грибы после дождя. Огромную роль в этом сыграли периодические и многотомные издания «Русская Старина», «Русский Архив», «Сборник Русского исторического общества», «Записки Императорской академии наук», «Военный сборник», «Материалы военно-ученого архива Главного (Генерального) штаба», «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года» П. И. Щукина, разные собрания хроник и документов. В них сразу обнаружилось материалы, не соответствующие и подрывающие самые основы панегирической концепции описания личности Кутузова и хода Отечественной войны. Укрепились традиции созда-

ния полковых историй, издания и переиздания офицерских дневников, писем и записок. В них, зачастую без всякой оценки авторами, было рассыпано множество любопытных данных. В 1859 и 1863 гг. отдельными книгами вышли в печати «Изображение военных действий 1-й армии» М. Б. Баркляя де Толли и воспоминания генерала А. П. Ермолова — важнейшие источники, ибо перед глазами их авторов прошло командное нутро войны. Начали появляться русские переводы французских военных историков и мемуаристов, критически оценивающих те или иные действия русской армии.

Происходило это на фоне продолжающегося засилья консервативно-охранительной литературной среды, не идущей глубже сокращенного пересказа истории с добавлением почтительных воздыханий, басен и анекдотов, приспособляющей здание военной истории не фундаментом к фактам, а крышей к потребностям господства над умами народа со стороны правящего класса. В тех случаях, когда объективные материалы получали широкую известность (например, некоторые сведения о русской армии и Бородино, попавшие в роман Л. Н. Толстого «Война и мир»), возникали вспышки морализаторства и критиканства. В результате реалистическая и «патриотическая» традиции стали существовать как бы отдельно друг от друга. Такое положение вещей (замечаемое и в других областях общественных знаний) стало приводить к распространенному ныне в массах убеждению, что образованная интеллигенция в России — какая-то непатриотичная, странно мыслящая, чуждая и вообще не такая, как надо. По этой причине признанные русские военные теоретики, преподаватели и профессора военной академии (А. К. Байов, М. И. Драгомиров, Г. А. Леер, А. А. Свечин и др.) были вынуждены комкать описание операций и сражений, проведенных М. И. Кутузовым. Они подавали слушателям критические выводы, к которым обязывала их профессия, кратко и обезличено, под аккомпанемент славословий. От этого произошел уже прямой военный вред в виде переоценки опыта Отечественной войны 1812 года и других войн доиндустриальной эпохи, в которой застряла русская военная мысль.

Мощный толчок к публикации множества материалов о Кутузове и Отечественной войне 1812 года произошел к ее столетию в 1912 году. Обилие переизданий и новых работ, огромным для того времени совокупным тиражом вышедших в 1911–1912 гг. позволяло надеяться, что научное и народное сознание смогут постепенно преодолеть апологетическую ограниченность, но общественные процессы в цар-

ской России были уже близки к выходу из-под контроля. В 1914 году грянула Первая мировая война, своими лишениями и малоудачным для империи ходом приведшая к революции 1917 года. В промежутке лет военной и послевоенной разрухи эта тематика стала неинтересна.

По успокоению ситуации в стране, в 20-е годы XX века среди «красных» военных академиков и нового генералитета возобладал критический взгляд на мысли и достижения царской военной и военно-исторической науки. В то же время свежих концепций создано не было, для этого требовалась долгая и большая работа, а политическая обстановка не благоприятствовала изданию трудов, в которых систематически анализировались дореволюционные источники. В условиях революционного энтузиазма и объявленного обострения классовой борьбы, в теориях пошел огульный переход к марксизму и технократии. Осознание места и роли Кутузова в русской военной истории, взвешенная и опирающаяся на факты оценка его наследия остались непроработанными.

Такое положение дел сохранялось вплоть до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 г. когда И. В. Сталину, захватившему неограниченную власть в формально демократической, советской стране, понадобилась консолидирующая идеологическая основа для бескомпромиссной борьбы с фашистскими захватчиками. Времени на новые разработки на базе марксистской общественно-политической теории не было, поэтому была реанимирована царская концепция единения народа и самодержца через посредство сподвижников — выдающихся и иерархически соподчиненных, преданных царю (вождю) полководцев, проработанная по итогам Отечественной войны 1812 года.

Эта «новая» концепция была инкорпорирована в российский марксизм, который, подобно французскому бонапартизму и германскому республиканизму, завершал в 30-е и 40-е годы XX века ментальную петлю перехода от демократической революции к контрреволюционному неоимпериализму. Тем самым имени М. И. Кутузова была дарована свыше широкая, «подлинно марксистская» народность, на обоснование которой был дан властный заказ. Повторный поток панегирических «исследований» не заставил себя ждать, начавшись в тяжелые месяцы стояния фронта под Москвой и отхода Красной армии к Волге. Он решал задачи оправдания катастрофического отступления и перехода к всенародной партизанской войне, неслышанно кровавой, но неизбежной в условиях банкротства проводимой перед войной линии кадрового и военного строительства.

Вновь заблистали имена подчиненных Кутузову генералов М. А. Милорадовича и П. И. Багратиона, вернулись в качестве его учителей имена П. А. Румянцева и А. В. Суворова. Не вернулась только правда истории, окончательно отставленная на второй план.

Идеологическая трансплантация от царей да под генсека оказалась успешной, чему способствовало неизжитое до конца цезаристское прошлое советского общества. Она сыграла свою роль в объединении широких масс для отпора агрессору, но повторно законсервировала советскую и российскую военную историю, сделав ее безнадежно несовременной и предлагающей оторванные от подлинных фактов выводы, идущие в русле абсолютизации опыта отечественных войн. Тем самым множество людей (что особенно печально, военных людей), искренне считающих себя патриотами, стали подталкиваться к мыслям и поступкам, не могущим принести их стране и народу никакой пользы в современном мире с его иными реалиями и доктринами. Самое лучшее оружие и любой перевес сил неэффективны, когда к себе самому и противнику примеряется необъективный идеологический, исторический и психологический подход, а общественно-политические иллюзии прокрадываются в планы военных операций.

Советская литература о М. И. Кутузове является чрезвычайно обширной, но на 90 % она суть многократно пересказываемые легенды с добавлением некоторых вновь установленных, тенденциозно толкуемых источников и архивных данных. Ее заслугой является лишь переиздание материалов и создание сборников, прежде всего сборника документов и материалов Кутузова под редакцией Л. Г. Бескровного. Советских авторов, строивших свою литературную и научную карьеру на обсасывании карамелизованного образа Кутузова так много, что персонально перечислять их нет ни возможности, ни нужды. Соответствующие отсылки будут производиться лишь по необходимости.

После объявления гласности и либерализации политической жизни в позднем СССР, под прикрытием которых спекулирующие на изуродованном и опошленном ими марксизме партийно-советские временщики искали спасения от своего краха, начинаются новые пробы переосмыслить образ и военно-историческую роль М. И. Кутузова. Они продолжились и в новой России. К числу относительно удачных попыток, заставляющих читателей задуматься, относится монография Н. А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты». К неудачным — работа А. В. Шишова «Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии» и внеисторическое морализаторство Е. Н. Понасенкова.

Однако поиски истины опять оказались недолгими. Хотя в России и на всем постсоветском пространстве на словах произошел отказ от идеологического наследия цезаризма и сталинизма, к 2010-м годам вновь наметился уход от реалий в Валгаллу иллюзорного патриотического бессмертия. Новыми правящими группами устаревшие, тянущие народный разум назад представления о защите отечества взяты на вооружение практически без изменений. В том числе, в очередной раз популяризована панегирическая традиция освещения жизни и деятельности Кутузова. Уж очень хорошо она, вкупе с упрощенно-героизированным изложением отечественных войн, плодит и поощряет к действию верноподданнический, скородеятельный урапатриотизм — давно известную охранительную стихию, желанную для любой, будь то царской, советской или неоконсервативной власти. Как результат, во время юбилейных празднований 200-летия Отечественной войны, на научно-исторических конференциях, наряду со значительным процентом панегирических статей и докладов, вновь прозвучали голоса поистине изоляционистской и мракобесной направленности. И за истекшие годы ситуация только ухудшилась.

Подобные ретроградные явления настораживают: чем, в конце концов, заканчиваются обман народного сознания, попытки направлять людей мифами, отделиваясь от них моральными поощрениями свысока и науськиванием на действительных и мнимых врагов, — истории хорошо известно. В долгосрочной перспективе так можно лишь влезть в силовые авантюры и дискредитировать высокий подвиг сынов народа в отечественных войнах, что, кстати говоря, и происходит. Задача объективного, без купюр, изложения истории отечественных войн и деятельности их главных персонажей, сегодня является задачей уменьшения деструктивной общественно-политической рефлексии; она актуальна как никогда.

Надо помнить, что лицемерная игра самодержавия на великих примерах имперского прошлого при неспособности возглавить модернизацию страны, не спасла его от краха в 1917 году. Экспедиция 1849 года в революционную Венгрию не принесла Николаю I ни внешнеполитических выгод, ни благодарности венгерского народа. Упоение прежними победами окончилось непропорционально большими потерями русско-турецких войн 1828–1829 и 1877–1878 гг., поражениями в Крымской войне 1853–1856, Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой, в которой Россия потерпела серию неудач, оказавшихся последними гвоздями в крышку гроба династии

Гольштейн-Готторп-Романовых. Равным образом, жертвенная победа народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. не хранила Советский Союз. Подобно царской подачке 1861 года (отмена крепостного права, давшая крестьянам вместо благополучия фиктивную свободу), роспуск Союза ССР с призывом «брать независимости столько, сколько можете», не осчастливил никого, кроме горстки нуворишей. Не усвоив уроков истории, мы становимся свидетелями новых ошибок и авантур, поразительно похожих на те, что имели место 100–200 лет ранее.

Возражая обвинениям со стороны оживившихся ортодоксов и консерваторов, готовых любого трезвого историка и критика записать в лагерь врагов России, надо особо оговорить, что всестороннее освещение биографии М. И. Кутузова и неразрывно связанных с его именем событий Отечественной войны 1812 года не предполагает отказа от «русскости» и славной российской истории. Вопрос стоит лишь об ее очищении от домыслов и прекращении спекуляций. История как движущая сила — величина векторная. Только достоверно зная какую-то точку позади, можно проложить вектор в искомом направлении вперед, а не куда-то вбок, под нескончаемый треск погрешек идеологических шаманов, заверяющих людей, что все идет правильно.

Неоспорим тот факт, что грандиозные отечественные войны были героическими вехами и страшными потрясениями для народа. Они создали современную русскую нацию, подняли чувство ее достоинства и общественные запросы, основанные на выстраданном чувстве справедливости. Насколько разумно мы распоряжаемся наследием этих войн — таково наше будущее и есть. Нельзя позволять народному и государственному сознанию ни беспамятства, ни порабощения одноклассниками взглядами вековой давности. Геополитические противники, в просторечии называемые врагами, были и будут всегда. Но жизнь народа и государства больше зависит не от них, а от адекватности собственных взглядов и теорий, владеющих умами. В конце концов, при каждой смене общественной власти, новые правители и военачальники рекрутируются из народной среды, сталкиваясь и пасуя перед тем фактом, что мечты стать новым Петром Великим или фельдмаршалом Кутузовым, питаемые без знаний, кем они реально были и как действовали, — обречены на провал.

Немаловажно и то, что панегирическая традиция, увенчивая лаврами царей и вождей, мало и неправдиво, часто неприязненно рас-

сказывает о целом ряде современников, выдающихся генералов, наряду с М. И. Кутузовым приведших русскую армию к победам. Не все они присутствовали на Бородинском поле и в ставке (в то время говорили — в квартире) русского главнокомандующего, но деятельность этих людей существенно сказалась на ходе войны. К примеру, все знают князя П. И. Багратиона, но мало кто — другого грузинского князя Л. М. Яшвиля (Иашвили), — выдающегося артиллериста и военачальника, чей вклад в победу над Наполеоном был не меньше, а, пожалуй, больше. Кое-как помнят сомнительных качеств и. о. военного министра А. И. Горчакова, но не на слуху его брат, герой Шевардина А. И. Горчаков 2-й. Канули в Лету за нерусскостью имени видных руководителей и теоретиков императорской армии образца 1812 года Ф. Ф. Довре, И. И. Дибича, К. И. Оппермана, Ф. В. Остен-Сакена, Е. Ф. Канкрин. За свои прогрессивные взгляды и неординарность оказались на отшибе истории чисто русские Н. М. Каменский 2-й, П. М. Волконский и А. П. Ермолов. Среди ярких генералов второго плана, затушеванных и даже ошельмованных, дабы не ослаблять блеск центральных ликов на патриотических иконах, можно назвать И. В. Сабанеева, Е. И. Чаплица, Е. И. Маркова, К. О. де Ламберта, Д. В. Голицына, В. С. Ланского. Этим умных, храбрых и похвально характеризующих современниками людей надо вернуть на принадлежащие им места в истории.

За последние четверть века историческая наука сделала шаг вперед в деле деидеологизации. Однако на Отечественной войне 1812 года до сих пор остаются громадные пятна не снятой царской и советской ретуши. Прежде всего требует независимого освещения и разъяснения фигура М. И. Кутузова как центральная военная и в то же время идеологическая фигура данного пласта истории. В какой-то степени, это, к сожалению, выглядит как развенчание, — большей частью не по вине самого полководца, являвшегося выдающимся человеком своего класса и времени, а его апологетов и ура-патриотов, за двести лет договорившихся и дописавшихся до множества несуразностей.

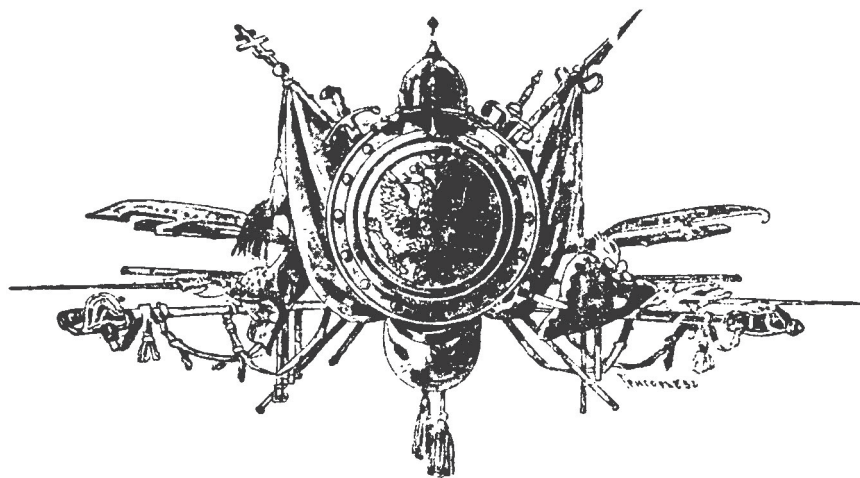
Насколько удалась предлагаемая работа — судить читателям. Вероятно, не все ее оценят, тем более, автор сознает, — в ряде моментов ему не удалось остаться беспристрастным. Кого-то отпугнет объем написанного. Уменьшить его нельзя, ибо оценить Кутузова как полководца не разобрав его войны — совершенно невозможно. Остается надеяться, что приведенные факты и свидетельства, поставленные в систему более 500 источников и свыше 3500 ссылок на них, заинте-

ресуют многих. Ссылки не надергивались произвольно. Каждый из цитируемых авторов был оценен по фактичности и добросовестности, и отработан от начала до конца. Исследование писалось с опорой на дореволюционные документы и литературу, чтобы привлечь как можно больше первоисточников и не следовать в их оценке политизированным мнениям из новейших эпох.

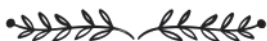
Поскольку мифотворчество давно породило ошибки при переиздании книг, ряд важнейших источников и цитат отслежен в сравнении по разным изданиям. Это касается воспоминаний А. П. Ермолова, в советском переиздании которых был обнаружен ряд расхождений с изданием 1863 года, и работ Д. В. Давыдова, неаккуратно используемых отдельными исследователями. Равным образом, оказалось необходимым изучить публикации разных лет Ф. В. Ростопчина и А. Ф. Ланжерона, которых российские и советские историки держали в персонах нон грата. И уж сама история велела, во избежание ошибок, сравнивать и брать по разным изданиям мемуары, письма и записки выдающихся русских генералов: М. Б. Баркляя де Толли, Л. Л. Беннигсена и других.

Любопытно наблюдать, как менялось с течением лет мнение русских историков: Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского, М. И. Богдановича, А. Н. Петрова, поначалу выказывавших больше критических рассуждений и наблюдений. Интересно видеть неполноту сборника документов и материалов М. И. Кутузова под редакцией Л. Г. Бескровного, проверяемого «Подробным журналом исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова Смоленского» под редакцией В. П. Никольского и другими источниками. Понятное дело, пригладились или вовсе исчезли из поля зрения оценки, факты и документы, противоречащие общепринятой историко-идеологической концепции.

При работе с монографией надо помнить, что полные наименования и выходные данные источников указаны в конечной библиографии, а в списках литературы к отдельным пунктам используются сокращения. В противном случае 46 отдельных списков загромождали бы исследование. Недостатком можно считать отсутствие иллюстраций и схем, но портреты вельмож и полководцев мало прибавили бы к смыслу, а литографии битв вообще далеки от действительности. Заинтересованный читатель может самостоятельно найти в сети схемы маневров и сражений, прикинув на них установленные детали и изменения.

Часть I

На закате эпохи,
накануне испытаний

1.1. НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО И СЛУЖЕБНОГО ПУТИ

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов был отпрыском одного из древнейших русских дворянских родов, сыном заслуженного генерал-поручика Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова (1717—1784). Его отец, в 1737 году закончивший дворянскую инженерную школу в Петербурге, зарекомендовал себя как крупный военный инженер, ведущий российский специалист в области строительства каналов и крепостного дела. Он был лично известен императрице Екатерине II, в 1771 году вышел в отставку и пожалован сенатором. В 1777 году (при открытии Псковского наместничества) И. М. Кутузов был избран первым предводителем дворянства Псковской губернии, являлся довольно состоятельным помещиком и одним из образованнейших людей своего времени: *«Он почитался весьма умным и сведущим человеком; почему и звали его, как говорят, «разумною книгою»* [1].

О личности матери будущего государственного деятеля и полководца до сих пор идут споры. Д. Н. Бантыш-Каменский считал ее *«из древней благородной фамилии российской Беклешовых»* [2]. Широко разошлось мнение, что ею была Анна Илларионовна Беклемишева, принадлежавшая к старинному, влиятельному в XVI веке и пришедшему в упадок дворянскому роду. Предположение для патриотической общественности тем более приятное, что одна из Беклемишевых была матерью князя Дмитрия Пожарского, освободителя Москвы от поляков в Смутное время. Однако, один из первых биографических источников — издание 1813 года, печатанное в типографии военного министерства (не путать с того же года изданием Синельникова), и архивные данные, опубликованные Л. Н. Макеенко, указывают, что матерью Михаила Кутузова была Анна Илларионовна Бедринская, 1728 года рождения, дочь псковского, опочецкого и гдовского помещика, отставного капитана Нарвского гарнизонного полка [3, 4]. Она умерла рано, имеются данные о том, что И. М. Голенищев-Кутузов был женат дважды, а Михаил воспитывался под наблюдением род-

ственницы отца [5, 6]. Беклешовы же были ошибочно причислены к родне фельдмаршала после широкого освещения церемонии встречи его гроба и похорон в 1813 году, в которых сенатор и Псковский экс-губернатор Н. А. Беклешов принимал участие наравне с кровными родственниками.

Нет единства и в определении даты рождения Михаила Илларионовича. Ранее считалось установленным, что он родился 5 (16) сентября 1745 года, и эта дата указана во введении к советскому сборнику документов и материалов М. И. Кутузова [7]. Но сборник содержит документы, исходя из которых временем рождения будущего полководца может быть определен как 1745, так и 1747 год [8]. По исследованиям Л. Н. Макеенко событие устанавливается на 5 (16) сентября 1747 года в связи с тем, что он был вторым ребенком в семье. Его старшая сестра Анна родилась 20 (31) августа 1746 года [9]. Местом рождения, скорее всего, была съемная квартира в Петербурге, так как И. М. Голенищев-Кутузов в это время занимался постройкой Кронштадтского канала и находился в постоянных разъездах через столицу; туда и прилечествовало весной 1747 года переехать его молодой жене с прислугой и грудным ребенком (Анной) на руках.

Помимо старшей сестры Анны (в замужестве Ушаковой, от которой пошла ветвь родственников фельдмаршала до 1917 года проживавших на Псковщине) Михаил Илларионович имел младшего брата Семена (1752) и сестру Дарью 1755 года рождения. Возможно, при родах Дарьи умерла их мать А. И. Голенищева-Кутузова-Бедринская, и девочка тоже получила увечье. Дарья Илларионовна жила вместе с отцом, в замужестве не была; по собранным Л. Н. Макеенко сведениям, она проявила себя хозяйственной помещицей, но никогда и никуда из села Матюшино, где проживала после смерти И. М. Голенищева-Кутузова, не отлучалась, что наводит на мысль о каком-то ее физическом недостатке. Умерла около 1823 года [10].

Семен Кутузов страдал тихим помешательством, и, несмотря на неустанную заботу о его судьбе со стороны отца, в чине майора оставил военную службу. Он надолго пережил своего знаменитого старшего брата, скончавшись в 1834 году в возрасте 82 лет. Как и Дарья, Семен был бездетен. Доступное свидетельство существования С. И. Кутузова дает письмо М. И. Кутузова от 10 марта 1804 года из архива Опочининых: *«Забыл тебе сказать, что я дорогою заезжал к брату Се. Лар. и, по несчастю, нашел его, кроме что тих, в прежнем состоянии; много очень говорил о трубе и просил меня от этого несча-*

ствия его избавить, и разсердился, когда я ему стал говорить, что этой трубы нету» [11].

19 (30) июля 1754 года Михаил был представлен на смотр в герольдмейстерскую контору: «*Титулярный советник Иван Матвеев сын Голенищев-Кутузов объявил к первому смотру племянника своего родного недоросля Михаила Ларионова, сына Голенищева-Кутузова и показал от роду ему седьмой год, грамоте российской словесному обучается*» [12]. Таким образом, датой рождения полководца все-таки надо считать 5 (16) сентября 1747 года, о чем косвенно свидетельствует и факт его отдачи отцом в 1759 году, после домашнего обучения, в Соединенную Артиллерийскую и Инженерную дворянскую школу в Петербурге, на артиллерийское отделение. По понятиям того времени, 14-летнего отрока отдавать в учение было поздновато, а в 12 лет — в самый раз. Добавочные два года, рано показавшиеся документально, могут объясняться разными причинами: от канцелярской ошибки до сознательной приписки возраста для получения места или чина (по происхождению и аттестациям соответствовал, а по возрасту — был мал, так как школьное обучение прошел быстро). К концу жизни Михаил Илларионович выглядел старше своего возраста, будучи сам не прочь преувеличить его. Эта традиция, в итоге, и закрепилась.

Во время учебы М. И. Кутузов отмечался «*за его особую прилежность и в языках и математике знание, а паче что... до инженера имеет склонность*», и был оставлен при школе «*к вспоможению офицерам для обучения прочих*» [13]. «*Продолжая еще курс наук, Кутузов в то время занимался преподаванием арифметики и геометрии*» [14]. Школу он окончил с отличным аттестатом, в котором указано: «*Науку артиллерийскую и инженерную знает, по французки и по немецки говорит и переводит весьма изрядно, по латыни автора понимает, а в гистории и географии хорошее начало имеет; состояния доброго и к перемене достоин*» [15]. Имея выраженные способности к иностранным языкам, впоследствии Михаил Илларионович овладел польским, шведским, английским, турецким и румынским. К подающему большие надежды ученику и выпускнику благосклонно относился полковник М. И. Мордвинов, помощник графа П. И. Шувалова по заведыванию Соединенной Артиллерийской и Инженерной дворянской школой [16].

Не был Михаил и хлипким мальчиком. Напротив, живость ума соединялась в нем с крепким сложением [17], а потому его первые шаги по службе были стремительными. В формулярах значится, что вступив на военную службу 10 октября 1759 года артиллерии капра-

лом, всего через десять дней он был произведен каптенармусом. Еще через два месяца с небольшим, 1 января 1760 года он пожалован в Инженерный корпус кондуктором. Через год, 28 февраля 1761 года (по другим данным, 1 января 1761 года), молодой человек получает чин инженер-прапорщика [18, 19]. Еще царские историки отмечали *«неточности относительно начала службы и учения кн. М. И. Голенищева-Кутузова»* [20], которые, по-видимому, объясняются тем, что отец добился одновременного зачисления Михаила и в школу, и на военную службу. В отличие от большинства кадет, он уже был военнослужащим, а скорое присвоение ему унтер-офицерского (фурьерского) ранга логично способствовало выполнению функций, какие определили юноше господа офицеры.

Эти успехи и аттестат — первое свидетельство противоречия, связанного с тем, что Михаил Кутузов как и Наполеон Бонапарт был сведущим артиллерийским офицером с хорошими волевыми и строевыми качествами. Но, в отличие от Наполеона, это не помогло ему артиллерию применять. Ряд сражений, данных Кутузовым, показывают его заботу о сохранении материальной части артиллерии, но не о том, чтобы она в достаточном количестве появилась на поле боя в нужном месте и в нужный момент. Заодно будущий генерал-фельдмаршал не имел искры творчества к хорошо усвоенному им инженерному делу, не распространяя своего интереса дальше типовой фортификации. Эти моменты, наряду с особенностями личности, возникшими после двух тяжелейших ранений, внесли определяющий вклад в подмеченный П. И. Багратионом у Михаила Илларионовича *«особенный талант драться неудачно, и войска хорошие ставить на оборонительном положении, по сему самому вселяя в них и робость»* [21].

Возникло такое противоречие, разумеется, не случайно, а по причине разного происхождения и эволюции двух полководцев, направлявшей их интересы в разные стороны приложения. Перед тем, как их столкнула на поле брани судьба, у Бонапарта не было в биографии ни элитного военного учебного заведения (вряд ли таким можно назвать Парижскую военную школу), ни многих лет придворной карьеры, в которую Кутузов в 1790-х ушел из действующей армии осознанно, почитая ее более вознаграждаемым делом. Наполеон никогда не изменял армии и артиллерии. На пушки опирался он при взятии Тулона в декабре 1793 года, пушками уничтожал роялистов на улицах Парижа осенью 1795-го. Подавление роялистского восстания против Директории выдвинуло его в дивизионные генералы [22], итальян-

ский поход 1796—1797 гг. сделал признанным полководцем, а вскоре последовали другие кампании. Кутузов также достиг чина генерал-поручика в действующей армии. Но на этом его стезя крупного военачальника прервалась переходом на дипломатическую и губернаторскую службу. В армию он вернулся после того, как вдали от сражений одолел еще несколько ступеней карьерной лестницы, сразу на уровень соперника Бонапарта. Поэтому закономерно, что их первое столкновение закончилось для одного триумфом, а для другого — катастрофой Аустерлица.

Зигзаги судьбы Кутузова становятся понятнее, если читать не Синельникова, а упомянутое биографическое издание военного министерства, где указывается, что *«отец его прилагал о образовании его неусыпное попечение»*, направляя Михаила на военное дело, в то время как мальчика больше привлекали науки дипломатические и политические. *«Сими науками занимался он не только в молодости, но и в прочее время жизни, и даже в старости своей посвящал им часы свободные, остающиеся от важнейших разнообразных дел по службе»* [23]. Природные наклонности и таланты Михаила Илларионовича увидела и задействовала одна только великая и мудрая Екатерина, а вот с Павлом и Александром Кутузову не повезло. Эти монархи воспринимали его только как военного администратора и боевого генерала. Желанное для него поприще закрылось, и он был вынужден прилагать огромные усилия, чтобы удержаться в заметных ролях при царском дворе.

В соответствии с врожденными наклонностями, до одних вещей юный Кутузов был жаден, а до других — ленив, что отмечали его биографы. Его особенностью было предпочтение учиться на слух. А. И. Михайловский-Данилевский передал от лица престарелого уже Михаила Илларионовича: *«Сам не любил писать, говоря, что он письму не мог никогда порядочно выучиться, хотя, впрочем, по всем частям сведения его были необыкновенные»* [24]. Надо полагать, такая привычка сыграла с князем Смоленским худую роль после его знаменитых ранений в голову. Когда зрение ослабело для чтения и письма, к которым и до того не имелось любви, для него закрылись источники военных знаний, а естественным занятием осталось общение и манипулирование людьми. Образцы почерка Кутузова, неровного, с многочисленными помарками, можно видеть в оцифрованном издании бумаг, собранных П. И. Щукиным [25].

Едва окончив Соединенную Артиллерийскую и Инженерную дворянскую школу, молодой Кутузов, имевший общительный и хо-

лерический темперамент, проявил свое стремление к столичной, придворной жизни. Оно, по-видимому, завладело юношей во время проживания в Петербурге у дяди — отставного поручика Ладожского пехотного полка, титулярного советника И. М. Голенищева-Кутузова, а потом вместе с отцом, в доме, купленном в 1759 году на Фурштатской улице [26]. Уже 1 марта 1761 года, на следующий день после того, как был издан приказ зачислить Михаила «*в действительную службу и из школы исключить*», он определяется флигель-адъютантом к Ревельскому военному губернатору, генерал-фельдмаршалу, принцу П. А. Гольштейн-Бекскому [27]. Так Кутузов начал свою карьеру на поприще, где, кроме знания иностранных языков, военных уставов и светских манер, прочие науки, преподанные ему в военной школе, были не нужны. Зато весной 1762 года, не будучи еще пятнадцати лет от роду, он получил чин капитана. Для сравнения, А. В. Суворов чин поручика получил после 14 лет службы, в возрасте 29 лет. Через капитанский чин в премьер-майоры он перепрыгнул спустя еще два года [28]. П. А. Румянцеву потребовалось 10 лет службы, чтобы одолеть тот же капитанский чин [29].

По рассказу Синельникова, в быстром служебном движении Михаил был обязан случаю с будущей императрицей Екатериной II, заметившей молодого, красивого офицера во время смотра столичных полков (или выпуска школы) в 1761 году. Тогда же Екатерина рекомендовала симпатичного прапорщика своему супругу Петру III, а тот своему ближайшему родственнику, — принцу Гольштейн-Бекскому [30]. В связи с новыми данными о возрасте Кутузова и упомянутой биографами его наружной красоте [31], эпизод кажется достоверным: Михаил выглядел и был воспитан как образцовый паж.

Имелся у Михаила Кутузова в Петербурге и другой высокий покровитель, — еще один его родственник Иван Логинович Голенищев-Кутузов, с 1762 года директор Морского корпуса, в последующем — Президент Адмиралтейской коллегии (должность, соответствующая 1-му классу государственной службы и чину генерал-фельдмаршала). Это был человек высоких качеств, получивший за свою службу и военно-педагогическую деятельность уважительное прозвище «отец всех русских моряков». Всю жизнь Михаил питал к нему благодарность, называя в письмах вторым отцом своим [32].

В августе 1762 года, после ликвидации штаба принца Гольштейн-Бекского, по решению Военной коллегии капитан Михайло Голенищев-Кутузов был направлен в распоряжение фельдмаршала К. Г. Раз-

умовского «для определения в полки здешней (петербургской) команды». Так он оказался в Астраханском пехотном полку, где в 1762—1763 гг., будучи молодым капитаном, командиром роты, семь месяцев прослужил под командованием А. В. Суворова. Тот успел дать свою первую, полковую служебную характеристику на Кутузова, вписанную в формулярный список офицера: «По усердной его службе к повышению чина быть достоин» [33]. Последующие 24 года полководцы не встречались, что ставит под сомнение распространенную сентенцию о Кутузове как непосредственном и лучшем ученике Суворова.

Первый опыт в действующей армии Кутузов получил в Польше, куда с весны 1764 до 1 марта 1765 года откомандировывался из полка волонтером для участия в борьбе с мятежниками, восставшими против короля Станислава Понятовского, поддержанного Россией. В составе отрядов под командованием князя Дашкова и подполковника Бока он участвовал в нескольких стычках с поляками, в том числе 28 июня (9 июля) 1764 года в бою с повстанцами Радзивилла под Варшавой [34, 35]. Но развития боевых навыков не последовало, — будучи образованным и исполнительным, в августе 1767 года Михаил вторично откомандировывается из полка, на этот раз для участия в работе Уложенной комиссии, созванной по повелению императрицы Екатерины II для подготовки нового свода законов. Согласно указу от 31 июля 1767 года, Кутузов назначался к исправлению письменных дел комиссии [36]. Как он выходил из положения, не любя и не умея безукоризненно писать, — Бог весть. Видимо, служба в столице это неудобство оправдывала.

По утверждению Синельникова, поручение в комиссию было следствием доброй памяти о Михаиле Кутузове со стороны Екатерины II. Во время путешествия императрицы в остзейские провинции в 1764 году она снова заметила офицера, и вела с ним разговор [37]. И вот царица еще раз вспомнила о молодом человеке. В деятельности Уложенной комиссии принимал участие его постоянный покровитель И. Л. Голенищев-Кутузов, который также мог напомнить императрице о родственнике.

В январе 1769 года, после окончания работы комиссии, М. И. Кутузов вернулся в полк, и в феврале вновь оказывается в мятежной Польше. Это могло быть как его собственной инициативой, так и требованием отца, считавшего, что без боевых заслуг сыну не сделать карьеры. На этот раз, будучи прикомандированным к корпусу генерала И. И. Веймарна, капитан Кутузов заметно для командования

проявляет себя в стычках и боях с отрядами Барской конфедерации при Орыне и Овруче. Последний, проведенный под командой генерал-майора Измайлова, стал первым для Михаила большим делом «с пушечною пальбою». В дальнейшем ему доверяют командование самостоятельным отрядом [38]. Молодой командир успешно действовал против польских фуражиров, а как-то раз вместе с майором Паткулем, напал врасплох на отряд конфедератов, захватив у них несколько пушек и немало пленных. Много лет спустя, в 1812 году в Тарутине, Михаил Илларионович так отозвался об этих действиях: «Мы жили очень весело, дрались с поляками, но войны я еще не понимал» [39].

С хорошей боевой аттестацией И. М. Кутузов считает возможным хлопотать о назначении сына в действующую армию П. А. Румянцева, ведущую русско-турецкую войну 1768—1774 гг. К знаменитому полководцу Михаил Кутузов прибыл в начале 1770 года в качестве третьего по старшинству офицера Смоленского пехотного полка. Начало его боевой карьеры, открывшейся после придворных экскурсов с голштинцем и в Уложенной комиссии, было вполне достойным. Кутузов был разумен, исполнительен, храбр, усердно служил и успешно дрался под более опытной и твердой рукой.

1. *Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол. СПб., 1813. С. 9.*

2. *Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 27.*

3. *Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол. СПб., 1813. С. 9.*

4. *Макеев Л. Н. Замеч. люди Опочецкого уезда: Голенищевы-Кутузовы и др. Опочка, 1997. С. 22.*

5. *Полевой Н. А. Рус. полководцы. СПб., 1845. С. 200.*

6. *Дроздовский А. В. Св. кн. М. И. Голенищев-Кутузов-Смол. // Тыс. восемьсот дв. год. СПб., 2012. Т. 1. Вып. 1—10. С. 356.*

7. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950—1956. Т. 1, введение. С. VIII.*

8. *Там же. Т. 1. Док. № 1. С. 2. Т. 5, доп. док. 1761—1812 гг. Док. № 1, 4. С. 590—591, 593.*

9. *Макеев Л. Н. Замеч. люди Опочецкого уезда: Голенищевы-Кутузовы и др. Опочка, 1997. С. 22—23.*

10. *Там же. С. 30.*

11. *Архив кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол., принадл. Ф. К. Опочинину. СПб., 1872. С. 44.*

12. *Макеев Л. Н. Замеч. люди Опочецкого уезда: Голенищевы-Кутузовы и др. Опочка, 1997. С. 23.*

13. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 2. С. 6.
14. Волховской К. Мат. для биогр. кн. М. И. Голенничева-Кутузова // Рус. Старина. 1912. № 9. С. 287–288.
15. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5, доп. док. 1761–1812 гг. Док. № 4. С. 593.
16. Рус. биогр. словарь (РБС). СПб., 1903. Т. 9. С. 628.
17. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 27.
18. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5, доп. док. 1761–1812 гг. Док. № 3. С. 593.
19. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 27.
20. Волховской К. Мат. для биогр. кн. М. И. Голенничева-Кутузова // Рус. Старина. 1912. № 9. С. 287.
21. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1904. Т. V. С. 74.
22. Левицкий Н. А. Полководческое иск-во Наполеона. М., 1938. С. 10–11, 13.
23. Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голенничева-Кутузова-Смол. СПб., 1813. С. 10–11.
24. Михайловский-Данилевский А. И. Журн. 1813 г. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. Журн. 1813 г. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>, 04.04.2018.
25. Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1897–1912. Ч. 9. С. 300–301; Ч. 10. С. 315.
26. Макеенко Л. Н. Замеч. люди Опочецкого уезда: Голенничевы-Кутузовы и др. Опочка, 1997. С. 25–26.
27. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5, доп. док. 1761–1812 гг. Док. № 5, 6. С. 594–595.
28. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 1. Док. № 2. С. 33.
29. Румянцев П. А. Сб. док. и мат. М., 1953–1959. Т. 1. С. 2.
30. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 27–28.
31. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 27.
32. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенничев-Кутузов Смол. С. 2–3.
33. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5, доп. док. 1761–1812 гг. Док. № 7, 8. С. 595, 597.
34. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 629.
35. Полевой Н. А. Рус. полководцы. СПб., 1845. С. 201.
36. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5, доп. док. 1761–1812 гг. Док. № 9, 10. С. 598–599.
37. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 28.
38. Там же. С. 30–32.
39. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 629.

1.2. ОТ КАПИТАНА ДО ГЕНЕРАЛА

Рядом с отцом, будучи офицером квартирмейстерской части, Михаил Илларионович хорошо проявляет себя в стычке у села Цецоры 10 (21) июня и битве при Рябой Могиле 17 (28) июня 1770 года. Там он, судя по реляции Румянцева государыне императрице Екатерине, находился при строительстве и в охране понтонной переправы: *«Генерал-квартирмистр Боур... отдает справедливость за усердие к службе... капитанам Кнорингу, Кутузову, Гандвиху и Бергу»* [1]. Затем молодой офицер зарабатывает себе репутацию в сражениях при Ларге и Кагуле. У Ларги, где Михаил ворвался с батальоном гренадер в турецкий лагерь [2], его действия были названы подвигом, и Кутузов награждается производством в *«обер-квартирмистры премьер-майорского ранга»* [3].

По данным П. А. Гейсмана: *«5 июля он был послан Бауром с двумя ротами легких войск на помощь подполковникам Анжели и Елчанинову, причем «показал и здесь удивительную храбрость, стояв долго и неподвижно сомкнутым фронтом против сильного огня неприятельского, и отбивался... одною непрерывною пальбою, а при наступлении неприятельских наездников устремлялся на них сам со своею командою и всегда отгонял их от фронта; 7 июля, командуя батальоном гренадер, он содействовал овладению турецким лагерем и поддержанию при этом полного порядка. В сражении при Кагуле 21 июля Кутузов действовал в составе авангарда правого крыла, а затем, вместе с Бауром, вел преследование неприятеля до Исакчи, близ которой потопил несколько судов»* [4]. По занятии корпусом Н. В. Репнина слабо укрепленного в те годы Измаила, М. И. Кутузов был направлен туда вместе с артиллерийским генералом К. К. Унгерном для обозрения с целью возможного укрепления и вооружения этого пункта.

Все же, в реляциях Румянцева в адрес Екатерины II особо отмечается не Михаил, а его однофамилец — капитан Астраханского пехотного полка Петр Кутузов, разбивший татарскую партию у Бершади, и павший в сражении при Кагуле, упоминаемый в описании этого сражения наряду с генералом И. М. Кутузовым [5]. Биографическая статья Гейсмана о М. И. Кутузове, опубликованная в Русском биографическом словаре, содержит указание на недовольство молодого офицера таким положением вещей: *«Награды выпали главным образом на барона фон Берга, который был произведен из «секретарей поручичьего ранга» прямо в премьер-майоры. Этим были обижены все секунд-*

майоры, а более других Кутузов, ибо хотя он и был произведен в майоры, для него не оказывалось места в генеральном штабе» [6]. Того же мнения был Н. П. Глиноецкий, связывая «несносно обидное» возвышение Берга с «разладом в генеральном штабе между русскою и немецкою партиями» [7]. Вероятно, отсюда начался ропот Михаила Илларионовича, который через полтора года приведет его к опале со стороны Румянцева.

В октябре 1770 года «*обер-квартирмейстер Михаила Голенищев-Кутузов, за неимением в генеральном штабе того чина порозжей вакансии, и по собственной его просьбе переименован в премьер-майоры и определен в Смоленский пехотный полк*» [8] из состава 1-й армии П. А. Румянцева. В следующем 1771 году он уже служит в Старооскольском полку, согласно расписанию полков действующем в составе 2-й русской армии П. И. Панина [9, 10]. Это служебное перемещение, вероятно, было связано с длительной (с апреля 1771 года) командировкой от Румянцева к Панину его бывшего начальника — генерал-квартирмейстера Ф. В. Боура (Бауэра), который, в конечном счете, принял под свое командование один из корпусов армии Панина. После отъезда Боура в Петербург Кутузов служит у его преемника, генерал-майора П. А. Текели [11].

Поэтому не ясно, каким образом и в каком качестве М. И. Кутузов мог участвовать в кровопролитном, но успешном штурме Бендер, произведенном Паниным в сентябре 1770 года. Ф. М. Синельников и А. И. Михайловский-Данилевский об этом не упоминают. Заблуждаются и последующие историки, заканчивая Н. А. Троицким, посчитавшим, будто Михаил Илларионович получил чин премьер-майора в награду за участие в штурме. Награждения по этому поводу не было. Теоретически, Кутузов мог находиться в составе подкреплений Панину, направленных по его просьбе Румянцевым для участия в штурме Бендерской крепости, но командующий 2-й армией их не дождался, поскольку не хотел рисковать миной, закладка которой под крепость была уже завершена [12].

Это означает, что участие или, скорее, присутствие Кутузова при штурме Бендер могло иметь место только в ходе одной из квартирмейстерских командировок во главе с Боуром. Инженерные специалисты могли быть посланы к осажденной крепости раньше, чем подкрепляющий отряд. Для такой возможности находится подтверждение в письмах Панина с осады Бендер, из которых следует, что 28 августа 1770 года при нем находился Боур, присланный Румян-

цевым для *«рассуждения настоящего и будущего положения»*. О лицах, сопровождавших Боура, известно, что среди них был *«волонтер, прусской службы инженерный майор г. Гас, офицер весьма известного искусства... в инженерной и артиллерийской науке»*. Мог быть среди них и Кутузов в качестве переводчика, поскольку необходимость перевода документов с русского на немецкий язык для их обсуждения с Боуром отчетливо упоминается Паниным [13].

По сведениям Гейсмана: *«Когда минные подступы приближались к концу, и когда граф Панин намеревался сделать попытку ворваться в крепость, Кутузов был в числе офицеров, вызвавшихся командовать частями назначенных для сего войск, и был в числе тех, кому главнокомандующий доверил командование»* [14], в дальнейшем же что-то «не срослось». Видимо, приказание изменилось.

В кампании 1771 года Михаил Илларионович отлично зарекомендовал себя в бою 20 (31) октября при Попештах (близ Бухареста), состоявшемся между отрядом генерал-поручика Х. фон Эссена и 40-тыс. турецко-болгарско-боснийским войском, где, по реляции командования, он *«напршивался на все опасные случаи»* [15]. Сущность действий Кутузова в этой битве можно представить по общему характеру действий отряда П. А. Текели. Он совершал обходное движение, отразил обнаруживших его турок, и произвел атаку с тыла, которая *«окончательно рассеяла турецкую конницу и пехоту по кустам, по которым Текели преследовал противника на расстоянии 8 верст»* [16]. Битва при Попештах была недооценена Румянцевым, оказавшись в тени побед при Тулче и Мачине [17]. Награждение Кутузова производством в подполковники состоялось по рекомендации Текели и представлению генерал-майора О. А. Вейсмана, а не самого генерал-фельдмаршала, как то ошибочно указывает Синельников, и следом за ним — прочие историки, на него ссылающиеся [18]. Задержка наград и очередное невнимание главнокомандующего могли обострить язык молодого человека.

Хотя боевой список Кутузова оказывается не таким внушительным, как то представляют апологеты, он хорош. Виден безупречно храбрый офицер, что было в духе воспитания и обычаев дворянской среды времен наивысшего прогресса самодержавия. Призванное на службу Петром I для решения исполинских по сравнению с «тишайшим» XVII в. задач, не стесняемое косной боярской олигархией, русское дворянство выдвинуло плеяду поистине выдающихся деятелей омолодившейся страны. Однако во второй половине XVIII столетия

возвращаются боярские замашки. Царские фавориты и полководцы вместо петровской деловитости обрастают сановной нетерпимостью и спесью. Офицеру 1770-х следовало это учитывать, но Михаил пренебрег осторожностью и «договорился». В 1772 году его переводят в Крымскую армию князя В. М. Долгорукова. По данным Михайловского-Данилевского и Гейсмана, Кутузов изгнан Румянцевым за педразнивание главнокомандующего на дружеской пирушке. Кто-то донес об этом, и фельдмаршал разгневался. Наблюдения современников подтверждают возможность происшествия. А. Ф. Ланжерон, признавая достоинства Румянцева: *«Без всякого сомнения, самый блестящий из русских генералов»*, дал знаменитому полководцу такую человеческую характеристику: *«Мало чувствительный как сын и отец, недостаточно ревностный гражданин, опасный подчиненный и еще более опасный начальник»* [19]. С этого времени Кутузов стал очень сдержанным, в его характере развились скрытность и недоверчивость. Правилом Михаила Илларионовича стало: *«Лучше быть излишне осторожным, нежели слишком оплошным, и допустить обмануть себя кому-нибудь»* [20, 21, 22].

Вообще-то Суворов терпел подобные превратности неоднократно, в том числе от того же Румянцева, который был крайне вспыльчив и не умел дослушивать объяснения до конца. Черствый и деспотический характер фельдмаршала тоже заставлял его просить о переводе. О чинимых Румянцевым сценах некоторое представление дает адресованная П. И. Турчанинову суворовская фраза: *«Я и вчера, милостивый государь мой! Чуть не умер»* [23]. Но при этом Суворов остался самим собой. Если опала сыграла видную роль в Кутузове, это ведет к мнению, что гладкая карьера для Михаила Илларионовича значила больше, чем для Александра Васильевича. Мог сыграть свою роль и жестокий выговор от отца, который наверняка последовал за неудачной выходкой.

Глубину сего происшествия с Михаилом Кутузовым оценить трудно, ибо оно затерлось до анекдотического предания. Михайловский-Данилевский ошибается, утверждая, что конфуз случился после перевода Кутузова в Тульский пехотный полк, поскольку этот полк был сформирован позднее, в 1775 году. Он же указывает, что получив чин подполковника, Кутузов был переведен из отряда Текели *«в находившийся в армии Румянцева Московский легион»* [24]. Такие переводы были обычным делом при отсутствии вакансий в старом полку. Но (и это большое «но») Московский легион — легкое конно-егер-

ское соединение, сформированное в конце 1769 года и включавшее в свой состав казаков, по документам не обнаруживается в 1772–1773 гг. ни в армии Румянцева, ни в армии Долгорукова. Он действовал на Кубани, в составе отряда генерал-майора Медема. По расформировании в 1775 году легион был обращен на составление Днепровского и Тульского пехотных, Кинбурнского драгунского и Белорусского гусарского полков, а казачья команда присоединена к Моздокскому казачьему полку, основав станицу Наурскую [25, 26]. Неоднократно переформировывавшийся и состоящий из разнородных частей Московский легион появляется в составе 2-й, Крымской армии Долгорукова по расписанию на кампанию 1774 года. В это время он был укомплектован в основном донскими и малороссийскими казаками, небольшую часть составляли легкие команды и егеря [27].

В «Истории 72-го пехотного Тульского полка», изданной в Варшаве штабс-капитаном Ф. Д. Соседко, посетовавшим в предисловии на недостаток материалов, кавказский период деятельности Московского легиона отсутствует, но говорится, что после формирования, весной и летом 1770 года, соединение находилось в Симбирске. Следуя оттуда на юг легионеры прибыли в Крымскую армию князя Долгорукого, где приняли участие в штурме Перекопской линии, а затем Кафы (Феодосии) в июне 1771 года, *«потеряв в этих делах 14 человек убитыми и 71 ранеными»*. Потом 2-й и 3-й батальоны легиона оставили Крым и до весны 1774 года были расположены в Таганроге [28]. Как раз одним из этих батальонов летом того же 1774 года командовал подполковник Михаил Голенищев-Кутузов [29]. Получается, что части Московского легиона, следуя из Симбирска на Кубань, временно привлекались для усиления армии Долгорукова в ее операциях по захвату Крыма, после чего отправились по назначению, и гренадерские батальоны были поставлены в резерв Кубанской оборонительной линии, где и находились, пока вновь не возникла необходимость увеличить численность войск в Крыму.

Итак, в момент опалы Кутузова путь легиона лежал на Кавказ. Это объясняет биографический провал 1772–1773 гг. и говорит о том, что Михаил был удален Румянцевым в соединение не престижное, с перспективой попасть «куда Макар телят не гонял». Это заставило молодого офицера с трудом удерживаться ближе к свету, во вспомогательных частях Крымской армии. Теперь можно поверить — такая суровая опала должна была оставить в характере и поведении Михаила Илларионовича поистине неизгладимый след.

Отсюда проистекает эпизод личной причастности Михаила Иларионовича к украинскому казачеству. В январе 1773 года он зачисляется в состав Запорожского казачьего войска: «*В товарищи в курень Ирклеевский, — его высокоблагородие г. подполковник Михаил Кутузов*» [30], как подобает офицеру соединения, на 6/7 сформированного из казаков, желающему не уходить на Кавказ, а действовать в Нижнем Приднепровье. Отряды и пикеты Запорожских казаков обычно выставлялись при устьях рек, впадающих в Днепр, для обеспечения переправ и сплава припасов. Легкие войска производили разъезды от Днепра вплоть до Азовского моря и Таганрога, где был главный магазин (база снабжения). Оттуда припасы на судах подвозились в Петровское укрепление (Бердянск) и далее для войск, стоящих у Перекопа [31]. Таков был теперь театр действий Кутузова, — ни грома больших сражений, ни блеска главной квартиры.

С 6 ноября 1773 года по 22 апреля 1774 года Михаил Кутузов состоял «*в отдельном detachmentе под начальством генерал-майора Кохиуса, при Днепре в урочище Олешках против Кинбурна*» [32]. Современные Алешки находятся между Херсоном и Цюрупинском, на широте Кинбурна, а неподалеку существует пункт под названием Казачьи Лагери. Отселе Кутузов отряжался «*для осмотра местоположений*». Добытые им сведения позволили принять эффективные меры против крымчаков, пытавшихся устраивать нападения и диверсии на русские войска [33]. В зоне ответственности отряда происходили лишь мелкие стычки.

Затем, по переброске частей Московского легиона в Крым, М. И. Кутузов оказывается в отряде генерал-поручика В. П. Мусина-Пушкина, действующем в южной части полуострова. 24 июля (4 августа) 1774 года, командуя гренадерским батальоном Московского легиона при отражении турецкого десанта близ Алушты, Кутузов личным примером повел в бой состоявший из молодых солдат батальон. «*Впереди войск со знаменем в руке, ворвался в неприятельский стан*», и получил первую из двух своих страшных ран в голову, смертельную по медицинским канонам того времени; «*в левый висок пулею, которая вылетела близ правого глаза*» [34, 35]. Это было одно из последних сражений так называемой 1-й (в царствование Екатерины II) русско-турецкой войны, завершившейся в том же месяце июле 1774 года Кучук-Кайнарджийским мирным договором. Некоторые биографы не уловили момент переброски войск, и вслед за Бантыш-Каменским принялись помещать этот бой на Перекоп [36].

Не надо, однако, думать, что Михаил Илларионович совершал свой подвиг в одиночку, и не было рядом ни одного офицера на то же способного. В атаке на турок под деревней Шумы участвовали 2-й и 3-й батальоны Московского легиона. Другим батальоном командовал оставшийся безвестным подполковник Фон-Руден. Точно как и Кутузов, возглавляя и направляя своих солдат, он был при этом убит. Погибли также подпоручик Шавельский и 57 нижних чинов. Ранены — подполковник Кутузов и 96 нижних чинов [37]. Целый год молодой офицер лечился от ранения, а затем испросил годичный отпуск для завершения лечения за границей. В это время он оказывается зачисленным из расформированного Московского легиона в новый Тульский пехотный полк, согласно приказу генерал-аншефа Г. А. Потемкина от 3 октября 1775 года [38].

По аттестации, данной Кутузову генерал-аншефом князем В. М. Долгоруковым при представлении офицеров к награждению за отличия во время русско-турецкой войны: *«Голенищев-Кутузов... отличал себя пред прочими ревностным и прилежным исполнением всего ему поручаемого, а сверх того и приведением вверенного ему гренадерского батальона в наилучшую исправность и познание службы; приобретши ж такую похвалу порядочною службою своею, несравненно большую заслужил он мужеством своим и храбростью, оказанною, особливо, во время атаки войск турецких, сделавших в последнюю кампанию десант на Крымские берега при Алуште»* [39].

Жестокая рана, благодаря полученной от нее известности, стала чрезвычайной ценой, заплаченной молодым Кутузовым за попадание его храбрости и усердия в передовицы реляций, за выход на свет из опалы. По возвращении в Петербург в 1775 году Михаил Илларионович был удостоен царской аудиенции. Милостью императрицы ему был пожалован орден Св. Георгия 4 класса, дан отпуск без вычета жалованья, и щедро выделены казенные деньги для завершения лечения за рубежом. *«Если в России его выздоровление считалось чуть ли не чудом, то и за границу оно вызвало удивление и медиками было написано несколько статей о столь опасной ране и ее «чудесном» заживлении»*. Кутузов был слишком умен, чтобы упустить кунсткамерную славу, и попал в Берлине на прием к Фридриху Великому, *«который принял его весьма ласково»*, познакомился в Вене с австрийскими военачальниками Ласси и Лаудоном. *«Таким образом, первая турецкая война хотя едва не свела Кутузова в могилу, но зато сделала его имя известным не только военному, но отчасти и ученому миру»* [40, 41, 42].

По возвращению из-за границы в 1776 году Кутузов вновь был ласково принят Екатериной и определен на юг. Он продолжил службу в Тульском пехотном полку, но о деятельности его нет никаких сведений, а как штаб-офицер он *«в должности звания своего прилежен; от службы не отбывает; подкомандных своих содержит и военной экзерциции обучает добропорядочно и к сему тщание имеет; лености ради больным не рапортуется и во всем ведет себя так, как исправным офицерам надлежит и как по чину своему опрятен, так и никаких непорядков не происходит и также пороков, кои в указе Государственной военной коллегии 1756 году января 29 числа написаны, не имеет для чего по усердной его службе к повышению достоин»* [43]. Затем, в ряду других офицеров Кутузов переводится на службу в гусарские и пикинерные полки, а вскоре производится в полковники. 10 июля 1777 года он становится командиром Луганского пикинерного полка. Командуя полком, Михаил Илларионович не забывал обновлять свое присутствие в Петербурге. В 1778 году он пробыл в командировке в столицу почти полгода, — с 10 марта по 1 сентября [44].

К этому периоду панегирическая традиция в лице Бантыш-Каменского и Михайловского-Данилевского относит возобновление совместной службы Кутузова с Суворовым, представляя его в роли спутника и помощника великого полководца. Истины в этом нет. Писавший тридцатью годами ранее Синельников излагает тот же материал одним абзацем под заголовком: *«Кутузов в команде у Суворова в Крыму»*. Из него следует, что во время кризиса 1776–1777 гг., когда Суворов имел главное начальство над Крымской армией, подполковник Кутузов был по его представлению пожалован в полковники, с повелением находиться в Мариупольском полку (опять ошибка, — Мариупольского конного полка еще не существовало, был Луганский) [45]. Точно так же О. А. Вейсман, не будучи непосредственным начальником Кутузова, представил его к производству в подполковники. Еще короче, единственным упоминанием Суворова в 1782 году, обходится биография Михаила Илларионовича, изданная военным министерством [46]. Не сближает двух полководцев Е. Б. Фукс, а он-то состоял правителем дел при Александре Васильевиче, и в 1812 году возглавлял военную канцелярию Кутузова. У Фукса можно найти эпизоды общения и отзывы Суворова о принце Кобургском, Николае Каменском, Багратионе, Милорадовиче, но не Кутузове [47, 48]. Никакой переписки не обнаруживают собрания документов, изданные в советское время, когда к этому вопросу подходили со всем

тщанием. С таким же и большим успехом можно приближать Кутузова к А. А. Прозоровскому, временно передавшему Суворову командование Крымским корпусом.

Крымский кризис 1776—1777 гг., вызванный борьбой за власть ставленника Турции Девлет-Гирея и России — Шагин-Гирея, был непродолжительным, обойдясь несколькими разбойничьими налетами, без открытия военных действий. Непосредственное командование войсками Суворов принял в январе 1777 года, и уже 1 июня того же года он просит Потемкина о переводе из Крыма, командовать любым другим действующим корпусом [49]. Вскоре Суворов отбыл главнокомандующим на Кубанскую линию. Русские войска находились в Крыму до 1779 года, когда ситуация на полуострове успокоилась. Но в 1782 году там вновь начались волнения. Покровительствуемый Россией хан был низложен. Было признано необходимым вновь занять Крым войсками для восстановления порядка. Выбор Потемкина и Суворова пал на генерал-майора А. Б. де Бальмена, под началом которого находился полковник Кутузов. Восстание было подавлено, свергнутый хан снова возведен на престол. За эти успешные действия Михаил Илларионович 28 июня 1782 года был произведен в бригадиры [50].

В 1783 году, в связи с реформированием шести пикинерных полков в три легкоконных, бригадир Кутузов, помимо своего Луганского, принял в командование Полтавский пикинерный полк, руководя их соединением в Мариупольский легкоконный полк. В том же году хан отрекся от престола, передав свои владения России. По татарским кочевьям прокатились ропот и восстания. Суворов умирал их на Кубани, а Кутузов с мая по сентябрь находился в Крыму. Недовольство татар было подавлено. По значимости события — уничтожена многовековая угроза русскому государству, — последовали награждения. Михаил Илларионович 24 ноября 1784 года был произведен в генерал-майоры. В этот год, испросив в сентябре двухмесячный отпуск по смерти отца, он, вероятно, не упустил в его память и по случаю присоединения Крыма хлопотать в Петербурге [51].

В 1785 году Кутузов назначается командиром Бугского егерского корпуса, формирующегося из разнородных частей, предназначённых усилить бугский участок границы России. Здесь ему предстояло в более крупных масштабах заниматься знакомым по Московскому легиону делом — созданием егерских и гренадерских батальонов, приведением иррегулярного корпуса к виду и качеству полноценного

боевого соединения русской армии [52]. Командование не ошиблось: сколачивание вверенных ему подразделений, наведение в них порядка и дисциплины Михаил Илларионович производил с неизменным успехом. Похвал в этом отношении удостаивались его гренадерский батальон Московского легиона и Луганский пикинерный полк. Благодаря этому умению и тяжелому военному счастью Кутузов опережает в чинах своих одногодков.

Ко времени обучения Бугского корпуса относятся единственный печатный труд М. И. Кутузова: *«Примечание о пехотной службе вообще и о егерской особенно»* и несколько ордеров по корпусу, которые с натяжкой можно назвать военно-теоретическими документами [53, 54]. Они были изданы в контексте реформ, инициированных Г. А. Потемкиным, являя собой образцы схоластического и дисциплинарного подхода к новым веяниям свыше. Кутузов не проникся идеей егерей как нового рода войск, он требует от них быть все той же, пусть элитной, но линейной пехотой. Казаки у него остаются иррегулярной конницей сопровождения пехоты, в то время как Потемкин мечтал о создании регулярной легкой конницы по опыту пикинерных полков, о скорейшем формировании конных егерских команд наряду с пешими. В его представлении они снабжаются удобным оружием и легкой артиллерией, составляя просто и добротное оснащенное, хорошо обученное войско превосходных качеств подвижности. Потемкинские идеи будут в полной мере восприняты лишь тридцать лет спустя. К *«Примечанию»* мы еще вернемся, а пока отметим, что такая постановка Кутузовым акцентов и задач помогала его солдатам если не воевать, то упорядоченно и красиво маршировать.

Важными вехами для Михаила Илларионовича стали апрельский 1787 года смотр войск перед императрицей Екатериной II в Кременчуге, где части нового корпуса показали похвальную выучку, и июльские маневры под Полтавой, воссоздававшие ход знаменитой Полтавской баталии. После маневров императрица милостиво сообщила Кутузову: *«Отселе вы у меня считается между лучшими людьми и в числе отличнейших генералов»* [55]. По версии, пересказанной Михайловским-Данилевским: *«Заметь, что Кутузов ездил во время маневров на горячей лошади, императрица с улыбкой сказала ему: «Вы должны беречь себя. Запрещаю вам ездить на бешеных лошадях, и никогда не прощу, если услышу, что вы не исполняете моего приказанья»* [56].

Впоследствии Кутузов многократно подтвердил свое умение ставить смотры, парады и маневры, двигавшие его карьеру. Умение по-

лезное, чтобы не терпеть «ран при дворе», о каких сетовал Суворов. Но такое продвижение означало, что в полковничьем, бригадирском и генерал-майорском чинах, участвуя лишь в полицейских операциях и маневрах, он не получил такого же обширного, как Суворов, боевого опыта. Пока это была отнюдь не вина этого храбреца, а переменчивая военная судьба. Своего боевого задора после страшной раны Кутузов не утратил, хотя у него остались легкое косоглазие и постоянные боли.

1. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 3. С. 10.
2. Полевой Н. А. Рус. полководцы. СПб., 1845. С. 201.
3. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Док. № 4. С. 11.
4. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 629–630.
5. Румянцев П. А. Сб. док. и мат. М., 1953–1959. Т. 2. Док. № 118, 155, 158. С. 230, 337, 344.
6. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 630.
7. Глиноецкий Н. П. Рус. Ген. штаб в царств. имп. Екатерины II // Воен. сб. 1872. № 1–2. Отд. I. С. 38, 51–52.
8. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 5. С. 11.
9. Румянцев П. А. Сб. док. и мат. М., 1953–1959. Т. 2. Док. № 106. С. 203, 206.
10. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 6. С. 12.
11. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 38.
12. Петров А. Н. Война Рос. с Тури, и польск. конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 3. С. 329–330.
13. Панин П. И. Письма // Рус. Архив. 1888. № 11. С. 344, 346.
14. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 630.
15. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 39.
16. Петров А. Н. Война Рос. с Тури, и польск. конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 3. С. 151, 153.
17. Румянцев П. А. Сб. док. и мат. М., 1953–1959. Т. 2. Док. № 246. С. 486–487.
18. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 6. С. 12.
19. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 3. С. 153–154.
20. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голицев-Кутузов Смол. С. 4.
21. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 30.
22. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 630.
23. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 92. С. 115–117.
24. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голицев-Кутузов Смол. С. 3–4.

25. Гизетти А. Л. *Хроника Кавказских войск. Тифлис, 1896. С. 8.*
26. Грабовский С. В. *Историч. хроника полков 37-й пех. див. СПб., 1883. С. 20–21.*
27. Румянцев П. А. *Сб. док. и мат. М., 1953–1959. Т. 2. Док. № 352. С. 704–705.*
28. Соседко Ф. Д. *Истор. 72-го пех. Тульского полка. Варшава, 1901. С. 3.*
29. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5, доп. док. Док. № 13. С. 601.*
30. *Там же. Док. № 12. С. 601.*
31. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. и польск. конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 3. С. 175–177.*
32. *Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол. СПб., 1813. С. 17.*
33. Синельников Ф. М. *Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 40.*
34. *РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 630–631.*
35. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 7. С. 13–14.*
36. Бантыш-Каменский Д. Н. *Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 31.*
37. Соседко Ф. Д. *Истор. 72-го пех. Тульского полка. Варшава, 1901. С. 3.*
38. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 8. С. 14–15.*
39. *Там же. Прил. к док. № 9. С. 17.*
40. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 5.*
41. Бантыш-Каменский Д. Н. *Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 31.*
42. *РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 631.*
43. Соседко Ф. Д. *Истор. 72-го пех. Тульского полка, Варшава. 1901. С. 10.*
44. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 10–14. С. 18–21.*
45. Синельников Ф. М. *Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 42–43.*
46. *Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол. СПб., 1813. С. 18.*
47. Фукс Е. Б. *Истор. генералиссимуса, кн. Итальянского, гр. Суворова-Рымникского. М., 1811.*
48. Фукс Е. Б. *Анекдоты кн. Итальянского, гр. Суворова-Рымникского. СПб., 1900.*
49. Суворов А. В. *Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 3, 8. С. 4, 13.*
50. *РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 631–632.*
51. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 21 и прим. к нему, № 23, 24. С. 24–26.*
52. *Там же. Т. 1. Док. № 31. С. 29.*
53. Кутузов М. И. *Прим. о пех. службе вообще и егерской особенно. М., 1955.*
54. Дубровин Н. Ф. А. В. *Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. СПб., 1886. С. 125–128.*

55. *Анекдоты или достопамят. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенщеве-Кутузове-Смол. СПб., 1814. Ч. 1. С. 51–52.*

56. *Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенщев-Кутузов Смол. С. 5–6.*

1.3. КИНБУРН И ОЧАКОВ

В августе 1787 года началась очередная война с Турцией. Генерал-поручик Ю. В. Долгоруков по приказанию главнокомандующего русскими войсками генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина отправил для усиления обороны устья Буга и приморского Очаково-Кинбурнского района отряд из трех егерских батальонов и двух легкоконных полков во главе с генерал-майором М. И. Кутузовым [1]. Вероятно, это были лучшие подразделения Бугского корпуса, иррегулярные части которого остались в охранении границы севернее. Отряд был включен в состав 1-й дивизии Екатеринославской армии [2].

Вопреки бытующему мнению Кутузов не участвовал в знаменитом Кинбурнском сражении, произошедшем 1 (12) октября 1787 года южнее Очакова, на Кинбурнской косе. В рапорте генерал-аншефа Суворова в адрес главнокомандующего Потемкина от 29 сентября (10 октября) 1787 года указано: «Генерал-майор Кутузов меня рапортует, что он с тремя батальонами Бугского корпуса обретается при устье Буга неподалеку... Кисляковки и усмотрел, что на противном берегу стал турецкий пикет... я ему напоминаю о предосторожностях вверх Буга» [3]. То же следует из донесений самого Михаила Илларионовича, которые Суворов переправлял Потемкину [4]. Отряд Кутузова продолжал прикрывать Бугскую границу до начала июля 1788 года, пока Потемкин не притянул его к главным силам, начинающим осаду Очакова. Там Михаил Илларионович второй раз, и первый раз в боевой обстановке, близко встретился с Суворовым.

Весьма любопытно, что на этом эпизоде совместной боевой деятельности двух культовых полководцев у историков и биографов князя Смоленского зияет купюра. Они либо утверждают, что Кутузов был ранен в самом начале осады Очакова «одним из первых выстрелов» [5, 6], что полностью избавляет от необходимости освещать его отношения с Суворовым; либо, как это сделано Гейсманом в Русском биографическом словаре и Бескровным в советском сборнике документов и материалов, обходят молчанием события с 5 (16) июля по

18 (29) августа 1788 года, что позволяет читателям предполагать, будто «ученик и сподвижник» в это время еще не прибыл к осаде.

Неверно как одно, так и другое. Из рапорта Александра Васильевича главнокомандующему Потемкину от 17 (28) июля видно, что бугские егерские батальоны к нему уже прибыли [7]. Сам Кутузов еще 5 июля рапортовал, что переправляется через Буг, и надеется утром 6-го числа выступить к Очакову [8]. Ему предписывалось усилить передовой отряд П. С. Потемкина, занявший в предместьях Очакова окрестности балки Метель, важной для обеспечения осадных войск водой. Вскоре у Метели сконцентрировался весь корпус Суворова [9]. К 20 июля, с прибытием от Кинбурнской стороны еще четырех гренадерских батальонов (2,5 тыс. чел.), крепость была полностью блокирована [10].

Дело, возможно, в том, что 27 июля (7 августа) 1788 года, с участием бугских казаков, командование которыми было поручено Кутузову [11, 12], под Очаковым произошел неприятный тактический эпизод, стоивший Суворову серьезной размолвки с Потемкиным. У победы тысяча отцов, но поражение и опала всегда сироты. Никто не захотел приблизить Михаила Илларионовича к Александру Васильевичу в этом бою, хотя он должен был участвовать в нем бок о бок с Суворовым, командуя своими людьми. Где в это время находился Кутузов — неясно. Можно предположить случайно отсутствовал (в те времена офицеры и генералы часто навлекали на себя громы и молнии по этой причине) или не так проявил себя, и лишь опала Суворова избавила от разбирательства его самого.

В тот день турки, раздраженные постройкой правофлангового осадного редута, произвели вылазку из крепости отрядом из 500 пехотинцев и 50 всадников, атаковавших со стороны пригородных садов и берега Березанского лимана пикеты бугских казаков, с которыми взаимодействовали егеря и гренадеры Кутузова и Суворова. Казачий отряд П. М. Скаржинского отошел. Стороны наращивали силы, контратаку возглавил генерал-майор И. А. Загряжский, вмешался Суворов. Разгорелся крупный бой, в котором русские потеряли 154 чел. убитыми и 211 ранеными, в том числе ранен в шею сам Александр Васильевич. До 50 русских солдат были пленены и утащены турками в Очаков. Хотя осажденные потеряли много людей и вернулись в крепость, это было плохим соотношением потерь для русско-турецких войн. А. Ф. Ланжерон констатировал: *«Суворов повел четыре батальона гренадер открыто на крепость и довел их до городского гласиса;*

эти четыре батальона были разбиты» [13]. *«Уже никто меня теперь не уверит, что с нашей стороны убивают по 10, а с неприятелей по 100 человек»*, — резюмировал подробно описавший в своем дневнике осаду Очакова Р. М. Цебриков [14].

Потемкин считал случившееся излишним кровопролитием, потребовав объяснений. Суворов, в свою очередь, под предлогом лечения полученных ран уехал в Кинбурн и сообщил Потемкину: *«Здесь меня не почитают, невинность не терпит оправдания... Всякой имеет свою систему, так и по службе, я имею и мою, мне не переродиться, и поздно»* [15]. Конфликтная переписка строптивых Григория и Александра продолжалась по 20 (31) августа, когда Суворов получил новые ранения в результате мощного взрыва цейхгауза в Кинбурне, и вскоре Екатерининский Циклоп оттаял. Интересно, что 2 (13) августа, испрашивая у главнокомандующего разрешения удалиться для лечения в Кинбурн, Суворов просит оставить начальство над осаждающими Очаков войсками за генерал-поручиком А. Н. Самойловым и генерал-майором И. А. Загряжским, который уступал Михаилу Илларионовичу по старшинству (произведен 22.09.1786). О генерал-майоре Кутузове он не упоминает [16]. Не упоминает о нем в кратком описании произошедшего боя и Самойлов [17].

Имеет право на жизнь предположение, скользящее в описании Л. Л. Ивченко со ссылкой на Ш.-Ж де Линя, что М. И. Кутузова больше привлекало столпотворение аристократов и знаменитостей при главной квартире (фактически, дворе) Г. А. Потемкина, нежели проверка пикетов. *«Судя по всему, Кутузову удалось завоевать симпатии принца де Линя»* — сообщает автор юбилейной биографии Михаила Илларионовича. Характерно, что принц де Линь в темных красках описывает действия Суворова, считая его провокатором вражеской вылазки и называя *«пьяной головой»*. Упоминается о неприязни между А. В. Суворовым и Н. В. Репниным, в которой Кутузов был на стороне князя Репнина [18]. Так оно, по всей видимости, и было, — впоследствии Михаил Илларионович и Репнин имели хорошие, доверительные отношения. Все складывается к тому, что в бою 27 июля Кутузов был не со своими людьми, а «при дворе», созерцая его из лагеря противников неуживчивого и неполитичного Суворова. Это избавило его от потемкинских гнева, но и очков, как командиру потрепанных турками пикетов и батальонов, не добавляло.

Следующая крупная вылазка осажденных произошла 18 (29) августа 1788 года против новой осадной батареи № 19, примыкавшей

к берегу лимана и обстреливавшей город. В жарком четырехчасовом деле участвовали два батальона егерей, бывших в прикрытии батареи [19]. По несчастному стечению обстоятельств, Михаил Илларионович, производивший рекогносцировку намерений противника из ближайшего ретраншементы (возможно, он оправдывал свое отсутствие в прошлом бою), вновь был тяжело ранен пулей в голову, «вошедшею в щеку и вылетевшею в затылок» [20, 21]. Поскольку две тяжелых раны Кутузова часто путают между собой, уместно привести врачебную записку главного хирурга русской армии Ж. Массо: «Генерал Кутузов был ранен мушкетной пулей — от левой щеки до задней части шеи. Часть внутреннего угла челюсти снесена. Соседство существенно важных для жизни с пораженными частями делало состояние сего генерала весьма сомнительным. Оно стало считаться вне опасности лишь на 7-ой день и продолжает улучшаться» [22].

Окружающие ждали, что генерал умрет, но благодаря тому, что пуля счастливо прошла навылет, не проникнув в череп (повреждение затылка оказывается мифом), Кутузов поправился быстрее, чем после первого ранения. Все были поражены. От лица Массо приводится высказывание: «Должно полагать, что Провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому, что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельна» [23, 24]. Как мы видели, Массо не считал рану Кутузова непременно смертельной, но вполне мог нечто подобное сказать. Конечно, он не предполагал, что зачинает вековую легенду. К слову, Ж. Массо был действующим лицом многих военно-полевых анекдотов. Сходную историю о Суворове передал А. Ф. Ланжерон: «Распространился слух, что он умирает. Массо... прибежал и нашел Суворова в его палатке плавающим в крови и играющим в шахматы со своим адъютантом. Массо просит его дать перевязать себя; Суворов, не отвечая ему, продолжает свою партию, восклицая: «Тюренн! Тюренн!» Массо в досаде говорит ему: «Ну что же, генерал, когда Тюренн бывал ранен, он давал себя перевязывать». Суворов посмотрел на Массо, и не говоря ему ни слова, бросился на свою постель и позволил перевязать себе рану» [25].

Для Михаила Илларионовича это был второй жестокий, но «счастливый» выстрел, увеличивший его известность. Императрица Екатерина II, давно благоволившая Кутузову, неоднократно справлялась о нем [26, 27]. За участие в боях под Очаковым генерал получил сразу две монарших награды: орден Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 2-й степени, хотя обстоятельства и тяжелая рана вынудили его

не участвовать ни в крупных боях, ни в успешном штурме Очакова, который состоялся 6 (17) декабря 1788 года. У Синельникова (который часто приукрашивал, но не здесь) написано: «*Голенищев-Кутузов чрезвычайно жалел, что несчастное сие приключение воспрепятствовало ему находиться при взятии Очакова приступом... чем и окончился сей год кампании*» [28].

Историческая наука до сих пор недооценивает последствия славных и ужасных ранений Кутузова. По современным представлениям, для него это были большая психологическая травма и грозный знак: пора перестать испытывать судьбу на поле брани и направить усилия по своим лучшим способностям. По медицинским канонам, ранение лобных долей мозга могло привести к некоторым особенностям поведения и мышления, как-то: раскрепощению в житейских деталях при затруднениях в принятии крупных решений, к обострению чувств самозащиты и конкуренции. Отсюда последовавшая трансформация характера Михаила Илларионовича по типу велеречивого сибарита-ловеласа-интригана-кунктатора. Эти изменения развивались медленно, но неотвратимо. Первая турецкая пуля 1774 года, ответственная за них, чудом не повредила глазные нервы и твердую мозговую оболочку, но нанесла контузию, последствиями которой стали повышенное черепно-мозговое давление и постепенное угнетение деятельности лобных долей, прогрессирующее по мере начала возрастных изменений.

По-видимому, Очаков стал переломным моментом, когда Кутузов, продолжая военную службу, начал охладевать к ней, полагая менее опасным и более полезным занятием дворцовую карьеру и дипломатию. Ума, образования и обходительности для успехов на этих поприщах ему хватало с лихвой. Не так велики, как впоследствии умножилось старостью, были причиненные ранениями лицевые изъяны. Михаил Илларионович начинает неодобрительно относиться ко всякому риску, а его расчеты все более сводятся к уклонению от боя и достижению превосходства над противником при помощи политических, дипломатических, хозяйственных и прочих сколько-нибудь значимых факторов. Его девизом становится: «*Раны получать не трудно; в службе главное исполнять свое дело. Какая от того польза Отечеству, если, захотев блеснуть храбростию, впадимся в бесполезную опасность*» [29].

Наметившаяся метаморфоза не была исключительной ни для XVIII в., ни для полевых офицеров последующих времен. По такому

же пути эволюционировал современник Кутузова, маршал Франции Пьер Ожеро, — храбрый солдат и дивизионный генерал, боевой порыв которого во главе колонны войск увековечил художник-баталист Шарль Тевенен в картине «Ожеро на Аркольском мосту». По словам Стендаля, в Итальянской кампании молодого Бонапарта Ожеро «был великим полководцем, чего никогда больше с ним не случилось». Как только Ожеро закрепился в Совете пятисот — нижней палате французского законодательного собрания, прежний задор и чудеса храбрости оставили его. Слава и судьба продолжали выдвигать маршала на посты главнокомандующего армиями и корпусами, но подвигов и военных успехов больше не было. На картине Робера Лефевра «Маршал Пьер Ожеро, герцог Кастильский» место бравого командира с грозным взглядом занял утонченный и пресыщенный вельможа. В 1814 году Ожеро стал роялистом, приветствуя реставрацию Бурбонов.

Излечившись, М. И. Кутузов получает от Г. А. Потемкина предписание вновь принять командование Бугским егерским корпусом, с которым в период устройства русской Екатеринославской армии на зимние квартиры производит охрану турецкой и польской границ. Пока штаб корпуса располагался в Елисаветграде, Михаилу Илларионовичу удалось встретиться с семьей, — в эти относительно комфортные условия смогла приехать его жена Е. И. Кутузова с дочерьми. Весной Бугский корпус, усиленный двумя легкоконными, двумя гусарскими и Екатеринославским гренадерским полком, сведенными в «*корпус конных егерей*» [30], готовится выступить в новый поход.

В начале кампании 1789 года на долю Кутузова выпадает руководство конными рейдами и набегами на турецкую территорию по обоим берегам Днестра. Затем его конно-егерский корпус действует в составе главных сил армии Потемкина. Крупных сражений в этой части театра войны не случилось, главные события развивались у Суворова и австрийцев западнее. Войска неспешно и методично занимали пункт за пунктом, не имея перед собой достойного противника и ведя мелкие бои, наиболее масштабный из которых произошел 13 (24) сентября под Каушанами. Вскоре, памятуя о печальной участи Очакова, сдався Аккерман. Первоклассная турецкая крепость Бендеры с большим гарнизоном, к атаке которой уже был изготовлен егерский корпус, 3 (14) ноября тоже предпочла сдаться без боя [31]. Где-то неподалеку от Кутузова и много ниже его по командной лестнице был в эти дни секунд-майор М. Б. Барклай де Толли, награжденный орденом Св. Владимира 4-й степени за осаду и штурм Очакова, участвовавший в

бою при Каушанах, взятии Аккермана и Бендер. В начале 1790 года он был переведен в Финляндскую армию [32]. Вновь Барклай окажется под командой Михаила Илларионовича спустя много лет, под Аустерлицем, где их снова разбросает в разные стороны военная судьба.

Зимой 1789–1790 гг. военные действия не велись. Кампания 1790 года открылась поздно, — шли переговоры с надеждой о мире и политические интриги европейских держав. В Стамбуле сменились султан и правительство, верх одержали сторонники эскалации во главе с молодым и пылким Селимом III. В июле потерпевшая несколько поражений от турок Австрия вышла из войны с Портой, но и России в августе удалось закончить войну со Швецией. В царском рескрипте от 9 (20) августа Екатерина II написала Потемкину: *«Одну лапу мы из грязи вытащили; как вытащим другую, то пропоем аллилуйя!»* Императрица потребовала *«открыть решительные действия против турок, прежде чем покровительствовавшие им державы успели бы за них вступить»* [33]. На весну и лето Кутузов по ордеру Потемкина оставил свой бездействующий корпус и принял командование в Аккермане, где на него была возложена разведка противника в низовьях Дуная и наблюдение за турецким флотом в море. К новому делу Михаил Илларионович отнесся добросовестно, организовав посты наблюдения за морем и поисковые береговые партии, получив от них и направив по принадлежности множество донесений [34]. За свою деятельность он был награжден орденом Св. Александра Невского.

К этому времени турки выработали стратегию не вести полевых действий против русских армий и корпусов, тянуть время и держаться за крепости, стараясь обескровить противника при осадах. Не имея достаточных сил, чтобы оставить блокированные крепости в тылу и перейти за Дунай, Г. А. Потемкин приходит к мысли о взятии Измаила, главного оплота Турции на Нижнем Дунае, которое одно только может принудить Порту к миру [35]. Операция началась с очистки речных флангов. В сентябре 1790 года М. И. Кутузов во главе своего успешного навести страх в междуречьях Буга, Днестра и Прута корпуса присоединяется к русским войскам левого крыла под командованием генерал-аншефа И. И. Меллера-Закомельского, получившего задачу овладеть Килией. Михаилу Илларионовичу поручается установиться на дороге Измаил — Килия, не позволяя гарнизону Измаила тревожить осаждающих [36]. После двух лет умеренных боевых действий ему предстояло вновь погрузиться в ревущее горнило жесточайшей и свирепейшей войны.

1. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 40–43. С. 42–44.
2. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 632.
3. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 44. С. 44.
4. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 313, 314, 342. С. 336–337, 364.
5. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 48.
6. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голицыев-Кутузов Смол. С. 6.
7. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 462. С. 431.
8. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 105. С. 74.
9. Масловский Д. Ф. Записки по истор. воен. иск-ва в Рос. Вып. II. Царств. Екатерины Великой. СПб., 1894. С. 369–370.
10. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 465 с прил. 466. С. 432–433.
11. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 47, 90. С. 45–46, 68.
12. Короленко П. Черноморцы за Бугом // Воен. сб. 1868. № 3–4. Отд. неофиц. С. 152.
13. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 3. С. 157–158.
14. Цебриков Р. М. Вокруг Очакова. Рус. Старина. 1895. № 9. С. 177.
15. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 468, 469 (прим. 1), 474. С. 434–435, 438.
16. Там же. Док. № 472. С. 436–437.
17. Самойлов А. Н. Деяния кн. Г. А. Потемкина-Таврического // Рус. Архив. 1867. № 10. С. 1249.
18. Ивченко Л. Л. Кутузов. М., 2012. С. 130–132, 137–138.
19. Петров А. Н. Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II. СПб., 1880. Т. 1. С. 185.
20. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 32.
21. Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голицыева-Кутузова-Смол. СПб., 1813. С. 20.
22. Екатерина Вторая и Г. А. Потемкин. Личная переписка. М., 1997. Прил. к док. № 890. С. 840.
23. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голицыев-Кутузов Смол. С. 6.
24. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 32.
25. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 3. С. 158.
26. Екатерина Вторая и Г. А. Потемкин. Личная переписка. М., 1997. Док. № 884, 885, 890, 891, 901. С. 310–311, 314–316, 325–326.

27. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 107. С. 75.
28. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 50.
29. Анекдоты или достопамят. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенищеве-Кутузове-Смол. СПб., 1814. Ч. 1. С. 23.
30. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 108, 109, 122, 123. С. 76, 87.
31. Петров А. Н. Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II. СПб., 1880. Т. 2. С. 76–77, 82–83, 86–87.
32. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 160.
33. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 14–15.
34. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 134, 136, 137, 139, 141–158. С. 91–107.
35. Петров А. Н. Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II. СПб., 1880. Т. 2. С. 165.
36. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 633.

1.4. УЖАС И СЛАВА ИЗМАИЛА

До прибытия А. В. Суворова к Измаилу главную роль в боевых операциях осени 1790 года на Нижнем Дунае играла флотилия генерал-майора О. М. де Рибаса, отличившегося «*дерзкою предприимчивостью военачальника*» [1]. 21 октября (1 ноября) де Рибас десантом взял Сулину, 7 ноября без потерь — Тулчу, 13 ноября — Исакчу. Турки, бежавшие из Исакчи, в большинстве своем были захвачены в плен Суворовым у Галаца. Падение Исакчи было тем более значимым, что она была перевалочной базой для снабжения Измаила и других турецких крепостей по Дунаю, там было захвачено много боеприпасов и продовольствия [2]. К 18 (29) ноября русские полностью заняли болотистый остров Сулин (Чатал) между Килийским и Сулинским гирлами (рукавами) Дуная, и отрезали сообщения Измаила. Попытка турок выслать подкрепления к городу по северному берегу, через речку Репида, также была пресечена гренадерами и черноморцами де Рибаса, занявшими посты от впадения Репиды в Дунай до ее истока в большом озере Кугурлуй.

20 ноября (1 декабря) де Рибас под прикрытием батарей, возведенных против Измаила бригадиром Е. И. Марковым, попытался уничтожить собранные под крепостью остатки турецкого флота. Его люди на несколько часов заняли каменный редут Табия на юго-за-

падной оконечности городских укреплений, отбив две турецких контратаки на него. Подчиненные де Рибасу казаки атамана Головатого пытались захватить и другие турецкие батареи, но безуспешно. После отступления де Рибаса турки, в свою очередь, попытались высадиться на Сулинскую сторону Дуная, но были отбиты с уроном. *«Всего в бою 20 ноября сожжено и потоплено у турок: 1 большая саития (3-мачтовое судно), 19 лансонов, 32 транспортных судна и более 40 паромов, да и остальные повреждены. С 12 октября по 20 ноября турки потеряли 77 судов разной величины, которые были присоединены к русскому флоту, и 210 сожженных или потопленных; артиллерийских орудий взято русскими 124 и потоплено 340. Потеря русских 20 ноября состояла из 3 лансонов, убито: 6 офицеров и 81 нижних чинов, ранено: 8 офицеров и 231 нижних чинов; всего 326 человек»* [3]. М. И. Богданович простирает русскую потерю до 9 судов и 500 чел., но также называет потери неприятеля огромными — до 90 судов [4]. Особняком стоит негативный отзыв об этом бое со стороны Г. И. Чернышева: *«Хотя мы у них и сожгли три судна, но и сами лишились столько же»* [5].

Успехи де Рибаса имели под собой основание: если Измаил был сильно укреплен с суши производившимися с 1774 года работами под руководством французского и немецкого инженеров де Лафит-Клове и Рихтера, то речной фронт, откуда не ждали нападения, был слабо защищен неоконченной насыпью и наспех воздвигнутыми батареями [6, 7]. Впоследствии эти обстоятельства стали замалчиваться с целью изобразить Измаил полностью неприступным, чтобы выше поднять волну восхищения подвигом Суворова и русских штурмующих колонн. И зря, потому как подвиг нельзя умалить, а вот военная сторона дела была стерта из памяти поколений.

Сухопутные же войска действовали вяло. Начиная с 4 (15) октября, генерал-поручик П. С. Потемкин, корпус которого сосредоточился у села Табаки, демонстрировал против Измаила, ограничиваясь высылкой казаков, которые имели стычки с турецкой конницей. Генерал-майор М. И. Кутузов с Бугским егерским корпусом, Николаевским гренадерским полком и 12 полевыми орудиями оставался у озера Катлабух [8], тоже ничего не предпринимая. Килия сдалась 18 (29) октября, но и после продолжалась заминка. Г. И. Чернышев писал: *«Что касается до Измаила, то князь приказал его обстреливать и бросать в него зажигательные бомбы, чтобы испытать, не сдастся ли он; но больше ничего не предпринимают, так что я думаю (и не я один, а все) что войско наше ничего здесь не сделает, как в прошлом году князь Репнин, и*

напоследок мы отступим... Здесь под ружьем один только Потемкин со своею армией, у которой не более 4000 человек; Кутузов в 12 или 14 верстах отсюда и не имеет приказа присоединиться к нам; Арсеньев также остается праздным; между тем гарнизон крепости... превышает 20 тысяч, а другие говорят, что он простирается до 40 тысяч» [9].

Только 21 ноября (2 декабря), с прибытием отряда М. И. Кутузова, направленного к Измаилу И. В. Гудовичем, принявшим команду после смертельного ранения И. И. Меллера-Закомельского под Килией, крепость была обложена с берега. К войскам де Рибаса на острове Сулин также прибыли 4 батальона от Килии. Вслед за ними 24 ноября к Измаилу явился сам Гудович с 9 батальонами. Наконец, подтянулись главные силы П. С. Потемкина — 8 батальонов и 11 эскадронов. Всего в конце ноября собралось под Измаилом 25–30 тыс., вместе с нерегулярными войсками [10]. Русские лагеря *«стояли полукружием верстах в четырех от крепостных верков и находились в полном бездействии»* [11]. Некоторая активность продолжалась у людей де Рибаса, продолжавших строить батареи на Сулинской стороне против Измаила. С них по городу велась слабая канонада. В двадцатых числах ноября резко ухудшилась погода, умножилось число больных. *«Коллебания и бездействие главных начальников произвели деморализующее влияние на людей»* [12].

Старшинство среди русских генералов в армии, осадившей Измаил, было следующее: генерал-аншеф И. В. Гудович, произведенный в этот чин 12 ноября 1790 года (он тут же, под крепостью, сдал команду генерал-поручику А. Н. Самойлову вследствие своего назначения на Кавказ); генерал-поручик П. С. Потемкин, генерал-майор М. И. Кутузов, генерал-майор О. М. де Рибас и прочие генералы, включая С. Л. Львова, — еще одного (как и Михаил Илларионович) фаворита Г. А. Потемкина. Чернышев так охарактеризовал ситуацию в лагере: *«Несчастье наше в том, что все три генерала, Потемкин, Кутузов и Рибас (начальствующие крупнейшими частями русских войск. — А. Д.) не только не зависят друг от друга, но действуют вовсе не дружно и не хотят даже помогать друг другу, а Львов смеется над всеми троими, и не без основания»* [13].

Под Измаилом у Кутузова больше нет того дерзания, с которым он шел в атаку на турецкие укрепления под Алуштой. Храбрый и распорядительный боевой генерал проявляет ранее не свойственную ему осмотрительность, не берет инициативу, не рвется вперед. 26 ноября (7 декабря) генералы, не верившие в успех поздней по времени года

осады, а в удачу штурма тем более, воспользовавшись равнодушием отъезжающего Гудовича, составили при нем военный совет. Единственным сторонником штурма Измаила оказался де Рибас, который даже «на арапа» посылал к начальнику гарнизона крепости Айдозлу-Мехмеду-Паше предложение о сдаче. Паша отказался. *«Рибас был деятельнее, энергичнее и искуснее своих сухопутных товарищей; он нанес туркам много вреда, но не мог добиться ничего существенного без содействия сухопутных войск»* [14].

Вот письмо П. С. Потемкина, освещающее эти события: *«Третье-го дня взятой турок объявляет, что в крепости людей много, духу много, провианту и пороху много, однако жители и сам паша от сдачи города не прочь, ежели б татарские султаны и пришлые войска не воспрещали. Иосиф М. Рибас вчера у меня был. Его предположение сделать приступ. Я, не имея на сие повеления его светлости, не могу... о сем и рассуждать. От меня он поехал к Ивану В. Гудовичу. Время стало столь трудно, что людям вытерпливать весьма трудно... Р. С. Вы удивитесь, что в том же письме извещу вас, что мы все отошли от Измаила и все кончено. Лишь только изготавил я письмо сие, как привез ко мне сообщение И. В. Гудовича Александр Николаевич (Самойлов). Оно содержало положение общее, куда однако я не был приглашен; дело состояло в том, чтобы немножко пострелять и снять батареи. Вот все, что произошло: не сожалеите, что вы не были участником»* [15].

Налицо интрига. Генералы проигнорировали мнение О. М. де Рибаса и «позабыли» пригласить в совет П. С. Потемкина и С. Л. Львова (из-за их близости к Г. А. Потемкину). Если после этого колеблющийся А. Н. Самойлов (принимавший дела у Гудовича) поехал уведомлять о снятии осады «забытого» Потемкина, то мы, принимая во внимание старшинство, понимаем, кто был душой партии желающих отбыть на зимние квартиры. Решение совета, какое *«согласно положили»*, является образцом лукавого жанра, какого придерживался Кутузов: *«Как осадной артиллерии нет, кроме морских орудий на эскадре... батареи ненадежны... при приближении зимней суровой погоды... потом приступить к штурму. Но как успех сего сомнителен... если не быть штурму... должно облежание переменить в блокаду... но токмо, чтобы потребные части войск... достаточный провиант и довольно дров для каши и обогрения... имели»*. Коли не имеют — отступить, но вместо этого понятного слова написано: *«Принять благопоспешныя меры»*. Генерал от инфантерии, герой русско-японской войны, военный историк и теоретик Н. А. Орлов справедливо заметил: *«Из этого*

постановления военного совета видно, что о штурме говорили только для очистки совести, что даже если бы главнокомандующий... приказал предпринять этот штурм, то подобного подвига не могли бы совершить генералы, принявшие малодушное решение обратить осаду в блокаду или, правильнее, пожелавшие отступить от крепости и ограничиться одним наблюдением за нею» [16, 17].

Отход войск маскировался бутафорской готовностью к штурму крепости: «Вот и все — мы не получим Измаила и победных лавров; мы уже отступили на десять верст от города и ожидаем приказа стать на зимние квартиры... Было решено, что на следующий день... все войска придвинутся к городу и сделают демонстрацию... наши батареи производят адскую канонаду, и тогда потребуют сдачи города; в случае же отказа, флотилия отступит, и мы все сделаем то же самое ночью. Это случилось и в самом деле. Ноября 26 около часу пополудни мы отослали наш обоз назад, и около 5 и 1/2 часов наш корпус подошел на 80 туазов ближе к городу, однако же далее пушечного выстрела; впрочем я сомневаюсь, чтобы из города видели наше движение, потому что уже совсем наступала ночь. Наши батареи начали стрелять, но думаю, что немногие бомбы и ядра даже и долетали, ибо во все время канонады мы убили у турок только одну женщину, 7 детей и 2 мужчин. Коротко сказать, во время канонады батарей флотилия отступила, корпус Гудовича тоже, и мы получили такое же приказание. В 7 часов вечера мы тронулись в путь, а в 9 пришли в новый лагерь, отстоящий на 8 верст от прежнего» [18].

Накануне описанных событий, 25 ноября (6 декабря), главнокомандующий Г. А. Потемкин, считавший необходимым взять Измаил, и определившийся с кандидатурой Суворова для этого дела, послал Александру Васильевичу секретный ордер из Бендер: «Флотилия под Измаилом истребила уже почти все их суда и сторона города к воде открыта. Остается предпринять с помощью Божию на овладение города. Для сего Ваше Сиятельство извольте поспешить туда для принятия всех частей в Вашу команду... прибыв на место осмотрите чрез инженеров положение и слабые места. Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшею». В тот же день Потемкин дописывает: «Моя надежда на Бога и на вашу храбрость... Присутствие там личное твое соединит все части. Много там равночинных генералов, а из того выходит всегда некоторой род сейма нерешительного... огляди все и распоряди, и помоляся Богу предпримайте! Есть слабые места, лишь бы дружно шли! ... Рибас будет Вам во всем на пользу по предприимчивости и усердию. Будешь доволен и Кутузовым» [19, 20].

В преподаваемой нам истории цитируется только второе письмо. Приподнимается Кутузов, но упускаются факты и отношения, ставшие основой для выработанного Суворовым плана штурма Измаила. Из более полной переписки видно, что светлейший князь Таврический правильно ориентировал Суворова на образ действий русских войск и недостатки обороняющегося противника (на заметку историкам, унижающим таланты «Екатерининского Циклопа»). Несколько дней спустя разъяренный Потемкин шлет Суворову новый секретный приказ: *«Прежде, нежели достигли мои ордера к господину генерал-аншефу Гудовичу, генерал-поручику Потемкину и генерал-майору де Рибасу о препоручении Вам команды над всеми войсками, у Дуная находящимися, и о произведении штурма на Измаил, они решились отступить. Я, получа сей час о том рапорт, предоставляю Вашему Сиятельству поступить тут по лучшему вашему усмотрению: продолжением ли предприятий на Измаил или оставлением онаго»* [21, 22].

Суворов, прибыв к Измаилу вечером 1 (12) декабря, оказался вынужден возвращать уходящие от крепости полки: *«Уже осадные орудия отправлены были в Бендеры; войска частью отошли от крепости, частью готовились к отступлению»*. Раздраженный решением совета де Рибас *«собирался плыть под Галац к Суворову»*, теперь же он разразился в его адрес приветственным письмом: *«С таким героем как вы, все затруднения исчезнут»* [23, 24, 25]. Однако, царские военные историки смягчают картину: войска, начавшие отход вечером 26 ноября, за пять дней успели уйти с Дуная совсем. Чернышев упоминает, что 29 ноября обозы были отправлены в Ялпуг (178 км к северу от Измаила), но вечером того же дня *«получен контр-ордер, чтобы воротить наш обоз и быть готовыми возвратиться к Измаилу»* [26]. Советские историки предпочли не говорить об отступлении от Измаила вообще ничего.

Малодушные до последнего момента думали, что Суворов, *«пробудучи два дня, изволит отправиться отсель в Яссы, для чего учреждены... по дороге на станциях по 15-ти лошадей и по двенадцати казаков для конвою»*. Рассмотрение переписки и материалов ВУА ГШ позволяет разъяснить странность с нехваткой продовольствия после взятия турецкой базы снабжения в Исакче. 14 (25) ноября П. С. Потемкин пишет: *«Флотилия наша... Исакчей овладела. Осип Михайлович Рибас уведомляет меня, что в крепости множество пушек, всяких военных и съестных припасов»*. В связи с этим генерал полон оптимизма, но 1 декабря тон меняется: *«Я слышу, что в других корпусах хлеба не весьма*

достаточно, да и у меня только на две недели осталось, хотя ожидаю подвозу, опасаясь времени» [27]. О недостатке продуктов (для барского стола) пишет Чернышев, упоминая, что говядина в армии была. Убрать пессимизм, остается суть: было мясо, хлеба имелось на две недели, ожидался подвоз. Из Исакчи шла бакалея. Отсутствие провизии было лишь доводом к снятию осады [28]. 3 (14) декабря русские войска заняли прежние позиции, о чем Суворов донес Григорию Потемкину. Недостаток хлеба его совсем не заботит. Зато Александр Васильевич обеспокоен тем, что *«полевая артиллерия имеет снарядов только один комплект»* [29]. Главнокомандующий спешно посылает к Измаилу боеприпасы.

5 (16) декабря ворвались все ушедшие полки. На следующий день прибыл отряд от Галаца. Было заготовлено 70 осадных лестниц и 3000 фашинов для прикрытия наступающих и закидывания рвов. Закладывались настоящие и демонстративные батареи, кольцо русских войск стянуло крепость, отходя от нее не больше двух верст. Пехота отрабатывала штурмовые действия на специально вырытом рву и насыпанном валу. Суворов лично объезжал Измаил на дистанции ружейного огня, инспектировал учения, показывал солдатам приемы эскалады и учил действовать штыком, причем фашины представляли турок [30, 31]. Не все понимали правильность суворовских методов подготовки: *«Граф Суворов продолжает дурачиться и назначает упражнения для репетиции предстоящего приступа»*, — легковесно сообщил С. Ф. Голицыну в своем письме от 4 декабря Г. И. Чернышев [32]. Одновременно велись переговоры с осажденными. Турецкие отказы Суворов не скрывал от войск, умело используя их для роста возмущения офицеров и солдат надменностью врага.

На новом военном совете, собранном Суворовым 9 (20) декабря, чтобы *«подействовать нравственно на подчиненных ему начальников, которые еще так недавно считали штурм невозможным и постановили решение об отступлении»* [33], Михаил Илларионович вновь пытается дипломатично отговорить его от штурма крепости. Эпизод по перепискам современников описан так: Суворов поставил вопрос: «Что делать?» Младший из командиров, М. И. Платов, высказался первым: «Штурмовать!» Воспаривший духом де Рибас заявил, что главную роль должна сыграть его морская артиллерия. *«Если вы согласитесь с Рибасом, — подал реплику Кутузов, — вся слава взятия Измаила будет принадлежать ему»*. Александр Васильевич, будто бы оценив этот укол для самолюбия Осипа Михайловича, заметил: *«Кутузова и*

Рибас не обманет!» [34] Замечание Суворова стало историческим, и его цитировали расширительно — «Кутузова никто не обманет!»

Понятно, почему апологеты и панегиристы подхватили сей вывод, но смысл высказывания Михаила Илларионовича и реплики Суворова надо понимать иначе. Вряд ли генерал-майор де Рибас, при его добрых отношениях с Александром Васильевичем (они испортились через несколько лет после штурма), хотел и мог «подсидеть» генерал-аншефа Суворова. Так что же было? Это подсказывает другая история от человека, не расположенного шутить на подобную тему. Прибыв к армии в 1812 году Кутузов приказал сняться с позиции у Царева-Займища. Эту мысль ему будто бы подали два приближенных интригана, полковники Кудашев и Кайсаров: *«Оба условились заметить престарелому и слабому князю, что по разбитии неприятеля в позиции при Царевом-Займище слава сего подвига не ему припишется, но избравшим позицию. Причина, достаточная для самолюбца, каков был князь, чтобы снять армию с сильной позиции»* [35]. Вот она, психология дворянской риторики того времени. Кутузов пытался сыграть на тщеславии Суворова, предполагая, что тот не захочет делиться даже толикой победы. Так, прямо не возражая, можно было отговорить его от штурма Измаила. Командующий понял это, но, чуждый подобным соображениям, ответил шуткой: вот какой пронизательный Кутузов, — вскрыл планы карьериста де Рибаса! Тем самым он уколоч обоих своих помощников, которых ему с надеждой определил Потемкин, что, без сомнения, понравилось присутствующим.

Более вероятно, однако, что полемика на декабрьском военном совете есть позднейший анекдот. Этой истории нет в «Анекдотах или достопамятных сказаниях» 1814 года издания. Вместо нее там содержится многословная байка о том, как де Рибас хотел взять Измаил с реки без Суворова, а Кутузов предупредил Александра Васильевича об этой интриге [36]. Никакого казуса на совете не упоминает в описании жизни и службы Суворова, изданном в 1811 году, Е. Б. Фукс [37]. Н. А. Орлов и М. И. Богданович тоже ничего подобного не пишут, придерживаясь точки зрения, что Суворов сразу объявил генералам: *«Я решился овладеть этою крепостью, либо погибнуть под ее стенами»*. Возникли овации, которые был вынужден поддержать и Кутузов [38, 39]. Таково же описание А. Ф. Петрушевского: *«Советоваться ему было не о чем, но поступая таким образом, он действовал на основании закона и пользовался этим средством, чтобы перелить в других принятое им решение, сделать свой взгляд их взглядом, свое убеждение их убеж-*

дением» [40]. Ничего не сообщает в 1880 году А. Н. Петров, излагая лишь то, что было постановлено на совете [41]. Солидарное мнение историков подтверждается первоисточниками. В письме от 3 (14) декабря 1790 года Г. И. Чернышев указал: «Суворов прибыл вчера... приступ почти решен... однако план атаки вполне еще не определен» [42]. Кстати, С. Н. Глинка в своих записках утверждал, что у него «есть собственноручное письмо де Рибаса, в котором он выставляет величайшими хитрецами Мордвинова и Суворова», а вовсе не Кутузова [43].

Решение военного совета было изложено Суворовым кратко и ясно: «Приближаясь к Измаилу по диспозиции, приступить к штурму неотлагательно, дабы не дать неприятелю время еще более укрепиться. И посему уже нет надобности относиться к его светлости главнокомандующему. Сераскиру в его требования отказать. Обращение осады в блокаду исполнять не должно. Отступление предосудительно победоносным ее императорского величества войскам» [44]. Разница смысла и слога с решением совета при Гудовиче — разительная. Конечно, Суворов, как и Потемкин, был недоволен. Колебания генералов мешали успеху дела. А потому полководец разработал план штурма Измаила тремя крыльями, каждое из которых состояло из трех колонн. Это позволило назначить командирами колонн младших по старшинству, но более решительных офицеров. Кутузов, не показавший себя в числе решительных, получил под свое начало 6-ю. Она должна была действовать на участке, который Александр Васильевич не считал решающим. Меньше власти Михаилу Илларионовичу дать было нельзя; и так он, на время штурма крепости был подвинут с должности командира корпуса. Суворов «повелел генерал-порутчику Самойлову начальствовать корпусом под Измаилом, бывшим в команде у генерал-майора Кутузова» [45, 46]. Это можно толковать как недоверие со стороны командующего к генералу, ратовавшему за отступление, с предложением реабилитироваться в бою.

По турецким учетам, Измаил защищали 42000 бойцов, но, в силу процветавших в Порте приписок с целью присвоения довольствия пашами, реально войск было 35000 (из них 8000 кавалерии) при 265 пушках [47]. Против этих сил Суворова собрал для штурма 31000 чел., из них 15000 нерегулярных и плохо вооруженных, в том числе пиками. Правое крыло П. С. Потемкина (1–3 колонны) в числе 7500 чел. нанесло удар на западную часть крепости. Левое под общим командованием А. Н. Самойлова (4–6 колонны) в числе 12000 — на восточную. Отряд О. М. де Рибаса (7–9 колонны) в числе 9000 десанта

атаковал с речной стороны [48]. В составе атакующих колонн было много пеших донских казаков, потерявших своих лошадей еще во время осады Очакова. В колонне М. И. Кутузова, кроме пяти регулярных батальонов, их была целая тысяча [49].

Хотя в 4–6 колоннах у Самойлова было больше всего людей, средняя плотность атакующих войск была примерно одинакова по всему периметру крепости, от 9 чел. на погонную сажень берега у де Рибаса до 10–11 чел. вдоль западной стены у Потемкина. Там же, с западной стороны, располагалась лучшая часть резервной кавалерии Вестфалена, а с востока — только казачьи кавалерийские полки [50]. Ближе к западной части крепости, за третьей колонной, был намерен находиться сам Суворов [51]. Соответственно, в эту, более короткую и близкую к десантным усилиям Рибаса стену нацеливался главный удар, чтобы овладеть хотя бы меньшей по площади Старой измаильской крепостью.

Очень большое внимание уделялось Суворовым слаженности действий стрелков и бойцов, атакующих холодным оружием, внезапности и одновременности приступа с разных сторон, устранению малейших поводов к путанице сигналов. Помимо установленного сигнала ракетами, не играясь в чрезмерную секретность, было назначено точное время штурма (5 часов утра 11 декабря) и велено сверить все карманные часы. Ракеты выпускались еженощно в одно и то же время, чтобы запутать и успокоить турок, заодно приучив к ним, как к будильнику, русские войска [52]. Суворов учредил специальную инспекцию всех атак и колонн, назначив ее начальником Чернышева: *«У меня под командою состоят 2 лейтенант-полковника, 4 майора и столько же обер-офицеров, 12 вестовых и 24 казака. Я должен все разузнавать, говорить мои мнения, направлять атаки и обо всем доносить... я проехал сегодня по крайней мере 30 верст верхом и сделал 7 планов»* [53].

10 (21) декабря с восходом солнца началась стрельба с фланговых батарей, острова и судов флотилии. Всего Суворов сосредоточил около 600 орудий (по данным Петрова — 607) [54]. Таким образом, он отнюдь не полагался на голый штык. Артподготовка закончилась за два с половиной часа до начала штурма, произведя в городе сильные повреждения. Беспощадная сила этого огня, сосчитанного по клубам дыма от выстрелов, поддержала турок в убеждении, что против них стоит 85-тыс. армия. С приближением ночи к осажденным перебежали несколько казаков, и те были убеждены, что штурм последует не-

пременно. Внезапность до некоторой степени была утрачена. Однако туркам не удалось выяснить час штурма. Казаки его не знали, значе- ние пускавшихся каждую ночь ракет было открыто русским нижним чи- нам только перед отбоем на ночь [55, 56, 57].

Благодаря принятым мерам штурм, начавшийся за два часа до рассвета 11 (22) декабря 1790 года, был дружным. Приближение рус- ских колонн скрыл густой туман, и лишь в последний момент ночь озарилась вспышками и сотряслась громом 250 крепостных и 500 русских орудий. Прежде других с западной стороны взобралась на вал 2-я колонна генерал-майора Б. П. Ласси. Войска 1-й колонны генерал-майора С. Л. Львова также опрокинули неприятеля и, овла- дев Бросскими и Хотинскими воротами, соединились с войсками Ласси. Хотинские ворота были открыты для кавалерии. В город по приказанию Суворова были направлены 20 легких орудий, картечью очищать улицы. Одновременно на противоположном конце крепо- сти у Килийских ворот забралась на вал 6-я колонна М. И. Кутузова. Раздразненная Суворовым конкуренция генералов заставила Михаи- ла Илларионовича действовать всерьез. Он просто не мог позволить, чтобы Самойлов командовал его людьми успешнее него самого.

Войска 6-й колонны вместе с Кутузовым вел на приступ адъютант Потемкина, фаворит императрицы Екатерины, прибывший на служ- бу в Россию с рекомендательным письмом от Вольтера, — бригадир И. С. Рибопьер. Командуя егерями, главной силой 6-й колонны, он погиб у закидываемого под его руководством фашинами крепостного рва [58]. Без указания на эту легендарную личность, по выражению Екатерины II *«бога молчания»* [59], ценимого ею за честность, сдер- жанность и сумасшедшую храбрость, ореол Кутузова как героя штур- ма Измаила и яко бы единственного руководителя колонны, нельзя оценить правильно. Окажись Михаил Илларионович на месте Ри- бопьера (что наверняка случилось бы при единоличном командова- нии), его грандиозная военно-политическая карьера оборвалась бы, едва начавшись. Лишь полагаясь на Рибопьера, Кутузов мог следить за действиями Самойлова как временного командира егерского кор- пуса, восполняя недостатки его распоряжений. Как раз в этом (а во- все не в личной удали) генерал преуспел.

В этой же колонне находился камергер князь Волконский, и вооб- ще, во всех колоннах — множество гонимых вперед амбициями родо- витых дворян, так что полковнику трудно было получить под команду более одного батальона, и весьма обострились взаимные счеты по чи-

нам и старшинству [60]. Суворов всем дал места в предстоящем бою: конкуренция работала на решительность и бесповоротность приступа.

Через Дунай начал высаживаться в город де Рибас. Но дело еще не было сделано. Турки контратаковали, и Кутузов отправил Суворову просьбу об отступлении. Никто не просил о таком, даже оказавшийся в наиболее трудном положении Ф. И. Мекноб. Знаменитый ответ Суворова, уже знавшего об успехе Ласси, гласил: «*Я донес уже в Петербург о покорении Измаила, а Кутузова назначаю измаильским комендантом*» [61]. Этим Суворов грозил и ободрял, блестяще вернув Михаилу Илларионовичу «подачу» с военного совета. Хочешь больше славы чем де Рибас, — иди вперед! В самом деле, как было объяснить Потемкину и императрице сдачу города, в котором уже был назначен русский комендант? Отступление погубило бы репутацию Кутузова, и он был вынужден употребить все свои силы на развитие приступа.

Описание этого интересного момента Гейсманом звучит суше, сводясь к тому, что таким образом Суворов вынудил Кутузова ввести в бой свой последний резерв — Херсонский полк [62]. По-военному понятно: какой командир не запросил бы подкрепления в критический момент, а какой начальник не отказал бы, зная, что общий резерв потребуется в начавшейся со стороны Старой крепости уличной борьбе? По русским военным традициям Суворов обошел Ласси, который первым вошел в крепость и прорвался к центру города. Обошел он и де Рибаса, успешно высадившегося в город с Дуная и принявшего капитуляцию Измаила от Айдозлу-Мехмеда-Паши. Но с точки зрения военной необходимости Александр Васильевич был прав: лучше поощрить Кутузова, чем угробить Ласси и Рибаса, позволив первому проявить нерешительность, а туркам — сосредоточить резервы против вторых.

Из царских историков изложенный эпизод драматических колебаний на крепостной стене описали Н. А. Полевой (1845) и М. И. Богданович (1852) [63, 64]. Но такой апологетически настроенный к Михаилу Илларионовичу автор как А. Н. Петров, в 1880 году ничего подобного не сообщал, повествуя о твердом руководстве Кутузовым действиями своей колонны [65], и пришел к другому мнению лишь к концу жизни. Не нашлось места для этой истории в рукописях Е. Б. Фукса и А. Н. Самойлова. Н. А. Орлов и А. Ф. Петрушевский уделяли распиаренному моменту и проистекшим из него отношениям очень мало внимания, говоря лишь о «*минутной остановке колонны*» и «*замедлении, которое в настоящих обстоятельствах не обещало*

ничего хорошего» [66, 67]. По их версии Кутузов был назначен комендантом города уже *«после совершенного покорения крепости»* [68], что ближе к содержанию биографических сведений о Михаиле Илларионовиче, изданных Ф. М. Синельниковым, военным министерством и С. И. Ушаковым с 1813 по 1822 г. [69, 70, 71]. Большинство ранних источников о назначении Кутузова комендантом Измаила повествуют кратко, мимоходом, без изюминки в описании.

В таком случае, история с колебаниями Михаила Илларионовича на стене Измаила есть не более, чем очередной военно-исторический анекдот, как ее квалифицирует в подстрочном примечании к своему тексту Орлов. Генерал всего лишь испросил резервов, Суворов едко ответил, а затем история была раздута, появившись в *«Анекдотах или достопамятных сказаниях о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском»* [72]. Суворов поступил разумно, но из других мотивов, — вручил власть коменданта лицу, достаточно отличившемуся при штурме (войска Кутузова преодолели критический момент и хорошо способствовали в овладении крепостью), известному своими способностями в наведении порядка, что и требовалось. Кроме того, он ранее ущемил Кутузова во власти за желание отступить от Измаила, тот своими действиями реабилитировался, и так восстанавливалась справедливость.

Эта сухая точка зрения хорошо мотивирована. Срочной необходимости в коменданте не было, поскольку по заранее данному Суворовым обещанию город *«был предоставлен на три дня во власть солдат»*. 7 (18) декабря Суворов предупредил измайловского сераскира: *«В противном же случае поздно будет пособить человечеству, когда не могут быть пощажены... самые женщины и невинные младенцы от раздраженного воинства, и за то никто, как вы и все чиновники пред Богом ответ дать должны»* [73]. Действительно, дорого доставшаяся победа разозлила победителей до крайней степени. Сойдя внутрь города с окровавленных стен, они столкнулись с тем, что по восточным обычаям, их вооруженными врагами стали не только мужчины, но и женщины. Почти каждый дом приходилось брать с бою. В гневе солдаты никого не щадили. Сцены при взятии Ахульго были невинными пасторальями перед тем, что происходило в Измаиле. *«Даже офицеры не могли удержать людей от бесцельного кровопролития и слепого бешенства... купеческие лавки были разбиты и по трупам их владельцев новые хозяева стремились к добыче... покоренный город представлял ужасающее зрелище»* [74].

Генерал-майора Львова ткнули штыком, приняв за турка, которого грабят (один из офицеров искал у него на теле рану). Сдавшегося Айдозлу-Мехмеда-Пашу и большую часть его свиты перебили за сопротивление попытке какого-то егеря забрать богато украшенный кинжал. *«По улицам и площадям валялись груды, чуть не холмы человеческих трупов, полураздетых, даже нагих; торговые помещения, жилища побогаче стояли полуразрушенные»* [75]. Погром на многих произвел страшное впечатление, и тут, а не на анекдотах, сосредоточил свои оправдательные усилия Фукс, упоминая суворовские наставления: *«Обывателя не обижай, он нас поит и кормит. Солдат не разбойник»*, но *«Святая добыч! Возьми лагерь — все ваше! Возьми крепость! Все ваше»* [76]. Оргия грабежей и убийств не была свидетельством какой-то особой бесчеловечности Суворова, а вполне вписывалась в понятия того времени. Взятие Килийского замка Меллером-Закомельским тоже не отличалось человеколюбием, — там жители нападали на солдат, не давая им приступить к цитадели, и солдаты убивали жителей. Много позднее декабрист С. Г. Волконский писал: *«Хоть это и бесчеловечно, но иногда должно быть дозволено и единственно при штурмах, где каждый житель — враг в защите»* [77]. Лишь к концу погрома Кутузов принялся железной рукой водворять дисциплину и порядок.

Потери турецкой стороны были громадные — убитых более 26 тыс. чел. Чтобы избавиться от тел, их с помощью пленных шесть дней кидали в покрасневший от крови Дунай. В плен было взято 9 тыс., но 2 тыс. на следующий день умерли от ран. Остальные отправлялись партиями в Бендеры и Николаев. Ужасы этого путешествия, по словам А. Ф. Ланжерона, превосходили картины резни в Измаиле. Из всего гарнизона спасся один человек, переплывший Дунай на бревне. Потери русских по реляции Суворова составили убитыми 64 офицера и 1815 нижних чинов, ранеными 253 офицера и 2450 нижних чинов, всего — 4582 чел. По сведениям, исходящим от Ланжерона (которых придерживался и Петрушевский), русские потеряли убитыми 4100 и ранеными 6000 чел., из которых впоследствии 4000 умерли от ран [78].

Участники штурма Очакова 1788 года считали его игрушкой по сравнению с измаильским. Нет в истории XVIII в. другого сражения против сильной крепости, в котором с обеих сторон гремели 850 пушек и завершившегося истреблением осажденных менее чем за 12 часов. Сам Суворов смотрел на него как на дело чрезвычайное, и говорил: *«На такой штурм можно пускаться один раз в жизни»*. Потемкин

писал Екатерине II: *«Матушка родная, Всемилостивейшая Государыня. Обрадованы Вы взятием Измаила и, правду сказать, есть чем. В большом числе отборная армия наголову истреблена, чего никогда не случалось. В Кагульскую баталию не убито ни трех сот турков»* [79].

Наградками за успех А. В. Суворов и Г. А. Потемкин распорядились мудро. Комендант Измаила М. И. Кутузов был представлен к чину генерала-поручика и ордену Св. Георгия 3-го класса, не получив материальных наград. Их он мог возместить за счет должности коменданта: *«Сокровищ было собрано столько, что маркитанты за хорошую чарку водки получали по ковшу жемчуга»* [80]. П. С. Потемкин получил орден Св. Георгия 2-го класса, а вскоре — суконную фабрику в селе Глушково Курской губернии со всеми относящимися к ней крестьянами и землями. Де Рибасу были пожалованы золотая шпага с бриллиантами (по Богдановичу орден Св. Георгия 2-го класса), а также имение с 800 крестьянами в Полоцкой (Могилевской) губернии потомственно. Б. П. Ласси, как и М. И. Кутузов, был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса, ему также было пожаловано имение с крестьянами под Гродно. А. Н. Самойлов был награжден орденом Св. Владимира 1-го класса.

Кого наиболее отличал Суворов, на самом деле вопрос трудный. Более-менее уверенно можно судить о прохладности Александра Васильевича к Львову, в то время более Кутузова отличавшегося придворными качествами. История донесла до нас дразги о недостойном поведении Львова при штурме (удалился от своей колонны после легкой раны), что тогдашними понятиями осуждалось (остальные христиане продолжали отдавать живот свой) [81]. Вероятно, Суворов был разочарован Самойловым. Похоже, в пику ему, в списке представленных к наградам за взятие Измаила он собственноручно приписал: *«Генерал Кутузов шел у меня на левом крыле, но был правою моей рукою»* [82], из чего впоследствии делался вывод о близости Кутузова к Суворову, его ученичестве у великого полководца. Но де Рибаса Суворов называл не иначе как *«дунайским героем»* и своим *«истинным другом»*, говоря, что для них двоих нет ничего невозможного [83, 84]. Пожалуй, о Кутузове он не мог такого сказать.

«Правая рука» тоже звучало весомо, заодно уменьшая роль Самойлова, по диспозиции к штурму должно быть настоящей «рукой» Суворова. Недовольство понятно: по одной версии событий генерал-поручик Самойлов согласился с просьбой об отступлении 6-й колонны, а по другой — еще проще: не проявил должной ини-

циативы. У Синельникова и Орлова имеются сведения, что за него в ряде случаев распоряжался генерал-майор Кутузов, оказывая своими егерями содействие казакам 4-й и 5-й колонн [85, 86]. В «Анекдотах или достопамятных сказаниях» тоже значится, что он послал на помощь 4-й и 5-й колоннам егерский батальон, еще не отшлифованная побасенная часть предваряется фактической и по-военному складной [87]. Так что все верно, Кутузов вместо Самойлова оказался «правой рукой». Последняя версия отношений хорошо объясняет смысл суворовской приписки: Кутузов при штурме Измаила проявил заметные командные, генеральские качества, что ценнее бездумной храбрости. Это было высшее боевое достижение Михаила Илларионовича, справедливо упрочившее его высокую военную репутацию.

Показательно, каковы были переживания самого Кутузова. После штурма он написал жене письмо, в котором говорилось: *«Я не ранен и бог знает как. Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся. Вчерашней день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшной горой в наших руках, а ввечеру приехал домой как в пустыню... Кого в лагере не спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью, и залился слезами»* [88]. Мучения и гибель товарищей, возможность собственной смерти или очередной страшной раны, осознаны им как никогда ранее глубоко. Сильнейшее потрясение испытал не один только Кутузов. Полковника Хвостова, оставшегося старшим в колонне после тяжелого ранения Мекноба, *«долгое время искали, наконец, нашли в хвосте колонны и с трудом заставили идти в голове ее»* [89]. Речь никоим образом не идет о трусости. Такое предположение может быть основано лишь на непонимании страшной силы, с которой закаляет и деформирует людей война. Вслед за опалой со стороны Румянцева и злыми турецкими пулями, кровавый штурм Измаила ускорил давно идущий в душе Михаила Илларионовича поворот. Он перестал любить войну и увлекаться ею. Отторжение, охватившее генерала от мясорубки, помешало ему оценить работу Суворова. Вместо этого он укрепился в стратегиях сбережения сил, маневров и уклонения от опасностей. Под Измаилом проявилось и то, что без твердой руки сверху Кутузов позволяет, и впредь будет позволять себе слишком много интриг и рысканий.

Русские войска стали располагаться на зимние квартиры. Суворов отбыл в Яссы к Потемкину, где между ними произошла глубокая и окончательная размолвка. Александр Васильевич, рассчитывавший на фельдмаршальский жезл, рискнул поставить себя на одной высоте

с Потемкиным в милости императрицы и проиграл. Из покровителя он сделал себе врага. Будучи награжден ниже чаяния, он отправился на север, в Финляндию. Кутузов же распорядился своим возросшим военным и общественным реноме осторожней, иначе. Он обошел препоны, его ждали неожиданные повороты судьбы и взлет.

1. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 24.
2. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турц*. СПб., 1852. С. 226.
3. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 27–29.
4. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турц*. СПб., 1852. С. 228.
5. Чернышев Г. И. *Письма во вр. осады Измаила // Рус. Архив*. 1871. № 3. С. 387–388.
6. Петров А. Н. *Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II*. СПб., 1880. Т. 2. С. 165.
7. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 31.
8. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турц*. СПб., 1852. С. 221.
9. Чернышев Г. И. *Письма во вр. осады Измаила // Рус. Архив*. 1871. № 3. С. 386, 388.
10. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турц*. СПб., 1852. С. 231.
11. Петров А. Н. *Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II*. СПб., 1880. Т. 2. С. 171.
12. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 37.
13. Чернышев Г. И. *Письма во вр. осады Измаила // Рус. Архив*. 1871. № 3. С. 396. См. также: Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1, прим. к док. № 168. С. 113.*
14. Петрушевский А. Ф. *Генералиссимус кн. Суворов*. СПб., 1884. Т. 1. С. 380.
15. Потемкин П. С. *Письма // Рус. Архив*. 1876. № 6. С. 137.
16. Петров А. Н. *Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II*. СПб., 1880. Т. 2. Прил. № 20. С. 50.
17. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 37–38.
18. Чернышев Г. И. *Письма во вр. осады Измаила // Рус. Архив*. 1871. № 3. С. 396–398.
19. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 168. С. 113.*
20. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 36–37.
21. Там же. С. 40.
22. Лопатин В. С. *Св. кн. Потемкин*. М., 2005. С. 182.
23. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турц*. СПб., 1852. С. 231.
24. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 38, 40.

25. Петров А. Н. *Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II*. СПб., 1880. Т. 2. С. 171.
26. Чернышев Г. И. *Письма во вр. осады Измаила* // Рус. Архив. 1871. № 3. С. 399.
27. Потемкин П. С. *Письма* // Рус. Архив. 1876. № 6. С. 136–138.
28. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 24.
29. Там же. с. 42–43.
30. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турци*. СПб., 1852. С. 235.
31. Петрушевский А. Ф. *Генералиссимус кн. Суворов*. СПб., 1884. Т. 1. С. 382, 384.
32. Чернышев Г. И. *Письма во вр. осады Измаила* // Рус. Архив. 1871. № 3. С. 401–402.
33. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 46.
34. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 633.
35. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии*. М., 1859. С. 15.
36. *Анекдоты или достопам. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенищеве-Кутузове-Смол.* СПб., 1814. Ч. 1. С. 38–41.
37. Фукс Е. Б. *Истор. генералиссимуса, кн. Итальянского, гр. Суворова-Рым-нижского*. М., 1811. Ч. 1. С. 98–99.
38. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 47–48.
39. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турци*. СПб., 1852. С. 237.
40. Петрушевский А. Ф. *Генералиссимус кн. Суворов*. СПб., 1884. Т. 1. С. 386.
41. Петров А. Н. *Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II*. СПб., 1880. Т. 2. С. 177.
42. Чернышев Г. И. *Письма во вр. осады Измаила* // Рус. Архив. 1871. № 3. С. 400.
43. Глинка С. Н. *Записки*. СПб., 1895. С. 198.
44. *Ордера и записки кн. Потемкина к кн. Суворову* // Рус. Архив. 1877. № 10. С. 198.
45. Самойлов А. Н. *Деяния кн. Г. А. Потемкина-Таврического* // Рус. Архив. 1867. № 12. С. 1550.
46. Суворов А. В. *Сб. док.* М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 637. С. 544.
47. Петрушевский А. Ф. *Генералиссимус кн. Суворов*. СПб., 1884. Т. 1. С. 383.
48. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турци*. СПб., 1852. С. 240–243.
49. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 54.
50. Там же. С. 51–52, 55.
51. Богданович М. И. *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турци*. СПб., 1852. С. 243.
52. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым*. СПб., 1890. С. 56–57.

53. Чернышев Г. И. Письма во вр. осады Измаила // Рус. Архив. 1871. № 3. С. 404, 406.
54. Петров А. Н. Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II. СПб., 1880. Т. 2. С. 177.
55. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 58–59.
56. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус кн. Суворов. СПб., 1884. Т. 1. С. 387–389.
57. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 60.
58. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 170. С. 116.
59. РБС. СПб., 1913. Т. 16. С. 179–180.
60. Чернышев Г. И. Письма во вр. осады Измаила // Рус. Архив. 1871. № 3. С. 402–404.
61. Петров А. Н. К биогр. св. кн. Голенищева-Кутузова-Смол. // Воен. сб. 1900. № 4. С. 233.
62. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 634.
63. Полевой Н. А. Рус. полководцы. СПб., 1845. С. 203–204.
64. Богданович М. И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турц. СПб., 1852. С. 247–248, 255.
65. Петров А. Н. Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II. СПб., 1880. Т. 2. С. 183.
66. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 67.
67. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус кн. Суворов. СПб., 1884. Т. 1. С. 390.
68. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 79.
69. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 72–74.
70. Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол. СПб., 1813. С. 23–25.
71. Ушаков С. И. Деяния рос. полководцев и ген., ознаменовавших себя в достопам. войну с Франциею. СПб., 1822. Ч. 1. С. 15.
72. Анекдоты или достопам. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенищева-Кутузове-Смол. СПб., 1814. Ч. 1. С. 20–21.
73. Ордера и записки кн. Потемкина к кн. Суворову // Рус. Архив. 1877. № 10. С. 198.
74. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 74, 78–79.
75. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус кн. Суворов. СПб., 1884. Т. 1. С. 394.
76. Фукс Е. Б. Истор. генералиссимуса, кн. Итальяйского, гр. Суворова-Рымникокого. М., 1811. Ч. 1. С. 99–100, 149.
77. Волконский С. Г. Записки. СПб., 1901. С. 91.
78. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 80–81.
79. Екатерина Вторая и Г. А. Потемкин. Личная переписка. М., 1997. Док. № 1102. С. 447.
80. Петров А. Н. Влияние турец. войн на разв. рус. воен. иск-ва. СПб., 1894. Т. 2. С. 140.
81. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 66.

82. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 34.
83. РБС. СПб., 1913. Т. 16. С. 170.
84. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 630. С. 540, Т. 3. Док № 269. С. 239–240.
85. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 69–70, 75.
86. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 68–69, 71.
87. Анекдоты или достопамят. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенищеве-Кутузове-Смол. СПб., 1814. Ч. 1. С. 17.
88. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 169. С. 114.
89. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 68.

2.1. МАЧИН. НЕОЖИДАННЫЙ УХОД ОТ ВОЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПЕРВЫЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

После взятия Измаила Михаил Илларионович по возросшему чину командовал крупными корпусами русской армии. Оставаясь комендантом крепости, он вскоре получил начальство над войсками и укреплениями, расположенными в низовьях Дуная от устья Прута до Днестра [1]. В новой, высокой и почти самостоятельной должности Кутузов поступил под командование Н. В. Репнина, в феврале 1791 года принявшего русскую армию по случаю отъезда Г. А. Потемкина в Петербург. Этот этап его службы впервые можно назвать самостоятельной полководческой деятельностью. Она выглядела вполне успешной, — 1791 год принес генералу лавры побед при Бабадаге и Мачине.

Ввиду возможных осложнений с Англией и Пруссией, план кампании предусматривал активные действия на нижнем Дунае. Переходами войск на южный берег хотели достичь двух целей: оборонить уже захваченные провинции, а заодно вызвать встревоженного переправой противника в поле, и разбить его в бою. В Стамбуле, видя главную квартиру русской армии в Галаце, полагали, что вслед за Измаилом штурму подвергнется Силистрия. Преграждая к ней путь, турецкие силы тянулись к северо-востоку, в район Мачина. В результате такого встречного движения противоборствующих сторон могло возникнуть генеральное сражение.

В конце марта силами сводных отрядов (корпусов) М. И. Кутузова и С. Ф. Голицына был произведен первый поиск за Дунаем, с проходом холмистых дефиле и взятием Мачинских укреплений, но крупного сражения не случилось. Турки еще не собрали силы и безуспешно защищались отдельными отрядами численностью 700–2000 чел. Русские корпуса тоже действовали раздельно, а затем, концентрически сжимая противника, объединились. Наиболее ожесточенный эпизод этого рейда 27 марта (7 апреля) биографы Кутузова именуют битвой при Монастырище. Подробно военные действия описаны у

Петрова, упомянувшего: после боя селение было истреблено огнем, «чтобы лишить, на будущее время, неприятеля возможности в нем вновь утвердиться» [2]. Случай для русско-турецких войн второй половины XVIII в. редкий, особенно, если учесть, что Монастырище было не турецким, а славянским старообрядческим поселением.

Следующее дело 3–5 (14–16) июня было повторным поиском, назначенным заставить турок, продолжающих стягивать войска к Мачину, обнаружить себя, и отвлечь их внимание от этого пункта. Действия велись от Измаила на Бабадаг силами переправившегося через Дунай корпуса Кутузова и подчиненных ему Черноморских казаков атамана Чепиги. На этот раз Кутузову противостояли более крупные массы врага: до 15000 турок и около 8000 татар. Их ошибкой было, что они не заняли лесистых и холмистых дефиле, в которых неудачно оборонялись прошлый раз. Корпус Кутузова беспрепятственно прошел дефиле и развернулся в боевой порядок. Не выдержав вида русской пехоты, не имея успеха в сече с казачьей конницей, враги бежали, оставив свой лагерь. Чепига потерял 4 казаков убитыми и 35 ранеными. Победе способствовали установленные Кутузовым нарукавные повязки для казаков, отличавшие их от «турецких запорожцев», и случай, выдавший расположение засадной турецкой конницы [3]. Для регулярной пехоты дело вышло бескровное, с большой добычей (провиантские и пороховые запасы для еще не прибывшей армии визиря), часть которой пришлось уничтожить по невозможности увезти. Победная реляция Кутузова изобразила турецкие потери в 1500 чел., и родилось Бабадагское сражение, хотя сопротивление противника было слабее, чем в мартовском поиске [4].

В конце июня при Мачине корпус Кутузова хорошо способствовал разгрому 80-тыс. турецкой армии. В соответствии с начавшим проявляться полководческим кредо Михаила Илларионовича, битва отличалась большим размахом передвижений русских войск, понуждением турок к лобовым атакам русских линий и отсутствием стремления самому ходить в таковые. А равно — отсутствием боязни за известную разобщенность выдвигающихся прямо на противника и обходящих колонн. Принимая во внимание дружеские отношения между Кутузовым и Репниным, надо предполагать его большое участие в составлении плана (диспозиции) Мачинской баталии. В переписке Репнин благодарит Кутузова за какие-то конфиденциальные сведения, неоднократно просит «друга сердечного» Михаила Илларионовича прибыть в Галац для переговоров о предстоящих действиях, «в дружеской от-

кровенности» посылает ему только для личного сведения копии своих рапортов наверх *«о бывшей за Дунаем экспедиции»* [5, 6].

Н. В. Репнин, получив сведения о концентрации турецких войск в укрепленных лагерных стоянках у Мачина, принял решение упредить и безотлагательно атаковать их. Сосредоточив свои силы к Галацу, он при содействии флотилии О. М. де Рибаса навел там мост через Дунай, переправился, сделал ночной марш, и утром 29 июня (9 июля) неожиданно появился перед противником. Действующие с этой стороны русские силы, сведенные в корпус князя С. Ф. Голицына, были предназначены для привлечения на себя внимания турок с фронта. В это время другой русский корпус под командой М. И. Кутузова обходил правый турецкий фланг, чтобы с тыла и Мачинских высот обрушиться на неприятеля. Третий небольшой корпус князя Г. С. Волконского должен был связывать войска главных русских корпусов и при необходимости поддерживать Кутузова.

Корпус Михаила Илларионовича, состоящий из 12 батальонов пехоты и до 12 полков конницы при 24 орудиях, шел двумя колоннами, которые, отбросив турецкое охранение, поднялись по крутым склонам на открытые и плоские вершины Мачинских гор. На самом трудном участке егерями руководил генерал-квартирмейстер Я. М. Пистор. Оказавшись за гребнем, Кутузов построил войска в пять каре, в двух линиях, а по мере выхода на простор развернул фронт в одну линию с конницей за нею. Массы турецкой конницы несколько раз атаковали русский фронт, но, как и в прежних баталиях прославленного генерала, были отбиты огнем его пехоты. Кольцо русских корпусов стягивалось вокруг турецких лагерей. Голицын наступал от Дуная, Кутузов вступил в прямое взаимодействие с Волконским, авангард и гренадерские батальоны которого приблизились по крутым скатам. Попытка турок вновь разъединить русские корпуса успеха не имела [7]. Не опасаясь угрозы справа, Кутузов вывел из-за левого фланга своей пехоты кавалерию, до того не участвовавшую в бою, и стремительной атакой решил сражение [8]. Турки смешались и бежали, бросив оба своих лагеря, потеряв более 4000 чел., 35 пушек, 15 знамен. Общие русские потери составили 141 чел. убитыми и 300 ранеными. Главнокомандующий Репнин докладывал Екатерине II: *«Расторопность и сообразительность генерала Кутузова превосходят всякую мою похвалу»* [9]. Отличился также генерал-майор А. П. Тормасов, которому, как командиру кавалерии, принадлежали (по рапортам самого Михаила Илларионовича) заметная часть *«расторпности и сообразительности»* [10, 11].

Иное описание Мачинской битвы дал Л. Н. Энгельгардт, участвовавший в ней в составе корпуса Г. С. Волконского, излагая дело так, что Кутузов медлил с подъемом на вершины, и всерьез озаботился атакой лишь после удачных действий Волконского: *«М. Л. Кутузов мог взойти на гору без труда и показал ложно, что против его большие были силы; даже генерал квартирмейстер Пистер... при многих дерзко его в том уличал. Думать надобно, что Кутузов знал коротко свойство князя Репнина, что он без него по известной его осторожности в крепкой неприятельской позиции атаковать не осмелится, и что вероятно стал бы ретироваться; тогда Кутузов взошел бы на гору, ударил неприятелю во фланг и один разбил бы визиря»* [12]. Заметна параллель с измайльскими анекдотами, подчеркивающая такое качество Кутузова как хитрость на фоне общего дворянского славолубия. С практической же точки зрения мы видим, как современники подмечают свойство Михаила Илларионовича в острую минуту проявлять осмотрительность вместо решительности, которое все больше укореняется в его характере. Как и на стене Измаила, генерал промедлил, пока кавалерия Волконского не *«взобралась на эти скаты и усилила Кутузова в момент самого жаркого разгара боя»* [13].

Большинство историков касаются Бабадага и Мачина скороговоркой, между тем, в этих успехах следует искать корни последующих батальных планов Кутузова, пока они не были изменены яростным натиском Наполеона: длинные обходы и охваты при шаблонности ранее оправдывавших себя построений. У Петрова и Богдановича читаем, что одинаковый боевой порядок — 5 каре в 2 линиях с конницей за ними предписывался всем трем русским корпусам при большой разнице в местности, на которой им надо было решать свои задачи, — от плоского болота до крутых склонов Мачинских гор [14].

Поражение при Мачине, рассеявшее турецкую армию и лишившее ее материальных средств, заставило султана думать о мире. 31 июля (10 августа) в Галаце было заключено перемирие, в ходе которого продолжились переговоры, увенчавшиеся заключением выгодного мира в Яссах 29 декабря. Были обильно розданы награды, Кутузов получил орден Св. Георгия 2-го класса. Один Суворов не придавал значения громко превозносимой победе при Мачине, не видя в ней крупного военного достижения и говоря с усмешкой: *«Помилуй Бог, ведь Мачинское сражение было кровопролитно»* [15].

5 (16) октября скоропостижно умер князь Г. А. Потемкин, под общим командованием которого и бок о бок с его родственником

П. С. Потемкиным, Михаил Илларионович провел несравненно больше времени, чем под началом Суворова. В связи с негативной (и незаслуженной) оценкой военных дарований всесильного фаворита Екатерины, сложившейся в царской историографии к середине XIX в., светлейший князь Таврический не признается источником полководческого воспитания Кутузова. Но между главнокомандующим и его подчиненным заметны сходства, на которые указывал военный историк, генерал Д. Ф. Масловский [16], и которые можно считать за подражания со стороны Кутузова в характере и ориентирах действия для полководца. Среди них нелюбовь к риску, методичность, увлечение не столько острыми тактическими, сколько стратегическими моментами кампаний; строгое охранение своего первенствующего положения, пусть даже ценой изгнания из армии заслуженных боевых генералов. Все это Михаил Илларионович взял на вооружение. Вместе с тем, Кутузов как организатор является лишь тенью Екатерининского Циклопа, обустроившего для России огромную территорию Причерноморья.

Несомненно, импонировал Кутузову роскошный образ жизни Потемкина, не загораживая, однако, от его пронизательного ума тайных пружин потемкинской власти. *«Князь Таврический походил не на военачальника на театре войны, а скорее на восточного властителя среди блистательного двора. Тут были знатные и богатые иностранцы, рассыпавшиеся перед ним в комплиментах, а про себя издевавшиеся над его сатрапскими замашками и капризным непостоянством. Тут были люди знатных и влиятельных фамилий, налетевшие из столичных салонов за дешевыми лаврами; вокруг жужжал рой красавиц... Одна за темя пресыщенного человека сменялась другою»* [17]. Подобием этого великолепия стали главные квартиры Кутузова в 1805, 1811 и 1812 гг. *«Главная квартира его в Браунау была средоточием веселостей, напоминающая торжественный, великолепный Екатерининский век»* [18]. *«Я помню главную квартиру Кутузова в великий год войны отечественной... Какая роскошь, какие веселости всякого рода!»* [19]

Пытливый взгляд на старших генералов, основанный на собственном опыте с Румянцевым и наблюдениях отношений между Потемкиным и Суворовым, открыл Кутузову, что военного опыта и личной доблести под пулями (чем он был сыт по горло), для большой карьеры мало. Конец века Екатерины был веком *«искательств, подслуживания, лести и всяких кривых путей. Существовали эти пороки в русском обществе и раньше, и позже, но никогда не имели такой благодарной по-*

чвы... Ничто не доставалось тогда прямо; даже богато одаренным людям приходилось держаться общей колеи. Суворов, искавший исхода своим внутренним силам с самого вступления в действительную жизнь, успел уже состариться, когда сделался человеком известным. Пути, которые мешали ему развернуть все свое дарование, он мог ослаблять и понемногу сбрасывать только с помощью испытанных приемов века. Но прошли долгие годы, а он все еще не добился надлежащего положения» [20]. Кутузов был в том же затруднении, что и Суворов. Он дважды побывал на грани жизни и смерти, прежде чем добиться заметных чинов. Не желая повторять суворовские ошибки, и не надеясь на военную удачу, расчетливый Кутузов в своей линии поведения пошел за Потемкиным.

Успешным стало для Михаила Илларионовича третье направление в Польшу, отношения с которой вновь ухудшились после переворота 3 (14) мая 1791 года. Новое польское правительство отвергло зависимость Польши от России, потребовав удалить из страны русские войска и магазины. В ответ Екатерина II поддержала польских роялистов. Прославленный генерал командовал крупнейшим корпусом войск в составе широко разбросанной армии генерал-аншефа М. В. Каховского, с которым 8 (19) мая 1792 года вторгся в польские земли со стороны Могилева-Подольского, наступая против правого фланга конфедератов, через Шаргород на Винницу. Боясь окружения, поляки отступали на Волынь и Кутузов двинулся за ними на Острополь, опять в обход правого фланга противника, занявшего позицию на реке Стырь у Любаря. Поляки ретировались на северо-запад к Острогу, что лишило Михаила Илларионовича возможности отличиться в крупных боях [21]. В зоне его ответственности сторонники польской конституции занимались партизанскими вылазками, корпусу ни разу не пришлось действовать в полном составе. Единственное похожее на битву столкновение частей 1-го корпуса с поляками при Уханке произошло в самом конце кампании под личным командованием Каховского [22]. 14 (25) июля военные действия закончились. В январе 1793 года последовал второй раздел Польши, по которому Подолия, Волынь и Минская область отошли к России. Своей деятельностью Кутузов заслужил одобрение главнокомандующего. Казалось, и дальше будет продолжаться его успешная военная стезя. Тем более неожиданным стало назначение генерала чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь.

Будучи в Польше, Кутузов не забывал напоминать о себе в Петербурге. Выкраивая время на эти дела, 12 мая 1792 года он учреждает при

своем войсковом лагере должность дежурного генерала, которому препоручает *«все то, что в рассуждении военных обстоятельств требует осторожности и скорого распоряжения»*. Впоследствии он всегда будет использовать такой прием саморазгрузки. Как хлопотал генерал-поручик при дворе остается тайной, но 25 октября Екатерина II, действуя через голову Каховского, предписывает: *«Михайло Ларионович! Вознамеревая отправить Вас чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской, повелеваем для получения надлежащих наставлений поспешить Вашим сюда приездом»*. Не дожидаясь оно, на следующий день указом государыни императрицы Кутузов назначается послом в Турцию вместо Самойлова [23]. Речь шла об обмене торжественными посольствами, предусмотренном Яским мирным договором.

О скрытых пружинах этого назначения можно предполагать, что на поприще чрезвычайного посла в Царьград Кутузов наследовал благосклонно настроенному к нему Репнину, тоже побывавшему в 1771 г. в опале у Румянцева, и ездившему в Турцию с посольством после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора [24]. Синельников также увязывает назначение Кутузова послом с *«лестными отзывами»* о нем Екатерине II со стороны Потемкина, Суворова и Репнина [25]. Насчет влияния известного своей угловатостью Суворова мы заблуждаться не можем, а вот дипломат Репнин и память о Потемкине в совокупности с собственными воспоминаниями царицы о Кутузове и расчетом на обыгрывание перед султаном его известности по страшным ранам и боевым заслугам в Измаиле, могли совершить такое чудо.

Как только в армию дошел царский указ, Кутузов получил увольнительную в Санкт-Петербург с самой положительной репликацией М. В. Каховского, осмелившегося *«повернуть его обще с собою к освященным вашего императорского величества стопам»*. В ноябре царица дала своему избраннику несколько аудиенций с наставлениями. Перед отправлением дипломатической миссии, 21 февраля 1793 года, послу даны были письменные указания о его предстоящей деятельности в Турции. Кутузов получил тайные инструкции: *«Сохранить мир и доброе согласие с Портою, нужные для отдохновения»*; добиться от турок *«точного исполнения постановленных соседственных и торговых условий»*; следить за *«исправлением мореходных и сухопутных сил Турции»*; противостоять влиянию на султана *«со стороны извергов, во Франции правление похитивших»*; обеспечить невмешательство Порты в польские дела, поддерживать христиан, и многое другое [26].

Весной 1793 года, во главе многолюдного посольства (свита состояла из нескольких сот человек) Михаил Илларионович отбыл в Константинополь. Для выполнения своих задач он вез огромные подарки султану, визирю и прочим высшим чинам Османской империи. Сверх того, на чрезвычайные расходы послу было определено 30 тыс. рублей. В составе миссии был и С. Л. Львов. Императрица желала как можно полнее использовать впечатление, которое возымело на турецкие верхи падение неприступного Измаила. 5 (16) июня на новой русской границе в Дубоссарах произошел размен встречными вступавшими в пределы двух замирившихся империй посольствами.

С момента перехода через Дунай начало исполняться секретное поручение Екатерины о разведке путей от Рущука до Константинополя, которыми могла бы пройти армия в составе двух корпусов — 30—40 тыс. чел. После завоевания и включения в хозяйство Российской империи Северного Причерноморья у русских войск возник прочный тыл для операций на Балканах, приходило время для ударов в сердце Османской Порты. В последующей истории завоевание Балкан и Царьграда не состоялось, но документ об исполнении поручения сохранился. Движение войск было рассчитано на 24 дневных перехода; описание последнего перехода заканчивалось соображениями о начале осады турецкой столицы и бомбардировке города и гавани [27]. По данным Н. П. Глиноецкого, *«собственно для съёмочных и картографических занятий»* при посольстве состояли 12 армейских и флотских офицеров, которых он называет поименно, включая капитана 2-го ранга Шишкова (по-видимому, будущего адмирала А. С. Шишкова), и подполковника Х. И. Трузсона, который в 1812 году возглавил инженерную службу 1-й Западной армии. *«Работы этих лиц... доставили многие сведения о балканских проходах и маршруты, которые были принимаемы во внимание при составлении предположений для военных действий в Турции»* [28].

В пяти верстах от Константинополя русский посол был встречен верховным визирем с подарками. В турецкую столицу *«посол и все при нем чиновники ехали верхом на богато убранных султанских лошадях... Вскоре дана была послу аудиенция у султана; верховный визирь, капитан-паша, рейс-эфенди и прочие первые чиновники угощали посла и всю свиту... для посла был сделан сервиз золотой, осыпанный яхонтами и изумрудами»* [29].

Кутузов блестяще справился с возложенными на него поручениями, прекратив попытки оспаривания отдельных статей Ясского мир-

ного договора, предотвратив вмешательство Турции в польские дела и нейтрализовав европейское влияние на Порту, и тем подготовив неожиданный союз Турции с Россией против революционной Франции. Между делом посол пресек невыгодную для России смену господарей Молдовы и Валахии. Он продемонстрировал все свое личное обаяние, очаровав Селима III и его высших чинов. Султан и его двор удивлялись, *«каким образом человек, ужасный в боях, мог быть столь любезен в обществе»*. Сераскер Лаз Азиз Ахмед-паша (будущий противник Кутузова в 1811 году), стал его добрым приятелем. Передавалась анекдотическая история, что Кутузову удалось получить доступ в сад наслаждений, — строго охраняемое место, где гуляли султанские жены и прочие обитательницы гарема Селима III [30, 31].

Михаил Илларионович и сам получал удовольствие от своего дебюта в качестве дипломата. В письмах жене он живописует красоты Константинополя, роскошную азиатскую и посольскую жизнь, подносимые турецкими официальными лицами подарки, особо отмечая выделенное ему султаном содержание в 600 пиастров в день (сверх денег, определенных русской императрицей). *«Дипломатическая карьера, — делится он ощущениями, — сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как надобно»*. В другом письме Кутузов признается: кругом все плуты *«и надобно не только стеречься их, но и их обманывать»* [32], что, видимо, ему удавалось. По описаниям Михайловского-Данилевского и Бантыш-Каменского: *«Время пребывания своего в Царьграде Кутузов называл счастливейшею эпохою своей жизни»* [33, 34]. Армейское бытие по сравнению с посольством выглядело серым и нищим. Это укрепило кутузовские жизненные ориентиры. При умении составить себе блестящее реноме находились возможности вытянуть дополнительные деньги из казны. 30 тыс. рублей на чрезвычайные расходы посол истратил полностью, и нашел способ получить еще, а на обратный путь в Россию просил особо [35].

В это время М. И. Кутузов вводит в практику напоминания о собственных заслугах с вежливыми просьбами материального вознаграждения. *«С должным высокопочитанием и неограниченною преданностию»*, 9 (20) августа 1793 года, еще не добравшись до Царьграда, он обращается к фавориту императрицы П. А. Зубову (с которым состоял в переписке по военно-дипломатическим вопросам), прося исхлопотать ему за заслуги материальное поощрение. Михаил Илларионович правильно рассудил. Лучше было получить двойное по-

кровительство, зайдя со стороны. Зубов понял. Просимое не заставило себя ждать. 2 (13) сентября 1793 года, еще до прибытия посла в Стамбул, государыня пожаловала Кутузову «за службу его, в вечное и потомственное владение 2000 душ» крестьян на Волыни [36] и возвела его «в звание генерал-губернатора Казанского и Вятского» [37, 38]. Это было весомее ранее полученных орденов. С тех пор Кутузов стал выказывать Зубову преданность и признательность.

Нужно заметить, что прошения о награждении какими-либо милостями были вообще в обычае тогдашнего служилого сословия, представляя собой пережиток боярского и челобитного прошлого. Будучи привязанным к дипломатическому этикету и процедурам, в конце марта 1794 года, как только турецкий посол тронулся назад из Петербурга, Кутузов сдает дела своему преемнику В. П. Кочубею и покидает Константинополь. 25 мая того же года на Днестре произошел обратный обмен миссиями [39].

1. *Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голенщикова-Кутузова-Смол.* СПб., 1813. С. 25.

2. *Петров А. Н. Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II.* СПб., 1880. Т. 2. С. 198–202.

3. *Короленко П. Черноморцы за Бугом // Воен. сб. 1868. № 5–6. Отд. неофиц.* С. 6–8.

4. *Петров А. Н. Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II.* СПб., 1880. Т. 2. С. 211–212.

5. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 199, 204.* С. 137–138, 141.

6. *РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 637.*

7. *Мартьянов А. Г. Истор. 12-го драгунского Стародубовского полка.* СПб., 1908. С. 35.

8. *Петров А. Н. Вторая турец. война в царств. имп. Екатерины II.* СПб., 1880. Т. 2. С. 222–223.

9. *РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 637.*

10. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 205, 208, 209.* С. 146, 148–149, 152.

11. *Богданович М. И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турци.* СПб., 1852. С. 272, 274.

12. *Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1860. С. 94.*

13. *Петров А. Н. Влияние турец. войн на разв. рус. воен. иск-ва.* СПб., 1894. Т. 2. С. 152.

14. *Богданович М. И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турци.* СПб., 1852. С. 270–271, 274.

15. Давыдов Д. В. Встреча с великим Суворовым // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 2. С. 28.
16. Масловский Д. Ф. Записки по истор. воен. иск-ва в Рос. СПб., 1894. Вып. II. Царств. Екатерины Великой. С. 436.
17. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 15–16.
18. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном. СПб., 1844. С. 61.
19. Давыдов Д. В. Записки, в России цензурою не пропущенные. Брюсс. Лондон, 1863. С. 126.
20. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус кн. Суворов. СПб., 1884. Т. 1. С. 401.
21. Соседко Ф. Д. Истор. 72-го пех. Тульского полка. Варшава, 1901. С. 49–50.
22. Тударев А. И. Кр. истор. 5-го гренадерского Киевского полка. Калуга, 1892. С. 89–91.
23. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 239, 276, 277. С. 172, 189–190.
24. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 9.
25. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 99–100.
26. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 274, 279, 280. С. 185–186, 190–203.
27. От Руцука до Константинополя // Рус. Старина. 1878. № 1. С. 105–124.
28. Глиноецкий Н. П. Рус. Ген. штаб в царств. имп. Екатерины II // Воен. сб. 1872. № 1–2. Отд. I. С. 177.
29. Хвостов В. С. Записки // Рус. Архив. 1870. № 3. С. 580–581.
30. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 38–40.
31. Анекдоты или достопам. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенищеве-Кутузове-Смол. СПб., 1814. Ч. 1. С. 32–36.
32. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 328, 375, 413. С. 231–232, 274, 305.
33. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 10.
34. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 39.
35. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 433, 441. С. 321, 330–331.
36. Там же. Док. № 310, 321. С. 221, 227.
37. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 9.
38. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 38.
39. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 438, 439, 447. С. 328, 329, 336.

2.2. ПРИ ЕКАТЕРИНИНСКОМ ДВОРЕ

Летом 1794 года М. И. Кутузов прибывает в Санкт-Петербург и любезно принимается императрицей. За ним сохраняется звание генерал-губернатора Казанского и Вятского, но вместо отбытия в означенные губернии Кутузов 15 (26) сентября назначается главным директором Сухопутного шляхетского кадетского корпуса вместо умершего графа Ф. Е. Ангальта [1, 2] и получает возможность регулярно бывать при дворе, находя там новые связи. Можно лишь улыбнуться суждению, будто Екатерина II разглядела в генерале способности не только дипломата, но педагога. Зато Платон Зубов, занявший при дряхлеющей государыне место Потемкина, увидел в нем верного, повышающего его авторитет перед царицей члена собственной свиты. Вскоре придворная деятельность становится для Кутузова главной, поскольку с материальной стороны, после изобильного посольства, место директора корпуса было скромным, и удовлетворять его не могло.

В Кутузове стали проявляться осуждаемые современниками черты: угодливость и даже раболепие перед императрицей и ее фаворитами, сопровождавшиеся ростом грубости к подчиненным и кадетам (оно и понятно: подавляешь себя вверху, срываешься вниз). Каждые утро и вечер заслуженный 48-летний генерал ездил на поклон к Платону Зубову, часами просиживал в его приемной, ожидая приглашения [3], и собственноручно готовил кофе по константинопольскому рецепту, подавая его по утрам в постель 27-летнему фавориту. А. С. Пушкин в своих «Заметках по русской истории XVIII в.» называл «кофейник Кутузова» *«в ряду самых показательных символов унижения дворянского духа»* [4]. Граф А. А. Безбородко писал графу А. Р. Воронцову: *«Кутузов во всенизжайших слугах графа Зубова»* [5].

Со своей стороны, Михаил Илларионович твердо знал, за что терпел общественные пересуды и придворные унижения. По протекции Зубова *«императрица приняла Кутузова в небольшой круг особ, составлявших ее избранное общество»*. Екатерина стала ежедневно приглашать генерала к себе. Ужинал он с царицей и перед роковой ноябрьской ночью 1796 года, когда ее хватил удар [6, 7]. К концу жизни государыня все благосклонней принимала лесть, и Кутузов мастерски использовал это. В августе 1795 года к его благосостоянию прибавились секвестрированные у польских мятежников 9 фольварков и местечко Райгородок с 2667 ревизских (мужских) крестьянских душ.

Всего, надо полагать, там было около 6000 крепостных [8]. Подаренными душами выгодные придворные дела не заканчивались. В марте 1795 года, без освобождения от должности директора кадетского корпуса, Михаил Илларионович назначается командующим сухопутными войсками в Финляндии. Он снова стал распоряжаться большими казенными деньгами, отвечая за строительство оборонительных сооружений, средства на которое выделял Платон Зубов. В мае Зубов известил Михаила Кутузова о направлении на эти цели 176688 рублей, кои *«доставлены будут в канцелярию Главной артиллерии и фортификации, которой дано от меня надлежащее предписание, чтобы сии деньги употребляемы были в расход не иначе, как по Вашим требованиям и назначениям»* [9].

Кутузов был занят и в придворно-дипломатических аферах своего покровителя. Одна из последних, в 1796 году, состояла в попытке Зубова устроить бракосочетание внучки Екатерины — великой княгини Александры Павловны с королем Швеции Густавом IV Адольфом. Генералу поручено было *«встретить его на границе и проводить до Петербурга»*, что он и сделал со всей деликатностью и пышностью. Затем Михаил Илларионович находился при короле и регенте *«во все время бытности их в Петербурге с 13 августа до 20 сентября. Обязанность его сделалась особенно затруднительною, когда не состоялся предполагаемый союз»*. Он как-то справился, получив от обеих договаривавшихся сторон благоволение и *«повеление сопровождать высоких путешественников обратно до шведской границы»* [10, 11].

Близость к царской семье и власть над живописными финляндскими окрестностями позволили Кутузову приобрести расположение молодого великого князя Константина Павловича, когда он сопровождал важного подопечного в поездке для обозрения Роченсальмской крепости. С тех пор Константин относился к генералу заметно лучше и менее критично, чем его старший брат Александр. Впоследствии Кутузов выдал свою младшую дочь Дарью за адъютанта великого князя — Ф. П. Опочинина [12], а его внук — К. Ф. Опочинин стал крестником цесаревича. Покровительство Константина Павловича весьма пригодились Михаилу Илларионовичу.

Любопытно, что Кутузов не был пожалован царским генерал-адъютантом. Тут можно усмотреть сопротивление Зубова, не желавшего, чтобы Михаил Илларионович имел прямой, без его посредства, доступ к царице. С другой стороны, это почетное и желанное место редко давалось крупным боевым генералам, чья служба состояла

в командовании армиями далеко от особы самодержца, а Кутузов рассматривался в качестве такового. При Павле I вопрос был снят с повестки дня по той причине, что новый царь понизил значение генерал-адъютантов своей свиты с генерал-поручичьего до генерал-майорского ранга, и генерал-поручику Кутузову быть в генерал-адъютантах стало неуместно.

Под предлогом исправления финансовых дел кадетского корпуса Кутузов обратился к императрице за позволением продать принадлежавшие учреждению земли на Васильевском острове. Продажа была совершена, и при Павле I преемник Михаила Илларионовича в должности директора корпуса граф И. Е. Ферзен выдвинул обвинения *«по бывшим будто бы злоупотреблениям, генералом Кутузовым допущенным»*. За Кутузова вступился генерал-адъютант граф Е. Ф. Комаровский, в благовидном свете изложивший конфликтный вопрос Константину Павловичу, и тот приказал Ферзену *«впредь на генерала Кутузова никаких представлений более не делать»*. В декабре 1798 года Ферзен вышел в отставку и конфликт был исчерпан. Вероятно, не было дыма без огня, потому что Комаровский пишет: *«Я знал строгость императора, и если б сии бумаги доведены были до сведения его величества, то генерал Кутузов непременно бы пострадал»*. За организованную протекцию Кутузов *«чрезвычайно благодарил»* Комаровского [13, 14].

На время своих отлучек в Финляндию и «придворных маневров» Кутузов возлагал обязанности директора шляхетского кадетского корпуса на генерал-майора К. П. Ридингера, к которому по этой причине был весьма благосклонен, поощряя материально и морально в приказах: *«Его превосходительству генерал-майору и кавалеру Карле Петровичу Ридингеру, имевшему на себе общее обо всем учреждении и попечение во время частых моих по другим обязанностям отлучек, чрез сие поспешаю отдать должную справедливость»* [15]. Невнимание к кадетам и усердные упражнения в угодничестве портили директору репутацию в корпусе. Однажды, когда Кутузов садился в карету, наблюдавшие за ним воспитанники закричали вслед: *«Подлец, хвост Зубова!»* Разумеется, такое поведение было антипедагогично. Михаилу Илларионовичу не удалось компенсировать этот негатив ни боевой харизмой, ни строгостью, как он на то рассчитывал, при первом же своем появлении в корпусе заявив кадетам: *«Граф Ангальт обходился с вами как с детьми, а я буду обходиться с вами как с солдатами»*. Как вспоминал С. Н. Глинка: *«Мертвое молчание было единственным на это ответом»* [16].

Учебный процесс Кутузов скорректировал и зажал в самом реакционном духе: *«Между тем, какая-то невидимая рука в нашей зале с окон и столов отбирала книги и газеты и снимала со стен все собственноручные памятники графа Ангальта. Постепенно исчезли со стен нашего сада и надписи, и эмблемы, и изображение систем Тихо Браге, Птолемея и Коперника; вместе с ними отживали и пирамиды, и стены Вавилонские, и все чудеса древнего мира... Не стало у нас ни французских журналов и никаких заграничных газет... Кутузов переселился в корпус, но жил в нем невидимкою... Между им и нами было какое-то безмолвное недоверие»*. Допускал Михаил Илларионович по отношению к кадетам и откровенную грубость, надо полагать, матерную [17]. Консервативные убеждения полководец сохранял всю свою жизнь. Много лет спустя, в одном из своих писем Д. П. Трошинскому он напишет: *«Опаснее всего софизмы теоретические... Сие зло размножилось в Европе, как шарлатанство в медицине, и все стремятся к тому краю, где найдутся более легковверные»* [18].

Взамен обширного нравственного и научного образования, культивировавшегося Ангальтом, Кутузов ввел в корпусе расширенное преподавание тактики, которая в те времена большей частью включала в себя строевую муштру: *«С 16-го января 1797 года, кадеты, вместо возрастов, разделены на роты: гренадерскую и четыре мушкетерские и на малолетнее отделение»* [19]. Тактику Михаил Илларионович преподавал сам, а схемы построений и маневров, так называемые «фигуры», чертить *«поручал кадетам, — преимущественно К. Ф. Толю, которого полюбил с юных его лет»* [20].

По воспоминаниям В. Селиванова, устроенный новым директором *«переворот был так крут, жестокие наказания сделались до того невыносимы, что, как я слышал, двое кадет бросились из окон с верхнего этажа на мостовую, и, конечно, расшиблись до смерти»* [21]. Трудно поверить в смерть воспитанников, что непременно стало бы причиной крупного разбирательства, но отзыв симптоматический, указывающий, что Кутузов ни на вершок не поднимался над пороками и обычаями эпохи. В то время в Артиллерийском (2-м шляхетском) корпусе *«секли за все и про все, и часто, и больно, а за тычками никто не гонялся»*, но своей суровостью «педагог» все же перещеголял иностранца П. И. Мелиссино, потребовавшего ограничения произвола в наказаниях [22].

Ф. В. Булгарин повествует о своем отчаянии и мучениях, связанных с введенными Кутузовым солдафонскими порядками. У него мы

читаем о ликвидации Михаилом Илларионовичем существовавшего в корпусе с 1745 года кадетского театра, и объяснение «выпрыгиванию из окон» ребят: зимой в банный день старшие кадеты выкинули Булгарина с чердака в глубокий сугроб, требуя бежать после этого в парилку, и он слег, заболев жестокой простудой и лихорадкой [23]. Последствия черствости нового директора и уклонения им от обязанностей педагога в пользу порки воспитанников и поклонов при дворе быстро дали о себе знать: *«Забушевали у нас человек шесть силачей: они задирали и обижали слабых»* [24]. Следы побоев и драк остались на памяти Толя и теле Глинки. Шагистика и лицемерие при строгости командования во все времена порождали дедовщину. Синельников оговаривался, что его кумир в кадетском корпусе ничего по существу не менял и нового не привнес, *«учредил он только в корпусе строгую дисциплину»*. Эта блеклая характеристика, как водится у апологетов, была громогласно озаглавлена: *«Попечительность его о воспитании юношества»* [25]. То же и в другом раннем источнике 1814 года: Кутузову *«обязан корпус учреждением строгой дисциплины, сообразной с воинскими правилами»* [26], то есть порка и порка.

Всем своим поведением Кутузов нарушал сенатский указ 1763 года, которого придерживался Ангальт, гласящий, что *«корпус, по силе изданных о нем узаконений, заключает в себе не одно военное, но и политическое, и гражданское училище, а потому директор его без посредства других мест, прямо под повелительством Высочайшей Императорской Особы состоит и ни от каких других правительства мест повелений принимать ему не следует»* [27]. Увы, не первый и не последний раз образование уступало перед властолюбием и алчностью. Не только С. Н. Глинка и В. Селиванов, но и А. Ф. Ланжерон, наряду с умом и природной обаятельностью Кутузова, отмечали его *«жестокость, грубость, когда он горячился или имел дело с людьми, которых нечего бояться»* [28]. Позднее подобные свидетельства современников, в том числе выдающихся генералов русской армии, окружавших Михаила Илларионовича, стали насчитываться десятками. Многие из них, стыдливо не допущенные в биографии канонизированного деятеля и полководца, собрал К. Б. Жучков [29]. Порядка 20 таких ссылок дал Н. А. Троицкий [30]. Прямолинейный Суворов тоже изменил отношение к «ученику»: *«Я не кланяюсь Кутузову: он поклонится раз, а обманет десять раз»*, — говорил он [31].

Лишь широкий жест Михаила Илларионовича на досрочном выпуске кадет (повелел за счет корпуса шить малоимущим дворянам

мундиры) и его лаконичная, экспрессивная патриотическая риторика сгладили у воспитанников неблагоприятное впечатление о директоре. Впрочем, это отвечало его собственным целям. Он не мог показать императрице оборванцев, да и обиженную оппозицию умножать тоже не хотел. Таким образом, нет оснований объявлять Кутузова хорошим педагогом, вырастившим ряд военных кадров, подмечая совпадение, что они обучались в корпусе во время его руководства. Больше прав на высокую педагогическую оценку имеет Ридингер, неотлучно занимавшийся делами учебного заведения и кадетами.

Многие из неприятных качеств Кутузова были свойственны классу крепостников и дворян в целом, не имея отношения к исполнению обязанностей военного администратора и полководца. В частности, мало влияет на реализацию генеральских полномочий грубость. К тому же, Михаил Илларионович не распространял ее на воспитанников малолетнего отделения, отдававшихся в Сухопутный шляхетский кадетский корпус с 5–6 летнего возраста. Один из этих детей, И. С. Жиркевич, оставил воспоминания: *«В мое время начальники корпуса, один за другим, так следовали: Кутузов, Ферзен, Андреевский и Клингер. Первого я и теперь очень помню, и живо себе представляю в голубом плаще, три звезды — две на левой, одна на правой стороне, и шляпа на голове. Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обходился ласково, и такого же обхождения требовал и от офицеров. Часто являлся между нами во время наших игр, в свободные наши часы от занятий, и тогда мы все окружали его толпой и добивались какой-нибудь его ласки, на которые он был не скуп»* [32]. Очень тепло относился Михаил Илларионович к собственным дочерям, никогда (невзирая на свое донжуанство) не принося в семью со службы разного рода гнев и сор.

Тем не менее, без указания на такие прогрессирующие качества Кутузова как тщеславие, угодничество и двуличие, сопровождавшиеся признаками денежных махинаций и повышенной конкурентной активностью, анализ его служебной и полководческой биографии обойтись не может. Неумение возразить наверх даже в судьбоносных вопросах, политичное искажение точных военных данных, лишние интриги против равных, грубый зажим подчиненных, постоянное отвлечение внимания от службы на «смазку салазок в социальных лифтах» — враждебны военному искусству. Уход в «византизм» провоцировал должностную лень и перепоручение своих обязанностей доверенным лицам. Этой эволюции суждено было закончиться тем,

что человеком, которому судьба упорно назначала роль главнокомандующего, терялось представление о возможностях собственной армии. Не случайно последние годы царствования Екатерины являются белым, покрытым сахарным славословием пятном у всех историков, когда-либо бравшихся освещать жизнь Кутузова, — в них сокрыты признаки грядущих личных и державных неудач. И вот, «екатерининский застой» пришел к концу.

«Велико было смятение между доверенными царедворцами; ввиду известной им воли императрицы (отстранить от престола сына Павла в пользу внука Александра) предстояло решить вопрос, какой принять образ действий... Произошла минута колебания». В совещании принимали участие князь (с 1796) П. А. Зубов, граф Н. А. Зубов, граф А. А. Безбородко, граф Н. И. Салтыков, генерал-прокурор Сената, граф А. Н. Самойлов, граф А. Г. Орлов-Чесменский и митрополит Гавриил. Кутузова там не было, но он, без сомнения, был в курсе событий от Зубовых. Никто не решился стать между престолом и Павлом. Граф Зубов поскакал в Гатчину за наследником. Прихлебателей не хватило даже на то, чтобы поднять тело Екатерины на кровать, *«оно лежало в спальнной комнате на полу на сафьянном матрасе».* Вероятно не без посредства Безбородко и Зубовых Павлу было указано место хранения бумаг, касавшихся воцарения Александра. *«Во всяком случае... еще при жизни Екатерины цесаревич приказал собрать и запечатать бумаги, находившиеся в кабинете, и, как отмечено в камерфурьерском журнале, «сам начал собирать оныя прежде всех»* [33]. Не только хитрый Кутузов, но любой умный человек при таких сценах принял бы решение отойти в сторону и не высовываться. Ему оставалась надежда вернуть свои позиции постепенно, лояльностью и хитростью. Так оно и произошло.

1. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950—1956. Т. 1. Док. № 456, 457. С. 345—346.

2. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 41.

3. Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 125.

4. Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1959—1962. Т. 7. С. 275—276.

5. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 640.

6. Проценко Н. Ф. Св. кн. М. Л. Кутузов-Смол., спаситель отеч. в 1812 г. М., 1864. С. 12.

7. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 641.

8. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950—1956. Т. 1. Док. № 516. С. 382—383.

9. Там же. Док. № 513, 514. С. 377–381.
10. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 10.
11. Анекдоты или достопам. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенищеве-Кутузове-Смол. СПб., 1814. Ч. 1. С. 46.
12. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 640–641, 693.
13. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 473 с прим. С. 353–354.
14. Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. С. 65–66.
15. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 480, 484. С. 358, 360.
16. Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 114, 122.
17. Там же. С. 115–116, 119, 121.
18. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 119. С. 97.
19. Висковатов А. Кр. истор. Первого кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 51.
20. Мельницкий Н. Сб. сведений о воен.-учебн. заведениях в России. СПб., 1857. Т. 1. С. 118.
21. Селиванов В. Из давних воспоминаний // Рус. Архив. 1869. № 1. С. 165.
22. Ратч В. Ф. Сведения о гр. А. А. Аракчееве // Воен. сб. 1861. № 5–6. Отд. неофиц. С. 122–123.
23. Булгарин Ф. В. Воспоминания. СПб., 1846. Ч. 1. С. 249–259; Ч. 2. С. 15.
24. Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 120.
25. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 115–116.
26. Анекдоты или достопам. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенищеве-Кутузове-Смол. СПб., 1814. Ч. 1. С. 44–45.
27. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1902. Т. 1. Историч. очерк разв. воен. управления в Рос. С. 78.
28. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1907. № 9. С. 569.
29. Жучков К. Б. М. И. Кутузов по хар-ке его окружения в Отеч. войну 1812 г. // Вестн. Псков. гос. ун-та. Социально-гуманит. науки. Псков, 2008. С. 34–35.
30. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 79–82.
31. Глинка С. Н. Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 181.
32. Жиркевич И. С. Записки. 1789–1848. М., 2009. С. 20.
33. Шильдер Н. К. Имп. Павел I. СПб., 1901. С. 276, 282.

2.3. ПРИ ПАВЛОВСКОМ ДВОРЕ

Павел I не унаследовал образа мыслей своей матери, в том числе по отношению к армии. Если Екатерина II покровительствовала русской школе военного искусства, корифеями которой считались Румянцев и Суворов, то Павел пытался реформировать успешную

армию на свой лад: частью по модели Фридриха Великого, а частью по собственным солдафонским, гатчинским идеям. Он не помышлял о том, что армия должна соответствовать русскому, а не прусскому или голштинскому обществу; его он тоже хотел реформировать. Павловский реформенный шаблон предполагал вполне назревшие меры против казнокрадства и фаворитизма, но из-за общей неадекватности замыслов они к успеху не привели. Вопреки потугам нового императора, *«по смерти Екатерины «народу жить похужело, хотя и при ней у этого народа... босоты да наготы изнавешены шесты, а холоду да голоду амбары стоят»*. Да и всему царству потяжелело. *«Наступил краткий, но незабвенный по жестокости период четырехлетнего царствования императора Павла»*. Мотивом его действий многие считали *«возмездие за 1762 год»* [1].

Павел был хорошо образован, но душевно мелок (болен), глуп, труслив, и как всякий трус, — придирчив, мстителен и жесток. Он вполне доказал основательность того родительского презрения, которым его охлаждала императрица Екатерина. И вот, *«отныне «гатчинский капрал», по отзыву Ростопчина, взялся смирить высокомерие екатерининских вельмож»*. На другое же утро император перенес в Петербург свое обычное гатчинское времяпровождение с ежедневными вахтпарадами: *«Явились новые лица, новые сановники. И как они были одеты, о Боже! Несмотря на все наше горе по случаю кончины императрицы, мы от смеха держались за бока при виде этого маскарада. Великие князя Александр и Константин явились в своих новых мундирах; они напоминали собою старые портреты немецких офицеров, вышедшие из своих рамок»* [2].

При венценосном ничтожестве, на словах воюющем с фаворитизмом, в изобилии появились новые временщики. Одним из первых «выстрелил» А. А. Аракчеев, назвавший знамена Екатеринославского полка, *«прославившегося в войнах прошлого царствования, екатерининскими юбками. Легко себе представить, с каким негодованием должны были слушать офицеры века Екатерины, подобные оскорбительные изречения, произнесенные громогласно человеком, не бывавшим никогда на войне и заявившим свою неустранимость и усердие единственно на плацпарадах»*. Этот «полководец» *«предавался без стеснения разного рода неистовствам; он вырывал у солдат усы, бил их нещадно, грубил офицерам и награждал пощечинами»*. Утверждали даже, что он *«укусил одного гренадера за нос и вообще с нижними чинами поступал совершенно по-собачьи, как разъяренный бульдог»*. Тем не менее, подобные

сатрапы новым императором поощрялись. Вскоре по воцарении последовали повышения и щедрые награждения лояльных Павлу особ, включая моментально ставшего одиозным Аракчеева [3].

Недовольных импульсивными, полными мелочей, но по размаху глобальными реформами, Павел изгонял не глядя на чины и заслуги. Он уволил 7 генерал-фельдмаршалов, включая Румянцева и Суворова, 333 генералов и 2261 офицеров, иных — в оскорбительной форме. В армии *«аресты считались за ничто, так они были многочисленны»*. Известны случаи, когда монарх-психопат велел наказывать офицеров палками и шпицрутенами, самолично воплощая идею Фридриха Великого, что *«солдат должен бояться палки капрала больше, чем вражеской пули»* [4]. Были отставлены от службы тысячи гражданских чиновников. Император ни во что не ставил русское дворянство, заявив: *«Дворянин в России лишь тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю»*. Он *«смотрел на дворянство, аристократию и генералов своих как на блестящую обстановку своего трона и не допускал с их стороны никакой инициативы»* [5, 6]. *«Все прежнее общество в столице было после 6 ноября 1796 года рассеяно и разделено; екатерининские вельможи были разогнаны по деревням, а высшие государственные должности, начиная с генерал-прокурора, почти все заняты были людьми самыми ничтожными и необразованными — одним словом, цветом гатчинского капральства»* [7].

При этом император был непредсказуем и для своих приближенных. Его гнев мог возникнуть внезапно и обрушиться на кого угодно. *«Не сдерживаемая никакой внутренней силой прихоть, или увлечение минуты, или упрямство, или все это в совокупности, заступало в Павле I место серьезного убеждения, а непомерная экзальтация раздувала всякую идею, им овладевавшую, до изумительного увеличения... Настроение его духа почти никогда не было спокойным, и государь постоянно вращался в крайностях, доходя то до безграничного великодушия, то до неудержимой страсти, то, наконец... до какой-то слепой ярости. Перемены в нем были беспрестанные, неожиданные и чрезвычайно резкие... Изменчивость эта была тем бедственнее, что каждое движение большой души Павла Петровича тотчас же переходило в дело, и решение приводилось в исполнение с... бурной стремительностью... Никто не был уверен в своем завтрашнем дне; очень многие государственные люди, не исключая пользовавшихся долгой благосклонностью государя, держали постоянно наготове экипаж, чтобы отправиться с курьером по первому приказанию. Подозрительность или недоверчивость Павла I была так велика, что ее не мог избежать решительно никто, без исключения»* [8].

Князь Станислав Понятовский вспоминал, что Павел «был беспокойен, подозрителен, даже по отношению к своей супруге, лучшей из женщин, и по отношению к своим детям. Он становился способным употребить против них какое-нибудь насилие» [9]. Не сдерживаемый более Екатериной, Павел I до крайности запугал наследников: «Оба великие князя смертельно боялись своего отца и, когда он смотрел сколько-нибудь сердито, бледнели и дрожали как осиновый лист. Вместо того чтобы покровительствовать другим, как можно было бы ожидать с их стороны по праву рождения и занимаемому положению, казалось, что они искали покровительства у других» [10].

«Петербургские жители были в совершенном ужасе; все трепетало, и никто не знал, как окончится день. Император Павел наводил на всех панический страх; все подчинено было строгим произвольным формам и стеснению». Одежда всех, «даже не служащих, подчинялась установленной форме, и никто не смел носить платья другого покроя, как французский фрак с короткими штанами и треугольную шляпу. Надеть круглую шляпу и английский двубортный фрак с панталонами считалось преступлением, за которое полиция хватала на улицах и сажала в тюрьму» [11]. Перемена внутриполитического положения от царствования Екатерины Великой, характеризовавшегося терпимостью ко всему, что прямо не считалось преступлением, была так резка, что сравнивалась современниками с вражеским нашествием на Петербург [12].

Вот с каким вихрем дурости, мстительности и подозрительности, доходящим в своих порывах до живодерства, должен был справиться Кутузов, желая сохранить и преумножить с трудом добытые позиции при дворе. Не удивительно, что Михаил Илларионович никого не защищал. В отличие от Суворова, он никак даже приватно не протестовал. Он ведет себя тише воды ниже травы, не будучи замечен среди враждующих партий [13]. Пользуясь тем, что Зубовы не сразу получили отставку, Кутузов до декабря 1797 года продолжал исполнять обязанности директора шляхетского кадетского корпуса. Его не коснулась волна репрессий против екатерининских генералов и вельмож. Что именно он предпринимал, не ясно. Царские историки дружно не углубляются в годы близости Кутузова с заклеенным безобразиями, неистовствами, развалом внешней и внутренней политики России представителем дома Гольштейн-Готторп-Романовых, занимая ту общую позицию, что генерал продолжал оказывать услуги стране и монархии в целом. В описании этих четырех лет Н. Ф. Проценко

укладывается в одну строку: *«И так же вечером накануне кончины императора Павла беседовал с ним»* [14]. Одну единственную страничку посвящает этому непростому времени в жизни и службе полководца Д. Н. Бантыш-Каменский, констатируя: *«Кутузов умел удержаться»* [15]. Биография Кутузова, изданная в 1813 году военным ведомством, освещает лишь маневры и брошенные исполнением военные миссии. Немного подробнее, описывая знаки монаршего благоволения своему кумиру, оказывается А. И. Михайловский-Данилевский. Ту же позицию занимает велеречивый Ф. М. Синельников. Поэтому для павловского периода жизни и службы Кутузова приходится пользоваться множеством рассеянных источников.

Несколько света на шекотливый вопрос пролил профессор императорской военной академии П. С. Лебедев, противопоставляя поведение Суворова и Кутузова: *«В то время, когда Репнин, герой Мачинский, и Кутузов, усердно посещали лекции Каннабиха и Аракчеева о прусской тактике и не могли нахвалиться ими, один Суворов называл эти лекции ученьем, где слепые учат кривых, а устав — «немороссийским переводом рукописи, изъеденной мышами и двадцать лет тому назад найденной в развалинах старого замка»* [16].

Можно предположить, что устойчивости Михаила Илларионовича много способствовали все те же находившиеся в милости у вошедшего на престол бледного карлика лица: Н. В. Репнин, 9 ноября 1796 года произведенный Павлом I в генерал-фельдмаршалы, и добрый родственник, Иван Логинович Голенищев-Кутузов, получивший от нового царя орден Андрея Первозванного [17]. В свою бытность наследником престола цесаревич Павел занимал должность генерала-адмирала, его гатчинские войска и их офицерский корпус были частично укомплектованы выходцами из российского флота. Поэтому Павел I благоволил к морякам. И. Л. Голенищев-Кутузов, вместе с пользовавшимся большим расположением царя адмиралами Г. Г. Кушелевым и И. И. Траверсе, составили влиятельное и дружественное Кутузову «морское лобби».

Связь была крепкой, — еще в 1778 году Михаил Илларионович женился на младшей сестре супруги И. Л. Голенищева-Кутузова — Е. И. Бибиковой. В этом браке у него родились пять дочерей: Прасковья, Анна, Елизавета, Екатерина и Дарья. Единственный сын Николай умер во младенчестве, что, без сомнения, было для отца сильным ударом. Его любимицей стала дочь Елизавета, имевшая портретное сходство с отцом и прозванная им «папушиной». Своим адмираль-

ским связям Кутузов был верен всю жизнь. В 1807 году он переписывался с И. И. Траверсе, занимавшим в то время должность начальника обороны Крыма и Тамани, снабжая его сведениями и своими оценками хода европейской войны [18]. До конца жизни существовала близость Кутузова с адмиралом А. С. Шишковым. Исключением стал один лишь П. В. Чичагов, принадлежавший к ненавистникам Павла I. Вероятно, использовались Михаилом Илларионовичем связи Бибиковых и салонное масонство. Так или иначе, Павел убедился в верноподданническом прилежании Кутузова. Всего через год новый самодержец уже явно благоволил к нему.

14 (25) декабря 1797 года император доверяет Михаилу Илларионовичу ответственную миссию в Берлин с поздравлениями королю Пруссии Фридриху-Вильгельму III по случаю его восшествия на престол. В ее исполнении Кутузов опять наследует Репнину. В ходе визита требовалось склонить нового монарха и Пруссию к союзу с Россией и участию в предполагаемой антифранцузской коалиции. Еще до прибытия посланца в Берлин ему был пожалован чин генерала от инфантерии. Практически одновременно Кутузов назначается инспектором Финляндской дивизии и шефом Рязанского мушкетерского полка взамен уволенного Павлом генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского [19]. Это тоже была важная победа генерала-царедворца, — чтобы по следам его с Зубовым финляндских дел не топтались недруги и критики.

Берлинская миссия поставила М. И. Кутузова в ряд доверенных советников русского императора. Он решил как личную, защитив свои тылы, так и дипломатическую задачу, очаровав прусского короля не меньше, чем турецкого султана, и не забыв про благорасположение генерал-фельдмаршала Меллендорфа. Важно также, что посланник получил полное одобрение вице-канцлера А. Б. Куракина и графа Н. П. Панина, пользовавшихся большим доверием Павла I. С их помощью он пытается зацепиться за берлинский двор, чтобы подольше не возвращаться к сумасброду в Петербург. Но в начале марта 1798 года импульсивный царь выдергивает его из Берлина из-за своих идей о подготовке войны со Швецией [20]. Самодержец желал, чтобы его лучший полководец как можно быстрее возглавил финляндскую инспекцию. Кутузову немалым трудом удалось и тут угодить вздорного монарха, поручения которого часто носили противоречивый и крохоборский характер, вплоть до разбора проступков унтер-офицеров и рядовых.

Не удивительно, что современники начали восхищаться оборотистостью Михаила Илларионовича, одновременно опасаясь ее направления в свой адрес. Нельзя сомневаться, что в качестве проводника воли безумного и импульсивного Павла, он иногда становился дурным вестником, порученцем в осуществлении преследований и опал. А как иначе можно было сохраняться при полоумном царе, который, к примеру, в день своего тезоименитства посылал контр-адмирала А. С. Шишкова в толпу, объявить, *«указывая на одного высокого мужчину, что он дурак»* [21]? В объемном военно-историческом труде, посвященном 100-летию военного министерства России, не единожды встречаются намеки на *«нескольких лиц, стоявших вблизи трона... искусственно поддерживавших и усиливавших»* неожиданные порывы царского гнева [22]. Не будь среди этих лиц кого-то поистине сакрального, их не постеснялись бы поименовать.

Как раз в это время (когда Суворов был уже в опале и сослан в Кончанское, а Кутузов и де Рибас держались на плаву, переметнувшись к Павлу от Зубовых) получает хождение анекдот о хитрости Кутузова на совете под Измаилом. Одним из первых его рассказывает А. С. Шишков [23]. Хитрейший из людей, *«всегда первенствующий, неодолимый ратоборец»* в интригах [24], действующий с *«угодливостью, доходящей до раболепства по отношению к вышестоящим»* [25], за благорасположение которых *«он все переносил, всем жертвовал»* [26] — такие характеристики в адрес Михаила Илларионовича звучат все чаще.

Кутузов продолжает выполнять поручения Павла I, одно важнее другого. 27 сентября 1799 года царь назначает его командующим русским экспедиционным корпусом в Голландии вместо генерала от инфантерии Германа фон Ферзена, разбитого и плененного французами при Бергене. Обстановка в Голландии вскоре изменилась, Михаил Илларионович успел доехать только до Гамбурга, но орден Святого Иоанна Иерусалимского, которым царь *«напутствовал»* своего избранника, он уже получил. В Гамбурге Кутузов неожиданно узнал о своем назначении Литовским военным губернатором и инспектором инфантерии Литовской инспекции вместо вышедшего в отставку Б. П. Ласси. К этому времени сумбурный царь ему донельзя надоел, Кутузов начинает надеяться на службу в хорошем месте поодаль от Петербурга. *«Очень не хочется жить в Гродне, где, думаю так же скучно, как в Выбурхе. А хорошо бы в Вильне»* — пишет он Е. И. Кутузовой [27]. В дополнение к литовским и прусским пограничным заботам, в августе 1800 года генерал становится командующим одной из ре-

зервных армий, которые Павел предполагал отправить в поддержку Суворову, если французы «будут угрожать низвержением римского императора». На летних войсковых маневрах в Гатчине, куда Кутузов вызывается Павлом, энергия царя бьет ключом. Приказом Кутузова от 2 (13) сентября армия готовится в поход, но он сам задерживается при свите самодержца [28].

Маневры в сентябре 1800 года прошли блестяще. Император был так доволен, что за пару дней несколько раз отметил участвовавшие войска и собственноручно вручил Кутузову высший орден Российской империи — Святого Андрея Первозванного [29, 30]. Обрадованный полководец писал своему родственнику, заступнику и благодетелю И. Л. Голенищеву-Кутузову: «В ту самую минуту, когда государь возлагал на меня голубую ленту, думал я о вас, и живо видел, как вас, батюшка, сие порадует» [31]. Вообще-то, это награждение, как и прочие раздачи звезд Павлом I, было верхом безобразия и произвола. Тогда, как и ныне, нельзя было судить о заслугах человека по его орденам. Из восьми орденов, украшавших к тому времени Михаила Илларионовича, половина не имели отношения к боевым делам, равно как и полученный от Павла чин генерала от инфантерии, давший ему старшинство в последующих назначениях.

Как отмечал в своих записках граф Ф. Г. Головкин: «Особенно щедро давались военные чины. Появились безумные генералы, и фельдмаршалский жезл, который можно было получить прежде только на поле битвы, давался теперь на параде. Значение наград так упало, что император сам был поражен этим. Однажды, когда князь Репнин хотел на параде по какому-то поводу высказать свое мнение, император сказал ему: «Господин фельдмаршал, видите ли вы этот караул? В нем 400 человек. Мне достаточно сказать слово, и все они будут фельдмаршалами» [32]. Право слово, павловский генерал от инфантерии стоил не дороже шута.

Кутузов не сыграл никакой роли в коррекции безумных военных реформ. Пока он радовался сохранению своей близости к монарху и новым придворным успехам, практическую работу в войсках вели другие. В контексте перемен, направленных на обуздание стяжательства и уменьшение роли полковых командиров, Михаил Илларионович был назначен шефом Псковского мушкетерского полка, но внимания своим подшефным уделить не мог, и фактическим командиром полка был подполковник П. А. Нестеров [33]. Продолжали неслыханно унижаться вернувшиеся из Европы суворовские вой-

ска: «Лавры русских войск, которыми так восторгались издали, опали сами собою, когда принялись разбирать это войско ближе в строевом и уставном отношениях; оказалось, что «война испортила солдат», — выражение, сделавшееся классическим и повторявшееся впоследствии несколько раз» [34].

Вскоре Павел I, кинувшись в другую крайность, покатился к искреннему союзу с Наполеоном. В ноябре 1800 года его приказом Кутузову подчиняются все западные пограничные инспекции. Действуя по поручению царя, Михаил Илларионович встретил у границы и проводил в Петербург и обратно шведского короля Густава IV Адольфа, который подписал с Павлом I договор о совместных действиях против Англии в защиту свободной морской торговли. Так он второй раз побывал в свите шведского монарха. К концу 1800 года странный союз между Францией и Россией был решен. 14 декабря самодержец приказал сформировать три армии — под командованием П. А. Палена под Брест-Литовском, М. И. Кутузова на Волыни и И. П. Салтыкова при Витебске, но уже для совместных действий с Бонапартом [35]. Атаману Войска Донского В. П. Орлову 12 января было предписано идти завоевывать Индию, а Наполеона царь подталкивал «*предпринять что-нибудь на берегах Англии*» [36]. Пошедшее в поход с Дона на Индию 22,5 тыс. казачье войско при 24 пушках потерпело страшные зимние и весенние лишения по бездорожью. В марте казаки с трудом переправились через Волгу, на которой стал вскрываться лед [37]. Эти грандиозные, полудетские и небезопасные для России планы безумного царя были разрушены переворотом и царевубийством 11 (23) марта 1801 года.

Накануне переворота Кутузов как один из доверенных полководцев государя был поглощен подготовкой русских войск к войне с главным врагом Наполеона Бонапарта — Англией, командуя своей армией из Петербурга. Он был осыпан знаками признательности царя. Помимо орденов и назначения своим личным секундантом (в дуэлях с европейскими монархами, буде таковые случатся), Павел крестил двух его внуков (от старшей дочери Прасковьи Михайловны). Двум дочерям — Прасковье и Анне царь пожаловал звания фрейлин царского двора, а жену Михаила Илларионовича — Екатерину Ильиничну определил статс-дамой [38]. Павел подтвердил все материальные дары Екатерины, выдав Кутузову грамоту на пожалованное императрицей волынское имение (до этого Михаил Илларионович не имел ее, что было опасно). Местечко Горошки получило

статус села. Сверх того, император пожаловал фавориту очередную тысячу ревизских душ [39, 40], так что по сравнению с 600 ревизскими (мужскими) душами своего отца, у Кутузова стало 6267 ревизских душ, или около 13000 крепостных обоего пола. Фактически, он один владел населением среднего российского уезда.

В последний год царствования Павла I Кутузов регулярно приглашался на обеды и вечера к императору в числе строго избранных гостей. В январе 1801 года он трапезничал с царем более 40 раз, и четырежды играл допоздна в карты с императрицей. В феврале присутствие генерала упоминается в камер-фурьерском журнале 50 раз. В марте он откушивал во дворце ежедневно. В последний день жизни Павла Петровича Михаил Илларионович у него и пообедал, и поужинал [41], причем *«имел счастье долго с ним беседовать»* [42]. На приемах с Кутузовым часто соседствовали князь Куракин и адмирал Кушелев. Не единожды приглашались к императорскому столу его дочери — фрейлины.

Из-за очевидной близости к Павлу, Михаила Илларионовича стонились оппозиционные дворянские верхи. Хотя в самом конце царствования на него было возложено еще и временное исполнение должности Санкт-Петербургского военного губернатора (когда граф П. А. Пален был послан в Ригу для переговоров с англичанами) [43] Кутузов, по-видимому, ничего не знал о заговоре в пользу наследника престола — великого князя Александра Павловича. Заговор возглавил тот же Пален, — его соперник по милостям императора. Во всяком случае, круг лиц, зафиксированный камер-фурьерским журналом, и круг заговорщиков между собой пересекаются мало и редко.

В группу заговорщиков входили бывший покровитель Михаила Кутузова светлейший князь Платон Зубов со своими братьями, — графами Валерианом и Николаем. Там же обретались вице-канцлер Н. П. Панин, князь П. М. Волконский, Л. Л. Беннигсен и любимец женщин, — генерал-адъютант Ф. П. Уваров. С ними были дальний родственник Михаила Илларионовича — флигель-адъютант императора П. В. Голенищев-Кутузов, многие командиры и шефы гвардейских полков. Сильна была поддержка заговору среди преображенцев и семеновцев. Был поставлен в известность не любивший отца Александр, который настоял перенести *«ночное наступление на Михайловский замок»* на время дежурства самых преданных ему и заговорщикам караулов. В роковую ночь он пребывал в трусливо-мятущем состоянии. Вероятным было участие императрицы Марии

Федоровны: не случайно дверь ее покоев, куда бросился спасаться от преследователей Павел, оказалась закрыта, а записки вдовствующей императрицы были сожжены Николаем I сразу после смерти матери [44]. Заговор всемерно поддерживал английский посланник Ч. Уитворт. Широкое сочувствие позволило его участникам действовать решительно и довольно шумно.

Покончив с Павлом I, заговорщики первыми присягнули Александру и начали распространять информацию о смене власти, рассчитывая на поддержку общественного мнения. Никто не желал знать, как умер ненавистный маразматик, — главное было, что он мертв. Не было возможности *«описать восторг столицы при распространившейся вести о смерти Павла. На рассвете 12 марта заговорщики рассыпались прямо из дворца во все концы Петербурга, каждый по своим знакомым. С бешеною радостью вбегая в дома спящих, громогласно, еще из передней, кричали они: «Ура! Поздравляю с новым государем! Где дома были заперты, там сильно, с криком стучались, так что будили всю улицу, и каждому высунувшемуся в окошко, провозглашали свою новость. Все из домов выбегали и носились по городу с этой радостною вестью. Многие так были восхищены, что со слезами на глазах бросались в объятия к людям совершенно незнакомым и лобызаниями поздравляли их с новым государем»* [45].

Несмотря на инфантильную и лицемерную просьбу цесаревича Александра пощадить отца, убийство, видимо, было спланировано заранее и крайним назначен грузинский князь, полковник В. М. Иашвили (Яшвиль) — брат впоследствии знаменитого и осыпанного знаками монаршего благоволения генерала от артиллерии, генерал-адъютанта Л. М. Яшвиля. Он один *«дерзнул написать императору Александру вызывающее письмо»* со словами: *«Перед Государем я спаситель Отечества, перед сыном — убийца отца!»* [46]. Всю свою оставшуюся жизнь М. И. Кутузов следовал позиции, занятой в этом морально щекотливом деле Александром. Он не был замечен в близких отношениях с «милостиво покаранными» заговорщиками, хотя продолжал выказывать некоторую признательность П. А. Зубову. Будучи одним из немногих, кто был непрестанно в фаворе у великой императрицы и ее ничтожного сына, единственным царедворцем, проведенные последние вечера в обществе Екатерины II и Павла I, Кутузов рисковал лишиться плодов невероятных затраченных усилий, и поплатиться за дистанцию, взятую от прежних благодетелей и друзей. В начале правления Александра I он остается не у дел.

1. Шильдер Н. К. Имп. Павел I. СПб., 1901. С. 284, 286.
2. Там же. С. 287–288.
3. Там же. С. 288–290, 373.
4. Мартынов А. Г. Истор. 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб., 1908. С. 43, 45.
5. Истор. Отечества: учебн. для воен. вузов. СПб., 2014. С. 194.
6. Лебедев П. С. Преобразователи рус. армии в царств. имп. Павла Петровича // Рус. Старина. 1877. № 2. С. 247; № 4. С. 586.
7. Шильдер Н. К. Имп. Павел I. СПб., 1901. С. 467.
8. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус кн. Суворов. СПб., 1884. Т. 3. С. 364–365.
9. Понятовский С. Воспоминания (1776–1809 гг.) // Рус. Старина. 1898. № 9. С. 584.
10. Шильдер Н. К. Имп. Павел I. СПб., 1901. С. 372–373.
11. Миркович Ф. Я. 1789–1866. Его жизнеописание. СПб., 1889. С. 11–12.
12. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. С. 9–10.
13. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 76–77.
14. Проценко Н. Ф. Св. кн. М. Л. Кутузов-Смол., спаситель отеч. в 1812 г. М., 1864. С. 14.
15. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 42.
16. Лебедев П. С. Преобразователи рус. армии в царств. имп. Павла Петровича // Рус. Старина. 1877. № 2. С. 252.
17. Шильдер Н. К. Имп. Павел I. СПб., 1901. С. 289–290.
18. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 47–58. С. 623–631.
19. Там же. Т. 1. Док. № 531, 535, 537. С. 395, 398–399.
20. Там же. Док. № 536, 540. С. 399, 401–402.
21. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 37–38.
22. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1904. Т. II. Ч. 2. Имп. гл. квартира. Царств. имп. Александра I. С. 2.
23. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 7.
24. Ермолов А. П. Записки 1798–1826 гг. М., 1991. С. 261.
25. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1907. № 9. С. 569–570.
26. Ростопчин Ф. В. Записки // Пожар Москвы. М., 1911. Ч. 2. С. 54.
27. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 659, 665, 667. С. 491, 495–496.
28. Там же. Ком. к док. № 670, док. № 809, 810. С. 501, 581–582.
29. Там же. Док. № 811, 812. С. 583.
30. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 131.
31. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 11.
32. Головкин Ф. Г. Записки // Рус. Старина. 1907. № 2. С. 354.

33. Гениев Н. *Истор. Псковского пех. полка. М., 1883. С. 124–125.*
34. Лебедев П. С. *Преобразователи рус. армии в царств. имп. Павла Петровича // Рус. Старина. 1877. № 4. С. 602.*
35. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 835, 836 с ком., 840. С. 605, 607.*
36. Шильдер Н. К. *Имп. Павел I. СПб., 1901. С. 418, 420.*
37. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 1. С. 202.*
38. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 87.*
39. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 11.*
40. Синельников Ф. М. *Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 131.*
41. *Камер-фурьерский церемон. журн. (январь-июнь 1801 г.) СПб., 1901. С. 12, 14, 16, 30, 33, 34, 37, 39, 40, 41, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 54, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 64, 66, 68, 69, 71, 74, 75, 76, 78, 79, 82, 87, 88, 90, 91, 94, 97, 99 и др., 220, 221.*
42. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 12.*
43. *РБС. Т. 9. СПб., 1903. С. 642.*
44. Романов Н. М. *Имп. Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 7–12.*
45. *Царевбийство 11 марта 1801 г. СПб., без года изд. С. 132.*
46. Романов Н. М. *Имп. Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 17.*

2.4. НАЧАЛО АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ. КОНЕЦ ПРИДВОРНОЙ КАРЬЕРЫ КУТУЗОВА И ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЕ В АРМИЮ ПОСЛЕ ОПАЛЫ

Едва заняв престол, Александр I, к всеобщему удовольствию дворянства, принялся исправлять вред от деяний Павла I, объявив в манифесте от 12 (24) марта 1801 года, что *«будет править по законам и сердцу бабки нашей Екатерины Великой»*. Он уволил отовсюду самых одиозных приближенных своего отца и торжественно подтвердил екатерининскую Жалованную грамоту дворянству. Но полной реставрации екатерининских порядков не произошло, потому что Александр, выросший под давлением конфликтующих Павла и Екатерины, приучился к упрямству, скрытности и уклончивому лицемерию. Его система ценностей оказалась смешанной, а письма и высказывания свидетельствуют: молодой человек *«не только не почувствовал политической системе своей бабки, но относился к ней отрицательно и даже враждебно»*. Отмечали, что в нем *«отсутствовали даже личные чувства расположения и привязанности к императрице... Вся эта печальная обстановка, семейная и политическая, была, конеч-*

но, вызвана гатчинскими внушениями... Александр во многом стал на точку зрения цесаревича Павла Петровича» [1].

К участию в дворцовом перевороте Александра, лавировавшего между полюсами давления, подтолкнуло не сочувствие гибнущей екатерининской системе, а прогрессирующая строгость Павла I, «*лишенная малейшей справедливости*» и обстоятельства, о которых наследник собственноручно писал своему учителю Ф. С. Лагарпу: «*Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Все сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще более... Одним словом, мое несчастное Отечество находится в положении, не поддающемся описанию... Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера... Я сделался теперь самым несчастным человеком» [2].*

К тому же Александр с детства был восприимчив, но поверхностен и ленив: «*Он быстро схватывал всякую мысль, но скоро забывал, не умел сосредоточиться*». В политике эти качества приводили к тому, что он был готов «*блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителем этой идеи, но всю тяжесть работы переносит на других, внимательно прислушиваясь к общественному мнению, но ни на минуту не подавая даже вида, что в глубине души его симпатии уже ослабевают к предпринятому делу*» [3]. Вопреки надеждам и восторгам дворянства, Александр I все дальше отходил от политической программы мартовских заговорщиков, обнаруживая, что свой знаменитый манифест о восшествии на престол он лишь подписал, но не вкладывал в него душу. Честь создания документа, предопределившего частичную реставрацию, приписывается Д. П. Трощинскому — статс-секретарю Екатерины и павловскому сенатору, впоследствии александровскому министру уделов и главе почтового управления империи, исправно работавшего в Отечественную войну. Кстати, Трощинский был дальним родственником украинского гетмана И. Мазепы.

Конечно, характера новый царь был несравненно более взвешенного и мягкого, обладая чувством справедливости, питаемым памятью собственных юношеских невзгод. Самые ярые заговорщики были лишь удалены из Петербурга, не понеся наказания. По милости Александра на службу вернулись до 12 тыс. изгнанных Павлом военных и гражданских чинов [4], дела в облегченно вздохнувшей импе-

рии пошли на лад. Вместе с тем, фамильное отсутствие остроты ума и унаследованная от родителя склонность к мелочному ранжиру, сулили мало хорошего в главном. Павловские подходы к руководству и администрированию смягчились, но принципиально не изменились. *«Направление, данное воинскому департаменту в царствование покойного государя, оставалось по-прежнему, следственно, и все время мелочного разбирательства оставалось предметом заботливости самого государя, отъемлющей драгоценнейшее время, потребное на рассмотрение и внимание других государственных соображений»* [5].

Екатерининские вельможи по-прежнему охлаждались недоверием, отчасти заслуженно, но достойной им замены не предвиделось. Александр осуждал размашистый екатерининский фаворитизм, не понимая, что это явление, в зависимости от личности монарха, может быть злом, но может являть собой социальный лифт, необходимый для прилива в верха талантливых представителей небогатого и неродовитого дворянства. В условиях, когда петровская система за сто лет исчерпала себя в качестве движителя социальных лифтов, фаворитизм оставался последним путем из низов к подножию трона. Павел пресек его, и взамен, будучи мелкой личностью, наплодил вокруг себя ничтожных сателлитов. Увы, Александр I не приоткрыл дверей, захлопнутых его отцом. От личных симпатий и антипатий он, конечно, не избавился, а потому фаворитизм продолжился в виде окружения молодого государя молодыми же родовитыми дворянами. *«Обложенный таким образом царь неопытностью и строптивостью молодых людей, скоро истер из памяти своей почитание к старым служителям бабки своей»* [6].

Вместе с тем, Александр I боялся очередного возмущения русского дворянства, уничтожившего его отца и деда. Когда амбициозное и неопытное окружение обанкротилось с реформами и под Аустерлицем, он качнулся к гатчинским кадрам, не забывая потакать системе русского дворянского старшинства. Это с неизбежностью вело к тому, что в его окружении мало было ярких лиц. Они сразу же становились предметом общей зависти, сплетен, и слабый царь легко их предавал. Избегая противостояния с дворянством, он собирал дворянские комитеты всякий раз, как назревала отставка одного из высших сановников империи. Вместо могучей царственной воли он *«навсегда избрал главным оружием в жизненной борьбе виртуозную способность строить свои успехи на чужой доверчивости... утаивая собственные ощущения и помыслы»*. Это привело Н. М. Романова к убеждению, что

его знаменитый предок никогда не был реформатором, даже в начале своего царственного пути [7].

Как и в прежнее сумбурное царствование, продолжились беспрерывные новые узаконения и перемены, *«вовлекшие государство в неисчислимую сложность управления»*. Кадетские корпуса, где воспитывалась дворянская молодежь, *«обращены были в немецкие солдатские эзерциргаузы, и главный предмет учения состоял в ружейных приемах и телодвижениях ни к чему не полезных»*. Со вступлением А. А. Аракчеева в должность военного министра *«последовали всякого рода притеснения всех служащих в воинской службе, и истребилась почти вся любовь к оной»* [8]. Никто не сказал об Александре I лучше А. С. Пушкина: *«Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами царствовал тогда»* [9]. На слабость этого добряка и хитреца надеялся Наполеон Бонапарт [10], но проиграл, не углядев в глубине души Александра ожесточенного павловского упрямства, да к тому же недооценив географический масштаб и силу народного духа, скрепляющего Россию.

В гражданской сфере голод на руководителей первой величины пока не ощущался. Но наступивший XIX в. стал временем грозных военных вызовов, а в обойме находились дряхлые екатерининские полководцы второго плана и лица, необоснованно продвинувшиеся в службе по милостям Павла I. Новых Суворовых, Румянцевых и Потемкиных не предвиделось. Адекватных усилий взрастить крупных генералов и фельдмаршалов не прилагалось. С одной стороны иностранные предпочтения Александра, с другой — русское дворянское местничество и плотные ряды старшинства заводили кадровые вопросы в тупик. Пробриться через препоны и устоять возле не дающего опоры самодержца могли только люди из знатнейших и богатейших семей, владеющие недюжинными навыками социальной конкуренции.

Поначалу Михаилу Илларионовичу помогла политическая инерция. Вступившему на престол Александру I не подобало назначать на высокие должности лиц, причастных к царевубийству. В то же время он не испытывал к кому-либо неприязни на том основании, что человек был близок к его отцу, и был скован в своем выборе строгими отношениями старшинства среди военных и гражданских чинов. Дав кому-то место и чин впереди ожидавшей повышения очереди, можно было вызвать недовольство и отставки. Поэтому Александр еще быстрее Павла извлекает из небытия Кутузова. Тот, как после смерти Екатерины, затаился, а затем начал предпринимать какие-то шаги,

состоявшие, по-видимому, из подключения своих обширных связей, смеси саморекламы и лести юному самодержцу, включая сдержанное неодобрение царевбийства.

18 (30) июня 1801 года Кутузов назначается Петербургским военным губернатором вместо удаленного заговорщика графа Палена. Всего через неделю, 24 июня, он вводится царем в состав воинской комиссии для пересчета и проверки государственных расходов на армию. Указом Сената от 30 июня Кутузову поручается управление и гражданской частью Санкт-Петербургской губернии, а 10 июля он возобновляется в должности инспектора Финляндской инспекции. 22 июля ему же поручается управление гражданской частью Выборгской губернии [11]. В руках удачливого царедворца сосредоточивается внушительная власть. В день коронации 15 (27) сентября следует еще один жест монаршего внимания, — Кутузову жалуют табакерку с царским портретом, усыпанным бриллиантами. Это был знак признания в доверенную команду нового государя [12].

Кутузов поспешил инициировать несколько благодеяний для укрепления своего реноме. Он вносит Александру представление о предании суду помещицы Гдовского уезда Славищевой за жестокое обращение с крестьянами и просит об отпуске больницам денег, какие им задолжало государство в правление Павла I [13]. Все предвещает новый виток его карьеры, но вскоре генерал отправляется в отставку. Апологетические историки ничего не сообщают о причинах события, выставляя дело таким образом, будто Михаил Илларионович сам был ее инициатором, устав от службы и разболевшись ранами, что на него совсем не похоже [14, 15, 16]. Очередной биографический пробел приходится устранять по документам и воспоминаниям современников.

20 августа (1 сентября) 1802 года Кутузов был освобожден от должности Петербургского военного губернатора и автоматически от других должностей (хотя дела финляндской инспекции он сдал позже), а еще через неделю увольняется в отпуск по болезни на год. Увольнение стало ответом разгневанного государя на прошение Кутузова о разрешении вопроса о его дальнейшей службе от 24 августа. Вдали от двора, в своем волынском имении Горошки, генерал пробыл два года. Все его хлопоты занять новую должность (инспектора инфантерии Днепровской инспекции в 1803 году) были неудачны. Михаилом Илларионовичем владела ипохондрия: *«Скучно работать и поправлять экономию, когда вижу, что состояние так расстроено; иногда, ей-богу,*

из отчаяния хочется все бросить и отдаться на волю божию. Видя же себя уже в таких летах и здоровье, что другого имени не наживу, боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды и опасности молодых лет, и раны, видеть потерянными» [17].

Причины отставки и опалы доподлинно неизвестны. Надо полагать, сложились несколько негативных обстоятельств. Более-менее достоверно можно судить о том, что Кутузов не устроил Александра I в роли распорядителя столицы, не сумев на этот раз замаскировать свои промахи лестью и угодливостью. В начале правления молодой государь подхалимов не жаловал. До расцвета аракчеевщины было еще далеко. Царь ждал от приближенных работоспособности, мудрости, тактичных советов, а Михаил Илларионович их не давал, соглашаясь со всем подряд, да еще умалчивая при этом острые моменты с недостатками. Такое поведение губернатора подтачивало царское к нему расположение. По свидетельству Е. Ф. Комаровского император был *«действиями петербургской полиции весьма недоволен»*, особенно после того, как жертвой разбоя стал брат воспитателя великих князей Николая и Михаила Павловичей, и тут же случилось громкое происшествие в Летнем саду. Кутузов над раскрытием преступлений и улучшением криминальной обстановки работать не умел, решив сказаться больным [18].

Стоит припомнить, — это были не первые неприятности героя от разгула криминала. В первую каденцию Кутузова Виленским военным губернатором при Павле I много шума наделало дерзкое похищение везенной в Вильну денежной казны. Павел пенял своему ставленнику на неисправность земской полиции, повелевая в кратчайшие сроки отыскать злодеев. Кутузов тогда еле вывернулся, воспользовавшись временным раздражением императора к пруссакам, и списав преступление на «залетную» из Пруссии разбойничью шайку. Царь увлекся идеей войсковой операции по ее поимке, потом цель «войны» забылась, и гроза отступила [19]. В Петербурге такого выхода из положения не существовало, а в вопросах общественной безопасности Александр был почти столь же порывист, как его безумный отец. Терпение самодержца лопнуло, он собрал комиссию из генерал-адъютантов, которая отставила М. И. Кутузова, назначив на его место Н. М. Каменского 2-го командующим войсками в столице, а Е. Ф. Комаровского — новым начальником петербургской полиции. Тот проявил достаточно рвения, чтобы раскрыть оба громких дела, а заодно изучить неудовлетворительное состояние полиции.

Когда Комаровский подал об этом записку императору, Александр удивился: *«Как, здешняя полиция находится в таком положении, и мне никто о сем по сие время не говорил!»* [20] Это, без сомнения, укрепило царя в отрицательном отношении к Кутузову.

Изучение документов позволяет выявить еще один конфликт, связанный с протекционизмом Кутузова в отношении экспорта хлеба из России. Так, 6 (18) мая 1802 года Кутузов написал письмо генерал-прокурору Сената А. А. Беклешову с просьбой содействовать беспрепятственному вывозу 13 тыс. кулей ржи и муки в Швецию через балтийские порты, сославшись при этом на наличие *«высочайшей апробации»*. Тут можно вспомнить его связи с представителями шведского двора во времена Екатерины II и Павла I. Однако в 1802 и предыдущих годах был неурожай, хлеба не хватало, выросли цены. Положение было настолько серьезным, что 27 июня император выдал губернатору указ о мерах по снабжению столицы продовольствием. Категорически запрещался вывоз ржи за границу *«во все продолжение настоящей навигации»* и Финляндской инспекции предписывалось *«сделать точнейшее распоряжение, чтобы отпускаемая туда в помощь продовольствия рожь и мука никак не были обращаемы на заграничную торговлю»*. Следующим пунктом Александр сделал Кутузову выговор за недостаточные запасы хлеба в столичных магазинах [21].

Как видно, устремления Александра и Кутузова по хлебному предмету не совпадали. Если последний где-то слухавил, то сигнал от «доброжелателей» о вывозе из России 13 тыс. кулей хлеба из портов при местностях, куда император направлял продовольственную помощь, могло вызвать серьезный гнев. Менее чем через месяц после губернатора получил отставку и генерал-прокурор Беклешов. В октябре в Лифляндии грянуло Каугурское крестьянское восстание, получившее большой резонанс. Псковские архивные документы показывают, зачем Кутузов шел на такой риск. Его имения были в залоге, 30 декабря 1801 года он внес 10 тыс. рублей в земельный банк, выкупив их, но в октябре 1802 года, используя родственные связи, снова обратился в гражданскую палату Псковской губернии с прошением о ссуде под залог принадлежащих ему деревень [22]. Видимо, усилия удержаться в фаворе при подозрительном Павле I подточили состояние Михаила Илларионовича; при мягком Александре мыслилось вернуть потери, но неудачно.

Одним из последних дел Санкт-Петербургского военного губернатора М. И. Кутузова был вопрос о воле покойного А. В. Суворова воз-

наградить его бессменного денщика и камердинера Дубасова: *«Находившийся при покойном князе Италийском, графе Суворове-Рымникском, камердинер Прохор Дубасов утруждал государя Императора всеподданнейшею просьбою о вытребовании от графа Николая Александровича Зубова письма, коим покойный князь назначил ему получать из доходов имения его до пяти лет, серебром или золотом, ежегодно по тысяче рублей. Напротив сего, граф Зубов отозвался, что действительно от покойного князя о награждении Дубасова письмо имел, токмо не упомянул, какая сумма и на какое время к выдаче назначалась»*. В итоге Дубасов не получил ничего и был ошельмован как мошенник [23]. Губернатору в то время было не до Прохора, не вспомнилось и впоследствии. Так ушел, с трудом получив крепостную отпускную, человек, чье имя было связано с именем Суворова, и которого знала вся Россия.

Тут бы карьере М. И. Кутузова и конец, но к июлю 1804 года задули ветры близких Наполеоновских войн. Александр достиг согласия с Австрией о совместных действиях против Франции, и у него не было полководцев. В 1796 году умер П. А. Румянцев, в 1801 — А. В. Суворов и Н. В. Репнин. Генерал-фельдмаршал М. Ф. Каменский был стар и не в себе. В преклонном возрасте находился уволенный со службы генерал-аншеф А. В. Гудович (после Аустерлица царь попытается вновь поставить на службу обоим). Из фельдмаршальских детей военным даром обладал Н. М. Каменский 2-й, но к этому времени он еще не раскрылся. Пострадавший при Павле А. П. Торماسов получил в 1801 году (позже Кутузова) чин генерала от кавалерии, но, обладая тяжелым характером, сторонился двора. М. Б. Барклай де Толли, П. И. Багратион, П. Х. Витгенштейн, М. А. Милорадович, Н. Н. Раевский в 1804 году были всего лишь генерал-майорами (последний ушел со службы). Это заставляло Александра держать при себе Л. Л. Беннигсена, причастного к убийству его отца, ценя в нем опытного генерала, имевшего заслуги в войнах с Польшей и Персией.

При неприятном впечатлении, произведенном на самодержца, Кутузов имел министерскую и салонную репутацию отличного военачальника, о чем вещали оракулы типа графа П. С. Валуева, «прославившегося» сносом в Кремле многих древних зданий и церквей, «портящих» вид сердца Москвы [24]. В августе 1804 года царь вызывает обратно в Петербург Кутузова, приглядываясь к нему и поручая командование корпусом на маневрах. Михаил Илларионович не ударил лицом в грязь, временно вверенный ему 2-й корпус прошел испытание исправно [25].

И все же, назначения опять не последовало. «*Столько разных слухов обо мне: то туды, то сюды меня определяют*», — писал Кутузов своей дочери Е. М. Тизенгаузен [26]. Лишь через несколько томительных месяцев государь призвал полководца и вручил ему командование 1-й (Подольской) армией, одной из двух армий, собранных против Наполеона и готовящихся взаимодействовать с австрийцами. Под начало нового-старого командующего были отданы, по разным данным, от 46,5 до 49,3 тыс. чел. при 327 орудиях. Командующим 2-й (Волынской) армией был назначен генерал от инфантерии Ф. Ф. Буксгевден, номинально подчиненный Кутузову как главнокомандующему (реально между ними были и география, и русский царь). Всю союзную австро-русскую армию вверить Михаилу Илларионовичу тоже не желали, путем хитроумной комбинации обойдя его старшинство и отдав полноту военной власти австрийскому фельдмаршалу-лейтенанту Карлу Маку фон Лейбериху [27, 28].

Начиная войну 1805 года — первую из вереницы русских войн с Наполеоном, Александр I призвал войска «*потщиться возвысить еще более приобретенную и поддержанную ими славу*». Впервые после Петра I, царь отбыл с армией на войну. Глядя на шапкозакидательские патриотические настроения, расцветшие в русском дворянстве, он, с одной стороны, был доволен реакцией подданных, а с другой — опасался этой стихии, роптавшей, что войска «*сформированные и обучаемые по образцу прусских, уступали в достоинстве своим предшественникам, полкам екатерининским*». Назначив командующих, он продолжал искать для сражений с Бонапартом иностранных военных вождей, сделав предложение перейти на русскую службу генералу Ж.-В. Моро, изгнанному из Франции за заговор против Наполеона [29, 30], но в этом не преуспел.

1. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I*. СПб., 1897. Т. 1. С. 122; Т. 2. С. 6.
2. Там же. Т. 1. С. 162.
3. Романов Н. М. *Имп. Александр I*. СПб., 1912. Т. 1. С. 1–2, 23.
4. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I*. СПб., 1897. Т. 2. С. 16.
5. Дивов П. Г. *Повествование о царств. имп. Александра I, для него одного писанное* // *Рус. Старина*. 1899. № 10. С. 81.
6. Там же. С. 82.
7. Романов Н. М. *Имп. Александр I*. СПб., 1912. Т. 1. С. 24.
8. Дивов П. Г. *Повествование о царств. имп. Александра I, для него одного писанное* // *Рус. Старина*. 1899. № 10. С. 82, 87.
9. Пушкин А. С. *Собр. соч.* М., 1959–1962. Т. 4. С. 193.

10. Вандаль А. *Наполеон и Александр I*. СПб., 1910. Т. 1. С. 61.
11. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 848, 851, 853, 857. С. 615–617, 620.*
12. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 643.
13. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 858, 859. С. 620–621.*
14. Синельников Ф. М. *Жизнь фельдм. Кутузова*. СПб., 2007. С. 134.
15. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. *Голенищев-Кутузов* Смол. С. 12.
16. Бантыш-Каменский Д. Н. *Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм.* СПб., 1840. Т. 3. С. 43.
17. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 882–885, 887, 891. С. 636–639, 642.*
18. Комаровский Е. Ф. *Записки*. СПб., 1914. С. 123–124.
19. *Архив кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол., принадл. Ф. К. Опочинину.* СПб., 1872. С. 3–4.
20. Комаровский Е. Ф. *Записки*. СПб., 1914. С. 127.
21. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 877, 881. С. 633, 635–636.*
22. Макеенко Л. Н. *Замеч. люди Опочецкого уезда: Голенищевы-Кутузовы и др. Опочка, 1997. С. 27–28.*
23. Суворовский Прошка по кончине своего барина // *Рус. Архив. 1901. № 5. С. 134.*
24. Жихарев С. П. *Записки. М., 1890. С. 89.*
25. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 1. Док. № 889. С. 641.*
26. Кутузов М. И. *Письма // Рус. Старина. 1874. № 5–8. С. 338.*
27. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 3, 5. С. 20, 36.*
28. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном.* СПб., 1844. С. 24–25, 31–34.
29. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 1, 4.
30. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном.* СПб., 1844. С. 22.

Глава 3

ВОЙНА 1805 ГОДА

3.1. МАРШ-МАНЕВР ОТ БРАУНАУ

План кампании был составлен без участия Михаила Илларионовича, греша с русской стороны военно-политическим прожектерством, а с австрийской — разбросом сил. Главная их часть (армия эрцгерцога Карла) сосредоточивалась в интересной австрийцам с точки зрения территориальных приобретений Северной Италии, а меньшая (армия эрцгерцога Фердинанда) — в долине Верхнего Дуная. С этой армией, при которой определил себе место император Франц I, делегировавший власть главнокомандующего своему военному советнику К. Маку фон Лейбериху, должен был взаимодействовать Кутузов. Совокупные силы союзников на Дунае были меньше тех, что мог задействовать Наполеон. Кроме того, австрийская Дунайская армия была сильно растянута и выдвинута вперед, что позволяло французам бить австрийцев и русских по частям. Все походило на то, как привыкли бороться с поляками и турками, но французский противник был иным. Прожектерство Александра можно прочитать у Михайловского-Данилевского, австрийская военная часть кратко изложена у Гейсмана [1, 2].

Получив рескрипт Александра I о ведении войны с Францией, М. И. Кутузов догнал свои выступившие в поход войска 9 (21) сентября в местечке Мысленице к югу от Кракова. Старого екатерининского генерала встретили восторженно, поскольку генерал-адъютант Ф. Ф. Винценгероде, которому царь доверил начинать поход, снискал общее неодобрение дерзкой надменностью и непониманием русских солдатских порядков. Кутузов оградил от вмешательства командования солдатские артели, и *«радость войск изобразить невозможно»* [3]. Приняв армию, он назначил генерал-майора И. Н. Инзова дежурным генералом, дав ему право отдавать повеления начальникам колонн именем главнокомандующего [4]. По провиантской и транспортной частям вспоможение оказывал австрийский генерал Штраух.

Пока войска под командованием Инзова маршировали на соединение с армией Мака, выступившей в Баварию, Кутузов поехал в

Вену, где представился императору Францу I и провел переговоры по вопросам, касавшимся его армии. Члены австрийского кабинета опасались найти Михаила Илларионовича *«твердым и настойчивым как Суворова... но с первой встречи увидели в Кутузове готовность во всем с ними соглашаться, даже руководствоваться их мнениями»*. Он обещал *«совещаться с австрийскими генералами, состоящими при его главной квартире, особенно с Шмитом, которого определили к нему генерал-квартирмейстером»*. Русскому главнокомандующему дали ознакомиться с донесением Мака: *«Никогда никакая армия не находилась в столь выгодном положении, как наша... Сожалею об одном, что нет здесь императора и его величество не может быть свидетелем торжества своих войск»*. Ласковое теля двух маток сосет, — получив 60000 серебряных гульденов столовых денег, главнокомандующий отправился из Вены в Браунау на Инне, избранному местом сосредоточения [5]. Материальные вопросы были улажены хорошо, но вследствие уступчивости Кутузова русские квартирмейстерские офицеры были глубоко оттеснены австрийскими. *«Вопросы об организации, подготовке и постановке вспомогательных органов высшего военного управления и командования получили в армии Кутузова неудовлетворительное решение»* [6].

Австрийцы обеспечили быстроту марша, предоставив конные подводы для пехоты (величина переходов увеличилась с 25 до 60 верст в день), но по достижении русскими Браунау-на-Инне выяснилось, что австрийские войска, атакованные стремительно приблизившимся Наполеоном, капитулировали в Ульме. Известие было неожиданным, поскольку Мак хорошо смотрелся в роли военного администратора. По признанию А. А. Чарторыйского: *«Мак оказал столько же искусства и рвения в управлении военным министерством, сколько оплошности, незнания и слабости в то время, когда учинена была важная погрешность поручением ему команды армией»* [7]. Это был один из громких звонков эпохи, что военно-административный талант не является заменой оперативному.

К сожалению, известию о разгроме австрийцев предшествовало сообщение об их победе над дивизией французского генерала П.-А. Дюпона, о чем возвратившийся к войскам Кутузов объявил в приказе по армии 5 (17) октября [8]. На следующий день он созвал военный совет, на котором русские и австрийские генералы высказались идти вперед и дать бой французскому генералу О. Ф.-Л. Мармону, угрожавшему вклиниванием 40-тыс. вражеского корпуса между Подольской армией и войсками Мака [9]. Особенно горяч был генерал-майор П. И. Багра-

тион, писавший фавориту Александра I князю Чарторыйскому: *«В сию минуту я приехал от авангарда моего в главную квартиру, где получены разные неприятные известия, которым однако мало верю... Ежели Бонапарте, как говорят, разбил эрцгерцога Фердинанда, то нам надо непременно против Бонапарта идти... на сих днях надо ожидать решительно-го... ожидаем только нетерпеливо повеления ударить»* [10].

У Кутузова были веские резоны не поддаваться на авантюру. В октябре 1805 года господствовала отвратительная погода, последние переходы русской армии были изнурительны. Отстала артиллерия и не менее 6000 чел. усталыми и больными [11]. Главком держал себя с подчиненными строго, в его *«особенном внимании»* были самые горячие генералы: Дохтуров, Багратион и Милорадович [12]. Но, когда 7 (19) октября пришли подробности о поражении австрийцев, в их полный разгром русский главнокомандующий не поверил, высказав в письме Чарторыйскому опасение, *«чтоб известие о поражении, которое понес под Ульмом эрцгерцог Фердинанд, не достигло до нашего августейшего двора в преувеличенном виде»*. Поэтому вместо подготовки к отступлению Кутузов предположил закончить сосредоточение русской армии в Браунау. В рапорте Александру I он обнадеживает царя известием о соединении своей армии с корпусом генерала Кинкмайера *«у коего 24 баталиона и 60 эскадронов»* (умалчивая, что австрийские войска не в лучшем состоянии после поражения при Донауверте). Михаил Илларионович даже бравирует, что готов идти навстречу неприятелю [13].

«Полагая невероятным уничтожение армии многочисленной, еще столь недавно изображаемой эрцгерцогом и Маком в блистательном состоянии, он намеревался начать наступательное движение, когда соберутся все его войска» [14]. Это было не лучше, чем горячность Багратиона, — дать французам время собраться, и пойти встречать их. Время тянулось, отсталые и артиллерия прибывали медленно. Сильно задержалась 6-я колонна армии под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Шепелева, которую царь отделил для переброски на юг против обозначивших движения у русской границы турок, но австрийцы упросили вернуть обратно. Всего пришло и было на подходе 32 тыс. русских солдат (по Ермолову русские войска в Браунау были в числе 27 тыс.) [15]. К ним присоединилось 18 тыс. отрезанных Наполеоном от Мака австрийцев. Австрийские генералы требовали начать наступление к Мюнхену и открыть сообщение с Ульмом, а Кутузов на словах храбрился и на деле осторожничал, понимая, что французы сильны.

К 9 (21) октября М. И. Кутузов наконец-то правильно оценил обстановку и понял, что ему не состричь в ней купонов. Все еще опасаясь принять самостоятельное решение, он пишет письмо послу России в Вене А. К. Разумовскому с просьбой сообщить о предложениях австрийского правительства, одновременно высказывая свои соображения о целесообразности отступления на Дунай. 10 (22) октября поскучевший главком рапортует Александру I о необходимости отхода к Вене. На следующий день он пишет австрийскому императору и Разумовскому о необходимости отступления к Линцу. В Линц отправляются частные обозы и лазареты, дается распоряжение об остановке движения отставших колонн. Увы, он и теперь не принимает решения, о необходимости какого-либо всех уведомил [16].

12 (24) октября Михаил Илларионович отписывает Чарторыйскому и Разумовскому о сведениях, полученных им от отпущенного французами под честное слово и проезжавшего через Браунау Мака. Тот оценил силы неприятеля в Баварии в 140 тыс. чел. и советовал не продолжать наступление. В письме Чарторыйскому, предназначенном для сведения императора Александра, бегающий ответственности Кутузов (свежа была память о недавней опале) изображает давно назревшее и уже кричащее решение как коллективное: *«Поэтому мы, генерал Макк, генерал граф Мерфельд и я, с общего согласия решили, что я постепенно буду оттягивать свои силы к Линцу, откуда буду отступать по мере того, как противник будет нажимать с флангов»*. Свое предположение отступать от Линца не к австрийской столице, где не было подкреплений, а в Моравию на соединение с другими русскими и австрийскими войсками, главком осторожно вкладывает в чужие уста: *«Мысль об удобстве движения в Богемию принадлежала генералу графу Мерфельду, но я не мог к ней присоединиться ввиду того, что она может обескуражить венский двор»* [17].

Наконец, утром 14 (26) октября, когда *«на берегах р. Инна появились передовые французские отряды»*, Кутузов начал отступление на соединение с 2-й Волынской армией Буксгевдена [18, 19]. Воспользовавшись его промедлением, Наполеон успел отрезать пути по северному берегу Дуная. Располагая более чем двукратным превосходством, он мог маневрировать корпусами, пуская их по разным дорогам, чтобы быстрее догнать и разбить союзную армию. Дорожная сеть благоприятствовала Бонапарту, хорошо развернувшемуся для преследования, в то время как армия Кутузова была вынуждена отступать по одной дороге, ухудшившейся от ненастья [20]. Союзникам

сели на пятки корпуса Мюрата (к югу от Дуная) и Мортье (спешно формируемый Наполеоном к северу от реки). За ними спешили Бернадот, Мармон и Даву. Ситуация усугубилась, когда на третьем переходе от Браунау русские войска встретились со своими отставшими колоннами артиллерии, обозов и лазаретов, движение которых было приостановлено приказом от 10 октября. Шли непрерывные дожди [21]. В современной истории поденной раскладки событий не дается. Отступательный марш-маневр от Браунау подается как блестящий успех, после которого неожиданно наступает катастрофа Аустерлица. Но, как видим, проблемы с принятием решения у Михаила Илларионовича возникли уже в Браунау. Не будь промедления в 4–5 суток, он оторвался бы от противника, получив возможность сосредоточить на одном из придунайских рубежей менее измотанную и не понесшую потерь армию.

Австрийские местные власти, поверхностно рассчитывавшие на то, что русская армия, не смотря ни на что, будет сражаться с французами на Инне, потеряли к ней интерес. Они не выделяли помещений для обозных команд и лазаретов, уклонялись от выполнения обязательств по обеспечению войск продовольствием. Последнее могло быть уже не в их возможностях, так как основные запасы в расчете на победоносную войну были сосредоточены австрийским правительством на западных границах, где уже распоряжался Наполеон. Как результат, русские солдаты начали шастать *«в погребках... и по огородам»*, за что Кутузовым было велено *«нижних чинов наказывать строго»*. 16 (28) октября были уменьшены нормы выдачи продуктов офицерам [22]. Не хватало изорванного в долгих маршах обмундирования и обуви. По воспоминаниям Ермолова: *«Австрийский император, прибывший к отступающим нашим войскам в город Вельс, отправился в обратный путь. Повсюду сопровождали его отчаяние и вопль жителей, которых до прибытия французов оставляли мы нищими»* [23].

Франц I приезжал оценить состояние войск и согласовать с русским командующим решение военного совета Австрийской империи, состоявшегося 11 (23) октября в Вене. Проектировалось перебросить в район перед Веной армии эрцгерцогов Карла и Иоанна. В ожидании этого движения Кутузов должен был медленно отступать с одной позиции на другую, разрушая мосты и задерживая противника на переправах через притоки Дуная [24]. Соглашаясь с соображениями императора, Кутузов понимал, что австрийские армии не успевают переходами и сосредоточением, а потому оговорил перед

монархом возможность отступить навстречу Буксгевдену за Дунай в случае неудачи общего плана. В ответ у Франца возникла идея построить предместное укрепление у Кремса, защищая которое союзная армия сохранила бы положение, нависающее над флангом стремящегося к Вене противника [25]. В столь сжатые сроки укрепление создано быть не могло.

Армии Кутузова пришлось приостановиться у Ламбаха, где 19 (31) октября произошел первый арьергардный бой, закончившийся для русских войск благополучно по выгодности их позиции и незначительности сил французского авангарда. Пострадал, в основном, австрийский арьергард Шустека. Победно рапортуя о Ламбахском бое, главнокомандующий докладывает царю об изнурении войск и плохом положении с продовольствием: *«От самого Браунау стоят в лагере без палаток, пропитание только от одного дня к другому»*. Что сказать? Тем более не стоило лишние дни стоять в Браунау. С началом арьергардных боев многие русские командиры, невзирая на предписания главкома, были вынуждены смягчить отношение к своим голодным солдатам: *«Приказано было жителей не грабить, а съестные припасы разрешалось брать»* [26].

Проявились в Ламбахском бою и недостатки русской тактики, ориентированной на ближний, штыковой бой. На такой образ действий, знакомый ему по русско-турецким войнам, Кутузов еще 6 (18) октября ориентировал войска приказом по армии о предстоящих сражениях: *«Свойственное храбрости российское действие вперед в штыки употребляться будет часто»*. Ни характер французского противника, ни предальпийская местность штыковому бою не благоприятствовали. Возникая на каком-то склоне или в дефиле, он носил очаговый характер, что снижало его воздействие. Враг мог понести заметные локальные потери, но на общий ход сражений это влияния не оказывало. Французы уже тогда ориентировались на мощный ружейный и пушечный огонь, причинявший большой ответный урон плотным русским порядкам. В этих условиях предписания главкома *«наблюдать весьма строго... чтобы никто сам собой не отважился кричать победоносное Ура! пока сие не сказано будет по крайней мере от бригадных генералов»*, *«держаться во фронте сколько можно»* и останавливаться на поле боя по приказу: *«Стой! Равняйся»* — имели отрицательное боевое значение [27]. Так, дважды бивший в штыки 8-й егерский полк (егеря вообще не должны были такого делать!) потерял около 100 чел. убитыми и пропавшими без вести, был смертельно ранен полковник

граф Головкин. Включая раненых, убыль составила 153 чел., была брошена одна 6-фунтовая пушка [28, 29]. По отзыву со стороны противника *«французы опять взяли в плен до 500 человек, в том числе около сотни русских»* [30].

Расчеты на штык мешали наряжать для выполнения задач прикрытия больше конницы и легких орудий. Из-за этого потери арьергардов были большими, они тяжело уходили от противника. Принц Евгений Вюртембергский отмечал, что для русских характерно особое пристрастие к холодному оружию, но французы встречали эти атаки хорошо направленным ружейным огнем, не стыдились оставлять свое место и немного отступали, а затем, в нескольких шагах позади, соединяясь с резервной линией, снова открывали огонь. Эта процедура расстройства и истребления русской штыковой атаки могла повторяться двумя-тремя линиями наполеоновских войск. Тому есть свидетельства участников боев. Если не в 1805, то к 1807 г. эта тактика наполеоновской пехотой была вполне проработана [31].

После Ламбаха Кутузов предписывает создать команды для очищения дорог перед отступающей армией от обозов, чтобы ускорить движение. Но и наполеоновские маршалы без отдыха гнали свои войска в погоню. Оторваться от них не удавалось: *«До города Вельса арьергард наш имел непрерывные, но весьма неважные, перестрелки... которые, по малому количеству войск наших, производили чувствительную потерю»* [32]. Австрийский правофланговый арьергард Ностица также был в горячей стычке у Линца с французской егерской бригадой Мильо. Следующее крупное столкновение произошло ночью, у моста через Энс. Участвовали в нем, в основном, австрийские войска. Используя полученное в Вельсе разрешение Франца I *«не помышлять о защите Вены»* в случае задержки других австрийских армий, союзники сожгли мост и отступили [33, 34]. Если бы в этом вопросе император не уступил, Кутузов был бы вынужден, прикрывая венское направление, удерживаться на рубеже реки Энс, и мог быть обойден противником, быстро выбившим с позиций левофланговый отряд австрийцев под командованием Мейерфельда [35, 36].

25 октября (6 ноября) при Амштеттене арьергард князя Багратиона был атакован корпусом маршала Мюрата. *«Нападение неприятельское было так сильно, что должно было его подкрепить резервным корпусом под командою генерал-майора Милорадовича»* [37]. Рапортуя о битве русскому императору, Кутузов опять хвалит стремление своих войск ударить в штыки, но умалчивает о потерях. Они же, судя по

перечислению выбывших из строя старших офицеров, были весьма значительными, даже если не считать потери австрийцев (в арьергарде у Багратиона были 4 батальона хорватов и несколько австрийских гусарских эскадронов) [38]. У Ермолова читаем описание кровопролитного сражения, в котором ряд русских полков *«потерпели большой урон»* [39]. Это же значится в истории 104-го пехотного Устюжского (бывшего 8-го егерского) полка: *дравшиеся штыками егеря «потерпели большой урон, вынуждены были отступить»* [40]. Де Сегюр исчисляет русские потери до 2000 убитыми и пленными, попутно констатируя катастрофу французской конницы, отбитой с утратой 300 всадников [41]. Потери французов в пехотном бою тоже были велики, но союзники поспешно отступили, и на следующий день произошло довольно жаркое дело впереди Мелька.

К сожалению, новая истина, что против наполеоновской армии штыком так же успешно, как против турок, не повоюешь, с трудом входила в понимание русского генералитета и офицерства. Отчасти это был вопрос психологический — штыковой удар порождал нервный шок, убитых штыками врагов, наваленных друг на друга, видели все. И собственные потери от ружейного и пушечного огня противника, распределенные по большей площади поля боя, считали малыми. Потому часты оценки: *«Убитых и раненых в сем сражении с неприятельской стороны довольно, с нашей — мало»* [42]. Лишь общий сравнительный подсчет, обычно невозможный, мог показать, что соотношение потерь хуже, чем казалось.

Благодаря ожесточенному Амштеттенскому сражению, создавшему у Наполеона мнение о подготовке союзников к решительной битве у Санкт-Пельтена на рубеже реки Трайзен, русская армия временно оторвалась от преследования и продолжила отход к мостам через Дунай у Кремса и Маутерна. Бонапарт, стремясь отсечь Кутузова от подкреплений, приказал корпусу Мортье ускорить марш по северному берегу Дуная и занять переправы, а на южном берегу доверил преследование Мюрату. Тот был введен в заблуждение обманчивыми действиями Кутузова под Санкт-Пельтеном, продолжив искать его армию на дороге в Вену. В результате Кутузов, миновав непригодное к обороне, недостроенное предмостное укрепление, успешно переправился через Дунай у Маутерна, оказавшись один на один с Мортье, не успевшим занять позицию перед мостами. В то же время отходивший от Энса австрийский корпус Мейерфельда был жестоко разбит у Мариачелля войсками Даву. Разгром стал следствием ошибочного указания

австрийской главной квартиры отделиться от русских, чтобы лучше прикрыть Вену [43]. Это событие составило безупречное оправдание маневру русского полководца. Об обороне Санкт-Пельтенского плаца — последней крепкой позиции перед Веной, можно было забыть.

М. И. Кутузов был довольно хорошо осведомлен о движении маршала Э.-А. Мортье. Вечером 29 октября (10 ноября) удалось взять в плен несколько французских мародеров и наблюдателей из авангарда генерала Ж.-Ф. Грендоржа, рассказавших, что Мортье с передовой дивизией генерала О.-Т. Газана подходит к Дюренштайну. Следующая дивизия французского корпуса под командой генерала П.-А. Дюпона отстала на 12 верст у Шпица, а дивизия Ж.-Б. Дюмонсо — еще дальше. Тем же вечером на окраине городка Штайн между авангардами Грендоржа и М. А. Милорадовича произошло небольшое столкновение, подтвердившее показания пленных [44, 45].

Авангардной дивизии французов численностью 6000 чел. можно было противопоставить 24000 русских и 2500 австрийских войск (отряды генерал-майоров Штрика и Ностица) [46]. Используя изолированное положение противника между горами и Дунаем, Кутузов решил дать бой с целью уничтожения дивизии Газана, известный как сражение при Кремсе (или Дюренштайне). К активным действиям его толкала необходимость оправдать отступление, идущее вразрез с ожиданиями австрийцев, полагавших возможным противостоять французам у Кремса до подхода армии Буксгевдена [47], но такой замысел мог быть реализован лишь заблаговременно, а не с врагом за плечами.

Прошедшая 730 верст от Мысленице до Браунау, и 300 верст от Браунау до Кремса русская армия находилась в изрядном расстройстве от усталости, холода и недостатка всех видов довольствия. По словам Ф. Н. Глинки: *«Шли мы день и ночь и во все время становились лагерем всегда на голом поле, без палаток и всякого прикрытия, кроме самых худых шалашей из соломы или тростника... Надобно испытать такую нужду, чтобы о ней иметь понятие»* [48]. А. П. Ермолов описывает: *«От полков множество было отсталых людей, и мы бродягам научились давать название мародеров: это было первое заимствование нами от французов. Они собирались толпами и в некотором виде устройства, ибо посланный один раз эскадрон гусар для воспрепятствования грабежа видел в них готовность без страха принять атаку»* [49]. С. Боуден писал: *«Цельх 20 эскадронов бежали через мост без приказа и офицеры ускользнули прочь с полками, сославшись на большое здоровье. Егерские*

батальоны имели огромную убыль; даже бдительные усилия князя Багратиона не могли остановить дезертирство» [50, 51].

Разложение было остановлено суровым приказом главнокомандующего об усилении дисциплины. Боевой дух большинства русских солдат, невзирая на лишения, был высоким. Главные силы армии расположились между Кремсом и Штайном, авангард Милорадовича выдвинут к Дюренштайну, а Багратион с конницей направлен по дороге на Цветтель для прикрытия армии с правого фланга, и, буде удастся, открытия сообщения с эрцгерцогом Фердинандом. Для обеспечения левого фланга был сожжен мост через Дунай, на берегу заняла позиции артиллерия [52]. Обстановка намекала на использование против Мортье модифицированного плана Мачинской баталии, проходившей на аналогичном рельефе долины Дуная и Мачинских гор. Не было сомнений в успехе, думали только о том, как бы Мортье и Газан не остановили своего движения в западню [53]. В общем замысле, и в мерах по дезинформации противника (были отправлены лазутчики с целью уверить Мортье, что у Кремса остался лишь аррьергард русских), выработанный Кутузовым план был хорош. Однако, из нежелания связывать боем всю армию для решения задачи были выделены недостаточные силы, не предвиделась задержка исполнения обходного маневра. С турками такие огрехи прошли бы, с французами — сулили неприятности.

Сначала все шло по плану. Головная французская дивизия вступила в сражение наобум, рассчитывая опрокинуть русских к Кремсу. Ей противостоял отряд М. А. Милорадовича (2500 чел. при 4 шести-фунтовых пушках). Более крупный отряд генералов Д. С. Дохтурова и Г. фон Шмидта (8000 чел., из них 2000 австрийцы генерала Ф. Б. Штрика) совершал в трех колоннах обходной маневр, окружая французов со стороны гор, чтобы замкнуть кольцо у деревни Дюренштайн. Полагались на знание местности генерал-квартирмейстером Шмидтом, бывшим при Дохтурове в той же роли, что Пистор при Кутузове под Мачином, но он не имел нужного взаимодействия с русской квартирмейстерской частью, и колонновожатые остались без карт, вынужденно привлекая случайных проводников. Сильный дождь еще больше осложнил движение. Задача пройти маршрут длиной в 5 верст к 7 часам утра 30 октября (11 ноября) была выполнена только в 4 часа пополудни [54, 55].

В это время Милорадович давно вел неравный бой. Его могли поддержать войска генерал-лейтенанта А. А. Эссена 2-го (3500 чел.), но

тот держался пассивно, не выходя за пределы поставленной ему задачи оборонять Штайн и берег Дуная. Авангард остался без артиллерийской поддержки. По рапорту Милорадовича из 4 его орудий «*два после к нам прибыли*» (!) [56]. Подавляющее количество русской артиллерии — 162 орудия с более чем 3000 чел. прислуги, были расположены вдоль берега Дуная между Штайном и Кремсом для борьбы с французской флотилией. Конечно, ее массы на узкой местности в бой вступить не могли, однако авангарду можно было выделить десяток пушек, о чем не подумали. Милорадовичу еще повезло, что у Газана оказались при себе только 3 из 8 штатных орудий [57].

В усугубление малочисленности войск Милорадович, вместо обороны, был отправлен вести наступательные действия за деревню Унтер-Лойбен между Штайном и Дюренштайном (имел место встречный бой с сильнейшим врагом). Это позволило судам сопровождавшей Мортье речной флотилии фрегатов-капитана Лостанжа безнаказанно громить русский авангард из своих пушек, не спускаясь в зону русского огня. Небрежение артиллерией и расчеты на крепкий штык не оправдались, потери составили свыше 900 чел. убитыми и ранеными, более 600 солдат и офицеров попали в плен, французами были захвачены все четыре русских пушки. «*Урон наш был очевиден, и в особенности в офицерах несоизмеримый*» [58]. «*Полк наш сражался отчаянно, — очевидно исчезал*» [59]. К полудню Газан продвинулся до Штайна. И только в это время в бой вступила часть войск Эссена 2-го. Противник остановился [60].

Еще через час-два с левого горного фланга Газана объявился австрийский генерал-майор Штрик с русским Бутырским мушкетерским полком, обстреливая и тесня сверху французов. Обходная колонна Штрика, путь которой был самым коротким, выполняла ту же роль, что и корпус Волконского при Мачине, связывая отряды Дохтурова и Шмидта с Милорадовичем, и поддерживая последнего. Идея была неудачной, так как Мортье, находившийся в штабе Газана, заподозрил обход, дал Дюпону приказ ускорить марш и отправил назад артиллерию [61]. По этой причине французские пушки в пятом часу пополудни дружно встретили картечью колонну Дохтурова в Дюренштайне. Три орудия стояли в сельских воротах. Авангард генерал-майора Улаиуса стремительно атаковал, захватил батарею, ворвался в деревню и уничтожил занимавший ее французский отряд [62].

Газан и Мортье попали в тяжелое положение. Но в критический момент к Дюренштайну подошла и двинулась в бой дивизия Дюпо-

на. Теперь в переделку попал Дохтуров, который такого поворота событий не ждал, да еще из-за труднопроходимой местности не сумел привести к Дюренштайну артиллерию и кавалерию. Первым ударом Дюпона был разгромлен батальон Вятского мушкетерского полка и потеряно его знамя, за что Дохтуров удостоился порицания в записках Ермолова [63]. Дохтуров выдерживал яростные атаки Дюпона и Газана, а чрезвычайно потрепанный к тому времени Милорадович не мог обеспечить нажима на Газана с тыла.

Жаркий бой за Дюренштайн продолжался в темноте. В стороне развернулось столкновение одной из колонн дивизии Дюпона с колонной Шмидта, шедшей по самому дальнему пути, и генералквартирмейстер был убит. Потеряв управление войсками, союзники уступили, и французы во главе с Газаном и Мортье прорвались. При этом 100-й полк дивизии Газана сумел вывести трофейную русскую пушку и какое-то количество пленных. Резня в Дюренштайне и на дунайском берегу была необычайная. Русская артиллерия до поздней ночи и временами не без успеха вела огонь по силуэтам французских лодок, перевозивших раненых и группы французских солдат. Предусмотрительно созданная Наполеоном дунайская флотилия немало помогла отступавшим, но это было все, что она могла. Окончательно дело завершилось отходом войск Дюпона к Спицу, а Кутузова к Кремсу, в ходе которого по плохой погоде и усталости было брошено все, что можно бросить [64].

Так закончился первый эпизод «хороших маршей и плохих баталлий», которые всю дальнейшую жизнь преследовали Михаила Илларионовича. Обходной маневр был спланирован сложно, без знания местности. Нельзя было преждевременно обнаруживать себя колонне, чей путь был короче. Силы оказались распределены так, что сначала Газан 8 полными батальонами потрепал 6 слабых батальонов Милорадовича. Затем, при появлении Дюпона превосходство утратил Дохтуров, чьи 16 батальонов были ослаблены отсталыми и разделены. Зато так и не введенный в бой резерв оказался непомерно велик — до 11 батальонов без учета конницы, малопригодной для действий в узких дефилах и горах. Вопреки общему превосходству, войска Кутузова в течение всей битвы оказывались на решающих участках в меньшинстве, что свело на нет хороший план, приведя к большим потерям. Гибель Г. фон Шмидта вывела на первые штабные роли Ф. фон Вейротера.

Кутузову следовало выделить больше сил Милорадовичу (как ему изначально предлагали), с тем, чтобы тот мог решительно контрата-

ковать Газана и зажать его между собой и Дохтуровым. Не надо было дробить обходящий отряд, чтобы крепче окружить головную французскую дивизию. Возможность уйти была ей дарована слабостью русских «клещей». Тактические возможности были принесены Михаилом Илларионовичем в жертву шаблону Мачинской битвы, состоявшейся с менее стойким врагом 14 лет назад, и опасливому желанию не связываться боем слишком сильно, чтобы «не мешать» избранной стратегии — сохранить армию. Как туманно выразился Гейсман: *«Были допущены некоторые погрешности: не вполне соответственная группировка сил, несоответственные действия одной из колонн, и не вполне соответственное расходование резерва... вредило и недостаточное знание местности»* [65]. После более-менее подробного описания суть претензий легко понять.

После битвы обе стороны рапортовали о своей победе. Кутузов донес царю, что *«неприятель разбит совершенно, целая дивизия истреблена»* (с оговоркой — *«часть спаслась за Дунай на лодках»*), а также о взятии 1500 пленных, включая генерала Грендоржа, 5 пушек, *«из которых 2 мог взять с собою»*. Напомним, что Газан имел всего 3 пушки. Это значит, что в трофеи были записаны отбитые обратно орудия Милорадовича. Французских знамен не взяли, потому что *«знамена, коих нашли древки, неприятелем истреблены»*. Упомянуто было в донесении и о том, что русские раненые брошены в Кремсе, и сверх того главнокомандующий опасается потерять при отходе *«усталых может быть тысячу человек»*, что не очень-то согласуется с тирадами о полной победе. От этих сумбурных писаний: *«Свидетель Бог, что не имею минуты войти в подробное донесение»*, снабженных не стоящим гроша постскриптумом, будто Мортье и Газана едва не пленили, но *«они спаслись на лодке за Дунай»* [66], ведет начало традиция объявлять разбитым весь французский корпус, чего не могло быть по обстоятельствам боя.

Император Александр I поспешил возложить *«венец славы для российского воинства и для того, кто оным предводительствовал»*. Франц I наградил Кутузова орденом Марии-Терезии 1-й степени, которого за военные заслуги был ранее удостоен лишь Суворов [67]. Наполеон был адекватнее, признав в 22-м бюллетене Великой армии: *«Этот день был днем резни»* [68]. С тех пор в российской и европейской истории результаты битвы оцениваются противоположно. Будучи беспристрастным, понятно, что о победе наполеоновских войск не может идти речи: французы, намеревавшиеся разбить русских, с трудом деблокировали свою дивизию и сняли с берега Дуная раненых и

отставших. Но и замысел Кутузова провалился. Неблагоприятное соотношение сил, какое он мог улучшить, уничтожив дивизию Газана, не изменилось. Важная моральная победа над врагом была упущена, как то всегда бывает при прорыве окружения и спасении противником своих войск. Передышки для усталой русской армии добыто не было, ею были понесены чувствительные потери. Бумажная реляция с литературными экзерсисами компенсировать этих фактов не могла. Царские историки поначалу тоже не умели их прятать.

Михайловский-Данилевский, делая общие фантастические выводы, будто «*Кремское сражение впервые явило решительную поверхность над войсками Наполеона*» и в его результате «*Кутузов приобрел полную свободу действий*», подкрепляет их лишь описанием восторженной реакции русского и австрийского императоров, да собственной интерпретацией «*гнева Наполеона*». Но краткое тактическое описание битвы у него совсем не таково. Он признает тяжелое положение, в какое попал Дохтуров, и что сражение «*не кончилось совершенным истреблением дивизии Газана*», а равно и то, что вслед за боем последовало ускоренное отступление Кутузова со значительными потерями отставших солдат [69]. Такое описание не годилось для целей ура-патриотической пропаганды, и с течением времени подробности стали опускать. В брошюре «Сражение под Кремсом 30 октября 1805 года», предназначенной для чтения младшими чинами русской армии, были скрыты все острые моменты и заявлено, будто оно «*дало возможность Кутузову располагать дальнейшими намерениями Наполеона, уже не стесняясь его наступлением и предпринять, таким образом, более решительные действия*» [70]. Надо полагать, более решительно отступить. Кого и чему на таком материале можно учить?

Для выяснения победителя важно знать соотношение потерь. По данным на 15 ноября в рядах дивизии Газана было собрано 3848 чел. Следовательно, его потери вместе с Дюпоном не превышали 3–3,5 тыс. чел. Не могла потерять более 50–100 чел. флотилия Лостанжа. Русские потери составили примерно 3,5–4 тыс. чел. Французы заявили о взятии 1300 пленных (вероятно, переловив отставших от армии русских солдат). Многие сотни воинов так и не вышли обратно из придунайских гор, Подольская армия их не дождалась [71]. Гейсман исчислил потерю армии Кутузова около 4100 чел. Сверх того, 1331 раненых и больных было оставлено в Кремсе [72]. То есть, русские потери были выше французских. Обессиленные войска день простояли у Кремса, после чего продолжили движение в Моравию, к Ольмоцу (Оломоуцу).

Корпус Мортье отстал, почти за лучшее перейти на правый берег Дуная, но сражение задержало русскую армию, и это позволило подтянуться Мюрату, что вынуждает говорить о том, что Мортье часть своих задач выполнил, — не удержал, но задержал Кутузова. На следующем переходе к Подольской армии присоединилась 6-я колонна войск (8 тыс. чел.), отделенная от нее в начале похода, и эти свежие войска сразу пришлось употребить для прикрытия: *«Неприятель, имея в готовности множество судов, перешел Дунай в короткое время, и арьергард наш был еще в малом от города расстоянии, как уже появился он для преследования. В тот же день возвратился офицер, оставленный с письмом (о препоручении французскому командованию русских раненых. — А. Д.) в Кремсе, и дал знать, что уже при нем расположилась в городе неприятельская главная квартира и вступило в оный большое число войск»* [73]. Поспешно выступив из Кремса в ночь на 2 (14) ноября, Кутузов уже на следующий день оказался в критическом положении перед Эцельсдорфским перекрестком, где его мог опередить Мюрат [74].

Изложенное свидетельствует о том, что баталия между Кремсом и Дюренштайном не есть пример безупречного военного искусства, каким ее пытаются в России подать. Она поучительна с точки зрения тактических пороков-шаблонов Кутузова, берущих корни в практике русско-турецких войн XVIII в., как то: недодача артиллерии ведущим бой войскам; слабое сосредоточение сил и плохое взаимодействие широко разнесенных отрядов и колонн. С другой стороны, расчеты маршей Кутузова оказались лучше его же образцов управления боем. В результате непредвиденно быстрого занятия французами Вены и столичного моста выяснилось, что цепочка решений Михаила Илларионовича не задерживаться на Энсе и Дунае оказалась правильной. Возможно, этим объясняется щедрость австрийского императора, пребывавшего в большом беспокойстве за армию, что прослеживается по его письмам [75, 76].

Новый арьергардный бой произошел у Голабрюнна и деревень Шенграбен и Грунд, где Кутузов оставил 7-тыс. заслон во главе с Багратионом, приказав удерживать французов *«не взирая ни на какую несоразмерность в силах, до тех пор, пока мимо него не пройдут все главные силы армии»* [77]. Мюрат, настигший Багратиона с одной усталой конницей, пошел на хитрость и вступил в переговоры, пока подтягивались корпуса Ж. Ланна и Н. Ж. Сульта. Главная квартира Кутузова как раз проходила в это время за расположением Багратиона, и донесение о предложении Мюрата быстро нашло главноком.

С таким искусным дипломатом и обманщиком как Кутузов это была проигрышная затея. В истории Михайловского-Данилевского соответствующая главка так и названа: «*Тщетное намерение Мюрата обмануть Кутузова*» [78]. Михаил Илларионович для виду согласился, послав к Мюрату генерал-адъютанта Ф. Ф. Винценгероде, который согласовал с маршалом предварительный договор. Пока длились проволочки, Кутузов продолжал отступать [79], а Багратион приводил в порядок усталые полки, прошедшие ночью 20 верст под дождем.

Мюрат потерял драгоценные сутки, начав действовать лишь после письменного выговора от Наполеона. Собрав к этому моменту до 25 тыс. войск, вечером 4 (16) ноября он атаковал русских, расположившихся за деревнями Шенграбен и Грунд и поставившими на дороге позади дефиле 12-орудийную батарею. Сражение развернулось среди наступившей ночной темноты, освещаемое пожаром деревень, сослужившим дурную службу французам, поскольку русские могли лучше целиться на свет и подходить к врагу из тьмы для броски в штыки. Собственно говоря, это было единственное сражение 1805 года, по специфическим условиям которого установка Кутузова на штыковой бой оправдала себя. Потери при этом были громадные, а один из наиболее злых для войск Мюрата эпизодов состоял не в штыках, а в убийственном отражении атак конных гренадеров огнем 8-го егерского полка [80].

Когда пехотной дивизии Леграна удалось обойти Багратиона, тот сосредоточенным ударом в штыки прорвался и начал быстро отступать под покровом ночи. Французы организовали его преследование кавалерией, но не сумели рассеять. Ермолов писал, что вражеский обход был следствием *«невежества в ремесле своем»* генерал-майора Селихова, командовавшего левым флангом построений Багратиона. Оно было компенсировано распорядительностью командира 2-го батальона Киевского гренадерского полка майора Экономова, занявшего выгодную позицию и отбивавшего неприятеля сильным ружейным огнем, что приоткрыло коридор для отступления войск. *«Сверх чаяния дело кончилось гораздо счастливее, чем можно было предполагать, и князь Багратион прославился»* [81]. Он потерял 2400 чел. против 1200 у Мюрата, 8 из 12 пушек, разбитых французским батарейным огнем, и даже знамена, но большую часть своих солдат организованно увел.

Таким образом, потери отряда Багратиона в тяжелом бою, где он действовал самостоятельно, были меньше, чем у Дохтурова и Милора-

довича под руководством Кутузова под Кремсом. Он заслужил репутацию у Наполеона и был высоко отмечен Александром I, наградившим Петра Ивановича орденом Святого Георгия 2-го класса и производством в генерал-лейтенанты. А Михаил Илларионович не чаял свидеться, полагая, что оставил генерала на верную гибель: *«Истребление отряда князя Багратиона было неминуемо, как равно разбитие самой армии, потому что близость расстояния от аванпостов отнимала средство к скорой ретираде, а изнурение солдат от форсированных маршей и биваков соделывало их неспособными устоять даже в сражении»*. Исход боя и маневра главнокомандующий приписал счастью, которое *«представляло и тут средства, через которые спасена армия»* [82].

Касательно участия в знаменитом бою австрийских войск, Михайловский-Данилевский написал, что находившиеся вместе с Багратионом гусары Ностица поддались обоюдному обману переговорщиков, и ушли. Его слова многократно пересказывались. Но немецкие авторы XIX в. утверждают, что австрийцы сражались вместе с русскими, понеся значительные потери. В. Н. Клембовский также расценивает показание Михайловского-Данилевского как малоправдоподобное [83].

Князь Багратион в своем рапорте о сражении отметил мощное действие французских стрелков и артиллерии: *«Неприятель открыл со многих батарей сильную канонаду», «сильное его стремление на правой фланг при сильном ружейном и пушечном огне»*. Однако, в последовавшем через два дня рапорте Кутузова на имя императора Александра I описания действия французских ружейного огня и артиллерии пропали, заменившись «штыкоманией»: *«Солдаты пробивались повсюду на штыках, коими опрокинули неоднократно и самую кавалерию неприятельскую»* [84]. Налицо подмена трезвого взгляда кампанейщиной. Русское высшее командование почивало на лаврах прежних побед и страницах героических реляций, в которых Михаил Илларионович, как назло, был политичен и одарен, задавая в этом виде «фэнтэзи» стандарт и тон. Вдохновенно описанные *«блестящие подвиги наших войск в предшествовавших делах у Амштеттена, Кремса и Шенграбена вселили... презрение к неприятелю»* [85]. Куда хуже обстояло дело со сбором сведений о преимуществах противника и снятием копий с австрийских и французских карт. Из-за отсутствия такого попечения низкогорье с высотами едва достигающими 560 метров и ведущей от Штайна к Дюрэнштайну сквозной долиной с низким перевалом у Шайбенхофа стали для Дохтурова серьезным препятствием.

По воспоминаниям И. Г. Бутовского: «Почти у каждого пленного француза мы находили в ранце крошечную карту театра войны, тогда как ее не было даже у наших офицеров. Я помню радость умного и храброго генерала Уланцуса, когда, после дирнштейнской сечи, поднес ему один из его егерей подобную карту... После погрома под Аустерлицем многие наши солдаты и офицеры попали в плен от незнания местной топографии. Обход Дохтурова под Кремсом замедлился также по неимению топографической карты, да и многие опасности сошли с рук французам именно потому, что у нас не было этих драгоценных указателей. Неприятель имел еще то преимущество, что его ружья были превосходнее наших тульских того времени: да и самый порох у него был отличный, тогда как у нас мало разнился от пушечного. Стрельба французов одинаково трещала в сухую и в мокрую погоду; у нас напротив, при малейшей сырости, порох делался влажен, были вспышки и курки худо отбивали. Пока наш солдат выстрелит раз, француз делал два и три выстрела: беглый огонь его был необычайно силен... Наши солдаты охотно бы меняли свои ружья на французские... но, к сожалению, русской пули не вобьешь в их дуло. Наше белое оружие также уступало в прочности неприятельским палашам и саблям, кроме тульского штыка, который как будто создан единственно для русского солдата» [86].

6 (18) ноября 1805 года Кутузов достиг Брюнна (Брно) и получил просьбу императора Франца I, восплавленного радостью от почти свершившегося соединения войск, дать сражение Наполеону. Главнокомандующий вежливо отклонил ее, сославшись, что войска лишены сил [87]. Оставление главного города Моравии было крупной ошибкой, доставившей врагу крепкую цитадель Шпильберг, отличную позицию в окрестностях и важные склады, потеря которых определила плохое продовольственное положение собиравших силы союзников [88]. Но, чтобы зацепиться за Брюнн, Кутузов должен был увериться в намерении Буксгевдена и австрийцев подкрепить оборону города, а этого не было. Соответственно, просчет ложится не на главнокомандующего Подольской армией, а на союзные главные квартиры.

7 (19) ноября Мюрат, продолжая устрашать и забирать в плен отсталых, вступил в Брюнн, а отступившая армия Кутузова встретила у Просница авангард Вольнской армии Буксгевдена. На следующий день произошел последний кавалерийский бой при Рауснице, в котором русские потеряли до 100 чел. убитых и раненых, истребив несколько десятков французов и захватив 90 пленными [89, 90]. Армия пошла Ольшаны и преследователи отстали. Наполеоновские войска

сильно растянулись, оказавшись в меньшинстве, в то время как все русские силы 10 (22) ноября соединились в Ольмюце. Наблюдательный авангард противника остановился в Вишау (Вышкове). Кутузовская «ретирада 1805 года», во время которой его армия с боями прошла около 500 км, была признана современниками образцом стратегического марш-маневра [91].

Конечно, у Кутузова была возможность своевременно увести свою армию за Энс и Дунай, что поставило бы другую задачу перед Наполеоном и более чем на 10 тыс. чел. увеличило силы объединенной русско-австрийской армии перед генеральным сражением. Вероятно, это был бы еще более блестящий маневр, но менее заметный, наподобие того, как легко упустить из глаз отошедшего от берега реки человека, а вот если он соскользнет в воду и после этого с усилиями вылезет обратно на берег, — это уже событие. С течением лет в профессиональной среде шло переосмысление. В лекциях «О походных движениях» Николаевской академии Генерального штаба отступательный марш-маневр 1805 года в качестве образца не рассматривался. Вместо Кутузова там упомянуты Наполеон (за грамотную организацию наступательных маршей) и Багратион (за самопожертвование арьергарда), а примером указано отступление союзников от Дрездена в 1813 году. В лекциях можно видеть указания на такие промахи как промедление с отходом, столкновение с собственными обозами, неверный расчет состава и сил арьергарда [92].

В оправдание Кутузова нужно заметить, что политическая ответственность вещь тяжелая, и трудно представить, кто из его современников действовал бы лучше. При целом ряде недостатков, русская армия под его предводительством оказалась боеспособнее австрийской. Успех Ульмской операции Наполеону повторить не удалось. Первым Михаила Илларионовича поздравил командующий 2-й русской армией генерал от инфантерии Буксгевден [93]. Проектер Александр I, проваливший планирование кампании, из-за чего она *«с самого начала приобретала совершенно безнадежный вид... бегства русской армии перед тройными силами противника»* [94], ожидал большего. Поэтому лишь в феврале 1806 года, прислушавшись к мнению военных и своего фаворита Чарторыйского, написавшего на высочайшее имя: *«Генерал Кутузов, преследуемый и почти окруженный армией вчетверо многочисленнее... совершил ретираду, покрывшую его бессмертную славою»* [95], царь наградил полководца орденом Святого Владимира 1-й степени. К сожалению, к этому времени многие

солдаты и офицеры, выведенные из неблагоприятного положения Кутузовым, погибли или были пленены под Аустерлицем.

Рассматривая действия и писания полководца с точки зрения неизбежного в те времена дворянского соперничества, надо упомянуть и то, что поза сокрушительного победителя Мортье обеспечивала М. И. Кутузову карьерную победу над имеющим старшинство И. И. Михельсоном: «Генерал Михельсон надеялся... стать во главе нашей действующей армии. Но слава сражения под Кремсом... и знаменитое отступление из Кремса побудили императора Александра назначить Кутузова главнокомандующим действующей армией, а Михельсону поручена была резервная армия, расположенная в Брест-Литовске. Старый генерал Михельсон... плакал как ребенок» [96]. Такие свидетельства помогают лучше понять мотивы искажений и приписок в донесениях.

1. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 11–14.
2. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 643–644.
3. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М.*, 1991. С. 33–34.
4. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 2. Док. № 32. С. 51.
5. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 37–39.
6. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 645.
7. *Сб. Рус. историч. об-ва (РИО)*. СПб., 1892. Т. 82. С. 210.
8. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 2. Док. № 81. С. 92–93.
9. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 645.
10. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 13–14.
11. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 103.
12. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М.*, 1991. С. 44.
13. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 2. Док. № 87, 88. С. 97–98.
14. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 54–56.
15. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М.*, 1991. С. 36.
16. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 2. Док. № 103, 104, 107–109, 112. С. 109–114.
17. Там же. Док. № 114. С. 118.
18. Богуславский Л. А. *Истор. Апшеронского полка*. СПб., 1892. Т. 1. С. 273.
19. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 2. Док. № 119, 120. С. 123–124.
20. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 645–646.

21. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 36.*
22. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 123, 126, 127. С. 125, 127–128.*
23. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 38.*
24. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г. СПб., 1889. С. 106.*
25. *Архив кн. М. И. Голицычева-Кутузова-Смол., принадл. Ф. К. Опочинину. СПб., 1872. С. 12.*
26. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 95, 148 с ком. С. 105, 140.*
27. *Там же. Док. № 86. С. 96.*
28. Богуславский Л. А. *Истор. Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 274.*
29. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 148. С. 139–140.*
30. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г. СПб., 1889. С. 114.*
31. Жмодиков А. Л., Жмодиков Ю. Л. *Штыковая атака и штыковой бой в сражениях Наполеоновской эпохи // Сб. исслед. и мат. ВИМАИВиВС. Вып. X. СПб., 2015. С. 82.*
32. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 37.*
33. *Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 212.*
34. Богуславский Л. А. *Истор. Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 274.*
35. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 20.*
36. *РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 646.*
37. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 157. С. 146–147.*
38. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г. СПб., 1889. С. 123.*
39. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 39–40.*
40. Поликарпов Н. П. *Очерк боевой службы 104-го пех. Устюжского полка. Вильна, 1897. С. 48–49.*
41. Шильдер Н. К. *Из записок гр. Сегюра // Воен. сб. 1874. № 1–2. Отд. II. С. 97.*
42. Богуславский Л. А. *Истор. Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 275.*
43. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г. СПб., 1889. С. 120, 124.*
44. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 164, 168. С. 150, 154.*
45. Богуславский Л. А. *Истор. Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 277.*
46. Васильев А. А. *Сражение при Кремсе 11 ноября 1805 г. // Воин. 2002. № 9. С. 33.*
47. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 22.*
48. Глинка Ф. Н. *Письма рус. офицера. М., 1990. С. 29.*
49. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 38.*
50. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 165. С. 151.*

51. Васильев А. А. Сражение при Кремсе 11 ноября 1805 г. // Воин. 2002. № 9. С. 32.
52. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 25.
53. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном. СПб., 1844. С. 102.
54. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 25, 27.
55. Поликарпов Н. П. Очерк боевой службы 104-го пех. Устюжского полка. Вильна, 1897. С. 50.
56. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 186, 199. С. 170, 180–184.
57. Васильев А. А. Сражение при Кремсе 11 ноября 1805 г. // Воин. 2002. № 9. С. 33–34.
58. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 45.
59. Богуславский Л. А. Истор. Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 278.
60. Васильев А. А. Сражение при Кремсе 11 ноября 1805 г. // Воин. 2002. № 9. С. 34–36.
61. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном. СПб., 1844. С. 103–104.
62. Поликарпов Н. П. Очерк боевой службы 104-го пех. Устюжского полка. Вильна, 1897. С. 50.
63. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 46.
64. Васильев А. А. Сражение при Кремсе 11 ноября 1805 г. // Воин. 2002. № 9. С. 41–44.
65. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 648.
66. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 171. С. 156–157.
67. Там же. Док. № 173, 181. С. 158–159, 166.
68. Васильев А. А. Сражение при Кремсе 11 ноября 1805 г. // Воин. 2002. № 9. С. 45.
69. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 18–20; См. также: Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С. 106–112.
70. Сражение под Кремсом 30-го окт. 1805 г. СПб., 1885. С. 18.
71. Васильев А. А. Сражение при Кремсе 11 ноября 1805 г. // Воин. 2002. № 9. С. 44–45.
72. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 647, 648.
73. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 47.
74. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 648.
75. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 174. С. 160.
76. Архив кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол., принадл. Ф. К. Опочинину. СПб., 1872. С. 14.

77. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 648.
78. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 111, 125–127.
79. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 187*. С. 170–172.
80. Поликарпов Н. П. *Очерк боевой службы 104-го пех. Устюжского полка*. Вильна, 1897. С. 53–54.
81. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826*. М., 1991. С. 49.
82. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 124.
83. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 180.
84. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 180, 187*. С. 164–165, 171.
85. Крючков В. В. *95-й пех. Красноярский полк*. СПб., 1897. С. 58.
86. Бутовский И. Г. *Фельдм. кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща*. СПб., 1858. С. 65–66.
87. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 132–133.
88. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 184.
89. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 202*. С. 187.
90. Мартынов А. И. *Кр. истор. 46-го драгунского Переяславского полка*. СПб., 1899. С. 25–26.
91. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826*. М., 1991. С. 50.
92. Казанский П. *О походных движениях // Воен. сб. 1876. № 3–4. Отд. I*. С. 43, 285, 287, 289.
93. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 185*. С. 169.
94. Покровский М. Н. *Дипломатия и войны царской Рос. в XIX ст.* М., 1923. С. 10–11.
95. *Сб. РИО*. СПб., 1892. Т. 82. С. 212.
96. Щербатов А. П. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич*. СПб., 1888. Т. 1. С. 12–13.

3.2. АУСТЕРЛИЦ

В Ольмюце (Оломоуце), где находились русский и австрийский императоры, М. И. Кутузов был назначен «*главнокомандующим соединенными в Моравии австрийскими и русскими войсками*». Дежурным генералом армии был определен генерал-адъютант князь П. М. Волконский, а генерал-квартирмейстером — австрийский генерал-майор Франц фон Вейротер [1]. Такое распределение командных должностей ставит под большое сомнение историческую тенденцию, оформленную Михайловским-Данилевским в 40-х гг. XIX в., полагающую,

что Кутузов был фактически отстранен от командования, и ни на что не мог влиять (особенно на австрийцев). Историки предпочитают не раскрывать, какими правами обладал столь высокого ранга главнокомандующий.

Соединенная армия подчинялась уставу основной массы своих войск — русскому воинскому уставу, с некоторыми особенностями по комплектованию и работе квартирмейстерской части, оговоренными при заключении русско-австрийского военно-политического союза. Ровно так было во время отступления 1-й Подольской армии от Браунау, когда она, после присоединения к ней австрийцев, стала русско-австрийской. При описании этого отступления никто не объявляет Кутузова безвластным, не приписывает результаты сражений под Амштеттеном и Кремсом генерал-квартирмейстеру фон Шмидту, и не говорит, что австрийцы не выполняли приказы главнокомандующего. Все намеки на этот счет разбиваются о факты, свидетельствующие о том, что везде, включая Шенграбенское дело, австрийские войска были вместе с русскими в огне. В Ольмюце власти над австрийцами у Михаила Илларионовича стало больше, потому что ситуация, сложившаяся де-факто, была узаконена императорами де-юре.

По русскому уставу, генерал-квартирмейстеру надлежало *«учреждать походы, лагеря и по случаю фортификации и ретрашементы, и над оными надзирание иметь, а особливо при небольших войсках, в которых инженеры обыкновенно под его надзиранием и командою обретаются. А ежели таковой генерал-квартирмейстер, и артиллерию при том же разумеет, то он может по случаю и оною командовать. А особливо надлежит ему генерально оную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретаются, такожде какия реки, проходы, дефилеи, горы, леса и болота находятся. Он по вся дни имеет быть у командующего главного генерала, дабы мог знать, когда что о походе или лагере войска определено будет. Ибо он ни от кого иного указы не получает, токмо от командующего генерала самага»* [2]. Аналогичен был и австрийский устав. Таким образом, генерал-майор Вейротер находился в прямом подчинении генерал-аншефа, главнокомандующего соединенными русско-австрийскими войсками Кутузова. Это факт неопровержимый.

Понятное дело, что правильное указание на командную должность Кутузова и подчиненную роль Вейротера в последующих историко-фантазийных изложениях, призванных «погладить национальную гордость великороссов», исчезло начисто. Михаил Илларионович

всюду и везде именуется просто «главнокомандующим» (чтобы читатель думал: только русскими войсками, и мнил себе Вейротера таким же влиятельным лицом австрийским, на коего в таком случае удобно списать поражение). Но на самом-то деле, записывать всю тяжесть аустерлицкого разгрома на Вейротера, крича, что армией и сражением руководил он, — это все равно, что утверждать, будто при Бородине командовал генерал-квартирмейстер, полковник К. Ф. Толь (исполнявший в 1812 году при Кутузове ту же должность). Но последнее почему-то никому в голову не приходит.

Для более ясного понимания взаимоотношений между русскими и австрийскими военными чинами необходимо раскрыть еще один секрет Полишинеля: австрийские войска просто не имели в Ольмюце военных руководителей таких высоких рангов, как М. И. Кутузов и Ф. Ф. Буксгевден. Австрийскими армиями в 1805 году командовали эрцгерцоги Карл и Фердинанд, оказавшиеся со своими войсками в других пунктах. К. Мак после Ульмской капитуляции был отдан императором Францем I под суд. А ольмюцкая группировка австрияков представляла собой собрание нескольких слабых отрядов, старшинство в командовании которыми принадлежало князю И. фон Лихтенштейну, имевшему чин, соответствующий русскому генерал-лейтенанту. В сражении при Аустерлице он командовал кавалерией 5-й колонны и был определен в подчинение князю П. И. Багратиону.

12 (24) ноября союзные силы увеличились прибытием русской гвардии (8500 чел. под командованием цесаревича Константина). Гвардия, естественно, тоже вступила под команду Кутузова, и никто не заикается о том, будто Константин Павлович как-то ущемил единоначалие Михаила Илларионовича. Поэтому, честно излагая организацию военной власти в Ольмюце, надо указать, что в силу феодальных политических обычаев и законов, Кутузов в присутствии императоров был ограничен в военно-политических и стратегических моментах. Он не мог указывать своему суверену, давать генеральное сражение или не давать, вести наступление или отступить. В этих вопросах он имел лишь совещательный голос. Но касаясь исполнения принятых военно-политических решений и контроля над вверенной ему союзной армией, власть Кутузова была почти неограниченной, умеряясь лишь субординационно-психологическими ошибками, которые при такой конструкции власти есть явление частое, но никогда и никого от ответственности за плохое исполнение обязанностей не освобождающее. Конечно, Кутузову предстояло столкнуться с не-

которой дезорганизацией работы своего штаба (армейской главной квартиры), связанной с вмешательством лиц из императорских главных квартир. Основными агентами влияния тут были царские генерал-адъютанты князь Долгоруков, барон Винценгероде и граф Ливен. Для пресечения этого негатива главнокомандующему надлежало не тушеваться и усилить личный контроль.

Всего в соединенной армии насчитывалось от 82,5 до 86 тыс. чел., в том числе 14 тыс. австрийцев, при 330 пушках. Союзный лагерь был расположен на удобной для обороны местности. Поодаль, близ Иглау (Йиглавы), находились около 10 тыс. солдат эрцгерцога Фердинанда — остатки избежавших капитуляции под Ульмом австрийских войск. Они наблюдались отделенным для этой цели французским корпусом маршала Ж.-Б. Ж. Бернадота. Бонапарт располагал в Брюнне и окрестностях до 75 тыс. войск при 250 орудиях, которые *«были сильно разбросаны, настолько, что... он мог подвести к решительному пункту театра военных действий (к полю сражения) только 50000, а остальные должен был оставить для обеспечения тыла и флангов»*. Этим обстоятельством как раз и намеревались воспользоваться союзники, оптимистично исчисляя силы противника в 40 тыс. чел. [3, 4, 5]. Положение Наполеона виделось им уязвимым ввиду непобедимой русской армии. Из России шли резервные корпуса под командованием Л. Л. Беннигсена и И. Н. Эссена 1-го. Заканчивались близкие к провалу франко-прусские переговоры, и Пруссия собиралась ударить врагу в тыл. В долине Дравы соединились австрийские войска эрцгерцогов Карла и Иоанна, образовав еще одну 80-тыс. армию.

Однако, приняв план действий, союзники несколько дней медлили с наступлением, допустив ту же ошибку, какую Кутузов совершил в Браунау. Французский полководец успел притянуть к себе еще 23—24 тыс. солдат во главе с маршалами Л.-Н. Даву и Бернадотом [6]. Наполеон не сомневался в своей победе и не мог затягивать кампанию, поскольку время работало против него. Ему надо было навязать союзникам битву, выманив их из укрепленного Ольмюцкого лагеря, и выиграть ее. Эту задачу он решил, пользуясь австро-прусскими противоречиями (австрияки не хотели быть обязанными победой пруссакам), глупостью русского царя, самодовольством его походного двора и шаблонным мышлением союзного командования. Между противниками, в 25 км от Брюнна и 70 км от Ольмюца лежала деревня Аустерлиц (ныне чешский городок Славков-у-Брна). Полям у нее предстояло стать местом судьбоносного сражения.

На стороне Бонапарта был недостаток продовольствия в Моравии. Австрийское правительство не ждало прихода войны в регион, не сделав здесь запасов. От пребывания массы союзных войск окрестности Ольмюца были разорены, крестьяне разбежались, селения пустели. Остаться там без движения и подвозов было нельзя. Положение французов было лучше благодаря доставшимся им складам в Брно. Но, когда 12 (24) ноября был собран большой военный совет, лишь один человек — главнокомандующий Кутузов — высказался в пользу отхода к русским источникам снабжения и против авантюрного сближения с противником. В противовес оппонентам, предлагавшим либо дать сражение у Брюнна, либо обойти врага фланговым маршем, чтобы подойти к Вене и сблизиться с армией эрцгерцога Карла, он предложил отступление к Карпатам на соединение с корпусами Беннигсена и Эссена 1-го, заодно выжидая вступления в войну Пруссии: *«Чем дальше завлечем Наполеона, тем будет он слабее, отдалятся от своих резервов, и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов»* [7, 8].

Разумеется, австрийцы возражали. Нереально было, что под угрозой из Пруссии Бонапарт потянется к русским границам. Вместо этого, освободившись от угрозы со стороны Моравской армии, он мог разорять Австрию и ударить по оторвавшемуся от преследования Массены, идущему к Вене эрцгерцогу Карлу. А Фердинанду с остатками его войск вообще деваться было некуда. Благоразумное предложение Кутузова было чревато для царя крупными политическими издержками, поэтому тяжело упрекнуть Александра в негативном отношении к этой идее. Других мотивов против отхода тоже хватало. Достаточно сказать, что Суворов подобное не предложил бы, а постарался быстрее нанести удар по врагу, используя могущий ускользнуть численный перевес. В те дни пришло известие о бедственном исходе для французов Трафальгарского морского сражения. К сожалению, лица, толкавшие на активный образ действий, не понимали, что время пришло другое: и враг грознее, и некому спланировать подобный бросок на него. В итоге союзнические обязательства и преувеличенное сознание собственной победы победили. 15 (27) ноября союзники перешли в наступление.

Неспешное, в несколько переходов, без обманных маневров, шествие армии в пяти колоннах (полуразвертывание для боя) к Брюнну и Аустерлицу было ошибкой. *«Движение русских колонн и кавалерии впереди нашего правого фланга указывали императору место, на ко-*

торое союзники намеревались направить главный удар. Он наблюдал за ними, и... не препятствовал их начинаниям, в уверенности, что нельзя обойти грозного и готового к бою противника, не будучи обойденным, и что только окончательный результат обнаружит, которая из двух армий отрезала путь отступления другой» [9]. «Три дня тащилась союзная армия по невылазной грязи, делая от 7 до 12 верст в сутки... все движения были заметны неприятелю как на ладони» [10].

Готовясь к бою, Наполеон начал подобно Кутузову под Эцельсдорфом разыгрывать нерешительность и готовность к переговорам, отводя назад авангарды. Утром 17 (29) ноября он послал к Александру I в городок Вишау (место первой стычки) своего генерал-адъютанта Р. Савари «поздравить Его Величество с прибытием в армию» и просить «о личном свидании между авангардами». Царь встречаться с Бонапартом не захотел, прислав к нему генерал-адъютанта князя П. П. Долгорукова, перед которым был разыгран очередной спектакль. Молодой князь вернулся из стана врага в приподнятом настроении, утверждая, что «наш успех несомненен» [11], а Бонапарт на рекогносцировке 18 (30) ноября принял решение еще дальше подать назад свой правый фланг, очистив Праценские высоты. Генералам он сказал: «Владея этой превосходной позицией, я мог бы остановить здесь русских; но в таком случае произойдет лишь обыкновенное сражение; тогда как, если я предоставляю им позицию, отодвинув мой правый фланг, они будут совершенно разбиты, если осмелятся сойти с этих высот, чтобы охватить меня» [12].

Нависающий над юго-восточными подступами к Брюннской позиции левый (северный) фланг французов пересекал дорогу Брюнн — Ольмоц, упирався в крутой холм Сантон — отрог лесистого низкогорья, простирающегося от Брюнна до самых Судет. Центр прикрывался текущим от Сантона на юг болотистым ручьем Гольдбах, а правый фланг — низкими дефиле у Гольдбаха, для атаки которых союзники должны были растянуться в своеобразном низинном мешке у Сачанского и Меницкого озер. Здесь наступающие были весьма уязвимы, а позиция обороняющихся благоприятствовала концентрации сил и контрудару в обход с севера на юг. Единственным препятствием были Праценские высоты, но союзники не имели времени и мыслей готовить их к обороне.

Ермолов сообщает, что самоуверенности князя Долгорукова способствовал Багратион, польстив его тщеславию под Вишау: «Князь Багратион, заметив, что неприятель мало имеет в городе пехоты, но

более кавалерии, приказал... генерал-майору графу Витгенштейну расположиться при выездах из оною, так чтоб неприятель не мог уйти, а пехоте приказал атаковать город. Кавалерия неприятельская вырвалась с малой весьма потерю... Оставленную его пехоту, с небольшим сто человек, взял в плен находившийся в авангарде генерал-адъютант князь Долгорукий... Дело представлено было в гораздо важнейшем виде, и князь Багратион, как ловкий человек, приписал успех князю Долгорукому, который, пользуясь большою доверенностью государя, мог быть ему надобным... В главной нашей квартире восхищены были победою и готовились к приобретению новых» [13]. Рапорт Багратиона Кутузову от 16 (28) ноября отмечен той же двуличностью, что и рапорта самого главнокомандующего: «Все в пользу оружия его императорского величества, и везде наступающий неприятель превращался в бегство и был истреблен». Закончив браваду, Багратион, зная малость успеха и чувствуя угрозу, растущую с приближением к французской армии, указывает на недостаток сил своего корпуса и просит вернуть ему 5-й егерский полк [14].

Две таких победы — Кремс и Вишау! В самом деле, чего бояться этого Наполеона с его бегущими солдатами? Взятию города Вишау и местечка Раусниц большое место уделяет Синельников, гордо называя раздутое число плененных французов: 23 офицера и 500 рядовых [15]. «В истории императора Александра авангардное дело под Вишау достопамятно, — утверждал Михайловский-Данилевский, — здесь впервые находился он в огне и был в виду Наполеона» [16]. Лишь позднее историки начинают описывать этот бой как выставленную Бонапартом приманку, на которую попались русские и австрийцы. «Удача в этом деле и поспешное отступление Мюрата от Раусница по дороге к Брюнну утвердили союзников в убеждении, что Наполеон был не в состоянии противиться им. Полагали излишним выжидать подкреплений и заботились только о том, чтобы неприятель не избежал решительной встречи. Для побуждения французов к принятию боя, решились отрезать им путь отступления, обойдя их с правого фланга и отбросив от Дуная к границам Пруссии» [17]. Князь Долгоруков очень удобно для главных виновников катастрофы скончался от тифозной горячки в декабре 1806 года в Петербурге. Часть вины за поражение в русских военных и дворянских кругах стали приписывать ему. Вейротер умер в том же году, став самым популярным «стрелочником».

За суждение, высказанное против генерального сражения, поддержанное в свите царя лишь молодыми Н. Н. Новосильцевым и А. А. Чарторыйским, Кутузова впоследствии объявили провидцем,

сняв с него вину за разгром по уникальной схеме командовал, но не виноват. Полководец поощрял эту выгодную для него традицию, в 1812 году публично заявив при виде захваченного французского знамени с надписью «За Аустерлиц»: *«После всего, что совершается теперь перед нашими глазами, одной победой или одной неудачей больше или меньше, все равно для моей славы, но запомните: я не виноват в Аустерлицком сражении!»* [18]. В даче сражения — точно, не виноват. А в поражении? Как он выполнил работу полководца? Что-что, а лукавить, используя момент, Михаил Илларионович умел.

Не подвергая сомнению слова героя, Михайловский-Данилевский высказал мнение, будто Александр I считал, что *«австрийцы в многолетних походах против французов изучили основательно образ войны с ними»*. Поэтому царь предоставил австрийским генералам *«главные распоряжения»*, фактически «отстранил» Кутузова и сам «руководил» битвой при Аустерлице, а тот *«покорился обстоятельствам, объявляя по армии даваемые ему приказания, и оставался простым зрителем событий»* [19]. Эти удивительные рассуждения начисто игнорируют общеизвестный в 1805 году факт, что все победы над французами в то время принадлежали русским полководцам — Суворову и разрекламировавшему свой бой с Мортье Кутузову, а до победы эрцгерцога Карла под Асперном в 1809 году было еще далеко.

Смягчая эту бездоказательную позицию, М. И. Богданович сообщил, что составленная Вейротером *«диспозиция для действий союзников... была утверждена императором Александром»*. Вот это «неуставняк» — хоть стой, хоть падай с воплем: «Измена!» По действовавшему уставу ордер и повеление главнокомандующего *«должны в войске все почитать, понеже вся армия и настоящее намерение от государя своего ему вручено... при армии невольно что главного учинить без повеления и ордера командующаго вышняго генерала»* [20]. Понимая, что в этом случае Кутузов должен был злобно пренебречь своими обязанностями, Богданович в другом месте своего текста заявляет, что тот *«выказал себя более ловким придворным, чем полководцем, чувствующим важность лежавшей на нем обязанности»*. Лишь в силу такого поведения *«распорядителями военных действий сделались — частью благонамеренные, но неопытные советники императора Александра, частью австрийцы»* [21].

На данную тему рассуждали многие. С. М. Соловьев указывал публично на *«недостаток гражданского мужества высказать всю правду юному императору»* [22]. П. А. Гейсман сообщал: *«Во всю Аустерлицкую*

операцию Кутузов находился в положении недостойном главнокомандующего и то обстоятельство, что он примирился с этой ролью, не говорит в его пользу» [23]. Участник Аустерлицкой баталии, будущий генерал и декабрист М. А. Фонвизин сказал: «Наш главнокомандующий из человекоугодничества согласился приводить в исполнение чужие мысли, которые в душе своей не одобрял» [24]. Того же мнения об избытке у Кутузова «придворной выправки» и робости перед царем придерживались А. А. Чарторыйский, А. С. Шишков, Ж. де Местр [25, 26, 27].

Как ни крути, главнокомандующий в любом случае должен был рассмотреть и утвердить диспозицию. Поэтому дотошный Гейсман оправдывает Кутузова тоньше, отставляя его еще дальше, и объявляя Вейротера «главным советником императора Александра» [28]. В советское время утка о командовании Александра была радостно подхвачена историками, бичевавшими царизм, и строившими на его же наработках идеологический помост для советского вождизма. Даже в 2000 году сей вымысел повторяет В. В. Бешанов в своем компилятивном труде «Шестьдесят сражений Наполеона».

Примечательно, что Михайловский-Данилевский издал описание первой войны с Наполеоном в 1843, а историю Отечественной войны 1812 года — в 1839 году. Принимая это во внимание, становится понятным, зачем потребовалось искажение фактов. Лучше было приписать поражение покойному царю (потом победителю, как Петр I после Нарвы), чем поставить под сомнение всю консервативную и панегирическую концепцию. Коррекция была произведена сыро. Тенденциозные замечания соседствуют с критичными оценками: «Однако ж общее мнение в армии осуждало его (Кутузова), зачем, видя ошибочные распоряжения доверенных при императоре Александре и Франце лиц, не опровергал он упорно действий их всеми доводами, почерпнутыми из многолетней опытности и глубокого разума его. В таком же смысле выражался император Александр... «В Аустерлицком походе, — сказал он однажды, — Я был молод и неопытен. Кутузов говорил мне, что нам надобно действовать иначе, но ему следовало быть в своих мнениях настойчивее» [29]. В том же сумбурном виде позиция историка снова появилась в 1846 году, — в работе «Александр I и его сподвижники».

Ближе всех к пониманию головоломки отношений между Александром I и Кутузовым подходил Богданович, подметивший особенность характера молодого царя «оставлять, в решительные минуты жизни, многое в сомнениях, в неопределенности». Это ставило главно-

командующего, привычного к военной и придворной вертикали, в сложное положение, из которого *«он мог выйти, если бы сила его характера равнялась тонкости ума его»* [30]. Аналогичная драма разыгралась в 1812 году, когда государь поставил в ту же ситуацию неопределенности полномочий М. Б. Баркляя де Толли. Но Барклай, следуя долгу, гнул свое, пока не потерял запас устойчивости и не был отстранен от командования, чего категорически не желал допустить в отношении себя Михаил Илларионович.

Никто не мешал Кутузову, приняв к исполнению волю суверена, обсуждать и уточнять наступательные диспозиции. Будь в этой сфере его разумные предложения и распоряжения, мы бы знали о них. Первая проблема возникает в том, что обсуждений главнокомандующий избегал и вне присутствия венценосных особ. Он не совещался в 1809 году под Браиловым, в 1811 под Рушуком и годом позже на Бородинском поле. На военном совете в Филях, где против отступления через Москву возражали многие генералы, не велось протокола. Это говорит не о безволии, а о том, что Кутузов не придавал значения коллегиальному обсуждению важнейших военных решений. В этом отношении он постоянно нарушал устав, говорящий: *«Главныя и великия дела и всякие начинания, без консилии генералов, собственным своим изволением никогда чинити надлежит, но всегда с совету»* [31]. Биографами Михаила Илларионовича отмечалось: *«Не терпя чужих советов, он никогда не спорил и не противоречил, но... был себе на уме и всегда стремился действовать самостоятельно и независимо»* [32]. Куда же подевалась при Аустерлице самостоятельность этого авторитарного командира, способного для виду соглашаться с царем, но делать по-своему?

Продолжает бытовать и другая, столь же нелепая точка зрения, будто главнокомандование принадлежало австрийскому императору Францу I. Но в источниках первой половины XIX в. излагается: *«Таково было почти общее мнение в нашей главной квартире. Боялись, что Наполеон не примет сражения, и торопились составить диспозицию»*. Современному читателю надо лишь пояснить, что «главная квартира» по терминологии того времени есть штаб соединенной армии в присутствии главнокомандующего Кутузова, наполненный русскими генералами и офицерами. Михайловский-Данилевский со ссылкой на донесение посла графа Разумовского от 11 января 1806 года приводит исчерпывающую цитату о роли австрийского монарха: *«Через шесть недель после Аустерлицкой битвы император Франц говорил... «Конечно, вас удивит, что до сегодняшнего дня я еще не знаю плана Аустерлицкому»*

сражению» [33]. Мы знаем, что Кутузов в ходе отступления от Браунау много раз не исполнял просьбы Франца.

Как видно, все попытки вручить главнокомандование и ответственность за поражение то Вейротеру, то Александру I или Францу I с треском проваливаются. Никто Кутузова от командования не отстранял. Речь может идти только о банкротстве его собственного военного опыта и стремлении ни в чем не идти наперекор главам и фаворитам императорских дворов, будучи в отношениях снизу-вверх таким же холуем, каким он был диктатором в отношениях сверху вниз. Последний порок часто встречается в чиновных характерах и поныне. У всех на памяти был пример Суворова, жестко и успешно отстаивавшего свои полководческие решения, к чему Кутузов даже не приступил. Он не противостоял шапкозакидательству, охватившему его подчиненных, хотя уж об этом-то мог распорядиться. Поэтому от монархов до младших офицеров все были охвачены небывалым благодушием [34]. Князь Долгоруков, *«объезжая в ночи передовые посты, напоминал часовым, чтобы они сторожили, куда французы начнут отступать. Огни, зажженные на французских биваках при появлении Наполеона, были приняты в союзной армии за пылающие шатры — несомненный знак отступления неприятельской армии!»* [35]

После того, как было принято решение о выступлении к Аустерлицу, главнокомандующий продолжал отдавать (как лично, так и через дежурного генерала) приказы по соединенной армии о движении войск и подготовке к сражению. Ему рапортовал командир авангарда П. И. Багратион, обращаясь за приказаниями: *«Покорнейше прошу ваше превосходительство снабдить меня своим повелением, как мне поступить завтра, в случае что неприятель не совсем отступит»*. Если катастрофическую диспозицию союзной армии на 20 ноября (2 декабря) 1805 года приписывать австриякам, то диспозиция на 19 ноября (1 декабря) — явно русского происхождения и подписана дежурным генералом князем П. М. Волконским, сменившим на этой должности И. Н. Инзова. Любителям как-то вывернуться и заявить, что эта диспозиция мало значит, следует указать, что озаглавлена она: *«Диспозиция наступательным действиям к Меницу и Сокольницу или к правому неприятельскому крылу»* [36]. Сражение вполне могло развернуться по диспозиции Волконского, и Бонапарт понимал, что противник мог атаковать его уже 1 декабря, предполагая в этом случае *«отступить и расположиться у Брюнна за Шварцавой»*, после чего нанести контрудар подходящими резервами [37].

Кутузову отдавали после Аустерлица рапорта о своих действиях русские генералы. Он хлопотал о наградах для гвардии, солдат и офицеров, спасших знамена и пушки, рапортовал царю об увольнении от службы с лишением чинов проявивших трусость офицеров, готовил общие реляции о сражении. Все это пристало лишь действующему главнокомандующему. Чужеродно и нелепо выглядят пассажи Михайловского-Данилевского о том, что австрийцы даже *«не озаботились составлением резерва»* (это прерогатива главнокомандующего), и что *«Кутузов распоряжался, ничего не решая»* [38, 39]. К сожалению, следующие поколения царских и советских исследователей правду решили не искать.

Серьезное рассмотрение роли Кутузова в Ольмюце и при Аустерлице показывает: он виноват в разгроме прямой военной виной. По суждению начальника Академии Генерального штаба, члена Военного совета Российской империи, генерала от инфантерии Г. А. Леера, армия *«не имела во главе полководца, потому что таким нельзя признать безгласного, бесправного и безвластного Кутузова, вся роль которого в сражении свелась на начальствование 4-й колонной, а по разбитии ее — на командование бригадой»*. После экивока на «бесправие и безвластие» следует указание на ужасное для Михаила Илларионовича обстоятельство — он не управлял войсками в бою! Кто же мешал главнокомандующему продумать и сохранить управление армией, к чему его обязывали монаршая воля, воинский устав и долг?! После такого указания лишь как уступку общественному мнению можно воспринять подстрочные ремарки Леера, будто Кутузов в данном случае *«виноват не как полководец, а как гражданин земли Русской»* [40]. Говоря о военачальнике и полководце невозможно разделить эти две формы вины. Они делимы лишь для лица, которому не были вверены войска, и какое имело вес при принятии военных решений, например, для А. К. Разумовского или А. А. Чарторыйского.

Увидев негативное отношение к своему предложению отступить среди влиятельных лиц императорских дворов, Кутузов попытался действовать не как главноком, а как интриган, — скрыто повлиять на царя через обер-гофмаршала графа Н. А. Толстого: *«Уговорите государя не давать сражения, мы его проиграем»*, — попросил он. На это Толстой вполне резонно возразил: *«Мое дело — соусы да жаркое. Война — Ваше дело»*. И Михаил Илларионович замолчал. С. М. Соловьев после изложения этих обстоятельств резонно спрашивает: *«Зачем же он после этого оставался главнокомандующим?»* [41] Александр, про-

должая надеяться на своего полководца, допустил еще одну ошибку, позволив австрийцам вести самостоятельные переговоры с Наполеоном перед сражением, что стало пищей для кривотолков. Всех перешеголял Михайловский-Данилевский, выдвинув конспирологическую теорию о заговоре Венского двора против Александра I с целью прекратить несчастья Австрии [42].

Если бы Кутузов молчал, но продолжал работу полководца: рассматривал сценарии битвы, увидел опасный озерный мешок, отдал распоряжения для облегчения отступления в случае неуспеха, — то есть, вел тщательную подготовку сражения, за какую царские историки так хвалят Суворова [43], — лишь тогда можно говорить об избавлении от прямой военной вины. У главнокомандующего было под рукой достаточно генералов, которые приняли бы к сведению и поддержали дельные соображения. Но Михаил Илларионович будто перестал делать важнейшую часть работы военачальника, продолжая красоваться в должности и распоряжаться в рутине! Подобное поведение не пристало боевому генералу. Приходится ставить следующий вопрос: действительно ли Кутузов уклонялся от работы, или хитро делал такой вид с целью избежать ответственности на случай поражения, а как военный специалист был солидарен с Вейротером?

Генерал-квартирмейстер Ф. фон Вейротер в 1799 году состоял при штабе генералиссимуса Суворова и считался знающим военным специалистом. Это после проигранного сражения уязвленные великороссы стали честить его человеком совершенно бездарным. Как было положено ему по службе, он подготовил диспозицию битвы при Аустерлице. Невозможно допустить, чтобы он сделал это без доклада главнокомандующему перед военным советом, ибо таковы штабные порядки. План состоял в том, чтобы усиленным левым крылом обойти правое крыло Наполеона и разбить его ударом во фланг и тыл. Правое крыло должно было удерживать противника, а затем перейти в преследование, обеспечивая его окружение. Оставшиеся на центральной позиции войска связывали крылья, ведя демонстративное наступление с Праценских высот, а русская гвардия составляла резерв, могущий подкрепить демонстрацию, превратив ее в более сильный удар. В случае неудачи предполагалось, что русско-австрийская армия без проблем сможет вернуться в свой лагерь, или отступить по дороге к Гольдбичу, в Венгрию.

Н. А. Левицкий считал, что Вейротер был склонен к переоценке значения местности, а потому полагал, что Наполеон не оставит

выгодной Брюннской позиции [44]. Та же переоценка позиционных аспектов и шаблонная тактика были характерны для русско-прусской школы, возобладавшей при Павле I. В Мачинской битве Кутузов сам дебордировал издали правый фланг неприятеля, не сомневаясь, что турки никуда не уйдут из лагеря, а под Кремсом — левый. Широким размахом движений отличались Ларга, Кагул и Бабадаг. Под Мачином Михаил Илларионович был уверен, что собьет турецкое охранение с преграждающего путь гребня холмов и выдержит контратаку, и Вейротер не беспокоился, что выбьет французов из низких дефиле у речки Гольдбах [45]. Поэтому Кутузов, по всей вероятности, не видел зла в размахе и характере планируемых его генерал-квартирмейстером движений.

Как отметил Леер, Вейротер отнесся к делу *«вполне предвзято»*, будто речь шла об одном из многих сражений, которые до того давала и выигрывала австрийская армия. Историк приводит замечание Наполеона: *«Сам по себе маневр австрийцев был хорош... но он был дурно скомбинирован. Против неприятеля пассивного, инертного, неподвижного, этот план мог бы удался»* [46]. Замечания Кутузова, решавшего свои боевые задачи в том же ключе, выискиваемые историками по педантичному анализу источников, могли состоять лишь в заботе о дисциплине движения колонн и пожеланиях быстрее совершать обход. Они не могли существенно повлиять на ход сражения, принадлежа к кругу общих вопросов, обговариваемых предварительно. Диспозиция Волконского на 19 ноября (1 декабря) убеждает нас, что такое обсуждение проводилось. Его участники — как раз те лица, которых по уставу и обычаю следовало ждать: главнокомандующий Кутузов, генерал-квартирмейстер Вейротер, дежурный генерал Волконский. Вот почему замечаний со стороны главкома на военном совете, собранном вечером того же дня, не прозвучало.

Таким образом, Вейротер вовсе не был *«генералом совершенно неспособным составить диспозицию для сражения, или он хотел предать нашу армию; середины нет между этими двумя предположениями»*, как в сердцах высказался А. Ф. Ланжерон [47], разозленный тем, что часть ответственности за разгром попытались спихнуть на него. Вейротер был всего лишь типичным дворянским тактиком и стратегом своего времени, вслед за Маком не сумевшим поправить известное ему военное искусство. А Кутузов не был на голову выше Вейротера, как это преподносят. Он был хитрее, определившись не только с диспозицией сражения, но и с тактикой минимизации личных рисков,

взяв показную дистанцию. Открыв заседание военного совета на своей квартире в Крженовице, главнокомандующий вскоре заснул [48]! Вейротера это не могло смутить, он продолжал доклад. Видя такое, собравшиеся русские генералы отмалчивались. Только Ланжерон спросил, что намерены делать, если Наполеон атакует союзников первым, и попытается овладеть Праценским плато [49]. Вейротер такую возможность исключил. В этот момент Кутузов (было уже три часа ночи) бдительно проснулся и, обрывая дальнейшие возражения, отпустил генералов, сказав: «*В семь часов утра атакуем неприятеля в занимаемой им позиции*» [50, 51].

С рассветом 20 ноября (2 декабря) 1805 года союзные и наполеоновские войска изготавились к бою. Ночью Бонапарт подался вперед, переведя войска через речку Гольдбах и Бозеницкий ручей на плацдармы, откуда они могли развернуть быстрое наступление. На левом крыле французской армии было сосредоточено до 46 тыс. чел.: войска Ланна, Бернадота, кавалерия Мюрата, гренадеры Удино и гвардия. Высоту Сантон — ключ северной оконечности построения — усилили 18-орудийной батареей под начальством Клапареда. В центре, на восточных берегах упомянутых речек, впереди селений Пунтовица и Кобельница стал 16-тыс. корпус Сульта. На правом крыле, в дефиле между Гольдбахом и озерами, у населенного пункта Тельниц, находились дивизия Леграна и две дивизии Даву, всего 12,5 тыс. чел. [52].

Немногочисленным силам правого крыла противостояли 1-я, 2-я и 3-я русские колонны (42 тыс. чел.) генерал-лейтенантов Д. С. Дохтурова, А. Ф. Ланжерона и П. Ф. Пржибышевского, составивших ударное левое крыло союзной армии под общим командованием генерала от инфантерии Ф. Ф. Буксгевдена. С ними взаимодействовал австрийский отряд Кинкмайера. 4-я русско-австрийская колонна генерал-лейтенантов И. К. Коловрата и А. М. Милорадовича (17 тыс. чел.) занимала положение в центре на Праценских высотах, подчинясь непосредственно М. И. Кутузову. При ней находились оба императора. 5-я и 6-я колонны генерал-лейтенанта П. И. Багратиона и подчиненного ему австрийского князя И. фон Лихтенштейна (13000 русских и 4600 австрийцев) разворачивались от Блазовица на север, поперек дороги Брюнн-Ольмюц. Таким образом, союзный центр был самым малочисленным, наподобие корпуса Г. С. Волконского при Мачине, употреблявшегося для связи между более крупными, атакующими корпусами. Слабым он был не только по числу, но и составу.

В 4-ю колонну входили 15 австрийских батальонов «шестого набора», состоявших из необстрелянных рекрутов [53]. При таком составе близость русского гвардейского резерва (8500 чел.) не спасала. Обе эти силы вместе не превосмогали проверенных боями войск Наполеона. Как и под Мачином, связь между частями боевого порядка союзников могла быть надежной лишь при пассивности окружаемого противника.

Армия оказалась развернута на широком фронте до 12–14 верст, при этом левое крыло должно было исполнить глубокий, до 10 верст, охватывающий маневр, а правое — слишком ослаблено, чтобы защитить Ольмюцкую дорогу с обозами. Группы войск оказались разделены значительными промежутками. Уверенные в своем близком торжестве союзники накануне боя не провели разведки, и даже не выставили передовую цепь [54]. Ничто не мешало Бонапарту скрытно держать большую часть французских сил в плотных боевых порядках в центре и на левом фланге своей позиции для нанесения отсюда сокрушительного удара, не опасаясь ни слабых построений союзников, ни их артиллерии. Ему помог и утренний туман. Недобрые предчувствия посещали русских генералов. Багратион, наскоро просмотрев полученную диспозицию, сказал состоявшему при нем офицеру австрийского генерального штаба: *«Мы получили приказание атаковать неприятеля не прежде, как в то время, когда кавалерия Лихтенштейна опрокинет его к Лешской гостинице. Такие отдельные нападения мне не нравятся, и если мы не атакуем одновременно на всех пунктах, то будем разбиты»* [55].

Двинувшийся в 7 часов утра Кинкмайер в 8:30 при содействии 10-го мушкетерского Новоингерманландского и Ярославского полков занял Тельниц. Вскоре туда подошла вся 1-я колонна Дохтурова, при которой находился Буксгевден, и остановилась в ожидании 2-й (по диспозиции было назначено равняться с головой колонны Ланжерона). В 9 часов Даву, осуществлявший общее командование силами наполеоновского прикрытия, воспользовавшись туманом, контратаковал и отбил Тельниц, после чего вновь был отброшен отсюда союзниками [56]. В 9:30 Ланжерон овладел Сокольницей, а Пржибышевский — Сокольничьим замком. Русские войска заняли позиции по обоим берегам ручья Гольдбах. Даву снова контратаковал с частичным успехом. Таким образом, на начальном этапе сражения 12500 французов сковали половину союзной армии, действуя на удобной для обороны местности. Под их прикрытием главные силы Наполеона устремились на русско-австрийский центр [57, 58]. Масса врагов

уже приближалась, когда Александр I появился перед войском под гром приветствий, и спросил Кутузова: *«Ну что, Михайло Ларионович, как вы полагаете, дело пойдет хорошо?»* На это главком с улыбкой ответил пустой лестью: *«Кто может сомневаться в победе под предводительством Вашего Величества!»* И нарвался. *«Нет, нет! Командуете Вы! Я только зритель»*, — простодушно ответил царь. Кутузов вновь поклонился, но уже без улыбки [59].

Запоздалое напоминание об ответственности не помогло царедворцу удержаться хотя бы от последней из ошибок, превративших начинающееся сражение в катастрофу. Колонны левого крыла шли в наступление, а Кутузов интуитивно задерживал четвертую колонну на Праценских высотах. Александр I осведомился, почему он не дает команду двигаться вперед? Кутузов отвечал неправдиво: *«Я ожидаю, чтобы все войска колонны подобрались»*. Теперь улыбнулся император, которому из-за этой лжи не передалась тревога опытного генерала: *«Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки»*. *«Государь, — округло возразил Кутузов, — потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете»*. И распоряжение, как согласны все наши историки, было Кутузовым отдано [60, 61, 62]. Центральная колонна союзников пошла вперед. Этого ждал Наполеон, чтобы разметать ее, и превратить собственное «окружение» в уничтожение по частям разделенного противника. С разгромом центра союзников и потерей единственно пригодных для обороны Праценских высот, исход сражения предreshался не в их пользу.

Впрочем, французская версия событий не дает места интуитивным опасениям Кутузова, называя причиной задержки 4-й колонны квартирмейстерскую ошибку при постановке союзных войск на биваки в ночь с 1 на 2 декабря: 3-я и 5-я колонны оказались не на своих местах. Таких ошибок как раз и следовало ждать при отдалении главкома от штабной работы. Это мнение разделяли Леер, многие офицеры русского Генерального штаба и авторы полковых историй. Ермолов писал, что в движении от Ольмюца к Аустерлицу *«все колонны непременно одна другую перерезывали и даже не по одному разу, и котораянибудь напрасно теряла время в ожиданиях»* [63]. Как излагает история лейб-гвардии Преображенского полка: *«18 ноября последовало новое распределение полков по колоннам; это распоряжение чрезвычайно затруднило переход 19 ноября; войска... на каждом шагу останавливались, давая пройти полкам из одной колонны в другую»* [64]. *«Войска на пере-*

крестках непрерывно друг другу мешали» [65]. В результате Дохтуров с 24 бат. оказался на высотах у Клейн-Гостерадека; Ланжерон с 18 бат. на Праценских высотах; Пржибышевский с 18 бат. на тех же высотах, но (sic!) правее деревни. Коловрат с 27 бат. за Пржибышевским, несколько левее его. Лихтенштейн с кавалерией стал тоже позади Пржибышевского, у левой подошвы высоты. Константин Павлович с гвардией оказался в пустом трехверстном промежутке правее Праценских высот, имея левый фланг у Ктеновица, а правый — у Блазовица и большой дороги из Ольмюца и Аустерлица на Брюнн. Багратион занял позицию между Блазовицем и Голубицем [66].

Утром 3-я колонна Пржибышевского, вынужденно дефилируя через Працен, а 5-я Лихтенштейна, снимаясь навстречу ей с биваков к Блазовицу, задержали 4-ю колонну. Эта задержка в совокупности со сходящимися направлениями движения 2-й и 3-й колонн создала открытый промежуток между центром и левым ударным флангом, *«замеченный Кутузовым, к несчастью слишком поздно, когда нельзя было уже предотвратить бедствия» [67]. «Колонна Коловрата... разошлась от колонн левого фланга» [68].* В этот-то промежуток, и по голове 4-й колонны ударили две дивизии маршала Сульта. По данной, весьма основательной версии событий, Кутузов ответил Александру правду, задержка 4-й колонны имела результат лишь отрицательный, а Наполеон не ждал начала ее движения, наблюдая не за нею, а за русско-австрийскими войсками, исполняющими обходной маневр. Когда Кутузов отдал свой приказ, Сульт был уже на подходе.

Разъединение боевого порядка союзной армии на решающем участке сражения французская традиция считает гораздо большей бедой союзников, чем допущенное ими растяжение сил. Казус привел к более жестокому разгрому их центра и левого крыла, чем ожидалось. С этой точки зрения дальнейшие распоряжения русского главнокомандующего описываются так: *«Надо отдать справедливость Кутузову, что он принял весьма решительные и основательные меры для исправления своей громадной ошибки. Он приказал австрийским бригадам Роттермунда и Юрчека, составлявшим вторую линию Коловрата, двинуться на высоты левее Працена для обороны их совместно с русской бригадой Каменского... Остальная часть 4-й колонны, т.е. русские батальоны Милорадовича должны были оборонять Працен и часть высот между этой деревней и Стари-Винобради. Русская императорская гвардия была вызвана к центру и туда же Лихтенштейну приказано двинуть 4 полка» [69].*

Эти контратаки, как известно из российских источников, принадлежали инициативе не одного Кутузова, а ряда начавших самостоятельно действовать генералов, и оценивались французами как критический момент сражения [70]. С. М. Каменский 1-й сумел перебросить свою бригаду, находившуюся в составе 2-й колонны, к Праценским высотам. Туда же пробился с остатками Курского полка А. Ф. Ланжерон. Бесстрашно пытался контратаковать надвигающегося на высоты противника дежурный генерал П. М. Волконский, ведя за собой Фанагорийский полк. Но героические усилия лишь несколько замедлили ход событий. 4-ю колонну опрокинули и рассеяли вместе с подкреплениями. Кутузов был отрезан от своего суверена, и третий раз в жизни ранен пулей в щеку. Любимый зять Михаила Илларионовича флигель-адъютант Тизенгаузен погиб у него на глазах, а приказ о возвращении отправленных в обходной маневр колонн не был доставлен и исполнен войсками. Это позволило историкам от Богдановича до Левицкого оправдывать Кутузова тем, что Буксгевден, имея перед собой слабые силы противника, приказу не подчинился [71, 72]. Иной картина событий быть не могла, поскольку масса наполеоновских войск наступала в плохо прикрытой полосе шириной три версты. С малой частью перемешавшихся подразделений полководца отбросили к Клейн-Гостерадеку в долине Литавы [73]. Управление боем было потеряно, и около 11 часов дня союзников окончательно выбили с Праценского плато.

Русская гвардия по причине той же квартирмейстерской ошибки, неожиданно для себя оказалась в первой линии, посреди другой зияющей брешли: *«Едва кончили... построение, как ядро с батареи стоявших впереди войск вырвало ряд преображенцев... Это произошло потому, что отряд князя Лихтенштейна был замедлен прохождением других войск и не успел занять в надлежащее время назначенное ему место в боевой линии, между Коловратом и Багратионом. Заметив это, Наполеон направил на незанятый пункт часть корпуса Бернадота, три пехотные и одну драгунскую дивизию, с целью отрезать наш правый фланг от центра»* [74, 75]. Гвардейцы атаковали и временно заняли деревню Блазовиц. *«В это только время подошел Лихтенштейн. Увидев назначенное для него место занятым французами, он примкнул к левому флангу гвардии и произвел несколько атак на неприятеля, но, убедясь в их бесполезности... пошел назад к Аустерлицу»*, пробираясь на соединение с Багратионом [76]. По другой версии событий, австрийский генерал получил приказ Кутузова подкрепить центральную колонну Коловрата, ата-

кованную войсками Сульта [77]. К часу пополудни цесаревич, видя превосходство противника, *«не получая никаких приказаний и убеждаясь по звуку удаляющихся выстрелов, что армия отступает, решился оставить позицию у Блазовиц»* [78]. Положение усугубилось тем, что гвардейский отряд генерал-лейтенанта П. Ф. Малютина находился в нескольких верстах за Аустерлицем в ожидании высочайшего смотра. Он не мог прибыть вовремя, и начал вводиться в бой частями. Подоспевший на помощь гвардейской пехоте Кавалергардский конный полк понес тяжелые потери [79]. Гвардия, подвергаясь непрерывным атакам противника, с трудом отошла за топкий Раусницкий ручей, не будучи разгромленной лишь потому, что преследование сброшенных с Праценских высот войск не входило в намерения противника, — он остерегался развивать успех по двум расходящимся направлениям. *«Общее счастье, что Наполеон нас не преследовал»* [80].

Александр I призывал к стойкости своих солдат и послал к Кутузову врача, получив известие о его ране. Его не слушали. Царю тоже пришлось бежать. Кутузов не сумел (возможно, к лучшему для себя) прибыть к ожидавшему его растерянному самодержцу, который в отсутствие главнокомандующего впервые в жизни был вынужден отдавать боевые распоряжения о направлении и прикрытии отхода русских войск к Аустерлицу, и оттуда в Венгрию [81]. Об одном из неудачных повелений, выключившем из боя батальон измайловцев, повествуют истории лейб-гвардии Измайловского полка [82, 83]. *«Беспорядок и смятение простиралось до того, что свита государя потеряла его из вида, рассеялась в различные стороны и присоединилась к нему уже в ночи, либо на следующие два дня»* [84]. Покинув поле сражения, Александр был вынужден ночевать на соломе в простом крестьянском доме, от утомления и огорчения разболевшись желудочно-кишечным расстройством. Для разведения настойки опиума, назначенной прекратить царственный сроч, с трудом купили вина у какого-то венгерского офицера [85].

На правом фланге Багратион и австрийцы должны были удерживать Ланна, а тот до поры до времени не имел повеления наступать, поэтому бой между ними ограничивался канонадой и рейдами гусарских полков, сбивающих с поля битвы вражеские пикеты. К 9 часам утра Багратион, желая действовать одновременно с войсками на других пунктах сражения, усилил атаки, овладел селением Дварошной и начал нащупывать обход левого фланга французов, но натолкнулся на сильную позицию Клапареда. После разгрома союзного центра

и отхода русской гвардии Ланн пошел в решительную контратаку, обходя Багратиона со стороны опустевшей центральной позиции. Из-за неприбытия Лихтенштейна Петр Иванович располагал только конницей Уварова, которая не смогла расстроить французских атак и была опрокинута. Следом были выбиты с позиций в 1-й линии русские егеря [86]. Для контрудара был вызван Архангелогородский полк Н. М. Каменского 2-го, но его натиск, а затем отчаянное сопротивление не изменили хода боя. Полк с трудом отступил перед конницей Ланна, теряя людей на каждом шагу [87]. Правое крыло потеряло связь с остальной армией и начало отступать. Отход Багратиона за Раусницкий ручей прикрыли огнем две австрийские батареи, прибывшие от Ольмюца. Когда Багратион, восстанавливая связь боевых порядков, перешел к Аустерлицу, врагу открылась дорога на Вишау, и французы захватили на ней большую часть русских обозов [88, 89]. Успешный проход Багратиона мимо занятых французами Праценских высот Сегюр приписывал пассивности Бернадота, не желавшего работать на славу Ланна и Мюрата [90], но дело, скорее, было в усталости от пятичасового боя с русской гвардией, ухудшившейся погоде и ранних сумерках.

В середине дня Наполеон торжествовал победу в центре и на северном фланге. В это время войска Буксгевдена находились далеко впереди, у Тельница и Сокольница, как бы замкнутыми на равнине, покинуть которую теперь можно было только через узкие озерные дефиле. Бонапарт устремил им во фланг и тыл большую часть корпуса Сульта, свою гвардию и гренадер. Французская артиллерия открыла сильную канонаду. К исходу 2-го часа пополудни 3-я колонна Пржибышевского была разгромлена. Из ее состава смогли покинуть поле битвы 2283 чел., выбыло из строя — 5280. Буксгевден, находившийся в авангарде провалившегося обходного маневра в соответствии с мелочной диспозицией, указавшей ему это место, опоздал с приказом об отступлении, отдав его после пушечного грома с Сокольничьих высот. 2-я колонна Ланжерона тоже понесла большие потери, — Пермский полк был окружен и уничтожен в долине Гольдбаха. Затем отступавшим русским войскам пришлось миновать селение Аугест и дефиле между Сачанским и Меницким озерами, которое можно было пройти по хлипкому мосту и узкой плотине. Оба пункта французы перекрыли огнем батарей, занявших выгодные позиции на высотах. Мост рухнул, а на узкой плотине часть пехоты и колонна артиллерии вышли на лед, он провалился. *«Переход через озеро... стоил колоннам*

более половины людей» [91, 92]. Потери могли быть еще больше, не сохрани боеспособность прикрывавший отход Новоингерманландский полк [93]. Принявший на себя командование и проявивший большое хладнокровие Дохтуров уже в ночи собрал остатки войск у Нейдорфа и отошел к Милешовицу. Перемена погоды и темнота прервали начавшееся преследование [94, 95, 96]. Разрозненные части союзных войск 21 ноября (3 декабря) соединились в Чейче.

Архив Военного министерства Франции хранит сведения о потерях сторон при Аустерлице: союзники — 15000 убитых и раненых, 20000 пленных (из них 8 генералов — все русские), 180 орудий, 45 знамен. Союзные ведомости показывают несколько меньшие цифры: 27000 убитых, раненых, пленных и 158 орудий. При этом французские потери составили 1290 убитых и 6943 раненых. Богданович, исследовав вопрос, указал, что в эти цифры не помещен урон артиллерии и нескольких дивизий, подняв неприятельскую утрату до 10000 чел. [97], но эти поправки мало меняют. Собственно русская армия лишилась до 21000 чел. убитыми, ранеными и пленными. Изначально пленных было больше, но многие ночью сбежали от уставших французов. По оценке Михайловского-Данилевского к вагенбургу армии вернулось 5600 чел. Некоторые и потом разными путями пробирались в Россию. Так, в 5-й Егерский полк в 1806 году вернулись 76 бойцов [98]. Было потеряно 133 русских пушки. У австрийцев выбыло из строя 5922 чел., они оставили на поле боя 25 пушек (примерно равные в процентном отношении к русским потери, что не позволяет говорить об их уклонении от боя). Ответственность за поражение союзники валили друг на друга [99].

На кого не вали — при Аустерлице Кутузов оказался равен нулю. По высказыванию нелюбимого советскими историками фон Бюлова, его войска *«атаковали армию, которую они не видели; предполагали ее на позиции, которую она не занимала, и рассчитывали на то, что она останется неподвижной, как пограничные столбы»* [100]. Все, что сумел Кутузов, — не погубить страшным поражением свою последующую карьеру. Его верные стратегические взгляды никакой роли не сыграли. Одним из основополагающих положений военной науки является связь тактики и стратегии, в своей совокупности создающих оперативное искусство. Если есть стратегия, но нет понимания тактики, — нет и оперативного искусства.

1. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 144.
2. *Устав воинский*. СПб., 1776. С. 29.
3. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 146–147.
4. Леер Г. А. *Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция*. СПб., 1888. С. 1–3, 28.
5. Левицкий Н. А. *Полководческое иск-во Наполеона*. М., 1938. С. 112.
6. Леер Г. А. *Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция*. СПб., 1888. С. 23.
7. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 154, 161.
8. Бутовский И. Г. *Фельдм. кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща*. СПб., 1858. С. 37.
9. Шильдер Н. К. *Из записок гр. Сегюра // Воен. сб. 1874. № 3–4. Отд. II. С. 1–2.*
10. Крючков В. В. *95-й пех. Красноярский полк*. СПб., 1897. С. 60.
11. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 147, 163–165.
12. Шильдер Н. К. *Из записок гр. Сегюра // Воен. сб. 1874. № 3–4. Отд. II. С. 2.*
13. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826*. М., 1991. С. 51–52.
14. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 227. С. 215–216.*
15. Синельников Ф. М. *Жизнь фельдм. Кутузова*. СПб., 2007. С. 149–150.
16. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 160.
17. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 51.
18. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 212–213. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. *Голенищев-Кутузов Смол.* С. 22–23.
19. Там же. С. 157–158.
20. *Устав воинский*. СПб., 1776. С. 14–15.
21. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 48–49, 57.
22. Соловьев С. М. *Имп. Александр I. Политика — дипломатия*. СПб., 1877. С. 91.
23. *РБС. Т. 9. СПб., 1903. С. 654.*
24. Фонвизин М. А. *Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 153.*
25. Шишков А. С. *Записки, мнения и переписка*. Берлин, 1870. Т. 2. С. 168–169.
26. Местр Ж. *Петербургские письма 1803–1817*. М., 1995. С. 63.

27. Чарторыйский А. А. Мемуары и переписка с имп. Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 359.
28. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 651.
29. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 213.
30. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 81–82.
31. *Устав воинский*. СПб., 1776. С. 16.
32. Суворов В. Св. кн. Смоленский фельдм. М. И. Голенищев-Кутузов и его современники. М., 1888. С. 14.
33. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 173, 212.
34. Бутковский И. Г. Фельдм. кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 58–59.
35. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 56–57.
36. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 231, 232. С. 221–223.
37. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 199.
38. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 211.
39. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 21.
40. Леер Г. А. *Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция*. СПб., 1888. С. 28, 33.
41. Соловьев С. М. *Император Александр I. Политика — дипломатия*. СПб., 1877. С. 91.
42. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 154–155.
43. Орлов Н. А. *Тактика Суворова. Варшава, 1900*. С. 13.
44. Левицкий Н. А. *Полководческое иск-во Наполеона*. М., 1938. С. 111.
45. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 58–59.
46. Леер Г. А. *Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция*. СПб., 1888. С. 28, 31, 33.
47. Рыбаков С. П. *Рус. мемуаристика о сражении при Аустерлице // Вестник МГИМО. № 4 (25). М., 2012. С. 44.*
48. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I*. СПб., 1897. Т. 2. С. 137–138.
49. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 207.
50. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 57–58.
51. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 175.

52. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 60.
53. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном.* СПб., 1844. С. 180–181.
54. *Истор. лейб-гв. Преображенского полка.* СПб., 1888. Т. 3. С. 29.
55. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 59.
56. Пирожников А. И. *Истор. 10-го пех. Новоингерманландского полка.* Тула, 1913. С. 78–79.
57. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном.* СПб., 1844. С. 178–180.
58. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 652–653.
59. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I.* СПб., 1897. Т. 2. С. 139.
60. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 63–64.
61. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном.* СПб., 1844. С. 181–182.
62. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I.* СПб., 1897. Т. 2. С. 140.
63. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 53.
64. *Истор. лейб-гв. Преображенского полка.* СПб., 1888. Т. 3. С. 27–28.
65. Эйлер А. Х. *Записки // Рус. Архив.* 1880. Кн. 2. С. 344.
66. *Истор. лейб-гв. Преображенского полка.* СПб., 1888. Т. 3. С. 28.
67. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 212–214.
68. Николаев Н. Г. *Истор. 17-го пех. Архангелогородского полка.* СПб., 1900. С. 253–254.
69. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 215.
70. Шильдер Н. К. *Из записок гр. Сегюра // Воен. сб. 1874. № 3–4. Отд. II.* С. 10–11.
71. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 63.
72. Левицкий Н. А. *Полководческое иск-во Наполеона.* М., 1938. С. 116, 119–120.
73. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном.* СПб., 1844. С. 188.
74. Манзей К. Н. *Истор. лейб-гв. Гусарского полка.* СПб., 1859. Ч. 2. С. 10–11.
75. Висковатов А. В. *Историч. обозрение лейб-гв. Измайловского полка.* СПб., 1851. С. 133–134.
76. *Истор. кавалергардов и Кавалергардского полка.* СПб., 1851. Т. 1. С. 58.
77. Анненков И. В. *Истор. лейб-гв. Конного полка.* СПб., 1849. Ч. 2. С. 56.
78. Манзей К. Н. *Истор. лейб-гв. Гусарского полка.* СПб., 1859. Ч. 2. С. 16–17.
79. *Истор. кавалергардов и Кавалергардского полка.* СПб., 1851. Т. 1. С. 59–61.
80. Эйлер А. Х. *Записки // Рус. Архив.* 1880. Кн. 2. С. 344.

81. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 184, 208.
82. Висковатов А. В. *Историч. обозрение лейб-гв. Измайловского полка*. СПб., 1851. С. 135.
83. Зноско-Боровский 1-й Н. А. *Истор. лейб-гв. Измайловского полка*. СПб., 1882. С. 40.
84. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 66.
85. *Столетие воен. мин-ва*. СПб., 1904. Т. II. Ч. 2. *Имп. гл. квартира. Царств. имп. Александра I*. С. 183–184.
86. Гениев Н. *Истор. Псковского пех. полка*. М., 1883. С. 133–134.
87. Николаев Н. Г. *Истор. 17-го пех. Архангелогородского полка*. СПб., 1900. С. 254.
88. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 73–74.
89. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 217–220.
90. Шильдер Н. К. *Из записок гр. Сегюра // Воен. сб. 1874. № 3–4. Отд. II*. С. 13–14.
91. Богуславский Л. А. *Истор. Апшеронского полка*. СПб., 1892. Т. 1. С. 286.
92. Тударев А. И. *Кр. истор. 5-го гренадерского Киевского полка*. Калуга, 1892. С. 104.
93. Пирожников А. И. *Истор. 10-го пех. Новоингерманландского полка*. Тула, 1913. С. 79–80.
94. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 199–205.
95. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 74–78.
96. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 221–225.
97. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 79.
98. Крючков В. В. *95-й пех. Красноярский полк*. СПб., 1897. С. 65.
99. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном*. СПб., 1844. С. 209–211.
100. Левицкий Н. А. *Полководческое иск-во Наполеона*. М., 1938. С. 119.

3.3. ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ПЛАНЫ ВЕЙРОТЕРА И НАПОЛЕОНА, И КАК КУТУЗОВ ОКАЗАЛСЯ НА СТОРОНЕ ПЕРВОГО, НЕ ПОДУМАВ О ВТОРОМ

В начале XIX в. боевые возможности французской, австрийской и русской армий были близки друг к другу. Технический прогресс еще не успел создать серьезного дисбаланса в вооружениях. Обилие прошедших во второй половине XVIII в. войн, совместное участие в них как на одной стороне, так и друг против друга, сблизило штатную организацию и тактику армий. В эпоху просвещения и революций ускорилось перемещение из страны в страну образованных людей, информации, систем и образов мыслей. Участник войны 1805 года И. Г. Бутовский заметил: *«Частые столкновения обратились на пользу и французам и русским: русские позанялись от первых ловкостью и прихотились к скорой и меткой ружейной пальбе; французы научились от нас работать штыком»* [1].

Вместе с тем, стратегия и тактика были все еще теоретически не проработаны и шаблонны. Эти шаблоны опирались скорее на прецеденты (выигранных сражений, кампаний, успешной деятельности отдельных полководцев) и обычаи войны, чем на аналитическое осмысление. Г. Жомини писал: *«Я имел от роду 23 года, когда в конце революционной войны (в 1802 году), нашел Европу наполненную ложными понятиями о сей науке, решающей судьбу государств; я чувствовал, что военное искусство имеет правила, и долженствовал убедить в том военных людей, отвергавших существование оных... по мнению их, все дело состоит в том, чтобы смелее броситься на неприятеля»* [2]. Из-за бестолковой бравады было проиграно множество сражений. Печать активного невежества лежит и на Аустерлице, ибо именно таково было понимание войны Александром I, Францем I и их подхалимисто-патриотическими свитами.

В узком кругу передового генералитета и офицерства продолжался спор об основных понятиях, в составе военной науки выделяли стратегию, высшую тактику, малую тактику и инженерное искусство. По определению Жомини: *«Стратегия есть искусство располагать военными действиями по географической карте, — обнимать весь театр войны, а тактика есть искусство сражаться на самых местах, располагать войска сообразно с местоположением, и вводить их в дело на разных местах поля сражения, то есть на пространстве от 15 до 20 верст, таким образом, чтобы все действующие корпуса могли получать*

приказания и исполнять их в продолжение самого дела» [3]. Но для 1805 года оказавшие огромное влияние на военную мысль работы Жомини, К. фон Клаузевица, И.-К. Ксиландера и эрцгерцога К. Тешенского были еще впереди.

В конце XVIII — начале XIX вв. действия европейских армий продолжали характеризоваться господством линейной тактики, появившейся на рубеже XVI и XVII вв. вследствие перевооружения сухопутных армий огнестрельным оружием и повышения роли огня в бою. В ходе Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. линейная тактика овладела Европой, а классические развитые формы получила в XVIII в., ставшим временем ее расцвета. Пехота для ведения боя располагалась в сомкнутых линиях, состоявших из нескольких шеренг (их количество определялось в зависимости от скорострельности оружия), что позволяло вести одновременную стрельбу из наибольшего количества ружей. Солдаты удерживались в линиях и шеренгах с помощью палочной дисциплины. В результате, тактические маневры войск сводились к приходу пехоты во фронтальное столкновение и попыткам более маневренной кавалерии расстроить враждебные порядки, пользуясь приемом обхода линий, имевших на флангах наименьшую огневую мощь, длительностью перезарядки примитивных ружей и невысокой меткостью их огня. Для противодействия кавалерии пехотные линии эволюционировали в каре.

Для линейной тактики было характерно определенное небрежение средствами взаимодействия войск в бою, поскольку они, как правило, располагались в зоне видимости, а равно — невнимание к деталям местности за пределами назначенных маршрутов и позиций, удобству которых для размещения войск и линейного маневрирования придавалось, наоборот, большое значение. Стоило столкнуться противника с облюбованной им позиции, как он «рассыпался» и уже не мог возобновить организованного боя. Этими пороками могли пользоваться более сплоченные, подвижные и хорошо оснащенные артиллерией армии. Стратегия даже к концу этого периода не вполне отделилась с одной стороны от тактики, а с другой — от политики. Полководцы, включая Наполеона, ею частенько пренебрегали, подвергая свои армии разгрому в кампаниях, рассчитанных политически, но не стратегически. Примеры тому — его египетский и русский походы.

Не была исключением из общих правил и Россия, где Суворов, подобно Румянцеву, не рассуждал о стратегии, всецело оставляя ее

на усмотрение политика-государя. Себя он видел тактиком, а ее — основой военного искусства: *«Вот моя тактика: отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение. Все кампании различны между собой. Польша требовала массы, в Италии надо было, чтобы повсюду гремел гром»*. Всюду и везде Суворов говорит о своей *«наступательной тактике»*, а термин «стратегия» применительно к его искусству полководца появляется только у комментаторов [4].

Долгие походные и наступательные движения на обширном восточноевропейском театре были мало совместимы со строгостью линий, а потому в развитии тактики и организации русской армии обнаруживались отклонения от общего направления, начавшиеся с создания Румянцевым легкой пехоты для охранения колонн [5], а Потемкиным — егерских корпусов. Вместо построения целой армии на поле боя в одно общее каре, Румянцев принял для пехоты строй из нескольких дивизионных каре, разворачиваемых из дивизионных колонн, а Суворов уменьшил каре до батальонных. *«Боевой порядок Суворова состоял из трех линий: в первых двух стояла пехота в каре, расположенных в шахматном порядке, что доставляло им взаимную оборону, либо в колоннах, а в третьей линии — кавалерия, готовая пользоваться случаями для атак и действовавшая лишь весьма редко пальбою. Артиллерия, размещенная между частями пехоты, приготовляла успех прочих войск огнем своим; таким образом, все роды оружия поддерживали друг друга и содействовали общей цели — одержанию победы»* [6].

В отличие от Фридриха II, который жесточайшей муштрой и некоторыми усовершенствованиями довел боевую скорострельность прусских линий до 4,5–5 залпов в минуту, Суворов, учитывая специфику ведомых Россией войн, первым соединил элементы марша и тактического боевого маневра, требуя без промедления переходить в мощный натиск. Так он пришел к практике опрокидывания вражеских пехотных линий одной русской пехотой же, вводимой в бой прямо с марша, или из быстро перестраиваемых батальонных каре, громадной пробивной силой движения колонн, без задержки на зарядание ружей, при помощи штыкового удара. Быстрое сближение с противником, использование неготовности его линий к открытию сосредоточенного огня, высокий устрашающий потенциал штыков, одновременный натиск на разных участках поля боя, рассеивающий силы и огонь обороняющихся — так воевал Суворов. Впрочем, он не

пренебрегал ружейным и артиллерийским огнем, давая им место там, где не предвиделось плотного сближения, и надо было другими мерами воздействовать на врага. Эта тактика получила название «тактика колонн». Исползованные в ней особые качества русских солдат, не бывших наемниками, и вместо своей прежней сельской общины вступавших в воинскую артель, соединенные с маневренностью и неприхотливостью войска, выработанными в долгих польских, турецких и персидских походах, дали русской армии столетний перевес над всеми противниками. Разумеется, это произошло на основе преодоления Петром I общей отсталости русского государства.

«Ничего кроме наступательного. Быстрота в походах, натиск в нападениях, холодное ружье... Не нужна методика; глазомер. Полная мочь главнокомандующему. Нападать и бить неприятеля в поле. Не терять времени на осадах... брать крепости приступом или штурмом, менее теряешь. Никогда не разделять сил, дабы стеречь разные пункты. Если неприятель их перейдет, тем лучше; он приблизится, чтобы его разбить» [7]. Таковы были правила Суворова в войне с французами, которые он высказал генерал-майору Прево де Лукиану 5 сентября 1798 года во время своей ссылки в селе Кончанском.

Суворовские требования выражали суть «русского» способа ведения боевых действий. На этой основе великий полководец первым в Европе пришел к такой высокой форме военного дела, как соединение разнонаправленных маршей по одному месту и времени, где раздельно идущие части армии вступали в согласованный бой. Благодаря этому умению Суворов совершил знаменитый Альпийский поход, заслужив восторженные оценки современников, включая своего противника — маршала А. Массену, сказавшего: *«Я отдал бы все свои победы за один Швейцарский поход Суворова»* [8]. *«Любимое дитя победы»* — как называл Массену сам Наполеон [9], — сумел увидеть и оценить суворовскую тактику, как никогда раньше связанную со стратегией. Первоначально она была названа современниками «позрнь идти, вместе биться». В наше время то, что совершил Суворов, называется образцом оперативного искусства.

Пример Суворова, дальнейший рост производительных сил и развитие путей сообщения привнесли в европейское военное дело понимание важности способов разгрома врага не только на избранном месте сражения, но на марше, и методов маневренной борьбы за коммуникации. Лучше обмундированные, материально обеспеченные, снабженные конно-колесной тягой войска стало быстрее

водить. Они меньше страдали от неустройства и болезней. Длинные марши, разнообразные обходные маневры, целью которых стало не только расстроить вражеские линейные построения, все более опасные силой своего огня, но перерезать пути подвоза или отхода противника, стали правилом. Наполеон и его маршалы применили эту маневренную форму боевых действий наиболее последовательно и решительно, что со всей очевидностью сказалось в погоне за Кутузовым от Браунау.

Этим русских было не удивить, — даже с невыразительными командующими во главе, царские армии были сильны в марш-маневрах. Русские оставались сильнейшими стратегами по той простой причине, что их понимание дела шло не от одной политэкономии (как в Европе), а еще от исторически проработанной логистики передвижения на огромные расстояния больших масс войск, к чему западноевропейская военная мысль с началом масштабных наполеоновских войн только приступила. Развал австрийской системы снабжения за три месяца кампании 1805 года был более чем характерен, внеся немалый вклад в поражение союзников. Еще хуже провалился в 1812 году сам Наполеон. Недаром на острове Св. Елены *«он сожалеет, что... генералы его армии умели воевать только по почтовым дорогам и на расстоянии пушечного выстрела, тогда как их поле сражения обнимало собой целую страну. Одного мнения с Наполеоном был и Фридрих Великий... когда понадобилось маневрировать, он начал горько жаловаться на то, что офицеры его храбрых войск обладают только боевою опытностью»* [10]. Кроме того, особое положение русских военных дел опережающими темпами привело русскую военную школу к признанию эффективности такой формы борьбы, как разорение тыла противника малыми отрядами.

Сказанное не отменяет того гораздо менее приятного факта, что большинство записных последователей Суворова, хорошо выученных по основам линейной тактики, не усвоили его «науку побеждать», чему мешала то чрезмерная краткость, то перечислительная расплывчатость суворовских понятий. В частном они не понимали, что без учета обстановки и характера противника штыковой удар мертв, а в общем, — не удосуживались домыслить, что штык является лишь одной из форм острого боевого воздействия на врага; проглядели, как унификация огнестрельного оружия и усиление артиллерии дадут Наполеону новый инструмент, а революционный энтузиазм укрепит дух французской армии, нивелируя русское пре-

восходство в солдатском материале. Они были слепы к тому, что указал о Суворове внимательный канцелярист Фукс: *«Это расчет, это необходимость; и сие доказывает он ясно: ибо он действует различно. Действуя с турками, Суворов не боится ни их артиллерии, которую не умеют они управлять, ни их пехоты, которая не стойка. Он боится токмо их кавалерии... Следовательно, маневр его был тот, чтобы стесненными колоннами, которых кавалерия их опрокинуть, а дурная артиллерия раздробить не могут, идти на них прямо. В руках же поляков боится он сего оружия. Что же он делает? Он делает артиллерию бесполезною. Он нападает на нее с егерями, а наипаче с кавалериею, потому что неприятельской он не страшится. С беспорядком скоропостижно бросается он на пушки... отнимает у него артиллерию, с которой сей (враг) почитал себя непобедимым»* [11]. Как видно, Суворов был чуток к ударным средствам противника, отнюдь не поощряя пехоту идти в штыки на ружья и пушки, какого запрета нет в бравых приказах Кутузова.

Важнейший принцип, гласящий, что эффективность применения любого ударного средства опирается не только на быстрый марш и точный маневр, но и на массирование сил (он очень кратко был выражен Суворовым — одним словом *«натиск»*), остался необобщенным и мало посещал головы русских генералов. Натиск они понимали в том смысле, в каком его критиковал Жомини, — подменяя необходимое соединение сил своей решимостью и отвагой. Они видели, как Суворов разделял войска в бою, но не зрили, что ударную мощь своей армии он при этом держал соединенной, примиряя между собой разнонаправленные требования маневренности и концентрации сил. Поэтому они не умели правильно распределять силы на поле боя и организовывать наиболее далеко выходящую за пределы линейной тактики суворовскую форму боя *«порознь идти, вместе биться»*. Пальма первенства в военном деле неожиданно и быстро перешла к наполеоновским генералам, будучи выражена Жомини в следующей форме: *«1. Большую часть действующих сил армии направлять всегда к решительному пункту театра войны, или поля сражения. 2. Действовать таким образом, чтобы сия громада сил не токмо присутствовала на решительном пункте, но и была бы искусно введена в дело на оном»* [12]. Правила Жомини были всего лишь яснее выраженными правилами Суворова. Следование им решало все.

В России же, не понявшей своего Суворова и качнувшейся при Павле I в сторону классической прусской линейной тактики, процве-

тало сознание благоговейного непонимания науки войны, уже уверенное, что есть какие-то правила, но не постигающее их системы, а потому продолжающее восславлять и перебирать личности полководцев. Оно хорошо выражено С. Н. Глинкой: *«Но тактику Героев трудно проникнуть: они обличают зависть делами, и доказывают, что победа, слава и щастие зависят от правил. Не осмелясь описывать Суворова, я предложил только различные свойства, отличавшие героев в разные времена в различных странах. Их свойства, их правила свидетельствуют о том, что Суворов понимал их»* [13]. И это было написано образованнейшим офицером после войны 1812 года! Ровно таков был и М. И. Кутузов. Он усвоил применявшиеся великим полководцем строи, но не постиг его образа действий. В письме Е. И. Кутузовой, написанном по поводу известия о победе над Наполеоном под Прейсиш-Эйлау, он написал только: *«Дай бог! Я нынеча себя узнал, что независтлив»* [14]. Никаких восклицаний типа: «Вот бы узнать, что нового там было сделано?!»

В предисловии к третьему тому советского сборника документов А. В. Суворова под редакцией Г. П. Мещерякова сказано: *«Организация подготовки и воспитания войск Суворовым встречала упорное сопротивление реакционно настроенных генералов. Даже подчиненные Суворову генералы — Дерфельден, Прозоровский и другие, продолжали муштровать войска в духе старой плацпарадной системы, а такой влиятельный в придворных кругах поклонник линейной тактики как князь Репнин, просто игнорировал суворовские взгляды. В письме к Хвостову от 4 июня (1796 года) Суворов пишет: «У князя Репнина экзерциции (по новому. — Г. М.) нет, но приказано: тихой марш и залпы — опасное и вредное* [15].

Кутузов был близок к Прозоровскому и Репнину, недалек и от Дерфельдена, к которому весьма благоволил Павел I. Муштрой войск для царских парадов Михаил Илларионович занимался неоднократно. Его единственный военный труд *«Примечание о пехотной службе вообще и о егерской особенно»*, начиная с заголовка, выдает стремление все устроить под линейный пехотный шаблон: *«Хотя и требуется от егеря скорое действие в огне, как от всякой пехоты, но более того требуется выстрел верный... И потому, сколь скоро только дастся новобранцу первое понятие о сохранении своего места во фронте и об расчетах в оном (которое как азбука всякого солдата должно быть началом), не теряя времени и начать обучение в цель»*. Далее следуют рассуждения об *«обыкновенном егерском фронте»*, который строится в две шеренги,

потому что трехшереножный строй для метких стрелков тесен, опять с оговоркой: *«Уповательно же напротив, что часто потребуется от них обыкновенное действие пехотного батальона, как-то: в линии с пехотою... или для атаки поста, где требуется действие белым ружьем (штыком), и где двухшереножное ополчение по жидкости недостаточно... Как в сих, так и в многих других обстоятельствах нужно быть построено в три шеренги»* [16].

Само собой, для Кутузова очень важно марширование: *«От искусства или незнания в сей части все регулярные пехоты побеждают или бывают побеждены»*. Строевой подготовке уделяется много места. Что же касается *«маневров собственно егерям принадлежащим»*, сия главка открывается заявлением: *«Все маневры во фронте, колоннах всякого рода, огнях и оборотах, вообще пехоте принадлежащие, производить равным с нею порядком»* и содержит сентенцию о рассыпном строе: *«Сему обучать егерей, но на смотрах не показывать»*. Далее следуют потуги регламентировать рассыпной строй путем расписания движения плутонов, и в число егерских приемов записывается *«марш в четыре ряда... более других способный в тесных проходах»*. В рассыпной цепи, по разумению Михаила Илларионовича, стрелки должны находиться на дистанции *«как обыкновенно во фронте»*, и никак не больше, чем на три шага. Если цепь двойная, то предписанное расстояние между цепями в тридцать шагов *«убавить можно»* [17]. Именно с таким «линейным опехочиванием» егерей боролся в 1812 году Барклай де Толли как с причиной чрезмерных потерь егерских полков, требуя: *«Внушить господам шефам и командующим егерскими полками, сколько возможно, в начале дела, менее высылать стрелков, но иметь небольшие резервы, для освежения в цепи людей, а прочих людей, построенных позади в колонне. Большая стрелков потеря не может отнестись к искусному неприятеля действию, но чрезмерному числу стрелков, противопоставляемых огню неприятеля»* [18].

Более других вышколенные линейные пехотинцы, — вот и все кутузовские егеря! Отчетливо просматривается стремление Кутузова к плотным боевым порядкам и линейным построениям, жесткой дисциплине и отказу от путей совершенствования русской тактики, определенных Румянцевым, Потемкиным и Суворовым. Все это могло пригодиться при сколачивании новых частей и соединений, на парадах, но не в бою с современным противником. Нет глубже осинового кола в гнездо представлений о Кутузове, как об ученике Румянцева и Суворова, чем забитый им собственноручно. В махровой

ретроградчине героя легко удостовериться, сравнив его «Примечание» с правилами, введенными указом от 6 апреля 1789 года: *«Егерей обучать должно... обходиться с ружьем и держать его в чистоте, не простирая сие до полирования железа, вредного оружию и умножающего труды бесполезные солдату... Обучать заряжать проворно, но исправно, целить верно и стрелять правильно и скоро... Приучать к проворному беганию, подползать скрытыми местами, скрываться в ямах и во впадинах, прятаться за камни, кусты возвышенные, и укрывшись стрелять, и ложась на спину заряжать ружье; показать им хитрости егерские для обмана и скрытия их места как-то: ставить казку в стороне от себя, дабы давать неприятелю через то пустую цель и тем спасать себя, прикидываться убитым и приближающегося неприятеля убивать. Учить также стрелять из пистолета, показав им меру выстрела, дабы понапрасну не стреляли на дистанции куда пистолет не доносит»* [19].

Эта стыдливо упрятываемая из современной военно-исторической науки картинка хорошо объяснима психологически. Под Ларгой и Кагулом Кутузов отбивал наскоки турок огнем своих построенных в линию рот. Противник понес большие потери, а он — малые, и сам остался невредим. Победных примеров использования рассыпного строя в турецких войнах екатерининского времени не было, а мелкими делами прикрытия и охранения чванливые дворяне не интересовались. Зато у всех на глазах был пример отрицательный, который являли собой недисциплинированные турки. В Крыму Михаил Илларионович получил практически смертельную рану, идя впереди атакующей колонны. Потери самой колонны оказались относительно большими. Смертоубийство Измаила, штурмуемого опять же в колоннах, равно как и легкие победы под Бабадагом и Мачином, добытые в результате обходных маневров и устрашающим видом русских линий, могли только укрепить личные выводы в пользу линейной тактики прусского образца и скепсис к тактике ударных колонн и рассыпных прикрытий. Затем, в условиях, когда интересы Кутузова направлялись на политику, дипломатию и дворцовые интриги, он не мог подняться над этим своим опытом.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что М. И. Богданович об истоках военного мастерства культового полководца написал: *«Практическое военное образование получил Кутузов, служа... обер-квартирмейстером при корпусе Баура, образованнейшего из тогдашних русских генералов, одного из питомцев великого Фридриха»* [20]. А. И. Хатов общал: *«Кутузов в действиях своих руководствовался правилами Фри-*

дриха Великого» [22]. О тех же истоках говорит Д. Н. Бантыш-Каменский [22]. «Старым учеником князя Прозоровского» называл Кутузова знаменитый впоследствии русский военачальник И. Ф. Паскевич [23]. В требованиях, которые Михаил Илларионович предъявлял войскам во время отступательного марш-маневра от Браунау, он вполне принадлежал к механистам, переносящим апробированное куда бы то ни было. Выработываемые и одобряемые им диспозиции клонились к мачинской. В результате, его войскам не удалось действия в горно-речных дефиле близ Кремса, где Милорадович и Дохтуров вступили в бой одновременно, не снабженные необходимой ударной мощностью. Затем Аустерлиц выявил тот же разброс колонн и непонимание Кутузовым боевых инструментов Наполеона.

Если М. И. Кутузов и Ф. фон Вейротер представляли собой военных ретроградов, которых эпизоды боевого общения с Суворовым ничему не научили, то развитие Наполеоном линейной тактики в последовательную тактику колонн, дополненное ясным пониманием принципов маневренности, сосредоточения сил и управления артиллерией, тоже не было божественным откровением. Его военное искусство принципиально не отличалось от суворовского. Только русский гвардейский офицер Суворов сделал упор на штыки, а французский артиллерист Бонапарт — на пушки. Если в вышеприведенных тезисах Суворова слова «холодное ружье» заменить на «залты и пушки», Бонапарт слово в слово мог повторить то же самое, и повторил за Суворовым неоднократно.

Суворов требовал: *«Недовольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той же причине даже унтер офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан»* [24]. Так и Наполеон, в приказе по армии на Аустерлицкий бой посвятил в свой план всех генералов, офицеров и, в общих чертах, даже солдат [25, 26]. Но Кутузов, имея в биографии личное общение и действия с великим Суворовым, ничего подобного не предпринял, ограничившись доведением диспозиции до начальников колонн. Она, естественно, была составлена на немецком языке. Для ясности мысли и точности описаний Вейротер не мог применять другой. Лишь после военного совета майор К. Ф. Толь приступил к переводу на русский,

а потому документ был доставлен адресатам лишь за час до выступления колонн, и в малом числе экземпляров. Время на его изучение и согласование действий у генералов отсутствовало [27].

В этом смысле, скорее Наполеон, говоривший, что *«познание высшей стороны войны приобретается только опытом и изучением истории войн, веденных великими полководцами»*, был учеником русского генералиссимуса, присоединив к его апробированным принципам европейскую ясность понятий и новинки порохового дела, нежели Кутузов. Русские и советские довоенные историки часто сопоставляли Наполеона с Суворовым, заявляя: *«Многое из того, что дал военному искусству Суворов, было воспринято Наполеоном и получило законченное развитие»* [28]. По утверждению К. А. Военского: *«Военных дарований Суворова, хотя Наполеон и не отвергал, но, как о нем самом, так и о его победах, говорил мало и неохотно. Кутузову Наполеон ставил в вину распущенность его нравов и бездеятельность»* [29]. Учениками покойного князя Италийского современники чаще называли не Кутузова, а П. И. Багратиона и Н. М. Каменского. Таковы, к примеру, вполне благожелательные к князю Смоленскому рассуждения А. С. Шишкова [30]. Сам же Александр Васильевич считал своими учениками австрийского принца Кобурга, князей Алексея и Андрея Горчаковых [31].

Причинившие собственному народу огромное горе и жертвы некомпетентные царские и сталинские власти, ориентировавшиеся на полководцев из серии «рогами вперед, а в остальном — чего изволи-те», не приветствовали иллюстраций, как наследие Суворова было подхвачено соперниками России. Подобные выводы оказались под идеологическим табу, вынуждавшим историков превозносить «гений» Наполеона (Леер) [32], «разнообразие наполеоновского военного творчества» (Левицкий) [33], или вообще не описывать провальную Аустерлицкую операцию, как Байов, общо отмечавший: *«Весьма важный вопрос организации высшего командования на войне у нас в эту эпоху разрешался почти всегда неудовлетворительно»* [34]. Михневич — тот одновременно и уклонялся от проигранных битв, и сообщал о гениальности Бонапарта, фантазируя о тенденциях *«истинной глубокой тактики, почерпнутыми Наполеоном из классических образцов, преимущественно из Юлия Цезаря»* [35]. Так были привнесены пустота и эклектика в российские и советские военно-исторические труды.

В остальном Наполеон недалеко ушел от своих оппонентов. По его собственному признанию: *«Я провел шестьдесят сражений и могу*

вас заверить, что ни в одном из них ничему не научился. Цезарь тоже последнюю битву воспринимал как первую» [36]. Корсиканец был субъективен не меньше русских и австрийских командующих, действуя по наитию и вдохновению, но учитывая конкретные для каждого случая обстоятельства. Хороший организатор, чуткий наблюдатель, быстрый импровизатор, — этим он успешно дополнял немногие усвоенные им принципы, часто отступая от них в самые разные стороны. Учитывая характер русского противника, перед Аустерлицем Наполеон рекомендовал *«каждому солдату иметь при себе штык, оружие, всегда предпочитаемое французскою армией»*. Какое же оно было предпочитаемое, если во многих французских корпусах штыки были брошены, как обуза? Но обстоятельства потребовали, и Бонапарт, учитывая вероятность боя на близком расстоянии, предписывает Бертье и Сульгу установить *«боевой порядок, отвечающий как требованиям огнестрельного боя, так и в особенности боя холодным оружием»* [37].

Тут французский полководец случайно опять ступил на шаг вперед от русских «штыкоманов», — благодаря тем же стрелкам и пушкам, щедрее, чем у его противников, наряжаемых в поддержку передовых порядков. В конце концов, такие пробы привели к требованию европейских пехотных уставов второй четверти XIX в.: *«Движению в штыки предшествует артиллерийский и стрелковый огонь... затем одна полубатарея следует за движением боевой линии, а другая избирает выгодную позицию, с которой бы можно было удерживать неприятеля в случае неудачи»* [38]. Подобного соединения ударных средств не было у Кутузова, его солдаты в штыковых бросках огнем поддерживались плохо.

Теперь понятно, почему наполеоновская модификация военного искусства так много дала французам на поле боя (ружье и пушка более мощные средства, чем штык), и мало стратегически. Над ходом больших кампаний Бонапарт размышлял недостаточно, постоянно греша слабым прикрытием флангов, перенапряжением и уязвимостью коммуникаций, волюнтаристской и чисто политически обусловленной постановкой задач. Это дает основание определить тактику наполеоновской армии не как совершенно новую тактику буржуазного времени, а как позднюю, переходную форму тактики колонн накануне промышленной революции. Дальнейшее увеличение мобильности войск и мощи средств поражения прочно увязало тактику со стратегией, привело к отказу от плотных линий, боязни попадания под огневой удар колонн и рассыпному строю, к окоп-

ной и маневренной войне. Расширение зон боевых действий и увеличение масс войск окончательно сформировало современную науку стратегии, в которой Наполеон был слаб, а первенство принадлежит русским и немцам.

Не было наполеоновское боевое мастерство неодолимо высоким, а тактическое преимущество — вечным. Торопливо реализуя его, Бонапарт считал важнейшей задачей ввести свои главные силы в контакт с основной группировкой противника, после чего надеялся на свои таланты и... на авось, который его, в конце концов, погубил. Со всей встречной русской, австрийской и прусской непонятливостью, это кредо просуществовало недолго, уже к 1807 году начав сопровождаться сражениями-мясорубками, в которых французы несли тяжелые потери. Если бы корсиканцу противостоял полководец масштаба Суворова — оно развеялось бы в течение одной кампании.

Но, каким бы простым не было отличие тактики Наполеона от современной ему русской и австрийской тактики, и маленьким шагом вперед, его противники в то время сделали шаг назад, к другой, более классической разновидности линейной схемы, в которой ее неизменная суть дополнялась маневром обходящих колонн. В ней действительно, на протяжении всего XVIII в., в некотором забвении был принцип сосредоточения сил: *«Может показаться невероятным, и все же это случалось сотни раз, что вооруженные силы дробились и разъединялись по одному лишь темному подражанию традиционной манере без ясного сознания, зачем собственно это делается»*, — так писал Клаузевиц, настаивая на том, что для каждого разделения сил, мешающего быть *«вообще возможно сильным, а затем — и на решающем пункте»* [39], необходимы разумные основания. Обходной маневр безотказно работал против отсталого турецкого противника, совершаясь почти в каждом полевом сражении войн 1768—1774 и 1787—1791 гг., став своеобразной «идеей фикс» австрийской и русской военной мысли. В начале XIX в. он использовался под Кремсом, Аустерлицем, Арпачаем. Под Арпачаем маневр тоже провалился, но из-за общего боевого превосходства русской армии, турки все равно проиграли сражение.

При обходах соблюдение высшей стратегической аксиомы сосредоточения сил отдавалось на усмотрение военачальника. Обычно главнокомандующий единолично определял, какие силы нужно выделить для каждой колонны, линии, позиции, в каждый маневр. На военных советах и генерал-квартирмейстерами редко вносились какие-нибудь изменения. При встрече на поле брани двух полковод-

цев, один из которых соблюдал принцип сосредоточения сил лучше другого, это грозило неудачнику тем, что его маневр превратится во «взмах плетью, которой обуха не перешибешь», и проигрышем сражения. Тот, кто обходил, — сам рисковал быть обойденным. У Кутузова из-за особенностей характера и ограниченности подготовки (до 1805 года он не был главнокомандующим ни в одной крупной битве, а последние 12 лет провел вне действующей армии), распределение сил выходило плохо. Пассивность на военном совете под Аустерлицем подчиненных Кутузову генералов во многом объясняется тем, что Вейротер у них на глазах исправлял Кремскую ошибку Михаила Илларионовича. Он массировал силы, отказавшись от большого резерва, наряжая в бой не 40, а 90 % армии, задействовав в обходном маневре не 30, а 50 % войск. Других ошибок, растяжения сил в пространстве и распыления ударной мощи, они не замечали.

Высочайшая роль полководцев в те времена обосновывалась прямо и чувствовалась всеми интуитивно. Командующие тщательно изучали личности оппонентов, оценивая их способности. Большое внимание уделялось разбору данных ими сражений, часто встречался элемент подражания успешным хитростям и приемам. Примером такой деятельности являлся Бонапарт, оставивший массу характеристик на своих противников. Он был уверен, что союзники попытают против него обходной маневр, и применил под Ольмюцем ту же хитрость, какой Кутузов провел за нос Мюрата, сыграв спектакль для ура-патриотических, породисто-вырожденных императорских дворов. Случилось это всего через месяц после Шенграбенских «переговоров». Как мог не раскусить его Михаил Илларионович? Предвидение обмана сразу рождало мысль о том, что французская армия будет действовать по типу распрямившейся пружины, когда противник сам подойдет к ней. Видимо, о чем-то таком подумал Ланжерон, задавая свой вопрос Вейротеру. Услышав ответ австрийца, Суворов сказал бы: «О! Вейротера сам Бонапарт не обманет!»

От внимания Наполеона не укрылся успех Багратиона в Шенграбенском бою, доказавший, как трудно, даже превосходными силами, нанести поражение спаянным, плотно идущим войскам. Поэтому он держал свою армию сосредоточенно, за исключением заслонов при путях отступления и отрядов, временно удерживавших обходящего противника. Он знал подлинные результаты боя Кутузова с Мортье, в котором 14–16 тыс. союзников не удалось разгромить 8,5–10 тыс. французских войск. Простая экстраполяция показывала, что для на-

дежного охвата 75 тыс. французов (да еще на открытой местности) союзникам потребуется не 85, а 120 тыс. войск. В довершение всего, мнение Вейротера о том, что у французов есть один путь отступления с правого фланга на Вену, было неверным. Армия Наполеона могла отступить и с левого фланга, через Брюнн на Иглау (Йиглаву). Остатки войск эрцгерцога Фердинанда не были препятствием. Вот почему Бонапарт не боялся наступления союзников, планируя нанести рассекающий удар в их центр независимо от того, как бы Кутузов и Вейротер не игрались силами на флангах. Он дождался полуохвата, чтобы разрубить полукольцо на две половинки, и последовательно покончить с каждой из них. У врага, вовлеченного в его план, не хватало ни сил, ни времени для какого-либо другого маневра. Действуя на короткой руке, из центра сражения, Бонапарт был быстрее. Он смело выдвигал артиллерию в передовые порядки, где ей ничто не грозило при больших плотностях собственных войск рядом с батареями.

А что же Кутузов и Вейротер? Они, планируя бой по опыту своих прежних сражений и канонам поздней линейной тактики, переоценили опыт Мачина и Кремса, не воспользовавшись уроками Шенграбена. Заодно они недооценили противника (грозные французские пушки и ружья спрятались за восхвалениями удалых русских штыков). Вейротера частично извиняет лишь то, что он не был при Дюренштайне, зная только победные сочинения Михаила Илларионовича. Но главнокомандующего не извиняет ничто. По крылатому выражению арабского поэта XI века Ибрагима-Аль-Хусри: «Лжец — все равно, что вор, только вор крадет твое имущество, а лжец — твой ум». Это Кутузов, выдавая Кремс за полную победу, украл часть ума у Вейротера, не добавив к его рассуждениям ни капли собственного. Оба понадеялись на массирование обходящих войск, и не вышли мыслью за пределы многократно приносившего успех типового плана, который французы называли «горделивой неопытностью» [40].

В результате внезапность оказалась на стороне противника. На поле Аустерлица не было географического разобщения, как под Дюренштайном, где Милорадович и Дохтуров могли действовать только раздельно, но Наполеон сам создал его, высадив всей силой союзный центр. Против него он задействовал до 49 тыс. своих войск [41]. Правый фланг Багратиона оказался таким же бессильным, как слишком слабый отряд Милорадовича перед дивизией Газана. А левый попал в такое же полуокружение, как Дохтуров, на неудобной к отступлению

местности. В итоге тот же Дохтуров принял командование, и те части, что кое-как отступили, обязаны этим ему. Разобшение союзных войск было полным. Бутовский даже предложил считать финал этой трагедии *«отдельным сражением над Гольбахом»*, в котором *«французы что далее умножались без числа»* под *«неумолкаемую канонаду с высот Аугеста»* [42].

Где же тут гениальность Наполеона перед такими противниками? Он действовал всего лишь как умный, внимательный человек, на том же сравнительном материале, что и они. По справедливому замечанию Леера: *«Успех, одержанный Наполеоном под Аустерлицем, является не только блестящим по результатам, но и вполне заслуженным»*, а корни этого успеха находятся, как и у Суворова, в *«громадном труде»* полководца [43], которого со стороны его оппонентов не наблюдалось. Единственная «революционность» Бонапарта состояла в том, что он не сторонился людей ниже себя положением, постоянно и деятельно находился за пределами своего шатра среди войск и ездил на рекогносцировки. Накануне Аустерлица Наполеон *«лично убедился в выполнении всех своих приказаний»* [44], в то время как Вейротер, Кутузов и оба императора ограничивались парадными смотрами, получением докладов и отдачей распоряжений не сходя с места. Они были самым обветшалым звеном союзной армии.

За короткое время со дня возвращения Кутузова на военную службу, профессионального восстановления не произошло. Михаил Илларионович продолжал равняться на свои дипломатические и придворные успехи, к тому же переоценивая собственные знания в надолго отставленном им в сторону военном деле. По свидетельству Ланжерона, главнокомандующий *«не только никогда не производил рекогносцировки местности, но даже не осматривал стоянку своих войск. Пробыв как-то около четырех месяцев в лагере, он ничего не знал, кроме своей палатки»* [45]. Приведенное замечание относится к дунайской кампании Кутузова 1811 года, и все же, вкупе со сном главнокомандующего на военном совете в Крженовице, оно показательное. Об Аустерлице Ланжерон говорит не менее красноречиво: *«Мне уже случалось видеть проигранные сражения, но о таком поражении я не имел понятия... не оставалось двух человек одной и той же роты вместе»* [46] Что это, как не косвенная оценка результатов работы полководца?

Г. А. Леер называет Аустерлицкую операцию Кутузова — Вейротера тактически и стратегически безобразной по замыслу и исполнению. По его анализу, лучшим образом действий под Аустерлицем

являлся не фланговый обходной маневр, а быстрое фронтальное наступление, при котором сражение завязывалось до прибытия резервов к Наполеону, и с более прочным тылом у союзников. К маневру было не поздно перейти и после начала боя, по выяснении реальной группировки противника [47]. Сколь бы много и справедливо военный теоретик не винил в этом «бедного академика» Вейротера, мы ничего не знаем о советах Кутузова к фронтальному наступлению, хотя до нас дошли предания о Галиции, соусах и жарком. Против битвы под Аустерлицем полководец возражал и слабо, и не аргументировано. Он не привел выкладок и резонов, которые могли смягчить неприятие его взглядов и закрыть рты насмешникам, хихикавшим, что старик *«помешался на ретирадах»* [48]. Вползать в душу царям он умел, но в данном случае не с чем было ползти, не было арсенала доводов. Доверяться интуиции, но не анализировать и перепроверять (зачем, когда добился высот положения и постиг отношения между людьми) — это боярская, придворная привычка, которую наблюдатели подмечали за Кутузовым и называли просто — лень.

К плану Вейротера «военный гений» Кутузова образца 1805 года ничего добавить не мог. Не только его гражданские качества, но военные знания оказались ниже требуемых. Кутузов не умел спланировать сражение против такого противника как Наполеон, а равно не проработал свое предложение отступить (каким маршрутом идти, как не быть разбитым по пути, куда деваться австрийским войскам). В результате потрепанная русская армия отступила по угрожаемой и неподготовленной дороге в Венгрию, на которой была бы добыта, если бы Франц и Александр не послали срочно за миром. В армии было полно офицеров, бубнивших о предательстве австрийцев, сводя поражение к этому малоумному предположению. К их числу принадлежал даже уважаемый в будущем генерал Ермолов, а в конце XIX в. шовинистическую чушь продолжали твердить некоторые профессора академии генерального штаба [49].

Увы, не будь Вейротера, Кутузов выработал бы аналогичную, если не худшую диспозицию. Поэтому он на военном совете и спал, покойным за военную часть, и заняв идеальную для себя как придворного позицию. После разгрома полководец сразу же сложил с себя *«всякую ответственность за поражение»* союзных войск, выражаясь при этом в словах Понтия Пилата: *«Я омываю себе руки»* [50].

В отличие от своего почившего на прусских теориях и волочащегося по кулуарам главнокомандующего, русские генералы поля

боя были хороши. Семь лет спустя они это доказали. Имперские и патриотические мотивы, двигавшие офицерами и солдатами, были идентичны французским стремлениям. Будь эта армия под началом Суворова, олицетворявшего все тот же единый военный прогресс, — история Европы и России пошла бы иначе. Есть все резоны отойти от клише о неизбежности победы прогрессивной буржуазной армии над отсталой феодальной (не так прост путь истории, — скоро французская армия закончит плохо), и не согласиться с Энгельсом в том, что Аустерлиц представляет чудо стратегии. Не чудо. Не явил там Наполеон новой стратегии, а лишь относительно новую активную тактику, оказавшись на оперативной высоте. Этого было достаточно, чтобы он получил право сказать: «*Император с высоты своего бивуака, увидел с неописанною радостью начало флангового движения русской армии... Он увидел тогда, до какой степени предвзятость и невежество в отношении военного искусства помрачили верхи этой храброй армии*» [51]. Затянувшийся мачинский период полководческой биографии Кутузова был оборван как не отвечающий новой европейской войне.

1. Бутовский И. Г. Фельдм. кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 65.
2. Жомини Г. А. Аналитич. обзор гл. соображений воен. иск-ва. СПб., 1833. С. I—II.
3. Там же. С. 75, 77—78.
4. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949—1953. Т. 4. Док. № 520. С. 453. Т. 1. Док. № 66. С. 212.
5. Румянцев П. А. Сб. док. и мат. М., 1953—1959. Т. 1. док. № 278 и ком. к нему. С. 437.
6. Богданович М. И. Рус. армия в век имп. Екатерины II. СПб., 1873. С. 34—35.
7. Глинка С. Н. Жизнь Суворова, им самим описанная. М., 1819. С. 120—121.
8. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 629.
9. Биографич. библиотека Ф. Павленкова: жизнь замеч. людей. М., 2001. Т. 2. XVII—XVIII вв. С. 428.
10. Мысли о тактике европ. пехоты ген. Ренара // Воен. сб. 1858. № 1—2. Отд. неофиц. С. 307.
11. Фукс Е. Б. Истор. генералиссимуса, кн. Итальянского, гр. Суворова-Рымникоского. М., 1811. Ч. 1. С. 109—110.
12. Жомини Г. А. Аналитич. обзор гл. соображений воен. иск-ва. СПб., 1833. С. 81—82.
13. Глинка С. Н. Жизнь Суворова, им самим описанная. М., 1819. С. 312.

14. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 443. С. 433.
15. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 3. С. XX; Док. № 534. С. 528.
16. Кутузов М. И. Прим. о пех. службе вообще и егерской особенно. М., 1955. С. 45, 48–49.
17. Там же. С. 50, 60–72, 74–75.
18. Бородино. 1812–1962. Док., письма, воспоминания. М., 1962. Док. № 78. С. 89.
19. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1903. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Уставы и наставления. С. 81.
20. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 515.
21. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенщикова-Кутузова. СПб., 1840. С. 174.
22. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 29.
23. Щербатов А. П. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 65.
24. Головин Н. Н. Суворов и его «Наука побеждать». М., 2000. С. 94.
25. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 55–56.
26. Леер Г. А. Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 24–25.
27. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 652.
28. Левицкий Н. А. Полководческое иск-во Наполеона. М., 1938. С. 7.
29. Военский К. А. Наполеон и его маршалы в 1812 г. М., 1912. С. 12.
30. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 2. С. 154.
31. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 3. Док. № 351. С. 338; Т. 4. Док. № 501. С. 440.
32. Леер Г. А. Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 65.
33. Левицкий Н. А. Полководческое иск-во Наполеона. М., 1938. С. 119.
34. Байов А. К. Курс истор. рус. воен. иск-ва. СПб., 1913. Вып. 7. Эпоха имп. Александра I. С. 205–206.
35. Михневич Н. П. Основы рус. воен. иск-ва. СПб., 1898. С. 117, 119.
36. Бешанов В. В. Шестьдесят сражений Наполеона. М., 2000. С. 1.
37. Леер Г. А. Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 10–11.
38. Мысли о тактике европ. пехоты ген. Ренара // Воен. сб. 1858. № 1–2. Отд. неофиц. С. 352.
39. Клаузевиц К. Ф. О войне. М., 2007. С. 76.
40. Шильдер Н. К. Из записок гр. Сегюра // Воен. сб. 1874. № 3–4. Отд. II. С. 4.
41. Леер Г. А. Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 26.

42. Бутковский И. Г. Фельдм. кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 46, 49.
43. Леер Г. А. Подробный консп. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 65–67.
44. Шильдер Н. К. Из записок гр. Сегюра // Воен. сб. 1874. № 3–4. Отд. II. С. 7.
45. Ланжерон А. Ф. Записки // Фельдм. Кутузов. Док. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 327.
46. Рыбаков С. П. Рус. мемуаристика о сражении при Аустерлице // Вестник МГИМО. М., 2012. № 4 (25). С. 45.
47. Леер Г. А. Записки стратегии. СПб., 1877. Вып. I. С. 92–95.
48. Бутковский И. Г. Фельдм. кн. Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. СПб., 1858. С. 37.
49. Михневич Н. П. Основы рус. воен. иск-ва. СПб., 1898. С. 117.
50. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном. СПб., 1844. С. 212.
51. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 654.

3.4. ПОСЛЕДСТВИЯ И НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ РАЗГРОМА. УМЕЛОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАСТОЯЩАЯ ПРИЧИНА ОПАЛЫ М. И. КУТУЗОВА

Аустерлицкий разгром обрушил союзные отношения России и Австрии, став концом Третьей коалиции. 22 ноября (4 декабря) 1805 года император Франц I явился к Наполеону за миром. Единственное, что он выпросил у него для своего союзника Александра, — перемирие для обеих союзных армий, «с тем, чтобы русские войска ушли в свою страну, по определенному маршруту». Вся долговременная русская внешняя политика, подточенная непоследовательным Павлом I и возобновленная его сыном, потерпела крах. Казалось, Франция могучим рывком разорвала свои континентальные оковы. Днем ранее впопыхах уже было заключено предварительное перемирие на 24 часа, которое не могло обойтись без посылки к Бонапарту русских эмиссаров. Богданович упоминает в связи с этим письмо Кутузова и собственноручную карандашную записку императора Александра маршалу Даву, после чего тот остановил движение посланных для преследования французских войск [1]. Клембовский уточняет, что записка была передана у Никольшицкого дефиле, в минуту, когда исход франко-австрийских переговоров еще не был известен, но Александр I «заранее решился на принятие всех условий» [2].

Эта тема в дальнейшем стала табу, и все патриотические писания изображали, что русские еще дрались бы, а вот у австрияков кишка оказалась тонка. Увы, из сказанного следует, что позиция о заключении Австрией мира с Наполеоном и возвращении русских войск на родину была принята Францем и Александром сразу после поражения, что подтверждает де Сегюр, повествуя о встрече австрийского императора с Бонапартом [3]. Из строк Манзеля выходит, что император Франц, как это ни досадно для русских ура-патриотов, из главной квартиры не удирает, а вместе с Александром отступил через Гольдберг в Чейч. Оттуда Франц и посетил Бонапарта. Затем русский и австрийский монархи *«отправились через Гединг в Голич, сопровождаемые и охраняемые тремя полками: впереди шел лейб-гвардии Гусарский полк, за ним следовали императоры, в замке были кавалергарды и конная гвардия. Вся армия расположилась лагерем при Сеннице, в окрестностях Голича. Здесь, вследствие переговоров с Наполеоном, военные действия прекратились»* [4]. То же самое написано в «Истории кавалергардов» [5]. Последнюю точку ставит история военного ведомства России, повествуя, как Александр, посоветовавшись с Кутузовым и Францем, послал к Даву князя Гагарина, *«извещая о бесполезности дальнейшего кровопролития в виду начатых уже мирных переговоров»*, после чего австрийский император отбыл к Наполеону [6].

Возможности продолжать войну не было. Побойщем, открывшем полное банкротство чванливого и соперничающего за царские блага командования, беды и потери русских офицеров и солдат не закончились. Лишь после сражения начался настоящий голод, по сравнению с которым Ольмюцкий недостаток провизии был изобилием. *«Не было ни хлеба, ни фуража; солдаты платили по червонцу за два фунта хлеба... люди кормились находимым иногда в ямах картофелем, а чаще голодали, лошадей же кормили одною гнилою соломою с крыш... от совершенного голода... гвардия потеряла много отличных людей и лошадей»* [7]. Что же было тогда в полках не гвардейских? Если бы в Венгрии русских не принимали хорошо и не кормили, рожки да ножки остались бы от потрепанной армии. За доброту венграм было щедро «отплачено» интервенцией в 1849 году, обрушившей отношения двух народов.

14 (26) декабря в Прессбурге был подписан унизительный франко-австрийский мирный договор. Прибывший к Бонапарту прусский посланник Х.-А. Гаугвиц запрятал подальше заготовленный ультиматум и поздравил Наполеона с победой. В России поражение воспринимали тем больнее, что за последние сто лет привыкли к непрерыв-

ным победам своего оружия. *«Здесь действие Аустерлицкой баталии на общественное мнение подобно волшебству, — писал 4 января 1806 года в Лондон Ж. де Местр. — Все генералы просят об отставке и кажется, что поражение в одной битве парализовало целую империю»* [8]. Болезненный удар по репутации получил император Александр I, не снискавший лавры в действующей армии. Спасая престиж и торопясь пресечь воздействие наполеоновских прокламаций на русское общество, он повелел М. И. Кутузову составить и прислать две реляции о проигранном сражении: одну, содержащую *«по чистой совести и совершенной справедливости»* изложенные действия, а другую *«для опубликования»*, с обстоятельствами, *«кои были нам препонами к удаче»* [9].

В последней (но первой по времени сочинения, 14 января 1806 года) реляции говорилось, что урон русской армии *«не доходит до 12000»*, а у французов *«простирается до 18000»*. Вина за разгром мелкими штрихами и оттого убедительно перекадывалась Кутузовым на австрийцев: *«Вообще всею кавалериею командовал австрийский генерал-фельд-лейтенант князь Лихтенштейн»; «Неприятель, напав на австрийский фронт опрокинул его, отчего пришел в замешательство и Новый Ингерманландский полк»; «я дал повеление резерву из австрийских войск состоящему... резерв сей действительно занял назначенную ему позицию; но при первых выстрелах отступил»; пушки были потеряны потому, что «колонны сии были ведены австрийскими колонновожатыми ошибкою по такой дороге, по коей едва было возможно провести пушки»* и т. д. [10]. Причины, по которым была потеряна большая часть орудий, разумеется, были боевые, они хорошо показаны в описании действий роты лейб-гвардии конной артиллерии под командованием полковника В. Г. Костенецкого. Бойцам и офицерам роты пришлось отбивать свои пушки в рукопашной, и две из них были брошены из-за потери пострелянных лошадей [11]. Рота наступала и отступала по полю боя две версты. Что случилось с орудиями, вовлеченными в протяженный обходной маневр, на этом примере понятно.

Сам Михаил Илларионович, конечно же, нисколько не верил в наклепанное им на австрийцев, но знал, что оно упадет как бальзам на душу всем невежам и ура-патриотам. В приказе по армии от 4 (16) декабря 1805 года он писал: *«Известно мне, что господа офицеры дозволяют себе в разговорах с местными жителями не только осуждать австрийцев за последнее сражение, но даже уверяют, что ими, конечно, проданы были. Столь неосновательное и безрассудное суждение не иное что произвести может, как худые последствия, и служит к стыду рус-*

ского имени. Я... рекомендую от подобных разговоров удержаться, как же скоро узнаю о ком либо, то наистрожайше ответствовать будет» [12]. Разумеется, советские историки плеяды Бескровного бросились в защиту шовинистических настроений, снабдив приказ своими комментариями: главком-де это бесстыдство вполне разделял, но, находясь в Австрии, считал себя обязанным к вежливости. Царские историки были адекватнее. Михайловский-Данилевский отмечал неоднократную благодарность Кутузова за австрийские «милости к русской армии, попечения гражданских властей и добрые расположения жителей» [13]. Богданович характеризовал русские упреки австрийцам как неуместные, признавая справедливыми некоторые встречные укоры [14]. Не верил в предательство австрийцев Чарторыйский, считая поражение при Аустерлице следствием стечения пагубных и непостижимых событий [15]. Однако, поражение надо было как-то объяснять дворянству и народу, а для этой цели шовинистическая версия была удобной.

Общественное мнение, руководствуясь подтасовками «для опубликования», обратилось против австрийцев, найдя причину, которая «не могла поколебать русского могущества, ни даже омрачить славу нашего оружия» [16]. С течением времени домыслы стали злее. Постыдны речения Богуславского о том, что «австрийцы при Аустерлице вносили только беспорядок и никакой помощи» [17]. Это, наверное, австрийцы заставили Милорадовича пренебрегать разумной тактикой под Штайном и Унтер-Лойбенем, а Кутузова — не следить за своей квартирмейстерской частью и не делать рекогносцировку в ночь перед Аустерлицким побоищем? Редкий перл выдала в 1870 году редакция «Русской Старины», рассуждая об «унизительных действиях австрийцев», и объявив: «Жестокость и неспособность в молодости и кретинизм в старости — это отличительные черты не одного Франца I, но, за немногими исключениями, почти всех австрийских державцев» [18]. Тут можно напомнить, как охарактеризовал рассудок Александра I один из уважаемых членов русской императорской фамилии: «Мы затрудняемся дать верную оценку этого психоза, приближавшегося скорее к какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чем к иной форме мышления» [19].

Кутузов не был так неблагодарен, храня письма императора Франца в своем архиве, да и Россия век спустя ухнула в пропасть впереди Австрии, вырвав у нее победу в «кретинизме державцев». Описанное отношение к союзникам ведет к изоляции, роняя престиж государ-

ства. Этой ура-патриотической гадости была лишена Великая Екатерина, отметившая в письме Г. А. Потемкину от 18 октября 1789 года: *«Каковы цесарцы (австрийцы) бы ни были и какова ни есть от них тягость, но она будет несравненно менее всегда нежели прусская, которая сопряжена со всем тем, что в свете может только быть придумано, поносным и несносным»* [20]. С высоты веков мы можем оценить пронизательность императрицы. Но ее внук вслед за отцом качнулся к пруссакам: *«Князь Чарторижский удалился от дел, и его место занял старый генерал Будберг»*. При русском дворе стал привечаем старым герцог Брауншвейгский, *«фельдмаршал прусской службы, памятный своим манифестом и неудачами против французов в начале большой революции, и в конце того же 1806 года плачевно довершивший свое долговременное попрание Иенским страшным поражением, которое сокрушило прусскую монархию»* [21].

Кутузов как сторонник прусской военной школы и опытный придворный сохранил свои позиции. Современные знания о человеческих отношениях в пирамиде власти заставляют полагать, — вопреки просьбе царя: *«Чтобы в подобных случаях от меня ничего скрыто не было»*, неправдивы были обе полученных самодержцем от Михаила Илларионовича реляции об Аустерлице. Такого шанса «отмыться» главком не мог упустить. Тем интереснее содержание той реляции полководца, что была написана им яко бы *«по чистой совести и совершенной справедливости»*. Удивительно, — до сих пор этот документ никто не искал, чтобы удостовериться, какие думы и подкрепленные боевым опытом выводы военачальника в нем прописаны. А ведь в советском сборнике документов Кутузова есть эта реляция, датированная позже первой, 1 (13) марта 1806 года. О том, что это именно она, говорит сопоставление с текстом рескрипта Александра I от 22 декабря 1805 года, повелевшего составить и прислать ему две упомянутые писульки.

И тут наши глаза открываются как у сказочной собаки Андерсена: в реляции Кутузова *«по чистой совести и совершенной справедливости»* вместо анализа причин поражения перечисляются русские батальоны, генералы и офицеры, которые, по мнению главкома, не исполнили свой долг на поле боя! Пользуясь глупостью молодого царя, обнаружившего самолюбование, будто он *«отчасти уже сведущ о том, что происходило»* и приоткрывшего свое желание найти виновных, Михаил Илларионович своего долга полководца опять не выполнил. Он подsunул царенку лишенную военной мысли инфу, отведя удар от себя и возведя на подчиненных напраслину, воспринятую пустым

в военном деле самодержцем за правду просто потому, что она отличалась от ранее полученной им версии для опубликования. Вот что Кутузов написал: *«Ваше императорское величество были сами свидетелем, что 4-я колонна была наиболее причиною поверхности, которую имел неприятель в сей день; два баталиона мушкетерские Новгородского полка не держались нимало и, обратившись в бегство, привели колонну в робость и замешательство. За сею 3-я колонна наиболее виновна; начальник ее вошел в деревню Кобельниц, не приняв никаких осторожностей, что и подало неприятелю средство обойти оную колонну и взять большую часть людей в плен»* [22]. Далее воитель предлагает меры наказания и присовокупляет списки лиц его заслуживающих.

Так Александр I и поступил. По возвращении из плена в Россию, командующий 3-й колонной генерал-лейтенант И. Я. Пржибышевский был отдан под суд. Генерал-аудиторат оправдал его. Тогда было велено перенести дело в Государственный Совет, который приговорил генерала к разжалованию на месяц в рядовые и отставке от службы. Царь утвердил приговор. Невинный генерал, не выдающийся, но характеризовавшийся современниками как храбрый и честный, расплатился за ошибки и малодушие главнокомандующего. А. Ф. Ланжерону сначала было предложено подать в отставку, а потом «милостиво» произведено задержание в дальнейших чинах. Огульно пострадал Новгородский мушкетерский полк, не получил наград мужественный 10-й Новоингерманландский, удерживавший Тельниц и атакующих французов в арьергардном бою при отступлении 1-й и 2-й колонн [23], были наказаны генерал-майор И. А. Лошаков и другие лица по кутузовским спискам.

Кутузовская лож усилила процесс травли и отстранения от службы множества офицеров, часто молодых и неопытных, виновных лишь в том, что они, при невнимании к подчиненным со стороны шефов полков, сбили себе ноги в отступательных маршах от Браунау и не успели быть в рядах армии в день Аустерлица. Так, полковник Збиевский, шеф Владимирского пехотного полка, сделал крайними молодых капитанов Сухотина и Хатова. Оба офицера были лишены чинов и выключены из службы высочайшим приказом от 1 февраля 1806 года. Лишь в 1817 году, по докладу Аудиторского департамента и особому мнению аудитора Маевского, высочайше повелено было *«отыскать Сухотина и Хатова, спросить, желают ли в службу и куда»*. Маевский аргументировано возложил вину за отставших от полка офицеров на полковника, позднее генерал-майора, бригадного начальника 16-й

пехотной дивизии Збиевского [24]. Кампания преследования лиц, самовольно отлучившихся в армейский вагенбург коснулась многих, затенив вопрос о тактической безграмотности командования [25].

С точки зрения военного дела документ настолько пуст, что не удивительно, как с высоты лет историки его не замечают. В. Безотосный, к примеру, думал, что эта реляция — не реляция, а ответ Михаила Илларионовича на другое поручение царя. О манипуляциях Кутузова с целью превратить «реляцию для опубликования» в подлинную, а реляцию «по справедливости» свести к поиску виновных, свидетельствует его письмо Чарторыйскому от 17 (29) января 1806 года, предназначенное для косвенного убеждения императора Александра через фаворита: *«Не знаю, понравится ли императорскому величеству изложение реляции, но мне оно казалось наиболее отвечающим действительности»* [26]. Кутузовские писания толкали Александра I к слепому ужесточению дисциплины и ответственности. К 1808 году самодержец определился: *«Опыты прошедших военных действий уверили меня... что строгая дисциплина есть душа военной службы, что малейшее послабление начальника есть первое начало расстройства в целом и что части оно, расслабляясь мало-помалу от сего начала, влекут напоследок за собой последствия, которых ни власть, ни благоразумие несильны уже вдруг пресечь»* [27].

О причинах разгрома, и что можно было предпринять, думали кто угодно, только не Кутузов. Ланжерон рассуждал: *«В этот момент (получив сообщение о натиске французов на центр) я находился в деревне Сокольниц; я поручил генералу Олсуфьеву продолжать атаку, а сам поехал к бригаде Каменского. Это было ошибкою... которую я всегда буду ставить себе в упрек; я должен был тогда остановить голову своей колонны, сговориться с Пржибышевским, предупредить о случившемся Буксгевдена и Дохтурова и спешить на помощь Каменскому»*. Ланжерон осуждает Милорадовича, подставившего под удар свою колонну сходом с Праценских высот, не ведая, что приказ об этом был отдан Кутузовым. После этого он суммирует: *«Никогда не давать бесцельно сражения, выигрыш которого не может окупить ужасных последствий в случае поражения... Мы должны быть битыми благодаря одной нашей диспозиции, которая была нелепой... Ни полки, ни начальники, ни генералы не имели необходимой опытности»* [28]. В русской военной истории возникла крупная купюра: *«Сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачною завесой! ...Уже ли полагали, что стыдно сознаться в том, что мы были разбиты? Да разве*

был и есть хоть один народ в мире, который бы не проигрывал сражений? Разве римляне скрывали свои неудачи?» [29].

Хотя свидетели личного конфуза Александра I стали ему неприятны, эта тень не коснулась Михаила Илларионовича, в критический момент бывшего поодаль от перетрусившего самодержца. Он был оцарапан третьей в своей жизни пулей, потерял родственника. Поэтому царь принял от Кутузова наградные списки отличившихся при Аустерлице, и 5 (17) февраля 1806 года назначил его командующим войсками трех территориальных дивизий, готовящихся к новой войне с Францией. В том же месяце главному был пожалован орден Св. Владимира 1-й степени, а его дочь Дарья Михайловна назначена фрейлиной. Однако полководец желал вернуться ко двору в Петербург, о чем подал прошение, копию которого отослал Е. И. Кутузову для повторного захода через кого-нибудь, а также писал Х. А. Ливену [30]. И это сработало. В марте царь вызвал Кутузова, а в мае его переписка уже исходит из Санкт-Петербурга. До сентября полководец командовал приграничными дивизиями из столицы. Понятно, что при такой дистанции ему вряд ли принадлежат существенные заслуги в подготовке новой армии против Наполеона. Зато в Петербурге Кутузов заседал как член военного совета при императоре вместе с престарелыми генерал-фельдмаршалами М. Ф. Каменским и Н. И. Салтыковым, генералами от инфантерии Б. П. Ласси, С. К. Вязмитиновым и другими [31, 32]. Это был большой личный успех Михаила Илларионовича на фоне Аустерлица.

Лишь осенью 1806 года возникли тучи новой опалы. 3 (15) сентября царь велит М. И. Кутузову готовить войска *«к выступлению в поход через 24 часа»*. Дальнейшая переписка бесстыдно показывает, что к походу вверенные культовому военачальнику дивизии не готовы. 7 (19) сентября командующий рапортует императору *«о недостающих в полках вещах»* и одержимости нижних чинов *«в немалом числе тяжкими болезнями»*. В тот же день он обращается в Провиантскую экспедицию, к генерал-майору В. К. Безродному с письмом, из которого следует, что его войска не обеспечены продовольствием. В артиллерии открылись падеж коней, некомплект зарядов и *«худоба лафетов»* [33]. Как говорится, докомандовался. И проворовался.

Денежные дела Кутузовых становятся объектом пристального внимания Министерства финансов. В *«Записке о общих долгах генерала от инфантерии Голенщикова-Кутузова»*, поданной Александру I министром финансов А. И. Васильевым, специально ездившим на разведку к Е. И. Кутузову, значится, что общая сумма его долгов

была равна 243 тыс. 416 руб. [34]. Мотив царем был установлен. После этого самодержец действует «по понятиям» тогдашнего дворянского общества: он жалует Кутузову 50000 рублей «для оплаты долгов по службе нажитых», проследив за тем, чтобы ни копейки средств, предназначенных для уплаты самых кричащих долгов, не попало в руки мотоватого семейства. Но ситуация, в которой полки дивизий могли выступить в поход только с большой задержкой, двумя батальонами каждый, голодные, без вещевого довольствия и артиллерии, была нетерпима и требовала отставки командующего, каковы бы ни были «уважительные» по нравам того времени причины. Поэтому 28 сентября (10 октября) Александр назначает Кутузова Киевским военным губернатором, предписывая сдать оборванные и голодные дивизии генералам Л. Л. Беннигсену и Ф. Ф. Буксгевдену [35].

Как тут не вспомнить указание Ланжерона на «неделикатное отношение в денежных делах» со стороны Кутузова [36]? Попытки представить Ланжерона как злоязычного недоброжелателя несерьезны, что ясно по ознакомлению с его рукописью «Русская армия в год смерти Екатерины II». По сути, это незаслуженно забытый военно-исторический труд, написанный в период 1796—1826 гг., в предисловии к которому автор говорит: «Мне могут поставить в упрек... недостаточный интерес, представляемый порядком вещей, который когда-то существовал и не возобновиться уже более. На это я отвечу: 1-е, что устройство русской армии в том виде, в каком оно существовало при Екатерине, недостаточно известно; 2-е, что еще и в настоящее время можно прочесть с интересом некоторые подробности о доходах полковых командиров, извлекаемых ими из своих полков и возбуждающих еще и теперь сильное удивление; ... 3-е, что репутация и успехи русских войск как в то время, так и теперь, могут возбудить желание ознакомиться с организацией, материальною и моральною сторонами этих войск» [37]. Интересны характеристики, даваемые автором ряду русских генералов, из которых становится видно: по свойствам среды, в которой Михаил Илларионович формировался как деятель, от него нельзя было ждать кристальной честности и социалистического пуританства. Не удивительно, что столь «нелицеприятный» труд и мемуары графа Ланжерона о трех военных кампаниях на стороне России до сего времени не почли нужным переиздать связно и в полном объеме, вопреки несомненной ценности этих материалов.

Сведения о распространенных в то время пороках можно почерпнуть из относящейся к 1782 году записки генерал-поручика

С. М. Ржевского, озаглавленной: *«разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и неместно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках»* [38]. Интереснейшие вещи изложены А. Г. Мартыновым: *«Хотя в 1766 году и была издана «инструкция конного полка полковнику», где говорилось... «печись о подчиненных своих, как отцам о детях, и поддерживать честь вверенных им полков», но этой инструкции никто не придерживался... Полковые командиры имели страшные доходы в течение года: если умирал солдат или бежал, то о нем не доносилось в течение года или двух, а жалование на него шло в карман командира полка; требуемое из комиссии обмундирование на своих несуществующих солдат, составляло ему в скором времени целые склады сукна, холста, кожи и др., и когда количество материала делалось значительным, он продавал. Часто говорили, что командир полка является величайшим вельможей в Европе... например: когда путешествует командир полка... то можно подумать, что какой-нибудь государь едет навестить другого. Самые скромные из них везут с собою любовниц, 3 или 4 прихлебатель, составляющих их двор, 5 или 6 офицеров, целый ряд повозок или колясок, 15 слуг и проч. Полковые командиры дают приданое за своими устаревшими любовницами и выдают их замуж за бедных офицеров... Строгость полковых командиров и офицеров была доведена до самой ужасной степени жестокости»* [39].

Другие так называемые «безгрешные доходы» полковников описаны В. К. Судравским, указавшим, что в конном полку расквартированном в хорошей местности они могли достигать 75 тыс. рублей в год (в то время как за несколько тысяч уходили в залог и продавались небольшие поместья) [40]. По этим материалам видно, что лютое казнокрадство и основные коррупционные злоупотребления начинались в русской армии с полковничьих должностей, прорастая отсюда в генералитет. Они носили всеобщий и систематический характер в те годы, когда вверх по ступеням командной лестницы шел командир полка, а затем Бугского егерского корпуса Кутузов. Если бы он поступал иначе, о таком его биографы непременно сообщили бы, но прорисовываются иные параллели. Без сомнения, став командующим армией, Кутузов вступал в сговоры с чинами военной коллегии и подрядчиками о ценах на поставки всего необходимого для войск и принимал «ублагодотворения» от подчиненных ему полковых командиров [41]. Везде Михаила Илларионовича сопровождает шорох, а летом 1802 и осенью 1806 года — гром злоупотреблений.

Полководец сдавать дела по дивизиям не спешил, отнекиваясь занятостью. Видимо, надежда была, что государь, не очень круто на сей раз настроенный, смилуется. Но ровно через месяц, 28 октября (9 ноября), царь специальным указом освобождает его от управления гражданскими делами Киевской губернии с ехидной формулировкой: «*Во уважение занятия... многими воинскими делами*». В ведении губернатора остались только военные и казенные вопросы. Возможности махинаций были обрезаны на корню. 13 (25) ноября 1806 года не обрадованный новым местом службы Кутузов прибыл в Киев и вступил в должность. Первое, чем он озаботился, — мерами против воровства и для укрепления городской полиции [42]. Не иначе, царь-батюшка хорошо ему за прежние грехи попенял.

Куда смотрели российские и советские историки, объясняющие отправление героя в Киев тем, что «*Александр I... старался возложить всю ответственность за аустерлицкое поражение на М. И. Кутузова*» [43] — непонятно. Вот они, во всей красе, — совсем другие причины, или, как в XIX в. говорили — «*оскорбительные посредства*», из-за которых Кутузову даже советовали выйти в отставку [44]. Увы, царь принимал против армейского казнокрадства свойские и половинчатые меры, позаботившись о семье полководца, а его самого определив на «исправительные работы». Но мог ли он, не обладая неистовством своего отца Павла I, и остро нуждаясь в армии против Наполеона, поступить иначе в условиях, когда коррупционные доходы армейских командиров носили всеобщий характер, оправдываемый обычаем? Считалось, что только «*если доходы превышают 6 тысяч рублей в егерском батальоне, 10 тысяч в пехотном полку и 15 тысяч в гренадерском, и, наконец, 25 тысяч в кавалерийском, то они становятся злоупотреблениями*» [45]. Каковы же должны были быть подношения и вымогательства от полковых командиров трех дивизий, чтобы командующий генерал был отдан под суд и вылетел со службы?

При изложенных отношениях и обстоятельствах из поражения при Аустерлице были сделаны самые ограниченные выводы. Буксовали военные реформы. Трудно шло развитие пехоты, которую начинания Павла I отбросили от прогрессивных егерских форм к линейной тактике, да еще внесли разнородную в ее вооружение. Пересортица ружей, затруднявшая обеспечение зарядами, подпитывала старую идею бить в штyki. Медленно росла численность сокращенной Павлом тяжелой конницы. При напряжении сил непрерывно воюющего государства, конница наращивалась в основном за счет казаков.

Мелкие технические улучшения и численный рост происходили в артиллерии, реформу которой возглавил гатчинский знаток Аракчеев. Эффективности боевого применения он, как и Кутузов, добивался не новинками тактики и организации, а стремлением к быстрейшему исполнению упражнений и ужесточением дисциплины [46]. Вершиной айсберга стала кадровая проблема — умершие и состарившиеся военные светила не имели преемников, командующие армиями менялись каждую кампанию. Поставив Кутузова в обойму запасных, Александр I попытался извлечь из прошлого М. Ф. Каменского, обладавшего хорошими реляциями Суворова. Растерянность старика выдвинула вперед самоуверенного Л. Л. Беннигсена. Описание введённой под его командой новой франко-русской войны придется для краткости пропустить.

1. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 85.
2. Клембовский В. Н. *Обзор кампании 1805 г.* СПб., 1889. С. 229.
3. Шильдер Н. К. *Из записок гр. Сегюра // Воен. сб. 1874. № 3—4. Отд. II.* С. 16.
4. Манзей К. Н. *Истор. лейб-гв. Гусарского полка.* СПб., 1859. Ч. 2. С. 22—23.
5. *Истор. кавалергардов и Кавалергардского полка.* СПб., 1851. Т. 1. С. 65.
6. *Столетие воен. мин-ва.* СПб., 1904. Т. II. Ч. 2. *Имп. гл. квартира. Царств. имп. Александра I.* С. 184.
7. Эйлер А. Х. *Записки // Рус. Архив.* 1880. Кн. 2. С. 344—345.
8. Местр Ж. *Петербургские письма 1803—1817. М., 1995.* С. 61.
9. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950—1956. Т. 2. Док. № 242.* С. 234.
10. *Там же. Док. № 247.* С. 254—260.
11. *Лейб-гв. конная артиллерия в войнах 1805 и 1807 гг. и в Отеч. войне 1812 г.* СПб., 1912. С. 9—10.
12. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950—1956. Т. 2. Док. № 284.* С. 294.
13. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845—1850. Т. 3. Кн. М. Л. *Голенищев-Кутузов Смол.* С. 23—24.
14. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 46, 79.
15. *Сб. РИО.* СПб., 1892. Т. 82. С. 212—213.
16. Бутенев А. П. *Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив.* 1881. № 3. С. 43.
17. Богуславский Л. А. *Истор. Апшеронского полка.* СПб., 1892. Т. 1. С. 282.
18. *Прим. к архиву кн. Голенищева-Кутузова Смол. // Рус. Старина.* 1870. № 1—6. С. 505—506.
19. Романов Н. М. *Имп. Александр I.* СПб., 1912. Т. 1. С. 249—250.
20. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым.* СПб., 1890. С. 6.

21. Бутенев А. П. Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив. 1881. № 3. С. 43.
22. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 242, 252. С. 234, 265–266.
23. Пирожников А. И. Истор. 10-го пех. Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 81–82.
24. Отголосок Аустерлица // Рус. Архив. 1905. № 9. С. 99.
25. Гениев Н. Истор. Псковского пех. полка. М., 1883. С. 135.
26. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 329. С. 323–324.
27. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1902. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Уставы и наставления. С. 199.
28. Рыбаков С. П. Рус. мемуаристика о сражении при Аустерлице // Вестник МГИМО. М., 2012. № 4 (25). С. 44–46.
29. Булгарин Ф. В. Воспоминания. СПб., 1846. Ч. 2. С. 186.
30. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 366, 373, 377, 387. С. 357–358, 370, 378, 385–386.
31. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 24.
32. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 397. С. 396–397.
33. Там же. Док. № 407, 408, 411, 412. С. 404, 406–408.
34. Там же. Ком. к док. № 415. С. 409.
35. Там же. Док. № 415 с ком., 426. С. 409–410, 423.
36. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1907. № 9. С. 570.
37. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 3. С. 147.
38. Ржевский С. М. О рус. армии во второй пол. Екатерининского царств. // Рус. Архив. 1879. № 3. С. 357–362.
39. Мартынов А. Г. Истор. 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб., 1908. С. 3–4.
40. Судравский В. К. Истор. лейб-гв. Гренадерского полка. СПб., 1906. Т. 1. С. 317–318.
41. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 3. С. 151.
42. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 428, 430, 431. С. 424–426.
43. Там же. Ком. к док. № 426. С. 423.
44. Анекдоты или достопам. сказания о его св. ген.-фельдм. кн. М. Л. Голенищеве-Кутузове-Смол. СПб., 1814. Ч. 1. С. 86–87.
45. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 4. С. 162.
46. Истор. рус. армии. СПб., 2003. Т. 2. С. 311–319.

4.1. М. И. КУТУЗОВ И А. А. ПРОЗОРОВСКИЙ. БРАЙЛОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Война 4-й коалиции дала понять Наполеону, что Россия сильна, и ее армия способна на многое. Начало 1807 года ознаменовалось жесточайшей битвой при Прейсиш-Эйлау — первым крупным сражением, в котором наполеоновские войска не одержали верх, понеся большие потери. Очевидна была неудача при Гейсбельрге, где французы потеряли в полтора раза больше людей, чем русские. Фридланд загладил эту оплошность, но дальше опять могло не повезти. Франция не располагала силами победить русского колосса, а потому ей надлежало сначала решить европейские проблемы, сплотить вокруг себя союзников, и лишь потом выступать [1]. Этим объяснялась любовь Бонапарта при заключении Тильзитского мира (июнь-июль 1807), подхваченная Александром I, делавшим хорошую мину при плохой игре.

Вскоре Александр, войдя во вкус французских уступок, скатился в русло безумной внешней политики своего отца, и две великие континентальные державы принялись делить Европу, наблюдая друг за другом для нанесения смертельного удара. Бонапарт толкал царя к войне со Швецией по схеме размена Скандинавского полуострова на Пиренейский, отвлекая его внимание от более важных европейских земель: *«Вам нужно удалить шведов от своей столицы; вы должны с этой стороны распространить свои границы как можно дальше. Я готов помочь вам в этом всеми моими средствами»*, — так писал он самодержцу [2]. В феврале 1808 года Русско-Шведская война грянула. На ее фоне развивался вялотекущий русско-британский конфликт, вызванный присоединением России к затеянной Наполеоном континентальной блокаде Англии.

Дальнейшие переговоры Александра с Бонапартом завершились Эрфуртским соглашением 30 сентября (12 октября) 1808 года. У корсиканца было вырвано согласие на присоединение к России Дунайских княжеств, но эта уступка была связана с охлаждением от-

ношений Франции и Австрии после низложения Бурбонов в Испании. Австрия вновь начала вооружаться и двигать войска к границам Франции, а Бонапарт в ответ сорил русских с австрийцами по делам Балкан. Подобный секвестр турецких владений допускался Парижем только в обмен на отказ России поддерживать Австрию и Пруссию, с согласием на передел границ последней по французскому плану, предусматривавшему возмещение территориальных потерь побежденного прусского государства в обмен на его антирусскую ориентацию [3, 4]. Александр, в свою очередь, не желал появления на своей границе враждебных Пруссии с Польшей и хотел без такой угрозы подмять оба куска пирога — и на севере, и на юге.

Еще до Тильзита начался русско-турецкий кризис, вызванный попытками России заставить Турцию не сближаться с Францией, которая после захвата Истрии и Далмации (по Пресбургскому миру с Австрией в декабре 1805 года), стала участником передела Балкан. Военные успехи Наполеона сделали турок внимательными к его политическим запросам и породили у них желание укоротить с помощью Франции русские амбиции. В августе 1806 года султан Селим III сместил назначенных в 1802 году по согласованию с Россией господарей Валахии — К. Ипсиланти и Молдовы — А. Мурузи. Тогда же в Стамбул прибыл французский генерал Г. Ф.-Б. Себастиани в качестве советника и координатора мер, принимаемых на востоке против России. Порта не торопилась принимать русские протесты во внимание [5], и тогда, под предлогом, что турецкий Диван готовит вступление своих войск в Дунайские княжества, Александр I приказал русской Днестровской армии генерала от кавалерии И. И. Михельсона перейти Днестр и занять Молдавию и Валахию.

11–13 (23–25) ноября 1806 года армия пересекла Днестр. Главнокомандующий Михельсон в воззвании к населению княжеств обещал вернуть войска в пределы России после того, как султан уволит министров-недоброжелателей и вступит в военный союз с Петербургом. Крепости Хотин и Бендеры сдались без боя. Мирно были заняты Яссы и Галац. Так *«война началась с нашей стороны без формального ее объявления»* [6]. Ее целью первоначально ставились не завоевания, а отвращение султана от французского влияния и точное исполнение Турцией прежних мирных трактатов. По декабрьскому докладу министра иностранных дел России А. Я. Будберга видно, что молодой император поспешил с силовой акцией, поставив дипломатов перед свершившимся фактом. Им ничего не оставалось, как «интегриро-

вать» в свою дипломатию царские неуклюжие средства [7]. В Петербурге, не желающем отвлекать много сил на Турцию во время схватки с Наполеоном, возобладали точка зрения, типичным представителем которой был В. П. Кочубей. Он считал, что поведение России *«не может быть иное, как или поступить к поделу Турции с Францией и Австрией, или стараться отворотить столь вредное положение вещей... ибо независимо, что Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении, нет соседей покойнее турков, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно впредь быть коренным правилом нашей политики»* [8].

Результатом таких установок стало крайне нерешительное ведение военных операций. Дипломаты советовали царю при получении известий об исполнении договоров турками *«приказать генералу Михельсону остановиться там, где он находится. Немедленно уведомить Порту об этом решении»* [9]. Но в Стамбуле хорошо знали, что в Петербурге кроме умеренной существовала аннексионистская партия. К тому же, в Молдове и Валахии были сильны пророссийские настроения. Вскоре после занятия Бухареста жители города самочинно приняли присягу Александру I, за что Михельсону было выражено неудовольствие со стороны Будберга [10]. Убедить Турцию в ограниченных целях не удалось. Воспользоваться неготовностью противника к отпору и с ходу двинуться за Дунай — не помыслили вовсе. Первые стычки произошли под Бузео (Бузэу) и в Бухаресте. Первый бой состоялся 17 (29) декабря под Измаилом. 18 (30) декабря последовало объявление Турцией войны России, полученное в Петербурге 3 (15) января 1807 года. С середины февраля война запольхала [11].

Михельсон умер 5 (17) августа 1807 года, за пять недель до перемирия, заключенного в Слободзее во исполнение 22-й и 23-й статей Тильзитского трактата, предусматривавших сохранение сложившегося после екатерининских войн статус-кво на Балканах и посредничество Наполеона для заключения мира. В секретной части договора указывалось, что при несогласии султана *«Франция обязывается действовать заодно с Россией против Османской Порты, и обе договаривающиеся стороны условятся, чтобы изъять из под турецкого ига и притеснения все провинции европейской Турции кроме Румелии и Константинополя»* [12]. Покладистость Наполеона, вызванная его увязанием в борьбе с Англией в Испании, подтолкнула царя к изменению целей новой русско-турецкой войны: он возжаждал присоединить Молдову и Валахию к России, установив границу с Турцией

по Дунаю. Командующим Днестровской армией 30 августа (11 сентября) был назначен произведенный царем в генерал-фельдмаршалы А. А. Прозоровский. Ему указано было всячески медлить с исполнением условий Слободзейского перемирия. Днестровская армия была усилена, но не в должной мере. Россия начала войну со Швецией, и тем ослабила себя на Дунае.

Престарелый 75-летний князь Прозоровский олицетворял очередную попытку Александра I вернуть на службу «екатерининских орлов». Вопреки пренебрежительному взгляду на князя, распространенному в советской и российской историографии, Прозоровский предпринял энергичные военно-административные меры для наведения порядка и повышения боеспособности войск. *«Вообще следует признать, что заботливость князя Прозоровского о вверенной ему армии была чрезвычайная и распространялась даже на семейства воинских чинов»* [13]. Результат был бы заметнее, если бы усилия не были в основном бюрократическими, сопровождаясь бесконтрольностью исполнения и разного рода «придуриями».

В декабре 1807 года Прозоровский представил императору свой операционный план в двух вариантах, каждый из которых был наступательным. При наличии достаточных резервов (которых ему не дали) князь считал возможным *«далеко двинуться вперед, даже до Адрианополя, особенно пользуясь осенним временем. Но к лучшей удобности надо попытаться взять Варну, откуда по берегу моря пролегает удобный путь в Румелию»*. Из русских военных историков и теоретиков планы Прозоровского положительно оценивал Леер, считая его мышление не хуже чем у Багратиона и Кутузова *«потому, что выбор того или другого образа действий он ставит в зависимость от самого коренного условия, силы, — по правильной его отправной точке»* [14].

Для своей армии Прозоровский составил новую тактическую инструкцию. Согласно ей, *«все движения надлежало производить колоннами, а при встрече с неприятелем быстро перестраивать их в батальонные каре... бой должен начинаться всегда пехотою и артиллериею, но отнюдь не кавалерией, которая при атаке будет только препятствовать действию ружейного и пушечного огня. К тому же сравнительная малочисленность нашей кавалерии, не может иметь шансов на успех при встрече с многочисленною турецкою конницею. Действие пехоты, главным образом, должно быть основано на ружейном огне. — «В штыки отнюдь не метаться: от того можете быть совершенно разбиты: а огнем и в строевом порядке себя держа, можете втрое сильнейшего*

от себя неприятеля верно разбить». Кавалерии предписывалось: «Из пяти эскадронного полка 2 эскадрона высылаются для преследования, а остальные 3 идут в сомкнутом порядке на известном расстоянии, для поддержания высланных вперед» [15].

Это было лучше, чем пыжиться на Суворова, не понимая сути его «науки побеждать». Но опять же, по описанию А. П. Ермолова, обучение действиям по инструкции велось неудовлетворительно: *«Фельдмаршал не переставал твердить, что приучает войска к маневрам. Подверженные нестерпимому зною войска очевидно изнурялись» [16].* А. Ф. Ланжерон вспоминал, что педантичность фельдмаршала и злоупотребление им нарядами на караульную службу *«страшно утомляли войска»*. Переутомление вело к распространению болезней и побегам рекрут, учащавшимся вопреки всем усилиям командования [17]. Идеалом для подражания у Прозоровского был Румянцев, копировать которого ему удавалось больше в придириках, чем вещах полезных.

Близко сойдясь с Кутузовым в Киеве и ссылаясь на свои слабые физические силы, князь Прозоровский в декабре 1807 года попросил Александра I прислать ему в помощники Михаила Илларионовича, *«который почти мой ученик и методу мою знает»*. Нужда в расторопном помощнике была острая. По впечатлению А. М. Тургенева, князь походил тогда более на движущуюся мумию, нежели на человека; он принужден был одеваться в корсет, державший его тело прямо, но упрямо выходил и выезжал к армии. Эти слова человека, считающегося сторонником прусской системы, вызвали яростные нападки советских историков, объявивших их *«пустой хвастливой фразой... главным образом потому, что М. И. Кутузов учился воевать по методу П. А. Румянцева и А. В. Суворова» [18].*

Однако, Румянцев не отличал Кутузова, удалив его из своей армии. Суворов тоже не приближал к себе Михаила Илларионовича, а при Павле I и вовсе начал сторониться его. Кутузов неплохо чувствовал себя при дворе, был награждаем и шел в служебный рост при германофилах Петре III и Павле I. Мы видели, что шляхетским кадетским корпусом он руководил в прусском стиле, а его «Примечание о пехотной службе вообще и о егерской особенно» написано в духе прусской линейной школы. В кампании 1805 года будущий «спаситель отечества» был школастом, а на плацу — мастером парадов как заправский пруссак. Поэтому к выбору Прозоровского надо относиться более вдумчиво. Конечно, Кутузов не был его учеником в полном смысле этого слова, но подходы Михаила Илларионовича к военно-

му делу главнокомандующим одобрялись, иначе речи не пошло бы о совместной службе и командной работе. К тому же, сам культовый вояка, втираясь в доверие к Прозоровскому, *«постоянно повторял, в присутствии фельдмаршала в особенности, что в военном деле он только ученик князя. Почтительная скромность ученика в скором времени совершенно овладела состарившимся учителем»* [19].

4 (16) марта 1808 года Кутузов с 8-й и 22-й дивизиями был направлен в Молдавскую армию, и в начале апреля, после хлопот по укомплектованию войск, выехал в Яссы. На подъем ему были пожалованы очередные 10 тыс. рублей и удвоены столовые деньги до 12 тыс. рублей в год. У Прозоровского он получил под командование главный корпус [20]. Армия в это время бездействовала. Сохранялось перемирие, на фоне русско-шведской войны шли политические игры, в которых колебались, не вывести ли временно войска из княжеств для вящего обмана Бонапарта. А он тайно склонял Турцию к продолжению войны с Россией. В сентябре на Балканы стали прибывать новые турецкие войска. Осложнились отношения с Австрией, недовольной, что по Эрфуртским соглашениям раздел Турции может состояться без ее участия [21].

Бурные беспорядки, начавшиеся в некогда блистательной Оттоманской Порте, толкали Александра I как можно быстрее реализовать французские уступки. В 1807 году султан Селим III был свергнут и убит. В декабре 1808 года, после нового кровавого бунта янычар в Стамбуле, приведшего к гибели визиря Мустафы Байрактара (которого русские обхаживали для переговоров), и усилению профранцузской политической партии, царь выдвинул султану Махмуду II надменные условия. Они состояли в признании русско-турецкой границы по реке Дунай и независимости Сербии [22]. Это завело переговоры в тупик. Весной 1809 года вновь разгорелась война, принявшая для России неожиданно малоуспешный характер. Турок, как и шведов, субсидировали англичане, стремившиеся расстроить континентальный Эрфуртский стговор.

Царь посылал армию идти за Балканы, а она споткнулась уже в Молдавии. Ни старик фельдмаршал, ни Кутузов, которому он доверился, не были способны вести наступательную кампанию. *«Прозоровский страшно ошибся в своем выборе... Кутузов участвовал во многих сражениях и... свободно мог судить как о плане кампании, так и об отдаваемых ему приказаниях. Ему легко было различить достойного начальника от несоответствующего и решить дело в затруднительном*

положении, но все эти качества были парализованы в нем нерешительностью и ленью физической и нравственной, которая часто и была помехой в его действиях... Слишком полный и даже тяжеловесный, он не мог долго сидеть на лошади ... после часового ученья... он уже не годился больше ни для какого дела. Эта же лень его простиралась на кабинетные дела... он подписывал все, что ему ни подавали, только бы поскорее освободиться от дел, которым он и так-то отдавал всего несколько минут в день, возлагая их главным образом на дежурных генералов армии. Вставал он очень поздно, ел много, спал три часа после обеда, а затем ему нужно было еще два часа, чтобы прийти в сознание. Кутузов ужасно легко подчинялся женскому влиянию, и женщины... господствовали над ним самым неограниченным образом» [23].

Другие биографы тоже отмечали лень Кутузова ко всему, что не входило в круг его интересов: *«Любимым также занятием его, особливо когда не имел он случая разговаривать, был сон»* [24]. *«Он был добр, остроумен, но горяч, вспыльчив, и в то же время беспечен, ленив на ученье, любил долго спать и нежиться»* [25]. Пока события шли по неспешным планам Михаила Илларионовича, позволяя не напрягаться, все по видимости оставалось хорошо, и он служил с Александром Александровичем «душа в душу». Но как только пришлось не маршировать «ать-два», а воевать, «ученик» Суворова оконфузился со штурмом Браилова (Брэила) на Дунае, который до него не единожды брали русские войска.

8 (20) апреля 1809 года корпус Кутузова обложил крепость, начав окружать ее редутами и форштадтами. 16 (28) апреля, заботясь *«больше об экономии, нежели о взятии крепости»*, провели бомбардировку, написали хорошие репортажи об оной, и на два дня успокоились [26, 27]. Перед штурмом, назначенным на 03:00 часов 20 апреля (2 мая), в интервале от полуночи до трех часов ночи, была запланирована повторная короткая бомбардировка, должна завершиться холостыми залпами, когда под угрозой огня собственных батарей окажутся штурмующие колонны. Она была сорвана допущенными рассогласованиями. Сигналом к штурму был зачем-то двойной, с интервалом в 15 минут (в 02:45 и 03:00) пуск ракет [28]. Не были обеспечены дисциплина подачи сигналов и правильное их понимание войсками. Думали запутать турок, а запутали сами себя.

Составленная Кутузовым вместе с генерал-майором инженерной службы Гартингом диспозиция, с которой согласился Прозоровский, не учитывала опыт штурма Измаила в 1790 году. Тогда Суворов при-

казал пускать сигнальные ракеты не в разное время, а еженощно с интервалом в 24 часа, чтобы приучить к ним турок, не допустив при этом путаницы у себя [29]. Не полагаясь на ракеты, он оповестил командиров о назначенном часе атаки, велел сверить все карманные часы. В результате, несмотря на сильный туман, колонны пошли на приступ одновременно [30]. Мощная бомбардировка была проведена накануне штурма, не давая туркам времени исправить повреждения. Александр Васильевич лично следил за обучением солдат и подготовкой средств эскалады, твердо держал в своих руках управление войсками, обеспечив решительный приступ.

А перед штурмом Браилова не было проведено должного учения войск. Диспозиция и сигналы не были доведены до большинства командиров. Для подъема на стены была заготовлена 21 лестница (против 70 у Суворова под Измаилом). Речи не было об инспекции наступающих колонн, позволившей Суворову получать оперативную информацию о ходе штурма и реагировать на боевые события. Хуже того, штурм не преследовал необходимых для такого предприятия решительных целей. Кутузов хотел овладеть крепостным ретраншементом, после чего продолжить осаду в надежде, что турки сдадутся. Согласно «диспозиции для штурма Браиловского ретраншемента» и предписаниям Кутузова в адрес П. К. Эссена 3-го и командующего флотилией Д. С. Акимова: *«Штурм сей произведен будет только на левой фланг неприятельский противу правого нашего вверху Дуная по течению»*. По другим направлениям затевались ложные, так называемые *фос-атаки* [31]. Суворов тоже не чаял, что все колонны взберутся на вал, но понимал, что если отдать приказ о демонстрациях, — не удастся добиться решимости атакующих и приковать силы обороняющихся к второстепенным направлениям. Смущен был и Прозоровский: *«Как это — постоянно повторял он, — возможно атаковать только четвертую часть крепости?»* [32] Но Кутузов отстаивал свою диспозицию, и после колебаний штурм был решен.

Существовала опасность, что русские войска бросятся на приступ и ложные атаки разновремененно. Плохо было бы, составь рассогласование 15 минут между сигналами. Но вышло еще хуже: хотя штурм был назначен на 3 часа ночи, одна из трех колонн выступила по первой случайной ракете: *«В 11 часов вечера подан был сигнал к атаке»*. Колонна генерал-майора, князя В. В. Вяземского бегом взобралась на вал. Быстрота приступа *«не дала неприятелю времени оправиться от замешательства»* [33]. Если бы она была поддержана, штурм мог

увенчаться успехом. Но взаимодействие развалилось, и охотники колонны Вяземского были сбиты с крепостного вала.

Внимательный взгляд на документы открывает, как могло случиться такое. Распоряжения поздно отдавались и еще позднее поступали к начальникам отрядов и колонн. В диспозиции, составившейся 18 (30) апреля, ни время начала действий, ни вид сигналов к ним указаны не были. Там сказано только: *«О часе атаки будет приказано отрядным начальникам»*. Время и сигналы были определены позже, в отдельных предписаниях Кутузова в адрес П. К. Эссена, С. М. Каменского 1-го, Е. И. Маркова, Д. С. Акимова, составленных 19 апреля (1 мая) в неизвестном часу [34], а в ночь с 19-го на 20 апреля (2 мая) уже надлежало быть штурму. Опаздывали и секретничали как при Аустерлице. Суворов под Измаилом поступил яснее, издав диспозицию заблаговременно, и прямо в ней указав: *«За два часа перед рассветом по данному сигналу ракетой войска... идут к штурму на крепость»*. У него тоже возникли дополнения к диспозиции штурма Измаила, но Суворов дал их не отдельными предписаниями, а назвал: *«Дополнение к диспозиции штурма»* [35], подчеркивая, что их надо состыковать с основной диспозицией и довести до исполнителей.

Разница методик планирования объясняет, почему войска не поняли Кутузова. При первом же знаке, похожим на сигнал, ударил Вяземский. Его поддержал только проявивший инициативу Эссен, располагавший малыми и неподготовленными силами (отряду Эссена предписывалась фос-атака). Остальные две колонны генералов Репнинского и Хитрова задержались. Мнение Петрова о том, что Вяземский должен был выполнять ложную атаку (и тем не только по времени, но и тактически нарушил план Кутузова), несостоятельно. По диспозиции к штурму он возглавлял 3-ю ударную колонну. Неразбериха нарастала. Фанагорийский полк был почти полностью перебит дружественным огнем 29-го егерского полка, принявшего в темноте фанагорийцев за турок [36]. Засевшие во рвах и рывинах дезорганизованные войска панической пальбой поражали на валу своих же, с трудом забравшихся наверх героев-охотников.

Вместо того, чтобы прекратить дезорганизованный бой, Кутузов и пользовавшийся его донесениями Прозоровский ввязались в мясорубку. Задержавшиеся колонны стали выступать одна за другой. Естественно, первыми по исполнению и нерешительными оказались ложные атаки, которые, вслед за ударом Вяземского, остерегли врага. *«Едва... двинулись ко рву, то фальшивая атака начата»* (это

замечание Прозоровского, превратно понятое Петровым, относится к действиям отряда Эссена, пошедшего на помощь Вяземскому впереди колонн Репнинского и Хитрово). Так туркам, оправившимся от замешательства, было позволено перебрасывать силы гарнизона на угрожаемые участки периметра обороны и громить разновременно идущие на штурм колонны, а затем и вводимые русским командованием в бой резервы. Все закончилось сидением русских войск во рву против стрелявших в них и скидывавших на их головы все, что ни попало, турок. С рассветом открылась картина истребления стоически гибнущих без приказа на отход полков. Для прикрытия отступления Прозоровский наконец-то приказал открыть огонь из всех батарей. Он рапортовал царю, что *«атака произведена дурно»* [37].

По Лееру: *«Главные причины неудачного штурма Браилова сводятся к: 1) недостатку его подготовки, и 2) безобразному его ведению»*. Раскрывая свое суждение, теоретик говорит: *«Каждое сражение состоит из двух главных актов: подготовки и решения (атаки). Все частные эпизоды сражения, относящиеся к подготовке, должны находиться между собою в связи во времени... разыгаться один после другого; все же частные эпизоды, относящиеся к решительному акту атаки, должны находиться между собою в связи по отношению к пространству... разыгаться один возле другого, одновременно. Сражение, в котором этим требованиям удовлетворено, является цельным, упорядоченным и представляет собою образец проявления тактического искусства... оно ведено планообразно (как говорят немцы «planmassig»), и наоборот, сражение, в котором эти условия не выполнены, представляет собою отсутствие тактического искусства, так как оно ведено в хаотическом беспорядке. Такое сражение будет собственно вождением войска на убой»* [38].

Михаил Илларионович, как и после Аустерлица, попытался найти козла отпущения внизу. Он выдал генералу Е. И. Маркову предписание о расследовании действий колонны под командованием Вяземского, на основании слухов, что она *«не достигла назначенного ей пункта, когда уже стрелки ее восходили на вал и лежали там целый час в напрасном ожидании колонны»*. Но Марков не поступился честью, от- рапортовав о неосновательности слухов и невиновности Вяземского [39], а потому Кутузов, защищаясь от обвинений, рискнул возложить вину на Прозоровского, считая причиной неудачи неподачу подкреплений от главнокомандующего. До настоящего времени эта версия событий остается базовой в консервативной историографии. Цар-

ские историки обвиняли также ныне забытого всеми Гартинга (благо, иностранец). Апологетами используется один и тот же прием: скрыть важные факты и отношения, а потом на купюрах делать выводы. Без купюр суть такова:

1. Диспозицию штурма Браилова Прозоровский поручил составить Кутузову, как командиру соединения, назначенного выполнять задачу, а тот лениво перепоручил это дело Гартингу. Кутузов должен был позаботиться о своевременной доставке и правильном понимании своих отдельных предписаний о сигналах (Гартинг не мог этого делать по определению). Следовательно, вина за задержку с доставкой к войскам диспозиции, мудрствование с сигналами, низкую дисциплину их подачи и ошибку подчиненных, повлекшую за собой преждевременное начало штурма с развалом взаимодействия отрядов и колонн, лежит на Михаиле Илларионовиче, и более ни на ком.

2. Вина за содержащиеся в диспозиции тактические пороки разделяется авторами — Кутузовым и Гартингом с Прозоровским, который ее утвердил. Кто, спрашивается, включил в диспозицию следующую ахиною: *«Действующим колоннам позволяется закричать ура!, но не более двух раз и непродолжительно, и то тогда, когда головы сих колонн придут ко рву, с каковым криком и спускаются в оный»* [40]. Как это похоже на приказ Кутузова 1805 года о действиях против французов: *«Наблюдать весьма строго... чтобы никто сам собой не отважился кричать победоносное Ура! пока сие не сказано будет по крайней мере от бригадных генералов»* (см. гл. 3.1.).

3. Вина за отсутствие осмысления обстановки и задержку приказа прекратить прувальный штурм лежит не только на Прозоровском как на присутствующем в бою главнокомандующем, но и на командире осадного корпуса Кутузове. По своему положению и влиянию на главнокома, он мог отдать или хотя бы испросить такой приказ, но не сделал этого, принесся в жертву жизни тысяч солдат своему принципу никогда не перечить старшим. В итоге Прозоровский с большим опозданием, *«сердечным соболезнованием и пролитием слез, принужден был велеть ретироваться»* [41].

4. Как на Прозоровском, так и на Кутузове лежит вина за плохую подготовку, вылившуюся в неумение офицеров и солдат действовать в ретраншементе и банальную нехватку штурмовых лестниц [42]. Атаковать крепость с трехдневным перерывом в канонаде, давая врагу время на исправление повреждений, — тоже идея поразительная. Суворов два дня перед штурмом Измаила громил крепость артиллерией,

как ядрами, так и просто не давая врагу спать, «пустыми зарядами до самого рассвета» [43]. Утверждается, что Прозоровский самонадеянно полагал, будто крепостная артиллерия подавлена, но турецкие батареи «действовали убийственно» [44]. Кто же внушил ему эту ложную уверенность? Опять Кутузов, рапортовавший о больших успехах обстрела. Эта радужная чепуха зафиксирована в журнале военных действий главного корпуса русской Молдавской армии, и каждый может прочесть, чем Михаил Илларионович «кормил» Прозоровского в сборнике документов под редакцией Бескровного. Перед Аустерлицем культовый полководец убаюкивал всех своим «победным» Кремским боем, перед Браиловым — «результативным» обстрелом.

Почему действие осадных батарей оказалось слабым, нам разъясняет генерал Н. А. Епанчин, описывая такой же неудачный и кровавый штурм 1828 года: местность вокруг Браилова не позволяла устроить анфиладные батареи (с которых простреливались бы линии крепостных укреплений); пришлось ограничиться демонтированными (прямого, точечного огня) [45]. Разумеется, то же самое случилось и в 1809 году. Для того, чтобы демонтированным огнем разгромить крепостную артиллерию, необходима мощная артподготовка с надежным визуальным контролем поражения амбразур и бойниц, а затем — ее повторение для уничтожения исправлений. Неужели, имеющий профильное инженерно-артиллерийское образование Кутузов этого не знал?

Участник штурма, будущий генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич вспоминал: *«16-го апреля... инженерный генерал Гартинг вместе с Кутузовым стали уговаривать фельдмаршала решиться на штурм Браилова... Говорилось, что значительная часть неприятельской артиллерии подбита, хотя никаких не имелось на то данных, что рвы были неглубоки и без палисад, а потому «эскалада, говорил Кутузов, незатруднительна». Двое суток фельдмаршал не соглашался, наконец, потребовал предварительных соображений о предполагаемом штурме»* [46].

Для штурмующих войск этот обман закончился так: *«Я стоял на гласисе и под истинно адским огнем торопил людей. Уже часть колонны была во рву; я нагнулся, чтобы соскочить самому, как в эту минуту почувствовал удар в голову и упал без памяти. Через несколько времени, как будто от сна пробужденный... увидел я, что рассвело; но сильный огонь в крепости еще не умолкал... Между воплей раненых слышу слова: Измена! Лестниц нет! ... Раненые солдаты ползали по рву и прятались по-над стеною от выстрелов с валу... Видя все это и лежа во рву, я...*

рассуждал, что... мы более трех часов уже во рву и не взойшли еще на вал; что огонь неприятельский так же силен, как и прежде; что лестниц нет, и что гласис и ров вокруг меня усеян мертвыми; стало быть, с сей стороны вся сила неприятеля. Это побудило меня пойти и донести о том фельдмаршалу... Недалеко от батареи встретился Толь, посланный от Кутузова для узнания, и спрашивает: «каково штурм идет?» — Поди, посмотри, отвечал я; но, видя, что он не решается идти, я сказал ему, на чем дело остановилось. Потом встретил Кайсарова, адъютанта Кутузова, и взял у него казачью лошадь, на которой доехал до фельдмаршала. Фельдмаршал долго не верил моим словам; многие говорили, что я ранен и в помешательстве... Замечание предстоявших взорвало меня, и я с негодованием стал говорить, что третья колонна не отбита, а истреблена; что с этой стороны вся сила неприятеля, и нет надежды на успех и что остается одно средство: приказать колонне левого фланга обратить фальшивую атаку в настоящую... Фельдмаршал послал за Кутузовым, который был на батарее. В это же время пришли известия от других колонн, что все отбиты и частью истреблены. Фельдмаршал хотел сам вести резервы, как приехал Кутузов и, найдя фельдмаршала в отчаянии, уговаривал, чтобы не так беспокоился... советовались и медлили, а истребление людей во рву продолжалось... Наконец, приказано отступить. Мнение мое, — обратить «фос-атаку» в настоящую не было исполнено, потому что у четвертой колонны не было лестниц» [47].

В этой связи следует не отвергать, а прислушаться к словам Прозоровского, писавшему 20 мая 1809 года русскому консулу в Бухаресте К. К. Родофиникину: «Предпринятый мною на ретраншемент крепости штурм остался без успеха, поелику доходившие до меня сведения оказались несправедливыми» [48]. Было убито 2229 и ранено 2550 чел. из состава 8-тыс. русского корпуса. По другим сведениям «потеря наша простиралась до 9000 человек» (вместе с убылью в отрядах, не входящих в состав корпуса Кутузова и брошенных ему на помощь) [49]. М. И. Богданович указывает цифру убитых и раненых русских воинов 5000 [50]. Понести такие потери в активной операции с пассивным расположением обороняющегося противника можно было, только упорствуя в тактической глупости.

Схоластику худшего образца являли собой приказы, отдаваемые при отходе: «Получив приказание отступить, солдаты тихо вылезали из рва, и, можно сказать, перед дулами неприятельских ружей строили фронт и затем, расстреливаемые сзади, отступали тихим шагом, смыкая ряды, которые пустели с каждым шагом» [51]. Разве так, методом

прусских вымущтрованных построений, командиру корпуса Кутузову следовало организовать отступление своих людей? В ходе отступления как нельзя лучше проявляются особенности выучки войск и приемы командования. В один день их не изменишь, а потому справедливо полагать, что безумная сцена отразила суть тактической подготовки, руководимой Михаилом Илларионовичем в свободном от боев 1808 году. Это была работа на турок, — очередная мясорубка, произошедшая в той же схеме командных отношений, что при Аустерлице (пару Кутузов-Вейротер заменила пара Кутузов-Гартинг, а нависающего сверху царя — Прозоровский). Как и при Аустерлице, у Браилова Кутузов то бодрился, то на всякий случай хныкал о преждевременности штурма, и мало сделал, чтобы подготовить сражение. Он не предвидел нового фиаско, что видно из его письма супруге накануне приступа: *«Надеюсь скоро взять Браилов»* [52].

Эгоизм Кутузова и его наплевательское отношение к жизням солдат видны в переданной историками сцене: *«Старый фельдмаршал, видя бедствие своих войск, рыдал, падал на колени и рвал остатки своих седых волос. Стоявший возле него Кутузов молча смотрел на все и только сказал: «Не такие беды бывали со мною, я проиграл Аустерлицкое сражение, решившее участь Европы, да не плакал»* [53, 54, 55]. Это бесчувствие Михайловский-Данилевский умудрился выдать за *«обычное, неизменное хладнокровие»* [56]. Если имелось хладнокровие, где были подготовка и приказы?

Тяжелое поражение, случившееся вслед за неудачей М. А. Милорадовича при Журже, где атаковавшие аналогичную крепость русские войска взяли ретраншемент, захватили 13 пушек (по Богуславскому — 44 орудия, 64 знамени и другие трофеи), уничтожили до 2000 турок, но были отброшены вражеским подкреплением, прибывшим из Рущука, потеряв до 700—720 чел. [57, 58], произвело гнетущее впечатление на армию. Прозоровский попробовал перейти к правильной осаде Браилова, но потери и уныние в войсках были так велики, что в начале мая он снял осаду. Ободрившиеся турки выслали в преследование отступающих русских колонн свою конницу [59]. Кампания 1809 года прервалась. Не случайно, ура-патриоты и апологеты о Браиловской трагедии не упоминают, а если приходится — винят в ней одного Прозоровского. Он, бесспорно, виноват, чего сам не отрицал. Но кто мешает уразуметь, что нельзя в одном случае полностью спихивать ответственность за поражение с главнокомандующего на лицо, составившее диспозицию к бою (Аустерлиц), а в другом — на-

чисто обелять автора диспозиции, возлагая всю ответственность на главнокомандующего (Браилов)? Под Браиловом вина Кутузова выпирает рельефнее еще и потому, что помимо составления диспозиции, он был командиром осадного корпуса, — штурмующих крепость войск, в то время как Вейротер прямой власти над армией, сражающейся под Аустерлицем, не имел.

Никаких тактических и практических выводов со стороны М. И. Кутузова опять не последовало. Не из его документов, а из реляций С. М. Каменского 1-го и А. А. Прозоровского Александру I мы узнаем, что турки действовали *«жесточайшим огнем... осыпавшего наших картечами, так сказать, как градом», «сильною ружейною пальбою»*. Там же выясняется, что на каждую колонну было изготовлено всего по 7 лестниц, без запаса, от которых в бою осталось *«не более как три или две, да и из них у некоторых ступеньки переломались»* [60]. Это в приведенном Петровым приказе Прозоровского читаем: *«Не могу надивиться, отчего теперь ввелось в войсках, что в поле, где надобно стрелять, там на штыки идут; тут, где штыки нужны, производят пальбу»* [61].

В отличие от главнокомандующего, чья реляция царю похожа на повинную и от Милорадовича, не побоявшегося ответственности прекратить штурм Журжи, когда потери вышли за границы допустимых, и возложившего вину за неудачу на себя, Кутузов не признавал вину, стараясь преуменьшить масштабы поражения и потери. В журнале военных действий главного корпуса Молдавской армии было записано: *«После сильного бомбардирования накануне 20-го числа был некоторой опыт штурма на брашловские ретраншементы на левой неприятельский фланг»*. В письме супруге Михаил Илларионович сообщил: *«Чтобы ты, мой друг, не испугалась слухов на публике... Делали малою частию армии пробу на штурм города, который не удался, и мы потеряли несколько людей»* [62]. Смотрите, как маскируется промах в управлении артиллерией. Не было сильной бомбардировки перед штурмом, она имела место 16-го числа. Но написано так, что на лжи поймать трудно: из текста неясно, к какому из двух действий, — бомбардировке или штурму относится дата «20-го числа». Все написанное Кутузовым или по его указанию надо проверять фактами, и ничего нельзя принимать на веру.

При таком разном понимании службы и ответственности, стычка между Кутузовым и Прозоровским была неизбежна. По характеристике Ланжерона, Прозоровский имел ограниченный военный та-

лант, но был *«человек строгий, неподкупный и высоко честный»* [63]. Отношения Кутузова с главнокомандующим испортились настолько, что в конце мая фельдмаршал написал письмо Аракчееву, обвиняя своего «помощника» в интригах и просил убрать его из Молдавской армии. Аракчеев, полагая, что *«интриги и здесь при дворе дурны, а в отдаленных армиях совсем терпимы быть не должны»*, доложил о конфликте императору. Удовлетворяя просьбу Прозоровского, 4 (16) июня царь назначает бывшего «лучшего генерала» Молдавской армии командующим резервным корпусом той же армии. Но Прозоровский, вообще не желая иметь Михаила Илларионовича под рукой, отправляет рескрипт обратно. И тогда Александр I назначает Кутузова Литовским военным губернатором [64].

16 (28) июня 1809 года М. И. Кутузов сдал главный корпус генерал-лейтенанту П. К. Эссену и отбыл в Вильну. Тут бы в его карьере который раз начаться закату, если бы не дальнейшие благоприятные обстоятельства. В июле войска А. А. Прозоровского перешли через Дунай, заняв Исакчу, Тулчу и Бабадаг, но лето выдалось сырое, в полках началась эпидемия лихорадки. 9 (21) июля отряд генерала Исаева потерпел неудачу со штурмом крепости Кладов, потеряв около 1000 чел. Через месяц, 9 (21) августа 1809 года больной, растерянный и раздраженный отсутствием прежних побед старый князь Прозоровский скончался почетной смертью военачальника в своем лагере. Это избавило Михаила Илларионовича от нажитого им недоброжелателя и критика.

Разумеется, Кутузов, защищаясь, утверждал, что фельдмаршал сам интригует против него [65], но с каких пор взаимных обвинений было достаточно, чтобы одно отвергать, а второе брать на веру? Если в советский сборник документов Кутузова попали его защитительные письма, то почему за обрезом оказались листы Прозоровского и свидетельства участников событий, которые надо вычитывать по малодоступным источникам? Когда в качестве доказательств выступают категорические заявления против того, на что читатель не может кинуть взгляд, и моральные призывы «не порочить русских солдат», — такая позиция объективной признаваться не может. Между тем, Михаил Илларионович уличался *«в действиях несколько странных. В Петербурге до сведения Государя стали доходить отзывы Кутузова, крайне недружелюбные по отношению к старику фельдмаршалу. В письмах своих Кутузов очень будто бы резко и неодобрительно отзывался о распоряжениях по армии князя Прозоровского, при чем тщательно*

умалчивал, что все эти распоряжения внушались главнокомандующему им же самим» [66].

А. П. Щербатов описывает интригу, раскрытие которой толкнуло Кутузова настаивать на штурме Браилова: «Прозоровский... предполагал овладеть Мачином и тогда только с помощью нашей придунайской флотилии, стеснив блокаду Браилова со стороны Дуная, приступить к более энергичным и решительным действиям. Овладеть Мачином было поручено генералу Зассу... Незначительность укреплений Мачина и слабый его гарнизон допускали вероятность успеха». Неожиданно появился рапорт А. П. Засса об отказе от штурма. Оказалось, что генералу, плохо знавшему русский язык, текст рапорта подsunул на подпись один из доверенных офицеров Кутузова. «По мере того как Паскевич разъяснял содержание рапорта, Засс искренно ужасался. «Кто же писал вам сей рапорт?» спросил его Иван Федорович. «Подполковник... присланный ко мне Кутузовым», отвечал, чуть не плача, генерал». Прощаясь с Паскевичем, Засс умолял «защитить его честь», и доложить фельдмаршалу, что он не только не отказывается от штурма Мачина, но просит дозволить ему предпринять его в течение следующих суток, а что за успех он ручается. Возвратясь к фельдмаршалу Паскевич застал у него Кутузова. По видимому, Михаилу Илларионовичу было крайне неприятно выслушивать доклад и он с жаром... настаивал, чтобы Засса отозвали». Старый фельдмаршал более часа спорил со своим помощником. В конце концов, он согласился с Кутузовым, а тот на следующий день для защиты своей репутации решился штурмовать Браилов, вопреки провалу общего замысла Прозоровского вследствие учиненного им саботажа [67].

Как закончился штурм, спланированный из конкурентно-придворных, а не военных соображений, мы знаем. Единственное, что удалось Кутузову повторить из опыта совместной службы с Суворовым, — это собственные интриги. Да, в атаку Браилова было пушено 8 тыс. русских войск против 12 тыс. оборонявшихся турок. Но Суворов взял Измаил при таком же соотношении сил, потеряв убитыми и ранеными 1/6 часть, в то время как потери под Браиловом составили от 60 до 90 % атакующих. Они были «почти поголовно перебиты или переранены» [68]. Разве эти солдаты, угробленные хитрым Кутузовым и доверчивым Прозоровским, не нужны были отечеству, и некая высшая патриотическая правда состоит в том, чтобы уклоняться от анализа причин поражения, восславляя одного из виновников их гибели, а другого растаптывая, и унижать тем всех русских фельдмаршалов?

Когда в 1770 году армия П. И. Панина штурмом взяла Бендеры, потеряв при этом более 2,5 тыс. чел. (и еще 3,5 тыс. в ходе осады), на сообщение о цене победы Екатерина II отреагировала словами: *«Чем столько терять и так мало получить, лучше было вовсе не брать Бендер»* [69]. Панин был награжден, но на несколько лет отдален от дел, попав в немилость. В 1788 году Г. А. Потемкин разругался с А. В. Суворовым из-за 365 убитых и раненых под Очаковым солдат. По приговору военного суда был отставлен от службы генерал-поручик Ю. Б. Бибииков за потерю 2200 из 7600 чел. в Анапской экспедиции, проваленной им в феврале-марте 1790 года. При этом вытерпевшие голод и стужу, переправившиеся через вздутую паводком Кубань, не бросившие ни одной пушки, и не поднявшие бунт против командования солдаты были награждены Потемкиным и Екатериной: *«Всем нижним чинам, участвовавшим в этом походе, пожалованы были серебряные медали, на голубой ленте, с надписью: «За верность»* [70]. Ничего подобного не произошло по итогам Браиловской трагедии. В рескрипте Александра I князю Прозоровскому от 10 (22) мая 1809 года было сказано: *«Разделяя с вами сожаление о неудаче... я далек, однако же, от того, чтобы уменьшить сим происшествием степень доверенности моей к ревности, знаниям и опытности вашей»* [71]. Кутузов также не понес наказания, будучи перемещен на другую ответственную должность с величайшим тактом и осторожностью. Как говорится, почувствуйте разницу между временами.

Апологеты Кутузова очень кратки о военных действиях под Браиловым. В описании Михайловского-Данилевского *«Русское войско, постигнутое каким-то остоленением, терпело великий урон. Не подаваясь на вал, оно оставалось во рву»* [72]. А что же ему делать-то оставалось, войску, — без лестниц, без артиллерии, при утрате внезапности, под угрозой дисциплинарной расправы за оставление поля битвы? Бантыш-Каменский, ничтоже сумняшеся, сообщил читателям: *«Михаил Илларионович получил приказание отправиться в армию Молдавскую; прибыл в главную квартиру в начале 1808 года, но... тяготился своим назначением и вскоре, по неудовольствию с фельдмаршалом, определен в Вильну военным губернатором (1809 г.) Солдаты, расставаясь с ним, проливали слезы. Он, подобно Суворову, умел владеть сердцами: стоял за своих горю; заботился об улучшении пищи храбрых воинов, ел с ними кашницу»* [73]. Не вдаваясь в такое бесстыдство, еще более краток Синельников: *«Кутузов... недолго оставался в Молдавской армии. По непредвиденным обстоятельствам, 3 июля 1809 года он высочайше опреде-*

лен был снова Виленским военным губернатором, куда в том же месяце и выехал» [74]. Молчаливое достоинство сохранил Бутурлин: «Предприятие сие (штурм Браилова) не удалось от некоторых ошибок при исполнении оного. Штурмующие колонны были отражены с потерей» [75].

В русский биографический словарь, с подачи Петрова, Богдановича и Гейсмана попала формулировка: «Со стороны Кутузова было сделано все от него зависящее, в видах обеспечения успеха штурма, но ему не было дано возможности распоряжаться операциею вполне самостоятельно» (?) [76]. Ну, не было у Михаила Илларионовича возможности толково диспозицию написать, учения провести, лестницы заготовить, сигналы простые выбрать и до исполнителей довести. В успехах обстрела крепости он ошибся, это простительно. В советское же время идеологически бойкие историки так разорались, что донныне российский народ знает лишь то, чего не было, пытается отладить отношения, прообразы которых не существовали, и на этом «фундаменте» ищет себе дорогу в будущее. В том числе, в новых войнах и конфликтах. По военной науке начала XIX в.: «Ежели наступающая армия решается атаковать крепость; то назначает особый, довольно сильный корпус, для ведения правильной осады. Остаток же армии может продолжать свое наступательное движение, или занять позицию для прикрытия осады» [77]. Ровно так Прозоровский под Браиловым и поступил, не сковывая самостоятельность Кутузова. И, после всего — все шишки на него, а командир корпуса не командовал, не виноват..

Наконец, на последний вопрос, мог ли Прозоровский обойти и оставить в тылу Браилов и Журжу, не ошибочным ли было его намерение их взять, большинство военных теоретиков, включая Леера и Жомини, отвечают: не мог. При полученной от царя наступательной задаче стратегия штурма крепостей диктовалась недостатком сил, ибо нечего было оставить в тылу для их длительной осады [78]. В таком свете утверждения Гейсмана в известной биографической статье о Кутузове, что Михаил Илларионович, в пику Прозоровскому и во исполнение требований императора Александра, «находил возможным начать наступление» [79], совсем не красят иконного полководца, являясь очередным свидетельством интриг с его стороны. Зная боевую биографию Кутузова трудно помыслить, чтобы он под свою ответственность перешел в наступление с вражеской крепостью при 12-тыс. гарнизоне за спиной.

Можно отметить и то, что присутствие Кутузова при Прозоровском не умеряло злоупотреблений, процветавших в русской Молдав-

ской армии, а равно в контролируемых ее командованием таможенной и фискальной сферах жизни княжеств. В жуткие моровые ямы превратились госпитали. По слухам: «Более ста тысяч солдат уморили нарочито для того, что гроб в подряде стоил 25 рублей серебром» [80]. Зато личного и родственного Михаил Илларионович не упускал. По свидетельству Ланжерона: «Молдаване тотчас же воспользовались приездом Кутузова, чтобы за деньги купить места в таможенных, которые Прозоровский имел слабость им уступить» [81]. По донесению преемника Кутузова и Прозоровского, князя Багратиона: «Произвольность, которая существовала в прошлом году во взимании различного рода податей в Валахии, лишила обывателей здешних безопасности их собственности, и злоупотребления, которые притом до неимоверной степени достигли, разорили жителей» [82]. В 1809 году Кутузов устроил командировку в Константинополь своего зятя Хитрово. Тот поручения не выполнил, показав себя ветрогоном. «Вообрази себе, — сказал князь Прозоровский Паскевичу, — что этот Хитров наделал! Он, доехав до Рымника, был опрокинут, ушиб будто себе руку и, не дождавшись моего повеления, послал в Константинополь с депешами корнета Бока. Я вовсе не знаю корнета Бока и не могу ему поверить дело, от которого зависит мир или война». Для полноты картины, — корнет Бок обнаружил признаки психического расстройства и был объявлен сумасшедшим [83]. Комментарии, наверное, излишни.

1. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1885. Т. 1. С. 262–263.
2. Соловьев С. М. *Имп. Александр I. Политика — дипломатия.* СПб., 1877. С. 155–156, 165.
3. Там же. С. 167–169.
4. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 2. С. 96–98.
5. Гросул В. *Бухарестский мир 1812 г. и формир. новой ю.-з. границы Рос. // Русин. Кишинев, 2012. № 1 (27). С. 30.*
6. Леер Г. А. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1888. С. 5.
7. Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 488.
8. Соловьев С. М. *Соч. М., 1995. Кн. 16. Работы разных лет.* С. 637.
9. Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 492.
10. Гросул В. *Бухарестский мир 1812 г. и формир. новой ю.-з. границы Рос. // Русин. Кишинев, 2012. № 1 (27). С. 31.*
11. *Хронолог. указ. действий рус. армии и флота.* СПб., 1909. Т. 2. С. 70–72.
12. Гросул В. *Бухарестский мир 1812 г. и формир. новой ю.-з. границы Рос. // Русин. Кишинев, 2012. № 1 (27). С. 34–35.*
13. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 2. С. 36.
14. Леер Г. А. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1888. С. 23–24.

15. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 201–202.*
16. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 114.*
17. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1907. № 9. С. 581.*
18. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 488 с ком. С. 464.*
19. Щербатов А. П. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 38–39.*
20. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 2. Док. № 531. С. 492–493. Т. 3. Док. № 1, 2. С. 3–4.*
21. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 99.*
22. *Там же. С. 108–112, 117, 124.*
23. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1907. № 9. С. 569–570.*
24. Бантыш-Каменский Д. Н. *Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 27.*
25. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 2.*
26. Щербатов А. П. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 55–56.*
27. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 216, 220. С. 167–168, 169–170.*
28. *Там же. Док. № 223–225. С. 175.*
29. Суворов А. В. *Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 621. С. 535.*
30. Орлов Н. А. *Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 56, 64, 93.*
31. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 222–224. С. 172–175.*
32. Щербатов А. П. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 60.*
33. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 225–226, 230.*
34. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 222–225. С. 174–175.*
35. Суворов А. В. *Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 620, 621. С. 530, 533.*
36. Шавров К. *Кр. истор. 11-го гренадерского Фанагорийского полка. М., 1890. С. 31.*
37. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 234. С. 183–184.*
38. Леер Г. А. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1888. С. 31–32, 43.*
39. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 233, 242. С. 181, 190–191.*
40. *Там же. Док. № 222. С. 174.*
41. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 227.*
42. *Там же. С. 231.*
43. Суворов А. В. *Сб. док. М., 1949–1953. Т. 2. Док. № 620. С. 529–530.*
44. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 230.*
45. Епанчин Н. А. *Очерк похода 1829 г. в европ. Турц. СПб., 1905. Ч. 1. С. 363.*

46. Шербатов А. П. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 59–60.
47. Там же. С. 61. См. также: Паскевич И. Ф. Из записок // Рус. Архив. 1889. № 3. С. 411–412.
48. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3, ком. № 2 к док. № 222. С. 174.
49. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 228.
50. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 464.
51. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 228.
52. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 219, ком. № 2 к док. № 222. С. 169, 174.
53. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 228.
54. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 463.
55. Шербатов А. П. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 62–63.
56. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенцев-Кутузов Смол. С. 25.
57. Пирожников А. И. Истор. 10-го пех. Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 99–100.
58. Богуславский Л. А. Истор. Апишеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 304.
59. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 232.
60. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 231, 234. С. 178, 183.
61. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 227.
62. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 230, 238. С. 177, 187.
63. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 3. С. 162.
64. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 271–273, 278. С. 210–212, 215.
65. Там же. Док. № 285. С. 219.
66. Шербатов А. П. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 65–66.
67. Там же. С. 56–60.
68. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 229.
69. Петров А. Н. Война Рос. с Турцией и польск. конфедератами в 1769–1774 гг. СПб., 1866. Т. 3. С. 335.
70. Богданович М. И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турц. СПб., 1852. С. 212–213.
71. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 234.
72. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенцев-Кутузов Смол. С. 25.
73. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 50.

74. Синельников Ф. М. *Жизнь фельдм. Кутузова*. СПб., 2007. С. 160.
75. Бутурлин Д. П. *Картина войн Рос. с Турц. в царств. имп. Екатерины II и имп. Александра I*. СПб., 1829. Ч. 2. С. 54.
76. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 657.
77. Жomini Г. А. *Аналитич. обзор гл. соображений воен. иск-ва*. СПб., 1833. С. 167–168.
78. Леер Г. А. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1888. С. 23, 25, 28–29, 39–40.
79. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 657.
80. Тургенев А. М. *Записки // Рус. Старина*. 1887. № 1. С. 105–106.
81. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина*. 1907. № 9. С. 571.
82. Дубровин Н. Ф. *Турец. война 1806–1812 гг. Прил. к ст. «Кн. П. И. Багратион» // Воен. сб.* 1865. № 1–2. Отд. неофиц. С. 257.
83. Паскевич И. Ф. *Из записок // Рус. Архив*. 1889. № 3. С. 410. См. также: Шерbatов А. П. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич*. СПб., 1888. Т. 1. С. 46.

4.2. КАМПАНИЯ 1810 ГОДА НА ДУНАЕ. Н. М. КАМЕНСКИЙ 2-Й, — УТРАЧЕННЫЙ РОССИЕЙ ПОЛКОВОДЕЦ

На Дунайском фронте продолжилась командная чехарда. К этому времени Александр I отчаялся получить толк от екатерининских старцев. Вопреки ропоту ревнителей системы старшинства, в рост пошли выдвинувшиеся в ходе войн с Наполеоном и шведами П. И. Багратион, Н. М. Каменский 2-й, М. Б. Барклай де Толли. Последнего в армейских кругах наиболее агрессивно обсуждали как выскочку, ибо при производстве в генералы от инфантерии он волею царя обошел 46 генерал-лейтенантов, ранее него получивших свой чин. Все они сочли себя обиженными. Новым главнокомандующим русской Молдавской армией стал свежеиспеченный генерал от инфантерии Багратион. Как и до него Кутузов, он прибыл к совсем ослабевшему Прозоровскому 25 июля 1809 года в качестве помощника и был назначен командовать главным корпусом армии. По смерти фельдмаршала Петр Иванович объявил о высочайшем повелении «*принять главное над армией начальство*». Ему досталось тяжелое наследство. Успехи были невелики, в полках свирепствовали болезни. Единственным средством их профилактики была трехразовая в неделю выдача винной порции: приказывалось водку выливать в воду, чтобы делать ее безвредной для питья. Многие полки сократились до 200 исправных солдат, имея по 800 и более больных [1].

Изучив бумаги армии, Багратион не нашел планов военных действий, Прозоровскому или Кутузову принадлежащих [2]. Приведя в порядок тыл и обезопасив с помощью Ланжерона, одержавшего победу при Фрасине, угрожаемый из Сербии правый фланг, он энергично развернул боевую деятельность. Одной из первых операций нового командующего стал саботированный Кутузовым штурм Мачина, который был легко взят 18 (30) августа отрядом генерала Е. И. Маркова. В тот же день командовавший состоявшими при армии казаками М. И. Платов наскоком овладел крепостью Гирсово. Легко далась русским войскам победа при Рассевате 5 (17) сентября, где 12-тыс. корпус Хозрева-Мехмеда-Паши при 8 орудиях просто разбежался. Русские потери убитыми и ранеными не превысили 60 чел. Примерно 1000 турок продолжили сопротивление, отступив в Силистрию.

Багратиону удалось было соединить основные силы своей армии за Дунаем, у Силистрии. В то же время, турецкий визирь Юсуф, нарушив стратегию, предложенную ему французским советником генералом Себастиани, — избегать генеральных сражений, утомляя русских частыми передвижениями и заставляя осаждать крепости, с главными силами двинулся туда же. Багратион, успевший снова разобщить свои войска, не извлек их из второстепенных пунктов. В результате, 10 (22) октября под Татарицей он сумел лишь преградить турецкой армии путь к Силистрии, но не разбить ее. Штурм крепости стал невозможен ввиду ожидающей подкрепления 30-тыс. группировки турок, расположившейся в двухчасовом переходе от русских позиций. Положение Багратиона осложнялось отсутствием продовольствия и наступлением холодов, вследствие чего он 15 (27) октября снял осаду Силистрии, отступив за Дунай.

Такой оборот дел вызвал большое разочарование в Петербурге. Александр I лояльно относился к задержкам и неудачам Прозоровского, но в результате поражения Австрии в скоротечной австро-французской войне 1809 года соперник был временно устранен с Балкан, и ему загорелось осуществить мечту о дунайской границе. К тому же было ясно: столкновение между случайными союзниками — Францией и Россией — приближается. По меткому выражению С. М. Соловьева: *«В войне 1809 года лежал зародыш войны 1812 года»* [3]. Австрия подписала с Францией Шенбруннский мирный договор 14 (26) октября, а потому не было хуже момента для отступления за Дунай, чем тот, когда его произвел Багратион. Раздражение царя уси-

ливалось тем, что в Стамбуле и Европе сражение под Татарицей объявили «замечательной победой» турок [4].

Князь Багратион критиковался за распыление сил, из-за которого упустил возможность разгромить главную турецкую армию, после чего, несомненно, пала бы и Силистрия. Петр Иванович обострил августейшее разочарование своей прямоотой: «*Предвижу я весьма малую надежду, или лучше сказать почти никакой, чтобы Турция согласилась дать контрибуцию в 20 миллионов пиастров и уступить Молдавию, Валахию, Бессарабию, а также Сербию*», — писал он Н. П. Румянцеву [5]. Для Александра I это означало одно: Багратион — не тот командующий, какого он хочет видеть на Дунае. Победы при Фрасине, Рассевате, капитуляция Измаила перед корпусом А. П. Засса и Браилова перед утершим нос Михаилу Илларионовичу П. К. Эссенем не исправили впечатления. То, что русская слабость на Дунае была плодом бездарной петербургской стратегии держать войска одновременно на всех направлениях, усугубляемой капризными метаниями от одной задачи к другой, самодержцу в голову не приходило. Лишь в середине декабря он высочайше разрешил перевести армию на левый берег Дуная для расположения на зимние квартиры, санкционировав положение, давно сложившееся де-факто [6].

Пока решалась его судьба, Багратион сложа рук не сидел, вырабатывая план действий на кампанию 1810 года, исходящий из раздробленности сил противника и «*состоящий в том, чтобы вторгнуться в Болгарию не в одном каком-либо пункте, но, захватывая по возможности более обширную базу, наступать одновременно на верхнем, среднем и нижнем Дунае*». Исходя из этого, он разделил армию на три части [7]. Плану, направленному государю 12 (24) марта 1810 года, не суждено было осуществиться, хотя, по суждению позднейших царских военных историков, он был неплох и мог пригодиться в последующих русско-турецких войнах. Наоборот, воспринятый в свете Татарицы, план укрепил мнение царя и его окружения в том, что князь Багратион — плохой стратег. 15 (27) марта 1810 года Петр Иванович в своем последнем приказе попрощался с армией, выразив благодарность всем, от генералов до нижних чинов, и указав: «*Служит мне утешением то, что все победы над неприятелем в поле, что все осады славных крепостей сопряжены были с весьма малозначущею потерею храбрых воинов российских*» [8].

Скомпрометирован был и генерал от инфантерии М. А. Милорадович, получивший этот чин за победу при Рассевате. О нем Ба-

гратион (возможно, пытаясь отвести опалу от себя) писал Аракчееву как о неприятельском агенте в своей армии: «*Не хочет расстаться с мамзель Филипеско, в которую по уши влюблен... Отец ее — наш первый враг и он играет первую роль во всей Валахии. Наш приятель за него уцепился крепко, и способу нет никакого отделить, ибо что бы я не затеял тотчас турки знают от Филипеско*» [9]. О сильном увлечении и болтливости Милорадовича (впрочем, безобидной) сообщает и Ермолов [10]. В результате талантливый генерал на два года покинул военную службу. Там же, в горниле русско-турецкой войны 1806—1812 годов, Россия понесла самую тяжелую кадровую утрату, — полководца, по своему дару должного опередить в противостоянии с Бонапартом всех, — в том числе Кутузова и Барклая. Пока же он шел на смену Багратиону.

Рескриптом от 4 (16) февраля 1810 года Александр I поставил во главе Молдавской армии Н. М. Каменского 2-го (младшего сына генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского), наказав ему осуществить скорейший разгром Оттоманской Порты, добиться признания границ России по Дунаю, больших уступок на Кавказе, независимости сербов и выполнения султаном ряда других условий. Поскольку финансы и торговля России пострадали от участия в континентальной блокаде Англии, не могла быть уменьшена контрибуция. Требовалось извлечь максимальную выгоду из договоренностей с Бонапартом, и как можно быстрее освободить силы для приближающейся схватки с ним. Для ускорения желаемого, новому главнокомандующему были даны права вести переговоры о мире. 12 (24) марта он прибыл в Яссы [11, 12].

Николай Каменский оказался крупнейшей находкой царя. Не менее прочих отмеченный печатью типических пороков эпохи, он был редким исключением из вереницы серостей, выпестованных порядками ускоренного роста в чинах. Родившись 27 декабря 1776 года, Николай был принят на службу по именному указу императрицы Екатерины II в двухлетнем возрасте, в июне 1779 года, корнетом в Новотроицкий кирасирский полк. Уже в апреле 1797 года он был произведен в полковники, а в июне 1799 года — в генерал-майоры. Казалось, молодому человеку нечего было желать, но, игнорируя напряженные отношения между своим отцом и Суворовым, он добился разрешения поступить под начало последнего, прибыв к русской экспедиционной армии в Италию 20 (31) августа 1799 года, незадолго до начала Альпийского похода. Молодой Каменский неожиданно для всех отличился во многих боях, проявив как личную храбрость, так

волю и рассудительность командира. Суворов писал его отцу-фельд-маршалу: «Юный сын ваш старый генерал» [13].

В дальнейшем молодого Каменского не коснулось хвалебное усердие историков, умевших скрыть даже редкие неудачи Суворова при штурмах замков в Польше, где великий полководец учился брать Измаил [14]. Наоборот, ревнители русской славы были к генералу весьма критичны, благодаря чему мы знаем не только о его победах, но и поражениях, о плохих сторонах характера. Под Аустерлицем Николай во главе Архангелогородского полка оказал наполеоновским войскам безуспешное, но жестокое сопротивление. В ходе войн 4-й антифранцузской коалиции заметен был его частный успех при Гейсбельрге, где русская армия отразила все попытки французов сбить ее с занимаемых позиций. Каменский отбил захваченный французами редут и преследовал отступавших до столкновения с вражескими резервами, после чего отошел обратно.

Весной 1807 года, будучи зависимым от действий английского и шведского флота, он не сумел деблокировать Данциг, потеряв в бою 1600 солдат и 46 офицеров. Известность в верхах империи пришла к молодому полководцу в ходе войны со Швецией. В августе-сентябре 1808 года он одержал в Финляндии победы при Куортане и Оравайсе. В результате 12-тыс. Северо-финская шведская армия потеряла около 8000 чел. (против 2000 с русской стороны) и рассеялась. В августе 1809 года последовали успехи при Севаре и Ратане. В то же время большая часть русского дворянства, не представлявшая сложности северного театра войны, мало оценила новый талант. Русско-шведская война не находила сочувствия в современниках. Считалось, что ее сражения были подобны авангардным стычкам в европейских войнах. «Сроднившись от времен Петра Великого с привычкою торжествовать над врагами, русские удивлялись, почему не победили шведов прежде появления Каменского?» [15]. Такое же отношение бытовало и к Барклаю де Толли.

То новое, что Н. М. Каменский 2-й привнес в суворовскую науку, состояло в использовании наскоков и отскоков. Умение выйти из неблагоприятно развивающейся атаки и в порядке отступить, было высокой формой военного дела, востребованной в боях с опытной французской армией. У наполеоновских войск Николай почерпнул стремление к мощной пальбе артиллерией, а от Суворова и в финских дефиле усвоил умение согласовывать между собой боевые усилия идущих разными маршрутами отрядов и колонн. Вместе с

Я. П. Кульневым он изобрел новый способ усиливать цепи застрельщиков-егерей, подкрепляя их не с тыла (линий), а с флангов, что сыграло большую роль в битве при Оравайсе. Это было полезнее, чем то, как понимал боевую работу егерей Кутузов, а равно лучше как образец отношения командующего к своим генералам, ибо Каменский поощрял за инициативу и представил к награде Кульнева, не боясь за собственную славу [16].

Известно, что молодой граф был вспыльчив и склонен к острому давлению на подчиненных, что умерялось лишь его отходчивостью и незлопамятностью. На Дунае он поссорился—таки с Кульневым, а при Севаре *«велел пустить два выстрела картечами»* по 23-му егерскому полку, который *«преследовал неприятелей, но не довольно живо»*. Не оспаривая слов Михайловского-Данилевского, заметим, что речь шла о судьбе корпуса: *«Если не пробьемся, бросим ранцы и пойдем в Россию через Лапландские горы»* [17]. При хорошем отношении к исправным солдатам, Николай был сторонником строжайшей дисциплины. Сохранились «драконовские» приказы Каменского, за которые его осуждали Богданович и Петров, зато они содержали положение о *«строжайшем взыскании»* с офицеров и генералов, *«употребляющих во зло»* свои дисциплинарные полномочия [18, 19].

Странно выглядят упреки Петрова в адрес Каменского за расстрел рядового Новгородского мушкетерского полка Ивана Быстромова, *«взятого при Браилове с оружием, которым он отбивался от наших солдат»*. Неужели историк не знал об императорском указе от 10 мая 1809 года: *«Тех дезертиров, которые в сражении с неприятелем или при занятии крепости пойманы будут... предавать смертной казни»* [20]? По указу Каменский должен был расстрелять не только Быстромова, а всех 150 дезертиров, взятых в Браилове. Однако он лишь «тяжко наказал» их и выслал из армии. Зная это, позицию Петрова, противопоставляющего злого Каменского доброму Багратиону, можно расценить только как субъективную. Не было в те времена главнокомандующих, не выдававших смертные приказы. Но о «народных любимцах» Кутузове и Багратионе, даже о полупризнанном Барклае, историки сообщать такие вещи избегают. Необъективностью изложения объясняется парадокс, почему, невзирая на описанную рядом наблюдателей жестокость, командующего в армии любили.

Менее заметна для порицателей была другая сторона характера генерала. В сражении при Оравайсе *«началась жестокая рукопашная схватка; Каменский был среди общей свалки и не переставал ободрять»*

солдат». После боя *«Каменский обходил биваки и благодарил»* [21]. Командующий присматривался к генералам и офицерам, слушая, что они говорят: *«Ежедневно у Каменского был большой обеденный стол, куда постановлено было всем являться»* [22]. По переданному С. Н. Глинкой свидетельству А. А. Тучкова: *«У него все кипело безостановочно: и продовольствие войск, и размещение их, и сражения»* [23]. Известно и то, что старый фельдмаршал давал младшему сыну скромное содержание, а тот, *«вырвавшись на простор»*, был склонен кутить, забравшись однажды в казну вверенной ему дивизии. Императору Павлу I донесли об этом, но *«офицеры успели покрыть растрату, солдаты не заявили никаких претензий и не принесли жалоб на своего шефа»*. Не смея просить денег на возвращение образовавшегося долга чести у отца, после вступления на престол Александра I, сын признался царю, и получил высочайшее прощение [24]. Не особо морально, но от приключений Кутузова — в худшую сторону не отлично.

Вступление Н. М. Каменского 2-го в командование Молдавской армией было воспринято как достойная замена Багратиону: *«Оба они, — и Багратион, и Каменский, — слава и гордость России, пользовались доверием войск и уважением народа»* [25]. *«Назначение Каменского главнокомандующим Молдавскую армией всех обрадовало»* [26]. *«В общем мнении Дунайской армии личность нового главнокомандующего стояла несравненно выше всех его предместников»* [27]. Николай взялся за дело, поправляя снабжение продовольствием и боеприпасами, пересматривая военные планы, наводя дисциплину и устраняя лишние требования к солдатам плацпарадного характера. По воспоминаниям С. Г. Волконского, весьма критически настроенного к представителям рода Каменских: *«Со времени прибытия Каменского армия... внутренним устройством, запасами и численностью поставлена была на отличную военную ногу»* [28].

Как и Багратион, Каменский решил воспользоваться разобщенностью турок, но изменил план кампании 1810 года так, чтобы вместо разброса сил по далеко отстоящим друг от друга направлениям, сначала провести многочисленные и одновременные атаки на пункты против своего левого фланга. Это позволяло ему укоротить взаимодействия и быстро перебрасывать корпус и отряды, соединяя их по необходимости. Разгромив врага на нижнем Дунае, главнокомандующий намеревался перенести свои усилия к среднему течению, а затем, с очищенным тылом, двигаться на Балканы. Исходя из этих задач, его не удовлетворила организация снабжения, существовавшая

при прежнем руководстве. Снарядов и патронов было велено иметь более чем два комплекта. Вместо отдаленных днестровских складов создано три линии новых. Передовая линия, предназначенная для поддержки задунайских операций, прошла через Бузео, Слободзею, Гирсово и Бухарест. Улучшался гужевой транспорт [29]. Судя по рапортам царю, план учитывал возможные осложнения с Австрией, и начал подготавливаться неотложно, в марте 1810 года [30].

Укрепляя тыл, Каменский прижал мздоимцев и казнокрадов. *«Здешний край, — писал он, — угнетенный давно порочным образом правления прежних своих князей, доведен до того, что лихоимство бояр, угнетение народа и интриги между боярами, в которые нередко вмешивали и турецких пашей и иностранных консулов, сделались укorenившимся обычаем»* [31]. С. Г. Волконский повествует: *«Приведен был к нему один исправник из молдаван, уличенный в злоупотреблениях. Он велел его телесно наказать в присутствии своем нагайками, и когда Вестиар Валахии... хотел умиловить графа, сказав ему, что этот исправник из бояр третьего класса, то он ему отвечал: «жаль, что не из бояр первого класса, а то бы наказан был мною тем же, но в три раза более». Конечно действия и слова жестокие, но оправдываются отчасти существующими злоупотреблениями»* [32]. Ни Прозоровского, ни Кутузова такое положение вещей не волновало. Багратион принимал меры против произвола, но не разорил гнезда, где смыкались местная и армейская коррупция, — не тронул чинуш, руководивших походной канцелярией главнокомандующего. Каменский быстро нашел сорняк и вырвал его.

Развивая суворовский принцип «порознь идти, вместе биться» в новом масштабе, на огромной Придунайской равнине, в одни и те же дни конца мая 1810 года русская армия приступила к крепостям Туртукай, Базарджик, Силистрия. Для того, чтобы обеспечить одновременность нападения и взаимодействие нескольких корпусов и отрядов в ходе этих атак, была проведена тщательная подготовка наступления. *«Все средства оного были заранее устроены, и как на нашем берегу доступ к водам Дуная был довольно топок, то на протяжении довольно великом были устроены стланы и насыпи... Главнокомандующий со всюю главною квартирой... прибыли в Гирсов, к месту, назначенному для переправы... На Дунае был устроен понтонный мост... Вся армия и все тягости продовольственные и снаряды твердою ногою стали на правый берег Дуная»* [33]. В других пунктах, близ Рушчука и Силистрии, переправились отдельные корпуса Засса и Ланжерона. Момент был

удачен, — русские упредили сосредоточение турецких сил. Снабжение войск неотложными припасами обеспечивалось подвижным магазином, состоявшим по частям в распоряжении полков. Было дозволено брать с собой значительные обозы. Вперед корпусов устремились небольшие подвижные авангарды [34].

Величие замысла и его исполнение не было оценено историками, заиклившимися на критике Потемкина, Прозоровского и Багратиона за «возню с крепостями» вместо того, чтобы маршировать прямо на Царьград. Кампания 1810 года более-менее подробно, хотя и без должных выводов, описана у Богдановича и Петрова, остальные же скупы, а более всех — Шильдер, заявивший, что *«последствия похода 1810 года оказались крайне неутешительными»* [35]. Представители собственно военного искусства не согласны с такого рода мнениями, основанными на завышенных ожиданиях и преуменьшении риска для сообщений армии, вторгнувшейся на враждебную территорию. Не случайно к такому авантюристическому образу действий толкал русского императора Наполеон: *«Странное дело, русские никак не могут перейти Дунай, это в их роде»*, — неоднократно публично повторял он [36].

Гарнизон замка Гирсово, не рискнув сопротивляться главным русским силам, сдался без боя. Генерал Засс, получив сведения о готовящейся переброске турецких подкреплений в Туртукай, открыл боевые действия первым. 19 (31) мая его войска прямо с переправы двинулись на приступ. Князь Вяземский, не поддержанный при штурме Браилова, вновь действовал стремительно, и был на этот раз довольно поддержан. Хорошо работала немногочисленная русская артиллерия, крепость пала, двухтысячный гарнизон бежал под покровом ночи, потеряв 300 чел. убитыми и 11 пушек. Потери штурмующих составили 7 убитых и 5 раненых нижних чинов. Соотношение безвозвратных потерь — 1:43 в пользу неудачно воевавших под командованием Прозоровского и Кутузова русских войск [37].

Н. М. Каменский 2-й, имея данные о сборе значительного турецкого корпуса в Базарджике (ныне Добрич), поручил атаку этого пункта С. М. Каменскому 1-му. 22 мая (3 июня) старший брат главнокомандующего одержал крупную победу, взяв город стремительным дневным штурмом. Турки, *«не ожидавшие нападения днем, были приведены в страшное удивление и нигде не были готовы к надлежащему отпору»* [38]. Из 10-тыс. гарнизона 2057 чел. и его командир Пегливан-паша были взяты в плен. В самом городе было погребено до 3000

турок, еще тысяча усеяла своими телами поля при попытке вырваться из Шумлинских ворот, остальные разбежались. Было захвачено 17 исправных орудий и 68 знамен. Русские потери составили 833 чел. убитыми и ранеными. Общее соотношение людских потерь — 1:8. Авангардный отряд корпуса занял Мангалию.

В тот же день 22 мая главный корпус русской армии окружил Силистрию. Подъему духа войск способствовало известие о взятии Туртукая. Турки оборонялись храбро, предприняв вылазку, чтобы помешать развернутым под руководством Ланжерона осадным работам. План нового главнокомандующего и тут был оригинален: в ночь с 25 на 26 мая предпринята ложная атака, прояснившая диспозицию осажденных, а с утра 26 мая начался артиллерийский обстрел крепости. Удача снова была на стороне Каменского, не пожалевшего ядер и бомб. В крепости взорвался пороховой погреб, обрушилась часть стены. Главком потребовал капитуляцию и приготовился повторить обстрел. Осадные батареи подступали все ближе. Утром 30 мая (10 июня) враг сдался. Русской добычей стали 40 знамен, 190 орудий с припасами на день огневого боя. 5000 турок отправились, куда пожелают. Каменский пожертвовал суровостью условий капитуляции в пользу ее быстроте, и сразу же стал выдвигаться на Разград, спешно укрепляемый неприятелем под воздействием поступающих со всех сторон разгромных сообщений.

В результате русские авангардные отряды под командованием генерал-майора И. В. Сабанеева, предъявившего ультиматум сдать город в течение получаса, легко овладели Разградом. Проиграв бой перед крепостью, трехтысячный гарнизон разбежался, в плен было взято 300 чел. вместе с трехбунчужным пашой. Добычей победителей стали 12 знамен, 6 пушек, большое количество пороха и снарядов. Потери составили 6 убитых и 66 раненых нижних чинов. В то же время турки, отступая перед передовыми отрядами С. М. Каменского 1-го, очистили Козлуджи и Бальчик. Чтобы еще сильнее сковать и смутить противника, к Варне был направлен корпус генерал-майора Цызарева, к 2 (14) июня полностью прервавший сухопутные сообщения из порта. После захвата отрядом Паскевича батареи на мысе Галат-Бурну были отогнаны из Варненского залива турецкие корабли снабжения.

Падение Силистрии, до того ни разу не бравшейся русскими войсками, произвело впечатление. 31 мая (11 июня) к Н. М. Каменскому 2-му прибыли посланцы верховного визиря с просьбой «начать

переговоры о перемирии с тем, чтобы потом установить и самый мир» [39]. Он согласился прекратить огонь лишь на время, необходимое для подготовки выступления к Шумле. Корпус А. П. Засса готовился начать осаду Рущука. К. В. Нессельроде писал 13 (25) июня 1810 года из Парижа: *«Я с восторгом узнал о наших блестящих успехах в Турции; они произвели впечатление на всех. Здесь они не нравятся. Австрия смотрит на них с завистью. Наполеон опасается, что мы зайдем слишком далеко»* [40]. Так в руки императору Александру I за 13 дней кампании Каменского начало валиться то, что он приобретет при посредстве Кутузова лишь через два года, и в сильно урезанном виде. Но в 1810 году царь желал получить от Порты всю Молдову и Валахию, с частью Закавказья, Сербией и денежной контрибуцией в придачу. Связанный этими требованиями, главком в ультимативной форме потребовал удовлетворения притязаний.

11–12 (23–24) июня под Шумлой между главными силами противоборствующих армий состоялся бой за высоты на подступах к крепости. В сложных маневренных, с элементами обмана неприятеля действиях участвовали 35 тыс. русских войск против 50 тыс. у визиря Юсуфа. Турки потеряли убитыми и ранеными до 2000 чел., русские — 740. Это довольно крупное сражение Леер считает *«хорошо задуманным, но дурно исполненным»* [41]. Богданович — неудачным, отмечая, что подъему боевого духа турок способствовали непомерные притязания Александра: *«Условия, предложенные нашим правительством, были объявлены в мечетях, выставлено Магометово знамя и вызваны пожертвования в защиту ислама»* [42]. Надежды Каменского, что верховный визирь не сможет держаться в Шумле, и вынужден будет отступить к Адрианополю, не оправдались.

Высоты были взяты, но, получив кровопролитный бой на подступах к крепости, и обнаружив неповиновение своего старшего брата, не поддержавшего атаку генерала Ф. Ф. Левиза, главнокомандующий отказался от штурма, решив осадить Шумлу. В эти дни с будущим героем 1812 года Н. Н. Раевским, насмеявшимся над категорическими формулировками приказа Каменского о покорении Шумлы, произошел такой же казус, как и с молодым Кутузовым, разгневавшим Румянцева. Разозленный Каменский изъявил Раевскому свое неудовольствие, и отправил остряка командовать резервами в Дунайских княжествах, вызвав к себе оттуда генерала З. Д. Олсуфьева. В то же время А. П. Засс подошел к Рущуку, но имея мало сил, демонстрировал, вызывая на себя противника. 15 (27) июня произошел бой,

заметный своими результатами: угодившие в засаду турки потеряли более 400 чел. убитыми, сумев увести столько же раненых. Потери русских составили 12 чел. убитыми и 53 ранеными.

В ночь на 26 июня (8 июля) Каменский произвел крупную провокацию, приказав установить 8-орудийную батарею в полумиле от крепости Шумла, втайне прикрыв ее 6-тыс. корпусом Уварова. Наутро турки атаковали батарею со всей яростью, и потеряли в засаде 2000 чел. только убитыми, в то время как русские потери убитыми и ранеными составили 270 бойцов [43]. Батарею срыли, войска отошли за пределы огня из крепости. Серьезно потерпевшие от боя турки вновь инициировали переговоры о перемирии. Зарядили дожди, и Каменский, лишенный возможности продолжать активные действия, согласился. Боевые действия продолжались лишь для истребления партий, высылаемых турками для фуражировок. Результаты порой были ощутимыми, — на Ямпольской дороге один раз одновременно было убито и пленено 420 фуражиров.

В этих изобретательных действиях хорошо видно то, что отмечает Леер, отражая нападки на Каменского в якобы плохой стратегии: *«Выше уже объяснено, почему мы были прикованы к крепостям (по слабости сил), но в то же время мы не упускали из вида и главного объекта, неприятельской армии, ловко применявшей по совету Наполеона принцип подставления сильной стороны и уклонения слабой, прятавшейся в Шумле и избегавшей боя в открытом поле. Избрав предметом действий ту или другую из более важных крепостей, мы тем хотели... вызвать неприятельскую армию... в открытое поле и здесь уже выставить нашу сильную сторону против слабой... Кажется, что при наличных тогда условиях, выбор географических пунктов, как предмета действий, оправдывается обстановкою»* [44].

Между тем, соотношение сил менялось не в пользу русских. Пополнения армии были маленькие, списочный состав был 44360 чел., из них около 5000 больных (против 40000 окруженных в Шумле и 20000 в Русуке турок). Из-за сложной местности окружение было неплотное, в Шумлу сумел пройти большой обоз. Стамбул, открыто спонсируемый англичанами и тайно французами, направил на Балканы большие подкрепления. При бездействии русского Черноморского флота 15-тыс. корпус высадился у Варны, заставив 16–17 (28–29) июня с боями отступить от порта отряд Цызарева. На западе Болгарии возникла вторая турецкая армия Исмаил-бея. Промедление грозило потерей инициативы, и главноком вообще отказался от взятия

Шумлы. Оставив сильные отряды для наблюдения за крепостью, он двинулся к Рущуку, где враг был слабее. Прекращение Шумлинской операции было негативно встречено многими современниками, считавшими, что *«можно было с некоторым еще усилием овладеть Шумлой»*, но Каменский писал Барклаю де Толли: *«Визирь по уши зарылся в укрепления, и было бы более чем неблагоприятно атаковать его»* [45].

Обложивший Рушук с 14 (26) июня Засс строил осадные редуты и отбивал многочисленные вылазки осажденных, стоившие иногда изрядной крови. Комендант крепости Босняк-Ага был настроен более чем решительно. 6 (18) июля Засс предпринял попытку овладеть одним из крепостных бастионов, но был отбит. Надеясь на психологический эффект от усиления осадных войск, Каменский 2-й пришел к Рущуку парадным маршем, с музыкой. 11 (23) июля началась бомбардировка крепости с осадных батарей и речной флотилии, продолжавшаяся несколько дней. Любопытно читать в записках С. Г. Волконского, как приемы Каменского объявлялись *«потехой по натуре злему человеку»*, ровно как подготовку Суворова к штурму Измаила считали причудами. Главнокомандующий усиливал бомбардировку каждое утро, изматывая и приучая к этому турок, пока производилось *«упражнение для нижних чинов штурмового натиска»* на специально устроенных вдали валах [46].

17 (29) июля собрался военный совет, на котором Каменский принял мнение генерал-майора Гартинга, ручавшегося за успех штурма. Гартинг, *«как мы знаем, уже успел показать лишь отрицательные стороны своих военных и инженерных познаний при штурме Журжи и Брашлова в 1809 году»* [47]. Штурм, назначенный на 18 (30) июля, был перенесен из-за дождей на утро 22 июля (3 августа) и, хотя войска взобрались на крепостные валы, а охотники колонны Щербатова даже спустились в город, провалились. Причиной неудачи были утрата внезапности и неожиданные действия турок: *«Под валом было устроено множество галерей, выходящих в ров, по которым и двинулись массы нынчар, отчаянно ударив на скопившиеся во рву наши войска. В то же время другая масса войск атаковала редкую цепь стрелков, стоящих уже на валу, и сбросила в ров немногих из них, оставшихся живыми»* [48]. Дальнейшие действия русских колонн рассогласовались во времени, что позволило гарнизону крепости отбить их.

К сожалению, ожидавший успеха Н. М. Каменский 2-й проявил свои худшие фамильные и типические дворянские качества, — импульсивное упрямство, жестокость и заносчивость. Не веря донесе-

ниями о больших потерях, главком задерживал приказ на отвод атакующих и тем усугубил ситуацию. Возникла сценка, напоминающая разговор Паскевича с Прозоровским и Кутузовым при Браилове: *«Я уверен, говорил он майору Красовскому, посланному генералом Засом, что во главе лежащих на валу большая часть здоровых и не раненых. Они испугались и не хотят броситься в крепость! «Я сам был на валу и отвечаю, что там нет ни одного живого», отвечал Красовский»* [49]. Жертвы обеих сторон были огромны: около 3000 убитых и 4000 раненых русских солдат по Петрову, 8000 солдат и офицеров по воспоминаниям Волконского, по сведениям Богдановича — 8475 убитых и раненых, а по Мартынову — 8500 нижних чинов, 4 генерала и 363 офицера [50, 51]. Большое количество полегло вышедших в крепостной ров турок.

Неудача сопровождалась обилием пересудов и домыслов. С. Г. Волконский упоминает робость солдат многих полков идти на новый штурм после неудачного штурма Браилова, и неверное определение глубины рвов, из-за чего лестницы во многих местах не достали вершины валов, произошла заминка на выкапывание ступеней. Другие авторы указывают, что за 4 дня задержки рвы были углублены исступленно работавшими в ожидании штурма турками. Так или иначе, за недооценку противника пришлось сурово поплатиться. Возник критический момент кампании. Поначалу Каменский огульно возложил ответственность за проваленный штурм на робость войск, но после нескольких дней заносчивого смятения сделал выводы. Военному министру Барклаю де Толли он написал: *«Виновных в неудаче штурма нет, кроме меня; виновным себяставляю в том, что слишком много считал на свои войска»* [52]. Осада продолжилась.

В тени неудачного штурма осталась победа, одержанная 23 июля (4 августа) С. М. Каменским 1-м, сумевшим вызвать на себя из Шумлы 30-тыс. войско Юсуфа. Потеряв до 6000 убитыми, 200 пленными и 40 знамен, турки обратно укрылись в шумлинских укреплениях. Потери русских составили убитыми и ранеными 26 офицеров и 446 рядовых [53]. Визирь ожидал скорых подкреплений, и русский главнокомандующий понял, что если наблюдательный корпус его брата отступит, турки пойдут за ним. Распорядившись о восстановлении боеспособности войск, Николай Каменский возобновил бомбардировку Рущука, вызвав к себе войска от Шумлы. Одновременно совершались действия, призванные убедить врага в готовящемся общем отступлении русских к Дунаю. Вслед за С. М. Каменским 1-м к Рущуку потянулся визирь.

На это и был расчет. Гарнизон Рущука был обескровлен, крупная активность с его стороны исключалась. Турецкую армию можно было перехватить на марше, и 26 августа (7 сентября) 1810 года Н. М. Каменский 2-й отыгрался за неудачный штурм Рущука, одержав крупную победу в сражении при Батине. Он разыграл ту же маневренную карту, что и Наполеон, потерпевший неудачу при Гейсбельрге, но тут же изменивший движение своих войск и разбивший Беннигсена под Фридрихсдорфом. С другой стороны Батинское сражение замечательно тем, что *«войска для атаки были построены не в каре, как прежде строились, а в колонны»*, по-суворовски, для достижения максимальной силы удара [54]. Из военных историков XIX в. это особо отмечал Н. И. Ушаков, указывавший, что позитивный опыт вновь подвергся забвению в кампании 1811 года, ведомой М. И. Кутузовым. Продолжателем идей Суворова и Каменского он называл И. Ф. Паскевича [55]. Как Каменского за разные недочеты не ругай, бой был спланирован и проведен с хорошим запасом прочности. Общему резерву армии *«не пришлось вступить в дело»* [56].

Поражение Порты было катастрофическое — 40-тыс. армия уничтожена полностью. Погибло и утопло в Дунае 15000 турок, 5000 попало в плен, остальные разбежались. Из них впоследствии султану удалось собрать около 6000 чел. Победители захватили все пять турецких лагерей, взяли 178 знамен, но только 14 пушек (османы не успели перебросить к Рущуку артиллерию). Впрочем, С. Г. Волконский, участвовавший в сборе и описи трофеев, говорит о 40 взятых пушках, *«все австрийского литья и на лафетах австрийской формы»* [57]. В доносении императору от 28 августа главнокомандующий указал: *«Я не могу при сем случае умолчать, сколь много я был доволен вообще всеми войсками... в особенности же действиями артиллерии, которая наносила неприятелю неимоверный вред»* [58].

Русские потери составили 15 офицеров и 380 нижних чинов убитыми, 1147 раненых. По данным И. Ф. Паскевича было убито и ранено 2100 русских солдат и офицеров; но он же указывает турецкие потери в 30000 чел. оставшихся на поле боя, 10000 бежавших, и более 16 орудий [59]. Точного числа турецких пушек, взятых в далеко отстоящих друг от друга лагерях, по-видимому, не знал никто. Развивая успех, отряд генерала Э. Ф. Сен-При взял крепость Систово, захватив находившуюся там турецкую флотилию, 50 пушек и 8 знамен с припасами. Без боя 6 (18) сентября была захвачена крепость Орсово.

15 (27) сентября сдались Рушук и Журжа. В этих крепостях турками было сдано 247 пушек и припасы к ним.

Так Николай Каменский при Рушук и Батине решил задачу, с которой не справился под Силистрией и Татарицей Петр Багратион. Кампания 1810 года заканчивалась для турок ужасным разгромом. Их главные силы были уничтожены, крепостная оборона рухнула. Русский главнокомандующий получил возможность перенести усилия на западный фланг. Вопреки изнуряющей войска дождливой непогоде, 10 (22) октября пала крепость Турно, в которой победителям достались запасы продовольствия и 39 пушек, тут же направленных на обстрел Никополя. 15 (27) октября крепость Никополь капитулировала. 17 (29) октября русские войска вошли в Плевну, а 18 (30) октября — в крепость Ловчу (Ловеч). В тот же день пала крепость Сельви. Неприятель бежал за Балканские горы.

На период осенней распутицы война на Балканах затихла. Каменский отвел из опасных мест авангарды и приступил к планированию наступления 1811 года. Падение дунайской оборонительной линии подвигло Стамбул на уступки. В дипломатической переписке турки согласились на границу по реке Серет, что оставляло за Россией большую часть Молдовы. На это Александру I, возможно, следовало согласиться. Выполняя пожелания Петербурга о переходе за Балканские горы, планируя использовать время недолгих морозов и минимальных осадков для занятия пунктов, необходимых для успеха летней кампании, 14 (26) января 1811 года главнокомандующий отдал приказ о приготовлениях, отправив отряд генерал-майора Сен-При в новую экспедицию к Ловче. Бутурлин утверждает даже, что Каменский замышлял *«предпринять зимнюю кампанию, в течение коей намерен был продолжать план обойдения Балкан через Тырново»* [60].

Однако, в тот же день был получен высочайший рескрипт, предписывавший отказаться от активных действий за Дунаем и ограничиться обороной княжеств. Пять из девяти дивизий Дунайской армии царь отправлял на прикрытие западных границ империи. Александр снова начал метаться. Изменение его позиции было вызвано прочным, но оказавшимся ложным убеждением, что в 1811 году откроются военные действия между Францией и Россией. Тильзитская система трещала по швам, державы обменялись политическими и экономическими ударами. Россия отказалась принять Трианонский таможенный тариф, и выдвинула свой, а Франция аннексировала вотчину одной из ветвей дома Гольштейн-Готторп-Романовых —

герцогство Ольденбургское. При этом царем продолжало заносчиво декларироваться: *«Довольствоваться иною границею, нежели Дунай, я не нахожу ни нужды, ни приличия»* [61]. Это была глупость упрямого самодержца, наделенного истинно павловским умом. Вместо нанесения Турции сокрушительного удара или замирения по Серету, ослаблялись войска на Дунае и сохранялись неприемлемые для Стамбула требования. Ошибка была тем горше, что не было смысла срывать дивизии с Балкан ранее конца апреля. В последней декаде февраля *«необычайно разлились в Валахии все реки, что немало препятствовало маршу войск, возвращавшихся в Подолию»* [62].

Чем меньше было русских войск на театре, тем дольше турки тянули переговоры. Главнокомандующий попытался объяснить самодержцу: *«На сих кондициях мира мы никогда не достигнем. Когда не могли мы онаго достигнуть силой оружия, то какую надежду можем мы питать, чтобы турки могли согласиться на таковую нам уступку тогда, когда увидят, что мы принуждены вести войну оборонительную?»* С военным министром он был еще прямее: *«Не лучше ли бы было помириться (без претензий) с турками и чрез то приобрести себе их приязнь и употребить тогда сии четыре дивизии на прикрытые угрожаемых пунктов?»* [63]. Высказанное Каменским совпадало с мнением русского посла в Париже князя Куракина, в те же зимние дни тактично писавшего Александру о том, что *«виды на расширение владений»* отвлекают его от главной цели — безопасности государства, войну нельзя затягивать, ибо ожидаемые приобретения в Турции *«не доставят... ни выгод, ни средств... чтобы противостоять такому неприятелю как Наполеон»* [64].

Зондаж через дружественно настроенного М. Б. Барклая де Толли к успеху не привел, и тогда, вместо обороны, Каменский 2-й предложил Александру I план наступления за Плевну. Не получив возражений, он предельно ослабил большинство гарнизонов, собирая силы для занятия горных проходов у Ловчи [65]. Ему ничего не оставалось, как снова поставить на внезапность и возобновить наступление, пока в Стамбуле не обрадовались известию об изъятии из Дунайской армии пяти дивизий. На тот момент турецкая армия была разбита и рассеяна, Порта прилагала отчаянные мобилизационные усилия, и русским войскам, не считая Ловчинской 15-тыс. группировки, закрывавшей проход через горы, противостояли слабые формирования, называемые русскими генералами не иначе как *«вооруженные жители»* и *«разбойники»* при малом количестве артиллерии [66].

31 января (12 февраля) Ловча была взята русскими войсками с большими потерями (106 убитых, 374 раненых). Османы потеряли 4000 убитыми и 1400 пленными, ими была брошена артиллерия. Последняя группировка противника перестала существовать. Но здесь же Н. М. Каменского 2-го настигло тяжелое обострение лихорадки, которой он уже давно страдал хронически. Болезнь вынудила его остановить действия. Состояние здоровья главнокома ухудшалось, с 7 марта он не подписывал бумаг, и от его имени распоряжался дежурный генерал И. В. Сабанеев, а с 12-го числа к исполнению обязанностей главнокомандующего приступил А. Ф. Ланжерон. Ввиду того, что ухудшение здоровья полководца случилось резкое, поговаривали об отравлении. Последовавшую через два месяца смерть генерала *«можно было сравнить с кончиной другого русского молодого героя, князя Скопина-Шуйского»* [67]. Она стала большим ударом для русской армии и военного министра М. Б. Барклая де Толли, потерявшего сподвижника, на понимание которого он всегда мог рассчитывать.

Недалекий самодержец, вместо того, чтобы беречь своего лучшего полководца, вынудил его перенапрячь силы моральные и физические. С Каменским он поступил так же, как его отец Павел I с Суворовым, бессмысленно надорвавшим здоровье пожилого уже Александра Васильевича в ненужном России заграничном походе. Оба царственных пигмея были далеки от заботы, какую проявляла о своих генералах Екатерина II. Императрица подарила Суворову аптечку *«в доказательство как дорожила она здоровьем своих героев»*. Два века назад это был важный жест внимания. В 1800 году больной Суворов писал из Кобрина, *«чтобы отыскиали аптечку блаженной памяти Екатерины»* [68]. Царица пеклась о здоровье Потемкина, беспокоилась о Кутузове. Раненым и подорвавшим здоровье на службе офицерам и генералам давались отпуска без вычета жалованья, дальнейшие назначения производились с учетом климата мест службы. Но ее сынок и внучок были чужды подобного отношения к полководцам, доставлявшим им славу, а государству — приращение земель, бюджета и влияния. Пока угасал Николай Каменский, Александр ограничивался ободрительными письмами и мажорескими размышлениями, как больше «выжать» его.

Дальнейшая царская и советская историческая традиция, избравшая М. И. Кутузова идеалом для подражания, стала принижать заслуги и способности Н. М. Каменского 2-го. Вместо разбора тактики и стратегии, на его действия навесили ярлык «бешеный напор».

Каменскому поставили в упрек неудачный штурм Рушуга, уходя от сопоставления с Браиловским конфузом «спасителя», приписали несуществующее поражение под Шумлой, где он сознательно отказался от штурма и осады, совершив маневр на Рушук и Батин. Его упрекают за разгром турецкой крепостной линии на Дунае, не давая себе и читателям труда рассудить, могла ли армия действовать глубоко на Балканах, имея эту линию и нескольких пашей с их корпусами у себя за спиной. При этом мало кто слышал о победах Каменского и готовности Турции уступить России большую территорию, чем ту, которую она в итоге получила. Затерли даже Батин — второе по громадности турецких потерь (после штурма Измаила Суворовым) сражение в русско-турецких войнах.

Предосудительно выглядят слова А. И. Михайловского-Данилевского: *«Мы не одержали над Портою ни одной блистательной победы, не сделали ни одного решительного движения, могущего заставить ее принять предложенные императором Александром условия»* [69]. Более века спустя П. А. Жилин сообщил: *«Война с Турцией велась почти шесть лет... Боевые действия велись с переменным успехом и не приводили к сколько-нибудь значительным результатам»* [70]. Каких же побед историкам было надо, кто не одержал их до Николая Каменского в 1809 году, а затем утратил плоды кампании 1810-го? Апологеты Кутузова нашли не могущего за себя постоять крайнего, быстренько договорившись до того, что выздоровев Каменский, и командуй вместо «спасителя» отражением французов, он *«никак не согласился бы на выжидательные и отступательные действия, пошел бы прямо на Наполеона, был бы разбит непременно»* [71].

В подлинной истории было не так. Не там, где впоследствии подкрасили, лежали свет и тени. А. П. Бутенев отмечает: *«1810 год прошел для России без особенно важных внешних событий, за исключением разве блестящих, но непрочных успехов молодого героя графа Каменского в Турции»* [72]. При предметном рассмотрении тактики и стратегии Николая Каменского видно, что они были богаче, успешнее кутузовских. Виден изобретательный командующий, наиболее близко подступающий среди всех русских генералов к способностям Наполеона. Он маршировал войсками и наводил дисциплину не хуже Кутузова, лучше бил артиллерией, надежнее добивался взаимодействия, брал крепости и выигрывал крупные сражения. После Батина и краха турецкой крепостной линии. Бонапарт постоянно держал в уме лучшего русского генерала, снова и снова возвращаясь к его имени в беседах с

посланниками, отзываясь о Каменском «в очень лестных выражениях», подыскивая поводы для его компрометации [73]. Кутузов такой чести от завоевателя не удостоивался.

Конечно, главнокомандующего не очень любили в Петербурге. По описанию Ф. Ф. Вигеля: «Всю жизнь прослуживши в армии, Каменский не был знаком с тонкостями выражений, употребляемыми в столице, которые смягчают выговор, которые слепую покорность военных людей делают им сносною». Он не хотел давать представителям знатных фамилий, «прискакавшим в Молдавскую армию за верными успехами и наградами... явного предпочтения перед другими заслуженными воинами», что порождало много неудовольствий и интриг [74]. Более того, он позволял себе без обиняков высказывать гастролерам все про их дурость, что толковалось как крайняя степень надменности. По воспоминаниям С. Г. Волконского, родовитая молодежь была «весьма нерасположена к главнокомандующему», сочиняя глупые стихи о бескровном (т. е. бесславном) взятии городов и крепостей. Роптали на то, что Каменский при Силистрии «не понюхал порошу на благородной дистанции», на отдельные неудачные бои тоже роптали. Мобильность в решениях толковали как «нестойкость характера при неудаче» [75]. Фанфароны, к числу которых принадлежал уважаемый впоследствии декабрист, не понимали, что осмеивают и порицают работу полководца.

К этому негативу присоединялась скверная семейная репутация, идущая от М. Ф. Каменского. По словам Ланжерона, тот был «заятнан одним из ужаснейших характеров, который когда-либо бесчестил человечество; его зверство отзывается тигром... Он в состоянии командовать армией, если только чудовище должно и может командовать ею» [76]. Многими пороками отличался старший брат полководца — С. М. Каменский 1-й. Соответственно, Николая автоматически попрекали в жестокости, хотя он допускал ее не по прихоти, как его отец и брат, а по необходимости. Да, он приказал прилюдно посадить на кол трех турецких пленных, после того как увидел, что турки поступили так с русскими [77]. А что было делать? Не произвести страшного предупреждения и охать, глядя, как русских солдат продолжают сажать на колья дальше?

В общем, Н. М. Каменский 2-й был непопулярной антирезой М. И. Кутузову, но это не основание занижать его военные способности. Малоизвестно, что Николай был воспитанником секретаря Императорской Академии наук И. А. Эйлера, много лет проживая в доме

Эйлеров и пользуясь там положением родного сына [78]. Он получил такое образование, какого не могла дать Соединенная Инженерная и Артиллерийская школа, которую закончил Кутузов. Отсюда берут начало широкий кругозор полководца, его подражательный интерес к Суворову и Наполеону, невиданное для прочих русских генералов разнообразие тактических приемов. Дунайская кампания 1811–1812 годов, руководимая Кутузовым, является бледной тенью изобретательной феерии Каменского, за шесть месяцев перемоловшего 200-тыс. турецкую армию со всей ее линией обороны, потерявшего в этих боях 27 тыс. чел. и перенесшего войну к Балканским горам. Еще 9 тыс. составили в 1810 году санитарные потери [79].

Утраты чувствительные, но не отличные от бледных кампаний 1808 и 1809 гг. Как писал Ланжерон: «*Граф Аракчеев, тогда военный министр... вздумал обнародовать ежегодную убыль в полках; эти вычисления ужаснули нас; в полгода, без войн, убыль равнялась 24000 солдатам, умерших и бежавших! Следовательно, ежегодную убыль можно считать в 48000 человек... равную 1/6 части существующей тогда регулярной армии. Я не думаю, чтобы в какой-нибудь другой армии потери пропорционально приближались бы даже и к половине наших*» [80]. Словами Ермолова: «*Фельдмаршал (Прозоровский), вскоре переселившийся в вечность, отправил вперед себя армию не менее той, каковую после себя оставил*» [81]. Что касается грядущей кампании 1811 года, то при существенно сниженной интенсивности боевых действий, русская армия на Дунае все равно потеряла 15000 чел. В расчете на одно бое столкновение потери оказались не ниже, чем в 1810 году, хотя ни одной крепости Кутузов не брал.

Теперь Александру I предстояло увидеть результаты своей стратегии войны с малыми силами и непомерными требованиями. Он прощитися с надеждой заблаговременно освободить Дунайскую армию для борьбы с Наполеоном. События повернутся так, что скромный мир, закрепивший утрату достижений Каменского, самодержец, как не сумевший разыграть сильную карту игрок, будет воспринимать желанной последней взяткой.

1. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 2. С. 318, 321, 323–324.

2. Там же. С. 331–332.

3. Соловьев С. М. *Имп. Александр I. Политика — дипломатия.* СПб., 1877. С. 199.

4. Пейр Р. *Истор. Наполеона I.* СПб., 1893. С. 602.

5. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 2. С. 369.
6. *Хронолог. указ. действий рус. армии и флота.* СПб., 1909. Т. 2. С. 84.
7. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 2. С. 423.
8. *Ген. Багратион. Сб. док. и мат. М., 1945. Док. № 38. С. 116–117.*
9. Дубровин Н. Ф. *Письма главнейших деятелей в царств. имп. Александра I.* СПб., 1883. С. 13–14.
10. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 114.*
11. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 9–12.
12. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 494–495.
13. РБС. СПб., 1897. Т. 8. С. 424.
14. Суворов А. В. *Сб. док. М., 1949–1953. Т. 1. Док. № 2, 397. С. 40, 531–532.*
15. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Финляндской войны.* СПб., 1841. С. 510.
16. Давыдов Д. В. *Воспоминание о Кульневе в Финляндии // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 2. С. 285.*
17. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Финляндской войны.* СПб., 1841. С. 473.
18. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 495–496.
19. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 13–16.
20. *Журн. Комит. Министров. Царств. имп. Александра I.* СПб., 1888. Т. 1. 1802–1810 гг. С. 420.
21. РБС. СПб., 1897. Т. 8. С. 431.
22. Волконский С. Г. *Записки.* СПб., 1901. С. 85.
23. Глинка С. Н. *Записки.* СПб., 1895. С. 253.
24. РБС. СПб., 1897. Т. 8. С. 425.
25. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 480.
26. Вигель Ф. Ф. *Записки. М., 1928. Т. 1. С. 307.*
27. Щербатов А. П. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич.* СПб., 1888. Т. 1. С. 91.
28. Волконский С. Г. *Записки.* СПб., 1901. С. 87.
29. Дубровин Н. Ф. *Турец. война 1806–1812 гг. Гр. Н. М. Каменский 2-й // Воен. сб. 1865. № 5–6. Отд. неофиц. С. 48. № 7–8. Отд. неофиц. С. 3–4.*
30. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1900. Т. 1. С. 48–49.
31. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 19.
32. Волконский С. Г. *Записки.* СПб., 1901. С. 86.
33. *Там же.* С. 87–88.
34. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 497.
35. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I.* СПб., 1897. Т. 3. С. 20.
36. *Из семейного архива гр. Нессельроде // Рус. Старина. 1906. № 3. С. 641.*
37. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 37–41.

38. Там же. С. 47.
39. Там же. С. 54–57.
40. Из семейного архива гр. Нессельроде // Рус. Старина. 1906. № 3. С. 640.
41. Леер Г. А. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1888. С. 32.
42. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 501.
43. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 79–82.
44. Леер Г. А. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1888. С. 25–26.
45. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 72.
46. Волконский С. Г. Записки. СПб., 1901. С. 106–110.
47. Богуславский Л. А. Истор. Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 313.
48. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 105–106.
49. Богуславский Л. А. Истор. Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 314.
50. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 505–506.
51. Мартынов А. И. Кр. истор. 46-го драгунского Переяславского полка. СПб., 1899. С. 41.
52. РБС. СПб., 1897. Т. 8. С. 435–436.
53. Мартынов А. Г. Истор. 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб., 1908. С. 113–114.
54. Шавров К. Кр. истор. 11-го гренадерского Фанагорийского полка. М., 1890. С. 37.
55. Ушаков Н. И. Истор. воен. действий в азиат. Турц. в 1828 и 1829 гг. СПб., 1836. Ч. 1. С. 208–211.
56. Поликарпов Н. П. Очерк боевой службы 104-го пех. Устюжского полка. Вильна, 1897. С. 73.
57. Волконский С. Г. Записки. СПб., 1901. С. 126.
58. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 140.
59. Щербатов А. П. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 115–116.
60. Бутурлин Д. П. Картина войн Рос. с Турц. в царств. имп. Екатерины II и имп. Александра I. СПб., 1829. Ч. 2. С. 133.
61. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 239.
62. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенищева-Кутузова. СПб., 1840. С. 8.
63. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1901. Т. II. С. 23, 26.
64. Куракин А. Б. Донес. имп. Александру Павловичу // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 334–335.
65. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 239–243.
66. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенищева-Кутузова. СПб., 1840. С. 12, 27–28.
67. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 371–372.

68. Глинка С. Н. *Жизнь Суворова, им самим опис.* М., 1819. С. 302–303.
69. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 26.
70. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос.* М., 1968. С. 58.
71. Греч Н. М. *Записки о моей жизни.* М., 2002. С. 230.
72. Бутенев А. П. *Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив.* 1881. № 3. С. 54.
73. Чернышев А. И. *Донес. имп. Александру Павловичу // Сб. РИО.* СПб., 1877. Т. 21. С. 3, 8–9, 58.
74. Вигель Ф. Ф. *Записки.* М., 1928. Т. 1. С. 313.
75. Волконский С. Г. *Записки.* СПб., 1901. С. 92, 95, 100, 104, 114.
76. Ланжерон А. Ф. *Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина.* 1895. № 3. С. 160.
77. Волконский С. Г. *Записки.* СПб., 1901. С. 105.
78. К биогр. гр. Н. М. Каменского // *Рус. Старина.* 1895. № 9. С. 119–120.
79. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 511.
80. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина.* 1907. № 9. С. 575.
81. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 114.

4.3. РУЩУКСКАЯ НЕСУРАЗИЦА

Отправляя должность Литовского военного губернатора, значение которой выросло с приближением наполеоновской угрозы, М. И. Кутузов реабилитировался в глазах царя умелым администрированием. Он хорошо помогал в решении тыловых военных вопросов, докладывал на высочайшее рассмотрение выявленные злоупотребления, и даже вновь вмешался в хлебную торговлю, оказывая протекцию отечественным купцам. На сей раз хлеб был в избытке, губернатор заслужил положительную репутацию в крае и одобрение императора Александра [1]. Губернаторская должность была выгодной и для торговли товарами, производимыми в обширных поместьях Михаила Илларионовича. Так, он выгодно продал крупную партию поташа, с оплаты которой переслал супруге более 50 тыс. рублей жемчугом на жизнь и оплату важнейших долгов [2].

В конце февраля 1811 года Кутузов получил от военного министра М. Б. Баркляя де Толли письмо о возможности вручения ему «*главного начальства над Молдавской армией*» в связи с болезнью Н. М. Каменского 2-го. Движущие силы этого назначения никем из историков и биографов не раскрываются. По-видимому, идея принадлежала лич-

но Александру I, как о том в первом же абзаце своего письма сообщил Барклай. Во втором абзаце излагались требования императора и военного министра: *«Возложение сие, основанное на всемилостивейшей к вам доверенности и личных военных ваших достоинствах, по обстоятельствам настоящих дел требует, чтобы открытием ранней кампании и быстрыми успехами решить участь войны, столь уже продолжительной»* [3]. Эту поставленную полководцу задачу надо помнить, оценивая, что и в какие сроки он затем сделал.

Михаил Илларионович желанием возглавить армию не горел, но отказываться не смел, о чем писал своей дочери Е. М. Тизенгаузен: *«Уверю тебя, что это меня вовсе не радует, наоборот, сильно огорчает, клянусь тебе... этот отъезд, о котором мне объявили, меня сильно беспокоит»* [4]. Тревожиться были причины. В наследство Кутузову остались требование царя установить границу Российской империи по Дунаю и память о победах Каменского, подталкивающая Петербург к завышенным ожиданиям. А войск на театре было мало. Следовало ждать, что царь будет противиться подкреплению стоявшей на Дунае Молдавской армии, собирая силы на Волыни и в Литве против Наполеона. Упрямство турок, их нечувствительность к гибели множества своих солдат, настойчивость антирусских происков западных держав в Стамбуле, — все это Кутузову было известно по прежним русско-турецким войнам и посольской работе.

В благодарственном письме министру, в качестве средства к смягчению возможных неудач, он впервые ссылается на старость: *«В летах менее престарелых был бы я более полезен»*. 7 (19) марта последовал рескрипт Александра I о назначении генерала от инфантерии Кутузова главнокомандующим. Ему, как обычно, пожаловали 10 тыс. рублей подъемных. Одновременно больному Каменскому предписывалось отбыть в Житомир, где принять командование 2-й Западной армией, состоящей из 8 пехотных и 4 кавалерийских дивизий. Самодержец запоздало надеялся, что *«благорастворенный климат Волыни послужит к совершенному укреплению здоровья»* Николая Михайловича [5].

1 (13) апреля 1811 года М. И. Кутузов прибыл в Бухарест, где застал прежнего главкома совершенно больным и принял армию у А. Ф. Ланжерона: *«Я передал ему командование армией и посвятил во все подробности... Сначала он прямо поразил меня своей неутомимой деятельностью, к которой мы совсем не привыкли, но его энергия скоро остыла, и обычная леность, по-прежнему, вошла в свои права»* [6]. Отбывшему из армии Н. М. Каменскому 2-му в дороге стало хуже,

и 4 (16) мая он скончался в Одессе. Эта смерть вкупе с неудачами П. И. Багратиона и Б. Ф. Кнорринга (разочаровавшего царя в русско-шведской войне), означала, что Михаил Илларионович снова на первых позициях в имперских военных верхах.

Как в свое время Прозоровский, Кутузов представил царю и военному министру два плана действий: оборонительный и наступательный. Без наступательного плана он не мог обойтись, учитывая полученную им задачу, но для его осуществления требовал не менее 60 тыс. войск, с которыми *«готов был идти к Адрианополю»* [7]. Зная об ограниченности сил своей армии (46 тыс. чел., 190 полевых и 38 осадных орудий) [8], новый главком, по всем признакам, не верил в возможность операций в Болгарии, рассчитывая обороняться на рубеже Дуная. Первое, чем он озаботился, была постройка рокадных мостов через реки Арджеш и Олт, которую частично возложил на валашские власти (из армии продолжали забирать подразделения, в том числе понтонные и артиллерийские роты).

Полагая уязвимым западный фланг, и реализуя свои способности дипломата, Михаил Илларионович продолжил начавшиеся еще при Каменском тайные переговоры с Муллой-Пашой Видинским, вступив с ним через своего посланника, майора Олонецкого полка Бабикова, в более тесную связь. Было достигнуто соглашение о том, что Мулла-Паша, оберегая свои торговые интересы, которым Кутузов обязывался не препятствовать, *«насколько можно будет противиться вторжению турецких войск в Малую Валахию»*. Дабы обезопасить себя на среднем Дунае и дополнительно заинтересовать Муллу-Пашу, велись переговоры о покупке пашинской флотилии на деньги, собранные в Малой Валахии генерал-лейтенантом А. П. Зассом. По сведениям Петрова, в распоряжение Кутузова поступили 96 тыс. неподотчетных казне червонцев, а флотилию можно было выторговать за 25 тыс. [9]. Куда потом делись эти деньги, покрыто мраком тайны.

В записках Ланжерона читаем: *«Начальником Малой Валахии, графом Каменским был назначен генерал Засс. Совершенно не зная его в нравственном отношении, граф поручил ему покровительствовать торговле с Видином и Трансильванией. Это был неистощимый источник богатства, так как он должен был собирать пошлины в размере 2 дукатов с каждого тюка товара, Засс же брал вдвойне... Общественное мнение о грабежах Засса, жалобы жителей Малой Валахии и боязнь Австрии, негодяи которой... тоже стали заявлять о бесчинствах Засса, все это заставило Кутузова сместить его и назначить на это место ге-*

нерала Воинова, но Засс не испугался... и зная уже характер Кутузова, составил план действий с ним». Контакт между интересантами состоялся через жену Засса и дочь Кутузова, графиню Тизенгаузен. Михаил Илларионович возвратил на прежнее место скандально известного генерала, и тот «снова начал свой грабеж, но только с еще большим нахальством» [10]. Таким образом, пресловутые 96 тысяч были взяткой за неприкосновенность и покровительство, а разговоры об употреблении этих денег на полезное дело — прикрытием. Податливость главкома на сделку Ланжерон приписал угрозам Засса задействовать свои связи при дворе.

Сей коррупционный эпизод был не единственным. Кутузов не мог упустить открывшихся возможностей залатать семейные финансовые прорехи. В мемуарах Мартоса указывается на *«жалобы целыми стопами, присылаемые на Кутузова, слишком запятнавшего себя в корыстолюбии»* [11]. Давыдов утверждал, что П. В. Чичагов *«обнаружил злоупотребления князя во время его командования Молдавской армией»*, и это стало причиной личной неприязни, которая развилась между ними [12].

Поскольку флотилия Муллы-Паши выкуплена не была, от враждебного судоходства пришлось обезопаситься строительством 12-орудийной батареи при устье реки Жио (Жиу), у которой стали на якорь до 20 судов русской флотилии. На востоке, для прикрытия дельты, Кутузов пытался задействовать Черноморский флот, о чем 17 (29) мая безуспешно просил вице-адмирала Н. Л. Языкова. Следующим решением нового главнокомандующего было разоружение и разрушение задунайских крепостей Силистрия и Никополь, к чему уже с 5 (17) апреля стали предприниматься шаги. Предположение срыть их по недостатку сил на занятие гарнизонами высказал еще Каменский, а Кутузов расширил идею своим приказом выжечь все правобережье Дуная. *«Я тоже получил приказание сжечь и опустошить весь край между Ловчей, Плевной и Извором, но я нашел такое распоряжение варварским и неполитичным, — пишет Ланжерон. — Не только богатые турки кормили наши войска и хорошо обходились с нами, но и простой народ и правительство никогда не обходились с нами дурно. Тем более политические интересы требовали, чтобы с ними не употребляли крутых мер, не разоряли их страны и не отдаляли их от нас»*. Русские генералы под разными предложениями не исполняли сего приказания. Были у Кутузова и удачные начинания. Используя свой губернаторский и полицейский опыт ему удалось справиться с дорожными разбоями и

грабежами в дунайских княжествах [13]. К началу кампании он обезопасил тыл, получив возможность притянуть к себе часть войск из отряда Засса.

Кутузов сообщает Барклаю о сообразности числа подчиненных ему войск *«к войне оборонительной и к действию наступательному от Рушука»*, которого, как потом выяснилось, он не собирался производить. Новый главнокомандующий просит *«никуда далее не трогать без крайней нужды, которая еще и не предвидится»* отобранную у Каменского 9-ю пехотную дивизию, расположенную в Яссах. Он одобрительно отзывается об отмене экспедиции за Ловеч и Плевну к Тырново, назначенной в соответствии с планами Каменского, хитро делая инициатором этой отмены генерала Ланжерона [14].

Еще через две недели, в конце апреля, в адрес военного министра поступает донесение, озаглавленное: *«Мысли генерала Кутузова, замеченные в разговоре с ним»*. Кутузов рассуждает уже не о наступлении, а о *«больших поисках»* от Рушука. Там же изложены основы его стратегии. Наступательную войну он считает возможным вести только с прошлогодними силами, *«если пять дивизий, отделенные на Днестр, оставаться будут в бездействии и политические обстоятельства позволят»*. По его мнению, *«против турок не должно действовать как против европейских войск, всей массой сил совокупно»*. Кутузов предлагает разделить армию на 2–3 части, и с сильными корпусами (по 25 тыс. чел. каждый) *«вдаваться в отважные предприятия, не имея между собою никакого сообщения»*. Один из этих корпусов обороняется против Шумлы, другой направляется за Балканы к Адрианополю. Третий действует от Никополя через Софию. Для продовольствия далеко ушедших вперед корпусов, полководец предлагает иметь с собой большой запас сухарей и питаться *«всеми выгодами от земли»* [15].

В этих рассуждениях, систематизированных А. И. Хатовым [16] слышны отзвуки прежних поисков на Бабадаг и Мачин, удававшихся при слабом взаимодействии корпусов или вовсе без такового. Они походят на план Багратиона, но тот не судачил о сухарях и отсутствии сообщений, уделяя внимание расчетам материальной и пространственной базы операций. Сравнения с еще более совершенными планами Каменского идеи нового главнокомандующего вообще не выдерживают. С точки зрения сколько-нибудь правильной военной науки сей план сулил не больше успеха против турок, чем причинил вреда Наполеону марш-маневр с лихим выдвиганием к Браунау и трудным отходом назад в 1805 году.

Напрашивается вывод, что Кутузов говорит о наступлении лишь в угоду Петербургу. И действительно, раннего открытия кампании 1811 года не произошло. Сначала ждали появления травы на полях, потому что *«во всей Валахии нет, так сказать, ни фунта сена»*, потом прибытия гарнизонов из Никополя и Силистрии, затем — определения намерений турецкого визиря. Как отметил Петров, *«Кутузов не рвался на встречу неприятеля»* [17]. Хваля своего кумира за расчетливость и предусмотрительность, историк забывает, что не такая ему ставилась задача, а разгромленные Каменским османы, используя возникшую паузу, лихорадочно мобилизовывались. Подобный ход событий был не в ожиданиях царя и военного министра, надеявшихся, что кутузовский воз вот-вот тронется с места. Свою пассивность Михаил Илларионович как раз и прикрывал наступательной риторикой в смеси с уничижительными рассуждениями про турок типа: *«Всякое неожиданное или новое действие всегда приводит их в такое смятение, что не можно предположить, в какие вдадутся они ошибки и сколь велик будет наш успех»* [18]. В основе речения опять угадывается легкий успех 1791 года у Бабадага, но теперь османы быстрого и выгодного мира ни кунктатору Кутузову, ни его мятущемуся суверену Александру не предложат.

Характерно, что Петров, один из выраженных апологетов Михаила Илларионовича, подробно останавливаясь на одобрительном анализе плана Багратиона и критике еще более основательного плана Каменского, хвалебно описывая следом план Кутузова, всего лишь повторяет изложенное в *«Мыслях генерала»*. К этому он присовокупляет, что план действий нового главнокомандующего был *«составленный им еще в 1793 году»* и ссылается на аналогию с кампанией 1771 года. Учитывая тут же делаемое Петровым признание о том, что *«многотлетние войны с русскими и советы иностранцев, во многом улучшили тактику турок и научили их военному делу»* [19], плюс тот факт, что кутузовский план не был реализован даже в стадии приготовлений, шарманка получается удивительная. Разве можно ставить представления о тактике и стратегии в зависимость от симпатий, расхваливая чушь, предназначенную для забивания ушей императора? Можно ли оглуплять курсантов и офицеров своей страны, вещая им о возможности ведения войны по оперативным планам двадцати — сорокалетней свежести?

Однако, закиданный пластами времен «секрет» Петров приоткрыл. Наступательные соображения Михаила Илларионовича

со всей очевидностью основывались на *«Подробном описании пути чрезвычайного и полномочного российского императорского посольства, после Ясского мира, от Рушука через Шумлу в Константинополь, в 1793 году, с военными замечаниями о земле, с показанием способа провести и продовольствовать от 30-ти до 40-ка тысяч войска»* [20]. Оно-то как раз и было составлено из расчета движения через Шумлу и Малые Балканы к Адрианополю с разделением по параллельным дорогам наступающих корпусов. Это его Кутузов считает возможным реализовать, если ему дадут вдвое больше войск, и полагает еще дальше разделить корпуса, до потери взаимодействия между ними.

По всей вероятности, описание 1793 года было известно и Николаю Каменскому. Но, в отличие от Кутузова, он опирался на свои реальные, а не отсутствующие силы, и развил старые соображения тем, что намеревался наступать не через Шумлу, где столкнулся с трудностями, а через центральные Балканы. По этому маршруту преобладало болгарское население, в отличие от причерноморской Болгарии, к началу XIX в. густо заселенной турками. Это позволяло рассчитывать на поддержку национально-освободительного движения и глубоко вторгнуться на территорию противника, обойдя сильные турецкие позиции в Малых Балканах. Отдаленные фланги, где не хватало русских войск, помогали защитить ранее взятые крепости. Османов вряд ли осмелились бы их обойти, а при всякой осаде Каменский получал время на ответный маневр.

На самом-то деле, Кутузову, если он хотел отстоять максимум требований к Турции со стороны России, следовало не обговаривать свой прожект, готовясь при этом к отступлению за Дунай, а действовать по плану Каменского, компенсируя недостаток сил активностью. Конечно, Александр I крепко осложнил полководцу задачу, приведя дело к тому, что Дунайская армия после ухода пяти дивизий могла позволить себе только один ударный корпус численностью не свыше 15 тыс. чел. Но сил не хватало и для обороны за Дунаем. Чтобы добиться мира с истощенной Турцией, Кутузов в ходе кампании 1811 года был вынужден и сумел выпросить обратно две с половиной дивизии. Со стратегической точки зрения, лучше бы он получил их для задунайских операций, нежели для действий на северном берегу реки.

По стечению обстоятельств, в начале апреля 1811 года визирем Оттоманской Порты стал Лаз Азиз Ахмед Паша, с которым Михаил Илларионович был дружен во времена своего посольства 1793–1794

гг. в Константинополе. Главнокомандующий увидел в этом важное подспорье. Действуя политически дальновидно, Кутузов испросил у канцлера Н. П. Румянцева полномочия для ведения мирных переговоров с Турцией, и получил их. 20 апреля (2 мая) главком сердечно поздравил Ахмеда-Пашу с высоким назначением [21], что стало предвестником превращения военной кампании в дипломатические вальсы и перехода инициативы к туркам. Переписка и обмен подарками между русским и турецким главнокомандующими не прекращались, став темой для армейских анекдотов. Даже накануне Рущукского боя Кутузов отправил визирю шесть фунтов чаю, приняв от него взамен посылку с апельсинами.

Вскоре начало происходить то, что и должно было при таком ходе поступков и мыслей главкома произойти. К нему 5 (17) мая прибыл представитель визиря с предложением начать мирные переговоры. Ахмед-Паша водил Кутузова за нос теми же средствами, которые тот использовал против него, выражая в личном письме надежду, что друзьям *«суждено... сделаться орудиями мира»*. Поэтому, даже получая известия о подготовке турок к наступлению, Михаил Илларионович продолжает держаться пассивно, и отписывает о своих надеждах в Петербург. Там клюнули на это, и Кутузов разразился письмом к *«благороднейшему, прославленнейшему и высокопросвещенному другу»*, повышая статус переговоров их переводом в Бухарест [22].

Дела, однако, пошли ровно наоборот. Бездействие Кутузова убедило визиря в слабости ополовиненной русской армии. Посланник Михаила Илларионовича П. А. Фонтон отписал главкому, что турецкое правительство менее чем когда-либо склонно к удовлетворению требований России, считая, что политическое и военное положение Турции, по сравнению с прошлым годом улучшилось, а Россия напротив, вошла в затруднительное положение. Ахмед-Паша решил начать наступление к Рущуку, овладеть им и перейти Дунай. Вторая турецкая армия, собранная у Софии, должна была переправиться у Видина и вторгнуться в Валахию. Соединившись, турки предполагали наступать на Бухарест, и далее на Фокшаны. В ожидании событий Кутузов ободрял Петербург своими планами дождаться выхода знатного корпуса визиря к Рущуку: *«И если такое событие мне пощастливится... разобью я его и преследовать могу... за Разград верст до 25-ти без всякого риска»* [23]. Событие, как известно, пощастливилось, и даже врага от Рущука отразил, но преследовать не пытался, кинувшись от визиря в противоположную сторону, за Дунай. На самом деле, зная

о трудностях Каменского у Шумлы, воитель не намеревался идти за Разград, отдав войскам распоряжение исправлять позади Журжи рикадные дороги, чтобы метаться вдоль Дуная от пункта к пункту, в зависимости, где к реке приблизится противник [24].

Параллельно главком продолжал заниматься давно знакомым ему торговым и таможенным протекционизмом, 1 (13) июня отписав канцлеру Н. П. Румянцеву пространное послание о необходимости взыскания налогов и ограничения привилегий иностранных купцов, проживающих в Дунайских княжествах. И опять добился своего. В 1811 году возобновилась та же коррупционная практика, что три года тому, усугубляемая похотливостью полководца: *«Первым делом Кутузова по приезде в Бухарест было отыскать себе владычицу... его выбор поразил нас. Он пал на 14-летнюю девочку, племянницу Ворлама и бывшую уже замужем за одним молодым боярином Гунианом. Она очень понравилась Кутузову и он, хорошо зная валахские нравы, приказал ее мужу привезти ее к нему, что тот и исполнил. На следующий день Кутузов представил нам свою возлюбленную и ввел ее в общество, но к несчастью, этот ребенок... скоро начал иметь на нас большое влияние и пользовался им исключительно для себя и для своих родных»*. Поэтому Михаил Илларионович *«сильно покровительствовал валахам и защищал их от разоренья и убытков»* [25], сделал то же самое, из-за чего Багратион разругался с Милорадовичем. Сохранение военной тайны делалось теперь затруднительным, последствия личной похоти умевались только скрытностью главнокомандующего.

Турецкая армия выступила из Шумлы. Столкновение приближалось, а Кутузова по линии любезных ему тайных сношений и переговоров кормили дезинформацией, будто Ахмед-Паша собирается вести *«демонстрации на Руцук»*, а основным войском хочет *«в то же время вторгнуться в Малую Валахию»*. К 10 (22) июня он поверил в это, отправив военному министру пространное донесение о планах турецкого командования и собственных мерах противодействия. Кутузов был готов маршировать к реке Жио на подкрепление Засса, но не считал возможным идти на визирия к Разграду *«в крепкую его позицию, закрытую сильно укрепленными его дефилями»* [26]. Еще не дав боя врагу, и цепляясь за переговоры, полководец 18 (30) июня направляет Румянцеву письмо о необходимости смягчить позицию России в вопросах мира с Портой. В тот же день он робко пишет Барклаю де Толли о своем намерении атаковать форпост турок против Руцука, — селение Кадыкей, чего, разумеется, не исполнил [27].

М. И. Кутузов понимал, что после всех его «рекламных» донесений, отход от Рушука без боя был немислим. В то же время, результатом его пассивности и обмана со стороны сердечного друга Ахмеда—Паши и Видинского Муллы-Паши явилась растянутость русской армии по Дунаю и невозможность собрать максимум сил под Рушук, когда выяснилось приближение к нему всей армии ви-зиря. В городе находился корпус П. К. Эссена 3-го. Главный корпус А. Ф. Ланжерона быстро притянулся от Журжи, но корпус генерал-майора Е. Е. Гампера с 6 батальонами пехоты и 10 эскадронами конницы так и остался у Силистрии, вопреки данным о том, что турецкие силы напротив этого пункта незначительны: *«У Силистрии находится Илик-Оглу, при коем было прежде 3 т. человек, а после... остался он с четырьмястами»* [28].

Корпуса Эссена и Ланжерона, насчитывавшие по счислению са-мого Кутузова 25 батальонов пехоты и 39 эскадронов кавалерии, все-го менее 15 тыс. чел., 20 июня (2 июля) выступили из Рушука. Гейс-ман исчисляет русские силы в 32 батальона пехоты, 40 эскадронов и 3 полка казаков [29]. Богданович — в 18 тыс. чел., — то же самое по подсчету состава указанных подразделений [30]. Но эти оценки завышены: главнокомандующий для обеспечения тыла оставил в Рушук казаков, 6 пехотных и 2 десантных батальона, снятых с Ду-найской флотилии. В русских войсках имелось 114 артиллерийских орудий. Противостоявшую турецкую армию те же источники считали в 60 тыс. чел., из коих половина конницы, и 78 пушек.

В тот же день произошел кавалерийский бой за форпосты, вы-явивший превосходство русской кавалерии. Под ее прикрытием Ду-найская армия построилась в 4 верстах от крепости, на местности, ис-ключавшей обход правого фланга. Войска стали в 2 линии, в первой 6, а во второй 3 каре в шахматном порядке, имея за собой конницу в 3-й линии, за левым флангом пехоты. Попытка обхода русских пехот-ных каре слева выводила турок прямо на нее. Левым крылом коман-довал генерал-лейтенант А. Ф. Ланжерон, правым — генерал-лейте-нант П. К. Эссен 3-й, кавалерией — генерал-лейтенант А. Л. Воинов, артиллерией — генерал-майор И. И. Новак. Главнокомандующий находился в центре. Фронт армии был удобен для действий, но тыл и фланги, особенно левый, благодаря оврагам, ирригационным ка-навам, садам и виноградникам, простиравшимся до самого Рушука, допускали просачивание групп противника. С этим приходилось ми-риться, увеличивая резерв в городе, так как избранная позиция была

единственная по дороге в Кадыкей, которую можно было занять, не теряя сообщения с крепостью [31].

Утром 22 июня (4 июля) 1811 года визирь атаковал Кутузова у Рущука, открыв фронтальный бой артиллерией, которую по-французски бросил в передовые порядки. Русские пушки хорошо отвечали, и турецкие канониры, плохо подготовленные к решительному образу действий, продержались недолго, не сумев расстроить пехотных каре. Затем Ахмед-Паша изобразил атаку на правое, и тут же обошел массой конницы левое русское крыло. Турки обратили в бегство часть кавалерии Воинова: казаки Грекова, Кинбурнские драгуны и Белорусский гусарский полк были смяты и рассеяны. Одна из артиллерийских рот осталась без прикрытия, не успела примкнуть к пехотным каре, и была изрублена. Фланговые каре были вынуждены отойти в виноградники. Турецкие всадники прорвались в тыл русской позиции, где меньшей частью доскакали почти до Дуная, а большей, — натолкнулись на предусмотрительно оставленные Кутузовым резервы и готовый к отпору Рущук. Не сумев развить успех, они потянулись отступать к заранее укрепленной позиции у с. Кадыкей, а потрепанная русская кавалерия не могла их живо преследовать.

Хорошее описание Рущукской битвы имеется у Ланжерона, повествующего как о правильных, так и неверных решениях Кутузова. К числу ошибок он относит отделение всей кавалерии под команду Воинова, чье недовольство (после сделки с Зассом) Михаил Илларионович пытался смягчить. В результате, кавалерия была построена слишком обширно, лишилась поддержки пехоты, и уступила многочисленной турецкой коннице: *«Дерзкое нападение турок испугало и изумило нашего главнокомандующего». «Кутузов должен бы был лично прибыть сюда и руководить ходом сражения, но для этого он слишком стар, тяжел, ленив»* [32].

В реляции о сражении Кутузов указал: *«По суещей справедливости неприятеля убитыми на месте не осталось более, как несколько за полторы тысячи человек» и потери его определенно сказать невозможно по привычке их увозить с собою тела. Наш урон убитыми и ранеными не простирается до 500 человек»* [33]. Один к трем — не лучшее соотношение потерь для русско-турецких войн, к тому же, последнюю цифру надо полагать заниженной. По Ланжерону, *«мы потеряли 1180 человек»* [34]. Здесь же звучит удивление жестоким боем, какой навязал своему «другу» старый стамбульский приятель. Главнокомандующий характеризует турецкие движения рассчитанными *«так мудро,*

что могли бы служить славою и самому искусному генералу», признается, что более 10 тыс. конницы прорвались «между мною и Рущуком в садах», и констатирует: «Довольное число наших убитых ядрами доказывает, что артиллерия неприятельская действовала весьма сильно. Конница же его действовала с такой наглостию, что я в долговременную мою противу турецких войск службу таковой не памятую» [35].

В документах Кутузова есть откровенное письмо, адресат которого, «старый товарищ и дорогой друг», не указан. В нем говорится, что противник «делал все возможное, чтобы вырвать у нас победу» и отступил «в большом порядке». Отмечены «жестокый артиллерийский огонь» и «ярость» турецкой кавалерии. Затем, обнажая свое лицемерие в официальной переписке с Петербургом, полководец пишет: «С момента моего прибытия в армию я рассматривал Рущук как нечто, стесняющее меня, чрезвычайно ослабляющее мои силы... Местоположение этого проклятого укрепления таково, что, несмотря на сильный гарнизон, его нельзя предоставить его собственным силам... Победа над визирем, дающая перелом в событиях, мне показалась благоприятным моментом для оставления Рущука» [36]. Таким образом, мысль Кутузова не шла дальше глухой обороны, в которой он считал за полноценную победу отражение вражеских ударов без расстройства и ликвидации противника, видел отовсюду угрозы, и желал укрыться за Дунаем. Порочность такого подхода сегодня не нужно доказывать никому. Он был порочен и в начале XIX в., иначе «теоретик» выложил бы свои подлинные намерения открыто.

Кутузов ограничил преследование противника десятью верстами, и не атаковал Кадькей, как того ждали командиры корпусов Эссен и Ланжерон. Риск такого предприятия не был велик, пока за спиной русских войск был твердо удерживаемый Рущук. После утраты турками инициативы можно было использовать перевес русской артиллерии. К сожалению, из-за короткого и слабого преследования его увеличить не удалось, — турецкие канониры ушли без вреда. Османь даже увели с собой одну русскую пушку, захваченную ими во время кавалерийской атаки. Ланжерон сообщает: «Если бы я мог располагать хоть 5-ю эскадронами кавалерии, я бы сумел овладеть всей артиллерией турок с их измученными лошадьми... Мы не ждали найти этот лагерь укрепленным, но оказалось, что его укрепили только 5-ю редутами, построенными впереди фронта и расположенными в виде квадратов. Я не сомневался в том, что мы можем легко снести этот лагерь и... довершить победу. Но Кутузов судил совсем иначе... он остановил все войска,

а затем повернул назад и возвратился в свой лагерь. На все мои доводы он ответил так: «Вы знаете, что наши люди не умеют хорошо ходить в атаку, а я, будучи отброшен с перемешанными в беспорядке частями, легко могу понести полное поражение. Подумайте, ведь у меня только одна армия!» — Трудно было рассуждать более односторонне, руководствуясь лишь излишней предосторожностью, более чем неуместной» [37].

Богданович, Петров и Гейсман приводят другой, поистине анекдотический резон действий полководца: «Если пойдем за турками, то вероятно достигнем Шумлы, но потом что станем делать! Надобно будет возвратиться как и в прошлом году... Гораздо лучше будет ободрить моего друга Ахмета-бея (визиря) и он опять придет к нам» [38, 39]. Но мы знаем, что Каменский от Шумлы не возвращался, а маневрировал, выманивая турок на генеральное сражение, и с успехом дал его при Батине. У Кутузова не было нужды в маневре, он уже получил сражение при Руцуке. Так зачем не доводить дело до конца, и надеяться на другую возможность? Но Кутузов простоял три дня в бездействии, сжег город и в ночь с 27 на 28 июня (с 9 на 10 августа) переправил войска на северный берег Дуная. Согласно записям в журнале военных действий «неприятель во время отступления не преследовал». Слава Богу, ибо непонятное для населения и армии отступление совершалось в убийственном хаосе, похожем на тот, что будет сопровождать армию Кутузова в близкой уже Отечественной войне.

«Упорные армяне никак не хотели оставлять Руцук; им объявлено, что их квартал будет зажжен первый, все они единогласно пожелали лучше сгореть чем удалиться; их желание было удовлетворено... Скоро наступили проклятия болгар, на нас изливаемые... их бледные лица, плач ребят, крик жен и стоны старцев, коих поспешно волокли к мосту, были предметы, приводящие в ужас железные сердца... К сему несчастию... солдаты, которым назначено класть сожигательные вещества, бросились первые грабить... они друг перед другом торопились скорее напиться (еще бы, такие-то приказы исполняя. — А. Д.). По беспорядку пьяной зажигательной команды, некоторые улицы загорелись прежде, чем успели пройти полки, и люди пробежали в пламени... В сие время главнокомандующий, при свете пожара, сидел поблизости моста на барабане. Полки в беспорядке бежали мимо него, он был недоволен своею ретирадою, он думал и говорил, что наши пушки брошены в Руцуке... Скоро старик вышел из себя; его оскорбительные слова гр. Ланжерону, Эссену, Гартингу и всем без исключения около него стоящим генералам были чрезмерны. Мы видели, что он не умел владеть собою, что принесло ему в глазах страши-

ного множества чиновников, слышавших его площадные ругательства, немного чести. Я довольно близко слушал происходившую комедию» [40].

Таков был очередной, после Монастырища и Никополя, опыт тактики выжженной земли, примененный Михаилом Кутузовым вместо решительного удара по врагу. Результат не замедлил отозваться неприязнью населения к русской армии, в то время как «жестокий» Николай Каменский удостоивался искренней *«почести от духовенства и народа болгарского»*. В сдавшихся ему городах не трогалось ничего, а русские и турецкие офицеры после капитуляции имели обычай ходить друг другу в гости и обмениваться подарками [41]. Поутру противник появился в Рушукке и начал производить *«пальбу по нашей флотилии с берегу и принудил оную войти в пролив близ Журжи»* [42].

Как часто бывало в ту эпоху, оба полководца заявили о виктории. Чтобы не остаться без наград, об оставлении Рушукки Кутузов доложил Барклаю де Толли только 2 (14) июля. Не срослось. За Рушукский бой он был награжден после ретирады, — царским портретом для ношения в петлице мундира, — чтобы лучше помнил о наказах государя, которые были далеки от исполнения, как никогда. Ничем не наградить военачальника было нельзя, — из политических соображений Петербург изображал победу и соблюдал дворянские обычаи, чтобы подданные не охладели служить короне. Ура-патриоты обычно ищут в этой награде что-то благоговейное, чего современники не видели и не ощущали: *«Один турок, Мустафа-Ага, приближенный великого визиря, обыкновенно исполнявший все его поручения, явился к Кутузову, чтобы выразить известный знак вежливости. Заметив у Кутузова в петлице портрет императора и узнав, что он пожалован ему за Рушукское сражение, он, с нескрываемой иронией и очень апокристическим тоном произнес: «Я в восторге, так как наш великий визирь тоже получил бриллиантовую эгретку за то же сражение»* [43]. Вне сведения общественности Александр I отписал Кутузову письмо с упреками, однако тот сохранил плаксивое монаршее расположение. Другого полководца в резерве у царя все равно не было. Закончилось все нудной перепиской с поиском виновных в плохих действиях русской конницы и потере пушки в Рушукском бою.

До сих пор большинство российских историков видят в отступлении Кутузова стремление заманить Ахмеда-Пашу за Дунай, чтобы окружить и уничтожить его войско на северном берегу реки, но ничем кроме запоздалых высказываний виновника отступления и его adeptов, эта точка зрения не подтверждается. Непонятно, зачем было

давать визирю возможность оправиться и довести численность своей армии до 70 тыс. чел. Меньшая армия, находящаяся под угрозой вступления в войну третьей державы, должна громить врага быстро и по частям, как это делали Наполеон и Каменский, а не отдавать инициативу противнику. После сообщения об отступлении русских на левый берег Дуная, лица, присутствовавшие в Париже при отправлении Бонапарта ко сну *«никогда не видали его в таком веселом и довольном расположении духа»*. Внимательно наблюдавший за французским императором А. И. Чернышев связал этот момент с принятием окончательного решения на войну с Россией: *«С этого дня он твердо решился, ход военных приготовлений и движений к северу усилен»* [44]. *«В Константинополе и Париже предались ликованиям по поводу отступления русской армии за Дунай... это был шаг до того для всех неожиданный, что он не смущал только одного Кутузова»* [45].

Разрушение до основания Рушукской крепости войсками Кутузова также является басней. Город сгорел, но крепость досталась противнику: *«Валы Рушука вовсе не были разрушены, потому что нужно было употребить, по крайней мере, месяц, чтобы их уничтожить, а то, что там было испорчено, в очень короткое время восстановлено было турками»*. Тогда же впервые проявилось стремление Михаила Илларионовича маскировать готовящееся бегство приказами о постройке укреплений: *«23 июня мы чувствовали себя совершенно спокойно, и Кутузов отдал приказание начать постройку укрепления, которое пересекало бы как Чернаводскую дорогу, так и равнину, по которой турки обошли наш левый фланг»* [46]. В 1812 году это станет правилом, зря истощающим силы солдат.

Анализ обстановки показывает, что Кутузов опасался оставаться на южном берегу Дуная под угрозой переправы на северный берег прибывшей к Видину второй турецкой армии Исмаила-бея. Турки уже разыгрывали такую стратегию против Багратиона в 1809 году. В пользу данного предположения говорит сопоставление промежутков затишья под Рушуком с боями под Видином, исхода которых ждал не только Кутузов, но и Ахмед-Паша. Главком с беспокойством докладывает в Петербург о переправе Исмаила-бея через Дунай, и невозможности выделить подкрепления генералу Зассу.

Неуверенность полководца заметна в его письме от 16 (28) июля 1811 года о переброске в Валахию уже не только 9-й, но и 15-й дивизий. Без стеснения признается провал задания царя: *«Турки, удостоверясь в том, что план войны нашей оборонительный и что мы не силь-*

ны, могут и вовсе не заботиться ныне о мире. Визирь деятельностью своею собрал знатные силы, и одно, что только может возродить в них желание к миру, есть то, чтобы дать движение 9-й и 15-й дивизиям в Валахию». В начале августа Кутузов очень беспокоится о выпрошенном у царя переводе дивизий поближе, в район Бырлад-Васлуй в Молдове. Еще через две недели, пользуясь тем, что для Наполеона окно возможностей на 1811 год закрывалось, он возжелал видеть у себя обе эти дивизии, шесть казачьих полков и роту конной артиллерии, требуемую из 12-й дивизии [47]. Все достижения Каменского пошли прахом вместе с планами Александра I усилить западное стратегическое направление. По ироничному сообщению К. В. Нессельроде: «Блестящая победа Кутузова при Рущуке очень обрадовала Наполеона; он полагает, что она затянёт мир, но не ускорит его. Он рад, что две новые дивизии направлены к Дунаю из польской армии» [48].

В довершение этой бледной картины, армия Кутузова (как следовало бы предположить из тактики заманивания) визиря у Слободзеи не ждала. Вместо этого главком расплыл силы в попытке обезопасить себя по всему течению реки. По данным Хатова и Петрова: «Перейдя Дунай, Кутузов отправил корпус Эссена... на р. Ольту, потому что еще 23 июня было получено известие, что Измаил-бей... выступил из Софии к Видину... а весь корпус гр. Ланжерона расположил в Петриках, в 20 верстах от Журжи». В Слободзею, стеречь высокий рущукский берег, было отправлено «3 батальона с 10 эскадронами кавалерии», а в дальнейшем этот отряд был «переведен в Обилешти, ближе к Силистрии» [49, 50]. У Богдановича читаем: «В половине (в конце) июля, визирь, усилив свою армию до 70000 человек, послал значительные отряды вверх и вниз по Дунаю. Кутузов тотчас подкрепил Засса в Малой Валахии и отряд Турчанинова в Турно и усилил Эссена, стоявшего у Обилешти» [51]. Да только Ахмед-Паша никаких значительных отрядов никуда не посылал. В результате, к встрече визиря у Слободзеи, где турки сосредоточили 66 тыс. чел., полководец мог привлечь не более 10 тыс. своих войск, а в первый день переправы и того меньше. Конечно же, в советском сборнике документов Кутузова нет ни слова о таком его управлении войсками. Лишь сопоставляя документы, можно угадать странное расположение корпуса Эссена [52].

Как видно, культовый полководец, растянув силы от Никополя до Силистрии, включая непосредственную защиту Бухареста и мостов через Олт, не ждал подвоха от Ахмеда-Паши, надеясь на диплома-

тию и опасаясь неизвестного ему Исмаила. Единственное, что можно поставить Кутузову в заслугу, — в отличие от Прозоровского он не утруждал солдат бессмысленными учениями. Продовольствие было хорошим. *«Благодаря этим заботам, вся армия провела в Валахии редко счастливое лето»* [53]. Кутузовское «заманивание» турок оказывается, на поверку, обманом непосвященных, прикрывающим ставшее обычным для Михаила Илларионовича бегство от генеральных сражений, которые в новую эпоху ему недоставало умения давать. Через год все повторится. Как Засс в Малой Валахии не пропустил Исмаила, так наполеоновские вояки не пройдут в Петербург, а обороняемой главными силами Кутузова Москве будет уготована участь Рушук, оправдываемая очередными «высшими» соображениями.

Ахмед-Паша не дождался Исмаила-бея, застрявшего в болотах под Видином, но все же решился отдать приказ о переходе через Дунай. Переправа турок у Слободзеи началась через два месяца после Рушукского боя, в ночь с 27 на 28 августа (с 8 на 9 сентября), и продолжалась до 2 (14) сентября. Несколькими часами раньше и выше по течению была совершена демонстративная, ложная переправа. Хитрость удалась. Когда русские войска были подняты по тревоге и Архангелогородский полк ударил на врага, наблюдавшие берег казаки оставили свои посты и побежали к месту ложной высадки. Под прикрытием сильных батарей с высокого южного берега, первые 3 тыс. янычар переправились через Дунай. Попытка сбросить их в реку силами отряда генерал-майора М. Л. Булатова не увенчалась успехом. Потери русских войск составили 200 чел. убитыми и 800 ранеными по Петрову, 1275 по Богдановичу и более 2000 чел. по Хатову и Мартосу, причем *«лучшие офицеры все переранены»* [54, 55]. Это было в 2–4 раза больше, чем по реляции Кутузова о бое под Рушук, — очевидное доказательство тому, что турок всеми силами пытались сбросить, а не заманить к себе на бережок. Рапортуя о действиях, Булатов сослался на категорическое повеление главнокомандующего: *«Отразить неприятеля на левой берег Дуная в окрестности Слободзеи в ночи переправившегося»* [56]. Так же излагает дело Ланжерон, добавляя, что немедленная отправка в бой отряда, утомленного ночной тревогой, *«была большой ошибкой со стороны Кутузова»* [57].

Хатов изображает кровопролитный бой следствием личного упорства Булатова, но в сопоставлении с другими источниками этому не стоит верить. Сверх человеческих жертв Старооскольский пехотный полк опять потерял одно орудие, ставшее трофеем янычар;

турками было захвачено знамя батальона Староингерманландского пехотного полка, неосторожно вынесенное вперед павшим в бою полковником Жабокритским, что стало причиной нового разбирательства. Визирь, наоборот, торжествовал необычайный успех, отослав в Стамбул отбитое русское знамя, вывешенное там для всеобщего обозрения у сераля. Со времен Петра I турки не захватывали в бою русских знамен.

Кутузов был близок к повторению своего Браиловского фиаско: *«Генерал Булатов находился в самом критическом положении; он потерял множество людей... Несколько раз присылал он адъютантов с донесениями главнокомандующему о невыгоде места, где дрались наши почти в рассыпную в густых камышах, имея перед собой всю неприятельскую армию. Булатова отряд мог быть весь выбит неприятельской артиллериею... Вскоре генерал Булатов потребовал себе подкрепления. Адъютант его донес главнокомандующему, но, не получая резолюции, осмелился напомнить об опасности дравшегося отряда. В числе других мне тогда случилось стоять подле Кутузова палатки; старик был взбешен и гневно возразил адъютанту: «скажи Булатову, что мне негде взять ему сикурса, а я пошел спать!» Слова неприличные предводителю армии. Мы удивились его беспечности или равнодушию, видели на деле ошибки его... Однакоже, немедленно было положено избрать лагерное место на Букарестской дороге, отсюда верстах в 16-ти. Журжинский гарнизон усилен тремя батальонами, из чего и догадывались, что главнокомандующий имеет в предмете отступить. Между тем на берегу реки происходило жаркое сражение, и пушечный и ружейный огонь все более и более усиливался. Генерал Булатов... видя, что он оставлен действовать без всякой цели или плана... отступил сам собою, и сие он сделал весьма благоразумно. Неприятельские батареи, расположенные на ближних горах, открыли сильный огонь по нашей расстроенной пехоте и довершили ее поражение. Таким образом турецкая армия перешла через Дунай боем, в виду нашей, разбила ее на всех пунктах... Турки скоро окопались обширным ретраншементом, украсили его своими знаменами и отрезанными русскими головами и вечером по обыкновению страшными криками молились богу. Мы не знали, что с нами будет, и были не больше, как зрителями их радости и восхищений» [58].*

Убедившись в прочности захваченного плацдарма, Ахмед-Паша наращивал силы. Не зная, что русский главнокомандующий так растащил свои войска по дунайским куличкам, что «кроме 12 батальонов, находившихся у Булатова, в распоряжении Кутузова имелось всего 6 батальо-

нов» [59], визирь остановился и не атаковал своими 36 тыс. янычар (30 тыс. осталось на правом берегу Дуная) небольшой отряд Михаила Илларионовича: *«Но не то следовало туркам делать. Они не должны были ограничиться одною переправою: им следовало тотчас самим атаковать нас. Тогда бы несомненно была их победа... ничего не было принято от неприятеля; он продолжал окапываться»* [60].

На следующий день форсированными маршами начали подходить другие русские отряды, и Кутузов, опасаясь, что ему перед царем головы не сносить, решил было атаковать турок в их окопах. Перед рассветом 29 августа (10 сентября) 16 батальонов должны были взять штурмом укрепление и лагерь, а в то же время 12 баркасов бечевою проходили мимо Рущука, чтобы сжечь все перевозные турецкие суда и лодки. В последний момент главком отменил свой план и отступил на три с половиной версты, тем самым бросив уже вышедшую на бой флотилию. Были понесены очередные бессмысленные жертвы: *«На нашем судне убито 4 и ранено 6 человек. Капитан 2-го ранга Акимов, видя невозможность удержаться, будучи под градом выстрелов из ружей и пушек, дал сигнал спуститься в свою прежнюю позицию ниже Журжи. На обратном проходе нашем нас проклятые турки изрядно провозжали; несколько ядер попало в мачту и закидало нас щепами. Один баркас в виду Рущука сел на мель; экипаж и артиллерия были свезены с него, а ночью и он стащен»* [61].

По изложению Хатова видно, что план несостоявшегося штурма 29 августа принадлежал не Кутузову, а Сабанееву, который поставил батарею выше турецкого ретраншемента, и *«вознамерился было в ночи построить большой редут на этом выгодном месте... Вследствие того он просил главнокомандующего, чтобы приказал флотилии подняться от Журжи... дабы ночью обстреливать неприятельский ретраншемент и прервать всякое сообщение между обоими берегами, что поставило бы турок в отчаянное положение»*. О причинах неисполнения начавшего реализовываться плана Хатов не сообщает, глубокомысленно заявляя: *«Но не так думал Кутузов... надеялся... разбить их, если бы они осмелились выйти из окопов своих в чистое поле»* (?) [62].

Столь же убийственны слова Ланжерона. Неудивительно, почему от них бегали как царские, так и советские историки: *«Смелый переход турок на левый берег Дуная заставил его совершенно потерять голову, и Кутузов... целые дни проводил в своей палатке, грустный и молчаливый. Не желая обращать внимание на то, что мы были гораздо сильнее турок и что мы могли, дня через два-три, ожидать еще подкреплений, Кутузов*

начал поговаривать об отступлении в Петрики, куда он уже и отправил свой вагенбург. Если бы Кутузов отступил, то этим он открыл бы Валахию туркам, и тогда он должен бы был оставить Бухарест. Никогда еще мысль более малодушная и лишенная всякого здравого смысла не приходила в голову главнокомандующему и, не вмешайся в это дело Сабанеев и я, он бы пожалуй привел ее в исполнение» [63].

Сознавая близость катастрофы, в которую он практически верг свою армию, М. И. Кутузов без уведомления Петербурга подписывает приказы о срочном движении на Дунай 9-й и 15-й дивизий, путем его долгих просьб возвращенных к Яссам и Бухаресту. Военному министру он оправдывается: *«Ежели бы я сделал сие противу воли его величества, то понудила меня к тому крайняя необходимость»* [64, 65]. К месту переправы спешно притягиваются корпус генерал-лейтенанта П. К. Эссена, отряд генерал-майора Е. Е. Гампера, стоявший в Калараше (напротив Силистрии), казачий полк из отдельного корпуса генерал-лейтенанта А. П. Засса и другие отряды. У главкома появилась новая цель: *«Бог мне поможет, не дам ни шагу вперед сделать»* [66]. О каком-то плане разгрома или окружения врага пока нет и речи. 7 (19) сентября турки пытались расширить плацдарм с помощью переправленной на северный берег конницы. Через два дня они продвинулись еще на 800 м, соорудив новое укрепление, а их кавалерия атаковала деревню Малу, стремясь опрокинуть правое крыло обороняющихся. Кутузов в ответ приказывал строить новые редуты [67].

9 (21) сентября, получив донесение о тяжелом бое отдельного корпуса за Калафат, упавший духом Михаил Илларионович предложил Зассу отходить на Крайову для защиты Валахии, чтобы препятствовать попыткам Исмаила-бея выйти в тыл армии. Однако умелому генералу отходить не пришлось. По версии советских историков виноватым в очередном сомнительном распоряжении Кутузова оказался... Засс. Он-де в ложном свете представил главкому положение своих войск [68]. Исмаил-бей не пробился, но и не бездействовал. К 27 сентября (9 октября) его армия подготовилась к переправе через Дунай у Лом-Паланки. Новую трудность преодолел полковник Г. Г. Энгельгардт, в ночь перед переправой уничтожив турецкие суда. С прибытием 9-й дивизии силы русской армии возросли до 25 тыс., и теперь Кутузов сам обложил укрепленный турецкий лагерь, устроив сплошную линию редутов, примыкавшую флангами к Дунаю. Он рапортует военному министру: *«Спокойно буду ждать атаки неприятельской... надеюсь... с помощью божиею, хотя с ослабевшими моими от сильных*

болезней полками, разбить его» [69], и опять ничего не делает целый месяц, выжидая исхода боев, которые вновь развязал Исмаил-бей, атакующий войска Засса, пытаясь открыть себе путь к Журже. Ахмед-Паша, в свою очередь, укрепляет плацдарм перевезенными из-за Дуная пушками [70].

В этой шаткой ситуации Александр I наконец-то соглашается на крупные уступки для Порты. М. Б. Барклай де Толли пишет М. И. Кутузову: *«Его величество ожидает токмо возобновления переговоров о мире с турецким правительством или верховным визирем, и тогда... даны вам будут высочайшие решительные наставления, сообразные обстоятельствам»*. Речь идет уже не о границе по Дунаю, а о мире *«с честью для государства»* [71]. Помимо 9-й и 15-й пехотных дивизий под командованием генералов Е. Е. Удома и Е. И. Маркова, с передачей которых горе-полководцу уже все согласны, и отдельных частей, которые он «прихватизировал» у П. И. Багратиона, Военная коллегия ускоренным порядком отправляет в Дунайскую армию 15726 чел. рекрут.

Кутузов наконец-то оказывается вынужденным умерить свою спесь и прислушиваться к генералам и офицерам Дунайской армии, которых ранее раздраженно обрывал. В письме к Барклаю де Толли от 20 сентября (2 октября) главнокомандующий впервые высказывает мысль перебросить на южный берег Дуная резервный корпус генерал-лейтенанта Маркова, разгромить, если получится, лагерь визиря и вредить с высокого берега переправившимся турецким войскам [72]. По дальнейшим событиям и документам видно, что к этому еще ничто не готово. 23 сентября продолжались жестокие бои за редуты, стойвшие русским войскам 400 убитых и раненых [73]. Кутузов будто только-только схватился за идею, и сразу пишет о ней наверх, так как в его кризисном положении надо что-то сообщать. В это же время по инициативе турок завязались новые переговоры, что было удобно для отвода глаз от готовящегося удара.

Какую важную роль в новом плане играл Е. И. Марков, видно из приказа Кутузова от 29 сентября (11 октября): *«Все распоряжения, нужные к этой экспедиции, попечением вашим готовы»* [74]. Собственно говоря, Маркова в первую очередь надо подозревать в авторстве блестящего плана, ибо во время штурма Измаила в 1790 году он занимался сходными действиями по заречной блокаде крепости и обстрелом города из-за Дуная [75]. В этой связи неудивительно, что план появился после прибытия к Слободзее 15-й дивизии, а догадки

Богдановича, что толчком к идее окружения лагеря визиря послужила гибель одного из турецких отрядов на Днестре в 1769 году, могут вызвать лишь скепсис.

Один единственный источник, А. Ф. Ланжерон, рассказывает, как было дело: *«Прошло 6 недель, а мы все еще стояли друг против друга... Армия роптала, а генералы были в полном отчаянии. Марков, Сабанеев и я, мы долго уговаривали нашего старого главнокомандующего решиться на наступательное действие... но Кутузов ничего не хотел слушать... Он по целым дням не выходил из своей палатки, проводя время в еде, тратя на свой обед по 3 часа, а затем 2 часа давал на отдых своим глазам и так пропадал весь вечер; утром было то же самое: он вставал в 10 часов, слушал важные бумаги и делал разные заметки, что нередко занимало у него время до обеда. В течение всей блокады, он ни разу не посетил ни редутов, ни войск! Так нельзя командовать армией, но зато он был счастлив... Мы опасались, чтобы турки не перешли Дуная в Туртукае... Чтобы предотвратить эту катастрофу, Кутузов... приказал 8 судам нашей флотилии спуститься по реке и стать против Туртукая; затем послал в Корнажи, по правому берегу Аржича, полковника Грекова 8-го с казачьим полком; Гампер был послан в Лунке, где ему было приказано перейти мост и стать в Негоешти. Таким образом, отряды Гампера и Грекова соединились в Слободзее и в Калараше и также установлено наблюдение за происходящим в Силистрии. Вскоре мы узнали, что в этом городе было не более 300—400 вооруженных людей, а... в Туртукае же оставался лишь слабый отряд, не имевший даже пушек. Тогда Кутузов поднял вопрос, чтобы Гампер со своими отрядами перешел Дунай у Силистрии или у Туртукая и, после того как он займет эти места, двинуться по Шумлинской дороге до самого Разграда, заняв который прекратить движение обозов с армией визиря. Так как это был последний город, через который турецкий обоз приходил в лагерь визиря, то такая демонстрация заставила бы его вернуться. План этот был бесспорно хорош, но все-таки он не был лучшим... Мы составили следующий план: в одну ночь прекратить сообщение через Дунай; послать корпус в 4—5 тысяч на правый берег Дуная и, с рассветом, самим напасть на турецкий лагерь. Мы долго не могли склонить Кутузова на утверждение этого плана; Марков беспрестанно являлся ко мне, и мы вдвоем шли к главнокомандующему, который на все наши доводы часто даже ничего не отвечал. Сабанеев и адъютанты умоляли меня не терять драгоценного времени. Наконец Кутузов согласился, но только с непременным условием вернуть отряд Гампера. Это было совершено*

но лишнее, но раз уж начальник имеет такой слабый и нерешительный характер, какой был у Кутузова, и когда он не надеется на силу своих доводов, он всегда рад тянуть время, называя это выигрышем времени. Экспедицию эту Кутузов поручил генералу Маркову... Я мог бы принять на себя начальствование этой блестящей и почетной экспедицией... но я должен был пожертвовать своим честолюбием для общего блага. Я никак не мог покинуть своего поста, а также и Кутузова, так как если бы я оставил его хоть на минуту, то он сейчас же послал бы отмену всех своих приказаний. После меня, следующим был Эссен, уважаемый всей армией и пользовавшийся расположением Кутузова... но я направил его выбор на Маркова, который... непременно бы начал интриговать... если бы вместо него был назначен кто-нибудь другой. Но так как начальство над этой операцией было поручено ему, то мы были покойны, что он не будет препятствовать нашему делу... Тем не менее, правда заставляет меня сказать, что когда Кутузов, наконец, решился на эту экспедицию и поручил ее Маркову, он то и дело придумывал различные способы, которые могли бы способствовать успеху дела. Мне же он раз 20 повторял: «Это Вы меня склонили на решение, а раз вино откупорено, его надо пить». Он пил и находил хорошим вино, хотя оно могло быть и лучше» [76].

Рассказ Ланжерона хорошо сопоставляется с важным документом самого Кутузова, — отношением к военному министру, датированным в советском сборнике документов и материалов полководца тем же 20-м числом, что вышеупомянутое «озарение» двинуть через Дунай корпус Маркова. В нем, после описания поиска на южный берег Дуная, проведенного отрядом генерал-майора Турчанинова у Никополя, и намерений главкома подкрепить отдельный корпус Засса, указывается: «Сие... подкрепление Зассу остановит меня на несколько дней произвести в действо намерение, которое я было возымел против визира, не атакою его во фронт под пушками его батарей... но иным образом... скоро должен быть берег здешний очищен от неприятеля» [77].

Большинством историков это речение толкуется в связи с проведенной вскоре операцией, как доказательство ее появления в уме культового полководца, но это не так. Сказано: неприятель очистит северный берег, а не будет окружен, как предусматривалось планом Маркова. Это как раз и произошло бы при попытке перерезать коммуникации турок от Силистрии в направлении на Разград, потому что расстояние между этими городами 116 км. Мы видим типичную кутузовскую мысль, — обнаружив слабость турецких флангов, он за-

мышляет не тактически острый «клинч», а дальний охват, о каком поведует Ланжерон. Со стороны Никополя он невозможен, остаются Силистрия или Туртукай (современный Тутракан). Сопоставление двух документов в адрес военного министра показывает, что даже если они были отправлены в один день, то готовились в разное время. А проверка по источникам XIX в. дает, что советские историки ошиблись, — «озарение» появилось не 20, а 26 сентября [78]. Между этими датами происходил финальный акт описанной Ланжероном драмы, когда генералы склоняли главкома на более эффективный план.

То, что можно было управиться получше, находил и Мартос: «*Одни и те же обстоятельства, кто помнит кампанию Румянцева, но страшная разница в генералах!*» [79]. Лучшее — враг хорошего. Русские генералы были радехоньки, что им удалось вырвать согласие Михаила Илларионовича. Утечка информации о приготовлениях все же произошла (трудно было ей не случиться через валашскую любовницу Кутузова), но он справился с этой проблемой, обработав лестью и угождениями французского консула в Бухаресте, через которого шла тайная переписка. Тем временем отряд генерал-лейтенанта Маркова (5 тыс. пехоты, 2,5 тыс. конницы и 38 орудий) переправился 1 (13) октября на правый берег Дуная и на рассвете следующего дня атаковал остававшиеся там турецкие войска, которые, поддавшись панике, бежали частью в Рушук, частью к Разграду. Марков, выставив на правом высоком берегу свои батареи, усиленные 8 трофейными пушками, стал громить лагерь визиря. В тот же день русская дунайская флотилия полностью прервала сообщения окруженных турок. Кольцо быстро крепчало. Марков строил редуты, между его заречным корпусом и основной армией была налажена паромная переправа под прикрытием 4-орудийной батареи. Кутузов поспешил превеличить долгожданный успех, указав число убитых турок 3500 (по донесению Маркова — 1500 и 300 пленных), живописуя захват всего лагеря и богатой добычи. Русские войска потеряли всего 50 чел., из них убитыми — 9. Получив донесение о победе, царь наградил едва сумевшего выпутаться полководца графским титулом (наследников у него все равно не было). Генерал Марков был отмечен весомее, — орденом Св. Георгия 2-го класса [80].

К этому моменту три с половиной месяца прошло со дня Рушукского дела. Не было единой Рушукско-Слободзейской операции, о которой доньне рассказывают всем интересующимся российской историей, студентам и курсантам военно-учебных заведений [81].

Нетрудно заметить, что ход фантазийной операции противоречит канонам военного искусства и требованиям к обороне водной преграды, которая строится на обоих берегах, предполагает проведение контратак и особое внимание к местам берега, удобным для высадки [82]. Следовательно, оставление Рущука было ошибочным. Удобнее наносить контрудар от него, чем заново переправляться через Дунай. А еще лучше было разгромить визиря в Кадыкее, и не сталкиваться с кризисом обороны. Вымышленная операция — это яркий пример эклектики в российской военной истории, нагнетаемой панегиристами. Дослужившийся на этом холуйстве до генерал-лейтенанта П. А. Жилин в 1968 году сообщил читателям о *«решительных наступательных действиях»* Кутузова на Дунае [83]. Для вящей убедительности ход действий изложен не был. Хорошо, что в 1942 году Волгу под Сталинградом обороняли не по образу и подобию Дуная под Рущуком. Чего у Кутузова не отнять, — он сумел выйти из ступора и извлечь выгоду из уступки, сделанной своим подчиненным. Вместе с тем, он был таким главнокомандующим, какого армии не пожелаешь. Ланжерон написал: *«Нет ничего неприятнее для генерала, подчиненного другому, как иметь начальником человека безрассудного и боязливого; уж лучше начальнику быть менее талантливым, но непременно более предприимчивым. Я никогда не страдал так нравственно, как в конце этой кампании»* [84].

Разоблачая бытующую доньяне байку, как Кутузов специально выпустил из Слободзейского котла визиря Ахмеда-Пашу, чтобы ему было с кем вести переговоры о мире, приведем слова его собственного донесения в Петербург от 3 (15) октября: *«Легко может статься, что визирь ночью, несмотря на бдительность наших судов, и ускользнет своей персоной в Рущук, но препятствовать сему будем сколько возможно»* [85]. Вот тут-то Михаил Илларионович знал, что писал, и своему другу — визирю не подыгрывал. На Дунае был вооруженный турецкими пушками островок Голя, создававший последнюю возможность переправы. Он был занят войсками Маркова в ночь с 4 на 5 (с 16 на 17) октября в жестоким бою. А визирь накануне успел объявиться в Рущуке. Таково же описание Хатова, а байку он изложил характерным для исторических анекдотов подстрочным примечанием: *«Уверяют, что...»* [86]. Гениальной интриги не было. Конечно, апологеты выдающихся талантов и достижений Михаила Илларионовича могут возразить, что в этом случае он так же лгал военному министру, как много раз до того, но на таких доводах строить логические конструкции нельзя.

Вся дунайская кампания Кутузова несет на себе отпечаток пассивности и разобщения сил. Поставленные задачи не были решены. К ошибкам Петербурга полководец добавил собственные просчеты. Истощенные Каменским турки не могли собрать на театре более 90—95 тыс. войска и разделили его, а Кутузов смотрел только на свои уменьшившиеся силы. Он отказался от активных действий, призвал себе на помощь дипломатию, поджоги городов, лицемерие в донесениях. Ему не удалось провести Ахмеда-Пашу, и тот, сконцентрировав турецкую армию, двинул ее через Дунай. Но тут главнокомандующему пришли на помощь его генералы: Марков, Ланжерон, Сабанеев, Засс и другие, без которых благополучного завершения боев 1811 года не случилось бы. Не забывал Михаил Илларионович в этой кампании свою личную выгоду и плотские улады, а равно саморекламу: *«Букарест ликовал с победителями. Граф Кутузов как победитель, въехал в триумфальные ворота, в честь ему выстроенные»* [87]. Все это делает Кутузова реальным человеком своего века, а не рисованным идолом.

В заключение укажем еще одно «шило», лезущее из мешка умолчаний апологетики: план кампании, который в 1811 году осуществлял М. И. Кутузов (за исключением финального окружения турок под Слободзеей), — это план Наполеона по сковыванию русских войск на Дунае. В октябре 1810 года царский резидент А. И. Чернышев донес из Парижа о «советах» императора Франции по ведению русско-турецкой войны. Бонапарт осторожно и умело чернил Н. М. Каменского 2-го, беспокоясь, что после Батина выгодный для России мир может быть скоро заключен. Затем он изложил свой план, на который хотел толкнуть русских: *«Удовольствоваться тем, чтобы, расположив четыре дивизии на левом берегу Дуная, отражать турок каждый раз, когда они пытались переправиться... Он был уверен, что тогда турки, видя, что отобрать завоеванные провинции им не удастся, и, видя согласие между великими континентальными державами... принуждены были заключить мир на требуемых условиях... Лучше было действовать оборонительно, нежели проникать в страну... и подвергаться потерям и случайностям»* [88]. Надо же, какое «согласие» между державами, через 20 месяцев закончившееся войной, какое «знание» психологии османов, без мощного давления всегда поступающих наоборот! Но как раз это Михаил Илларионович и делал, пока не очутился у разбитого корыта, и ему не понадобилось слушать кроме себя и Наполеона кого-то еще.

Бонапарт высказал Чернышеву тот же, что и у Кутузова, тезис о непредсказуемом смятении турок перед решительными действиями: «Была ошибка с нашей стороны, что турки показали в этой кампании больше энергии и сопротивления, чем в предыдущие, и эта наша перемена через Дунай произвела в них такую тревогу и придала мужества; что он не понимает, каков был наш план». А затем дал «подачу» прямо в масть Михаилу Илларионовичу: чтобы идти на Константинополь, нужно «иметь в армии человека, соединяющего в себе военные доблести с большими политическими соображениями» [89]. Какая тонкая игра! Тут смерть Каменского с назначением на его место Кутузова действительно начинают выглядеть подозрительно. Неужели планы Кутузова, и отчасти Александра I на кампанию 1811 года основывались на заглотанных ими тезисах императора французов, почерпнутых из речей, произнесенных 9 (21) октября 1810 года в Фонтенбло, а французская резидентура подыграла? В итоге царь и военный министр были совершенно обмануты лепетом «екатерининского орла» об «отважных предприятиях».

1. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 323, 325. С. 251–253.
2. Кутузов М. И. Письма // Рус. Старина. 1874. № 5–8. С. 354–355.
3. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 368. С. 291–292.
4. Там же. Док. № 369. С. 292.
5. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 247–248, 250.
6. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 7. С. 167.
7. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 27.
8. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., Т. 2. 1869. С. 518.
9. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 262–265.
10. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 7. С. 169–170.
11. Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 8. С. 507.
12. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 108.
13. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 7. С. 171–172.
14. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 388, 389. С. 306, 311–313.
15. Там же. Док. № 432. С. 350–353.
16. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенищева-Кутузова. СПб., 1840. С. 32–37.

17. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 253.
18. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 432. С. 352.*
19. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 253–256.
20. *От Руциука до Константинополя // Рус. Старина, 1878. № 1. С. 105–124.*
21. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Прил. к док. № 418. С. 336–337.*
22. *Там же. Ком. 4 к док. № 451. С. 368. Док. № 452. С. 369–370.*
23. *Там же. Док. № 469. С. 386.*
24. Хатов А. И. *Турец. поход русских под предв. Голенищева-Кутузова. СПб., 1840. С. 45.*
25. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1910. № 7. С. 167–168, 171.*
26. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 513. С. 438–440.*
27. *Там же. Док. № 528, 535. С. 454, 460.*
28. *Там же. Док. № 513. С. 439–440.*
29. *РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 660.*
30. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 519.*
31. Хатов А. И. *Турец. поход русских под предв. Голенищева-Кутузова. СПб., 1840. С. 55–57.*
32. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1910. № 7. С. 174, 177; № 8. С. 341.*
33. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 543. С. 467–468.*
34. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1910. № 8. С. 344.*
35. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 543. С. 467.*
36. *Там же. Док. № 554. С. 477–478.*
37. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1910. № 8. С. 342–343.*
38. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 521.*
39. *РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 661.*
40. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. N. 7. С. 355–356.*
41. *Там же. С. 318, 341.*
42. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 540. С. 463–464.*
43. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1910. № 8. С. 346.*
44. Чернышев А. И. *Донес. канцлеру гр. Н. П. Румянцеву // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 220–221.*
45. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 274.
46. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1910. № 8. С. 346–348.*
47. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 576, 595, 606, 632, 639, 675. С. 498–499 и далее.*

48. Из семейного архива гр. Нессельроде // Рус. Старина. 1906. № 3. С. 659–660.
49. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенщикова-Кутузова. СПб., 1840. С. 68–69.
50. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 276–277.
51. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 522–523, 525.
52. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 603. С. 525.
53. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 8. С. 350.
54. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенщикова-Кутузова. СПб., 1840. С. 105–107, 111.
55. Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. N. 7. С. 359.
56. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 674. С. 579–582.
57. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 8. С. 355.
58. Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 7. С. 358–359.
59. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 288.
60. Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 7. С. 359.
61. Там же. С. 361.
62. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенщикова-Кутузова. СПб., 1840. С. 109–111.
63. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 8. С. 359.
64. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 667. С. 574–575.
65. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 523.
66. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 681. С. 586.
67. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенщикова-Кутузова. СПб., 1840. С. 114–117.
68. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 688 с прим. С. 597.
69. Там же. Док. № 667. С. 574–575.
70. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 9. С. 529.
71. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 673. С. 578–579.
72. Там же. Док. № 708. С. 611–612.
73. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенщикова-Кутузова. СПб., 1840. С. 132–134.
74. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 725. С. 627–628.
75. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым. СПб., 1890. С. 27–28, 73.
76. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 9. С. 533–536.

77. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 707. С. 611.*
78. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 293.*
79. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 7. С. 364.*
80. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 528–530.*
81. *См. напр.: Шефов Н. А. Битвы России. М., 2006. С. 486–488.*
82. ВЭС. М., 2002. С. 1020–1021.
83. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968. С. 58.*
84. Ланжерон А. Ф. *Записки // Рус. Старина. 1910. № 9. С. 530.*
85. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 737. С. 643.*
86. Хатов А. И. *Турец. поход русских под предв. Голенщикова-Кутузова. СПб., 1840. С. 141–142.*
87. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 8. С. 450.*
88. Чернышев А. И. *Донес. имп. Александру Павловичу // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 4.*
89. *Там же. С. 3.*

4.4. РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАТЯЖНОЙ КАМПАНИИ 1811–1812 ГГ. БУХАРЕТСКИЙ МИР

В ходе военных действий М. И. Кутузов, имея заблаговременно испрошенные полномочия и дипломатический опыт, оказался в роли главного уполномоченного от России для обсуждения и предварительного подписания мирного договора с Турцией. Однако и здесь он довел петербургские верхи до крайней степени раздражения. Злые языки утверждали, что Кутузов специально тянет переговоры, не желая оказаться в армии, действующей против Наполеона. Задача у Михаила Илларионовича была, конечно, не простая. Помимо упрямства царя, не умевшего подкреплять свои «хочу» последовательными и стратегически правильными решениями, полководец осложнил положение пассивным образом действий и отходом на левый берег Дуная. Отступление всегда вредит дипломатической силе. Долгожданная победа под Слободзеей не искупала отступления вполне, и не была равна такой же победе на Балканах.

Зондаж возможностей заключить мир на русских условиях Кутузов произвел еще в апреле-мае 1811 года через Ахмеда-Пашу и его доверенное лицо Гамида-Эфенди, прибывшего в Русук и переправленного оттуда в Бухарест, где ему была организована «роскошная жизнь и утонченные наслаждения». Турки и слышать не хотели об уступке

княжеств, но Михаилу Илларионовичу удалось упрочить контакты до такой степени, что турецкий посланник при обострении разногласий не хотел покидать Бухарест [1]. После поражения под Слободзеей переговоры между главнокомандующим и визирем возобновились. Ахмед-Паша очень желал прежде мира заключить частное перемирие и вызвать свою попавшую в капкан армию. Но предложил России уступку одного лишь Хотина. Этого было мало. Полагалось очевидным, что Порта пойдет на дальнейшие уступки. Кутузов не ослаблял хватку, одновременно зондируя Петербург о подвижках, возможных навстречу Стамбулу.

Переписка позволяет говорить о том, что Михаил Илларионович рано определился с линией границы по реке Прут, как наиболее достижимой в переговорах и приемлемой для обоих государств. 7 (19) октября он отписывает Ахмеду-Паше: *«Я не дам никакого хода вашему предложению и считаю его как бы не существующим. Очень было бы желательно и даже необходимо, чтобы это предложение вы заменили другим... Если ваша светлость предложите удобную в военном смысле границу и при том положенную самой природою, как например, течение реки, то я представлю моему государю как такое условие, которое можно принять, и буду ходатайствовать о заключении перемирия»*. Через три дня он пишет военному министру Барклаю де Толли: *«Вчера предлагали мне турецкие чиновники уже по Пруту. Сия граница кажется и хороша, но я на сие не разрешен»*. В следующих строках Кутузов излагает свое мнение о препонах, которые возникнут при продолжении требований присоединить к России всю Молдову или большую ее часть: *«А может быть уступка Молдавии или по Серет и прервет вовсе негоциации... При требованиях нами Ясс восстали все греки при визире находящиеся»* [2].

Здесь не видно никакого учета Кутузовым долгосрочных негативных последствий, возникающих при разделе княжества Молдова. Это вполне характерно для эпохи, в которой Россией, Пруссией и Австрией был произведен раздел Польши, и Наполеон тоже кроил границы, как хотел. Стремление наций к объединению игнорировалось вплоть до XX века, когда национальный вопрос начинает принимать современный вид, находя признание в качестве одной из важнейших свобод, за попрание которой приходится дорого платить. В этом смысле Михаил Илларионович не поднимался над своим временем, что не поставишь ему в вину, но не отменяет его негативной роли как инициатора раздела Молдовы.

10 (22) октября визирь, обыграв в свою пользу «речные» предложения Кутузова, предложил провести русско-турецкую границу по речкам Кундук и Бык, разделив Бессарабию пополам и сохраняя за Турцией ее юго-западную часть. В ответ главнокомандующий дает посланцу Мустафе-аге решительную отповедь: *«Единственная граница, о коей я могу взять на себя представить государю императору, есть разделяющая Молдавию от Валахии»*. В то же время главком более отчетливо, чем в адрес Баркляя де Толли, докладывает Румянцеву о чувствительной им границе турецких уступок — реке Прут, так как он ждет *«великие затруднения от упорства фанариотских греков, имеющих большое влияние на Порту. Они не захотят выпустить из рук своих большую часть княжества Молдавского, ибо надежда и цель каждого из них есть достижение звания господарского в одном из двух княжеств»* [3].

Турки взяли паузу. Кутузов, желая толкнуть их к дальнейшим уступкам, приказал стремительными набегами взять ранее оставленные русскими Туртукай и Силистрию, вновь приводимые султанскими войсками в оборонительное состояние. Оба нападения удались, крепости были взяты с ничтожными потерями 8 (20) и 12 (24) октября, причем в Силистрии захвачены большие трофеи: 8 новых медных пушек, арсенал, пришвартованные перевозные суда и многое другое. Все турецкие восстановления было велено истребить. Продолжалась боевая активность у Видина, где Засс 9 (21) октября разбил значительные силы турок, и двумя отрядами генералов М. С. Воронцова и С. Я. Репнинского 1-го утвердился на правом берегу Дуная, препятствуя движению турок от Видина к Рушуку.

Новые неудачи сделали более сговорчивым визиря, который 13 (25) октября направил своих чиновников в Журжу для предварительного обсуждения условий мирного договора, и предложил назначить границей реку Серет, после чего умолил Михаила Илларионовича о временном перемирии на пять дней. По условиям перемирия пропитание для окруженных шло через русские руки, чтобы они не снеслись письмами и не сделали запасов. Не спеша полонить оттоманскую армию, Кутузов хотел использовать ее бедственное положение как рычаг для побуждения к миру султана и визиря. Не сдать в плен и получить возможность отвести войска, было для них спасением престижа, и эту карту главком хотел разменять на лучшие условия договора. В этот момент торжествующий Кутузов (граница по Серету!) отписывает о своем триумфе цветастые письма друзьям. В том числе, неизвестному адресату-генералу с постскриптумом о

доведении содержания письма до ушей своего бывшего благодетеля князя Зубова [4]. 18 (30) октября прибыли турецкие уполномоченные и начались предварительные мирные переговоры.

Казалось, все идет прекрасно, но в ноябре переговоры заглохло. Виною тому был не столько Кутузов (возможно, проявляющий лишнюю любезность визирю ради мягкого хода дела), сколько упрямство в Петербурге и Стамбуле в сербских и кавказских вопросах, которые Михаил Илларионович полагал второстепенными и не должными отдалять перспективы заключения мира. Однако туда переместилось застревающее мышление Александра I, желающего получить сатисфакцию за отказ от своей мечты увидеть границу России на Дунае. Очередная победа сербских и русских войск под Нишем 8 (20) ноября делу заключения мира не помогла. Активизировались французские дипломаты, убеждавшие султана в близком разрыве между Россией и Францией, после чего угрожаемая вторжением Россия откажется от притязаний, предъявленных Порте. Скоро стало известно об отказе султана санкционировать уступки Ахмеда-Паши. В Стамбуле были не согласны ни с установлением границы по реке Серет, ни с переходом к России всей Бессарабии. Южную часть междуречья Днестра и Дуная с морскими портами султан хотел сохранить за собой.

Желая преодолеть заминку, Михаил Илларионович продолжал уступки. 10 (22) ноября он предписал Зассу прекратить действия против Исмаила-бея, войска которого были в ужасном состоянии. Им было позволено не потерпеть поражение, а разойтись [5]. 23 ноября (5 декабря) было достигнуто соглашение о разоружении блокированной турецкой армии при сохранении видимости, *«что они отнюдь у нас не в плену, а что они живут у нас в гостях сами по своей воле»*. Таким образом, сильно поредевшая турецкая армия в числе около 12 тыс. чел., в отсутствие визиря возглавляемая Чапан-оглу-Пашой, была как бы не пленена, а *«отдана в сохранение»* — отдельно турки, отдельно их оружие [6]. Около 2 тыс. больных по милости Кутузова (боявшегося эпидемии) были отправлены в Русшук. Теперь корпуса генерал-лейтенантов Маркова и Засса должны были вернуться на левый берег Дуная и расположиться на зимние квартиры. В конце ноября Кутузов соглашается на охотно подписанное визирем бессрочное перемирие, и приступает к отправке во 2-ю Западную армию давно требуемых царем войск [7].

Какова бы ни была кутузовская дипломатическая изобретательность, это означало, что его удача кончилась. Как только для турок

минуло худшее, и они сохранили часть лица, с их стороны усилились волокита и отход от ранее данных обещаний. Кутузов, конечно, оказал услугу Ахмеду-Паше, на которого очень надеялся в переговорах и писал про это Барклаю, но не факт, что стоило церемониться с остатками турецких армий. Противника следовало додавить, не полагаясь на запущенный мирный процесс. Впрочем, ошибка эта принадлежала не одному главному, а провоцировалась царем из Петербурга. Александр по-прежнему требовал непомерного, и одновременно желал как можно быстрее забрать войска из Дунайской армии. Он игнорировал Чернышева, писавшего из Парижа о необходимости скорейшего мира с Портой, если не силой, то ценой отказа от большинства требований. По мнению резидента, нельзя было надеяться, *«чтобы турки, отвергнув наши условия мира в самое несчастное для них время, вдруг уступили бы нам, когда уже правый берег Дуная в их власти, когда они очнулись от ужаса, произведенного нами... Наполеон совершенно уверен в упрямстве и настойчивости отказа с их стороны»*. Узнав о поражении армии визиря под Слободзеей, Бонапарт, не владея собой, заявил: *«Поймите этих собак, этих негодяев турок, которые имеют способность дать себя разбить таким образом»*, и тут же направил в Стамбул курьеров с обещаниями поддержки. С турецкой столицей устанавливалась скорая эстафетная связь [8]. Посол Куракин, предвидя дальнейшие задержки, советовал для выигрыша времени тянуть переговоры с Наполеоном [9].

Нетерпеливость и упрямство Александра I вышли боком в начале 1811 года, из-за них же, при противодействии Парижа, дипломатические дела на Дунае спотыкались под его конец. Стратегом царь был безобразным, действуя не по набору имеющихся средств. В отличие от Михаила Илларионовича он применял их не с опаской и промедлением, а преждевременно разбрасываясь, по наущению разных советников и личному хотению. Не уведи Александр с Дуная пять дивизий, не потребовавшихся в 1811-м году на западе, Кутузов действовал бы решительнее. Не возобнови самодержец требования об отправке возвращенных на Дунайский театр войск, Кутузов настаивал бы на русских условиях мира тверже. Неадекватность царя продлится до потрясений Отечественной войны, которые заставят его сменить своих советников и подстрекателей, характеризуемых осведомленной Р. С. Эделинг (Стурдзой) как *«молодые люди без дарований и опытности»* [10].

Связка Александр I — Кутузов была непродуктивной. Они часто действовали в разных направлениях во вроде бы детально оговорен-

ных вопросах. В мирных переговорах Михаил Илларионович терял почву под ногами и проваливался между ожиданиями императора и неподатливостью турок. Поняв, что без нажима на них дело вряд ли обойдется, он в декабре вновь запрашивает Петербург о подкреплении Дунайской армии, но ему дают понять, что это возможно лишь в случае возобновления Портой военных действий, и предлагают справляться своими силами [11]. После намеков от министра иностранных дел о лишних уступках, 12 (24) декабря грянул царский гром: *«Не могу я скрыть от вас неприятное впечатление, которое произвели надо мною последние депеши ваши... Вам следовало при столь явном нарушении доброй веры со стороны турецких чиновников решительно им объявить, что прекращение военных действий последовало единственно по соглашению визиря на известные кондиции, но что, если оные отвергаются, то вы немедленно разорвете перемирие и начнете тем, чтобы принудить к сдаче корпус, окруженный на левой стороне Дуная... Сами вы в своем письме военному министру уведомляете, что султан стал податливее. Прибавя твердости с нашей стороны, сия податливость должна еще увеличиться. Но сей твердости никак я не нахожу в ответах наших полномочных»* [12].

В императорском рескрипте чувствуется рука опытного Н. П. Румянцева, которому М. И. Кутузов, пытаясь сохранить уговоренное им перемирие, начал слать все более противоречивые сообщения. Под влиянием этого грозного послания, в канун нового 1812 года в перемирие с Портой было разорвано и бывшая армия Ахмеда-Паши признана плененной. Однако война не возобновилась. 4 (16) января главнокомандующий Барклаю де Толли о трудностях военных действий, обещая принять *«такие меры, чтобы, не делая генеральных движений, не дать, однако же, неприятелю, зимовать спокойно»* [13]. Турки предложили установить границу по реке Прут, и опять началась волокита. Наконец, после ледостава Кутузов отдает приказы о совершении набегов через Дунай. Эти операции имели ограниченный успех из-за трудностей движения по снегу, а частью были отменены из-за плохого состояния речного льда. Наиболее дерзкой была экспедиция генерал-майора С. А. Тучкова 2-го из Измаила к Мангалии.

В феврале мятущийся Александр I, чтобы выйти из тупика, санкционировал поход черноморской эскадры с высадкой десанта в составе трех дивизий под стены Константинополя. Он повелел Кутузову немедленно отправить 9-ю дивизию к Одессе, а 15-ю — в армию князя Багратиона для замещения убывающей в Одессу же 12-й дивизи-

зии [14]. Одесскому генерал-губернатору, генерал-лейтенанту Дюку де Ришелье, которому вверялось командование экспедицией, было велено обеспечить прием и посадку на суда войск «с *самою большою поспешностью*» [15, 16]. Главкому, продолжавшему противиться ослаблению Дунайской армии, не оставалось ничего другого, кроме как впасть в потерю интереса к переговорам и волокиту. Об этом все громче злословил царский двор. «*Турки колебались; французские дипломаты действовали; государь именем отечества убеждал Кутузова употребить все усилия для заключения мира с Портою Оттоманскою*», так выглядела ситуация со стороны [17]. Были и отдельные трезвые голоса: «*Если же ему не удастся заключить мир, то виновником сего может быть и не он, а глава нашей несчастной дипломатии*» [18], т. е. Румянцев, или, глядя глубже, — сам Александр I, которому канцлер и министр иностранных дел безоговорочно повиновался.

С идеей десанта в Царьград ничего не вышло, от нее государя отговорили. 22 марта (3 апреля) он потребовал от Кутузова срочного заключения мира и наконец-то согласился на границу с Турцией по реке Прут, что открыло путь к подписанию предварительного договора. К этому времени Александр растерял остатки терпения, и подыскал Михаилу Илларионовичу замену в лице адмирала П. В. Чичагова. Ему царь сказал: «*Мир с Турцией не подвигается; неистовства войск наших в Молдавии и Валахии раздражили жителей; ко всему этому присоединяются беспечность и интрига... я не думаю, чтобы теперешний главнокомандующий, виновник этих бедствий, был способен получить результаты, для которых потребны: энергия, сила воли и поспешность в исполнении*». Чичагов был назначен главнокомандующим Дунайской армией и Черноморским флотом, генерал-губернатором Молдавии и Валахии; его задачей было «*порешить эти нескончаемые переговоры с Портою и предложить ей наступательный и оборонительный союз*» (очередная пустая затея самодержца). Перед отправкой в Бухарест Чичагову вручили кнут и пряник: два рескрипта, по разному воздающие Кутузову за дела его (в зависимости, будет ли достигнут мир, или нет), а также «*пространную записку с жалобами несчастных жителей Молдавии и Валахии*». Адмирал утверждал, что «*поверяя на месте, я нашел, что они совершенно справедливы и узнал, что на все заявления Кутузов отвечал: «У них останутся глаза, чтобы плакать»*» [19].

Открывшийся путь к соглашению, и подступающая в лице Чичагова угроза, заставили Михаила Илларионовича напрячься. Пользуясь тем, что разрывая перемирие он не удалил из Бухареста турецких

уполномоченных, Кутузов быстро договорился возобновить обсуждение. 19 апреля (1 мая) 1812 года состоялось очередное заседание делегаций. Некоторые исследователи полагают, что пытаясь наилучшим образом соблюсти интересы России, Кутузов до последнего момента выдвигал требование уступки турками территории до реки Серет. Лишь при приближении Чичагова, к заседанию, состоявшемуся 3 (15) мая, он снял это требование [20]. Однако, дипломатические дела так не делаются. Из письма Александра I адмиралу Чичагову от 2 (14) мая следует, что все турецкие уполномоченные *«уже подписали предварительные условия, на основании которых Прут и Дунай составят границу»*. Следовательно, этот «бонус» Кутузов разыграл раньше, для возобновления обсуждений. Одновременно, турки осторожно запугивались «планом Тавана», согласно которому Наполеон имел намерение, принудив Россию к миру, двинуться на Константинополь, *«чтобы утвердить там престол восточной и западной империи, которые он хочет соединить под своей властью»* [21].

После этого дела пошли с молниеносной быстротой. Турки, встревоженные усилением Франции, сняли требования касательно Измаила и Килии. 5 (17) мая были подписаны *«прелиминарные статьи мирного с Портой трактата»* [22], о чем Михаил Илларионович отрапортовал царю. Опоздав буквально на день, 6 (18) мая в Бухарест прибыл Чичагов, оказавшийся вынужденным вручить Кутузову «пряничный» рескрипт, в котором объявлялась благодарность царя за заключение мирного договора, повелевалось сдать Дунайскую армию адмиралу, и прибыть в Петербург.

11 (23) мая 1812 года текст договора был одобрен визирем, а 16 (28) мая технические процедуры завершились, мирный трактат был отправлен на ратификацию обоим государям. Не желая срывать ратификацию, П. В. Чичагов поступился требованием царя добиться оборонительного и наступательного союза с Турцией, написав Александру: *«Приношу искреннее мое поздравление. Всякий мир с турками очень хорош в настоящее время»*. Деятельность адмирала направилась к тому, чтобы инициировать дополнительные переговоры с Портой для заключения союза. Ради этого он даже просил у самодержца позволения не объявлять об утверждении мирного трактата, *«пока я не достигну того, чтобы турки или согласились, или только бы промолчали насчет моего движения по их областям»* (имелась в виду проектируемая фантазерами военная экспедиция во французскую Иллирию и австрийскую Далмацию). Но после ряда зондажей Чичагов пришел

к выводу, что русско-турецкий военный союз является несбыточным прожектом, а мир *«не мог быть заключен в других условиях при настоящих обстоятельствах»* [23]. Признавшись в этом императору, адмирал оказал Михаилу Илларионовичу большую услугу, сняв значительную часть накопившегося царского раздражения. Через полгода, у Березины, Кутузов оплатит ему черной неблагодарностью.

Как странно события в Бухаресте выглядели со стороны, вспомнил А. Ф. Ланжерон: *«Мы узнали, что Кутузов был замещен адмиралом Чичаговым. Кутузов был в отчаянии предоставить Чичагову заключать мир, что мог бы совершить он сам гораздо раньше. Он понял свои ошибки, раскаивался в них и находился в ужаснейшей ситуации. Но счастье и тут помогло ему... Кутузов не дал ни минуты покоя посредникам, и к нашему большому удивлению и радости, мир был заключен Кутузовым в конце апреля, тремя днями раньше приезда Чичагова, который мог бы иметь честь сделать то же, если бы приехал скорее. Повторяю, что этот мир был и будет для меня загадкой»* [24].

В подспудных обстоятельствах надо согласиться с А. И. Хатовым, заметившим: *«Обе противные стороны такую надобность имели в мире, что наконец поладили между собою... Турки... истожили уже все военные способы свои и не находили более средств к набору новой армии»* [25]. Кампанию 1812 года Турция открыть не могла. Справедливости ради, следует указать, что Кутузов как дипломат и главный уполномоченный со стороны России, много сделал для прочности обсуждаемого мира. Хотя он не мог преодолеть последствий своей полководческой слабости, и не добился от Порты ожидаемых уступок, его важнейшим достижением стало отвращение Турции от союза с Францией. Этого удалось добиться благодаря тонкой игре с опасавшимся Наполеона турецким визирем, мало видимой наблюдателями, зачарованными дележом контрибуций и клочков земли.

С военной же стороны дела, на Дунайском театре игры с Наполеоном были проиграны, чем он не преминул уколоть оппонентов. В декабре 1809 года, втягивая Россию в операции далече от переустраиваемой им Европы, Бонапарт послал Александру I сигнал о вседозволенности на юге: *«Союзник и друг мой, Российский император, присоединил к своей обширной империи Финляндию, Молдавию, Валахию и участок Галиции. Я не соперничаю ни в чем, могущем служить к благу сей империи»*. Полутора годами позже, в августе 1811-го, ища предлоги к расторжению исчерпавших себя франко-русских соглашений, Наполеон обратился к русскому посланнику князю Куракину с гнев-

ной речью, сказав: *«Вы повредили себе сами, уменьшив действующую армию в Турции, и отняв через то у себя возможность заключить выгодный мир... Ослабив свою армию пятью дивизиями, выведенными из Валахии, вы не могли не только действовать наступательно, но оборонять даже с успехом длинную линию по Дунаю от Видина до Черного моря. Зачем вы очистили Рушук, занятие которого в виде мостового укрепления, и маневрирование на обеих сторонах реки были единственными средствами к обороне Валахии? Истинное искусство обороны состоит в умении переходить к наступлению»* [26]. К этой оценке он злорадно вернулся 15 (27) апреля 1812 года, оправдывая перед Куракиным свои приготовления к войне с Россией выдвижением с Дуная к Польше русских дивизий [27]. С точки зрения новой и современной военной науки тут возразить нечего.

Михаилу Илларионовичу сказочно повезло, что царь вскоре получил возможность оценить прочность его дипломатии. Поначалу было не ясно, что ждет главнокомандующего и уполномоченного — награда или новая опала. Признаков опалы было больше, особенно после миссии Нарбонна, смущавшего Александра в Вильне предложениями окончить недоразумения с Наполеоном и признать за Россией Молдавию и Валахию. Эта миссия была дипломатической диверсией, призванной дезориентировать русского императора и отвести его внимание от близкого вторжения. В контексте предложений Нарбонна, подписанные в Бухаресте кондиции выглядели неудовлетворительными, что вызвало недовольство при дворе [28]. Иронизировали, что Кутузов наказал султана *«мечом и Прутом»* [29]. Поэтому опытный царедворец не поехал в Петербург, а решил взять тайм-аут в своем имении Горошки на Вольни.

При всей важности мира с точки зрения скорой и неизбежной войны с Францией, в долгосрочной перспективе он был не радужным. Присоединив к России Бессарабию и Мингрелию, не сумели использовать момент слабости Османской Порты и благоприятное окно в европейской политике. Границы по Дунаю не достигли, возможность присоединить всю Молдову и стать ногой в Фокшанских воротах — тоже утратили. Невыход на эту позицию не позволял грозить Турции потерей Балкан и проливов, предотвращая ее антирусские союзы. Ни одно княжество из-под османского ига вызволено не было, их раздробленность возрастала. *«Бухарестский трактат предавал Сербию мстительности Порты»*. Постановлялось *«все крепости их передать туркам, всегдашним притеснителям их, а тогда одушевлен-*

ным еще желанием мести». Сербь «сначала надеялись, что трактат этот не будет утвержден государем; но потом... получили неожиданное известие об утверждении трактата. Сначала им показалось это невероятным, и удивление их обратилось в негодование, а негодование в общий упадок духа» [30]. Об оказавшихся пустыми обещаниях русского царя в Сербии говорили: «Только жаль, что все вдаль, да все вдаль! А там гроб, и в нем лоб, славянского духа и сербского слуха» [31]. В этом смысле турки торжествовали успех. На Кавказе все захваченные русскими войсками важные пункты (Анапу, Потю, Ахалкалаки), пришлось вернуть Турции.

Султан сразу начал укреплять свое пошатнувшееся владычество. Поэтому все условия Бухарестского мирного договора так и не были выполнены. По мнению Шильдера, следующий русско-турецкий кризис в какой-то мере был следствием формулировок, заложенных в текст Бухарестского трактата Кутузовым и Ахмедом-Пашой, пытавшимися распутать политические силки, сплетенные упрямыми императором и султаном: «Относительно разграничения в Азии графу Кутузову удалось мастерски провести, как он выражался, статью темную и запутанную, которая дозволила России сохранить мир с Портою до 1828 года» [32], когда окончательно выяснилось ее двоечтение сторонами.

По итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. очередной павловский выполозок, мелочный ретроград под маской устроителя и законника, Николай I окончательно похоронил русскую мечту о Балканах. На полуострове начинают шириться мысли о предательской сущности российской политики. Княжество Молдова осталось разделенным, что умеряло симпатии его населения к России по мере того, как идея национального объединения молдаван и валахов овладевала романоязычной интеллигенцией [33]. Первый негатив появился во время действия так называемой протемизии, согласно которой, в течение года после установления новой границы землевладельцы и крестьяне могли продавать и обменивать дома и участки земли, чтобы соединить имущество и семьи на том берегу Прута, какой себе выберут для жительства. Однако многие молдавские и валашские бояре, продолжавшие ориентироваться на Порту, считали Бухарестский мир непрочным, таким правом не воспользовались и препятствовали в этом крестьянам. Поэтому последний день протемизии превратился в день плача молдавского народа, прощания с родственниками и друзьями. Навсегда обиженными остались и бояре. Они подали турецко-

му султану множество жалоб, надеясь склонить его на новую войну с ослабленной французским вторжением Россией, чтобы вернуть свои былые вотчины. Так, 26 октября 1812 года, после получения известий о вступлении Наполеона в Москву, группа бояр, поддерживаемая господарем Скарлатом Каллимахи, составила протест против присоединения Бессарабии к России, потребовав прежних границ [34].

Создались условия для возвышения Валахии (будущей Румынии) и превращения ее в геополитическую пробку, препятствующую дальнейшему движению России на Балканы. Для этого Турции надо было развить политику валашских привилегий, а европейским странам эту линию поддержать. Создание коалиции западных держав и Турции в Крымской войне 1853–1856 гг. против России обозначило торжество этого политического вектора. В XX в. возникнут румынские территориальные претензии к России и СССР, антирусские настроения на берегах Прута будут возрастать. От таких процессов нельзя было отделаться бюджетными подачками и сентенциями: *«Присоединение Бессарабии к России избавило молдавский народ от турецкого гнета»* [35]. Реальная история это доказала. Мало того, Александр I заложил мину и под свой северный успех. Даровав Финляндии широкую автономию и передав в ее состав Выборгскую губернию, он привел на окраину собственной столицы границу с враждебной и плохо инкорпорированной в состав империи территорией. Через полвека русско-финские трения были уже в разгаре.

Когда на юг пришло известие о вторжении французских войск, Дунайская армия численностью 57 тыс. чел. соединиться с силами, отражающими нашествие, не успевала. Кутузов, узнав о начале войны, срочно выехал из Горошек в Петербург. Он прибыл в столицу 26 июня (8 июля), проскочив по дорогам, вскоре перерезанным Наполеоном. Понятно, почему генерал спешил. Если бы султан решился на союз с Бонапартом и не ратифицировал Бухарестский договор, милость царя к нему оказалась бы под большой угрозой. Чичагов уже бил панику, носясь с мыслью бросить Дунайскую армию на Константинополь. От адмирала же исходила угроза расследования злоупотреблений: *«Можно ли удивляться своеволию солдат, когда сам генерал Кутузов, думая только о своих удовольствиях, не затруднился в одно утро приказать... схватить члена валахского дивана, мужа одной из его любовниц, и вывезти его из страны. Чтобы угодить своим возлюбленным, он освобождал друзей их и любимцев от таможенных пошлин на Дунае. Приходящие из Адрианополя караваны доставляют большой до-*

ход этими пошлинами; но доход этот скоро истощился от такой уполномоченной контрабанды и от расточительности чиновников, которые брали остальное. Таким образом, в этих плодоносных княжествах, которые вместе с Бессарабией и округами райев должны приносить до 2 млн рублей, не оставалось ни денег, ни провизии, и Россия должна была содержать армию на своем продовольствии... После трех месяцев, дисциплина была восстановлена, и грабительство в больших размерах стало невозможным. Поземельные налоги уменьшились на две трети и успокоенные жители возвратили свое прежнее доверие к русским. Пошлины Дуная, вместо того, чтобы обогащать нескольких частных лиц, наполняли кассу армии, которая за 50 дней увеличилась слишком на 7000000 франков» [36].

Разбирая такого рода отзывы, можно, конечно, игнорировать их, как исходящие от «заклятых врагов» М. И. Кутузова. Так и предложила делать редакция «Русского Архива» в подстрочном примечании для негодующих, заметив при этом, что «и так уже русская историография страдает излишеством умолчаний и уклончивых обходов» [37]. Однако, М. А. Фонвизин тоже полагал, что недовольство царя было «возбуждено беспорядками и злоупотреблениями в управлении Дунайской армии и жалобами туземцев на притеснения со стороны наших войск, что он приписывал старости и слабости тогдашнего главнокомандующего Кутузова, нравственные правила которого ему также не внушали доверия. Барклай не скрывал этого от императора, и в одном из его донесений мы читаем: «Уже несколько раз я с сожалением доводил до сведения Вашего величества о том, какими способами производится содержание войск и снабжение их продовольствием в Молдавии, и вообще о происходящих там незаконных и недостойных действиях» [38]. Это приоткрывает истоки неприязни Кутузова к Барклаю де Толли.

Графиня Р. С. Эделинг, урожденная Стурдза, происходившая из молдавского семейства, родственного князьям Мурузи, и переехавшего в Россию после заключения Ясского мирного договора в 1792 году, писала: «Государь несколько раз посылал генералу Кутузову... настоятельные повеления заключить необходимый мир; но старый воин, влюбленный во власть и опасавшийся, что он останется не у дел, старался под невозможными предложениями отсрочивать дело, столь важное для отечества» [39]. Можно думать, что огромные теневые доходы от контрабанды и поборов все же были некоторым фактором, располагающим к волоките переговоров, ибо миллионы были весомее признательности блеклого и непостоянного государя.

Все вышло, однако, как нельзя лучше для Кутузова. В начале июля мирный договор был ратифицирован султаном. *«Понятна общая радость, охватившая всех, от монарха до последнего подданного, по поводу этого события. На помощь везде отступавшим нашим войскам, являлась возможность привлечь целую Дунайскую армию, закаленную в шестилетних боях, и направленную в тыл, на сообщения Наполеона»*. Торжественно объявив в Москве 18 (30) июля о заключении мира с Турцией, император Александр I *«повелел назвать его миром Богоданным»* [40]. Прибыв из Москвы в Петербург, самодержец узрел там счастливого помощника самого Господа Бога. Недолго думая, 29 июля 1812 года он возвел Кутузова в княжеское достоинство.

К сожалению, большой опыт генералов Дунайской армии был мало использован в Отечественной войне. Михаил Илларионович не вызвал к себе таких первостатейных командиров, как А. Ф. Ланжерон, А. В. Сабанеев и А. П. Засс, не дал команды поссорившемуся с Чичаговым и явившемуся к нему Е. И. Маркову [41]. После всего изложенного можно догадаться, почему. Неумение ставить свои интересы ниже интересов государства в погоне за наживой и при маскировке личных промахов, мстительность и нетерпимость к конкуренции были характерны для подлинного, живого, а не канонизированного М. И. Кутузова. Склонность к кадровому зажиму ставит культового полководца ниже А. В. Суворова, Н. М. Каменского, М. Б. Баркляя де Толли в деле воспитания и подбора командных кадров. Между тем, Сабанеев, *«храбрый и отличных способностей генерал»* [42], был не только лихим командиром, но и военным теоретиком. Наблюдая за приемами французской армии (попав в плен при Альгдорфе, во время Швейцарского похода Суворова), он изучил и предложил для введения в России тактику рассыпного строя. Хороший опыт борьбы с наполеоновскими войсками в войне 4-й коалиции был у прочих названных генералов.

Справедливую оценку места и роли Кутузова в русско-турецких войнах неожиданно и по умолчанию дал его апологет, царский военный историк, генерал-майор Генерального штаба А. Н. Петров. Завершая трехтомный труд о русско-турецкой войне 1806–1812 гг. общим обзором русско-турецких войн, разбирая тактику и стратегию, он нашел там место для критики Г. А. Потемкина, И. И. Михельсона, А. А. Прозоровского и Н. М. Каменского, для сдержанной похвалы П. И. Багратиону. Об одном только Кутузове не сказано ничего. По смыслу этой зияющей пустоты, он ничего не прибавил к искусству

Румянцева и Суворова, пришедших к «сознанию необходимости вести всегда наступление против турецких позиций», но отступил назад от него [43]. Та же пустота темнеет в других трудах историка, и для прикрытия славословий он пускается чуть не в средние века: «Кутузов расположил оборону среднего Дуная совершенно подобно обороне Тюренном течения Рейна в 1674 г.» [44]. Приемлемого результата Кутузов добился с большим трудом, стоя на плечах предшественников, измотавших османского противника, будучи скорее руководителем типа развращенного наместника с подчиненной ему армией, нежели полководцем, но реализовал его как хороший дипломат. Это, однако, не тактика и стратегия, а другое.

Дипломатические заслуги Михаила Илларионовича высоко ценил К. В. Нессельроде, вместе с тем отмечая: «Александр I не без основания сомневался в том, чтобы Кутузов мог явиться достойным соперником Наполеона и с успехом сразиться с ним... Кутузов часто не обнаруживал достаточной твердости и отказывался от энергических распоряжений и мероприятий» [45]. Лишь в несведущем, ура-патриотическом дворянском обществе, питаемом слухами, текущими от обширной женской родни Михаила Илларионовича, ширилось восторженное мнение «по благоразумным распоряжениям М. И. Голенищева-Кутузова и неожиданном успехе во всех его предприятиях против неприятеля» [46].

1. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 28.
2. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Прил. 2 к док. № 747, 749. С. 653–655.
3. Там же. Док. № 750 с ком. С. 655–656.
4. Там же. Док. № 781. С. 680–684.
5. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 319.
6. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 804, 805. С. 707–708.
7. Там же. Док. № 812, 813. С. 712, 713–715.
8. Чернышев А. И. Донес. канцлеру гр. Н. П. Румянцеву // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 243–244, 266–267, 270.
9. Куракин А. Б. Донес. имп. Александру Павловичу // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 359.
10. Эделинг Р. С. Из записок // Рус. Архив. 1887. № 2. С. 197.
11. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1907. Т. VII. С. 342.
12. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 828. С. 730–731.
13. Там же. Док. № 859. С. 767–768.
14. Там же. Док. № 904. С. 805.

15. Мера, предлож. имп. Александром I, чтобы окончить скорее войну с Турц. в 1812 г. // Рус. Старина. 1898. № 4. С. 204.
16. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 302.
17. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 58.
18. 1812-й год. Из писем Н. М. Лонгинова к гр. С. Р. Воронцову // Рус. Архив. 1912. № 4. С. 483.
19. Чичагов П. В. Из записок. Дела с Турц. в 1812 г. // Рус. Архив. 1870. № 8–9. С. 1522–1525.
20. Гросул В. Бухарестский мир 1812 г. и формир. новой ю.-з. границы Рос. // Русин. Кишинев, 2012. № 1 (27). С. 47.
21. Романов А. П. Письмо к адм. Чичагову // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 69–70.
22. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 3. Док. № 982. С. 896–897.
23. Попов А. Н. Эпизоды из истор. двенадцатого года // Рус. Архив. 1892. № 5. С. 14, 18–19.
24. Шишов А. В. Кутузов. Фельдм. великой империи. М., 2006. С. 387.
25. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенничева-Кутузова. СПб., 1840. С. 178.
26. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 16, 47.
27. Куракин А. Б. Донес. и письма канцлеру гр. Н. П. Румянцеву // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 375.
28. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 385, 387–388.
29. Марин С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948. С. 10.
30. Чичагов П. В. Из записок. Дела с Турц. в 1812 г. // Рус. Архив. № 8–9. С. 1533.
31. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 407.
32. Шильдер Н. К. Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 28.
33. Суляк С. Этнодемографич. процессы в Бессарабии в XIX — начале XX в. // Русин. Кишинев, 2012. № 1 (27). С. 7.
34. Гросул В. Бухарестский мир 1812 г. и формир. новой ю.-з. границы Рос. // Русин. Кишинев, 2012. № 1 (27). С. 51.
35. Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 59.
36. Чичагов П. В. Из записок. Дела с Турц. в 1812 г. // Рус. Архив. 1870. № 8–9. С. 1534–1536.
37. Там же. С. 1523.
38. Фонвизин М. А. Барклай де Толли и Отеч. война 1812 г. // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 202–203.
39. Эделинг Р. С. Из записок // Рус. Архив. 1887. № 2. С. 209.
40. Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 395–396.

41. *Маевский С. И. Мой век или истор. ген. Маевского // Рус. Старина. 1873. № 8. С. 162–163.*
42. *Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 252. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г., Брюсс.-Лондон, 1863. С. 145.*
43. *Петров А. Н. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 3. С. 421–432.*
44. *Петров А. Н. Влияние турецких войн на разв. рус. воен. иск-ва. СПб., 1894. Т. 2. С. 297.*
45. *Из семейного архива гр. Нессельроде // Рус. Старина. 1906. № 4. С. 160–161.*
46. *Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках // Рус. Старина. 1885. № 9. С. 392.*

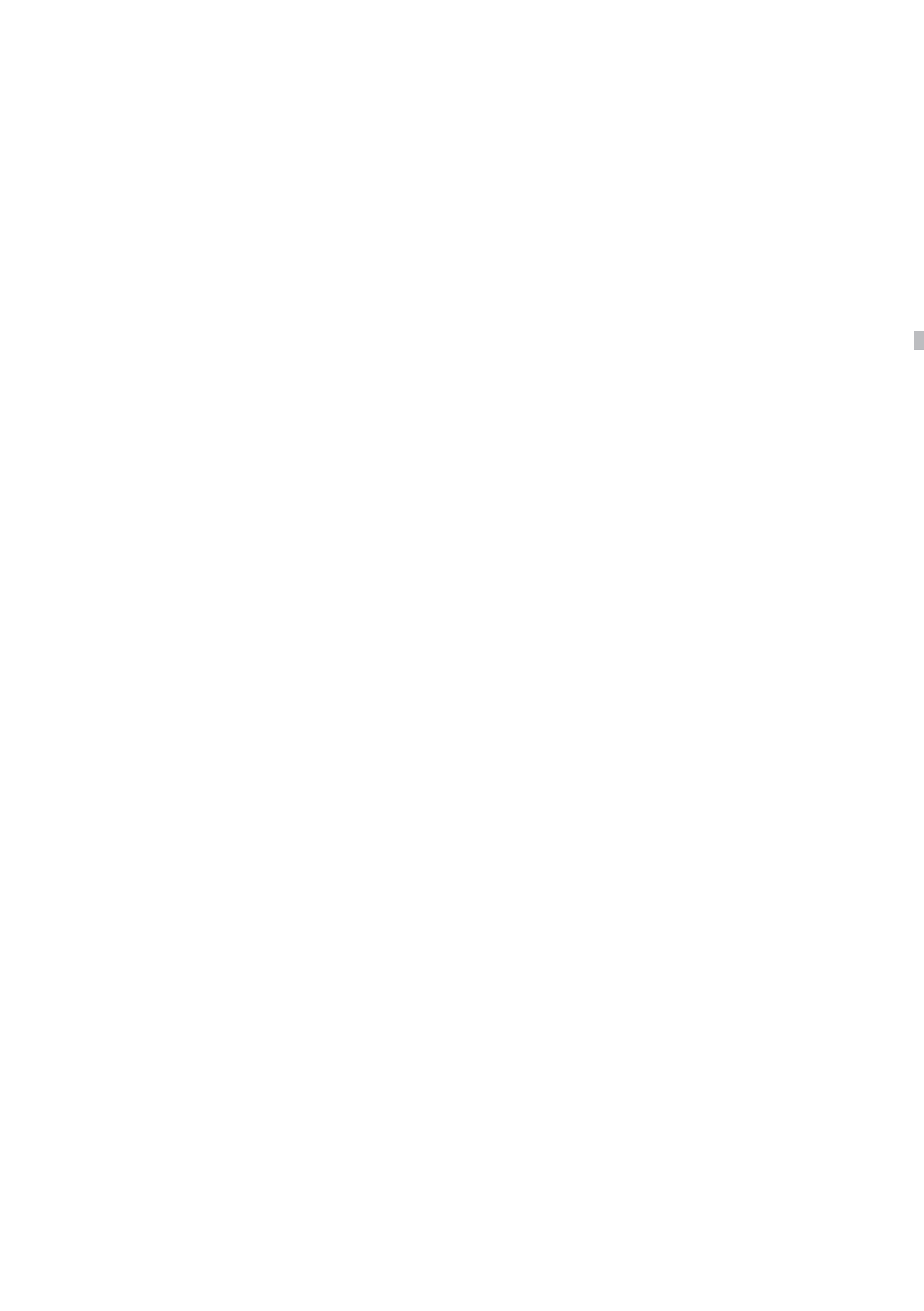

Часть I I

Нашествие

5.1. РАССТАНОВКА СИЛ И ПЛАНЫ СТОРОН. ОТКРЫТИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вторжение Великой армии Наполеона в Россию началось 12 (24) июня 1812 года у города Ковна (Ковно, Каунас) в направлении на Вильну (Вильно, Вильнюс). Переправа огромного войска через Неман продолжалась четверо суток. Всего границу, во всех пунктах, перешли 448 тыс. солдат. Общее же число наполеоновских войск, включая резервы, вошедших в Россию в течение войны, достигало 610 тыс. чел. при 1372 орудиях, — небывалое количество для того времени. Совокупные силы Российской империи, растянутые по множеству мест и направлений от Финляндии до Закавказья, где продолжалась русско-персидская война, были меньше, составляя накануне войны 590 тыс. чел. при несколько большей насыщенности войск артиллерией — 1556 пушек [1]. На западных стратегических направлениях Россия смогла противопоставить Наполеону 300 тыс. солдат, сведенных, а вернее, разобщенных в три армии и три корпуса.

Первая армия под командованием военного министра, генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли стояла на широком фронте у Немана, центром впереди Вильны, прикрывая как петербургское, так и московское направления. Она насчитывала от 110 до 127 тыс. чел. при 558 орудиях. При необходимости армия могла совершить фланговый марш на юг, в район Лида-Гродно, что, по-видимому, и предполагалось, поскольку на крайний левый фланг к Гродно был выдвинут ее авангард — летучий корпус генерала М. И. Платова [2].

Район Риги, Прибалтику с ее портами и петербургское направление прикрывал отдельный корпус генерал-лейтенанта И. Н. Эссена 1-го численностью 38 тыс. чел., а за спиной Первой армии у Торопца находился 1-й резервный корпус генерал-адъютанта Е. И. Меллера-Закомельского. Он состоял при главной линии складского снабжения, заложенной перед войной от Полоцка и Витебска к Твери для удобства питания операций на петербургском и московском направлениях. В составе корпуса было 27,5 тыс. чел.

Вторая армия генерала от инфантерии П. И. Багратиона находилась южнее, у Белостока. Будучи на московском направлении, она была далеко выдвинута к западу, подвергаясь опасности окружения. В источниках обычно указывается ее численность до 49 тыс. солдат при 216 орудиях. Однако, по сведениям Бутурлина и Богдановича, во 2-й армии было только от 37 до 39 тыс. бойцов вследствие неприбытия к ней 27-й пехотной дивизии, которая в день вторжения Наполеона подходила к Минску [3].

Третья армия генерала от кавалерии А. П. Тормасова, 44–46 тыс. бойцов при 168 пушках, сосредоточивалась у Луцка [4]. Хотя по своему составу она была мобильной (много конницы, меньше артиллерии), эта армия оказалась слишком далеко от прочих русских сил. Войска 3-й армии готовились прикрывать Волынь и Киев от австрийцев, поскольку в Петербурге не доверяли тайному обещанию Вены не слишком усердно помогать Парижу. Создание этой армии ослабило армию Багратиона.

2-й отдельный резервный корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля имел в своем составе 38,5 тыс. чел. и располагался в Мозыре, прикрывая единственный хороший проход через Полесье и Припять. Оттуда он мог двинуться на помощь как в Белоруссию, так и на Волынь. От Житомира до Калуги шла вспомогательная линия складского снабжения, которой могли пользоваться войска на московском направлении, а также волынская армия. Далеко на севере прикрытие Финляндии осуществлял 19-тыс. корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля, а на юге против Турции все еще стояла 57-тыс. Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова. Последние две группировки в составе сил противодействия Наполеону из-за их удаленности не учитываются.

Диспозиция русских армий говорит о том, что изготовка к вражескому вторжению была произведена ошибочно. Вопреки известному стремлению Наполеона к концентрации сил, русские войска оказались растянутыми на сотни километров вдоль границы, не имея ни наступательной, ни оборонительной конфигурации против сосредоточенного противника. Три армейских группировки располагались достаточно далеко друг от друга, чтобы при активном образе действий врага лишиться возможности прийти друг другу на помощь. В полосе наступления главных французских сил к северу от Полесья за ними возник перевес в 2,1 раза, вскоре возросший от того, что армия Тормасова оказалась отрезанной от главного театра войны. Уди-

вительное дело, — ведь «заклятые друзья» Александр I и Наполеон, оба понимали, что их политические дела идут к такому финалу, и не время было придерживаться отсталых кордонных теорий. Но привычка пуше неволи.

Два года русский самодержец рвался и метался, готовясь к этой войне. Вопреки доктрине выжидания неурядиц в колоссальном наполеоновском государстве, прикрытой «искренним и благородным» союзом, к которой Александр склонился в Тильзите и Эрфурте: *«Мы спокойно увидим его падение, если на то воля Провидения»* [5], в январе-феврале 1811 года, после присоединения к французской империи Ольденбурга, он собрался первым открыть военные действия путем захвата герцогства Варшавского, если бы удалось организовать обращение к нему поляков за защитой *«против деспотизма императора Наполеона»*. Ради этого плана он вывел с Дуная пять дивизий, ослабив армию Каменского. Часть войск подошла к польской границе: *«В ближайших к герцогству уездах Литвы, Волыни и Подолии, по всей западной границе этих губерний, все дороги покрылись выступившими вперед полками»* [6]. Обращения поляков не последовало, зато всполошился Наполеон, разочарованный франко-русским союзом, так и не давшем ему возможность изолировать враждебную Англию. Порядок борьбы с конкурентами Франции требовалось изменить, и в апреле 1811 года Бонапарт ускорил подготовку к войне с Россией. В Польше, где с 1810 года поговаривали о скором сведении счетов с русскими обидчиками, усилилась милитаристская болтовня, увеличились подати на вооружение и армию герцогства.

В письме королю Вюртембергскому от 21 марта (2 апреля) 1811 года Наполеон написал: *«Война разыграется вопреки мне, вопреки императору Александру, вопреки интересам Франции и России. Я уже не раз был свидетелем этому, и личный опыт, вынесенный из прошлого, открывает мне эту будущность. Все это уподобляется оперной сцене и англичане стоят за машинами... но если я не желаю войны, и, в особенности, если я очень далек от намерения быть Дон-Кихотом Польши, то, по крайней мере, я имею право требовать, чтобы Россия оставалась верной союзу»* [7]. Бонапарт лукавил, перекладывая ответственность на англичан. Не что иное как личные и имперские амбиции толкали его и Александра к гигантской войне друг с другом. Этих амбиций у него, как у выскочки из низов, было еще больше, чем у элитарного соперника. Взобравшийся на военно-политический Олимп провинциал полагал необходимым установить «естественную границу»

французской империи по Двине и Днепру, чтобы обезопасить свое имперское детище и основанную им династию от русских посягательств [8]. Своим приближенным он высказывал еще более алчные мысли: *«Еще три года, и я буду владыкою вселенной»* [9].

К осени того же 1811 года последовала новая попытка царя прийти к драке с хладнокровно жаждущим ее Бонапартом. Как только Александру показалось, что он достиг соглашения о совместном выступлении с Пруссией, он повелел своим генералам готовиться к походу, *«подкрепить прусские войска в самой Пруссии находящиеся»*, действуя *«под строжайшим и непроницаемым секретом»* [10]. Дело снова не выгорело. Король Фридрих-Вильгельм III отказался ратифицировать русско-прусскую военную конвенцию, и вскоре вступил в союз с Францией. Сам же Александр не хотел начинать войну без безупречного повода и основания. Прощаясь с отозванным в Париж французским послом А. О.-Л. Коленкур, он сказал: *«Уверяю вас честью, я не сделаю первого выстрела»*. Наполеон, превыше всего ценя военную целесообразность, этому не поверил. Царь, в свою очередь, не мог заблуждаться в том, что информация о его враждебных намерениях не дошла до Бонапарта из Берлина и Варшавы. После таких движений нападения на Россию следовало ждать в первый же благоприятный сезон. Русский резидент Чернышев предупреждал: *«Никакие уступки с нашей стороны не могут отсрочить этой великой и важной битвы, от исхода которой будет зависеть не только судьба России, но и всей Европы»* [11]. Его слова подтверждались казнями информаторов и оскорбительными для самодержца выпадами во французской прессе. Нельзя было скрыть ни пересудов парижской общественности, гадающей, что толкает Бонапарта к войне с далекой Россией [12], ни отправки на восток французских войск и переговоров Парижа с европейскими дворами. Поэтому Александр, действуя на политическое опережение, открыл границы для англичан, и 3 (15) июня 1812 года дал своему посланнику генералу Сухтелену полномочия для заключения мира с Англией [13].

Воинственные и мятущиеся устремления самодержца подталкивались дворянским и городским общественным мнением, разочарованным отсутствием прежних побед и стеснениями от вынужденного присоединения России к континентальной блокаде Англии, — традиционного поставщика незаменимых в русском быту товаров. Мысль вооруженной рукой вернуть уважение и изобилие завладевала обществом. По свидетельствам современников, *«в России желание войны*

было почти общее». Несмотря на присоединение Финляндии, Белостокской области и Бессарабии, негативные следствия Тильзитского трактата в сфере экономики и финансов воспринимались с раздражением. Мир считался унижительным, «общественное мнение в России сделалось крайне враждебно к Наполеону». Александр «был встречен холодно в Петербурге по возвращении из Тильзита» [14]. «Роптало оскорбленное самолюбие великой империи, издавна оглашаемой одними победными кликами» [15]. «Иронизировали над маленькими подачками, которые Наполеон давал Александру и в 1807 г., «подарив» ему прусский Белосток, и в 1809 г... один австрийский округ... говорили, что Наполеон так обращается с Александром, как прежние русские цари со своими холопами, жалуя им в награду за службу столько-то «душ» [16].

Существовала и небольшая «бонапартистская» партия, главным представителем которой был канцлер Н. П. Румянцев: «Он порицал открыто направление, которое принимали политические дела, и остуда между императорами Александром и Наполеоном, грозившая уничтожением союза, коего он заявлял себя приверженцем, внушала ему тревожные опасения... По его понятиям, один Наполеон был в состоянии сдержать и подавить революционные движения в Европе, и в 1815 году, когда Наполеон пал, граф Румянцев предсказывал возобновление революционных смут, что и оправдалось еще при его жизни» [17]. Поскольку Румянцев обладал таким необходимейшим качеством дипломата, как преданность и искренность перед царем, Александр I продолжал держать его у международных дел как хорошего специалиста и отличное прикрытие для своих враждебных к наполеоновской Франции намерений. В то же время «внутри России шла деятельная работа по преобразованию управления и финансов; производились негласные, но усиленные военные приготовления под искусным руководством Барклая де Толли» [18]. По многим признакам, контрреволюционную логику Румянцева разделял политически консервативный Кутузов. Такие его взгляды проявятся в конце 1812 года, влияя на планирование военных операций.

Фактически, в России наблюдался рисунок общественного сознания, известный по типу ожиданий 1941 года «если завтра война». Ураканье снизу смыкалось с военно-политическими амбициями сверху. «С середины 1811 года возбуждение возрастало все более и более, несмотря на неотъемлемые доказательства, что русское правительство стало открыто уже готовиться к войне. Молва гласила, что император окружен изменниками, и клевета дошла до крайних пределов»

[19]. Движение ура-патриотизма со свойственной ему нетерпимостью к чужим мнениям заметной мерой отвечает за приверженность отсталым военным теориям; его повторяемость имеет вид устойчивого для России феномена, а потому подобие разгромных событий 1812 и 1941 годов нельзя считать чисто случайным. И сегодня, 200 лет спустя, снова видны параллели. Стоит властям на фоне ущемления имперского чувства и стеснения материальной жизни показать силу, заикнуться об отпоре «внешнему супостату», как часть населения готова преследовать инакомыслие и мчаться на войну. Только роль поводыря маниакально-патриотических движений переместилась от исчезнувшего дворянского класса к слою прикормленной интеллигенции. Успех же подобных общественных авантюр определяется не энтузиазмом в битве врагов и частотой призывов в ряды, а правильностью тактического и стратегического мышления. Но оно-то как раз и оказывается на задворках возбужденного сознания.

Александр I, прозванный «Милостивым», не репрессировал своих генералов, не морил голодом крестьян, а всего лишь заигрался в имперское величие и тайны внешней политики, окружил себя камарильей и забыл, что для военного дела необходимы другие свойства главнокомандующего, каковым он себя по-прежнему мнил, хоть и поручил эту должность другому. Но и такого поведения, в совокупности с давящим на власть «гласом народа», хватило для сходства совершенных в XIX и XX вв. ошибок. Не было пределов совершенству, — ротации командных кадров и перемены в составе армий продолжалась, когда надо было остановиться для обретения спайки и готовности. Вопреки наличию *«несомнительных признаков страшной и близкой войны»* [20], загодя начатую подготовку завершить не удалось. Самодержец руководил ею без ясного представления о стратегии, методами схоластичного, павловского администрирования. Даже накануне падения Москвы он вдруг решил упразднить в русской армии дивизию. При этом Александр цеплялся за возможность скорейшего перехода в наступление. Поэтому две русских армии из трех находились в точках наступления, а большая часть резервов, парков и запасов, на которые менее обращался дилетантский взгляд, сосредоточивались военным ведомством Барклая де Толли для оборонительных действий. И это позволило царским войскам организованно отступить (в отличие от советских, попавших под иго более вездесущего правителя).

Накануне 1812 года существовало множество наступательных планов войны с Бонапартом: П. И. Багратиона и его начальника штаба

Э. Ф. Сен-При, Л. Л. Беннигсена, принца Е. Вюртембергского, графа д'Алонвиля (представлен царю адмиралом Н. С. Мордвиновым). Последняя записка опиралась на хорошее знание финансово-экономической ситуации во Франции и Наполеона как противника, определяя театр военных действий на пространстве от Берлина до Смоленска, и предусматривала предупредительные наступательные действия в Пруссии и герцогстве Варшавском [21]. Но план д'Алонвиля не отвечал политической обстановке в Пруссии.

Все эти планы сопоставлялись царем с мероприятиями на основе методического образа действий, какой он избрал, исходя из записки А. А. Чарторыйского от 26 июня 1808 года. Записка замечательная в двух смыслах: во-первых, она оказалась пророческой в отношении последующих четырех лет международной политики, основ стратегии Наполеона при нападении на Россию и разорительности грядущей войны; во-вторых, князь Чарторыйский советовал царю вести заблаговременную, тщательную и скрытную международно-политическую, финансово-экономическую и военную подготовку к неизбежному разрыву. Записка оказала на Александра I сильное впечатление, до конца его дней хранилась среди важных царских бумаг, и удостоилась завещательного распоряжения о передаче наследнику [22]. Дубовый Николай I скинул ее в Государственный архив (отношения между Чарторыйским и российским престолом к тому времени испортились). Между тем, эта записка суть исходный военно-политический документ, определивший основы подготовки России к войне 1812 года и понимание царем бескомпромиссного характера борьбы. Она склонила его к военным планам от преднамеренной обороны, повлияла на назначение М. Б. Барклая де Толли военным министром, а после войны стала важным оправдательным документом драматического периода царствования. Записка Чарторыйского принесла России много пользы, хотя самодержец спотыкался и блуждал на указанном ему пути. В том же направлении действовали советы А. Б. Куракина: *«Избегать всякого генерального сражения и сообразоваться сколько можно с малою войною... стараться уничтожить недостатком продовольствия такие огромные массы, какие они поведут на нас»* [23].

Александр, упрямый в идеях, но нестойкий в их реализации, колебался. Попытки начать превентивную войну сменялись в его уме расчетами затяжной оборонительной кампании, которую ему советовали лучшие дипломаты и генералы. Свыкаясь с такой пер-

спективой, он использовал ее как страшилку для Наполеона, сказав А. О.-Л. Коленкуру: *«Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно... он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира... Мы не пойдем на риск. За нас — необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию... Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима»* [24]. Наполеон опять ему не поверил, а наступательные планы Александра были похоронены франко-австрийским союзным договором от 2 (14) марта 1812 года. Австрия обязалась выставить 30-тыс. вспомогательный корпус для похода на Россию. Это случилось в момент, когда Барклай надеялся толкнуть царя на превентивный удар по не закончившему сосредоточение противнику, почитая сие за лучшее, нежели ждать нападения в сомнительной конфигурации. Рескриптом от 7 (19) апреля царь ответил ему: *«Важные обстоятельства требуют зрелого размышления о том, что нам предпринять. Посылаю вам союзный договор Австрии с Наполеоном... возьмите меры, чтобы все было готово если решимся начать войну, и ни в чем не случилось остановки»* [25].

На душу самодержца хорошо ложились план ортодоксального прусского теоретика, генерала К. фон Фуля (Фуля), подвизавшегося в роли военного советника царя, и кордонная теория Ласси, обещавшие быстрое парирование наступления противника с любого направления, и переход к активным действиям. Для схватки с Наполеоном они были безнадежно отсталыми, но, тем не менее, завладели умом Александра [26]. Как указывал Богданович: *«В составлении Фулева плана не имел участия ни Барклай де Толли, ни кто-либо другой из наших военных людей»*. В соответствии с загорающимся и скрытым характером государя *«пресловутый план составлен был в Петербурге, и предварительные распоряжения к его исполнению сделаны были гораздо прежде, нежели Барклай узнал о его существовании»* [27]. То же самое говорил Беннигсен, командовавший русской армией в войне 4-й коалиции 1806–1807 гг.: *«Государь император не сообщил мне этого плана, и я никого не знаю, кому бы таковой был известен во всех подробностях»* [28]. Таким образом, русская армия не знала порядка действий, на какие ее хотели толкнуть, и по мере прояснения военный министр пытался приспособить этот план к реалиям.

По замыслу Фуля надлежало вести оборонительную войну между Двиною и Днестром, близ западной границы России, действуя двумя предварительно расположенными армиями численностью в 120 и 80 тыс. чел. Первая армия должна была, отходя, завлечь Наполеона. Вторую армию, усиленную казаками, предполагалось направить на сообщения неприятеля. Затем обе русские армии соединенными усилиями громили врага. К ним на помощь подтягивались войска из Молдавии. По сути, этот абстрактно-элегантный план представлял собой вейротерщину в поистине стратегических масштабах. Фуль собирался не совершать опасный охват, но дать втиснуться в него Наполеону с превосходящими силами и на короткой руке близ границы. В этой позиции, позволявшей противнику разбить русских по частям, он надеялся одержать победу и перейти в контрнаступление. Схоластичность и мелочность плана, исходившего из заниженной оценки численности наполеоновских войск, можно оценить по его начальной версии (записке о соображениях), опубликованной О. В. Соколовым [29].

Единственное, что Фуль, благодаря своей близости к Александру I, правильно определил, — направление наступления Наполеона на Вильну. Исходя из этих сведений, он был инициатором создания Дрисского укрепленного лагеря в точке, прикрывающей расходящиеся направления на Петербург и Москву, умозрительно позволяющей сообщения между далеко разнесенными русскими армиями. Однако, как видел Барклай, взаимодействия не получалось, и давать сражение у Дриссы было невыгодно. Он предоставил Фулю укреплять лагерь, а русские силы распределил иначе. Воспользовавшись раздражением царя против австрийцев [30], он отделил часть войск от армии Багратиона для формирования 3-й Западной армии Торماسова, образованной 5 мая 1812 года [31]. Это было произведено на основе воззрений военного министерства и армейской главной квартиры о подготовке Наполеоном наступления из герцогства Варшавского. По взглядам Барклая, не следовало рисковать постановкой под удар своей сколько-нибудь крупной армии. Фланговый маневр должна была совершить Главная русская армия, способная нанести мощный контрудар и неуязвимая для укусов наполеоновских резервов. А создание угрозы южному флангу противника рождало перспективу его двойного охвата. Поэтому в 1812 году группировка русских войск возникла такая, какой мы ее знаем.

Можно критиковать военного министра за это решение как увеличившее разброс русских сил, но надо помнить и то, что Наполеон

очень надеялся на сосредоточение русских у Гродно [32], а Барклай желал воспользоваться типической и ставшей к 1812 году известной внимательным наблюдателям склонностью Бонапарта ослаблять свои фланги. Не возражала против действий Барклая и царская военная наука, указывая, что разделение русских сил на литовско-белорусскую и волынскую группировки диктовалось свойством театра военных действий, — разобщающей операционные направления преградой Полесья [33]. Зло было не здесь, а в разделении русских войск к северу от Припяти.

Существование такого модифицированного плана объясняет, почему Барклай, основными чертами характера которого были «*прямодушие, хладнокровие и непоколебимость*», до детального выяснения обстановки писал Багратиону: «*Надеюсь, что Бог помилует нас от отступления*» и о возможности принять сражение под Свенцями [34]. Следовательно, он не имел твердого намерения сразу отступить вглубь страны, как ему приписывают. Оно появилось вследствие осознания военным министром несоответствия группировки противника и хода открывшихся военных действий оптимистическому сценарию, а первоначально он считал возможным действовать по измененному плану Фуля, при условии, что Наполеон силами в 200—250 тыс. чел. пойдет на Багратиона.

Эти замыслы были в духе записки о защите западных пределов России, представленной М. Б. Барклаем де Толли императору Александру I в конце февраля 1810 года. Согласно этой записке, военный министр предполагал расположить самую сильную русскую армию на месте армии А. П. Тормасова, что вызвало бы отвлечение Бонапарта на юг. В случае, если французы продолжали втягиваться в укрепленный угол между Двиной и Днепром, армия на Волыни была достаточно сильна, чтобы наступая на север, перерезать их коммуникации [35]. Эту главную армию, а равно общее главнокомандование с целью обеспечения взаимодействия всех армий и отдельных корпусов, Барклай предполагал вручить Н. М. Каменскому 2-му; но тот умер, вмешался Футь, уволокший главные русские силы к Вильне, а военный министр главнокомандования над всеми армиями не получил. Волей монарха ему была вверена только 1-я армия.

По действиям Барклая, пытавшегося, не имея решающего голоса в главнейших вопросах развертывания, продвинуть свою концепцию войны, видны проблемы русского планирования, нарушенного дилетантизмом императорской главной квартиры. Теоретики царского

периода не могли открыто критиковать российского самодержца, но, разбирая другие войны века, они говорят и о 1812 году. Показательна в этом отношении работа Леера «Значение подготовки к войне вообще и подготовительных стратегических операций в особенности», написанная на материале франко-прусской войны 1870—1871 гг.: *«Откуда взялась... столь невыгодная для французов обстановка? ... Она была, прежде всего, последствием уродливой централизации военного управления, крайне замедлившей процесс мобилизации и убившей инициативу частных начальников... Поражает еще и тот факт, что все славные военные традиции эпохи Наполеона I (для России читаем Суворова. — А. Д.) как будто бы никогда не существовали для французов, но познакомились с французским генеральным штабом, который... построен на ложных началах и проводил большую часть своего служебного времени в приемных старших генералов и в министерских бюро, мы уже не должны быть поражены таким явлением»* [36]. Не в петербургские ли приемные был запущен Леером этот камень?

«В 1812 г. первоначальное расположение наших войск на театре военных действий... благодаря теоретическим бредням генерала Фуля... грешило тоже излишнею разброской сил... Французы, в последнюю войну, не могли вовсе исправить ошибок в первоначальном расположении своих войск, а нам в 1812 г. потребовалось на это 2,5 месяца и целый ряд страшных усилий» [37].

«К минуте открытия военных действий, пруссаки в 25 дней собрали 400 тысяч на 100 верстах, французы, в те же 25 дней... только 200 тысяч, раскинутых на 300 верст... Очевидно, таким образом, что обстановка не благоприятствовала исполнению плана Наполеона (III)... Если бы он был склонен строго рассчитывать, подобно Мольтке, а не фантазировать, то он должен был бы это знать... Ни малейшего расчета, и лишь только одни иллюзии, вообще целый ряд приемов, которым не должно подражать и против которых следует предостерегать, тем более что большинство общества, не вникая в основание, в суть стратегии, именно склонно, в стратегических вопросах, скорее фантазировать a la Napoleon III, чем рассчитывать a la Moltke» [38]. Александра I многие, включая Наполеона I Бонапарта, считали мечтателем и фантасером.

Русская разведка была хорошей, своевременно вскрывая подготовку и намерения противника. Наполеон и сам многое угрожающе приоткрыл Куракину на аудиенции 15 (27) апреля в Сен-Клу, о чем тот немедленно отписал Румянцеву. Но никакая разведка не может

уберечь от неправильной реализации военной власти с навязыванием сверху вниз ошибочных мнений, от свойственной такой системе неподачи добытых по разным каналам сведений в адрес собственных генералов. По этой причине, как бывало и в более новые периоды российской истории, в главной армейской квартире принуждены были делать выводы, основанные «на весьма неточных предположениях». Почти до начала вторжения там исходили из мысли о наступлении Наполеона от Варшавы к Белостоку и Гродно [39], в то время как русский император знал, что Бонапарт стягивает силы к Ковно.

Когда царь, наконец, «разродился» в своих повелениях от 12 (24) июня: *«Все силы Наполеона сосредоточены между Ковно и Меречем, и сего числа ожидается переправа неприятеля через Неман»*, было уже поздно. А. И. Михайловский-Данилевский прямо указывал (и, восхваляя царя, считал это нормальным), что важнейшие сведения утаивались Александром I от своего генералитета: *«Даже окружавшие государя не знали, что уже пробил час развязки... 12 июня, когда должно было свершиться одно из величайших по своим последствиям событий, в Вильне все было спокойно. Проведя несколько недель в тщетном ожидании нашествия неприятельского, привыкли к мысли, что еще не скоро грянет военная гроза. Скучая единообразною жизнью, генерал-адъютанты просили Его Величество удостоить своим присутствием приготовленный ими в тот день бал в Закрете, загородном доме генерала Беннигсена»* [40]. Ровно так же вечером 21 июня 1941 года генерал Д. Г. Павлов, командующий советскими войсками в Белоруссии, оказался на театральном представлении МХАТа, даваемом в минском ЦДКА. Подчиненные ему гарнизоны охватила стихия увольнений и развлечений.

Первое, чего лишился из-за государственной секретности военный министр и главнокомандующий 1-й армией, — возможности препятствовать переправе Наполеона ради выигрыша времени, важного для короткой летней кампании. Он получил донесение о переправе французов на несколько часов позже Александра, утром 13 (25) июня, и ему ничего не оставалось, как действовать по разработанному несколькими днями ранее «Предположению к отступлению 1-й Западной армии и ее фланговых корпусов» [41]. При своевременном занятии русскими войсками важных пунктов по Неману, Бонапарт был бы вынужден демонстрировать во многих местах, и лишь затем вести форсированную переправу, а русская армия сохраняла возможность отступить и оторваться от противника [42]. Не смогли быть

реализованы предложения командующего 1-м пехотным корпусом П. Х. Витгенштейна, намеревавшегося, используя выгодную конфигурацию границы, продемонстрировать частью сил своего корпуса на прусский берег, чтобы создать угрозу переправам. Открылась тщетность надежд на сосредоточение армии А. П. Тормасова.

Усилия многих инициативных командиров пропали даром в силу их дезориентации: *«Перед Отечественной войной некоторые офицеры квартирмейстерской части обратили на себя внимание особыми записками... по поводу предстоящих военных действий. Так, еще весной 1810 года подполковник Дибич представил военному министру проект реквизиционной системы на случай войны; подполковник Чуйкевич, уже в апреле 1812 года, подал записку с кудреватым заглавием: «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией», в которой выставляет необходимость оборонительных действий против Наполеона, связанных с посылкой казачьих партий в тыл французам для производства народного восстания. Наконец, полковником Толем был составлен особый мемуар о действиях против Наполеона, представленный князем Волконским государю; мемуар этот замечателен особенно тем, что все его выводы основаны на неверных предположениях, доказывающих, что в самом центральном управлении квартирмейстерской части вовсе не имели верных сведений о силах и расположении неприятеля»* [43].

То же показывают записки П. М. Волконского от 5 (17) и 29 апреля (10 мая) 1812 года, предлагавшие уплотнить русские оборонительные порядки на левое (варшавское) крыло, где будет *«сборное место главных сил неприятельских»* [44]. По собственным армейским каналам информация о направлении главного удара Наполеона из Пруссии на Ковно и Вильну начала поступать к середине апреля [45]. В начале мая Барклай и Тормасов правильно определились с векторами угроз, но при застревающем образе мыслей в императорской квартире, переразвертывание войск не могло быть осуществлено. Что же касается Багратиона, то он и в самый день французской переправы у Ковно продолжал утверждать, что *«сосредоточение сил неприятельских между Гродно и Ковно есть не что иное как желание отвлечь наши силы от пунктов настоящих его стремлений»*, какие он ошибочно полагал у Влодавы и Бреста [46].

По данной причине Наполеону в 1812 году удалось добиться почти невозможного, — оперативной внезапности. Ее, конечно, было труднее, чем в 1941 году, реализовать за отсутствием моторизован-

ных войск, но она сразу привела к несостоятельности исходившие из ложных посылок русские военные планы. Это поняли многие лица из царского окружения и Барклай. Ничего поначалу не понял только Александр I, который это безобразие натворил. Впоследствии царская историческая наука выдвинула ложный тезис о «*неимении верных сведений о намерениях неприятеля*» [47], предвосхитив этим потуги советских историков, прикрывающих аналогичный просчет социалистического тирана.

Главные силы Великой армии Наполеона сосредоточились на левом (северном) крыле развертывания от Данцига до Торна в составе трех пехотных корпусов, гвардейской кавалерии и императорской гвардии под командой самого Бонапарта, — 227 тыс. чел. и 527 орудий. Их линия наступления лежала на Ковно и Вильну, пользуясь балтийским выступом прусской границы для обхода правого русско-го крыла. Центральная группировка под командованием Е. Богарне состояла из двух пехотных и одного кавалерийского корпусов, — 84 тыс. чел. при 208 орудиях, нацеливаясь в полосу между армиями Баркляя и Багратиона. Правое (южное) крыло Великой армии под началом Жерома Бонапарта насчитывало три пехотных и один кавалерийский корпус общей численностью 76 тыс. чел. при 159 орудиях, выдвигаясь на Гродно. Центр и юг должны были уничтожить армию Багратиона, после чего содействовать главным силам в разгроме армии Баркляя. Северный фланг Великой армии прикрывал корпус маршала Ж. Макдональда (32 тыс. чел. при 82 орудиях), а южный — австрийский корпус К. Ф. Шварценберга (35 тыс. чел. при 60 пушках) [48]. В Пруссии находились резервные корпуса маршалов Виктора (К.-В. Перрена) и П.-Ф.-Ш. Ожеро.

Видимая погрешность развертывания была только в одном: французы упустили из виду стратегические распоряжения Баркляя, и не знали о сосредоточении на Волыни 3-й армии Торماسова, полагая ее двигающейся «с нижнего Дуная на Волынь, дабы сменить армию Багратиона, которая... направлялась к северу для соединения с армией Баркляя». Центр группировки Багратиона они считали ближе к Луцку, чем к Белостоку и Гродно [49]. Эту ошибку Наполеон был вынужден исправлять направлением на помощь Шварценбергу 7-го саксонского корпуса Ж.-Л. Ренье из состава группировки Ж. Бонапарта.

Скрытый и более существенный дефект французского плана состоял в том, что он не давал средств пресечь отступление и соединение русских армий, обещая Наполеону успех «*только в том случае,*

если бы русские армии перешли в наступление на Варшаву, или же оставались бы неподвижно в виде кордона. За исключением этих двух случайностей, Император мог надеяться лишь на ошибки (противника)» [50], проще говоря, на то, что Александр и его окружение продолжат дурить. Такая угроза была — царь считал, что все должно идти по его рассуждениям и плану Фуля: *«Каждая из армий, против которой появился бы неприятель с превосходными силами, должна была... избегать важных и решительных сражений, отступая мало по малу. Между тем, другая армия должна была с решительностью продвигаться вперед... во фланг и тыл неприятеля»* [51]. Для него не было разницы между 1-й и 2-й армиями, и он уже начал распоряжаться о выдвигении Багратиона на Неман, имея своим авангардом переподчиненный ему конный корпус Платова.

Прибыв из Петербурга к войскам, Александр I не издал специальный указ о назначении Барклая главнокомандующим в присутствии императора. Следовательно, по законам Российской империи, он сам вступил в главнокомандование, его приказы и указания выполнялись в первую очередь. Каким-то образом грозящая разразиться катастрофа была преодолена, и в войска обеих армий был послан согласованный царем и военным министром приказ отступать, избегая решительных сражений с превосходящими силами неприятеля. При этом продолжало подразумеваться генеральное сражение под Свенцями или Дриссой. Затем на военном совете в Дриссе Барклай сумел убедить царя в невыполнимости соображений Фуля, получив монаршее согласие действовать по своему усмотрению. 2 (14) июля он бросил Дрисский лагерь по невозможности удерживать его без риска быть отрезанным от московского направления и юга страны вообще [52].

Противоречия в директивах главных армейской и царской квартир продолжались. На правах доверенного лица царя в управление вмешивался Аракчеев. Различные указания о путях и темпах отступления получали 1-й и 2-й пехотные корпуса Витгенштейна и Багговута, а затем 4-й и 6-й Остермана и Дохтурова. После июньских боев в районе Вилькомира и захвата противником дороги Вилькомир — Вильна возник разрыв между 1-м пехотным корпусом Витгенштейна и главными силами 1-й армии. На южном фланге царь повелел 2-й Западной армии отступать на Новогрудок, вопреки директиве Барклая от 15 (27) июня отходить прямо на Минск. Эта ошибка нивелировала французский просчет в определении местоположения армии Багратиона, дав ей ломаный маршрут отступления в опасной близо-

сти к противнику. Трудное бытие Барклая де Толли в такой системе командования, заметно более тягостное, чем положение Кутузова в 1805 году (Александр набрал упрямства, а рядом с ним толкалось больше борцов с Наполеоном) изложено генералом Вороновым на страницах Русской Старины [53].

Наполеон приказал Жерому преследовать 2-ю русскую армию по пятам, а корпус маршала Даву направил на Минск. В результате, Багратион не смог предупредить врага в Минске [54]. В середине июля французские войска настигли его армию у Несвижа, но промедление Ж. Бонапарта с наступлением со стороны Гродно и Новогрудка помогло оторваться от преследования и продолжить путь. *«Насилу вырвался из аду. Дураки меня выпустили»*, — написал Багратион Ермолову [55]. Арьергардные бои казачьей кавалерии 2-й армии произвели впечатление на Даву, вынужденного для приведения в порядок своих войск и прояснения обстановки задержаться в Минске на несколько дней [56]. Но Багратион не рискнул пройти мимо французов через Игумен (ныне Червень), и повернул в дальний обход к Бобруйску. Соединение русских сил надолго откладывалось, что весьма заботило Александра I. Движение 2-й армии на Бобруйск уронило в его глазах репутацию Багратиона не меньше, чем события 1810 года под Силистрией и Татарицей.

В конце концов, Барклаю пришлось показать самодержцу, что его попытки командовать и само присутствие в армии нежелательны, не вызвав при этом ни гнева, ни припадка характерного для Александра упрямства. Известно, что во время пребывания царя в Полоцке, в интересах выработанного военным министром плана действий выступили А. С. Шишков и А. Д. Балашов, которые привлекли на свою сторону А. А. Аракчеева, убедив его, что императору (источнику всех аракчеевских благ) угрожает опасность. Воспользовавшись предложением растерянного царя подать ему письменные соображения, троица подписала письмо к Александру I, в котором содержалось настояние как можно быстрее покинуть армию, освободив руки М. Б. Барклаю де Толли: *«Первое: государь император находясь при войсках не предводительствует ими, но предоставляет начальство над оными военному министру, который хотя и называется главнокомандующим, но в присутствии его величества не берет на себя в полной силе быть таковым с полною ответственностью»* [57]. Дальше по тексту следовало льстивое запугивание поражением, военная ситуация представлялась как чрезвычайно плохая.

Аракчеев, поколебавшись, положил на письменный столик Александра общее письмо. Прочитав, *«государь поехал верхом к Барклаю, который находился от нас в нескольких верстах. Тут подошел ко мне обер-гофмаршал граф Толстой... и тихонько шепнул мне на ухо: «знаешь ли что? К ночи велено приготовить коляски, ехать в Москву»... Радость моя была неописанна... Государь скоро возвращается и к ночи получаю я повеление написать две бумаги: воззвание к Москве и Манифест о всеобщем ополчении»* [58]. Возможно, усилия троицы увенчались успехом благодаря М. М. Сперанскому, накануне отъезда царя на войну резко уговаривавшему его *«не участвовать в ней своим лицом»*, и поплатившемуся за это отставкой [59].

Отъезд императора означал, что центр руководства военными операциями переместился в руки Барклая, опиравшегося на систематические наработки военного ведомства, готовившего театр оборонительной войны, налаживавшего систему питания войск, приводившего в порядок военное законодательство. Помимо стратегических вопросов, утверждение по инициативе Барклая *«Учреждения для управления Большой Действующей Армии»* было огромным организационно-правовым шагом вперед, и важность этого узаконения оценена по итогам войны: *«Полезные оного последствия неисчислимы»* [60]. Надежда Наполеона на несостоятельность русских штабов провалилась, и это привело к окончательному краху его Виленскую (приграничную) операцию, целью которой было уничтожение русских армий и завоевание себе полной свободы действий. К сожалению, Александр, трудно расстававшийся с личным контролем, так и не назначил Барклая главнокомандующим всеми армиями, а заодно оставил при нем свою квартиру, что открыло дорогу местническим интригам Багратиона и попыткам Беннигсена втереться в командование при поддержке цесаревича Константина Павловича.

Багратион давно был недоволен Барклаем, желая для себя более значимой роли. Князь хотел наступать, и предлагал царю усилить подчиненную ему 2-ю армию до 100 тыс. чел., а войну начать с взятия Варшавы и осады Гданьска, то есть, по расходящимся направлениям. Под расплывчатой формулировкой: *«Дальнейшие военные операции могут определены быть только по соображении действий и движений неприятельских»*, угадывалось стремление Петра Ивановича к генеральному сражению с Наполеоном, поскольку запасную 50-тыс. армию он тоже придвигал к себе [61]. Царь и Барклай проигнорировали эти авантюрные предложения. Багратион не успокаивался, продолжая

бомбардировать самодержца и ключевых лиц его окружения своими пылкими мыслями: *«Государь! От преданности доношу: не отнимайте у воинов твоих дух; прикажите нам собраться у Гродно и нанести удар врагам. Всякое отступление одобряет неприятеля... Жаль истинно и последствия будут самые пагубные. Чего нам бояться... Неприятель, собранный на разных пунктах есть сушая сволоочь... Иноверцы не могут так усердно судить, ибо они ничего не рискуют, а мы все. Военная система по моему та: кто рано встал и палку в руки взял, тот и капрал»* [62].

Читая одно за другим письма Багратиона, видны шапкозакидательские призывы, самолюбование, лесть и поклепы под маской искренности и простоты. Лейтмотив один: дай ему власть, дела поправятся. Он, истинно русский и православный, сразу пойдет в наступление и победит. Неприятная картина складывается и по служебным донесениям князя. Перед войной Петр Иванович пытался инициировать высылки неблагонадежных вглубь России (так его идейные наследники поступили накануне фашистского вторжения, но не помогло). Плохо отличая бдительность от доносительства, Багратион пытался очернить перед командованием нескольких офицеров, включая полковника Витте (подавшего верные сведения о группировке сил Наполеона) и доверенного резидента Барклая де Толли в Белостоке полковника Турского. Он же умышленно отослал от себя за границу будущего героя Отечественной войны майора Пренделя, пренебрегая безопасностью последнего. По всем указанным поводам Багратион имел объяснения с военным министром [63]. Ура-патриотическое рвение ни на вершок не приближало князя к раскрытию намерений противника. Уступать Багратиону было нельзя, и это была еще одна причина, по которой Барклай шел на активный военный план. Но в душе он был приверженцем иной точки зрения.

Идею избегать генерального сражения в случае нападения Наполеона на Россию и отступать, пока *«французы нашли бы, вместо решительной победы, другую Полтаву»*, М. Б. Барклай де Толли впервые высказал в беседе с немецким историком Б. Г. Нибуром весной 1807 года. Тот поведал об услышанном прусскому министру Штейну, а когда Барклай стал русским военным министром и главнокомандующим 1-й армией, довел этот разговор до сведения генерала-интенданта французской армии М. Дюма в расчете на его передачу Бонапарту. Суть доработанного к 1812 году плана состояла путем искусного отступления до рубежей Двины и Днепра заставить врага удалиться от своего базиса, утомить малыми предприятиями в опустошенной

стране, а затем дать сокрушительное сражение в момент нехватки обеспечения и малой стойкости вражеских войск. В соответствии с этой логикой Барклай изучал местность, и разработал комплекс мер, направленных на осложнение всех видов питания для армии вторжения. Но даже военный министр не мог выступать с «пораженческими» идеями открыто. Перед войной *«войска наши и весь народ русский уверены были, что мы будем действовать наступательно. Мысль о допущении неприятеля в пределы русского царства не могла найти места в понятиях... Всякий, изъявивший в то время подобное мнение, был бы сочтен изменником, и потому Барклаю не оставалось ничего более, как скрывать от всех, и даже от старших наших генералов, необходимость отступления»* [64].

А затем война, вопреки чаяниям горячих голов, вошла в предвиденное военным министром русло. Как заметил Михайловский-Данилевский: *«Перенесение театра войны в сердце России произошло не от намерения, заранее принятого, но было следствием обстоятельств»* [65]. Генерал Ермолов писал: *«Не была предусматриваема необходимость отступления, но достоверное сведение... определило отступление необходимым средством до некоторого времени»* [66]. Открылись силы и группировка перешедшего границу Наполеона, и единственная дельная мысль оказалась в том, что *«нам следует отступить, чтобы сосредоточиться»*. Высказывал ее не только Барклай, но и Беннигсен, прямо в глаза Фулю, зная, что все будет донесено до Александра [67].

Наполеон, зная о русских настроениях, *«вполне рассчитывал на то, что за Неманом встретит главные военные силы России и с первого же удара разъединит и разгромит их»* [68], после чего Александр будет вынужден подписать с ним выгодное соглашение. Вся приграничная операция Бонапарта была основана на порывистом предубеждении, что Барклай и Багратион, подобно ему самому, в любой момент первыми начнут наступление на Варшаву [69]. Поэтому в своем приказе на восточный поход, выдержки из которого публиковали все российские историки, французский император назвал его *«Второй польской войной»* [70]. *«Претендуя знать, до тонкости, личные свойства характера императора Александра, Наполеон был уверен, что русская армия не уступит ему без боя своих границ и атакует его... на пороге русской земли»* [71]. Рассуждая по памяти Аустерлица, где никто не остановил самодержца, Бонапарт не заметил способность Александра переговариваться: от бабки Екатерины II, своего отца Павла I, от продолжения войны после неудачи под Фридландом и т. д. При этом

у корсиканца не было адекватного понятия о трудностях, с которыми он встретится в России, *«столь отличной от тех стран, где ему пришлось воевать прежде»*. Благодаря этому существовала стопроцентная вероятность, что при отступлении русских он, *«полагаясь на свое счастье и на боевую славу своих войск»* [72] потянется за вожаемой победой вглубь страны.

Вместе с тем, Бонапарт, зная высокие боевые возможности русских войск, действовал не так авантюристично, как привык. На этот раз он много поработал, создавая *«в тылу армии операционные базы и делая большие материальные заготовки, сознавая, что Россия не даст ему таких обильных продовольственных средств, какими он пользовался в Пруссии и Австрии»* [73]. Наполеон произвел массирование сил и средств в невиданных до того масштабах, распорядившись: *«Для приобретения победы мне понадобится собрать на одном пункте до 400000 человек, следственно, в таком случае нельзя надеяться на помощь страны: все должно иметь с собою»* [74].

На встрече с Меттернихом в Дрездене, проведенной в мае 1812 года для консультаций в рамках франко-австрийского союза, Наполеон продолжал держаться своей точки зрения на действия русских армий и Александра I, но вместе с тем сказал: *«Победа будет принадлежать тому, кто окажется терпеливее. Я начну кампанию, перейдя Неман: она кончится в Смоленске и Минске. Я укреплю эти оба пункта и займусь в Вильно, где будет главная квартира армии, на всю будущую зиму, — делами по устройству Литвы... я буду ждать, кто из нас устанет первым. Я ли, кто будет кормить свою армию на счет России, или Александр, который будет кормить мою армию на счет своей страны? Сам же я лично, уеду, может быть, на самые суровые зимние месяцы в Париж»*. На вопрос Меттерниха, что будет, если император Александр не захочет заключить мир после занятия французами Литвы, Наполеон отвечал: *«В таком случае, я подвинусь на следующий год, до самого центра России, и буду терпелив в 1813 году, столько же, как и в 1812. Дело, как я уже сказал, представляет только вопрос времени»* [75]. Это дало ряду историков основание утверждать, что *«план кампании похода на Россию... был одним из лучших, когда-либо составленных Наполеоном. Если он не удался, то это уже зависело не от замысла, а от его выполнения»* [76].

Странное мнение, учитывая, что в боевом отношении исполнение было хорошо, и ресурсов собрано достаточно, а вот расчет времени на кампанию и организация тыла армии вторжения оказались про-

вальными, что указывает на крупные огрехи в стратегической подготовке к войне. За них надо винить, прежде всего, самого Бонапарта, чья мысль была прикована к славе и грому сражений. Наполеон мечтал повторить Иенский маневр, а важные, но не престижные вопросы обеспечения им обдумывались недостаточно, и передоверялись. Не сработала и полагавшаяся непреложной аналогия между польским и русским театрами военных действий. Французский полководец не осознал, что как бы ни были велики заготовления на складах операционного базиса, в обширной, малонаселенной и неумолимо враждебной России ему не удастся прокормить огромную армию при помощи традиционной французской системы снабжения, слишком опирающейся на грабеж завоеванных территорий, и не предусматривающей деятельного оборота обозов.

Армейские обозы были обязаны следовать за войсками, а потому на оборот между пунктами накопления и быстро ведомой вперед Великой армией, штатных подвод не имелось. При такой системе подвоза интендантские службы, пользуясь разными видами тылового транспорта, могли постепенно подавать запасы из союзной Пруссии в Вильну, Минск и Витебск, а из коллаборационистской Литвы, преодолевая большие трудности, — в Смоленск. Но как их было отправить дальше на восток, в действующую армию, для которой полагался достаточным четырехдневный запас хлеба? Для французской системы снабжения это была неразрешимая задача, — ни транспорта, ни войск для прикрытия маршрутов. Дополнительная реквизиция подвод в Пруссии, Литве и Белоруссии помогла мало. Эта мера лишь компенсировала такие неудачные решения, как создание тяжелых повозок, специально заказанных Наполеоном для русского похода. Истощение лошадей от холодных дождей, недостатка травы и овса после перехода русской границы заставило захватчиков их бросить, и перейти к формированию обозов из местных обывательских подвод [77]. Неудачной оказалась и мысль задействовать воловьи упряжки. Это сразу же ослабило звено доставки, и без того проблемное. Простой арифметический подсчет грузоподъемности 20 созданных для обеспечения русского похода обозных батальонов показывает, что они могли перевозить 8148 тонн груза, что для 400-тыс. армии дает чуть более 20 кг запасов на человека. Этого было достаточно лишь на авантюрно определенный срок русской кампании — блиц в 20 дней [78].

Лучше зная свои условия, в России до последнего момента думали, что армия Наполеона составит до 250 тыс. чел. Более крупную ар-

мию было трудно вести, и невозможно в одних окрестностях прокормить. Также основывались на плохом продовольственном положении Франции, где в конце 1811 года начался голод [79], но недооценили гигантоманию Бонапарта и произведенный им грабеж союзников. *«Пруссия признала свой долг Франции в размере 141 миллиона франков. Пользуясь этим, французская армия, вступив в пределы Пруссии, собирала реквизиционным путем продовольствие и фураж, стоимость которого шла в уплату долга, причем цены на продукты устанавливались французским интендантством»* [80]. Огромные запасы не удалось реализовать лишь потому, что герой революции, подмяв под себя штаб, сам впал во все феодальные пороки. Как-то Наполеон сказал Нарбонну: *«Теперь, чтобы добраться до Англии, нужно зайти в тыл Азии с одной из окраин Европы... Представьте себе, что Москва взята, Россия сломлена, с царем заключен мир или же он пал жертвой дворцового заговора... и скажите мне, разве есть средство закрыть отправленной из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам путь к Гангу; разве не достаточно прикосновения французской шпаги, чтобы во всей Индии обрушились подмостки торгашеского величия»* [81]. Мечты сладкие, но русская кампания была рассчитана захватчиком не лучше египетской, а в оценке действий русской армии он надеялся на лучшее, вместо того, чтобы рассчитать худшее. Этого худшего не случилось, но даже «среднего» оказалось достаточно для разгрома.

Для оправдания агрессии был выдвинут надуманный повод о разрыве Россией дипломатических отношений с Францией. Русский посол в Париже князь Куракин, видя, что французское правительство всячески тянет с ответом на предложенные Петербургом способы к сохранению мира, а Бонапарт и другие важные лица покидают столицу, отправил министру иностранных дел Франции ноту. В ней он расценил эти действия как недружественные, и пригрозил потребовать себе паспортов на отъезд. Текст ноты опубликован в Сборнике Русского исторического общества. Ответа Куракин не получил, наоборот, наполеоновский министр иностранных дел Ю.-Б. Маре отменил ранее согласованную встречу с ним. После двухмесячного молчания, когда до вторжения в Россию оставались буквально часы, паспорта были выданы [82, 83]. Из современных российских историков эта обвиняющая Россию басня была заглота О. В. Соколовым.

Наполеон начал свои операции наступлением против армии Барклая де Толли, рассчитывая разгромить и опрокинуть ее в сторону Полесья. Вскоре Неман перешли группировки Жерома Бонапарта и

Евгения Богарне, чьи операционные пути на Багратиона и к Полесью были короче. «Теперь, — надменно заявил Бонапарт, — *Багратион с Барклаем уже более не увидятся*» [84]. Провалившись в этой надежде, он втянулся в преследование русских до Смоленска. Столкнувшись с дальнейшим отступлением противника, завоеватель мог либо последовать плану двухлетней войны, изложенному перед Меттернихом (но выявились его несбыточность под угрозой не разбитых русских сил), либо идти на Москву. Поворот французской армии на Петербург открывал ее тылы, дорожная сеть в северном направлении напоминала мешок. Вероятность поворота на Киев тоже была от лукавого: между Наполеоном и Украиной лежало болотистое Полесье, движением на юг по Днепровскому дефиле можно было прийти в богатые губернии, но ценой отрыва от базиса и потери завоеванной Белоруссии и Литвы.

Русскую сторону раскачивали психологические издержки отступления. Поначалу ура-патриоты взорвались ожиданиями победы, распространяя радужные слухи. «*До нас дошли некоторые смутные известия о наших успехах над французами... Говорят, что 100-тысячная неприятельская армия разбита, что Макдональд взят, и ничто не подтверждается*», — писал П. В. Чичагов Александру I [85]. «*Все готово. Мы на них наступаем. Гоним, бьем их*», — воображали в Петербурге, где ходила по рукам фантастическая записка «*об окружении всех неприятельских армий всеми нашими силами*» [86]. «*Восторг населения, при появлении Александра в Москве, был невероятный*» [87], как дубиной оглушив самодержца, который, вместо отдачи нескольких важнейших распоряжений, положился на патриотическую стихию, как на дар небес. Армия осталась без единоначалия в командовании, московское ополчение, лобызавшее его ноги, — без правильной организации. Что касается событий и настроений на территориях близ открывшихся военных действий, — там все напоминало июнь 1941 года: позабытые бежавшим начальством подчиненные, паника, переполненные эвакуационные пункты [88]. Поляки, литовцы, белорусы бросали свои учреждения и полки, ночами разбегаясь по домам: «*Таким образом, с начала отступления до прихода в Смоленск армия потеряла более десяти тысяч человек*» [89].

Вскоре скромная истина прояснилась, и начался поиск виноватых. После первого сражения за Полоцк П. Х. Витгенштейн восклицал: «*Я лишился половины моего войска, благодаря продолжающемуся бездействию первой армии!*» [90] Генерал-майор В. В. Вяземский в начале июля занес в журнал: «*В армии нашей все удивляются и не*

могут отгадать маневра и методы, которую принял государь — начать войну отступлением, впустить неприятеля в край. Все это загадка». В августе он пишет: «Теперь уже сердце дрожит о состоянии матери России. Интриги в армиях — не мудрено: наполнены иностранцами, командуемы выскочками. При дворе кто помощник государя? Граф Аракчеев. Где вел он войну? Какою победою прославился? Какие привязал к себе войски? Какой народ любит его? ...И он-то есть в сию критическую минуту ближним к государю. Вся армия, весь народ обвиняют отступление наших армий от Вильны до Смоленска. Или вся армия, весь народ — дураки, или тот, по чьему приказу сделано сие отступление» [91]. Легко представить себе домыслы среди нижних чинов и населения в тылу. Записки В. И. Бакуниной (дальней петербургской родственницы М. И. Кутузова) оставлены в тех же настроениях и словах. Наряду с Аракчеевым она «проходится» и по Барклаю: «О разуме его, о свойствах, о благородных чувствах, о возвышении духа никто не слыхивал, а ему вверен жребий России... Государь — сам с ним пословица: ...одна неопытность и одно неискусство гораздо лучше двух» [92].

К выработке двусмысленной приграничной диспозиции, конфликту мнений и началу отступления Кутузов не имеет отношения. Он не был в числе офицеров и генералов, обдумывавших войну на западной границе. Ему довелось косвенно навредить всем планам, надолго удержав на юге Дунайскую армию, но этот грех он делит с Александром I, фантазировавшем о союзе с Турцией и диверсии в балканские владения Франции. Следуя царским указаниям, адмирал Чичагов через три недели после начала наполеоновского вторжения продолжал тянуть на Дунай резервы, предназначенные для армии Тормасова [93]. В результате Дунайская армия выступила в поход на соединение с 3-й Западной армией только 10 (22) июля. Она была задержана в пути плохой погодой и наводнением, сорвавшим мосты на реках Серет и Путна, сумев сосредоточиться в районе Дубно много после Бородина, к 9 (21) сентября 1812 года [94].

1. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 1. С. 107, 123.

2. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 113–114, 119.

3. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона*. СПб., 1823. Ч. 1. С. 128.

4. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 116–117.

5. Романов Н. М. Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 96–97.
6. Вандаль А. Наполеон и Александр I. СПб., 1913. Т. 3. С. 32–37, 142–145.
7. Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 24.
8. Бонналь А. Виленская операция. СПб., 1909. С. 55.
9. Шильдер Н. К. Кто истинный виновник войны 1812 г. // Рус. Старина. 1897. № 3. С. 420.
10. Отец. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1904. Т. V. С. 268–270, 302–304, 313–315.
11. Чернышев А. И. Донес. канцлеру гр. Н. П. Румянцеву // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 238.
12. Записки соврем. о 1812 г. Гр. Боволье // Рус. Старина. 1893. № 1. С. 4–5.
13. Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 26, 30.
14. Бутенев А. П. Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив. 1881. № 3. С. 46.
15. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 1. С. 152–153.
16. Тарле Е. В. Наполеон. // Тарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 243.
17. Бутенев А. П. Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив. 1881. № 3. С. 58–59.
18. Там же. С. 55.
19. Романов Н. М. Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 99.
20. Бутенев А. П. Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив. 1881. № 3. С. 60.
21. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 94–98.
22. Чарторыйский А. А. Записка, поданная императору Александру I 26 июня 1808 г. // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 372–386.
23. Куракин А. Б. Донес. императору Павловичу // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 338.
24. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Рос. // Тарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 449.
25. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 1. С. 88–89.
26. Левицкий Н. А. Полководческое иск-во Наполеона. М., 1938. С. 183.
27. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 101–102.
28. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 40.
29. Соколов О. В. Битва двух империй. 1805–1812. М.; СПб., 2012. С. 721–731.
30. Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 28.
31. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 1. С. 127.
32. Бонналь А. Виленская операция. СПб., 1909. С. 51.
33. Леер Г. А. Записки стратегии. СПб., 1880. Вып. II. С. 240.

34. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 133–134.
35. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1900. Т. 1. Ч. II. С. 1–6.
36. Леер Г. А. *Значение подготовки к войне.* СПб., 1875. С. 4–6.
37. *Там же.* С. 8.
38. *Там же.* С. 25–26, 30.
39. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 99, 102, 109.
40. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 1. С. 167–169.
41. Поликарпов Н. П. *Отеч. война 1812 г. По неисслед. док. Моск. отд. общего архива ГШ // Тыс. восемьсот дв. год.* СПб., 2012. Т. 1. Вып. 1–10. С. 67, 169–170.
42. Бонналь А. *Виленская операция.* СПб., 1909. С. 28.
43. Глиноецкий Н. П. *Истор. рус. Ген. штаба.* СПб., 1883. Т. 1. С. 245.
44. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1909. Т. XI. С. 61–63, 324–333.
45. *Там же.* С. 143, 145–146.
46. *Там же.* СПб., 1910. Т. XIII. С. 107–109.
47. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 109.
48. Бонналь А. *Виленская операция.* СПб., 1909. С. 15, 18–19.
49. *Там же.* С. 22, 25.
50. *Там же.* С. 32.
51. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 1. С. 146.
52. Левенитерн В. И. *Записки лифляндца // Воен. сб. 1865. № 6. Отд. не-офиц.* С. 277.
53. Воронов П. Н. *Кто управлял рус. войсками в июне 1812 г. // Рус. Старина.* 1912. № 7. С. 145–163.
54. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1910. Т. XIII. С. 186, 189–190, 214, 318, 323.
55. *Письма на походе 1812 г. к ген. Ермолову // ЧОИДР. М., 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 195.*
56. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 1. Отд. I. С. 30–31.*
57. Шишков А. С. *Кр. записки.* СПб., 1831. С. 20.
58. *Там же.* С. 27.
59. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I.* СПб., 1897. Т. 3. С. 38.
60. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. 15. С. 700.*
61. *Ген. Багратион. Сб. док. и мат. М., 1945. Док. № 57. С. 134–135.*
62. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки Имп. акад. наук (ИАН).* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 13. С. 9.
63. *См. напр.: Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1904. Т. V. С. 318–320; 1907. Т. VII. С. 93–94, 342; Т. VIII. С. 102–103.

64. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 104, 107–108.
65. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 1. С. 149.
66. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 132. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон,* 1863. С. 24.
67. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г.* Киев, 1912. С. 46.
68. Вандаль А. *Наполеон и Александр I.* СПб., 1913. Т. 3. С. 345.
69. Бонналь А. *Виленская операция.* СПб., 1909. С. 35.
70. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1823. Ч. 1. С. 133.
71. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 337.
72. *Записки соврем. о 1812 г. Гр. Боволье // Рус. Старина.* 1893. № 1. С. 11.
73. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 336.
74. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 1. С. 157.
75. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг.* СПб., 1887. Т. 3. С. 339–340.
76. Военский К. А. *Наполеон и его маршалы в 1812 г.* М., 1912. С. 10.
77. Левицкий Н. А. *Полководческое иск-во Наполеона.* М., 1938. С. 180, 182, 186.
78. Бонналь А. *Виленская операция.* СПб., 1909. С. 16–17.
79. *Подготовка Наполеона к войне 1812 г. по мемуарам Пакье // Рус. Архив.* 1913. № 7. С. 123–124.
80. *Записки соврем. о 1812 г. Гр. Боволье // Рус. Старина.* 1893. № 1. С. 7.
81. Вандаль А. *Наполеон и Александр I.* СПб., 1913. Т. 3. С. 347.
82. Куракин А. Б. *Донес. имп. Александру Павловичу // Сб. РИО.* СПб., 1877. Т. 21. С. 340–345, 349.
83. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 15, 19. С. 11, 15.
84. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I.* СПб., 1897. Т. 3. С. 85.
85. Чичагов П. В. *Письма к имп. Александру I // Сб. РИО.* СПб., 1871. Т. 6. С. 11.
86. *Сто лет назад // Рус. Старина.* 1912. № 7. С. 136, 140.
87. Романов Н. М. *Имп. Александр I.* СПб., 1912. Т. 1. С. 113.
88. Фадеев А. М. *Воспоминания. Одесса,* 1897. С. 17–20.
89. Мокринский Г. А. *Истор. 113-го пех. Старорусского полка.* СПб., 1900. С. 39.
90. Витгенштейн П. Х. *Из писем // Тыс. восемьсот дв. год.* СПб., 2012. Т. 2. Вып. 11–24. С. 467.
91. Вяземский В. В. *Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники.* М., 1990. См. также: Вяземский В. В. *Дневник 1812.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/03.html>, 09.04.2018.

92. Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках // Рус. Старина. 1885. № 9. С. 397–398.

93. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 304.

94. Там же. С. 197–198.

5.2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. И. КУТУЗОВА ВО ВРЕМЯ ОТСТУПЛЕНИЯ М. Б. БАРКЛАЯ ДЕ ТОЛЛИ К СМОЛЕНСКУ И ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЭТОГО ПЕРИОДА ВОЙНЫ

На первом этапе войны 1812 года прибывший в Петербург Кутузов не играл заметной роли в событиях, чего нельзя сказать о том видном месте, какое было отведено ему в российском дворянском сознании, зацикленном на временах екатерининской славы. Михаил Илларионович чувственно и алогично был принят наследником А. В. Суворова и М. Ф. Каменского. Обитая в столице *«без всякого назначения»*, он с тревогой следил за событиями [1]. Привлекая к себе внимание Кутузов ведет активную светскую жизнь: *«Его видели в эти горестные дни в театрах и в обществах»* [2]. Он *«навещал влиятельных лиц, и даже, как тогда говорили, старался заслужить благосклонность М. А. Нарышкиной, близкой к государю особы»* [3]. Надо сказать, таскаться за царской любовницей было малопочтенным для боевого генерала способом улучшить свои перспективы. Видимо, опасения, если не за страну, то за свою личную судьбу были велики.

Наконец, 12 (24) июля Комитет Министров империи, обеспокоенный донесением И. Н. Эссена 1-го об отступлении его войск к Риге, именем отсутствовавшего в столице императора возложил на Кутузова командование корпусом, создающимся в Нарве для защиты Петербурга. В корпус определялись войска, побатальонно выбираемые из столичного гарнизона и Финляндии в общем количестве 8 тыс. чел., при трех ротах артиллерии [4]. 15 (27) июля Александр I, находясь по дороге в Петербург, получив уведомление Н. И. Салтыкова о действиях Комитета Министров, немедленно подписал на имя Михаила Илларионовича соответствующий рескрипт.

По слухам, Кутузов считался в опале, и сначала известия о его назначении *«привели всех в недоумение и робость, стали думать о побеге из Петербурга, многие стали выезжать, другие собираться и укладываться»*. Считалось, раз Комитет Министров во главе с осторожным Салтыковым решился *«призвать в совет оставленного, гонимого дво-*

ром, — *знать уже все погибло!*» [5]. Высочайший манифест от 6 (18) июля о вооружении всего государства, единении сословий и защите отечества поначалу тоже усугубил уныние сплетников. Но подлинное настроение самодержца к полководцу не соответствовало салонным пересудам. В том же письме Салтыкову, к которому был приложен рескрипт о назначении Кутузова командующим Нарвским корпусом, Александр I просил задействовать его, а также генералов Вязмитинова и Горчакова 1-го для создания Петербургского ополчения по подобию Смоленского и Московского [6].

В пользу дунайского кунктатора много сыграла ратификация Бухарестского мирного договора султаном. Известие о ней пришло в Петербург 9 (21) июля и праздновалось пушечной пальбой, а в действующую армию — 11 (23) июля, будучи ознаменовано специальным благодарственным приказом М. Б. Барклая де Толли № 64. Нейтралитет турок казался особенно значимым, когда Россия осталась один на один с континентальной Европой, все поздравляли царя и друг друга [7]. С легкостью забыли, что от русско-турецкой войны ждали крупных результатов: *«Границу составит река Прут; но, впрочем, кажется тут и разницы для России мало какая граница, а важно то, что мир и при каких же обстоятельствах!»* — писал А. Д. Балашов Московскому военному губернатору Ф. В. Ростопчину, а тот отвечал в Петербург: *«Народ чрезвычайно весел и полагает уже дунайские наши войска на прусской границе»* [8].

В обеих столицах дворянские собрания 16 и 17 (28 и 29) июля избрали Кутузова начальником губернских ополчений. Михаил Илларионович, особой депутацией приглашенный присутствовать на Петербургском дворянском собрании, действовал уверенно и театрально. Он показал монарху и обществу, что надежды на него не беспочвенны: *«Сию обязанность на себя с... патриотическим рвением принял»* [9]. Командование Нарвским корпусом старого генерала удовлетворить не могло, ни с военной точки зрения, ни в виду перспектив с этим малым назначением покинуть столицу. На следующий же день Кутузов рапортовал о своем подвижничестве самодержцу. Напомнить о себе вышло удачно, — император назначил его командующим войсками, находящимися в Петербурге и окрестностях. Генерал тут же использует расширившиеся полномочия, обратив на формирование корпуса ополчения Санкт-Петербургский батальон внутренней стражи [10].

С приездом Александра I в Петербург 22 июля (3 августа) Кутузов отправился к нему с докладом об организации ополчения и за высочай-

шим утверждением. Царь утвердил его в должности начальника Петербургского ополчения, разрешив отпустить ратникам 10 тыс. ружей из арсенала. Выдавались ружья не сразу, а партиями, начиная с исправных стволов устаревшего образца. От московской должности Михаил Илларионович с благодарностью отказался. 2 (14) августа Кутузов становится членом Государственного Совета империи [11]. В его заседаниях он принимал участие вплоть до отъезда в действующую армию.

По предложению Кутузова для формирования ополчения были учреждены два комитета: устроительный и экономический. Первый из них ведал организационными, кадровыми и учебными вопросами, второй — занимался сбором средств и их распределением на обмундирование, вооружение, провиант, аптеки, обоз и лошадей. При помощи столичных властей, губернских помещиков и духовенства, экономическим комитетом были собраны большие денежные средства (только от духовенства поступило 750000 руб. пожертвований) [12]. В ополчение было привлечено множество ранее служивших в армии, так называемых старослужащих солдат. Вскоре начальник ополчения выпросил у А. И. Горчакова 1-го 80 унтер-офицеров и 15 барабанщиков, ставших костяком для 15 дружин, и довел общую численность войск ополчения от предполагавшихся 8 тыс. чел. [13] до 12985 пеших ратников [14]. Михаил Илларионович пытался получить в арсенале пушки для формирования двух артиллерийских рот, занимался созданием двух пятисотенных «казачьих» конных полков, превращая Петербургское ополчение в полноценную маленькую армию.

Конечно, встречающаяся в источниках цифра мобилизованных Кутузовым ополченцев в 29420 чел. [15] является завышенной. Ее можно принять лишь в качестве итоговой для выставленной Петербургом за всю войну народной силы. Летом же 1812 года, для всех лиц, на волне патриотических настроений записывающихся в ополчение, места в нем не было. Никто не хотел собирать в столице огромную толпу при нехватке средств и возможностей для ее содержания и казарменного размещения. Без этого ополчение стало бы не военной силой, а рассадником болезней и преступлений. Сохранившиеся документы показывают, какое внимание не только количеству, но качеству уделял Михаил Илларионович. Без лишнего подсчета «галочек и палочек», им было сделано много. За три недели собрать устроенный 14-тыс. корпус, со своей конницей и артиллерией (было получено согласие на выдачу из арсенала трехфунтовых единорогов), на 2/3 вооруженный огнестрельным оружием, — было достижением высокого уровня.

Признавая эти организационные заслуги, 31 июля (11 августа), через два дня после наделения Кутузова княжеским титулом за ратификацию султаном Бухарестского мира, царь вручает ему командование всеми морскими и сухопутными силами в Петербурге, Кронштадте и Финляндии. Так герой, подобно Чичагову, на короткое время оказался в роли сухопутного командующего и флотоводца. Это была неудачная новелла Александра I, подчинявшая целые рода войск людям, мало понимавшим в их специфике. 130 лет спустя, усиливая сходство между эпохами, Сталин подчинил сухопутным задачам советский флот. Естественно, Михаил Илларионович использовал Балтийскую эскадру в обороне Петербурга точно так же, как его советские наследники. Не задумываясь о морских операциях, он требует присылки морских артиллеристов для доукомплектования крепостной артиллерии, и моряков для создания речной флотилии на Псковском озере и реке Нарве [16]. Градус дворянской и мещанской любви к полководцу разогрелся до обжигающих значений: *«Кутузова сделали светлейшим; да могли ли его сделать лучезарнее его деяний? Публика лучше бы желала его видеть с титулом генералиссимуса. Все уверены, что когда он примет главное начальство над армиями, так всякая позиция очутится для русского солдата превосходною»* [17].

Каковы бы ни были успехи Кутузова в подготовке обороны Петербурга, роль «щита столицы» к тому времени начал выполнять П. Х. Витгенштейн. Его 1-й пехотный корпус 1-й Западной армии (23 тыс. чел., 108 орудий), изначально занимавший северный участок русско-прусской границы, был отряжен Барклаем де Толли для прикрытия пространства и дорог между Новгородом и Двиной. В отличие от склок, поразивших командование Главной русской армии, Витгенштейн, к числу военных достоинств которого принадлежала лишь храбрость, зато известный своим великодушием, имел в корпусном штабе согласие разномастных русско-франко-немецко-грузинских генералов. Интриги не поощрялись, инициатива подчиненных не зажималась как угроза престижу командующего. Это компенсировало полководческие недостатки Петра Христиановича, дало возможность повести решительные и результативные боевые действия [18]. *«Нет побуждающих причин говорить не в пользу графа Витгенштейна, известного рыцарскими свойствами, предприимчивого на все полезное! Не соответствующие этому случайности могли принадлежать постороннему внушению»*, — писал Ермолов [19].

Начальник штаба 1-го корпуса, француз Ф. Ф. Довре понимал, как будут действовать маршалы Наполеона. Он и начальник артиллерии корпуса Л. М. Яшвиль (Иашвили) умели работать пушками. Имея в лице Довре военное светило (в будущем начальник штаба русской армии в заграничных походах, советник военного министра, член комитета военно-учебных заведений, почетный член Императорской военной академии), Витгенштейн не отдалял его, а тянул за собой. Князь Яшвиль, будущий начальник артиллерии русской армии, державший ее в образцовом порядке в заграничных походах и после войны, не разменивался на багратионовы дрязги, также пользуясь покровительством командующего. По квартирмейстерской части у Петра Христиановича обретался будущий генерал-фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский. Выдающуюся карьеру прочили командиру корпусного авангарда, герою военных анекдотов Я. П. Кульневу. Каким бы удивительным это не казалось ныне, после многих лет подтасовок и умолчаний, — именно подчиненные Витгенштейна, а не отсутствующие в природе ученики Кутузова и Багратиона поддерживали военную мощь и славу России при завершении Наполеоновских войн, а затем в 20-е и 30-е годы XIX в. Их убрали из истории в угоду невежеству, начинающему биться в падучей при одном слове о том, что начальником штаба русской армии в войне с Францией мог быть француз, а грузин — являться выдающимся артиллеристом и военачальником, не страдая иконными пороками Багратиона.

Уже во второй половине июля П. Х. Витгенштейн одержал победу над корпусом маршала Н. Ш. Удино (28 тыс. чел., 114 орудий) под Клястицами, и с того дня ни разу не позволял французам перехватить на петербургском направлении инициативу. Удино был так самонадеян, что *«не полагая себе преграды, расположил маршрут через Псков на Петербург, а переходы свои означил числами»* [20]. После того, как карта с маршрутом попала в распоряжение Кульнева, подпоившего попавших в плен в стычке 16 (28) июля французских офицеров, маршалу предстояло за это поплатиться. По другой версии, изложенной в донесении Витгенштейна, записка о движении дивизий корпуса Удино попала к генерал-майору Репнину, но сути это не меняет.

Оценив растянность сил Удино, Витгенштейн и его генералы решились наступать. 17 (29) июля Кульнев опрокинул в конной атаке втрое превосходящий авангард французов, но затем расчетливо отступил. Пославший в атаку свои главные силы Удино разбился о занявший преднамеренную оборону русский корпус. Дождавшись

момента, Витгенштейн контратаковал и сбил врага с позиции в деревне Якубово, а стремительная переправа батальона Павловского гренадерского полка через горящий мост на реке Нища привела к молчанию французскую артиллерию, предназначенную оборонять этот рубеж. Действие пушек Яшвиля описывалось так: *«Первый напор французов удержан артиллериею. Подкрепленные свежими войсками они опять подались вперед, но так же без успеха. Остановленные перекрестным огнем батарей, начали они колебаться»*. В донесении Александру I о победе Витгенштейн писал: *«Быстрое движение дивизии Берга, ободряемой примером всех начальников, мужественное нападение егерских полков, жестокое действие артиллерии, управляемой князем Яшвилем, вмиг решили участь сражения»* [21].

На поле боя под Якубово, в разительное отличие от того, что вскоре будет происходить у Бородина, командующий русской артиллерией добился двукратного численного перевеса своих пушек, умело действуя «косвенным», фланкирующим огнем. Яшвилем не впал в ошибку действовать малыми батареями, а соединял на выгодных позициях артиллерийские роты. В результате, потери наиболее активно действовавших русских подразделений не достигли 40 %, в то время как в Бородинской битве целые полки, бригады и дивизии выкашивались французским огнем почти полностью. Из того, что русские орудия очень быстро оказались за рекой Нища, поддерживая авангард Павлоградского полка в бою за предмостный плацдарм, следует, что они находились в передовых порядках, действуя самыми сокрушительными зарядами. Держание большей части артиллерии в резерве, учитывая высочайший моральный дух войск, не практиковалось [22].

Хорошо продуманным было использование в 1-м отдельном пехотном корпусе ополченцев. Дружины ратников ставили в один боевой порядок с пехотой. Понимая, что на них, как на наименее подготовленные формирования, французы направят свои атаки, дружинам предписывалось отступить, и тем завлечь противника под удар артиллерии, которую они своими построениями маскировали. После неожиданного и сокрушительного картечного обстрела давался приказ на контратаку, в которой горящему боевым духом ополчению удавалось нанести врагу ущерб [23].

Еще Богданович заметил, что Витгенштейн и Довре произвели поистине наполеоновское сосредоточение сил, выставив против угрозы со стороны корпуса Макдональда лишь небольшой отряд генерал-майора А. Ю. Гамена, и собрав у Клястиц все свои войска.

При этом резерв 1-го пехотного корпуса, подобно наполеоновской гвардии при Бородино, находился вблизи поля сражения, но так и не был введен в бой [24]. Таким образом, у Удино не было шансов на победу, в то время как русские полководцы были застрахованы от неожиданностей. *«Дорога от Клястиц, устланная бумагами канцелярии маршала Удино и обломками обозов, показывала, что неприятель наш отступил довольно поспешно и в расстроенном положении... солдаты наши скоро сложили на этот предмет песенку: «Не боимся Удино, он для нас ничто — говно»... Французы оставили победителям, кроме пленных, множество снарядов, обозов, офицерского багажа, короче сказать, весь лагерь, и вот вам яснее: жаркое и соусы французские мы доедали и благодарили»* [25].

Врага, однако, нельзя было недооценивать, и Кульнев вскоре заплатился за бравладу. Слишком настойчиво преследуя французов и опрометчиво выйдя за ними из лесистого дефиле, его авангард угодил в засаду и был разбит при Головчице, потеряв 9 орудий. Сам Кульнев, этот «Ласалль русской армии» и «Багратион 1-го пехотного корпуса» был убит, став вторым русским генералом, павшим в Отечественной войне (после М. М. Окулова, шефа Рыльского пехотного полка, погибшего под Островно). Витгенштейн, Довре и Яшвиль отыгрались, поймав врага на том же и разгромив 20 июля (1 августа) дивизию генерала Ж. А. Вердье. Только пленных по реляции Витгенштейна было захвачено 3 тыс. (более 900 при Якубово, а остальные при Головчице, где в лесу была отрезана и положила оружие одна из колонн Вердье). Удалось отбить обратно 4 русских пушки.

Встречное сражение с корпусом Удино стоило Витгенштейну 4300 чел. Общие потери противника остались неизвестными. По мнению французских писателей, они простирались до 4 тыс. чел., но по всей вероятности, были много выше из-за недоучета попавших в плен, что в июле 1812 года французам признавать было постыдно [26]. Удино был вынужден отступить к Полоцку и просить подкрепления. К исходу июля выявилось, что корпус Э.-Ж. Макдональда (с которым должен был взаимодействовать Удино) застрял под Ригой, обороняемой И. Н. Эссенем, и Наполеон был вынужден ослабить главную группировку своих войск, послав на помощь Удино баварский корпус генерала Л. Г. де Сен-Сира. Битва при Клястицах показала, на что способна русская армия под грамотным командованием и при хорошем управлении артиллерией. Выявила она и недостатки, типичным из которых была склонность горячих генералов к наступлению наоб-

ум. Она вполне могла стать «матерью Бородинской баталии», но не стала ею. В больших русских армиях, где процветали другие отношения генералов между собой и солдат к своим грызущимся генералам, опытом и уроками Клястиц не воспользовались.

Витгенштейн не хотел терять инициативу и продолжал наступать, ставя целью *«прогнать Удино в укрепления и принудить ретироваться за Двину»*. 30 июля (10 августа) генерал-майор Довре (командование было вверено ему по болезни Петра Христиановича) опрокинул за реку французский авангард при Коханове. К клястицким потерям французов прибавились еще 1800 бойцов. Отступающий корпус Удино продолжал терять многие сотни людей пленными, оставляя на содержание русским своих раненых и больных [27]. 5 (17) августа Витгенштейн начал сражение за Полоцк. В двухдневной битве Удино был ранен, однако мощная контратака Сен-Сира вынудила Витгенштейна отступить к селу Белому. Потери каждой из сторон превысили 2000 чел. За отражение покушения вдвое слабейшего русского корпуса на Полоцк, Сен-Сир был произведен в маршалы [28]. У Витгенштейна под ружьем осталось не более 17 тыс. чел., он перешел к активной обороне, обложив у Полоцка Невельскую и Себежскую дороги. Попытка противника 10 (22) августа выбить его авангард из Белого успехом не увенчалась.

В те же трудные дни июля 1812 года проявил себя А. П. Тормасов. Наступать к Пинску и Минску на превосходящие силы противника, имея в своем тылу австрийцев, он не мог. В то же время была вероятность, что Багратион будет отрезан от Днепра и вынужден отходить через Припять коридором у Мозыря. Тормасов полагал, что *«тогда необходимо и мне будет приблизиться к Житомиру, чтобы иметь связь со 2-ю армией и не дать неприятелю предупредить направления моего к Киеву»*. Когда выяснилось, что границы Волыни в относительной безопасности, командующий 3-й армией двинулся в тыл преследовавшего Багратиона противника, создавая угрозу герцогству Варшавскому, чего наиболее опасался Наполеон. Легко был взят Грубешов, предполагалось атаковать Люблин. Указания из Главной армии, однако, требовали внимания к направлениям на Гродно и Пинск. 13 (25) июля от врага был очищен Брест, а через два дня под Кобрином 3-я армия уничтожила саксонскую бригаду. Погибло 2 тыс. саксонцев, 2400 попали в плен. Были захвачены знамена и 8 орудий. Русские потери составили 77 убитых и 182 раненых. Конница Тормасова показала у Белостока, и в Варшаве началось смятение. В крае *«распространился такой ужас, что остановилось отправление*

всех должностей» [29]. В результате армия, дальнейшее движение которой сковывалось отсутствием сведений о противнике и недостатком продовольствия [30], приковала к себе польские резервы и корпуса Шварценберга и Ренье. Последний из них уже не мог следовать вглубь России за Наполеоном. Под Городечно 12 (24) августа произошло сражение с соединенными австро-саксонскими силами, стоившее сторонам по 1300–1500 чел., и Торماسов планомерно отступил к Луцку, ожидая подкрепления войсками Чичагова.

С точки зрения событий на главном театре войны действия Торماسова кажутся не очень значимыми: дал два сражения, в одном из которых разбил противника наголову, в другом — отразил врага в дефиле, а при угрозе обхода отступил. По донесениям политической разведки из Дрездена боевой дух сторон, их пальба артиллерией в битве под Городечно оценивались как равные. Но, к примеру, крупный корпус генерала Ф. Ф. Эртеля ограничивался полицейскими рейдами и перестрелками конных разъездов. Как ядовито заметил Ермолов: *«Проходя служение в должностях полицейских и в них достигнувший чина генерал-лейтенанта и других наград, генерал Эртель упражнял полицейские свои способности в утеснении жителей в окрестностях Мозыря»* [31]. С опорой на занимаемую генералом Г. А. Игнатьевым крепость Бобруйск он мог сделать много больше.

3 (15) сентября произошел единственный более-менее крупный бой под Горбачевичами, в котором корпус Эртеля вынудил к отходу от Бобруйска польскую дивизию генерала Я. Г. Домбровского, и вернулся к Мозырю. После этого Игнатьев сумел самостоятельно обеспечить безопасность Бобруйска вылазками партизанских групп. Но и Домбровский выполнил задачу прикрытия наполеоновских коммуникаций. В критический момент под Горбачевичами его дивизия (8 тыс. чел. при 20 пушках) была усилена всего лишь несколькими легкими батальонами из корпуса Даву. Вот и все, чего добился 12-тыс. русский корпус при 122 орудиях (еще 5 тыс. бойцов было в гарнизоне Бобруйска и крупные резервы в Мозыре), вполне способный отвлечь на себя один из французских корпусов перед Бородино [32]. Вместо этого Эртель позволил Наполеону подтянуть для генерального сражения с Кутузовым корпус В.-Н. Латур-Мобура. Не умея создать угрозы французскому тылу, он «кормил» главную квартиру своими успехами в защите Малороссии.

Тем временем в Главной армии росли настроения против разумного М. Б. Баркляя де Толли, уходящего от главных сил Вели-

кой армии Наполеона на восток, не оставляя ни одного раненого, ни одной брошенной пушки, ни даже повозки. Число русских пленных не превышало числа захваченных французов [33, 34]. Еще до начала войны он разослал по армиям свои инструкции с повелением: *«В случае отступления... озаботиться не оставлять неприятелю ни малейших способов к продовольствию, транспортировке его запасов и прочего»* [35]. Головной болью для Барклая стал Багратион, постоянно выказывавший свои особые мнения и неудовольствия. С конца июня он бомбардировал Александра I и Аракчеева письмами о необходимости атаковать неприятеля войсками 1-й Западной армии, попутно шантажируя Барклая возможностью своего отказа от командования [36]. Багратион преувеличивал силы противника перед своей армией, и преуменьшал их перед 1-й и 3-й армиями, утверждая: *«Наибольшие силы Наполеона обращены к уничтожению меня»*, тут же бахвалясь и подольщаясь: *«Я никогда не помышлял о числе их; но все меры употреблял, исполняя в точности начертания Вашего Императорского Величества»* [37].

Из-за таких гипербол царь даже взял на себя труд письменно указать Багратиону на несправедливость отправляемых в главную квартиру сведений, послав ему подробное исчисление вражеских сил. Главнокомандующим 2-й Западной армией всячески превозносились успешные действия его арьергарда и казаков Платова у Мира и Романова, хотя, по правде, эти успехи ничем не отличались от арьергардных боев 1-го пехотного корпуса у Вилькомира и Друи. Разница была в одном: Витгенштейн не интриговал и не дезорганизовывал командование. Это была неприятная для военного министра деятельность, преследующая личные цели под маской патриотизма. Вопреки составившемуся в советское время образу Багратиона как прямодушного патриота, царские историки провозглашали ему другой вердикт: *«Князь Багратион, человек весьма хитрый, хотя и щеголявший своим прямодушием, умел ладить с Аракчеевым, и напротив того не пользовался расположением его преемника»* [38].

Из-под Витебска, где Барклай тщетно ждал Багратиона, получив ложное донесение о прибытии в Могилев авангарда корпуса генерала Н. Н. Раевского, военный министр увел свои войска обманным маневром, после трехдневных арьергардных боев. Выяснилось, что французы преградили 2-й армии Багратиона путь под Салтановкой, успев захватить Могилев [39]. По словам Барклая, Багратион *«с прискорбием признавался мне также, что ни он, ни я не можем пред-*

упредить Даву в занятии Смоленска» [40]. И действительно, в 14 томе материалов ВУА ГШ есть донесение Багратиона от 14 июля № 444 с такими словами. Командующий 2-й армией, как вошло у него в привычку, видел вокруг себя преувеличенно много угроз, и все свои сведения полагал совершенно достоверными. Спровоцированное им опасение стало главной причиной отступления 1-й армии в тот момент, когда Барклай намеревался использовать рассредоточение противника и доложил императору, что готов дать генеральное сражение под Витебском [41].

Бои на подступах к Витебску имели следующий ход. Войска Мюрата и корпус А. И. Остермана-Толстого 13 (25) июля столкнулись под Островно. Командир корпуса, действуя в лесном с просеками районе, проявил беспечность в составлении маршрута своего аррьергарда, который был рассеян противником с потерей шести русских орудий. Остерман пытался контратаковать французов, в том числе штыками, но не смог ничего противопоставить быстроте реакции Мюрата и действию вражеской артиллерии, держа свою пехоту в неподходящих плотных порядках. Понеся серьезные потери, корпус отступил к Витебску. Знаменитое остермановское: *«Ничего не делать; стоять и умирать!»* [42] красиво звучало, но было не тем, что нужно. Присланный Барклаем для выяснения обстановки В. И. Левенштерн заметил: *«Легко было видеть, что если бы граф Остерман действовал в том же духе, то его корпус был бы вскоре уничтожен, не принеся никакой пользы. По мнению этого храбрейшего генерала, все военное искусство заключается в том, чтобы вести людей в огонь без оглядки и идти в опасность первому»* [43].

На следующий день к Мюрату подошел корпус Богарне, а Барклай послал в подкрепление Остерману-Толстому дивизию П. П. Коновницына из корпуса Н. А. Тучкова 1-го и кирасир генерала Ф. П. Уварова. Коновницын заставил французов дорого оплачивать землю, по которой они шли. В ответ враг ввел в действие еще более сильные артиллерийские батареи. На передовую прибыл сам Наполеон. Натиск французов усилился, войска Коновницына и Уварова отступили, соединившись с другой дивизией корпуса Тучкова, к которому теперь перешло командование [44]. Коновницын, однако, хотел самостоятельно закончить сражение, и вошел с ним в конфликт. Из-за плохого управления боем в генеральские отношения был вынужден вмешаться начальник штаба 1-й армии Ермолов, оставив свои воспоминания о слабой деятельности Тучкова, зависти и самолюбии храб-

рого, но чрезмерно увлекшегося Коновнищина, простиравшихся до того, «чтобы допустить беспорядок, с намерением обратить его на счет начальника» [45]. Этим закончилось кровавое 14 (26) июля.

Барклай готовился продолжать сражение, но 15 (27) июля при- был курьер от Багратиона с извещением, что он и французы (!) идут к Смоленску. Военный министр рассудил: «Следовательно, имею по обеим сторонам неприятеля и не полагая уже вскоре соединиться с кн. Багратионом, никакое сражение не могло уже дать мне ожидаемой от одного прежде сего выгоды» [46]. В этот день в аррьергард был отправлен генерал-майор, граф П. П. Пален 2-й. Он имел свежие войска: 4 тыс. конницы и 40 орудий конной артиллерии. Натиск противника был умеренным, поскольку Бонапарт вообразил, что его ждет генеральное сражение и готовился к восходу «солнца Аустерлица», назначенному им на 16 (28) июля. «Надобно покончить этот поход одним громовым ударом! — заявил он. — Завтра неприятель узнает, что мы не выродились» [47]. Пален блестяще выполнил задачу, сумев напоследок скрытно оторваться от противника. Когда французы обнаружили пустой русский лагерь, армия Барклая уже была недосыгаема, двигаясь к Поречью. Французы сами увеличили свое отставание, начав искать ее по дороге в Петербург [48].

Под Витебском и Островно стороны понесли примерно равные потери — по 3700 чел. Такое соотношение было невыгодным для меньшей русской армии. Барклай убедился, что возможности французских войск еще мало снизились, и генеральное сражение не созрело. Но с каждым днем отступления росло недовольство. Рупором ура-патриотических настроений продолжал оставаться Багратион, позволяющий себе все больше грубости и безответственности. «Стали рот разиня, обосрала всю границу и побежали... Ей Богу, оживим войска и шапками их (французов) закидаем» [49], — буквально так он писал Ермолову, надеясь с его помощью толкнуть главнокомандующего 1-й армией к наступлению на врага. Сам же не рискнул обойти Даву через Игумен, заложив крюк на Бобруйск, где забрал себе в подкрепление шесть резервных батальонов; не стал прорываться под Салтановкой, — пошел к Смоленску. А узнав, что его предвзятые рапорта и пылкие идеи обсуждаются между военным министром и царем, недовольными поворотом 2-й армии к Бобруйску — затаился, послав Барклаю примирительное письмо: «Умоляю Вас верить мне, что я не имел намерений и никогда иметь не буду к таковым поступкам, которые подвергались бы особенным о них заключениям» [50]. Увы, педагогический

эффект оказался короток, и вскоре кляузы и выкрутасы Багратиона начались снова.

Единомышленник Багратиона, начальник штаба 1-й армии генерал-майор Ермолов, советовавший Петру Ивановичу не подавать в отставку, а писать о пассивности Барклая царю, действовал не менее осмотрительно. Как только речь заходила о сражении, он был взвешен больше Барклая. Под Витебском *«внимательно рассмотрев невыгодное расположение армии»*, Ермолов решился *«представить главнокомандующему об оставлении позиции немедленно»*, рассуждая, что *«лучше предпринять отступление с некоторым сомнением, совершить его беспрепятственно, нежели принять сражение, и, без сомнения, не иметь надежды на успех, а может быть подвергнуться совершенному поражению»*. Барклай, пишет Ермолов, *«колебался согласиться на мое предложение... Я боялся непреклонности главнокомандующего, боялся и его согласия. Наконец он дает мне повеление об отступлении. Пал жребий, и судьба исхитила у неприятеля лавр победы!»* [51]. Лучше бы Ермолов это Багратиону, а не постфактум в своих записках написал. Но он кропал князю другое! Сохранившиеся и опубликованные в конце XIX тома ВУА ГШ письма Алексея Петровича можно оценить как искренним патриотом писанные, но без понимания, каковы самомнение и темперамент боготворимого им Багратиона, — то есть, провокационные, поощряющие последнего к местничеству и склочничеству. Когда начальник штаба армии под влиянием чувств совершает действия, ведущие к дестабилизации командования, это не может расцениваться как благо для отечества.

Пресечь грызню генералов мог только император Александр, но он был слишком слабый и лукавый, или как тогда говорили, «милостивый». Вместо этого царь лишь обострял дворянские интриги и конфликты. При своем отъезде из войск он поручил исполняющему обязанности дежурного генерала 1-й армии флигель-адъютанту П. А. Кикину и начальникам штабов обеих армий осведомлять себя откровенными письмами о всех событиях [52]. Это стало известно сначала Кутузову, которого самодержец ознакомил с положением дел перед отъездом в войска, а затем и Барклаю. Неудивительна поэтому характеристика, данная им своему начальнику штаба: *«Человек с достоинствами, но ложный интриган, единственно из лести к некоторым... особам, к его императорскому высочеству и кн. Багратиону, совершенно согласовался с общим поведением»* [53]. В записках Левенштерна (адъютанта Барклая) сообщается: *«Я узнал впоследствии, что*

генерал Ермолов, желая быть популярным, относился враждебно ко всем тем, кто носил иностранную фамилию» и приводится (со слов командира Семеновского полка полковника Криднера) такое мнение Александра I о своем осведомителе: «Сердце Ермолова было так же черно, как его сапог» [54]. М. А. Милорадович тоже недолго любил Ермолова, почитая его крючкотвором.

Увы, приходится согласиться, что к числу недостатков способного и деятельного генерала Ермолова относились его от павловских обид подозрительность и шовинистическая настроенность. Они не давали ему достигнуть откровенности с Барклаем и особенно Левенштерном, который во время франко-австрийской войны 1809 года из любопытства был волонтером в армии Наполеона. Глубоко уязвленное достоинство звучит в словах Левенштерна: «Главнокомандующий и я носили иностранные фамилии; в этом видели преступление с нашей стороны; между тем мы были душою истинно русские люди. Барклай доказал это блестящим образом в роли главнокомандующего, а я, более скромно, обогрив свою шапку кровью неприятеля» [55]. Лишь много позднее Алексей Петрович начал отдавать справедливость Барклаю и Левенштерну.

На острые межличностные трения и упало царское «шпионское» поручение, некоторые из «доносов» которого также оказались опубликованными среди материалов ВУА ГШ [56]. Так можно было лишь до крайности осложнить совместную работу М. Б. Барклая де Толли и А. П. Ермолова со всеми вытекающими последствиями. При подозрительном и злопамятном М. И. Кутузове, а потом при вообще не понимающем доносов П. Х. Витгенштейне, положение Ермолова в армии стало таково, что он написал своему другу А. В. Казадаеву: «Служить не хочу и заставить меня нет власти» [57].

К сожалению, Багратион не останавливался и перед публичным злословием в адрес Барклая, открыто порицая его действия и рачтая многим адресатам свои гневно-льстивые письма. Опасна была его недооценка противника, продолжавшая высказываться после жестоких боев: «Божусь вам неприятель дрянь, сами пленные и беглые божатся, что если мы пойдем на них, они все разбегутся... вся армия видит мои труды, но они не прочны, — я повинуюсь к несчастью чухонцу». Такое видение морального состояния французских войск было лишено всякой почвы, что доказал июльский случай в Сычевке, где партия из 90 военнопленных обезоружила русский конвой и была разбита с привлечением стократно превосходящих сил дворянского

и крестьянского ополчения [58]. Другой очаг интриг против главнокомандующего 1-й армией находился прямо у него под боком, в императорской главной квартире, где тон задавали великий князь Константин Павлович, принцы Александр Вюртембергский, Август Ольденбургский, Георгий Голштинский и Беннигсен.

«Герцог Вюртембергский, генерал Бенигсен, Корсаков, Армфельд, имели между адъютантами Вашего величества и в обеих армиях приверженцев, распространяющих все, что доходило до их сведения, — сетовал Барклай. — Я и канцелярии мои были беспрестанно утомляемы людьми, преданными сим лицемерам, алчущими узнать предполагаемые предприятия. Вскоре по исторжении ими какого-нибудь сведения... сообщали от себя... иногда всенародно на улице; следовательно, не мало неудивительно, что неприятель был обо всем известен... Я удалил особ, поспешающих все разведывать и распространять, а именно некоторых адъютантов Вашего императорского величества: князя Любомирского, графа Браницкого, Владека и многих других. Через сие, без сомнения, не составил я себе друзей» [59]. Эти дрязги были глупы и вредны, поскольку война естественно клонила к даче генерального сражения, которое определит дальнейшие действия сторон. Осложняя положение Барклая, интриганы добивались прямо противоположного тому, чего хотели.

В такой обстановке русские армии 22 июля (3 августа) соединились в Смоленске. 1-я армия находилась перед городом с севера, со стороны Витебска, а 2-я входила в него с юга, со стороны Мстиславля и Пропойска. Был достигнут первый стратегический успех. Подходившая к городу французская армия по численности в 1,5 раза превосходила русскую (182 тыс. против 121 тыс. чел.) [60] и была еще недостаточно измотана походом. С русской стороны не наблюдалось необходимого для успешных действий единства: *«Главнокомандующие конечно виделись друг с другом для совещания о дальнейших военных действиях, но личные отношения их были натянуты и холодны»* [61]. Тем не менее, большинством генералов, наблюдателями из Петербурга и главной квартиры полагалось, что с соединением армий и опорой на город Смоленск пришло время положить конец отступлению. Едва получив известия о соединении войск и намерении Барклая атаковать один из неприятельских корпусов у Рудни, 30 июля (11 августа) Александр отписал ему: *«Я с нетерпением ожидаю известий о ваших наступательных действиях, которые, по словам вашим, почитаю теперь уже начатыми... ожидаю в скором времени услышать отступление неприятеля и славу подвигов ваших»* [62].

Еще до того, как воспарил в мечтах император, 25 июля (6 августа) под Смоленском состоялся военный совет, принявший решение о переходе к активным действиям по плану, предложенному генерал-квартирмейстером 1-й армии К. Ф. Толем и скорректированному Барклаем. В тот же день было получено уведомление Витгенштейна о победе при Клястицах, воодушевившее присутствующих. Тем не менее, совет, опасаясь совершения Наполеоном обходного маневра против любого из флангов русских армий, ставил задачи осторожно. Генералы сошлись во мнении о целесообразности наступления на Рудню для нанесения ущерба растянувшимся от Витебска французским войскам, откуда в случае неудачи можно было ретироваться через неудобные для действий неприятеля леса. На следующий день военный министр подвинулся к Рудне, приказав, *«чтобы войска не отдалялись от Смоленска далее трех переходов»*. Еще через день наступление вовсе остановилось, — было получено донесение Ф. Ф. Винценгероде о значительных вражеских силах у Поречья (ныне Демидов). Барклай решил, что Наполеон хочет обойти его от Поречья к Смоленску, чтобы отрезать от Москвы, и развернул часть армии на дорогу в Поречье [63]. Багратиону было приказано идти к Приказ-Выдре (на реке Удра севернее современного Куприно), чтобы сблизиться с 1-й армией и в то же время не отдаляться от отряда Д. П. Неверовского, прикрывающего путь к Смоленску из Орши. Багратиону не нравилась позиция у Приказ-Выдры, он больше опасался за южный фланг армий. В 1-й армии остановка наступления также вызвала недовольство.

27 июля (8 августа) произошло событие, усилившее разброд. Авангардные войска Платова и Палена 2-го нанесли при Молевом Болоте (Иньково) поражение отряду генерала Себастиани, и преследовали бегущих восемь верст к Рудне [64]. Захваченные при этом бумаги показали, что французы знают о движении главных русских сил на Рудню, а сведения от пленных подтвердили данные Винценгероде [65]. В передаче приказа о наступлении противнику едва не обвинили адъютанта Барклая Левенштерна. Он, и несколько знатных поляков, состоящих на русской службе, были отосланы под надзор в Москву. А подполковник граф де Лесер, адъютант Багратиона, был сразу сослан *«под надежным конвоем в Пермь и появился на сцене лишь в 1816 году, когда был произведен императором в полковники; это дает повод думать, что он не был виновен»* [66]. Под Смоленском *«в первый раз начали расстреливать по приговорам уголовного полевого суда; говорили,*

что расстреляли семерых солдат за грабеж» [67]. В обстановке патристической истерии, где главными нарушителями тайны были сами истерики, дело шло к охоте на ведьм.

Полагая, что Наполеон собирает силы на Рудненской и Пореченской дорогах, Барклай возобновил наступление, чтобы найти выгодную позицию для битвы и занял ее при Волокове, где *«решился соединить обе армии... и ожидать в одной сражения»*. Приближался день рождения Наполеона 3 (15) августа, и главнокомандующий считал, что он будет атакован всеми силами неприятеля в этот день. Предположение было недалеко от истины, но группировка французов и их представления о расположении русских войск были другими. Бонапарт надеялся найти и разбить русских в окрестностях Дубровны, Ляд и Красного [68]. Багратион, бывший собственного мнения, вопреки примирительным заявлениям о подчинении Барклаю, самовольно отступил от Приказ-Выдры, уведомив об этом министра в довольно беспардонной переписке, в которой открыл свое намерение отступить на Московскую дорогу за Смоленск [69, 70].

Военный министр, упорствуя в своей оценке обстановки, трое суток простоял с армией у Волоково. Впоследствии он называл Кутзову еще одну причину бездействия, — необходимость устроить продовольствие для армии, отступлением от Витебска к Смоленску уклонившейся от первоначальной операционной линии, чем был нарушен подвоз запасов из приготовленных до начала войны складов [71]. Так или иначе, время для наступательных действий было упущено, а дальнейшие события подтвердили основательность опасений Багратиона. Известие о схватке при Молевом Болоте достигло Витебска, где отдыхал Бонапарт. Прибыв к войскам, он провел рекогносцировки и принял решение рокироваться на путь отхода 2-й русской армии, переправиться через Днепр на юг, и его берегом идти на восток, с намерением быть в Смоленске раньше русских войск, обозначивших свое присутствие на дороге к Рудне.

Все эти движения туда-сюда, пришедшиеся на дождливую погоду, живописанные Н. Н. Муравьевым-Карским, сыграли против боевой репутации военного министра, сильно утомив войска. В армии начались рассуждения о *«брожении вокруг Смоленска без толку»* и первый ропот об измене [72, 73]. Как написал Беннигсен: *«Наши солдаты являются изнуренными передвижениями, столь же бесполезными, как и утомительными, продолжавшимися шесть дней в самое ненастное время. Неудивительно, что неудовольствие солдат проявилось доволь-*

но громко» [74]. По запискам Р. Т. Вильсона: «В бесплодной попытке к наступлению русская армия потеряла до 6000 человек от усталости, болезней и т.п.» [75]. В особенности же обвиняли Барклая «князь Багратион и его приверженцы». Главнокомандующий в ответ упрекал: «Когда следовало им напасть и принудить к отступлению голову неприятельских сил, заградивших им путь, не напали они на него; ныне же, не страшись более какой-либо ответственности, говорили единственно о нападении» [76].

В неведении о намерениях Наполеона дело доходило до ругани между командующими. И. С. Жиркевич передает со слов А. П. Ермолова: «Один раз в Гавриках (деревня под Смоленском, через которую шли передвижения) я был в таком положении, что едва ли кто другой находился в подобном. Барклай сидел среди двора одного дома на бревнах, приготовленных для построек; Багратион большими шагами расхаживал по двору, и ругали... один другого: «Ты немец! Тебе все русское нипочем», — говорил князь. «Ты дурак и сам не знаешь, почему называешь себя коренным русским», — отвечал Барклай. Оба они обвиняли один другого в том, что потеряли из виду французов и что собранные каждым из них сведения, через своих лазутчиков, одни другим противоречат! Я же в это время... заботился... чтобы кто-нибудь не подслушал их разговора и... стоял у ворот, отгоняя всех, кто близко подходил, говоря, что «главнокомандующие очень заняты и совещаются между собой» [77]. 30 июля (11 августа) Барклай де Толли послал донесение в Петербург о прекращении наступления к Рудне. Оно, в совокупности с допущенной им ошибкой в оценке обстановки и наветами ура-патриотов, сыграло роковую роль в карьере военного министра и главнокомандующего 1-й армией, будучи истолковано Александром как его неспособность к наступательным действиям вообще.

Между тем, события начали осложняться. 2 (14) августа произошел бой у Красного к юго-западу от Смоленска, вскрывший движение главных сил Бонапарта. Пехотная дивизия Д. П. Неверовского сумела отступить под натиском превосходящей французской конницы, причинив ей значительный ущерб [78]. Изнутри этот бой был описан Н. И. Андреевым: «Потеря нашей пехоты была до 200 человек, артиллерия вся взята в плен и драгун несколько порублено. И поделом им. Зачем они бежали мимо пехоты и не присоединились к ней; тогда было им лучше, а неприятелю после каждой ретирады хуже, ибо они могли бы их рубить» [79]. Еще раз был подтвержден шенграбенский урок: как трудно даже превосходным силам врага одолеть плотно идущие,

крепкие духом войска. Большая часть славного дела заключалась в правильной выучке солдат, а не в отдаваемых в неразберихе приказах. Наполеон был весьма недоволен результатами боя под Красным, заявив: *«Я ожидал всей дивизии русских, а не 7 отбитых у них орудий»*. Шамбре писал: *«Красненское дело являет достопамятный пример превосходства хорошо выученной и хорошо предводимой пехоты над конницей»* [80]. Барклай срочно двинул свою армию к Смоленску.

Хотелось бы сообщить, что Багратион в полной мере предвидел и хотел отразить удар Наполеона с юга на Смоленск, о котором сам же и говорил, но это не так. Он больше думал, как бы его армию не обошли через Ельню от Могилева, хотя порицал Барклая за аналогичные опасения о Поречье. После отхода от Приказ-Выдры 2-я армия продолжала совершать эволюции от Смоленска, ее дивизии и корпуса оказались разбросаны на большом расстоянии. 8-й корпус двинулся от города к Надве, куда прибыл утром 3 (15) августа. 2-я кирасирская дивизия расположилась у Катыни. 7-й корпус также выступил из Смоленска, и к моменту, когда до него долетели громы боя Мюрата с Неверовским, успел пройти 12 верст [81]. Рассчитывая уловить подход врага, Багратион разбросал силы как в 1809 году под Силистрией. Против Наполеона так действовать было нельзя.

Увлеченный мыслью о глубоком обходе, Багратион не понял степень угрозы, и повелел вернуться в Смоленск одному 7-му корпусу Н. Н. Раевского. Тот обеспокоился событиями гораздо больше, попросил у Багратиона 2-ю кирасирскую дивизию, но ответа не получил, так же, как и на вопрос об определении ему образа действий: сражаться в самом Смоленске, что было выгоднее для русских войск, но обрекало город, или же на переправе за ним. Обещания Багратиона, как можно быстрее быть на месте опять разошлись с делами. По совету с начальником своего авангарда И. Ф. Паскевичем, Раевский изготовился к обороне в Смоленске. Он пренебрег мнением Беннигсена не переправлять в город артиллерию: *«Я чувствовал, что дело шло не о спасении нескольких пушек, но о спасении армии, — может быть, России»*. В это время 1-я армия находилась от города в сорока, а 2-я — в тридцати верстах [82].

4 (16) августа разыгралось сражение, атаки французов на город были отбиты Раевским, для устойчивости обороны использовавшим каменные и земляные, с давних времен частично разрушенные крепостные сооружения: *«На валу лежал генерал Раевский, при коем находился его штаб. Он смотрел в поле на движения войск и посылал адъютан-*

тов с приказами» [83]. Смоленские стены и наскоро обновленные земляные реданы спасли много жизней. На открытых местах войска несли большие потери из-за превосходства вражеского огня: *«Как неприятельских стрелков было гораздо более, то наш несчастный батальон из тысячи человек в течении четверти часа вышел едва ли с 300 человеками: остальные были переранены, так что и одной роты нельзя было набрать»* [84]. К полудню на северном берегу Днепра начали появляться части 2-й армии, а к вечеру — отходящие от Рудни главные русские силы. Увидев их, Наполеон опять возжелал генерального сражения и воскликнул: *«Наконец русские в моих руках!»* [85].

Расчетливый Раевский не употребил на своем довольно тесном плацдарме 2-ю кирасирскую дивизию, первой пришедшую ему на помощь, не растерялся перед паническими сообщениями о взятии французами разных пунктов, уточнил сведения, и прибывшие к 7 часам вечера полки 2-й гренадерской дивизии также поставил в свой резерв. Потери обороняющихся, по оценке Раевского, были ничтожные [86]. Наполеон поспешил, послав на штурм города не готовые к выполнению такой задачи подразделения, а сам все еще собирался с силами.

5 (17) августа возобновились жестокие бои за Смоленск, ставшие ошибкой упершегося в крепость Наполеона. Богданович предполагал, что причинами к этому были незнание местности и *«усилие вовлечь русских в генеральное сражение во что бы то ни стало»*. Барклай и Багратион договорились, что 1-я армия будет защищать город, а 2-я сосредоточится поодаль против возможной попытки Бонапарта глубоко обойти русских по московской дороге. Поводом к разделению сил стали ложные донесения, представленные Багратионом, будто *«неприятель потянулся большими силами по дороге Ельненской к Дорогобужу»* [87]. Судя по вышедшему из-под руки пылкого князя тексту, он не проверил эти сведения, твердо намереваясь уйти от Барклая, что тот ему и позволил. Багратион, вообразивший, что наконец-то толкнул своего соперника на генеральное сражение, а сам получил легкую задачу, торжествуя писал: *«Надеюсь, что военный министр, имея перед Смоленском готовую к действиям всю 1-ю армию, удержит Смоленск. А я, в случае покушения Наполеона далее на московскую дорогу, буду отражать его»* [88].

На деле, это было ошибочное решение, продиктованное необходимостью умерить склоки в командовании: *«Для приведения соединенных армий к действиям, по возможности согласным и стремящимся*

к одной цели... я должен был льстить его самолюбию и уступать ему в разных случаях против собственного своего удостоверения, дабы произвести с наибольшим успехом важнейшие предприятия» — так описывал Барклай свои отношения с Багратионом. Чтобы не оставить московское направление без войск, которые он не мог выделить из состава 1-й армии, и не дать повода Багратиону охаивать ее бездействие, министр почел за лучшее поступиться так трудно достигнутым соединением сил, позволив увести от города 2-ю армию [89].

Такое движение войск противоречило как плану обороны Смоленска, который составил Раевский, так и требованиям военного искусства вообще. Напавшего на крепость Наполеона следовало сковывать малыми и опытными войсками, а главные силы держать соединенными и подвижными за рекой, чтобы бить выдвигаемые Бонапартом за Днепр французские корпуса. Но теперь 7-й корпус Раевского подлежал замене 6-м корпусом Д. С. Дохтурова. Корпус, находившийся у селения Дивасы, выступил в Смоленск поспешно, оставив все тяжести на правом берегу Днепра. Дохтуров еще не вполне оправился от горячки, подхваченной им под Рудней. И все же он с честью выдержал сложный экзамен. Произведя утром 5 (17) августа сильную вылазку из крепости, и прогнав французов из предместий, Дохтуров оживил надежды Бонапарта на решающее сражение, заставив его придерживаться ложной пассивности и промедлить с вводом в бой главных французских сил. Штурм начался около трех часов пополудни, и был отбит. Наполеон употребил все свое артиллерийское искусство. Отчаявшись пробить крепостные стены, он действовал гаубицами. Город горел, жители гибли под разрывными бомбами. Тысячи людей хлынули на другой берег Днепра. Но, какими бы душераздирающими не выглядели картины обороны Смоленска, штурмовавшая город Великая армия Наполеона понесла еще больше утрат: свыше 14 тыс. ее солдат и офицеров вышли из строя по достоверным документам, позднее отбитым у противника, против 8—12 тыс. с русской стороны [90, 91]. *«Потери с обеих сторон были очень велики, но наши потери были больше»*, засвидетельствовали польские союзники Бонапарта [92].

Как только спал вал беженцев и раненых солдат, Барклай, оценивая силы и возможности противоборствующих армий, решил не втягиваться в дальнейшее сражение, и приказал Дохтурову ночью оставить Смоленск. В оправдание этого решения Богданович замечает: *«Упорствуя долее задержаться в сем пункте, мы подвергались*

опасности быть отброшенными от московской дороги, которую не могла отстаивать 30-тысячная армия Багратиона» [93]. Прямее говоря, расстановка русских сил благодаря упрямству Петра Ивановича оказалась такой, что и он не мог силами 2-й армии защитить дорогу на Москву, и Барклай силами 1-й воспрепятствовать обходу Смоленска французами накоротке. На Днепре хватало бродов и переправ. В этих условиях еще один день задержки у Смоленска мог стоить дорого и полностью изменить последующую кампанию вследствие того, что 1-я армия оказалась бы вынуждена отходить на север. Так, собственно, чуть не произошло: «Вышед из Смоленска мы шли по дороге в Петербург; хотя небольшие переходы, но дня три. Обозы наши были на Московской дороге и мы продовольствия никакого не имели... После мы повернули на Московскую дорогу где отыскивали наши обозы» [94].

Барклай в «Изображении военных действий 1-й армии» писал, что не мог себе позволить потерять еще от 8 до 10 тыс. чел. на Смоленском плацдарме, что непременно случилось бы, промедли он с противодействием обходу [95]. Последующая военная история признала это решение верным. Абстрактно размышляя, у Барклая была возможность оставить Багратиона на Московской дороге, заставить Наполеона понести новые потери еще один день штурмуя Смоленск, и перейти к осуществлению флангового стратегического маневра в северном исполнении. Такие мысли проскальзывали у министра, но подготовиться к маневру он не успел. Обозы 1-й армии оставались на Московской дороге. Заметна неправота Багратиона, предлагавшего, чтобы 1-я армия не только удерживала Смоленск, но и перешла от обороны к наступлению [96]. При этом он еще просил у Барклая один корпус для собственного усиления [97]!

Если Смоленская позиция была хороша, то в другом отношении, какого Багратион не замечал и сам способствовал отказу от реализации этих возможностей. Враг сильно промахнулся, вцепившись в Смоленск, но освободив все пути на северном берегу Днепра, и этим отдавая русской армии выгодное положение для дальнейших операций. Когда 7 (19) августа Бонапарт авантюрно перебросил из Смоленска на северный берег реки корпус Груши, Нея и Мюрата, двинув их в расходящихся направлениях, в расчете, что русские деморализованы потерей города, а назначенный для обхода корпус Жюно застрял в болоте, возникли предпосылки для разгрома французов по частям. Изолированные корпуса могли быть побиты. Затем, имея между ослабленными французами и собою Днепр, можно было добиться оперативной

паузы, используя ее для подвода резервов и рейдов во вражеский тыл к западу от Смоленска. В такой ситуации Наполеон уже не мог продолжать движение к Москве. Примерно таковы были сожаления выдающегося русского тактика и стратега Н. А. Окунева, утверждавшего, что при более стойкой обороне Смоленска русская армия на северном берегу *«имела бы великие выгоды»*. Наполеон, будучи вынужден разделить свою армию между городом и попыткой атаковать главные русские силы на правом берегу Днепра, не мог иметь успеха и подвергся бы *«ужасным потерям»* [98]. Другими источниками подтверждается, что местность к северу от Смоленска, *«по разведкам офицеров нашего главного штаба, признана благоприятною»* [99].

Однако под давлением князя Багратиона состоялось негодное для разгрома вражеских корпусов распределение сил русских армий. После его ухода у Баркляя не хватало войск, он откровенно говорил: *«Ныне же, когда 2-я армия была отделена от 1-й, требовали, чтобы я с 75000 противился 150000»* [100]. Вследствие скорости южного маневра противника не было принято мер к охране бродов через Днепр [101]. Все это, в совокупности с изматывавшими Баркляя интригами и бесплодными маневрами на Рудню и Поречье лишило русскую армию возможностей, приведя к отступлению от Смоленска, в ходе которого произошло арьергардное сражение при Лубине (у Валутиной горы). Прикрывая фланговый маневр 1-й армии на Московскую дорогу, оно проходило на сложной и незнакомой для неприятеля местности, в результате чего наполеоновские войска потеряли 8768 чел. против 5000 русских потерь. Вестфальский корпус Великой армии, насчитывавший перед битвой 13600 чел., через две недели после нее был сочтен в числе 8868 офицеров и солдат [102]. Эта битва, подробно описанная в истории 113-го пехотного Старорусского полка, породила в стане врага плохие толки, и после нее Бонапарт через посредство захваченного в плен генерала П. А. Тучкова 3-го зондировал возможность заключения мира с Александром.

Итак, П. И. Багратион в оценке позиции у Смоленска как *«преславной»*, был парадоксально прав. Только лежала она не там, куда он авантюрно толкал 1-ю армию, — не на южном, а на северном берегу Днепра. Поэтому ответственность за сдачу Смоленска и утрату оперативных возможностей князь Багратион должен всецело, без скидок, разделить с Барклаем. Незачем было ему лицемерно удивляться в очередном письме в адрес московского военного губернатора и главнокомандующего Ф. В. Ростопчина, как это *«министр, по*

неизвестным мне причинам... оставя защиту Смоленска, и сам вслед за мною отступил». И тут же плоский интриган сообщает адресату: «До сего времени неприятель не показывается нигде по Ельнинской дороге, ни в других близких к оной местах». Так зачем же ты бросил Барклая, ради чего ушел стоять на пустую дорогу, храбрый князь? Ростопчин поразился саморазоблачению, по прочтении опуса тут же отписав А. Д. Балашову: «Многие не понимают, зачем он (Барклай) отступил от Смоленска, а никто, зачем прочие войска, тут же бывшие (Багратион), не приняли участия в сражении» [103].

Если кто-то сомневается, с таким ли смыслом писал эти слова Федор Васильевич, вот строки из его приватного письма Багратиону от 6 (18) августа: «Ну-ка, мой отец, генерал по образу и подобию Суворова! Поговорим с глаза на глаз, а поговорить есть о чем! ... Да не шалите вы, и не выкиньте такой штуки, как в старину кн. Трубецкий и Пожарский: один смотрел, как другого били!» И еще: «С крайним прискорбием узнал о потере Смоленска... Я не скрою от вас, что все сие приписывают несогласию двух начальников и зависти ко взаимным успехам». Несмотря на все старания Багратиона и обоюдно расточаемые любезности, Ростопчин его кандидатуру подходящей для главнокомандования не считал, равно как и Александр I, увещевавший распоясавшегося визя в тигровой шкуре «отстранить все личные побуждения» [104].

В истории 48-го пехотного Одесского полка указано: «Благодаря тому, что князь Багратион, вместо сильного арьергарда за рекой Колодней, у д. Заболотья, как он должен был сделать по договору с Барклаем, оставил только 4 казачьих полка, обе колонны (1-й армии) попали в критическое положение и могли быть разбиты порознь, если бы не выручили упорные бои у... Лубина» [105]. Багратион, все хуже подчинявшийся Барклаю, в рассылаемых письмах последними словами поносил министра: «Вождь наш — по всему его поступку с нами видно — не имеет вожделенного рассудка, или же лисица»... «Я повинуюсь к несчастью чухонцу, все боятся драться». «Подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию» он «генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества» [106]. Барклай, отвечая, называл пассажи Багратиона «слухами неблагопритойнейшего сочинения, исполненными ненависти» [107].

Рядом с расплескиваемой грязью интриган не забывал рекламировать себя: «Без хвастовства скажу Вам, что я дрался лихо и славно. Господина Наполеона не только не пустил, но ужасно откатал» [108]. Однако это именно хвастовство, потому что князь Багратион ни во-

оруженной рукой, ни мыслью полководца не был в обороне Смоленска, что было хорошо известно его царским биографам: *«При обороне Смоленска, судьба не дала кн. Багратиону возможности принять в этом участия, и его имя не стоит рядом с Неверовским, Раевским, Дохтуровым, Коновницыным и Тучковым... В день битвы под Смоленском армия Багратиона пошла по московской дороге... и ей только под Бородином пришлось сойтись с неприятелем»*, — таково основанное на фактах описание подвигов П. И. Багратиона на берегах Днепра, данное генералом от инфантерии Л. Н. Бельковичем [109].

Другой пример рекламы, — донесение Багратиона Александру I от 10 (22) июля 1812 года. В нем он сравнивал свой отступательный марш от Волковыска к Смоленску с походами великого Суворова и писал: *«Шестьсот верст самого невыгоднейшего местоположения пройдены в 18-ть дней, имея чрез все почти время сильного на плечах неприятеля»* [110]. В момент написания этих строк 2-я Западная армия прошла до 500 верст, из которых 400 (от Волковыска до Новогрудка, от Несвижа до Бобруйска и далее до Старого Быхова) не имела на плечах неприятеля, в чем нетрудно убедиться, сличая между собой карту и вереницу рапортов князя. Это удостоверяют и хроники полков, входивших во 2-ю армию: *«Переход... не был утомителен: пройдя от ночлега верст пять останавливались на привале и отдыхали целый час; потом пройдя еще десять верст отдыхали два часа, а через пятнадцать верст отдыхали три часа»* [111]. С боевыми делами Барклая не наблюдается никакой положительной разницы. А как читателям такое: *«Вся армия просила меня гласно, чтобы я всеми командовал»*. Он *«прощает»* военного министра, обходясь с ним *«не так как старший, но так как подкомандующий»* [112].

Лев Толстой в романе «Война и мир» вывел, как Багратион с умыслом не хотел присоединиться к Барклаю, и по этому поводу закатил истерику А. С. Норов: *«Можно ли читать без глубокого чувства оскорбления, не только нам, знавшим Багратиона... то, что позволил себе написать граф Толстой?.. Мог ли этот доблестный воин из нелюбви своей к Барклаю заслужить себе название изменника... Будем надеяться, что только в одном романе графа Толстого можем мы встретиться с подобными оценками мужей нашей отечественной славы и что наши молодые воины, руководясь светочем военных летописей, к которым мы их обращаем, будут с благоговением произносить такие имена как Багратион»* [113]. Однако, нужно читать и на ус мотать. Иначе «глубокое чувство оскорбления» и напыщенные «светочи летописей» приведут к повто-

рению старых ошибок и подлостей, чего как раз не хотелось бы для любимого отечества. Все изложенное позволило Г. А. Лееру констатировать: *«Хотя после крайних усилий и пожертвований, обе армии и соединились под Смоленском, но, в строгом смысле, вследствие разлада между главнокомандующими, соединения как бы не было»* [114].

Разумеется, советские апологетические историки и литераторы, ваявшие образ Багратиона как непорочного патриота и ближайшего сподвижника Кутузова, пуше царских берегли общественность от подобных фактов. К примеру, П. А. Жилин оперировал мельчайшей нарезкой фраз, чтобы не пропустить на публику ни одного из собственных Багратиону хамских оборотов [115]. Ну, а как «пламенный патриот» еще до нападения Наполеона на Смоленск собрался идти к Дорогобужу, *«отступить до самой Москвы»*, если Барклай не возьмет мер остановить Наполеона, тут же расписывая Аракчееву свои подвиги и вливая в уши клевету [116], — это табу из табу. Конечно, ни сам Багратион, ни агитаторы культпросвета не предполагали, что перед потомками лягут на экран множество бумаг, адресованных разным людям в одни и те же дни, изобличающих интриганство и карьеризм, в жертву которым хороший дивизионный и корпусной генерал принес свои военные способности и благо России. Но случилось.

Сдачи Смоленска Барклаю не простили, других виноватых не искали. Не только с Багратионом, но и с Беннигсенем, пересылающим в Петербург чужие письма, работать стало невозможно. Патриотическая молва приписывала Беннигсену ненасытное честолюбие, обвиняя его в выдворения старого фельдмаршала Каменского из армии в 1806 году [117]. Военный министр предпочел удалить от себя эту «почтовую станцию». Цесаревич Константин Павлович, подъехав к толпе беженцев, собравшихся у одной из гвардейских батарей, сказал им: *«Что делать, друзья! Мы не виноваты. Не допустили нас выручать вас. Не русская кровь течет в том, кто нами командует, а мы, больно, но должны слушать его. У меня не менее вашего сердце надрывается»* [118]. Даже патриот А. С. Норов отмечал вред присутствия великого князя в армии. Он, *«по своей неприязни к Барклаю, громко критиковал все его распоряжения и тем нарушал тайну военных советов»* [119]. Расчувствовавшийся М. И. Платов осмелился сказать главнокомандующему: *«Я никогда не надену более русского мундира, потому что он сделался позорным»* [120]. Уж кто бы такое говорил, ибо Константин вредил не одному Барклаю, но своему царственному брату, а Платов, будучи лихим рубакой, не имел

знаний, необходимых генералу. С этим его недостатком вскоре пришлось познакомиться Кутузову.

В дни трагедии Смоленска судьба военного министра и главнокомандующего 1-й армией уже была решена. Холодный и скрытный: «*Михаил Богданович весьма дурно изъясняется и многого недосказывает*» [121], пользующийся любовью непосредственных подчиненных, но не имевший русского облика и харизмы, постоянно подьедаемый за внимание к нему государя, свою главную политическую ошибку Барклай совершил еще у Рудни. Вместо правдивых донесений ему надо было, подобно Кутузову, рапортовать царю уклончиво и бодро. А иначе, в силу непоследовательности и нетерпеливости самодержца, на его место неотвратимо шел другой. В Петербурге, основываясь на донесениях из армии по 30 июля включительно, и на письмах из главной квартиры, где Беннигсен и другие генералы решились требовать отмены распоряжений Барклая [122], Александр повелел собрать Чрезвычайный комитет из важнейших сановников империи. Задачей комитета было исправление неблагоприятной ситуации в армиях. Самым простым путем к тому — смена непопулярного главнокомандующего.

Это действие было очередным тяжелым просчетом нетерпеливого и опасливо уступающего требованиям дворянства царя, совершенным перед кульминационным моментом русской стратегической обороны, — чтобы, как нарочно, опрокинуть результаты стратегии Барклая, отсрочить генеральное сражение, которого тот стал искать, и продолжить отступление. В то же время Наполеона нельзя было подпускать к Москве ближе района Вязьма — Гжатск, ибо для русской армии исчезало пространство для стратегического маневра. Барклаю де Толли осталось только сетовать, что его сместили в момент, когда он выбрал место для битвы у Царева-Займища. «*Непременным долгом считаю уведомить ваше сиятельство, что после отступления армий из Смоленска, нынешнее положение дел непременно требует, чтоб судьба наша была решена генеральным сражением*», — написал министр 10 (22) августа Московскому военному губернатору. Было уже поздно, скороспелый генерал от инфантерии Ростопчин честно Барклаю не верил. В тот же самый день он отписал Балашову: «*Завтра поутру я обнародую печатными листами Смоленскую баталию, которая была бы знатнейшая победа, если бы не отступили от Смоленска. Публика здешняя весьма ропщет на Барклая*» [123].

1. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенцев-Кутузов Смол. С. 35.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 60.
3. Князьков С. А. М. И. Голенцев-Кутузов // Отеч. война и рус. об-во. М., 1912. Т. 4. С. 2.
4. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 1 с прил. к нему. С. 3–5.
5. Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках // Рус. Старина. 1885. № 9. С. 400.
6. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 209.
7. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 53.
8. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 11, 14. С. 7, 9–10.
9. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 4. С. 8.
10. Там же. Док № 16. С. 19.
11. Там же. Док. № 65. С. 53.
12. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 71, 72. С. 78–79.
13. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 26. С. 26–28.
14. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 1. С. 28.
15. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 140.
16. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 41. С. 39.
17. Сто лет назад // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 165.
18. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 339–340.
19. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 255. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюсс.-Лондон, 1863. С. 148.
20. Антоновский А. И. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1904. Вып. 3. Корп. Витгенштейна. С. 56.
21. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 1. С. 395.
22. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 355–359.
23. Воен. подвиги и анекдоты гр. П. Х. Витгенштейна. М., 1814. С. 54–55.
24. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 360.
25. Антоновский А. И. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1904. Вып. 3. Корп. Витгенштейна. С. 73–74.
26. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 366.

27. Антоновский А. И. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1904. Вып. 3. Корп. Витгенштейна. С. 93, 97.
28. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 1. С. 411, 420.
29. Там же. С. 361, 367–371.
30. Военский К. А. Акты, док. и мат. для политич. и быт. истор. 1812 г. Т. 1 // Сб. РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 283–285.
31. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 132. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 23.
32. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 335–337.
33. Фонвизин М. А. Записки. Лейпциг, 1859. С. 112–113.
34. Бутенев А. П. Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив. 1881. № 3. С. 68–69.
35. Ген. Багратион. Сб. док. и мат. М., 1945. Док. № 76. С. 155–156.
36. Там же. Док. № 101–104. С. 187–194.
37. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1910. Т. XIII. С. 364–365; Т. XIV. С. 3–4, 16–17.
38. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра 1 и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 481.
39. Ген. Багратион. Сб. док. и мат. М., 1945. Док. № 111, 116. С. 204, 208–210.
40. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 2–3.
41. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 127, 131–132.
42. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 193–195.
43. Левенитерн В. И. Записки // Рус. Старина. 1900, № 11. С. 352–353.
44. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 196–197.
45. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 140. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 31–32.
46. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 136–137, 142–143.
47. Флиз Д. Поход Наполеона в Рос. М., 1912. С. 10.
48. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 1. С. 309–311.
49. Письма на походе 1812 г. к ген. Ермолову // ЧОИДР. М., 1862. Кн. 1. Отд. 5. С. 194.
50. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 149–150.
51. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 142–144. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 34–35.
52. Фонвизин М. А. Записки. Лейпциг, 1859. С. 109.

53. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии // *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 175. Ср.: Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 6.*
54. Левенитерн В. И. Записки // *Рус. Старина. 1900, № 11. С. 341.*
55. Там же. С. 349–350.
56. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 147–148, 259–261.*
57. А. П. Ермолов. Письма // *ОР РНБ. Ф. 325. Ед. хр. 33. Л. 49.*
58. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 67, 68. С. 75–76.*
59. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 6.
60. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 228–229.*
61. Бутенев А. П. *Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив. 1881. № 3. С. 74.*
62. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 66–67.*
63. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 226–230.*
64. Там же. С. 232–233.
65. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 8.
66. Левенитерн В. И. Записки // *Рус. Старина. 1900, № 12. С. 566–569.*
67. Муравьев Н. Н. Записки // *Рус. Архив. 1885. № 10. С. 232.*
68. Хлаповский Д. *Воспоминания о войне 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 51.*
69. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 237–239.*
70. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 270–271, 280–281.*
71. Там же. СПб., 1911. Т. XVI. С. 214.
72. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 231–232,*
73. Митаревский Н. Е. *Нашествие неприятеля на Рос. М., 1878. С. 41–42.*
74. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 61.*
75. Роберт Вильсон, очевидец кампании 1812 г. // *Воен. сб. 1860. № 11–12. Отд. неофиц. С. 309.*
76. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 8.
77. Жиркевич И. С. Записки // *Рус. Старина. 1874. № 5–8. С. 648.*
78. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVI. С. 19–20.*
79. Андреев Н. И. *Воспоминания // Рус. Архив. 1879. № 10. С. 185.*
80. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 94–95.*

81. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 245–246.
82. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 96–98, 102.
83. Муравьев Н. Н. *Записки* // *Рус. Архив.* 1885. № 10. С. 234.
84. Андреев Н. И. *Воспоминания* // *Рус. Архив.* 1879. № 10. С. 186.
85. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 108.
86. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 255–256.
87. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 75. С. 81–82.
88. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 257, 259.
89. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии.* М., 1859. С. 5, 16–17.
90. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 269.
91. Муравьев Н. Н. *Записки* // *Рус. Архив.* 1885. № 10. С. 236.
92. Колачковский К.-И. Е. *Записки о войне 1812 г.* 1911. С. 29.
93. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 271–272.
94. Андреев Н. И. *Воспоминания* // *Рус. Архив.* 1879. № 10. С. 189.
95. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии.* М., 1859. С. 11–12.
96. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 274.
97. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 75. С. 82.
98. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 130–143.
99. Бутенев А. П. *Воспоминания рус. дипломата* // *Рус. Архив.* 1881. № 3. С. 74.
100. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии.* М., 1859. С. 11–12.
101. Жиркевич И. С. *Записки* // *Рус. Старина.* 1874. № 5–8. С. 652.
102. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 1. С. 300–301; Т. 2. С. 130.
103. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 80, 88. С. 87, 95.
104. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1911. Т. XVI. С. 28, 59, 197.
105. Попов Ф. Г. *Истор. 48 пех. Одесского полка.* М., 1911. С. 74.
106. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 66, 89. С. 73, 96.

107. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 11.*
108. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 89. С. 95.*
109. Белькович Л. Н. *Кн. Петр Иванович Багратион // Рус. Старина. 1912. № 7. С. 53–54.*
110. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 81–82.*
111. Пирожников А. И. *Истор. 10-го пех. Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 121.*
112. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVI. С. 217.*
113. Норов А. С. *Воспоминания // Рус. Архив. 1881. № 3. С. 182–183.*
114. Леер Г. А. *Записки стратегии. СПб., 1880. Вып. II. С. 241.*
115. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 107.*
116. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVI. С. 222–223, 225.*
117. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1904. Ч. 8. С. 92.*
118. Жиркевич И. С. *Записки // Рус. Старина. 1874. № 5–8. С. 651.*
119. Норов А. С. *Воспоминания // Рус. Архив. 1881. № 3. С. 180.*
120. Харкевич В. И. *Барклай-де-Толли... после соед. армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 19.*
121. Глиноецкий Н. П. *Кр. биогр. ген. от арт. Ермолова // Воен. сб. 1861. № 5–6. Отд. неофиц. С. 250.*
122. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 1. С. 275.*
123. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 81, 82. С. 88–90.*

5.3. ПРИЗВАНИЕ КУТУЗОВА. РАССУЖДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИТЕТА

Чрезвычайный комитет в Петербурге был составлен 5 (17) августа 1812 года с единственной целью, — выбрать кандидата для срочного вступления в должность главнокомандующего вместо М. Б. Баркляя де Толли, с наделением его полномочиями единоначальной военной власти над всеми армиями, которыми уклончивый самодержец «позабыл» наделить Михаила Богдановича. Теперь он «исправлял» ошибку, малодушно предав своего избранника, ставшего неугодным безответственным дворянским кругам. Председателем комитета стал влиятельный екатерининский павловский и александровский вельможа, генерал-фельдмаршал граф Н. И. Салтыков, занимавший должности председателя Комитета Министров и Государственного Совета. Он удачно построил свои отношения с юным Павлом Петровичем, сгла-

живая углы между гатчинским и петербургским дворами, благодаря чему с 1783 года являлся наставником великих князей Александра и Константина Павловичей. Салтыков был в числе немногих екатерининских сановников, не утративших почета при Павле I, который произвел его безо всяких боевых заслуг в генерал-фельдмаршалы. Последний раз на войне «полководец» был в 1769 году.

Александр I продолжал оказывать Салтыкову подчеркнутое уважение и доверие, игнорируя известный негативный отзыв о нем его матери Екатерины: *«Ссор между генералами не ускромит, еще глуп и упрям»* [1]. Современниками сей вельможа характеризовался как прирожденный царедворец и опытейший интриган, обладавший позорной алчностью и неизменным лукавством. В записках В. И. Бакуниной указывается: *«Фельдмаршал гр. Ник. Ив. Салтыков, воспитатель государя и великого князя, оставленный в отсутствие Государя председателем комитета министров и госуд. Совета, словом главою над всем, лилась супруги своей, просит помощи царской на погребение и, получа 50000 руб., употребил, по словам одних, 32 т., а других — 27 т., а остальными деньгами воспользовался»* [2]. Салтыков имел отношение к торговле военными чинами и должностями: *«Цена их у подполковника Ставицкого, состоящего при вице-президенте военной коллегии, графе Николае Салтыкове, определена и всем известна»* [3].

«Уклончивость, хитрость, умение жить и ладить с людьми были преобладающими качествами в характере и уме Салтыкова. Эгоист и гибкий царедворец, Салтыков, по словам князя И. М. Долгорукого, близко его знавшего, «внутренне любил только себя и неспособен был благодетельствовать, когда требовалась на то некоторая упругость в характере, настойчивость в поступках и твердость в правилах» [4]. О Салтыкове отрицательно отзывались статс-секретарь императрицы Екатерины А. М. Грибовский, отмечавший полное отсутствие у него противного мнения, и министр юстиции И. И. Дмитриев. Увы, это был не тот человек, которому можно было поручить выбор главнокомандующего. Он не обладал качествами, позволяющими настаивать на сколько-нибудь профессиональном и неудобном решении; в таковое неизбежно оказывались заложеными его связи, интересы, выгоды, конкурентные соображения и т. п.

В состав комитета вошли члены, будущие председатели Государственного Совета (вслед за Н. И. Салтыковым, умершим в 1816 году) князь П. В. Лопухин и граф В. П. Кочубей, главнокомандующий в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии С. К. Вязмитинов

и министр полиции генерал-адъютант А. Д. Балашов. Отсутствующего царя представлял люто ненавидевший Баркляя генерал от артиллерии граф А. А. Аракчеев, существовавший с Салтыковым в дружбе и понимании. Картину отношения Аракчеева к Баркляю описал в своих автобиографических воспоминаниях Государственный секретарь В. Р. Марченко, подытожив ее словами: *«Мицение гнусное»* [5]. *«5 августа, в день Смоленского сражения, в 7 часов по полудни, собрались они в доме графа Салтыкова и совещались до 10-ти часов с половиною»* [6].

По высочайшему повелению Чрезвычайному комитету были представлены рапорты М. Б. Баркляя де Толли и П. И. Багратиона по 30 июля включительно, и *«полученные партикулярные письма»* того же Багратиона, генерал-адъютантов графа П. А. Шувалова, графа Э. Ф. Сен-При, барона Ф. Ф. Винценгероде и генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии полковника К. Ф. Толя. Выслушав содержание бумаг, *«все единогласно признали, что бывшая доселе недейтельность в военных операциях происходит от того, что не было над всеми действующими армиями положительной единоначальной власти»*. Не обладая современными военными знаниями, члены Чрезвычайного комитета основывали свое мнение о выдвинутых ими же на рассмотрение кандидатах *«во-первых, на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем (т. е. мнении дворянства), а равно и на самом старшинстве»* [7]. Существенным критерием оценки являлись известные членам комитета нерасположения царя. Вряд ли комитет решился бы рекомендовать кандидатуру, против которой Александр I ранее высказался категорически.

В какой-то степени собравшимися по царственному повелению вельможами должно было приниматься во внимание мнение князя А. И. Горчакова 1-го, исполнявшего обязанности военного министра. Хотя в исторических исследованиях его влияние не учитывается, по-иному быть не могло. Ввиду того, что М. Б. Баркляй де Толли одновременно был главнокомандующим армией и военным министром России, вместе с главнокомандованием решался вопрос о руководителе военного ведомства. И тут исполнявший обязанности за отсутствовавшего в Петербурге Баркляя Горчаков был самым заинтересованным лицом: ему было нежелательно, чтобы тот, оставив армию, вернулся к управлению министерством. К тому же Горчаков являлся родственником Салтыкова, на которого по отзыву Ф. Ф. Вигеля имел большое влияние [8], и свободно общался с теми

членами Чрезвычайного комитета, с которыми заседал в Комитете Министров.

Салтыкову тоже было выгодно, чтобы пост военного министра укрепился за его родственником, а потому не случайно руководимое им собрание вышло за пределы своей задачи приискания главнокомандующего, используя момент и поведя себя так, будто Барклай находился в глубокой опале. Постановление Чрезвычайного комитета заканчивалось словами о том, что если Барклай де Толли согласится вернуться в Петербург, *«то все следует уволить его от звания военного министра, предоставив... управление сим министерством управляющему уже и ныне департаментами оного генерал-лейтенанту князю Горчакову»* [9]. А сверх того, *«и ему же командовать, вместо Кутузова с.-петербургским ополчением, тем более, что в составе сего ополчения находились и регулярные войска»* [10]. Эти выводы невозможно толковать иначе, как произведенные для обеспечения интересов Салтыкова и Горчакова, и для подкрепления настойчивости последнего перед царем. Именно Горчаков был послан объявить общее решение царю (вот, военный министр с нами тоже согласен).

Руководство сбором и вооружением ополчения было сладким куском для нечистоплотных вельмож. Черпать из этого котла не гнушались особы царских кровей: *«Кон. Павл. представил в Екатерининский казачий полк 126 лошадей, полагая за каждую 225 руб. Экономический комитет ополчения сомневался — отпустить ли деньги, находя, что лошади оных не стоят. Государь приказал, говоря, что пожертвование уже сделано, следственно может оным располагать по произволу; 28350 р. заплачены, лошади приняты, 45 сапатов застрелены немедленно, чтобы не заразить других, 55 негодных велено продать за что бы то ни было, а 26 причислены в полк»* [11]. Отличный бизнес! Вот бы великий князь смоленским беженцам об этом прояснил, так нет же — русский плохой Барклай у него на языке!

Забегая с освещением событий вперед, — ополчением и министерством А. И. Горчаков 1-й руководил плохо. Будучи утвержден Александром I на этом посту, он несет ответственность за перебои снабжения русской армии продовольствием, фуражом, обмундированием и в меньшей степени — негодными для продажи в гражданском обороте боеприпасами. В 1815 году вскрылись хищения и причастность к ним Горчакова. В апреле 1816 года он уехал за границу, а в августе 1817 года был уволен в отставку. Дело закрыли уже после его смерти в 1827 году. После этого царские и советские историки гово-

рили о Горчакове 1-м неохотно и мало. Ученик Суворова (как покойный генералиссимус сам называл его), преемник Кутузова и Барклай не оправдал надежд, опасно диссонируя в панегирической традиции освещения персоналий Отечественной войны.

Таким образом, со своей факультативной задачей — обеспечить надежность работы военного ведомства во время войны после отстранения известного своей честностью Барклай де Толли, Чрезвычайный комитет не справился. Вместо этого он оказал протекцию действующему и. о. министра, уже обладавшему на тот момент сомнительной репутацией (при Екатерине II в 1795 и Павле I в 1800 году Алексей Горчаков обвинялся в растрате казенных денег) [12]. Такая ситуация имеет признаки верхушечной коррупционной сделки, направленной на овладение придворной группировкой Салтыкова жирнейшим куском, — военным министерством России во время войны. Трудно полагать, что этого не видел Вязмитинов, обладавший по свидетельству современников лучшими качествами, но он был в меньшинстве и промолчал. Александр тоже опасался, а потому принял ограничительные меры: Горчакову не было дано прав личного доклада императору и самостоятельного заключения контрактов на подряды и поставки [13]. Но вор на место Барклай прокрался лютый, — только при доставке к русским границам уже закупленного и хранимого на тверских и новгородских складах провианта и фуража, предназначенного на продолжение кампании 1812 года, казне было нанесено ущерба на много миллионов рублей. Посмотрим теперь, как члены Чрезвычайного комитета решали основную задачу — найти стране полководца.

В 1811 году, вслед за Н. М. Каменским 2-м, смерть унесла еще одного претендента в русские главнокомандующие — генерала от инфантерии Ф. Ф. Буксгевдена. Генералы-фельдмаршалы (Н. И. Салтыков, И. В. Гудович) по возрасту и болезням не могли возглавить армию. Кандидатура П. Х. Витгенштейна, чей авторитет высоко поднялся в связи с нанесенным им маршалу Удино поражением, не могла быть поставлена на голосование в связи с его генерал-лейтенантским чином. Когда имелись полные генералы, в главнокомандующие требовался один из них. М. А. Милорадовича проигнорировали, поскольку он вернулся с гражданской на военную службу несколькими днями позднее. О генерале от инфантерии С. М. Каменском 1-м речь не шла из-за его неспособности ладить с кем-либо. Многие другие, в том числе и член комитета С. К. Вязмитинов, при своем полном ге-

неральстве, армии не знали. Были рассмотрены следующие кандидатуры: П. А. Пален, Л. Л. Беннигсен, П. И. Багратион, А. П. Тормасов, Д. С. Дохтуров и М. И. Кутузов [14].

Список кандидатур объясняет, почему самодержец не хотел ни единолично назначить главнокомандующего, ни присутствовать на комитете. Характеристика, данная Александром Палену, была такова: *«Не говоря уже о его вероломном и безнравственном характере и преступлениях, вспомните только, что он близ 18–20 лет, как не видел неприятеля и был только бригадным генералом, когда в последний раз участвовал в сражении. Как же я мог положиться на такого человека, и чем он выказал свои воинские дарования или доблести?»* [15]. Царь не поддерживал и других кандидатов, будучи настроен против Багратиона, *«который о стратегии понятия не имеет»* [16], и скептически к Тормасову и Кутузову. В Беннигсене, который либо сдавал, либо сводил в ничью сражения с Бонапартом, император тоже был в какой-то мере разочарован. Последнего в списке претендентов генерала Дохтурова он мало знал.

Александр I двигал острый кадровый кризис, поразивший высшие военные круги России. При этом он мало делал для его преодоления, ища легких решений на стороне. Утвердив решение Чрезвычайного комитета, царь вскоре отбыл на переговоры с Ж.-Б. Бернадотом (бывший французский маршал, с 1810 года наследник шведского престола), сделав ему предложения о привлечении шведских войск к борьбе против Наполеона и принятии главнокомандования союзной армией [17]. Не отказался Александр от идеи привлечь на свою сторону генерала Ж.-В. Моро и герцога Веллингтона, но его агенты не успели с ними договориться. Моро появился на русской службе в 1813 году, и ненадолго. Находясь рядом с царем, он был смертельно ранен ядром в битве при Лейпциге.

Рассуждения членов Чрезвычайного комитета, от работы которого «умыл руки» самодержец, следовавшие принципам любезности себе и дворянству, старшинства и учета мнения государя, выпукло показали, каким путем дворянская Россия к 1812 году дошла до обезглавливания своей военной силы. Подобно влиянию боярского местничества в допетровском царстве, при помощи доводов старшинства оттирались от высоких мест талантливые офицеры и генералы. При восхождении на престол не умеющих вести личный подбор и шарахающихся от своих избранников государей, ситуация ухудшалась. Если бы Александр не предал им же самим вознесенного в обход

старшинства Баркляя, и вместо проявленной политической трусости поддержал его, тот дал бы Наполеону сражение под Царевым-Займищем. Даже если бы он проиграл его, Бонапарту все равно не досталось бы ничего больше Москвы. Но великий, древний город вполне мог завоевателям не достаться. За Царевым-Займищем имелись пространство и время для организации нового сражения и маневра, а за Бородином был их дефицит, — армия отступала прямо к столице.

Наибольший опыт против Наполеона был у Беннигсена, но, как и Барклай, он был инородцем. Назначение Беннигсена было оскорбительно для Баркляя, с которым тот успел «побить горшки». Конструкция, в которой оттираемый от Петербурга и военного министерства Барклай оказывался под началом Беннигсена, была слишком возмутительной, и могла выдать Баркляя в Петербург во вред Горчакову. Поэтому члены комитета решились противостоять расплывчатому и лишенному повелительности мнению Александра, считавшего Беннигсена *«более других подходящим для главного командования»* [18]. Опыт борьбы с наполеоновскими войсками имелся у Багратиона и Дохтурова, но, как и у Кутузова, только «конфузный».

Багратион, почти открыто предлагавший себя в главнокомандующие, бестактно колот чувства царя в письмах Аракчееву, которые тот доводил до сведения самодержца: *«Вся главная квартира немцами переполнена так, что русскому жить невозможно и толку никакого нет»* [19], а потому не имел шансов возглавить армию. Ростопчину закусивший удила грузин писал хуже: *«От Государя ни слова не имеем, нас совсем бросил... видно Государю угодно, чтобы вся Россия была занята неприятелем. Я же думаю русский и природный царь должен наступательный быть, а не оборонительный»* [20]. Неизвестно, передал ли Федор Васильевич эту писульку Александру Павловичу. Если да, то к тому моменту князь Багратион все равно получил смертельную рану при Бородино. Вслед за Сперанским можно было его в ссылку не отправлять.

У Торماسова против Наполеона опыта вообще не было, он воевал на Кавказе. Оснований преувеличивать его победу над саксонцами под Кобрином у членов Чрезвычайного комитета не имелось. Разбив одну бригаду, не выиграть войну, а какое значение это имело для удержания корпусов Шварценберга и Ренье, они вряд ли понимали. Кроме того, Тормасов происходил из небогатого и незнатного дворянского рода, будучи сыном лейтенанта флота П. И. Тормасова. Не в обычаях вельмож было отличать этого выдвигенца давно покойного

князя Потемкина. Дохтуров, такой же русский как Тормасов и Кутузов, был последним по старшинству.

М. И. Кутузов имел опыт войны с французами и финальную победу в недавней русско-турецкой войне, почитаясь за рассудительного стратега. Он был самым старшим по службе и в первом ряду по родовитости и богатству, исконно русский барин. Единственный из претендентов, он был недавно увенчан титулом светлейшего князя, что усиливало старшинство и позволяло полагать, что недоверие к нему царя не такое уж непреодолимое. Общее мнение стоявшего за Кутузова дворянства также было весомым политическим фактором. Кроме того, считалось, что Михаил Илларионович дружен с Беннигсеном и сможет работать с ним вместе [21].

Михайловский-Данилевский писал: *«Единогласное определение Комитета было не что иное, как отголосок общего мнения всего государства о Кутузове... За несколько дней перед назначением, император возвел его в княжеское достоинство, и сия награда вообще была принята предвестницею того, что скоро откроется полководцу поприще, на котором отечество жаждало видеть его»* [22]. Об исключительном значении для рассуждений Чрезвычайного комитета полученного Кутузовым княжеского отличия предполагал Богданович, который на этом основании сделал вывод о будто бы снова возникшей милости царя к полководцу, каковую *«совершенно исполнил»* Чрезвычайный комитет [23]. Но сохранившиеся письма Александра I опровергают «княжескую» теорию.

Беннигсену самодержец указал, что выбор пал на Кутузова по старшинству, без которого главнокомандующий не может быть начальствующим над всеми генералами четырех армий [24]. Своей сестре, великой княгине Екатерине Павловне, царь написал подробнее: *«Я не мог поступить иначе, как выбрать из трех генералов, одинаково мало способных быть главнокомандующими, того, на кого указывал общий голос... Я нашел, что настроение здесь (в Петербурге) хуже, чем в Москве и провинции; сильное озлобление против военного министра, который, нужно сознаться, сам тому способствует своим нерешительным образом действий... Ссора его с Багратионом до того усилилась и разрослась, что я был вынужден, изложив все обстоятельства небольшому нарочно собранному мною для этой цели комитету, назначить главнокомандующего всеми армиями. Остановились на Кутузове как на старейшем, и дали таким образом Беннигсену возможность служить под его начальством. В Петербурге я увидел, что решительно все были*

за... старика Кутузова... Зная этого человека я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это... мне осталось только уступить единодушному желанию» [25, 26]. Упомянутое письмо Ростопчина гласило: «Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двинул ваши войска; иначе, Государь, не будет единства в действиях, тогда как Наполеон сосредоточивает все в своей голове. Он сам должен быть в большом затруднении; но Барклай или Багратион могут ли проникнуть в его намерения?» [27].

Было и другое, о чем все молчат: в интригах за влияние на государя Салтыкову было желательно убрать Кутузова из Петербурга, где он набирал обороты на дворянской любви и создании корпуса ополчения. Можно думать, что Михаил Илларионович, укрепляя свои позиции при дворе, метил на должность военного министра (где, кстати, принес бы много пользы как опытный политик и обжегшийся на воровстве администратор). Потому-то и суетился вокруг Чрезвычайного комитета и.о. министра Горчаков, чтобы Салтыков помог убрать и Барклая, и опасного семейного конкурента. В то же время с открытым в сторону Кутузовым можно было вести закулисные дела. Будучи главнокомандующим всеми армиями, он мог крепко помешать казнокрадам, но принятие «откатов» за молчание и попустительство было «безгрешным доходом» по понятиям, в которых был воспитан полководец (не возьму я, возьмет кто-то другой), а потому неудивительно, что имя «спасителя отечества» впоследствии оказалось примешано к скандалу, разгоревшемуся вокруг А. И. Горчакова 1-го, «творчески переосмыслившего» приказы Кутузова, исполнение которых тот почему-то не контролировал [28]. Эта сумма соображений подвигла Салтыкова и членов Чрезвычайного комитета в три с половиной часа завершить обсуждение, и единогласно рекомендовать царю кандидатуру Кутузова.

Н. А. Троицкий ошибается, полагая, что Александр I сразу же, не колеблясь, утвердил решение Чрезвычайного комитета. Редкий случай, но ближе к истине был П. А. Жилин, указывавший на трехдневные (если быть точным — двухдневные) колебания самодержца. Ошибка произошла оттого, что Троицким неправильно установлена дата обращения к царю членов комитета за утверждением своего решения. Основываясь на мемуарах графа Е. Ф. Комаровского, он почитал, что это произошло 6 (18) августа 1812 года [29] через посред-

ство А. И. Горчакова 1-го, заявившего императору: *«Россия желает назначения генерала Кутузова, ибо в отечественную войну приличнее быть настоящему русскому главнокомандующим»* [30]. Однако сопоставление мемуаров Комаровского с камер-фурьерским журналом устанавливает, что этот визит имел место 7-го числа.

Нельзя думать, чтобы император в течение всего дня 6 августа пребывал в неведении о приговоре Чрезвычайного комитета. Хотя в этот день был праздник Преображения Господня, он, как обычно, поутру *«занимался от министров докладами в кабинете»*. Следовательно, он получил решение, но не отвечал на него. И тогда, как о том позволяют судить записи в камер-фурьерском журнале, были приняты меры для дальнейшего убеждения царя. За обеденным столом государя фиксируется присутствие не только Е. Ф. Комаровского и А. И. Горчакова, но В. П. Кочубея, А. Н. Салтыкова (сына председателя Чрезвычайного комитета Н. И. Салтыкова), Нарышкиных и других важных лиц. В этот же день обсуждались польские дела, что видно по присутствию действительного тайного советника В. С. Попова. Царю были представлены польские депутаты Ваврецкий, Любецкий и другие. Письмо Ф. В. Ростопчина к Александру также не могло поступить в Петербург ранее вечера 7 (19) августа, и касалось не только кандидатуры Кутузова, но описывало предвзятое отношение Барклая к императорским флигель-адъютантам польского происхождения. Под этой последней каплей царь сдался. Комаровский свидетельствует, что Горчакову было приказано дать знать генералу Кутузову, *«чтобы на другой день поутру он приехал к его величеству»*, а записи в камер-фурьерском журнале за 8 число открываются сообщением: *«Их величествам откланялся светлейший князь Голенцев-Кутузов в Малиновой комнате, отъезжая в армию»* [31].

Современники видели в состоявшемся назначении влияние вдовствующей императрицы Марии Федоровны, чьи доверенные лица горой стояли за Кутузова [32, 33]. Лишь в самую последнюю очередь фактором избрания Михаила Илларионовича могут предполагаться его масонские связи с членами Чрезвычайного комитета, о которых историки русского масонства, набивая цену своему предмету, говорили как о факте: *«Не подлежит сомнению, что сила сплоченного масонского братства способствовала назначению Кутузова предводителем наших вооруженных сил»* [34]. Безо всяких масонов, сил действующих на это назначение было достаточно. Другое дело, что участие в ложах, ставших популярными во времена Екатерины II, было одной из форм

связей в дворянском классе России. В них процветали те же, указывающие на Кутузова, настроения.

Покончив с неприятным для него делом, самодержец досадливо и грубо выказался генерал-адъютанту, графу Комаровскому, явившемуся для сдачи дворцового дежурства: *«Публика желала его назначения, я его назначил. Что же касается меня, я умываю руки»* [35]. Даже 24 ноября, когда ход военных событий уже повернулся на благоприятный лад, император в письме Барклаю де Толли писал, что, назначив Кутузова главнокомандующим, он уступил общественному мнению и заглушил личные чувства [36].

Публикой император называл отнюдь не весь народ, как стали толковать «народность» Кутузова позднее. Это был пренебрежительный отзыв Александра о российском дворянстве, стадные и националистические черты которого, так ненавидимые Павлом I, «вспухли» в 1812 году с новой силой. Было в этом менталитете то, что давало крепость, но было и другое, при отходе от петровской и екатерининской системы заводившее в тупик. Ничто не гарантировало царя и Россию от того, что возлюбленный дворянскими собраниями кандидат не «провалится», как растерялся по прибытии в армию старый фельдмаршал Каменский. В 1806 году, «народные голоса» в его поддержку были столь же громки, игнорируя большую душу избранника и мнение Екатерины II: *«Сердце мое слышало, что от Каменского при армии добра не будет... к нему доверенности иметь едва ли возможно»*. В результате, когда *«император Александр положился на мысли своего государства»*, фельдмаршал отказался от командования, и армию возглавил взявший на себя инициативу Беннигсен [37].

По утверждению Ф. Ф. Вигеля императрица Екатерина М. Ф. Каменского *«никогда не любила за крутой и вместе вспыльчивый его нрав и за жестокость»*. Саркастически описывает он надежды дворянства на престарелого самодура: *«Тогда, подражая Суворову, многие генералы гнались за оригинальность; в том числе и граф Каменский, и этою юродивостью он еще большие рождал в себе веру. Как спасителя приняли его в Петербурге»* [38]. И вот, примерно на тех же основаниях началась любовь к М. И. Кутузову, о котором 99,9 % надеющихся располагали нулем правдивых сведений. Позднее такая же любовь полыхнула вокруг имени А. П. Ермолова во время Крымской войны, когда вновь стали формироваться ополчения. Он был единогласно избран начальником Московского ополчения, затем — Петербургского, да еще Новгородского, Калужского, Орловского и Рязанского в придачу, по-

бив рекорд популярности Михаила Илларионовича [39]. Давно нет дворянства, но в современном обществе среди отставных военных и мещан продолжает жить мода искать себе патриотического вождя, который вмиг все решит.

Летом 1812 года патриотическое брожение рождало каламбуры о России, которая *«находилась накануне увидеть на престоле Екатерину Третью»* [40]. Множество лиц, не ведающих пружин и крови войны, требовали не следовать *«дворским правилам погубляющим Россию»*, не шадить *«командорствы в армиях»*, и грозили, что *«умы превращаются к волнению»*. Низость дворянской публики вполне отражает сентенция, прописанная в радостной заметке по случаю избрания Кутузова главнокомандующим: *«Жидов, поляков и иностранцев праздных... выгнать на время внутрь России, не смотря ни на чьи об них уверения; из поляков и иностранцев могут быть многие, а из жидов почти все противу нас шпионы»*. Михаила Илларионовича призывали не шадить *«таковых людей»* и не удерживать их при армиях [41]. К счастью, Кутузов не страдал воинствующим бескультурьем Багратиона, и не собирался ходить у кого-то на поводу.

Александр I следовало проявлять больше твердости, понимая, что военная гроза парализует действия безответственных болтунов. За слабость его укорял М. М. Сперанский: *«Не попустите, Всемилостивейший Государь, чтобы система ложных страхов и подозрений... всегда приводившая государей к бесславию, а государства к бедствиям, превозмогла над достоинством морального Вашего характера... Советы, основанные на страхе и угодливости мнимому общему мнению, когда оно несправедливо и пользам государственным противно, суть советы не русские, но советы или малодушные, или злые, и во всех отношениях Вас недостойные. Сие мнимое общее мнение слабо и ничтожно, когда его презирают; напротив — строптиво и ужасно, когда его слушают»*. Тут можно упомянуть, что в наветах на Сперанского отличился тот же Ростопчин, который пылко возлюбил Кутузова, и, надо полагать, — те же чины петербургского двора, что входили в Чрезвычайный комитет [42].

Цена венценосной ошибки грозила стать непомерной. Война двигалась вглубь России, а по характеру М. И. Кутузова можно было предсказать: не взирая ни на какие провалы и неудачи, он, в отличие от М. Ф. Каменского, по своей воле от командования не откажется. Действуя в неизменном стиле, по случаю и обычаю, первым делом новый главнокомандующий выпросил у прячущего раздражение царя 10000 руб-

лей на дорогу [43]. Через два дня, перед отъездом, он получил у скупого Горчакова 1500 рублей на экстраординарные суммы, и немедленно потребовал еще [44]. По данным Б. М. Колюбакина, на подъем было выдано 30000 рублей, полководец не продешевил [45].

Впоследствии Ф. В. Ростопчин весьма досадовал на свои иллюзии о человеке, на которого он и Москва возложили надежды. Он вляпался точно как Прозоровский, а Михаил Илларионович вновь собирался в действующую армию, на более грозную, чем когда бы то ни было, войну. Хотел ли такого оборота событий сам избранник, или, пав жертвой собственной популярности, тревожился и сокрушался, как перед вызовом на Дунай? Он слишком хорошо владел собой, чтобы омрачить вид своего чуть не божественного предназначения. Известно только, что к «услужившему» Федору Васильевичу он был настроен недоброжелательно, прячась под маской патриота, делающего одно с Московским губернатором дело. В отношениях Кутузова и подсидевшего его в Петербурге А. И. Горчакова 1-го тепла тоже не было.

Полтора года тому назад, идя на смену смертельно больному Николаю Каменскому, Кутузов тщательно рассчитывал свои возможности. Он похоронил тактику и стратегию предшественника, но результата, хоть и много меньшего, чем хотел император Александр, достиг. Прорисованные планы спрятались за политической конъюнктурой, за его талантом переговорщика и дипломата. На что же он рассчитывал сейчас? Какие планы победить Наполеона зрели в его голове? Увы, как и раньше, менее всего Михаил Илларионович рассчитывал бить врага в сражениях. Первое, чего держался Кутузов, что нагнетало великий образ его, защищало от царского гнева и военных неудач, был популизм. *«Кутузов имел всегда у себя верное оружие — ласкать общим надеждам»* [46]. Получив назначение, он *«поехал в Казанский собор, где слушал молебен, стоя на коленях»*, будто желая разделить с Богом упавшую на него ответственность [47]. Общественность была тронута до слез: *«Вся церковь рыдала. По окончании молитвы всяк хотел подхватить русскую надежду под руки... Народ теснился вокруг почтенного старца, прикасался его платья»* [48]. На следующий день 9 (21) августа процедура была повторена в церкви Владимирской Божьей матери [49].

Второе, чему следовал Кутузов — надежде не разбить, а обмануть Наполеона, что означало уклонение от битв маневрами с принесением в жертву населения и территории ради поражения противника военно-хозяйственными, знакомыми опытному губернатору факто-

рами. Михайловский-Данилевский, Богданович и другие историки приводят речения Кутузова: «Разбить меня он может, но обмануть — никогда!» «Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона» [50, 51]. То же самое он говорил в присутствии графа Ф. П. Толстого, и отвечая на приветствия восторженных петербуржцев в день своего отъезда в войска: «Не победить, а дай Бог обмануть Наполеона» [52]. Внимательно наблюдавший за Михаилом Илларионовичем английский представитель, генерал Р. Т. Вильсон отметил: «Утонченно образованный, вежливый, хитрый как грек, сметливый от природы как азиат и просвещенный как европеец, он более был склонен рассчитывать на успех от своей дипломатии, чем от военной отваги». Разумеется, ура-патриотические борзописцы тут же охаяли Вильсона, заявив, что он не любил Кутузова и «обнаружил свою собственную недалекость» [53].

11 (23) августа Кутузов с небольшой свитой офицеров Петербургского ополчения, в числе которых были Казначеев, Хвостов, Сомов и Михайловский-Данилевский, отбыл в войска. Был в свите полководца и «историк Суворова» Фукс, которого (а вовсе не Данилевского) «он взял с собою для письменных дел» [54]. Впоследствии Фукс, не пожелавший равнять Кутузова с Суворовым, был подвинут из истории ушлым Александром Ивановичем, «скромно» присвоившим себе фуксово место главного делопроизводителя и пожавшим богатую хвалебную ниву.

С каждой почтовой станции новый главнокомандующий рассылал курьеров с уведомлениями о своем назначении, требуя прислать в армию резервы. Более всего надежд он возлагал на формируемый в Калуге корпус Милорадовича, которому еще 10-го числа приказал выступить к Дорогобужу и просил Ростопчина усилить его из Москвы «всеми теми войсками, которые уже некоторой зрелости в формировании своем достигли» [55]. Недалеко от Петербурга Кутузов встретил одного из злейших врагов Барклая де Толли, — великого князя Константина Павловича, называвшего военного министра «Тетка Барклай» в насмешку над его мелкопоместной лифляндской неотесанностью [56]. Константин не преминул расписать Михаилу Илларионовичу действительные и мнимые подробности сдачи Смоленска, а тот — подать себя перед братом царя в лучшем виде [57]. У свежее испеченного главкома хватило духа данной ему властью запретить великому князю ехать за царем в Або, где шли переговоры с Бернадотом, чтобы не подать повод к заключениям о больших еще несчастьях и не навредить соглашению: «Имея право запретить ему

быть в Або, он принужденным находится оное употребить» [58]. Как дипломат Кутузов был неизменно силен.

В Торжке Михаила Илларионовича ждал Беннигсен, удаленный Барклаем за злостное критиканство. Кутузов объявил ему высочайшее повеление вернуться в армию [59]. Сам Леонтий Леонтьевич писал об особом всемилостивейшем рескрипте, о котором уведомил его Кутузов, а о своих чувствах рассказал: *«Честолюбие и особое самолюбие, которое не может и не должно никогда покидать военного человека, внушали мне нежелание служить под начальством другого генерала после того, как я уже был ранее главнокомандующим армией, действовавшей против Наполеона и его искуснейших маршалов... нежелание, которое под конец я в себе заглушил»* [60].

Военный историк Б. М. Колюбакин много рассуждает о распорядительной деятельности главкома по пути к войскам, цитируя ряд отправленных им с остановок писем, но, положив руку на сердце, в них не видно следов военного плана, *«важнейших положений»* и определенных указаний, которые пытается узреть Борис Михайлович; разве плохо скрытые сомнения, удастся ли сохранить армию под натиском Наполеона и отстоять Москву [61]. Из письма Горчакова 1-го в адрес Витгенштейна следует, что на момент выезда из Петербурга у Кутузова не было операционного плана, *«который он по обстоятельствам сделает»*; то же самое усматривается из письма Кутузова Витгенштейну. Дунайская и 3-я Западная армии никаких ориентировок не получают. Лишь 14 (26) августа появляется самое общее указание Михаила Илларионовича в адрес Тормасова о том, что его армия *«обязана действовать на правый фланг стремящегося неприятеля»*, а когда он сам прибудет в Главную армию, то не упустит представить *«дальнейшие меры к действиям»* [62]. Эта неподготовленность соответствует предположению, что Кутузов не хотел себе соперничества с Наполеоном, какое ему «удружили».

В то время как полководец направлялся к войскам, они продолжали отступление к Дорогобужу, куда 2-я армия прибыла 9 (21) августа, а 1-я двумя днями позже. Барклай считал хорошей позицией по реке Уж у деревни Усвяты (Умолье), в 12 верстах перед Дорогобужем, *«решился в ней дожидаться нападения неприятеля и предложил князю Багратиону присоединить свою армию к левому флангу 1-ой»*. Но Багратион, ссылаясь на опасность обхода, утверждал, что в самом Дорогобуже позиция лучше. Барклай, не хотевший остаться один перед неприятелем, который вечером 11 августа *«явился со всею своею силою»*

в виду армии и завел сильную канонаду», отступил. Теперь он нашел предложение Багратиона негодным: «12 августа армия прибыла в сию хваленую позицию; я нашел ее неудобнейшею из всех занятых во время продолжения всей кампании» [63].

Как было сообщено Витгенштейну, неприятель «послал сильную свою кавалерию обходить мои фланги с тем, чтобы прибыть в Вязьму прежде моего туда прибытия и совершенно мне отрезать Московскую дорогу» [64]. Ростопчин получил такое же уведомление Барклая, и тут же накропал императору новое письмо с надеждой, «что князь Кутузов положит конец этому постыдному отступлению и станет действовать с войсками, у которых одна потребность — драться» [65]. Барклай продолжил отход к селу Царево-Займище, расположенному между Вязьмой и Гжатском. С целью задержать противника, «на всяком пункте, представлявшем выгоду для действия артиллерии, выставлялось несколько конных орудий под прикрытием... Эти орудия, обстреливая подходившего неприятеля, заставляли его противопоставлять им сильнейшие батареи и развертывать войска в боевой порядок, а потом быстро отъезжали назад и наводили наступающего на другие орудия, действующие так же как и прежние. Между тем казаки зорко следили за всеми движениями неприятеля и извещали об его обходах» [66].

В пяти верстах от Гжатска (ныне Гагарин) Кутузов был встречен множеством местных жителей, которые выпрягли из его кареты лошадей, и повезли карету на себе до приготовленного для высокого гостя дома купца Церевитинова. Здесь первым делом нового главнокомандующего было отправить восвояси офицеров, высланных для обозрения позиций по московской дороге. «Не нужно нам позади армии никаких позиций; мы, и без того уже слишком далеко отступили», — изрек Михаил Илларионович [67]. Ему внимали с облегчением и надеждой.

17 (29) августа Кутузов прибыл в Царево-Займище, ненамного отстав от полученного в армиях известия о своем назначении. Кредит доверия к нему был чрезвычайный. Как вспоминает Н. Н. Муравьев: «Известие сие всех порадовало не менее выигранного сражения. Радость изображалась на лицах всех и каждого» [68]. «Призванный командовать действующей армией волей народа, почти против желания государя, он пользовался всеобщим доверием» [69]. Полководцу надлежало при помощи своих полномочий и авторитета устранить столкновение характеров в руководстве и произвести в боевых действиях перелом. Его задача облегчалась тем, что критический период войны был позади.

Русские армии соединились, а вражеская ослабилась исходом мародеров и отделением нескольких корпусов. Кутузова ждали неплохой штаб и готовые к суровым испытаниям войска, а он будто подумывал о том, чем оправдать возможное поражение. О таких мыслях «спасителя» говорит передаваемая его биографами байка, как узнав о падении Смоленска, он перекрестился и сказал: «Ключ к Москве взят!» [70, 71]. Не был тогда ключ от Москвы взят и близко. Зато упоминаемое Колюбакиным право вскрывать любые бумаги из армии позволило Михаилу Илларионовичу к моменту взрыва общественного негодования занять удобную для себя позицию.

В Москве, по-настоящему встревоженной трагедией Смоленска, о назначении Кутузова главнокомандующим стало известно вечером 13 (25) августа. Московские дворяне на радостях *«решили, что все спасено, так как во главе армии поставлен человек не с немецким именем. А между тем эта армия все отступала да отступала к Москве, преследуемая неприятелем, и опасность становилась все более неминуемою»* [72].

1. Лебедев П. С. Преобразователи рус. армии в царств. имп. Павла Петровича // Рус. Старина. 1877. № 2. С. 248.
2. Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках // Рус. Старина. 1885. № 9. С. 408.
3. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1902. Т. II. Ч. 1. Имп. гл. квартира. XVIII в. С. 267.
4. Русские портреты XVIII и XIX ст. СПб., 1906. Т. II. Вып. 3. С. 107.
5. Марченко В. Р. Автобиогр. записка гос. секретаря // Рус. Старина. 1896. № 3. С. 492–493.
6. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 182.
7. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 82. С. 71–72.
8. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 34.
9. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 82. С. 73.
10. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 3. С. 266.
11. Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках // Рус. Старина. 1885. № 9. С. 408–409.
12. Залесский К. А. Наполеоновские войны 1799–1815. Биогр. словарь. М., 2003.
13. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1902. Т. I. Историч. очерк разв. воен. управления в Рос. С. 211.
14. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. I. С. 154.

15. Романов А. П. Самооправдание имп. Александра Павловича в письме к вел. кн. Екатерине Павловне // Рус. Архив. 1911. № 2. С. 304.
16. Колобакин Б. М. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. I // Тр. ИРВИО. СПб., 1912. Т. V. С. 26.
17. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 25, 28–30.
18. Колобакин Б. М. Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят. // Рус. Старина. 1912. № 7. С. 5–6.
19. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 3. С. 264.
20. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 89. С. 98.
21. Колобакин Б. М. Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят. // Рус. Старина. 1912. № 7. С. 6.
22. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 184–185.
23. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 10.
24. Колобакин Б. М. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. I // Тр. ИРВИО. СПб., 1912. Т. V. С. 34.
25. Переписка имп. Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 82, 87–88.
26. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1, ком. 1 к док. № 83. С. 74–75.
27. Росточин Ф. В. Письма к имп. Александру Павловичу // Рус. Архив. 1892, № 8. С. 443–444.
28. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1902. Т. I. Историч. очерк разв. воен. управления в России. С. 213–217.
29. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 151, 156.
30. Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. С. 198.
31. Камер-фурьерский церемон. журн. (июль–дек. 1812 г.). СПб., 1911. С. 60–64.
32. Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1860. С. 174.
33. Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1904. Ч. 8. С. 377, 380.
34. Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Ч. 2. С. 194–195.
35. Шильдер Н. К. Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 98.
36. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Прил. 12. С. 474–476.
37. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. второй войны имп. Александра с Наполеоном. СПб., 1846. С. 73–74, 76.
38. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 270–271.
39. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 20.
40. Письма 1812 г. (из семейного архива К. В. Нессельроде) // Рус. Архив. 1910. № 8. С. 609.

41. Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1905. Ч. 9. С. 143–144.
42. Сперанский М. М. Пермское письмо к Александру Павловичу и оправдательная записка // Рус. Архив. 1892. № 1. С. 59–60, 75.
43. Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. С. 199.
44. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 88. С. 77.
45. Колобакин Б. М. Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят. // Рус. Старина. 1912. № 7. С. 5.
46. Маевский С. И. Мой век или истор. ген. Маевского // Рус. Старина. 1873. № 8. С. 158.
47. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 196–197.
48. Сто лет назад // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 170.
49. Колобакин Б. М. Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят. // Рус. Старина. 1912. № 7. С. 8.
50. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 15.
51. Шильдер Н. К. Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 98.
52. Глинка С. Н. Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 36.
53. Иванов Н. А. В память столетия Отеч. войны. Одесса, 1912. С. 96.
54. Сто лет назад // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 166.
55. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 94. С. 81.
56. Мартенс К. Из записок старого офицера // Рус. Старина. 1902. № 1. С. 101.
57. Колобакин Б. М. Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят. // Рус. Старина. 1912. № 7. С. 9.
58. Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках // Рус. Старина. 1885. № 9. С. 408.
59. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 124.
60. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 70.
61. Колобакин Б. М. Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят. // Рус. Старина. 1912. № 7. С. 9–11.
62. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVI. С. 57–58, 66–67.
63. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 13.
64. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 96. С. 82.
65. Ростопчин Ф. В. Письма к имп. Александру Павловичу // Рус. Архив. 1892. № 8. С. 521–523.
66. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 119.
67. Там же. С. 125.
68. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885, № 10. С. 244.
69. Пуцин П. С. Дневник (1812–1814). Л., 1987. С. 59.

70. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 197.

71. Колобакин Б. М. *Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят.* // *Рус. Старина*, 1912. № 7. С. 8–9.

72. Хомутова А. Г. *Воспоминания о Москве в 1812 г.* // *Рус. Архив*. 1891. № 11. С. 322.

5.4. ЦАРЕВО-ЗАЙМИЩЕ. ДОРОГОЙ БАРКЛАЯ. ПЕРВЫЕ ПАРТИЗАНЫ

К моменту занятия М. Б. Барклаем де Толли позиции у Царева-Займища Наполеон мог собрать для генерального сражения 155 тыс. чел., а русские — 100,5 тыс. регулярных и 21 тыс. нерегулярных (ополченцы и казаки) войск. На подходе был 15,5 тыс. корпус М. А. Милорадовича, сырой, однако под хорошей командой благодаря тому, что еще от Смоленска Барклай направил на его укомплектование офицеров из действующих войск. Такая же новобранческая дивизия Неверовского выше похвал показала себя в ходе Смоленского сражения. Общая численность русской армии дошла до 137 тыс. бойцов. Вражеские силы полагали в числе 165 тыс., ориентируясь на несколько преувеличенные данные [1]. Но и при таком соотношении генеральное сражение считалось возможным.

Барклай готовился к решительному бою. *«Неприятель слишком близко к сердцу России, — написал он 10 (22) августа Ростопчину, — и сверх того, мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо в противном случае армии были бы подвержены сугубой гибели и безчестию»* [2]. Генерал Х. И. Трузсон 13 (25) августа получил распоряжение приискать позицию, позволяющую сковать противника меньшими силами и нанести контрудар. 16 (28) августа Барклай просит Милорадовича максимально ускорить марш на соединение с армией: *«Здесь неизбежное сражение, которое определит участь государства; здесь нужны напряжения всех усилий, здесь нужно присутствие ваше и войск, вами одушевляемых»*. Его просьбу подкрепляет Ермолов: *«Спешите, почтеннейший Михаил Андреевич, к нам и если войска ваши не приспеют разделить славу нашу, приезжайте вы одни. Я знаю, что вы здесь нужны»* [3]. Эти слова, и серия распоряжений штаба армии: об усилении арьергарда, сдерживающего французов на подступах к избранной позиции (командование арьергардом

поручили Коновницыну вместо неаккуратного в исполнении приказаний Платова); об оставлении кавалерийских корпусов у Федоровского и ведении под их прикрытием фортификационных работ служат подтверждением тому, что не отмени все Кутузов, битва столетия грянула бы под Царевым-Займищем.

Вопрос о том, насколько выгодной или невыгодной была данная позиция, является одним из важнейших для Отечественной войны 1812 года. Без его решения нельзя правильно оценить полководческую фигуру Барклая, а равно действия и приказы принявшего у него командование Кутузова. Советские историки без объяснений считали позицию при Царевом-Займище *«явно неудовлетворительной»*, а сражение в этом момент нецелесообразным *«до прибытия резервов»*, на разные голоса повторяя одну единственную фразу Михайловского-Данилевского [4], основанную на доводах самого Михаила Илларионовича, прописанных в его донесении царю от 19 (31) августа 1812 года: *«Для еще удобнейшего укомплектования велел я из Гжатска отступить на один марш и... еще на другой, дабы присоединить к армии... отправляемых из Москвы в довольном количестве ратников; к тому же местоположение при Гжатске нашел я по обозрению моему для сражения весьма невыгодным»* [5]. Разрешение подъезжающего к армии Кутузова в адрес Барклая *«производить в действие предпринятой вами план»* [6], они трактовали как следствие его незнакомства с обстановкой на месте. Эта конструкция подкреплялась негативным мнением офицеров квартирмейстерской части 1-й армии К. Ф. Толя и А. А. Щербинина, которых пугала болотистая река позади [7].

Из царской профессуры доводы Щербинина безоговорочно принимал большой апологет военного таланта Кутузова, генерал Б. М. Колюбакин, говоря, что *«дать сражение у Царева-Займища являлось весьма нецелесообразным, а между тем Барклай настаивал на этом сражении»* [8]. Он считал, что Барклай в период с 8 по 17 августа рассматривал возможность занять ряд оборонительных позиций для битвы лишь для очистки совести, а при Царевом-Займище, наконец, решился его дать, лишь бы не отдавать славу Кутузову. Из этого видно, что Колюбакин вслед за гражданским историком А. Н. Поповым, на которого он часто ссылается, очень низко оценивал Барклая де Толли. Поэтому, хотя Борис Михайлович и привел в своих работах основные доводы Барклая в пользу избранной позиции, но не подверг их анализу и оценке. Вместо этого он обратился к пространственным

и временным стратегическим категориям, то есть, не завершив одного дела, взялся за другое.

Первое, что умалчивается в таком изложении, — это то, что лагерь противников позиции при Царевом-Займище весьма небогат доводами, а Толь и Щербинин имели определенные *личные* основания для ее критики. Не придается значения такой выгодной характеристике этого рубежа, как его связь с Гжатской оборонительной позицией, куда уже подходил резервный корпус Милорадовича. Тот же Колюбакин приводит распоряжение от 16 (28) августа, в котором значится: *«Обеим армиям в 4 часа следующего дня, 17-го, перейти к Цареву-Займищу, куда немедленно выслать инженеров и квартирмейстерской части офицеров для выбора и устройства позиции, что применительно исполнить и по отношению г. Гжатска»*. Его, не давая себе труд крепко подумать, он толкует упрощенно: *«Барклай допускал возможность отступления и к Гжатску»* [9]. С другой стороны, начиная с Михайловского-Данилевского и Попова, Гжатская оборонительная позиция часто отождествляется с Царево-Займищенской. Это абсолютно неверно, так как это были две разные, по плану Баркляя де Толли связанные между собой (эшелонированные) позиции.

Следовательно, в вышеприведенном донесении императору от 19 августа Кутузов вообще никак не высказался о Царево-Займищенской позиции, а историки, оспаривающие на этом основании ее выгодность, повторяют ошибку Михайловского-Данилевского. Между тем, в бумагах этого историка были найдены *«Замечания на официальные известия из армии 27 августа»*, составленные кем-то из штаб-офицеров 1-й Западной армии. В них ясно различаются указанные позиции. Царево-Займищенская названа *«благоприятной... коей фланги начали уже укреплять редутами»*, а Гжатская — *«довольно выгодной»*. Бородинская же — *«изрядной»*. Но Александр Иванович, панегирически излагая действия своего бывшего патрона, проигнорировал эти сведения. Рукопись «замечаний» была опубликована В. И. Харкевичем [10]. Сие есть ни больше, ни меньше, как исторический подлог, пусть и в благих целях устроенный. Он скрывает, что у Баркляя был ответ на вопрос, где удержаться при неблагоприятном исходе сражения. Местность, дающая такую подстраховку, встречается редко. Достаточно сказать, что Бородинская позиция Кутузова такой не была. Вероятно, поэтому, осмотрев позицию у Царева-Займища, новый главнокомандующий нашел ее *«выгодною и приказал ускорить работы укреплений»*, но на следующий день неожиданно приказал отступить,

что Барклай приписал первым признакам *«духа пристрастия, беспорядков и пронырств, ежедневно умножавшихся и приближавших армию к гибели»* [11, 12, 13].

Ничего не говорит о позиционной критике со стороны Кутузова начальник штаба 1-й армии Ермолов: *«Первый приказ князя Кутузова был об отступлении по направлению на Гжатск. В нем объяснена была потребность присоединить идущие к армии подкрепления»* [14]. И все. Нам неизвестны доводы Михаила Илларионовича против позиции при Царевом-Займише. Если он не упомянул о ней в донесении царю, смешав ее с Гжатской позицией, то явно с целью оправдания, ибо упомянуть, что один за другим оставлены два рубежа, было не выигранно. Так что же было под Царевым-Займишем? Какие соображения обусловили выбор Барклая и перемену мнения Кутузова?

Разбираясь объективно, трудно признать Царево-Займищенскую позицию более выгодной, чем не распознанная и утерянная позиция на северном берегу Днепра под Смоленском. Именно такой упрек, хотя и некорректно, посылает Барклаю Щербинин, он же звучит в объяснениях Александра I о причинах смещения Барклая с должности главнокомандующего [15]. Увы, задним умом все крепки. Не была Царево-Займищенская позиция идеальной и в другом, статическом смысле, как привыкли к тому времени воевать с Бонапартом (лишь бы удержаться). Она была более открыта для нападения, чем, к примеру, Бородинская позиция. И все же она была интересной, недооцененной историками, перебирающими слова современников и грубые карты, где не указывалось расположение резерва и начатых постройкой укреплений. Мало кто почел нужным дополнить этот отрывочный материал тактическими и стратегическими соображениями. Это пытался сделать Колобакин, но, образно говоря, нельзя принимать решения о реконструкции второго этажа (стратегия), недоглядев первый (тактика) и фундамент (местность).

Разглядывая местность при Царевом-Займише на современных космических снимках, в сопоставлении со схематичным планом, выполненным подпоручиком квартирмейстерской части И. Я. Глазовым в масштабе 500 саженей на дюйм (430 м в 1 см), можно увидеть следующее. Позиция имела перед собой открытое, но не очень глубокое поле, за которым был лес. Относительно прикрытым был правый (северный) фланг, упиравшийся в овраг, выходящий к деревне Телятовка и речке Ветца. Верховья оврага были покрыты роцей или густым кустарником (пятно на плане). Препятствие не такое большое,

но дальнейший обход правого фланга приводил противника в болото между Телятовкой, Первитино, Привалье, Семешино, при впадении Ветцы в Сежу. Ныне эта территория осушена, но вся покрыта следами речных стариц. За болотом наверняка был лес. То есть, глубокий обход с этой стороны был невыполним, и возможность перерезать за спиной русских войск поворачивающую в северном направлении дорогу на Гжатск была фикцией. Развивать инициативу противнику пришлось бы поворотом на юг, в понижение между русскими линиями правого фланга и Сежей, где на плане показана тропа между Телятовкой и Царевым-Займищем, под огнем основной массы русских войск.

Русские корпуса стояли по обе стороны идущей через Царево-Займище большой дороги по порядку номеров с севера на юг, как и при Бородине: 2-й и 4-й пехотные корпуса по северную сторону тракта, а 6-й и 7-й с 27-й пехотной дивизией — по южную сторону. Во второй линии за ними на дистанции 200 сажень (420 м) находилась кавалерия — с севера 1-й и 2-й кавкорпуса, с юга — 3-й и 4-й. Гвардейский 5-й и 3-й пехотный корпуса находились в 3-й линии, прямо на большой дороге и несколько к северу от нее, где от Царева-Займища расходилась ветка троп на Истратово и Телятовку. С юга к порядкам гвардейского 5-го корпуса примыкала 2-я гренадерская дивизия. Прилегающие высоты занимала резервная артиллерия, прикрываемая 1-й и 2-й кирасирскими дивизиями.

Таким образом, силы на позиции массировались в центре. При этом Наполеон как бы приглашался на обход левого (южного) фланга русских войск, менее заболоченный и не заросший. Это направление, однако, приводило его в пониженное дефиле, образованное русскими построениями и рекой Сежа, которое преграждал плосковершинный холм, со склонами, достаточно крутыми, чтобы и сегодня мешать ведению сельского хозяйства. Холм прикрывал дорогу в тыл, на Гжатск. Под огнем орудий с его вершины переправиться через болотистую Сежу было нельзя, а взять приступом — трудно. И поныне высоту обрамляет с юго-запада заполненный водой ров, вероятно, идущий по линии, где в 1812 году были оборонительные работы. Уж не это ли следы деятельности, означенной в приказе главнокомандующего 2-й Западной армией № 120 от 17 августа 1812 года: *«Завтра, 18 августа поутру, чуть свет, нарядить от каждого полка по 25 человек рабочих с лопатками при офицере от дивизии, а от каждого сводного гренадерского батальона по 10 чел. с лопатками же при офицере от дивизии*

же. Всем рабочим собраться на фланге 7-го корпуса у рва и явиться к генерал-майору Ферстеру для предполагаемых работ» [16].

Указанный холм, усиленный рвами и эскарпами, образует крепкую позицию к юго-востоку от Царева-Займища и является «изюминкой» местности, естественным укреплением, удобным для расположения артиллерии и войск, действующих против обходящего с юга противника. У его северного подножия, по направлению к Цареву-Займищу, располагались русские резервы, готовые действовать на короткой руке в любом направлении. В этой части местности план Глазова наименее точен: холм на нем потерян, по линии современного рва показан овраг, и крупный объект выглядит лишь частью отрезанной этим оврагом покатою возвышенности, в то время как она господствующая, командная. Таким образом, Барклай видел то, что на плане Глазова не видно. Возможно, после утечек информации под Смоленском неточность плана была умышленной, с целью скрыть от противника, что его ожидает. Еще южнее Сежу было не перейти, там опять начинались леса и болота. Эта обманчивая местность сама собой объясняет наличие противоположных отзывов о ней, и чем глубже в нее вникать, делается все более привлекательной для активной обороны.

По рассуждению Барклая: *«Армии были расположены не в большом пространстве, имели перед собою открытое место, на коем неприятель не мог скрывать своих движений. В 12-ти верстах от сей позиции, позади Гжатска, была другая, найденная также удобною. Генерал Милорадович донес, что прибудет 18-го числа к Гжатску с частью своих резервов. Все сии причины были достаточны к уготовлению там решительного сражения. Я твердо решился на сем месте исполнить оное, ибо в случае неудачи мог я удержаться в позиции при Гжатске» [17].* В адрес Кутузова Барклай донес: *«Вознамерился я здесь остановиться и принять сражение, которого я до сих пор избегал, опасаясь подвергнуть государство большой опасности в случае неудачи».* Однако тут же, по своей честности, генерал допустил фатальную ошибку, написав, что место выбрано открытое, *«в коем хотя фланги ничем не прикрыты, но могут быть обеспечены легкими нашими войсками» [18].* За эти слова Барклая впоследствии хватались все его критики; лишь тщательно рассмотрев местность, можно понять, что он имел в виду. По оценке Ермолова: *«Места открытые препятствовали неприятелю скрывать его движения. В руках наших возвышения, давая большое превосходство действию нашей артиллерии, затрудняли приближение неприятеля; отступление было удобно» [19].* Истинно так по топографии!

Неизвестно мнение начальника штаба 2-й Западной армии Э. Ф. Сен-При, но имеется письмо П. И. Багратиона в адрес М. Б. Баркляя де Толли от 16 (28) августа с оценкой обдумываемой Баркляем позиции для боя при селе Федоровском: *«По мнению моему позиция здесь никуда не годится, а еще хуже, что воды нет. Жаль людей и лошадей. Постараться надобно идти в Гжатск, город портовый (в Гжатске находилась речная верфь для купеческих судов. — А. Д.), и позиции хорошие должны быть. Но всего лучше там присоединить Милорадовича и драться уже порядочно... Лучше бы вчера подумать и прямо следовать к Гжатску... арьергард усилить пехотою и кавалерией и уже далее Гжатска ни шагу. К тому месту может прибыть новый главнокомандующий»*. Таким образом, о позиции при Царевом-Займище Багратион, подобно Кутузову, не упоминает, и не хочет давать сражения под началом Баркляя. Кстати, Ермолов оценивал Федоровскую позицию как имевшую *«немалые выгоды»*, а недостаток хорошей воды ввиду трудности подступов к топкому озеру на левом фланге в раннем издании его записок трактуется как *«малейший»*, а в советском — как *«важнейший»* порок ее. Изменение смысла при переиздании очевидно [20].

Цитированное письмо отражает тот непопулярный факт, что от Смоленска Багратион, а не военный министр являлся саботажником выбора мест для сражения и провокатором отступления вследствие продолжающейся интриги на устранение Баркляя. Перед этим он *«убедил генерала Баркляя де Толли»* оставить позицию при Усвяты [21]. Клаузевиц характеризует позицию, взамен предложенную Багратионом у Дорогобужа, как отвратительную: *«Перед фронтом ее не было никакого препятствия для подступа к ней, а обзор отсутствовал полностью; довольно обширный, извилистый и всхолмленный Дорогобуж находился позади правого крыла; часть войска... располагалась по другую сторону Днепра на еще более невыгодной позиции. Автор от этой перемены был в отчаянии, а Толь пришел в состояние тихого бешенства»* [22]. На желчной писанине от Багратиона, в которой отсутствовали трезвые доводы, основывался Ростопчин, ошибочно полагая, что *«Барклай оставил Вязьму, назнача десять верст от ней место для генерального сражения, коего бы он не дал. Положение его таково, что и солдаты называют его изменником»* [23]. В то же время Багратион своими наветами дискредитировал себя самого: Московский военный губернатор писал о нем царю: *«С виду повинуется и, по-видимому, ждет какого-нибудь плохого дела, чтобы предьявить себя командующим обеими армиями»* [24].

Итак, мы не знаем доводов ни одного из крупных русских генералов против позиции у Царева-Займища, зато имеем мнения Баркляя и Ермолова, высказавшихся «за». Это обстоятельство прямо-таки сквозит в рассуждениях комментатора, обозначившего себя литератом А. Б., изъяснявшего и критиковавшего перед читателями «Военного сборника» историю М. И. Богдановича: *«При признанной всеми распорядительности на поле сражения и военном такте Баркляя де Толли, при молчании обоих наших военных историков, не очень желавших хвалить его действия, трудно, кажется, предположить, чтобы он ошибался в выборе выгоднейшей местности на берегах Сежи»* [25]. Положительно оценивали позицию и многие русские офицеры. М. А. Фонвизин, будущий генерал-майор, племянник знаменитого писателя Д. И. Фонвизина, назвал ее превосходной [26]. Майор М. М. Петров, командир батальона 1-го егерского полка считал позицию при Царевом-Займище *«гораздо крепчайшей»* нежели при Бородине [27]. Того же мнения был герой войны 1812 года, будущий генерал-лейтенант и декабрист А. Н. Муравьев [28], а равно многие царские и зарубежные военные историки и теоретики. Есть ряд нейтральных высказываний: К. фон Клаузевица, П. Х. Граббе, А. С. Норова, Н. И. Ладыгина и других.

Что же касается негативных отзывов К. Ф. Толя и А. А. Щербина, они являются следствием дошедшего до личной неприязни к Барклаю профессионального конфликта. За свой выбор позиций для генерального сражения Толь, начиная от Витебска, получал недоумения и выговоры от М. Б. Баркляя де Толли, А. П. Ермолова, П. И. Багратиона, поскольку систематически избирал заросшие и тесные, малопригодные для маневра места. При этом он отстаивал свою правоту с необыкновенным самомнением. После выволочки от Багратиона с очередного *«жесточайшего выговора»* от Баркляя за избрание крайне стесненной и *«обращенной в другую сторону»* позиции у Дорогобужа, где *«недоставало места для расположения войск»* (это была попытка найти альтернативу предложениям Багратиона), Толь попросил *«увольнения от должности генерал-квартирмейстера, чувствуя будто бы себя неспособным отправлять оную»*. Ошибки было поручено исправить другому офицеру, а Толь собирался выехать из армии в Москву [29, 30, 31]. Это был один из известнейших армейских скандалов, отраженный во многих мемуарах. Следовательно, полковник Толь не участвовал в осмотре местности при Царевом-Займище, и его мнение, равно как и ему подчиненного Щербина

[32], трудно признать объективным и основательным. Лишь Кутузова позиционная метода Толя полностью удовлетворила, и ниже по тексту будет объяснено, почему.

Больше внимания следует обратить на суждение генерала И. Ф. Паскевича: *«К счастью... мы не держались в позиции при Царевом Займище. Ровное необозримое поле было бы в пользу сильной неприятельской кавалерии, превышавшей нашу на 25 тысяч человек»* [33]. Ответом являются три слова: Красный, дивизия Неверовского. Не пробил бы французская кавалерия русских пехотных линий. Плотной построенную (*«не в большом пространстве»*), укрепившуюся шанцами, оцетилившуюся ружьями и поддерживаемую артиллерией пехоту кавалерией атаковать бесперспективно. Она пошла бы в обход, где ее ждали овраги, болота, контратаки русской кавалерией 2-й линии, картечь резервной артиллерии, которая стояла в положении, допускавшем немедленное открытие огня.

Современный исследователь Г. Е. Бродский добавляет к негативу густой лес перед фронтом позиции, *«скрывающий движения неприятеля и позволяющий ему легко перегруппировывать свои силы»*. Право, не надо видеть лес там, где современники наблюдали поле глубиной полторы версты! Там, где он рос, лес мешал расположить французскую артиллерию и резервы. Выйдя из леса, они оказывались в зоне поражения русских пушек, а оставшись в нем — лишались участия в деле. Недаром Бродский тут же сообщает: *«Неприятелю, по выходе из леса, элементарно бы не хватило места для построения войск в боевой порядок»*. Правильно! И за это надо хвалить, а не порицать тонко чувствовавшего пространство Барклая. Что же касается угрозы обхода на Гжатск, надо помнить, что обходной путь был длинный, и не случайно на Гжатскую позицию адресовался корпус Милорадовича. Инженерные работы у Царева-Займища Бродский тоже понимает неверно, а поэтому финальный вывод исследователя, будто позиция *«годились для арьергардного боя, но никак не для генерального сражения»*, не аргументирован [34].

Завершая негативную оценку позиции, Бродский сообщает поистине колюбакинское: *«Неминуемо встает вопрос, что понудило Барклая к выбору этой позиции для генерального сражения? На наш взгляд, основных причин здесь несколько: а) передача главного командования над армиями М. И. Кутузову; б) нарастающее недовольство его действиями после Смоленска в армии и обществе; в) усиливающиеся противоречия с главнокомандующим 2-й Западной армией П. И. Баграти-*

оном, которые в этот период достигли апогея» [35]. А где же хоть одна военная причина, если оцениваются действия крупного генерала? Где система военно-исторического исследования? План И. Я. Глазова надо сличить с местностью по деталям и площадям, провести реконструкцию, а не сообщать, что она «значительно видоизменилась». Внимание надо уделять существенным топографическим моментам, а не памятникам и новому Минскому шоссе! Со времен Коллюбакина прошло более ста лет, а от работ Левицкого, тоже нашедшего лес там, где Паскевич опасался поля — восемьдесят. Пора бы не повторять ошибок такой давности.

По реальным данным надо полагать, что Барклай де Толли смелее надеялся на благоприятный исход сражения, нежели Кутузов. Он придавал больше значения массированию сил и маневру на поле боя, готовясь остановить и зажать в низких дефиле у Сежи войска, брошенные Наполеоном в обходной маневр. Там он мог перемолоть их огнем артиллерии с возвышенностей и утопить в болотах, которых так боялись Толь и Щербинин. После этого у главнокомандующего открывалась контратака из центра позиции, — на рассечение ослабленных и растянутых французских порядков. Барклай, рассчитывая на стойкость своих войск, взвешивал шансы не просто остановить, но разбить Наполеона, что и определяло его оценку позиции при Царевом-Займище как выгодной, в противовес поверхностным мнениям, указывающим на легкость входа неприятеля в обходной маневр.

Если же Наполеон отказывался от атаки, и шел в обход на Гжатск, то он терял много времени. Этим достигалась задача, в невыполнении которой попрекал Барклая Коллюбакин, сокрушаясь, что «мы, с малым сопротивлением противнику, скачками, спешно и в хлопотах, отступая в течение 9-ти всего суток, отдали огромное пространство от Соловьевой переправы до Царево-Займище, сражаясь у себя и имея возможность задерживать противника на значительное время на каждом рубеже» [36]. Интересно, как, при превосходстве неприятеля в силах, особенно в кавалерии, это представлял себе профессор? Оставлять на каждой позиции на растерзание по корпусу, и надеяться, что они избегнут разгрома, как в 1805 году при Шенграбене Багратион? Без серьезных позиционных преимуществ такие попытки были нереальны. Как раз по этой причине Кутузов, сменив Барклая, тащил Наполеона к Москве с той же скоростью: 90 верст от Царева-Займища до Бородин он прошел за 6 дней; 128 верст от Бородин до Москвы — тоже за 6 дней. Итого — 218 верст за 12 дней. Единственная задержка про-

тивника на 3 дня с 24 по 26 августа была связана с дачей Бородинского сражения. Барклай же отступил от Смоленска на 200 верст за 11 дней с 7 по 17 августа. Итак: 218 верст за 12 дней против 200 верст за 11 дней. Есть ли смысл противопоставлять «достижения»? Факт ясен: без сражения задержать стремившегося к Москве Бонапарта было невозможно.

Кутузов отступал от Царева-Займища и Бородина прямо к Москве, а куда от Смоленска отступал Барклай? Самое время вспомнить, что существовал еще один, забытый к концу XIX в. аспект. Царево-Займище лежит в полосе средневековой русско-литовской границы, где в XIV-XVII вв. произошла серия битв и сражений, большинство из которых было выиграно русскими войсками. Граница долгое время проходила там не случайно, а в силу особенностей местности, благоприятствующих обороне русского государства, из-за чего местность эта называлась «священной долиной». Обход долины, устланной древними костями, по причине окружающих ее лесов и болот был затруднен. Следовательно, под Царевым-Займищем и Гжатском можно было не испытывать опасений, которые держал в уме Кутузов у Бородина. Зато опасения были у французов. Поибюск так прокомментировал отход русской армии от Царева-Займища и Гжатска: «Русские не воспользовались для поражения нас их Священною долиною. Французская армия прошла ее без выстрела... Говорят, что неприятель сосредоточивается около Можайска» [37]. На указанном географическом обстоятельстве останавливается в своих воспоминаниях участник наполеоновских войн, прусский генерал Г. Брандт, называя Царево-Займищенскую позицию «крепкой» и упоминая, что в 1610 году Жолкевский не взял этого дефиле, а предпринял форсированный марш в дальний обход, воспользовавшись беспечностью русских воевод [38]. Дефиле у Царева-Займища упоминает и Богданович при описании преследования Наполеона.

Итак, в отличие от Кутузова, Барклай де Толли отступал в выгодное природное дефиле. В совокупности с необходимостью не слишком приближаться к Москве, чтобы сохранить свободу маневра при неудачном исходе сражения: «Решась принять бой, необходимо было, по его мнению, исполнить это по возможности дальше от Москвы» [39], данный факт объясняет недоуменное наблюдение П. А. Жилина: «Если... даже в Смоленске Барклай уклонялся от решительного сражения, то теперь он стал ярым сторонником его... мысль о сражении не оставляла Барклая». Но привычка топтать логику в угоду направля-

ющей идеологии, вернула историка к обычному для ура-патриотов плоскому выводу: «Он понял, что должен быть предел для отступления. Чувствовал... недовольство армии» [40]. Домыслы на этот счет всегда облегчались тем, что после Смоленского сражения русская армия вышла за пределы театра, готовившегося для войны; нового плана действий еще не было, обстановка полностью зависела от кругозора и творчества полководцев. Барклай в полной мере свою превосходную подготовку и хорошую интуицию военачальника показал.

Все изложенное заставляет прийти к выводам, отличным от общепринятых. Выбор позиции для генерального сражения при Царевом-Займище принадлежит к более активной военной культуре, нежели та, что в качестве эталонной устоялась в истории 1812 года, опираясь на тезисы о том, что «непобедимого Наполеона» надо было лишь завлекать, обескровливать частными стычками, обманывать и удерживать за преградами. Представителями этой как бы компромиссной, уже не суворовской, — требовавшей непременно наступать и штурмовать, — но и не зажатой в чисто оборонительных схемах и отступательных маршах военной культуры, после смерти Н. М. Каменского 2-го оставались М. Б. Барклай де Толли и Ф. Ф. Довре. Они лучше М. И. Кутузова понимали французскую школу военного искусства. При обоих выдающихся командирах находились крупные артиллеристы: рядом с Довре — князь Л. М. Иашвили (Яшвиль), а при Барклае — А. П. Ермолов. Первая пара успешно применила наполеоновские принципы в управлении русской артиллерией, вторая — создала новую тактику артиллерии в отступлении. У одних было благорасположение П. Х. Витгенштейна, и они выиграли сражение под Клястицами, а вторым не удалось получить поддержки Кутузова, и битва не состоялась.

Понимая разницу подходов к выбору места баталии, М. И. Богданович, считая позицию у Царева-Займища «довольно сильною», не делал категорического вывода, и указывал на неосновательность суждений прусского военного историка И. Л.-У. Блессона. Тот доказывал, что это была «лучшая оборонительная позиция на всем пространстве от Смоленска для Москвы» именно в плане неприступности с фронта и защищенности флангов от обхода [41]. Хотя с превосходным мнением Блессона были согласны Н. П. Поликарпов [42], Ф. фон Бернгарди и Г. Л. Бейцке, надо еще раз повториться: о Царевом-Займище нельзя рассуждать в категориях Бородино. Здесь полагалась преднамеренная оборона с растаскиванием сил Наполеона на фланги,

после чего наносился заранее спланированный контрудар в центр, требовавший какого-то открытого пространства для маневра с целью отсечения противника во фланговых мешках. Как раз за наличие ударного пространства и мешков позицию Баркляя критиковала противная, восходящая к К. Ф. Толю и М. И. Кутузову школа, опасливо относящаяся к любым планам нападения на Наполеона. К примеру, Д. П. Бутурлин решился утверждать, что прикрытия для флангов русской армии позиция «не представляла никакого» [43].

У исследователей, не понявших разницы позиционных подходов, возникла путаница, где именно расположил русскую армию Барклай, — перед Сежей и болотами за собственными флангами, или за Сежей, с рекой и болотами перед собой [44]? Первое они считали невероятным, но так оно и было! Не преградой, а западней мыслил болота Барклай! В случае же проигрыша натиску Наполеона в центре позиции, болота не давали развить на отступающую русскую армию давления с флангов, а переправа позади нее была хороша в обоих смыслах и отступить, и придержать на ней наступающего. Для сравнения, Бородинская позиция за рекой Колочей, при одном неприступном и другом прикрытом болотистым лесом фланге, пространства для наступательного маневра не имела. Она была обустроена природой в качестве труднопроходимой, вязкой пробки, и в этом смысле (как завлечь Наполеона в мясорубку, в горлышко, какого не проковырять) была по-своему хороша. Но наступать из нее было проблематично: стоило Бонапарту, в свою очередь, перейти к обороне, и он получал те же выгоды, русским войскам требовалось брать обратно многочисленные преграды: овраги, реки, высоты, села. Поэтому намерение Кутузова атаковать французов, возникшее после того, как русская армия устояла на бранном поле, быстро поникло. Контрнаступлению препятствовала избранная им и Толем местность. Это и называется «обратимостью» позиции в другую сторону.

Теперь возникает понимание того, что людей, рассматривавших только пассивно-оборонительные сценарии, Царево-Займищенская позиция удовлетворить не могла, но это совсем не значит, что она была плоха, и на ней не справился бы Барклай. Относительная открытость позиции мало помогала французам, а больше — обороняющейся стороне, если та исповедовала активный образ действий. Нереально решать вопрос возможного соотношения потерь, но большая ружейная и орудийная плотность русских построений под Царевым-Займищем (короткая линия и близкие артиллерийские резервы)

ведет к предположению, что оно могло быть лучше, чем при Бородино. В то же время не факт, что последствия массивного удара Наполеона в русский центр были бы лучше последствий его удара на Багратионовы флешы и Семеновское, а русской армии удалась контратака. Но можно поручиться за то, что путь резервов Барклая для купирования кризиса был короче, а дойди дело до контрудара, — положение французских подразделений, втянутых в бесперспективный обходной маневр, стало бы очень неприятным. Поэтому нет оснований противопоставлять несостоявшуюся битву известным результатам Бородинского сражения (вот, Барклай бы точно Наполеону проиграл). В том же смысле, что за Царево-Займищенской располагалась хорошая Гжатская позиция, а после Бородино русская армия пришла прямо к Москве по все более густой сети дорог, позволившей Наполеону начать маневрирование своими корпусами, перевес позиционного, тактического и стратегического мышления оказывается за выбором и мыслью Барклая.

Стратегический аспект необходимо разобрать глубже. Местность надо оценить не только как преграду для противника и пособие для собственной тактики, но с точки зрения возможностей, которые она предоставляет для стратегического маневра. И тут приходится окончательно убедиться, что Бородино всецело проигрывает Царево-Займищу. Хороший анализ в этой части дал Н. А. Окунев, рассмотрев возможность защиты древней столицы при помощи перемены операционной линии, — перехода от прямого к боковому движению, которое ставило под угрозу сообщения наступающей армии Наполеона. Перефразируя Ж. Ронья, и умеряя его несдержанность в описании наполеоновских и русских промахов, он указал: *«До Бородинской битвы уступление Москвы не было еще неизбежно... Русские военачальники потеряли из виду то, что... данная точка прикрывается боковым движением надежнее, нежели перпендикулярным на нее отступом»* [45].

Кто же такую возможность потерял? Следует ли попрекнуть Барклая, считая, что Кутузову досталось от него растраниженное стратегическое наследство, или наоборот, возложить вину на нашего, по уверениям апологетов, непревзойденного полководца? Именно так писал Колюбакин: Барклай отдал пространство. Но, приступив к вопросу, мог ли Кутузов после принятия им главнокомандования совершить стратегический маневр, свернув путь отступления армии на юг, он сразу отсекается, вымученно указывая на некие *«громадные*

тому затруднения», в которые включает «неполноту власти и авторитета Кутузова» (?) [46]. Ни слова о недостатке пространства!

До Колюбакина Барклай упрекал Бутурлин, утверждая, что следовало за Дорогобужем «при Жашковом свернуть с большой Московской дороги, дабы занять позицию у села Знаменского, за рекою Угрою, на соединении двух дорог из Дорогобужа и Вязьмы, ведущих через Юхнов на Калугу» [47]. Клаузевиц писал, что «вначале среди русских генералов и в их штабах об этой идее не было даже разговора», а «когда начали отдавать себе отчет в недостаточности сил для защиты Москвы, было уже слишком поздно». Но он же заявил: «Упрек, который некоторые писатели делают задним числом русским генералам, отчего они от Смоленска не пошли на Калугу, представляется недостаточно продуманным», поскольку такое движение можно было предпринять только когда «исчезнет решительный перевес сил главной французской армии над русской». Надо было воспользоваться максимумом складов, которые «были устроены вдоль Московской дороги» [48]. Следовательно, операционную линию нельзя было менять слишком рано.

Отметим, что в условиях конфликта с Багратионом, Беннигсеном и прочими обитателями главной квартиры, Барклай никому о намерении переменить операционную линию не сказал бы, ибо тут же пошел крик, что он оставляет без защиты обе столицы. Оппозиция заставляла его рассматривать не южный, а северный вариант стратегического маневра, который соответствовал изначально предполагавшейся для 1-й армии ветке операционных линий на Псков, Новгород и Тверь. Ермолов упоминал, как Барклай проговаривал идею своих дальнейших действий отдельно от Багратиона, которого оставлял прикрывать московское направление, а сам хотел перейти с 1-й армией на тверское; Алексей Петрович отговаривал его от этого [49]. В условиях Смоленского сражения, подготовка маневра слетела бы с уст Барклая в форме опасений быть отрезанным от Москвы и «плодородных полуденных губерний» [50] с одновременным позволением Багратиону вновь отделиться и отступить на Москву. Как раз это и произошло! Лишь осознание малых выгод северного варианта движения войск заставила военного министра отказаться от готового совершиться поворота. Затем, когда дальнейшее движение Наполеона к Москве сделало поход врага на Петербург невероятным, Барклай де Толли начинает рассматривать южный маневр: «Следует заметить, что Барклай... у Царева-Займища имел намерение в случае необходимости отступить после сражения, направить армию на Ка-

дугу, что могло бы помешать движению Наполеона на Москву; тогда же последовали распоряжения о заготовлении продовольствия в Калуге и Туле [51].

Следовательно, высказывание Клаузевица, что «ни Барклай, ни его Генеральный штаб в то время и не помышляли о таком уклонении в сторону», является плодом незнания. Это незнание почитал за истину Колюбакин, усугубляя: «Барклай не отличался глубоким умом и дальновидностью... не был богат идеями и комбинациями, не оценивал и не понимал сущности условий и обстановки войны 1812-го года» [52]. Вместо этой чепухи дурного толка (унизить одного, чтобы поднять другого), видно, что Барклай заблаговременно обдумывал стратегический маневр, взвешивая выгоды и невыгоды северного и южного движений. Наилучшим местом для его исполнения был Гжатск, а перед тем надлежало дать сражение, которое прояснит обстановку. Прибытие Кутузова лишило главнокомандующего 1-й армией таких возможностей. Разговоры о маневре возобновятся в Бородинской позиции и будут оборваны линейно отступающим «спасителем».

Положение армии при Царевом-Займище позволяло совершить боковое движение от Гжатска как на север (откуда прибыл из Петербурга через Торжок Кутузов), так и на юг, к Медыни и Калуге. Отступление к Бородину и Можайску снижало ценность и увеличивало риски маневра, ибо Москва оказывалась слишком близко, возникало опасение, что Наполеон все равно дотянется до нее, выделив для этой цели отдельный, летучий корпус. Предпринятый, в конце концов, так называемый Тарутинский фланговый марш-маневр уже ничего не мог изменить в печальной судьбе Москвы. Получается, возможность спасти столицу маневром утратил Кутузов. В прах рассыпается взгляд на Михаила Илларионовича как на непогрешимого стратега, и полководческий перевес опять остается за Барклаем, определившимся с местом сражения в пользу сохранения стратегических возможностей.

Итак, бытующее мнение, что Барклай де Толли спешил с выбором поля битвы, чтобы дать ее до прибытия в армию Кутузова, оказывается дилетантским. Тому существовали веские стратегические и оперативно-тактические соображения. Их-то Михаил Илларионович и опрокинул, рассчитывая лишь на дальнейшее изматывание врага и присоединение к себе находящихся за Москвой резервов. Но от Соловьевой переправы через Днепр до Бородина соотношение численности противоборствующих армий не менялось, и составляло примерно 1 к 1,15. То есть, уступка ценного стратегического пространства

свершалась даром! Указывая на эту ошибку, надо упомянуть, что Попов предполагал, что заблуждением нового главнокомандующего мог способствовать Ростопчин, всячески преувеличивавший военную силу, которую готова выставить Москва. Он исчислял ее более 80000 чел., чего, разумеется, не сбылось [53]. Если Кутузов поверил этим цифрам, то он попался на той же мякине, какую сам неоднократно «впаривал» царю. Однако, создавая Санкт-Петербургское ополчение, он не мог заблуждаться в численности и боевой ценности ополчения Московского. А вот использовать патриотическую эйфорию для обоснования своего решения отступить навстречу мифическим резервам — вполне.

Едва прибыв, Кутузов обнадежил встретившие его с восторгом войска восклицанием: *«Ну как можно отступить с такими молодцами!»* [54]. Враг находился в переходе от лагеря. Никто не сомневался в наступлении рокового часа. 18 (30) августа войска оставались на позиции, продолжая работы, которые новый главнокомандующий велел ускорить. Неожиданно для всех, так же, как это произошло под Рушуком, все изменилось. Кутузов с ходу оправдал отзыв о себе, отправленный 16 (28) августа Багратионом в адрес Ростопчина из лагеря русского арьергарда в Быкове перед Вязьмой: *«Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет к вам, как и Барклай... Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги»* [55]. Однако царю Багратион ничего подобного изложить не рискнул, сообщив, что *«приемлет с благоговением высочайшую В. И. В. волю»* [56]. Широкие полномочия Кутузова, каких не имел Барклай, и явное старшинство Михаила Илларионовича в чине заставили крикуна вспомнить о приличиях. Накал страстей в его последующих письмах заметно снижается.

Аналогичный отзыв принадлежит Н. Н. Раевскому: *«Переменив Барклая, который невеликий полководец, мы и тут потеряли»* [57]. Негативной была реакция Д. С. Дохтурова и М. А. Милорадовича, знавших Кутузова по прошлым кампаниям. М. Б. Барклай де Толли раздраженно объяснял отступление интригами и нежеланием Кутузова делить лавры будущего сражения. С ним соглашался М. А. Фонвизин: *«Кутузов, приняв начальство, только потому приказал армии отступить от Царево-Займища, что при этом селении превосходную позицию выбрал его предместник»* [58]. Колубакин гневно объявляет суждение Барклая *«унизительным»* и *«великодушно»* объясняет его

«страстями человеческими» [59]. Внезапность кутузовского приказа отступить подчеркивается в историях ряда полков (лейб-гвардии Семеновского и Литовского, 30-го драгунского Ингерманландского, 101-го Пермского пехотного и др.).

Конечно, яснее смотрится указание А. А. Щербинина на то, что Кутузов приказал отступить, узнав о негативном мнении К. Ф. Толя. Михаил Илларионович был подвержен мнениям давно знакомых и дружественных ему людей. Но, если недостатки были так очевидны, почему он в своем донесении царю даже не упомянул о выбранной Барклаем позиции? Кутузов докладывает о своем прибытии в Гжатск, рассуждает о невыгодном местоположении при Гжатске и намерении отступить от него, чтобы присоединить к армии московских ратников и «некоторые полки, сформированные князем Лобановым-Ростовским», после чего он будет в состоянии «для спасения Москвы отдаться на произвол сражения». Получается, — Барклай сам отступил до Гжатска! Та же неправда отписывается Тормасову: «Прибыв к армиям, нашел я их отступление у Гжатска» [60]. А полки Лобанова-Ростовского, формирующиеся во Владимирской и Нижегородской губерниях, Кутузов в тот же день 19 (31) августа предписал отправить к Москве! Следовательно, он знал, что они не успеют прибыть, и не мог надеяться на то, что сообщал императору. «Позади князя Кутузова, до Москвы, не было более регулярных войск» [61]. Что же можно подумать, видя такое?

Расхождению слов с делами полководца есть бездна свидетельств: «17-го августа в 11 часов утра в Гжатск приехал новый главнокомандующий князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов... в 3 часа дня он был уже в Царево-Займище» [62]. «Очень рады были Михаилу Илларионовичу Кутузову... подлинно хотел дать сражение в Царевом Займище, но нашел, что позиция невыгодна и отступил до Бородина» [63]. Будущий генерал от инфантерии Ф. Я. Миркович записал в своем дневнике: «Князь Кутузов объявил армии, что он сделает смотр в 8 часов утра, но к назначенному времени не прибыл, а в 12 часов мы получили приказание выступить в поход. В Царево-Займище вновь назначенный главнокомандующий нас пропустил мимо себя, и мы последовали в Гжатск» [64]. Журнал военных действий тоже подтверждает прибытие Кутузова в «лагерь обеих армий при Царево-Займище» [65]. Попробовал бы кто-то из генералов 1941 года подобным образом скрыть отступление на 12 верст к Москве! Кто не ездил из Гжатска к армии, — это Беннигсен, ожидавший от Кутузова обещанного назначения, а потому оставшийся жить в городе. Впрочем, Михаил Илларионович, сибя-

ритствуя, вернулся ночевать туда же, и только это дает ему некоторое литературное, но не военное основание описывать отступление своих войск «у Гжатска» [66].

В последующих рапортах и донесениях Кутузов всячески сгущает краски о состоянии принятой им армии: *«Всемиловивейший государь! Прибыв к армии, нашел я оную в полном отступлении, и после кровопролитных дел, в Смоленске бывших, полки весьма некомплектными»*. Он пишет, что *«число мародеров весьма умножилось, так что вчера полковник и адъютант его императорского величества Шульгин собрал их до 2000 человек»* [67]. Поскольку описанная облава происходила в Гжатске, мы понимаем, что «радатель», изображая бурную деятельность, задержал отпущенных и направленных командирами в город исправных солдат. В этом можно убедиться, читая приказ Барклая де Толли от 17 (29) августа 1812 года № 84 с выговорами генерал-лейтенантам Олсуфьеву и Капцевичу: *«Господа генералы берут большие караулы к себе и к обозам своим, отпускают их уже по выступлению войск, что лично главнокомандующим (Кутузовым) найдено у г. генерал-лейтенанта Капцевича, отчего они умножают число отсталых и делают беспорядки в движениях»*. Неуставной вид военнослужащих определялся приказом Барклая № 60 от 8 июля 1812 года: *«Предписывается в жаркое время на марше нижним чинам галстуки снимать, мундиры расстегивать... несколько манерок с водою можно иметь в руках»* [68].

Богданович замечает: *«Сколько можно судить из прочих сведений о тогдашнем состоянии русских войск, донесение главнокомандующего, написанное вскоре по его прибытии в армию... содержало в себе некоторые преувеличенные показания»*. Современники считали состояние русской армии *«поразительным примером порядка, дисциплины и твердости духа»* [69]. М. А. Фонвизин и С. И. Маевский называют кутузовские донесения *«клеветой на армию Барклая»* и *«недостойными происками»* [70, 71]. Этот несложный прием — при помощи показных «громов и молний» дать понять предыдущему начальнику, что он работал плохо, а вышестоящему командованию — какое тяжкое наследство досталось новому порученцу, встречается в армии поныне. Такое поведение новоиспеченных командиров уважением не пользуется. Очаг настоящего мародерства находился в Вязьме, оставленной русскими и обойденной французами. Вот куда бы Михаилу Илларионовичу обратить свои таланты, рейдом смутив и придержав врага, но он поступил наоборот: использовал отступление арьергарда от Вязьмы для оправдания приказа на отход всей армии [72].

Частным образом Кутузов отписывает совсем другие впечатления: «Армия в полном духе... Дух в армии чрезвычайной, хороших генералов весьма много». В адрес Ростопчина он раздражается отдельным письмом о пресечении провокационных слухов о состоянии русской армии, в постскриптуме к которому приписал: «Прошу Ваше сиятельство уверить всех московских жителей моими сединами, что еще не было ни одного сражения с передовыми войсками, где бы наши не удерживали бы поверхности, а что не доходило до главного сражения, то сие зависело от нас, главнокомандующих» [73]. В общем и целом, Михаил Илларионович, как давно привык, говорил одним одно, другим — другое, после чего, убедившись в имеющемся у него кредите доверия, совершал третье.

Следует полагать, что новый главнокомандующий не хотел давать сражения, не зная деталей обстановки. Вследствие неучастия в войне 4-й коалиции, знания Кутузова о французском противнике требовали пополнения. Беспокоила Михаила Илларионовича и выгодная, но приоткрытая позиция «западни для Наполеона», избранная Баркляем, против которой у него не имелось доводов, но были опасения. Наряду с Паскевичем такая мысль была высказана А. И. Хатовым, в 1824–1825 гг. исполнявшим должность генерал-квартирмейстера главного штаба и начальника корпуса топографов: «Однакож позиция при Царевом-Займище показалась ему слишком открытою и следовательно выгодною для действия весьма многочисленной кавалерии Наполеона» [74]. Имея опыт некоторого потрясения от фланговой атаки турецкой кавалерии под Рушукком, главноком предпочел бы глухую позицию во избежание любого маневра французов.

Памятуя правило, что для поиска мотивов действий военачальника надо искать не одни только политические и психологические, но прямые военные причины, следует упомянуть мнение, давным-давно высказанное С. А. Бондыревым, вслед за Поликарповым описавшим арьергардные бои русской армии по пути от Смоленска к Бородину. Оно состоит в том, что французы наступали к Цареву-Займищу широко, по трем дорогам, «по фронту 35 верст» и выказали «свое намерение обойти наш левый фланг», каковое Бондырев обосновывает стычками арьергардного отряда графа Сиверса и казаков генерала Карпова 2-го с передовыми частями противника на подступах к с. Покровское (Покров), которые «предупредили кн. Кутузова об опасности» [75]. Действительно, после Смоленского сражения в русской армии бытовали завышенные опасения о маневренных воз-

можностях Наполеона. Но карта показывает, что если такие непроверенные данные стали причиной русского отступления, оно было преждевременным. Из района Покрова враг не мог упредить Кутузова на пути к Гжатску. Вкупе с известной установкой Бонапарта на генеральное сражение это позволяет квалифицировать данную мотивацию как ошибочную. Увы, это не значит, что она не имела места в действительности.

К тому же Кутузов понимал, что обеспечение наполеоновской армии продолжало ухудшаться, и не видел зла в том, чтобы отступить дальше и потянуть время дольше. Он еще до прибытия к армии думал о Можайском рубеже перед Москвой, точно так же, как в 1811 году до приезда в Бухарест пришел к намерению отступить за Дунай. Колобакин подмечает: *«Весьма характерно, что уже 10-го Кутузов указывает таковое (место сражения) вблизи Можайска»* [76, 77]. На этом же моменте особо останавливается Жилин. Историки думают — это похвала, но это свидетельство фиксации мысли полководца и подтверждение лукавства в речении Кутузова о Смоленске, как ключе от Москвы. Какой ключ, если еще до известия о его сдаче мысль главнокомандующего уже направлена на Можайск? Советуя своей дочери А. М. Хитрово уехать из Тарусы (безопасность этого района нельзя было обеспечить от Можайска), Михаил Илларионович пишет: *«Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все сказанное мною было сохранено в глубочайшей тайне, ибо если это получит огласку, вы мне сильно навредите»* [78].

Где-то у Можайска М. И. Кутузов надеялся отразить Наполеона. Но сомнения о Москве уже мучают генерала, начавшего высказываться о древней столице с необычайной частотой. Графиня Р. С. Эделинг пишет: *«Прощаясь с царем, генерал Кутузов уверял его, что он скорее ляжет костьми, чем допустит неприятеля к Москве (это его собственное выражение)»* [79]. В день своего прибытия в Царево-Займище Михаил Илларионович написал Ф. В. Ростопчину: *«По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»*. Отдав 18 (30) августа приказ об отступлении, главноком письменно заверил Н. И. Салтыкова в том, что он сразится с Наполеоном *«для спасения Москвы»*, повторяя написанное им накануне лично Александру I. О том же 20 августа отписано было П. В. Чичагову: *«Настоящий мой предмет есть спасение Москвы»*. Уже с Бородинского поля герой вновь строит Московскому генерал-губернатору: *«Теперь, намереваясь... дать генеральное сражение и решительное для спасения Москвы»*. *«Ежели*

буду побежден, то пойду к Москве, и там буду оборонять столицу» [80]. 24 августа начальник Московского ополчения И. И. Марков передал Ростопичну очередное речение главкома: *«Нельзя его (Бонапарта) пустить до Москвы. Пусть его туда, вся Россия будет его»* [81].

По всему видно, что сражение перед Москвой Михаил Илларионович считал неизбежным, понимая, что сдача Москвы без боя отправит его в политическое небытие. Но серьезный упрек должен быть послан главнокомандующему в том, что перспективу сражения он обдумывал, прежде всего, с точки зрения растущих затруднений Наполеона и собственных рисков, что не лучшим образом повлияло на выбор места битвы. Барклай думал о стратегии, тактике и рубежах, а Кутузов о том, что будет с ним завтра. Это огромная отрицательная разница. В уже цитированном письме Кутузова к Ростопичну от 17 (29) августа есть знаковая оговорка: *«Не решен еще вопрос, что важнее, — потерять ли армию или потерять Москву»* [82]. Неправильная форма высказывания не оставляет все же сомнения в том, что сражение с Наполеоном Михаил Илларионович считал чреватым разгромом по подобию Аустерлица, и под маской решимости допускал возможность оставить столицу. Одним из первых это подметил Н. Ф. Дубровин [83]. Вот на что должен был смотреть Московский губернатор, вместо того, чтобы надеяться на «старого орла».

Ничто не помешало Кутузову в ночь на 20 августа (1 сентября) оставить Гжатскую позицию, на которой армия весь день 19-го числа вела укрепительные работы. *«Мы остались целый день на местах. В полку было получено приказание встретить кн. Кутузова, который хотел объехать войска, но он успел объехать только бивуак пехоты»* [84]. Итак, дурное состояние армии Михаил Илларионович заметил и жалостно описал царю, не оглядев конницу, которая должна была находиться под его пристальным вниманием, ибо в этом роде войск Наполеон имел перевес? На каком же основании он оставил второй подряд выгодный рубеж? На этот раз главком склонился к мнению Беннигсена. Безуспешно апеллировав к Кутузову, Барклай язвительно отозвался об амбициях и способностях Леонтия Леонтьевича, утверждавшего, что заметил несколько хороших мест для боя между Гжатском и Можайском: *«Но последствие доказало, что он сие дурно замечал, ибо армии скитались как сыны Израиля в степях аравийских, от места до места без малейшего устройства, доколе судьба не привела их в позицию при Бородине»* [85]. Тут видно, как плохо сказался популистский приказ Кутузова о возвращении офицеров, посланных для

осмотра края. Конечно, отказавшись драться при Царевом-Займище и Гжатске, он опять послал на разведку местности группу во главе с Толем, но время для тщательной разведки было упущено.

Обнаруженные Кутузовым и Беннигсеном недостатки Гжатской позиции не помешали арьегардам генералов П. П. Коновницына и К. А. Крейца выдержать на ней упорный бой против войск маршала Даву, продолжавшийся с 7 часов утра до 8 часов вечера 20 августа. Тем самым русская армия получила возможность оторваться от неприятеля [86, 87]. В дальнейшем новый главком продолжал использовать усиленный его предшественником арьегард для того, чтобы обезопасить свой отступательный марш и удерживать расстояние между французскими авангардами и русской армией, которая получила возможность двигаться спокойно, с привалами, чему многие были довольны [88]. Армейские низы считали, что Кутузов ищет место для сражения, и не их ума было дело, как далеко оно должно располагаться от Москвы, чтобы гарантировать столицу. При такой методе заслуживает определенного внимания точка зрения Н. П. Поликарпова, считавшего, что не специальный выбор позиции для битвы, а совокупность арьегардных боев, в ходе которых Наполеон снова догнал русскую армию, *«неизбежно создала «генеральное» (решительное) сражение 26 августа 1812 года при селе Бородине»* [89].

Московский военный губернатор и главнокомандующий Ростопчин, безумно довольный от осуществления своих ура-патриотических надежд на не знакомого им Кутузова, 18 (30) августа распространил в Москве объявление. В нем он порицал выезд граждан из города и утверждал: *«Я жизнью отвечаю, что злодей в Москве не будет, и вот почему: в армиях 130 тысяч войска славного, 1800 пушек и светлейший князь Кутузов, истинно государев избранный воевода русских сил и надо всеми начальник»*. В тот же день Ростопчин приказал магистрату, чтобы он *«людям купеческого и мещанского сословия не давал уже паспортов о выезде их из Москвы, кроме жен их и малолетних детей»* [90]. Эвакуационные мероприятия, и без того поздно начатые, приостанавливались.

Поистине, первыми, кого жестоко обманул Кутузов, были не Наполеон и французы, а тащившие на себе его карету вместо лошадей жители Гжатска, Ростопчин и москвичи. Учитывая медленный оборот гужевого и речного транспорта Москвы, популизмом заниматься не следовало. Кутузов был обязан незамедлительно, под благовидным предлогом, изобретать которые он был мастер, правильно ориенти-

ровать столичные власти. Но «спасителя», охранявшего свое раздутое реноме, подобные вещи не интересовали. Советов Ростопчину он давать не собирался, а только лишь поэксплуатировать в свою пользу ресурсы огромного города. Вскоре полководец перечеркнет все свои заверения и клятвы сединами, показав всю фальшь отношения к «настоящему предмету».

Какая каша прела в головах москвичей, показывают августовские письма А. Я. Булгакова: *«Бабы мужского и женского полу убралась, голову потеряли... слыша, что Смоленск занят французами... Багратион с двумя дивизиями шесть раз прогонял 100 т. из Смоленска, убил 20 т. у неприятеля и сделал 7000 пленных... весь народ в радости от назначения Кутузова главнокомандующим обеими армиями, куда послал он уже свое приказание, а сам он ожидаем сегодня сюда проездом в армию. Он все поправит и спасет Москву. Барклай — туфля... с самой Вильны он все пакостит только... Я поклянусь, что Бонапарте не видать Москвы»*. Вскоре Булгаковым кропается очередной вздор: *«Барклай наконец свалился. Этот человек недостойн был командовать русскими. Кутузов... 15-го прибыл уже в армию в Вязьму и дал солдатам тотчас праздник, о коем начинали уже не помнить: он повел их тотчас вперед 40 верст. Одно его появление была уже победа»*. Ростопчин тоже купался в общественном внимании: *«Граф сделался в Москве предметом всеобщего обожания»*. Наконец, в конце октября последовал отрезвленный булгаковский плач: *«Я тебе пишу из Москвы или, лучше сказать, среди развалин ее. Нельзя смотреть без слез, без содрогания сердца на опустошенную, сожженную нашу золотоглавую мать»* [91]. Кто тянул этого человека и многих, многих других за язык, распространять слухи и клясться, что Бонапарту не видать Москвы? Почему спал его ум? Чем провинились люди, жившие рядом с подобными слепцами, любившие Москву и Россию не меньше их? Если поразмыслить, у нового главкома не было победной репутации. Например, Н. Н. Муравьев отмечал: *«Кутузов был человек умный, но хитрый; говорили также, что он не принадлежал к числу искуснейших полководцев»* [92]. Но трескучи, охватившие скорой ура-патриотической надеждой, отрицали любую основательную мысль.

Всякая стратегия имеет пределы по человеческой и материальной цене. Когда слишком большой материальный и военно-политический приз мог достаться Наполеону, Кутузову не стоило продолжать идти «дорогой Барклая», тем более, что сам Барклай посчитал выгоды отступления исчерпанными. Военная наука того времени уже

пришла к выводу: «Уклонение от боя не может быть постоянной целью обороняющегося», и советовала «остановку на месте, в том случае, когда... находятся крепкие позиции», а депо обеспечены [93]. Москва как раз была таким важнейшим депо, безопасность которого должна была обеспечить избранная позиция при любом исходе сражения на ней. Бородинская позиция этому условию не удовлетворяла. Образ действий надо было менять, но был ли Кутузов способен на это? При всех его дипломатических и политических дарованиях, следует ответить — нет! Тактическая слабость вкупе с властностью, упрямством и острым чувством соперничества лишали его инициативы и не давали слушать советов. В тезисе «сохраним армию, — сохраним Россию», под флером истины скрывалось неверие в свои силы. При любом исходе битв под Москвой, никуда не исчезали войска Чичагова, Торماسова, Витгенштейна и отдельные корпуса, да и Главную армию французы не могли истребить поголовно, так что без армии Россия остаться не могла.

Как в 1805 году Кутузов стоял за Вейротером, в 1811 — на плечах Каменского, так и в 1812 он воспользовался лишь тем, что создал Барклай. Видя это, немногие настороженные офицеры решили, что «сдача Москвы уже была решена на нашем военном совете» [94]. Только на сей раз Кутузов ни на минуту не выпускал бразды руководства армией из рук. Арьергарду было приказано докладывать о боях и событиях на стороне противника непосредственно Беннигсену, который на короткое время стал не разлей вода с Михаилом Илларионовичем. Дабы прекратить споры о позициях и дорогах, главнокомандующий лишил штабы армий квартирмейстерских офицеров, пионеров и понтонеров, определив эти службы при себе. Он устроил кадровую аномалию, которую хорошо описал П. А. Гейсман. Генерал-квартирмейстером был назначен генерал-майор М. С. Вистицкий 2-й «как бы в виде уступки Барклаю», но Кутузов приказал «обиженному» полковнику К. Ф. Толю вернуться в армию, и поставил его при себе. Вистицкий «совершенно стухался» и командовать службой начал формально подчиненный ему Толь [95]. Работа квартирмейстеров сразу же оплошала, что выразилось в совершении ряда позиционных и маршрутных ошибок, ухудшении состояния дорог, по которым двигалась армия, зато у главнокомандующего всегда имелись под рукой не выполнившие своих обязанностей или превысившие полномочия виноватые, на которых можно было «навесить собак» при плохом обороте дел. Таким же стало положение главного армейского дежурства, — через голову дежурного

генерала распоряжались доверенные лица главкома. Им досталась реальная власть, а генералу огромный документооборот.

«Нововведение» управлять армией через своих людей, всячески умаляя власть командующих 1-й и 2-й армиями с их штабами, чем особенно раздражался Барклай, к области военных знаний вообще не относится. *«Трудно было исследовать, кто в точности начальствовал, ибо очевидно было, что князь носил только имя, под коим действовали его сообщники. Сие устройство дел возбудило партии, а от оных произошли происки. Сильнейшая партия... принадлежала князю Кудашеву. Хотя армия не имела главного сведения о присоединении его к обществу начальствующих, но в качестве зятя князя Кутузова сохранял он первенство над прочими»* [96]. Тут видится действие полковничьих и генеральских обычаев, усвоенных Кутузовым в екатерининские времена, когда каждый крупный командир создавал себе «свиту» лиц, по службе постоянно тянувшихся за своим начальником и благодетелем. Это хорошо прослеживается для Толя, в 1809 году покинувшего Дунайскую армию переводом вслед за Кутузовым в Литву, отправленного из 1-й армии Барклаем, но тут же вернувшегося, чтобы занять видное место при Михаиле Илларионовиче. Лишне объяснять, почему прилипалы не утруждались хорошим исполнением обязанностей при других командующих, им не покровительствующих [97].

О таком положении дел историки упоминают, живописуя стояние армии в Тарутинском лагере. Барклай отмечает возникновение неуставного порядка сразу же, и мы понимаем — так оно и было! Щербинин, при всем пиетете к Михаилу Илларионовичу, сказал: *«Кутузов, как генерал старой школы, не довольно изучил так называемую у нас Желтую Книжку, содержащую учреждение действующей армии»* [98]. Изучая документы эпохи надо сказать больше: Кутузов не знал ни «Учреждения», ни «Общего опыта тактики», изданного по высочайшему повелению двумя частями в 1807 и 1810 гг. с учетом новелл французской военной школы. С «опытом» сообразовывался Барклай, строя войска при Царевом Займище, но не его преемник, занимая позицию при Бородине [99].

Если говорить о такой новелле военного дела, как партизанская война, то не один Кутузов, и не первым, как ошибочно полагают, создавал партизанские отряды. Как указывал Поликарпов, вопросы «малых предприятий» были проработаны при военном министре Барклае де Толли. Это были отнюдь не отряды из разных слоев оккупированного населения и отставших солдат, известные нам по Вели-

кой Отечественной войне XX века, а войсковые летучие отряды или «партии». В зоне русской юрисдикции несанкционированные отряды поначалу преследовались как мародерские. Вопреки феодальному обычаю Барклай первым начал инструктировать армейских партизан: *«Да присоединятся верные сыны России к войскам нашим... Именем Отечества просите обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженною рукою напасть на уединенные части неприятельских войск, где оных увидят»* [100].

7 (19) июля *«отряжен был из Полоцка Сумского гусарского полка майор Самарин в Бешенковичи с частью гусар и казаков... встретил эскадрон конных егерей... и, напав ночью на сей эскадрон, вовсе оный истребил и нескольких взял в плен»*. Утром 10 (22) июля майор Самарин был принужден отступить на правый берег Двины, но следующей ночью опять переправился через нее вброд, и разбил еще один вражеский эскадрон [101]. В том же донесении Барклая де Толли государю императору упоминаются другие партии от 6-го корпуса Дохтурова.

Одним из пионеров партизанской войны был комендант Динабургской крепости генерал-майор Г. П. Уланов. В ночь с 9 на 10 июля он послал в тыл неприятелю отряд из 40 гусар и 15 казаков при двух обер-офицерах. Они *«за местечком Езеросами напали на отряд французских войск, состоявший под командой одного подполковника... в плен взято 61 человек, с нашей стороны убит 1 гусар и 2 раненых, французов же на месте убито 2 офицера и до 50 человек нижних чинов, а остальные... спаслись бегством»*. Подобные отряды высылались из Бобруйской крепости генерал-майором Г. А. Игнатьевым. 15 (27) июля там одержали свои победы партии майора Левандовского и есаула Маушкина [102].

Первый постоянный (на всю войну) летучий партизанский отряд был создан в Главной русской армии М. Б. Барклаем де Толли под командованием генерал-майора Ф. Ф. Винценгероде 21 июля (2 августа) 1812 года. Как указывает Михайловский-Данилевский: *«Прежде Смоленского сражения Винцингероде отправлен был к Поречью и Велижу для поисков над неприятелем, извещения об его движениях и содержания сообщений с графом Витгенштейном»*. К разъездам этого отряда, перешедшего вслед за армиями в Смоленскую губернию, *«присоединились жители, и вместе с казаками нападали на неприятелей»* [103], придавая этим новый размах партизанской войне. Действия Винценгероде и вооруженных с его одобрения крестьян, начавших под командой

нескольких помещиков и исправников *«систематично и искусно действовать против общего врага»* описаны А. Х. Бенкендорфом [104] и С. Г. Волконским [105]. В разное время изучением истории образования и действий этого отряда, к концу войны превратившегося в отдельный корпус войск, занимались Н. П. Поликарпов и Н. А. Троицкий [106].

Малоизвестно, что Барклай поручил А. П. Ермолову составить легкий отряд под командованием генерал-майора И. Е. Шевича с участием казаков генерал-майора И. К. Краснова, ранее ведших партизанские действия под Поречьем [107]. Это был первый опыт «смеси войск» и Ермолову пришлось преодолевать сопротивление генерала атамана М. И. Платова [108]. Этот второй создаваемый штабом Барклая постоянный партизанский отряд не начал действия в связи с переменой командования русской армией и смертью 24 августа генерала Краснова. Возможно, частью этого отряда — успевшим отправиться в путь авангардом, был небольшой отряд подполковника барона Дибича 1-го (брата И. И. Дибича), действовавший с 14 (26) августа 1812 года в Смоленской губернии. В его состав, помимо отставших от армии воинских чинов и местных добровольцев, входили казаки генерала Краснова и 6-й резервный эскадрон Оренбургского драгунского полка. В рапорте Барклая от 1 июля 1815 года № 1208 говорится: *«Отряд сей действительно с пользою употреблен был во время отступления армии от Смоленска до Москвы»* [109]. Дибич 1-й действовал в глубоком тылу врага, разбойничая в деревнях, если на пропитание и обогрев не хватало отнятого у французов, и особенно «отличившись» в городе Белом, о чем свидетельствует расследование, проведенное по указанию П. М. Волконского и замятое Александром I [110]. Часть переписки по этому вопросу была опубликована Н. Ф. Дубровиным.

Опередил Михаила Илларионовича в создании партизанских отрядов и штаб П. Х. Витгенштейна, начавший отделять партии для нападения на отдельные французские подразделения сразу после отступления 1-го пехотного корпуса за Двину. Еще 10 (22) июля Петр Христианович сообщил Барклаю: *«Намерен я с некоторой частью переправиться через Двину... дабы напасть на тыл неприятельских колонн, воспользоваться беспорядком оных»* [111]. Если первые партии корпуса не признавались историками за партизанские, то лишь потому, что их возглавлял начальник корпусного авангарда генерал Я. П. Кульнев, и проводимые им за Двиной нападения трактовались как бои авангарда. В истории 14-го уланского Ямбургского полка днем начала малой

войны на Двине с высылкой особых летучих отрядов называется 11 (23) августа [112]. Чуть позже, 20 августа в корпусе Витгенштейна был собран и на следующий день отправился в поход отряд полковника М. И. Родионова 2-го. Не смотря на малость сил корпуса по сравнению с Главной армией, отряд был образован в составе казачьего полка и трех приданных эскадронов, что позволило Родионову сразу приступить к действиям. Уже 22 августа он разбил один из французских маршевых батальонов и эскадрон вражеского 7-го конно-егерского полка [113].

Партизанские отряды корпуса Витгенштейна перечисляет генерал А. А. Писарев: *«Отряды казачьего полковника Родионова, подполковника Непейцына, майора Буткевича, сотника Студеникина, поручика Паренсова, есаула Попова действовали отдельно храбро и удачно по уездам Городецком и Полоцком. Полковник Бедряга, есаул Гнутов и поручик Апсеитов Изюмского гусарского полка с отрядами казаков не раз переплывали реку Двину для удачного поиска неприятелей»* [114]. С 26 августа (7 сентября) ведут начало своих боевых дел партизаны 3-й Западной армии А. П. Торماسова, в успешном поиске за рекой Стырь захватившие неприятельскую квартирмейстерскую команду [115].

Смена главнокомандования не ускорила, а на некоторое время затормозила формирование партизанских отрядов. К отправке в рейд по тылам противника отряда подполковника Д. В. Давыдова Кутузов поначалу отнесся настороженно. Перед Бородинской баталией, вечером 22 августа (3 сентября) он одобряет предприятие, но по своему ретроградному характеру определяет его в мизерном составе: *«Светлейший согласился послать для пробы одну партию в тыл французской армии, но, пролагая успех предприятия сего сомнительным, определяет на оное только 50 гусар и 80 казаков»*. Давыдов возражал, что *«для пользы людей мало»* и просил, чтобы ему дали 1000 казаков. На это представлявший его перед главнокомандующим князь Багратион ответил: *«Он более не дает! Я не понимаю опасений светлейшего. Стоит ли торговаться из-за нескольких сотен человек, когда... в случае удачи, он может лишить неприятеля подвозов, столь ему необходимых... Я бы дал тебе с первого разу 3000, ибо не люблю ошупью дела делать, но об этом нечего и говорить; князь сам назначил силу партии; надо повиноваться»* [116].

Продуктивность идеи Кутузов осознал позже, по пути в Тарутино. Не будь этого промедления, по признанию Брандта, русские уже под Москвой *«могли бы наделать нам много вреда»* малой войной [117].

Советская же традиция исследования партизанского вопроса опирается на неверное мнение Бутурлина, изложенное в начале второго тома его «Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году» [118]. Оно лишь по видимости подкреплено тем, что не Винценгероде, и не кто-либо из партизан Двинской и 3-й Западной армий, а Давыдов стал известным писателем и теоретиком партизанской войны, в то время как он является не первым, а «одним из знаменитых наших партизан» [119]. Вообще же, царская военная наука к родоначальникам партизанского образа действий причисляла Суворова с его действиями малых отрядов в Польше.

Прокламации к крестьянам и горожанам с призывами противостоять захватчикам и создавать собственные отряды, также создавались при штабе Баркляя де Толли [120] и московским градоначальником Ростопчиным. Определенную роль играли церковные воззвания, вроде упоминаемого Михайловским-Данилевским «увещания» к смолянам Калужского епископа [121]. Патриотическая русская публицистика периода Отечественной войны рассматривается в исследовании А. Г. Тартаковского «Военная публицистика 1812 года», увидевшем свет в 1967 году. Посему, попытки определить Кутузова в качестве первого и главного организатора народной войны оказываются такими же несостоятельными, как в прочих аспектах военного дела. Еще И. П. Липранди при разборе сочинений Михайловского-Данилевского, отметил: *«Рассматривая со вниманием это повествование, и отбросив к стати и некстати, разбросанные фразы в похвалу Светлейшего — обнаженный текст, конечно, без всякого намерения автора, показывает противное, и усилия его поставить князя Кутузова на первый план — безуспешны»* [122]. Далее Липранди говорит, что панегирические сочинения дают лишь повод клеветать на фельдмаршала и Отечественную войну.

Короткий период от прибытия Кутузова к армии 17 (29) августа 1812 года до ее остановки у Бородина достаточно полно, хотя и без должных выводов, описан в царской историографии. Туманя картину, поверху лег мутный лак советской апологетики, решавшей собственные идеологические задачи. Дальнейшие грандиозные события затмили собой эти семь внешне непримечательных дней, в которых сокрыты перемены стиля и приемов командования. Наполеон понял, что его надежды кормить свою армию за счет оккупированных территорий, удерживаясь в Смоленске до лета 1813 года, — несбыточны. Зимние квартиры на Двине и Днепре не позволят защититься от рус-

ских нападений [123]. Надлежало или отступить в Польшу, или идти вперед, усиливая нажим на царя. Из чванства и авантюризма Бонапарт пошел на Москву.

1. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 204.
2. Харкевич В. И. *Барклай-де-Толли... после соед. армий под Смоленском*. СПб., 1904. С. 20–21.
3. Попов А. Н. *Москва в 1812 г. М., 1875. С. 157–158.*
4. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 202. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенищев-Кутузов Смол. С. 37.
5. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 113.* С. 96–97.
6. Там же. Док. № 103, 104 с ком. С. 88–89.
7. Щербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 211.*
8. Колобакин Б. М. *Последние дни команд. Барклаем 1-й и 2-й Зап. армиями // Рус. Старина. 1912. № 6. С. 471–474.*
9. Колобакин Б. М. *Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. I // Тр. ИРВИО. СПб, 1912. Т. V. С. 257.*
10. *Замеч. на офиц. известия из армии 27 авг. // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 216–217.*
11. *Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 14.*
12. *Харкевич В. И. Барклай-де-Толли... после соед. армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 23.*
13. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 126.*
14. *Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 183. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 75.*
15. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Прил. 12. С. 475.*
16. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVI. С. 78–79.*
17. *Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 13–14.*
18. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 102. С. 87–88.*
19. *Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 182. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 73–74.*
20. *Там же. Изд. 1. С. 182. Изд. 2. С. 73, 165.*
21. *Бутурлин Д. П. Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1823. Ч. 1. С. 244.*
22. *Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 65.*

23. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 92. С. 102.
24. Ростопчин Ф. В. *Письма к имп. Александру Павловичу в 1812 г.* // *Рус. Архив.* 1892. № 8. С. 444.
25. *Истор. Отеч. войны 1812 г.* // *Воен. сб.* 1860. № 5–6. Отд. неофиц. С. 470–471.
26. Фонвизин М. А. *Записки. Лейпциг, 1859.* С. 113.
27. Петров М. М. *Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова // 1812 г. Воспоминания воинов рус. армии.* М., 1991. С. 188.
28. Троицкий А. Н. *Фельдм. Кутузов: Мифы и факты.* М., 2002. С. 157.
29. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 141–143, 176–177, 180–181. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г.* Брюс.-Лондон, 1863. С. 32–34, 67–68, 72.
30. Граббе П. Х. *Из пам. записок. Отеч. война.* М., 1873. С. 66–67.
31. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина.* 1900. № 12, с. С. 561–562.
32. Щербачев Ю. Н. *Отрывочные заметки и письма, кас. Отеч. войны.* М., б. г. С. 3.
33. Паскевич И. Ф. *Походные записки 1837–1838 гг. // 1812 г. в воспоминаниях соврем.* М., 1995. С. 98–99.
34. Бродский Г. Е. *Позиция рус. армий у с. Царево-Займище 17–18 авг. 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы.* Бородино. 2017. С. 191–192.
35. *Там же.* С. 192–193, 195.
36. Колобакин Б. М. *Последние дни команд. Барклаем 1-й и 2-й Зап. армиями // Рус. Старина.* 1912. № 6. С. 473.
37. Поибюск Л. Г. *Письма о войне в Рос.* 1833. С. 67.
38. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф.* // *Воен. сб.* 1870. № 3. Отд. I. С. 9–10.
39. Фонвизин М. А. *Барклай де Толли и Отеч. война 1812 г. // Рус. Старина.* 1912. № 12. С. 634.
40. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос.* М., 1968. С. 104.
41. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 119–120, 126.
42. Поликарпов Н. П. *К истор. Отеч. войны 1812 г.* М., 1911. Вып. I. С. 6.
43. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1823. Ч. I. С. 248.
44. *Истор. Отеч. войны 1812 г.* // *Воен. сб.* 1860. № 5–6. Отд. неофиц. С. 469–470.
45. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. с. 148–153.
46. Колобакин Б. М. *Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят.* // *Рус. Старина.* 1912. № 7. С. 29–30.

47. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона*. СПб., 1823. Ч. 1. С. 251.
48. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 75.
49. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 148. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон*, 1863. С. 39.
50. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина*. 1900. № 11. С. 360.
51. Фонвизин М. А. *Барклай де Толли и Отеч. война 1812 г. // Рус. Старина*. 1912. № 12. С. 646.
52. Колобакин Б. М. *Последние дни команд. Барклаем 1-й и 2-й Зап. армиями // Рус. Старина*. 1912. № 6. С. 475.
53. Попов А. Н. *Москва в 1812 г.* М., 1875. С. 159–160.
54. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 125.
55. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН*. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 91. С. 101.
56. Попов А. Н. *Москва в 1812 г.* М., 1875. С. 156.
57. Раевский Н. Н. *Личные письма // 1812–1814.* М., 1992. С. 218, 226.
58. Фонвизин М. А. *Записки. Лейпциг*, 1859. С. 113.
59. Колобакин Б. М. *Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят. // Рус. Старина*. 1912. № 7. С. 17.
60. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 113, 130. С. 96–97, 111.
61. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 209.
62. Петухов В. В. *Бои под Вязьмой в связи с общ. обзором Отеч. войны. Вязьма*, 1912. С. 39.
63. Андреев Н. И. *Воспоминания // Рус. Архив*. 1879. № 10. С. 189–190.
64. Миркович Ф. Я. *1812-й год. Из дневника конногвард. офицера // Рус. Архив*. 1888. № 2. С. 230.
65. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 121. С. 105.
66. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев*, 1912. С. 71.
67. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 113, 157. С. 96, 129–130.
68. *К истории 1812 г. Приказы Барклая де Толли // Рус. Архив*. 1904. № 2. С. 311, 314.
69. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 127–128.
70. Фонвизин М. А. *Барклай де Толли и Отеч. война 1812 г. // Рус. Старина*. 1912. № 12. С. 635.
71. Маевский С. И. *Мой век или истор. ген. Маевского // Рус. Старина*. 1873. № 8. С. 158–159.
72. Петухов В. В. *Бои под Вязьмой в связи с общ. обзором Отеч. войны. Вязьма*, 1912. С. 36, 40.

73. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Там же. Док. № 125, 155, прил. к док. № 143. С. 108, 120–121, 127.
74. Хатов А. И. Бой при редуте Шевардинском. СПб., 1839. С. 2.
75. Бондырев С. А. Очерк участия Киевских драгун в Отеч. войне 1812 г. Васильков, 1912. С. 17–18.
76. Колоубакин Б. М. Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят. // Рус. Старина. 1912. № 7. С. 22.
77. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 132–136. С. 113–115.
78. Там же. Док. № 126. С. 109.
79. Эделинг Р. С. Из записок // Рус. Архив. 1887. № 1. С. 217.
80. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 105, 113, 123, 131, 143 с прил. к нему, 152. С. 90, 97, 106, 113, 119–120, 126.
81. Народное ополчение в Отеч. войне 1812 г: Сб. док. М., 1962. Док. № 55. С. 71.
82. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 105. С. 90.
83. Дубровин Н. Ф. Москва и гр. Ростопчин в 1812 г. // Воен. сб. 1863. № 7–8. Отд. неофиц. С. 457.
84. Миркович Ф. Я. 1812-й год. Из дневника конногвард. офицера // Рус. Архив. 1888. № 2. С. 230.
85. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 15.
86. Петухов В. В. Бои под Вязьмой в связи с общим обзором Отеч. войны 1812 г. Вязьма, 1912. С. 40.
83. Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедн. Отеч. войны // Тр. Моск. отд. ИРВНО. М., 1913. Т. IV. С. 450–456.
88. Митаревский Н. Е. Нашествие неприятеля на Рос. М., 1878. С. 50.
89. Поликарпов Н. П. К истор. Отеч. войны 1812 г. Вып. II. М., 1911. С. 3.
90. Бестужев-Рюмин А. Д. Записки о Москве 1812 г. // Рус. Архив. 1896. № 7. С. 353–354.
91. Булгаков А. Я. Из писем к брату. 1812 г. // Рус. Архив. 1900. № 5. С. 32–34.
92. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 244.
93. Леер Г. А. Воен. дело в XVIII в. // Воен. сб. 1864. № 11. Отд. неофиц. С. 30–31.
94. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 246, 247.
95. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 673–674.
96. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 16.
97. Шербатов А. П. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 17–18, 39.
98. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 214.
99. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1903. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Уставы и наставления. С. 209–211.
100. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 158.

101. Там же. СПб., 1910. Т. XIV. С. 105.
102. Там же. С. 102–103, 156.
103. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 147, 149.*
104. Бенкендорф А. Х. *Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 73–85.*
105. Волконский С. Г. *Записки. СПб., 1901. С. 172–178.*
106. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 154.*
107. Писарев А. А. *Воен. письма. М., 1817. С. 32.*
108. Давыдов Д. В. *Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. I. С. 16–17.*
109. Поликарпов Н. П. *Неведомый и неуловимый рус. партиз. отряд 1812 г. // Тys. восемьсот дв. год. СПб., 2012. Т. 2. Вып. 11–24. С. 468–475.*
110. *Город Белый и его уезд в 1812 г. // Воен. сб. 1872. № 5–6. Отд. I. С. 115–122.*
111. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 96.*
112. Крестовский В. В. *Истор. 14-го уланского Ямбургского полка. СПб., 1873. С. 210.*
113. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 422–423.*
114. Писарев А. А. *Воен. письма. М., 1817. С. 60–61.*
115. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 443–444.*
116. Давыдов Д. В. *Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. I. С. 11–13.*
117. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 4. Отд. I. С. 253.*
118. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 4.*
119. Вуич И. В. *Малая война для руководства в Имп. воен. академии. СПб., 1850. С. 240.*
120. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 147. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 38.*
121. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 3. С. 114–115, 118.*
122. Липранди И. П. *Мат. для истор. Отеч. войны 1812 г. СПб., 1867. С. 81.*
123. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. I. С. 311–312.*

Глава 6

БОРОДИНО

6.1. СИЛЫ СТОРОН И ОСНОВЫ РУССКОЙ ДИСПОЗИЦИИ К СРАЖЕНИЮ

К моменту Бородинского боя противоборствующие армии по численности и вооружению были близки между собой. Меньше всего противоречий возникает в оценке состава артиллерии: 624–640 боеготовых русских орудий против 587–597 французских пушек примерно равных возможностей и калибров [1, 2], хотя ряд исследователей утверждали, что средний калибр французской артиллерии был меньше за счет преобладания 6-фунтовых и 3–4 фунтовых полковых пушек. Богданович даже сделал на этом основании вывод о том, что *«в артиллерии мы имели решительный перевес над неприятелем»* [3]. Современниками признавалось, однако, что действие 6-фунтовых орудий лишь немного уступает действию 8-фунтовых, а обращаться с ними быстрее и легче [4]. На прямых (картечных) выстрелах французские 6-фунтовки действовали сильнее русских четвертьпудовых единорогов, коих в составе русской артиллерии было 168, даже больше, чем у противника легких пушек (160) [5]. Следовательно, для условий полевого сражения, по большей части артиллерии имелся паритет, а русский перевес в тяжелых батарейных 12-фунтовых пушках (136 против 57) мог быть реализован методом создания крупных узлов обороны, оснащенных значительным количеством батарейной артиллерии, чего не было сделано при подготовке и не наблюдалось в ходе Бородинской битвы.

Разницей конструкции зарядных ящиков определялось, что у французских 6-фунтовок количество зарядов под рукой могло достигать 292 в двух штатных зарядных и лафетном ящиках, а у русских 6-фунтовых орудий в трех штатных и лафетном — 240. Действующие артиллерийские наставления и обычаи еще больше увеличивали разницу в числе доступных на боевой позиции припасов. На практике более 90 зарядов для конных орудий и 120 для батарейных пушек русские канониры с собой не возили, а легким артиллерийским ротам полагали возможным иметь по 60 зарядов. То есть, часть штат-

ных зарядных ящиков оставалась в резервных парках. Считалось, что меньшее количество возимых зарядов искупается большей маневренностью, что спорно. Французские зарядные фуры к тому времени были модернизированы и облегчены, а наставления требовали *«непрерывного следования зарядных ящиков за орудиями»* [6], и это давало французской артиллерии перевес в крупных сражениях с большим расходом боекомплекта. Кроме того, французские четырехколесные зарядные фуры были универсальны, а в русской армии проведенный по указанию военного министра эксперимент показал, что для перевозки патронов имеющиеся двухколесные зарядные ящики неудобны и неэкономичны: для перевозки такого же количества патронов, как в обычной нарочной повозке, требуется вдвое больше лошадей [7]. Обилие конских упряжек с маленькими ящиками затрудняло расположение артиллерийских рот на поле боя, они оказывались хорошей мишенью.

Известно, что у хорошо обученных русских расчетов скорострельность могла достигать двух выстрелов в минуту. В сражении при Аустерлице 8-орудийная рота лейб-гвардии конной артиллерии менее чем за два часа израсходовала 596 зарядов, произведя 74,5 выстрела на орудие. Во время Бородинского сражения 1-я батарея лейб-гвардейской артиллерии такого же 8-орудийного состава выпустила весь свой увеличенный (по сравнению с обычными батареями) комплект в 960 снарядов и *«временно должна была бездействовать, поджидая прибытие зарядных ящиков»* [8]. Очевидно, что для многочасового сражения подручный боекомплект в 60, 90 и даже 120 выстрелов был недостаточным, но лишь в конце сентября 1812 года М. И. Кутузов поручил А. П. Ермолову изучить вопрос: *«В неприятельской армии имеется ли при орудиях по положению более, нежели у нас, зарядов. Предписываю... войти в рассуждение, достаточно ли при 1-й и прикомандированной к оной 2-й армиях настоящее число зарядов для кампании, или нужно прибавить оных, и каким образом удобнее сие сделать можно»* [9]. Тем не менее, ничего не было решено до битвы при Лютцене, где дефицит снова проявился со всей остротой.

Весьма разной была организация артиллерии воюющих сторон, чему обычно не дается оценки, хотя данный фактор существенно влияет на боевое применение. Наполеоновская артиллерия часто действовала крупными батареями в несколько десятков орудий, что для русской армии было исключением, а не правилом. Если во французской армии существовали дивизионная и корпусная артиллерия,

то в русской необходимость таких крупных объединений дискутировалась, а организационные формы шли в гонке за подвижностью к боевой самостоятельности артиллерийских рот. Поэтому тактической единицы крупнее бригады в русской артиллерии не было. Бригады состояли из 2–4 рот, и не действовали всем составом, дробясь на отдельные роты, а последние — даже на пары и тройки орудий. Такая организация хорошо работала в турецких, персидских и шведских войнах, но в гигантских сражениях европейского театра она затрудняла управление и ослабляла концентрацию многочисленной артиллерии. Более того, в развитие идеи подвижности, вопреки развитию артиллерии, становящейся главным убойным средством войны, декларировался ложный принцип *«Наибольшая подвижность при необходимой лишь действительности»* [10]. Вот почему при русских пушках возили зарядов втрое меньше, чем у французских. Навстречу, Наполеон добивался максимальной действительности орудий, компенсируя тяжесть парков и разнобой применяемых артиллерийских систем четким управлением и заблаговременной подготовкой.

К такому положению вещей привели реформы и усилия пользовавшегося доверием царя генерал-инспектора артиллерии А. А. Аракчеева, — активного, вездливого и нетерпимого к возражениям администратора, бдвшего над новинками материальной части и маневренностью пушек, но не поднявшегося в осознании боевой роли артиллерии над знакомыми ему гатчинскими масштабами. По мнению П. Г. Дивова, Аракчеев обладал лишь мелочным знанием службы и *«некоторыми умозрительными познаниями в артиллерии и фортификации»* [11]. При вступлении в должность руководителя военного министерства в 1808 году он заявил: *«Господа! ... прошу беречь меня, я грамоту мало знаю, за мое воспитание заплатил батюшка четыре рубли медью; я долго не хотел брать этого места, но государю угодно было непременно меня определить. Мне ничего не надобно, а будет у вас дело хорошо идти, вам вся награда»* [12]. Действительно, толковых помощников, способных придать его мнениям форму для воплощения, Аракчеев берег, но среди них тоже не было знатоков артиллерийского боя, а с неуступчивыми боевыми офицерами типа Ермолова реформатор не дружил.

Картину акцентов в службе дает Артиллерийский журнал, издававшийся под руководством генерал-инспектора. Разжевывая множество технических подробностей и новинок материальной части, он мало касался тактики и организации своего рода войск. Из статьи ге-

нерал-майора И. Г. Гогеля «*Полезна ли полковая артиллерия?*», одной из немногих по данному предмету, можно понять, что Гогель и Аракчеев уяснили вред от распыления орудий по батальонам и полкам, но подменили его распылением батарей по дивизиям и корпусам. В то же время управление артиллерией в корпусном и армейском масштабе продумано не было, находясь в плену представления, будто все может решить расторопность начальника. На учениях в виду особы императора это было возможно, но на задымленных и исковерканных полях сражений протяженностью много верст — нереально. Такой идеализм, помноженный на тезис о том, что «*несоразмерное количество артиллерии затрудняет движение армии*», вел к практике держания большинства батарей в армейском резерве, откуда их должен был извлечь в нужный момент старший артиллерийский начальник, но этого могло и не произойти [13].

Заложенные Аракчеевым сорные семена дали обильные всходы, икаясь русской артиллерии и пехоте вплоть до Первой мировой войны. Артиллерийский факт, с которым предстоит детально разбираться при описании хода и результатов Бородинского сражения, состоит в том, что при равноценной материальной части, меньшем количестве стволов и не превосходной выучке орудийных расчетов, французская артиллерия на Бородинском поле существенно превосходила русскую в боевой эффективности. Об этом говорят русские потери, отзывы участников битвы и документально подтвержденные мнения исследователей. Увы, продолжаются и подтасовки «патриотических» авторов, скрывающих недостатки, и рискующих ради похвалы оставить очередных офицеров и солдат без понимания важности поднимаемых вопросов.

Данные о личном составе противоборствующих войск существенно разнятся, но в целом обрисовывается некоторое превосходство наполеоновской кадровой армии, насчитывавшей от 126 до 137 тыс. бойцов. Наиболее точные цифры по французским ведомостям от 21 августа 1812 года привел А. И. Хатов: «*В армии, бывшей с Наполеоном, считая вместе с откомандированными людьми, но которые могли возвратиться к полкам прежде пяти дней, считалось в строю под ружьем... 133819 человек*» [14]. Русская армия могла противопоставить им от 103,8 до 115,3 тыс. (с учетом прибывших в августе рекрут) регулярных войск [15, 16].

По соотношению родов войск, у Наполеона было больше конницы: 28 тыс. против 23,5 тыс. русской. При этом казаков, учтенных на

русской стороне, равными регулярной коннице не считали. Их можно было использовать во фланговых движениях и наскоках, но не в гуще крупного сражения. Это должно было сковывать инициативу русской стороны, в то время как Наполеон мог первым, без больших опасений, применить массу кавалерии на поле боя. К такому решению его должен был подталкивать усугубляющийся недостаток фуража для лошадей, из чего Богданович даже сделал вывод о том, что французская конница не имела большого перевеса в действительности [17]. Думается, что для оценки способностей кавалерии к длительным действиям это справедливо, но для однодневного сражения, где скачка ограничивается несколькими верстами, и перед которым кони имели отдых, а их, конечно, не забыли покормить, — нет.

Казаков при русской армии считают либо 7, либо 11 тыс., в зависимости от того, плюсятся ли к числу казачьих войск, участвовавших в Бородинском деле наблюдательные отряды М. Г. Власова и А. А. Карпова. Царские историки были не склонны учитывать в составе русских сил те казачьи войска, что не принимали непосредственного участия в сражении. Так появилась цифра 7 тыс., включающая в себя отдельный казачий корпус атамана Войска Донского, генерала от кавалерии Платова и половину левого наблюдательного и охранительного отряда Карпова (оказывавшего содействие корпусу Тучкова 1-го). Но всех казаков при армии было 11 тыс., и эта последняя цифра более справедлива, учитывая, что у Наполеона тоже была необходимость отделения от главного войска наблюдательных отрядов. Плюсованием указанных выше цифр получается численность русской армии в 126,3 тыс. чел., что по-прежнему несколько уступает численности французской.

Но в составе русской армии была еще одна сила, — ополчение. По советской традиции, отличающейся пиететом к вопросам действий ополчения, его педантично учитывают в числе войск, линейно плюсуя ратников к солдатам и казакам. В результате за войсками Кутузова, включавшими 28 тыс. ополченцев, из коих 11 тыс. прибыло из Москвы во время отступления от Царева-Займища до Бородина, возникает общее превосходство: 154,3 тыс. чел., как подсчитал Н. А. Троицкий [18]. Однако, это подсчет несправедливый, потому что, если о наполеоновской армии можно поручиться, что подавляющее большинство из 133,8 тыс. лиц, бывших в ней под ружьем, выполняло прямые боевые задачи, то для русского ополчения это не так. Главнокомандующий Кутузов, вопреки подсвеченному парами

царской и советской пропаганды нимбу своей народности, таких задач ополчению не давал. Разберемся же с этим.

Использовать ратников можно было по-разному. Наиболее эффективным было либо привлекать их дружины в боевой ордер с подстраховкой, как это делали в корпусе П. Х. Витгенштейна, либо распределить бойцов ополчения в состав регулярных полков перед генеральным сражением. Последнее подразумевал Александр I в своем рескрипте от 24 августа: *«Кои могут весьма служить в армиях, даже быв размещены при регулярных полках»* [19]. Это позволило бы сократить потери опытных солдат и дало возможность ополченцам причинить французской армии какой-то ущерб. Для этого им не требовалось иметь ружья. Н. Н. Волконский вспоминает, как множество спешенных французских кирасир были переколоты русскими рекрутами, *«которые, выбегая из рядов своих, без труда нагоняли тяжелых латников и добивали сих рослых всадников»* [20].

Но Кутузову, всецело приверженному регулярной армии, — в разительное противоречие с его же усилиями по созданию Петербургского ополчения, — такие подходы не нравились. Как он писал императору: *«Имеющуюся с армией Смоленскую милицию и часть Московскую, в готовность пришедшую... приобщу их к регулярным войскам, не с тем, чтобы ими оные комплектовать, но чтобы их употреблять можно там было... для отвода раненых или для сохранения ружей после убитых, для делания редутов и других полевых работ, наипаче замещать нужные места при обозах»* [21]. Использование ратников при Бородино в основном для указанных целей подтверждается всей царской историографией [22]. Кроме того, 2 тыс. ополченцев 21–22 августа были переданы в распоряжение генерала Левицкого, коменданта города Можайска [23]. Сопровождая раненых, при обозах и в Можайске русские ополченцы оказались в положении, какое при французской армии занимали в основном лица нестроевые и гражданские, увязавшиеся с нею в поход. К распределению добровольцев по регулярным полкам главнокомандующий приступит позже, исполняя упомянутый царский рескрипт, и для возмещения огромных потерь в Бородинской битве, но после оставления Москвы моментально свернет этот процесс из опасений за дисциплину своей армии.

С. Н. Глинка задним числом недоумевал: *«Для сгущения своих колонн, Наполеон 1813 года под Бауценом затеснял в них и граждан, и земледельцев, и кого ни попало... Прикиньте к полкам... просто несколько тысяч мужиков ... Разве нельзя было их присоединить к опытным ротам*

артиллерийским?» [24] Он считал такие усиленные кадровыми частями толпы «необычайными средствами», годными для большинства боевых движений. И. П. Липранди, ссылаясь на примеры боев корпуса Витгенштейна под Полоцком, а затем на действия ополчения в составе русской армии в 1813 году, когда ее после смерти Кутузова возглавил тот же Витгенштейн, полагал, что ополчение «в наступательном действии, работало бы, конечно, не хуже других» [25]. Но как раз этой возможности Михаил Илларионович, всецело сосредоточенный мыслями на обороне и не считающий ополчение полноценным войском, мужикам не предоставил.

Учитывая изложенное, нельзя линейно плюсовать численность ополчения к числу русских войск, сражавшихся перед Москвой. Вернее принять, что в Бородинской битве участвовало 7 тыс. ратников ополчения, — то есть, лишь те из них, что были приданы Н. А. Тучкову 1-му, и были вовлечены в бой по обстоятельствам сражения [26]. У командира 3-го пехотного корпуса понятия об использовании ратников были другие, ближе к практике Довре и Витгенштейна; ополченцы у него ходили в контратаки вместе с линейными частями. Как исследовано Поликарповым, это были 1-й, 4-й, 6-й, 7-й пешие казачьи, 1-й, 3-й егерские полки и один батальон 2-го егерского полка Московского ополчения [27].

Следовательно, фактическую численность русской армии надо определять в 133,3 тыс. чел. Окончательно выясняется, что превосходства по численности у русских войск перед наполеоновской армией не было. При этом они включали в себя до 19 тыс. недавно прибывших ополченцев и рекрут, в то время как у Наполеона в строю были сплошь опытные солдаты. Из участников сражения и царских историков к этому, тщательным образом аргументированному выводу пришел Липранди, приводя несколько десятков зарубежных и российских оценок состава противоборствующих армий при Бородине [28]. Поскольку далеко не все из ополченцев и рекрут имели ружья и умели с ними обращаться, совокупное ручное огнестрельное вооружение русской пехоты следует оценить на 10 % слабее противника. Сегодня это существенно, но в начале XIX в. было не столь важно.

Как ни считай, численности врага не надо было бояться, на что указывал сам Кутузов: «Количества сего мы вовсе не имеем причины страшиться» [29]. При таких равных силах много значил выбор места столкновения. То, как решил эту задачу Михаил Илларионович, отличает его от Баркляя. Изменились критерии оценки позиций, отпа-

ло важное звено проверки квартирмейстерской работы в штабах 1-й и 2-й армий. Толь, оттеснивший Вистицкого, получил свободу для воплощения своих предпочтений, подчиняясь только главкому и лишь информируя генерала Беннигсена. Клаузевиц писал: *«На полковнике Толе... лежал выбор позиций и принятие соответственных тактических мер. Таким образом, выбор позиции под Бородином и использование на ней войск также представляются в основном его делом»* [30].

«Позиция, при которой я остановился при деревне Бородино, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством» [31], — в таких словах Кутузов 23 августа (4 сентября) сообщил царю о своем выборе места для генеральной баталии. К сожалению, участники принятия решения (Толь, Беннигсен и Кутузов) не провели рекогносцировки отдаленной местности, вынося свое суждение по обзору ближней, правой части позиции, и «крокам» — картографическим наброскам, привезенным корпусными квартирмейстерами 2-й армии без предварительного обсуждения в ее штабе. Вскоре это стало причиной крупных недоразумений на удаленном от Колоцкого монастыря (где в это время располагалась главная квартира Кутузова) левом закрылке.

Впоследствии Бородинская позиция и клялась, и хвалилась. Ревнитель наступления, князь Багратион оставил лаконичный отзыв: *«Все выбираем места и все хуже находим»* [32]. Похоже, в его понимании Бородинская позиция была хуже Царево-Займищенской. Очень негативно отзывался о Бородинской позиции Беннигсен, называя ее *«величайшей ошибкой, которую только можно совершить, действуя против Наполеона»* [33]. Клаузевиц полагал ее *«весьма посредственной»* [34]. Барклай де Толли, наоборот, считал Бородинскую позицию в целом выгодной, указывая лишь на отсутствие природных подкреплений для левого крыла, которое он рекомендовал усилить устройством на Шевардинском холме сильного редута. Сообразно этому он предлагал укрепить и Старую Смоленскую дорогу, чтобы не допустить врага в обход [35]. Аналогичное мнение в русской военной истории высказал генерал А. П. Скугаревский: *«Выбор позиции русских у села Бородина был довольно удачен... Местность давала оборонявшемуся большие выгоды для упорной обороны, если бы только войска на позиции были распределены соответственно обстановке и естественные свойства местности были усилены искусственными сооружениями»* [36].

Богданович, развивая оговорки Баркляя и основываясь на известных результатах битвы, посчитал, что *«центр и левое крыло Бородинской позиции не были прикрыты никакой местной преградой, и что левый фланг подвергался обходу по старой смоленской дороге. Следовательно, сия позиция вовсе не представляла важных местных удобств в оборонительном отношении, и даже могла повести... к ослаблению левого крыла из желания воспользоваться выгодами местности на правом фланге... Мы растянули армию на две лишние версты вправо от Горок, и через то в самом начале сражения лишили себя содействия целой трети войск»* [37]. Это мнение отразилось во многих позднее изданных историях полков, участвовавших в Бородинской битве.

Однако, Кутузов и Толь исходили из другого, нежели Барклай, Беннигсен и Богданович, представления об обороне. Они стремились в первую очередь обеспечить не ее жесткость в сочетании с лазейкой для перехода в контрнаступление, а глубину и вязкость вкупе с мерами по увлечению противника на тот сценарий действий, который русский полководец считал выгодным. Главнокомандующий хотел удавить Наполеона в глубине обороны, обволакивая его ударный кулак своими резервами. В самом деле, было бы удивительным, если бы Михаил Илларионович, мечтавший обмануть Наполеона, не пытался сделать этого под Бородином. Идея, в сущности, была не плоха, только дурно исполнена вследствие неправильной расстановки войск, плохого управления артиллерией, пассивности действий и допущенной в районе Старой Смолянки квартирмейстерской ошибки, о которой вскоре забил тревогу штаб Багратиона.

В этом свете достоинства и недостатки Бородинской позиции выглядят иначе. Если рассмотреть ее, корректируя современные данные по историческим сведениям о том, какова была эта местность в начале XIX в., и учесть военные практики того времени, вырисовывается следующая. Разнобой мнений в военно-исторической литературе проистекает из той же самой разницы подходов к выбору места битвы, с которыми оценивали расположение армии при Царевом-Займище. В отличие от той задумки Баркляя, Бородинская позиция не обещала успеха в контрнаступлении, будучи изрядно пересеченной и заросшей, как все прочие позиции, избиравшиеся до этого Толем. Зато препятствия для наступающих французов были сосредоточены на ней не только по фронту, но и в глубину, а в левой части фронта зияла по видимости удобная для атаки плешь, — по сути, та же приманка для врага, что и будто бы открытые при Царевом-Займище фланги.

Служил этот обман противника другой задаче, — не разделению войск Бонапарта и переходу русской армии в контрнаступление против ослабленного французского центра, как у Барклая, а втягиванию французов в долгий жестокий бой в глубоком мешке русской обороны на невыгодной и незнакомой им местности с целью обескровливания. Поэтому Кутузов не согласился с предложением Барклая о создании усиленного редута у Шевардина, и в то же время противился оставлению этой высоты с целью сохранения максимальной глубины и необозримости обороны. Он не стал твердой ногой на шевардинской высотке, которую Барклай мыслил «ключом ко всей позиции», ввергая его в недоумение своим решением: *«В случае нападения неприятельского сей фланг отступит и станет между упомянутою высотой и деревней Семеновскою; на сей предмет предписано было построение батарей и редутов. Я не постигал, почему сему движению надлежало исполниться при нападении неприятеля, а не заблаговременно»* [38].

По той же причине *«армия наша стала здесь не перпендикулярно наступлению противника, а следуя течению р. Колочи, под углом, подав значительно вперед левое и осадив назад правое крыло»*. Такое построение даже апологетами Михаила Илларионовича вроде Колюбакина толковалось как *«неправильное и опасное расположение»*, вина за которое возлагалась на Беннигсена и Толя. Но ничего непостижимого тут нет, потому что этим спорным приемом достигалось увеличение глубины обороны на вероятном направлении атак врага. Именно так и хотели расположить левый фланг — *«поданный вперед и окруженный лесами»* [39]. А вот в том, что он оказался не обеспеченным резервами и подверженным обходу — виноваты присущие Кутузову линейные предпочтения и келейный стиль управления войсками через доверенных лиц, не позволявший оперативно выявлять угрозы. Теперь мы лучше понимаем, почему полковник Толь и раньше, при Барклае, стремился перекашивать боевой порядок, строя его в тесных местах. И, набивая себе руку, допускал недочеты.

Сообразно поставленной задаче и пониманию способов ее решения, Бородинская позиция изобиловала естественными укреплениями в той мере и степени, чтобы на ней можно было не только успешно защищаться, но гарантированно склонить Наполеона к атаке на определенном направлении. Ее правый фланг упирался в Москву-реку, и был прикрыт впадающей в нее речкой Колочей. Та, сама по себе, не была существенным препятствием в жаркое лето 1812 года с его низкой меженью, если бы не ее берега, сочетавшие в себе как полосу

заболоченности, так и высокие, в пять саженой (до 11 метров), обрывы. Это вынудило французов даже у себя в тылу делать через Колочу мостки, что было практически невозможно под обрывами и высотами москворецкого фланга, за которыми заняла оборону 1-я Западная армия Баркляя де Толли [40].

В центре, между деревнями Бородино и Горки, где обрывы не так высоки, французам, кроме Колочи, пришлось бы перейти впадающий в нее ручей Стонец (Станица). Между этими речками находился узкий хребет, а за Стонцом — опять возвышения, где русские оборудовали укрепленный пункт на курганной высоте. Левее центра в крутых берегах протекала почти высохшая тем летом речка Семеновка. В ее нижнем течении правый берег был выше и командовал левым. Лишь южнее села Семеновского левый берег речки поднимался, и там простиралась равнина, заросшая березовым и ольховым кустарником высотой до 1,5 аршин (3 м). Через этот кустарник принуждались пройти атакующие французы, вслед за этим оказываясь на расстоянии картечного выстрела от русских батарей на Семеновских (Багратионовых) флешах. То есть, рассчитывалось, что выйдя из кустарника, они вынуждены будут заново строиться для продолжения атаки под артиллерийским огнем. Здесь занимала оборону 2-я Западная армия Багратиона.

Косвенное, углубляющееся в левый фланг русского фронта течение Семеновки с разветвлениями ее притоков-оврагов, Кутузов и Толь использовали, чтобы создать здесь эшелонированную оборону. Она начиналась от прямой линии по высотам у села Шевардино (1-й рубеж). За ними находился простреливаемый кустарник (2-й рубеж). Овраги составляли 3-й рубеж. В соответствии с этой задумкой у Шевардино воздвигался редут. За кустарником — Багратионовы флешы. Ближе к Семеновским оврагам также соорудились пехотные укрепления. За ними опять находилось удобное для обороны дефиле, образованное покрытым Псаревским лесом высотами, через которые шла на восток Новая Смоленская дорога. На опушке и в лесу были поставлены гвардейский и артиллерийский резервы. Тут, на 4-м рубеже, в случае конфуза, можно было придержать врага: *«Высоты в расстоянии версты от фронта позиции и кустарник, тянувшийся от деревни Князьково к югу, давали возможность обороняющемуся, в случае неудачи, задержаться»* [41].

На крайнем левом фланге, впритык к боевым порядкам 2-й Западной армии, рос труднопроходимый, болотистый Утицкий лес, огиба-

ющий все левое крыло русской позиции. На прогалине в лесу, позади сожженной деревни, возвышался над Старой Смоленской дорогой удобный для обороны курган. Кутузов повелел сделать в лесу засеки и завалы, расположив в нем четыре егерских полка. Высокий кустарник между Шевардинским редутом и Семеновскими флешами тоже был насыщен егерями. Казалось, оборона Утицкого леса и Старой дороги была составлена по-военному интеллигентно: если Наполеон пожелает отделить часть своих сил на обходной маневр, чтобы они увязли в мокром лесу, — пусть он это сделает!

В общем, левая часть Бородинского поля была стеснена самой природой и неперспективна для прорыва и обхода французами. На эти топографические обстоятельства указывал А. И. Хатов, полностью согласный с позиционным выбором Кутузова [42]. Клаузевиц отмечал: *«Несколько пологих холмов, высотой до 20 футов, составляли вместе с многочисленными оврагами и полосами низкорослого леса такое запутанное целое, что трудно было разобрать, которая из двух сторон могла извлечь из него наибольшую выгоду»* [43]. Позиция была вязкой, поистине «пробочной», и Бонапарт «приглашался» для удара по 2-й армии Багратиона. Ревнитель старшинства, попивший много крови Барклаю, получил наконец по заслугам, но не так, как ему мечталось. Михаил Илларионович жестоко, но справедливо втолкнул наглого князя в те условия, в которых тот состоялся как полководец — Шенграбенского боя с многократным перевесом атакующего противника.

Все изложенное заставляет склониться к мнению, что Кутузовым была избрана отменная (хотя по иному принципу, чем выбирал места Барклаю) позиция для обороны, и если ругать ее, то совсем за другое. А именно за: 1) негодность к контрнаступлению после удержания противника, что было прямым следствием тщательного выбора местности под узкую оборонительную задачу; 2) недоучет препятствий, которые ее пересеченность создаст не только французам, но собственным действиям в обороне (для размещения резервов и работы артиллерии, о чем беспокоился Ермолов); 3) лишний оптимизм в представлении о кустарнике как существенном препятствии для французов, в то время как наполеоновские войска пользовались рассыпным строем и умели собираться из него в мощную атаку колоннами [44]; 4) отсутствие позади другой хорошей позиции, на которой можно было бы удержаться близ Можайска. Лишь в последнюю очередь Бородинскую позицию можно порицать за неправильные представления о местности на левом закрылке, что является следствием

плохого управления квартирмейстерской частью, а не природными недостатками топографии.

Нетрудно видеть, что кутузовская метода подвергалась Г. А. Лее-ром систематической критике в учении о позициях, после того как по итогам кампаний 1812—1814 гг. в русской военной мысли возобладал более активный, наступательный подход. Бородинская позиция не удовлетворяла половине названных Лее-ром критериев, полагаясь пригодной для арьергардного боя с целью удержания неприятеля не-сравненно сильнейшего, но не для расположения крупной армии для генерального сражения. Для значительных сил *«наиболее выгодную позициюю является не наиболее недоступная, но наиболее... способствующая развитию активного начала в обороне»* [45]. Теоретик уклонился от прямых сопоставлений, чтобы не подвергаться нападкам аполо-гетов, но держа в уме Царево-Займище мы, в отличие от Бродского, понимаем, что к чему.

В заключение полемики о достоинствах и недостатках Бородин-ской позиции можно отметить, что хотя Кутузовым и его штабом была преувеличена труднодоступность Старосмоленского дефиле [46], и это вызвало необходимость закрыть его 3-м пехотным корпусом, уси-ленным 7 тыс. ополченцев и 6 донскими полками генерала Карпова, обходной маневр французов к успеху не привел. Зато пассивный ха-рактер русских действий на позиции с вполне проявившейся отно-сительной слабостью русской артиллерии, а также сила французских атак на Багратионовы флеши, будто они не сдерживались никакими естественными преградами, и непрерывное отступление армии от Бородина до самой Москвы, — вещи давно общеизвестные.

Главный недочет позиции при Бородине заключался отнюдь не в том, что ее левый фланг между лесом и центральным курганом с ба-тареей Раевского (первоначально известной как Шульманова батарея по имени командовавшего ею полковника Г. М. Шульмана) [47], был по видимости открыт для фронтального удара. Подобное мнение не выдерживает серьезной проверки. Если нет места ни для обхода, ни для фронтального сближения войск, — нет и сражения. Наполеон тогда мог (чего опасался Михаил Илларионович) не принять боя и пойти кружным путем на Можайск, чтобы отрезать русскую армию от Москвы и прижать ее к Москве-реке. Это ему советовал сделать маршал Даву [48]. *«Желаю, чтобы неприятель атаковал нас в сей по-зиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим*

к Москве, тогда не ручаясь, что, может быть, должен идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся», — так отписал Кутузов Александру [49]. Слабость была в тех препонах, которые Бородинская позиция ставила для настоящего разгрома врага. Под победой Михаил Илларионович понимал остановить, а не наголову разбить Наполеона. Вопрос, можно ли было закончить сражение убедительной победой, будет рассмотрен ниже, а сейчас отметим, что если бы такой возможности вообще не было, то не было бы и в целом положительной позиционной оценки Барклая.

Левый фланг основной позиции по распоряжению Михаила Илларионовича был к утру 26 августа загнут назад, с юго-запада на юг, к оврагам и лесу, чтобы лучше применить его к местности, знания о которой продолжали уточняться. Это была вынужденная мера после того, как наполеоновские войска завязали бой за шевардинскую позицию и двинулись в ее обход, выиграв у русской армии часть плохо прикрытого пространства на Старой Смоленке. Но благодаря большой естественной глубине обороны, Кутузов имел и использовал такую возможность. Это распоряжение компенсировало потерю и укрепило русские построения, исправив слишком косое расположение фронта и вынудив 2-ю армию ускориться с возведением семеновских укреплений [50].

Возникший «перелом» общей боевой линии в районе курганной высоты не стал бы негативным моментом, если б не другие, менее очевидные просчеты. Авторитетное мнение о том, что этот перелом дал возможность французским батареям, действовавшим с левого фланга *«поражать в тыл войска центра и правого фланга»*, высказал А. П. Ермолов [51]. В XIX в. его мнение стало общепризнанным и использовалось для обучения артиллеристов (ведь его автор лично наблюдал действия противника). И все же оно не вполне справедливо. Не изгиб русской боевой линии под 30 градусов, а ее дальнейшее продавливание наступающими французами в совокупности с недоработкой русского командования по части противодействия этому предсказуемому намерению противника, дало ему место и время для установки и действия батарей продольного (фланкирующего) огня.

Изначально Наполеон не мог вести такого огня. Его пушки оказались бы в поражаемой зоне (в те времена предельная дальность стрельбы полевой артиллерии составляла 2700–2800 м, а эффективная — не более 1100–1200 м ядрами и 500–800 м картечью) [52, 53]. К тому же, в ходе боя русские сами могли использовать лома-

ную конфигурацию линии обороны для фланконады атакующих Багратиона французов, если бы не упустили инициативу. Поэтому в оценке начальных условий для работы артиллерии следует склониться к мнению Клаузевица, что общая выгнутость русского фронта и охватывающее расположение французов вели к несколько большей концентрации французского огня в расчете по площадям [54]. Это не столь драматично, но при плотных строях 2-й линии и резервов, располагающихся в пределах максимальной дальности артиллерийских выстрелов, тоже не безобидно.

Тот «перекос огня», который произошел в ходе битвы, стал выражением не столько позиционных, сколько системных пороков тактики Кутузова — Толя, отдававшей инициативу противнику и не способствовавшей массированию сил и огня ни на одном из многих рубежей природного оборонительного «мешка». Тем самым, врагу отдавалось не только мобильное, но и огневое преимущество. В других аспектах деятельности полководца тоже обнаруживаются серьезные промахи Кутузова, вызванные как его ограниченной (по сравнению с Наполеоном) физической функциональностью, так и недостатком современных военных знаний.

Говоря об инженерном оборудовании Бородинской позиции, менее всего ошибок было сделано при строительстве батареи Шульмана — Раевского, Шевардинского редута и Багратионовых флешей, к которым приковано внимание критиков, указывающих на их слабость. Так, Беннигсен предлагал построить на месте батареи Раевского круговое сомкнутое укрепление, вооруженное 24—36 батарейными (12-фунтовыми) орудиями, стремясь создать условия для использования русского перевеса в тяжелой артиллерии. Но Кутузов предпочел мнение Толя о целесообразности сооружения люнета, вооруженного 18 стволами разнородной артиллерии, включая единороги [55]. По совету того же Толя, у Шевардино был создан пятиугольный редут на 12 орудий. Сооружение Багратионовых флешей также оценивается как весьма плохое [56]. Фактически это были два люнета — северный и южный, на 7 и 11 орудий соответственно, а позади северного люнета — редан на 5 пушек для обстрела пространства между люнетами и крайнего левого фланга к лесу. Так их и называли французы: «les redants» [57].

О неисполнении рекомендаций Беннигсена сокрушался квартирмейстер 6-го пехотного корпуса Липранди, строивший по указанию Толя центральную батарею: «Если бы, относительно этого пункта по-

следовали совету Беннигсена, и, вместе с тем, не ломали линии и оставили 6-й и 7-й корпуса на первоначальных местах, то битва была бы самая решительная в нашу пользу... Эта высота, укрепленная так, как предлагал он, крайне затруднила бы подступ к Семеновским флешам, жестоко поражая неприятеля во фланг» [58]. Однако же, относительная слабость батареи Раевского и Шевардинского редута была нужна Кутузову, чтобы вовлечь Наполеона в бой на левом фланге позиции, где главным поражающим рубежом мыслились Семеновские или Багратионовы флешы. Зачем тогда сильно затруднять доступ противника к ним? Следует думать, что колебаниями между необходимостью инженерного усиления местности и опасностью направить Наполеона в другую сторону от замысла обороны, как раз и была вызвана задержка в строительстве центрального укрепления, а также отказ вооружить его мощной артиллерией. В изложении событий от И. Ф. Паскевича, не было даже распоряжений Толя. Высота начала вооружаться стихийно, поскольку войскам 26-й дивизии очень не нравилось стоять *«позади кургана в ста пятидесяти сажнях»*, и это одобрили сначала Раевский, распорядившийся поставить на высоте батарейную роту 26-й артбригады, а потом Беннигсен [59].

Можно было, конечно, хорошо укрепить и вооружить курганную высоту, но тогда Бонапарт вряд ли проигнорировал бы сильную центральную и фланкирующую позицию. К переносу его атакующих усилий на русский центр могли способствовать и слишком сильные шевардинские и семеновские укрепления, а Кутузов этого не хотел. И тут, учитывая известный нам ход сражения, он был прав. Сразу врубившись в центр, ближе к путям отступления русской армии, Наполеон мог создать более опасный ход боя. Михаил Илларионович, как высший распорядитель инженерных работ, недоработал не тут, а в других местах Бородинского поля. Его намерение противодействовать всем, даже иллюзорным французским замыслам привело к лишним трудам: *«Было сооружено цепное укрепление у леса, за правым крылом позиции. Эта постройка, обращенная фронтом к реке Москве, не могла принести никакой пользы»* [60]. Очевидно, это было сделано под впечатлением от смоленского маневра Наполеона, в опасении, что он сможет неожиданно «рокироваться» через Москву-реку на север. В то же время, не было укреплено дефиле на Старой Смоленке, не сооружены замаскированные спуски и мостки в нижнем течении Колочи, что привело к невозможности перебросить на западный берег реки ничего, кроме легкой конницы. Пехота первой линии не была

прикрыта шанцами и брустверами, хотя это предполагалось сделать по сведениям Липранди и Богдановича [61, 62].

Параллельно с подготовкой к бою слева, М. И. Кутузов продолжал опасаться быть атакованным справа. Вскрывая причины его настороженности к правому флангу, продолжавшейся почти до самого конца Бородинской битвы, упомянем факты, давно указанные Н. П. Поликарповым, Б. М. Колюбакиным и А. В. Геруа. Так, 23 и 24 августа состоялись бои правого (северного) арьергарда 1-й русской армии под командованием генерал-майора барона К. А. Крейца в деревнях Мышкино и Глазово (северный берег Москвы-реки), причем в последнем случае неприятельский отряд был довольно сильный, и стремился отрезать Крейца от Бородина [63]. Кроме того, центральный русский арьергард П. П. Коновницына в арьергардных боях *«был обходим неизменно с правого своего фланга»* [64]. Это давало повод думать, что главные силы Наполеона находятся на Новой Смоленской дороге и к северу от нее, объясняя, почему главнокомандующий придавал преувеличенное значение фортификационной защите своего правого фланга у Москвы-реки, хотя основные силы французов 25 августа обнаружили себя южнее. Даже Шевардинский бой не давал верных оснований полагать, что враг продолжит здесь свои атаки, получив возможность обозреть Семеновскую местность с Шевардинских высот.

Вместе с тем А. П. Скугаревский указывает на шаблонность подхода русского командования к укреплению Бородинского поля. При косом расположении позиции к путям наступления противника и собственного отхода тактикой того времени рекомендовалось выставленный вперед фланг укреплять редутом, а отставленный назад к собственным путям отступления — открытыми с горжи укреплениями, *«чтобы в случае потери их облегчить резервам вновь овладеть ими»*. Шевардинский редут и правофланговые Масловские люнеты были построены в буквальное исполнение этих рекомендаций [65].

Затем, как было выяснено царскими военными историками и упрятано советскими, вследствие малого времени на разведку Бородинской позиции (вот тебе, бабушка, и популизм с возвращением квартирьеров от Гжатска), ее схемы (сколки, кроки), выполненные сотрудниками К. Ф. Толя, оказались весьма не точны. *«Келейная» организация управления армией, где штабные влияния не были включены в законные рамки, и где ответственность была возложена на одних, а доверие даровано другим, не могла не отразиться на деле, особенно при*

условии, чтоотяжелевший телом главнокомандующий был лишен возможности личным повсеместным присутствием... предупредить неизбежные скрещивания противоречивых распоряжений» [66].

Ошибки, допущенные при выборе и разметке Бородинской позиции, укрылись от внимания главнокома, а затем были заретушированы исходящей от Толя и прочих лиц из окружения Михаила Илларионовича панегирической исторической традицией. Они же были таковы, что общее протяжение полевой части позиции оказалось преуменьшенным на 1 версту (6,5 верст указанных Толем против 7,5 верст истинного расстояния), а ее избыточная пересеченность и угловатость «прилизана». Неудобства и невыгоды для Наполеона в нападении на правый русский фланг, поначалу не столь очевидные, были резко подчеркнуты позднее, — ретушью, проведенной с 1814 года при переводе сколков в красивые, «парадные» планы [67]. Это не могло не сыграть роли в распылении фортификационных усилий. Времени на работы было достаточно (армия пришла на позицию вечером 22 августа) но Багратионовы флешы не были закончены потому, что никто не добавил на строительство людей из 1-й армии, в то время как значительная часть 2-й приняла участие в Шевардинском бою [68].

Наиболее остро чувствовал протяженность русской позиции Беннигсен, занимавший внимание Кутузова требованиями усиленного укрепления обоих флангов и резко критиковавший Толя: *«Толь, при выборе позиции, удовольствовался прикрытием фронта несколькими маленькими, плохонькими речками, которые можно перейти в вброд в любом месте, и оставил без опоры оба крыла, полагая, что несколько худых полевых укреплений, возведенных наскоро, достаточны для их прикрытия... расстояние от крайней батареи нашего правого фланга до таковой на нашем же левом фланге... составляло более шести верст, так что войска и резервы одного крыла никогда не могли вовремя поспеть на помощь другому крылу, что и случилось 26 августа».* Михаил Илларионович прислушался к Леонтию Леонтьевичу лишь в создании полевых укреплений правого фланга (в наименее полезной части предположений), где севернее Горок были построены 4 батареи на 32 орудия и 1 пехотный ложемент, а в остальном доверился себе и Карлу Федоровичу, вынудив пораженного генерала к замечанию: *«Полковник Толь совершенно овладел умом князя Кутузова»* [69].

Получается, Кутузов думал, что северное и южное операционные направления на Бородинской позиции расходятся не так широко, как это было в действительности. При этом он видел в центре и справа

больше угроз, чем видим мы на послевоенных планах. Наибольшей из них считался удар в русский центр, в случае прорыва приводивший Наполеона прямо на Новую Смоленскую дорогу и дающий ему преимущество в организации преследования разбитых русских войск [70]. При повороте части французских сил в тыл 1-й русской армии могло произойти ее отбрасывание в треугольник Колоча — Москва-река, чему мог содействовать вспомогательный удар Бонапарта с севера через Москву-реку. Там русских войск вообще не было, и предотвратить его было нечем. Хотя Н. А. Окунев убедительно доказывал, что окружение 1-й армии не могло произойти при прорыве наполеоновских полчищ по Старой Смоленской дороге [71], при прорыве центра это могло стать реальностью. Вот чего боялся Кутузов, а вовсе не того, что французы пойдут прямо на правый русский фланг, карабаясь на речные обрывы; и почему он так манил противника налево, отказываясь от серьезного фортификационного оборудования левой части Бородинского поля. Поэтому главные силы, 1-я армия Баркляя де Толли, были сосредоточены справа, там, где они могли оказаться вблизи центра сражения. При этом главнокомандующий рассчитывал такого сценария битвы избежать.

Главком понимал, что желанную для Беннигсена оборонительную позицию шириной не более 3—4 верст найти практически невозможно, а Бородинская такова, что сразу по всем направлениям Бонапарт атаковать не будет, а начав бой, уже не сможет радикально переменить направление удара. Если французы ударят по 2-й армии Баграциона, как он им предлагает, то ставший пассивным правый фланг можно будет использовать для подкрепления активного точно так же, как если бы русские силы были эшелонированы в глубину. Только в оценке недостаточной скорости этого маневра прав оказался не он, а Беннигсен. Иллюзорная надежда оказаться сильным «и там и сям» привела к тому, что Кутузов отказался от категорического решения дилеммы, которую Клаузевиц полагал очевидной: *«Одно из преимуществ позиции русских заключалось в том, что это (атаку французов на левый фланг) можно было предвидеть с полной уверенностью»* [72].

Хотя Б. М. Колобакин, вопреки фактам, рискнул заявить, что Михаил Илларионович такого предвидеть не мог [73], его кумир явил плохое понимание тактики. Нельзя было думать, что рокадным маневром после открытия сражения можно надежно прикрыть пункты, куда ударит Наполеон, заблаговременно производивший концентрацию сил на решающем направлении. Отсутствие предметного

сосредоточения русских сил мешало пользоваться крупнейшим преимуществом Бородинской позиции. Вероятно, над Кутузовым довлел дунайский опыт: там он легко перемещал войска по северному берегу реки, а турки на южном не успевали. К ошибочному варианту расположения войск полководец пришел тем охотнее, что по прусскому обычаю любил держать их в готовности, в плотных колоннах и строях. К такому решению располагали особенности Бородинской позиции: в глубину она становилась все более узкой и пересеченной, там резервы оказывались на путях отхода войск левого фланга, что всегда нехорошо. Зато казалось, что перемещение русских корпусов вдоль линии фронта будет слаженным и быстрым, — ведь они уже заходя были развернуты как во фронт, так и для флангового движения колоннами.

Если бы военное искусство того времени состояло только в учете всех возможностей противника, выборе глухой позиции для обороны, и в удобстве маневра с одного фланга на другой, — для войск Кутузова дело было бы «в шляпе». Но, во-первых, одной обороной войны и сражения выигрываются редко. Во-вторых, из набора оперативных возможностей противника надо уметь выбрать ту, которой он воспользуется, и противодействовать именно ей, а не всем его возможностям сразу, оставляя себя без остроты реакции на действительное событие и превосходства сил в решающем пункте. В-третьих, в отличие от своего русского коллеги с таким же, как у него самого, артиллерийским образованием, Наполеон пришел к умению маневра огнем. По своим свойствам маневр огнем осуществляется быстрее, чем маневр ногами. Из этого следует, что тактическая задумка Кутузова для эффективного противодействия Бонапарту не годилась. Даже если бы не было сделано ошибок в счислении протяженности поля и местности на левом закрывке, маневр ногами не обеспечивал необходимой быстроты реакции на события.

С момента завязки Шевардинского боя Беннигсен, многократно знакомый с ревом французских пушек и напором наполеоновских войск, заручившись согласием Барклая и Багратиона, стал настойчиво предлагать Михаилу Илларионовичу перегруппировку с целью усиления угрожаемого левого фланга: *«Во время этого дела я отправился на наш левый фланг к князю Багратиону... Он вполне разделял мое мнение, что Наполеон... сделает главное нападение на наш левый фланг; он предвидел... что наше левое крыло будет оттеснено с потерями. Я обещал ему представить главнокомандующему всю опасность,*

которая грозит части нашей армии. По моем возвращении, я отправился к кн. Кутузову и дал подробный и точный отчет всего осмотренного и замеченного мною. Я ему повторил предложение, сделанное накануне, сократить нашу боевую линию, приблизив правый фланг» [74]. Аналогичное мнение составил Клаузевиц [75].

Но тяга Кутузова к попыткам решения комплекса задач на все преемственности войны и случаи жизни была неистребима. Хотя опасения и настойчивость генералов встревожили его, он оставался неподвижен. Впрочем, Скугаревский замечает, что ночью, на загроможденной войсками позиции исполнять крупное фланговое движение было рискованно. Сопутствующая ему путаница и перемена полос обороны, к которым уже привыкли войска, могли плохо сказаться в ходе боя наутро [76]. Время было уже упущено. Согласования и попытки переупрямить главкома не успевали за событиями. Впереди были не турки, позволившие долго думать под Слободзеей, а французы. Как считал генерал А. А. Свечин, Кутузов *«значительно уступал в военном отношении»* Барклаю, *«еще менее Баркля рассчитывал на тактическую победу над Наполеоном»* и организовал Бородино *«не как борьбу за победу, а как великое, требуемое политикой кровопускание»* [77].

Упустив стратегические возможности, вытекавшие из своевременной перемены операционной линии, оказавшись по суждению Бутурлина в положении, когда *«в такой близости от столицы нельзя было спасти оную иначе, как победою»* [78], Михаил Илларионович и на поле готовой грянуть битвы мало поработал на эту победу. *«При счастливом отпоре неприятельских сил, — гласила диспозиция Кутузова от 24 августа, — дам собственные повеления на преследование его»* [79]. Но ничего для подобного развития событий в план сражения заложено не было. Более того, Наполеон с легкостью мог встать на рубежах отбитого им Шевардинского редута и Колочи в такую же эффективную оборону. Возвращаясь к мытарствам Толя при Барклае за выбор *«обращенной в другую сторону»* позиции у Дорогобужа, мы видим, что и при Бородино он избрал такую же обратимую позицию; но при Кутузове не возникло и тени порицания за это.

Бонапарт своим наметанным глазом отданного ему рубежа не пропустил, на всякий случай усилив его: *«Неприятель перед линией своей построил несколько укреплений»* [80]. Шевардинский редут был хорош для обзора русского левого фланга, и Наполеон после захвата позиции сделал его своим наблюдательным пунктом. Пребывание там Бонапарта подробно описано у Липранди, то же сообщает

и Ермолов [81, 82]. Со стороны Бородина, где располагались войска Мюрата, командные высоты тоже остались за французами. *«Нельзя представить более благоприятной для наблюдения позиции, чем та, где мы находимся, бросается в глаза позиция русских; она образует половину амфитеатра, или полукруг, кривая которого соответствует на другой стороне месту, где находится Наполеон. Находясь на левом фланге этого полукруга я вижу перед собой в далеком расстоянии густой лес... Из этого леса все время вырываются громадные столбы огня, сопровождаемый страшными ударами... Под блеском солнца сверкает оружие и амуниция пехотинцев и кавалеристов, марширующих навстречу одни другим»* [83].

Как слишком честно для апологета заметил Колюбакин, отданная Наполеону западная сторона обратимой Бородинской позиции существенно облегчила ему сосредоточение сил против левого фланга русской армии. Она дала возможность обеспечить северный фланг собираемой Бонапартом ударной группировки всего одной дивизией, которая составила *«неподвижную ось всего маневра»* французов. Ее позиция была прикрыта Колочей и ее болотистым левым притоком — речкой Войной. После такого признания превосходные эпитеты расточаемые профессором Колюбакиным в адрес Кутузова: *«хитрый и тонкий»*, становятся похожи на унылую лесть, а его же восхваления Наполеона — *«величайший военный гений!»* — избыточными [84]. Какой полководец не подобрал бы такой подарок?

Вот чем возмущался Барклай, считавший, что Шевардинский редут надо всемерно укрепить и ни в коем случае не оставлять: *«Последствие доказало, что надлежащее укрепление сей высоты доставило бы сражению совершенный успех»* [85]. Он был прав в том смысле, что врагу отдавались крупные высоты, пространства для маневра и часть выгодных рубежей, а русские войска вгонялись в лесные дефиле и овраги, довольствуясь высотками с обзором не намного дальше дистанции огня. Главной и единственной русской точкой дальнего наблюдения была колокольня Бородинской церкви, удерживаемая подразделениями 1-й армии Барклая, но в самом начале сражения лишились и ее. Отдавая противнику пункты, годные для начала контрнаступления, следовало найти и подготовить другую такую возможность. Но ничего в этом отношении не сделали. Нашли две пробки, одну из которых (поуже) забрали себе, а вторую (пошире) — подарили Наполеону. Французский штопор погнулся, а своего вовсе не запасли!

На случай же «неудачного дела», все было продумано гораздо основательней: «Генералом Вистицким несколько дорог открыто... по коим армии должны будут отступить» [86]. По карте таких путей видно три: Новая и Старая смоленские дороги плюс тропа, идущая между ними. За спиной русской армии Новая «дорога на Москву была настолько широка, что русские могли следовать по ней двумя колоннами, рядом с которыми еще оставалось место для движения их артиллерии... что чрезвычайно облегчало и обеспечивало отход армии» [87].

Всегда уделявший большое внимание действиям артиллерии Ермолов в своих «Записках» с момента описания прибытия к армии Кутузова перестает критиковать Толя, поскольку это бросило бы тень и на главнокомандующего. Тем не менее, описывая позицию при Бородине, он безлично указывает те же позиционные детали, за которые Толь подвергался порицанию Баркляя: на широкую и глубокую долину перед батареей Раевского «совершенно от нас сокрытую» (вот зачем были нужны единороги на батарее); «глубокую лощину, неудобную для сообщений» в ближнем тылу 2-й армии [88] и т. д. По оценке личных качеств Карла Федоровича Ермолов солидаризуется с Беннигсеном [89]. Эти моменты легко сравнить по тексту записок Ермолова и писем Беннигсена, их подтверждают в своем описании местности Богданович и Хатов [90, 91]. На изъяды для действия и транспортировки русских пушек в штабе Кутузова не обратили внимания, увлекаясь глубиной природных препятствий для Наполеона. Стоило Бонапарту потеснить русский левый фланг, и условия для действия артиллерии еще больше менялись в его пользу.

Русская диспозиция от 24 августа вполне могла быть изменена как в сторону усиления действий собственной артиллерии, так и упрочена перегруппировкой сил навстречу Наполеону, готовившему удар против левого русского фланга. Он начал зримо определяться в ходе французских перегруппировок 25-го числа: «С колокольни Бородина видно было, как французы все боле подавались вправо» [92]. К сожалению, главноком не исполнил собственную декларацию: «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям» [93]. Действовать сообразно движениям противника у Кутузова не получилось, он предпочел остановиться на картине, какую сам себе нарисовал, опасаясь быть обманутым Наполеоном. В течение последних суток перед сражением нарастало несоответствие универсального позиционного плана Михаила Илларионовича характеру конкретных действий противника. Когда почти все

французские ружья и пушки уже смотрели в грудь солдат 2-й армии Багратиона, русский главнокомандующий все еще ждал развития умозрительно ожидаемых угроз.

Это несоответствие пытались объяснять. Так, Колюбакин всячески выводит из-под огня критики Кутузова и демонизирует Толя: *«Изучение документов Бородинской операции, особенно исследование вопроса выбора позиции и расположения на ней войск, приводит нас к убеждению, что руководство Толя расположением войск не обнаруживает в нем понимания идей и оснований военного искусства, заложенного у нас Петром Великим... Румянцевым, Потемкиным и Суворовым, ни того искусства, которое зародилось на западе в конце 18-го и расцвело в 19-м столетии в руках гениального французского императора. В централизации квартирмейстерской части и обязанностей, в порядках расположения армии под Бородиным, в пассивности этого расположения, в расположении войск линиями, хотя бы и несколькими, — во всем этом Толь является рутинером и рутинером того отжившего учения о боевых порядках и о ведении боя, которое крепко привилось у нас с воцарением императора Павла, будучи слепо заимствовано от вербовочных армий Западной Европы»* [94].

Но, позвольте, а кто в шляхетском корпусе учил Толя? Или Кутузов был подчинен Толю, и не мог поправить его недочеты? Разве Карл Федорович отвечал за ненормальное положение квартирмейстерской части? Нет! Мы знаем, что такое положение дел было определено приказом Кутузова, стремящегося присвоить себе все рычаги принятия решений, забрав их у Барклая, Багратиона и Беннигсена. Как тут же признает Колюбакин, *«Полковник Толь пользовался безграничным доверием М. И. Кутузова... был силен у Кутузова, что сам был докладчиком и исполнителем, и что Кутузов не доверял и не любил Беннигсена»*. Кто породил, вопреки субординации, такие придворные, фаворитические отношения, — вопрос риторический. Зачем же Колюбакин порочил Барклая, чтобы запеть такой печальный псалом о Толе? Списать большинство несурязиц на Карла Федоровича не получается, и заявления будто *«он еще был чужд тактическому искусству французской армии»* [95] бьют не столько по нему, сколько по Михаилу Илларионовичу. Это Кутузов, как главнокомандующий, оказался чужд французскому тактическому искусству, не смотря на свое участие в кампании 1805 г. и глубококомысленные письма в адрес адмирала Траверсе с обсуждением войны 1806–1807 гг., ведомой Беннигсеном.

Выводы из логической уязвимости царской апологетики, пытающейся не уклоняться от разбора позиционных и тактических вопросов, получаются очевидные. Чтобы не наталкивать на них очередное поколение читателей, у советских панегирических историков описание Бородинской битвы представляет собой либо общие места с похвалой и выкриками против критики, как у П. А. Жилина, либо те же зады с сетованиями на «явную недостаточность источниковой базы» (?) у Л. Л. Ивченко [96, 97]. Пересказывать это читиво, обращая к его критике, не нужно, да и бесполезно. При дальнейшем изложении внимание будет, как и раньше, отдаваться работам специализированных исследователей, обнаруживающих больше конкретных знаний.

1. Слезин О. А. *Артиллерия в Бородинском сражении: новые исслед. // Война и оружие: Новые исслед. и мат.* СПб., 2012. Ч. III. С. 228, 229.

2. Ларионов А. П. *Исп. артиллерии в Бородинском сражении // 1812 г. Сб. ст. М., 1962. С. 116–133.*

3. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 163.

4. Деккер К. *Истор. артиллерии.* СПб., 1833. С. 107, 109.

5. Слезин О. А. *Артиллерия в Бородинском сражении: новые исслед. // Война и оружие: Новые исслед. и мат.* СПб., 2012. Ч. III. С. 227, 229.

6. Нилус А. А. *Истор. мат. части артиллерии.* СПб., 1904. Т. 2. С. 29–31.

7. *Отеч. война 1812 г. Мат.* ВУА ГШ. СПб., 1909. Т. XI. С. 337–338.

8. *Лейб-гв. конная артиллерия в войнах 1805 и 1807 гг. и в Отеч. войне 1812 г.* СПб., 1912. С. 8, 28.

9. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 458. С. 376.*

10. Нилус А. А. *Истор. мат. части артиллерии.* СПб., 1904. Т. 2. С. 32.

11. Дивов П. Г. *Повествование о царств. имп. Александра I, для него одного писанное // Рус. Старина. 1899. № 10. С. 87.*

12. Марченко В. Р. *Автобиогр. записка гос. секретаря // Рус. Старина. 1896. № 3. С. 480.*

13. Гогель И. Г. *Полезна ли полковая артиллерия? // Артиллерийский журн. 1810. № 3. С. 1–37.*

14. Хатов А. И. *Бой при редуте Шевардинском.* СПб., 1839. С. 6.

15. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 162.

16. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 168.*

17. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 163.

18. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 169–170.*

19. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 170. С. 139.*

20. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 258.
21. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 113. С. 97.
22. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 143–144.
23. Апухтин В. Р. Народная воен. сила. Дворянские ополчения в Отеч. войне. М., 1912. С. 21.
24. Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 254.
25. Липранди И. П. Пятидесятилетие Бородинской битвы. М., 1867. С. XX.
26. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 223.
27. Поликарпов Н. П. Честь забытым героям // Тыс. восемьсот дв. год. СПб., 2012. Т. 1. Вып. 1–10. С. 284–285. См. также: Поликарпов Н. П. Состав и роль Моск. ополчения в Бородинском сражении 26 авг. 1812 г. // Там же. С. 296–298.
28. Липранди И. П. Пятидесятилетие Бородинской битвы. М., 1867. С. 11–23.
29. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 80. С. 88.
30. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 72.
31. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 157. С. 129.
32. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 101. С. 109.
33. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 73.
34. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 75.
35. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 17.
36. Скугаревский А. П. Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 21.
37. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 141–142.
38. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 13–14.
39. Колобакин Б. М. Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 261.
40. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 169–170.
41. Скугаревский А. П. Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 11.
42. Хатов А. И. Бой при редуте Шевардинском. СПб., 1839. С. 17–18.
43. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 77.
44. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Ком. 1 к док. № 113. С. 97.

45. Леер Г. А. О позициях // *Воен. сб. 1866. Отд. неофиц. № 5–6. С. 217–219.* См. также: Леер Г. А. *Тактич. значение местности // Воен. сб. 1878. № 7–8. Отд. I. С. 36–39.*
46. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным).* СПб., 1912. С. 29–32.
47. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 142–143.*
48. Там же. С. 165–166.
49. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 157. С. 129–130.*
50. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 9.*
51. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 187.* См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 78.*
52. Нилус А. А. *Истор. мат. части артиллерии. СПб., 1904. Т. 2. С. 26.*
53. Хомченко С. Н. *Археологич. находки боеприпасов как источ. изуч. Бородинского сражения. Рус. позиции // Бородино в истор. и культуре. Можайск, 2010.*
54. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 77.*
55. Хомченко С. Н. *Археологич. находки боеприпасов как источ. изуч. Бородинского сражения. Рус. позиции // Бородино в истор. и культуре. Можайск, 2010.*
56. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 141, 143.*
57. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 13.*
58. Липранди И. П. *Пятидесятилетие Бородинской битвы. М., 1867. С. XIII.*
59. Шербатов А. П. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 146–148.*
60. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 143.*
61. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 13.*
62. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 145.*
63. Поликарпов Н. П. *Боевой календарь-ежедн. Отеч. войны // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1913. Т. IV. С. 471, 475.*
64. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным).* СПб., 1912. С. 21.
65. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 7–8.*
66. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным).* СПб., 1912. С. 13.
67. Там же. С. 15.
68. Колюбакин Б. М. *Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 265.*
69. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 72–73.*

70. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным)*. СПб., 1912. С. 16.
71. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях*. СПб., 1841. С. 186–192.
72. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М.*, 2004. С. 93.
73. Колобакин Б. М. *Бородинское сражение 26 авг.* // *Рус. Старина*. 1912. № 8. С. 269.
74. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев*, 1912. С. 74.
75. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М.*, 2004. С. 77.
76. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 23–24.
77. Свечин А. А. *Стратегия*. М., 1926. С. 134.
78. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона*. СПб., 1837. Ч. 1. С. 246.
79. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 173. С. 142–143.
80. Ахшарумов Д. И. *Опис. войны 1812 г.* СПб., 1819. С. 100.
81. Липранди И. П. *Пятидесятилетие Бородинской битвы*. М., 1867. С. 30–32.
82. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826*. М., 1991. С. 186. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон*, 1863. С. 77.
83. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии*. М., 1912. С. 138–139.
84. Колобакин Б. М. *Бородинское сражение 26 авг.* // *Рус. Старина*. 1912. № 8. С. 267, 269.
85. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии*. М., 1859. С. 13–14.
86. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 173. С. 143–144.
87. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М.*, 2004. С. 91.
88. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826*. М., 1991. С. 130, 184. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон*, 1863. С. 21, 76.
89. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев*, 1912. С. 72.
90. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 142.
91. Хатов А. И. *Бой при редуте Шевардинском*. СПб., 1839. С. 19.
92. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 223.
93. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 173. С. 141.
94. Колобакин Б. М. *Избрание М. И. Кутузова главноком. всеми армиями... и первые дни его деят.* // *Рус. Старина*. 1912. № 7. С. 26–27.
95. Там же. № 7. С. 24–26; № 8. С. 261.
96. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М.*, 1968. С. 123–126.
97. Ивченко Л. Л. *Кутузов*. М., 2012. С. 388–389.

6.2. ШЕВАРДИНСКИЙ БОЙ. ЕГО ПОДЛИННОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СВЯЗЬ С ПОЗИЦИОННОЙ ОШИБКОЙ

23 августа (4 сентября) 1812 года, после трехдневного ненастья, ставшего испытанием решимости Наполеона продолжать русский поход, его квартира выступила из Гжатска. Маршалы Ней и Мюрат роптали, корпуса Великой армии, все хуже снабжаемые, теряли много людей отставшими и больными. По изложению М. И. Богдановича, Бонапарт даже пообещал своим сподвижникам: *«Ну, делать нечего! Если погода не переменится, то мы не пойдем далее!»* [1]. Погода, однако, улучшилась, а зловещие предсказания еще серьезно не сказались на боеспособности наполеоновских войск. В тот же день русский аррьергард генерал-лейтенанта П. П. Коновницына был атакован авангардом Мюрата при деревнях Твердики и Гриднево. Дав упорный бой, в ночь на 24-е число аррьергард отступил к Колоцкому монастырю. Уже в четыре часа утра боевые действия возобновились [2].

Коновницын, понимая, что имеет дело не с отдельным отрядом, а с головой мощного потока, *«отослал назад пехоту с тяжелой артиллерией»* (во избежание ее захвата) и *«требовал умножения кавалерии»* [3]. Эти распоряжения быстро оправдались, позволив ему уничтожить три эскадрона гусар легкой кавалерийской бригады генерала П. Мурье в бою при деревне Валуево. Однако, ввиду дальнейшего поспешного отступления Коновницына, ясно видевшего *«полную невозможность не только удержать, но и задержать временно противника»*, за этот успешный бой (центральный аррьергард имел в потерях 2 убитых, 17 раненых и 29 лошадей) [4] никто не был награжден. Отгадка скупости главнокомандующего, вероятно, кроется в том, что, помимо Шевардинского, на левом берегу Колочи должен был строиться Бородинский редут, прикрывающий центр и правый фланг русской позиции. Из-за отступления аррьергарда его возведение стало невозможным [5]. Это обстоятельство нарушило 1-ю линию обороны, как ее себе представлял Кутузов.

Вслед за тем французы *«в больших колоннах пехоты, кавалерии и артиллерии»* подступили к едва построенному Шевардинскому редуту, защищавшемуся войсками из состава 2-й Западной армии под командованием генерал-лейтенанта А. И. Горчакова 2-го (брат и. о. военного министра в Петербурге) и обнаружили намерение *«атаковать Доронинско-Шевардинскую позицию»* [6]. К этому времени Горчаков успел занять редут девятью батареями 12-фунтовыми орудиями, и

подтянул к нему пехоту 27-й дивизии Неверовского (12 батальонов с 21 полевыми пушками), «дабы в случае отступления арьергарда генерал-лейтенанта Коновницына... служить ему подкреплением» [7]. Но отступивший от Колоцкого монастыря Коновницын оставил Горчакову своих егерей, занявших села Фомкино и Алексинки с кустарником между ними, а конницей пошел к основным русским линиям.

Всего для обороны Шевардинской позиции было назначено 14 батальонов пехоты и 38 эскадронов кавалерии, — драгунские полки 4-го кавкорпуса генерал-майора К. К. Сиверса: Харьковский, Черниговский, Киевский, Новороссийский, два эскадрона Ахтырских гусар и вся 2-я кирасирская дивизия И. М. Дуки. Позднее в качестве подкрепления подошла 2-я гренадерская дивизия принца Карла Мекленбургского. Со стороны деревни Дорониной, Фомкино и берега реки Колочи позицию защищали 5-й, 49-й и 50-й егерские полки [8, 9].

Как только Наполеон увидел редут, находившийся на высотке, мешавшей обозреть местность за ней, и затруднявший стрельбой пушек и рассыпанных впереди егерей наступление по большой дороге к селу Бородино, он приказал взять его. Против Шевардинской группировки численностью до 18 тыс. чел. и 46 пушек были брошены вдвое большие силы при поддержке 180 орудий. Завязавшийся бой носил исключительно упорный и кровопролитный характер. Редут несколько раз переходил из рук в руки, во время одной из них русские grenадеры перекололи штыками не желавший отступить батальон французов [10]. После утраты Шевардинского укрепления Багратион провел крупную контратаку силами 1-й и 2-й кирасирских дивизий с целью остановить дальнейшее распространение врага. По признанию Фоссена, она увенчалась успехом: *«Вольтижеры были смяты неприятельскими кирасирами. Наш полковник скомандовал: «Полк стройся в каре», но было уже поздно... кирасиры... пробились сквозь каре, построенное второях, и изрубили саблями всех, кого могли достать... Батальоны начали отступать в большом беспорядке... В этой злополучной стычке наш полк потерял около 300 убитыми»* [11]. Французы приводили себя в порядок до глубокой ночи.

Вследствие ожесточенности Шевардинского боя в мемуарной литературе даже возникла путаница между Шевардинским редутом и батареей Раевского. Так, Н. И. Андреев, офицер 50-го егерского полка 27-й пехотной дивизии описывает действия противника 24-го августа словами: *«Опять подошли к Раевского батарее, что было на конце левого фланга всей армии»* [12]. Квартирмейстерский офицер

Н. Н. Муравьев, наблюдавший бой издалека, по-видимому, со стороны главной квартиры в Татариново, впал в ту же ошибку [13]. Однако курганная высота была в стороне от главных действий того дня, перестрелку под ней вели перешедшие Колочу французские егеря.

Действия сторон в Шевардинском бою и отзывы ветеранов говорят о том, что все воспринимали Шевардинский редут не как передовое укрепление, поставленное для выигрыша времени и обнаружения развертывания противника, а как часть основной позиции. Таковы были взгляды Барклая и начавшего солидаризироваться с ним князя Багратиона. Таковы же были представления в штабе Кутузова, но там важного значения Шевардинскому бою поначалу не придали, исходя из воззрений о желательности завлечения врага в глубину русской обороны, и преувеличенного представления о труднопроходимости Старой Смоленской дороги. Лишь по мнению французов русская Шевардинская позиция *«была выдвинута на несколько сот сажен перед фронтом главных сил и предназначалась... для того, чтобы служить центром и принять нашу первую атаку»* [14]. Это мнение попало в 18-й бюллетень Великой армии Наполеона [15], а оттуда, подобранное историками апологетического направления у врага и подкорректированное, распространилось в русской военной истории.

Вопреки традиции сглаживать события на левом фланге Бородинской битвы, отдельными исследователями отмечалось: *«Некоторые наши военные писатели (Бутурлин и Богданович) говорят, что бой был предназначен для обнаружения развертывания противника; но, правду сказать, и с колокольни Бородинской церкви видно было, что Наполеон устремляет всю свою силу против нашего левого фланга. Очевидно этот бой имел другое значение — удержать Шевардинский редут, чтобы остановить обход левого фланга»* [16].

В реальности совпали два момента: представление Барклая и Багратиона о редуте как о ключевой позиции 1-й линии обороны, и обнаруженная командующим 2-й армией опасность обхода: *«Князь Багратион также представил, что по левой стороне, в некотором расстоянии от деревни Семеновской, находилась прежняя Смоленская дорога, через которую неприятель мог обойти его левый фланг. Но князь Кутузов и Беннигсен утверждали, что сия дорога могла быть легко защищена нестроевыми войсками»* [17]. Генерал Карпов, стоявший с казачьим отрядом на Старой Смоленской дороге, донес о появлении против него значительных сил Понятовского [18], и Кутузов, часто пересылавшийся во время Шевардинского боя с Багратионом [19],

начал осознавать не замеченную им и его штабом угрозу. По предложению Толя он посылает инженер-капитана Фелькнера *«для приискания в лесах на Старой Смоленской дороге местности, удобной для расположения части сил армии»*. При этом Михаил Илларионович яко бы сказал капитану: *«Когда неприятель употребит в дело последние свои резервы на левый фланг Багратиона, то я пушу ему скрытое войско во фланг и тыл»*. Фелькнер вскоре возвратился, доложив, что такое место имеется за Утицким курганом, в верховьях Семеновского оврага. По приказанию главнокомандующего в ночь с 24 на 25 августа Толь со всей поспешностью перевел туда из общего резерва 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова и 7 тыс. ратников Московского ополчения [20, 21].

Впоследствии приведенную фразу М. И. Кутузова и его собственноручное начертание на кроках Утицкого леса: *«Поставить скрытно»* [22], начали понимать как подготовку контрудара, засады на Наполеона, и винить в ее расстройстве генерала Беннигсена. На самом же деле, по убедительному разбору А. В. Геруа, речь шла скорее о том, что от первоначального замысла пассивного парирования обхода Михаил Илларионович пришел к осознанию недостаточности этой меры, и назначил 3-му пехотному корпусу и приданным к нему ратникам задачу активного парирования [23]. То есть, выяснилась подверженность армии обходу слева, что является серьезным просчетом, исправленным за счет уменьшения резерва на целый корпус. Наряду с обсервационной ценностью редута это определило необходимость удерживать его до наступления ночи и завершения движения Тучковым. По описанию Баркляя де Толли: *«Сие распоряжение совершилось без малейшего моего о том сведения. Полковник Толь прибыл к корпусу, и приказал за собой оному следовать... Я представил сие князю и получил в ответ, что причину сему была ошибка, которой впредь уже не случится»* [24]. Затем просчет был припрятан ответственными лицами и панегирической исторической традицией.

Теперь понятна путаница с приказом на оставление Шевардинского редута. В общем виде возможность отступления была оговорена заранее, а упорный характер боя определялся соображениями, прояснявшимися в течение дня 24 августа. Увеличивающаяся угроза заставляла Багратиона наращивать силы, вместо того, чтобы отходить. Об отдаче приказа лично Кутузовым в 11 часов вечера (вероятно, после доклада о завершении перехода 3-го корпуса) упоминают Н. Д. Нелов и М. И. Богданович [25, 26]. А. И. Хатов же пишет, что когда

приказ был отдан главнокомандующим, дабы не подвергать войска, сражающиеся на Шевардинской позиции риску обхода со стороны далеко продвинувшихся через кустарник поляков Понятовского, его исполнению до наступления полной темноты противился князь Багратион [27]. Могло иметь место и одно, и другое по схеме: предложение главнокомандующего (на основе его первоначального плана) отступить от разрушенного в ходе боя редута, — отказ Багратиона, — уяснение Кутузовым опасности, — приказ Тучкову, — после завершения переброски корпуса отдача приказа на отход Багратиону. В таком свете Шевардинский бой следует толковать как начатый Наполеоном ввиду важности для него этой позиции, и поддерживаемый Багратионом для предотвращения краха всей русской оборонительной линии вследствие крупной квартирмейстерской ошибки, угрожавшей обходом ее левого крыла. В этом качестве он является не авангардным столкновением, а неотъемлемой частью Бородинского сражения.

Ошибка произошла вследствие недостатка времени на картографическую съемку местности. Первоначально Кутузов намеревался дать сражение на Колоцкой позиции, о чем 21 августа (2 сентября) отписал Ростопчину. В тот же день он передумал, и сообщил Московскому губернатору: *«Армия отступит еще на двенадцать верст, где займет позицию для сражения, гораздо выгоднейшею признанною»* [28]. Погода при осмотре Бородинской позиции была плохая. Помимо съемки, квартирмейстерская часть была озабочена определением и оборудованием лагерных мест, а затем началось обсуждение фортификационных вопросов. Сказалось и общее ухудшение работы квартирмейстерской службы, изъятой из-под контроля командующих 1-й и 2-й армиями. Такое ухудшение в виде *«неисполнения осмотра мест»* по ходу отступления армии отмечают Барклай и неизвестный респондент Михайловского-Данилевского [29]. По мнению, в котором утвердился Колюбакин, *«кроки было неверно снято и ввело в заблуждение Кутузова»*, что отразилось на избрании Бородинской позиции для битвы [30].

Непосредственной причиной просчета стала путаница в названиях сожженных деревень Ельни, Старо-Ельни и Утицы, из-за чего привязываемая к ориентирам населенных пунктов местность «сдвинулась», и лесное дефиле, через которое проходила Старая Смоленская дорога, оказалось зауженным против реальности примерно на 1 версту. Для перспектив обороны — это дистанция огромного размера. Возможно, по этой же причине (при сведении воедино кроков) слу-

чилась и ранее упомянутая ошибка в числении полевой части Бородинской позиции, которая тоже оказалась зауженной против истинного расстояния на 1 версту.

Геруа указал, что французский план «*в отношении расстояний вполне совпадающий с современною верстовою картою*», но это не соблюдается для плана Толя: «*На месте, обозначаемом на русских чертежах (их картами назвать нельзя) д. Утицы — лежала выжженная деревня Старо-Ельня, которая находилась, вполне согласно с указанием реляции Кутузова о д. Утице как раз на одну версту расстояния от д. Семеновской*» [31]. По сообщению Клаузевица: «*Такое построение было тем более недопустимо, что на расстоянии полумили от большой дороги проходит другая дорога на Москву через селение Ельню, ведущая непосредственно в тыл этой позиции*» [32]. Генерал-майор Сиверс, рапорта о Шевардинском бое, называет Старую Смоленскую дорогу Ельнинской [33]. Де Сегюр величает тамошний лес не Утицким, а Ельницким [34].

Топонимика подтверждает, что по Старой Смоленской дороге на пути наполеоновских войск лежали сначала Ельня (дольше присутствует на схемах Шевардинского боя), затем Старо-Ельня (исчезла), и южнее — Утица (заняла на чертежах место Старо-Ельни). А на хрестоматийных планах Бородинской битвы Утица дольше ошибочно показывается там, где и на квартирмейстерских «кроках» с отметкой Кутузова, — на месте деревни Старо-Ельня. Если еще тщательнее следить за географией района, угадывается, что искаженное название Утица или Утицы появилось здесь после Бородинского боя, когда стало гулять по России как общеизвестное. На самом же деле от Старой Смоленской дороги на юг текла ныне пересохшая речка Учъ, и лежащей на ее берегу деревне (весьма обычное расположение — близ дороги, у воды) пристало называться Учица, а высотке у речного истока — Учицким курганом. Учъ являлась крайним к югу меридиональным линияментом Бородинской позиции, протекая через широтно расположенный лес и впадая в широтного простираения заболоченную речку Мжуть, где ныне находится озеро Мжуть. Этот комплекс затруднял обход позиции с юга.

Ошибка вызвала непонимание потомками соображений русского командования, долевших над Шевардинским боем, и путаницу в описаниях событий на Старой Смоленке. Но, читая изданную в 1852 году «Историю лейб-гвардии Павловского полка», видно, что войска Понятовского, появившись 26 августа перед занятой русскими

егерями Старо-Ельней, стремились обойти этот заслон через Утицу (Учицу), сойдя с дороги к югу, где были поле для развертывания, и еще один, хотя сильно отклоняющийся на юг, проход через лес [35]. В истории 95-го Красноярского пехотного, бывшего 5-го Егерского полка сказано, что *«позиция наша тянулась от реки Москвы до реки Утицы»* (Учицы, Учъ). Полк занимал левый фланг Доронинско-Шевардинского участка. После занятия французами деревни Дорониной, действуя со стороны Ельни, *«поляки Понятовского обошли левый фланг и подавляющими силами оттеснили наших егерей в лес между Шевардиным и Утицей»* [36]. Следовательно, прикрывая спешное развертывание корпуса Тучкова по обе стороны Старой дороги, егеря 5-го полка могли отойти не на восток, — к Семеновскому, а на юг, к речке Учъ. Начинает проглядывать то, что на хрестоматийных схемах Бородинской битвы скрывается за нижним обрезом. Еще одной причиной бросить редут могло быть неудобство сообщения с ним. *«В тылу этого участка пролегал Семеновский овраг, значительно препятствовавший сообщению боевой части участка с резервом»* [37].

Ирония может быть такова, что не будь путаницы, представляющей Бородинскую местность излишне тесной и защищенной с южного фланга, не была бы избрана для сражения Бородинская позиция. Но когда армия оказалась на ней, не оставалось ничего другого, как заняться адаптациями, попутно скрывая ошибку, чтобы не понести ответственности (не будем забывать, что Кутузов был авторитарен и вспыльчив). Собственно, на это намекал Клаузевиц, говоря, что позиция при Бородине являлась *«парадной в том смысле, в котором этот термин применяется к лошадям, которые на первый взгляд обещают больше, чем могут дать. Правый фланг примыкал к Москве-реке, не имеющей здесь бродов, фронт прикрыт речкой Колочей, протекающей по довольно глубокой долине; все это создавало первое неплохое впечатление и сразу же подкупило генерал-квартирмейстера»* [38]. Для левого же фланга и закрылка условия были сомнительны, удлиняя пути отхода обороняющихся войск и ставя их под угрозу обхода. Впрочем, Клаузевиц, вероятно, не знал о хорошей тропе Семеновское — Псаревое — Татариново с выходом на Новую Смоленскую дорогу (не так уж поверхностен был Толь), но и не мог предвидеть проруху русских квартирмейстеров, приведшую его суждение об опасности для левого фланга армии к реальности.

Бутурлин в своей первой рукописи, увидевшей свет только в 1894 году на страницах «Русской Старины», высказал гораздо больше

критических мыслей, чем на страницах одобренной свыше «Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году». Он утверждал то же, что и Клаузевиц: *«По моему мнению, Бородинская позиция была дурно выбрана. Хотя на вид и очень сильная, в сущности она заключала в себе много недостатков... На своем левом фланге она была доступна обходу по Старой Смоленской дороге, и для того, чтобы отстранить это страшное удобство, вынуждены были совершенно отдалить от позиции целый значительный корпус. С другой стороны, весь правый фланг был парализован... Этот фланг, расположенный слишком выгодно, чтобы быть атакованным, также не мог предпринять ничего серьезного против неприятеля»* [39]. Таким образом, Бутурлин тоже заметил обратимость Бородинской позиции. К аналогичному взгляду пришел и Богданович, заявив: *«Позиция при Бородине была нами занята ошибочно, из желания воспользоваться сильнейшей частью ее, за рекой Колочею. Расположив почти треть армии между Горками и рекой Москвою, где достаточно было поставить для наблюдения за неприятелем несколько тысяч человек легких войск, мы подвергли опасности центр, и в особенности левое крыло»* [40].

В донесении царю Кутузов не упомянул об отходе 2-й армии от Шевардина, отослав тому план расположения войск на новых, Семеновских позициях и представив этот бой как победоносное отражение неприятеля на всех пунктах. Широко распространялась информация о захваченных Глуховским полком возле редута французских пушках, которых было увезено с собой 5, а самодержцу Михаил Илларионович со своей обычной хитрецой доложил о 8, *«из коих три, совершенно подбитые, оставлены на месте»* [41]. Не было упомянуто о 7 брошенных в редуте русских 12-фунтовых орудиях, прислуга и тягловые лошади которых были перебиты, повреждены орудийные лафеты.

В совокупности с паузой в активных действиях, взятой Наполеоном 25 августа, это донесение питает общепринятую версию о Шевардинском бое, как о заранее спланированном арьергардном. Еще раз подчеркнем, что он не был таковым, развиваясь не «до», а «в» системе определенных к битве рубежей левого фланга. Вопрос о том, где по замыслу русского командования проходил фронт армии, был прояснен А. П. Скугаревским, отметившим, что на принадлежность редута к основной позиции указывают как система фортификации Бородинского поля, так и документы Кутузова [42]. Точно так же думал М. И. Драгомиров, отмечая, что с принятием этого мнения *«многое, не разъясненное до сих пор в нашем расположении, совершенно*

осмысливается» [43]. Как же надо было затоптать ура-патриотической риторикой военно-историческую науку, чтобы через 70–80 лет после крупнейших сражений все еще надо было осмысливать базовые моменты, да и 200 лет спустя продолжается то же самое?!

Проверяя Скугаревского по переписке Михаила Илларионовича, читаем: «*Вчера на моем левом фланге было дело адское*» [44]. Сказано: не перед левым, а на левом фланге. Внимательно читая первый абзац его донесения Александру I, получается то же самое, — Шевардинский бой велся в пределах определенной Кутузовым Бородинской позиции, а не перед ней. Главнокомандующему вторит Толь, озаглавивший свою работу о Бородинском сражении: «*Описание битвы при селе Бородине, 24-го и 26-го августа 1812-го года*», тем самым вводя Шевардинский бой в ее рамки. Арьергардный же бой, по мысли Кутузова и Толя, должен был происходить при Колоцком монастыре, откуда, вопреки их ожиданиям, быстро отступил Коновницын. Первые слова рассказа Толя таковы: «*Августа 24-го дня пополудни в 4 часа, российский арьергард генерал-лейтенанта Коновницына атакован был французами при Колоцком монастыре. Превосходные силы неприятеля принудили его отступить к главной позиции при селе Бородине*», после чего описывается бой за Шевардинский редут [45]. Несомненно, что Шевардинский бой является частью Бородинского сражения, но для ревнителей непрерывных подвигов и патриотических «накачек», включать его в рамки битвы невыгодно. Занять позицию для генерального сражения и тут же оказаться сбитым с ее части, — небогато тут военного искусства!

Тем не менее, Шевардинский бой нельзя считать бесплодным, как то полагали в штабе Барклая, не понимая перипетий со Старо-смоленским дефиле: «*Князь Кутузов, осматривая расположение войск, приказал отклонить левое крыло так, чтобы глубокая лощина пролегала перед его фронтом: конечность оного, в новом месте, приказал укрепить несколькими флешами. За сею переменою редут, оставаясь далее пушечного выстрела, сделался совершенно для нас бесполезным, и потому защищать и удерживать его не нужно было*». Но, исходя из реальной ситуации на левом фланге русской позиции, вполне логично мнение Багратиона и Горчакова, который до позднего вечера «*не усмотрел пользы его (редут) оставить*» [46]. При помощи Шевардинского боя была исправлена грубейшая ошибка, состоявшая в том, что русские выдвинули вперед не обеспеченный от обхода левый фланг, и Наполеон лишился возможности обеспечить себе победу [47].

Судьба Бородинской битвы висела на волоске. Бонапарт почувствовал, что перед Понятовским *«сопротивление русских в этом пункте было не совсем таким, каким оно должно было бы быть и каким оно было в других местах»*, и колебался, *«произвести ли глубокий маневр правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля... или же атаковать неприятельский центр с фронта и с тыла, начав атаку правым крылом. Он опасался, что побудит русских к новому отступлению, если примет первый вариант»* [48].

Бой принес бы еще больше пользы, если бы русским командованием из него были сделаны прочие должные выводы. Он показал, какой концентрации сил добивается Наполеон, и преподавал урок действия французской артиллерии. Начальник артиллерии 3-го кавалерийского корпуса Великой армии, осматривавший захваченный редут, отметил: *«Парапеты во многих местах были разрушены нашими пушками; русские орудия сзади были сброшены с лафетов и опрокинуты; артиллеристы, обслуживавшие их, лежали тут же, мертвые»* [49]. То же самое наблюдал и Ермолов: *«Не раз были взяты у неприятеля орудия, но огонь сильнейших батарей исторгал их из рук, овладевших ими»* [50].

Хотя наполеоновские потери составили более 1000 чел. только убитыми и несколько сотен пленными, от пяти до семи 6-фунтовых и полковых пушек, русские потеряли не меньше. Общие потери сторон оценивались как «равномерные» или в 5 и 6 тыс. чел. соответственно [51]. Жертвы оборонявшихся могли быть еще выше, если бы не четкое командование А. И. Горчакова 2-го. Он стремился держать свои малочисленные батареи соединенно на господствующей позиции, удачно прибегал к военной хитрости в сумерках конца боя [52]. По свидетельству Н. Б. Голицына: *«Князь Багратион, взвешивая все удачи и неудачи, провозгласил, что... честь и слава Шевардинской битвы принадлежит князю Горчакову»* [53]. Ставший одним из источников толстовского образа Андрея Болконского, Горчаков был тяжело ранен в битве 26 августа, долго лечился, и заслуженного признания не получил.

В ходе боя французам не удалось взять ни одного пленного. Наполеон спрашивал о причинах. *«Ему ответили, что настроенные своими военачальниками и привыкшие воевать с турками, которые убивали пленников, русские предпочитали умирать, чем сдаваться. Тогда император впал в глубокое раздумье и, придя к заключению, что в сражении артиллерийский огонь будет более действительным, он поспешил с приказаниями о скорейшем доставлении оставших артилле-*

рийских парков» [54]. В то же время, Кутузовым урок крови опять не был усвоен. Пример Шевардина должен был заставить его подтянуть свои войска к местам вероятных атак, пересмотреть расположение и способы действия артиллерии. Но перегруппировка корпусов и дивизий на угрожаемый левый фланг, рекомендуемая всеми тремя старшими генералами русской армии, проведена не была. В изложении Ермолова описание упрямства главнокомандующего звучит как болезненный выкрик: «Предложение не уважено!» [55]. Расположение русских войск на Бородинской позиции сохранило свой «странный» характер [56].

Как мягко высказался о непостижимой неуступчивости Михаила Илларионовича Колюбакин: «Кутузов мог считать, что он принял достаточные меры на случай атаки главными силами Наполеона его левого фланга» [57]. Бутурлин рассудил, что переброски 3-го пехотного корпуса было недостаточно: «Лучше бы сделали, если бы последовали совету генерала Беннигсена, который предлагал упереть правый фланг о большую дорогу и овраг близ деревни Горки, а левое крыло протянуть почти до корпуса Тучкова. Таким образом оборона старой дороги была бы связана с обороною позиции. Что касается до правого фланга, то за него нечего было опасаться: неприятель никогда бы не отважился перейти Колочу потому, что он рисковал быть запертым между нашей армией и реками Москвою и Колочею» [58].

1. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 134–135.
2. Неелов Н. Д. Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 14–15.
3. Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. I. С. 17.
4. Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедн. Отеч. войны // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1913. Т. IV. С. 473–474.
5. Ануфриев В. П. Хронология Шевардинского боя // Историч. формат. 2015. № 3. С. 145–146.
6. Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедн. Отеч. войны // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1913. Т. IV. С. 480.
7. Хатов А. И. Бой при редуте Шевардинском. СПб., 1839. С. 20.
8. Там же. С. 26–28.
9. Иванов Н. А. Рус. конница в вел. Бородинской битве. Одесса, 1912. С. 9.
10. Тударев А. И. Кр. истор. 5-го гренадерского Киевского полка. Калуга, 1892. С. 112–113.
11. Фоссен В.-А. Дневник поручика // Рус. Архив. 1903. № 11. С. 469.
12. Андреев Н. И. Воспоминания // Рус. Архив. 1879. № 10. С. 191.
13. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 251–252.

14. Колачковский К.-И. Е. Записки о войне 1812 г. Б. м. 1911. С. 35.
15. Ануфриев В. П. Хронология Шевардинского боя // Историч. формат. 2015. № 3. С. 149.
16. Иванов Н. А. Рус. конница в вел. Бородинской битве. Одесса, 1912. С. 8–9.
17. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 17.
18. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 150.
19. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 222.
20. Геруа А. В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 28–29.
21. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 151–152.
22. Колобакин Б. М. Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 264.
23. Геруа А. В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 30–31.
24. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 18.
25. Неелов Н. Д. Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 22–23.
26. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 150.
27. Хатов А. И. Бой при редуте Шевардинском. СПб., 1839. С. 37–38.
28. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 142, 145. С. 118–119, 122.
29. Замеч. на офиц. известия из армии 27 авг. // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 217.
30. Колобакин Б. М. Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 265.
31. Геруа А. В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 30–32.
32. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 76.
33. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 140.
34. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 21.
35. Гоувальт О. Х. Истор. лейб-гв. Павловского полка. 1726–1850. СПб., 1852. С. 116.
36. Крючков В. В. 95-й пех. Красноярский полк. СПб., 1897. С. 137–138.
37. Бондырев С. А. Очерк участия Киевских драгун в Отеч. войне 1812 г. Васильков, 1912. С. 20.
38. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 76.
39. Бутурлин Д. П. Кутузов в 1812 г. // Рус. Старина. 1894. № 10. С. 206.
40. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 226.
41. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 175. С. 144–145.

42. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 6–8.
43. Драгомиров М. И. *Разбор романа «Война и мир».* Киев, 1895. С. 71.
44. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 177.* С. 146.
45. Толь К. Ф. *Опис. битвы при селе Бородине 24 и 26 авг. 1812 г.* СПб., 1839. С. 2–4.
46. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 185. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 77.*
47. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 32.
48. Коленкур А.-О. Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 131.*
49. Гриуа Л. *Отрывок из воспоминаний // Французы в Рос. М., 1912. Ч. 2.* С. 134.
50. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 185. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 77.*
51. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 150–151.*
52. Поликарпов Н. П. *Боевой календарь-ежедн. Отеч. войны // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1913. Т. IV. С. 478, 488.*
53. *Шевардинская битва по рассказу кн. Н. Голицына // Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1898. Ч. 3. С. 8.*
54. Сегюр Ф. П. *Бородинское сражение и занятие Москвы франц. М., 1912. С. 10.*
55. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 186. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 78.*
56. Маркграфский А. Н. *Истор. лейб-гв. Литовского полка. Варшава, 1887. С. 16.*
57. Колубакин Б. М. *Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 269.*
58. Бутурлин Д. П. *Кутузов в 1812 г. // Рус. Старина. 1894. № 10. С. 206–207.*

6.3. УПРАВЛЕНИЕ АРТИЛЛЕРИЕЙ И ВОЙСКАМИ НА БОРОДИНСКОЙ ПОЗИЦИИ. ПРОБЛЕМЫ, О КОТОРЫХ НЕ ПРИНЯТО ГОВОРИТЬ

Позиционные изъяны, усложняющие боевое питание и передвижение русской артиллерии, в совокупности с необходимостью нанести максимальный ущерб противнику, определили знаменитый приказ начальника артиллерии генерал-майора А. И. Кутайсова: «Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиции не снимались, пока не-

приятель не сядет верхом на пушки; сказать командирам и всем гг. офицерам, что отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции; артиллерия должна жертвовать собою, пусть возьмут нас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор. Если за всем этим батарея и была бы взята, хотя можно почти поручиться в противном, то она вполне искупила потерю орудий» [1].

Цены бы не было этому приказу, если бы русский главнокомандующий озаботился двинуть массу орудий на рубежи обороны, указав соединять батарейные роты на выгодных местах, вместо того, чтобы удерживать пушки в резерве и мельчить батареи для уменьшения потерь матчасти, неизбежных при атакующем образе действий противника. Немногочисленные укрепленные батареи (по 1–2 перед каждым корпусом) подвергались большой опасности, а после выполнения задачи завлечения Наполеона на свой левый фланг запаздывать и скупиться с артиллерийским огнем было смерти подобно. Одно дело наступающему врагу бороться с 4–12 орудийной батареей, а другое, — с 24–36 орудийными, как предлагал Беннигсен. Крупные и вовремя введенные в бой батареи могли счистить французов с поля перед собой, уменьшив жертвы русской пехоты. Следовало увеличить подручный боекомплект, но о его недостатке командование спохватилось уже в ходе битвы.

Ни в риске большим числом орудий на передовой, ни нужды в укрупнении батарей Кутузов смысла не видел. Массирование орудий было не в практике его войн. Более того, из тревожности перед Бонапартом и желания сохранить резервы и материальную часть вверенной ему армии, выпускник Соединенной Артиллерийской и Инженерной школы поступил как каптенармус. Кутузов отделил, по разным источникам, от 296 до 390 орудий (от 48 % до 62 % пушек, в том числе 90 % самых убойных и мощных в обороне 12-фунтовых) в артиллерийский резерв, расположенный в Псаревском лесу впереди деревни Псаревой [2, 3], откуда они действовать не могли. Тем самым, Наполеону был отдан подавляющий артиллерийский перевес в начале сражения. Максимальные цифры назвал Л. Г. Бескровный, исчислив общее количество оказавшихся в резерве русских пушек в 474 (!) единицы. Эту цифру он поместил в своем комментарии на диспозиции к Бородинскому сражению, где Михаилом Илларионовичем указывалось: *«При сем случае не излишним почитаю представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы как*

можно далее» [4]. Трудно найти более впечатляющую иллюстрацию этого неадекватного в свете опыта наполеоновских войн решения Кутузова. Главнокомандующий недооценил интенсивность предстоящего сражения и проморгал необходимость развертывания своей артиллерийской группировки.

Известно, что этому шагу главнокома противились командующие армиями, особенно Багратион, у которого после вооружения флешей и отделения резерва, пушек почти не оставалось. Петр Иванович 25 августа объявил войскам 2-й армии свой собственный приказ о подготовке к сражению, в котором указал: *«Резервы иметь сильные, и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и полевым»* [5]. Тем самым он в прямое противоречие с Кутузовым не вступил, но, «уточнив» общую диспозицию от 24-го числа, вернул всю резервную артиллерию своей армии почти к исходным местам. Переброска орудий из резерва на поле кипящей битвы продолжилась 26 августа, перевес французской артиллерии стал сокращаться, но страшное дело было уже сделано.

Невиданное по масштабам резервирование русской артиллерии, оказавшее заметное негативное влияние на ход Бородинской битвы, выглядит так нелепо, что А. П. Скугаревский высказал мысль, как Наполеон обманул русского полководца. Укрепления, возводимые французами на отданном им выгодном рубеже, имели цель не только предусмотрительную, как то считал М. И. Драгомиров, но демонстративную, — убедить русских в их оснащении сотнями пушек (т. е. в резервировании французской артиллерии), что увидел Ф. Глинка с колокольни Бородинской церкви: *«Они роются как кроты в земле; строят преогромные редуты, а пушек, пушек, и сказать страшно! — На одном только окопе насчитал я сто! — Но не один я был задержан любопытством на колокольне: многие генералы всходили туда же»* [6]. Приведя воспоминания очевидца, Скугаревский замечает: *«Сколько известно, в окопах этих во время боя не было ни одной пушки»* [7]. Кутузов поступил так, как ему показал Бонапарт — зарезервировал свою артиллерию в опасении, что тот в какой-то момент сражения введет ее в бой на правом фланге. А французский полководец бросил в огонь массу орудий сразу, на левом. И добился превосходства, которого Кутузов, ошибочно переместившийся в Горки (и, на всякий случай, притянув туда 30 пушек из резерва), не мог быстро распознать. Эта же демонстрация могла сыграть роль в нежелании Михаила Илларионовича делать перегруппировку войск на левый фланг.

Помимо отделения большого артиллерийского резерва, не были правильно расставлены пушки, оставшихся при войсках первой линии. Наиболее сильной артиллерией продолжала располагать 1-я армия Барклая де Толли. В ней числилось 35 артиллерийских рот и батарей, а всего, вместе с двумя приданными конными ротами — 444 орудия, из которых от 210 до 306, по разным источникам, в резерве. Во 2-й армии Багратиона, на которую пришелся главный удар, артиллерийских рот и батарей было 19. Артиллерия 2-й армии была ослаблена тем, что 46 орудий из ее состава приняли бой на Шевардинском редуте (7 потеряно, у многих других побиты лошади и прислуга), а 27-я артиллерийская бригада отсутствовала во время сражения, находясь в Москве. Всего в армии Багратиона, включая приданную конную роту донской артиллерии, имелось 180 пушек, из коих не менее 122 велено было определить в резерв. Пушки, оставшиеся после отделения резерва, как то убедительно и вопреки собственным выводам, показал советский исследователь Бородинского сражения А. П. Ларионов, продолжали находиться при своих дивизиях и корпусах, то есть на разных участках, распыленно [8].

Царская литература о Бородинском сражении пестрит упоминаниями малых русских батарей, иногда вынужденных разделять свои слабые силы из-за тесноты пересеченной местности и в попытках действовать против многочисленных батарей и подразделений наполеоновских войск. К примеру, на маленьком кургане у Горок было помещено всего 3 орудия, *«потому что на этом пункте невозможно было поместить более артиллерии»*. Остальные 9 орудий батарейной роты майора Дитерихса были установлены в 200 саженьях впереди [9, 10]. Конечно, для русского боевого опыта было типично разбрасывать артиллерию по всей позиции небольшими группами, так, чтобы впереди лежащую местность можно было обстреливать перекрестным огнем. Но в условиях гигантского сражения несколько орудий были не в состоянии остановить дивизионную или корпусную массу, поддерживаемую многочисленными пушками.

Русская артиллерийская диспозиция выглядела неубедительно. Высоты у Бородина заняли 4 батареи из 32 орудий. Батарея в люнете на курганной высоте, выделенная из состава 7-го корпуса Н. Н. Раевского, и поэтому названная «батареей Раевского» (дабы не упоминать Г. М. Шульмана с его «непатриотичной» фамилией, хотя династия Шульманов дала России нескольких артиллерийских генералов), состояла из 18 орудий. Вблизи нее, в порядках 6-го и

7-го пехотных корпусов находилось несколько батарей, вместе насчитывавшие от 48 до 60 пушек. На Семеновских (Багратионовых) флешах, не смотря на огромную значимость этих укреплений для боя, было поставлено всего 24 орудия под командой полковника Богуславского. Вместе с батареями, находившимися в составе поддерживающих флешей войск, на этом участке фронта имелось 52 пушки [11]. А. Н. Тучков 1-й располагал для закрытия дефила Старой Смоленской дороги 18 пушками (остальные орудия 3-го корпуса были направлены Багратиону).

Всего — порядка 230 орудий, готовых к открытию огня по первой вражеской атаке, что совпадает с данными Толя о численности резерва (390) на момент начала сражения. Остается удивляться тому, как Ларионов, насчитавший в резерве 354 пушки, мог полагать их немедленно введенными в дело. Отслеживая перемещения артиллерии, он пришел к выводу, что Кутузов сосредоточил на левом фланге 396 орудий. Да вот только когда это произошло? Сосредоточить и своевременно ввести в бой — вещи и понятия весьма разные. Кутузов сделал только первое, создав огромный артиллерийский резерв. Второе начало стихийно исполняться в ходе битвы, в то время как Наполеон решительно произвел и первое, и второе. К тому же, весь бой фактически происходил на левом фланге, и цифра Ларионова предполагает, что надо выяснять, чем были заняты остальные 228 русских пушек, в то время как Бонапарт направил в огонь всю свою артиллерию, включая гвардейскую.

Скугаревский пришел к выводу, что когда битва осложнилась, «резерв артиллерии, оставшийся в русской армии неиспользованным в ходе Бородинского сражения... просто забыли». Он насчитал в бездействии 204 орудия (!) [12]. По информации участника миссии английских военных наблюдателей лорда Тирконнелла, почерпнутой им из разговоров в русской армии на подходе к Тарутинскому лагерю: «У них считается не менее как 620 орудий в армии... в Можайском сражении не могли употребить в дело более 220» [13]. По оценке Ж. де Местра: «Французы лучше действовали своею артиллериею (не быв однако же лучшими артиллеристами, что дело совсем другое). Русская артиллерия отлично была оборудована, но французская лучше размещена. У русских при Бородине осталось сто пушек без действия, что непростительно» [14]. Конечно, эти отзывы не точны, но показательны. Кутузов не сумел ввести в бой столько пушек, сколько Суворов задействовал при штурме Измаила, хотя и был свидетелем той канонады.

По обобщению профессора Николаевской военной академии генерал-майора Байова: *«Идея артиллерийского резерва на основании опыта предшествовавших войн окончательно утвердилась у нас и на практике вылилась в уродливую форму, являющуюся препятствием к целесообразному использованию артиллерии»* [15]. Тут надо уточнить, что не у «нас», а конкретно у Кутузова, потому что в корпусе Витгенштейна этого уродства не было, да и Тормасов с такой «экономией» Кобрин не атаковал. Саксонцы были подвергнуты массированному артобстрелу, который решил участь боя до натиска кавалерии и пехоты. Не понимали Михаила Илларионовича в вопросе резервирования орудий и его собственные подчиненные. Генерал Паскевич вспоминал: *«Я был в авангарде у Милорадовича, когда решено было оставить Москву... Велено было ночью отправить артиллерию (как и при Бородино, где артиллерию сняли с позиций первой. — А. Д.), а в 8 часов отступить. Странное приказание! Я не понимаю даже, как артиллерию отбирать и в кор-де-баталии, но как отбирать орудия от пехоты авангарда? Удивляться надо!»* [16].

Ни на одном пункте Бородинской битвы русские поначалу не могли задействовать против наступающего врага более 50–60 орудий одновременно. Тут ничего не могли поправить усилия А. И. Кутайсова самолично расставить батареи, перепроверяя их расположение и состояние [17]. Против турок такая диспозиция сгодилась бы, но не против Наполеона, решавшего задачу как выбить из «горлышка» русскую «пробку». Ранним утром 26 августа (7 сентября) он ввел в бой против Багратионовых флешей 146 своих орудий, и продолжал наращивать огневые силы [18]. *«На рассвете увидали мы вырублен лес и против нас... явилась огромная батарея... зрелище открылось необыкновенное: стук орудий до того, что не слышно было до полудня ружейного выстрела, все сплошной огонь пушек... Стук от орудий был таков, что за пять верст оглушало, и сие было непрерывно»,* — сообщает свои впечатления участник битвы Н. И. Андреев [19]. Увы, понятно, чьи стреляли пушки. Звук собственных, недалеко стоящих батарей более раскатистый из-за вибраций стволов и лафетов, их залпы описываются как «грохот» или «рев», в то время как от вражеских жерл слышны короткие, резкие удары — «стук».

По ходу битвы французская артиллерия активно и даже несколько авантюрно продолжала выдвигаться вперед, занимая отбитые у русских Семеновские высоты как новые выгодные позиции: *«На линию флешей вынеслась масса французской артиллерии, и более 400 орудий*

расположились вдоль левого берега оврага на всем его протяжении и открыли убийственный огонь... Невыгоды нашего общего расположения, теперь уже в форме более острого угла, способствовали действительности огня масс французской артиллерии, поражавшей во фланг наш центр настильно-рикошетным огнем. Мужественно отвечала наша артиллерия, уступая числом и выгодами расположения, и твердо стояли под губительным огнем наша пехота и кавалерия» [20].

В довершение неприятностей, русские батареи часто приводились к молчанию не французским огнем, а недостатком боезапаса. Сцену первого падения батареи Раевского описал Михайловский-Данилевский: *«Оттеснив наших стрелков, французы двинулись на батарею; 18 орудий ее и стоявшие по сторонам артиллерийские роты поражали их сильным огнем. Неприятель не колебался. Выстрелы по нему ежеминутно становились чаще, заряды истощались, наконец, дым закрыл неприятеля... и вдруг головы французских колонн, без выстрела, перелезли через бруствер. Неприятель не мог употребить захваченных им 18 орудий, потому что при них не было зарядов, но, по обеим сторонам взятой ими батареи, французы стали подводить орудия» [21].* У Ермолова читаем: *«Долго при неравных средствах слабое укрепление наше держалось против сосредоточенного огня сильных неприятельских батарей, но при находящихся в нем восемнадцати орудиях не было уже ни одного заряда, и угасший огонь их облегчил приближение французов» [22]. «Благодаря этому обстоятельству французам удалось овладеть батареей Раевского» [23].* О том же написал Л. Н. Толстой: *«Унтер-офицер подбежал к старшему офицеру и испуганным шепотом (как за обедом докладывает дворецкий хозяину, что нет более требуемого вина) сказал, что зарядов больше не было» [24].* Таким образом, центральной батарее не удалось выполнить приказ Кутайсова о последнем выстреле во врага в упор. Нет оснований полагать, что на других пунктах сражения было иначе.

Вот повествование артиллериста 2-го пехотного корпуса Н. Любенкова: *«Вдруг гонец... орудия на передки... и грозная цепь из тридцати шести орудий и восьмидесяти пороховых ящиков, под выстрелами неприятеля, торжественно понеслась на левый фланг, где бой сделался жестоким и сомнительным». Считаем: по два зарядных ящика на пушку, — 55–60 % наполеоновского боезапаса. И закономерный итог: «Отразив неприятеля, мы составили совет, заряды наши были выпущены, едва оставалось по несколько на орудие». Батарее Любенкова удалось найти французский зарядный ящик. «Заряды пришлились по калибру легких наших орудий, и мы с радостью их разделили как дра-*

гоценную добычу, вывеченную почти из рук неприятелей, которую в это время нельзя было заменить на вес самого золота» [25]. Таков же рассказ И. Т. Радожицкого об июльском сражении 4-го пехотного корпуса под Островно: «Между тем мои артиллеристы прострелялись зарядами. Я взял от ящика лошадь и поскакал через дорогу отыскивать ротного командира, чтобы попросить у него пушку и зарядов» [26].

Из описания генералом П. А. Тучковым 3-м боя у Валутиной Горы можно видеть непонимание проблемы со стороны А. И. Кутайсова: «Услышал я, что батарея наша, находящаяся в центре позиции, на большой дороге, совсем замолкла, почему вся линия стрелков... начала подаваться назад. Прискакав на оную батарею нашел я, что все орудия были взяты на передки... по неимению более зарядов, ибо зарядные ящики, по приказанию начальства, еще накануне были отправлены вперед с обозом к Дорогобужу, дабы через то сократить длину отступающей армии; при орудиях же было оставлено только по одному зарядному ящику... Поскакав на то место, где находился главнокомандующий со всем его штабом, дабы объяснить ему все происходящее, нашел его оставляющего уже позицию вместе с начальником артиллерии генерал-майором графом Кутайсовым, который... уверял меня, что он приказал уже другой батарейной роте идти на смену тех орудий и занять те же самые места, где первые находились, на что я ему отвечал, что выполнить это будет уже очень трудно: ибо неприятель, пользуясь отступлением войск наших, конечно взойдет и займет оставленные нами высоты, что точно и случилось». Для восстановления положения Тучков попросил полк из гренадерской дивизии Коновницына. Ведя его в бой, он был ранен и пленен, ведомая им колонна опрокинута [27]. При Бородино все повторилось, и братья П. А. Тучкова, генералы Н. А. и А. А. Тучковы погибли при аналогичных обстоятельствах. Багратион тоже считал возможным отделяться от «ненужных» тяжестей: «Из Вязьмы приказал я отправить к вам артиллерию: у меня слишком ее много и в тягость мне», — писал он Ростопчину [28].

При этом надо принимать во внимание, что не все зарядные ящики русских батарей были полны боеприпасами. Один из ящиков на каждой батарее использовался в бытовых целях: «Наши ротные командиры сделали по зарядному ящику для всяких необходимых вещей, которые всегда следовали в числе прочих для роте». Артиллерийские роты в походе помещали провиант «на зарядных ящиках и лафетах»; «по обыкновению лафеты были у нас нагружены чем попало» [29]. Это рождало соблазн уменьшать количество возимых в зарядных и лафетных

ящиках зарядов, шадя лошадей. Барклай де Толли, обратив внимание на такое положение дел, стал задерживать при армии подходящий из губерний транспорт, деля его по бригадам и корпусам.

Еще в 1810 году Барклай представил Александру I общее положение о составе и распорядке армии, в котором предположил, не обременяя подвижности дивизий, создать резервы батарейной артиллерии при каждой армии под личным распоряжением главнокомандующих, а к каждому корпусу причислить две резервных артиллерийских бригады, составленные из батарейной и конной артиллерии [30]. Такая структура артиллерийского резерва была мобильнее той, что применялась Кутузовым, но ответа на свое предложение военный министр не получил. Организация и обеспечение остались прежними. Даже после Бородино, в конце сентября 1812 года, обдумав вопрос и утверждая записку о количестве необходимых боеприпасов, Кутузов по инерции указывает приготовить *«запасных чугунных снарядов на 18 батарейных рот, полагая на каждое орудие по 120 зарядов, без картечь и брандскугелей. На 23 легкие роты на каждое орудие по 60-ти зарядов и на 9 конных рот по 90 зарядов на каждое орудие»* [31].

Артиллерийский маневр Михаила Илларионовича был таким же мертворожденным, как его хваленый штыковой удар. Барклай, Беннигсен и Горчаков были хотя бы сторонниками группировать артиллерийские роты на выгодных позициях и не боялись ставить в передовые укрепления 12-фунтовки, что было лучше, чем отделять больше половины пушек в резерв, а потом оттуда возвращать. На счастье страны и ее армии, после сражений 1812 года в службе русской артиллерии возобладали взгляды Л. М. Яшвиля, И. И. Дибича и И. Ф. Паскевича. Но к середине XIX в. некритическая апологетика Кутузова прокралась из пропаганды обратно в армию, и артиллерийские дела вернулись на круги своя. Первую мировую войну военспецы от царского двора и монархического агитпропа посчитали возможным встретить, *«имея только до 950 выстрелов на легкое орудие, а тяжелых орудий почти совсем не имели»* [32].

После рассказа об успешном формировании Кутузовым Петербургского ополчения, и странном, недоверчивом его отношении к Московскому ополчению, уместно будет привести его собственные слова из доклада Александру I: *«Обучение воинов должно быть самое простое и состоять в следующем. Первый приступ к обучению есть тот, чтобы вперть в воина знание своего места в шеренге и в ряду... Сие есть главное начало, связывающее всякое регулярное войско и даю-*

щее ему преимущество над необразованными толпами. Ружьем учить только заряду и способности действовать итыком. Маршировать всем фронтом, взводами и по отделениям; не искать в сем марше никакой красоты и тем только ограничиться, чтобы со временем достигнуть того, чтобы ступали в одну ногу, дабы не иметь во фронте волнования, которое приготовляет расстройку. Батальонам в больших линиях равняться между собою посредством средних рядов, по принятому в российской службе способу» [33]. И это исчерпывающе о том, как «народный» полководец предлагал учить ополченцев. Естественно, такие войны при Бородино не были нужны. Если Ростопчин надеялся на пользу от ратников, то Кутузов все равно (лицемерно поддакивая Московскому губернатору) делал по-своему.

У Багратиона людей было особенно мало, а потому наступающие французские корпуса и дивизии получили над 2-й русской армией перевес не только в орудийном, но и ружейном огне. Фортификационные укрепления были малочисленные, неоконченные, и «песчаный грунт земли представлять мог лишь слабую защиту от артиллерии» [34]. Не прикрыли брустверами пехоту, стоявшую в первой линии. Это был колоссальный минус, быстро вогнавший армию Багратиона за Семеновские овраги и едва не доведший ее до гибели, когда командующий был ранен в ногу осколком французского ядра. Перечисленные недостатки усугубились применением Кутузовым на Бородинском поле плотных и неглубоких боевых порядков. Отчасти это было следствием стесненности позиции и эшелонирования войск направо за Колочу, а не в глубину. Это позволило французским пушкам поражать все русские линии, включая резервы.

Построение русских войск по состоянию на конец дня 24 августа 1812 года было следующее. 1-я армия Баркляя де Толли, как уже упоминалось, занимала правый фланг и центр. 2-я армия Багратиона составляла левое крыло. Точкой соединения обеих армий служил люнет батареи Раевского. На правом закрылке 1-й армии, у впадения Колочи в Москву-реку, находились 5 казачьих полков, предназначенных для охранения их берегов. Правое крыло 1-й армии составляли 2-й и 4-й пехотные корпуса генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута и генерал-лейтенанта А. И. Остермана-Толстого под общим командованием генерала от инфантерии М. А. Милорадовича, расположившиеся между Москвой-рекой и деревней Горки. В составе 2-го пехотного корпуса находились 4-я и 17-я пехотные дивизии, всего 24 батальона с 2 артиллерийскими ротами, в числе 10300 чел. с 24 орудиями. В 4-м

пехотном корпусе были 11-я и 23-я пехотные дивизии, всего 23 батальона с 2 артиллерийскими ротами, в числе 9500 чел. с 24 орудиями. (Здесь и дальше — данные М. И. Богдановича, которые можно признать верными с поправкой на не учтенную им численность распланированных по корпусам рекрут).

За 2-м пехотным корпусом находился 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Ф. П. Уварова, образовывавший резерв правого крыла (28 эскадронов и 1 артиллерийская рота — 2500 чел. с 12 пушками), и 9 казацких донских полков атамана, генерала от кавалерии М. И. Платова. Всего казаков при 1-й армии было 14 полков — 5500 чел., при двух донских батареях, включавших 24 пушки. За 4-м пехотным корпусом расположился 2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Ф. К. Корфа (32 эскадрона с 1 артиллерийской ротой, всего 3500 чел. с 12 орудиями).

В центре пространство от Горок до батареи Раевского занимал 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Д. С. Дохтурова в составе 7-й и 24-й пехотных дивизий (28 батальонов с 2 артиллерийскими ротами, — 9900 солдат, 24 орудия). За пехотой располагался 3-й кавкорпус генерал-лейтенанта П. П. Палена 2-го, за его отсутствием подчиненный Ф. К. Корфу. В нем было 32 эскадрона с 1 артиллерийской ротой, всего 3700 чел. и 12 пушек. Левее центра, на участке ответственности 2-й армии, от батареи Раевского до деревни Семеновской, располагался 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского (12-я и 26-я пехотные дивизии, всего 24 батальона и 2 артиллерийские роты в числе 10800 чел. и 24 орудия). За ним занимал место 4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа К. К. Сиверса (32 эскадрона и 1 артиллерийская рота, всего 3800 чел., 12 орудий).

Описание построений левофлангового 8-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта М. М. Бороздина 1-го у многих авторов проваливается, они указывают расположение отдельных его батальонов и дивизий. Это не случайно, поскольку корпус стоял не в одной линии с 7-м корпусом, а немного позади него, «косвенно», образуя загиб линии для пассивного парирования обхода противника [35, 36]. Крайний левый фланг 2-й армии защищала отошедшая от Шевардина 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д. П. Неверовского, а 2-я гренадерская дивизия генерал-майора принца Карла Мекленбургского, вместе со сводными гренадерскими батальонами 12-й и 26-й пехотных дивизий, находились за 4-м кавкорпусом, образуя резерв левого крыла. Несколько сводно-гренадерских батальонов 7-го и 8-го кор-

пусов вместе с 2 ротами батарейной артиллерии занимали Багратионовы флеши. М. М. Бороздин был слабым корпусным начальником, его часто замещал А. И. Горчаков, именовавшийся командиром авангардного корпуса 2-й армии. Дивизии 8-го корпуса привыкли действовать в составе временных объединений под командой Горчакова и самостоятельно под командой своих командиров. Всего в 8-м корпусе было 24 батальона и 2 артиллерийские роты, 11200 чел.

Шесть донских казачьих полков под командованием генерал-майора А. А. Карпова (1500 казаков) стояли на Старой Смоленской дороге близ Утицы (как мы теперь знаем, сожженной Старо-Ельни). Лесистое пространство между ними и левым флангом построений 2-й армии Багратиона занималось четырьмя егерскими полками под командой генерал-майора князя И. Л. Шаховского.

В главном резерве, который расположился позади центра соединенной армии, между деревней Князьковой и селом Татариновым, состояли 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го (1-я гренадерская и 3-я пехотная дивизии, 24 батальона и 6 артиллерийских рот, всего 8000 чел. с 72 орудиями); 5-й пехотный гвардейский корпус генерал-лейтенанта Н. И. Лаврова, состоявший из 6 гвардейских полков и сводных гренадерских батальонов 3-й, 4-й и 17-й гренадерских дивизий (всего 27 батальонов, 13000 чел.). За ним расположился генерал-лейтенант князь Д. В. Голицын с 1-й и 2-й кирасирскими дивизиями (в общей сложности 40 эскадронов, 4700 чел.). Одна из них предназначалась для использования на правом, другая — на левом крыле.

26 рот пешей и конной артиллерии с находившимися при них 1 пионерной и 2 понтонными ротами, составлявшими резерв 1-й армии (главный артиллерийский резерв) поместились впереди деревни Псаревой, состоя под началом генерал-майора Ф. К. Левенштерна и полковника А. Х. Эйлера. По данным М. И. Богдановича в этих подразделениях было около 300 орудий и 8400 чел. личного состава. Резервная артиллерия 2-й русской армии, всего 7 артиллерийских рот, 1 пионерная и 1 понтонная роты в числе 2400 чел., были придвинуты П. И. Багратионом к Семеновскому.

Московскому и Смоленскому ополчению под начальством генерал-лейтенантов графа И. И. Маркова и Н. П. Лебедева (всего 10000 наиболее подготовленных и относительно хорошо вооруженных ратников), было приказано оставаться при резерве впредь до особого повеления. Главная квартира соединенной русской армии находи-

лась в селе Татариново, где на Новую Смоленскую дорогу выходила тропа от Семеновского через Псареву. Таким образом, это село имело сообщения с обоими флангами русской позиции.

Егерским полкам 1-й армии, находившимся впереди ее построений, было приказано после отступления русского арьергарда собраться за 2-й пехотный корпус, частью для занятия лесов на правом фланге, частью для составления резерва на правом крыле армии. Лейб-гвардии Егерский полк продолжал занимать деревню Бородино [37, 38, 39]. Вся линейная пехота была построена в две линии в батальонных густых колоннах. Кавалерия также стояла в две линии развернутым фронтом.

По разбору Клаузевица: *«Русская армия дралась в этот день в беспримерном по тесноте и глубине построении»* [40]. Перебирая сражения последней четверти XVIII и начала XIX в., это действительно так. Но Клаузевиц не одобряет *«то использование этого принципа, которое полковник Толь в данном случае допустил»* (теоретик не упоминает Кутузова, полагая, что основные тактические идеи были внушены ему Толем. — А. Д.). *«На Бородинской позиции полковник Толь в полной мере отдал должное принципу глубокого построения в отношении количества войск, размещенных в затылок друг другу, но совершенно не учитывал другой элемент — глубину в пространстве. Кавалерия построилась в 300–400 шагах позади пехоты, а от нее до общего резерва осталось не более 1000 шагов. В результате кавалерия и резервы жестоко страдали от неприятельского огня, не будучи чем-либо заняты. А если вспомнить, какое огромное количество артиллерии имелось в армии, и... что русская артиллерия вследствие многочисленности своих маленьких зарядных ящиков занимает больше места, чем какая-либо другая, то можно себе представить, как все было набито и наставлено друг на друга; автор до сих пор хранит в памяти яркое впечатление о загроможденности Бородинской позиции»* [41].

Напомним, что даже в компактной позиции при Царевом-Займище дистанция между линиями была назначена Барклаем в 200 сажен или 600 шагов — в 1,5–2 раза больше! Вот она, любовь к стесненным и пересеченным позициям. Если увеличить расстояние между линиями пехоты, кавалерии и резервов до 1000 шагов, как предлагал Клаузевиц, построениям мешали бы неудобья и леса. Резервы пришлось бы разместить у Татариново за Псаревскими высотами, и в глубине за корпусом Тучкова на Старосмолянке, что Клаузевиц при массивировании сил навстречу Наполеону считал естественным, но Кутузов

не мог на такое решиться. Соответственно, он не видел ни места для перевода на левый фланг корпусов 1-й армии, ни нужды в дальнейшем уплотнении порядков своего левого фланга.

Сомнения Клаузевица в том, понимал ли главнокомандующий, как расположить войска на избранной позиции, разделяет Поликарпов, говоря: «*Боевое расписание (письменное) армии князя Кутузова для Бородинского сражения не сохранилось и является сомнение в существовании такого расписания. Не располагались ли только наши войска на Бородинской позиции для боя по словесным приказаниям и распоряжениям... ген. Барклая де Толли и ген. князя Багратиона?*» [42]. Очень может быть. Командующие отдельными армиями были крайне ограничены в выборе возможностей построения войск как отказом главкома от перегруппировки, так и малой глубиной полевой части позиции. Обращает на себя внимание замаскированное теснотой поспраивание принципа массирования сил. На левом фланге, куда Кутузов манил Наполеона, находились малочисленные и уставшие после Шевардинского боя соединения. В то же время Бонапарт решительно массировал свои силы, имея для этого больше пространства и захваченные Шевардинские высоты.

Видимо, Кутузов в целях исключения нарисованной им для себя вилки рисков, рассчитывал на стойкость 2-й армии Багратиона, которой предстояло вести бой в абсолютном меньшинстве и подвергнуться истреблению. Это была типичная ошибка всех русских «политических» генералов, известная по войнам XX в.: подставлять под удар противника меньшую часть войск, рассчитывая, что они обескровят врага, а затем мощным ударом главных сил решать исход сражения. Тактически — это не панацея, потому что если только самым тщательным образом не задействована и укреплена для обороны благоприятная местность, не разгаданы замыслы противника, — малых потерь не получается. Превосходство в средствах нападения позволяет врагу сильно выбить обороняющихся, а затем он наносит удар по обнаружившей себя «сохраненной» группировке с теми же печальными результатами. Как раз это случилось в ходе Бородинского сражения.

Генерал Драгомиров в учебнике тактики 1879 года издания писал: «*В умении, даже будучи слабее, сосредоточить на пункте столкновения и ко времени его больше сил, нежели в ту минуту может нам противупоставить неприятель, лежит один из больших залогов успеха; и это умение составляет принадлежность великих военных дарований. Вот*

что говорит об этом Фридрих II: «оборонительная война неизбежно ведет к раздроблению сил. Неопытные начальники хотят сохранить все; но кто знает дело, будет хлопотать только о сохранении главного пункта, только о том, чтобы отбивать опасные удары, терпеливо перенося неудачи незначительные. Кто гоняется за двумя зайцами, не ловит ни одного». Следовательно, главное в этом деле есть оценка относительной важности пунктов и сообразное ей распределение войск» [43]. Кутузов с такой оценкой не справился.

Теперь вернемся к событиям вокруг переведенного на Старую Смоленскую дорогу 3-го пехотного корпуса. Первое, что надо заметить, — историческая традиция, исходящая от Кутузова и Толя в описании действий корпуса является искаженной. В подробном донесении царю о битве изложено: «25-го армия французская находилась ввиду нашей... на правом же ее крыле замечены были разные движения, скрытые от нас лесами, почему и можно было предположить, что намерение Наполеона состояло в том, чтоб напасть на левое наше крыло и потом, продолжая движение по Старой Смоленской дороге, совершенно отрезать нас от Можайска» [44]. Дабы предупредить сие намерение, был отдан приказ о передвижении корпуса. В описании Бородинского сражения 1839 года издания, момент отдачи этого приказа переносится еще дальше во времени, к вечеру 25 августа [45]. Но корпус был переброшен на новое место вечером 24-го!

Передергивание маскирует известный нам позиционный просчет, разрывая связь Шевардинского боя с переводом 3-го корпуса. Его передвижение представляется так, будто это была адекватная реакция Кутузова на движения Наполеона. Но в реалиях главком не отреагировал на просьбы своих генералов о перегруппировке войск в полосу 2-й армии Багратиона, а корпус был переведен за эту полосу. Если бы он понял замысел Наполеона, то не продолжал бы тянуться направо, из Татариново в Горки. Исправление вопиющей ошибки Толь, а следом за ним Михайловский-Данилевский, тщатся выдать за полноценную военную мысль. Не развенчал обмана и Богданович, хотя мог усомниться. Геруа в этой связи заметил, что попытки скрыть истину были «не извинительны, но объяснимы у лица, пекущегося о нерушимости своего собственного авторитета. Неизвестны побуждения двух главных историков, поддержавших эти искажения; одно можно сказать — работали они отнюдь не «во славу русского оружия» [46].

Надо полагать, когда открылась невозможность защиты Старой дороги одними казаками, Толь частью повинулся, а частью увлек

Михаила Илларионовича идеей диверсии на левом закрывке, с помощью чего и выпросил из резерва довольно значительные силы для закрытия бреши — в общей сложности 15000 чел. Становится понятен источник рассуждений главкома о направлении скрытого войска во фланг и тыл противника, а равно слов Клаузевица (близко общавшегося с Толем), будто эти войска сами *«могли ударить в правый фланг и тыл неприятелю, который стал бы обходить левый фланг русских»*. На самом деле Толь так действовать не собирался, за пределы устранения своей ошибки не выходил, и упрека в прожектерстве: *«По мысли это мероприятие... было весьма удачно, но... ни силы, ни расстояния не находились в надлежащем отношении к целому»*, — не заслужил [47]. Вот почему у 3-го пехотного корпуса была отобрана часть артиллерии, и в сражении 26 августа Толь препятствовал подкреплению Тучкова дивизиями 2-го пехотного корпуса Багговута, разворачивая их на подмогу Багратиону. Хотя Барклай, думающий о контрударе и искавший, чем компенсировать утрату подходившей для этой цели Шевардинской позиции, направлял 2-й корпус именно к Тучкову. Не слабая интрига, надо сказать. За такое полковника Толя вполне могли разжаловать в солдаты, как ему пригрозил Багратион.

Колюбакин, бичуя Толя, тоже предпочел влияние квартирмейстерской ошибки на ход Бородинской битвы не исследовать, восхищаясь «гением Наполеона» и уходя от описания действий на левом закрывке к центру сражения, — поближе к вражескому озарению и подальше от русского разгильдяйства. События в районе Старой Смоленки в связи с тяжелой борьбой 2-й армии Багратиона его будто не интересуют [48]. Слишком уж близко такое исследование вело к выводу, что кроме Толя надо привлекать к ответственности еще одно, поистине сакральное лицо.

Пробы уйти от сакрально-патриотического описания Бородинской битвы и заняться анализом допущенных промахов и ошибок активизировались с выходом романа «Война и Мир» Л. Н. Толстого, представившего читателям слепок русского общества и армии эпохи наполеоновских войн не как пантеон священных ликов для подражания, а в реалистическом соответствии с действительностью. Так Лев Николаевич описал и Бородино. В ответ патриотическими протестами разразились А. С. Норов и П. С. Деменков, пустые в осмыслении боев, но бьющие на читательское негодование и патриотический надрыв [49, 50]. Напротив, крупный военный специалист М. И. Драгомиров высоко оценил «Войну и мир» с точки зрения правдивости

описаний, упрекая автора лишь в однобокости, свойственной наблюдателю с позиции младшего офицера [51].

Рассогласования облегчались тем, что Кутузов (в отличие от Наполеона) следовал принципу минимизации ответственности. В попытке снизить оппозиционные настроения генералитета и самому дистанцироваться от возможных происшествий, он сохранил за Барклаем и Багратионом командование их прежними армиями. Теперь, на Бородинском поле, в ущерб единому плану сражения, каждому из них Михаил Илларионович предоставил инициативу руководства флангами без должного контроля со своей стороны. К этому его толкала и малоподвижность. Тучный Кутузов не мог передвигаться верхом, и ездил на больших дрожках, которые не везде проходили: *«Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность гг. главнокомандующих армиями и потому представляю им делать соображения действий на поражения неприятеля»*, — указал он в диспозиции к Бородинской битве [52]. Это позволяло построить мостик к снятию с себя ответственности при неудаче, или воспользоваться, как на Дунае, инициативой подчиненных генералов, но противоречило принципу единоначалия, основанному на том, что приказы выполняются лучше и быстрее согласований.

Во время Бородинской битвы натиск французов на фланги русской позиции был разным по силе и времени. Соответственно, разными были предположения командующих. Возникла рассогласованность действий Кутузова, Барклая, Багратиона и Беннигсена (выполняющего функции начальника штаба соединенной армии). Совсем не то было со стороны Наполеона, державшего битву в кулаке своей воли. Первой ласточкой разногласий стали распоряжения Беннигсена об изменении расположения того же 3-го пехотного корпуса на закрылке левого фланга Бородинской позиции, впоследствии раздутые историками до некоего страшного вреда, причиненного «засадному» плану Кутузова. Но этот план был толевской фикцией. Ничего не зная об интриге, Беннигсен решал задачу противодействия вражескому обходному маневру. Вероятно, он исходил из прежней идеи пассивного парирования. Так толковали этот момент многие царские историки, считая, что распоряжения Леонтия Леонтьевича были малоудачны, — Тучкову лучше было стать в более закрытую позицию для активного парирования вражеского обхода, как то указал Кутузов [53]. Скорее, дело было в ином, — позиции для активного парирования просто не имелось по условиям реальной местности.

Геруа опять называет виновниками продолжающейся путаницы Толя и посланных им на повторную рекогносцировку Старосмоленского дефиле квартирьеров Фелькнера и Траскина. Готовя новое боевое задание корпусу, они не решились доложить, что местность не подходит для скрытого расположения. Тучков был вынужден стать слишком далеко, *«вероятно на юг или юго-восток от деревни, за находившимся здесь большим лесом»*. Поэтому Беннигсен его и подвинул к Багратиону, о чем уже Толь и Кутузов ничего не узнали. *«По-видимому, в расчеты первых историков Бородина входило скрыть все, что так или иначе выясняло вопрос о месте расположения и задаче неудавшейся «засады» [54]*. Скугаревский сомневался в эффективности какой-либо засады на Понятовского, говоря, что передвижение корпуса Беннигсеном *«оказалось очень выгодным» [55]*. Колюбакин тоже полагал, что расположение 3-го корпуса не могло иметь характера засады.

Если внимательно читать *«Изображение военных действий»* Барклая де Толли, становится видным, — это ему, а не штабу Кутузова принадлежит идея контрудара по Старой Смоленской дороге, сопряженная с наиболее радикальным вариантом перегруппировки русских войск: *«Князю Кутузову предложено было... чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находится 3-й корпус... Князь Багратион, не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правый фланг неприятеля» [56]*. Полковник Толь обыграл отвергнутое предложение, чтобы закрыть брешь, но корпус был значительно слабее армии, а потому мог выполнять активную задачу только с элементом внезапности, из укрытия, что и было предложено главнокомандующему. Кутузов эту «наживку» заглотил, но по условиям местности и силам задача была нереальной.

Сразу после начала сражения распорядиться стал атакованный французами Багратион. Он проигнорировал, что корпус Тучкова 1-го ему не подчинен (князь мог знать, что наступать 3-й корпус не будет), и потребовал к себе 3-ю пехотную дивизию Коновницына. Тучков, зная то же самое, ее отдал. Тем самым, вопреки коррективам Кутузова и Толя, вновь был ослаблен левый закрывлок, но тут патриотические историки вреда решили не искать (Багратион, все-таки). Толь отнесся к этим действиям с пониманием, но их не предвидел Барклай. А в главной квартире «спасителя» были разочарованы и бубнили, что Тучков провалил поставленную ему задачу. В перипетиях вокруг 3-го пехотного корпуса, имеющих неприемлемый вид интриги, хорошо просматриваются придворные и келейные принципы управления армией,

которые исповедовал Михаил Илларионович, приносившие много вреда в осмыслении обстановки, достижении четкости и выполнимости приказов командования. В ходе битвы рассогласования продолжались. Толь вмешался в распоряжения Барклая, остановив в центре двигающуюся на крайний левый фланг 4-ю пехотную дивизию принца Вюртембергского из состава 2-го пехотного корпуса Багговута. Взамен туда увели резервную 1-ю кирасирскую дивизию. Это было сделано в то время, когда натиск французов на 2-ю армию уже ослабевал, а дивизия была предназначена для решительного контрудара в бою за курганную высоту. *«По несчастию она была уведена, не знаю кем, на край левого фланга»*, — с сожалением констатировал Барклай [57, 58].

Там, где все-таки проявлялась воля главнокомандующего Кутузова, дела тоже обстояли не гладко. Он не определился между направлениями на Багратионовы флеши — Татариново и Бородино — Горки. Переносом своей квартиры из Татариново в деревню Горки, большую часть битвы находившуюся далеко от ее центра, главнокомандующий лишил себя непосредственной связи с событиями [59, 60]. Из Горок он принимал недостаточно обоснованные, противоречащие мыслям Барклая и боевой обстановке решения. Проводить предлагавшуюся генералами перегруппировку все равно пришлось, но уже в ходе сражения, ценой ввода резервов в бой с ходу, маршевыми колоннами (предпочтительная, густая цель для вражеской артиллерии), и лишних потерь 2-й армии Багратиона.

Положение контратакующих ухудшалось «штыкоманией»: *«В случае наступательного во время действия движения оное производить в колоннах к атаке, в каком случае стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным ружьем»* [61]. То же самое о повелениях Кутузова пишет Н. Д. Неелов: *«Наступательные действия производить колоннами к атаке и в этом случае запретить стрелять, а действовать холодным оружием»* [62]. Это было повторением Браиловских расстрельных построений: как пройти плотным строем без единого выстрела по врагу хотя бы 300 метров, когда навстречу ведут огонь сотня пушек, и тысячи пуль выпускают французские стрелки? Упорное непонимание Кутузовым суворовских начал (какие штыки против врага, которому отдали инициативу), игнорирование характера бьющего мощным огнем французского противника, достаточны, чтобы назвать культового полководца схоластом и анахронистом. Благодаря такому стилю командования противник обоснованно полагал русскую армию *«мало способною к быстрому маневрированию»* [63].

Озабоченный результатами Шевардинского боя и рекогносцировок местности Наполеон задумал одно из первых в истории артиллерийских наступлений. Он планировал действовать корпусными массами и крупными, по несколько десятков пушек батареями, смело бросая их вперед и расставляя так, чтобы брать в два-три огня каждую русскую позицию. Вопреки равенству противоборствующих армий, на каждом горячем участке битвы русским предлагалось действовать меньшинством против большинства, против огромной мощи французских батарей и стрелковой силы французских дивизий и корпусов. По примечанию Колюбакина, атаковавшие Багратионовы флешы французские дивизии были 16-ти и 20-ти батальонного состава, в то время как 27-я и 3-я русские дивизии имели в своем составе по 8 малочисленных, а 2-я гренадерская — 10 батальонов [64]. Это дает отношение плотности стрелкового огня 3:2 в пользу наступавшего противника.

Не отказался Бонапарт и от обходного маневра, обрушив на ослабленный корпус Тучкова 1-го (о передвижении которого он, судя по распоряжениям перед битвой, не знал) многочисленный польский корпус Понятовского, рассчитывая, что поляки, лучше знакомые с заболоченными лесами, справятся с задачей. Как ни странно на первый взгляд, это надо считать позитивным моментом течения Бородинской битвы. Было бы хуже, если бы Наполеон лишь сковал силы Тучкова, а большую часть польского корпуса бросил на разрыв обороны Багратиона у лесной опушки.

Причины недочетов в подготовке и ведении боя крылись не только в личности главнокомандующего, которого Скугаревский считал *«человеком замечательного ума с преобладанием хитрости над шириною полета мысли и осторожности над смелою решительностью»*, но *«и в установившихся в русской армии порядках»* [65]. Эти порядки ограничивали понимание боевой ситуации корпусными, дивизионными и полковыми начальниками в пользу исключительного положения и руководящей инициативы главнокомандующего. Под руководством талантливых вождей такая армия достигала замечательных побед. Но возрастание масштабов войн и сражений, убыстрение смен боевой обстановки требовали инициативы подчиненных генералов. Кутузов эту свободу им иногда предоставлял, чему был обязан победой у Слободзеи, и уходом от катастрофического поражения при Бородино. Но при этом он не исполнял многих деятельных полномочий военачальника, бдительно охраняя прерогативы своей власти. В результате кодлоло и выворачивало всю систему армейских отношений.

Получалось так: «Позиция не была избрана самим главным вождем, решившим дать сражение; для выбора ее были посланы офицеры квартирмейстерской части». Главком был обязан проверить их работу лично, но не проверил, и другим не дал. «Расположение войск на избранной этими офицерами позиции не было сделано тем порядком, как это делал Наполеон и как это делается ныне, когда каждому начальнику крупной части указывается старшим начальником общая цель действий, частная задача и место. Бородинская позиция занималась русскими войсками подобно тому, как теперь войска занимают биваки: обер-квартирмейстеры корпусов, приняв от генерал-квартирмейстера место расположения данного корпуса, отмеривали шагами места полков и батальонов, и войска, по мере прибытия, прямо становились на такие отмеренные им места. Начальники, начиная с корпусных командиров и ниже, не вправе были изменить указанных им... мест». В то же самое время в диспозиции Кутузова «ясных задач каждому и даже мест, которые кому поручалось защищать, не было дано, а приводились общие фразы «действовать сообразно движениям неприятеля» и «делать соображения действий на поражение неприятеля». Такие точные указания... могли только стеснить самостоятельные распоряжения начальников» [66]. С одной стороны все оказалось мелочно регламентировано, а с другой — вовсе не определено.

Грянувшая битва явила собой невероятную смесь шаблонности с развитой инициативой частных начальников. Никакое другое сражение русской армии не дает столько примеров тактической инициативы подчиненных генералов, часто даже не ставивших в известность главнокомандующего. Возможности не только отразить, а опрокинуть врага у Кутузова имелись. Воспользуйся он ими, его имя, невзирая на Аустерлиц и Браилово, было бы покрыто лаврами величайшего полководца Нового времени, — безоговорочно, без привлечения высших стратегических, спорных патриотических и дутых идеологических соображений. Один из этих вариантов озвучили Барклай и Клаузевиц. О другом, не желая никому дарить свои идеи, немецкий теоретик лишь заикнулся. К сожалению, Михаил Илларионович ограничился тем, что поставил Бонапарту трудную боевую задачу, не предвидя, как тот будет ее решать.

1. Столетие рос. конной артиллерии 1794—1894. СПб., 1894. С. 45—46.

2. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 157, 159.

3. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения.* М., 1839. С. 11, 95, 98.
4. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 173 и ком. 1. С. 142, 143.
5. Там же. Док № 180. С. 148.
6. Глинка Ф. Н. *Письма рус. офицера.* М., 1870. С. 23.
7. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 14–15.
8. Ларионов А. П. *Исп. артиллерии в Бородинском сражении // 1812 г. Сб. ст.* М., 1962. С. 116–133.
9. *Столетие рос. конной артиллерии 1794–1894.* СПб., 1894. С. 48–49.
10. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 142.
11. Ларионов А. П. *Исп. артиллерии в Бородинском сражении // 1812 г. Сб. ст.* М., 1962. С. 116–133.
12. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 22, 67.
13. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 139. С. 164–165.
14. Денеша гр. Жозефа де-Местра *Сардинскому королю // Рус. Архив.* 1912. № 1. С. 47.
15. Байов А. К. *Курс истор. рус. воен. иск-ва.* СПб., 1913. Вып. 7. Эпоха имп. Александра I. С. 471.
16. Паскевич И. Ф. *Из записок // Рус. Архив.* 1889. № 3. С. 412.
17. Дивов Н. А. *Из воспоминаний // Рус. Архив.* 1873. № 7. С. 01336.
18. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 177.
19. Андреев Н. И. *Воспоминания // Рус. Архив.* 1879. № 10. С. 191–192.
20. Колобакин Б. М. *Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина.* 1912. № 8. С. 273.
21. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 243.
22. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 191. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон,* 1863. С. 83.
23. Крючков В. В. *95-й пех. Красноярский полк.* СПб., 1897. С. 143.
24. Толстой Л. Н. // *Россия и Наполеон. Отеч. война в мемуарах, док. и худ. произв.* М., 1913. С. 139.
25. Любенков Н. *Рассказ артиллериста о деле Бородинском.* СПб., 1837. С. 27, 37–40.
26. Радोजицкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев,* 1912. С. 35.
27. Тучков П. А. *Мои воспоминания о 1812 г. // Рус. Архив.* 1873. № 10. С. 1948–1950.

28. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 89. С. 100.
29. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г. М., 1871.* С. 11, 33, 53.
30. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1900. Т. I. С. 9.
31. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956.* Т. 4. Ч. 1. Прил. к док. № 487. С. 396–397.
32. Брусилов А. А. *Мои воспоминания.* Харьков, 2012. С. 68.
33. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956.* Т. 4. Ч. 1. Док. № 26. С. 28.
34. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения.* М., 1839. С. 8.
35. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным).* СПб., 1912. С. 30.
36. Писарев А. А. *Воен. письма.* М., 1817. С. 72–73.
37. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения.* М., 1839. С. 8–12.
38. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 153–160.
39. Толь К. Ф. *Опис. битвы при селе Бородине 24 и 26 авг. 1812 г.* СПб., 1839. С. 10–13.
40. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 78.
41. Там же. С. 80–81.
42. Поликарпов Н. П. *Бородино 26 авг. (7 сент. н. с.). Личный состав штабов и боевое расписание рус. армий // Тыс. восемьсот дв. год.* СПб., 2012. Т. 2. Вып. 11–24. С. 510.
43. Драгомиров М. И. *Учебн. тактики.* СПб., 1879. С. 363.
44. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956.* Т. 4. Ч. 1. Док. № 197. С. 162.
45. Толь К. Ф. *Опис. битвы при селе Бородине 24 и 26 авг. 1812 г.* СПб., 1839. С. 9–10.
46. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным).* СПб., 1912. С. 16.
47. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 77.
48. Колюбакин Б. М. *Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина.* 1912. № 8. С. 272–281.
49. Норов А. С. *Война и мир 1805–1812 с историч. точки зрения и по воспоминаниям соврем.* СПб., 1868.
50. Деменков П. С. *Заметки ветерана 1812 г. // Рус. Архив.* 1911. № 11. С. 385–466.
51. Драгомиров М. И. *Разбор романа «Война и мир».* Киев, 1895.
52. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956.* Т. 4. Ч. 1. Док. № 173. С. 142.
53. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 152–153.
54. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным).* СПб., 1912. С. 30–32.
55. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 24.
56. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии.* М., 1859. С. 19.

57. Там же. С. 22.
58. *Истор. кавалергардов и Кавалергардского полка. СПб., 1851. Т. 1. С. 88.*
59. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 177.*
60. *Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 194. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 86.*
61. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 173. С. 143.*
62. *Неелов Н. Д. Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 13.*
63. *Лоссберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 44.*
64. *Колюбакин Б. М. Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 272.*
65. *Скугаревский А. П. Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 27–28.*
66. Там же. С. 25.

6.4. «СМЕШАЛИСЬ В КУЧУ КОНИ, ЛЮДИ, И ЗАЛПЫ ТЫСЯЧИ ОРУДИЙ СЛИЛИСЬ В ПРОТЯЖНЫЙ ВОЙ...»

Весь день 25 августа (6 сентября) стороны готовились к генеральному сражению, но спокойствия не было и в помине. Шел егерский стрелковый бой, особенно сильный в Утицком лесу, где он являлся продолжением отгремевшего накануне Шевардинского сражения. О его интенсивности говорит тот факт, что на смену уставшим егерям привлекались пехотные полки, также действовавшие в рассыпном строю [1]. Французы выполняли задачу оттеснения назад русских передовых частей для обеспечения развертывания своих войск на восточном берегу Колочи, русские — стремились не отдать им тропинок через лес. В центре неприятельские егеря закрепились на небольшом плацдарме перед батареей Раевского [2]. Против села Бородина, которым противник довольно упорно и безуспешно пытался овладеть 24-го числа, он укрепился шанцами [3]. Все эти действия в совокупности должны были усиливать колебания русского командования в определении места и направления главного французского удара.

Наполеон в тот день производил разведку лично, даже «*сделано было по нем несколько картечных выстрелов*» [4]. Он убедился в сложности атаки на правый фланг русской позиции, уверившись в мысли сконцентрировать свои силы в полосе от Бородина до Старо-Ельни. Вскоре на левом фланге французов остались лишь слабые прикры-

тия, предназначенные остеречь императора, дабы тот мог двинуть навстречу маловероятной, но возможной с той стороны опасности свою гвардию. Она выполняла у Бонапарта ту же двойную роль заслона и резерва, что и 1-я армия Баркляя у Кутузова. Только Бонапарт определил для этой цели до 20 тыс. войск, сконцентрировав остальные для атаки, а Кутузов — почти 70 тыс., тем самым ослабив оборону Семеновского.

«Если сравнить по плану группировку сил в боевых порядках русской и французской армий, то окажется, что... у русских расположение корпусов было совершенно равномерное, не смотря на разное тактическое значение участков позиции. Вследствие этого, на правом фланге, севернее д. Горки, где боя совсем не было, на участке в 1,5 версты, стояли 2 пехотных корпуса и 3 кавалерийских, 48 батальонов, 60 эскадронов, 9 казачьих полков и около 30—40 орудий; а между 8-м и 3-м пехотными корпусами, на участке которых кипел горячий бой, на таком же протяжении было расположено только 8, а потом еще 4 егерских батальона, и ни одного орудия, ни одного эскадрона. Французские войска были сгруппированы значительными массами против тех мест, где предстояло решить участь боя, а может быть, — и участь войны. Такое сравнение распоряжений Наполеона и Кутузова наглядно показывает превосходство первых над вторыми. В группировке французских войск ясно видна идея сосредоточить войска против важнейших пунктов, у русских была заметна только форма; идея их оказалась неудачною еще 24 августа» [5].

Из распоряжений Наполеон к битве видно, что он сделал ставку на разгром русской армии на поле боя приемом массирования сил против ее левого фланга. Ради силы и простоты исполнения этого плана он пренебрег советами маршалов и преимуществами, какие сулило обходное движение (по неизвестной ему местности). Обход по Старой Смоленской дороге был оставлен на удачу Понятовского. Бонапарт придавал большое значение: 1) скрытности сосредоточения сил, произведенного лишь затемно, — фактор, который превозносил Колюбакин; 2) достижению подавляющего превосходства французских батарей над русскими, с которыми они будут бороться; 3) участием в преодолении русской обороны наибольшего количества войск, не ослабляя их удержанием в тылу крупных резервов. Французские резервы (кроме гвардии) были предназначены второй волной накатиться на пошатнувшуюся оборону противника. В отличие от Кутузова, Бонапарт не считал, что корпусные резервы должны быть сберегаемы как можно долее, делая акцент не на их неприкос-

новенности, а на выполнении войсками поставленных целей: *«Все... должно быть исполнено в порядке, сохраняя по возможности войска в резерве»*; 4) пониманию войсками своих действий, обстановки и задач, для чего распоряжения, касающиеся артиллерии, инженеров и правого (ударного) крыла армии были доведены до сведения левого крыла [6]. Сверх того, поскольку из общих формулировок *«нельзя было уловить цели действий для корпусов, то в дополнение к этому приказу начальник штаба армии Бертье послал дополнительные записки»* их командирам [7].

Кутузов же *«не отдал никакого приказа, каким обычно предваряют войска о сражении»* [8]. Все готовились устоять, не ведая, каков общий план действий. Время и силы были отданы религиозно-патриотической обработке для повышения жертвенного духа армии. Перед войсками торжественно пронесли икону покровительницы России — Смоленской Божьей матери: *«Духовенство шло в богатых ризах, по временам останавливаясь и совершая молебствие; кадила дымилась, свечи теплились, святая икона медленно шествовала; тысячи благочестивых воинов падали на колени, творя крестное знамение и молясь с усердием. Главнокомандующий, окруженный всем своим штабом встретил икону и поклонился ей до земли»* [9]. Солдаты и офицеры обрядились в парадную форму, что придавало торжественность минуте и поднимало настрой войск.

В третьем часу утра, после краткого отдыха, Наполеон узнал, что русские войска остались на месте и был очень обрадован. Собранным вокруг него офицерам он сказал: *«Сегодня немножко холодно, но ясно: это солнце Аустерлица»*. В пять часов он сел на коня и поскакал на свой правый фланг, к месту натиска. В войсках Великой армии зачитывали приказ *«о великой битве под Москвою»* [10]. К семи часам утра по московскому времени 26 августа (7 сентября) 1812 года битва загромыхала, начавшись с французской атаки на село Бородино. Под покровом сильного тумана дивизия генерала А.-Ж. Дельзона из корпуса Е. Богарне ворвалась в него *«с невероятною быстротою»* [11]. Сбитый несравненно сильнеешим противником, лейб-гвардии Егерский полк отступил, не успев уничтожить мосты через речку. По одному из этих мостов 106-й полк генерала Л.-О. Плезонна перешел на правый берег Колочи, создав угрозу русским артиллерийским позициям и деревне Горки, где расположился Кутузов. По быстроте поражения гвардейских егерей командование предположило, что враг застиг их врасплох, но это вряд-ли справедливо. Полк ждал враже-

ского нападения с 4 часов утра, заняв позицию в два эшелона, — впереди 3-й, а позади 1-й и 2-й батальоны полка. Храбро сражаясь, они были последовательно смяты дивизионной массой французов [12].

В восьмом часу утра Беннигсен и Барклай, по согласованию между собой, и наверняка по санкции Кутузова, контратаковали тремя полками (1-й, 19-й и 40-й егерские) вклинившегося противника и прогнали его обратно за деревню. Французы атаковали повторно и после 9 часов утра вновь заняли Бородино. Русские отошли, уничтожив мосты через Колочу. Плозонн стал первым французским генералом, убитым в Бородинском сражении [13]. Это была тактическая демонстрация Наполеона с целью уверить русских в направлении главной атаки на центр их позиции. Ликвидировав русский плацдарм и удостоверившись в присутствии за ним крупных сил противника, не сдвинутых прошлой ночью, он перешел к обеспечению северного фланга своего главного удара, выставив на Бородинских высотах батарею из 38 орудий для огня по центру русских построений. Бонапарт ни секунды не потерял для исполнения своего плана, а Кутузов, получив пищу для сомнений, должен был замешкаться с распоряжениями в пользу Багратиона. Не «купилося» на демонстрацию критически настроенное руководство 1-й русской армии: *«Видно было, что не здесь ожидать надлежало важнейших предприятий»*, отметил Ермолов [14]. И действительно, тому были признаки: *«Генерал Антуард открыл огонь со всех своих батарей; но превосходство позиции, занимаемой нашими батареями, заставило несколько раз молчать его артиллерию»* [15].

В половине восьмого утра главный удар французов начал развиваться на Багратионовы флеши. Они были атакованы 1-м корпусом маршала Л.-Н. Даву, имевшим впереди дивизии Ж.-Д. Компана и Ж.-М. Дессе, построенные таким образом, что в голове колонн находилась дивизионная артиллерия в количестве 44 пушек. Дивизия Л. Фриана находилась в резерве. Русские егеря охранения были отброшены, но затем огонь артиллерии флешей остановил французов. Казалось, начали оправдываться расчеты Кутузова: *«Пехота, следуя с артиллериею по частым кустам, не могла сохранять ни сомкнутого строя, ни порядка, и должна была собираться и перестраиваться в колонны к атаке по выходе в поле. Поражаемая с фронта картечным огнем наших батарей, и с фланга егерями, рассыпанными по кустам, некоторые колонны принуждены были обратиться назад, прямо по выходе из леса; другие же, хотя и дошли до укреплений, но были отражены упорным сопротивлением гренадер, защищавших флеши»* [16].

Огонь 102 французских орудий поддержки (батареи Ж.-Б. Сорбье и Л.-Ф. Фуше), поставленных за спиной атакующих дивизий, оказался неэффективным *«по значительному их расстоянию от наших укреплений»*. Но французское командование, вместе с Наполеоном пребывавшее вблизи места атаки, быстро приказало подать пушки через кустарник вперед и они открыли сильнейшую канонаду [17]. Преодолев замешательство, французы возобновили атаку, стремясь ворваться в русские укрепления с юга. Тут на краю Утицкого леса был ранен генерал Компан. Опять возникла заминка, и атаку возглавил лично маршал Л.-Н. Даву. Он получил контузию, но его солдаты ворвались в южную флешь. Багратион контратаковал несколькими батальонами 27-й пехотной дивизии Д. П. Неверовского, и выбил неприятеля. Были ранены французские генералы Дессе и Тест, а вскоре — сменивший Компана генерал Ж. Рапп. Пришедшие в расстройство французы были преследуемы Ахтырским гусарским и Новороссийским драгунским полками (Багратион загодя распорядился придвинуть несколько полков кавалерии 4-го корпуса к флешам). Кавалеристы захватили 12 выдвинутых вперед французских орудий, но не успели увезти, потому что, в свою очередь, были атакованы конными бригадами П. Мурье и Ф. О. Бермана из состава дивизии легкой кавалерии 3-го армейского корпуса маршала М. Нея, направленными к флешам впереди основных сил этого корпуса [18, 19].

Наполеон, получив известия о жестоким сопротивлении русских и выбывших из строя французских генералов, наращивал наступающие силы. Движение на помощь Даву корпусов М. Нея и Ж.-А. Жюно предвещало первые серьезные осложнения в ходе Бородинской битвы. К этому времени командующий 2-й русской армией князь Багратион занял флешу остатками войск 27-й и 2-й сводно-гренадерской дивизии графа М. С. Воронцова (обе дивизии участвовали в Шевардинском бою и отдельными батальонами были в огне с самого начала сражения за флешу). Для отражения натиска врага Багратион также был вынужден забрать 8 батальонов пехоты из 7-го корпуса Н. Н. Раевского и 3-ю дивизию П. П. Коновницына из 3-го корпуса Н. А. Тучкова 1-го. Все подразделения 2-й армии были пододвинуты вперед, а резервные батареи выдвинуты в первую линию (артиллерийский резерв 1-й армии, он же главный артиллерийский резерв, продолжал сохраняться) [20]. Этих более чем исчерпывающих для власти Багратиона мер было недостаточно, и в этот момент боя Петр Иванович настойчиво просил подкреплений у Кутузова, и, минуя

его, — прямо у Баркляя [21, 22]. Главком отказал, а по приказу Баркляя направились к левому крылу несколько кавалерийских полков под командованием генерал-майора И. С. Дорохова, и 2-й пехотный корпус К. Ф. Багговута. Но еще до прибытия этих войск корпус Нея под сокрушительную канонаду атаковал поредевшие войска 2-й армии. Все три флешы пали одна за другой.

Близко девяти утра, с целью вернуть утраченные позиции, с русской стороны была произведена контратака всеми силами: истощенными батальонами 27-й пехотной и 2-й сводно-гренадерской дивизий, четырьмя батальонами 12-й дивизии, 2-й кирасирской дивизией генерала И. М. Дуки и полками 4-го кавкорпуса генерала К. К. Сиверса. Малочисленные дивизии, имея в своем составе менее 5000 бойцов каждая, не поддерживаемые в должной степени артиллерией (у кавалеристов Сиверса было всего 5 конных орудий), не могли успешно решить эту задачу против двух французских корпусов. В жестоком бою враг снова был выбит с флешей, снова захвачены две французских передовых батареи, и вновь увезти пушки не удалось, — контратаковавшие с жертвенной храбростью русские войска покатались назад [23, 24].

От 2-й гренадерской дивизии осталось не больше 300 чел. во главе с одним офицером. Ее командир М. С. Воронцов первым из русских генералов был ранен и покинул поле боя. Другие участвовавшие в бою дивизии сократились до тех же размеров. Вскоре были ранены и покинули битву Неверовский и Горчаков. По свидетельству одного из участников сражения с французской стороны, из 1500 русских кирасир *«вернулось... к своим линиям едва ли более 200 человек»* [25]. *«Потеря с нашей стороны выше вероятия»*, — отметил Ермолов [26]. В начале 11 часа дня войска Нея, вновь овладев флешами, дошли до Семеновского оврага. Наполеон, получив донесение об этом, двинул в промежуток между Даву и Неем с одной стороны, и Понятовским с другой, корпус Жюно, чтобы разорвать русскую оборону между атакованными направлениями на Семеновское и Старо-Ельню [27]. Захватив орудия флешей, французы продолжали подтягивать и усиливать свою артиллерию. В это время к Семеновским высотам, не зная, что оставляет за собой «дыру» для корпуса Жюно и в трудном положении Тучкова 1-го, уже подходила 3-я дивизия Коновницына. Она, при содействии четырех гусарских и драгунских кавалерийских полков под командованием Дорохова, ударила на войска Нея, и снова вытеснила их из Багратионовых флешей. Нея запросил помощи,

и Наполеон, после некоторого колебания, направил к нему дивизию Фриана, вернувшую французам успех.

По изложению Неелова, до прибытия Фриана флешей успели еще раз перейти из рук в руки вследствие неподкрепленной резервами контратаки 3-го французского корпуса, пытавшегося самостоятельно вернуть утраченное положение [28]. Богданович переносит это событие на время после ранения князя Багратиона, но нетрудно по общему изложению убедиться в правоте писавшего двадцатью годами ближе к событиям Неелова, к тому же, правильнее излагающего смысл движения корпуса Жюно. Его современники Бутурлин и Михайловский-Данилевский тоже подтверждают, что после атаки Фриана, при отражении которой был ранен Багратион, флешей русскими войсками были оставлены и более не брались: *«Он отвел все войска в деле находившиеся, за овраг Семеновский»* [29]. *«Коновницын отвел войска к Семеновскому и занял ближние высоты»* [30].

Как и Неелов, свидетельствующий, что в одиннадцатом часу французы уже прорывались от флешей за Семеновский овраг, Михайловский-Данилевский утверждает: *«Французские кирасиры и конные гренадеры... носились вокруг кареев гвардии, 3-ей дивизии и остатков от дивизий Принца Мекленбургского, графа Воронцова и Неверовского. Несколько эскадронов доскакивали даже до бывших в резерве полков Преображенского и Семеновского. Едва приближался неприятель, командующий сими полками барон Розен, с барабанным боем вел их вперед, встречая кавалерию штыками»* [31]. То же говорит и Ермолов: *«Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые части ее не иначе, как отдаля на выстрел, возможно было привести в порядок»*. В своей авторской сноске к этому описанию он опять сокрушается об отсутствии своевременной перегруппировки русских войск: *«Не так далеки были соображения князя Кутузова, и то доказали последствия!»* [32]. Ровно так повествует Бутурлин, сразу же после описания отхода русских войск под предводительством Коновницына, освещая кавалерийские атаки Нансути и Латур-Мобура, направленные за Семеновский овраг [33].

Отход русского левого крыла послужил для Наполеона сигналом к введению в бой масс кавалерии, которая натолкнулась, как и корпус Жюно, на русские резервы, направленные на левый фланг Барклаем. От неточностей Богдановича и описаний Михайловским-Данилевским атак вестфальцев Жюно и французской кавалерии Нансути и Латур-Мобура (производимых южнее, после взятия флешей, с наме-

рением обойти и окончательно прорвать Семеновскую оборону), ведет начало историко-патриотическая традиция описывать целых восемь (!) атак на Багратионовы флеши. На самом деле имели место три натиска наполеоновских войск на флеши, причем каждый последующий являлся развитием предыдущего. После падения этих укреплений и стабилизации русской обороны по оврагам, усилия противника сместились сначала к опушке леса и вершинам оврагов, а затем — на центр русских построений, и должны описываться как следующие фазы сражения. Это военно-теоретическое обстоятельство вынесено Нееловым в заголовки главок, повествующих о ходе битвы: «Первая, Вторая, Третья атака Даву и Нея» [34]. А Михайловский-Данилевский считал не атаки на флеши, а «нападения на князя Багратиона», т. е. во всей полосе обороны 2-й армии. Поэтому их у него оказывается четыре, и вне приведенного счета он добавляет к ним атаку французской конницы [35].

Богданович, на которого после издания его труда обрушилась масса упреков со стороны ура-патриотов, по собственному признанию, был «поставлен в тягостное положение — уверять в том, в чем не убежден сам» [36]. На первый взгляд малозначимые, допущенные им отступления сдвигают момент наибольшей угрозы для левого русского фланга со времени ДО подхода резервов на время ПОСЛЕ их подхода. Они прячут запаздывание со стороны русского командования и снимают важнейший для профессионалов вопрос о том, кто виноват в фактическом разгроме 2-й армии Багратиона. Если верить такому освещению событий, — виноватым оказывается один Наполеон. Поэтому, при массе скрупулезно собранных сведений, введенных Богдановичем в оборот, военно-теоретическое осмысление Бородинской битвы приподнялось мало, по-прежнему являя собой скорее попытку маскировки неприятных фактов, нежели ответственного и полезного вскрытия недостатков.

Вместо восторга отражением пресловутых восьми атак добросовестный историк должен подчеркивать, что никакие стойкость и моральный дух не могли возместить изначального недостатка сил левого фланга и чрезмерного резервирования артиллерии. Французским стрелкам было отдано полуторное, а канонирам — трехкратное превосходство в начале битвы. Русские стрелки были выбиты на 80 % состава, возникла нехватка артиллерийских зарядов, а ввод в бой корпусов 1-й армии запаздывал. После 11 часов дня, когда во время боя на главной Семеновской высоте, где находился штаб 2-й ар-

мии, был ранен Багратион, события грозили обернуться для храбрых русских войск исключительно дурно. Неприятель, стремясь обойти Семеновскую позицию, нащупывал место для прорыва между флешами и краем Утицкого леса, в том месте, откуда контратаковала истаявшая дивизия Дуки и ушла на Семеновские высоты дивизия Коновницына [37, 38].

Доныне историков занимает вопрос, кто же из генералов, Кутузов или Барклай, спас готовую рухнуть оборону армии Багратиона. Известно, что когда пришли в движение резервы от Барклая, главнокомандующий постфактум одобрил его распоряжения, поскольку Толь донес через Щербинина о серьезном положении у Семеновского. Когда Щербинин отправился к Багговуту с приказом Кутузова идти на левый фланг, то нашел командира корпуса уже близ Горок, во главе колонн 17-й пехотной дивизии [39]. Указания на содействие, оказанное Барклаем левому флангу Багратиона, имеются у Бутурлина в изданиях 1823 и 1837 годов [40]. В описаниях битвы, принадлежащих Толю, Михайловскому-Данилевскому и Неелову, изданных в 1839 году, отдача распоряжения Багговуту стала приписываться Михаилу Илларионовичу. Чтобы закрыть вопрос о том, кто из командующих сделал распоряжение, предотвратившее катастрофу, надо лишь указать на донесение Багговута Кутузову: *«Когда неприятель повел атаку на наш левый, я по приказанию главнокомандующего 1-й Западной армией пошел с пехотными полками 2-го корпуса на подкрепление оного»* [41]. О том же гласит рапорт Багговута Барклаю де Толли: *«Я по приказанию Вашего Превосходительства пошел с пехотными полками 2-го корпуса на подкрепление оного»* [42].

17-я дивизия 2-го пехотного корпуса закрыла брешь, оставленную 3-й пехотной дивизией, отбросив вестфальский корпус Жюно к лесу. На этом ответственная роль Багговута только началась, он продолжал противостоять атакам появившейся вслед за Жюно французской конницы. Это заставило Бонапарта шупать новое место для прорыва — в центре русской позиции. Обстановка там обострилась, и 4-я пехотная дивизия принца Вюртембергского, шедшая на оконечность левого фланга вслед за 17-й, была самовольно, от имени Кутузова, повернута Толем к батарее Раевского, откуда ее опять направил на дезорганизованный левый фланг лично Барклай [43]. Поправка Толя вышла неудачной, дивизия некоторое время находилась под огнем противника в бездействии, понесла потери, а участок, куда ей надлежало прибыть, пришлось подкрепить другими частями.

Скугаревский считал, что не только 2-й пехотный корпус и дивизионную группу генерала Дорохова, но даже кирасир и гвардейские полки послал Багратиону на помощь не Кутузов, а Барклай [44]. Но адъютант Баркляя, Левенштерн, оставил воспоминания о неудовольствии командующего 1-й армией двойными распоряжениями о направлении в бой резервов: *«Генерал Барклай послал меня к генералу Лаврову, приказав сказать ему, чтобы он сомкнул ряды, ни под каким видом не отделял бы от своего корпуса ни одной части, дал бы войску отдохнуть... и был бы готов двинуться вперед по первому приказанию... Генерал Лавров сказал мне, что он не в состоянии исполнить приказание генерала Баркляя, так как полковник Толь, по приказанию Кутузова, только что взял у него два гвардейских полка, которым велено поддерживать князя Багратиона на левом фланге. Я поспешил донести Баркляю об этом непредвиденном обстоятельстве. Барклай вышел из своего обычного равнодушия: его глаза гневно засверкали и он воскликнул: «Следовательно, Кутузов и генерал Беннигсен считают сражение проигранным, а между тем оно едва только начинается. В девять часов утра употребляют резервы, кои я не предполагал употребить в дело ранее, как в 5 или 6 часов вечера». Сказав это, он... поскакал к Кутузову»*. Затем кратко описывается конфликтная сцена [45].

Рассказ Левенштерна подтверждается рапортами полковника Кутузова и генерал-лейтенанта Лаврова, из которых следует: *«26 августа в 5 ч. утра вся гвардейская пехотная дивизия по назначению полковника от квартирмейстерской части Толя... заняла позицию позади правого фланга 2-й армии для подкрепления оной; чрез полчаса получил я приказание от... Бенигсена командировать из вверенной мне гвардейской дивизии полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский и сводную гренадерскую бригаду под командою... полковника Храповицкого, остальные же полки лейб-гвардии Преображенский, Семеновский и Финляндский под начальством г.-м. бар. Розена... приказано было сблизить к 1-й линии 2-й армии, что было немедленно исполнено»*. Следовательно, в начале битвы Измайловский и Литовский гвардейские полки и сводная гренадерская бригада уже вступили в бой, а остальные гвардейские колонны *«были под непрерывным жестоким огнем... в продолжении 14 ч. под пушечными, картечными и наконец ружейными выстрелами»*, пока в 4 часа дня не схватились с прорвавшейся неприятельской кавалерией [46, 47]. В отражении этих атак гвардейскую пехоту подкрепил лейб-гвардии Кирасирский полк [48].

Измайловцев и литовцев осыпали убийственным огнем 80 орудий, в то время как им были приданы всего 2 артиллерийские роты: его высочества и графа Аракчеева, направленные на усиление действующей артиллерии 1-й линии. В разгар сражения от Дохтурова был получен приказ сместиться еще влево, и на крайнем левом фланге в лесу был введен в бой лейб-гвардии Финляндский полк. В истории этого полка значится, что он был в бою дважды: *«В 5 часов утра, с первым пушечным выстрелом Финляндский полк стал в колонны к атаке, пошел вперед и занял место у деревни Семеновской, оставя за собой овраг»*. В этой позиции полк било ядрами, и он отразил атаку прорвавшихся французских кирасир. После этого финляндцев рассыпали в стрелках, они сражались с вражеской пехотой и егерями: *«Много офицеров выбыло из фронта»* [49]. *«Дорого стоила нам эта поддержка... истомленных в бою армейцев»* [50].

Так распорядиться гвардейским резервом! Неудивительно, что упомянутые рапорта, мемуары и истории полков исчезли из внимания исследователей. Спасти армию — не значит кидать резервы как уголь в топку, двумя лопатами — кто скорее. Спасать — значит поступать тактически грамотно, чем в данной ситуации не пахнет. Такие материалы невозможно понимать иначе, как то, что под утро 26 августа Кутузов наконец-то «до печенок» проникся беспокойством своих генералов. Поскольку предложенную накануне перегруппировку исполнять было уже поздно, он сместил влево и подвинул к 1-й линии гвардейский резерв. Вместо полноценной перегруппировки, которую провел Наполеон, Кутузов применил две полумеры: переместил сначала 3-го пехотный корпус, а затем — гвардию. Так полководец досрочно раздергал им же самим составленный общий резерв, отправив его в такую кровавую давку, что одному из батальонов лейб-гвардии Литовского полка под командой подполковника Тимофеева довелось в штыки контратаковать тяжелую кавалерию [51]! Теперь понятен его последующий отказ подкрепить Багратиона в бою с Неем и Жюно. Как и Булатова под Слободзеей, чем подкреплять? Почти ничего не осталось!

Нетрудно видеть, что в своем новом, назначенном Кутузовым и Толем положении, гвардия, подвергаясь урону, все равно была далека от самого опасного участка прорыва у опушки, который правильно определил и подкреплял главнокомандующий 1-й армией. Финляндский и остатки Литовского полка оказались там лишь под вечер, незначительными силами противостоя колоннам корпуса Жюно.

Захватывающее описание боя за безымянную фланкирующую высоту у начала Семеновского ручья, потеря которой грозила полным прорывом обороны, содержится в истории лейб-гвардии Литовского полка [52]. Соответственно, Барклай де Толли стал спасителем русской обороны, исполнив просьбу раненого князя Багратиона: *«Скажите генералу Барклаю, что участь армии и ее спасение зависят от него»* [53]. На Михаила Илларионовича после всего происшедшего с вечера 24-го по утро 26 августа, Багратион уповать не мог. *«Недостаточны были средства наши, и князь Кутузов, пребывающий постоянно на батарее у селения Горки, не видя близко мест, где явно было, сколько сомнительно и опасно положение наше, допускал надежду на благоприятный оборот. Военный министр, все обозревая сам, давал направление действиям, и ни одно обстоятельство не укрывалось от его внимания»* [54]. Изложенные факты весьма красноречивы к полководческому портрету Михаила Илларионовича.

Пока выходил в контратаку Багговут, 2-я армия, потеряв Багратиона, пришла в расстройство: *«В мгновение ока пронесся слух о его смерти, — вспоминал Ермолов, — и войск невозможно удержать от замешательства... Одно общее чувство — отчаяние!»* [55]. Багратиона временно заменил Коновницын, пока не пришло распоряжение Кутузова принять командование Д. С. Дохтурову. Приказ главкома был пуст, как и приказы, раздававшиеся 130 лет спустя, в начале Великой Отечественной войны: *«Рекомендую Вам держаться до тех пор, пока от меня не воспоследует повеление к отступлению»* [56].

По свидетельству Барклая, в этот момент пехота 2-й армии *«была совершенно расстроена и рассеяна в малых кучках, остановленных уже за главную квартиру, на большой Можайской дороге. Все укрепления с частью батарей достались неприятелю»* [57]. *«Расстроеными кучками или в одиночку тащились мимо Литовского полка остатки войск, занимавших Семеновские флеши»* [58]. Дохтуров, нашедший войска *«в большом смятении»*, хладнокровно сел посреди воющих пуль и ядер на армейский барабан, заявив: *«За нами Москва! Умирать всем, но ни шагу назад!»* [59]. Подкрепленные резервами участки по бокам французского прорыва устояли, и это не дало врагу завершить начатое. Наполеон и его маршалы за лесом, дымом и пылью поля сражения не видели поражения 2-й русской армии, и это сковывало их дальнейшую инициативу.

Находившийся в Горках Кутузов, получив тревожное донесение от своего доверенного зятя, полковника Н. Д. Кудашева, *«дал повеление*

корпусу графа Остермана идти туда поспешнее и соединиться с корпусом Багговута» [60]. С резервными войсками прибывала на помощь растерзанным дивизиям Багратиона артиллерия. Количество действующих русских пушек на участке 2-й армии наконец-то достигло 200, позволяя хоть как-то состязаться с врагом, уже начавшим перенаправление своих орудий к центру русской позиции. Достигнутый им полуохват русского центра сулил лучшие результаты для применения артиллерии, и по 2-й армии огонь ослаб. Дохтуров, хоть и потерял деревню Семеновскую, отступил за нее не далее километра и закрепился на новом рубеже.

Генерал Ермолов получил приказание Кутузова *«отправиться немедленно во 2-ю армию, снабдить артиллерию снарядами, в которых оказался недостаток»*. Он взял с собой из резерва три конноартиллерийские роты полковника Никитина [61]. По характеру распоряжения с Ермоловым отправился начальник артиллерии генерал Кутайсов. Произошло это в момент, когда Наполеон начал смещать усилия к северу, и курганная высота была взята французами около 11 часов дня после истощения боезапаса батареи. Проезжавший мимо Ермолов увлек в контратаку 11-й, 19-й, 40-й егерские полки и остатки дивизии Паскевича. Батальон Томского пехотного полка повел за собой В. И. Левенштерн, впоследствии досадовавший, что его участие в славном деле предали забвению, равно как и тот факт, что пехота Томского полка первой пошла в атаку и ворвалась на занятую французами батарею: *«Искажено даже название полка, коему принадлежала честь этого подвига. Ничего не требуя для себя, я вступаю только за честь Томского полка»* [62]. Подробное изложение эпизода содержится в истории 145-го пехотного Новочеркасского (бывшего Томского) полка, разьясня исторический спор: томцы шли к батарее молча, а ведомые Ермоловым уфимцы по ходу кричали «ура», почему и вышло, будто бы они первыми настигли противника [63]. Из-за небрежения полковыми историями и записками Левенштерна его рассказ остался без внимания исследователей. Так, В. И. Голиков в статье «История Томского полка в битвах XVIII—XX вв.» сообщает лишь, что полк участвовал в бою за батарею Раевского и потерял в Бородинском сражении 464 чел. [64].

Воспользовавшись пересеченной местностью, *«небольшой углубленной долиной, отделяющей занятое неприятелем возвышение»*, русские скрытно подошли к центральной батарее, и ударили в штыки (в отличие от Кутузова, Ермолов понимал, в какой обстановке и по

какой тактике их можно применить). Открывшие огонь артиллеристы Никитина закрепили успех. Однако новое нападение грозного врага угрожало высоте, а легкие конноартиллерийские роты, прибывшие с Ермоловым, быстро расстреляли свои заряды. *«Всюду, где есть опасность, находился главнокомандующий военный министр, — повествует дальше Ермолов. — Внимательно наблюдая за действиями он видел положение мое, и не ожидая требования помощи, прислал немедленно батареиную роту и два полка пехоты»* [65]. Это позволило начальнику штаба 1-й армии отправить утомленные батальоны и расстрелявшие заряды батареи Никитина в резерв, заменив их свежими войсками. Угроза высоте и русскому центру была временно предотвращена.

Колюбакин посчитал, что французская атака на батарею Раевско-го, в отражение которой ввязались Ермолов и Кутайсов, была искусной демонстрацией, предназначенной Наполеоном для пресечения направления резервов на левый фланг русской позиции, который он готовился полностью разгромить: *«Несмотря на достаточные здесь силы для обратного захвата курганного укрепления... пламенный Ермолов и еще более пламенный... Кутайсов, круто повернули вправо, к кургану... Люнет остался за нами, но ни Ермолов... ни павший герой граф Кутайсов, не достигли левого фланга; также остались в центре ведомые Ермоловым три конные роты, нетронутыми остались у Псарева массы резервной артиллерии, и приостановлена в центре 4-я дивизия принца Виртембергского»* [66]. Но Бонапарт на самом деле повернул усилия к центру, перейдя от незавершенной задачи прорыва обороны Багратиона к дальнейшему перемалыванию русских сил с их опрокидыванием на Новую Смоленскую дорогу. По ней можно было преследовать русскую армию и затеснить ее в окружение к северу, завершив сражение убедительной победой. Собственно говоря, именно такой план приписывает Наполеону Колюбакин, а потом кидается в другую крайность, сообщая, что он демонстрировал в центре с целью полностью уничтожить левое крыло. Трудно, однако, не согласиться с тем, что гибель Кутайсова и ранение Ермолова привели к коллапсу и без того плохого управления русской артиллерией. Кутузов, рассчитывавший на передовые, не выполнял этих функций, и ни на кого более их не возложил. Генерал-майор Ф. К. Левенштерн, начальствовавший главным артиллерийским резервом, инициативы не проявил.

Пока происходили вышеописанные драматические события, на Старой Смоленской дороге развивался свой, относительно обособленный, но не менее жестокий бой. Когда маршал Даву начал употре-

блять усилия, чтобы овладеть Багратионовыми флешами и деревней Семеновской, Понятовский двинулся вперед по Старосмолянке, и около 7 (Неелов) или 8 часов утра (Богданович) вытеснил из Старо-Ельни русских егерей. Затем он *«повернул к деревне Утице, оттеснил занимавших оную егерей наших, и не смотря на сильный огонь русских батарей построился на равнине впереди деревни»* — на том самом в одну версту ширины поле, которое проглядела переименованная Кутузовым квартирмейстерская часть [67]. *«Ободренная успехом своей пехоты, польская конница лихо вынеслась из линии резерва и охватывая справа Старую Смоленскую дорогу, пошла в атаку на левый фланг Тучкова»*. В свою очередь, польским уланам ударили во фланг скрытые в лесу за Утицей 6 донских полков, увлекая за собой русских ополченцев [68]. Так была отбита первая атака врага, но Понятовский преодолел замешательство, и генерал-лейтенант Тучков 1-й, около 8:00–8:30 часов утра лишившийся 3-й пехотной дивизии, отправленной к Багратиону, был принужден оставить равнину и отступить к высотам за деревнями.

Тем самым поправка Беннигсена к расположению 3-го пехотного корпуса, из-за которой скрещивались исторические копыя, быстро исчезла, подчиняясь мощному ходу событий [69, 70]. Из приведенных описаний ясно видно, что корпус не мог стоять в засаде, открывая врагу более чем километровый промежуток. Поэтому он удлинит общую русскую линию, а в засаде за его левым флангом расположились казаки и ополченцы, охранявшие от просачивания поляков дальний, «заутицкий» лес. На Утицком кургане Тучков поставил артиллерию. По тесноте вершины там поместились только 4 батарейных орудия, и 12 пушек установили слева, у подошвы вышки, с сектором обстрела на поле от Утицы до Старо-Ельни. Слева же были построены Екатеринославский и Санкт-Петербургский гренадерские полки, а за ними — Московское ополчение.

Обеспечивая свою связь с Багратионом, командир корпуса послал на помощь егерям Шаховского Таврический полк. Туда же, от Багратиона были высланы в подкрепление егерей 49-й и 59-й полки 27-й дивизии Неверовского (вот каково было их стояние в резерве) [71]. Плотное взаимодействие Тучкова, Шаховского и Багратиона позволяет предполагать, что между русскими генералами левого фланга была договоренность, призванная компенсировать нераспорядительность Кутузова. Впрочем, если она и была, то не могла возместить твердого командования. По воспоминаниям С. И. Маевского: *«Две*

посылки к Тучкову за сигурсом остались без исполнения... третья возложена была на меня. Я... объявил решительно волю князя (Багратиона), — и 3-я пехотная дивизия с Коновницыным отправилась за мной... Но Коновницын по Желтой книге допросил меня и с трофеем вел при дивизии, боясь обмана или измены». Вскоре Маевского опять послали с просьбой о помощи к Тучкову, но «он сам был слаб и сильно атакован Понятовским. Возвратясь ни с чем, я князя уже не застал: его ранили» [72]. К счастью, Понятовский приостановил наступление по незначению местности и обстановки, ограничиваясь перестрелкой. Только в одиннадцатом часу дня, когда войска Жюно, войдя в лес, завязали упорный бой с русскими егерями, он выставил против Утицкого кургана батарею из 40 орудий, ввел в дело обе польские дивизии и к полудню овладел высокой позицией [73, 74].

Курган надо было отбивать по той причине, что он был не только замковой позицией на Старой дороге, но и фланкирующей для тропы из Старо-Ельни в Утицу, по которой шло просачивание групп противника в лес: «Занятие французами местности, командовавшей всею окрестностью, угрожало обходом в тыл 1-й гренадерской дивизии, которая могла быть сбитою со Старой Смоленской дороги и тем самым подвергнуть всю армию обходу с фланга» [75]. Понимание этого факта отсутствует в современной литературе, не было его и в главной квартире Кутузова. Поэтому, как только подошла 17-я пехотная дивизия З. Д. Олсуфьева из 2-го пехотного корпуса Багговута, Тучков контратаковал, и отбил курган, снова установив на нем 6 орудий, но в этом бою был смертельно ранен. Затем, с опозданием из-за вмешательства Толя, спутавшего намерения Баркляя и Багратиона, стала прибывать 4-я пехотная дивизия Е. Вюртембергского. Уже потрепанная к этому моменту дивизия частью сил поддержала теснимых Жюно егерей Шаховского, а другой частью — оборону кургана. Разумеется, впоследствии Толь решил об этом не вспоминать, и ситуация полнейшего рассогласования между штабом Кутузова и командующими 1-й и 2-й русскими армиями превратилась в осознанное ведение корпуса Багговута по указанию Кутузова. Так эту мякину и описывает Неелов. Увы, понятно, что разделение корпуса по расходящимся направлениям — это ошибка, особенно, учитывая тот факт, что в центр битвы уже смещался 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого.

Пользуясь задержкой в подкреплении русскими своих сил и содействием корпуса Жюно, Понятовский вновь атаковал и повторно занял Утицкий курган. Багговут, получивший известия, что войска

2-й армии отошли за Семеновский овраг и начавший опасаться не только за левый, но и за правый свой фланг, не стал контратаковать, отойдя к вершине Семеновского ручья и восстановив связь с отступившими частями 2-й армии [76]. Понятовский его не преследовал, оставшись в Старо-Ельне и заняв курган сильным авангардом. В этом положении противников застала ночь. Поляки не сумели завершить прохождение дефиле, хотя их малочисленные группы просачивались за восточную опушку Утицкого леса, оставив об этом ухарские воспоминания [77]. Приходится констатировать, что если бы у Наполеона и Понятовского были сведения о местности вокруг Старой Смоленской дороги, 3-й пехотный корпус и приданные ему части могли быть обойдены невзирая на героическое сопротивление. Русская армия не могла быть гарантирована принятыми полумерами, и в этом смысле судьба всей битвы висела на волоске.

Что же на протяжении неистового боя делал культовый полководец Кутузов? Примеры его мастерства в руководстве сражением продолжают вызывать удивление. С отправленными к Багратиону гвардейскими полками, участвовавшими в отражении кавалерийских атак Нансути и Латур-Мобура, было послано мало артиллерии, — по согласному описанию всех авторов, — несколько батарей [78, 79, 80]. Многократно описанный героизм 8-орудийной артиллерийской роты полковника Козена лишь подчеркивает эту картину. Попытки сообщить, будто главком в ходе боя перебросил на левое крыло до 300 орудий, дезавуируются тем, что изначально до 180 пушек было задействовано там Багратионом, быстро изъявшим все свои орудия из резерва. Вместе с корпусом Багговута Барклай отправил еще 36. Не менее 24 прибыло позднее по приказу того же Барклая с корпусом Остермана-Толстого. Итого — 240. Опять подтверждается, что Кутузов поступал противно тому, что следовало делать: сохранить гвардию, но подать в бой артиллерию.

На участке 2-й армии русские войска уступали противнику в числе действующих пушек в течение всего сражения. Даже в конце одного перевеса оставался за Наполеоновской артиллерией, что указал Н. Д. Неелов, считая 400 против 300 [81]. «*В артиллерии здесь все время французы имели огромное превосходство*», — утверждает Б. М. Колубакин [82]. Управление артиллерией со стороны главкома было потеряно. Насмешкой звучат воспоминания Н. А. Дивова (молодого ординарца покойного А. И. Кутайсова) о том, как «сам главнокомандующий тщетно разыскивал средства к подкреплению» и «Кайса-

ров подозвал меня к себе и спросил, есть ли еще батареи, не бывшие в деле. Когда я отвечал, что... на самом крайнем правом фланге нашем должна находиться батарейная батарея, Кайсаров представил меня главнокомандующему, который и приказал мне немедленно ехать туда и привести батарею на левый фланг позиции. Когда я доехал, батарейной батареи уже не было на месте. Я поскакал обратно, доложил о том Кайсарову и отправился исполнять приказание Ермолова, при котором затем и оставался во весь остальной день» [83].

С опозданием вводившиеся в бой против развернутой артиллерийской группировки противника русские батареи несли огромные потери. *«В два часа пополудни квартирмейстер Толь приказал своему адъютанту вести нашу роту на линию. На половине пути адъютант был убит; мы примкнули к корпусу Дохтурова... Не было возможности выстроить батарею в прямую линию, так как убитые и раненые люди и лошади лежали горами. Едва мы успели сняться с передков, у моего единорога был убит канонир и ранило штабс-капитана Таландера, с несколькими рядовыми; сорванною головою своего фейерверкера поручик Клибер был сбит с ног (в другой раз пуля сплющила у него часы). Я навел два свои орудия в строившуюся против нас колонну и стал против правого колеса, чтобы видеть действие выстрела, но в эту минуту был опрокинут... Я взглянул возле себя и увидел двух солдат, убитых осколками гранаты... Расстройство нашей роты было чрезвычайное; мы потеряли свыше 50 человек и 20 лошадей; многие зарядные ящики оказались пробитыми, передки и лафеты переломаны» [84].*

Пехоте огневое превосходство противника стоило еще дороже, причем бесцельно страдали полки, расположенные во второй линии. Так, после краткого отдыха от боя за село Бородино, *«лейб-егерей послали на левый фланг позиции, где они под адским огнем простояли... на пушечный выстрел от Семеновского»,* понеся не меньшие потери, чем в прямом столкновении с французами до того. В итоге из строя полка было 27 офицеров и 693 нижних чина [85]. Элитная воинская часть, которую при другом качестве действий командования можно было использовать в битве повторно, бессмысленно истаяла.

Около 10–11 часов дня М. И. Кутузов распорядился произвести рейд силами конницы М. И. Платова и Ф. П. Уварова в обход левого крыла французской армии, восторженно воспринимавшийся Михайловским-Данилевским, Колюбакиным и советскими историками, но принесший мало результатов. Сам полководец тоже посчитал, что поставленная им задача не выполнена, и отказался награждать за

Бородино упомянутых кавалерийских генералов, доложив царю: *«Говоря о 1-м кавалерийском корпусе, я имею долг присовокупить вашему императорскому величеству, что генерал-лейтенант Уваров... сколько ни желал в сражении 26 августа при Бородине что-либо важное предпринять с порученным ему корпусом, но не мог совершить того, как бы ему желалось, потому что казаки, кои вместе с кавалерийским корпусом должны были действовать и без коих не можно было ему приступить к делу, в сей день, так сказать, не действовали»* [86]. Что же произошло, и кто был виноват?

Приказ на конный рейд главнокомандующий отдал из Горок, где неотлучно находился, тревожась уходом на помощь Багратиону правобережных 2-го и 4-го пехотных корпусов, и считая нужным прощупать левобережье Колочи. Другой целью рейда считают ослабление французского натиска на 2-ю армию Багратиона. Обе причины в своем соединении довольно веские, хотя трудно было ждать, что Наполеон применит двойной охват центра русской позиции. Этому не благоприятствовали ни сама позиция, ни соотношение противоборствующих сил. Что же касается замысла на полноценный обходной маневр как то «разыскали» апологеты, — у Кутузова его не было. Прежде всего, не велось заблаговременной подготовки таких действий. Если же мысль появилась, когда узнали, что на северном фланге у Наполеона нет войск, то почему рейд был предпринят столь малыми силами, 4500 сабель, половина из которых — храбрая, но легкая и недисциплинированная казачья конница? Наконец, задача разгромить врага обходным маневром в известной мере противоречит задаче ослабления его удара на Семеновское. Ведь для этого желательно, чтобы как можно больше французских сил завязли, вступив в бой. Только после этого наносится обходной удар, по силе достаточный, чтобы ошеломить противника, вынудить его к обратной переброске войск и отходу. Для исполнения такого замысла нужны не только крупные силы, но и расчет времени. Так действовал Наполеон под Аустерлицем, выжидая и успокаивая своих маршалов.

По-военному, все должно быть организовано четко, а не когда вздумалось, не кое-какими силами, и не в попытке достичь разных целей в одной куче. Если это был обходной маневр, то он был предпринят малыми силами и преждевременно. Французы еще не ввели в бой свою кавалерию. Вот почему маневр, не смотря на тяжелое положение 2-й армии Багратиона, не инициировал Барклай, и правильно сделал: всего три-четыре часа спустя русская конница понадобилась

ему в рубке у Горецкого оврага. Лишь к этому времени наступил момент для контрудара. Непродуманность действий выдвигает вперед озвученную участниками событий версию о том, что инициатором рейда на самом деле был не Кутузов, схватившийся за эту идею, а Платов: *«Атаман Платов утром во время сражения несколько раз посылал разьезды для открытия бродов на р. Колоча. Полагая возможным обойти левый фланг неприятеля, Платов послал состоявшего при нем полковника принца Эрнста Гессен Филиппстальского к Кутузову, вызываясь перейти со значительным числом кавалерии за р. Колочу и атаковать неприятеля»* [87]. Он *«был крайне изумлен, не найдя почти во все неприятеля там, где предполагалось все его левое крыло»* [88, 89]. Платов поступил бы умнее, посоветовавшись с Барклаем, но он еще под Смоленском испортил с ним отношения, которые с тех пор были более чем холодными. Вместо этого принц Эрнст привлек на свою сторону Толя.

Дальнейшее описано Клаузевицем, исполнявшим должность обер-квартирмейстера при 1-м кавалерийском корпусе Уварова. Он *«находился в свите своего генерала как раз у Кутузова, когда подъехал полковник Толь»*. Решение о рейде принималось *«среди общего энтузиазма и под радостным впечатлением благоприятного оборота, который принимало сражение»* (Толь доложил об отражении атак Даву на левом фланге, и пришло ложное сообщение о пленении на центральной батарее Мюрата, которым назвался, спасая свою жизнь, израненный генерал Бонами. — А. Д.). Уваров получил самую общую инструкцию, в которой *«недоставало категоричности, подчеркивающей значение данного маневра»*. Свое отношение к подобному планированию Клаузевиц излагает в словах: *«Не хвались днем, пока не наступит вечер. Диверсия, произведенная 2500 коней, никоим образом не могла бы изменить общее течение такого сражения, в котором принимает участие армия в составе 130000 человек; самое большее — она могла вызвать частичную и преходящую задержку в выполнении плана противника... Если бы это ошеломление наступило в тот момент, когда и без того решение уже назрело и когда при всеобщем утомлении... каждый новый толчок... становится все более эффективным, то можно было бы надеяться достигнуть чего-нибудь этой диверсией. Но ранним утром неприятель, очевидно имея достаточно времени для противодействия значительными силами этому разрозненному наступлению, смог бы наголову разбить генерала Уварова и затем вернуться к выполнению своего основного плана»* [90].

Около 12 часов пополудни Уваров и Платов, перейдя вброд через Колочу у деревни Малой, направились в атаку. Об устройстве путей для переправы пушек через броды и береговые кручи никто не позаботился. Из-за слабости сил и некатегоричной формулировки приказа на рейд, начались *«собственные соображения»* и проволочки [91], хотя действовать нужно было решительно и быстро. Кавалеристы Орнано не приняли боя и отошли, после чего Уваров натолкнулся на 84-й пехотный французский полк. Он пустил в атаку на успешную сомкнуться в каре вражескую пехоту Елисаветградских и лейб-гвардии гусар без артиллерийской поддержки, и это нападение возымело тот же результат, что и атака кавалерии Мюрата на 27-ю дивизию Неверовского под Красным: *«Три раза ходили в атаку гусары, и три раза были отбиваемы огнем»* [92]. Лишь после подвода конной батареи через восстановленный мосток у д. Малой и нескольких сделанных ею выстрелов, французская пехота отошла за плотину на речке Войне. Время было упущено, на помощь к 84-му полку стали подходить пехота из дивизии Дельзона, итальянская гвардия и конно-егерские полки дивизии Шастеля из корпуса Груши. За их спиной виднелась масса стоявшей в резерве наполеоновской гвардии. *«В виду таких сил, собиравшихся за р. Войною, Уваров не нашел возможным продолжать атаки и после непродолжительной канонады начал отходить назад»* [93].

Платов же, разделив своих казаков, пошел к селу Бородину в 1,5 км от Уварова, а часть полков двинул в дальний обход через речку Войну, к французским обозам. Успеха он не добился нигде — в Бородине казаки не могли в конном строю атаковать пехоту, засевавшую в домах и укреплениях, а донские артиллерийские роты, вызванные на позицию у деревни Захарьиной, не прибыли. Обходящие полки сумели переправиться через речку Войну выше деревни Беззубовой, но встретили сплошное пространство труднопроходимого леса и кустов. Там они буквально *«рассыпались в кустах»* [94], производя больше шума, чем дела, и этот шум помог им отступить, когда французское недоумение закончилось.

Таким образом, удар, не поддержанный артиллерией и пехотой, замялся и пошел по расходящимся направлениям, отчего ослаб еще больше. По описанию Ермолова, в неприятельском лагере быстро произошло *«движение: стремительно собиралась пехота, выдвигалась артиллерия, со многих позиций направлены в помощь отряды... Войска наши не приобрели успеха, мало нанесли вреда, и подверглись урону. Ге-*

нералу Уварову приказано возвратиться. Атаман Платов за ним последовал» [95]. По суждению Баркляя де Толли: «Если бы нападение сие исполнилось с большею твердостью, не ограничиваясь одним утомлением неприятеля, то последствия онаго были бы блистательнее» [96]. Как справедливо отметил Богданович, для успеха рейда «по свойствам местности в окрестностях Бородина, было необходимо... содействие пехоты» [97], о чем при его «планировании» речь не шла.

Рейд не нанес поражения каким-либо частям наполеоновской армии, частично выполнив задачу снятия сильного давления противника с русского левого фланга. Бой временно смягчился в промежутке между 12 и 14 часами дня: «По всей линии действия неприятеля были менее настойчивы» [98]. Малость эффекта даже вызвала у А. А. Писарева мнение, что движение за Колочу было предназначено «осадить» неприятеля перед отступлением с Бородинского поля, отчего он впал в путаницу по времени [99]. Ошибиться было нетрудно, — конные полки корпуса Уварова вернулись на восточный берег Колочи лишь ночью, и составили арьергард армии при ее отступлении с Бородинской позиции [100]. Незаметным, но главным последствием рейда стало принятие Бонапартом решения не вводить в бой гвардию: «Сам Наполеон прискакал к левому флангу. Он приказал остановить молодую гвардию, которой уже было отдал приказание идти в огонь на Семеновские укрепления» [101]. Поняв, что битва затягивается, а непроходимость обрывов и болот нижнего течения Колочи преувеличена, он уже не мог поступить иначе. Рейд подтолкнул Бонапарта перенести свои атакующие усилия в то самое русло, какого опасался Кутузов — на русский центр, после чего проводить полноценный контрудар русской стороне стало проблематично.

Такого хода вещей не желал и Барклай, имевший свои виды на переход в контрнаступление из центра. По свидетельству Левенштерна командующий 1-й армией оборонил слова: «Увидим как он (Беннигсен, которому было поручено координировать конный рейд. — А. Д.) выполнит движение кавалерии на нашем крайнем правом фланге, на которое я рассчитываю, чтобы двинуться вперед со всеми моими резервами. Это должно нанести неприятелю решительный удар». Несколько далее по тексту своих записок Левенштерн резюмирует: «Движение... не удалось и лишило нас возможности перейти в наступление» [102]. Теперь понятно, зачем Баркляю был нужен гвардейский корпус генерала Лаврова. Если бы молодая гвардия Наполеона успела податься на Семеновское, а русская гвардия с прочими резервами в этот

момент ударила через село Бородино, течение сражения приняло бы обоюдоострый характер с заметными шансами на победу для русской стороны.

Противник пресек эту возможность, придержав гвардию и направив массу войск к центральной высоте: *«Когда Наполеон вернулся на Шевардинский холм, он уже оставил намерение пустить гвардию в бой и отдал распоряжение об атаке курганной батареи Раевского»* [103]. Это движение наполеоновских войск, взявших основные позиции 1-й армии во фронтальный и фланговый огонь, не только похоронило перспективы контрнаступления, но и позволило Бонапарту произвести «сматывание» 2-й линии русской обороны и овладеть большей частью Бородинского поля. Поэтому не стоит идти на поводу ни у хвalebной, ни у компромиссной позиции, что *«диверсия принесла больше пользы русской армии, чем нанесла вреда французской»* [104]. Преждевременное и плохо подготовленное движение всегда сужает дальнейшие возможности. Это — аксиома тактики. Поэтому рассуждения Михайловского-Данилевского, Коллюбакина и пр. о результативности распоряжений Кутузова никакой практической и военно-исторической ценности не имеют. Пользу мог принести только решительный удар русских войск в обход основной французской группировки с поражением ее слабого фланга. Ничего подобного не случилось, инициативу опять перехватил Бонапарт.

По ходу битвы понял это и Михаил Илларионович, встретив вернувшихся из рейда генералов холодно: *«Я все знаю, — Бог тебя протит!»* — отрезал главком пояснения Уварова. На самом деле, порицать он должен был самого себя: не предусмотрел вариант активного использования правофланговых резервов, погрешил против правил тактики при одобрении поступившего к нему предложения, угробил сокровенные планы Барклая... Эффект обманутого ожидания хорошо описал Клаузевиц: *«Автор благодарит Бога, что в этих обстоятельствах его роль сводилась к нулю, и он даже не смог участвовать в разговорах, которые генерал Уваров вел по-русски с присылаемыми к нему офицерами»* [105]. Большое раздражение в главной квартире и негативное мнение офицеров армии о результатах движения подтверждает Н. Н. Муравьев: *«От дурных распоряжений и нетрезвого состояния графа Платова, войска сии, которые могли бы принести большую пользу, ничего не сделали. Кутузов отказал Платову в командовании в самое время сражения; способности же Уварова, который после Платова остался старшим, довольно известны... Уваров обладал даром выбирать*

для атаки такие места, где конница не могла действовать, и отряд его... ни к чему не послужил» [106].

К 14 часам французы начали общий штурм курганной высоты, для которого стянули до 300 орудий, взявших русскую позицию в перекрестный огонь. «Казалось, что Наполеон решился уничтожить нас своею артиллериею», — вспоминал М. Б. Барклай де Толли [107]. Под прикрытием жуткой канонады Е. Богарне повел на штурм три пехотные дивизии Ж.-Б. Брусье, Ш.-А. Морана и Э.-М. Жерара. Посчитав это недостаточным, Наполеон приказал атаковать высоту с левого фланга двум кавалерийским дивизиям под командованием генералов Ж.-Т. Лоржа и О. Ж.-Г. Коленкура, снятым с Семеновского направления. Завидев перегруппировку сил противника, Барклай уплотнял боевые линии, как это полагалось делать в ожидании атаки масс конницы. Увы, это повышало эффективность французского пушечного огня, и русские боевые порядки «подверглись жесточайшему урону от огня огромных неприятельских батарей», в то время как резервная русская артиллерия, перебрасываемая на поле боя, продолжала действовать рассеянно. Количество людей, коней и орудий в ротах еще более уменьшилось вследствие эпизодического участия в отражении предыдущих французских прорывов [108]. То есть, пушек в русских батареях было от 4 до 8, и вести успешную контрбатарейную борьбу они не имели никакой возможности.

Генерал Коленкур лично повел в бой дивизию Ватье. Обманым маневром он помчался со своими кирасирами вправо от высоты, а затем повернул на нее. Французам удалось ворваться на батарею, где сам Коленкур был убит, а огонь русской пехоты быстро очистил люнет от его подчиненных. Но следом батарея Раевского, на которой в это время командовал генерал-майор П. Г. Лихачев, была окончательно взята саксонскими гвардейцами И. фон Тилемана. Русские отошли не более чем за 800 метров, за Горецкий овраг. Кавалерийские корпуса Латур-Мобура и Груши бросились развить успех и прорвать истощенную русскую оборону. Им навстречу Барклай двинул кавалерийские корпуса Ф. А. Корфа (то, что от них осталось после изъятия ряда полков).

За пределами ураганного действия французских пушек чуда не случилось. Французские кавалеристы не опрокинули противника и сами разбились. Русскому успеху в отражении атак «*весьма много содействовала наша артиллерия, выставленная Милорадовичем за Горецким оврагом. Батареи наши истребляли французскую конницу и пехоту.*

Войска вице-короля укрывались во рвах курганной батареи и по пока-тости холма обращенной к реке Колоче; они не могли держаться вну-три батареи, которая жестоко обстреливалась нашими орудиями из-за оврага» [109]. Огромной кровью отбитая у русской армии позиция оказалась бесполезной. Орудия главного артиллерийского резерва наконец-то оказались на нужном месте, и сделали важное дело. Это был конец попыток французского прорыва. У Наполеона не осталось резервов кроме гвардии, а на ее ввод в бой он не решился. Можно думать, что перемена Наполеоном направления главного удара от Багратионовых флешей к центральной высоте с батареей Раевского приобрела элемент ошибки из-за порывистости императора. Поворот усилий был исполнен слишком линейно. Рельеф и конфигурация фронта в этой части поля боя были хороши для атаки на выступающую русскую позицию, но не для прорыва. Лишь зайдя глубже со стороны Семеновского, Бонапарт мог надеяться на успех.

В продолжение всего сражения главнокомандующий 1-й армией Барклай де Толли был в огне, отдавая приказания не только по доне-сениям, но по лично видимым им признакам и направлениям битвы. В кавалерийской сшибке ему пришлось обнажить шпагу для самоза-щиты. «Велико было прежде негодование армии против Барклая де Тол-ли, но в Бородине общее мнение решительно склонилось на его сторону. Уже несколько недель не приветствовали его войска обычным восклица-нием, но в Бородине от каждого полка гремело ему: ура!» [110].

По прекращении атак противника «Барклай де Толли приказал 6-му корпусу примкнуть правым флангом к д. Горкам; 4-му пехотному кор-пусу расположиться между 6-м корпусом и д. Семеновскою; полковнику Потемкину с 4-мя егерскими полками стать правее Горецкого кургана. Генерал Платов должен был охранять правый фланг армии. А генерал Милорадович с рассветом снова занять люнет (батареи Раевского) пе-хотой и артиллерией; на кургане в д. Горках предложено построить сомкнутое укрепление. Все распоряжения Барклая де Толли были одо-брены князем Кутузовым, и, вместе с тем, командующему 2-й армией... Дохтурову, приказано пристроиться со своими войсками к левому флан-гу 4-го корпуса, чтобы соединить его со 2-м и 3-м пехотными корпуса-ми, находившимися у вершины ручья Семеновского. За боевыми линиями пехоты должна была расположиться кавалерия; дивизии: гвардейская пехотная и две кирасирские, стать за центром боевого порядка и со-ставить резерв армии» [111]. Другие подробности диспозиции к про-должению боя 27 августа можно найти, читая самого Барклая [112].

Начальником штаба 1-й армии Ермоловым *«были приняты меры к тому, чтобы... потери были не слишком чувствительны для армии. Позади линий войска были поставлены вновь прибывшие из Москвы ополченцы»* [113].

Когда к пяти часам вечера начала затихать канонада, М. И. Кутузов в своей главной квартире выглядел удовлетворенным, разглагольствуя перед свитой, что *«неприятель отражен на всех пунктах, завтра погоним его из священной земли русской»* [114]. Об этом он направил записку М. Б. Барклаю де Толли и приказал А. Х. Эйлеру *«укомплектовать всю артиллерию зарядами для завтрашнего сражения»* [115]. Направившись объезжать корпуса, главнокомандующий отправил попавшегося ему по дороге П. Х. Граббе *«поздравить начальников войск с отражением неприятеля и предvarить о наступлении на него наутро»* [116]. Поразительна мотивировка Михаилом Илларионовичем своего решения: *«Ибо всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии»* [117]. Наступать с целью спасти артиллерию? К полуночи, после получения донесений о потерях, выпренная болтовня героя закончилась, и в адрес подчиненных ему командующих полетели приказы отступить. Барклай *«в пылу негодования изорвал бумагу»* [118]. Делать, однако, было нечего. Дохтуров, первым получивший приказ Кутузова, начал отводить 2-ю армию.

Не состоялось военного совета, основания и мотивы решения главнокомандующего приходится угадывать и проверять по обстановке, обозреваемой с высоты двух веков. Наполеон на другой стороне Бородинского поля колебался. Своим маршалам он сказал: *«Если еще подобное сражение, где будет моя армия?»* [119]. По переданным Коленкуром (братом погибшего генерала) словам маршала Бертье, Бонапарт был настолько склонен тогда принять предложения о мире или вступить в переговоры о них, *«что подумал бы еще, идти ли дальше Можайска»* [120]. Оба полководца заслужили упрек, высказанный позднее офицером русского Генерального штаба А. Е. Станкевичем: *«Самый успех, купленный грудой трупов, теряет все свое достоинство, становится преступлением, если для достижения его имелись средства более правильные, менее стоившие. Жизнь человеческая, как материал для достижения военных целей, слишком дорога и требует от полководца разумного ее употребления»* [121].

1. Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедн. Отеч. войны // *Тр. Моск. отд. ИРВЮ. М., 1913. Т. IV. С. 495–499.*
2. Ануфриев В. П. *Хронология Бородинского сражения: к вопросу о 8 атаках Семеновских флешей // Историч. формат. 2016. № 1. С. 289–291.*
3. Афанасьев В. *Подлинные док. о Бородинском сражении 26 авг. 1812 г. М., 1912. С. 16–17.*
4. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 165.*
5. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 35–36.*
6. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 166–169.*
7. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 35.*
8. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 228.*
9. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 171.*
10. Там же. С. 172–173.
11. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 197. С. 163.*
12. *Истор. лейб-гв. Егерского полка. СПб., 1896. Т. 1. С. 84–85.*
13. Ануфриев В. П. *Хронология Бородинского сражения: к вопросу о 8 атаках Семеновских флешей // Историч. формат. 2016. № 1. С. 291–293.*
14. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 188. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 80.*
15. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 37.*
16. Там же. С. 38.
17. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 177–178.*
18. Там же. С. 179.
19. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 41.*
20. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 182.*
21. Там же. С. 182–183.
22. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 43.*
23. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 184.*
24. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 43–44.*
25. Ануфриев В. П. *Хронология Бородинского сражения: к вопросу о 8 атаках Семеновских флешей // Историч. формат. 2016. № 1. С. 294–295.*
26. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 189. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 80.*

27. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 184–185.
28. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения.* М., 1839. С. 49–50.
29. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1837. Ч. 1. С. 279.
30. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 248–249.
31. Там же. С. 253.
32. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 189, 190. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон,* 1863. С. 81.
33. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1837. Ч. 1. С. 279.
34. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения.* М., 1839. С. 63.
35. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 231.
36. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 175.
37. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения.* М., 1839. С. 51, 65–66.
38. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 250.
39. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным).* СПб., 1912. с. 50–51.
40. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1823. Ч. 1. С. 279.
41. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты.* М., 2002. С. 178.
42. Афанасьев В. *Подлинные док. о Бородинском сражении 26 авг. 1812 г.* М., 1912. С. 23–26.
43. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 200–201.
44. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 46–47.
45. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина.* 1900. № 12. С. 574–575.
46. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1911. Т. XVIII. С. 12–14, 17–19.
47. Елагин Н. *Лейб-гв. Измайловский и Литовский полки в Бородинской битве.* Б. м., б. г. С. 5–7.
48. *Истор. лейб-гв. Кирасирского полка.* СПб., 1833. С. 45.
49. Марин А. Н. *Кр. очерк истор. лейб-гв. Финляндского полка.* СПб., 1846. Кн. 1. С. 24–27.
50. *Зноско-Боровский 1-й Н. А. Истор. лейб-гв. Измайловского полка.* СПб., 1882. С. 57.
51. *Маркграфский А. Н. Истор. лейб-гв. Литовского полка.* Варшава, 1887. С. 25–27.
52. Там же. С. 27–32.
53. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина.* 1900. № 12. С. 547.

54. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 194. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 86.*
55. *Там же. С. 189.*
56. *Бородино. 1812–1962. Док., письма, воспоминания. М., 1962. Док. № 83. С. 93.*
57. *Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 20.*
58. *Маркграфский А. Н. Истор. лейб-гв. Литовского полка. Варшава, 1887. С. 19.*
59. *Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 179.*
60. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 189. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 81.*
61. *Там же. С. 189–190.*
62. *Левенитерн В. И. Записки // Рус. Старина. 1900. № 12. С. 575–577.*
63. *Шелехов Ф. П. Истор. 145-го пех. Новочеркасского полка. СПб., 1896. С. 69–70.*
64. *Голиков В. И. Истор. Томского пех. полка в битвах XVIII–XX вв. // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 4 (20).*
65. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 191–193. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 84–85.*
66. *Колубакин Б. М. Бородинское сражение 26 авг. // Рус. Старина. 1912. № 8. С. 274.*
67. *Гоувальт О. Х. Истор. лейб-гв. Павловского полка. 1726–1850. СПб., 1852. С. 116.*
68. *Пузанов В. В. Истор. 5-го Донского казачьего полка. Саратов, 1913. С. 199–200.*
69. *Неелов Н. Д. Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 45.*
70. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 193.*
71. *Там же. С. 193–194.*
72. *Маевский С. И. Мой век или истор. ген. Маевского // Рус. Старина. 1873. № 8. С. 138.*
73. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 194.*
74. *Неелов Н. Д. Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 45–46, 53–54.*
75. *Гоувальт О. Х. Истор. лейб-гв. Павловского полка. СПб., 1852. С. 117.*
76. *Неелов Н. Д. Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 75–76.*
77. *Брандт Г. Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 3. Отд. I. С. 26–27.*
78. *Неелов Н. Д. Опыт опис. Бородинского сражения. М., 1839. С. 41.*
79. *Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 237.*

80. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 183.
81. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения.* М., 1839. С. 61.
82. Колобакин Б. М. *Бородинское сражение 26 авг.* // *Рус. Старина.* 1912. № 8. С. 272.
83. Дивов Н. А. *Из воспоминаний* // *Рус. Архив.* 1873. № 7. С. 01338.
84. *Из журн. участника войны 1812 г. Суханина* // *Рус. Старина.* 1912. № 2. С. 281, 282.
85. *Истор. лейб-гв. Егерского полка.* СПб., 1896. Т. 1. С. 86.
86. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 249. С. 219.
87. Иванов Н. А. *Рус. конница в вел. Бородинской битве.* Одесса, 1912. С. 26.
88. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 83.
89. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 203–204.
90. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 84–86.
91. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 193–194. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863.* С. 85.
92. Иванов Н. А. *Рус. конница в вел. Бородинской битве.* Одесса, 1912. С. 26.
93. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 68–69.
94. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 207–208.
95. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 193–194. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863.* С. 86.
96. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии.* М., 1859. С. 23.
97. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 208.
98. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 193. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863.* С. 85.
99. Писарев А. А. *Воен. письма.* М., 1817. С. 80–81.
100. Манзей К. Н. *Истор. лейб-гв. Гусарского полка. 1775–1857.* СПб., 1859. Ч. 2. С. 58, 60.
101. Иванов Н. А. *Рус. конница в вел. Бородинской битве.* Одесса, 1912. С. 26.
102. Левенитерн В. И. *Записки* // *Рус. Старина.* 1900. № 12. С. 579–580.
103. Иванов Н. А. *Рус. конница в вел. Бородинской битве.* Одесса, 1912. С. 26.
104. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты.* М., 2002. С. 185.
105. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 88.
106. Муравьев Н. Н. *Записки* // *Рус. Архив.* 1885. № 10. С. 249–250.
107. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии.* М., 1859. С. 22.
108. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 209–210.
109. Иванов Н. А. *Рус. конница в вел. Бородинской битве.* Одесса, 1912. С. 28.

110. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 272–273, 282–283.
111. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения*. М., 1839. С. 79–80.
112. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии*. М., 1859. С. 23–24.
113. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина*. 1900. № 12. С. 581.
114. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 220.
115. Эйлер А. Х. *Записки // Рус. Архив*. 1880. Кн. 2. С. 359.
116. Граббе П. Х. *Из пам. записок. Отеч. война*. М., 1873. С. 83.
117. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 184. С. 151.
118. Глинка С. Н. *Записки о 1812 г.* СПб., 1836. С. 52.
119. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения*. М., 1839. С. 84.
120. Коленкур А. —О. Л. *Поход Наполеона в Рос.* М., 1943. С. 139.
121. Станкевич А. Е. *Критич. разбор кампании 1809 г.* СПб., 1861. С. 466–467.

Глава 7

МОСКВА

7.1. ИТОГИ БИТВЫ И СУДЬБА МОСКВЫ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ РАЗБОР

Бородинское сражение стало одним из самых кровавых сражений наполеоновских войн. Только в пятидневной «Битве народов» под Лейпцигом, состоявшейся в октябре 1813 года, потери сторон превысили бородинские. Людские жертвы, однако, до сих пор определяются разноречиво. Не вдаваясь в дискуссии, для исчисления наполеоновских потерь следует принять французские учетные данные, так же как для русских — архивные русские. По ведомостям архива военного министерства Франции Наполеон потерял у Бородина 6567 чел. убитыми и 21519 ранеными, а всего 28086 чел. Французские исследования на предмет полноты данных поднимают эту цифру до 30 тыс. [1].

Согласно опубликованным в 1872 и 1954 гг. сводным ведомостям потерь 1-й и 2-й Западных армий, русские потери составили 38,5 тыс. чел. Но их изучение выявило неполноту: не учтены потери казаков, ополчения, 32 эскадронов кавалерии, 6 пехотных батальонов, 11 артиллерийских рот и некоторых других частей. С. В. Шведов на этом основании пришел к заключению, что русская армия потеряла около 53 тыс. чел., что совпадает с оценками ряда дореволюционных авторов. В свою очередь, эта цифра превышает указанную в «Списках убитым, раненым и награжденным воинским чином 1812–1814 гг.» (хранятся в РГВИА), согласно которым выбыло из строя 45,6 тыс. чел. На эту цифру опирался Н. А. Троицкий [2], и она, по видимому, заслуживает большего доверия, чем экстраполяция Шведова. В армии были артиллерийские роты, вовсе не участвовавшие в сражении; большей частью в ней не принимало участия ополчение; были полки, охранявшие правый закрылок русских позиций, оказавшийся вне битвы. Для этих частей определять потери методом экстраполяции не годится. Близкое число потерь русской армии — 44 тыс. чел., вывел на основании известных ему данных М. И. Богданович [3].

Таким образом, наиболее отвечающий реальности уровень потерь в Бородинской битве составляет 30,0 тыс. чел. с французской стороны против 45,6 тыс. с русской. Округленное соотношение составляет 1 к 1,5–1,6. Оно подтверждается участниками битвы, отметившими разницу между заявлениями командования и собственными наблюдениями: *«Общее количество потерь в нашей армии определяют приблизительно в 25000 убитых и раненых, а потери у русских — вдвое; по моему мнению, отношение между нами и русскими, вероятно, равняется 2:3»* [4]. Завышенные и доныне мелькающие в литературе оценки потерь наполеоновской армии основаны на тезисе, будто *«неприятель и должен был потерять более нашего, как атаковавший и притом с неудачей»* [5]. С высоты веков и войн мы знаем, что это часто бывает не так, завися от силы и меткости огня противоборствующих армий, тактической грамотности командования и набора приемов, при помощи которых войска располагаются на местности и укрываются от огня.

При огромных жертвах трофеи сторон оказались скромны, что свидетельствует о взаимном упорстве: с 24 по 26 августа 1812 года русские взяли 13 пушек и 1176 пленных, среди которых 1 генерал (Ш.-О. Бонами), 35 офицеров и 1140 нижних чинов [6]. Французы захватили 15 пушек (по Богдановичу — 17) и 1000 пленных, среди которых тоже оказался один раненый русский генерал — П. Г. Лихачев. Избегают упоминать, что *«сверх того, мы оставили в недоконченных батареях и флешах около 25 орудий, большую часть подбитых»* [7]. То есть, всего русская армия потеряла порядка 40–50 пушек, большинство из которых французами не приходовались, и остались валяться на Бородинском поле. Лафет одной из них употребил для личного обогрева Евгений Богарне [8].

И все же, русские войска, стоявшие в обороне на позиции, которую их командование само выбрало как наилучшую и оборудовало, понесли потерь значительно больше, чем непрерывно атаковавший противник. Из-за этого общее соотношение сил перед Москвой вновь изменилось в пользу Наполеона. Советские историки 20–30-х годов отмечали поразительную непропорциональность русских потерь в сравнении с французскими, пока это стало «не модно» по желанию объяснять огромные потери армии СССР в Великой Отечественной войне. Богданович, одним из первых взявший на себя неблагодарный труд вскрывать ошибки и неудачи, нанес удар по «спасительному гению» Кутузова, но не довершил дела, начав в двусмысленных выражениях выводить его из огня критики: *«Кутузов, во*

все продолжение боя, находясь у Горок, не мог иметь непосредственного влияния на ход дела, но все его распоряжения были весьма основательны и несмотря на невыгоды первоначального расположения русской армии, непоколебимость наших войск и самоотвержение их начальников, способствовали нам удерживаться на каждом из атакованных пунктов до прибытия подкреплений» [9].

Внимание последующих исследователей было уведено от разбора тактики к позиционным вопросам, и крайним сделан Толь. Ура-патриотическому славословию появилась ложная антитеза, которой увлеклись многие. К примеру, Геруа пошел в тактическом разборе дальше Богдановича, но закончил его вполне ортодоксальными выводами. Однако же, отнюдь не позиция, выбранная Толем, была причиной больших потерь. Она была вполне концептуальной, и в большинстве случаев играла на пользу обороняющихся. Причины кроются в том, как найденная позиция была обыграна тактически, в недостатках управления войсками. За многие из этих упущений должен отвечать не генерал-квартирмейстер, а главнокомандующий. Недостатков, уже описанных при изложении хода сражения, придется коснуться еще раз, — применительно к большим потерям и отступлению армии к воротам Москвы, излагая данные и отзывы современников, пропущенные, чтобы не загромождать картину великой битвы.

Мы видели, что Бонапарт превзошел Кутузова в управлении артиллерией. Французская артиллерия была организована для массированного применения и лучше русской обеспечена зарядами. Она вступала в дело своевременно и сосредоточенно, обстреливая густые цели, в то время как многие русские пушки, подтягиваясь с опозданием, таких благоприятных условий для работы уже не имели. Для русских канониров на первый план, и в ущерб поражению живой силы врага, выступала контрбатарейная борьба. Ее трудно вести, уступая в количестве стволов противнику. Французский император в отличие от русского главнокомандующего это понимал, стремясь завоевать огневой перевес: *«Наполеон намеревался прежде всего привести нашу артиллерию в бездействие, и он мог надеяться на успех»*. В результате, *«во многих артиллерийских ротах были перебиты почти все офицеры и прислуга, почему для действия при орудиях назначали людей из пехоты»* [10]. По сообщению Михайловского-Данилевского: *«Некоторые артиллерийские роты наши, прибывшие из резерва, простояв короткое время на одном месте, теряли прислугу и ящики; приходилось вывозить орудия из дела на двух лошадях»* [11].

Проигрыш контрбатарейной борьбы является ответом на вопрос, почему русские не смогли организовать фланкирующий огонь по вражеским корпусам, атаковавшим Багратиона. Для таких действий русская артиллерийская группировка должна была быть сильнее, а образ действий войск — активнее (иначе нельзя прикрыть выдвигаемые вперед орудия). Кутузов противопоставил Наполеону малоприспособленную для интенсивного сражения тактику резервирования орудий, держания батарей в привязке к отдельным дивизиям и корпусам, и постепенного выдвижения из резерва. Артиллерийская поддержка русских войск оказалась недостаточной. Как 2-я русская армия Багратиона, так и 1-я армия Баркляя де Толли понесли большие, в процентном отношении сопоставимые потери: 20 и 38 тыс. чел., покинувших строй (включая бежавших и потом вернувшихся) соответственно [12].

Штатная артиллерийская организация весьма способствовала такому провалу, потворствуя безынициативности начальников и включая в себя десятки рот, никогда не отработывавших сосредоточенного огня целой бригадой, в то время как ключевых пунктов для огневого воздействия на Бородинском поле были единицы. Учитывая, что изменить порочную организацию можно было только властью главнокомандующего, сетования Кутузова, что *«тому причиною была смерть Кутайсова»* лишены основания. Замечания, что *«неизвестность сделанных Кутайсовым распоряжений, произвела то, что многие роты, расстреляв заряды, не знали откуда их пополнить, и против батарейных французских орудий действовали у нас, в иных местах, легкие»* [13] не могут быть оправданиями для главнокома, ибо плох тот командир, который всецело передоверяет свою артиллерию.

Многие участники Бородинской битвы признавали, что русская артиллерия действовала храбро и точно, но *«по частям и без связи»* [14], объясняя такое положение дел смертью генерала Кутайсова, увязавшегося на передовую за Ермоловым. За этот поступок, и вообще за скачку *«по всем передовым батареям»* все *«сильно осуждали»* Кутайсова [15]. Почему же начальник артиллерии не настаивал перед главнокомом на важнейших вещах, считая возможным бродить по передовой? А. А. Смирнов в статье «Александр Иванович Кутайсов» привел разработанные этим молодым генералом «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». В них Кутайсов проявляет себя воспитанником Аракчеева, рассчитывая на мобильность батарей, требовавшую непосредственного за ними наблюдения. Вместе с

полезными положениями, подсказанными опытом наполеоновских войн, он устанавливает малое количество возимых зарядных ящиков для пеших (по 1 на орудие), и еще менее (по 1 на несколько орудий) для конных батарей. Но диспозиция Толя в самих своих основах — выборе пересеченного места сражения — не благоприятствовала доставке в бой оставшихся в парках зарядов. Для нее имели силу замечания генерала И. фон Штрома, указывавшего, что двухколесные зарядные ящики, в отличие от четырехколесных, *«слишком отягощают корневую лошадь и часто опрокидываются»* [16]. Такого не видывали на гатчинских стрельбах и парадах.

Наряду с этим, Кутайсов полагал: *«Начальник резервной артиллерии, по повелению начальства или сам собой, видя необходимость подкрепить где-либо, распоряжается батареями со всевозможной скоростью, ибо от его деятельности легко может сражение взять иной оборот»* [17]. Такие воззрения, вкуче с дворянской жадой личных подвигов, объясняют, почему он в разгар битвы считал возможным находиться в огне, передоверив заботы о доставке зарядов и вводе в бой орудий начальникам резервной артиллерии. И это уже прожектерство, ибо в те времена эти начальники не привыкли, и не были обязаны осуществлять таких функций. По русским уставам и традициям они принадлежали генерал-квартирмейстеру, а Толь мотался по Бородинскому полю в качестве «пожарного». Для русской артиллерии возникла ситуация «у семи нянек дитя без глазу». Исходя из приведенного, генерала Кутайсова можно охарактеризовать как сырого начальника артиллерии с личной храбростью и некоторыми академическими задатками. Кутузов должен был это видеть, имея профильное образование и хорошо зная его отца, — далекого от армии павловского фаворита, но устранился.

Бородинская артиллерийская диспозиция, бывшая частью утвержденной главнокомом общей диспозиции к сражению, оказалась не приспособлена к характеру действий противника. По воспоминаниям Ф. Н. Глинки, Наполеон *«обставил все высоты ужасным количеством артиллерии. Пальба его могла вредить более нашей: он как зачинщик действовал откуда и как хотел и действовал концентрически; мы как ответчики действовали, как позволяло местоположение, и поэтому часто разобщенно, эксцентрически»* [18]. Ему вторит артиллерист, будущий русский генерал от кавалерии П. Х. Граббе: *«Центр и левый фланг нашей армии были опоясаны непрерывною цепью неприятельских орудий, батальонным огнем и перекрестно действовавшим»* [19].

Н. Н. Муравьев считал, что французами было сделано 70000 пушечных выстрелов [20]. По подсчетам Н. Г. Павленко русские пушки выпустили на поле Бородина в 1,5 раза меньше снарядов, чем французские (60000 против 90000), а по данным П. Х. Граббе — втрое меньше: *«Французская артиллерия издержала 60 т. зарядов. Наша только 20 т. Первая употребляема была всегда массами, наша большею частью рассеяна на позиции. Артиллерийский резерв наш не был вводим в дело мыслью общего начальника... по требованию разных частных начальников или по увлечению личной храбростью ротных командиров, она бросалась туда, где огонь неприятеля был опустошительнее, где... не успев еще сняться с передков, находили против себя сотни орудий... Нередко случалось, что, вступая, таким образом, в дело, последовательно одна рота за другою, они были расстроены и уничтожаемы при самом начале. Снабжение действовавших батарей своевременно снарядами было также неудовлетворительно»* [21].

А. П. Ларионов тоже называет цифру в 60000 выпущенных русских зарядов, умалчивая о числе французских. По его данным, во время так называемой «шестой атаки» на Багратионовы флеши, с русской стороны действовало 152 орудия, а «восьмой» — 236. К ним он присовокупляет почти 100 орудий, обстреливавших противника от Семеновского ручья и деревни Семеновской (так и дважды посчитать недолго). И тут же, повторяя старые данные Н. Д. Неелова, называет число действующих «почти на одном месте» французских пушек, — 400, приходя к бездоказательному выводу о том, что Наполеону не удалось добиться превосходства в артиллерийском огне. В изложении вклинивается свидетельство штабс-капитана Базилевича, как его артиллерийская рота, прибыв на позиции у флешей, нашла *«против себя в два раза сильнейшую неприятельскую батарею»*. Метким огнем ее удалось подавить. Но так случалось не всегда. Другой была судьба героической гвардейской конной батареи капитана Ралля и полковника Козена, наткнувшейся на изготовленную к бою 12-орудийную французскую батарею. Русские артиллеристы *«понесли большой урон»* [22]. Ларионов подробно расписывает тактически ошибочное, раздельное введение в бой русских батарей, указывая, что лишь в три часа дня в битву были отправлены последние 72 орудия [23]. Наполеон ввел все свои пушки в бой на три часа раньше — к полудню. Так ретивые историки, доказывая недоказуемое, опровергают сами себя.

Как лукавая подача желаемого за действительное звучат строки из донесения Кутузова Александру I: *«Жестокая канонада с обеих сторон*

продолжалась до глубокой ночи. Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю целыми выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступила». Там же проскальзывает непонимание Михаилом Илларионовичем возможностей массирования артиллерии: «Невзирая на сильную потерю, понесенную французами, не переставали они стремиться к овладению вышеупомянутыми тремя флешами; артиллерия их, до 100 орудий умноженная, сосредоточенным огнем своим наносила немалый вред нашим войскам» [24]. В голове главнокомандующего не укладывалось, что на одном участке битвы Наполеон собирал по 200—300 и больше орудий. А потому не было с его стороны адекватных приказов и разъяснений. Увы, на Бородинском поле не наступавшие французы, а оборонявшиеся русские чаще кидались грудью на вражеские пушки: «Дивизии моей почти нет... я ее водил несколько раз на батареи. Едва ли тысячу человек сочтут», — с горечью писал храбрейший П. П. Коновницын [25].

Лучшие русские генералы понимали вопрос, считая, что даже легкие пушки «с решительною пользою могли бы быть употребляемы в полевых сражениях в большом числе, от 100 до 200 на одном месте, при атаках и оборонах, в каковом случае необыкновенная разрушительная сила их действия должна опрокинуть все поставленное навстречу». Фельдмаршал Дибич мечтал об артиллерийских полках, «снабженных 400 пушек» [26]. Но в Главной армии 1812 года орудия часто становились обузой. К началу Крымской, а затем Первой мировой войны мнимо-нужная апологетика опять замусорила реальный опыт. Снова пришлось доказывать необходимость концентрации артиллерийских масс на решающих пунктах, «а отнюдь не иметь артиллерию, равномерно разбросанной по всему фронту, разбитой поровну между дивизиями». Опять требовалось понукать инспекторов артиллерии, чтобы они «играли более деятельную роль начальников, управляющих огнем значительных артиллерийских соединений, а не ограничивались только снабжением своих войск огнестрельными припасами». Артиллерия сызнова хорошо стреляла батареями и дивизионами, «но стрельбы высших соединений артиллерии орудиями различных калибров для достижения наибольших боевых результатов — она безусловно не знала». Снарядов не хватало, а «Военное министерство, включая и Главное управление генерального штаба и генерал-инспектора артиллерии, — не отдавало себе отчета, что такое современная война» [27].

Помимо артиллерии, Кутузов уступил Наполеону общетактически. Богданович полагал, что Бонапарт лишь по своей нерешительности упустил полную победу, *«которая, будучи сопряжена с совершенным расстройством русской армии, произвела бы сильнейшее влияние на дух нашего народа, нежели занятие Москвы»* [28]. По мнению Геруа: *«В тактическом отношении Бородинское сражение знаменуется множественностью промахов, совершенных обеими сторонами»*. Главными ошибками русских он считал: *«1) недостаток разведки — а) перед боем (ничего не известно о движении корпуса Понятовского)... б) о местности на позиции (ее расположение относительно направления наступления противника и Утицкий лес); 2) постановка армии на позиции флангом к противнику (по вине Толя, для которого такая постановка была привычна)... 3) неправильная постановка и употребление засадного корпуса Тучкова; 4) недопользование артиллерии, значительная часть которой осталась в резерве; 5) недопользование силы укреплений»*. Промехи *«были искуплены ведением боя... в духе крайнего упорства (заятие трех последовательных позиций)... причем армия к разгару боя заняла положение более глубокое, чем это было в начале его»* [29].

Следует послать Кутузову и другие упреки: он не определился с главной угрозой, расположив свои войска в умозрительно функциональных, равномерных прусских линиях. Он действовал шаблонно и пассивно, подменяя принципы внезапности и массирования сил поиском закрытых и глубоких позиций. Так строит свою критику Окунев, чей анализ стяжал похвалу Жомини: *«Русские испытали минутные неудачи на разных точках поля сражения, единственно по причине ошибочного распределения войск, в самых важных местах оного. Что пользы в том, что они вообще были почти равносильны неприятелю, когда на каждой решительной точке они были его слабее?»* Наполеон, *«заяв пространство не большее трех с половиной километров, мог дать боевому строю своему выгодную густоту; вторая (армия Кутузова) напротив, растянувшись на 7 километров и ослабив тем свои линии, имела все тактические невыгоды на своей стороне»* [30]. Русский маневр происходил запоздало, за линиями войск. Непосредственно на поле боя маневра вообще не было, контратаки шли в лобовую, на ужасный огонь (подборку фактов выполнил Липранди) [31]. В это же время наполеоновские войска часто стремились к обходу (Дельзон, Жюно, Понятовский, Коленкур) и маневру огнем.

Людам не военным кажется все равно, когда производится перегруппировка, если войска так или иначе успевают вступить в битву.

Дьявол, уничтожающий солдат, кроется в невыгодах вступления резервных соединений с марша в бой поочередно, с уже развернутым в правильный тактический порядок и подтянувшим артиллерию противником. *«Переходы (корпусов) не могли быть иначе делаемы, как в различное время и для того только, чтобы восстанавливать порядок на таких точках, где неприятель брал уже верх: следовательно, нельзя было лучше устроить, чтобы быть по частям разбиту. Лучше было бы, увидев ошибку в расположении войск в боевой порядок, поправить ее тотчас... Корпуса Багговута, Остермана и Корфа приходили по одному на решительные точки и вступали в дело один после другого, и потому действия их были только поправочные и принесли пользу только отрицательную. Таким образом, французы, собравшие войско свое на меньшем пространстве, имели на всех решительных точках превосходство физических сил в свою пользу. От Семеновского до Горок русские встречали на каждой точке неприятеля, вдвое сильнейшего».* Упреки Окунев посылает не только Кутузову, но и Наполеону: *«Битву сию нельзя назвать, как Экмюльскую, Ваграмскую и пр., битвою маневров»* [32].

Плотные и неглубокие, линейные русские порядки, насквозь простреливаемые наполеоновской артиллерией, разительно контрастировали с глубоким характером позиции и ожидавшихся действий противника. На Бородинском поле не использовались даже такие простые приемы уменьшения огневого поражения резервных полков, как посадить на землю солдат. Главнокомандующий мог подготовить соображения на этот счет и довести их до армии, к его авторитету прислушались бы, а когда Ермолов *«послал... сказать пехоте, что она может лечь, для уменьшения действия огня. Все оставались стоя и смыкались, когда вырывало ряды»* [33]. Присевших и прилгших силой заставляли подниматься с земли [34]. В результате, *«войска наши, стоявшие во все время под ружьем, много потерпели от артиллерийского огня»* [35]. Богданович также называет причиной огромных потерь *«недостаточное тактическое образование русских войск, в числе которых было много рекрут, не умевших пользоваться местностью для уменьшения вреда, наносимого неприятельским ружейным огнем».* Не то было у французов, которые адекватно воспринимали команды сесть, лечь, и даже опуститься на колени [36].

В духе прусской школы Кутузов считал возможным не иметь за линиями сильного общего резерва, а потому слишком рано начал растаскивать гвардейские полки на парирование неожиданностей. Такое поведение неоднократно порицалось последующими воена-

чальниками. По опыту А. А. Брусилова: *«Командующему армией необходим не малый, а сильный общий резерв, без которого сражение всегда будет висеть на волоске... небольшая часть, находящаяся в распоряжении командующего армией для парирования случайностей, как то полагали немцы... совершенно недостаточна»* [37].

Единственным исключением из пассивной обороны стал конный рейд Платова и Уварова через Колочу, несущий на себе отпечаток экспромта. Литературно этот маневр можно восхвалять вслед за Михайловским-Данилевским, утверждавшим, что он *«не оценен достойным образом»* [38], но на деле его результатом стала утрата возможности вырвать у противника победу, *«поставив армию Наполеона в самое критическое положение»* [39]. Распорядиться идеей надо было иначе. Проведя предварительную перегруппировку войск и правильно используя силы ополчения, для контрудара через Колочу можно было выделить, помимо корпусов Платова и Уварова, один из пехотных корпусов, 10 тыс. наиболее готового ополчения и 10 из 17 оставшихся невостребованными артиллерийских рот; всего более 25 тыс. чел. при 120–140 орудиях. В случае успеха можно было подкрепить эту массу еще одним кавалерийским корпусом и полками из охранения правого закрывка. Такие силы позволяли нанести полноценный контрудар и вовлечь в бой наполеоновскую гвардию, истощение которой делало дальнейший поход Бонапарта на Москву нереальным. При необходимости отвода назад французских корпусов, действовавших на левом русском фланге, их потрепанное состояние и расстояние до места нового ввода в бой были таковы, что они вовремя прибыть не успевали, попадая в ту же систему *«поправочных движений с отрицательной пользой»*, какую Наполеон навязал Кутузову.

Контрудар не состоялся еще и потому, что замысел обороны не был дополнен тактической прозорливостью в плане, что делать дальше, если удастся отразить противника. Без серьезной инженерной подготовки успешно перевести войска на западный берег Колочи было нельзя: *«Русская конница должна была перейти реку и спуститься с большой высоты в долину, что чрезмерно затрудняло ее движение; но неудобство сие было еще не последнее: ибо, оставляя подобное местоположение за собою, в случае отступления, опасность проходить его гораздо бы более увеличилась»* [40]. Невыгоду крутых берегов Колочи для исполнения полученных корпусом Уварова приказаний отмечает и Михайловский-Данилевский [41].

Такая подготовка была выполнимой. Если русская артиллерия по своей организации отставала от французской, то инженерное дело опережало европейские порядки. С начала XVIII в. русским были хорошо известны «потаенные» или «особые» мосты. Теория и практика военной инженерии бурно развивалась в Екатерининское время [42], а затем оказалась одной из немногих областей военного дела, не погромленных Павлом I. Развертывание инженерных войск продолжил Александр I. К началу войны 1812 года в русской армии имелось достаточно пионерных, минерных и понтонных рот. Армия располагала парусиновым понтонным парком конструкции капитана Андрея Немого, подобного которому наполеоновские войска не имели. Обеспечивая отступление от границы, инженерные войска возвели 178 мостов и отремонтировали 1920 верст дорог.

Увы, Михаил Илларионович задач по обеспечению наступательного маневра с инженерами не обсуждал. Став главнокомандующим, он объединил армейских пионеров в две бригады под единым командованием генерала Ивашова, придав им на постоянной основе пехотные роты. Подчиненные непосредственно главному пионерные подразделения лишились рабочих контактов со штабами армий и корпусов, начав запаздывать с исполнением работ в их интересах. На Бородинском поле успели возвести не пригодившиеся укрепления у села Маслово, деревень Горки и Бородино. Работы на Шевардинской позиции к моменту атаки французов оказались незавершенными. Отрывку Багратионовых флешей начали вечером 23 августа, а к сооружению центральной батареи приступили около 17 часов 25-го, и к началу Бородинского сражения также не успели закончить [43]. Вину за это возлагали на Беннигсена и Толя, а также на начальников инженерных войск 1-й и 2-й армий генерал-лейтенанта Трузсона и генерал-майора Ферстера. Но не в поиске виноватых суть: видно, что при правильной организации, время и силы для проведения работ на Колоче без ущерба для других важных сооружений были.

Резкий упрек Кутузову, послал Клаузевиц: *«Следовало базироваться на... знакомстве с местностью и на обладании ею, чтобы использовать внезапность, т. е. ему следовало увязать свое оборонительное построение со средствами перехода в энергичное наступление»*. Клаузевиц, как и Барклай, полагал, что русская кавалерия правого фланга находилась далековато для успешного контрудара, а потому предлагал другой вариант использования массы бездействовавших войск — в сосредоточении за корпусом Тучкова, откуда они могли быть бро-

шены в обход правого французского крыла: *«Русские могли иметь то преимущество, что они находились по отношению к противнику в охватывающем положении»* (благодаря изначальной уступке части поля боя на левом фланге) [44]. Этого же опасались поляки Понятовского: *«Разбив корпус Тучкова, мы попали бы на сильные резервы, готовые оттеснить наше движение в этом направлении»* [45]. Они не могли поверить, что русских резервов здесь не было.

Клаузевиц считал, что в роли противника Наполеона *«Кутузов проявил себя... далеко не блестяще и даже значительно ниже того уровня, какого можно было от него ожидать... Роль Кутузова в отдельных моментах этого великого сражения равняется почти нулю. Кажется, он лишен... ясного взгляда на обстановку, способности энергично вмешиваться в дело... если говорить о непосредственно персональной деятельности, Кутузов представлял меньшую величину, чем Барклай»*. За «спасителем» теоретик оставляет такие достоинства как хитрость, рассудительность, и... хвастливую лживость, которая помогла удержать доверие царя и народа до времени, когда развились губительные для Бонапарта условия кампании. *«Обстановка начала сама собою складываться в пользу русских... Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, по-видимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии, всей России не принудили его к тому... Он знал русских и умел с ними обращаться... изливался в безмерной похвальбе; этим он льстил тщеславию войска и народа... Таким путем создано доверие нового рода, правда, искусственно внушенное, но все же имевшее в своей основе истину, — плохое положение французской армии»* [46]. В своих наблюдениях Клаузевиц был не одинок. Генерал Раевский высказался категорично: *«Нами никто не командовал!»* [47].

Интересно, что немецкий теоретик почти так же низко оценивает военный кругзор Барклая. Это, в общем-то, неудивительно при близком общении Клаузевица с Уваровым и Толем, находившимся с командующим 1-й армией в «контрах». Факты же говорят о том, что при Бородино Барклай был лучше Кутузова, а его критики сами действовали не лучшим образом. Констатировав утрату возможностей для контрудара, Барклай не пал духом, и полагал, что армии надлежало не оставлять поля боя, закрепляя моральную победу русского оружия и ставя Бонапарта перед трудным выбором: риском повторно разбиться о русскую оборону, пойти в обход или отступить. Всю оставшуюся жизнь он придерживался мнения об ошибочности произведенного по приказу Кутузова отступления: *«Одному только высшему*

начальству известны причины отступления победоносных армий наших от Бородина... Не оставление Смоленска повлекло взятие Москвы, но отступление после Бородинского сражения, во время коего армии потеряли от беспорядков несравненно более, нежели в сем кровопролитном бою, где российский воин считал себя победителем», — таковы были замечания Барклая де Толли на рапорт Кутузова, опубликованный после войны в 75-м номере газеты «Северная почта» [48]. Его мнение разделялось советской исторической школой, считавшей, что в отражении всех атак французов не было «ничего невероятного» [49], пока эта школа не была обезглавлена в интересах пропаганды.

Другими участниками событий, ранее имевшими неограниченное доверие к Михаилу Илларионовичу, отступление от Бородина по ходу лет подвергалось переосмыслению: *«Были огромные потери, но несмотря на это, фельдмаршал полагал возможным сразиться на другой день, уверенный в отчаянной защите войск. Если бы на другой день он сразился, то вероятно наша армия была бы истреблена, а от французов остался бы только численный их излишек. С этими остатками едва бы осмелился Наполеон идти в Москву... Какой бы памятник остался в России!»* [50].

Современная российская история, оправдывая отход, всецело находитсЯ на почве Клаузевица (в других вопросах его мнения замалчивая), считавшего, что ночное отступление было *«единственным разумным выходом»*, и *«не подлежит ни малейшему сомнению»*, что Наполеон вновь атаковал бы русскую армию на следующий день. За истекшие века ни одного довода сверх приведенных слов не появилось. Между тем, в свое тактическое мнение Клаузевиц примешал большую стратегию, основав вывод на противоположных посылках: *«Обе стороны могут быть одинаково заинтересованы в том, чтобы искать боя или избежать его. Если бы Наполеон имел твердую уверенность, что ему удастся окончательно разгромить русскую армию, он, конечно, затратил бы на это еще часть своих сил, но русские очень храбры, они еще сохраняли полный порядок»* [51]. Он не доказал ни того, что Наполеон повторит атаку, ни его неизбежного успеха!

Прежде всего, решению Кутузова отступить не стоит доверять по процедурным признакам. Мнение, диаметрально меняющееся на протяжении нескольких часов без предусмотренного в таких случаях уставом военного совета, нельзя признать обоснованным. Прием, которым Михаил Илларионович сорвал с Бородинской позиции армию (сказав Барклаю одно, Дохтурову — другое) является

неуставным и интриганским. Известно, что командир 7-го пехотного корпуса Раевский тоже был против оставления Бородинской позиции [52]. Как показал майор Ингерманландского драгунского полка Петровский, перебежавший к французам из-за своей польской национальной принадлежности, Беннигсен *«настаивал, чтобы атаковать на другой день после сражения... и между обоими полководцами родилось неудовольствие»* [53]. Левенштерн, достигнув генеральских чинов, отказался обсуждать серьезные военные вопросы, но обронил: *«Только отступление, совершенное нами на другой день, дало ему (неприятелю) некоторые преимущества»* [54].

Среди причин, побудивших отступить от Бородина, сам Кутузов называл большие потери, и *«то, что вся наполеонова гвардия была сброшена и в дело не употребилась»*, а русская армия ввела в бой все, *«до последнего резерва, даже к вечеру и гвардию»* [55]. Раскрывая эти соображения, Богданович писал, что решение на отход было принято по рассмотрению донесения Толя о потерях. *«Русская армия, потеряв... около половины наличного числа регулярных войск (44 тыс. убитых и раненых и несколько тысяч не успевших собраться), считала в рядах своих не более 52 тыс. человек, а Наполеон имел более 95 тыс. человек, к которым вскоре должны были присоединиться дивизии Пино от Витебска и Делаборда из Смоленска. Следовательно — силы неприятеля были почти вдвое больше наших»* [56]. На потери, как на главную причину отступления Кутузова, указывали Неелов и Михайловский-Данилевский, только последний при этом ссылался на донесение Дохтурова, а не Толя [57, 58]. По мнению Окунева: *«Потери русской армии были таковы, что она не могла бы на другой день принять битвы, которая бы верно была ей дана; ибо французы сохранили запасное войско, не участвовавшее в сражении»* [59].

Считая этот вопрос закрытым, историки перешли к обсуждению спорных стратегических моментов отступления. Михайловский-Данилевский рискнул описать уже созревшее у Кутузова решение сдать Наполеону Москву, вкладывая в его уста слова: *«Если неприятель и займет Москву, то он в ней расплывется как губка в воде, а я буду свободен действовать как захочу»* [60]. Это мнение, однако, не подтверждается ни перепиской Кутузова, ни другими источниками. Окунев считал, что для лучшей защиты Москвы нужно было *«переместить черту своих военных действий... взяв оборонительное положение в Борисово и прикрываясь Протоюю»*, то есть, следовать от Можайска на Верею [61]. Клаузевиц возражал Окуневу: *«Отход на Калугу едва ли привел*

бы к осуществлению основной задачи. Оставалось до Москвы всего лишь 14 миль; Наполеон не затруднился бы отправить туда корпус в 30000 человек, что при данных обстоятельствах он мог сделать без малейшего риска; Москва все равно оказалась бы потерянной, а недалёковидные русские еще, пожалуй, обвинили бы Кутузова в том, что своим искусственным маршем он без нужды отдал Москву неприятелю» [62].

Ермолов, напротив, думал, что «неприятель не смел бы занять ее слабым отрядом, не решился бы отделить больших сил в присутствии нашей армии, за которой должен был следовать непременно... не обратился бы к Москве со всей армией, оставляя тыл ее и сообщения подверженными опасности» [63]. Мнение Ермолова разделял фон Лоссберг, много места в своих мемуарах отдающий военным соображениям: «Непонятно, почему Кутузов не отступил сразу из Можайска на Калугу, тем более, что это, по всей вероятности, спасло бы Москву от пожара, т. к. тогда Наполеону пришлось бы последовать за Кутузовым, со всеми наличными силами, и он мог бы отправить на Москву только незначительный отряд; кроме того, сомнительно, не поступил бы Кутузов лучше, если бы продолжал отступление в этом направлении, не принимая боя, чего мы опасались». В то, что русская армия продолжает отступление к Москве, фон Лоссберг поверил только через несколько дней после Бородина [64]. Согласно мемуарам Хлаповского и Колачковского, частям польского корпуса и голландской гвардии после Бородинского сражения было приказано выступить вправо и «преградить путь от Москвы в Калугу» [65, 66]. То есть, Бонапарт считался с возможностью такого маневра.

Отгадка отступления прямо к Москве может состоять в том, что, как признавал Ермолов, движение Наполеона вслед за русской армией на Калугу неотвратимо вело к новому генеральному сражению за главную базу снабжения и сообщения с южными губерниями и 3-й армией. Аналогичного мнения был Окунев, ставивший, однако, спасение Москвы выше рисков, которые нависли бы над русской армией при повороте действий на южное от столицы направление. Он заметил, что французские критики Наполеона «весьма справедливо обвиняют его в том, «что из Можайска не пошел он через Верею на Подольск для завладения дорогами Тульской и Калужской» [67]. Это движение сулило Бонапарту больше стратегических выгод, чем прямое нападение на Москву, и эти дороги должен был в первую голову закрыть Кутузов. Но для него, не верившего в свои силы, так увести за собой врага, чтобы снова попасть в ситуацию неизбежного сраже-

ния, — было смерти подобно. Лучше было, в надежде на случай, еще недельку «потанцевать» перед Москвой.

Прямо говоря, полководец упустил пространство и время для стратегического маневра. Следуя обстоятельствам, которые он понимал яснее тактических и стратегических, Михаил Илларионович был принужден отступать прямо на Москву. Это и надо считать правдой, подкрепляемой воспоминаниями его адъютанта, князя А. Б. Голицына: «*После выбора (Бородинской) позиции, рассуждаемо было в случае отступления, куда идти. Были голоса, которые тогда еще говорили, что надо идти по направлению на Калугу... но Кутузов отвечал «пусть идет на Москву»*» [68]. Рассуждения Клаузевица об отсутствии припасов по дороге на Верею, равно как и «озарение» Михайловского-Данилевского о спланированной сдаче столицы, следует полагать умозрительными.

Но никто, даже Н. А. Окунев, обнаруживший признаки стратегической необдуманности приказов на отступление от Царева-Займища, Гжатска и Бородина, не обосновал неизбежности поражения 27 августа, если бы русская армия осталась на поле Бородинской битвы. Оценка положения русской обороны и тактический анализ никем не были даны. Единственными людьми, которые высказывались о тактических причинах отхода, были А. П. Ермолов и М. И. Кутузов. Первый посчитал, что «*2-й корпус отброшен и левое наше крыло открыто совершенно*» [69]. Из участников сражения этот довод повторяли Н. Н. Муравьев и А. А. Щербинин, занимавшие слишком малое служебное положение, чтобы знать правду о сем предмете. Кутузов в рапорте Александру I и письме Ростопчину объяснил необходимость отступления иначе: «*За потерю, в сей день сделанную, позиция, прежде занимаемая, естественно, стала обширнее, и войскам невестною*» [70]. То есть, он считал, что у него недостает войск перекрыть оставшуюся в его власти Бородинскую позицию. Действительно ли дела обстояли именно так? Как заметил Богданович: «*Мы не могли на пути к Москве ни усилиться значительными подкреплениями, ни найти позицию, которая местными свойствами вознаградила бы двойное превосходство неприятеля в силах*» [71]. Эти обстоятельства должны были заставить главнокомандующего дорожить тесной Бородинской позицией.

Первое, что выясняется, — как ни велики были русские потери, сторонники неизбежности отступления завысили их до 53–58 тыс. чел. В совокупности с минимальным подсчетом численности во-

йск (забыли о казаках, рекрутах и ратниках) это привело к выводу о том, что в армии осталось немногим более 50 тыс. солдат, который с легкой руки Богдановича и Михайловского-Данилевского принялся кочевать по военно-исторической литературе, встречаясь даже у дотошного Скугаревского [72]. В грех завышения потерь впал и Бутурлин, сначала вполне адекватно исчисливший их в 15800 убитых, 30000 раненых и около 2000 пленных, а затем произвольно округлив до 50000 [73]. Он же завысил численность наполеоновской армии до 180–190 тыс. чел. и 1000 орудий. Даже Михайловский-Данилевский насчитал врагов меньше — 170 тыс. В результате, у всех названных историков появился один и тот же вывод о несоразмерности оставшихся у сторон после битвы сил.

На самом деле указанное Михайловским-Данилевским и Богдановичем количество СТАРОСЛУЖАЩИХ линейных солдат оставалось в армии Кутузова по ее прибытии в Тарутинский лагерь, после новых боев и оставления Москвы, сопровождавшегося массовым дезертирством [74]. Этот факт затенен пасторальной картинкой организованного, будто бы без потерь, оставления Москвы. В реальности, к утру 27 августа в строю собралось 87 тыс. бойцов (77 тыс. солдат и казаков, 10 тыс. боеспособного ополчения), то есть, больше, чем стояло на угрожаемых направлениях в битве 26 числа! Французы были потрясены своими меньшими, но также тяжелейшими потерями, имея в строю 103 тыс. чел. (отношение 1 к 1,2 — такое же, когда прибывший к армии Кутузов, преувеличенно полагая французскую армию в 165 тыс. чел., считал, что ее не надо бояться).

Непропорционально большие потери понесла наполеоновская кавалерия, что уменьшало преимущества врага: *«Мимо нас потянулись остатки полков... не могшие уже самостоятельно действовать, потерявшие свои части солдаты и офицеры различных наций. Прошел, между прочим, полк вюртембергской легкой кавалерии герцога Генриха. В нем мы насчитали только трех офицеров и 20 солдат»* [75]. *«Я видел Наполеона, объезжавшего места сражений; следуя за ним, я заметил, что он был весел, тер себе руки и повторял с удовольствием: «здесь пятеро русских за одного француза!» Но мне кажется, что он и немцев почитал русскими? Лошадей побито более, нежели людей: наша тяжелая кавалерия почти вся опешела»* [76]. Генерал Колачковский полагал, что *«если принять в соображение потери кавалерии, которая не могла легко оправиться, то можно считать, что французские войска понесли больший урон, чем русские»* [77].

Никто из историков не называет причиной отступления недостаток артиллерийских зарядов, должно взвесить и это. В два часа пополудни 26 августа Кутузов направил Ростопчину записку: *«Прошу Вас, ради бога, граф Федор Васильевич, прикажите к нам немедленно из арсенала прислать на 500 орудиев комплектных зарядов, более батарейных»*, что может говорить об истощении боезапаса русской артиллерии. Но по окончании сражения, в записке Кутузова Барклаю читаем: *«Решился я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение»* [78]. То есть, в парках еще оставался запас зарядов. Малое количество зарядных ящиков, придаваемых действующим батареям, также говорит о том, что заряды в резерве были. В то же время наполеоновская артиллерия расстреляла свои заряды. По воспоминаниям фон Лоссберга, ее боекомплект был доведен до потребного для нового сражения лишь через несколько дней, в ожидании новой битвы у стен Москвы. У Кутузова оставались свежие батареи, в то время как Наполеон ввел в бой всю, даже гвардейскую артиллерию, потерпевшую ущерб в людях и конной тяге. Можно было надеяться на уменьшение действенности французских пушек, особенно, прекратив резервировать собственные.

Накануне сражения неблагоприятно для наполеоновских войск изменилась погода, терзая обессиленных офицеров и солдат: *«Еще одна ужасная ночь. Проведя предыдущую в грязи... мы остались без продовольствия: нечего есть, нечего пить. Колоча, куда многие кидались, чтобы избежать резни, запружена трупами; вода окрашена кровью. Нам пришлось расположиться среди мертвецов, стонущих раненых и умирающих... Наконец, погода... с наступлением ночи стала сырой и холодной. Большинство полков осталось без огня, его разрешили зажечь только в полночь, когда усталым людям, умирающим от голода, не оставалось другого средства от страданий, как согреться! Всюду угрюмое уныние»* [79]. *«Стоны несчастных раненых было жалостно слушать, о каком-либо уходе за ними... нечего было и думать; не было даже сколько-нибудь воды вблизи. Те, которых 7 сентября пощадил коса смерти, питались мясом убитых лошадей с можжевельными ягодами; у некоторых еще оставалось немного свалевшейся муки для похлебки»* [80]. *«Если Можайское сражение не обещает других выгод кроме нам объявленных, то оно не что иное, как один только траурный трофей: победа для нас пагубная!»* [81]. Провиант захватчикам доставило русское отступление — они рылись в ранцах погибших русских солдат, которые *«были*

наполнены сухарями, даже крупую и водкою в манерках» (перед сражением была выдана двойная порция пищи и водки), и вошли в очередные деревни для поиска продуктов [82, 83].

Наконец, главное: позиция и резервы. Вновь сформированная линия обороны *«была более грозною своим положением, чем числительною своею силой»* [84]. Положение правого фланга и центра оставалось выгодное, невзирая на потерю курганной батареи. Ее вновь предполагалось занять как передовое укрепление. Угроза обхода по-прежнему намечалась слева, но не так легко было противнику дебушировать из дефиле на Старой Смоленской дороге, как то кажется непосвященным. Французам требовалось время на перегруппировку, которая не могла пройти незамеченной. Ни один источник не указывает на исполнение Наполеоном перегруппировки для завтрашнего боя, он лишь приказал принять меры *«в случае, если бы неприятель попытался что-нибудь сделать»* [85]. На Бородинское поле вышли русские конные дозоры. *«Неприятель отодвинул свои войски на прежнее место, до сражения занимавшее, оставя передовые цепи против нас, которых казаки ночью же на дальнее расстояние осадили»* [86]. У Н. Н. Муравьева читаем: *«27 августа, брат Александр до рассвета снова отправился на поле сражения отыскивать тело Михайлы. Он проехал за нашу цепь, объездил все поле и не нашел брата. К удивлению своему увидел он, что неприятель, оставив новую позицию, которую овладел после битвы накануне ввечеру, провел ночь на занимавшемся им с утра до боя бивуаке. Александр первый донес о том до сведения главнокомандующего»* [87]. Даже авторы, подвергающие сомнению факт отхода французской армии с поля боя, указывают, что на отбитых русских позициях она ночевать не могла [88].

Листая А. А. Щербинина, находим, что он и К. Ф. Толь поздним вечером 26 августа не доехали до Старой Смоленской дороги. О положении сторон на ней они судили по прозвучавшим пушечным выстрелам, полагая, что они непременно французские [89]. Но было уже 22 часа, и эти выстрелы, скорее всего, были пристрелочными с русской батареи, занявшей по приказу М. Б. Барклая де Толли прежнюю позицию: *«Ген. Багговут... с помощью кавалерии 2-й армии удерживал он удачно занятое им место; высоты, занимаемые его артиллериею, были взяты неприятелем, но оставлены оным под вечер... Я предписал сему генералу снова взять позицию, защищаемую им накануне»* [90]. Таким образом, левое крыло армии не было «открыто совершенно», как этого, памятуя свои промахи, боялся Толь. Ермолов, удалившись

с поля боя из-за раны, этого не знал. А вот Кутузов — знал и потому иначе обосновал отступление.

У Бонапарта оставались свежими гвардия и некоторые отдельные части: 20—25 тыс. чел. Но и у Кутузова, пусть в меньшем количестве, свежие войска тоже были. Не участвовали в битве 4-й, 30-й, 34-й и 48-й егерские полки, стоявшие на правом фланге позиции [91]. Не был в сражении наблюдательный казачий отряд М. Г. Власова в 2 тыс. сабель, и Барклай де Толли предложил перевести его к основной армии из-за Москвы-реки [92]. Небольшие потери понес и успел отдохнуть после своего рейда 1-й кавалерийский корпус Уварова. Он не участвовал в рубках конца битвы, стоя под обрывами Колочи, где французы не оказывали ни малейшего давления. Сохранилась часть гвардейского резерва: Преображенский и Семеновский полки, которые, не будучи брошены в бой, *«стояли под ядрами и лишились 59 человек убитыми и ранеными»*. Орудий *«было у нас в резерве гораздо более, нежели у неприятеля. Несколько рот артиллерии нашей не участвовали в деле. Сверх того, в Можайске, в 11 верстах от сражения, стояло 84 орудия, готовых двинуться по первому приказанию. Лошади под ними были уже запряжены; офицеры и солдаты... рвались от нетерпения лететь на бой»* [93]. Сегодня, по сличению данных известно, что потери преображенцев и семеновцев были много больше указанных Михайловским-Данилевским, но полки сохранили боеспособность, и это позволило Барклаю составить резерв.

«Все утешались одержанною победою и с нетерпением ожидали следующего утра. Но в полночь получил я предписание, по коему обеим армиям следовало отступить за Можайск. Я намеревался ехать к князю, дабы упросить его к перемене сего повеления, но меня уведомили, что г. Дохтуров уже выступил. И так мне оставалось только повиноваться с сердцем, стесненным горестию... 27-го числа, в 9 часов утра, нигде не виден был неприятель поблизости от поля сражения, но после 9 часов показались рассеянные войска, вероятно, для исполнения рекогносцировки. Причина, побудившая к сему отступлению, еще и поныне сокрыта от меня завесой тайны» [94]. Барклаю вторили потрясенные враги: *«Утром мы были изумлены: русская армия исчезла»* [95]. По словам де Сегюра. *«До полудня... (французской) армии больше не было, а оставался один авангард, так как остальные рассеялись по полю битвы, чтобы подбирать раненых»* [96].

Шансы, что Наполеон не атакует вновь, а попытает дальний обход, либо возьмет тайм-аут перед возобновлением сражения, как это было

25-го числа, были высоки. Не следовало самим создавать ситуацию, которую Ермолов охарактеризовал так: *«Неприятель одержал победу, не соответствующую его ожиданиям, и утомленный отчаянным сопротивлением, находил отдохновение необходимым, и когда прошло уже несколько часов дня, начал преследовать весьма медленно арьергард наш в команде генерала Платова»* [97]. Если, как утверждал Богданович, у французов были резервы на подходе, тем более надо было стоять 27-го числа, вынуждая Наполеона к новым потерям и ошибкам, а не давать ему возможность планомерно усилиться и прийти к Москве с еще большим перевесом сил.

К числу важнейших моментов, с древности определявших победителя, относилось стояние непобежденной армии на поле кровавого боя. Это правило еще действовало в начале XIX в. Так поступил Наполеон под Прейсиш-Эйлау, несмотря на свои удручающие потери в том сражении. Кутузов же пожертвовал произведенным на врага отрезвляющим эффектом, тактическими выгодами, сбором рассеянных групп русских солдат и жизнью раненых, многие из которых были брошены и погибли не дальше Можайска. *«В ночь на 27 августа стали проходить войска, и наш барин стал расспрашивать о... Василии Яковлевиче и его братьях Александре Яковлевиче и Якове Яковлевиче, и наконец ему удалось узнать, что все три брата остались на месте сражения, не то тяжело ранеными, не то убитыми. Барин тотчас же приказал закладывать лошадей, и... с доктором, поспешили в Бородино»*. Из дальнейшего рассказа дворового человека господина Аникеева выясняется, что все три брата были ранены, но только один из них, Александр, попал в лазарет и мог уйти с войском. Якова и Василия родственники нашли брошенными на поле битвы; оба благодаря их помощи выжили, а вот Александр умер от антонова огня [98].

Многих несчастных раздавили при отступлении пушки, подводы и экипажи русской армии: *«Коляска генерала Васильчикова проехала около дороги по большой соломенной куче, под которой укрывались раненные, и некоторых из них передавила. В памяти моей осталось впечатление виденного мною в канаве солдата, у коего лежавшая на краю дороги голова была раздавлена»* [99]. Вскоре были брошены и погибли в Можайске тысячи вывезенных с кровавого Бородинского поля увечных. И. Ф. Паскевич вспоминал: *«К несчастью, тут было зрелище для всех нас. Можайск загорел и в нем погибло до 4000 наших раненых. Страшно подумать. Мы все за Можайском видели это в 600 сажнях»* [100].

«Мы не имели в достаточном количестве повозок для спасения наших раненых, и потому многие из них были оставлены в городе. Шамбре полагает число этих несчастных до десяти тысяч. Неприятели, заняв Можайск, выбрасывали русских из домов на улицы, чтобы очистить место для своих раненых и больных... Через три дня после сражения находили увечных в амбарах и овинах, где они лежали без воды и без пищи» [101]. Вот наблюдение со стороны противника: «У дороги, по которой мы двинулись, выйдя из леса, лежала маленькая деревня, которая вчера загорелась, наполненная русскими ранеными. От больших домов остался лишь пепел. Мы видели черные, обуглившиеся скелеты и отдельные кости этих несчастных жертв вчерашнего дня, истекавших сначала кровью при Бородине, с мучительными болями, доставленных сюда, чтобы погибнуть в пламени» [102]. Бессовестно в таких обстоятельствах выглядят пассажи Гейсмана: «Хотя и обидно было возобновить отступление, но всеми чувствовалось, что обстоятельства изменяются к лучшему. Быть может, такой же результат был бы достигнут и при другом главнокомандующем, но Кутузов достиг этого лучше и искуснее всякого другого» [103].

Итоговую военно-политическую оценку решения отступить от Бородина надо предоставить не Кутузову, а высшему политическому руководителю — царю. Его реакция была такова: *«Я не имел бы даже возможности остановить гибельное отступление, сделанное в ночь сражения и погубившее все... Даже после известия о битве 26-го я выехал бы тотчас, не напиши мне Кутузов, в том же рапорте, что он решил отступить шесть верст, чтобы дать отдых войскам. Эти роковые шесть верст, отравившие мне довольство победою, вынудили меня подождать следующего рапорта; из него я увидел ясно только одни бедствия... Я бы, значит, приехал для того только, чтобы на меня легла тяжесть позора, до которого довели другие?» [104]* Ошибка, допущенная так близко от столицы, решила ее судьбу.

В свою очередь Наполеон совершил довольно промахов. На них пытался указывать Геруа: *«Суммируя — у Наполеона исходное положение для боя великоленно, ведение боя — плохо; у Кутузова — наоборот. Завязавший бой по своей инициативе Кутузов, вследствие дурной разведки (работа Толя), чуть было не лишился ее (победы) в начале сражения, но к концу, можно сказать, он вырвал ее у Наполеона» [105].* Странно звучит и к истине отношения не имеет. Как может быть ведение боя у Кутузова хорошо, если потери в полтора раза превысили такие у противника? И как может быть исходное положение у Наполеона ве-

ликолепно, если Толь не оставил французскому полководцу маневра, и тот уповал только на массирование сил и огня артиллерии? Зная это, Окунев утверждал о Наполеоне вернее: *«Он изменил дотоле любимому правилу своему: занимая неприятеля с лица, обходить одно из крыл его. На этот раз, напротив, он схватил... быка за рога; напал на укрепления, кои должен был обойти, утомил свои войска приступами к ним бесполезными и часто возобновляемыми, и претерпел великую потерю без пользы»* [106].

Как Окунев, так Богданович и Геруа являлись сторонниками точки зрения, что *«Наполеон, усилив правое крыло свое и действуя боковым движением между Утицею и Артемками, выиграл бы сражение легче и с меньшим кровопролитием»*. Поиски резонов для удара Бонапарта не по закрылку русской позиции, а прямо по 2-й армии Багратиона Окунев даже объявляет *«умствованием излишним»* [107]. С ними согласен фон Лоссберг, ссылаясь на мнение генерала А. Л. фон Окса и простирая свое убеждение до того, что весь южный (левый) фланг русской армии мог быть при этом разгромлен, а северный — обойден и отрезан. Мы помним, что такой результат вряд ли мог быть достигнут, но интерес в рассуждениях Лоссберга вызывает его признание в том, что обходное движение по Старой дороге могло быть парализовано наступлением из русского центра. Как раз такой план сражения составил Барклай, и провел бы его в жизнь, не довлея над ним Кутузов [108].

Наполеон поставил задачу уничтожить русские войска на поле боя, и решал ее самоуверенно и авантюрно. Выработанная им диспозиция была уязвимой для контрудара по левой части французских построений, где не было полноценного фланга, а только прикрытие, в помощь которому могла быть направлена гвардия. Правого русского фланга Наполеон толком не видел, но, без сомнения, знал, что там сосредоточена наиболее сильная из двух русских Западных армий, — 1-я армия Баркляя де Толли. Сознывая риск, он лично рекогносцировал перед сражением русские позиции. Другую его тревогу вызывал ругаемый большинством русских генералов и военных историков «излом» с головной угла на батарее Раевского. Эта конфигурация походила на активную, с элементом уступки противнику части поля боя, какую он сам применил при Аустерлице, а там его оппонентом был тот же Кутузов [109]. Поэтому Бонапарт не пошел в обход через Старо-Ельню, отрядив туда Понятовского против возможных русских резервов. Клаузевиц дополняет эти соображения тем, что

«такая форма наступления была рискованнее, так как Наполеону при этом пришлось бы отодвинуть массу своих войск значительно в сторону от пути отступления, и при неуспехе положение ухудшилось бы» [110]. Этим хорошо объясняется, почему по ходу Бородинской битвы Наполеон переносил усилия к центру поля, а не наоборот.

Корсиканец ни во что не ставил Барклая и Кутузова. Расчетливый характер Барклая изводил его. Кутузова Наполеон знал по 1805 году и изучал по Дунайской кампании 1811, не показавшей у Михаила Илларионовича полководческого прогресса. По мнению Бонапарта, знавшего российские настроения: *«Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву»*. Он говорил, что *«благодарен императору Александру за эту перемену в настоящий момент, так как она пришлась как нельзя более кстати»* [111]. Отступление Кутузова от Царева-Займища еще больше уверило Наполеона в его нерадивости. Желая закончить затянувшуюся кампанию, он пошел на авантюру, которая могла стоить ему поражения. Поэтому-то Бонапарт (понимая как рискует, стеснив свою армию перед русской обороной) слишком линейно «шарахнулся» после рейда Платова и Уварова, опять пожертвовав элементом охвата. Возникший пат увенчался отказом ввести в бой французскую гвардию. Зная, где и сколько он погрешил, французский полководец проявил нерешительность, заявив в ответ на просьбы маршалов: *«Успех дня достигнут, но я должен заботиться об успехах всей кампании, и для этого берегу мои резервы»* [112].

Это решение Наполеона оправдывалось разными авторами. Клаузевиц считал, что *«победа была в его руках, Москву он рассчитывал и так занять; выдвигать более крупную цель, поставив на карту последние силы, по его мнению, не вызывалось требованиями ни необходимости, ни разума»*. Зная итоги Бородина, непонятно, на чем основывается мнение Клаузевица, противоречащее видению главного в данном случае авторитета — самого Наполеона. Он ведь не случайно сказал: *«Успех дня достигнут»*, а не успех сражения. Но, если Бонапарт ждал очередного шага Кутузова, то он проявил знание психологии, добившись результата одной личной выдержкой. С этой точки зрения отказ императора ввести в бой гвардию — совсем не ошибка. Тот же Клаузевиц сказал: *«Со своей стороны, Наполеон мог ожидать отступления Кутузова»* [113]. Ожидание такого шага со стороны русского военачальника сквозит в описаниях наблюдавшего за своим императором Коленкура. И дождался. *«Старая лиса Севера»* [114],

как называл Кутузова Бонапарт, в очередной раз не оправдала своего раздутого боевого имиджа.

О полководцах кутузовского образа и подобия емко сказал Скугаревский, критикуя русский порядок производства в чинах: *«Вся система назначения начальников в мирное время у нас не способствует, а затрудняет выдвижение людей с военными качествами. Качества начальника для мирного и для военного времени несколько не сходятся: в мирное время требуется от начальника покладистость с начальством, а в военное время — сопротивляемость врагу. В мирное время затирают «сопротивляющихся» и выдвигают людей более покладистых, а они и на войне оказываются покладистыми... в отношении неприятеля»* [115]. Гейсман в одной из работ, не связанных с необходимостью словословия, выразился так: *«Дипломаты... за редкими исключениями, ни до войны, ни во время ее, ни после нее, не выходят из какого-то заколдованного круга, имеющего, в данном случае, роковое значение. Дипломаты чаще всего встречают и ощущают непреодолимые затруднения и смущение, если только обстановка требует, чтобы они покинули торный путь той или другой рутины»* [116].

Уместно привести слова Драгомирова: *«Всегда было и всегда остается истиной, что успех войны и боя зависит не от количества материальных потерь, которые мы нанесем противнику, а от того, в какой степени мы поселим в нем веру в невозможность нам сопротивляться. Войска крепкие, энергические, выходили иногда победоносно из самых отчаянных положений только потому, что не допускали мысли, будто их можно побить. И наоборот, войска, мало в себе уверенные, позорно были биваемы в те минуты, когда победа была... у них в руках. В деле, требующем такого страшного нравственного напряжения как бой, победителем всегда останется тот, кто не первым придет в отчаяние»* [117]. Это есть ответ историкам, доньне хныкающим о неизбежности отхода от Бородина. В этих словах — подлинная характеристика Кутузова, позорно битого Наполеоном в тот самый момент, как его армия устояла на поле брани и не использовавшего главнейший козырь, который вручило ему в руки яростное, ошеломившее врага сражение.

Бородинская битва выявила в русских рядах полководца более высоких качеств, недооцененного всеми: Наполеоном, царем и русским дворянским обществом. М. Б. Барклай де Толли небезосновательно судил о делах своих: *«Если в Бородинском сражении армия не была окончательно и полностью разбита — это моя заслуга, и убежде-*

ние в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни» [118]. Однако этого упрямого царь более не поддерживал, а Кутузов хотел затереть и кулуарно «съесть». Главным же исправителем ошибок своих главнокомандующих стал русский солдат. Солдаты России сражались не ради царя, дворян и личной славы, а за свою Родину. Они явили массовый пример «изумляющей неустрашимости». Их предводитель, не блеснувший военным талантом, сделал подвиг солдат главным обоснованием своей заявки на победу: «Французская армия под предводительством самого Наполеона... не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое Отечество» [119]. «Только благодаря беспредельной преданности и самоотвержению солдат армии, удалось оказать французам... упорное сопротивление, причинившее им немало вреда» [120]. Склоняясь перед этой жертвенностью, пора осознать — ею нельзя прикрывать руководящие промахи и ошибки, поднимающие число жертв у алтаря победы до неприемлемых для страны и народа значений.

1. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 194.
2. Там же. С. 198.
3. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 222–223.
4. Лосберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 39.
5. Ахшарумов Д. И. Опис. войны 1812 г. СПб., 1819. С. 116.
6. Чуйкевич П. А. Рассуждения о войне 1812 г. СПб., 1813. С. 44.
7. Липранди И. П. Пятидесятилетие Бородинской битвы. М., 1867. С. XV.
8. Роос Г. У. С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 45.
9. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 226.
10. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 256.
11. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 260.
12. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 220.
13. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 246.
14. Бородино. 1812–1962. Док., письма, воспоминания. М., 1962. Док. № 181. С. 340.
15. Митаревский Н. Е. Нашествие неприятеля на Рос. М., 1878. С. 103.
16. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1907. Т. VII. С. 285.
17. Столетие воен. мин-ва. СПб., 1903. Т. IV. Ч. I. Кн. 2. Уставы и наставления. С. 315–318.

18. Глинка Ф. Н. *Очерки Бородинского сражения*. М., 2014. С. 42.
19. Граббе П. Х. *Из пам. записок. Отеч. война*. М., 1873. С. 80.
20. Муравьев Н. Н. *Записки* // *Рус. Архив*. 1885. № 10. С. 262.
21. Граббе П. Х. *Из пам. записок. Отеч. война*. М., 1873. С. 86–87.
22. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб.*, 1859. Т. 2. С. 215.
23. Ларионов А. П. *Исп. артиллерии в Бородинском сражении* // 1812 г. Сб. ст. М., 1962. С. 116–133.
24. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 197. С. 165, 168.
25. Коновницын П. П. *Письма* // *Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным*. М., 1904. Ч. 8. С. 110.
26. Фельдм. гр. И. И. Дибич-Забалканский в его воспоминаниях // *Рус. Старица*. 1891. № 4. С. 60.
27. Брусилов А. А. *Мои воспоминания*. Харьков, 2012. С. 57–58, 81.
28. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб.*, 1859. Т. 2. С. 225–226.
29. Геруа А. В. *Бородино (по новым данным)*. СПб., 1912. С. 62–63.
30. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях*. СПб., 1841. С. 195–196.
31. Липранди И. П. *Пятидесятилетие Бородинской битвы*. М., 1867. С. 44–53.
32. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях*. СПб., 1841. С. 179, 183, 186–191, 196–197.
33. Граббе П. Х. *Из пам. записок. Отеч. война*. М., 1873. С. 77.
34. Распопов Н. М. *Воспоминания* // *Рус. Архив*. 1879. № 9. С. 39.
35. Муравьев Н. Н. *Записки* // *Рус. Архив*. 1885. № 10. С. 256.
36. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб.*, 1859. Т. 2. С. 224, 225.
37. Брусилов А. А. *Мои воспоминания*. Харьков, 2012. С. 81.
38. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 257–258.
39. Липранди И. П. *Пятидесятилетие Бородинской битвы*. М., 1867. С. 53.
40. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях*. СПб., 1841. С. 194–195.
41. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 255.
42. Курганов Н. Г. *Книга о науке военной*. СПб., 1777. С. 59.
43. Крылов В. М., Гуляев Ю. Н. *Артиллерийские офицеры и воен. инженеры — воспитанники Артиллерийского и Инженерного Шляхетного кадетского корпуса в Бородинском сражении* // *Отеч. война 1812 г. Источники. Памятники*. Проблемы. Бородино, 1995.
44. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос*. М., 2004. С. 92–93.

45. Колачковский К.-И. Е. *Записки о войне 1812 г.* Б. м. 1911. С. 38.
46. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 69–71.
47. 1812–1814. Секр. переписка ген. П. И. Багратиона. *Личные письма ген. Н. Н. Раевского.* Записки ген. М. С. Воронцова. *Дневники офицеров рус. армии.* М., 1992. С. 218.
48. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 204, 205. С. 291, 293–294.
49. Покровский М. Н. *Дипломатия и войны царской Рос. в XIX ст.* М., 1923. С. 55–56.
50. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г.* М., 1871. С. 160.
51. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 90–91.
52. Епанчин Ю. Л. *Историч. портрет. Н. Н. Раевский* // *Вопросы истор.* 1999. № 3. С. 59–79.
53. *Отеч. война 1812 г. Мат.* ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 391.
54. Левенитерн В. И. *Записки* // *Рус. Старина.* 1900. № 12. С. 582.
55. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 282. С. 243.
56. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 221, 225.
57. Неелов Н. Д. *Опыт опис. Бородинского сражения.* М., 1839. С. 80.
58. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 283.
59. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 197.
60. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 284.
61. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 198.
62. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 95.
63. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 199. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г.* Брюс.-Лондон, 1863. С. 91.
64. Лосберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев,* 1912. С. 46, 53–54.
65. Хлаповский Д. *Воспоминания о войне 1812 г.* // *Военский К. А. Св. памяти 12-й год.* СПб., 1912. С. 55–56.
66. Колачковский К.-И. Е. *Записки о войне 1812 г.* Б. м. 1911. С. 43.
67. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 156.
68. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // *Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 68.
69. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 196. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г.* Брюс.-Лондон, 1863. С. 88.
70. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 187, 188. С. 154, 155.
71. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 228.
72. Скугаревский А. П. *Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г.* СПб., 1912. С. 79.

73. Ср: Бутурлин Д. П. Кутузов в 1812 г. // Рус. Старина. 1894. № 10. С. 205; Бутурлин Д. П. Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1837. Ч. 1. С. 288.
74. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 439. С. 353.
75. Роос Г. У. С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 43.
76. Поибюск Л. Г. Письма о войне в Рос. М., 1833. С. 79.
77. Колачковский К.-И. Е. Записки о войне 1812 г. Б. м. 1911. С. 42.
78. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 183, 184. С. 150–151.
79. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 148–149, 151.
80. Фоссен В.-А. Дневник поручика // Рус. Архив. 1903. № 11. С. 472.
81. Поибюск Л. Г. Письма о войне в Рос. М., 1833. С. 74.
82. Брандт Г. Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 3. Отд. I. С. 24, 28.
83. Роос Г. У. С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 46–48.
84. Липранди И. П. Пятидесятилетие Бородинской битвы. М., 1867. С. 57.
85. Коленкур А.-О. Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 136.
86. Писарев А. А. Воен. письма. М., 1817. С. 80.
87. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 11. С. 340.
88. Скугаревский А. П. Бородино. Опис. сражения 26 авг. 1812 г. СПб., 1912. С. 77–78.
89. Щербинин А. А. Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГИИ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 215.
90. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 23–24.
91. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 218.
92. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 24.
93. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 281–282.
94. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 24.
95. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 149.
96. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 41.
97. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 197. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюсс.-Лондон, 1863. С. 89.
98. Отзвук Бородинского боя // Рус. Архив. 1900. № 6. С. 236–237.
99. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 262.
100. Щербатов А. П. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 156.
101. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 239.
102. Роос Г. У. С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 47.
103. РБС. Т. 9. СПб., 1903. С. 677.

104. Романов А. П. Самооправдание имп. Александра Павловича в письме к вел. кн. Екатерине Павловне // Рус. Архив. 1911. № 2. С. 306.
105. Геруа А. В. Бородино (по новым данным). СПб., 1912. С. 63.
106. Окунев Н. А. Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 184.
107. Там же. С. 191–192.
108. Лосберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 40, 44.
109. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 32.
110. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 92.
111. Коленкур А.-О. Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 127–128.
112. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 190.
113. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 90–91.
114. Шильдер Н. К. Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 98.
115. Скугаревский А. П. Армейские очерки // Скугаревский А. П. Очерки и заметки. СПб., [б. г.]. Вып. 3.
116. Гейсман П. А. Война. Ее значение в жизни народа и гос-ва. СПб., 1896. С. 4.
117. Драгомиров М. И. Учебн. тактики. СПб., 1879. С. 362.
118. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 206.
119. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 197. С. 168.
120. Левенитерн В. И. Записки // Рус. Старина. 1901. № 1. С. 104.

7.2. ОТСТУПЛЕНИЕ К МОСКВЕ. ЧЕМ ПАТРИОТИЧНЕЕ ЛОЖЬ, ТЕМ ЛЕГЧЕ В НЕЕ ПОВЕРЯТ

От Бородина Кутузов отступал напрямиком к Москве, уверяя всех в своей готовности дать новое сражение для спасения столицы. Всячески скрывая масштабы неудачи, он объявил Бородинскую битву «ужаснейшим поражением врагу нашему» и «выигранной батальей», после которой «должен был я оставить позицию при Бородине по причинам, о которых имел щастие донести вашему императорскому величеству». Ясное и прямое слово «победа» не звучало ни в донесении императору, ни в обращениях к армии после сражения. В приказе от 28 августа главком обещал дать врагу «с божиею помощью конечный удар», для чего «войска наши идут навстречу свежим воинам». Успокоившись, он начинает внушать «победу» в письмах родне, давно предназначенной им к распространению положительных слухов о своей персоне. И только тогда, когда надо было защищать себя от обвинений в сдаче Москвы, в его оправданиях в адрес Александра I, появляется «победоносное сражение 26-го числа» [1, 2].

При этом Бородинская битва была описана так ловко, что когда донесение Кутузова получили в Петербурге, его восприняли как религию о победе: *«Все жители предавались усладительной надежде и ликовали; встречавшиеся на улицах обнимали друг друга, полагая, что Отечество спасено. Государь удостоил князя Кутузова следующим рескриптом: «Князь Михаил Илларионович. Знаменитый ваш подвиг в отражении сил неприятельских, дерзнувших приблизиться к древней нашей столице».* Попытки Михайловского-Данилевского доказать, что все случилось само собой, так как люди истово хотели обмануться, выглядят сомнительно. Военная сфера не место для предположений, и если царь не был обманут, он мог бы из политических целей заявить народу о победе, но не жаловать «победителя» огромной суммой денег 100000 рублей, чином генерал-фельдмаршала, а его супругу — статс-дамой [3]. С какой стати он *«был чрезвычайно весел»* [4]? Тем не менее, апологетами стал совершенствоваться тезис о том, что *«император Александр не мог быть введен в заблуждение таким донесением, насчет последствий Бородинского сражения, но желая поддержать в народе самоуверенность и доверие к Кутузову, принял рапорт его как известие о победе»* [5].

Вывести полководца на чистую воду было не так уж просто. Урапатриотические пустобрехи повсеместно изливали свои фантазии. В Нижнем Новгороде воображали: *«Полагают, неприятель отступит по дороге к Смоленску».* С мифическим третьим курьером пришли сведения, что *«взят в плен король Неаполитанский, маршал Даву убит на месте, и взято в плен 5 генералов, побито со стороны французов около 45 тысяч, с нашей стороны урону убитыми около 15 тыс.»* [6]. Распивали бы в честь победы водку на волжских пляжах, не было бы в том беды, но информация от «участников битвы» пересылалась в Петербург, где собственных умельцев криво понять написанное, доложить наверх чушь и цапнуть за это награду хватало.

В словесных баталиях вокруг проблемы «кто победил при Бородине» забылось, что дутая победоносность была типичнейшим для высшего дворянства пороком — обычной кражей славы и сопутствующих ей материальных благ. Внимание общественности увели от более важного аспекта: тотального вранья Кутузова имперским властям об оперативной обстановке с 26 августа по 1 сентября 1812 года. Этим систематическим обманом были созданы напрасные надежды, скомкавшие и без того медленно проводимую эвакуацию Москвы, заторможена выработка необходимых планов и решений. По подсчету Ро-

стопчина, за период с 15 августа по 2 сентября *«по наряду выставили 63000 подвод для отвоза казенных вещей и для армии»* [7]. Для огромной Москвы это была капля в море.

В XIX в. понятия о ложных донесениях были те же, что и сегодня. Кутузов сам карал властью главнокомандующего лиц, приносящих дезинформацию. Однако, никакой другой отрезок жизни и деятельности Михаила Илларионовича не обнаруживает такой массы заведомой неправды, высказанной и написанной с его стороны, что свидетельствует об изрядном смятении обанкротившегося полководца. Нельзя оправдать его суждениями Богдановича, будто *«Кутузов следовал внушению благоразумия, но опасался, чтобы дальнейшее отступление нашей армии и потеря Москвы не оказали вредного влияния на дух народа, и потому старался скрывать свои намерения до последней минуты, изъявляя готовность снова принять сражение»* [8]. На войне такое «внушение», приводящее врага к открытым воротам города или крепости в момент, когда гарнизон его не ждет, входит в список первейших военных преступлений. Окунев весьма справедливо размышлял: *«Если бы оставление Москвы было не что иное, как временный побег... если бы жители ее сохранили надежду найти, по возвращении в дома свои, то благосостояние, которым всегда наслаждались: то поступок сей был бы маловажною жертвой, о которой история не удостоила бы вспомнить. Но когда вздумашь, что большая часть обитателей сей огромной столицы, бросив жилища свои, предала неприятелю, от отчаяния неумолимому, всю надежду своего благосостояния, будущность детей своих...»* [9].

Впоследствии Ф. В. Ростопчин обвинял М. И. Кутузова в утаивании необходимой для столицы информации, а упомянувший об этом А. А. Шаховской отнекивался правилом великого полководца, *«не хотевшего, чтоб и подушка, на которой он спал, знала его намерения»* [10]. Много лет спустя С. С. Кудашев, раздумывая на ту же тему, прописал: *«Кутузова не без основания обвиняют в том, что у него не хватило откровенности и смелости заблаговременно объявить Ростопчину... что новое и решительное отражение французов, не допуская их до Москвы, ему непосильно»*. Тем не менее, виноватыми он сделал Ростопчина за его *«беспокойное желание рисоваться и бахвалиться»* и Александра I за *«отсутствие проницательности или добросовестности»* [11].

Игнорируя последствия, *«в ход было пущено все, вплоть до подложных приказов Наполеона, чтобы выставить Бородино как победу или, по крайней мере, не давшее результатов сражение»* [12]. *«С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на победителя, возвещал повсюду*

близкую гибель неприятельской армии, до самого конца делал вид, что собирается для защиты Москвы дать второе сражение, и изливался в безмерной похвальбе», распространяя «легкомыслие и базарные выкрики» [13]. Эту-то кампанию дезинформации для своих (чужим она была до лампы) объявили «пользою для дела». Но любой человек, знающий Россию, скажет, что ее армия и народ никогда не сложили бы оружия, зато обман и цепляние Кутузова за свою славу и благополучие помешали правильно его применить.

В донесении Александру I и письме Ростопчину от 27 августа (8 сентября) 1812 года Кутузов, после хвалебной апелляции к храбрости войск: «Неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли со всеми превосходными силами», наводит сомнительные и вкрадчивые причины для отхода. Он не касается громадных русских потерь и убеждает адресатов, будто намерен отступить недалеко: «Когда дело идет не о славах выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, и ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить шесть верст, что будет за Можайском» [14]. Это были те самые версты, которые омрачили радость Александра I, но «воевода Федор» был ослеплен больше царя и очнулся позже. В общем, властные адресаты получили информацию в стиле «для опубликования», ранее применявшегося Михаилом Илларионовичем для прикрытия задов Аустерлица. В «Официальных известиях из армии за 27 августа», предназначенных для публичного распространения, эта словесная эквилибристика привела к совсем уж гротескным утверждениям: «Мы остались хозяевами поля боя. На следующий день генерал Платов был послан для преследования (противника) и нагнал его арьергард в 11 верстах от деревни Бородино» [15].

В тот же день 27 августа Кутузов, опасаясь, что его приглашенное уведомление о «победоносном отступлении» за Можайск все равно произведет в Москве фурор, повторно и сумбурно пишет Ростопчину: «Намерение мое, хотя баталия и совершенно выиграна, для нанесения сильного почувствования неприятелю состоит в том, чтобы, притянув к себе столько способов, сколько можно только получить, у Москвы выдержать решительную, может быть, битву противу, конечно, уже несколько пораженных сил его» [16]. Поразительно, что он сообщает Московскому губернатору о ранении Багратиона: «нулею в ляжку»! Случайность или чернение конкурента на ходу? Видимо, главнокомандующий опасался обвинений в недодаче им сил Багратиону. В донесении Александру I о сражении при Бородине Кутузов, говоря о ра-

нении графа Воронцова, действительно получившего пулю в ляжку ноги, пишет царю *«получил жестокую рану»* [17]. Поскольку перед этими словами речь идет о штыковом бое, в царской и советской историографии закрепляется мнение, будто Воронцов получил удар штыком, что звучит более героически, но опровергается самим виновником торжества: *«Я был ранен мушкетною пулей в бедро в ходе нашей первой контратаки на флешу»* [18].

Если воспользоваться по оцифрованному изданию документов Кутузова функцией «поиск», то легко убедиться, что слова *«получил жестокую рану»* являются типовой уважительной формулировкой в донесениях того времени, но для командующего 2-й армией было сделано гаденькое исключение. Даже царю не была сообщена правда о ранении Багратиона, а указано лишь: *«Получившего... тяжкую рану и вынужденному чрез то оставить место сражения»*. Это опять отодвигает Петра Ивановича, поскольку перед этим по тексту Кутузов расписывает, как полковник Астраханского гренадерского полка Буксгевден не оставил поля боя *«несмотря на полученные им три тяжкие раны»* [19]. Таким же елейно-зловредным было отношение Кутузова к Барклаю де Толли: *«Князь Кутузов видел невозможность спасти Москву; хитро приуговаривая к тому общее мнение; он высказывал, что потеря Смоленска была преддверием падения Москвы, не скрывая намерения набросить невыгодный свет на действия главнокомандующего военного министра, в котором и не любящие его уважали большую опытность, заботливость и отличную деятельность. С прибытием к армиям князя Кутузова известны мне были неприятности, делаемые им Барклаю де Толли, который негодовал на беспорядок в делах, принявших необыкновенный ход»* [20].

Вот примеры того, как искусные интриги, в коих поднаторел Михаил Илларионович, достигали цели. С Багратионом он перестарался — тот не оправился от раны. С Барклаем — разобралась история, воздав ему часть должного, но только часть. Видя такое, легче понять негодование Прозоровского. Не будучи связанным патриотическими «приличиями», эмоционально высказался по этому поводу Ж. де Местр: *«Какая низость, какая гнусность! Чтобы называть вещи их настоящим именем, мало преступлений, подобных тому, чтобы открыто приписать весь ужас гибели Москвы генералу Барклаю, который нерусский и у которого нет никого, чтобы его защитить!»* [21].

В реляциях государю Кутузов не упоминает судьбоносных распоряжений Барклая де Толли, которому сам дал право распоряжаться.

У него везде звучит «я». Указание переместить корпус Багговута на левое русское крыло якобы отдал лично он через генерала Милорадовича *«заметь, что неприятель с левого крыла переводит войски, дабы усилить центр и правое свое крыло»* [22]. Но Наполеон сгруппировал свою армию заранее, а Багговут рапортовал не ему! Касаемо чужих заслуг, Михаил Илларионович держался правил, примененных им год тому, в донесении о Рушукском бое: *«Реляция Кутузова была очень коротка и скромна для нас, даже слишком скромна, так как он там говорил только о себе... Можно было представить, как мы были этим шокированы»* [23].

Не ночевал Кутузов на месте сражения, солгав Ростопчину и царю. В *«Диспозиции 1-й и 2-й Западным армиям на 27 августа 1812 года к переходу за Можайск»* было ясно велено: *«Артиллерия тотчас выступает, а войска — в 2 часа пополуночи»*. К вечеру 27 августа (8 сентября) русская армия уже находилась близ деревни Шелковки в 8 верстах за Можайском и в два часа пополуночи 28-го выступила дальше к Москве, как то указал Ермолов, не знавший, что и кому блудный главком «докладывает». А в это самое время «победитель» подписывал письма в Петербург и Москву с заверениями, что он все еще находится на *«позиции при Бородине»*, собираясь отступить не далее как шесть верст за Можайск, где снова *«увиджу я, что могу предпринять противу неприятеля»*, и такие намерения его *«должны успокоить Москву»* [24] (!)

Три дня Михаил Илларионович бомбардировал Федора Васильевича письмами, требуя кирок и лопаток для постройки оборонительных позиций, топоров для делания засек, подвод для раненых, орудий, ящичков и зарядов. Он даже направил к Ростопчину своего зятя Кудашева, чтобы тот изъяснил все лично. Из всего этого складывалась убедительная картина желания Кутузова дать Наполеону новое сражение за Москву, но в реальности ничего не происходило. В качестве пунктов следования отступающей армии появились названия деревень Малые Вяземы, Жаворонки, Акулово, Одинцово и Мамонново, где определялось положение артиллерийского резерва и главной квартиры [25]. Стоит взглянуть на карту, чтобы понять: Кутузов быстро тащил врага прямо к Москве, всячески отрицая и маскируя это. Как поступали с советскими генералами в 1941 году за гораздо меньшие преступления — всем известно. Недостойное и преступное поведение Кутузова описывает Ермолов, с облегчением отмечая, что Ростопчин *«всех менее тому верил»* и *«Москву старался приготовить»*

к такому состоянию, чтобы неприятель не мог извлечь из нее ничего для себя полезного» [26]. Увы, документы и воспоминания москвичей показывают — они слишком долго были в неведении.

30 августа (11 сентября) герой-спаситель кропает: *«Я нахожусь при Вяземе, но так как здесь позиции никакой нет, то отправился генерал Беннигсен назад приискать место, где бы удобнее еще дать баталию»* [27]. Этот день Бутурлин описывает так: *«Немного оправившись от своей болезни, я присоединился к армии 30-го. В Москве все были убеждены, что под Бородиным мы выиграли сражение и что наши войска преследуют неприятеля по направлению к Гжатску; поэтому мое изумление было чрезвычайно, когда я нашел главную квартиру в селе Вязема, в 37 верстах от Москвы. 30-го, во внимание дня тезоименитства императора Александра, французы не производили неприятных действий, и ни одного ружейного выстрела не раздалось на аванпостах»* [28].

Хотя первое свидание Кутузова и Ростопчина произошло в 25 верстах от Москвы, при деревне Малсоновой, Михаилу Илларионовичу и там удалось провести за нос губернатора: *«После разных обоюдных комплиментов говорено о защите Москвы и решено драться под стенами ее; резерв должен был состоять из дружины московских жителей с крестами и хоругвями. Ростопчин уехал с восхищением и в восторге своем, как ни был умен, но не разобрал, что в этих уверениях и распоряжениях Кутузова был потаенный смысл»* [29]. Воистину, легче легкого одурачить пылающего душой ура-патриота бредом о крестах и хоругвях; и сегодня, в XXI веке, ничего не изменилось. Ум у патриотов по-прежнему в дефиците, они оказываются беспомощны перед ничтожнейшими интригами, принося своим рвением больше вреда, чем пользы. Дурную услугу губернатору оказало и то, что его информатор в армии, московский квартальный надзиратель Прокофий Вороненко находился при спекулирующем на шапкозакидательстве Багратионе.

Никчемность ура-патриотизма в деле защиты отечества и постыдные деяния этой мутной стихии в 1812 году описаны многими современниками, сошлемся лишь на записки Д. Н. Свербеева, с высоты прожитых лет увещевавшего потомков: *«Любезные мои дети и милые мои внуки, не следуйте первым движениям вашего сердца не потому, что они бывают (и очень часто) благородны и великодушны, но потому, что они не бывают обдуманны и в результатах своих оказываются неисполнимыми, иногда смешными, часто вредными»* [30]. Притом, как известно, в ура-патриотических омутах здоровенные черты водятся. Будучи

слеп в главном, Федор Васильевич был оборотист в сексотничестве и торгашестве. *«Для управления общественным мнением простого народа... Ростопчин распорядился тем, что посадил по всем окрестным и городским кабакам своих запевал и краснобаев»*, и вместо того, чтобы честно вооружать создаваемое в Москве ополчение, «дешево» продавал ратникам негодное к бою оружие из ремонтных запасников арсенала [31]. Губернатором проводились популистские акции по высылке из Москвы французских преподавателей и актрис, красочно освещаемые в афишках [32].

Правду Москва узнает из письма М. Б. Баркляя де Толли: *«По назначению главнокомандующего всех армий, обе армии отступают в укрепляемую позицию за деревню Мамоново, почему вследствие воли его светлости все обозы отправляются по Московской дороге на расстояние трех верст от Москвы»* [33]. Резкий переход от победных празднований к суровой правде жизни приводит к распространению панических слухов. Д. М. Волконский записывает: *«30-го узнали мы, что наши отступили и Главная наша квартира отсюда около 30-ти верст. Неприятель взял Можайск, и, говорят, Тормасов разбит, а Чичагова полагают только у Житомира»* [34].

В тот же день 30 августа следует приказ Баркляя де Толли № 729, зарегистрированный в книге учета приказов и распоряжений 1-й Западной армии: *«Главнокомандующий всех армий поручил мне объявить волю его, чтоб начальник инженеров 2-й армии генерал-майор Ферстер со всеми состоящими в начальстве его чиновниками, пионерными ротами и всеми инструментами... немедленно отправился по Московской дороге позади деревни Мамоново, где... имеет он обще с генерал-лейтенантом Труссоном учинить надлежащие распоряжения для укрепления там позиции»* [35]. Дальше тянуть с выбором места для сражения за Москву было нельзя. Еще 28 августа наполеоновские войска выбили арьергард Платова из Можайска. Тот отступил *«слишком поспешно, и подвел Мюрата версты за три к нашему лагерю. Недовольный атаманом князь Кутузов назначил на его место Милорадовича»* [36]. На усиление арьергарда были отправлены свежие войска. 29 августа у села Крымского Милорадович был принужден упорно сражаться, давая армии время отойти на безопасное расстояние. К потерям, понесенным у Бородина, прибавились еще 2 тыс. убитых и раненых [37]. Ожесточенность боя, в котором был тяжело ранен генерал Г. И. Хлопицкий, который раз произвела впечатление на противника [38], но надежды на счастливый случай не оправдывались, и это наконец-то побудило

Кутузова отрапортовать царю, что он отступает по Московской дороге, с неременной целью «закреть Москву» [39].

Ростопчину вновь были посланы уверения: «*Войски мои, несмотря на кровопролитное бывшее 26-го числа сражение, остались в таком почтенном числе, что не только в силах противиться неприятелю, но даже ожидать и поверхности над оным*». В приказе главнокомандующего по армиям № 14 от 30 августа 1812 года, написанном слогом Баркляя, значится: «*Генеральное сражение, которое неприятель, находясь от недостатка в продовольствии в гибельном положении, конечно предпримет дерзость нам дать, должно решить его участь*» [40]. Действительно, у Наполеона просто не стало выбора: или Москва, или его проевшая и обтрепавшая все виды довольствия армия откатывалась на соединение с подвозами к Смоленску. Он готовился любой ценой добраться до города через русскую армию, разделив силы и направив корпуса в обход. В этот момент авантюриста следовало «ловить за руку» контрударом, но к таким действиям Кутузов был неспособен, даже будучи информирован о сложном положении противника.

В наполеоновской армии начался кризис. По словам В.-А. Фоссена: «*О раздаче жизненных припасов нечего было и думать, а началось сильное мародерство... От каждой роты человек 10–12 отправлялись ежедневно в находящиеся слева и справа селения и деревушки для отыскания всякого рода припасов... Часто эти люди подвергались, в отдаленных деревнях, нападению со стороны крестьян и казаков... Таким образом погибло много людей, пока мы шли к Бородину*» [41]. Поибюск писал 15 (27) августа: «*Мы уже не имеем обыкновенной выдачи провианта: сухари съедены, вина больше нет. Всю нашу пищу составляет скот, захватываемый на пути; но и этого скота очень мало... Солдаты наши бегут из полков для снискания себе пищи... Небольшое количество съестных припасов, остававшееся в Смоленске, отправлено вслед за армией; у нас не осталось и золотника муки! От 6 до 7 тысяч раненых, находящихся в здешних госпиталях, несколько уже дней не имеют куска хлеба... Ни один полководец не вел войны без нужных запасов. Наш командир изменил всему: по его воле началось и продолжается одно убийство... самые легкие раны делаются смертельными; сверх того голод похищает от нас тысячи*» [42]. По летней жаре начались эпидемии; в передовых войсках положение было немногим лучше.

Как повествует П.-Л де Боволье: «*Французы прибыли в Вильну очень к стати. Уже несколько дней войска буквально голодали... Люди ослабли, лошади падали. На главной дороге к Вильне валялись до 10000 конских*

трупов, гнивших и заражавших воздух. Измученные тяжелыми переходами, голодные, мокрые, солдаты тотчас же наполнили все госпитали, наскоро устроенные в частных домах Вильны. Поход только что начинался еще, а армия чувствовала уже недостаток во всем, — в продовольствии, фураже, амуниции, даже в боевых припасах. Мародерство и отделение солдат от своих частей начались вслед за выходом армии из Пруссии. Эти два бедствия достигли вскоре ужасающих размеров... значительно пошатнули дисциплину и уменьшили число штыков. Уменьшал это число и обоз: иногда треть полка расходовалась на охрану обоза, растянувшегося на несколько верст» [43].

Вместо того, чтобы искать способы воспользоваться затруднительным положением врага и повысить боевую активность, русский главнокомандующий, замороженный ореолом непобедимости Бонапарта, продолжал отступление, кое-как прикрытое ура-патриотической трепотней. *«Нескромны были обещания князя Кутузова: «Скорее пасть при стенах Москвы, нежели предать ее в руки врагов» [44].* Но в личной переписке главнокома наблюдалось иное. Так, еще 29 августа он пишет П. Н. Каверину распоряжение *«все имеющиеся ныне в Калуге продовольствия направлять ко Владимиру» [45].* В коротком письме В. С. Ланскому от 31 августа Кутузов ясно дает понять свою неуверенность: *«Хотя я имею надежду на поверхность, но участь у оружия бывает непостоянная».* Из Москвы без объяснения переносится место формирования резервных полков [46].

Не имея новых войск для обороны Москвы, главнокомандующий отказывает Витгенштейну в уже назначенных тому подкреплениях, притягивает к себе все оставшиеся части из Тверской и Калужской губерний. Одновременно он идет на меру, предложенную в царском рескрипте от 24 августа: велит распределить в линейные батальоны 14 тыс. бойцов Московского ополчения. Ружья есть только у каждого четвертого ратника, три четверти ополченцев — с пиками [47]. Масса русского оружия из-за поспешного отступления осталась брошенной на окровавленных полях у Семеновки и Колочи. Росла путаница в приказах, падала дисциплина. По описанию Баркляя де Толли: *«Сие отступление, почти под Москвою, исполнилось в величайшем расстройстве: естественное следствие нерадивости владеющих тогда начальством... Войска без проводников часто останавливались на переходе по несколько часов при разрушенных мостах, или проходе дефилов и деревень; часто те, коим следовало исправлять дорогу, заграждали оную войскам понтонами, повозками с инструментами и обозами ополчения... Г. Бен-*

нигсена, взявшего на себя правление главного штаба, который давно не существовал, невозможно было найти; должно было признаться, что в сем отступлении Бог один был нам путеводителем» [48].

Списать бы эту критику на неприязненные отношения между полководцами, как это сделал Богданович, если бы то же самое не говорил Ермолов: *«В Можайске нашли мы всех раненых прошедшего дня и большие обозы 2-й армии, также множество повозок Московского ополчения, и с этого времени начались в армии разного рода, доселе не знаемые, беспорядки. Нестройно двигались армии по одной дороге, с боков теснимые обозами» [49].* Ростопчин отмечает 27 августа: *«Наряд лошадей час от часу становится затруднительнее... От беспорядков, давно существующих назади армии, уверен, что подводы не возвратятся».* Еще через два дня, 29 августа, из его письма А. Д. Балашеву видно ухудшение ситуации: *«Распоряжения в подводах совсем расстроены и страхом жителей деревенских и беспорядками в армии; позади ее казаки, раненые и их проводники грабят по деревням».* Губернатор все еще надеется на новую баталию, но впервые предполагает, что она может быть проиграна: *«Сердце мое обливается кровью, видя, по несчастию, теперь возможность неприятелю быть в столице» [50].*

По множеству описаний, не привлекаемых в современную историю: *«Армия... после сражения при Бородино была в расстроенном состоянии. Дивизии и полки перемешались; большие дороги были переполнены отсталыми, телегами и повозками... Генерал Дорохов был устранен вследствие столкновений, которые он имел с Платовым. Наш командир, граф д'Олонн, оставил полк, боясь, как эмигрант, попасть в руки французов и полк принял майор Розенбаум» [51].* 1 (13) сентября *«в Подольском уезде к Боровску казаки наши сожгли деревню и у меня в имени одну разграбили. Сею же ночью, близ Москвы, разграблен коровий двор воспитательного дома» [52].* А в Петербурге продолжали радоваться Бородинской победе и ждать благоприятных последствий [53]. Отнюдь не от Смоленска и Царева-Займища, а в подмосковные дни мародеры начинают упоминаться в солдатских письмах: *«Это чадо злобного ада, и хотя рождено еще недавно, но растет и зреет как пшеничное тесто на опаре киснет» [54].*

Казалось бы, приведение в порядок войск облегчалось тем, что *«после сражения при Бородине неприятель преследовал нас довольно слабо, и, в особенности, после дела при Крымском» [55].* Он *«шел уже с большой осторожностью за нашим арьергардом, и до Москвы оставался вне пушечного выстрела» [56].* Но к Москве армия прибыла так: *«Очень*

беспорядочно войска идут, что я мог приметить утром 1-го сентября, ехав от Кутузова» [57]. Осторожность французов возбудила в парализованной главной квартире опасения, чтобы Мюрат не обошел армию с правого фланга, и не занял Москву в тылу. Результатом этих страхов стало отнюдь не парирование действий противника, а новое и последнее приближение к городу. В первый день сентября, русская армия, выступив от Мамоновой, расположилась на биваках в двух верстах от Дорогомиловской заставы столицы.

По описанию Ф. Ф. Винценгероде «28-го неприятель отрядил из Можайска 4-й корпус, под командою вице-короля и составленный из четырех дивизий пехотных и 10-ти или 12-ти кавалерийских полков в Рузу, дабы обойти и правый фланг нашей армии, если бы она хотела взять позицию... По донесению моему... мне были присланы на подкрепление 2 орудия, 324 егеря и 330 казаков. Способы сии были недостаточны». Тем не менее, 2 сентября отряд Винценгероде продолжал вести бои с 4-м наполеоновским корпусом в 9 верстах от Москвы, когда получил известие, что неприятель вступает в город [58].

С собой Кутузов привел к Москве около 90000 чел., в том числе «65000 старых регулярных войск и 6000 казаков; остаток состоял из рекрутов, размещенных по разным местам и ополчения» [59, 60]. В это число, вероятно, не входит казачий отряд, отделенный в сторону Рузы на случай необходимости подкрепления Винценгероде [61]. Мы видим правоту нашей оценки численности русской армии после сражения 26 августа. Но Наполеон успел к Москве восполнить потери, стянув к решительному моменту кампании все что можно, и ослабив свой тыл. Способ противодействия у Кутузова был один: еще из Петербурга, вместо молебнов, отдать категорические приказы Торماسову и Эртелю со всей скоростью наступать в тыл противника от Бобруйска, и своевременно задействовать крупные отряды партизан.

Ничего подобного сделано не было. Об этом сожалел П. А. Жилин, валя вину на абстрактные имперские власти, и ведя изложение так, будто в начале XIX в. войска можно было перебросить по железным дорогам и воздухом. Он попытался сообщить читателям, будто дальний маневр на коммуникации был возможен к сражению при Бородино. Подобной ошибки не совершал даже Фуль, педантично считавший дни войсковых переходов. Поэтому «открытый» Жилиным кутузовский план «разеромить в генеральном сражении основные силы противника и затем поставить их под двойной удар: с одной стороны наступавших войск 1-й и 2-й Западных армий, с другой — Ду-

найской и 3-й Западной армий», оказывается фикцией [62]. На самом деле не Кутузов, а Барклай 9 (21) августа, как раз в то время, когда это следовало сделать Михаилу Илларионовичу, — написал Александру I, что лучшим средством помешать врагу «форсировать дорогу в Москву» послужат «операции армии генерала Торماسова... со стороны Волыни и Мозыря» [63]. Следовательно, виновники промедления — царь, не давший Барклаю необходимых полномочий, и Кутузов, не сообразивший, о чем говорил его предместник.

Очередное разочарование постигло Баркляя и Ермолова на выбранной Толем, Беннигсеном и предварительно одобренной Кутузовым Филевско-Мамоновской оборонительной позиции, оказавшейся по общему мнению негодной. Жалким выглядит Михаил Илларионович в попытке изобразить решимость к сражению на ней. Ростопчин «нашел князя Кутузова сидящим и греющимся около костра; он был окружен генералами, офицерами Генерального штаба и адъютантами... испрашивавшими приказаний. Он отсылал тех и других то к генералу Барклаю, то к Беннигсену, а иногда и к квартирмейстеру полковнику Толю... Беседа оказалась весьма любопытна в отношении низости, нерешительности и трусливости начальника наших армий... Он объявил мне, что решился дать на этом самом месте сражение Наполеону... Я заметил ему, что он рискует потерять ее (армию) всю целиком... Он все продолжал уверять меня, что его не заставят сойти с этой позиции, но что, если бы по какому-либо случаю, должен был отступить, то направится на Тверь. На замечание мое, что там не хватит продовольствия... у Кутузова вырвались слова: «Но ведь надо прежде всего позаботиться о севере и прикрыть его». Он имел ввиду резиденцию императора» [64].

Нельзя безоговорочно верить Ростопчину, писавшему эти строки спустя много лет (Генеральный штаб появился в 1827 году, а в 1812-м была Свита Е. И. В. по квартирмейстерской части, в просторечии, — Главный штаб). Но внимания заслуживает деталь о мыслях Кутузова отступить на Тверь для прикрытия Петербурга. Она-то, скорее всего, является правдой, свидетельствуя о затруднении полководца определиться с дальнейшими действиями. Разумеется, историки апологетического направления сусолят, что Кутузов сохранил военную тайну и обманывал «сумасшедшего Федьку» (в эпитетах, раздаваемых противникам своего кумира, и разнообразных подозрениях в их адрес они не стесняются). Ну, к примеру, как если бы Жуков в 1941 году обманывал членов ГКО (напомним, что Ростопчин был военным губернатором и главнокомандующим в Москве).

Винценгероде, вызванный Кутузовым в Филю на совещание, пишет: «Князь... показался мне нерешительным, а время было дорого. Он предложил мне командовать частью кавалерии, чрезвычайно жаловался на тех, которые ею командовали... Это было 1-го числа в полдень; тогда он еще ни на что не решился; говорено было о позиции, об атаке, об отступлении». Занятую армией позицию он назвал «самой мерзкой» [65]. Барклай де Толли сообщает: «По прибытии нашем к Москве, укрепился я по возможности всеми силами (Барклай был болен), для исследования позиции, назначенной для армии. Я удивился при виде оной... Я поспешил в главную квартиру князя... и встретил на пути г. Беннигсена. Я открыл ему все свои замечания о сей позиции, и спросил у него: решено ли было погребсти всю армию на этом месте?» [66].

Полковник Толь опять выбрал пересеченную, с хорошими подходами со стороны врага позицию, годившуюся только для того, чтобы отступить прямо в Москву, и сражаться там, «ибо отступление через столь обширный город перед преследующим неприятелем — вещь несбыточная». Барклай отметил, что из 8 понтонных мостов через Москву-реку, 4 были построены выше города, что совпадает с указанием Ростопчина на желание «спасителя» отступить к Твери, прикрывшись рекой. Мосты были устроены «при столь крутых берегах, что одна пехота могла сойти до оных». Настигни враг армию при движении к этим переправам, она «была бы уничтожена до последнего человека» [67]. Как поясняет Ермолов: «Позиция была осмотрена полковником Толем и им найдена довольно хорошею. Трудно предположить, чтобы князь Кутузов не видел ее слишком ощутительных недостатков; но желая уверить в решительном намерении своем дать сражение, он показывал вид согласия с мнением полковника Толя, и рассуждая, количество войск, несообразное обширности местоположения, вознаградить избытком артиллерии» [68], которой не смог управлять неделю назад.

В присутствии генералов главнокомандующий спросил Ермолова, каково ему кажется это место, и получил ответ: «Весьма заметные в нем недостатки допускают мысль о невозможности в нем удержаться». Михаил Илларионович хотел получить более крепкое обоснование внутренне любезного ему решения сбежать от боя, и прибег к одному из жестов, коими владел мастерски, прилюдно ощупав пульс Ермолова и спросив: «Здоров ли ты?». В ответ его начальник штаба (штаб 2-й армии к этому времени распался, никто не заменил раненого Сен-При), полагая, что Кутузов «желал только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя», вспылил

яростнее, чем Толь под Дорогобужем: «Я сказал, что драться на нем он не будет, или будет разбит непременно». Никто из свиты не возразил, а полководец, «снисходительно выслушав замечание мое, с изъявлением ласки приказал мне осмотреть позицию и ему донести» [69]. Вместе с генерал-майором Ермоловым для осмотра были направлены полковники Толь и Кроссар.

Результаты повторной рекогносцировки описывает Барклай де Толли: «По объяснении положения армии князю, исполненном мною с помощью рисунка позиции, он ужаснулся. Полковник Толь, коего он спросил мнения, признал все мои замечания справедливыми; он говорил, что не избрал бы сей позиции, и присовокупил, что принужден объявить, что армии подвергались некоторой опасности». По этой причине «немедленно было решено собрать всех корпусных командиров» [70]. Ермолов повторно доложил Кутузову, что «позиция чрезвычайно невыгодна». Вместе с тем, он и Толь подали предложение: «Расположив армию на Воробьевых горах, перехватя Калужскую дорогу впереди заставы, можно удерживать Серпуховскую дорогу и отступить на нее, проходя малую часть Замоскворечья. Князь Кутузов, выслушавши мое объяснение, ничего не сказал, а войска продолжали устраиваться по прежнему его приказанию». Однако, корпус генерала Дохтурова (в обычном стиле Кутузова — не принимать решения сразу, делая шагжки к нему) был направлен на Воробьевы горы [71].

У главнокомандующего снова побывал граф Ростопчин, столкнувшись в сенях с Ермоловым, заставшим конец тяжелого разговора между ними. Иначе трудно объяснить потребность Ростопчина высказаться перед новым собеседником. «До того гордый вельможа не знал меня... Он не скрыл от меня подозрения, что Кутузов далек от желания дать сражение». Ермолов передает слова губернатора: «В Москве останется до пятидесяти тысяч самого беднейшего народа, не имеющего другого приюта» (на заметку историкам, считающим, что в столице осталось несколько тысяч человек). Его последнее гневное высказывание было: «Если без боя оставите Москву, то вслед за собою увидите ее пылающую!» Едва Ростопчин уехал, как Михаил Илларионович сам «упал на уши» Алексею Петровичу, передавая содержание своего разговора с Московским губернатором в таком свете, будто тот предложил ему оставить и поджечь Москву, из которой уже вывезены все богатства и архивы, а он, Кутузов, не может так поступить. Венцом словоблудия стал вопрос к Ермолову: «Как он думает о том?» Генерал «отвечал, что прилично было бы аръбергарду нашему в честь

древней столицы оказать некоторое сопротивление» [72]. Эту же версию разговора с Ростопчиным Кутузов распространил через принца Вюртембергского. Прояснить содержание беседы было не у кого. По памяти Яковлева (ординарца губернатора), тот к 4 часам пополудни возвратился в Москву [73].

Действительно ли Федор Васильевич такое предложил? Он так описал свое свидание с главкомом: *«Правда, что во время моего с ним свидания у заставы он уверял меня в намерении дать сражение, а вечером, после военного совета... прислал ко мне письмо, в котором уведомлял, что... «он видит, к сожалению, себя принужденным оставить Москву».* Продолжение текста, вышедшего из-под руки Ростопчина, не оставляет сомнения в том, что он осуждает Кутузова, но, в интересах дела, не перешел черту публичной вражды с ним [74]. И ни слова о намеренном сожжении полностью эвакуированной Москвы. Губернатор хорошо знал, что столица даже на осьмушку не эвакуирована. По мнению Шницлера: *«Что достоверно, так это то, что Ростопчин с момента прибытия в армию, сразу и радикально излечился от своего оптимизма. Печальное состояние самих войск и неспособность вождей ошеломили его, и в то же время оскорбляли его патриотическое чувство... «По возвращению его в Москву, говорит Домерг, на его лице легко было заметить отпечаток какой-то особой бледности и нервное подергивание мускулов» [75].*

Переводчик Шницлера, А. Ельницкий, дал следующее примечание: *«Гр. Ростопчин возвратился в Москву еще... до начала военного совета. Кутузов его даже не приглашал присутствовать на этом совете. Хотя впоследствии Ф. В. Ростопчин и высказывал Кутузову благодарность, за то что тот избавил его от неприятной обязанности санкционировать оставление Москвы, но тогда устранение его несомненно сильно задело, и он дал волю своему гневу против Кутузова в своих донесениях Александру I» [76].* Мы понимаем, на совете Ростопчин выступил бы против оставления Москвы, и его мнение могло сильно повлиять на русских генералов. Кутузов, как обычно, блестяще провел манипуляцию против лица, могущего своим положением и доводами припереть его к стенке, заставив драться с Бонапартом. Губернатор был приглашен для разговора заблаговременно, спровоцирован, и удалился.

Скорее всего, 1 (13) сентября в Филях, Федор Васильевич о сожжении Москвы ничего еще не умышлял, как решил было из «разъяснений» Кутузова генерал Ермолов, а просто высказался в том

смысле, что оставить столицу — все равно, что сжечь ее. И это всем должно быть понятно, учитывая большое количество остающегося в городе бедного населения, с неминуемыми от него беспорядками. Еще в августе Ростопчин писал Балашову: *«Отступление от Смоленска и все последующие известия... привели всех в уныние... Мнение народа есть следовать правилу «не доставайся злодею». И если Провидению угодно будет, к вечному посрамлению России, чтобы злодей ее вступил в Москву, то я почти уверен, что народ зажжет город и отнимет у Наполеона предмет его алчности»*. Своей властью губернатор выражал готовность сжечь только *«комиссариатское и в арсенале»*, сделав *«все что возможно будет к спасению жителей и государства»* [77]. То же он отписал Багратиону: *«Народ здешний... решил умереть у стен московских, и если бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу, не доставайся злодею, он обратит город в пепел... Обнимая вас дружески и по-русски от души, остаюсь хладнокровно, но с сокрушением от происшествий»*. И присовокупил: *«Я не могу себе представить, чтобы неприятель мог прийти в Москву»* [78, 79]. Из этой своей убежденности Ростопчин всячески тормозил тягостную эвакуацию государственных запасов, но не для того же, чтобы обратить их в пепел!

Главнейшая роль деклассированного населения в московском пожаре подтверждается французской стороной: *«Эти бродяги, опьяненные вином и преступным успехом... победоносно сновали по вспламенившимся улицам, их ловили в то время, как они, вооруженные факелами, старались распространить пожар... После пожара узнали, что в Москве осталось еще двадцать тысяч жителей, незамеченных раньше в этом громадном городе»* [80]. К такому же выводу о причинах пожара пришел Богданович. Вот эту-то неизбежность беды Кутузов уловил из гневных слов Ростопчина, и передернул их для оправдания собственных действий. В силу разницы предметов попечения, армейское командование иначе, чем губернские власти, смотрело на беды Москвы. Если Федор Васильевич содрогался перед ее испепелением, то Багратион прямо и безответственно подстрекал: *«Истинно так и надо: лучше придать огню нежели неприятелю. Ради Бога надо разозлить чернь, что грабят церкви и женский пол насильничают; это надо рассказать мужикам»* [81]. Кутузов не хуже Багратиона понимал, что огромные запасы столицы врагу сдавать нельзя, и слова Ростопчина о неминуемом пожаре легли ему как бальзам на душу. Но Михаил Илларионович весьма дальновидно не хотел становиться в позицию

виновника такого страшного дела. Нужен был «стрелочник», и он его нашел!

Впоследствии вина была окончательно свалена на Ростопчина из-за его языкастости: Федор Васильевич сам отписал царю после сдачи Москвы: *«Я в отчаянии, что он (Кутузов) скрывал от меня свое намерение, потому что я, не быв в состоянии удерживать города, зажег бы его, и лишил бы Бонапарта славы взять Москву, ограбить ее и потом предать пламени»* [82]. Опять видно, — он не успел ничего предпринять, но Москва все равно сгорела, и запальчиво брошенное слово стали почитать правдой. Разговор Ростопчина с Ермоловым стал передаваться совсем уж превратно: *«Алексей Петрович, говорил он, зачем усиливаетесь вы убеждать князя защищать Москву, из которой уже все вывезено, а по моему распоряжению все запыляет позади вас»* [83]. И ответственность за пожар была снята с Кутузова. Но с высоты лет должно понимать, что с него нельзя снять ни капли ответственности. Если бы его армия не отступила, чернь бы Москву не зажгла, и губернатор не думал бы о поджоге складов и цейхгаузов, а французы — о сокрытии огнем своих грабежей.

В таких заботах тяжелый день клонился к вечеру. До 6 часов ждали задержавшегося Беннигсена — сторонника нового генерального сражения с Наполеоном на избранной им и Толем во время болезни Барклая позиции. Тут, пишет Ермолов: *«Военный министр призвал меня к себе, с отличным благоразумием, основательностью истолковал мне причины, по которым он полагает отступление необходимым, пошел к князю Кутузову, и мне приказал идти за собою... Князь Кутузов, внимательно выслушав, не мог скрыть восхищения своего, что не ему присвоена будет мысль об отступлении, и желая сколько возможно отклонить от себя упреки, приказал к 8 часам вечера созвать гг. генералов на совет»* [84]. Теперь у Михаила Илларионовича была хорошая надежда на самооправдание. Д. М. Волконскому еще рано утром 1 сентября он *«откровенно сказал, что неприятель многочисленнее нас и что не могли держать пространную позицию и потому отступают все войска на Поклонную гору к Филям»*. Когда Волконский снова *«вечеру приехал... в армию на Филях, узнал, что князь Кутузов приглашал некоторых генералов на совещание, что делать, ибо на Поклонной горе драться нельзя, а неприятель послал в обход на Москву»* [85].

Встречи и конфликты множества лиц, обсуждавших обстановку и результаты рекогносцировок филевско-мамоновской позиции, послужили для историков основанием либо вводить их в рамки зна-

менитого военного совета (Шницлер и Левенштерн), либо считать отдельным «совещанием» (Михайловский-Данилевский и Богданович), по итогам которого Кутузов решил оставить Москву. «*Не желая принять на себя одного ответственность в таком деле*», он созвал вечерний совет в Филях [86]. Декларативная решимость «спасителя» драться за столицу полностью испарилась.

1. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 234–235.
2. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 196, 220, 270. С. 161, 181, 232–233.*
3. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 289–291.
4. *Сто лет назад // Рус. Старина. 1912. № 9. С. 290.*
5. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 230–231.
6. *Франц. нашествие 1812 г. в письмах соврем. // Рус. Архив. 1912. № 6. С. 245.*
7. Ростопчин Ф. В. *Письмо к издателю Рус. Вестника С. Н. Глинке // Рус. Архив. 1876. № 12. С. 431.*
8. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 228.
9. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 200.
10. Шаховской А. А. *Двенадцатый год. Воспоминания // Рус. Архив. 1886. № 11. С. 395–396.*
11. Кудашев С. С. *Отеч. война // Истор. имп. Александра Павловича. М., 1912. Ч. 3. С. 244, 247.*
12. Свечин А. А. *Стратегия. М., 1926. С. 134–135.*
13. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 70–71.*
14. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 187, 188. С. 154.*
15. *Бородино. 1812–1962. Док., письма, воспоминания. М., 1962. Док. № 99. С. 112.*
16. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 192. С. 158–159.*
17. *Там же. Док. № 188, 197. С. 156, 164.*
18. Ануфриев В. П. *Хронология Бородинского сражения: к вопросу о 8 атаках Семеновских флешей // Историч. формат. 2016. № 1. С. 294.*
19. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 197. С. 164–165.*
20. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 197–198. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 89.*

21. Денеша гр. Ж. де Местра Сардинскому королю // Рус. Архив. 1912. № 1. С. 48.
22. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 197. С. 165.
23. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 8. С. 346.
24. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 187–189, 193. С. 154–156, 158.
25. Там же. Док. № 229. С. 186–187.
26. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 199. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюсс.-Лондон, 1863. С. 90–91.
27. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 309–310.
28. Бутурлин Д. П. Кутузов в 1812 г. // Рус. Старина. 1894. № 10. С. 207.
29. Голицын А. Б. Записка о войне 1812 г. // Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем. СПб., 1911. С. 69.
30. Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899. Т. 1. С. 68.
31. Дубровин Н. Ф. Москва и гр. Ростопчин в 1812 г. // Воен. сб. 1863. № 7–8. Отд. неофиц. С. 116, 130, 140.
32. 1812-й г. в карикатуре. М., 1912. [б. нум.].
33. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 230. С. 187.
34. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 17.04.2018.
35. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 231. С. 188.
36. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 306.
37. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 241.
38. Брандт Г. Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 3. Отд. I. С. 28–30.
39. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 210. С. 175–176.
40. Там же. Док. № 221, 223. С. 182–184.
41. Фоссен В.-А. Дневник поручика // Рус. Архив. 1903. № 11. С. 468.
42. Поибюск Л. Г. Письма о войне в Рос. М., 1833. С. 49–51.
43. Записки соврем. о 1812 г. Гр. Боволье // Рус. Старина. 1893. № 1. С. 9–10.
44. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 199. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюсс.-Лондон, 1863. С. 90.
45. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 213. С. 178.
46. Там же. Док. № 234, 236. С. 190–191.

47. Там же. Док. № 202, 221, 222, 233. С. 170–171, 181–183, 189.
48. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 24–25.
49. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 197. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 89.
50. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 107, 108. С. 114, 115.
51. Мартенс К. Из записок старого офицера // Рус. Старина. 1902. № 2. С. 411–412.
52. Ростопчин Ф. В. Письма к фельдм. кн. М. И. Кутузову Смол. в 1812 г. // Рус. Архив. 1875. № 12. С. 460.
53. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 116. С. 121.
54. Скобелев И. Н. Подарок товарищам или переписка рус. солдат в 1812 г. СПб., 1833. С. 17–19, 20–23.
55. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 242.
56. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 307.
57. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См также: Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 17.04.2018.
58. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 128. С. 137–138.
59. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 97–98.
60. Бутурлин Д. П. Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1837. Ч. 1. С. 298.
61. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 235. С. 190.
62. Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 122.
63. Колобакин Б. М. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. I // Тр. ИРВИО. СПб., 1912. Т. V. С. 61.
64. Фельдм. Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 382.
65. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 128. С. 136–138.
66. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 25–26.
67. Там же.
68. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 200–201. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 92.
69. Там же.
70. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 26.

71. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 201. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 93–94.*
72. Там же. С. 201–202.
73. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1897. Ч. 2. С. 131.*
74. *Ростопчин Ф. В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 35–36.*
75. *Шницлер И. Г. Ростопчин и Кутузов. СПб., 1912. С. 119–120.*
76. Там же. С. 120.
77. *Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 88, 107. С. 94, 114.*
78. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 312–314.*
79. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVI. С. 59–60.*
80. *Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 64, 68.*
81. *Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 89. С. 98.*
82. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 312–314.*
84. *Дубровин Н. Ф. Москва и гр. Ростопчин в 1812 г. // Воен. сб. 1863. № 7–8. Отд. неофиц. С. 454.*
84. *Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 202–203. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 94–95.*
85. *Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См также: Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 17.04.2018.*
86. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 248.*

7.3. СОВЕТ В ФИЛЯХ

Вечером 1 (13) сентября 1812 года избу крестьянина Михаила Фролова в подмосковной деревне Фили, где поместился главнокомандующий, заполнили высшие чины русской армии. На совете присутствовали М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, Л. Л. Беннигсен, Д. С. Дохтуров, Ф. П. Уваров, А. И. Остерман-Толстой, П. П. Коновницын, Н. Н. Раевский, А. П. Ермолов, и генерал-квартирмейстер полковник К. Ф. Толь. К ним М. И. Богданович присоединяет полковника П. С. Кайсарова, поскольку тот был доверенным лицом Михаила Илларионовича, дежурным генералом и начальником его канцелярии. Беннигсен указывает также на присутствие М. И. Платова, который мог прибыть из арьергарда вместе с Раевским. Впрочем,

мнение Платова все игнорировали, поскольку было известно, что он не обучен офицерской грамоте, не тактик и не стратег. Этого генерала не жаловали ни Барклай, ни Кутузов: «*Атаман Платов был уже не раз замечен нерадиво исполняющим свои обязанности*» [1]. Протокол военного совета изготовлен не был, и не осталось следов присутствия атамана в избе Фролова.

Обращает на себя внимание отсутствие М. А. Милорадовича и действовавших вместе с ним в арьергарде кавалерийских корпусных начальников Ф. К. Корфа и Д. В. Голицына, а также командиров 2-го, 5-го и 8-го пехотных корпусов К. Ф. Багговута, Н. И. Лаврова и Н. М. Бороздина. Отсутствие последнего тем более странно, что, по словам С. И. Маевского, ему было в то время поручено исполнять обязанности командующего 2-й армией. Не было ни начальника артиллерии русской армии К. Ф. Левенштерна, ни генерала-интенданта В. С. Ланского. Не присутствовал непосредственный начальник полковника Толя — генерал М. С. Вистицкий. Факты интересные, на чисто игнорируемые царской, советской и современной российской историографией. В совокупности с большим опозданием Раевского (хотя боевых событий в арьергарде не было, Наполеон без боя расположился в тридцати верстах у Перхушкова) [2], это понижает статус военного совета в Филях с совещания корпусных генералов до совета избранных и равнодушных, что почти своим долгом явиться.

Сия примечательная картина свидетельствует либо о манипуляциях Кутузова, спровадившего из Филей оскорбленного Ростопчина, а теперь и других «оппозиционеров», либо о серьезной утрате им своего авторитета, а скорее всего — о том, и о другом вместе. Михайловский-Данилевский так и пишет: «*Милорадович не был приглашен*» по той надуманной причине, что он не мог отлучиться из бездействующего арьергарда [3]. «*В армии всем казалось весьма странным приглашение на совет Раевского, а не Милорадовича... В настоящее время слишком известно, что Кутузов собирал совет не для решения каких бы то ни было вопросов, а исключительно из политического приличия*» [4]. В то же время генеральская оппозиция не имела вождя (Беннигсен, которого впоследствии попрекали в интригах против главнокомандующего, еще не был оскорблен Михаилом Илларионовичем, и происками не занимался) и была раздроблена, что обрекало ее на поражение.

Актуальная проблематика проговаривалась на совете дважды — в присутствии Барклая и нескольких корпусных командиров, которые прибыли в 4 часа пополудни, а потом с участием опоздавших

Беннигсена и Раевского после 6 часов вечера [5]. По запискам Ермолова и Беннигсена — даже после 8 часов [6, 7]. Это естественным образом объясняет возникший в литературе разнобой в определении порядка выступлений генералов. В описании Ермолова первым подробно высказался Барклай де Толли. В описании Барклая, — Беннигсен, что понятно, так как более-менее легитимный вид военный совет приобрел только с прибытием последнего: из числа 19 корпусных и приравненных к ним генералов 9 присутствовали, 10 отсутствовали, но Вистицкого замещал Толь. Стало быть, можно считать 10 против 9 с главнокомандующим во главе.

По утверждению Н. А. Троицкого, пытавшегося разобрать мифы о Филевском совете, Беннигсен, открывая полномочную часть совещания по старшинству лет, войскового чина и должности начальника Главного штаба армии, надеясь припереть Кутузова к стенке его же победными реляциями, патетически и демагогически спросил: *«Может ли общество поверить, что мы выиграли, как это обнародовано, сражение Бородинское, если оно не будет иметь других последствий, кроме потери Москвы, и не будем ли мы вынуждены сознаться, что его проиграли?»* [8]. При этом Троицкий сослался на публикацию «Записок графа Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 г.» в № 9 журнала «Русская Старина» за 1909 г. Однако, как в этой, так и в киевской публикации тех же писем или записок, изложение материала другое. Похожие слова были произнесены Беннигсеном не в начале совета, а в прениях после выступления Барклая.

Такое передергивание является искажением (в духе приписывания интриг Беннигсену) описаний, какие согласно друг с другом дали Барклай де Толли, Михайловский-Данилевский и Богданович, осветив начальный вопрос в такой редакции: *«Выгоднее ли (предпочтительнее ли) сразиться под стенами Москвы, или оставить ее неприятелю»* [9, 10, 11]. Жертвой инсинуации невольно оказался и стремившийся к объективности Троицкий. Сам Беннигсен написал о своем прибытии в избу Кутузова только: *«Каково же было мое изумление, когда в совете я узнал, что идет речь о том, чтобы отступить через Москву и предоставить эту столицу французам! Так как на совете говорил один Барклай, то мне пришлось опровергать только его доводы»* [12].

Личный конфликт на совете произошел, только завязал его своим языком не Леонтий Леонтьевич, а Михаил Илларионович. Как описал Барклай, Кутузов в ответ *«сильно опорочил»* Беннигсена (то есть,

грубо и оскорбительно прервал его), после чего *«описал все неудобства позиции»* для битвы за Москву и предложил обсудить главный вопрос в такой формулировке: *«Прилично ли ожидать нападения на неудобной позиции или оставить Москву неприятелю?»* [13].

Затем вновь выступил командующий 1-й армией, выражая свое мнение о трудностях отстоять Москву на избранной Беннигсеном позиции. (Вот и цель хамства, — дать снова высказаться тому, чье мнение Кутузов считал для себя полезным; Барклай выступал дважды, а Беннигсену мешали это сделать и один раз) *«Если бы после сражения могли мы удержать место, но такой же потерпели урон, как при Бородине, то не будем в состоянии защищать столько обширного города... Сохранив Москву, — сказал Барклай, — Россия не сохраняется от войны, жестокой, разорительной. Но сбережи армию, еще не уничтожаются надежды Отечества, и война может продолжаться с удобством... успеют присоединиться в разных местах за Москвой приготовляемые войска»* [14]. Эти слова впоследствии были вложены пропагандой, как некое откровение, в уста повторившего их Кутузова — того самого человека, чьи «таланты» были причиной опасений Барклая в том, что дело под Москвой кончится разгромом русской армии.

По изложению от Барклая, Беннигсен ничего по существу не возразил, но предложил *«оставить корпус на правом фланге... и атаковать правое крыло неприятеля»*. На это Барклай заметил, что *«надлежало о сем ранее помыслить и сообразно оному расставить армию... но теперь уже было поздно»*. Он также сказал, что по великой убыли в генералах, штаб и обер-офицерах *«армия могла по храбрости, сродной нашим войскам, сражаться в позиции и отразить неприятеля, но не была в состоянии исполнять движения на виду оного»*. Кутузов одобрил мнение Барклая и тут же поставил в неприятный Беннигсену пример Фридландское сражение [15].

Беннигсен пишет о своих возражениях следующее: *«Я прежде всего спросил, обсудил ли он тщательно все последствия оставления нами Москвы... приняты ли в соображение сопряженные с этим огромные потери, которые неизбежно понесет казна и множество частных лиц, а также и то влияние, какое сдача Москвы окажет на мнение... населения империи? Очевидно, сдача Москвы будет иметь также большое влияние на средства дальнейшего ведения войны. Я спросил также, приняты ли во внимание все затруднения и опасности, которые представятся нам при отступлении всей нашей артиллерии по тесным улицам Москвы и в столь короткое время, причем неприятель будет у нас на*

шее. Я указал, наконец, на позор покинуть столицу, не сделав ничего для ее защиты, которую ей обещали. Я спросил, будет ли после этого общество иметь возможность верить, что мы выиграли... Бородинскую битву, как это объявили печатно; не повлечет ли это сражение еще и других последствий, кроме оставления Москвы, и не будем ли мы принуждены сами признать, что проиграли сражение? Какое впечатление произведет эта неудача на настроение иностранных дворов и на иностранцев вообще? Я так же спросил, какое имеется основание полагать, что наша армия будет лучше организована и устроена после очищения нами Москвы; какой предел будет нашему отступлению? Я добавил, что не постигаю, почему принимается за непреложное, что в новом сражении с французами мы будем непременно разбиты и потеряем всю нашу артиллерию» [16].

Основываясь на донесениях о том, что Наполеон отделил от своей армии отряды, чтобы обойти русскую армию как с правого (через Рузу), так и с левого фланга, он предложил в течение ночи «двинуться навстречу неприятелю, ослабленному выделением означенных отрядов» и неожиданно опрокинуть его. При этом сделанные неприятелем «движения для обхода наших флангов не только останутся без последствий, но посланные для этого отряды принуждены будут в возможной скорости отступить, чтобы не оказаться отрезанными». В случае неудачи Беннигсен предложил отойти к Калуге, категорически возражая против отступления на Владимир [17]. Но Барклай полагал такие сложные и загодя не рассчитанные движения неисполнимыми. При другом главнокомандующем и единстве генералов можно было пытаться счастья, но не в ситуации, что сложилась из-за Михаила Илларионовича и его камарильи.

Сторонником варианта действий, предложенного Беннигсеном, был не присутствовавший на Филевском совете Ростопчин, как это следует из его последнего московского письма жене, отправленного за полчаса до полуночи на 2 сентября: «Сегодня утром я был у проклятого Кутузова. Он спросил у меня моего мнения. Я отвечал ему, находясь с своей армией в семи верстах от Москвы, он должен дать сражение, а в случае неудачи занять Калужскую дорогу, чтобы закрыть неприятелю путь на юг и чтобы получать припасы и подкрепления» [18].

В этой связи выяснились на совете и разногласия между Барклаем де Толли и Ермоловым. Командующий 1-й армией, считая, что с невозможностью сохранить Москву, стратегический маневр потерял смысл, предполагал отступать на Владимир для сохранения связи с

Петербургом. Материальные выгоды для армии при отступлении на юг он считал преувеличенными. Ермолов же стоял за маневр на юг. Кутузов приказал Алексею Петровичу объяснить свое мнение, и тот заявил, что, помимо обеспечения, отступление на Владимир «чрезвычайно затрудняло сообщения с армиями генерала Тормасова и адмирала Чичагова». Но прежде того, Ермолов, вслед за Беннигсеном, предложил не отступать, а неожиданно атаковать неприятеля: *«Девятьсот верст непрерывного отступления не располагают его к ожиданию подобного... предприятия. Внезапность сия, при переходе войск его в оборонительное состояние, без сомнения, причинит между ними большое замешательство, которым его светлости, как искусному полководцу, предложит воспользоваться»*. Его светлость адекватно оценивал свои дарования, а потому *«слишком поспешно изъявил он свое негодование»*, ответив, что начальник главного штаба говорит так лишь потому, что не на нем лежит ответственность [19].

Ермолова и Беннигсена поддержали Коновницын и Дохтуров. По уверению самого Беннигсена, к его лагерю примыкали кавалерийские генералы Уваров и Платов [20]. Прибывший последним Раевский высказался двояко: *«Ежели наша позиция не позволяет нам ввести в действие наши силы, а... уже решено дать сражение, то выгоднее идти навстречу неприятелю... Действуя таким образом, можно было бы расстроить его наступательные предположения, но как наши войска недовольно способны к маневрированию, то должно ограничиться замедлением неприятеля под Москвою. Отступление через обширный город после проигранного сражения может расстроить армию... и потому, следует, имея преимущественно в виду сохранение армии, оставить столицу без боя. Впрочем, — я рассуждаю как солдат, предоставляя князю Михаилу Илларионовичу решить, какое влияние в политическом отношении может иметь занятие неприятелем Москвы»* [21].

Предложения опытных генералов выглядят странно для современных людей, воспитанных вне критики действий Кутузова, но как раз этого опасался Наполеон. Думая, что *«Кутузов хочет воспрепятствовать нам занятию Москвы и употребит все средства выгнать нас из нее»*, французский полководец 31 августа остановил свою армию, *«возымев опасение, не двинулся ли князь Кутузов против правого его крыла, или не пошел ли на его сообщения?»* В результате он вообще *«потерял из вида русских»* [22]. Следовательно, активность русских войск перед Москвой в любом случае привела бы к выигрышу времени и возможности 2 сентября не сдавать город. Теперь мы постигаем

смысл реплики Ермолова о поспешности негативной реакции Кутузова на его предложение.

Троицкий не без сарказма указывает, что, поскольку один из противников сдачи Москвы (Беннигсен) был титулованным инородцем, о совете в Филях в «Истории СССР» прописали: *«Особенно воинственно были настроены служившие в русской армии немецкие бароны... Они не считались с национальными интересами России, не жалели крови русских солдат»* [23]. Неужели исконно русские генералы еще меньше считались с интересами России? Воистину, политические сказки в логичных и порядочных основаниях не нуждаются. Согласно имеющимся источникам, четверо из девяти достоверно присутствовавших на совещании генералов: Беннигсен, Дохтуров, Коновницын, Ермолов, высказались за дачу Наполеону подмосковного сражения. Еще двоих — Уварова и Раевского — приписывают и туда, и сюда. Платов, категорически требовавший боя, из истории исчез. Причем, согласно выписке из журнала военных действий, намерение *«идти на неприятеля и атаковать его там, где встретят»*, поддержал и Остерман-Толстой, которому приписывается безоговорочное согласие с отступлением [24]. Интересно, что среди лиц, которые *«изъявили свое мнение к отступлению»*, Барклай, кроме себя самого, назвал только Остермана-Толстого, Раевского, и... Коновницына [25].

К драматическому моменту колебаний на совете относится особое мнение, высказанное решившимся привлечь внимание К. Ф. Толем, изложившим свой план сковывания противника под Москвой. Не возымев действия на взбудораженных генералов, он был занесен в журнал военных действий, в который кратко переписали протокольные заметки, с опозданием все-таки выполненные Кайсаровым (надо же было что-то противопоставить обвинениям со стороны Беннигсена). Толь предложил: *«Немедленно оставить позицию при Филях, сделать фланговый марш линиями влево и расположить армию правым флангом к деревне Воробьевой, а левым между Новой и Старой Калужскими дорогами в направление между деревень Шатилова и Воронкова; из сей же позиции, если обстоятельства потребуют, отступить по Старой Калужской дороге, поелику главные запасы съестные и военные ожидают-ся по сему направлению»* [26]. По-видимому, последующим принятием во внимание соображений Беннигсена и Толя генералами Ермоловым, Барклаем, а затем и Кутузовым, получается знаменитый «Тарутинский маневр». Предложение Толя похвально оценивал Бутурлин: *«То неоспоримо, что всего выгоднее было соображаться с мнением пол-*

ковника Толя» [27]. Приводимый тем же Бутурлиным контрдовод об угрозе маневру со стороны «окрыливавшего левый фланг россиян» корпуса Понятовского на совете не обсуждался, и вряд ли такую угрозу можно было считать реальной. Скорее, под угрозой оказывался сам Понятовский.

Важно, что по соображениям Толя армия не отходила от Москвы, а перемещалась в такое положение, что ее правый фланг оказывался на командной возвышенности и прикрывался с севера Москвой-рекой и городом, а по приподнятому фронту — рекой Раменка. В этом положении можно было отбиться от Бонапарта (часть его войск неизбежно растворялась в Москве — кому охота сражаться, когда можно грабить). Пока Наполеон был занят столицей, можно было дожидаться со стороны Владимира полков Лобанова-Ростовского. Можно было послать в город егерей для сковывания захватчиков. Уличные столкновения все равно произошли, но бесполезные, потому что в них участвовали только вооруженные горожане [28].

Отбросить русскую армию от столицы в этой диспозиции Наполеону было очень трудно, поскольку Москва вместе с армией за южной окраиной представляла собой комплекс слишком обширный. В том же 1812 году войскам Макдональда не удалась блокада Риги. Много позже, в 1854–1855 гг., соединенная англо-франко-турецкая армия долго не могла блокировать прижатый к морю и гораздо меньший по размерам Севастополь. Брандт, описывая падение дисциплины наполеоновской армии во время грабежей, начавшихся 3 (15) сентября, замечает: «Если бы русские атаковали Себастиани, вообще несчастливому в эту войну, прижали бы его к городу, да открыли добрую канонаду и тем произвели панику, то желал бы я знать, как бы мы выбрались из этой труппы» [29]. Но предложение Толя было таким необычным для русского военного сознания начала XIX в., что его не рассмотрели. Последний шанс не быть отбитыми от столицы и отстоять хотя бы часть Московской губернии был утрачен.

Эту картину колебания мнений был вынужден подытожить Кутузов «своим желанием отступить от Москвы и властью исполнить это», после чего Беннигсен демонстративно покинул избу. «Заметив, что предположение покинуть Москву без выстрела было утверждено ранее, еще до военного совета, что даже не составляет протокола о различных мнениях, высказанных генералами... даже не сочли нужным пригласить на этот совет генерал-губернатора Москвы графа Ростопчина, которого в тот же самый день утром заверяли, что столица бу-

дет защищаема до последней крайности, — усмотрев все это, я решился покинуть совет. Возвратясь к себе, я прежде всего записал на бумаге заключения этого совета, разорившего быть может совершенно напрасно множество семейств» [30].

Свое «полное трагизма» последнее слово «народный полководец» произнес по-французски. Первоначально звучало оно: *«Я вижу, что мне придется заплатить за все, но жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить»*. Позднее, в журнал военных действий Главной армии была внесена формулировка от Баркляя: *«С потерю Москвы еще не потеряна Россия; поставляю первую обязанностью беречь армию, сблизиться с подкреплениями и самым уступлением Москвы приготовить неприятелю неизбежную гибель» [31, 32].*

Можно утверждать, что если бы Михаил Илларионович не интриговал, а собрал генералов своевременно, вердикт собрания был бы другим, и еще оставалось время на его исполнение. Отчасти Кутузову помог оправдываться перед царем Винценгероде, написавший Александру I: *«Слава Богу, что меня не почтили приглашением к совету. Я уже во весь день не видал князя, но узнал, что собран был военный совет и что решено было отступить. Но здесь я должен откровенно сказать, что сего же был бы мнения, если бы меня спросили, судя по положению главной квартиры и дурной позиции, в каковую упрятали армию и которая не была даже удобна для составления из нее наступательной колонны, если бы положено было покуситься на атаку» [33].*

Подлинные обстоятельства совета противоречат общепринятому мнению о неизбежности сдачи Москвы, и не соответствуют запущенному в оборот Михайловским-Данилевским штампу: *«На такое тяжелое решение мог пойти только Кутузов»*. Историк не отрицал, что событие произвело на современников впечатление *«поразительного малодушия»*, и лишь потом стали почитать его *«неизбежною мерою, потому что так оно было признано Кутузовым, который пользовался неограниченным верованием в его ум и прозорливость» [34].* Когда была осознана полезность концепции «спасителя Кутузова» для цезаристского и диктаторского государства, пропаганда еще дальше перешла границы правды и лжи. Многие поколения россиян оказались вынуждены принимать за истину вздорные мысли о неизбежности, даже полезности разгрома древней столицы. На самом деле, трагическое событие стало следствием череды ошибок Кутузова, «правляемых» ложью в адрес императора и московских властей. А некая благоговейная исключительность ставшего венцом этих действий

решения оставить город призвана маскировать признаки военного преступления невероятного масштаба. Подчинение этому решению русских генералов проистекло из того, что уложить под стенами Москвы еще столько же солдат, сколько легло при Бородино, и снова отступить, было нельзя.

После совета полководец известил Ростопчина: *«Неприятель, отделив колонны свои на Звенигород и Боровск, и невыгодное здешнее местоположение принуждают меня с горестию Москву оставить»* [35]. Из письма главкома Д. И. Лобанову-Ростовскому усматривается, что резервные полки были уже на подходе: *«Прошу Вас следовать на Владимирскую дорогу, отступая к Владимиру, и там соединиться»* [36]. По словам Д. М. Волконского: *«Я о сем решении оставить Москву узнал у Беннигсена, где находился принц Виртембергской и Олденбургской. Все они были поражены сею поспешностью оставить Москву, не предупредя никого... не дав под Москвою ни единого сражения, что обещали жителям»* [37].

По свидетельству Беннигсена: *«Его императорское высочество герцог Вюртембергский отправился после совета к князю Кутузову, чтобы высказать ему соображения относительно сдачи Москвы и о средствах защищать эту столицу. Я был тоже приглашен присутствовать на этом совещании. Я отправился на совещание, но оно ни к чему не привело»* [38]. Это последнее собрание, уже третье или четвертое в этот тяжелый день, оказалось изъято из канонизированного рассказа о совете в Филях, в то время как на него должен быть направлен пристальный взгляд историков. Действительно ли Кутузов, вопреки своим указаниям о направлении резервов к Владимиру, предложил перевести армию на Рязанскую дорогу, как то он сообщает Ростопчину [39], подтверждает Барклай де Толли [40], и отмечает в своем дневнике Волконский? Если так, то произошло это не на хрестоматийном совете, а в последний момент, по результатам ночного совещания, на котором главнокомандующий вновь подвергся атаке несогласных генералов, и сделал уступку критикам линейного отступления. Журнал военных действий заполнялся позднее, небеспристрастным Михайловским-Данилевским, которому было поручено его ведение [41], не содержит деталей, и не может разъяснить этот вопрос.

Беннигсен трижды упоминает, что речь на Филевском совете шла об отступлении к Владимиру. Поворот на Рязань он приписывает себе, говоря: *«Это предложение было, к счастью принято»* [42]. Вроде бы, по умолчанию следует, что принято оно было Кутузовым тут же,

за столом в Филях. Но ремарка Беннигсена, относящаяся к 9 (21) сентября 1812 года заставляет сомневаться в этом: *«Сообразите только, что бы с нами случилось, и какой опасный оборот мог бы принять весь ход войны, если бы мы двинулись на дорогу во Владимир, о чем была прежде речь в военном совете»* [43].

Винценгероде сообщает: *«Князь, решась отступить на рассвете, приказал мне тогда возвратиться к моему корпусу, взять опять команду над ним и прикрывать отступление его армии, правого фланга и арьергарда его по Можайской дороге, потом же самому мне отступить через город и прикрывать Владимирскую дорогу. Но все сии повеления были токмо словесные: к сему прибавлено было еще, что город занят будет во всю ночь (с 2 на 3 сентября) арьергардом под командою генерала Милорадовича»* [44].

Ермолов указывает, что намерение Баркляя и Кутузова отступить на Владимир было отменено только 4 (16) сентября у Боровского перевоза: *«Решено выйти на Тульскую дорогу. Мысль сия принадлежит генералу барону Беннигсену, и он настаивал, чтобы скорее перейти на Калужскую дорогу»*. В подстрочном авторском комментарии Алексей Петрович уточняет: *«Многие присвоили себе это соображение, но оно принадлежит собственно генералу Беннигсену, что мне известно со всеми, сопровождавшими мелочными, обстоятельствами. Князь Кутузов желал отнести это любимцу своему Толю»* [45].

Наконец, сам Кутузов 20 сентября (2 октября) 1812 года сообщает Витгенштейну: *«После оставления Москвы армия взяла первоначальное направление свое по Владимирской и Рязанской дорогам, дабы сим движением прикрыть оставивших город жителей. Отошед 25 верст, перешла она фланговыми маршами на Старую Калужскую дорогу»* [46]. Это весьма странно. Еще Попов заметил, что Владимирская и Рязанская дороги расходятся почти под прямым углом одна от другой, но безоговорочно доверяя документам Кутузова и не доверяя Ермолову, который, как он выразился, *«писал и переписывал всю жизнь»*, сделал из этого пристрастные и ложные выводы [47].

Налицо разноречивой информации о важнейшем военном решении. Сегодня, располагая оцифрованным массивом материалов эпохи, мы не можем слепо доверять документам Кутузова, многократно видя в них отклонения от истины. Записки Ермолова, напротив, подтверждают совпадениями с документами, сообщениями прочих мемуаристов и ходом событий, рисунок которых таков, что Кутузовым поздно вечером 1 (13) сентября было принято отнюдь не решение о

стратегическом маневре, а сделана уступка генералам для безопасного прохода отступающей армии через Москву.

На Владимир должен был идти отряд Винценгероде. В том же направлении надо было пройти через столицу арьергарду Милорадовича. И оставалась еще Главная армия в нескольких колоннах, с большим обозом. Потоки войск, артиллерии, телег грозили увязнуть в заторах. Одним из кратчайших путей от деревни Фили через Москву была дорога через Калужскую заставу, откуда удобней выходить на Коломну и Рязань, нежели на Владимир. Очевидные резоны вынудили главнокомандующего, понимавшего трудности прохода войск через большой, охваченный паникой город, согласиться с выходом армии из Москвы через обе — Владимирскую и Коломенскую заставы. Но если Кутузов ничего больше не подразумевал, то его генералы хотели сохранить возможность флангового маневра, чтобы использовать ее, коль позволит Наполеон. Пассивность Бонапарта снимала главное возражение Барклая, бывшего категорически против сближения расстроенной армии с противником. Так уступка Кутузова стала отправной точкой поворота русской армии на калужское направление, начавшегося с отъездом главкома из Филей перед рассветом 2 (14) сентября. Консервативные историки не позаботились нам об этом рассказать, маскируя тот серенький факт, что о фланговом маневре на Калугу Михаил Илларионович в Филях еще не помышлял. Армию Кутузов планировал собрать на Владимирском направлении, но события пошли иначе. Отсюда и пошла двойственная формулировка, от самого Михаила Илларионовича исходящая.

Первым документом, превращающим распоряжение о проходе войск через Москву двумя дорогами в стратегический поворот армии на Рязань, стало письмо Барклая де Толли Московскому губернатору: *«Из отношений светлейшего князя уже должно быть известно вашему сиятельству, что армии выступают сего числа ночью двумя колоннами, из коих одна пойдет через Калужскую заставу и выйдет на Рязанскую дорогу, по коей будет следовать, а другая колонна пойдет через Смоленскую заставу и выйдет на Владимирскую, отколь должна повернуть на Рязанскую дорогу, которую будет продолжать свой марш»* [48]. Далее Михаил Богданович просит Ростопчина способствовать поддержанию порядка в городе во время прохода войск и дать проводников по окрестностям Москвы на Рязань. Следовательно, Барклай изменил свои соображения, высказанные на военном совете. Как мы увидим дальше, он и Кутузов стали по-разному понимать движение войск.

Ближе к истине был не Богданович, утверждавший, что *«отступление во фланговую позицию... было предложено Толем, и потому нет причины сомневаться в том, что он предложил это движение и впоследствии»* [49], а Клаузевиц, отрицавший внезапное возникновение этого замысла в голове одного человека [50]. Таково было мнение не одного Толя, а Беннигсена, к которому примыкал Ермолов. Барклай тоже был стратегически подвижней Кутузова, и лучше его слышал голоса штаба. Остро чувствующие гигантскую ответственность генералы постепенно приходили к согласию, используя уступку главнокомандующего, чтобы сохранить армию, что достигалось переводом войск на юг от Москвы.

В тени хвалебных рассказов о совете в Филях и назойливо тыкаемой людям в глаза музейной избу, остался и другой важнейший вопрос, поднятый Беннигсеном: русская армия лишалась, а Наполеон приобретал в виде Москвы материальную базу для продолжения кампании. Кутузов сознавал эту проблему, после всех совещаний пригласив к себе генерал-интенданта В. С. Ланского [51]. То, что они говорили о переменах в снабжении, понятно. Можно догадаться, почему генерал-интендант не был приглашен главнокомандующим в совет. Историки в один голос приводят мнение Ланского о трудностях доставки накопленного на калужских и серпуховских складах продовольствия на восток за Москву [52, 53]. Его мнение поддержало бы сторонников сражения, говоря в пользу движения армии на Серпухов или Калугу. Но это лишь одна часть вопроса. Была и другая, — как уменьшить ресурсы, достающиеся Наполеону?

Это можно было сделать, уничтожив огромный город. Такого никто заранее делать не собирался. Но, с целью уменьшить свою ответственность, Кутузов распространял слухи, будто Москва полностью эвакуирована. Он знал о лживости этих баек, поскольку сам «убаюкивал» Московского губернатора, даже 1 сентября заявляя: *«И в улицах буду драться»* [54]. Из последнего разговора с Ростопчиным главнокомандующий уяснил себе, что брошенный город неминуемо охватят грабежи и пожар от разгула бедного (как тогда говорили, «подлого») люда. Надо было лишь отвести подозрения от себя и подтолкнуть такой ход вещей. По Шницлеру, свидетелем разговора Кутузова и Ростопчина, кроме Ермолова, был также принц Вюртембергский. *«Позднее же, на бивуаке... принц поражал всех своими восклицаниями... «Это невероятно! Это будет колоссальный акт и в то же время героическое средство против этого страшного кризиса!»* [55] Свидетелем — это вряд

ли. А вот услышать от Михаила Илларионовича кое-какую ерунду о намерениях Ростопчина принц Евгений мог. То, что в напряженной обстановке влили в уши хотя бы двоим, становится общеизвестным. Вероятно, поэтому русские генералы (за исключением Беннигсена) не поднимали неприятных вопросов о стратегических московских запасах.

Ланской получил распоряжение о сожжении армейских лагерей, магазинов и складов. Главкомандующий не согласовал свои последние приказы с судорожными действиями Московского военного губернатора, надеясь на то, что тот *«считает пожар плененной столицы выгодным для России»* [56]. Поджоги военного имущества должны были стать примером для подражания в готовой разразиться общественной истерии. О душевных переживаниях Кутузова по поводу сдачи Москвы, которыми напичкана холуйская историография: *«Несколько раз за эту ночь слышали, что он плачет»* [57], при данных обстоятельствах можно высказаться только цинично. Распоряжение главкома о выводе из Москвы раненых было дано только в 9 часов вечера 1 (13) сентября: *«Они принуждены были оставить оную внезапно и идти по разным дорогам»* [58]. Не была эвакуирована Москва. Не мог ничего об этом говорить Ростопчин: *«До этого времени нельзя было ни истреблять, ни вывозить из города средства, которые могли послужить в пользу нашей армии, и потому Ростопчин приказывал отправлять только наиболее ценное казенное имущество и важнейшие дела из архивов; все же прочее оставалось в городе»* [59]. Главком перевалил на плечи Барклая де Толли заботу о дисциплине армии, которую предстояло провести через раздирающие душу сцены на улицах преданного города. Он знал, — денек предстоит непопулярный, а потому от ответственности и связанных с нею рисков уклонился. Ни свет, ни заря, полководец отбыл от войск и греха подальше. Беда для сотен тысяч людей, обманутых героико-патриотическим лепетанием «спасителя», пришла. Теперь все зависело от того, выдержат ли русская армия и общество моральный удар.

До какой степени М. И. Кутузов боялся нового боя с Наполеоном, показывает переданный начальником его канцелярии С. И. Маевским разговор, состоявшийся в ноябре 1812 года под Красным, к которому подходила уже бегущая из России, изможденная французская армия: *«Пламенный кн. Кудашев, зять его и советник, горя желанием одним уларом решить судьбу Наполеона и России, установился на самой дороге, или, как говорится, лоб в лоб Наполеону! Кудашев поручил мне*

просить светлейшего придать ему войска, что он ручается честью разбить все наголову и не выпустить ни души. Едва я сказал фельдмаршалу, как он закричал на меня: «Скачи ты к этому (тут Маевский многозначительно пропустил грубое слово. — А. Д.) чтобы он сию же минуту оставил свое предприятие и очистил дорогу. Он ребенок и думает, что это идет дело с обыкновенным человеком; а не знает того, что его ожидает. Мы имеем дело с Наполеоном! А таких воинов как он, нельзя остановить без ужасной потери. Для нас довольно и очень довольно выгнать его из России и уничтожить посреди бегства» [60].

Приведенная сценка не является поклепом, проистекая из глупо усвоенных Кутузовым правил Фридриха II, помноженных на пиетет к Наполеону. Как цитировал эти правила генерал-лейтенант Хатов: *«Лучше побеждать неприятеля голодом, хитростью и страхом, нежели сражениями, в коих нередко счастье более участвует, нежели искусство и храбрость. Не должно предпринимать сражения, когда имеем надежду одержать верх над неприятелем иными средствами, не подвергая собственную армию опасности, или большим пожертвованиям; особенно же, когда неприятель, не имея никаких средств к отступлению, может сохранить свою жизнь и свободу только отчаянным сопротивлением» [61].* Вот почему в Филях, предвидя гибель Москвы, верный почитатель Фридриха Кутузов не мог решиться ни на что, кроме отступления, а затем не встал на дороге у Бонапарта ни под Красным, ни на Березине.

1. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 179, 183. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 70, 71, 75.

2. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 273.

3. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 323.

4. Щербатов А. П. Ген.-фельдм. кн. Паскевич. СПб., 1888. Т. 1. С. 160.

5. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 26.

6. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 203. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 95.

7. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 79.

8. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 210–211.

9. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 26.

10. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 323.

11. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 248.

12. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 79–80. См. также: Беннигсен Л. Л. Записки о кампании 1812 г. // Рус. Старина, 1909. № 9. С. 501.*
13. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 26–27.*
14. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 203. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 95.*
15. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 27.*
16. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 80–81. См. также: Беннигсен Л. Л. Записки о кампании 1812 г. // Рус. Старина, 1909. № 9. С. 501–502.*
17. Там же. С. 81–82.
18. Ростопчин Ф. В. *Письма к супруге и дочери и заметки о 1812 г. // Рус. Архив. 1901. № 8. С. 461–462.*
19. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 204–205. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 96.*
20. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 82.*
21. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 251.*
22. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 312–313.*
23. *Истор. СССР с древн. вр. до наших дней. М., 1966–1980 гг. Т. 4. С. 131.*
24. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 250. С. 220.*
25. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 26.*
26. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 250. С. 220–221.*
27. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1823. Ч. 1. С. 308–309.*
28. Там же. С. 303.
29. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 4. Отд. I. С. 235.*
30. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 82.*
31. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 251–252.*
32. РБС. Т. 9. СПб., 1903. С. 678.
33. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 128. С. 138.*
34. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 328.*
35. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 252. С. 221–222.*
36. Там же. Док. № 253, 254. С. 222.

37. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 17.04.2018.
38. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 83.
39. Ростопчин Ф. В. Соч. СПб., 1853. С. 302.
40. Барклай де Толли М. Б. Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 28.
41. Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г. // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 99.
42. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 80, 81–82.
43. Там же. С. 88.
44. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 128. С. 138–139.
45. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 207–208. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 99–100.
46. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 425. С. 327.
47. Попов А. Н. Движение рус. войск от Москвы до Красной Пахры // Отеч. война 1812 г. М., 2010. Т. 3. Изгнание Наполеона из России. С. 6–7.
48. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 113. С. 118–119.
49. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 252.
50. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 103.
51. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 210.
52. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 331.
53. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 252–253.
54. Там же. С. 313.
55. Шницлер И. Г. Ростопчин и Кутузов. СПб., 1912. С. 120.
56. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 314.
57. Там же. С. 332.
58. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 127. С. 134–135.
59. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 269.
60. Маевский С. И. Мой век или истор. ген. Маевского // Рус. Старина. 1873. № 8. С. 161–162.
61. Хатов А. И. Турец. поход русских под предв. Голенищева-Кутузова. СПб., 1840. С. 174–175.

7.4. ОСТАВЛЕНИЕ МОСКВЫ. РОССИЯ НАД БЕЗДНОЙ

«Наконец, во мраке вечера, открылись двери избы, занятой фельд-маршалом. Один за другим начали выходить оттуда генералы, и мало-помалу, сперва шепотом, разгласилось намерение Кутузова оставить Москву. Из памяти очевидцев никогда не изгладится скорбь, овладевшая сердцами. Стыдно было глядеть друг на друга. С Москвой сопряжены были понятия о славе, достоинстве, даже самобытности Отечества. Отдача ее врагам казалась сознанием в бессилии защитить Россию» [1]. За своими генералами и офицерами наблюдали солдаты, еще накануне встревоженные странными приготовлениями к бою: «Солдаты наряжены (теперь уж видно, что для близиру) делать батареи; бывало, все большие и малые командиры осматривают, размеряют, хлопочут, а тут и взглянуть никто не хочет! Ну ведь все уже генералы примелькались... теперь гляжу: у кого было круглое лицо, вытянулось на аршин; у кого длинное, сжалось в комок... А эти люди, как известно, не трусливые, отчего же их так перековеркало? Все товарищи тоже заметили и также призадумались; тяжкое, неведомое горе разлилось повсюду» [2].

К двум часам ночи 2 (14) сентября войска получили приказ начать отступление (по Беннигсену артиллерия начала движение сразу после окончания совета) [3]. От солдат об этом узнало окрестное население, стали развиваться устрашающие события: *«Кругом столицы разливалось зарево пылающих сел и деревень»* [4]. В армии, *«желавшей победить или умереть у ее стен»*, питавшейся мечтою *«отдать жизнь за сердце отечества»*, произошли всеобщее негодование и ропот. *«Многие офицеры заявили, что если будет заключен мир, то они перейдут на службу в Испанию»* [5]. По воспоминаниям Маевского: *«Многие срывали с себя мундиры и не хотели служить после поносного уступления Москвы. Мой генерал Бороздин решительно почел приказ сей изменническим»* [6].

Бороздину вторил Дохтуров: *«Какой ужас!... Я прилагаю все старание, чтобы убедить идти врагу навстречу; Беннигсен был того же мнения, он делал что мог, чтобы уверить, что единственным средством не уступить столицы было бы встретить неприятеля и сразиться с ним. Но это отважное мнение не могло подействовать на этих малодушных людей... Какой стыд для русских покинуть отчизну без малейшего ружейного выстрела и без боя... Какой позор! Теперь я уверен, что все кончено, и, в таком случае ничто не может удержать меня на службе: после всех неприятностей, трудов, дурного обращения и беспорядков,*

допущенных по слабости начальников... ничто не заставит меня служить — я возмущен всем, что творится!» [7]. Ту же картину потрясения показывают все без исключения русские офицерские мемуары и дневники. Солдатская масса гудела: «Обман-де ребята, нас морочат... В иных полках и больно было меж собой заговорили» (до призывов к неповиновению. — А. Д.) [8]. Многие командиры, в свою очередь, считали, что пока солдаты говорят вполголоса «офицер не обязан этого слышать» [9]. Так и до бунта было недалеко. Все досадовали на главнокомандующего Кутузова. От сдачи Москвы, и до начала преследования Наполеона, войска, «видя его, не кричали «Ура!» [10].

«С рассветом мы были уже в Москве. Жители ее, не зная еще вполне своего бедствия, встречали нас как избавителей; но, узнавши, хлынули за нами целою Москвою! Это уже был не ход армии, а перемещение целых народов с одного конца света на другой» [11]. «Итак, 2-го город без полиции, наполнен мародерами, кои все начали грабить, разбили все кабаки и лавки, перепились пьяные, народ в отчаянии защищает себя, и повсюду начались грабительства от своих. В таком ужасном волнении... поутру поехал я узнать, подлинно ли армии отступили. Подъехал к Арбату, нашел, что войска уже все прошли, а драгунская команда унимает разграбление погребов и лавок. Я взял у начальника 2-х унтер-офицеров и 6-ть драгун, с ними поехал домой на Самотеку. Едучи, нашел везде грабежи, кои старался прекращать, и успел выгнать многих мародеров, потом велел уложиться своим повозкам и в 2 часа пополудни, при стрельбе и стечении буйственного народа и отсталых солдат едва мог с прикрытием драгун выехать и проехать. Везде уже стреляли по улицам и грабили всех. Люди наши также перепились. В таком ужасном положении едва успел я выехать из городу за заставу. Тут уже кучами столпился народ и повозок тьма заставили всю дорогу, ибо все жители кто мог уезжал» [12].

Рано утром у Дорогомилловской заставы столицы, покинувший свой штаб Кутузов, увидя беспорядок на запруженных беженцами улицах (тут он имел возможность лично оценить «правдивость» своих разъяснений Ермолову о разговоре с Ростопчиным), попросил своего ординарца, князя А. Б. Голицына, проводить его через Москву «так, чтоб, сколько можно, ни с кем не встретились». Он уехал одиноко, без свиты, выпустив из рук руководство войсками. На Яузском мосту Кутузов все-таки столкнулся с Московским главнокомандующим, который с нагайкой в руке старался очистить переход для артиллерии. Увидев Михаила Илларионовича, он обратился к нему со словами,

в которых, вероятно, было мало приятного. Богданович пишет только: *«Свидание фельдмаршала с Ростопчиным было очень сухо; Кутузов, не отвечая ему ни слова, несколько раз прерывал его речь приказаниями очищать мост»*. Кое-как миновав город, деморализованный воитель сел на скамейку при дороге, откуда (по консервативной исторической традиции) продолжал получать донесения от Милорадовича и отдавать приказания, попутно выслушивая упреки: *«Куда он нас завел?»* [13, 14] Ничего умнее, как это часто бывает, не придумали.

Путешествуя где-то возле вверенной ему армии, Михаил Илларионович не принял мер к облегчению отступления, хотя нужные для этого инженерные подразделения были сосредоточены под его личным командованием. Понтонные мосты, наведенные днем ранее через Москву-реку, так и остались в непотребных местах, и даже были сняты перед отступающими войсками. *«Легко вообразить, как замедлялось на каждом шагу движение войск, переходивших через реку Москву по единственному деревянному мосту, да и тот подломился и не мог быть вскоре исправлен, что заставило часть кавалерии и московское ополчение переправиться вброд через реку»* [15].

Беннигсен так описал это отступление: *«Мы могли бы понести большие при этом потери, если бы не явилась нам на помощь находчивость генерала Милорадовича, командовавшего нашим арьберггардом. Теснимый французами он был принужден скоро вступить в город Москву, улицы которой были все еще совершенно запружены артиллерией, пехотой, экипажами, обозами, всякого рода отсталыми, пьяными, лежавшими у кабаков... В таком критическом и затруднительном положении генерал Милорадович прибегнул к средству, отвратившему в значительной мере ту потерю, которой мы были подвержены. Он послал парламентаря с предложением королю Неаполитанскому заключить только на несколько часов перемирие, чтобы иметь время очистить город и сдать его французам, добавив при этом, что если король не согласится, он дорого заплатит за обладание Москвою... Французы, желавшие сохранить этот большой город... согласились на это предложение без затруднения... Но так как некоторые отряды французской кавалерии уже вступили в Москву, то и случилось, что французские кавалеристы и наши казаки действовали заодно и торопили наших отсталых и наши обозы, находившиеся в разных улицах, скорее очистить город. Вечером французы захватили, однако, несколько наших солдат, экипажей и, в особенности, немало телег, нагруженных вещами. Можно себе представить, что бы случилось с армией, и какие мы бы понесли потери, при на-*

шем отступлении, если бы генерал Милорадович своей находчивостью не отвратил бы всего этого» [16].

В изложении П. М. Капцевича: «Стеснение казенных и партикулярных обозов в улицах делает невозможным провести через город войска арьергарда из двух корпусов кавалерии, 10 казачьих полков и 12 орудий конной артиллерии состоящие... Положение арьергарда самое невыгоднейшее: ретироваться под сильною пушечною пальбою и быть отрезану и разбиту от превосходного числа войск, командуемых королем неаполитанским» [17]. Ему вторит И. Ф. Паскевич: «Подъезжая к Дорогомиловскому мосту, увидел я, что обозы и орудия перемешались и стоят неподвижно в два-три ряда на мосту, а пехота пробирается по одиночке через мост, оставляя все. Что ты видишь на этом мосту, то на всех улицах... Милорадович в ту же минуту нашелся... послал к Мюрату Акинфова... Сему распоряжению обязаны мы, что половину артиллерии, большую часть обозов успели спастись» [18]. В описании будущего русского фельдмаршала мы видим, что при отступлении через Москву армия потеряла часть артиллерии. Видно и то, что взхлеб описываемая панегиристами хитрость Кутузова вступить в переговоры с противником, облегчая прохождение Москвы, не существовала в действительности. Было лишь обычное для войн того времени письмо потерпевшего поражение полководца в адрес начальника Главного штаба Наполеона — маршала Л. Л. Бертье о человеколюбивом отношении к жителям столицы и брошенным в ней раненым [19]. Честь спасшей русский арьергард и саму армию военной хитрости принадлежит М. А. Милорадовичу, обыгравшему это письмо.

Командиру арьергарда было предписано совсем иное. А. А. Щербинин повествует: «1 числа сентября получает он отношение Ермолова, в котором по приказанию Кутузова извещается... о намерении сдать Москву, и что Милорадовичу предоставляется почтить древнюю столицу видом сражения под стенами ее. Это выражение взорвало Милорадовича. Он признал его макиавеллическим и отнес к изобретению собственно Ермолова. Если бы Милорадович завязал дело с массою сил наполеоновских и проиграл бы оное, как необходимо произошло бы, то его обвинили бы, сказав: «мы вам предписали только маневр», только «вид сражения». Если бы Милорадович отступил слишком поспешно и навел бы Наполеона на отступающую с огромными своими обозами армию, то сказали бы: «зачем же вы не испытали сражения, мы вам его предписывали». Далее Щербинин так описывает действия Милорадовича: «Фанфаронство, составлявшее черту в характере его, внушило

ему мысль к спасению армии. Провидение употребляет иногда слабости и самые пороки людей для достижения великих целей своих» [20].

Винценгероде, перед которым Кутузов не сдержал обещания обеспечить отход его отряда, писал царю: «Положение мое было затруднительно. Быв в деле с 4-м корпусом, удаленный на несколько верст от города, который, как меня уверяли, было предположено удержать ночью и в который дали вступить неприятелю... Надо было быть в сей день особенному для меня счастьем, чтоб с отрядом моим отделаться от неприятеля с честью... Признаюсь, что мне несколько прискорбно делать описание сие Вашему Императорскому Величеству» [21]. К отходившему через северные предместья Москвы отряду присоединился отрезанный от арьергарда Милорадовича Изюмский гусарский полк.

Можно бы усомниться, как это заодно друг с другом во время перемирия действовали французские кавалеристы и русские казаки, если бы не другие тому свидетельства: «Москва представляла любопытное зрелище: французы и русские толпились вместе в этом обширном городе... В девять часов вечера из Москвы выступил наш последний отряд. Мюрат вступил в нее в пять часов» [22]. «Чем более мы приближались к восточной части города, тем чаще и чаще нам попадались оставшие русские; были моменты, когда рядом с нами двигались и целые шеренги русских, мы их не трогали, они, разумеется, тоже не выражали желания сражаться с нами» [23]. По мемуарам де Сегюра, Мюрат, окруженный казаками, хвалившими его доблесть, отдал им свои часы, а взамен был одарен буркой. Маевский описывал, как «польские уланы, наскочив на наших, рубили на вальтрапах их вензеля «А», говоря: «ту нима Александра, ту Наполеон» [24].

Сколько в Москве было потеряно армейских обозов, читаем в письме Ростопчина от 3 (15) сентября: «Из главного обоза армии было захвачено около 5000 повозок» [25]. «Целые обозы с мукою, крупую, мясом и водкою, иные с лошадьми, другие без лошадей, преграждали дорогу» наполеоновским войскам. Что там обозы: «Послышался в соседней улице барабанный бой. Оказалось, что это был русский резервный батальон, прибывший прямо из Калуги и направлявшийся к Кремлю. Командир батальона, изумленный... сдался с 400 человек. Они были препровождены под конвоем в Кремль, а отсюда отосланы к Даву» [26]. Таковы обстоятельства, в которые Кутузов вверг вверенную ему армию.

Войска так растянулись и дезорганизовались, что пришлось, не отходя от города, сделать дневку. Арьергард остановился в Новопрображенском. На счастье, французы не преследовали. «Было довольно

покойно, дорога же вся была заставлена едущими из Москвы... Милорадович оставался не далее 5-ти верст от Москвы. Проходя город, его уже могли отрезать со всеми войсками, ибо неприятель взошел за Москвой-рекою по Калужской дороге и в Пресненскую заставу. Милорадович имел переговоры с Себастианием, они условились позволить всем выезжать от застав до 7 часов утра 3-го числа, и в тот час поставили цепь верстах в 3-х от города и захватили всех, кои тут случились. 4-го армия пошла далее отступить» [27].

Чутье не изменило Кутузову, — он скрылся вовремя. Негодованию войска не было предела. «Солдаты изнурены, падают от усталости и говорят: «В конце концов мы придем в Сибирь»... Адъютанты Кутузова кричат, что стыдно носить мундир, после того как Москва была так подло брошена. Солдаты грабят на глазах у генералов» [28]. «Мужественные воины содрогались... всюду видели горе, плач, отчаяние. Офицеры стали сходиться вместе для беседы о предстоящем, которое для всех было чрезвычайно непонятно; тут и рядовые... ускользали в ближайшиe лавочки, дома и погреба, открытые, как будто для угощения проходящих... К вечеру отошли мы от Москвы до с. Панки и увидели в городе пожар... Вот тебе и златоглавая Москва! Красуйся, матушка, русская столица, говорили солдаты с большой досадою» [29]. «Мы все с сожалением смотрели, как пожар усиливался... Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: «лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву» [30]. «Сердились на фельдмаршала за то, что оставил Москву без сражения» [31].

Мифы о современном уходе населения из Москвы опровергаются воспоминаниями солдат и горожан: «Московские жители теперь только догадавшиеся, что войска защищать их не будут, увидя беду неминуемую, — кто во что горазд и кто в чем попалю, пустились, родные, куда глаза глядят. Насмотрелись, брат, мы на разные чудеса... Здесь бары попали на простую телегу, запряженную в одну лошадь; ей невямоготу, а господа и погоняют, и пособляют! Там полупьяные лакеи, ввалясь в карету, на лихом шестерике несутся, что пыль столбом! Там, и родными, и чужими оставленная, бедная барыня, выходя из Москвы с кучею детей, в суматохе как-то потеряла маленького сына, кричит, рвет на себе волосы, но кто увидит или услышит бедную?» [32]. Из записок Г. Н. Кольчугина: «Причины, воспрепятствовавшие нашему выезду из Москвы, суть следующие: Первое, уверения начальства через издаваемые печатные афиши, что неприятелю в Москве не бывать, силы

его от разных поражений ослабели, наши превосходят, подтверждая сие уверение и самими сединами князя Кутузова-Смоленского. Второе, паспорта на выезд из Москвы, кроме женам и детям, давать было запрещено» [33].

Какой мог быть до рокового дня 2 (14) сентября выезд людей? Конечно, после сдачи Смоленска наиболее дальновидные и имеющие к тому средства горожане начали уезжать, о чем Ростопчин 18 (30) августа с пренебрежением писал: *«Женщины, купцы и ученая тварь едут из Москвы и в ней становится просторней»*. 22 августа отправились в эвакуацию первые учреждения: Оружейная палата и архив министерства иностранных дел. Сборы шли с прохладцей, в расчете на то, что враг будут отбит от города в подмосковном сражении, о котором оракулы громогласно вещали, что французы непременно будут разбиты и побегут. По воспоминаниям Н. Ф. Нарышкиной, урожденной графини Ростопчиной, лишь *«вечером 30 августа отец объявил нам, что мы должны выехать на другой день рано утром... никто еще не верил, чтобы город мог быть сдан неприятелю без долгой и упорной борьбы»*. Ввиду этого отъезд семьи губернатора был отложен на 1 сентября [34]. К этому времени остро не хватало лошадей и подвод, выпрошенных у Москвы лицемерным Кутузовым для не состоявшегося боя, а цены на транспорт взлетели до небес.

Князь Н. Б. Голицын 31 августа *«успокаивал тех, кто хотел оставить столицу, уверяя их в невозможности сдачи Москвы неприятелю без упорного сопротивления»*, будучи уверенным в истине своих заблуждений [35]. Как было не поверить, если его родной брат состоял адъютантом при М. И. Кутузове? В тот же день *«при выдаваемых «Московских Ведомостях» была печатная прокламация (афишка), в коей граф Ростопчин уверял честью своею и клялся сединами главнокомандующего армиями, светлейшего князя Кутузова, что французские войска не будут в Москве»* [36]. В доме графа Разумовского *«казалось, и не думали о вступлении в Москву неприятеля. Это сделали реляции главнокомандующего городом, графа Ростопчина, которыми он уверил население в полной безопасности... Люди графа Разумовского очень удивились, услышав от нас, что французы скоро будут здесь, и что я только что проскользнул мимо них»* [37]. Отставной генерал С. И. Мосолов только после ухода из города полиции *«узнал обманы афишек»*, и попал в оккупацию [38]. Архиепископ Августин получил уведомление о сдаче столицы в 11 часов ночи 1 сентября, после чего стали спасаться святые иконы Владимирская, Иверская и Смоленская [39]. О простых гражд-

данах нечего и говорить. Они были застигнуты бедой неожиданно. По множеству безыскусных и страшных рассказов очевидцев стон и рыдания стояли в народе [40].

«Даже Ростопчин не успел вывести многое и обозу своего не имеет, ниже рубашки своей. Многие армейские лишились обозов своих. С самой ретирады нашей начался пожар в Москве, и пылающие колонны огненные даже видны от нас. Ужасное сие позорище ежечасно перед нашими глазами, а паче страшно видеть ночью... Горестнее всего слышать, что свои мародеры и казаки вокруг армии грабят и убивают людей — у Платова отнята вся команда, и даже подозревают и войско их в сношениях с неприятелем. Армия крайне беспорядочна во всех частях, и не токмо ослаблено повиновение во всех, но даже и дух храбрости приметно ослаб с потерю Москвы» [41].

А вот французское свидетельство: *«Говорят, когда жителей изгоняли из города, то дети запрягали себя в кресла, в которые садились их старики-деды... За недостатком лошадей, разобранных в этом громадном бегстве, больных, параличных тащили на досках. Беременные женщины разрешались на улицах и погибали вместе с новорожденными... Жители Москвы не были подготовлены к бегству; их торжественно уверяли, что французская армия разбита при Бородине; в церквах служили молебны по случаю этого поражения; народ уверяли, что генерал Кутузов... спас Москву, согласно данному им обещанию, и все на этом успокоилось. Только 14-го сентября... народ догадался, что его обманывали» [42].*

Позволительно спросить, на каком материале А. Г. Тартаковский и прочие утверждали, будто из 275,5 тыс. (а по оценкам современников — 300 тыс.) жителей Москвы после ухода русской армии в городе осталось чуть больше 6 тыс.? [43]. Непроверенные исследователями данные А. И. Михайловского-Данилевского несостоятельны. Опирается надо на цифру в 50 тыс. беднейшего населения, указанную Ф. В. Ростопчиным. Ее же называет А. Д. Бестужев-Рюмин, который знал, что говорил, ибо был привлечен французами к деятельности оккупационного градского правления [44], но уже М. И. Богданович произвольно начал занижать это число до 40 тыс. К базовой цифре надо плюсовать лиц, не сумевших выехать по возрасту и болезням, дворовых, не имевших указаний от своих помещиков, и потому оставшихся в усадьбах, а также прочих жителей, не доставших себе транспорта и не рискнувших идти пешком. Как выйти старикам? Как бросить все имущество? Чтобы умереть через две-три недели при дороге?

Оценочно, к утру 2 (14) сентября 1812 года в Москве находились более 250 тыс. чел. (275 тыс. минус 40–50 тыс. убитых, плюс 30–40 тыс. прибывших с запада раненых и беженцев). Из них примерно 150 тыс. составили массовый исход этого дня. К моменту, когда французы выставили заградительные цепи, число оставшихся в Москве жителей и отставших от прошедшей русской армии ополченцев и солдат превышало 100 тыс. чел. Только концу московского пожара число горожан опустилось до пресловутых 50 тыс. (люди продолжали уходить), а затем, вследствие голода и французских репрессий — и того менее. После ухода противника *«в городе было найдено около 12 тысяч трупов. Значительная часть их — это жертвы расправы наполеоновских войск над жителями древней русской столицы»* [45]. Речь идет о телах, лежавших на поверхности или захороненных весьма неглубоко. А были и дотла сгоревшие, и похороненные по всем правилам в скверах и дворах. Их никто из земли не извлекал, памятники на этих могилах десятилетиями после войны стояли. И вот свидетельство тому: *«Отпели вашего дяденьку и похоронили в саду, при нашем доме, а сад был большой, тенистый; тут ему после и памятник поставили»* [46]. Сколько всего было жертв, включая погибших в обширных московских окрестностях, где трупы никто не считал, — Бог весть.

Персональной виной М. И. Кутузова было оставление в Москве множества, по разным данным, от 10 до 22,5 тыс. русских раненых, большинство из которых погибло в пожаре. Ф. В. Ростопчин 29 августа писал А. Д. Балашову: *«Теперь уже здесь более 11000 раненых, а еще столько же ожидать должно»* [47]. Поздним вечером 1 сентября он пишет: *«Бросают 22000 раненых, а еще питают надежду после этого сражаться и царствовать!»* [48]. Из этих несчастных, по данным Богдановича, при освобождении Москвы были обнаружены живыми 22 офицера и несколько более 1300 нижних чинов, размещенных в Странноприимном доме графа Шереметева и главном госпитале. Как повествует Ермолов: *«Душу мою раздирает стон раненых, оставляемых во власти неприятеля. В городе Гжатске князь Кутузов дал необдуманное повеление свозить отовсюду больных и раненых в Москву, которых она до того не видала, и более двадцати тысяч их туда отправлено. С негодованием смотрели на это войска»* [49].

Проходивший через Москву в составе русского арьергарда Клаузевиц вспоминал: *«Самое тягостное зрелище представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и надеялись, что их увезут. Все эти несчастные были обречены на смерть»* [50]. Даже

для феодального времени это было верхом барского пренебрежения и цинизма. Французы спасли лишь офицеров, а за лютой смертью прочих наблюдали. Если добавить к числу обреченных в Москве солдат еще от 10 до 17 тыс. раненых, брошенных у Бородина и сгоревших в пожаре Можайска, — от эпического образа народного полководца, «спасителя армии и отечества», не остается ни понятия, ни слова на слове. С ранеными погиб резерв опытных бойцов для русских войск. Не удивительно, что за счет выздоровевших солдат Главная армия пополнялась меньше, чем корпус Витгенштейна.

Вступая в русскую столицу, завоеватели чрезвычайно приободрились, ожидая предложений о почетном и выгодном мире. Наполеон, въехавши к 14 часам 2 (14) сентября на Поклонную гору, не мог сдержать торжествующего возгласа: *«Вот, наконец, этот знаменитый город!»* Его солдаты восторженно *«хлопая в ладоши, повторяли с восторгом: Москва! Москва! — как моряки кричат «Земля! Земля!» в конце долгого и трудного плавания... Лица осветились радостью. Солдаты преобразились»* [51, 52]. *«Понятно то чувство горделивой радости, которой были преисполнены, когда мы одни из первых вступали в этот интересный город. Эта радость заставила нас позабыть даже прошлое. Мы чувствовали себя победителями»* [53]. Не почивай Бонапарт на лаврах, а настигни русскую армию, агонизирующую близ Москвы, — судьба Кутузова и память о нем сложились бы иначе.

Обструкция с оставлением Москвы большинством жителей и отсутствием делегации с ключами от города, не так уж сильно, как то принято в российских исследованиях расписывать, умеряла французский энтузиазм. Тем более, кое-какая делегация все-таки была: *«Когда император прибыл в предместье Москвы, то Мюрат, который с авангардом уже вступил в город, послал ему донесение, что его ожидает депутация жителей Москвы, умоляющих его о пощаде города и предлагающих его ввести. Впоследствии и в самом деле явилась депутация из низшего класса населения и нескольких иностранцев, которые с трудом спаслись от ярости московских граждан, объявивших их изменниками. Однако, появление этой депутации послужило причиной появления слухов в армии, что император вступил в Москву при ликовании населения»* [54].

Захватчикам достались огромные трофеи. Ростопчин в оставшиеся ему часы мог сделать и спасти не много. Такого количества своих старинных боевых реликвий, как в Москве 2 сентября 1812 года: 1061 русских, польских, турецких и прочих трофейных знамен, более 1000 штандартов, булав и других знаков военной власти [55], — русские

никогда, ни раньше, ни позже, врагу не оставляли. Это был неслыханный позор, подходя к освещению которого, ура-патриотические источники сразу теряют прямой словесный дебит, пуская струи фраз в произвольных направлениях. *«Удивлялись тогда, удивляются и теперь и будут всегда удивляться, что эти памятники отечественной славы... были оставлены неприятелю, — писал Липранди. — Ростопчин может основательно повторить сказанное им в письме, что «если бы Кутузов за два дня предупредил его о намерении оставить столицу, то он распорядился бы, и... не оставил бы их неприятелю».* Кутузов даже поутру 2 сентября мог послать подразделение для выноса реликвий, но предпочел унести из армии и Москвы самого себя [56, 57]. В дальнейшем были отбиты у врага и возвращены единицы святынь.

Вот как в результате дезинформации от главнокомандующего и самоуспокоенности московских властей вывозились государственные сокровища: *«Начальник дворцовой экспедиции Валуев, страшась за судьбу государственных сокровищ, вверенных его заботам, неоднократно обращался к Ростопчину за указаниями, предлагая начать перевозку сокровищ в безопасное место, но Ростопчин давал успокоительные ответы. Вполне доверяя осведомленности Ростопчина, Валуев не делал никаких приготовлений к переезду и даже продолжал работы в строящихся зданиях Синодальной типографии и здании для хранения государственных сокровищ, которому суждено было, через несколько дней, подвергнуться разрушению. Через некоторое время Валуев сам понял, что дальше медлить нельзя... Многие принуждены были оставлять. Не было ни средств, ни времени для укладки»* [58].

В столице было брошено все вооружение арсенала: 156 пушек со 141 зарядным ящиком к ним; 277,5 тыс. различных снарядных комплектов; 75 тыс. ружей, 7 тыс. карабинов, мушкетов и штуцеров; 40 тыс. сабель, 15 тыс. тесаков и палашей, и многое другое. Губернатор успел только открыть арсенал для раздачи оружия всем желающим и потопить 35 тыс. пудов пороха и свинца. Оружие, которого хватило бы на рекрутов и ополчение всех окрестных губерний, было потеряно. Ярославские, Владимирские, Рязанские, большая часть Тульских и Калужских дружин так и остались с пиками, лишившись возможности заметный вклад в борьбу. Эти данные, в свое время адекватно исчисленные Михайловским-Данилевским [59], оказались припрятаны в самом конце одного из томов советского собрания документов Кутузова, с бесстыдным комментарием, намекающим на то, что во всем было виновато *«беззаботливое артиллерийское начальство»* [60].

С Ростопчина вина была снята, поскольку он представил следственной комиссии письма Кутузова, который уверял его в своем твердом намерении дать генеральное сражение под Москвой. Эвакуация арсенала из Москвы могла произойти только по приказу главнокомандующего армиями, которого не последовало [61].

Французы с удовольствием воспользовались московским вооружением, изъяв из арсенала около 100 годных орудий и десятки тысяч ружей. *«По словам полковника Денцеля, в городе, в нескольких удаленных от центра магазинах, нашли несколько сот тысяч фунтов пороха, а также селитру, серу и готовые артиллерийские снаряды; все это очень пригодилось для нашей армии, в которой имелись боевые припасы только на одно сражение»* [62].

Всего, по артиллерийской и интендантской частям, было утрачено казенного имущества на сумму 4 млн 847 тыс. 717 руб. 56 коп., списанную в 1817 году *«как произошедшую по тогдашним непредвиденным военным обстоятельствам»* [63]. Богатство, утерянное частными московскими лицами, вообще не поддается исчислению. *«Французы... захватили большую добычу в домах этого города, служивших целые столетия складом великолетия и роскоши всей России»* [64]. Только один Московский губернатор обеднел на полмиллиона рублей.

Печально то, что Михаил Илларионович мог предупредить Федора Васильевича, не порождая паники. С момента отступления с Бородинской позиции он должен был понимать: не допустить врага в Москву будет сложно, да только заботами о собственной родне кончилось все беспокойство Кутузова. Там, где не было его личных убытков, все могли дважды помереть и трижды разориться, — «спасителю» все равно было. Не будь прорехи на человеческих качествах, шире понимай он военный и гражданский долг полководца, то указал бы Московскому губернатору на угрозу диверсий и обходов, требуя не медлить с эвакуацией, становившейся необходимой при ближней обороне столицы. Такая постановка щепетильного вопроса не мешала главному продолжать свои декларации разбить Наполеона под Москвой.

Вместо этого Кутузов предпочел по-военному бездарный, а в гражданском смысле — подлый вариант, прикрыв его ложью в адрес Александра: *«По совещании с первенствующими нашими генералами... должен я был решиться попустить неприятеля взойти в Москву, из коей все сокровища, арсенал и почти все имущества как казенные, так и частные, вывезены и ни один дворянин в ней не остался»*. Ошарашен-

ный царь, готовя этот текст к опубликованию, понимая, каким гулом отзовется сообщение во всех классах русского общества, зачеркнул слово «*дворянин*», прописав вместо него «*почти житель*». Проговорку о том, что часть своей армии полководец погубил: «*С войсками, которых успел я спасти, делаю я движение*», самодержец тоже зачеркнул, написав поверху «*с армией*» [65]. И пошла гулять сказка о полной эвакуации Москвы и гениальном воителе, будто бы без потерь проводившим русскую армию через проклиняющую его столицу. Судьба напоследок даровала Кутузову еще одно счастье: он почил в 1813 году, когда разбирательство о чудовищных московских убытках только начиналось. Самодержец тоже был виноват. С начала июля 1812 года он много рассуждал в своих письмах Н. И. Салтыкову об эвакуации Петербурга, но советов и приказов для Ростопчина, как и когда приступить к вывозу сокровищ, святынь, реликвий и арсенала из Москвы, — у прожектера не нашлось.

Теперь о продовольственных и вещевых потерях. Подходя к Москве, наполеоновская армия была на пределе обеспечения продовольствием, фуражом и бытовыми товарами. В день Филевского совета Витгенштейн докладывал о противнике: «*Он до сих пор, укрепясь и окопавшись в Полоцке, умирая совершенно с голоду, не смеет ничего против нас предпринять*» [66]. То же самое произошло бы под Москвой, воспользуясь Кутузов не единожды выпадавшими ему шансами задержать Наполеона. Но сдача Москвы восполнила все вражеские недостатки. Французские мемуаристы живописуют оставленные в Москве запасы: «*Сахарные заводы, особые склады съестных припасов, калужскую муку, водку и вино со всей страны, суконные, полотняные и меховые магазины*» [67, 68, 69]. У французских солдат всего стало «*по горло*», добыча портилась и проматывалась. «*Мы не умрем от голода, как можно было одно время этого бояться; мы, можно сказать, плаваем в изобилии*» [70]. Захватчики впервые в жизни ели «*обыкновенные в России, редкие во Франции и неизвестные в Италии*» ананасы из подмосковных оранжерей, умозаключая: «*Едва ли Россия разорением своей столицы выкупила себе другие выгоды*» [71].

«*Мы внезапно очутились среди невиданной роскоши. Солдаты пьют самые дорогие вина и много шампанского... Одна из рот сделала попытку сварить картофель в шампанском... Особенно хорошо я удовлетворен разными колониальными товарами, а также несколькими сортами рыбы; т. к. у нас имеется также и мясо, хлеб и вино, то нам ничего не остается желать большего... В городе открыли монетный двор и в*

нем большое количество серебра в слитках... Целые роты французских солдат с этими слитками проходят через ворота и продают слитки значительно ниже их стоимости... За сложенные нами 8 червонцев привезли нам приблизительно на 2000 талеров серебра в слитках» [72]. По уверениям графа П.-Л. де Боволье, эти слитки были цинковые и композитные. Они имели форму слитков серебра, причем штампель был похож на клеймо, которое ставилось в Париже продавцами золотых и серебряных слитков. Что-то тут неверно, поскольку сегодня принято, что первый в России цинк был получен на Алагирском заводе в 1905 году. Медных же денег была в Москве брошена масса без счета [73].

То же самое свидетельствуют с русской стороны: «Когда оставляли Москву, то никто и ничего не думал жечь, исключая казенных запасов... Во всяком доме были мука, крупа, сено, овес и проч... Было довольно всякого продовольствия, а потребителей-жителей осталось очень мало; лошадей и совсем не было. Что же касается до предметов роскоши, например, сахару, чаю, кофе, вина и проч., то всего было даже слишком изобильно. Если бы французы приняли меры, чтобы никто не ходил по дворам, а отряженными командами забирали продовольствие и выдавали его порядком, то можно полагать, что они не только не нуждались бы в продолжение всего прожитого ими в Москве времени, но, кажется, стало бы им и на зиму» [74]. «Хлеба, сукон и всего нужного для армии довольно осталось» [75].

Много богатств, ценностей и продовольствия погибло в бушевавшем до 8 (20) сентября пожаре, но не все (сильный огонь начал разгораться с 4 числа, не затронул предместья и подвалы). Французская армия наладила дисциплину и после пожара активно вывозила имущество и продовольствие на собственные, вновь создаваемые склады, одевалась к холодам: «Я очень рад, что команды, высланные в город, нашли несколько подвалов с обыкновенным сукном для брюк и шинелей, а также и кожу для подметок. Я устроил мастерские для шитья этих вещей. 850 чел., из которых теперь состоит наш полк с его артиллериею, будет одет заново с этих припасов, такая же удача выпадает и на долю двух легких батальонов, состоящих при полку. Мы нашли здесь и хороший холст для белья» [76]. Не будь этих запасов, Наполеон не продержался бы в Москве следующие пять недель, и вообще не смог бы отступить из России.

Восходящее к Михайловскому-Данилевскому мнение, будто Наполеону в столице не досталось продуктов, и уже в сентябре — начале октября в его армии свирепствовал голод, было давно и убедительно

разгромлено И. П. Липранди. Приведя массу фактов, он заметил, что суждения о недостатке продовольствия, основанные на обнаружении кошек в котлах, не имеют под собой никакой почвы, кроме национальных гастрономических пристрастий [77]. Зато *«Московский университет, основанный в 1755 году императрицею Елисаветою, сгорел с содержавшимися в нем библиотекою, физическим кабинетом и анатомическим музеем»* [78], его профессора бедствовали. Для русских образования и науки это был поистине александрийский пожар. Уже при черновом описании французских трофеев и русских потерь, становится очевидным, что сражение за Москву, чтобы задержать Наполеона, надо было давать. Сколько бы армия не потеряла в битве за столицу, поспешно и неожиданно бросая ее, Россия теряла больше.

Споры о причинах пожара Москвы не утихают двести лет, хотя на основании первоисточников этот вопрос решается вполне определенно. Как сказал Богданович: *«История не должна приписывать бедствие постигшее нашу древнюю столицу ни злобе Наполеона, ни самоотвержению москвитян. К чему нам оскорблять истину хвастливым изложением небывалого подвига?»* [79]. На самом деле все было... трудно подобрать слово, — пошлее. Повторимся, что столицу к сожжению никто не готовил, ибо не предполагалось ее сдачи врагу. Не имели такого умысла Наполеон и его маршалы, не собиравшиеся уменьшать значимость достигающегося им военно-политического и материального приза. Назначенный губернатором Москвы маршал Мортье долго боролся с огнем, привлекая для этого *«все полки, фузилеров и даже молодую гвардию»* [80].

Уход военных и гражданских властей, потеря управления массой остающейся в городе бедноты, подстрекнули серию бездумных и криминальных поджогов. Оккупанты столкнулись с разного рода самодельными мстителями — группками ополченцев, оставших русских солдат, и просто горожан, вдребезги пьяных, действовавших как по патриотическим мотивам, так и *«в надежде на возможность грабежа»*, наблюдая *«мужчин с зверскими лицами, покрытых лохмотьями и разъяренных женщин, блуждавших среди пламени и дополнявших собой ужасную картину ада»* [81, 82, 83]. Во французской армии тоже хватало порочного и безответственного человеческого материала. Коленкур признавал, что *«несчастный город Дорогобуж, который русские оставили нам нетронутым, загорелся от костров наших бивуаков, расположенных слишком близко от жилых домов... у нас... было мало порядка»*. Когда Наполеон, опасаясь начавшегося пожара, на

несколько дней покинул Москву, *«его отъезд... послужил сигналом к самым серьезным беспорядкам. Спасенные от пожара дома были разграблены. Несчастные жители, оставшиеся в городе, подвергались избиениям»* [84]. Небрежность наполеоновских войск с огнем отмечалась и в Смоленске [85].

По-немецки педантичный вестфальский штаб-офицер фон Лосберг, описал сплетни о происхождении московских пожаров и попытожил их лучше всех: *«Известно только, что на улицах было найдено несколько убитых русских из низшего слоя населения, которые имели в руках зажженные смоляные факелы. Однако, из этого нельзя вводить преждевременных заключений, ибо, после оставления города лучшей частью населения и властями, он оказался в руках черни, бродяг... Этот городской пролетариат, конечно, не стеснялся ни убийствами, ни поджогами, для удовлетворения своих страстей к грабежам и обогащению. Последнее обстоятельство, в связи с тем, что в армии... развилась система тренерства и мародерства, а также благодаря архитектуре русских домов с их хлебопекарными печами, которыми пользовались весьма небрежно, мне представляется достаточным для того, чтобы объяснить происхождение отдельных пожаров и страшное распространение, затем, огня, вследствие недостаточности противопожарных средств»* [86]. Действительно, пожарная опасность Москвы замечалась неоднократно. *«Небывалый по размерам пожар»* уничтожил полгорода в 1737 году [87].

Таким образом, все, что требовалось от Михаила Илларионовича и Федора Васильевича, — это, сохраняя руки чистыми, «подрегулировать» обстановку. В отличие от Милорадовича, добросердечно просившего французов не трогать Москвы, Кутузов и Ростопчин, думая об исходе войны, каждый в отдельности, решили иначе. Первый распорядился вывезти из города *«пожарные команды... единственно только с трубами»*, и отдал доверенным полицейским чинам негласное распоряжение *«стараться истреблять все огнем»* (имея в виду не город, а казенные склады и магазины с запасами). Он же распорядился провести конвоирование колодников в числе 529 чел. из Бутырского тюремного замка в Рязань не заблаговременно, а утром панического дня 2 сентября, так что они разбежались, увеличив число поджигателей. Второй распорядился о сожжении армейских складов и магазинов с продовольствием, фуражом, боеприпасами, и приказал отправить к армии всю команду Московской управы благочиния, к которой принадлежали пожарные служители и их инвентарь [88]. Не было воз-

можным жесть открыто, как в Рущуке, но и такие меры должны были гарантировать надвигающийся коллапс. С обилием ссылок на первоисточники эти тайные действия описаны Н. А. Троицким [89].

Не нужно было создавать команды факельщиков и закладывать горячие смеси в дома (хотя имелись факты подкладки фитилей и артиллерийских гранат в печи). Тот же фон Лоссберг, в отличие от политизированного Коленкура, утверждал, что ему неизвестны случаи, чтобы кто-то из задержанных поджигателей сознался в полученном ими от губернатора приказе [90]. Не факт, что даже если бы в городе остались пожарные с трубами, его можно было спасти от огня, потому что неожиданно *«поднялся неистовый ветер»* [91, 92]. По рассказу Коленкура: *«Ветер... далеко разбрасывал огромные головни, которые, падая, как огненный дождь... зажигали другие дома и не позволяли самым отважным людям оставаться поблизости. Воздух был так накален, горящие сосновые головни летели в таком количестве, что балки, поддерживавшие железную крышу арсенала, загорелись. Крыша кремлевских кухонь была спасена только потому, что там поставили на крыше людей с метлами и ведрами с водой, чтобы сбрасывать головни и смачивать кровлю. Лишь при помощи неслыханных усилий удалось потушить пожар в арсенале. Там был император, а в его присутствии гвардия была способна на все... Люди дышали огнем, и даже на обладателях самых здоровых легких это сказывалось потом в течение некоторого времени. Мост к югу от Кремля был до такой степени нагрет раскаленной атмосферой и падавшими на него головнями, что загорался каждое мгновение, хотя гвардия и в частности саперы считали для себя вопросом чести спасение этого моста... Более минуты нельзя было оставаться на одном месте; меховые шапки grenадеров тлели на их головах»* [93].

Так Москва из-за поджогов казенных складов, действий разных безответственных грабителей, отсутствия средств пожаротушения, сухой ветреной погоды и архитектурных особенностей застройки, оказалась обречена на уничтожение огнем, — единственной стихией, которой можно было компенсировать позорную и нерасчетливую сдачу богатств и запасов не эвакуированного города Наполеону. Н. Ф. Дубровинным было опубликовано донесение Правительствующему Синоду директорского товарища московской синодальной типографии Павла Левашева [94]. В этом подробном источнике по обстановке в Москве с 31 августа по 27 сентября (когда Павел покинул столицу под угрозой голодной смерти), можно найти подтверждения всему сказанному выше. Много интересного можно почерпнуть из записок

и донесения Министру юстиции от члена Вотчинного департамента А. Д. Бестужева-Рюмина [95].

Думается, никто вполне не предвидел эпический размах бедствия. Михаил Илларионович должен был хвалить себя за своевременно пущенную в оборот версию, делающую инициатором пожара графа Ростопчина, а тот отпирался и утверждал, что пожар Москвы *«никогда ни приуготовлен, ни устроен»*, после чего писал: *«Я велел выпроводить из города две тысячи сто человек пожарной команды и девяносто шесть труб... Был также корпус офицеров, определенный на службу при пожарных трубах, и я не рассудил за благо оставить его для услуг Наполеона, выведши уже из города все гражданские и военные чины»* [96]. В своем письме от 9 сентября губернатор отметил: *«Я хорошо знал, что пожар неизбежен. 30000 французских разбойников да несколько тысяч русских мародеров пустились в грабеж домов»* [97], и это окончательно разъясняет смысл его обращения к Кутузову, подслушанного Ермоловым в Филях. Не приговорен, а неизбежен при оставлении города, — вот позиция губернатора, и она делает Кутузова главным виновником уничтожения Москвы. По совести — это правда.

Клаузевиц писал, что Московский губернатор *«приблизительно через неделю после начала пожара отмахивался руками и ногами от начинавшей тогда только зарождаться мысли, будто он поджег Москву. Те беспорядки, которые видел автор на улицах Москвы при прохождении арьергарда, и то обстоятельство, что столбы дыма впервые стали подниматься над окраинами города, где еще хозяйничали казаки, привели его к убеждению, что пожар Москвы являлся следствием этих беспорядков»* [98]. Тем не менее, Ростопчина, навлекшего на себя подозрения собственноручным сожжением своего прекрасного имения Вороново при отступлении армии за Москвой, многократно (и частью справедливо, так как здесь было не просто бездействие, а несколько больше того) объявляли виновным за московский пожар. Усомнился и Клаузевиц. Традицию осуждения Ростопчина довершили французские мемуаристы и бестолковые дамы его собственного семейства, которым нечем было гордиться, кроме как приписать своему роду ура-патриотическое преступление.

Но ведь за Московским губернатором спрятался Кутузов! Юридически вина лежит на нем, потому что с момента его прибытия к Москве, военный губернатор города подчинялся главнокомандующему всеми армиями: *«Когда нога Кутузова ступила на землю московскую, тогда не воля Ростопчина, а воля Кутузова была в Москве. Не граф Федор Василье-*

вич, а опытный наш полководец клялся сединами своими, что неприятель только по трупу его войдет в древнюю столицу... Как градоначальник, не подчиненный еще вождю войска, граф все сделал для Москвы» [99].

Кутузов, космически далекий от признания вины и самопожертвования, никогда не брал на себя толики ответственности за страшное бедствие, не указывал на губительную для него истину и не пытался защитить Ростопчина, лишь подливая намеками масла в огонь слухов. А тот пал жертвой своего ура-патриотического ослепления и неуклюжих оправданий. Не стоило губернатору безосновательно порочить Барклая, умиляться старым интриганом, тормозить эвакуацию и совершать действия, противоречащие долгу градоначальника. Ему легче было оправдаться за оставление в городе пожарных команд и труб, чем за их вывод. Увы, позднее прозрение ура-патриотов, после того, как они успевают совершить серию глупостей, является правилом, а не исключением.

Если вдуматься, — содеянное с Москвой Кутузовым, похоже на катастрофу, какую веком раньше принес Украине Мазепа, ловко приведя на ее землю две враждующих армии, подставив под осаду Карла XII Полтаву, а под разгром войск Петра I гетманскую столицу Батурин. В обоих случаях фатальный исход наступил вследствие неумных интриг и разнузданной лжи, которые часто решают проблемы удержания власти и благосостояния, но никогда не помогают народу и отечеству. Страшное зарево, причинив колоссальный урон России, не так уж сильно, как принято считать, сказалось на наполеоновской армии. Низкая эффективность характерна для спонтанных и паллиативных мер. Судить о «полезных» последствиях сожжения Москвы надо с позиции оккупантов, которые должны были от этого пострадать, они же говорят следующее: *«Девять десятых города горела. Но, несмотря на то, что русские сожгли много запасов, армия отыскала еще много нетронутых и продовольствовала себя ими в избытке» [100].*

«Не участвовавшие в этой кампании, говорят, что пожар Москвы был погубителью армии; что касается меня и многих других, то я думаю, наоборот, что русские могли бы и не поджигать города, а просто увезти с собой или побросать в Москву реку все продовольствие, опустошить край на десять лье в окружности... и тогда нам, по прошествии двух недель, поневоле пришлось бы убраться. После пожара все еще осталось достаточно жилищ, чтобы поместить всю армию, и даже если допустить, что все жилища сгорели — и тогда остались бы подвалы» [101]. Клаузевиц, говоря, что *«пожар Москвы был очень невыгоден для фран-*

цузов», основным фактором перелома в ходе войны называет не его, а то, что Наполеон по соотношению сил и пространств *«не находился в условиях, допускающих расположение на зимних квартирах»* [102]. Так за что заплатили своими жизнями множество русских людей, брошенных на произвол судьбы?

Французская армия быстро начала расправы над неблагонадежным элементом. Приказ о казнях был отдан 4 (16) сентября. В Москве появились площади повешенных [103]. О бедствиях тысяч бездомных, скитавшихся подле брошенной столицы, мы вообще ничего не ведаем, узнавая об их существовании не от наших «народных» историков, а от французских мемуаристов: *«Мужественные, энергичные, обросшие бородой лица сохраняли отпечаток глубокого, мрачного и сосредоточенного горя. У женщин в лицах видна была большая покорность судьбе, но и здесь нетрудно было угадать, какие тревоги пришлось им пережить... Мне горько было за участь стольких несчастных семейств, женщин, стариков, детей»*, — повествует о встрече с беженцами близ Воскресенска Ц. Ложье [104].

23 сентября (5 октября) 1812 года, при встрече с посланцем Наполеона, графом Ж. А. Ло де Лористоном, Кутузов заявил о московском пожаре: *«Я хорошо знаю, что это сделали русские. Проникнутые любовью к Родине и готовые ради нее на самопожертвование, они гибли в горящем городе»* [105]. К тому времени, поняв, что царская гроза над ним рассеялась, свежееиспеченный фельдмаршал опять превратился в пафосного говоруна, неспособного, однако, убрать захватчиков с русской земли силой оружия. Зато начало прозревать дворянство. В те дни с Владимирской дороги А. И. Тургеневу было отправлено следующее письмо: *«Несчастливая Москва в награду своей ревности, щедрости и привязанности к отечеству горит, пламя видно за 130 верст. Горе тому, кто отдал ее, велик его ответ перед Богом, пред отечеством и потомками. Сто тысяч солдат можно набрать, но того, что потеряно в Москве, того помещикам никакая сила земная возратить не может, не говорю о пятне, о бесчестии... которое одним только совершенным разбитием, истреблением врагов загладиться может. Не оправдал Кутузов всеобщих ожиданий»* [106].

Главной работой Кутузова на победу была не военная, а политическая. Правильно видя общую обстановку, и рассчитывая на скорый конец времени собственного позора и бессилия, он цеплялся за свое положение, искал «стрелочников», подъядал конкурентов, но всегда *«подчеркивал, что резко возражает против каких либо мирных пере-*

говоров». (Речь шла о политических переговорах, а частные, с целью обмана противника, он себе позволял). Этим главнокомандующий способствовал тому, что «в Петербурге совершенно правильно оценивали оборот, который принимала война». Здесь фельдмаршал был более дальновиден, чем измученный недоверием и неудачами Барклай, за две недели до французского отступления будто бы сказавший Клаузевицу, что «из всей этой истории никогда ничего путного не выйдет» [107]. Однако Михаил Илларионович был не один мудрый такой. К примеру, Винценгероде тоже писал государю: «Я с достоверностью повторяю Вашему Величеству, что неприятельская армия весьма далека от того, чтобы быть ей в хорошем положении. Наполеон обещал им мир в Москве. Если они еще будут обмануты, то сие произведет весьма дурное над ними влияние» [108].

Посреди вихря бед Москвы и громадных личных рисков, заняв место главнокомандующего, отходом и спасением армии распорядился Барклай де Толли, не обремененный придворными страхами, привычный к ропоту войск. Его никто не видел сидящим на скамейках, дрожках и лавочках; не было ему отдыха в окружении офицеров, передававших донесения и приказы. «Солдаты шли уныло в рядах, генералы и офицеры по своим местам. Во время перехода войск по набережной, между кремлевскою стеною и рекою, у каменного моста, для наблюдения за порядком марша, стоял главнокомандующий 1-й армией» [109]. Как вспоминал Маевский: «Через Москву шли мы под конвоем кавалерии, которая, сгустивши цепь свою, сторожила целость наших рядов и первого, вышедшего из них, должна была изрубить в куски, не смотря на чин и лицо» [110].

Железная дисциплина была введена Барклаем 1 сентября, во время кутузовских метаний, соблюдаясь «столь строго, что по улицам Москвы не бродило ни одного солдата, не смотря на то, что мы находились всего в двух верстах от города». «Генерал Барклай лично следил за всем... разъезжая по улицам и постам, смотря как мимо него проходили батальоны, артиллерия, парки и экипажи... Каждому из нас был дан отряд казаков для того, чтобы выгонять солдат из кабаков и поребов, и не допускать их в дома. Казаки задерживали всех тех, кто нес бутылки с водками и наливками, и разбивали бутылки пиками. Благодаря этим мерам Барклаю удалось спасти войска от неминуемой гибели» [111]. «Его деятельность и терпение в сей день были чрезвычайны. Восемнадцать часов сряду оставался он на коне, разослав своих адъютантов с казачьими командами по всем улицам, где проходили войска, для ускорения их марша и для сбора

отсталых. Геройская неустранимость, выказанная Барклаем перед лицом всей армии в Бородинской битве, и благоразумные меры, им принятые при отступлении наших войск через Москву, стяжали ему преданность русского воинства и уважение всей России». Тем не менее, частичная дезорганизация была неизбежна: «Уступка Москвы без боя изумила армию и как будто бы расторгла связь обычной дисциплины наших войск» [112].

«Привал не был похож на прежние, где очень редко можно было увидеть какого-нибудь мужика. Тут были всех сортов экипажи и люди, особенно по сторонам дороги; мужики стояли не по линиям корпусов, а бродили везде, выпрашивая сенца для лошадей, а часто и сухарей для себя, потому что, второпях, многие не успели захватить и самого необходимого» [113]. Слоеный пирог из войск и беженцев в случае боя подвергался большой опасности. Как только предосторожности ослабли, продолжилось дезертирство, и строгие меры пришлось принять вторично: «Побеги солдат... весьма увеличились после сдачи Москвы... В один день переловили их четыре тысячи» [114]. Большую часть оставших в Москве выловили французы: «Весь вечер и всю ночь наши патрули только и делали, что приводили нам русских солдат, которых находили в разных частях города — пожар заставлял их вылезать из своих сокровенных убежищ. Между ними было два офицера» [115]. Фон Лоссбергу было поручено конвоировать в Можайск 2000 военнопленных, а всего вестфальский корпус уводил их 4000. «Во время пятидневного марша от Москвы до этого города я увидел человеческую нужду в самом отвратительном виде. Слава Всевышнему, что эти дни миновали!» [116]. Как видно, потери личного состава русской армии при оставлении Москвы считались многими тысячами, как в крупной битве.

Когда 7 (19) сентября возник новый кризис доверия войск, перед готовой взбунтоваться армией опять появился не народный герой Кутузов, а серенький, славный Барклай: «Не понимая флангового марша, и не видя перед собой неприятелей, все думали, что конечно идут переговоры о мире; даже носились слухи, будто бы российское правительство уступает Наполеону все пройденные им губернии до Днепра, с городом Смоленском, и сверх того дает вспомогательный корпус войск для истребления в Индии английских владений. По этим ли слухам, или потому, что дымящаяся в пепле Москва все еще находилась перед глазами нашими, только общее негодование в войске и патриотический ропот в рядах воинов увеличились до того, что заставили обратить на себя внимание главного начальства. Для успокоения сынов России... тот на кого более обращалось это негодование, как на производителя бесконеч-

ной ретирады и причину несметных потерь, решился явиться сам перед войсками, со спокойным челом, уверенный в правоте своей... Так главнокомандующий 1-й армией Барклай де Толли ездил по линиям войск и, останавливаясь перед каждым полком, говорил краткую, но сильную и ободрительную речь... Генерал один, без знаков отличия в скромном мундире, явился перед войсками и остановясь близко к ним говорил... После этого все ободрились» [117].

А где, на какой скамеечке в это время хоронился исконный русак и патриот Кутузов? Понятное дело, он не испытывал желания явиться перед людьми. Английский военный наблюдатель лорд Тирконнелл отметил: «Я застал всю армию недовольною тем, что оставили Москву, не дав нового сражения, и в крайнем негодовании на главнокомандующего за излишнюю осторожность его, что он не только не сражался за Москву, но и не воспользовался теми выгодами, кои под Бородино или Можайском были одержаны» [118]. Растерявший свою симпатию к «спасителю» Ростопчин писал: «Настроение нашей армии так плохо, что я боюсь мятежа. Кутузов не показывается, он спит и ест один, возит с собой девочку, одетую казаком и предоставляет свои дела двум бездельникам. Солдаты называют его то предателем, то «темнейшим... Интриги между генералами в полном разгаре». Сохраняя свою беспочвенную неприязнь к Барклаю де Толли, он продолжает: «Бенингсен хочет заместить Кутузова, хотя сам слишком стар для этого. Барклай посоветовал оставить Москву, чтобы забыли о том, как он бросил Смоленск. Он говорит, что надо сохранить армию. Но для чего она существует? И эта самая армия вконец распадается» [119].

Однако события подтвердили правоту мужественного Барклая, за свою честность расставшегося с постом военного министра и должностью главнокомандующего: с Михаилом Илларионовичем во главе нечего было думать о новом генеральном сражении с Наполеоном. Как диво, звучат упреки Александра I Барклаю в задержке с эвакуацией военного госпиталя в Вильне [120], или он понятия не имел, сколько раненых было брошено при Кутузове? Русское дворянское общество пожинало плоды своих безумных иллюзий. Прозрение пришло потом: «Часто мне приходили в голову мысли о действиях Барклая де Толли; много я передумал об этом предмете, и считаю не лишним изложить собственное мое теперешнее мнение, мнение старика... я подвиг униженного Барклая де Толли ставлю выше подвига под Ватерлоо, прославленного Веллингтона». Поминая добрым словом Дохтурова, Милорадовича, Витгенштейна, Костенецкого, ни одного слова о Куту-

зове, кроме того, что он «едва мог удержаться под Бородином» ветеран Митаревский не произносит. В других фрагментах своих мемуаров он сухо называет фельдмаршала «мудрым», а о причинах подлых слухов против Барклая говорит: «Все толки происходили, по моему мнению, от сильно развитого патриотизма» [121].

Потеря древней русской столицы «произвела на общество ошеломляющее впечатление. Общественное мнение не было подготовлено. Глухой ропот разнесся по всему государству. По словам графини Эдлинг «с минуты на минуту ждали волнения раздраженной и тревожной толпы. Дворянство громко винило Александра в государственном бедствии, так что в разговорах редко кто решался его извинять или оправдывать... Резко говорили о том, что престол занят государем, «прилепленным к одному только барабанному бою и солдатской амуниции»... Даже в Сибири... ожидали изменений в правлении» [122]. Экономическое и социальное положение России стало угрожающим. Увеличились бунтарские крестьянские настроения. Жертвами разных шаек часто становились не только французские мародеры и фуражиры, но русские помещики и казаки, тоже частенько мародерствовавшие. Наполеон получил возжеленную возможность для склонения царя к миру, и не его вина, а одна из немногих заслуг упрямого Александра I, что она не реализовалась.

Из Москвы наполеоновские войска направились разорять центр страны. 10-тыс. неприятельский корпус продвигался по дороге на Петербург. Другой — к Дмитрову. Третий пошел вперед по Владимирскому тракту. Четвертый, резервный, продолжал находиться между Рузой и Можайском [123]. Им противостояли всего лишь отряды губернских ополчений, и только на петербургском направлении — регулярные части Ф. Ф. Винценгероде. Врагом была занята вся Московская губерния, за исключением Коломенского уезда [124], в ней были сожжены более 400 сел и деревень [125], их жители разбежались. К 10 (22) сентября французские разъезды дошли до окрестностей Коломны, и местные власти сбежали из города, бросив там раненых и больных [126]. Враг приблизился к городу Покрову на полпути между Москвой и Владимиром [127].

Началась эвакуация Владимира и Петербурга: «Правительство озабочивалось заблаговременно отправлением из сей столицы всего того, что в случае нашествия неприятеля могло сделаться его добычею... Приводился Кронштадт в такое положение, чтобы его можно было защищать зимою... Император Александр, призвав к себе английского посла, лорда Кэткарта, предложил ему отослать в Англию все наши военные

суда... что и было исполнено... Беспреданно возникали вести об опасности, будто бы угрожавшей Петербургу» [128]. «Все послы, кроме английского, оставили Россию» [129].

Все было гораздо хуже, чем представляется панегиристами. Что бы не подхлестнуть панику, Ф. В. Ростопчин нашел для Тамбовского гражданского губернатора П. А. Нилова слова: «Москва по стечению чудесных и невообразимых обстоятельств находится теперь в руках неприятельских» [130]. М. Б. Барклай де Толли подытожил трагические события так: «Потеря Москвы совершилась случайно и причинена обстоятельствами, коих исправление уже вышло из моей власти» [131]. Как еще одну грань истории, стоит вспомнить, что русские очень осуждали австрийцев за неподготовленное оставление Вены в 1805 году: «В Вене были найдены (французами) несметные запасы артиллерии, различного оружия, снарядов, амуниции, и проч. Австрийское правительство нисколько не озаботилось о их вывозе из столицы. Зато были приняты меры для удержания в спокойствии и совершенном повиновении «добрых» жителей Вены» [132]. Урок-то был, да не пошел впрок...

1. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 329.

2. Скобелев И. Н. *Подарок товарищам или переписка рус. солдат в 1812 г.* СПб., 1833. С. 33–35.

3. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г.* Киев, 1912. С. 83.

4. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 270.

5. Пуцин П. С. *Дневник (1812–1814)*. Л., 1987. С. 61–62, 184.

6. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского // Рус. Старина*. 1873. № 8. С. 143.

7. Дохтуров Д. С. *Письма к супруге во время войн 1805–1813 гг. // Рус. Архив*. 1874. № 1. С. 1098–1099.

8. Скобелев И. Н. *Подарок товарищам или переписка рус. солдат в 1812 г.* СПб., 1833. С. 50–51.

9. Дурова Н. А. *Записки кавалерист-девицы*. СПб., 1912. С. 53.

10. Неизв. автор. *Воспоминания об оставлении Москвы // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем.* Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 192.

11. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского // Рус. Старина*. 1873. № 8. С. 143.

12. Волконский Д. М. *Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники*. М., 1990. См. также: Волконский Д. М. *Дневник 1812–1814 гг.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 09.04.2018.

13. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 274–275.
14. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 358–359.
15. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 273–274.
16. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г.* Киев, 1912. С. 83–84.
17. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 120. С. 125.
18. Паскевич И. Ф. *Из записок* // *Рус. Архив.* 1889. № 3. С. 413. См. также: Щербатов А. П. *Ген.-фельдм. кн. Паскевич.* СПб., 1888. Т. 1. С. 162.
19. Авенариус В. П. *Среди врагов. Дневник юноши, очевидца войны 1812 г.* СПб., 1912. С. 59–61.
20. Щербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г.* // *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1914. Т. XXI. С. 216–219.
21. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 128. С. 139.
22. Левенитерн В. И. *От Бородина через Москву // Россия и Наполеон. Отеч. война в мемуарах, док. и худ. произв.* М., 1912. С. 156.
23. Роос Г. У. *С Наполеоном в Рос.* СПб., 1912. С. 51–52.
24. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского* // *Рус. Старина.* 1873. № 8. С. 143.
25. Ростопчин Ф. В. *Письма к супруге и дочери и заметки о 1812 г.* // *Рус. Архив.* 1901. № 8. С. 464.
26. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф.* // *Воен. сб.* 1870. № 4. Отд. I. С. 235–236.
27. Волконский Д. М. *Дневник 1812–1814 гг.* // 1812 г. *Воен. дневники.* М., 1990. См. также: Волконский Д. М. *Дневник 1812–1814 гг.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 09.04.2018.
28. Ростопчин Ф. В. *Письма к супруге и дочери и заметки о 1812 г.* // *Рус. Архив.* 1901. № 8. С. 464.
29. Раджицкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Рос.* Киев, 1912. С. 74–75.
30. Дурова Н. А. *Записки кавалерист-девицы.* СПб., 1912. С. 52–53.
31. Митаревский Н. Е. *Нашествие неприятеля на Рос.* М., 1878. С. 90.
32. Скобелев И. Н. *Подарок товарищам или переписка рус. солдат в 1812 г.* СПб., 1833. С. 49–50.
33. Кольчугин Г. Н. *Записки о 1812 г.* М., 1879. С. 6. См. также: *Записка Г. Н. Кольчугина* // *Рус. Архив.* 1879. № 9. С. 46.
34. Нарышкина Н. Ф. *Пребывание в г. Ярославле семьи гр. Ф. В. Ростопчина осенью 1812 г.* // *Тр. Яросл. губ. учетной архивной комиссии.* Ярославль, 1912. Кн. III. Вып. 3. С. 7.
35. Голицын Н. Б. *Очерки воен. сцен* // *Рус. Архив.* 1884. № 4. С. 343.

36. Бестужев-Рюмин А. Д. Записки // Рус. Архив. 1896. № 7. С. 367.
37. Из журн. участника войны 1812 г. Суханина // Рус. Старина. 1912. № 3. С. 482.
38. Мосолов С. И. Истор. моей жизни // Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1904. Ч. 8. С. 336.
39. Струков Д. П. Воспоминание о дне 1-го сент. 1812 г. на Филях под Москвою. М., 1887. С. 13.
40. Тольчева Т. Рассказы очевидцев о 1812 г. М., 1872. С. 52–53.
41. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 09.04.2018.
42. Флиз Д. Поход Наполеона в Рос. М., 1912. С. 42.
43. Тартаковский А. Г. Население Москвы в период франц. оккупации 1812 г. // Историч. записки. 1973. Т. 92. С. 366, 368.
44. Бестужев-Рюмин А. Д. Записки // Рус. Архив. 1896. № 7. С. 376.
45. Бородино. 1812. М., 1989. С. 257.
46. Отзвук Бородинского боя // Рус. Архив. 1900. № 6. С. 238.
47. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 108. С. 115.
48. Ростопчин Ф. В. Письма к супруге и дочери и заметки о 1812 г. // Рус. Архив. 1901. № 8. С. 462.
49. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 206. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 98.
50. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 101.
51. Авенариус В. П. Среди врагов. Дневник юноши, очевидца войны 1812 г. СПб., 1912. С. 62.
52. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 160–161.
53. Роос Г. У. С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 50.
54. Лоссберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 56.
55. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 374.
56. Липранди И. П. Мат. для истории Отеч. войны 1812 г. СПб., 1867. С. 102–103.
57. Афанасьев А. К. Гибель Моск. арсенала в 1812 г. // Эпоха 1812 г. в судьбах Рос. и Европы. М., 2013. С. 273.
58. Цветков С. Н. Вывоз из Москвы гос. сокровищ в 1812 г. М., 1912. С. 3–4.
59. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 373.
60. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. 19. С. 715–716.
61. Афанасьев А. К. Гибель Моск. арсенала в 1812 г. // Эпоха 1812 г. в судьбах Рос. и Европы. М., 2013. С. 268–269.
62. Лоссберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 57.

63. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. 20. С. 717–718.
64. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 84.
65. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 270 с прим. 5 и 6. С. 233.
66. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 114. С. 119–120.
67. Бургонь А.-Ж. Пожар Москвы и отступление франц. СПб., 1898. С. 25, 27–28.
68. Коленкур А. — О. Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 153.
69. Пасторе А. Записки о войне 1812 г. // Рус. Архив. 1900. № 12. С. 531.
70. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 184–185, 188–189.
71. Флиз Д. Поход Наполеона в Рос. М., 1912. С. 43.
72. Лоссберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 47–48, 50, 52–53.
73. Записки соврем. о 1812 г. Гр. Боволье // Рус. Старина. 1893. № 1. С. 18.
74. Митаревский Н. Е. Нашествие неприятеля на Рос. М., 1878. С. 88–89.
75. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. Т. 43. СПб., 1882. Док. № 120. С. 124–125.
76. Лоссберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 48.
77. Липранди И. П. Некоторые замечания... о действительных причинах гибели наполеоновых полчищ в 1812 г. СПб., 1855. С. 13–19.
78. Флиз Д. Поход Наполеона в Рос. М., 1912. С. 41.
79. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 317.
80. Бургонь А.-Ж. Пожар Москвы и отступление франц. СПб., 1898. С. 25.
81. Там же. С. 7–9, 12–13, 28–30.
82. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 168.
83. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 64.
84. Коленкур А. О.-Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 120, 153.
85. Брандт Г. Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 2. Отд. I. С. 244.
86. Лоссберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 51–52.
87. Кузьминский К. Что осталось от Москвы после пожара 1812 г. М., 1910. С. 3–4.
88. Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1897–1912. Ч. 1. С. 96; Ч. 2. С. 195; Ч. 10. С. 177.
89. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 219–220.
90. Лоссберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 56–57.
91. Бургонь А.-Ж. Пожар Москвы и отступление франц. СПб., 1898. С. 21, 38.
92. Шмидт Г. Виновники пожара Москвы в 1812 г. Рига, 1912. С. 81.
93. Коленкур А. О.-Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 149–150.

94. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 202. С. 279–287.
95. Бестужев-Рюмин А. Д. *Записки* // *Рус. Архив.* 1896. № 7. С. 342–385.
96. Ростопчин Ф. В. *Правда о пожаре Москвы.* М., 1823. С. 12, 19.
97. Ростопчин Ф. В. *Письма к супруге и дочери и заметки о 1812 г.* // *Рус. Архив.* 1901. № 8. С. 468.
98. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 106.
99. Глинка С. Н. *Записки о Москве и о загран. происш. от исх. 1812 до пол. 1815 г.* СПб., 1837. С. 39.
100. Де ла Флиз. *Поход Наполеона в Россию в 1812 г.* М., 1912. С. 38.
101. Бургонь А.-Ж. *Пожар Москвы и отступление франц.* СПб., 1898. С. 7.
102. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 108–109.
103. Бургонь А.-Ж. *Пожар Москвы и отступление франц.* СПб., 1898. С. 25–26.
104. Ложье де Белленкур П. *Дневник офицера вел. армии.* М., 1912. С. 192–194.
105. *Листовки Отеч. войны 1812 г.* Сб. док. М., 1962. С. 47.
106. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 148. С. 178.
107. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос.* М., 2004. С. 109–110.
108. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 118. С. 124.
109. Радожицкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев,* 1912. С. 74.
110. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского* // *Рус. Старина.* 1873. № 8. С. 143.
111. Левенитерн В. И. *От Бородина через Москву* // *Россия и Наполеон. Отеч. война в мемуарах, док. и худ. произв.* М., 1912. С. 155.
112. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 274–276.
113. Митаревский Н. Е. *Нашествие неприятеля на Рос.* М., 1878. С. 87.
114. Михайловский-Данилевский А. И. *Записки* // *Историч. вестник.* 1890. № 10. С. 153–154.
115. Бургонь А.-Ж. *Пожар Москвы и отступление франц.* СПб., 1898. С. 17.
116. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев,* 1912. С. 58.
117. Радожицкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев,* 1912. С. 77–78.
118. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 154. С. 196–197.
119. Ростопчин Ф. В. *Письма к супруге и дочери и заметки о 1812 г.* // *Рус. Архив.* 1901. № 8. С. 468.
120. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Прил. 12. С. 474.
121. Митаревский Н. Е. *Нашествие неприятеля на Рос.* М., 1878. С. 105–108.

122. Довнар-Запольский М. В. *Война 1812 г. и совр. ей рус. об-во.* Казань, 1912. С. 9.
123. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 531. С. 431.
124. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев,* 1912. С. 89.
125. Довнар-Запольский М. В. *Война 1812 г. и совр. ей рус. об-во.* Казань, 1912. С. 6.
126. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 325, 326, 389. С. 270, 306.
127. Волконский Д. М. *Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники.* М., 1990. См. также: Волконский Д. М. *Дневник 1812–1814 гг.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 09.04.2018.
128. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 298–299.
129. Марченко В. Р. *Автобиограф. записка гос. секретаря // Рус. Старина.* 1896. № 3. С. 500.
130. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным.* М., 1908. Ч. 10. С. 180.
131. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии.* М., 1859. С. 32.
132. Богданович М. И. *Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр.* СПб., 1869. Т. 2. С. 33–34.

НЕОЖИДАННЫЙ ЛИЧНЫЙ ТРИУМФ
М. И. КУТУЗОВА, УСТРАНЕНИЕ КОНКУРЕНТОВ

8.1. ОШИБОЧНЫЙ УХОД ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
К ВЛАДИМИРУ. СОВЕТ В ДЕРЕВНЕ БОРОВСКОЙ.
ТАРУТИНСКИЙ МАНЕВР. ПРИНЯТИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНА

Документы за 2–3 (14–15) сентября 1812 года показывают, что Кутузов не принимал участия в руководстве чрезвычайно опасным отводом русской армии за Москву, и при ее штабе не находился. Войска действовали и сохранялась по-своему, а главнокомандующий переживал за них где-то далече. После стычки с Ростопчиным на Яузском мосту Михаил Илларионович будто исчезает, и единственная доступная читателям информация о его занятиях и местонахождении опирается на скудные строки князя А. Б. Голицына, состоявшего при нем в ординарцах. Они мало что описывают и быстро переходят на три дня вперед — к Подольску. Именно в них появляется знаменитое сидение Кутузова на скамейке у большой Рязанской дороги, популяризованное Михайловским-Данилевским. Лишь утром 4 (16) сентября капитан Д. Н. Болговский (считается, что он был послан к Кутузову от Милорадовича, но это не так, и ниже будут раскрыты обстоятельства) обнаружил главнокомандующего «у перевоза через Москву-реку по рязанской дороге» в придорожной избе, бездеятельным и подавленным [1].

Из определенных вещей А. Б. Голицын говорит о своем шефе следующее: «Во все время его проезда до моста никто его не видел и он ни от кого не получал ни единого донесения». После сухой встречи с Ростопчиным Кутузов до самой Коломенской (?) заставы проезжал через «движение народа, смешанного с войском», где «ломали кабаки и лавки». Он воочию мог наблюдать падение дисциплины и начало дезертирства, но ничего для наведения порядка не делал, что в изложении Голицына замаскировано фразой: «Но все тут же приведено в порядок (?) и город очищался понемногу» [2]. Видимо, нервы у полководца не выдержали, и он в смятении бежал куда глаза глядят под грузом вины. Его сидение на пресловутой скамье с получением сведений от

Милорадовича и отдачей русской армии приказов, кроме слов ординарца, подтверждается лишь ссылкой Михайловского-Данилевского на полковника Я. А. Потемкина, будто бы прибывшего к Кутузову с донесением (как и Болговский) «о выговоренных условиях» перемирия с Мюратом [3].

Имеются также записки Н. Б. Голицына, — младшего брата А. Б. Голицына, который присоединился к кавалькаде главкома недалеко от Смоленской заставы, и проследовал с ней через Москву. По этим запискам, встреча между Кутузовым и Ростопчиным была у Коломенской заставы, хотя по тексту видно, что автор сам не знает, где: «Застава! Но какая? Говорят, Коломенская». О скамейке Н. Б. Голицын не говорит ничего, подтверждая уединение Михаила Илларионовича: «Непрерываемые тишина и молчание царствовали в продолжение нашего таинственного шествия, которого цель и направление были никому неизвестны» [4]. Опять речь идет о форменном бегстве, ибо не пристало так уходить главнокомандующему. Чтобы узнать, куда направил стопы «спаситель Москвы», вернемся к документам, анализ которых был начат при освещении событий дня Филевского совета.

В «диспозиции 1-й и 2-й Западным армиям на 2 сентября 1812 г. для перехода к деревне Панки» (ныне в составе г. Люберцы), составленной А. П. Ермоловым перед рассветом 2-го числа, определено: «Армии выступают в три часа пополуночи по рязанской дороге» [5]. То есть, Кутузов, двигаясь к Коломенской (Рязанской) заставе, должен был следовать в гуще корпусов своей армии. Однако, это было не так, — в этом случае не получилось бы никакого инкогнито. Напомним, что по большинству известных данных, главком намеревался отступить по Владимирской (Нижегородской) дороге, куда 1 сентября переадресовал подходящие к Москве полки А. А. Клейнмихеля и Д. И. Лобанова-Ростовского [6]. Приказание, отданное Ф. Ф. Винценгероде, «двинуться со своим отрядом на дорогу, ведущую из Москвы во Владимир» подтверждает и А. Х. Бенкендорф [7].

Согласно журналу военных действий за 2 (14) сентября, армия «взяла направление по рязанской дороге», тогда как главнокомандующий Кутузов «отделил отряд из кавалерии и некоторой части пехоты по Нижегородской дороге» [8]. Напрашивается предположение, что рядом с этим отрядом, а не с армией, он сам и отступал. Кстати, Семеновский гвардейский полк, которым впоследствии командовал вышеупомянутый Я. А. Потемкин, из Москвы вышел не Коломенской, а Владимирской заставой. Соответственно, скамейка-лавочка,

где примостился главком, историческими материалами полка устанавливается на Владимирскую дорогу, а не Рязанскую, куда «тянут» Кутузова Голицыны с Михайловским-Данилевским, и куда выходила большая часть русских войск [9]. По результатам исследований А. Н. Попова, главнокомандующий действительно выбрался из Москвы не через Коломенскую, а через Рогожскую (Владимирскую) заставу, и приснопамятная лавочка для фельдмаршальских посиделок находилась у старообрядческого Рогожского кладбища. Хотя Попов не уточняет, где именно, — надо полагать, она была с северной стороны, у Владимирского (Нижегородского) тракта [10].

В эти дни никто из генералов и офицеров не упоминает Михаила Илларионовича. *«Я никакого точного повеления не получил от главнокомандующего, — пишет царю Винценгероде, и уже к концу своего доклада в Петербург от 4 (16) сентября уточняет: — Сейчас я получил приложенное здесь письмо от главнокомандующего»* [11], что позволяет понять: с утра 2-го по вечер 4-го сентября известий от Кутузова у Фердинанда Федоровича не было. Совершенно иссякает поток распоряжений главкома по административной и материальной частям, где он всегда был силен. «Хитрый лис севера» в это время занимался не требующими присутствия в гуще войск делами: как-то предписал эвакуировать Серпухов *«Окою, сколько можно далее, хотя и до самой Волги»*, а резервным полкам — следовать на Владимир, *«куда и армия с Рязанской дороги поворачивает»* [12]. Да только армия туда не пошла. По всему видно, что Кутузов несерьезно воспринял уступку, вырванную у него генералами в ночь с 1 на 2 сентября. В результате он оказался вслед за своей застрявшей мыслью на владимирском направлении, а его штаб под руководством Барклая, Беннигсена и Ермолова с основной массой войск — на рязанском.

Прикрывая очередную несурязицу, царские и советские историки снова напустили на странную картину поведения Кутузова туман военной тайны: *«Совершенно очевидно, что все эти распоряжения он делал с целью дезориентации противника»*. Во Владимире Кутузов якобы *«решил сосредоточить свои резервы»* [13]. Это как? Чтобы армия и ее резервы оказались по разные стороны от занятой противником Москвы? Глупостей для затемнения истины оказалось мало, и вновь наблюдаются признаки исторического подлога. *«Подробный журнал исходящих бумаг Собственной канцелярии Главнокомандующего Соединенными Армиями Генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского»* 1912 года издания содержит больше приказаний о следовании войск

на Владимирскую дорогу, чем вошло в советский сборник документов и материалов. Предписанием № 88 туда был направлен 9-й пехотный полк из Завидова. Предписанием № 92 туда же — конвойные партии французских пленных. Предписание № 95 в адрес Милорадовича звучит не так, как документ № 265 в издании 1954 года (знаки препинания)! Становится видно: Кутузов так понимает движение войск за Москвой, что арьергард Милорадовича должен оказаться на левом фланге этой дороги, а правый (северный) фланг будет прикрыт отрядом Винценгероде. То есть, в его видении, армия должна была повернуть к Владимиру [14].

Ростопчин в письме от 3 (15) сентября излагает: *«Кутузов — старая упрямая баба. Завтра он намерен расположиться на Владимирской дороге, не зная зачем. Уже не знают, откуда добывать муки. В Калуге есть большие запасы, но они достанутся неприятелю»* [15]. А в «Журнале исходящим бумагам канцелярии московского генерал-губернатора» за 2 (14) сентября значится: *«Владимирскому гражданскому губернатору Супоневу. По сношению моему с его светлостью главнокомандующим армией князем Голицыным-Кутузовым положено все вещи и транспорты, вывезенные из Москвы во Владимир препроводить в Нижний Новгород»*. Туда же отправляется караван с артиллерийскими снарядами и штыковой медью. 3-го числа записей нет. 4-го следует просьба Кутузову принять арестантов от бывшего Московского гарнизонного полка, *«тем более, что как арестанты, равно и... полк состоят третий день без провианта»* [16]. Совпадение письма и документов налицо.

По воспоминаниям Н. И. Андреева к Владимиру 1 (13) сентября были отправлены обозы полков 27-й пехотной дивизии Неверовского, и поворот армии на Рязань, а затем на Подольск был для находившихся на Владимирской дороге офицеров полной неожиданностью: *«Я был послан по дороге Владимирской отыскать обоз наш и 49-го полка, взять фуры и, нагрузив их в магазине в Москве, доставить в полки. Верст за 20 от Москвы нашел я обоз и на рассвете был в Москве. Там ожидало меня новое зрелище. Магазин был заперт, караула нет, армии я не нашел; куда пошла, мне неизвестно»* [17]. Неужели Кутузов для вящей дезориентации противника хотел отделить свою армию не только от резервов, но и от обозов? Ясно, что речи не может идти о том, будто план маневра созрел в голове полководца в Филях. Вместо этого мы видим ряд указаний на то, что армия направилась по Рязанской дороге в его отсутствие, а согласие очутившегося в хвосте событий

главкома на производство начатого маневра не могло произойти ранее 4 (16) сентября. Со всех сторон Михаилу Илларионовичу повторяют доводы о гибельности отхода на Владимир, которые все никак не входят в его упрямую голову. Он приносит своей продолжающейся по инерции деятельностью немалый вред, разобшая войска и отправляя по Нижегородской дороге всех, кто попадался ему на глаза и ждал от него приказаний.

При этом напирających на военную тайну историков не волнует, что вскоре Кутузов уже просит Лобанова-Ростовского отправленные к Владимиру полки *«направить поспешнее на Коломну и Серпухов»* [18], и отписывает множеству адресатов о плане перевода армии на Калужскую дорогу. Так, все подробно было сообщено им в адрес Винценгероде, заботой которого было прикрытие Клина, Твери и Ярославля. В сем письме советские историки поднимают эти слова Кутузова курсивом, вынуждая к замечанию: *позвольте, товарищи, надо остановиться на чем-то одном, — или на военной тайне, или на примере отсутствия таковой!* Между тем, в тексте этого письма Кутузова, датированного 3 (15) сентября, содержится не примеченная апологетами географическая ошибка: город Подольск находится на Тульской, а не Калужской дороге, как означено [19]. К тому же язык этого распоряжения — не типичный для Михаила Илларионовича язык. Легко представить, как его набрасывал кто-то из офицеров впопыхах, как только стало возможным подписать лист у главнокомандующего. Так соответствует ли действительности его датировка?

Те же «подслеповатые» историки педантично заметили, что кутузовское предписание генерал-майору Н. А. Ушакову о переходе из Серпухова на Владимирскую дорогу от 2 сентября 1812 года записано в журнале исходящих бумаг дважды, и второй раз — 3 сентября [20]. Это говорит о том, что почта Кутузова регистрировалась и отправлялась скопом, не раньше прибытия отступающей армии в с. Панки. Но как мы знаем от Д. Н. Болговского, главнокомандующий был им разыскан не в Панках, а 4 сентября у Боровского перевоза через Москву-реку, где войска задержались по причине скопления у переправы толп беженцев и обозов с ранеными. Кстати, чего бы это генералу Милорадовичу капитана Болговского на поиски Кутузова посылать, если с ним ранее была связь «на лавочке» через полковника Потемкина? Похоже, до 4 (16) сентября не было у Михаила Илларионовича связи с арьегардом, и в этом нам помогает разобраться А. А. Щербинин, утверждающий, что это его, а не Потемкина и

Болговского послал с донесением Милорадович. Он тоже *«нашел Кутузова у перевоза через Москву реку по Рязанской дороге... по той стороне реки»*, одинокого и удрученного. Увидев Щербинина, Кутузов расспросил его *«в кратких словах о состоянии арьергарда прежде распечатания пакета»* [21].

Снова к почте. Упомянутое предписание от 3 (15) сентября в адрес Винценгероде, являющееся в руках апологетов главным доказательством принадлежности уму Кутузова Тарутинского маневра в обход Москвы на юго-запад, шло адресату как-то медленно. Расстояние от Жилино в Люберцах (откуда оно значит отправленным) до Тарасовки за Мытищами, где его поздним вечером 4-го получил Фердинанд Федорович, составляет менее 40 км, а курьеры и квартирмейстерские офицеры того времени свободно покрывали 100 верст в день. Справедливее предположить, что предписание было отправлено курьером в полдень 4 сентября, от Боровского перевоза. В тот же день, в крытой коляске (от глаз подальше), воителя увидел И. Т. Радожицкий. Кутузов обратил внимание на обратное движение его батареи, не нашедшей себе надежного моста через речку, и это первое свидетельство тому, что главнокомандующий вновь, все еще смущенный, начал интересоваться делами вверенной ему армии [22].

Наконец, сравнение мемуаров Радожицкого и записок Ермолова позволяет установить время, когда Кутузов возобновил контакт со своим штабом. Продолжая рассказ о событиях 4 сентября, Радожицкий повествует: *«Только что расположились мы на биваках, как вдруг раздался ужасный взрыв порохового погреба в городе: этот удар потряс все окрестности, и эхо страшным грохотом передало его во все концы горизонта»* [23]. Ермолов же пишет: *«Итак, армия прошла наконец Москву. Недалеко за городом нашел я князя Кутузова и доложил о переданном мною повелении его генералу Милорадовичу. Вскоре затем были слышны в Москве два взрыва и обнаружился большой пожар»* [24]. Поскольку речь идет все о том же приказе Милорадовичу, отданном Кутузовым после Филевского совета, с донесением об исполнении которого Михаила Илларионовича разыскивали Щербинин и Болговский [25], а 2-го и 3-го числа мощных взрывов в городе не отмечалось, — вывод очевиден. Вслед за упомянутыми офицерами, начальник штаба 1-й Западной армии отыскал главнокомандующего в середине дня 4 (16) сентября.

Еще один человек — майор В. И. Левенштерн вспоминал, как под утро 3 сентября проходил мимо места ночевки Кутузова: *«Ког-*

да стемнело, мы продолжали наш зловещий марш и нагнали Кутузова в Панках, на Рязанской дороге, где все уже были погружены в глубокий сон. Барклай и Милорадович бодрствовали. Кутузов мог положитьсь на них» [26]. Колонна Левенштерна пошла своей дорогой, а Михаил Илларионович, проснувшись, — какой-то своей, где и проблуждал еще сутки. Но по дневникам И. П. Липранди, где упоминаются и Болговский, и Потемкин, и коляска (генерала Дохтурова), корректируется, что известие о возвращении блудного главкома было получено за Панками, в деревне Боровской, в час пополуночи 4 сентября, так что Левенштерн ошибся датой. Как видно из писем Ростопчина, 3 сентября Кутузов находился севернее Панок, ближе к Владимирскому тракту, откуда и явился к Боровскому перевозу.

Отрывок из дневника Липранди, опубликованный Тартаковским, все ставит на свои места. Выясняется, что связь потерявшегося полководца с армией была восстановлена через штаб 6-го пехотного корпуса Дохтурова. Оттуда, а не из арьергарда, явились к нему Болговский и Потемкин. Оба офицера вызвались ехать *«вперед в Рязань для закупок необходимых припасов»*, и случайно натолкнулись на главкома, сообщив о нем Дохтурову [27]. Суматоху наблюдал проходящий Левенштерн, и она же навела на Кутузова прибывшего из арьергарда Щербинина. Затем командир корпуса усадил проспавшегося Михаила Илларионовича в свою коляску, и уведомил о месте его пребывания штаб армии. В это время их увидел Радожицкий, и к главкому помчался Ермолов.

Итак, в ночь с 3 на 4 сентября заблудившийся в стороне Владимирского тракта главнокомандующий наконец-то перешел на Рязанскую дорогу. В свой штаб (главную армейскую квартиру) он попал еще позднее. Поэтому надо полагать, что в датировке исходящих распоряжений, и для заполнения журнала исходящих бумаг, использовались еще не подытоженные новой датой вчерашние страницы (примитивная фальсификация, оправдывающая отсутствие полководца). Так и возникли «доказательства» раннего возникновения стратегического замысла Кутузова. Легко убедиться, что в «Подробном журнале исходящих бумаг» его собственной канцелярии за 3 (15) сентября записаны только распоряжения о направлении различных отрядов ко Владимиру, и нет письма в адрес Винценгероде. Это можно понять: появившись 4 (16) сентября, оно ушло мгновенно, потому что о перемене движения Главной армии требовалось уведомить прикрывающие Петербург, Тверь и Ярославль войска, а равно отрезать мни-

тельному главному пути к пересмотру только что принятого решения. Того же 4-го числа в журнале записано распоряжение начальнику рязанского ополчения генерал-майору Измайлову с указанием движения *«предпринимаемого армией на Тульскую дорогу»* [28].

По всем признакам, утверждение знаменитого маневра в его обшей, все еще несовершенной форме, случилось 4 (16) сентября, а письмо Винценгероде и рапорт царю от того же числа являются первыми документами возвратившегося к командованию Кутузова. В отличие от письма, рапорт Михаил Илларионович писал или диктовал сам. В нем полководец преувеличивает ослабление армии после Бородина, уверяя самодержца, что не мог *«отважиться на баталию, которой невыгоды имели бы последствием не только разрушение остатков армии, но и кровопролитнейшее разрушение и превращение в пепел самой Москвы»* [29]. Надо же, он Москву от пожара уберечь хотел! Затем Кутузов жлет царю об успешной эвакуации столицы, вновь заверяя: *«Теперь, в недалеком расстоянии от Москвы, собрав мои войски, твердою ногою могу ожидать неприятеля»*. И тут же пишет пакость на Баркляя, который собрал «его войски»: *«Впрочем Ваше императорское величество всемилоостивейше согласиться изволите, что последствия сии неразрывно связаны с потерей Смоленска и тем расстроеным совершенно состоянием войск в котором я оные застал. Полковник Мишо объяснит Вашему величеству обстоятельнее положение наших дел»* [30]. Можно не сомневаться, что посланный с рапортом в Петербург доверенный полковник был тщательно мотивирован и проинструктирован. Ложь, которую он подтвердил царю, отчасти искупалась тем, что Кутузов, как дальновидный дипломат и политик, просил его всячески отговаривать Александра от мира с Наполеоном [31].

В этом же документе, подобно тому, как в рапорте о выборе позиции при Бородине кратко излагались идеи Толя, впервые освещается новая для Кутузова мысль о фланговом маневре: *«Делаю я движение на Тульской дороге. Сие приведет меня в состояние защищать город Тулу... и Брянск... начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы... надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю операционную линию»* [32]. Идея тут выглядит сырее, чем в письме, которое он будто бы еще 3-го числа отправил Винценгероде (маневр короче), увенчиваясь откровенной глупостью: для чего после потери Москвы было менять операционную линию? Чтобы разорить войной еще пару губерний русского государства? Это понимал

Барклай, а потому не предлагал Кутузову в Филях никакого маневра. Фланговый маневр должен был служить другой цели: не дать Наполеону изменить операционную линию, замкнуть его в уже разоренных губерниях и погнать обратно по тому же пути. Но этого Михаил Илларионович пока не понимает.

А. Ф. Мишо де Боретур в своей беседе с государем 8 (20) сентября не акцентировал внимание на планах маневра. Он также ничего не сказал о них собиравшему материалы Михайловскому-Данилевскому [33]. Как видно, мысль еще не была обдумана прописавшим ее Кутузовым и оценена его посланцем. Но лучше уж такой план, чем никакого. С ним у Михаила Илларионовича была надежда оправдаться, поэтому он на него и согласился. Главное — армия (не его стараниями) прошла критическую точку и не развалилась!

После сочинения рапорта императору Александру I о причинах оставления Москвы воитель оживает. Он находит в себе силы подавить меланхолию и растерянность, возобновляет слежение за порядком в армии, вслед за Барклаем принимая жесточайшие, включая повешение и забивание насмерть шпицрутенами, меры по наведению дисциплины. Его приказы по армии, записанные датами 3—4 сентября, гласят: *«Генерал-лейтенанту Гессе дается власть всякого мародера, которого бы нашел в сопротивлении, расстрелять на месте». «Отбывших без позволения... по возвращении к команде наистрожайше наказывать»* [34]. Это типичная психологическая картина, наподобие повторных расправ над стрельцами вернувшимся из-за границы Петром I. А изложение военных планов адресатам, коих это не должно было касаться, преследует цель поднять увядшее полководческое реноме. Зачем «военная тайна» была слишком подробно сообщена Винценгероде, объясняется связями Фердинанда Федоровича при дворе и последним предложением из письма Кутузова: *«Я возлагаю на ваше превосходительство делать необходимые донесения государю императору, чтобы разуверить его в тех ложных сообщениях, которые могли дойти до Петербурга»* [35]. Ему было важно, чтобы ничто не перечило насквозь лживому рапорту о причинах оставления Москвы.

Днем написания этого рапорта Ермолов датирует принятие решения на маневр по настоянию Беннигсена. В письме офицера Сергея Мизина, судя по тексту, бывшего одним из подчиненных Коновницына по главному дежурству, содержится описание событий с 1 сентября по 2 октября, и также говорится, что решение о фланговом маневре было принято после переправы через Москву-реку, за Боров-

ским перевозом [36]. О пружинах событий повествует сам Беннигсен: *«3 (15) сентября, после перехода нашего через Москву, генерал Ермолов, с большим вниманием следивший на военном совете за моими возражениями против сдачи Москвы и за сделанными мною предложениями, прибыл ко мне и убеждал отправиться к князю Кутузову и настаивать на том, чтобы наша армия перешла... на Калужскую дорогу. Я ответил ему, что я и теперь стою за необходимость этого движения и готов немедленно идти к князю Кутузову и убеждать его исполнить оное. Вместе с тем, я просил Ермолова поддерживать мои настояния перед князем Кутузовым. Сенатор Ланской... опасавшийся лишиться всех продовольственных запасов, направленных им на Калужскую дорогу, обратился ко мне с такой же просьбой... Кутузов тогда, наконец, решился на это движение, избавившее нас от затруднительного и критического положения, в котором мы находились»* [37]. После достижения договоренности, генералы начали своего главкома искать. Момент, когда генералы вырвали согласие у Михаила Илларионовича, и был моментом рождения маневра. Произошло то же самое, что после банкротства оборонительной стратегии Кутузова под Рушуком и Слободзеей.

Мемуары Л. Л. Беннигсена о 1812 году, написанные в форме писем к его другу, генералу А. Б. Фоку, впервые были обнаружены и опубликованы П. Майковым в начале XX в. при содействии А. Н. Куропаткина. Они не были известны М. И. Богдановичу, предполагавшему, что ключевую роль в убеждении М. И. Кутузова на знаменитый маневр сыграл К. Ф. Толь. Ошибка не такая большая, ибо полковник Толь, исполняющий обязанности генерала-квартирмейстера, присоединился к этой группе генералов. Изложенные обстоятельства хорошо подтверждаются документами из сборника материалов Кутузова. Подтверждаются они и введенными в оборот А. Г. Тартаковским дневниковыми записями Д. М. Волконского и И. П. Липранди.

В описании Липранди: *«В 4 часа (4 сентября) обер-квартирмейстеры были потребованы. Когда мы собрались... каждый начал писать с диктовки диспозицию: диктовал полковник Хоментовский, но едва он продиктовал: «в 11 часов вечера сего дня армия выступает левым флангом...», — вошел полковник Толь, спросил диспозицию, посмотрел... взял из рук капитана Брозина перо и, сделав какую-то поправку, отдал диспозицию полковнику Хоментовскому, который и продолжал; «на Бронницу, отправив за три часа квартиргеров для принятия позиции, которым и собраться при резервной артиллерии. Тяжести» — с этим словом вошел генерал Коновницын, приказал остановить дальнейшую диктовку.*

За ним вошел Толь и взял из рук Хоментовского диспозицию, приказал ему отобрать от нас те, которые мы уже начали писать, а нам, не разбегаясь, велел ожидать... Через час нас вновь позвали, и Хоментовский начал: «В час пополудни 5 сентября 6-й и 5-й корпуса выступают левым флангом вверх по правому берегу Пахры через Жеребятново в Домодово. Колонна эта состоит под начальством генерала от инфантерии Дохтурова», далее говорилось о других корпусах, долженствовавших следовать по тому же направлению... В продолжении диктовки этой длинной диспозиции Толь несколько раз, а Коновницын один раз входили в сарай, где мы писали, и непрерывно что-то исправляли в диспозиции. Коновницын казался спокойным, но Толь бесновался и дерзко относился к Хоментовскому, сказав даже: «да Вы и читаете-то плохо». По окончании диспозиции, когда Толь скрепил каждому из нас, мы отправились к своим местам. Прелести Рязани, где мы думали себя переодеть, исчезли... Когда я принес к корпусному командиру диспозицию, он и никто из бывших не ожидал перемены пути. Бологовской тотчас подал карту, и мы увидели, что это направление на Подольск» [38].

Мы видим картину происходящего в квартирмейстерском сарае, пока в безвестном доме деревни Боровской, достойном почитания куда больше, чем филевская изба, генералы Беннигсен, Барклай, Ермолов, Ланской, Коновницын и генерал-квартирмейстер полковник Толь ведут с Кутузовым настоятельно необходимое согласование. Это решение стало внезапным для корпусных командиров, но отнюдь не потому, что оно, как это представляет ортодоксальная историческая традиция, загодя зрело в скрытном уме Кутузова (зачем тогда было терять командование, а диспозицию должно писать заранее, не устраивая нервное действие). Поэтому не заслуживает доверия заявление Михайловского-Данилевского: «На движение... на Калужскую дорогу согласились 3-го сентября поутру, и я был одним из первых, который о сем узнал» [39]. Оно не подтверждается документально. Верно лишь то, что 3 (15) сентября Кутузов, удостоверившись в марше армии под руководством Барклая на Рязань и окончательно разругавшись с Ростопчиным, решился перейти с Владимирской дороги на Рязанскую, будучи готовым для восстановления своего авторитета над войсками расстаться с поползновениями отступить к Владимиру.

Инициативу Л. Л. Беннигсена подтверждает и Д. М. Волконский в дневниковой записи от 4 сентября, где после описания горестей этого дня значится: «Не менее Бенигсен делает планы стратегических движений». Только на следующий день 5 (17) сентября, в полном со-

ответствии с выявленной нами хронологией событий, Волконский упоминает *«намерение главнокомандующего отрезать часть неприятеля и все его сношения с Польшею и соединиться с Чичаговым и Тор-масовым»*. Чувствуется разочарование Дмитрия Михайловича (он просится на службу, но ответа не получает): *«Решился объяснитьсь с князем Кутузовым, пришел к нему и объявил, что я намерен ехать к дяде в Тульскую деревню Ясную Поляну»* [40]. Тот обещает Волконскому корпус, но, конечно же, не дает. Ему не нужен отставной генерал-лейтенант со связями в Петербурге. Вдруг Волконский встанет на сторону его соперников? И полезный для русской армии человек уезжает прочь.

Истории лейб-гвардии Литовского и Гусарского полков придерживаются точки зрения, что решение на фланговый маневр к Калужской дороге было принято у Боровского моста, не упоминая ни Кутузова, ни какие-либо филевские задумки. Рассматривая их изложение в связи с вышеприведенными фактами, мы сразу видим связь развернувшихся активных событий с военным советом в Боровской, и понимаем, почему возник первый после оставления Москвы бой, в котором потребовалось до заката солнца удерживать село Панки, а затем оставлять пехоту на высотах у Боровского моста и проводить обманные маневры к Бронницам [41, 42].

Разумеется, полная перемена мнения неспособного к крутым поворотам Кутузова произошла не тогда, когда он был вынужден уступить, и сам начал поговаривать о новом перспективном движении, а позже. В этом не оставляет сомнения фраза Беннигсена, которой он подытоживает принятие решения: *«Здесь, в Пахре, прибыл к нам адъютант государя императора полковник Чернышев»* [43]. Происходит следующее. Главком, решив главнейшую для себя задачу сочинения оправданий царю, в свойственной ему упрямой и единоличной манере пытается дистанцироваться от настырных генералов. Русская армия с Владимирского направления уже ушла на Рязанское, однако мнение о переходе к стороне Калуги все еще кажется ему радикальным. Даже согласившись идти на Тульскую дорогу, Кутузов пытается притормозить события, распорядившись дать армии отдых: *«Завтрашнего числа имеет армия роздых в ныне занимаемой ею позиции, по правому берегу реки Москвы, при Боровском перевозе»*. Но, видимо, его поторапливают, и, проявив в Москве малодушие, он вынужден идти на очередные уступки. К вечеру 4 сентября появляется диспозиция Ермолова 1-й и 2-й Западным армиям на 5 сентября 1812 года к перехо-

ду на Тульскую дорогу. Кутузов подписывает предписание командующему арьергардом генералу Милорадовичу о прикрытии флангового марша армии, а также приказ о проведении обманных маневров на Рязанской дороге [44].

Затем Кутузов останавливается у Подольска и дает квартирмейстерам указание о рекогносцировке там позиции, предписывая Ермолову выделить казаков для их прикрытия [45]. *«Здесь без всякой надобности князь Кутузов пробыл двое суток, не переходя на калужскую дорогу, не от того, чтобы уверен он был, что неприятель не может предупредить его»* (внимание: опять искажение в тексте издания «Записок» Ермолова 1991 года. — А. Д.) — *«За одну сию ошибку неприятель сделал две грубейшие. Удержанный в Москве грабедом и пьянством, он... ни о чем не заботился. По медленности движения нашего из Москвы, он правым берегом Москвы-реки мог предупредить нас на переправе, или по крайней мере отбросить нас на Рязань, преграждая все прочие пути»* [46]. Задержка дала Клаузевицу основание думать, что *«эта дорога и была первоначальной целью флангового марша, и лишь после того, как старый главнокомандующий увидел, что дела идут так хорошо, он дал себя убедить предпринять третий марш до Старой Калужской дороги, так как на Тульской мы задержались на целый день»* [47].

Только вечером 6 (18) сентября, проведя совещание с командирами частей 2-го и 4-го корпусов, Кутузов объявляет свое решение о продолжении флангового марша армии на Калужскую дорогу. Об этом он в тот же вечер рапортует царю, донося об успехе *«фальшивого движения»* к Подольску и вновь заверяя: *«Сим способом надеюсь я, что неприятель будет искать дать мне сражение, которого на выгодном местоположении равных успехов, как при Бородине, я ожидаю»* [48]. Как обычно, обещаний он не выполнил и сражения не дал. Дата окончательного принятия Кутузовым решения на Тарутинский маневр подтверждается «Исходящим журналом штаба генерала Барклая де Толли по секретной части», где под 6 сентября записано: *«По воле Главнокомандующего всеми армиями, обе армии взяли другое направление, нежели прежде было предположено, и следуют через Подольск на Калужскую дорогу»* [49]. Легко угадать, что усеченное корпусное совещание (без генералов, ранее подававших соображения) было созвано, чтобы Михаил Илларионович мог присвоить себе авторство наконец-то усвоенной им стратегической идеи. Вслед за этим будто разрывается бумажная бомба: помимо донесения Александру I из канцелярии главкома вылетает целый бумажный поток.

В восемь часов пополудни 6 сентября арьергарду Милорадовича отправляется приказание об отступлении к Подольску, и безо всякой секретности, чуть ли не торжествующе излагается, что *«армия имеет в предмете выиграть еще Калугскую дорогу и потом действовать на коммуникации неприятеля, то есть на Можайскую дорогу»*. Там же указывается расположение отделенных войск Раевского [50]. Автор текста приказа — полковник Толь, безумно довольный тем, что наконец-то победила его точка зрения, спешил закрепить военный поворот. Перемешался приказ дорогами, по которым рыскали вражеские авангарды и фуражиры. Там, при объезде Москвы, был взят в плен французами министр финансов России Д. А. Гурьев. Другие письма, из которых понятны планы русского командования, в тот же день отправляются П. Н. Каверину, Д. И. Лобанову-Ростовскому, П. В. Чичагову [51]. Неудивительно, что Ермолов в то время действовал, *«не переставая признавать главную квартиру врагом всякой тайны»* [52]. Наполеоновские маршалы и генералы, однако, оказались не на высоте и потеряли русскую армию, неправильно интерпретировав появление русских отрядов у Подольска. Лишь 13 (25) сентября они вновь отыскивали своего противника в Красной Пахре.

Окончательно версия об авторстве Кутузова в обманном фланговом движении, получившем название Тарутинского маневра, оформилась в записях журнала военных действий, излагающих события с 4 по 8 сентября [53]. Как заполнялся этот журнал, являвшийся не только военным, но и политическим документом (император обязал каждые 10 дней направлять его копию в Петербург), можно судить по эпизоду, документально зафиксированному в записях за 5 (17) декабря 1812 года: *«Проходя мимо фельдмаршала князя Смоленского, трижды «ура» возвестило радость каждого воина»*. Но указ Александра I о присвоении Кутузову этого титула появился в Санкт-Петербурге 6 (18) декабря, и должен был еще дойти к армии [54].

Толкущиеся вокруг гениальности своего идола советские и российские историки поразительно слепы к тому факту, что идея флангового маневра начинала обговариваться задолго до Бородинского сражения как способ защитить столицу, ограничив продвижение врага к ней перехватом французских коммуникаций. Начальный импульс принадлежал Барклаю де Толли, который, однако, не определился с направлением маневра, а затем был лишен возможности принять решение. О том же беспокоились Беннигсен, Ермолов, Толь, Ланской и говорил Клаузевиц: *«При прохождении через Москву автор с волнени-*

ем ждал разрешения вопроса, по какой дороге мы направимся... Для него было приятной неожиданностью, когда он увидел, что... отступали не в прямом направлении на Владимир, а свернули вправо на Рязань... Перед-ко на эту тему беседовали между собою и молодые офицеры Генерального штаба. Таким образом, если этот вопрос и не был разработан до полной ясности, то, по крайней мере, был обсужден во всех подробностях» [55]. Инициатива Кутузова в принятии судьбоносного решения является панегирической выдумкой Михайловского-Данилевского. Толь молчал. Яркий ореол Кутузова создал для него немало выгод, он сделал одну из лучших служебных карьер по итогам Отечественной войны, став генералом от инфантерии, затем — графом и крупным имперским чиновником, управляющим путями сообщения и публичными зданиями. Помалкивал и Ермолов, лишь к концу жизни оставив свои записки. Барклай де Толли умер в 1818, а Беннигсен в 1826 году.

Кто только впоследствии не приписывал себе идею оказавшегося блестящим по результатам маневра, в том числе, не имевшие к нему отношения М. С. Вистицкий, Ж. Б. Кроссар и А. Ф. Мишо де Боретур. Теперь ларчик открылся, понятен весь круг претендентов и основания их причастности. Кроссар участвовал в рекогносцировке 1 сентября вместе с Ермоловым и Толем; генерал-майор Вистицкий был непосредственным начальником Толя и вместе с Михайловским-Данилевским вел журнал военных действий, куда были записаны мнения, высказанные в Филях. О том, что Мишо де Боретур был доверенным лицом Кутузова, упомянуто выше. Барклай, осознавший невыгоды линейного отступления на Владимир, начал фланговое движение. Затем, исчерпав средства убеждения Барклая на более радикальный разворот войск, к Беннигсену пришел Ермолов. За начальником штаба 1-й армии прорисовывается Толь, толкавший его к Леонтию Леонтьевичу, потому что после Дорогобужа был в плохих отношениях с Барклаем. Тут же присоединились ярый противник отступления Коновницын и генерал-интендант Ланской, который иначе не мог обеспечить снабжение войск. Достигнув согласия, генералы набросились на изловленного и выданного им Дохтуровым Кутузова, которому одному принадлежало право отдать через голову Барклая такой приказ. В истории Тарутинского маневра сокрыто очередное подтверждение подлинной природы фельдмаршала, — мнительного, эгоистичного, лживого и норовящего присвоить всю славу себе.

Трижды справедлив Клаузевиц, указав: *«Замысел перехода на Калужскую дорогу, по поводу которого впоследствии так шумели и ко-*

торый в теории военного искусства получил оценку высочайшего достижения, не возник внезапно в голове полководца или кого-либо из его советников... Вообще мы всегда были убеждены, что идеи на войне большей частью так просты и доступны, что нахождение этих идей отнюдь не составляет заслуги полководца. Умение выбрать из представленных пяти или шести идей именно ту, которая даст наилучший результат, может основываться только на пронзительности, быстро охватывающей и оценивающей множество смутно воспринимаемых отношений и при помощи одной интуиции мгновенно принимающей решение, — вот это свойство скорее может считаться основной добродетелью полководца, но это нечто совершенно отличное от изобретательского дарования. Но главное — это трудность выполнения. На войне все просто, но самое простое в высшей степени трудно. Орудие войны походит на машину с огромным трением... Опасность и напряжение, вот те стихии, в которых на войне действует разум. Об этих стихиях ничего не знают кабинетные работники. Отсюда получается, что... даже для того, чтобы оказаться не ниже уровня посредственности, требуется недюжинная сила» [56].

Наконец-то, «со времени только уступления Москвы во власть неприятеля, открывается система стратегических действий» русской армии [57]. Вопрос о видной роли в этих действиях Барклая де Толли решается положительно, вопреки кочующему по литературе эмоциональному и необоснованному мнению Бутурлина, будто бы он «никогда ничего другого не знал, как идти прямо назад... чтобы не быть отрезанным от Камчатки» [58]. Кутузов после немалого промедления все же рассудил к лучшему, и при неожиданном бездействии Наполеона, оказался способен возглавить движение. После совещания в Подольске он развивает бурную деятельность, предписывая остановить эвакуацию Тульского оружейного завода, упорядочивая свой штаб, а заодно лишая реальной власти своего главного теперь соперника за славу, — Беннигсена, отдав его полномочия дежурному генералу Ковнищину, делает массу других распоряжений [59].

Около 8 (20) сентября обнаруживается возросший интерес главнокомандующего к партизанскому движению. Михаил Илларионович велит генерал-майору И. С. Дорохову разведать Можайскую дорогу и учинить на французов нападение у Перхушково, «стараясь наиболее истреблять парки неприятельские» [60]. Ливень приказов не идет в сравнение с каплей в период 2–3 сентября. Как последний штрих, следует уведомление Владимирскому гражданскому губернатору А. Н. Супо-

неву: «Покорно прошу курьеров, едущих из С.-Петербурга к его сиятельству князю Кутузову, направлять на Старую Калужскую дорогу, где получают известие о том, где армия будет находиться» [61].

Подлинное течение событий естественным образом разрешает недоумения В. С. Норова и многих других, размышлявших: «Военная слава Кутузова в 1812 году основана на превосходном его движении с Рязанской на старую Калужскую дорогу... но, кажется, что, для достижения сей цели, ему следовало бы идти кратчайшим путем, и не теряя времени... послав через Москву один арьергард для маскирования сего движения; но мы видели, что вся наша армия, оставя позицию при Филах, вступила в Москву, целый день тянулась через обширную сию столицу, покинув в ней множество раненых, отсталых и мародеров, вышла в Коломенскую заставу, следовала по Рязанской дороге до Боровского перевоза и потом уже, повернув через Подольск, вышла к Красной Пахре на Калужскую дорогу. К счастью, Наполеон несколько дней не знал о направлении нашей армии» [62].

9 (21) сентября армия прибыла в деревню Красная Пахра на реке того же названия, в 35 верстах от Москвы на Старой Калужской дороге, где по усталости и начавшимся перебоям в снабжении войск было предположено остановиться [63]. Кутузов предписал Ланскому доставить 100 тыс. подков для перековки лошадей, и начать проведение реквизиций продовольствия у крестьян, выделив ему для этой цели команды фуражиров [64]. Тут до главнокомандующего докатилась «пилюля» от императора, — из Петербурга 10 (22) сентября прибыл флигель-адъютант Александра I, полковник А. И. Чернышев с царским планом продолжения войны, подрывавшим единоличные амбиции Михаила Илларионовича. Самодержец решил придать больше значения войскам Чичагова и Витгенштейна, чтобы отсечь врага от Европы, как щипцами. Стратегически это было мудрее, чем планы Кутузова, надеявшегося издергать партизанскими наскоками, заморить голодом и проводить из России Наполеона, не думая о том, что западнее Днепра у него остаются резервы. Петербургский план имел большой запас прочности, не требуя генеральных сражений от боявшегося их главнокомандующего, а удаленность захвата клещей лишала французов возможности увести награбленное в Москве. Этот выдающийся для своего времени военный план консервативные и панегирические историки пытаются игнорировать или опорочить, если уж нельзя приписать его Кутузову.

Напомним, что по свидетельству Д. М. Волконского, Михаил Илларионович 5 (17) сентября выказывал мысли притянуть к себе 3-ю

Западную и Дунайскую армии для возмещения огромных потерь и создания угрозы коммуникациям Наполеона под Москвой. Во исполнение звучавших с августа пожеланий приблизиться, Тормасов уже распорядился войскам выступать по маршруту через Бобруйск на Мстиславль *«яко параллельный боковой операционной линии неприятеля»*, о чем 10 (22) сентября пришли его донесения [65]. Но к этому времени Кутузов передумал, и начал вызывать к себе уже одну Дунайскую армию Чичагова. Эти движения совсем не похожи на привезенный Чернышевым план.

С прибытием флигель-адъютанта главком, который отдалил от себя Тормасова, довел до каления Барклая и принялся за уничтожение Беннигсена, был вынужден дать задний ход. Попытавшись прикрыться тем же Беннигсеном, который не дал ему поюлить, согласившись с царскими предложениями [66], новоиспеченный фельдмаршал (Чернышев привез ему эту приятную весть) вынужденно одобрил монаршую мысль употребить 3-ю и Дунайскую армии соединенными против дальних коммуникаций и резервов Наполеона в районе Минск-Борисов-Орша. Вопреки желанию Кутузова, соединенные армии вручались адмиралу Чичагову, а Тормасов был вызван в Главную армию, — заместить потерю Багратиона. Поэтому очевидна неискренность фельдмаршала, рапортовавшего о принятии царского плана действий, и усмотревшего в нем лишь *«малое различие»* со своими собственными распоряжениями [67].

В Петербургском плане глубокого стратегического охвата главных сил Наполеона, снискавшем положительную оценку многих военных теоретиков, включая Клаузевица [68], видна рука каких-то других советников царя. Станным и незаслуженным образом изъяты их имена из русской военной истории, оставшейся с догадками. Но материалы военно-ученого архива Главного (Генерального) штаба позволяют закончить споры и утверждать, что общая идея операции принадлежит военному министру Барклаю де Толли, будучи высказанной в адресованной царю записке о защите западных пределов России. Она содержит там как предположение о ведении оборонительной войны при вторжении врага на центральном направлении: *«В таком случае резервная армия, отступая медленно, старается ввести его за собою далее во внутрь края, дабы фланговые армии вернее могли окружить его, отрезать от продовольствия и истребить все его силы»* [69]. Действуя по этому сценарию, Барклай 31 июля (11 августа), находясь под Смоленском, дал Чичагову и Тормасову ориентировки *«зайти во фланг»*

и в тыл большой его (неприятельской) армии», определяя направления ударов Минск или герцогство Варшавское [70].

Идея была развита П. М. Волконским, возглавлявшим при Барклае русские квартирмейстерские службы, а в ходе войны 1812 года неотлучно находившимся при особе государя и стремившимся превратить Свиту его императорского величества в полноценный штаб. Ввиду углубления Наполеона в сердце России, Волконский перенес коридоры прорыва и боевые рубежи для фланговых русских армий в полосу намеченной перед войной оборонительной линии по рекам Березине и Днепру, на местность, изученную и картографированную в ходе двухлетней подготовки к войне. Тамошние лесные дефиле обещали больше успеха в окружении и удержании отступающего противника. Вот, собственно говоря, весь ларец с историческим секретом.

П. А. Жилин, пытаясь дезавуировать Петербургский стратегический план, не нашел ничего лучше, как заявить, что тот *«был ошибочен в своей основе, ибо он исходил из неправильного предположения об отступлении французской армии по Смоленской дороге сразу же после поражения у Бородина»* [71]. Но разве можно было окружить армиями, находящимися у Полоцка и Луцка, еще не готовыми к наступательным действиям, противника, уже отступающего от Бородина? Очевидная химера. Чернышев выехал в армию 2 (14) сентября, и содержание данного ему верительного письма показывает: самодержец уже догадался о «победоносной ретираде» Кутузова за Можайск. Это-то и привело в действие новый план [72, 73]. После отъезда Чернышева Петербургский план продолжал подвергаться уточнениям, которые были отправлены в армию 7 (19) сентября с его автором — П. М. Волконским, имевшим полномочия для согласования деталей на месте. Верительное письмо Александра I гласило: *«Между тем, получил я... печальное известие, что вы решились с армией оставить Москву»* [74]. Таким образом, к началу плановых движений все знали о сдаче Москвы.

Что касается Кутузова, умудрившегося нерешительным образом действий привести Главную русскую армию к подобию резервной, его в то время больше интересовало отсутствие выводов по собственной светлейшей личности за позорную и неподготовленную сдачу столицы. Полковник Чернышев поскакал на Волынь, а Михаил Илларионович, должно быть, крестился, что ему удалось убедить флигель-адъютанта в том, что *«хотя взятие Москвы произвело везде и во всех*

большое впечатление, однако же оно взятыми предварительно мерами о вывозе почти всего из города не столь улучшило бедственное положение неприятеля, чтоб он бы мог здесь держаться долго и отнять у нас надежду его уничтожить» [75]. На таких ложных послылках русская сторона могла проиграть войну, если бы Наполеон своей бесхозяйственностью не способствовал утрате огромных московских трофеев. Левенштерн вспоминает, что Барклай был глубоко возмущен: «*Нет, вскричал он, — недостойно так обманывать своего монарха! Видели вы Чернышева?*» (Михаил Богданович прочел реляцию о Бородинской битве, привезенную флигель-адъютантом). Но тот был плотно взят в оборот лицами из окружения Кутузова, встретиться с ним Барклаю и Левенштерну не удалось [76].

Интригам была причина: Кабинет Министров империи принял постановление «О необходимости дать указание М. И. Кутузову представить протокол военного совета в Филях», в котором говорилось: «*Донесения... князя Голенщикова-Кутузова как от 29 прошедшего августа, так и последнее, Комитету сообщенное, из коих первым предваряет он об отступлении армии из позиции под Бородиным, а вторым извещает о неожиданном допущении неприятеля в Москву без всякого сопротивления, не представляют той определенности и полного изображения причин, кои в делах столь величайшей важности необходимы*» [77]. Фельдмаршалу грозило серьезное разбирательство.

Пока флигель-адъютант — глаз царя, наскоро инспектировал армию, Михаил Илларионович и большая часть его войск продолжали находиться в Красной Пахре. Оттуда он 11 (23) сентября, опасаясь Чернышева, послал Александру I пространное донесение об успехе обходного маневра, который, по своему упирающемуся мышлению, считал оконченным [78]. Вскоре туда же прибыла английская военная миссия в составе генерала Вильсона и лорда Тирконнелла в сопровождении генерал-адъютанта Волконского. Сэр Роберт Томас Вильсон, известный как суровый критик Кутузова, судя по его донесению императору Александру от 13 (25) сентября, поначалу был настроен к фельдмаршалу уважительно. Бородино он считал русской победой (устоял против Наполеона), отказ от повторного сражения перед Москвой, — оправданным, а провизию в Москве — истребленной. Он отмечал только: «*Принятая заранее решимость могла бы уменьшить несколько значительных потерь при уступлении Москвы*», считая, что это «*случилось там от недостатка в распоряжениях и от колеблемости в совете*» [79].

Вильсон быстро улавливает раздоры между русскими генералами и пишет царю: *«Я употреблю все возможные старания для содействия к примирению и... удалению явной вражды»*. Его глаз начинает замечать недостатки командования: *«Должен представить В. В., что то же нерадение, которое от Смоленска подвергало вашу армию опасности, и до сих пор продолжается. Я признаю, что когда смотрю на сие бранное ополчение, построенное в ордер баталию, то в победе не сомневаюсь, но когда вижу оное на походе, то трепещу за его безопасность»*. Первое представление, сделанное Вильсоном и поддержанное П. М. Волконским, было об улучшении состояния мостов и дорог для облегчения переходов армии, *«чтобы никакой поход не предпринимался без особого отряда, составленного из одного офицера с 20 пионерами, составленными на каждом мосту по дороге»*. В интересах единоначалия английский генерал не ходатайствовал за Баркляя де Толли, но, зная важность организации партизанских налетов на врага, просил царя о возвращении команды и доверия к атаману Платову. Он с симпатией отзывается о русской армии и русских, обещая Александру I *«и впредь доносить обо всем, что мне покажется полезным для службы В. В.»* [80]. Все это не укладывается в созданный апологетами убогий образ Вильсона, как человека, не жалевшего русской крови, соблюдавшего только британские интересы. Сочувствие и симпатию в адрес России выказывал в своих письмах и донесениях лорд Тирконнелл. В переписке английской миссии в очередной раз читаем: Беннигсену *«обязаны мы движением на Калужскую дорогу после падения Москвы, движение, которым спасена империя»* [81].

С 12 (24) сентября в направлении Пахры стали появляться отряды противника. По Калужской дороге на Десну двигался корпус Бессьера, от Подольска приближался Мюрат. Беннигсен предлагал главнокомандующему *«стойко ожидать»* нападения [82]. Барклай, учитывая разделение французами своих корпусов, *«помышлял о непременно уничтожении неприятеля»*, считая, что нужно укрепиться в Красной Пахре с двумя третями армии, а остальную часть отрядить *«для пресечения неприятелю всякого сообщения со Смоленском и Витебском»*. Отступить дальше от Москвы Барклай не предполагал [83]. Кутузов колебался. Совсем недавно он обещал царю *«принудить неприятеля оставить Москву»* и дать сражение, *«которого на выгодном местоположении равных успехов, как при Бородине, я ожидаю»* [84]. Очередное уклонение от боя в Петербурге могли не понять, а он все еще не столько вредил противнику на Можайской дороге, сколько цеплялся

корпусом Раевского за Тульскую, пытаясь понять, какой стороной пойдет на него Наполеон.

Опасаясь обхода со стороны Подольска, Михаил Илларионович соглашается отдать распоряжения Милорадовичу, Раевскому, Остерману-Толстому и Паскевичу атаковать противника до его сосредоточения. Увы, приказная документация лишена четкости и порядка. Распоряжение в адрес Милорадовича подписывает Беннигсен. Из последующего приказа Кутузова об отправке на помощь арьегарду 4-го пехотного и 2-го кавалерийского корпусов видно, что за спиной Леонтия Леонтьевича прячется сам главнокомандующий (если бой будет проигран, — это вина Беннигсена, а он мудро придвигал подкрепления). Затем, тревожась, Кутузов своим личным предписанием наказывает Милорадовичу избегать боя с крупными силами противника. Узнав об этом, Беннигсен отменяет атаку, чтобы не обнаруживать бессмысленно силы армии [85]. Возникшее недоумение (что мог думать Милорадович о таком комплекте приказов?) кое-как разъясняется Толем: *«Так как вам не велено атаковать, а полагают, что вы можете быть атакованным, то и приказано 4-му корпусу и 2-му кавалерийскому быть готовым на ваше подкрепление, буде вы будете атакованы»*. Поскольку Толь опять сослался на Беннигсена, взбешенный Милорадович потребовал разъяснений от главнокома, какие и были даны уже в полночь с 12 на 13 сентября лишенным отдыха Карлом Федоровичем [86].

На следующий день все повторилось. Игра в «наступаю-отступаю» была сыграна с участием Коновницына. То же самое произошло 15–16 сентября: *«Три раза приказа были отданы и три раза отменены»*. Новое сражение заглохло, не начавшись. Прав оказался Барклай, утверждавший, что крупных сил противника на правом фланге армии нет, требовавший разведки боем к Москве и посылки сильных отрядов на Можайск. Попытка отразить очередное, на сей раз мифическое нападение Наполеона, выглядела так неуклюже, что Барклай не удержался от язвительной шпильки: *«Неприятель был столь неучтив, что не умел ценить наше к нему уважение: он нас не атаковал»* [87]. Это был явно не суворовский стиль руководства. Бутурлин, бывший очевидцем совещания командующих армиями в Красной Пахре, хорошо описывает свойственную Михаилу Илларионовичу манеру уходов от прямого конфликта и вкрадчивых заверений, ни к чему не ведущих, поскольку тайно делается обратное. Так главнокомандующий добивался своих целей, продолжая вносить нестройность и смущение в войска [88].

В итоге Кутузову хватило переживаний от перспективы новой встречи с Бонапартом. Оставаться в Пахре признали опасным. Еще 14 (26) сентября последовало предварительное распоряжение главнокомандующего о переходе армии на новые позиции (конечно, не вперед, а назад, и потому подписанное Коновницким) [89]. Мотивировалось оно тем, что «в 15-ти верстах от деревни Мочинской, где Чириковская дорога соединяется с большою», найдена лучшая позиция [90]. Сентябрьские обещания Михаила Илларионовича быстрее освободить Москву оказались такими же пустыми, как и ранее раздаваемые им уверения не допустить врага в столицу. 15 (27) сентября начался переход, посреди которого было упразднено деление русских войск на 1-ю и 2-ю Западные армии. Тем самым Барклай де Толли остался не у дел и вскоре принял решение покинуть армию, для которой так много сделал.

Из описания таких перипетий становятся понятнее негативные отзывы русских генералов о Кутузове. Ермолов говорил о его низком малодушии, интриганстве и любви к «рабственным похвалам льстецов» [91]. Эта характеристика разделялась Дохтуровым и Паскевичем. По отзыву Милорадовича Михаил Илларионович «был человек подлого нрава» [92]. Раевский называл фельдмаршала «невеликой птицей», «бездарнейшим из вождей», утверждая, что «провидение спасало отечество», а о 1812 годе «напечатали небылиц» [93]. Левенштерн полагал князя Смоленского умным человеком, но ломающим комедию интриганом и лжецом [94]. Нелицеприятные отзывы о главкоме и положения в армии под его руководством дал Ростопчин в письме Горчакову из Вороново: «Сон Кутузова есть от слабости, а остаток рассудка его не здесь, а ползает по передним в Петербурге» [95]. Посланец царя Чернышев сказал, что в армии «недостает только: деятельности, отваги и порядка», то есть качеств, зависящих от главнокомандующего [96]. Вскоре к критикам присоединится Вильсон, обнаруживающий в методе командования «спасителя» все больше недостатков. Одна из подробнейших характеристик личности и порядка ведения дел Кутузовым принадлежит часто общавшемуся с ним по службе Маевскому, — из нее проступает человек талантливый дипломатически и политически, мастер слова, но без больших военных способностей, знающий в себе эту слабость, то обаятельный, то грубый, ленивый, завистливый, конкурентный и порочный.

17 (29) сентября произошел довольно крупный бой арьергарда Милорадовича у Чирикова, в котором поляки потеряли не менее 500

чел., а конвой Мюрата был рассеян, и сам он едва спасся от смерти или плена [97]. Преследователи отступили, но стало ясно, что враг нашупал маневрирующую русскую армию. Тут *«вдруг донес Толю подполковник Гартинг, что под Тарутиным есть позиция, на которой можно будет дать сражение и твердо ожидать неприятеля. Простое известие сие заставило Кутузова велеть продолжать ретироваться»* [98]. Фельдмаршал для виду провел совещание с Беннигсеном и Ермоловым *«касательно отступления нашей армии до Тарутина»*. Беннигсен предложил движение вперед, чтобы не отдавать противнику территорию и источники для фуражировки. Его предложение не было принято [99].

Отступление было плохо организовано. *«Близ селения Мочи арьберггард был сильно тесним неприятелем; трудная позади переправа у селения Воронова была причиною большого в войсках беспорядка, и правому флангу угрожала опасность быть отрезанным. До того странно было распределение войск арьберггарда, что генерал-лейтенант Раевский, полагая иметь впереди себя всю кавалерию, не знал, что с целым корпусом пехоты и батареею артиллериею проводил ночь, составляя собою передовые посты. Кавалерия, не завися от него, не почла нужным закрыть корпус собою, и если никаких от того не произошло последствий, то единственно потому, что арьберггард должен был на завтра отойти назад»* [100]. Но французы активизировались слишком поздно, и 21 сентября (3 октября) главные русские силы (благодаря твердо проведенному Милорадовичем арьберггардному бою с Мюратом при Спас-Купле) благополучно прибыли в Тарутино.

Таким был на деле Тарутинский маневр, продолжавшийся добрых двадцать дней. Изложенное не отменяет его высокую оценку военной наукой. То, что маневр удалось совершить армии, оставившей свою столицу, преодолевающей жесточайший моральный удар и дезорганизацию, является достижением превосходного порядка. Только надо помнить о двух вещах: парализованный своими успехами и раздумьями Наполеон был уже не тот, — иначе он не позволил бы недобитому противнику много дней бродить у московского пепелища; а роль Кутузова в маневре была вовсе не так феерична, как то пытаются вещать. Как резюмировал Барклай де Толли: *«Сие движение есть важнейшее, приличнейшее к обстоятельствам из всех, совершенных со времени прибытия князя... Впрочем, несомненно, что сему городу (Москве) следовало сделаться могилой Наполеона, если б не выпустили его из Московской губернии»* [101].

1. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 215.
2. Голицын А. Б. Записка о войне 1812 г. // Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем. СПб., 1911. С. 70–71.
3. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 359.
4. Голицын Н. Б. Очерки воен. сцен // Рус. Архив. 1884. № 4. С. 344.
5. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 258. С. 224.
6. Там же. Док. № 253, 254. С. 222.
7. Бенкендорф А. Х. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 99, 101–102.
8. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 259. С. 225–226.
9. Отеч. война 1812 г. Историч. мат. лейб-гв. Семеновского полка. Полтава. 1912. С. 55.
10. Попов А. Н. Движение рус. войск от Москвы до Красной Пахры // Рус. Старина. 1897. № 6. С. 515.
11. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 118. С. 123.
12. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 260, 261. С. 226, 227.
13. Там же. Ком. № 1 к док. № 261. С. 227.
14. Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г. // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 17.
15. Ростопчин Ф. В. Письма к супруге и дочери и заметки о 1812 г. // Рус. Архив. 1901. № 8. С. 464.
16. Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 175.
17. Андреев Н. И. Воспоминания // Рус. Архив. 1879. № 10. С. 194.
18. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 266. С. 230.
19. Там же. Док. № 268. С. 231–232.
20. Там же. Ком. № 2 к док. № 262. С. 227.
21. Шербинин А. А. Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 219.
22. Радужицкий И. Т. Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев, 1912. С. 75.
23. Там же. С. 76.
24. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 207. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 99.
25. Там же. С. 205.
26. Левеништерн В. И. От Бородина через Москву // Россия и Наполеон. Отеч. война в мемуарах, док. и худ. произв. М., 1912. С. 156.
27. Липранди И. П. Выписка из дневника 1812 г., сент. 3-го и 4-го дня // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Липранди И. П. Выписка из днев-

ника 1812 г., сент. 3-го и 4-го дня. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/04.html>, 09.04.2018.

28. Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г. // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 18.

29. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 270. С. 233.

30. Там же. С. 234.

31. Две беседы полковника Мишо с имп. Александром I в 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 173.

32. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 270. С. 233–234.

33. Две беседы полковника Мишо с имп. Александром I в 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 171–175.

34. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 263, 271. С. 228, 235.

35. Там же. Док. № 268. С. 231–232.

36. Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1897. Ч. 1. С. 61.

37. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 86.

38. Липранди И. П. Выписка из дневника 1812 г., сент. 3-го и 4-го дня // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Липранди И. П. Выписка из дневника 1812 г., сент. 3-го и 4-го дня. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/04.html>, 09.04.2018.

39. Там же (цит. по: вступ. слово А. Г. Тартаковского).

40. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 09.04.2018.

41. Маркграфский А. Н. Истор. лейб-гв. Литовского полка. Варшава, 1887. С. 45.

42. Манзей К. Н. Истор. лейб-гв. Гусарского полка. СПб., 1859. Ч. 2. С. 68–69.

43. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 87.

44. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 274, 275, 278. С. 236–238, 240.

45. Там же. Док. № 273. С. 236.

46. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 208. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюсс.-Лондон, 1863. С. 100.

47. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 105.

48. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 281, 282. С. 242–243.

49. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ / Отд. 1 / Т. XVII. СПб., 1911. С. 192.

50. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 290. С. 248.

51. Там же. Док. № 283, 284, 286, 288, 289. С. 244–247.

52. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 212. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 104.*
53. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 276. С. 238–240.*
54. *Там же. Т. 4. Ч. 2. Док. № 555, 556. С. 545, 547.*
55. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 102–103.*
56. *Там же. С. 103–104.*
57. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 201.*
58. Бутурлин Д. П. *Кутузов в 1812 г. // Рус. Старина. 1894. № 10. С. 208.*
59. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 291–295. С. 248–251.*
60. *Там же. Док. № 301. С. 254.*
61. *Там же. Док. № 302. С. 255.*
62. Норов В. С. *Записки о походах 1812 и 1813 гг. СПб., 1834. Ч. 1. С. 8–9.*
63. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 88.*
64. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 310, 35, 316. С. 254, 261.*
65. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 66.*
66. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 87.*
67. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 283, 284, 323. С. 244–245, 268–269.*
68. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М. 2004. С. 110–111.*
69. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1900. Т. I. Ч. II. С. 5.*
70. *Там же. СПб., 1911. Т. XVII. С. 166–169.*
71. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 223–224.*
72. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVI. С. 201–202.*
73. *Сб. РИО. Т. 122. СПб., 1905. С. 64.*
74. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 25.*
75. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 322. С. 267.*
76. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина. 1901. № 1. С. 109.*
77. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 333. С. 274–275.*
78. *Там же. Док. № 336. С. 277–278.*
79. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 129. С. 142.*
80. *Там же. Док. № 130. С. 146–147.*
81. *Там же. Док. № 182. С. 247.*
82. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 92.*
83. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 28.*
84. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 270, 282. С. 234, 243.*
85. *Там же. Док. № 359–362. С. 291–293.*

86. Там же. Док. № 364 и прим. № 3 к док. № 364. С. 293–294.
87. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 30–31.*
88. Бутурлин Д. П. *Кутузов в 1812 г. // Рус. Старина. 1894. № 10. С. 213–216.*
89. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 391, 393. С. 307, 308–309.*
90. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 30.*
91. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 260, 261. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 153–155.*
92. Михайловский-Данилевский А. И. *Из воспоминаний // Рус. Старина. 1897. № 6. С. 467.*
93. Батюшков К. Н. *Соч. СПб., 1887. С. 37.*
94. Левентерн В. И. *Записки // Рус. Старина. 1901. № 1. С. 108–109.*
95. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1903. Ч. 7. С. 414.*
96. *Сб. РИО. СПб., 1905. Т. 122. С. 66.*
97. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 4. Отд. I. С. 254–255.*
98. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г. // Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем. СПб., 1911. С. 72.*
99. Беннисен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 93.*
100. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 209. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 101.*
101. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 28, 32.*

8.2. КУТУЗОВ И РУССКАЯ АРМИЯ В ТАРУТИНСКОМ ЛАГЕРЕ. ИНТРИГИ

К Тарутину М. И. Кутузов, согласно его рапортам царю от 22–23 сентября, привел 77,9 тыс. регулярных войск (в том числе 2,4 тыс. офицеров и 7,7 тыс. рекрут) при 622 пушках и 28 казачьих полков (что составляло еще около 14 тыс. чел.). Из них «старых рядовых 52 тысячи», при надежде, что «в непродолжительном времени до 2 тысяч прибыть могут выздоровевших и мародеров, в разных губерниях пойманных». Ополченцев при армии осталось 15,5 тыс., расписанных по регулярным полкам. К этим войскам в лагере присоединились 8 тыс. новых регулярных войск — 6 полков, сформированных генералом В. А. Русановым в Воронеже, Рязани и Тамбове [1]. Велика была нужда в опытных, обученных бойцах, на которых, из-за неумения использо-

вать ополченцев и казаков, пришлась львиная доля русских потерь. По позднее опубликованным данным К. Ф. Толя, при Бородино было в огне 95 тыс. русского линейного войска (83 %), 7 тыс. казаков (64 %) и 10 тыс. ополченцев (менее 36 % от их числа). Если же учесть, что всего к армии за время от подготовки к Бородину до сдачи Москвы прибыло более 35 тыс. ополченцев, то доля их боевого применения падает до 28 %.

Определяются масштабы дезертирства при сдаче Москвы: в сравнении с цифрами Бутурлина убыло 12,7 тыс. старых солдат (65 тыс. — 52,3 тыс.) и какое-то количество ополченцев, о численности которых под Москвой он не сообщил, отмахнувшись от них как от некоторого остатка. Считая от данных о численности и потерях армии в Бородинской битве, обнаруживается недостача порядка тех же 12 тыс. регулярных солдат и 12,5 тыс. ополчения (28 тыс. ополченцев, бывших при Бородине — 15,5 тыс. расписанных по полкам). От Можайска до Москвы ратники продолжали прибывать; с учетом 7 тыс. вновь прибывших, получается выход к цифрам: примерно 90 тыс. чел. составила под стенами столицы русская регулярная армия вместе с казаками; и порядка 19,5 тыс. чел. осталось в собственно ополчении. Эти «не расписанные», наиболее худо вооруженные ополченцы полностью исчезли.

Таким образом, общая потеря русских войск при сдаче Москвы определяется в $12,7 + 19,5 = 32,2$ тыс. убывших бойцов. Из них не более 4–5 тыс. чел. можно признать как боевые потери в арьергардных боях, произошедших перед Москвой, и в движении к Тарутину. А если Кутузов включил в состав линейных солдат (подсчитанных по состоянию на 23.09.1812 г.) более 4 тыс. прибывших к армии 21.09.1812 г. «из формирования князя Лобанова из Рязани» [2], все выглядит еще печальнее: порядка 17 тыс. убили основных войск и те же 19,5 тыс. ополчения.

Внутренние потери подтверждаются другими источниками. Клаузевиц оценивает численность русской армии по прохождению ею Москвы в 70 тыс. чел. (минус 20 тыс. по сравнению с «подмосковной оценкой Бутурлина») [3]. Как и последний, он мало внимания уделяет ополчению, недооценивая его численность, и не определяя убыль. Ф. П. де Сегюр пишет: *«Пять тысяч ополченцев, забытых на кремлевской площади... рассеялись по первому требованию. Дальше мы настигли провиантский обоз, конвой которого тотчас бросил оружие. Несколько тысяч русских, среди которых были и отставшие дезертиры,*

добровольно сдались нашему авангарду, который предоставил следующему за ним корпусу подобрать их... Та же участь постигла и неприятельских солдат в числе приблизительно десяти тысяч. Они бродили среди нас на свободе, причем некоторые из них были даже вооружены. Наши солдаты без неприязни относились к этим побежденным; им даже не приходило в голову брать их в плен... Они давали им греться у своих костров и даже позволяли принимать участие в грабеже. Когда... начальники превратили мародерство в регулярную фуражировку, было замечено большое количество оставших русских. Был отдан приказ захватить их» [4].

Доводы, что часть армии была отделена на Владимирскую дорогу и разделена на партизанские отряды, легко парируются. К Владимиру Кутузовым были направлены в основном формирующиеся и резервные полки, не учтенные ни Бутурлиным, ни при Бородине. Затем главнокомандующий распорядился вернуть с Владимирского тракта резервы и войска, оказавшиеся там после потери Москвы. Состав и время образования партизанских отрядов хорошо известны. Они покрывают незначительную часть убыли русских войск, а ведь за период с 1 по 22 сентября были и довольно большие пополнения. Что говорить, если сам главнокомандующий соединенными армиями, «екатерининский орел» Михаил Голенищев-Кутузов, 2–3 сентября 1812 года оказался в роли такого же дезертира-мародера, отлучившегося из армии военнослужащего, каких сам денно и ночно преследовал? Еще одно такое отступление, и Главная армия могла растаять прежде закономерного конца наполеоновских полчищ. За оставление столицы она расплатилась убылью, равной потерям в крупном сражении. Лишь малая часть разбежавшихся была возвращена в ряды армии, а большинство были пленены французами, умерли зимой от голода и тифа, или пробирались тайком в родные губернии. О прочих потерях в лице брошенных в Москве тысячах раненых, серьезных утратах обоза и матчасти русской артиллерии, уже говорилось выше. В 1807 году в битве под Фридрихсдорфом, приведшей к подписанию Тильзитского мира, Беннигсен потерял намного меньше.

Если такие факты удавалось не замечать советским историкам, то петербургское военное ведомство и самодержец их не проигнорировали: *«Князь Михайло Ларионович! По приезде генерал-адъютанта князя Волконского из доставленного вами строевого рапорта усматриваю: что наличное состояние армии... невероятным образом уменьшилось... Таковое чрезвычайное в людях уменьшение, без сомнения, произошло*

частью от действий военных; но не могу также не признать значительную тому причину несоблюдение в армии строгого воинского порядка», — написал Кутузову 8 (20) октября Александр I. Заметил император и недостачу пушек: «Сравнивая нынешнее число оных с прежних их количеством и присовокупив к оному поступившие орудия из запасных бригад Смоленской, Брянской и Глуховской, оказывается... в числе оных важный недостаток» [5].

Прикидывая вслед за царем и учтя скрытые Кутузовым бородинские потери (около 40–50 шт.), получается, что Москву не смогли пересечь еще около 40 русских орудий, не считая утраченных в арсенале. Причины могли быть разные: поломка лафетов; продажа за шальные деньги лошадей, после чего не справлялись с транспортировкой; пьянство и дезертирство расчетов; да и вообще любые задержки в условиях, когда французский авангард уже вступил в охваченный паникой город. Фельдмаршала обязали подавать в Петербург более подробные сведения об армии. Он в ответ вертелся как мог. В частности, из цитируемого царского рескрипта следует, что главным, вместо протокола военного совета в Филях (который ему так и не удалось сфальсифицировать) послал Александру журнал военных действий, записи которого вызывают подозрение в приписках.

Кутузов проиграл полководческое состязание и войну нервов с Наполеоном, совершив больше чем ошибку. Во всех без исключения мировых державах и армиях такие систематические некомпетентные действия, сопряженные с обманом властей, считались, считаются и будут считаться преступлением, а корыстные мотивы (в том числе фельдмаршальский жезл и 100000 рублей за фиктивную победу) — отягчающими обстоятельствами. Такова забытая сторона московского вопроса, характеризующая содеянное не как стратегическую мудрость, а как акт измены и саботажа. Разумеется, в таком никто сознаваться и сообщать народу не собирался, а меньше всех — сам виновник трагедии. Вильсон, собирая информацию, 16 (28) сентября написал: «Князь Кутузов, по мнению всех в армии, стал слишком дряхл, но он нимало не склонен оставить команду» [6].

Резкое охлаждение между Михаилом Илларионовичем и Ростопчиным парализовало губернские власти. Главкомандующий отдавал распоряжения через голову губернатора, а тот упрекал его, что узнает о приказах касательно Московской губернии «посторонним образом, хотя более полумесяца нахожусь при главной квартире, где наравне с армией лишен чести видеть лицо вашей светлости. Но пре-

бывание мое при оной я имею не по собственной воле, а по возложенным на меня Е. И. В. поручениям». При отступлении армии в Тарутинскую позицию Ростопчин посчитал свои функции исчерпанными: *«Ваша светлость рассудя за благо оставить и Московскую губернию, так как оставили Москву, должность моя главнокомандующего с выступлением войск кончилась, и не желая ни быть без дела, ни смотреть на разорение и Калужской губернии, ни слышать целый день, что вы занимаетесь сном, отъезжаю в Ярославль и в Петербург. Желая, как верноподданный и истинный сын отечества, чтобы вы занялись более Россиею, войсками вам вверенными и неприятелем; я же с моей стороны благодарю вас за то, что не имею нужды никому сдавать ни столицы, ни губернии, и что я не был удостоен доверенности вашей»* [7].

В соответствии с оборонительными позиционными и тактическими приоритетами главнокомандующего. Тарутинская позиция, как и Бородинская, была изрядно пересеченной, заросшей кустарником, лесом, стесненной и глубокой. Ее центр защищала являвшаяся значительным препятствием река Нара, а левый фланг — впадающая в нее речка Истья. На правом фланге были мокрые овраги, устьями выходящие к Наре у деревни Троицкой, а вершинами — в лесистые высоты. В тыл уходило лесное дефиле с дорогой, по которой армия могла отступить. У этой дороги были сосредоточены резервы, в том числе крупный артиллерийский резерв. Так же, как при Бородине, левый фланг, расположенный за мелкой Истью, выглядел привлекательным для вражеского удара. Новую позицию решили посильнее укрепить земляными оборонительными сооружениями, внутри которых располагались батареи.

По понятным причинам, Беннигсен сразу же попытался разбить Тарутинскую позицию, утверждая, что при ее выборе *«как и при Бородине... руководствовались теми же самыми ложными началами»* [8]. Но Кутузов, поначалу споря, а затем *«не имея, что возразить на представление Беннигсена»*, резко оборвал его по-французски: *«Вам нравилась ваша позиция под Фридландом, а я вполне доволен этой и мы на ней останемся, потому что я тут командую и отвечаю за все»* [9]. Дежурный пример был, мягко говоря, не особо удачный, потому что поражению под Фридландом способствовала теснота русских построений, прижатых к естественным препятствиям (что как раз и наблюдалось в Тарутинском лагере), зато он оскорбил Беннигсена, коего Михаилу Илларионовичу надо было убрать из армии. Он уже понял, что царь стерпел сдачу Москвы, и во избежание угрозы со сто-

роны Кабинета Министров принял решение давить любые несогласия. По утверждению А. Б. Голицына, это стало последней каплей: *«Размолвка на Тарутинской позиции с Беннигсеном была причиной той непримиримой вражды между ними, которая не прекращалась до конца дней Кутузова»* [10].

Закрепившись у Тарутина, Кутузов объявил: *«Теперь ни шагу назад!»* [11]. Расположение армии этому речению главкома (уже в который раз!) не соответствовало. Если бы Наполеон приступил к лагерю, контратаковать его не было возможности. Для этого надо было загодя покинуть лагерь и развернуться для боя, чтобы преодолеть невыгоды местности, а войска хотя бы не мешали друг другу. У Бонапарта же, как указывал Беннигсен, были бы прекрасные операционные линии на Москву и Малоярославец, командные позиции по высотам напротив угрожаемого русского фланга, возможности простреливать тесный лагерь артиллерией, а также маневрировать с целью перехвата русского пути отступления через Леташевку [12].

Невыгодность расположения лагеря подтверждает Ермолов: *«22-го числа в армии при селении Тарутино производились земляные работы для укрепления позиции. Неприятель с жестокостию возобновил атаки против нашего авангарда; генерал Милорадович отражал их мужественно. Невозможно было уступить одного шагу, ибо позади на большое пространство к стороне лагеря продолжающая покатошь оканчивалась речкою, и неприятель, овладевши возвышениями, мог видеть всякое движение в нашем лагере, а по речке расположа передовые посты, препятствовать водою... Ощутительны были невыгоды позиции; лагерь весьма тесный, внутри него передвижение войск затруднительно, по множеству земляных изб; к левому крылу прилежащие возвышения в пользу неприятеля; отделяющий их ручей, в крутых берегах, кавалерии нашей, в случае действия на той стороне, не представлял удобного отступления. Если бы неприятель атаковал позицию, и был бы отбит повсюду, то, отступая под огнем батарей, расположенных им на возвышенном берегу речки, господствующем всю долиною, и не более как в трехстах сажнях встречая нас картечью, мог остановить успехи наши. Мы, со стороны своей, впереди позиции, не имели места противоставить наши батареи... Довольно было неприятелю показать силы на Калужской дороге, которую мы слабо наблюдали, и мы оставили Тарутино»* [13].

Любопытно, как охарактеризовали Тарутинскую позицию члены английской военной миссии. Вильсон отметил: *«Местоположение, на*

котором расположена российская армия, представляет большие выгоды в случае атаки неприятельской с фронта, но надобно думать, что он будет стараться маневрировать на левый наш фланг и в тыл, по дороге идущей в Боровск». Лорд Тирконнелл написал: «Позиция, в которой мы теперь находимся, самая ужасная» [14]. Этот сомнительный отзыв был без смущения процитирован Жилиным как хвалебный на том основании, что следом за приведенной строкой Тирконнелл указывает на большие русские силы. Ну, не бывает, по мнению апологетов, больших сил на плохой позиции, Канны они не изучали.

«Крайне несовершенной» назвал Тарутинскую позицию вышколенный в петербургском Главном штабе Н. Д. Дурново (сын одного из фаворитов Павла I, Д. Н. Дурново) [15]. По мнению Бутурлина: «Лагерь, занятый русской армией под Тарутиным, хотя по виду и очень сильный, в сущности заключал в себе большие недостатки. Фронт, прикрытый Нарою, был неприступен. Правый фланг был также силен... Левый фланг составлял слабую сторону». По дальнейшим описаниям военного историка и очевидца виден повтор ошибок, совершенных при выборе Бородинской позиции: доступность для обхода слева, отдача противнику выгодных рубежей, высот и пространства для маневра. В то же время русские войска были скученны и не могли атаковать через препятствия, за какими спрятались. Под влиянием цензуры это описание уже к 1823 году превратилось в «некоторые недостатки» [16]. Как Багратион и Горчаков были вынуждены упорным сопротивлением у Шевардино компенсировать прореху избранной Кутузовым и Толем Бородинской позиции, так и Милорадович 22 сентября (2 октября) в течение 10 часов сражался в долине Чернишни, у Винькова, не давая французам возможности воспользоваться недостатками Тарутинской местности.

Весьма крупному бою у Винькова (в нем участвовало не меньше войск, чем в позднейшем Тарутинском сражении, а потери достигли 1000 чел. с каждой из сторон), дали лестную оценку «первой решительной победы» русских в эту войну [17] и «поистине великолепного дела» [18]. «В продолжение войны обстоятельства, возлагая на нас горькую необходимость отступления, облегчали неприятелю достижение его намерений. Здесь в первый раз бесполезны были его усилия!» — радовался редко расставляющий восклицания Ермолов [19]. Тем не менее, в царской и советской историографии Виньковский бой остался в тени. Рассказывая о нем, пришлось бы разрушить миф, согласно которому превосходно задуманный и отлично проведенный фланговый

маневр русской армии завершился ее остановкой на безупречном месте. Одним из первых российской аудитории о бое при Виньково рассказал В. А. Бессонов.

Позднее, в Плоцке, в присутствии А. Б. Голицына, К. Ф. Толя и Ф. О. Паулуччи, М. И. Кутузов обосновал выбор Тарутинской позиции субъективно и политически, пренебрегая тактическими соображениями: *«Нельзя было и думать миновать Калугу... Мне необходимо было оставаться на месте, чтобы укомплектовать армию и не беспокоить особенно Наполеона. Эта позиция во всяком случае была не хуже всякой другой»*, и он был *«почти уверен»*, что в интересах Наполеона *«было маневрировать, а не давать сражение»* [20]. К аналогичному выводу о намерениях Кутузова пришел и Ермолов: *«На некоторое время, без всякого условия, прервались действия, и не сделано ни одного выстрела. Гг. генералы и офицеры съезжались на передовых постах с изъяснением вежливости, что многим было поводом к заключению, что существует перемирие... Неприятель пребывание наше у Тарутина сносил терпеливее, нежели у Малоярославца или паче, у Боровска. Он... дал нам время для отдохновения»* [21]. Хорошо то, что хорошо заканчивается, однако, на протяжении всего XIX в. военные историки замечали, что тактическая слепота у Михаила Илларионовича не прошла. Он опять загнал армию в расположение, которое *«не представляло нам никаких выгод в тактическом отношении»* [22]. К счастью, наступил другой этап войны, и опасное положение Главной русской армии осталось без последствий. Выдвинутый к Тарутину корпус Мюрата был слишком слаб, чтобы атаковать, ограничиваясь наблюдательными действиями.

Все это время над Кутузовым висел дамоклов меч ответственности за сдачу Москвы, и он его медленно, но верно от своей шеи отодвигал, попутно эмоционально оживляясь и начиная просчитывать зимнюю кампанию [23, 24]. Михаил Илларионович знал что, когда и кому писать. Его лукавый «победный» рапорт о Бородинском сражении был получен царем 30 августа, в день своих именин. Кто знает, при дипломатическом складе острого ума такое обстоятельство могло учитываться главнокомандующим при избрании момента для дачи сражения. Обманутый Александр вновь начал делиться с Кутузовым своими мыслями. Послав к Михаилу Илларионовичу известного своей честностью и строгостью Тормасова, царь унизил последнего до крайности, написав, что считает его менее способным, нежели Чичагова, и попросил Кутузова вернуть Тормасову *«резерв или другую*

*часть, по вашему лучшему усмотрению». Конечно же, главком попытался не подпустить к себе Тормасова (о котором сам хвалебно отзывался при Мачине), предписав ему «*пребывать в Волынии и Подолии для охранения того края... имея в предмете защиту тыла*» Чичагова, выдвигающегося к Могилеву [25].*

После короткой эйфории самодержец растерянно «глотнул пилюлю», разглядев умело припрятанный Михаилом Илларионовичем драп с Бородинского поля. Начав возлагать надежды на фланговые русские армии, в отношении Главной он бездействовал, пока не получил как обухом по голове, известие о том, что «победоносный» Кутузов сдал «побежденному» Наполеону Москву. У Александра не было запасных полководцев. Он их не вырастил, сам отталкивал от себя и пачкал (как Барклай, Тормасова, Ермолова), не будучи при том в силах отделаться от липких особ вроде Аракчеева. Пока в Москве сидел Наполеон, царские рескрипты в адрес Кутузова ходили не на изъявление монаршей воли, а на нытье ипохондрика: «*Не получая от Вас с самого 4-го числа сего месяца никакого сведения о происшествиях во вверенных вам армиях, не могу скрыть от вас как собственного моего по сему беспокойства, так и уныния, производимого сею неизвестностью в С.-Петербургской столице*». Вместо приказаний царь выпрашивает у Кутузова «*предположения на приготовляемые действия противу неприятеля*» [26].

Кутузов, цепко удерживающийся на вершине военной власти, хорошо уловил царственную слабость. Попытки императора толкнуть его к активным действиям и призывы: «*Вспомните, что вы еще должны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы*», впечатления на «спасителя» не производили, тем более что Александр тут же пускался в рассуждения о своей «*готовности награждать*» [27]. О подлинном положении дел в армии царь, которому не помогли доносы за спиной командующих, узнает поздно, по результатам миссий Р. Т. Вильсона и П. М. Волконского. В таких условиях, если что и удерживало Россию от поражения, — это политическое упрямство Александра. Несчастливая юность, полная оппозиции грубому Павлу I, научила его неподвижно противостоять в борьбе за достоинство (если только он не чувствовал угрозы своей жизни, как от русских дворянских верхов). Царь категорически отказался вести переговоры и заключать мир с Наполеоном, к чему толкали паникеры при дворе.

В Тарутинском укрепленном лагере, где Кутузов чувствовал себя в безопасности от французского и русского императоров, он устроил

свой собственный двор с приближенными к телу «придворными» и отдаленными от него, выполняющими волю хозяина, боевыми генералами. Как упоминал Вильсон: *«Фельдмаршал... звал меня обедать, но я побоялся роскошного стола и поехал к принцу Ольденбургскому, который живет не так пышно»* [28]. В этот период наиболее обнажились антинародные качества Михаила Илларионовича. Такая смесь властности и холуйства, злоупотреблений и роскоши посреди солдатской нищеты и крестьянского разгрома, какая расцвела в Тарутине, была естественна разве для султанского двора в Стамбуле, где он когда-то был послом.

Борьба полководца не с французами, но с мародерством и дезертирством ожесточалась и свирепствовала по мере исправления последствий от сдачи столицы. Эта кутузовская «Mein Kampf» была не столько полезным делом, сколько его личной борьбой за приведение к покорности огорошенной малодушием своего вождя русской армии. Под дезертирством Кутузов понимал отлучку нижних чинов на полверсты от дороги [29]. Свое понятие о мародерстве он обнаружил в письме Милорадовичу от 7 (19) сентября: *«Вы знаете надобность армии в подводах, без которых усталые солдаты легко делаются мародерами»* [30]. С таким пониманием этих воинских преступлений можно было большую часть армии забить шпицрутенами. Для сравнения, Барклаю, тоже не отличавшемуся мягкостью к мародерам, требовались доказательства совершенных злодеяний [31].

При приближении отступающих войск к Москве главнокомандующий всеми армиями «сподобился» на приказ *«истреблять солдат, отлучившихся из своих рядов и остающихся самовольно в городе»* [32]. За Москвой Кутузов несколько раз пишет о своих дисциплинарных заботах царю, передергивая таким образом, будто ответственность за начало массового мародерства несет Барклай [33]. Фельдмаршал предупреждает об угрозе со стороны покинувших его армию солдат всех окрестных губернаторов, заверяя их в принятии мер со своей стороны и благодарит за *«распоряжения нащет поимки мародеров»* [34, 35]. Тому был его личный и классовый интерес: Московская губерния стараниями полководца была разорена, древняя столица потеряна, престиж русских военных и гражданских властей подорван. Военные поражения грозили аукнуться крестьянскими и городскими восстаниями. Большая часть этой переписки не была допущена в состав советского сборника документов и материалов Кутузова.

Если Каменский 2-й карал изменников, направивших оружие против своих, и трусов в бою, Барклай, — за доказанные преступле-

ния и дезертирство, то Кутузов — превентивно, в дни, когда критических обстоятельств не усматривалось. Никогда он не испытывал побуждения сказать царю, что солдат надо считать *«людьми, наделенными чувствами и патриотизмом, если он не уга в результате плохого обращения и палочных ударов»*, как то делал Барклай [36]. Нет в документах Кутузова приказов о денежных и продуктовых поощрениях нижним чинам за безупречный вид и службу, как то было в практике у Михаила Богдановича, неоднократно выдававшего им по рублю из армейской казны и фунту мяса из запасов. Эпизодические доброта и слезливость Михаила Илларионовича носили дешевый и напускной характер.

Так, 25 сентября фельдмаршал приказал всех нижних чинов, уличенных в мародерстве, *«наказывать на месте самыми жестокими телесными наказаниями»*. Проверкой сборника документов и материалов Кутузова по материалам ВУА ГШ, обнаруживается очередной смягчительный подлог: приказ содержит указание жестоко бить и сечь не мародеров, а *«пойманных в бродяжничестве»*, т. е. всех подразд отлучившихся от своего подразделения, виноватых, и без вины [37]. Согласно приказу главнокомандующего по армиям от 9 октября за № 45, прапорщик Тищенко был приговорен к расстрелу, а 25 чел. было трижды прогнано шпицрутенами через строй кого 500, а кого 1000 солдат.

Приказ, на первый взгляд, справедливый, — за грабежи и даже убийства мирных жителей. Подробности, однако, вызывают недоумение. Во-первых, не названы факты, а в «шайку Тищенко» входили унтер-офицеры и солдаты *«прежней беспорочной службы... оказавшие в сражениях отличия»*, и яростно сопротивлявшиеся аресту: в перестрелке погибло 3 и ранено 2 солдата из команды, посланной на их усмирение. Во-вторых, награбленного было обнаружено 220 руб. ассигнациями, 40 руб. 50 коп. серебром и один золотой червонец — то есть, аж по 14 руб. на одного члена шайки (после выдачи солдатам по 5 руб. «бородинских» денег всего-то получается по 9 руб. на чел.). В-третьих, членов шайки было 19, а наказанных по ее делу — 25, включая тех солдат, что *«не старались удержать своих товарищей от сопротивления»*. Также были арестованы и приговорены к шестимесячному тюремному заключению два еврея и еще три еврея оправданы (к вопросу о том, кому могли принадлежать изъятые деньги) [38]. Возникает впечатление не о справедливой каре, а о расправе над солдатским бунтом с «потрошением» мелких еврейских спеку-

лянтов и торговцев, или же в приказе присутствует недосказанность. Разумеется, в советском издании документов и материалов Кутузова для этого документа места не нашлось. О том, что это была обычная практика Михаила Илларионовича, свидетельствуют С. Н. Глинка [39] и И. С. Тургенев (рассказ «Повесить его!») [40].

Сохранилось более позднее, от 29 марта 1813 года предписание Кутузова генералу Римскому-Корсакову *«наказывать смертью без всякого послабления»* виновников *«неблагонамеренных для нас слухов»*, с припиской, что он сам уже успел гродненских жителей Бартоломея Агеля и Яна Доминского *«обоих их, в страх другим, повесить»*. Слухи, вероятно, множились на почве увлечения главнокомандующего подготовкой конфискаций в литовских губерниях и Польше. В постскриптуме Михаил Илларионович навел: *«Народ, которым вы управляете, мало удобен чувствовать кротость правительства и быть за то благодарным, а требует в нынешних обстоятельствах крутых с собою поступков, которые бы перевесить могли те внушения, которыми они ласкаются, может быть, из Варшавского княжества, а может быть и от самих французов. Притом полагаю я, что должно значительно отыскивать укрывающих французов в домах дворянских и за то наказывать, как за измену, без пощады»* [41]. Собственной рукой фельдмаршала прописано то, что и требовалось доказать, — за измену дворянские поместья подводились к конфискации, являвшейся источником обогащения первых лиц русской военной администрации. В то же время командующий Двинской армией Витгенштейн предпочитал казнями гражданских лиц не мараться, а царь Александр секвестры не одобрил.

О «политическом» отношении Михаила Илларионовича к мародерству вместо настоящей борьбы с ним, свидетельствует такой факт: едва он получил рескрипт обеспокоенного самодержца от 29 сентября (11 октября) с предписанием: *«Каждый начальник должен отвечать за подчиненных своих»*, требующий взыскивать *«ответственность за сие зло с начальников без малейшего послабления»* [42], — как приказом по армии было объявлено, что *«зло сие почти вовсе прекратилось»*. Вместо мародерства возникло понятие о *«своевольных отлучках»* [43]. Об этом и было отписано царю. Не правда ли, хорош фокус: накануне все плохо, идут избиения и расстрелы мародеров, а на следующий день проблемы уже нет.

Другой стороной «укрепленного бездействия» стали неприглядные интриги в генералитете и офицерстве, инспирированные потребностью в укреплении единоличной власти главнокомандующего

и служившие обогащению окружившей его камарильи. Они увенчались изгнанием из армии Баркляя де Толли, а затем и Беннигсена. Армию покинули Ростопчин (следовавший с ней от Москвы), Клаузевиц и многие другие офицеры, испросившие перемещений по службе. Такие процессы дали основание Н. Ф. Гарничу и А. И. Ульянову говорить о целенаправленной чистке русской армии [44, 45], каковую первый из них оценивал положительно, а второй — отрицательно. Действительно, такая деятельность Михаила Илларионовича и сплотившихся вокруг него «своих людей» не укрепляла боеспособность войск.

Кутузовым были пригреты такие неоднозначные личности, как полковник П. С. Кайсаров: *«Уже четыре дня бумаги подписывает вместо князя, подделываясь под его почерк»* [46]; его зять, полковник и князь Н. Д. Кудашев (по словам Ермолова офицер с достоинствами, терявший в военном отношении от близости к фельдмаршалу, но вознаграждавший себя в другом); и даже капитанского ранга квартирмейстер И. Н. Скобелев. О последнем Д. В. Давыдов писал: *«Иван Никитич Скобелев, из солдат выслужившийся в генералы, отличался необычайным мужеством и хладнокровием, замечательным природным умом, изумительною сметливостью и непомерным корыстолюбием. Этот хитрый человек, известный также по своему хвастовству и по уменью превосходно излагать на бумаге свои мысли, составил себе огромное состояние самыми беззаконными способами»* [47]. Скобелев, называвший Кутузова своим благодетелем, прославился как на поле боя, так и доносами на А. Д. Балашева, А. Н. Голицына, А. А. Закревского и А. С. Пушкина, рекомендуя гонителям поэта *«содрать с него несколько клочков шкуры»* [48].

Да и как было не обогащаться, когда сам главнокомандующий подавал к тому пример куда больший, чем злосчастный прапорщик Тищенко со своими 270 рублями на 19 унтер-офицеров и солдат, и дезертировавший из лагеря артельщик 21-го егерского полка Ширабоков, у которого изъяли 1020 рублей денег? Известный мотовством Кутузов, исчерпав отпущенные ему казенные деньги, полез в чужие карманы, — забрал экстраординарные суммы, сбереженные Барклаем (10 тыс. руб. ассигнациями и 500 червонцев золотом) и Ланским (5 тыс. руб. ассигнациями), поручив их тому же Скобелеву и штабс-капитану Колениусу. Приходно-расходную книгу, в которую были занесены деньги, 9 (21) сентября поступившие в распоряжение Скобелева, в тот же день потребовал для проверки вступивший в должность

дежурного генерала армии Коновницын. Молниеносно оказалось, что из 15500 рублей ассигнациями и 500 червонных осталось 8790 рублей ассигнациями и 400 червонных. Расход неполного дня составил 6710 рублей ассигнациями и 100 червонных [49]. На экстраординарные суммы и аппетиты были экстраординарными.

В дальнейшем продолжалось изъятие средств, продолжавших ежемесячно отпускаться из казначейства в размере 10 тыс. руб. генерал-интенданту 1-й Западной армии Е. Ф. Канкрину и отдельно 5 тыс. — В. С. Ланскому [50]. Деньги сотнями и тысячами рублей ежедневно списывались по сомнительным назначениям, включая нерасшифрованные в журнале *«разные по делам службы употребления»* и *«особые приказы»*, даже на покупку бумаги и чернил [51]. В ответ же на просьбу Ланского *«согласить подрядчика, который бы взял на себя продовольствие больных и раненых»*, выделив на это определенные суммы из армейской казны, последовал отказ [52]. По мнению Кутузова и его окружения, тяготы лежали на гражданских губернаторах, которые эту повинность исполняли плохо, и раненые, развезенные из армии, голодали.

Основой сплочения камарильи были не мелкие хищения из казны, а крупные злоупотребления, легкие и возможные в обстановке разграбления Москвы и нескольких губерний, когда вся Россия слала в армию продукты, одежду, прочие блага и подношения. Экстраординарные суммы были лишь затравкой, от которой, как от фитиля, начинался выстрел сказочных возможностей. Гигантский оборот материальных ценностей составляли трофеи и грабежи. В прифронтовой полосе разграблены были целые уезды, включая множество оставленных поместий. Мемуаристы, участники Отечественной войны, писали о большом рынке в Тарутинском лагере, где *«солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки водят лошадей. Маркитанты торгуют винами, водкой. Здесь... в шумной толпе отдохнувших от трудов воинов... забывались на минуту и военное время, и обстоятельства и то, что Россия уже за Нарою»* [53].

Подобные базары, как неизбежная гримаса войны, были практически во всех русских лагерях. По воспоминаниям А. Х. Бенкендорфа, в его небольшом отряде из партизанского соединения Винценгероде, *«золото и серебро... обращались в таком изобилии, что казаки, которые могли только в подушки седел прятать свое богатство, платили тройную или более стоимость при размене их на ассигнации»* [54].

Сведения Бенкендорфа подтверждает В. Р. Марченко: *«Мы нашли... казаков богатыми до того, что, для облегчения лошадей, они продавали на рынке мешочек наполеондоров или слиток серебра фунтов в 15-ть за сторублевую ассигнацию»* [55]. О таком положении вещей, когда бумажные ассигнации были в несколько раз дороже золота, а не наоборот, трудно догадаться современному человеку. Этот факт объясняет ускоренное изъятие бумажных экстраординарных сумм, фиксируемое «Подробным журналом исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего», чего не отмечалось до разграбления Москвы и прихода армии в Тарутинский лагерь.

Скупка награбленного за удобные для сохранения средства платежа многократно увеличивала начальный капитал проходимцев, состоявший из незаконно списанных экстраординарных сумм. Каждые 300 руб. ассигнациями в тот же день, «не отходя от кассы», могли стать 1000 и более руб. в драгоценных металлах, вновь обменяться на ассигнации по низкому курсу из другого источника (у евреев), и вновь на золото. Поток золота позволял подступиться к более крупным делам с подкупками и поставками, делая новый мощный «подъем». Имея доступ к казенным деньгам, можно было проворачивать грандиозные спекуляции. Ежемесячно положенные на экстраординарные расходы 15 тыс. рублей ассигнациями легко превращались в 150, 300, 500 тыс., — больше, чем можно было «содрать» с царя за выигранную битву, но без сурового военного риска.

Теперь можно догадаться, в чем заключалась особая опасность для командования со стороны шайки Тищенко, вызвавшая суровую расправу с ней: это был прямой контакт шайки с мародерами, поставлявшими награбленное, и еврейскими торговцами, начавшими в обход камарильи доставлять нижним чинам средства оборота и накопления в виде бумажных ассигнаций. Такое подозрение укрепляется при чтении донесения военной полиции о перестрелке и захвате команды, сохранившегося в XXI томе ВУА ГШ: речь там идет об обозе из 32 подвод, «крутившемся» с провиантом и бархалом между армией и Москвой, а перевалка была в деревне Понизье. В результате подобной деятельности драгоценные трофеи утекали мимо рук дельцов из главной квартиры, а это было для них нетерпимо. Смычку с грабителями и «крышу» над спекулянтами они полагали собственной прерогативой, конкурентов надо было показательно и жестоко обрывать. Как говорится, бизнес есть бизнес, — доньне криминальные расправы часто прикрываются благородной борьбой с чем-нибудь.

Прилипалы не ограничивались обогащением, требуя себе престижных ролей при армии, чем существенно затрудняли управление войсками. Ермолов рассказывает: *«Совсем другого человека видел я в Кутузове, которому удивлялся в знаменитое отступление его из Баварии... Прежняя предприимчивость... дала место робкой осторожности. Легко неискусною лестию могли достигнуть его доверенности, столько же легко лишиться ее действием сторонних внушений! Люди приближенные, короче изучившие его характер, могут даже направлять его волю. Отчего нередко происходило, что предприятия при самом начале их или уже проводимые в исполнение, уничтожались новыми распоряжениями. Между окружавшими его... были лица с весьма посредственными способностями, но хитростью и происками делались надобными и получали значение. Интриги были бесконечные; пролазы возвышались быстро; полного их падения не замечая было»*. Не в состоянии терпеть бардак, генерал дважды подавал главнокомандующему рапорты об удалении от должности, но они остались без ответа. *«Остался я принадлежать главной квартире, свидетелем чванства разных лиц, возникающей знатности, интриг, пронырства и происков»* [56].

Вот как обстановка меняет представление о полководце! На самом-то деле, Кутузов в России продолжал делать ровно то, что умел семь лет назад в Австрии — отступал с арьбергартными боями, не обладая искусством разбить врага в сражении. *«Все идет навыворот, — писал о положении дел в Тарутине Д. С. Дохтуров, — Все, что я вижу, внушает мне полнейшее отвращение»* [57]. *«Я в Главную квартиру почти не езжу, она всегда отдалена. А более для того, что там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии эгоизм, несмотря на обстоятельства России, о коей никто не заботится»*, — сетовал Н. Н. Раевский [58]. Такие же воспоминания о беспорядках в главной квартире Кутузова оставили дежурный генерал 2-й Западной армии С. Н. Марин, адъютант Баркляя А. А. Закревский и квартирмейстер А. А. Щербинин. Последний подробно описал эпизод султанского самодурства главкома перед Тарутинским боем, повлекший удаление из армии начальника секретной квартирмейстерской канцелярии подполковника Эйхена 2-го, известного своей безупречной репутацией, и неожиданное возвышение ничем не примечательного капитана Брозина. Попытка полководца убрать из армии Ермолова была предотвращена Коновницыным [59, 60, 61].

Посреди этого вертепа Михаил Илларионович выглядел бездействующим: *«Мало показывался, много спал и ничем не занимал»*

ся... *В армии был всеобщий ропот против главнокомандующего*» [62]. По свидетельству Маевского, для него утомительно было поставить два десятка подписей [63]. Но не так все было просто. В отличие от принятого в русской армии деятельного единоначалия, основой кутузовского стиля командования был притащенный им в армию из кулуаров двора фаворитизм — перепоручение приспешникам тех или иных дел и полномочий. Сколько бы Кутузов не спал, он всегда зорко следил, чтобы фавориты были лояльны и исполняли свои функции, а если где возникал протест — резко и злобно применял свое положение. Памятуя, что рыба гниет с головы, нельзя согласиться с выводом Н. А. Троицкого, будто *«сам Кутузов не проявлял большой активности в Тарутинских интригах»* [64]. Очень даже проявлял, просто такие явления как хищения и интриги по своей природе скрыты от прямого наблюдения.

Конечно, были в окружении Кутузова люди умные, честные и работоспособные: Толь, Коновницын, Маевский, — своего рода «рабы», плодами труда которых пользовался главнокомандующий. Коновницын писал из Тарутина жене: *«Я жив, но замучен должно-стью, и если меня делами бумажными не уморят, то по крайней мере совсем мой разум и память обессият. Я иду охотно под ядра, пули, картечи, только чтоб здесь не быть»* [65]. Петр Петрович неоднократно просил помощи в делах у более опытного Ермолова, препровождая к нему дела *«огромными кучами»*, но система отношений, в которой он был вынужден подлаживаться под Михаила Илларионовича, а Алексей Петрович, начавший ориентироваться на моральные качества Барклая, этого избегал, отталкивала их друг от друга все дальше [66].

Сам Кутузов опять блеснул дипломатически. Ему удалось убедить прибывшего в Тарутино после Виньковского боя посланца Наполеона — графа Ж. А. Ло де Лористона в том, что он заинтересован в заключении мира, и будет ходатайствовать об этом перед Александром I. Фельдмаршал употребил всю свою изобретательность, которой ему так не хватало в военном деле: умело сделал отсрочку через посыльных, дабы обдумать линию своего поведения; нарядился в парадный мундир, который обычно не носил, *«эполеты он попросил у Коновницына: его собственные ему казались недовольно хороши»* [67]. Скрывая поредевшую численность и упадок духа русских войск, *«армии было велено разложить множество огней... варить кашу с маслом и петь песни»* [68]. В ходе эмоциональной, провоцирующей на искренность беседы *«хитрый военачальник уловил доверчивость посланного, и он от-*

правился в ожидании благоприятного отзыва» [69]. После отъезда Лористона «мирные предложения были посланы в Петербург с курьером, но курьеру приказано было попасться в руки неприятелю, и Наполеон уверился в мирных расположениях Кутузова. Между тем через Ярославль был послан другой курьер к государю с просьбой не соглашаться ни на какие условия. Французы стояли перед нами в бездействии и ожидали ежедневно ответа о мире» [70]. Наконец-то Михаилу Илларионовичу удалось серьезно обмануть Бонапарта.

Для встреч с посланцами Наполеона М. И. Кутузову требовались немалые решительность и твердость, поскольку Александр I запретил любые переговоры с французами. Царь доверил объявить об этом своем решении в войсках и следить за его исполнением английскому военному наблюдателю Р. Т. Вильсону, для пушей убедительности сказав ему: *«Лучше отращу себе бороду и буду питаться картофелем в Сибири»*. Непреклонность русского императора в этом вопросе подтвердили обе императрицы [71]. Вильсон был крайне обеспокоен миссией Лористона. Михаил Илларионович, как это часто у него получалось из собственных грубости и упрямства, не сумел избежать конфликта. Он настаивал на конфиденциальности, а сэр Роберт Томас требовал контроля. Фельдмаршал был неуступчив, но не тут-то было: Вильсон напомнил ему о пределах полномочий главнокомандующего и возможности лишить его власти, пока не станет известно решение императора, привлек на свою сторону принцев Вюртембергского, Ольденбургского и генерал-адъютанта князя П. М. Волконского.

Кутузову пришлось уступить. Вместо аванпостов встреча с Лористонам состоялась в русском штабе, где в приемной находилась группа ловивших каждое слово генералов. Когда беседа между Михаилом Илларионовичем и Лористонам затянулась, к ним присоединился Волконский. А после отъезда французского посланника русские генералы и Вильсон выслушали информацию Кутузова о беседе. Это было беспрецедентно для наглого с подчиненными фельдмаршала. Отсюда возникла его неприязнь к Вильсону и недоверие между ними, а равно сближение английского посланника с Беннигсеном, грозившее углубить кризис доверия между главнокомандующим и императором Александром. До этих событий намерения англичанина были другие: он требовал от Беннигсена не оспаривать авторитета князя Кутузова. Теперь же Вильсон пишет: *«Боясь фельдмаршал Кутузов не имеет самых тех чувств в отношении к Бонапарту и к характеру сей*

войны, которыми преисполнен император. Его лета и состояние здоровья не делают его способным к производству быстрой кампании, а его дряхлость всегда будет более или менее склонять его к желанию мира... Армия была очень довольна моим сегодняшним поступком» [72].

Вмешательство Вильсона не только мешало Кутузову в «свободе обмана», но и помогло России, воспрепятствовав ему проигнорировать установки главного штаба в Петербурге. Полезно было, чтобы в переговорах принял участие Волконский, оценивавший резерв времени для выполнения войсками Чичагова и Витгенштейна отведенных им задач. Однако, за пределами дипломатии все оставалось, как есть. Операции Главной армии исчерпывались посылкой отрядов партизан. Кутузовские «симбионты» сколачивали состояния, на потребности войны не оглядываясь. Система фаворитизма предполагает, что делились со своим благодетелем за покровительство (иначе надо признать, что Кутузов на старости лет повредился умом, а в глупости его не упрекнешь). Говоря современным языком, система командования Кутузова была насквозь коррупционной, и оперативно-тактический прогресс лежал вне ее приоритетов.

Трудно сказать, насколько эти процессы замедлили восстановление русской армии. Вопреки уверениям большинства историков, нехватка снабжения так и не была изжита в полной мере. По состоянию на 1 (13) октября армейские корпуса были удовлетворены провиантом в среднем на 2–4 дня, а фуражом — безо всякого запаса [73]. *«Всего мало в лагере, исключая мяса и черных сухарей. Не смотря на то все здоровы и веселы, и кое-как мы складчиною имеем всякий день изрядный обед»,* — писал Вильсон [74]. Полушубки, нужные в холодные осенние ночи, распределялись только по караулам. Солдаты ходили в лаптях [75]. Для лошадей снимали солому с крыш. И, видимо, не в одних только трудностях доставки грузов по разоренной местности было тут дело. При Кутузове *«завелось, что интендант почти один занимался частью госпитальной»,* госпитали также поручались гражданским губернаторам позади армии лежащих губерний. Ситуация вернулась к законному порядку, при котором *«главное дежурство имело о них непосредственное попечение»* лишь после смерти «спасителя» в 1813 году. Поэтому, *«когда начали преследовать неприятеля, часть госпитальная была самая печальная и вместе затруднительная»* [76].

В системе отношений, пестуемой М. И. Кутузовым, не нужен был М. Б. Барклай де Толли, который на следующий день после отыска-

ния Тарутинской позиции подал рапорт об увольнении по болезни. Он отбыл от армии 22 сентября и в Тарутинском лагере не присутствовал. Мнение о том, что Кутузов окончательно «подъел» его в Тарутине, высказанное Н. А. Троицким, является ошибочным. За время шествия русской армии от Москвы главнокомандующий вполне справился с «доданием» Барклая. П. М. Волконский и члены английской военной миссии бывшего главнокомандующего и военного министра не защищали, ошибочно полагая, что *«мы теряем хорошего исполнительного офицера, который очень отличился в Бородинском сражении; но отъезд его принесет пользу, удалив дух раздора»* [77].

Рапорт Барклая Михаил Илларионович немедленно сопроводил Александру I со своим согласием, и тут же объявил о его отставке по армии. Потеря выдающегося и нравственно безупречного генерала для него была желанным моментом, а не утратой для армии. Хитрый Кутузов, когда хотел добиться своего и замаскировать какие-то неблагоприятности, всегда старался сообщить царю что-то приятное. Так и в этом случае, — с рапортом на отставку Барклая в адрес Александра I пошел другой рапорт: *«Об авангардных боях с французскими войсками и ухудшении продовольственного положения армии противника»*, к которому Михаил Илларионович, против своего обыкновения, присовокупил строки об успехах генерала Тормасова с приложением его рапортов [78].

Страдающий Барклай в поразительно вежливой форме изложил Кутузову свое негодование его методами управления: *«Когда грозная опасность отечества вынуждает отстранить всякие личности, вы позволите мне, князь, говорить вам со всею искренностью и обратиться ваше внимание на все дурное, которое незаметно вкралось в армию или без вашего соизволения, или не могло быть вами замечено. Управление армией, так хорошо установленное, в настоящее время не существует. Ваша светлость начальствуете и даете приказания, но генерал Беннигсен, и все те, которые вас окружают, также дают приказания и отдают по своему произволу отряды войск, так что тот, кто носит звание главнокомандующего, и его штаб не имеют... сведений до такой степени, что в последнее время я должен был за получением сведений о различных войсках, которые были отделены от I-й армии, обратиться к Вашему дежурному генералу, но и он сам ничего не знал»* [79].

К этому времени Барклай был в курсе о переваливании Кутузовым на него ответственности за оставление Москвы. *«Весьма трудно истолковать, — написал он Александру I, — какую связь между со-*

бою могли иметь Смоленск с Москвою, дабы заключать, что занятие неприятелем первого города могло повлечь за собою и взятие последнего» [80]. Ж. де Местр по этому поводу заметил: «Оставление Смоленска столь же повлияло на сдачу Москвы, как и переход французов через Неман. Если бы Кутузов взял на себя труд одержать полную победу при Бородине, Москва, несомненно, уцелела бы. У Барклая было куда больше резона сказать: «Оставление Москвы вынуждено было сомнительным исходом Бородинской битвы» [81]. 130 лет спустя, при возросшем числе и мобильности германских сил вторжения, судьба Москвы (на этот раз врагом не взятой) решилась на рубеже Бородина, и даже ближе к великому городу.

Как образно выразился о фельдмаршале Маевский: «Тех, которых он подозревал в разделении славы его, невидимо подъедал так, как подъедает червь любимое или ненавистное дерево» [82]. Михайловский-Данилевский писал, что получив власть главнокомандующего, Кутузов «не мог скрыть ни торжества своего, ни памяти оскорбления, что ему сначала предпочтен был Барклай де Толли» [83]. По мнению Левенштерна: «Кутузов понял со свойственной ему проницательностью и хитростью, что вся честь похода будет приписана главным образом Барклаю, подобно тому, как вся честь Бородинской битвы была приписана ему единогласно всей армией. Поэтому он решил удалить его; но так как армия отнеслась бы к этому не сочувственно, то он старался отравить ему жизнь всевозможными неприятностями, а для того, чтобы лучше замаскировать свою игру, он выказывал ему всевозможное уважение» [84]. Сам Михаил Богданович перед отъездом из армии сказал просто: «Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изнания неприятеля со священной земли нашего Отечества». И добавил: «Я вез экипаж в гору, а вниз он скатится сам при самом малом руководстве» [85].

За Барклаем на очереди быть «съеденным» оказался Беннигсен. Задача Кутузова облегчалась тем, что единой оппозиции эти два деятеля никогда не составляли. Известна характеристика Барклая де Толли, данная им Беннигсену на поле Бородинского сражения: «Этот человек все испортит. Он завистлив. Самолюбие заставляет его думать, что он один способен давать сражения и вести их с успехом. Без сомнения, он талантлив, но он готов употребить свои способности только для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие. К великому, священному делу он равнодушен. Я считаю его присутствие в армии настоящим бедствием. Кутузов разделяет мое мнение» [86]. Сходную оценку поведения Беннигсена дал Бутурлин. Увы! Честолюбивых

бедствий у армии оказалось два, одно хуже другого. Проницательный Вильсон быстро раскусил эгоистическую и лживую сущность Михаила Илларионовича, начав препятствовать удалению Беннигсена, подавая императору Александру информацию, распространения которой фельдмаршал категорически не желал. Почтой Вильсона пользовались все несогласные. Для маскировки переписки использовалась простая хитрость: все писали будто бы своим супругам, но на деле письма читал Александр I, после чего они направлялись лорду У. Ш. Кэткарту.

Еще до прихода в Тарутино Кутузов отдалил Леонтия Леонтьевича от влияния на дела армии, введя должность дежурного генерала, которую занял Коновницын. Многие функции начальника штаба соединенной армии оказались присвоены ему [87]. Это дало основание ряду историков называть Коновницына фактическим начальником штаба Кутузова [88]. Но на деле обязанности начальника штаба оказались расплывчатыми между Беннигсеном, Коновницыным (храбрым и предприимчивым генералом, малосведущим в документообороте) и Ермоловым. Эта тройка не была сплоченной, ведя себя как лебедь, щука и рак в известной басне Крылова. Правильная штабная работа была развалена. Негативные последствия для армии не замедлили проявиться.

Неприязнь, возникшая между Кутузовым и Беннигсеном, усилилась бестактным вмешательством царя. Александр не нашел ничего умнее, как переслать Кутузову письмо Беннигсена с предложениями относительно быстреего завершения войны, ибо *«наш добрый старик не окончит ее никогда»* [89]. Точно так же самодержец дал Михаилу Илларионовичу письма Ермолова, о чем последний узнал от прибывшего к армии генерал-адъютанта Волконского, и на сей раз постарался отделаться от «конфиденциального» предложения рассказать, *«отчего Москва оставлена без выстрела»* [90]. Любопытно, что подобно тому, как в советском издании записок Ермолова менялись фразы, бьющие по Кутузову, так в издании тех же записок 1863 года исчезло авторское примечание Алексея Петровича, свидетельствующее о непорядочности государя.

Произошло это вредное для Беннигсена событие после того, как в Петербург поступил из Тарутина сигнал о его встрече с Мюратом *«без всякой к тому побудительной причины»*. Александр I тревожно относился к свиданиям своих и наполеоновских генералов. В письме к главнокомандующему он *«собственноручно выразил, насколько неприличны по-*

добные свидания между генералами, и в особенности приказал заметить генералу барону Беннигсену, что ему это более других непозволительно». Кутузову было дано позволение отослать Беннигсена от армии при необходимости, и скоро фельдмаршал воспользуется этим. Между тем, более всех баловался свиданиями с врагом не Беннигсен, а Милорадович, к которому, за отсутствием у начальника авангарда конкурентных амбиций, благоволил Михаил Илларионович. Леонтий Леонтьевич участвовал в таковых лишь в связи с пленением одного ганноверского полковника, друга его юности «*по связи семейств их*» [91, 92]. По иронии судьбы, надо полагать, что автором доноса был Вильсон, еще не державший в то время сторону Беннигсена [93].

А вот касательно Милорадовича не было дыма без огня. Н. Д. Дурново оставил в своем дневнике за 25 сентября запись: «*Армия остается на позиции при Тарутино. Хотя перемирие не было заключено, командующие авангардами условились между собой прервать военные действия на некоторое время. Неаполитанский король подъехал к нашим аванпостам, не подвергаясь ни малейшей опасности. Милорадович точно так же подъехал к французским*». Наверное, не случайно за два дня перед этим начальник авангарда предложил Беннигсену «*встретиться с Неаполитанским королем*» на что тот дал свое согласие и в течение 20 минут беседовал с Мюратом [94]. Таким образом, Беннигсена могли использовать как прикрытие от Вильсона. Поскольку Милорадович не мог действовать без вельможи Кутузова, понятно, от кого исходил подвох! В это время обиженный Леонтий Леонтьевич поговаривал о своем отъезде из армии, перед которым его требовалось скомпрометировать, а заодно сгладить собственные переговоры фельдмаршала. Как только компромат «пошел», хитрый Кутузов со своим противником временно помирился. Налицо обмен тайными ударами, и кутузовский оказался расчетливее, сильнее. В играх с Лористонем фельдмаршал убил сразу двух «зайцев»: одного, которого следовало убить для России, и другого, за каким гоняться не стоило. Достижение согласия в штабе было предпочтительнее.

Полагают, что поражение Беннигсена ускорило тем, что, не имея превосходного таланта сразиться с главнокомандующим в распространении компромата и слухов, он ударил ниже пояса, послав Александру I «*донос на Кутузова в том, что тот оставляет армию в бездействии и лишь предается неге, держа при себе молодую женщину в одежде казачка*». Повествующий об этом Щербинин утверждал, что «*Беннигсен ошибался: женщин было две*» [95]. По воспоминаниям Л. А. Симан-

ского о Кутузове: «С ним ехала девка его в казацком платье» [96, 97]. Если Леонтий Леонтьевич действительно написал такое, то зря, ибо нельзя нанести недругу ущерб тем, что было всем известно, намозолив глаза на Дунае и возобновившись после приезда «спасителя» в Царево-Займище. Ни сладострастность непривлекательного собой на старости лет Кутузова, ни способность Беннигсена дать и проиграть сражение, не были новостью для царя. Обжегшись с отставкой Барклая, он не видел пользы еще раз «менять шило на мыло». Более того, такие наветы в военной среде осуждались: «Он возит с собой переодетую в казацкое платье любовницу. Румянцев возил по четыре; это — не наше дело», — сказал тогда же, в 1812 году, генерал от инфантерии Б. Ф. Кнорринг [98].

Российское дворянско-крепостническое общество начала XIX в. было далеко от современных понятий. На сексуальные прихоти господ и эксплуатацию ими зависимых молодых женщин (и не только) смотрели без презрения. К военному делу это не имело отношения. А потому вместо положительного для Беннигсена эффекта, такой выпад дал повод фельдмаршалу отделаться от него. И все же следует считать рассказ Щербинина армейской легендой. В самом деле, откуда ему, работающему на посылках у полковника Толя, было знать, что генерал Беннигсен написал такое письмо?

О том, что распространение слухов о похотях Кутузова приписывалось письмам Беннигсена, упоминает и В. Р. Марченко. Он же рассказывает о своих наблюдениях, если не опровергающих, то умаляющих легенды от Щербинина и Симанского: «*Казачков же я сам видел впоследствии: они конвоировали старика, делавшего переходы на парных дрожках, и один из них был сын камердинера его, лет 16-ти, точно как переодетая девочка*» [99]. Итак, женщина при фельдмаршале была одна, ее видел Щербинин, а Симанский (как и многие другие армейские сплетники) принял юношу за переодетую любовницу. Становится виднее, что Беннигсен в своих письмах не мог упираться на распутство главнокомандующего. Однако он все равно вкладывал в них много болезненного для реноме фельдмаршала негатива.

В общем, Беннигсен мало похож на мастера интриги, хотя и позволял себе пользоваться ею. Такое мнение сформировано болтовней его окружения, его же откровенной перепиской и участием в убийстве императора Павла I, из-за чего в царской историографии Леонтия Леонтьевича просто не могли снабдить положительными отзывами, а в советской — клеймили как иностранца, «немецкого барона». Неожиданно

данно сдержанны, не подтверждая «жареных» фактов, мемуары этого знаменитого генерала, сыгравшего выдающуюся роль в войне четвертой антифранцузской коалиции 1806—1807 гг., но лишенного славы в Отечественной войне. Он не писал о склоках и обидах, уделяя основное внимание обоснованию своих военных взглядов. Иначе, чем сложилось в литературе, характеризует Беннигсена Д. В. Давыдов, рассказывая такой эпизод: *«Прибыв из отряда Милорадовича в главную квартиру, находившуюся в Ельне, Ермолов застал Кутузова и Беннигсена за завтраком: он долго и тщетно убеждал князя преследовать неприятеля с большею настойчивостью... Ермолов просил Беннигсена поддержать его, но этот генерал упорно молчал. Когда князь вышел из комнаты, Беннигсен сказал ему: «Любезный Ермолов, если б я тебя не знал с детства, я бы имел полное право думать, что ты не желаешь наступления; мои отношения к фельдмаршалу таковы, что мне достаточно одобрить твой совет, чтобы князь никогда бы ему не последовал»* [100].

Известна сравнительная характеристика Л. Л. Беннигсена и М. И. Кутузова, которую дал Р. Т. Вильсон со слов П. М. Волконского: *«Князь Волконский перед отъездом мне сказал, что нет возможности чтобы фельдмаршал Кутузов и генерал Беннигсен были вместе, и что весьма трудно определить кому дать из них преимущество; что фельдмаршал без сомнения имеет весьма много здравого смысла, но не способен к длительному начальству; а генерал Беннигсен имеет больше военных способностей, но не имеет твердости (wants character), и, как я думаю, слишком склонен признавать французское правительство законным и прочным»* [101]. Тут видно, что провокация против Беннигсена на аванпостах достигла цели, временно дезориентировав Вильсона. На самом деле более покладистым к французам был не Леонтий Леонтьевич, а Михаил Илларионович.

Вскоре «шило» о перемирии, заключенном между командующими авангардами начало вылезать из мешка: Мюрат пожаловался, что по нему стреляли, не смотря на заключенную конвенцию, и Вильсон отправился к Кутузову *«просить о том формального объяснения»*. Разумеется, Михаил Илларионович уверил его *«своей честью, что не существует никакой конвенции»*. Но английский генерал узнал о письме Бонапарта к русскому главнокомандующему с *«весьма льстивыми выражениями на счет фельдмаршала»*, которое Кутузов *«прежде его и не показывал»* [102]. Он начинает осознавать глубину двуличия «спасителя», и после Тарутинского боя будет почти открыто поддерживать Беннигсена.

Насколько изощренным был Кутузов, показывает эпизод с гадостью, которую он подстроил князьям Яшвилям. Фельдмаршал нарочито отрапортовал Александру I о привлечении к службе опального генерал-майора В. М. Яшвиля, известного прямым участием в убийстве Павла I (в то время как Беннигсен оставался в соседней комнате). По правде говоря, Владимира Яшвиля привлек к службе генерал-лейтенант В. Ф. Шепелев, попросив у него помощи в организации своего отдельного смешанного корпуса и поручив очистить от противника Ельнинский уезд. Кутузов лишь нехотя вспомнил об этом. *«По моему же разумению сей человек по данной ему комиссии может быть очень полезен. Жена его с 5-ю детьми может быть между тем под присмотром»*, — заключил свой «хвалябный донос» наш полководец [103]. Прочтя сей эпистолярный образец, император пришел в ярость, начертав на бумаге: *«Какое канальство!»* [104, 105]. Александр не испытывал симпатий к покойному родителю. Ему лишний раз напомнили о неприятностях, сопровождавших его юность и восшествие на престол. Царь считал, что главнокомандующему следовало молча использовать полезность опального князя. Ведь по законам и понятиям империи Кутузов не мог заблуждаться, что, сколько ни хвали он цареубийцу, самодержец при огласке будет вынужден принять нежеланные ни ему самому, ни Яшвилям меры.

Так зачем же М. И. Кутузов это сделал? В сентябре 1812 года Александр собирал через письменные запросы и эмиссаров сведения о том, что произошло при Бородино и под Москвой. Помимо посылки в Главную армию А. И. Чернышева и П. М. Волконского, он запросил мнения командующих и штабов других русских армий. Если князь Л. М. Яшвиль плохо высказался о военных способностях Кутузова, и это «выплыло» через Волконского или Вильсона, такое было достаточным поводом для Михаила Илларионовича «клонуть» его брата, тем более, что ко Льву Яшвилю царь благоволил. Не далее как 31 августа император распорядился поручить ему командование одним из корпусов разворачивающейся Двинской армии [106]. Возможно, поэтому Александр послал кутузовский рапорт вместе со своим ответным рескриптом через Аракчеева, принявшего на себя роль посредника в улаживании ситуации. Император и Аракчеев гневно обрушились на Кутузова, а Владимир Яшвиль не понес наказания, возвратившись в свое поместье после окончания боев под Ельней.

Обиженный фельдмаршал не стерпел, и 31 октября вышел с повторным сигналом: царская воля не исполнена, В. М. Яшвилль не сослан в Симбирск! Как раз накануне, 30 октября, в Главной армии получили на рассмотрение рапорта генерала В. Ф. Шепелева об освобождении Ельни, с просьбой о награждении князя Яшвиля и полковника Майкова по сему случаю [107]. Главком, прибыв 29 октября в Ельню, должен был хорошо знать, кто расчистил путь его армии, взяв город 25-го числа, вот он и нашел князю «награду». На этот раз император проигнорировал выпад.

Другой пример, — как Кутузов подстрекал недоверие царя к принцу Евгению Вюртембергскому, неплохому боевому генералу, составившему себе в кампании 1812 года немалый авторитет. Вот что писал принц: *«Личное ко мне недоверие... вероятно, еще усиливалось пристрастием ко мне Кутузова, делавшего различные заявления в мою пользу. Он, конечно, думал делать приятное императору, когда говорил ему, указывая на меня: «Вот молодой принц, которого любят до безумия. Из-за него дают убивать себя с наслаждением». Воображаю, что он еще прибавлял в интимной беседе, и это необходимо должно было возбудить недоверие; ибо вдруг Александр затормозил мое поприще»* [108]. Зная о недожинном интриганском уме Михаила Илларионовича, мы не можем заблуждаться в подлинных намерениях фельдмаршала, постоянно чистившего вокруг себя пространство, чтобы быть или хотя бы казаться незаменимым. Противостоять Наполеону с таким угнетением инициативы русских генералов, набором коррупционных элементов управления и тактической отсталостью, было нельзя. Большое счастье для России, что Бонапарт допустил грубые просчеты, увенчав их пассивным сидением в Москве в ожидании почетного мира.

Впрочем, сам Кутузов в наступившем «параличе» Наполеона был почему-то уверен (или распространял такую уверенность) в письмах к родине [109]. 20 сентября главнокомандующий хвастливо пишет Витгенштейну: *«После славного сражения при Бородине неприятель столько потерпел, что и доселе исправиться не может и потому ничего противу нас не предпринимает»* [110]. А как же Москва? О, если бы написанное было правдой, без саморекламы! Безусловно, сентябрьские действия французов были вялыми, оставшись расторопными лишь в грабежах и фуражировках. Но было ли это достаточным признаком, позволяющим судить, что еще может или не может предпринять Наполеон? Конечно, нет. А иначе, почему имели место колебания Ку-

тузова 12–18 сентября, и зачем он тщательно выбирал закрытое и отдаленное место для своего лагеря?

Положительной стороной сидения в Тарутине был долгожданный отдых для изнуренной армии. Михаил Илларионович развел через своих порученцев недюжинную хозяйственно-распорядительную деятельность, хорошо знакомую ему по губернаторским должностям. Еще 13 (25) сентября он предписал губернаторам доставить для армии 100 тыс. полушубков, 100 тыс. пар сапог и 120 тыс. пар лаптей [111]. Из них по интендантским ведомостям армия получила 60 тыс. комплектов, большую часть уже за Смоленском [112]. Были приняты меры к розыску и охране всех транспортов с продовольствием, направляющихся к армии в радиусе ста верст [113].

В то же время, не стоит преувеличивать военно-хозяйственное и восстановительное значение Тарутинского лагеря. Там был преодолен кризис, но не было достигнуто по собственному выражению Михаила Илларионовича «изобилия», не завершено обучение прибывших рекрут. Мнение о том, что Главная русская армия имела «шестинедельный отдых» в Тарутино, восходит к рапорту Кутузова, направленного Александру I в декабре 1812 года, где, как обычно для полководца, были изложены весьма неточные сведения [114]. На самом деле армия пришла в лагерь 21 сентября (3 октября), и выступила оттуда к Малоярославцу вечером 11 (23) октября, а 6-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса еще раньше — утром 10 (22) октября. На этот же период падает сражение на Чернишне. Таким образом, отдых и укрепление русской армии в Тарутинском лагере не продолжались и трех недель; многие проблемы снабжения пришлось решать в ходе преследования Наполеона и постановки войск на зимние квартиры в районе Вильны.

1. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 439 с прил. к нему. С. 353, 358.

2. Там же. С. 353.

3. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 97.

4. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 60, 69.

5. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 38. С. 52, 54.

6. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 132. С. 151.

7. Там же. Док. № 134. С. 153–154.

8. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 93.

9. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // *Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 72–73.
10. *Там же.* С. 73.
11. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 3. С. 19.
12. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г.* Киев, 1912. С. 95–97.
13. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 209, 210–211. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г.* Брюс.-Лондон, 1863. С. 101, 102–103.
14. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 142, 154. С. 171, 197.
15. Дурново Н. Д. *Дневник 1812 // 1812 г.* Воен. дневники. М., 1990. См. также: Дурново Н. Д. *Дневник 1812.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/01.html>, 17.04.2018.
16. Бутурлин Д. П. *Кутузов в 1812 г.* // *Рус. Старина.* 1894. № 11. С. 193–194. Ср: Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1823. Ч. 1. С. 328–330.
17. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф.* // *Воен. сб.* 1870. № 4. Отд. I. С. 262.
18. Вильсон Р.-Т. *Дневник и письма 1812–1813.* СПб., 1995. С. 163.
19. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 210. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г.* Брюс.-Лондон, 1863. С. 102.
20. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // *Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 73.
21. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 210, 211. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г.* Брюс.-Лондон, 1863. С. 102, 103.
22. Борисов В. Е. Сыцяно А. *Походы 64-го пех. Казанского полка.* СПб., 1888. С. 228.
23. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // *Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 72.
24. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 387. С. 305.
25. *Там же.* Док. № 257, 284. С. 224, 245.
26. *Там же.* Док. № 413. С. 320–321.
27. *Там же.* Док. № 531. С. 432.
28. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 157. С. 202.
29. *Отеч. война 1812 г.* *Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1911. Т. XVI. С. 91.
30. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 297. С. 251.
31. *Отеч. война 1812 г.* *Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1911. Т. XVII. С. 179.
32. *Там же.* Т. XXI. СПб., 1914. С. 231–232.
33. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 282. С. 243.

34. Там же. Док. № 420. С. 325.
35. Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г. // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 19.
36. Дубровин Н. Ф. Рус. жизнь в нач. XIX в. // Рус. Старина, 1901. № 12. С. 480–481.
37. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 460. С. 377–378. Ср.: Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 125.
38. Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г. // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 333–334.
39. Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 168.
40. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 1897. Т. 8. С. 402–404.
41. Секр. письмо кн. Кутузова-Смол. А. М. Римскому-Корсакову // Рус. Старина, 1897. № 9. С. 682.
42. Журн. Комит. Министров. Царств. имп. Александра I. СПб., 1891. Т. 2. 1810–1812 гг. С. 102.
43. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 55. С. 69.
44. Гарнич Н. Ф. 1812 г. М., 1952. С. 161.
45. Ульянов А. И. Тарутинский лагерь: «неудобные» факты // Калужская губ. в Отеч. войне 1812 г. Малоярославец, 1994.
46. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 234.
47. Давыдов Д. В. Записки, в России цензурою непропущенные. Брюс. Лондон, 1863. С. 58–59.
48. Кубасов И. Иван Никитич Скобелев // Рус. Старина, 1900. № 2. С. 402.
49. Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г. // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 19, 24–25.
50. Там же. С. 141, 159, 185, 221, 257, 269, 289, 308.
51. Там же. См. напр: с. 40, 159, 221.
52. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 376. С. 300.
53. Глинка Ф. Н. Письма рус. офицера. М., 1870. С. 39.
54. Бенкендорф А. Х. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 109–111.
55. Марченко В. Р. Автобиогр. записка гос. секретаря // Рус. Старина. 1896. № 3. С. 505.
56. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 213–214, 216. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 106, 108.
57. Дохтуров Д. С. Письма к супруге во время войн 1805–1813 гг. // Рус. Архив. 1874. № 1. С. 1100.
58. 1812–1814. М., 1992. С. 128.
59. Щербинин А. А. Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 220, 223–224.
60. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1, прим. 1 к док. № 291. С. 248.
61. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 233.

62. Муравьев Н. Н. *Записки // Рус. мемуары. Избр. страницы 1800–1825 гг.* М., 1989. С. 142.
63. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского // Рус. Старина.* 1873. № 8. С. 153.
64. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты.* М., 2002. С. 233.
65. Коновницын П. П. *Письма // Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукуиным.* М., 1904. Ч. 8. С. 111.
66. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 215–216. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863.* С. 107–108.
67. Щербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI.* С. 222.
68. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 3. С. 85.
69. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 213. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863.* С. Там же. С. 105.
70. Муравьев Н. Н. *Записки // Рус. мемуары. Избр. страницы 1800–1825 гг.* М., 1989. С. 142.
71. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I.* СПб., 1897. Т. 3. С. 108.
72. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 141, 144, 146. С. 169, 174, 177.
73. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 520. С. 424.
74. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 144. С. 174.
75. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 466. С. 380.
76. Там же. Т. 4. Ч. 2. Прил. 17. С. 708.
77. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 144. С. 174.
78. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 417, 418, 431, 432. С. 322–324, 331–332.
79. Попов А. Н. *Движение рус. войск от Москвы до Красной Пахры // Отеч. война 1812 г. М., 2010. Т. 3. Изгнание Наполеона из России.* С. 26–27.
80. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 205. С. 292–293.
81. Цит. по: Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты.* М., 2002. С. 237.
82. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского // Рус. Старина.* 1873. № 8. С. 154.
83. Цит. по: Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты.* М., 2002. С. 237–238.
84. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина.* 1901. № 1. С. 108–109.
85. Мелентьев В. Д. *Фельдм. победы. Кутузов и Барклай-де-Толли.* СПб., 2012. С. 131.

86. Левенитерн В. И. Записки // Рус. Старина. 1900. № 12. С. 579.
87. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 214. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 105–106.
88. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 235.
89. Пчелов Е. В. Ген. от кав. Л. Л. Беннигсен // «Отеч. война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы». 1994. С. 67–73.
90. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 215.
91. Там же. С. 212. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 104.
92. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 54. С. 68.
93. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 147. С. 178.
94. Дурново Н. Д. Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Дурново Н. Д. Дневник 1812 // URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/01.html>, 17.04.2018.
95. Щербинин А. А. Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 226.
96. Ланжерон А. Ф. Записки // Рус. Старина. 1910. № 7. С. 167–168.
97. Симанский Л. А. Журн. участника войны 1812 г. // Воен.-историч. сб. 1913. № 2. С. 162.
98. Шильдер Н. К. Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 120.
99. Марченко В. Р. Автобиогр. записка гос. секретаря // Рус. Старина. 1896. № 3. С. 505.
100. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. I. С. 60.
101. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 150. С. 184.
102. Там же. Док. № 151, 152. С. 185, 189.
103. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 471. С. 386–387.
104. Шильдер Н. К. Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 122.
105. Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1903. Ч. 7. С. 410–411.
106. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Прил. 8. С. 467.
107. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 118, 120.
108. Вюртембергский Е. К.-П. Воспоминания // Рус. Архив. 1878. № 1. С. 73–74.
109. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 421. С. 325.
110. Там же. Док. № 425. С. 328.
111. Там же. Док. № 387, 448. С. 305, 367.
112. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 247–248.
113. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 53. С. 64–67.
114. Там же. Док. № 564. С. 554.

8.3. ТАРУТИНСКИЕ ДЕЛА. ПАРТИЗАНЫ, КАЗАКИ, ОПОЛЧЕНИЕ, КРЕСТЬЯНЕ

При отступлении от Бородина до Москвы продолжать партизанское дело было недосуг. Но оставление столицы дало новый толчок его развитию, а продолжателем оказался Ф. Ф. Винценгероде, вынужденный с малыми силами прикрывать сразу несколько направлений, от Петербурга до Владимира. Для этого Фердинанд Федорович отделяет от своего «партизанского войска» отряды генерал-майора А. Х. Бенкендорфа, полковника В. Д. Иловайского и майора В. А. Пренделя [1, 2]. Вскоре и М. И. Кутузов распознал одно из главных средств ведения Отечественной войны. По пути в Тарутино, наряду со стратегическими идеями Беннигсена и Толя, Михаил Илларионович проникается идеей партизанской войны, не требующей вступления в крупные сражения, зато сулящей хорошие перспективы. 9 (21) сентября он вспоминает о Д. В. Давыдове, и 11 числа упоминает о действиях его отряда в рапорте Александру I. Наконец-то к Давыдову направляется подкрепление, без которого тот был вынужден скитаться в дальних французских тылах между Вязмой и Гжатском [3].

В Красной Пахре под влиянием положительного опыта Винценгероде происходит преобразование отряда генерал-майора И. С. Дорохова в крупный партизанский отряд. На подходе армии к Тарутину из Мариупольского гусарского полка и 500 казаков был составлен и отряжен на Кубинку отряд полковника, князя И. М. Вадбольского. Уже в Тарутинском лагере один за другим создаются отряды или, как их еще называли, «партии» поручика М. А. Фонвизина, капитанов А. С. Фигнера и А. Н. Сеславина (бывший адъютант Барклая), майора С. И. Лесовского, полковников И. Ф. Чернозубова, И. Е. Ефремова, Н. Д. Кудашева [4].

Всего в период до оставления Москвы французами, с повеления и одобрения фельдмаршала в Главной армии было создано 10 партизанских отрядов для малой войны на коммуникациях противника. Подсчет этот его собственный, из декабрьского рапорта Александру I: *«При отступлении Главной армии в крепкую тарутинскую позицию поставил я себе за правило, видя приближающуюся зиму, избежать генерального сражения; напротив того, вести беспрестанную малую войну, а для того поставил я десять партизанов на ту ногу, чтобы быть в состоянии отнять все способы у неприятеля, мыслящего в Москве*

найти в изобилии всякого рода продовольствие» [5]. Развитие, которое Кутузов придал партизанской войне, отвечало возникшей позиционной, менее динамичной обстановке, и состояло в формировании отрядов постоянного состава, каждый из которых действовал в определенном районе, оседлая в нем коммуникации врага. Это заметная тактическая разница по сравнению с периодическим направлением в тыл противника временных партий непостоянного состава, какими велась малая война в июле-августе.

Постоянные отряды были более ценными формированиями, накапливавшими опыт, причинявшими больше ущерба врагу и доставлявшими о нем больше информации. Они продолжали отделяться в ходе преследования Наполеона. Наиболее удачливые командиры партизанских отрядов: Давыдов, Фигнер, Сеславин (и, конечно же, зять главкома, князь Кудашев) пользовались благорасположением Михаила Илларионовича, он охотно хлопотал перед царем о чинах и наградах армейским партизанам, дававшим ему возможность наполнять победными реляциями свои военные сводки [6].

Интересную сравнительную характеристику действий отрядов армейских партизан оставил в своих воспоминаниях подполковник К. А. Бискуцкий, особо выделяя по храбрости и уничтожающим результатам действия Фигнера и Сеславина, а Давыдова, Кудашева и прочих родовитых дворян он называл «разлихими гусарами» и «любезными адъютантами», умеющими писать реляции [7]. Вероятно, для такой оценки были основания, потому что расположения Кутузова к Фигнеру не умеряла крайняя жестокость последнего, по мнению Давыдова и многих других офицеров русской армии проявлявшего алчность к смертоубийству, варварство и бесчеловечие. *«Едва узнал он о моих пленных, как поспешил ко мне с просьбой дозволить растерзать их каким-то новым казакам, еще, по его мнению, «не натравленным» — рассказывает Давыдов. Узнав, что он не расстреливает пленных, Фигнер предложил: «Ну, так походим вместе, и ты верно бросишь эти пред-рассудки». Рейды Фигнера Давыдов называл «кровавыми поисками» [8].*

По характеристике П. Х. Граббе: *«Этот человек, по примечательным своим дарованиям и злодействам, заслуживает и внимания, и омерзения. Хитрый до коварства, неустрашимый, вкрадчивый, умный, он скоро сделался партизаном замечательным и в следующем году кончил свою страшную жизнь в водах Эльбы от неприятельской пули. Его луч-шею и частою забавою было, внушив ласковым разговором с пленными офицерами веселость и доверие к себе, убивать их неожиданно из пи-*

столе́та и смотре́ть на предсмертные их мучения». Фигнер «был скорее разбойничий атаман, чем партизан благоустроенной армии» [9].

Кутузов в донесении царю восславил «великость духа» Фигнера, о коей известно «не токмо нашей армии, но и неприятельской», и восхищался им в письмах к супруге: «Письмо это получишь через Фигнера... Посмотри на него пристально, — это человек необыкновенный. Я такой высокой души еще не видал, он фанатик в храбрости и в патриотизме, и бог знает чего он не предпримет» [10]. Это было прагматично, — прекрасны все кто полезны, а пиариться на подвигах, скрывая их темные стороны, Михаил Илларионович умел. Кроме того, жены Кутузова и Фигнера принадлежали к одному дворянскому роду Бибиковых. В этой связи возник обоюдный интерес исхлопотать у царя прощение от суда для бывшего Псковского вице-губернатора М. И. Бибикова, обвиняемого в преступлении, подвергавшем его лишению прав и преимуществ, что составляло пятно для старинного рода Бибиковых [11].

Наполеон в свою очередь отозвался о Фигнере так: «Немецкого происхождения, но в деле настоящий татарин» [12]. Поэтому ни «искренний» восторг, ни дальнейшее родство не помешали фельдмаршалу представить Фигнера к чину на позицию меньше, нежели Давыдова и Сеславина [13]. Об их розни он, видимо, знал, и подхлестывать пересуды не хотел. За успех «бибиковской» миссии Фигнера ходатайствовал перед лордом Кэткартом и убежденный противник Кутузова — генерал Вильсон [14]. Это тоже было в характере Михаила Илларионовича — пользоваться услугами своих критиков, а потом продолжать враждовать с ними.

Впрочем, то, что осуждалось среди офицеров в главном русском лагере, на периферии войны было нормой. Тот же Давыдов отдавал своим людям распоряжения «сколь можно брать менее в плен», что выливалось в массовые убийства деморализованного и прекратившего сопротивление противника, а Сеславин «приказывал всех прикалывать» [15]. Бенкендорф вспоминал: «Было до крайности трудно спасать жизнь пленных... особенно жестокостью в этих ужасных сценах была необходимость делать вид, что их одобряешь, и хвалить то, что заставляло подыматься волосы дыбом» [16]. Особенно зверствовали присоединявшиеся во множестве к партизанским отрядам обездоленные крестьяне.

Русское командование не сразу определилось, что делать с такими добровольными помощниками. Так, Бенкендорф поначалу

«получил приказание обезоружить крестьян и расстреливать тех, кто будет уличен в возмущении» [17]. Если такие поползновения исходили преимущественно из Петербурга, то Кутузов, в характере которого прагматизм преобладал над человеколюбием, не мешал ни командирам партизанских отрядов привлекать на свою сторону крестьян, ни крестьянам причинять Наполеону как можно больший ущерб. Не было никакой возможности карать крестьян за разбойное поведение в зоне французской оккупации, а вскоре стала заметной большая от него польза. Оттого и началось поощрение самочинных партизанских отрядов. К этим нетрадиционным для дворянского сознания мерам Кутузов был подготовлен своей обширной деятельностью в должностях управителя Дунайских княжеств и нескольких российских губерний. Он умел учитывать настроения крестьянской массы при достижении политических, административных и хозяйственных целей, успешно манипулировал не всегда благоприятным к России общественным мнением в Литве. К еще более интенсивному манипулированию Михаила Илларионовича побуждали военные неудачи, заставлявшие его надеяться на разрушение французского тыла.

К концу сидения у Тарутина и в ходе начавшегося преследования врага в штаб армии начала стекаться информация о невиданной эффективности партизанских действий. Со стороны Кутузова происходит к ним новый толчок. К партизанским действиям напрямую подключается Платов, от которого и раньше брали в поиски отдельные казачьи эскадроны и полки, 8 (20) октября подкрепляются действующие отряды. Через неделю, 16 (28) октября двумя казачьими полками вновь усиливается отряд Давыдова; с шестью полками направляется к Гжатску генерал-адъютант граф В. В. Орлов-Денисов [18]. На следующий день получает приказание идти к Смоленску генерал-майор А. П. Ожаровский. В его отряд главнокомандующий впервые (после Барклая, придавшего несколько пушек отряду Винценгероде) решается включить конную артиллерию [19]. Вскоре, 24 октября, Кутузов послал царю реляцию о подвигах крестьян Калужской и Московской губерний, закончив ее просьбой *«возбудить подобное соревнование в жителях прочих наших губерний»* [20]. Инструктируя командиров отрядов, он обещал *«ободрять мужиков подвигами, которые оказали их товарищи в других местах»* и даже *«отобранным у неприятеля оружием вооружать крестьян»*, впрочем, только тех, кто будет действовать в соединении с армейскими отрядами [21]. Кутузовские приказы, рас-

поражения и переписка начинают пестреть словосочетаниями «*мои партизаны*», «*наши партизаны*» [22].

Много имен действовавших в то время командиров армейских и народных партизанских групп и отрядов называет Писарев, уделяющий этому вопросу большое внимание [23]. Как потом выяснилось, самодеятельных и крестьянских партизанских отрядов возникло в несколько раз больше, чем армейских. Они порой достигали значительной численности. Отряд Герасима Курина насчитывал почти 6 тыс. бойцов, Ермолая Четвертакова — 4 тыс., Федора Потапова — 3 тыс. Возглавляли их как сами крестьяне, так и выходцы из других сословий [24]. Вооружение крестьян грозило обернуться внутренней угрозой для империи после войны. Поэтому в «Журнале исходящим и входящим секретным бумагам» штаба главнокомандующего Кутузова отражены направленные царю 22 ноября (4 декабря) соображения об отобрании у крестьян ружей за плату «*под предлогом надобности вооружить ими милицию и другие войска*» [25].

В царских источниках выпячивается деятельность не крестьянских, а руководимых местными помещиками и представителями властей отрядами, таких как отряды помещика П. И. Энгельгардта, коллежского асессора С. И. Шубина, прапорщика П. Храповицкого и предводителя дворянства Пореченского уезда Баранцева. Энгельгардт был схвачен французами и расстрелян по доносу собственных крестьян. Погиб и Шубин, а Баранцев умер после ликвидации его отряда, вероятно, от простуды и ран. Храповицкого пленили, пытали, он сумел бежать. Лишь после описаний деятельности таких отрядов утверждается: «*Отличились и многие крестьяне*» и описывается подвиг крестьянина С. Силаева, не выдавшего врагу сведения о дорогах и спасшего от разорения город Белый [26]. В целом, описания партизанского движения, сделанные в монархический период, отличаются меньшей «лубочностью», чем советские, не уклоняясь от описаний разгрома карателями множества отрядов.

Заметную роль в организации партизанского движения играл генерал Ермолов, не акцентировавший на этом внимания в своих «Записках». Но эту дань ему отдает Давыдов, утверждая, что Ермолов после совета в Филях ходатайствовал перед Кутузовым о развертывании партизанской войны. Наиболее частыми гостями у генерала Ермолова были Сеславин и Фигнер, как артиллерийские офицеры. Ермолов заботился о конспирации партизанских групп и отрядов, о получении разведанных (в частности, это он предложил Кутузову

кандидатуру Фигнера и готовил его в первое задание на разведку в Москву). Непосредственно от Ермолова партизаны получали приказы, ему же рапортовали о своих действиях так же, как и дежурному генералу Коновницыну. Алексею Петровичу принадлежит упоминаемая Давыдовым записка к партизанам, заключающая в себе слова: *«Смерть врагам, преступившим рубеж России»* [27, 28].

Зная о такой деятельности Ермолова и учитывая, что он, как начальник штаба армии был окружен проработывавшими отдельные вопросы офицерами, можно правильно, а не как некую единоличную мудрость фельдмаршала, оценить инструкции, направляемые командирам партизанских отрядов. К примеру, 13 (25) сентября генералу Дорохову от имени главнокомандующего был направлен приказ, гласящий: *«Словесное известие, вами присланное через казацкого офицера, что вы окружены неприятелем, не мало потревожило светлейшего, и потому приказал он вам объяснить предметы нижеследующие: партизан никогда в сие положение прийти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен делать партизан скрытные, по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, дабы не можно было дать о нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим»* [29]. Текст этого приказа не похож на диктовку Кутузова.

Сам Михаил Илларионович почти ничего не писал из-за подагры рук: *«Для Кутузова написать вместе 10 слов труднее, чем для другого описать кругом 100 листов; сильная хирагра, старость и непривычка, — вот враги пера его»* [30]. Вряд ли приказы писал Кудашев, употреблявшийся для написания писем семье: *«Высокочитимая маменька! С величайшей радостью узнали мы о наградах, полученных вами и папенькой. Я не в силах описать восторга, с которым в армии был принят титул фельдмаршала»*. Довольно смешно, что это письмецо из-за упоминания вскользь о действиях генерала Дорохова: *«Снял передовые посты, взял несколько сот пленных и много разного добра»* в советском сборнике документов и материалов Кутузова было озаглавлено «О действиях партизанского отряда И. С. Дорохова» [31].

Угадывается, что через удовольствие главнокомандующего партизанами Ермолов давал отпор интригам против себя, и благодаря похвальным словам и просьбам Давыдова, Фигнера, Сеславина продолжал удерживаться в штабе армии в тяжелые дни, когда им был уже

написан рапорт об отставке. После Тарутинского боя, с получением от Сеславина «горящих» данных о движении Наполеона из Москвы, его опала минет, и Алексей Петрович даже начнет распоряжаться именем Кутузова под Малоярославцем.

Партизанское движение продолжало развиваться и в других русских армиях. В Двинской армии к концу кампании 1812 года большую славу приобрел генерал-майор, будущий генерал-фельдмаршал И. И. Дибич, который, так же как и погибший Кульнев, неоднократно командовал отдельными партиями, направляемыми по тылам врага. Ивана Ивановича следует считать самым удачливым армейским партизаном, поскольку он сумел своим отрядом парализовать два прусских корпуса генералов Йорка и Массенбаха, а затем привлечь их на свою сторону. Это имело решающее значение в поражении войск французского маршала Макдональда, положив начало новому союзу России и Пруссии [32, 33]. В дипломатических талантах и знании языков Дибич соперничал с Кутузовым, выгодно отличаясь от последнего пониманием тактики. Одолевая в то время начала генеральских чинов, он получил за свой подвиг только 10 тыс. рублей ассигнациями единовременно. Его звезда взойдет в заграничных походах, а через 17 лет Дибич впервые приведет русскую армию к прорыву на Константинополь.

Большие надежды в партизанской войне и преследовании вынуждаемого к уходу из России Наполеона возлагались на казачью конницу. Главнокомандующий добивался, чтобы она исправно исполняла обязанности как легкой, так и партизанской кавалерии, неоднократно выговаривая казачьим полковникам за отлынивание от службы, и поощряя отличившихся в боях старшин [34]. По мере возрастания нужды в коннице, подтягивания дисциплины казачьих полков и увеличения их доли в общей численности русских войск, Михаил Илларионович все лучше относился к казакам. Опять же, трудно представить, как эта перемена могла обойтись без Ермолова, имевшего хорошие отношения с Платовым со времен костромской ссылки при Павле I. Запасные казачьи войска в числе 26 полков численностью 15 тыс. чел. при 6 орудиях конной артиллерии получили приказ идти к Москве еще 29 августа. Приход первых 5 донских казачьих полков в Тарутино 29 сентября Кутузов предварил приказом: *«Ожидаются к армии усердные, хорошо вооруженные и доброконные Войска Донского воины. Г. генералу от кавалерии... атаману Платову поручаю собрать поспешнее рассеянных разными случаями от своих команд казаков,*

кроме находящихся в отрядах по повелениям, и приготовить их к действиям, кои будут ему предназначены» [35]. Одобрительную позицию к партизанской войне и использованию в ней казачьей конницы занимали английские военные наблюдатели.

А вот касаясь народного ополчения, — вопреки мнению большинства историков, — использовать ратников как боевую силу фельдмаршал не умел. При всем живописании подвигов ополчения В. Р. Апухтиным, по его изложению видно, что Московское и Смоленское ополчения не участвовали в боевых действиях в составе целых дружин. Вопреки успешному применению ополченцев в Двинской армии Витгенштейна (тот же Дибич результативно водил в бой 3 тыс. ополченцев под Полоцком, помешав действиям Сен-Сира) [36], у Кутузова на полях войны вышло совсем не то, на что он важно и слезливо надувался в Петербурге, поднимая свою популярность и значимость. Создавать дружины и корпуса ополчения — это одно, а правильно водить их в бой — другое.

Участники войны отмечали, что ополчение имело наибольшую ценность в наступательных действиях, на которые Михаил Илларионович был не горазд. В обороне и отступлении ратникам не хватало оружия (нехватка не возмещалась инициативой) и дисциплины (быстро начинали роптать). А главное, — Кутузов по-дворянски предубежденно относился к народному ополчению как к ограниченно-годному материалу. Поэтому он и распорядился им бездарно, упустив и разрушив то, что создали Барклай и Ростопчин. *«Смоленского ополчения было до 12000 человек... В последствии смоленское ополчение неизвестно как и куда, исчезло. Надобно думать, что разбежалось по домам»*, — писал Н. Н. Муравьев [37]. Московское ополчение *«дошло с нами только до Москвы, а после и десятой части их не осталось: все разбрелись, дружки»*, — свидетельствует Н. И. Андреев, упоминая при этом, что *«от Можайска до Москвы мы не дрались»* [38]. Не правда ли, резок контраст между словами очевидцев и сказками о десятках и сотнях тысяч ратников, ведомых народным полководцем Кутузовым в огонь сражений? Если он их в бой и водил, то так: *«26 числа московское ополчение стояло в колонне сзади нас на горе; их било ядрами исправно, и даром»* [39]. *«Ополченцы стояли в колоннах неподвижно, теряя много народа от ядер»* [40]. При таком боевом применении, в постоянном отступлении, поручая ополченцам лишь вывод с поля боя раненых, которые при этом обирались (считалось, вещи пропадут), — нечего удивляться разложению и распаду.

Поэтому, после коллизий оставления Москвы, присоединением к своей армии губернских ополчений главнокомандующий не горел. Он оставил их для защиты своих губерний, а бывших при армии ополченцев привлекал преимущественно для инженерных работ, что подтверждается массой его собственных документов и распоряжений [41]. Дошло до того, что Кутузов брал из ополчения лошадей, но не самих ратников. Так, 7 (19) сентября он потребовал от Тульского ополчения 2000 лошадей. Ратники, разумеется, взвыли, и 10 сентября Михаил Илларионович отменяет свое предписание, признавая *«нужным требовать только 500»*, оставляя полки Тульского ополчения конными и зачислив их в казаки. Еще 800 лошадей были взяты у Рязанского ополчения [42]. Лишь в отдельных случаях фельдмаршал приказывал использовать части ополчения для формирования смешанных корпусов, действующих вдалеке от его армии с целью отпора неприятельским поискам в новые места фуражировок (подобное он предписал генерал-лейтенанту Ф. В. Шепелеву для защиты Калуги и Брянска) [43].

Хотя Александр I повелел созывать ополчение только в 16 близких к театру войны губерниях, дворяне и разночинный люд рвались к оружию даже в Сибири. За пределами указанных царем губерний были собраны 100 тыс. ратников, а общая численность ополчения превысила 420 тыс. чел. [44]. Вопреки громадному почину, способному породить нового Аттилу или Чингисхана, позиция главнокомандующего русскими армиями Кутузова привела к тому, что подавляющему числу добровольцев на войне места не нашлось. Невообразимое количество ополченцев, приписываемых советскими историками к Тарутинскому лагерю, является воспаленной народнической фикцией. Где бы они там поместились при его тесноте, и куда делись в ближайших же боях? Согласно ведомости, опубликованной Бутурлиным, 22 ноября 1812 года при Главной армии Кутузова состояло всего 1515 ратников ополчения, зато 5142 рекрут [45]. Даже самые ортодоксальные авторы вынуждены признавать, что ополченцы использовались Михаилом Илларионовичем *«пока для охраны своего тыла и для малой войны с противником»* [46].

Возражая против лукавого словечка «пока», надо заметить, что никакого более славного боевого будущего для большинства русских ополченцев (не имевших счастья биться с врагом бок обок с солдатами Витгенштейна и Винценгероде) так и не наступило. Ничтожная роль ратников 1-го Московского округа, которым не было предо-

ставлено возможности «приобрести навык состязаться с каким-либо обстрелянным неприятелем», отмечалась в «Военном сборнике» [47]. Другие авторы также указывали, что «ополчению не удалось выказать свою отвагу в борьбе с французами на поле брани». При этом оно несло существенные санитарные потери. Так, занятый уборкой заразных трупов 3-й пеший полк Владимирского ополчения лишился за всю кампанию 515 ратников умершими и 17 беглыми [48]. При крепкой боевой поддержке отрядов ополчения успел повоевать даже махровый реакционер, душитель восстания декабристов А. Х. Бенкендорф, засвидетельствовавший, что добровольцы «усердием и храбростью соперничали с испытанными войсками», но не «народный» Кутузов [49]! Как только Наполеон пошел вспять, даже прогрессивные представители дворянских верхов остыли к идее народного ополчения и народной войны. Она была опасна для дворянства ростом народного духа и крестьянских претензий, что, в конце концов, пришлось уразуметь и Александру I, пытавшемуся мнить себя надклассовым монархом всех россиян.

В окончательном изгнании нашествия из страны и заграничных походах приняло участие, прежде всего, так называемое «казачье» ополчение: донское, украинское и состоящее из других народов России (калмыков, башкир, крымских татар). Племенные отношения делали эти полки послушнее и крепче, а конный состав — полезнее в диверсиях и экспедициях. Это легко увидеть в помпезном советском сборнике «Народное ополчение 1812 года», сличая даты и содержание опубликованных в нем документов [50]. Сказанное подмечалось современниками. Вильсон писал: «Фельдмаршал предписал малороссийской милиции приблизиться к Могилеву, и предполагал, что придет только 15000 человек, но вместо того явилось 20000 конницы и 20000 пехоты» [51]. Современные исследователи тоже подтверждают выдающуюся роль украинского ополчения, «хотя в царском манифесте не предусматривалось его создание» [52]. На манифесте свет клином не сошелся, — если заглянуть в материалы ВУА ГШ, там можно найти переписку о формировании казачьих полков из населения Малороссии и увидеть, какое большое значение придавал этому делу Александр I [53]. Как указал в 2005 году С. В. Шведов: «Среди ополчений самый крупный вклад в победу внесли конные ополчения малороссиян, донских казаков и степных народов Поволжья и Приуралья» [54].

Первоначальные же губернские (земские) ополчения, в которые массово записывали русских крестьян, использовались для гарни-

зонной службы, обеспечения тыла, и постепенно распускались. Первыми, 30 марта 1813 года были распущены заглобленные Кутузовым и разочарованные службой Смоленское и Московское ополчения. Тверское распустили 22 января 1814 года [55]. Ликвидация русской народной силы не в последнюю очередь объяснялась тем, что попавшие за границу крестьяне массово дезертировали, сообразив, что находятся в свободных от крепостного права землях. Иначе и быть не могло, когда помещики сдавали в ополчение крестьян за провинности: *«Прикащик мой поехал в Ярославль и повез Макарку отдать в ополчение за пьянство»* [56]. Соответственно, в манифесте от 30 июня 1814 года, даровавшем после окончания войны различные милости, относительно крестьян было сказано лишь следующее: *«Крестьяне, верный наш народ, да получит мзду свою от Бога»* и объявлялось, что *«не будет рекрутского набора на нынешний год»* [57].

Как говорится, бес патриотических историков попутал — не увидели они разницы между ополчением и казачеством, хотя эти подразделения создавались и комплектовались по-разному; не описали, как волна формирования дружин народного земского ополчения спала и перешла в формирование новых казачьих и национальных полков. На обширных второстепенных направлениях ратники в 1812 году сыграли свою роль, препятствуя распространиться наполеоновскому «мешку», что видно из донесений и рапортов начальников губернских ополчений. Но главнокомандующему были нужны не они, а казаки и рекруты. Идея оконтурить и придавить оккупированные территории ополченцами принадлежит не Кутузову, а «ненародному», и «нерусскому» Беннигсену, который 12 (24) сентября дал об этом серию предписаний начальникам Калужского, Рязанского, Владимирского, Тульского и Орловского ополчений [58]. С падением влияния Беннигсена командная активность на этом направлении затихает.

Такому поведению Михаила Илларионовича были причины. В первых, распределение московских ополченцев по линейным полкам, которое могло уменьшить потери опытных солдат и увеличить силу действия по врагу, будь оно произведено перед Бородинской битвой, было осуществлено «спасителем» после нее, а потому лишь уронило дисциплину в войсках и увеличило дезертирство. Ополченцы, с руганью и проклятиями покидая отступившие от Москвы батальоны, увлекали за собой старых солдат. Кутузов об этом знал, и коль уж нового сражения всячески избегал, то не видел и нужды в живущих надеждой на участие в нем, готовых взбунтоваться ополченцах. Во-

вторых, для ратников были нужны обувь, одежда и провиант. Менее всего было хорошей обуви. После утраты Московского арсенала не хватало ружей, они закупались в Англии. Вильсон уведомлял посла Англии в Петербурге Кэткарта о том, что из числа кутузовских солдат *«может быть, до 15000 не имеют еще ружей»* [59]. Отправляемое на супостата народное ополчение повсеместно вооружалось *«бесполезными и безвредными»* пиками. *«Кавалерия не имеет пистолетов, а пехота — без ружей, большая часть без сапогов, без рубах, и вскоре будет вовсе без одежды»*, — так характеризовалось большинство губернских дружин. Некоторые из них так выглядели даже в середине 1813 года [60]. Отсюда происходят упомянутые просьбы фельдмаршала не собирать и не отправлять к нему ратников, обращая местные силы на борьбу с мародерами. Об этом он направляет свои листы в Тамбов и Воронеж [61].

Более того, Кутузов рассылает приказы не присоединять к армии вновь набранные рекрутские полки, о чем 23 сентября сообщает военному министру А. И. Горчакову 1-му: *«Дабы сберечь людей по наступившему холодному времени и на весну иметь хороших солдат, признаю полезнейшим не присоединять к армиям некоторых рекрутских партий, тож 9-го, 10-го и 11-го пехотных полков и 1-го и 2-го Ярославских, 1-го и 2-го Владимирских, 3-го и 4-го Костромских»* [62]. Лишь к концу октября, когда судьба наполеоновского нашествия была уже ясна, а в наступающей русской армии возникла проблема недостатка людей на второстепенные пункты и сообщения, главнокомандующий соглашается на вооружение и присоединение к армии новых групп смоленских поселян, при условии, что снабжаться они будут за счет губернских дворян [63].

В отношении крестьян на подконтрольной русской армии территории Михаил Илларионович вел себя как крупный помещик, охранитель крепостного строя, и невозможно питать иллюзий, ожидая иного. Кроме военных неудач, 1812 год характеризовался увеличением числа крестьянских бунтов, для подавления которых Кутузов неоднократно посылал войска. Часть этих фактов за период с 7 октября по 9 ноября обнародовал Н. А. Троицкий [64], ссылаясь на материалы ВУА ГШ [65] и журнал дежурного генерала П. П. Коновницына, опубликованный П. И. Шукиным [66]. Калужские крестьяне получали от Кутузова не больше защиты и сочувствия, чем собственные солдаты и недружелюбные литовские обыватели. Затянувшаяся война легла на них тяжким бременем дополнительных податей и по-

винностей. Полевые работы с конца августа практически прекратились, трудоспособные мужчины выполняли работу по приказанию военных и гражданских властей. Особенно тяжелой была повозочная повинность. В уездах, через которые следовала русская армия, все конные подводы были взяты войсками. У крестьян порой отбирали реквизициями последнее из того, что они имели. Такие потери стали невосполнимой утратой для хозяйств [67].

К выживанию за счет крестьян армию толкали потеря обозов, запасов и магазинов, замедление подвозов при сдаче Москвы. Здесь М. И. Кутузов твердой рукой прикрывал свою полководческую слабость и покладистость к Бонапарту. Начальник интендантского управления Е. Ф. Канкрин оценивал момент прибытия армии в Тарутино как критический пункт снабжения. *«Тут усилились подвозы изнутри России; но, впрочем, фураж, особливо сено, надо было доставить фуражировками. Однако, если уважать, что для 60 тыс. лошадей потребно для подвоза сена ежедневно до 1 тыс. повозок, что для каждой повозки на оборот... надобно считать по 8-ми дней, следовательно должно полагать в обращении 8 тыс. повозок, не считая все прочие надобности... то легко можно судить о необходимости сей жестокой меры, обыкновенно сопряженной с многими другими ужасами, так что делались драки с собственными нашими крестьянами»* [68].

Ростопчин 17 (29) сентября сообщал министру полиции, что он стал *«зрителем престрашных беспорядков»*; из поставленных Московской губернией подвод *«12300 не возвратились из армии обратно, что продолжается с транспортами и других губерний»*. Кутузову в тот же день он написал: *«Столица скоростижно отдана вами злодею... по повелению вашему, милостивый государь... комиссионеры по Московской губернии собрали с каждой души печеным хлебом по два пуда, сено все без остатка забрано, а скот весь списан на продовольствие армии»* [69]. Свое разорение крестьяне стремились компенсировать наживой в зоне безвластия. При оставлении французами Москвы там вновь развернулась стихия грабежей, вступившие в столицу русские части были вынуждены вести на ее улицах самые настоящие бои с нахлынувшими «бородами» [70].

Невзирая на декларируемые Кутузовым усилия в борьбе с мародерством, не прекращались разбой со стороны военнслужащих, часто чинимые целыми подразделениями под командой офицеров, а особенно — фуражирами и казаками. В районе Тарутинского лагеря разоры деревень были тотальными, потому что крестьянские семьи

были из них высланы русским командованием, с ведома Михаила Илларионовича, если не по его прямому приказу. И, хотя последовал приказ против бесчинств фуражиров, он был заметно мягче, чем против отставших солдат и самовольных отлучек [71]. По словам старосты села Тарутино А. Алексеева, местные жители 4 октября находились в Тарусе, не имея пристанища в виду зимы и прося разрешения проследовать в Тамбовскую губернию, в другое село, принадлежавшее той же помещице А. Н. Нарышкиной [72]. Неудивительно, что наблюдая такое, будучи озадачены сдачей Москвы и бездействием против врага, русские солдаты называли светлейшего князя Кутузова «темнейшим», и это мрачное свидетельство нельзя всецело списывать на злоязычие Ростопчина. Известно, что Московский губернатор неоднократно хлопотал за проезд крестьян из разоренных деревень в другие губернии для прокормления, о наказании отдельных военнослужащих за грабительство, а от подчиненных ему людей требовал честно платить обывателям за продовольствие из выдаваемых на эти цели сумм [73].

Изложенное объясняет, почему большинство крестьян, живущих в прифронтовых уездах, было настроено против любых, как французских, так и русских вооруженных отрядов, со стороны которых они подвергались реквизициям, а чаще, — обычным грабегам. Земские суды были завалены жалобами на произвол ополченцев, казаков и регулярных войск. К примеру, в ноябре 1812 года тарусский исправник сообщил в Калугу о том, что все деревни и господские дома уезда разорены, *«а в особенности состоящая близ реки Протвы от которых в недалеком расстоянии была расположена наша армия, отчего многих селенцев жители находятся совсем почти без всякого пропитания»* [74].

При малочисленности проходящих команд крестьяне оказывали сопротивление и сами нападали на российских воинов, как это произошло в конце сентября в деревне Новая Слобода Малоярославецкого уезда, где были перебиты казаки во главе со своим офицером [75]. По свидетельству одного француза, жившего в России и знакомого с положением крестьян: *«До нашествия французов на Москву и после их ухода из этого города крестьяне сожгли множество помещичьих домов и произвели весьма большие беспорядки с целью добыть себе свободу»* [76]. Грабежи крестьянских шашек и барское возмездие за них описаны в множестве не любимых к упоминанию в советское время источников [77]. Особенно много бунтов было в западных губерниях. *«Повоевал с французами, теперь воюю с крестьянами. Вы не можете*

себе представить, как помещики пострадали от них!» — признавался в личной переписке Витгенштейн [78].

В том числе по этой причине Кутузов не присоединял к армии губернские ополчения, видя в них опору для полицейских полубатальонов, подготовленных по указанию Александра I к подавлению крестьянских и местечковых бунтов. Узнав о бунте крестьян в селе Тюнино Калужской губернии, генерал-фельдмаршал 19 (31) октября поручил губернатору и земским властям *«к усмотрению неповинующих принять все зависящие меры»*, *«чтоб... крестьяне приведены были в прежнее повиновение их господину, и чтобы виновные из них наказаны были по строгости закона»* [79]. Получалось, ратники собирались на завоевателей, а вместо этого били крестьян. Там же, где помещики массово записывали в ополчение своих крепостных, неблагонадежным было и ополчение. Волнения пензенских ополченцев в Сарапуле и Инсаре, вызванные бездействием и слухами о сдаче Москвы: *«Наши дворяне вздумали послать за себя проливать кровь своих крестьян, а сами хотели остаться дома»*, — породили большие опасения в царской России. Был отменен дополнительный сбор ополчения с мелкопоместных участков в Пензенской, Нижегородской и других, приписанных к III округу внутреннего ополчения губерниях [80, 81].

Генерал Раевский писал в конце июня 1812 года: *«Я боюсь прокламаций, чтобы не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств»* [82]. Бонапарт действительно задумывался над подобным шагом, но, будучи реакционером и могильщиком идей французской революции, отказался от него. Учрежденная по повелению его комиссия временного правительства Великого княжества Литовского в своем воззвании городским, уездным и сельским властям объявила: *«Все крестьяне и земледельцы обязаны повиноваться своим помещикам... ничем не нарушать господской собственности, отбывать работы и повинности»* [83]. Наполеоновские войска подавили ряд крестьянских восстаний в Минской и Витебской губерниях.

В речи, произнесенной 20 декабря 1812 года перед сенаторами в Париже, французский император сказал: *«Я веду против России чисто политическую войну... Я мог бы вооружить против нее самой большую часть ее населения, провозгласив освобождение рабов; во множестве деревень меня просили об этом. Но когда я увидел огрубение этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая предала бы множество семейств на смерть и самые ужасные мучения»*

[84]. Скорченная Бонапартом филантропическая мина не имела отношения к его истинным побуждениям. Освобождение русского крестьянства противоречило колониальным целям: из свободной России не получалось тыла для затаенного в мечтах похода в Индию. Такая позиция Наполеона обратила народный гнев против него, и его противникам удалось распорядиться этой силой грамотно. В отличие от крестьянских волнений в русском тылу, со спросом с мужиков за разгромленные ими в зоне оккупации усадьбы целесообразно было подождать.

1. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 305. С. 256.
2. Бенкендорф А. Х. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 101–107.
3. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 305, 306, 336. С. 256–257, 277.
4. Там же. Док. № 422, 426, 450, 468, 491, 500. С. 326, 328–329, 370, 382–383, 399–400, 407.
5. Там же. Т. 4. Ч. 2. Док. № 564. С. 554.
6. Там же. Т. 4. Ч. 1. Док. № 512. С. 419.
7. Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1903. Ч. 7. С. 295, 312–313.
8. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. I. С. 76–77. См. также: Давыдов Д. В. Опыт теории партиз. действий для рус. войск. // Там же. С. 28.
9. Граббе П. Х. Из пам. записок. Отеч. война. М., 1873. С. 97–98.
10. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 255, 263. С. 253, 258.
11. Фигнер А. В. Партизан Фигнер. (Из семейных воспоминаний) // Историч. вестник, 1884. Т. 18. № 10. С. 139–143.
12. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 244.
13. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 512. С. 419.
14. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 220. С. 308.
15. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 101; СПб., 1912. Т. XIX. С. 9.
16. Бенкендорф А. Х. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 111–112.
17. Там же. С. 112–113.
18. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 29, 121. С. 36–37, 135.
19. Там же. Док. № 136. С. 147–148.
20. Там же. Док. № 194. С. 202–203.

21. Там же. Т. 4. Ч. 1. Док. № 499, 500. С. 406–407.
22. Там же. Т. 4. Ч. 2. Док. № 16, 27, 58, 181. С. 16, 35, 75, 186 и др.
23. Писарев А. А. Воен. письма. М., 1817. С. 93–95, 108, 144–148, 152–156.
24. Истор. СССР с древн. времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 139.
25. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 293.
26. Смоленские партиз. в 1812 г. Смоленск, 1912. С. 2–7.
27. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 53–55, 76, 167–168.
28. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 211–212. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюсс.-Лондон, 1863. С. 105–106.
29. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 378. С. 301.
30. Маевский С. И. Мой век, или истор. ген. Маевского // Рус. Старина. 1873. № 8. С. 153.
31. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 356. С. 290.
32. РБС. СПб., 1905. Т. 6. С. 354.
33. Биогр. очерки лиц, изобр. на памятнике тысячелетия Рос. Новгород, 1862. С. 262.
34. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 408, 422. С. 317–318, 326.
35. Там же. Док. № 457. С. 375–376.
36. РБС. СПб., 1905. Т. 6. С. 354.
37. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 240.
38. Андреев Н. И. Воспоминания // Рус. Архив. 1879. № 10. С. 193.
39. Там же.
40. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 250.
41. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 309, 335, 350, 435, 447. С. 258, 276, 286, 336, 366. Ч. 2. Док. № 36. С. 51.
42. Там же. Док. № 296, 329, 336 с. 251, 272, 277–278.
43. Там же. Док. № 212, 313, 461. С. 177–178, 378.
44. Бабкин В. И. Народное ополчение в войне 1812 г. М., 1962. С. 89.
45. Бутурлин Д. П. Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 445.
46. Жилин П. А. Отеч. война 1812 г. М., 1988. С. 243–244.
47. Истор. Отеч. войны 1812 г. // Воен. сб. 1860. № 5–6. Отд. неофиц. С. 456.
48. Полянский М. И. 3-й пеший полк Владимирского ополчения во вр. Отеч. войны. М., 1912. С. 6–8.
49. Бенкендорф А. Х. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 106.
50. Народное ополчение в Отеч. войне 1812 г.: Сб. док. М., 1962. См. напр. Док. № 387, 397–399, 403, 409, 417–418, 420, 422, 432. С. 404, 425–427, 429, 434, 438–441, 444, 455; прил. Док. № 440–462. С. 464–484.

51. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 268. С. 377.
52. Бережинский В. Г., Лапатиева Н. В. *Украинское ополчение 1812 г.* // *Междунар. науч.-практ. конф.* Витебск, 2012. С. 159.
53. *Отеч. война 1812 г. Мат.* ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 273, 360–368.
54. Шведов С. В. *Комплектование, численность и потери рос. армии в Отеч. войне 1812 г.* Саратов, 2005. С. 19.
55. Иванова Т. П. *Тверское ополчение в войне 1812 г.* // *Междунар. науч.-практ. конф.* Витебск, 2012. С. 154.
56. Волконский Д. М. *Дневник 1812–1814 гг.* // *1812 г. Воен. дневники.* М., 1990. См. также: Волконский Д. М. *Дневник 1812–1814 гг.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 17.04.2018.
57. Семевский В. И. *Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отеч. войной* // *Отеч. война и рус. об-во.* М., 1912. Т. 5. С. 97.
58. *Отеч. война 1812 г. Мат.* ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 67.
59. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 159. С. 204. См. также: Вильсон Р.-Т. *Дневник и письма 1812–1813.* СПб., 1995. С. 175.
60. *Народное ополчение в Отеч. войне 1812 г.:* Сб. док. М., 1962. Док. № 430. С. 453.
61. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 420, 465. С. 324–325, 379–380.
62. Там же. Док. № 452. С. 324–325, 371–372.
63. Там же. Т. 4. Ч. 2. Док. № 233, 236. С. 234–235, 236–237.
64. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты.* М., 2002. С. 249.
65. *Отеч. война 1812 г. Мат.* ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 13, 125–126.
66. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным.* М., 1904. Ч. 8. С. 314.
67. *В тылу армии. Калужская губ. в 1812 г.* Калуга, 1912. С. 22–23.
68. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. № 15. С. 703.
69. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным.* М., 1908. Ч. 10. С. 182.
70. Бенкендорф А. Х. *Записки* // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 121, 124.
71. *Отеч. война 1812 г. Мат.* ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 146.
72. *В тылу армии. Калужская губ. в 1812 г.* Калуга, 1912. С. 141.
73. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным.* М., 1908. Ч. 10. С. 181, 183–184.
74. *В тылу армии. Калужская губ. в 1812 г.* Калуга, 1912. С. 117.
75. Ульянов А. И. *Тарутинский лагерь: «неудобные» факты* // *От Тарутино до Малоярославца: К 190-летию Малоярославецкого сражения.* Калуга, 2002. С. 6–10.
76. Семевский В. И. *Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отеч. войной* // *Отеч. война и рус. об-во.* М., 1912. Т. 5. С. 96.
77. *Рассказ смоленского дьячка о нашествии 1812 г.* // *Рус. Архив.* 1881. № 3–2. С. 408–409, 411.

78. Витгенштейн П. Х. Из писем // Тыс. восемьсот дв. год. СПб., 2012. Т. 2. Вып. 11–24. С. 550.

79. Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г. // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 118.

80. Бунт ополчения в 1812 г. // Бунт воен. поселян в 1831 г. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб., 1870. С. 247–248.

81. Народное ополчение в Отеч. войне 1812 г.: Сб. док. М., 1962. Док. № 367–369, 372–376, 381. С. 377–379, 380–386, 396.

82. Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 152.

83. Военский К. А. Акты, док. и мат. для политич. и быт. истор. 1812 г. Т. 1 // Сб. РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 150.

84. Семевский В. И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отеч. войной // Отеч. война и рус. об-во. М., 1912. Т. 5. С. 78–79.

8.4. ТАРУТИНСКИЙ БОЙ (СРАЖЕНИЕ НА ЧЕРНИШНЕ)

Наполеон держал у Тарутина авангард маршала Мюрата численностью (в разное время и по разным сведениям) от 18 до 24,5 тыс. чел., расположившийся на реке Чернишне в 6–8 км от русского лагеря. По ее течению французские корпуса растянулись на 13 км у деревень Винково и Тетеринки, имея левый фланг, загнутый по течению речки назад, у деревеньки Рождествено. Войска Мюрата имели смешанный национальный состав (французы, немцы, поляки). Перед лицом растущей, 110-тыс. (без учета рекрут) русской армии, Мюрат и его генералы вели себя беспечно, будучи убеждены в пассивности Кутузова, а, возможно, имея информатора в Тарутинском лагере. Взятый в плен 26 сентября французский трубач объявил, что «они все совершенно знают нашу позицию и даже рассказал, как устроены наши укрепления» [1].

По сведениям партизан «неприятельский авангард... до самой Москвы не имел никаких войск в подкрепление и потому не мог вовремя иметь помощи» [2]. Продолжалось материальное истощение врага: «Недостаток средств к существованию, от которого давно страдала французская армия, сделался истинным для нее бедствием. Французским войскам раздавали мясо павших лошадей; собаки, кошки и прочие животные, которых только можно было изловить, были съедены... госпитали были переполнены больными, сотнями ежедневно умиравшими» [3]. По описанию врача наполеоновской армии Г. У. Рооса в авангарде Мюрата «очень часто не хватало соли... Масла не было и вместо него

употребляли сало, а иногда также и сальные свечи... Мясо в общем делалось такой редкостью, что даже король запрашивал у нас его для своего стола... Случалось, иногда, правда редко, что приезжал кто-нибудь из наших, оставших в Москве, и привозил с собой чай, кофе, сахар и т.п.» [4]. То есть, в самой Москве продовольствия для захватчиков еще хватало, а разошедшиеся по разоренной стране корпуса слабели от недоедания.

Против стратегии Кутузова, опасавшегося совершать действия, могущие вызвать Наполеона из Москвы, продолжалась борьба целой группы генералов. Наиболее активными были Беннигсен, Коновницын, Милорадович, Толь и Багговут. Дело, разумеется, было не в том, что «ястребы и вредители» во главе с Беннигсеном мешали гениальным планам полководца тихо покончить с Бонапартом без крови и боев. Наполеон был еще силен и подтягивал резервы. 27 сентября с запада в Смоленск прибыл 30-тыс. резервный корпус под командованием маршала Виктора. Для того, чтобы восстановить соотношение сил, возникла идея уничтожить корпус Мюрата [5].

Активных действий по истощению противника требовал и Александр I. В рескрипте от 2 (14) октября самодержец с раздражением излагает Кутузову сведения о разделении наполеоновских сил по разным дорогам, резюмируя: *«Он вас преследует отрядами или, по крайней мере, корпусом, гораздо слабее армии, вам вверенной. Казалось, что пользуясь сими обстоятельствами, могли бы вы с выгодой атаковать неприятеля... и истребить одного или, по меньшей мере, заставя его отступить, сохранить в наших руках значную часть губерний, ныне неприятелем занимаемых, и тем самым отвратить опасность от Тулы и прочих внутренних наших городов. На вашей ответственности останется, если неприятель в состоянии будет отрядить значительной корпус на Петербург... я и Россия вправе ожидать с вашей стороны всего усердия, твердости и успехов»* [6]. Тут советским и прочим ура-патристическим историкам нечего было возразить, и рескрипт, подрывающий гениальность Кутузова, которому яко бы оставалось только ждать, пока Наполеон побежит, был убран из поля общественного зрения. Царская же историография в лице Михайловского-Данилевского толковала приведенные строки как категорическое повеление к переходу в наступление [7].

В тот же день, когда были отправлены опасные для главкома царственные рассуждения, от Давыдова пришли сведения, что *«близ Вязьмы неприятель полками и сильными партиями тянется по Большой*

Московской дороге от Смоленска, препровождая в немалом количестве как артиллерию, так и парки» [8]. Движение Виктора создавало угрозу принятому и одобренному Кутузовым Петербургскому плану войны. Резервный французский корпус мог сильно помешать, обратиться он на Витгенштейна, и помочь Наполеону отступить из Москвы не дальше Смоленска.

По мнению Александра и многих генералов, Виктора надлежало увлечь к Москве, не создав при этом новой угрозы для Главной русской армии. 9 (21) октября царь снова пишет Кутузову: *«Я предполагаю, что вы предпочтете вступить в дело с армией, против вас находящейся, до прибытия сего подкрепления, или отрядом разбить Виктора и тем ему помешать соединиться с большой армией» [9]. Горячим сторонником Петербургского плана военных действий был генерал Беннигсен, заявлявший, что при его соблюдении «ни один человек из армии Наполеона не должен был увидеть своего отечества» [10]. Изложенные резоны хорошо понимал и сам Кутузов, а потому, с момента вступления армии в Тарутинский лагерь, уверял всех, что «не упустит случая нанести неприятелю чувствительный удар прежде прибытия к нему резервов из Тильзита» [11]. Таким образом, в начале октября 1812 года обстановка была такова, что оставалось лишь принять неизбежное решение на бой с Мюратом.*

И тут главнокомандующему снова повезло, что собственные генералы толкнули его к действиям раньше, чем он ознакомился с императорским рескриптом от 9 октября. Еще 3-го числа Беннигсен, при поддержке Милорадовича, в письменном виде предложил Кутузову атаковать Мюрата: *«Господин фельдмаршал! По всем полученным нами сведениям... подкрепления под началом маршала Виктора, действительно уже приближаются и находятся невдалеке от нас... Интересы нашего государя и нашего государства требуют, чтобы мы, не теряя времени, всеми нашими сосредоточенными силами,.. атаковали неприятеля, стоящего против нас... ранее, нежели упомянутые подкрепления подойдут к французской армии. Эту меру... надлежит принять безусловно, безотлагательно... потому что... Наполеон лично, со всем гвардейским корпусом, находится еще в Москве, король неаполитанский имеет у себя мало артиллерии, и вся его кавалерия не превышает 8000 человек... Считаю необходимым добавить еще, что неприятель уже несколько дней тому назад оттеснил линию наших аванпостов и поставил свои на высьоте, с которой каждый его часовой может видеть все происходящее в нашем лагере» [12].*

Михаил Илларионович был вынужден согласиться, назначив выступление войск на 6 часов пополудни 4 (16) октября. После ночного сближения с противником атака должна была начаться на рассвете 5 (17) числа [13, 14]. В составленной в штабе Кутузова диспозиции к битве не была названа ее цель, а указано лишь: *«Прежде соединения всех неприятельских сил и корпуса г. Виктора необходимо нужно воспользоваться слабостью вражеского авангарда, противу нас находящегося»*, но исходя из того, что из лагеря выступала вся армия, за исключением музыкантов и резервной артиллерии, цель могла быть только самой решительной. Помимо основных сил армии, в верхнем течении Нары находились отряды И. С. Дорохова, А. П. Сеславина и А. С. Фигнера, и поэтому уточнявший диспозицию сражения К. Ф. Толь предписал Дорохову, чтобы тот *«соединенно с Фигнером действовал на Вороново»* (севернее Спас-Купли), дабы отрезать противнику пути отступления [15].

Считается, что управление боем фельдмаршал вверил Беннигсену, командовавшему главным, правым флангом наступающей армии, в то время как отвлекающим противника левым командовал Милорадович. Опираются эти сведения на изложение Михайловского-Данилевского: *«Беннигсен должен был управлять главным действием, то есть, обходом левого крыла французов. С сею целью поручил ему фельдмаршал 2-й, 3-й и 4-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса, и 10 казацких полков, под начальством графа Орлова-Денисова. Остальная армия назначалась поддерживать атаку, действуя на неприятеля с фронта»* [16]. Но на деле Кутузов оставил все нити боя в своих руках, всячески удавляя инициативу Беннигсена. Лукавство сокрыто в том, каким образом фельдмаршал распределил обязанности и взаимодействие, каковы были силы Беннигсена по сравнению с «остальной» русской армией.

В известной нам от апологетов конструкции Тарутинского боя верно лишь то, что наступающие русские войска делились на два крыла. Но в приказе Кутузова от 4 (16) октября о назначении командующих, ни генерал от инфантерии Милорадович, ни генерал от кавалерии Беннигсен непосредственных командных полномочий не удостоены. Там сказано, что они *«имеют примечание»* на действия соответственно левого и правого флангов, то есть являются кураторами. В то же время каждый корпусной начальник полностью отвечал за свой корпус. Расположение артиллерии тоже было предоставлено *«распоряжению корпусных командиров»*. Необходимость согласовы-

вать свои приказы и рекомендации с командирами корпусов с одной стороны и главнокомандующим с другой, существенно ограничивала инициативу Беннигсена и Милорадовича [17].

Этим же приказом были установлены войска кордебаталии (2-й и 6-й корпуса), вверенные генералу от инфантерии Дохтурову (то есть, поставлена дополнительная препона в управлении 2-м корпусом Багговута «примечающему» за ним Беннигсену). Но самое заметное состоит в том, что пять из семи армейских пехотных корпусов (3-й, 5-й, 7-й и 8-й и даже 4-й, по диспозиции входящий в состав ударных сил), определены в резерв, значительно увеличенный Кутузовым сверх предположений Толя. Следовательно, кураторы не могли ими распоряжаться без главнокомандующего. В резерве же состояли 2-й, 3-й, 4-й кавалерийские корпуса и обе кирасирские дивизии (вся конница, кроме сводной дивизии Орлова-Денисова), что шло в противоречие с наступательной задачей Беннигсена и подрывало его возможности организовать преследование французов. Все эти соединения находились на массивном и пассивном левом фланге русского построения, управление которым Михаил Илларионович оставлял за собой: *«При оных находиться будет сам главнокомандующий армии»* [18].

Всей кавалерией было велено командовать генералу Ф. П. Уварову. Решая маневренные задачи, Беннигсену надлежало действовать сообща с ним, но Уварова на правом фланге не было. Он, вполне логично, находился с регулярной русской конницей. Таким образом, Беннигсен в своих инициативах ставился в зависимость не только от главкома, но от генералов Милорадовича, Дохтурова и Уварова. При такой громоздкости командования с огромной разницей в скорости движения и дисциплине войск (линейные пехотные корпуса и сводная казачья дивизия) добиться единства исполнения маневра и нанесения удара войсками правого фланга было сложно, что доказал реальный бой. Не будь солидарного боевого порыва Беннигсена, Орлова-Денисова, Багговута и ведомых ими войск, никакого поражения французов при такой организации не состоялось бы в помине.

Глядя на то, как были распределены силы, получается, что главным русским флангом был вовсе не правый, а левый, на котором было сосредоточена большая часть армии — 3 пехотных, 3 кавалерийских корпуса, 2 кирасирские дивизии. Эти войска были предназначены *«когда услышат, что на правом нашем фланге началось дело, тотчас всю кавалерию атаковать все, что перед собою найдут»* [19]. Правый же фланг был демонстративно-обходящим. Номинально он состоял

из 3 пехотных, 1 кавалерийского корпусов и конной дивизии Орлова-Денисова, а фактически — из 2 пехотных, 1 кавалерийского корпуса и казачьей конницы (маршруты были составлены так, что 4-й корпус уходил в центр для связи с Дохтуровым). Учитывая, что приказом по армии 2-й пехотный корпус был поставлен в подчинение Дохтурову, а 3-й пехотный — лично Кутузову как резервный, Беннигсен рисковал в решительный момент остаться ни с чем, не поддержать конницу Орлова-Денисова! Лишь по своей боевой активности, изо всех сил подогреваемой Беннигсеном, правый фланг превратился в главный.

Упрек об отсутствии резервов у правого фланга бросает Н. А. Окунев: *«Гораздо было бы лучше, ежели бы запасная колонна следовала за вторым и третьим корпусами: ибо, выйдя из леса и развернувшись между Тетеринкой и Дмитревским, она бы нашла полезное употребление при Спас-Купле; между тем, как стоя за левым крылом, была она бесполезною; и первая колонна правого крыла, долженствовавшая нанести решительный удар, нашлась слишком для того слабою»* [20]. Но, изучив диспозицию, мы видим иное, — главный удар должен был наносить левый фланг, и вся слава победы над Мюратом принадлежала бы нераздельно Кутузову, если бы он озаботился его нанести.

Между флангами имелся центр, состоящий из 6-го и должного подойти к нему справа 4-го корпуса, вверенный Дохтурову. При этом у Дохтурова оказались спутанными руки из-за того, что оба корпуса двигались разными маршрутами, без связи друг с другом и завязавшими бой войсками. Предполагалось, что корпуса к моменту атаки сблизятся и сложатся в три организованные группы, но этого не получилось и не могло получиться в условиях, когда фельдмаршал вручил Беннигсену войсковую пересортицу, устроил командную чересполосицу, а удар главных сил левого фланга всячески сдерживал.

Глядя на такое, складывается впечатление, что Кутузов сделал все возможное для того, чтобы Мюрат не потерпел сколько-нибудь серьезного поражения. Он спутал и оттер генералов-инициаторов от руководства сражением, и намеренно снизил ударную силу войск правого крыла, чтобы они не увлеклись преследованием Мюрата, не вытянули русскую армию далеко от Тарутинского лагеря. Теперь можно понять, почему русская диспозиция не содержала слов «уничтожить» и «окружить» при очевидном замахе на врага столь же очевидно ослабленным правым флангом. Как иронично написал Ермолов: *«Невозможно было устранить от составления диспозиции генерала Беннигсена, начальника штаба всех действующих армий; не хотелось*

допустить участия в успехе, в чем по превосходству сил наших не было сомнения; он же сверх того предлагал сам вести войска, предназначенные к первой атаке» [21].

Не удивительно, что Беннигсен, просивший у строптивного главнокомандующего самостоятельности, отдал по вверенным его примечанию войскам собственную диспозицию, стремясь преодолеть недостатки общего плана [22]. Милорадовичу же, ясно видевшему руководящую чертовщину, вполне хватало воспоминаний о прежних ошибках, и он решил инициативу не проявлять. Это были старые грабли 1805 года, выложенные на Калужскую землю. Только вместо русско-австрийской пересортицы Дохтурова, направленной к Дюренштайну, в аналогичный, не гористый, зато лесистый обход, была направлена пехотно-казачья пересортица Беннигсена. Отвлекать и громить в обоих случаях был назначен Милорадович, на этот раз вообще без собственных войск, зато с гигантским резервом самого Кутузова позади. Это было хуже, чем вейротерщиной: тот же длинный взмах, что при Кремсе и Аустерлице, но более жидкий, неподкрепленный резервами, топчущимися сзади при заведомом отсутствии впереди крупного противника. Нет сомнения, что на Чернишне Вейротер нанес бы Мюрату самое решительное поражение.

Тарутинский бой показывает, что сделал бы Кутузов при Аустерлице, не будь там императорских дворов и Вейротера. Он был бы разбит, только по несколько иному сценарию: сначала подставив под разгром меньшую часть войска, затем позволив обложить как медведя в берлоге пассивные резервы, а потом задав стрекача (если бы дали) и понеся новые потери на отходе. Как раз по такой схеме было упущено Бородино. Требующийся разгром Мюрата не мог быть осуществлен, как не сумели с аналогичными тактическими решениями разбить Мортье. Сверх того, процветавшие в Тарутинском лагере злоупотребления грозили утечкой информации к врагу и отменой сражения. Действительно, намеченным утром 5 (17) октября оно не состоялось.

Вечером 4-го числа Кутузов выехал из деревни Леташевки в лагерь, чтобы лично проследить, как идет подготовка к атаке, и обнаружил, что приказ о ней не поступил в армейские корпуса (за исключением 2-го и 4-го, где распорядился Беннигсен). Нигде не могли найти начальника штаба Ермолова, отбившего на званный обед, а без него вскрыть пакет не решились. Кутузов перенес срок атаки корпуса Мюрата с 5 на 6 октября. Диспозиция осталась прежней, отменилось лишь участие в операции летучих отрядов партизан, поскольку

генерал Дорохов, получив известие об отмене атаки, возвратился на Боровскую дорогу. Фельдмаршал приказал произвести расследование инцидента. Очевидцы вспоминали, что давно не видели Михаила Илларионовича таким разгневанным (это и понятно, глядя на не оплошавшего Беннигсена) [23, 24]. Позднейшие историки справедливо подозревали в этой истории какой-то подвох. Жилин полагал, что ее инспирировал сам Кутузов как повод для задержки, будто бы получив информацию о движении главных сил Наполеона по новой Калужской дороге [25]. Ну, как если бы мы сегодня, зная, что было вчера, во вчерашнем дне нашли оправдание тому, что случилось позавчера! Такая логика не может признаваться верной. Если подвох был, то вовсе не такой.

Несмотря на строжайшую секретность, французы узнали о подготовке атаки. По свидетельству Ермолова: *«За день пред сим неприятель имел сведения о намерении нашем сделать нападение; войска были в готовности... но ожидание было напрасным»*. Учитывая, что диспозиция Толя и приказы Кутузова (которые он сам не писал, диктуя доверенным лицам) как раз составлялись «за день пред сим», вражеский информатор находился вблизи Михаила Илларионовича. Похоже, русские генералы (Ермолов и Коновницын, как можно думать по изложению Шербинина) сознательно «сыграли в дурочку», дезавуировав полученное Мюратом донесение. Повторного сообщения о переносе русской атаки либо не было (по причине опасности для информатора), либо Мюрат ему не поверил. И внезапность была достигнута: *«Наши войска нашли их почти сонными, стражу оплошную, лошадей в кавалерии неоседланных»* [26].

Как вариант, наступление могло быть задержано ввиду получения от партизан сведений о подходе к Мюрату обоза из Москвы, что должно было возыметь для вражеского войска пагубные последствия. Как засвидетельствовал польский генерал Колачковский: *«5-го (17-го) числа прибыл к нам на бивак обоз с продовольствием и водкой... И то и другое было роздано войску в тот же день. Во французских лагерях изголодавшиеся солдаты набросились на припасы и пьянствовали целую ночь напролет. Даже многие офицеры, забыв о службе, провели всю ночь в беседе и утром были почти совершенно неспособны к исполнению своих обязанностей. Особенно во 2-м корпусе Себастиани, где забыли о всякой осторожности и не выслали даже, как обыкновенно, утренних разъездов... Часов в 6 утра все было тихо... когда внезапно из лежавшего против нас леса прозвучало несколько пушечных выстрелов... казаки уже со*

своим обычным криком «Коли! Коли! Ура!» ворвались в пехотный лагерь и начали опрокидывать ружейные козла» [27].

Если Мюрат избежал полного разгрома, то лишь по причине пассивности Кутузова и плохого управления войсками с его стороны. Передвижение колонн в ночном лесу привело к опозданию 2-го и 4-го пехотных корпусов Багговута и Остермана-Толстого (первый имел самый дальний, а второй — самый сложный маршрут). Генерал Орлов-Денисов, используя момент, решился атаковать немедленно. Атака, начатая около 7 часов утра, была успешной. Французы, побросав обозы и артиллерию, стали поспешно отступать за ближайший овраг. Весь лагерь генерала Себастиани и свыше 30 орудий оказались в руках казаков. Возникла угроза полного разгрома левого фланга Мюрата и окружения его основных сил. Увы, казаки рассыпались по захваченному ими неприятельскому лагерю и занялись грабежом [28]. С большим трудом Орлов-Денисов пытался собрать свои войска, чтобы продолжить движение в тыл французам к Спас-Купле и сломить сопротивление начавших приходить в себя врагов, собиравшихся за большим оврагом, где протекала речка Чернишна.

Это дало Мюрату время привести свои войска в чувство: *«Король Мюрат немедленно бросился к атакованному пункту и своим присутствием духа и мужеством приостановил начавшееся отступление. Он... собирал всех попадавшихся ему всадников и, как только успевал набрать таковых с эскадрон, так мгновенно бросался с ними в атаку» [29].* Против рассеявшихся за добычей казаков и один компактный эскадрон был силой, — так маршал остановил их продвижение, а заодно собрал свою кавалерию. Резервная конница Латур-Мобура, подоспев, полностью стабилизировала ситуацию. Мюрат благоразумно и в порядке стал отступать к Спас-Купле.

В это время близ деревни Тетеринки и сельца Дмитровское, куда через лес вышел авангард 2-го пехотного корпуса, Багговут нашел французов готовыми к отражению атаки благодаря шуму от действий Орлова-Денисова. Понимая, что нельзя упускать время, он не стал дожидаться подхода своих основных сил, и устремился в атаку на деревню. Увы, генерал был сражен чуть ли не первым вражеским ядром. Гибель Багговута и ошибка Евгения Вюртембергского, заставившего егерей дебушировать из леса прямо на вражеские пушки не в рассыпную, а хорошо поражаемыми артогнем колоннами, внесли смятение в русские ряды, наступление остановилось [30]. На место действий прибыли Беннигсен и Коновницын, но неразбериху пришлось долго

улаживать. Возобновившееся движение егерских полков под командой Е. Вюртембергского и появление из леса головных колонн 3-го корпуса генерал-майора графа Строганова убедило Мюрата в необходимости ускорить общий отход. Охват неприятельских войск не состоялся. *«Шесть слабых батальонов, поддержанных казаками, не могли действовать решительно, и этому обстоятельству неприятель был обязан своим спасением. Мимо нашего слабого отряда длинной колонной тянулись отступавшие войска Мюрата. Амы по своей малочисленности не имели возможность отрезать даже часть их и продолжали только поражать огнем»* [31].

На тихом левом фланге войска 5-го, 7-го и 8-го корпусов под «примечанием» Милорадовича, наступали на деревню Винково. Только произошло соприкосновение, и началась атака русской кавалерии на охранение неприятеля, как в эту же минуту Милорадович был отозван к Кутузову, и все оставлено отсутствием начальника. Командующего кордебатальей Дохтурова рядом тоже не было, так как его 6-й корпус вышел из лесу значительно правее, к селцу Ходырево. Отрезанную атакой кавалерии колонну польской пехоты Клапареда упустили, что называется, у себя на глазах. Появившийся тут вскоре энергичный Беннигсен был озадачен отсутствием Милорадовича, а собственных полномочий не имел.

«Перед самым началом сражения князь Кутузов прислал приказание Дохтурову не двигаться с места, вовсе не предупредив меня об этом. Генерал Милорадович, с которым я накануне на словах уговорился, каким образом ему... надлежит поддерживать мои атаки, был также в момент моих атак потребован к князю Кутузову, за десять верст назад, где и пробыл все время, пока сражение не решилось. Едва я успел преследовать французов на протяжении 12 верст, как князь Кутузов прислал ко мне полковников Толя и Кайсарова с предложением приказать войскам, мне вверенным, возвратиться на позиции, с которых они выступили перед боем, т.е. верст 20 назад, если не более. Сделанное мною предложение, чтобы он сам подвинулся со всею армией, не было им одобрено» [32].

Мюрат отступил, бросив разграбленный и сожженный его же солдатами обоз, мешавший быстрому движению. На новых позициях у Спас-Купли и Вороново установил приведенные в порядок батареи с отбитыми обратно у казаков пушками, и открыл с них фронтальный огонь. Он вполне заслужил те же похвалы, что и попавший в 1805 году в западню маршал Мортье. Большинство русских ге-

нералов: Беннигсен, Милорадович, Толь, Коновницын, Ермолов настойчиво просили у Кутузова ввода в бой дополнительных войск для окончательного разгрома Мюрата, но генерал-фельдмаршал отказал им: *«Упорство его было непонятно, негодование всех чрезвычайно»* [33].

«Наши генералы, и в особенности Коновницын и Толь, были весьма недовольны последствиями дела, в котором, по их мнению, можно было уничтожить весь неприятельский авангард» [34]. Таково же было мнение многих русских офицеров: *«В этом деле нашей роте, да и всему нашему корпусу не удалось сделать ни одного выстрела... Победой этой были недовольны и считали ее хуже всякого поражения: шли забрать французов, а... не только не достигли цели, но и действовали как-то беспорядочно... негодованию нашему не было пределов... На простых маневрах такие промахи были бы не извинительны, а тут вели тысячи людей на жертву»* [35].

Очень невысоко оценил Тарутинский бой Барклай де Толли: *«Известно также, что неприятель, при нападении нашей армии на него 6 октября, имел только 15000 ч.; для избежания стыда предположена была его сила в 50000 ч.»* [36]. Ростопчин на основании расспросов и бумаг, найденных в оставленной Наполеоном Москве, оценил силы Мюрата в 18000, и осуждал, что он не был преследован Кутузовым далее Воронова [37]. *«Я должен сказать, что хотя много сделано, но гораздо более могло бы быть приобретено... я могу судить только о последствиях, не зная о причинах, побудивших фельдмаршала к таковой осторожности»*, — написал Вильсон Александру I [38]. Аналогичной была оценка боя в следующих офицерских поколениях [39].

Странные действия и решения фельдмаршала для их оправдания были покрыты пересказываемыми из века в век небылицами. Говорили об обманутом желании Кутузова схватить самого Мюрата, отчего главком будто бы заявил: *«Коль скоро не умели мы его вчера живьем схватить и сегодня прийти вовремя на те места, где было назначено, преследование сие пользы не принесет и потому не нужно, — это нас отдалит от позиции и от операционной линии нашей»* [40]. Наиболее вдохновенные бредили очередным *«тайным совещанием, один с самим собою»*, проведенным потому, что князь Кудашев перехватил *«предписание Маршала Бертье к одному французскому генералу об отправлении всех тяжестей на Можайскую дорогу»* [41].

Оригинальный автор, адъютант Кутузова, князь А. Б. Голицын (его отрывочно цитируют историки), указавший на предписание маршала Бертье к генералу д'Аржану, доставленное 6 (18) октября из

партизанского отряда Кудашева урядником Жирова казачьего полка, не напускает на события такой глубокомысленной тайны. Он указывает, что оно «укрепило Кутузова в истине, что Наполеон решительно ретироваться будет» [42]. Следовательно, чем раздражить самолюбие и привлечь на себя Бонапарта, которого он не чаял разбить, лучше дать ему уйти из Москвы через Можайск. Достаточно добыть себе видимость победы, а Мюрату позволить торжествовать сохранение вверенных ему войск.

В одном ошибался Голицын: будто фельдмаршал мог почувствовать в письме Бертье угрозу движения Бонапарта на Калугу. С какой стати? Еще 4–5 (16–17) октября Кутузов получил серию донесений от Дорохова и Фигнера о направлении противником обозов и ценных транспортов к Можайску. Взятые пленные потакали его ожиданиям, рассказывая, что появившиеся у Фоминского вражеские части получили задачу прикрыть фуражиров и коммуникационную линию на Можайск [43]. Письмо подтверждало эти данные. Идея кризиса кампании для Наполеона, к тому времени витала в воздухе. «Кажется, что кризис, долженствующий решить намерения неприятеля, наступит весьма в скором времени», — предположил по наблюдению действий французов в Тарутинском сражении Вильсон [44]. Но какое решение примет Наполеон, — было неизвестно. Кутузов, судя по всему, полагал, что Бонапарт отступит по прямой на Можайск, выставив прикрытие от русской армии к стороне Фоминского. А иначе, почему распоряжение генералу Ивашеву о ремонте и расширении дороги от Леташевки к Малоярославцу, по которой армия должна была выдвигаться наперерез врагу, идущему на Калугу, последовало только 11 (23) октября, на следующий день после обнаружения маневра Наполеона [45]?

Кутузова можно понять в том, что после опасно сдержанного удара вводить войска в бой для преодоления сопротивления Мюрата, который оправился от неожиданности, было уже невыгодно. Так можно было понести лишние потери, увязнуть в погоне за ним, и потянуться неизвестно куда, но это главнокомандующего отнюдь не оправдывает. Цель операции не была достигнута. Наполеон был предупрежден и понял, что деморализованная сдачей Москвы русская армия оправилась и вновь представляет угрозу. Тем не менее, фельдмаршал посчитал, что для оправдания перед царем сделано достаточно. В рапорте Александру I он, как обычно, сильно преувеличил силы Мюрата, исчислив их «тысячах в 50-ти», в то время как

в диспозиции к сражению он указал их всего в двадцати пяти, украсил трофеи, существенно уменьшил потери собственных войск, и умолчал о недостатках. Путаный переход корпусов с одновременным выходом к рубежам атаки был уподоблен полководцем «учебному маневру с рачением приготовленному» [46]. На этом обмане акцентировал внимание М. Н. Покровский, оценив Тарутинское сражение как «самое беспорядочное за всю кампанию» [47].

Михаил Илларионович торопился создать видимость крупной победы, оттого и подробный рапорт самодержцу последовал уже на следующий день 7 (19) октября, без задержек, какие были после Бородино и оставления столицы. В нем он вынужден был признать, что «победа сия решилась действием правого фланга... под начальством генерала от кавалерии Беннигсена». А в письме к Е. И. Кутузовой фельдмаршал хвастливо надиктовал: «Не мудрено было их разбить, но надобно было разбить дешево для нас, и мы потеряли всего с ранеными только до трехсот человек... Первой раз французы потеряли столько пушек, и первой раз бежали как зайцы». Он и сам понимал, насколько его замысел был похож на Кремский бой: «Не достало еще немножко счастья, и была бы совсем баталия Кремская» [48]. Типун ему на язык, ибо результаты были почти одинаково плохие: заверши Беннигсен охват, Мюрат прорвался бы через него по трупам, как в свое время Мортье через Дохтурова, ухудшив для русских соотношение потерь.

Днем позже, Кутузов, в очередном «рекламном» письме Витгенштейну, произвольно сократил потери до 200 бойцов [49]. В действительности, только убитых русских воинов было около 300, а раненых — 900. Всего — 1204 чел. (21 генерал и офицер, 1183 нижних чинов) [50]. Мюрат, по-видимому, потерял от 2 до 2,5 тыс. чел. убитыми и ранеными, не более 1 тыс. пленными, и не 38, а от 19 до 36 орудий. Такие данные получаются сопоставлением поданных русскими генералами рапортов, а точно установить невозможно. Имеются свидетельства, что казаки порубили во французском лагере и обозе много присутствовавших там гражданских лиц, их посчитали тоже...

Касательно трофейных пушек, разноразличной цифр, скорее всего, объясняется тем, что захвачено было 19, и это число было сразу же увеличено вдвое даже не Кутузовым, а столь же хвастливым и заждавшимся славы Беннигсеном [51]. По крайней мере, так считал Давыдов [52]. За апломб и хвастливость Леонтия Леонтьевича в армии не любили, и по итогам Тарутинского боя его реноме пострадало больше кутузовского. Молва валила на его голову все ошибки и приписки. Но затем выяс-

нилось, что еще 17 пушек было выведено из строя и брошено наполеоновскими войсками при отступлении по недостатку конной тяги.

В своем рапорте главнокомандующему Беннигсен указал: *«Малая часть бывших под командою моею войск имели... честь и славу принудить армию под предводительством короля Неаполитанского к совершенному и скорому отступлению»*. Такая трактовка не могла понравиться Кутузову. Но не на того Леонтий Леонтьевич напал. Михаил Илларионович направил донесение о победе царю, не дождавшись его рапорта! Ермолов рассказывает: *«С места сражения верхом у колеса дрожжек фельдмаршала сопровождал я его до лагеря, и из слов его легко мог понять, в каком смысле готовился он сделать донесение государю... Было уже темно, сокрыта игра его физиономии, и он свободнее. «Какой дал Бог славный нам день! Неприятель потерял ужасно. Взято много пушек, и, говорят, по лесам разбросано их много, а пленных — толпами их гонят! Надобно собрать точные сведения»*. Пушек всех и пленных я не видел. Неприятель не был тесним в отступлении и не был в положении бросать пушки. Выслушавши рассказ, я не обманусь... что донесение будет не без украшений... На другой день, не дожидая рапорта генерала Беннигсена... не сказавши ему ничего, отправил донесение. С сего времени неприязнь между ними усилилась. Вероятно, не отдано ему должной справедливости, и об нас, подчиненных его, не упоминается» [53].

Н. Д. Дурново между 6 и 9 октября записывает: *«Слава этого дня принадлежит генералу Беннигсену... Неприятель оставил нас в покое. Он полагает, что мы имеем какой-либо замысел, тогда как фельдмаршал просто боится сделать малейшее движение: он сидит в Тарутино, как медведь в берлоге, и не хочет оттуда выйти. Это нас всех приводит в ярость... Наш главный штаб также в открытой войне с главным штабом фельдмаршала. Можно ли надеяться победить неприятеля, пока происходит междоусобная война! Сплетни князя Голицына много способствуют поддержанию разногласий между старыми генералами»* [54]. Понятен взрыв негодования Беннигсена после всех его усилий, превосмогавших кутузовские упрямство и бардак. Тут-то он и начинает резать правду-матку о том, как стотысячная армия кое-как возобладала над застигнутым врасплох 25-тыс. корпусом со сниженной боеспособностью, принудив его отступить на 25 км. Свое награждение Беннигсен вырвал непосредственно у императора, алмазными знаками к ордену Св. Андрея Первозванного. Кроме того, царь пожаловал ему 100 тыс. рублей, а Кутузову — лишь золотую шпагу с алмазами, бывшую одним из знаков отличия ордена Св. Георгия (ценой

около 25 тыс. рублей). Завистливый Кутузов перестал допускать Беннигсена к себе и давать ему поручения.

Итак, Беннигсен отбросил субординацию, и написал Александру I о допущенных Кутузовым несправедливостях и ошибках в руководстве войсками. Именно это не дошедшее до нас письмо Богданович и некоторые прочие историки объявляют доносом [55]. На каком основании, кроме домыслов Щербинина и иже с ним? В самом деле, Богдановичем в поддержку версии «доноса» дана ссылка на одно из сочинений Бернгарди, а не на прямой русский источник. Может быть, Леонтий Леонтьевич где-то еще опорочил репутацию Михаила Илларионовича?

В своих описаниях войны 1812 года Беннигсен, следуя правилу «или хорошо, или ничего» — вообще своего острого личного конфликта с Кутузовым не касается. Зато там есть фрагмент, по-видимому, повторяющий текст «доноса», в котором Беннигсен *«счел долгом упомянуть о графе Орлове-Денисове, который действуя блестящим образом в этом сражении, проявил большую храбрость... Я не мог обойти молчанием заслуги, оказанные его высочеством принцем А. Вюртембергским; он выразил готовность доставить мои приказания в самые жаркие места сражения, а также подвигал и расставлял сам батарею, оказавшую нам величайшую услугу. Наконец, я отдал справедливость храбрости всех войск»* и упомянул обстоятельства, *«которые лучше объяснят вам причины, воспрепятствовавшие нам воспользоваться этою победою»* [56].

Как справедливо отметил П. М. Майков, опубликовавший найденные им письма Беннигсена, в то время как главные русские силы должны были повести фронтальную атаку, *«Кутузов отдал приказ остановиться, предоставив Беннигсену собственными силами продолжать и оканчивать начатое сражение. Едва ли можно признать подобный образ действия Кутузова совершенно корректным; вполне понятно, что он вызвал те объяснения Беннигсена с Кутузовым, о которых Беннигсен подробно писал государю из Леташевки, после сражения при Тарутине, однако это письмо никак нельзя назвать доносом»* [57]. Не одобрял действий Кутузова и Бутурлин: *«Без сомнения, он имел полное основание противиться этому предприятию (историк не знал о стратегических соображениях, заставлявших провести Тарутинский бой. — А. Д.) но, раз давши на него свое согласие, ставить препятствия к его исполнению значило поступать против своего достоинства и вместе с тем нарушать долг отечеству»* [58]. Конечно же, в подцензурную историю эти строки не попали.

Письмо Беннигсена, разоблачающее перед царем интриганство и ограниченные способности Михаила Илларионовича, обозначило окончательный разрыв между полководцами, а некий «донос» с описаниями всех грехов фельдмаршала надо считать домыслом, исходящим из его же окружения. Чтобы понять, как выглядит и организовывается настоящая клевета, надо обратиться к известному письму Кутузова в адрес находившейся при дворе его супруге от 28 октября 1812 года. Там он называет Леонтия Леонтьевича *«глупой и злой чело-век»*, *«простяк»* (это о крупном генерале, командовавшем при Прейсиш-Эйлау), и просит настроить против него влиятельного князя П. М. Волконского, состоявшего при особе государя [59]. Через две с половиной недели, 15 (27) ноября, выждав результатов организованного им негатива, Кутузов предписывает Беннигсену *«по случаю болезни»* отбыть *«в город Калугу, где оставаться впредь до повеления... императорского величества»* [60].

Характерный пример оскорбительного и провокационного поведения Кутузова по отношению к Беннигсену во время Тарутинского боя привел Маевский: *«Кутузов... кричит: «Где этот дурак, рыжий, трус!» и т. д. После многих приисканных или приблизительных имен, Кутузов с сердцем повторял «нет, нет» и усиливался напасть на имя этого труса рыжего... Но когда сказали ему «не Беннигсен ли?» тогда он повторил «да, да!». А когда ему сказали «да вот он здесь», тогда Кутузов с ласкою и отеческою миною обнял его»* [61]. Эти обьятия отнюдь не искупали прилюдно нанесенного бесчестия. Чья бы корова мычала, — Кутузов вообще не выполнил своей роли командующего в бою.

Леонтий Леонтьевич, не занимавшийся такими театральными изысками, вчистую проиграл Михаилу Илларионовичу. На том его карьера и закончилась бы, но Петр Михайлович Волконский не собирался плясать под чужую дудочку, и внушал царю несогласное с желаниями фельдмаршала. На самом деле, Беннигсен был всего лишь талантливым и тщеславным одиночкой. Он не мог противостоять сетям изоляции, которые сплел вокруг него хитрый главноком, даже имея поддержку Вильсона и всего английского лобби. Оно было влиятельно в Петербурге, но не в Тарутине. Затем ведра помоев вылила на Беннигсена советская «историческая наука». Он же, при всех его недостатках, благодаря дельным советам на Бородинском поле, большой роли в Тарутинском маневре и Тарутинском бое: *«Разбитие Мюратовского авангарда Беннигсеном 6 октября было единственным делом во все время пребывания наших войск в Тарутинском лагере»* [62], — был

одним из китов, на которых поднялся «спаситель отечества» в 1812 году Кутузов.

По оценке противника: *«Мюрат погиб бы, если бы Кутузов сильной атакой на фронт французов дал возможность Беннигсену напасть (более решительно. — А. Д.) на их левый фланг. Но по беззаботности или по медлительности... или потому, как говорили многие из русских, что Кутузов был более враждебно настроен в отношении Беннигсена, чем по отношению Наполеона, — старец произвел атаку слишком медлительную, начал ее очень поздно и остановил преждевременно»* [63]. Думается, больше не надо ничего пояснять о том, сколь много вреда принесло неизбежное интриганство Михаила Илларионовича, в угоду которому он отказывался от здравого военного смысла.

По изложенным причинам, не решивший поставленных задач Тарутинский бой нельзя принимать точкой коренного военного перелома и начала некоего решительного контрнаступления. Чтобы не подвергать угрозе критики эту надуманную точку зрения, у широко растиражированного П. А. Жилина описание боя предваряется ложными соображениями, тактически бессодержательно и занимает в общей сложности чуть более страницы [64]. Перелом был близко, но впереди; он был связан с другими событиями, о которых не преподают, и это есть грубое искажение военной истории России. Значение Тарутинского боя было, прежде всего, моральное. *«Первое наступательное действие армии нашей в продолжение кампании весьма ободрило войска наши и противное влияние произвело на неприятеля»* [65]. То, что Кутузов не доработал на поле битвы как полководец, он снова старался восполнить хитростью: *«Ночью велено было опять развести в биваках веселые огни и петь песни, потому что Мюрат посылал через наш лагерь к фельдмаршалу парламента, просить сердце убитого друга своего, генерала Дери»* [66]. Так противнику посылался сигнал, какого Михаил Илларионович не умел подать в бою: «Я крепок и силен, не иди на меня, а уходи подобру-поздорову».

В тот же день, что гремела битва на Чернишне, в Москве проходил парад войск Великой армии. Наполеон уже готовился приступить к раздаче наград, когда около часу дня появился адъютант Мюрата Беранже с несколько преувеличенным известием о поражении своего короля. Узнав об этом, Наполеон принял решение выступить из Москвы. Об отступлении французов из России речь пока не шла. Бонапарт устремился на Боровск и Калугу в попытке получить пространство для фуражировок и разделаться с проявившей инициативу

русской армией. Чтобы уточнить расположение и планы русских, а заодно скрыть свое движение, он тоже прибег к хитрости, послав к Кутузову полковника Бертеми с письмом от маршала Бертье с предложением прекратить взаимное опустошение земли, *«умышленно выставив в нем, будто оно писано из Москвы»* [67]. Хитрость удалась. Фельдмаршал, по склонности к переговорам, принял Бертеми в своей главной квартире в Леташевке. Словно для того, чтобы исключить всякие сомнения, его ответ маршалу Бертье начинался словами: *«Полковник Бертеми, которого я разрешил пропустить до своей главной квартиры, вручил мне письмо, которое ваша светлость поручили ему передать мне»* [68]. Переговоры — оружие обоюдоострое. Вновь возникла ситуация, как на Дунае, где любезному Ахмеду-Паше удалось усыпить бдительность Михаила Илларионовича, и скрыть свое намерение переправиться через Дунай.

Встречи русского главнокомандующего с адъютантом Мюрата и посланником Бертье не афишировались (Кутузов помнил противодействие, которое было оказано ему, как только он объявил о намерении встретиться с Лористоном), а потому породили кривотолки. Так, Беннигсен думал, что Наполеон послал к князю Кутузову парламентом самого маршала Бертье, с письмом неопределенного содержания, чтобы убедиться в правильности донесения о том, что русская армия вернулась в Тарутино [69]. Вильсон ошибочно полагал (в те дни его подвижность была ограничена, — англичанин очень удачно для Кутузова придавил себе ногу перевернувшимися дрожками), что письмо Бертье передал главнокомандующему адъютант Мюрата, а о прибытии Бертеми он не знал, ибо тогда всполошился еще больше.

Тем не менее, информация о встрече и письме Бертье стала последним «звонком» для Вильсона, понимавшему их опасность в смысле утечки важных сведений. Он немедленно пишет лорду Кэткарту: *«Фельдмаршал Кутузов, несмотря на все представления и весьма сильные со стороны генерала Бенигсена, допустил к себе адъютанта Мюрата, приезжавшего под предлогом отыскания тела генерала Дери... Сей офицер привез к фельдмаршалу письмо от маршала Бертье, в котором Бонапарте изъявлял свое желание узнать, «получен ли от Императора ответ касательно разных распоряжений для перемены свойства войны и восстановления лучшего порядка в земле»? Фельдмаршал отвечал, что для получения ответа не было физической возможности, но он может смело сказать, что никто не осмелится говорить народу, толь сильно огорченному, о каких бы то переменах ни было. Сия пере-*

писка содержится в глубокой тайне. Я знаю, что фельдмаршал не смеет... начать какие-либо переговоры... но впечатления таких сношений вредны... в политических и военных отношениях до такой степени, что от того могут произойти весьма важные бедствия... Нет сомнения, что фельдмаршал весьма расположен к волокитству за неприятелем — французские комплименты очень ему нравятся и он уважает сих хищников... Признаюсь, что я столько раздражен таким поведением, что если фельдмаршал сохранит начальство над армией и если Государь не запретит иметь таковые личные сношения, то я решился просить вас, милорд, об увольнении меня... от всякой переписки» [70].

Как бы ни были интересы Англии отличны от российских, следует согласиться с сэром Робертом Томасом Вильсоном в том, что обманывать и пользоваться результатами дутых побед умел не один Кутузов. Пленные под Малоярославцем наполеоновские солдаты показали, что «вышедшие из Москвы были уверены, что маршал Мюрат одержал важную победу, и что они будут преследовать разбитую русскую армию» [71].

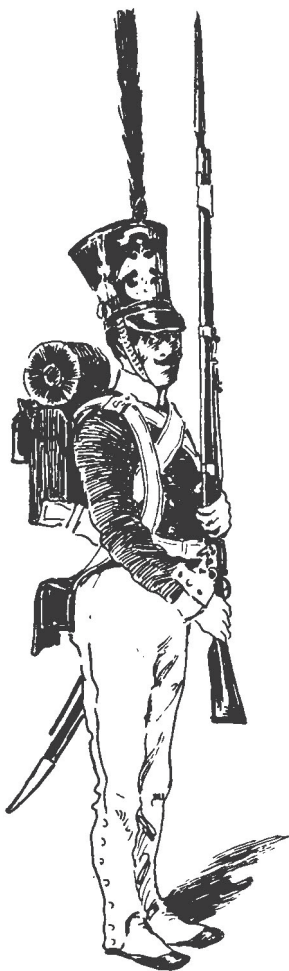
1. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 144. См. также: Ульянов А. И. Бой на реке Чернишне // От Тарутино до Малоярославца: К 190-летию Малоярославецкого сражения. Калуга, 2002. С. 10–15.*
2. *Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 216. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 108.*
3. *Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 98.*
4. *Роос Г. У. С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 66–68.*
5. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 471.*
6. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 531. С. 432.*
7. *Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 3. С. 243.*
8. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 534. С. 434.*
9. *Там же. Т. 4. Ч. 2, прим. 2 к док. № 162. С. 174.*
10. *Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 98–99.*
11. *Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 142. С. 171.*
12. *Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 99.*
13. *Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2, прим. 3 к док. № 1. С. 3–4.*
14. *Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 471.*

15. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 1, 6. С. 3–7, 9.
16. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 3. С. 246.
17. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 8. С. 10.
18. Там же. Док. № 1. С. 5–6, и док. № 8. С. 10.
19. Там же.
20. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях*. СПб., 1841. С. 210.
21. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826*. М., 1991. С. 216. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон*, 1863. С. 108.
22. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 476.
23. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 10. С. 12.
24. Шербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 223–224.*
25. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 228–230.*
26. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826*. М., 1991. С. 218. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон*, 1863. С. 110.
27. Колачковский К.-И. Е. *Записки о войне 1812 г. 1911. С. 62–63.*
28. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 478.
29. *Французы в Рос. Ч. 2. М., 1912. С. 95.*
30. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 479.
31. Вахрушев М. Н. *Истор. 101-го пех. Пермского полка. СПб., 1897. С. 107–108.*
32. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 103.*
33. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г. // Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем. СПб., 1911. С. 75.*
34. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 484.
35. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г. М., 1871. С. 121–122.*
36. Барклай де Толли М. Б. *Изобр. воен. действий 1-й армии. М., 1859. С. 31.*
37. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 399.*
38. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 160. С. 207–208.*
39. Маркграфский А. Н. *Истор. лейб-гв. Литовского полка. Варшава, 1887. С. 50.*
40. Ульянов А. И. *Бой на реке Чернишне // От Тарутино до Малоярославца: К 190-летию Малоярославского сражения. Калуга, 2002. С. 10–15.*
41. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 3. С. 255–256.

42. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // Военский К. А. *Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., С. 75.
43. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 73; СПб., 1912. Т. XIX. С. 14, 23.*
44. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 160. С. 208.
45. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 130.*
46. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 16. С. 16, 19.*
47. Покровский М. Н. *Дипломатия и войны царской Рос. в XIX ст. М., 1923. С. 59.*
48. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 16, 18. С. 17, 22.*
49. *Там же. Док. № 27. С. 35.*
50. *Там же. Прим. 1 к док. № 16. С. 18.*
51. *Там же. Док. № 17. С. 21.*
52. Давыдов Д. В. *Дневник партиз. действий* // Давыдов Д. В. *Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 53.*
53. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 218–219. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г Брюс.-Лондон, 1863. С. 110.*
54. Дурново Н. Д. *Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Дурново Н. Д. Дневник 1812. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/01.html>, 17.04.2018.*
55. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 489.*
56. Беннигсен Л. Л. *Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 103.*
57. *Там же. С. 105.*
58. Бутурлин Д. П. *Кутузов в 1812 г. // Рус. Старина. 1894. № 11. С. 200.*
59. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 238. С. 237–238.*
60. *Там же. Док. № 406. С. 391.*
61. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского* // *Рус. Старина. 1873. № 8. С. 156–157.*
62. Анненков И. В. *Истор. лейб-гв. Конного полка. СПб., 1849. Ч. 2. С. 74.*
63. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 100–101.*
64. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 227–228, 230–231.*
65. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 218. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 110.*
66. Радужицкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев, 1912. С. 97.*
67. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 3. С. 294–295.*

68. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 31. С. 38.
69. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 107.
70. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 173. С. 230–231.
71. Там же. Док. № 181. С. 245.

Часть III

Поражение и уход
Наполеона

9.1. МОСКОВСКОЕ СИДЕНИЕ И ПОЛНЫЙ ПРОВАЛ АВАНТЮРНОЙ СТРАТЕГИИ БОНАПАРТА В РОССИИ

Вошедший в древнюю русскую столицу Наполеон обнаруживал удивительную смесь трезвого взгляда на вещи с несбыточными надеждами. Кампания давно шла не по плану, а он был во власти желания сложить неожиданные и неприятные факты в прежнюю удобную картину, какую себе начертал. 4–5 (16–17) сентября, когда огонь свирепствовал в городе, Бонапарт высказал приближенным, что *«нельзя было ожидать большой склонности к миру о тех, которые сожгли Москву»*. В эти дни, удалившись из угрожаемого огнем Кремля, он обдумывает демонстрацию к Петербургу: направить туда корпус вице-короля, расположить прочие части армии между обеими столицами, оставив в Москве арьергард. Если бы и этот нажим не привел к миру, захватчик предполагал двинуть свои войска на сообщения Витгенштейна, разгромить его, присоединить к себе корпуса Макдональда, Сен-Сира и Виктора, и расположиться на зимних квартирах по линии Рига-Смоленск. *«Вдруг он объявил о выступлении к Петербургу... Некоторым корпусам уже было приказано быть наготове. Но... Бертье и особенно Бессьеру легко удалось убедить его в том, что время года, отсутствие провианта и плохие дороги, — все препятствовало этому трудному походу»* [1]. Маршалы утверждали, что Москва полна запасов, которых не уничтожит пожар, а к Смоленску лучше идти южным путем, разоряя русские оружейные заводы, истребляя армейские припасы и нанося тем самым решительные удары [2].

С 6 (18) сентября пошли дожди, огонь стал убывать. Вернувшийся в кремлевскую резиденцию Бонапарт убеждается в справедливости сведений о внушительности городских запасов: *«Находили все, в том числе обильнейшие запасы вина и водки. Склады зерна, муки и сена, находившиеся на набережных, уцелели от пожара... каждый из солдат стремился захватить большие сена и запастись им на несколько месяцев... Часть продовольствия была истреблена... но остатки его обеспечили нам изобилие на все время нашего пребывания в Москве и даже дали*

возможность кормить людей и лошадей в течение некоторого времени при отступлении». Неудобством для французов в Москве оказалось лишь «излишество некоторых запасов при совершенном недостатке в других» [3].

Наполеон усиливает организационно-распорядительную деятельность, укрепляя дисциплину в опустившейся до повального мародерства армии, сохраняя оставшуюся часть города жестокими казнями поджигателей. Он надеется, что стихия, потрясшая его самого, заставит содрогнуться и царя. В разговоре с начальником московского воспитательного дома И. А. Тутолминым он произнес: *«Если даже я и оставлю Москву, то потери, которые вы сами себе нанесли, будут невознаградимы. Доведите о том до сведения вашего государя; он видно, не знает, что здесь делается»*. Тутолмину велели написать письма вдовствующей императрице Марии Федоровне и императору Александру об ужасах пожара и желании Наполеоном мира, дабы не повторилось подобное [4].

Три дня спустя, 9 (21) сентября, Наполеон с той же целью встречается с впавшим в крайнюю нужду помещиком И. А. Яковлевым, братом русского посланника в Штутгарте, принужденным *«скитаться по обгорелой Москве со своим семейством, служителями и сотнею подмосковных крестьян, ограбленными до последней обуви и изнемогавшими от голода»*. Разыграв перед помещиком целый спектакль, Наполеон опять повторяет тезис о своей готовности к миру, а иначе угрожает подвергнуть Петербург *«одной участи с Москвою»*. Яковлеву было вручено очередное письмо Александру I с описаниями разгрома древней столицы и найденных там французскими войсками трофеев, после чего его выпроводили за город. К выпускаемой французами процессии примкнуло более 500 отчаявшихся человек [5]. Таким образом, Бонапарт использовал для доставки своих предложений самых беззащитных и пострадавших граждан, спекулируя на их бедах. Самодержца, однако, более всего укололи сообщение об огромных неприятельских трофеях и угрозы атаковать Петербург. Царь ничего не ответил.

Свое 35-дневное сидение в Москве в ожидании мира от царя, Наполеон впоследствии назвал величайшей ошибкой. Конечно, он не мог уйти сразу, ибо перенапряг силы своей армии. Надо было оприходовать трофеи, накормить и обеспечить отдыхом солдат. Но следует согласиться с мнением Давыдова, что Бонапарт мог избежать постигшей его катастрофы, покинув Москву на две недели раньше, по истечении срока для ответа на переданные письма. Так он сохранил

бы, требуемый для отступления провиант, избежал действия морозов, застал Главную русскую армию Кутузова в ослабленном состоянии, упредив ее фланговый марш [6], а равно опередил сосредоточение и удары армий Витгенштейна и Чичагова. *«Приказы о выходе из Москвы были даны сначала на 22, потом на 28 сентября, но затем отменялись»* [7]. Завоеватель медлил, не желая подрывать видимость безоговорочной победы в России, какую давало обладание Москвой для дел в Европе. В результате, многое из захваченного было проедено и испорчено за время пребывания в Москве, а русские, заняв выгодные рубежи, возобновили военные действия первыми, как то предусматривалось Петербургским планом Александра I, и как тому не упирался осторожный Михаил Илларионович.

Реальная подготовка к походу захватчиков из Москвы началась с 1 (13) октября 1812 года. Наполеон отдал приказания корпусу Нея, стоявшему в Богородске (ныне Ногинск), и дивизии Дельзона, находившейся в Дмитрове, возвратиться в Москву; в город же были собраны войска Даву. Другие французские части переходили в направлении Новой Калужской и Можайской дорог. Старой гвардии было приказано 3 (15) октября быть в совершенной готовности к выступлению. Из города начало отправляться продовольствие для создания магазинов на путях движения войск, конвоировались на запад последние пленные. Один из обозов был 8 (20) октября разгромлен отрядом Давыдова под Вязьмой [8].

Известие о Тарутинском бое 6 (18) октября ускорило события. Наполеон наконец-то распоряжается к безотлагательному выступлению. Вопреки мнению, что французы за время пребывания в русской столице ослабли до крайности, их армия, невзирая на потери, нанесенные партизанами, была многочисленнее, чем при вступлении в Москву. В ее рядах было более 100 тыс. чел. (по данным Шамбре 89640 пехоты, 14314 конницы, 569 орудий и 12 тыс. нестроевых, больных и прочего персонала в обозах). Пехота *«отдохнула в Москве совершенно... к армии примкнули и дивизия Пино 4 корпуса и гвардейская дивизия Делаборда, также и несколько маршевых полков. Много лишь легкораненых при Бородине, затем снова выздоравливавших солдат, вступило в ряды армии»* [9].

Французская артиллерия была по-прежнему сильна, на ее доукомплектование лошадьми для транспортировки максимального количества зарядов был обращен конский состав понтонных парков. Офицером, имевшим лошадей более, чем предписывал регламент,

было приказано продать лишних коней в артиллерию и обозы. Благодаря этому орудия сопровождали 2400 артиллерийских повозок. Слабым местом армии было так и не преодоленное изнурение лошадей и серьезное ослабление конницы. Из 18500 чел. ее списочного состава, 4000 вообще не имели коней и были сведены в отдельную пешую бригаду, а из числа оставшихся реально могла действовать в конном строю только гвардейская кавалерия [10, 11, 12].

Данные Шамбре по артиллерии примерно равны числу стволов, должных остаться в распоряжении Наполеона после Бородина. Куда же делись около 140 трофейных русских пушек? Во-первых, из-за проблем с тягловой силой были брошены в развалинах Кремля 14 трофейных русских и 28 неприятельских орудий. Там же, в пламени взрыва, были искорежены 30 тыс. не пригодившихся французской армии ружей из арсенала [13]. Во-вторых, к цифре Шамбре надо плюсовать потери артиллерии Мюрата. В-третьих, пушки отправлялись из Москвы для усиления дислоцированных на разных дорогах французских отрядов и корпусов, и, наконец, как победные трофеи, — в Париж.

Ахиллесова пята Наполеона была другой, состоя в провальной логистике и слепом командном чванстве. Он полностью подмял и лишил инициативы свой штаб. *«Сколь же низко пал этот бедный генеральный штаб Великой Армии! Наблюдать за зарытием трупов и нечистот!»,* — восклицает Бонналь, продолжая: *«Ничего не могли предусмотреть, потому что думал, рассуждал и отдавал приказания один человек, не давая никому права размышлять и принимать решение, ответственное обстановке»* [14]. Бонапарт *«даже не намеревался собирать военные советы для обсуждения плана войны; один Бертье был посвящен в его тайны»* [15]. *«Уже давно он не допускал ни малейшего противоречия своим намерениям, желаниям, даже капризам; он не советовался, не выслушивал, — он только приказывал, и в среде лиц, приближенных к французскому императору, не было ни одного, который бы решился противоречить ему»* [16]. В результате приготовления к выводу армии из России не просто запоздали, но были произведены без учета северного климата. Не императорское дело, — думать о зимней перековке лошадей, о перестановке обозных телег на сани. Соответствием приготовления презираемым русским стандартам, французской армии не составило бы тяжкого труда двигаться по зимним дорогам.

По данным допроса майора французской службы А. Шмидта, состоявшего при главном штабе наполеоновской армии и дезертировавшего из нее в Москве, огромное войско планировалось про-

довольствоваться «на счет обывателей». Все предварительные запасы «заклучались в небольшом количестве сухарей, заготовленных в Данциге и Эльбинге», и реквизированном скоте. Тем не менее, к обозу армии было позволено присоединиться огромному числу торговцев и обывателей, будто желавших колонизировать захватываемую землю. Число повозочных и следовавших за войском лошадей превышало всякую меру. Результатом стал недостаток в фураже и провианте еще за два перехода до Немана: «Только в некоторых корпусах, составлявших авангард, имелся хлеб; в самой же армии было одно мясо». В Литве продовольственное положение ухудшилось, а в русских губерниях стало тяжелым. Армия, начиная «от перехода через Эльбу, ежедневно оставляла за собой множество отсталых, а еще более мародеров... После перехода через Неман... не было возможности удерживать солдат; они стали отставать целыми сотнями. Когда офицеры приказывали им догонять свои команды, они отвечали: дайте нам хлеба!» При этом «большая часть французской армии была того мнения, что русские войска сражаются храбро, но что им недостает проворства; что у них плохие начальники» [17].

Ошибки были в полной мере повторены при выходе из Москвы. Выступившая из столицы утром 7 (19) октября 1812 года французская армия не имела ни продовольственных и фуражных запасов, ни правильной организации тыла и обоза для совершения задуманного Бонапартом «победоносного отступления» с разорением новых российских территорий и нескольких губернских городов. Армия захватила с собой из Москвы «всего лишь по пятнадцати порций муки на человека» [18]. Порывистость и нерасчетливость императора французов были необычайные: «Поутру были сожжены в Москве значительные хлебные магазины» [19]. Генеральная раздача одежды, белья, хлеба и водки была произведена слишком поздно, — солдаты не имели времени подогнать одежду и упаковать продукты. «Солдат выбрасывает все, чем он не может воспользоваться сейчас же... и я очень боюсь, как бы нынешняя раздача не оказалось брошенной на ветер», — констатировал Ц. Ложье [20]. В то же время огромный обоз (5000 провиантских и вещевых фургонов, 10000 карет и повозок) стал большей частью бесполезен, будучи перегружен награбленными ценностями. На перевозку эфемерных богатств была затрачена масса конских сил, способных при разумном использовании спасти армию. Порочным было позволение присоединиться к обозу армии пожелавшим выехать из Москвы иностранцам [21, 22].

Не имела запаса прочности и легковесно рассчитанная, расшатываемая партизанами тыловая инфраструктура. *«В то время как французское интендантство, во главе которого находился граф Дари, сумело собрать и расходовать миллиарды на призыв и вооружение новых и новых комплектов для пополнения армии, оно весьма расчетливо и даже скупо расходовало на санитарные нужды армии, на улучшение организации тыла и на сохранение здоровья больных и раненых. Блестящий декоративный фронт великой французской армии... представлял собою весьма резкий контраст с печальными картинами санитарных условий тыла ее... В так называемых военных госпиталях не было ни пищи, ни перевязочных средств, ни лекарств для больных и раненых солдат; огромное число больных, по отзывам врачей, умирало с голоду»* [23].

С некоторым опозданием недостаток снабжения был осознан тыловиками. По свидетельству Поибюска, французская провиантмейстерская служба быстро создала большие складские запасы [24], но звено доставки продовольствия со складов в войска как было, так и осталось провальным. Выявилась невозможность организовать в глубине оккупированной русской территории активный оборот гужевых транспортных средств. Челночная организация снабжения действующих войск не была предусмотрена административно. Нечем было прикрыть дороги от партизан и своих же мародеров. Обозы могли выступать к армии только вместе с резервами, ибо, как заметил еще Бонналь, Наполеон уволок в первую, боевую линию *«все силы, бывшие в распоряжении, численностью около 450000 человек»*, не обеспечив безопасность собственного тыла [25]. Выехавшее за ворота продовольствие часто присваивалось командирами частей резерва, и продукты попадали не в те подразделения, каким предназначались.

Проблема развоза усугублялась ошибкой, совершенной интендантами обеих сражающихся армий перед войной, о которой Е. Ф. Канкрин сказал, что заготовления провианта и фуража, собранные в немногих пунктах и в слишком большом количестве, приносят мало пользы [26]. Русские исправили ее, а французы — нет. Переполненными базами снабжения наполеоновской армии были Смоленск, Минск и Вильна с огромным расстоянием до них, каковое нельзя было пройти от Москвы и Калуги с одним лишь подручным провиантом. *«В Смоленске, в Орше, в Вильне, в Ковне голодали, бедствовали при наполненных магазинах, пока солдаты не разграбили их. Если бы по дороге выставили, под караулом, хлеб, сухари, крупу, овес и водку, и, по мере прибытия войск, раздавали им эти предметы, то все были бы сыты»* [27].

Базы без войск ставились под угрозу уничтожения, а голод в пути был тем опаснее, что надвигались снега, морозы, а в дивизиях начиналась эпидемия тифа, или, как называли эту болезнь, «военной чумы». Первые случаи были зафиксированы в Москве, где брошенное население стало источником заразы, и в лагере Мюрата на Чернишне [28]. Число французских больных в Москве быстро *«стало нарастать и достигло до 15 тысяч»* [29]. Изнурение боевых единиц и невозможность перемещать тяжести с неизбежностью вели к ослаблению дисциплины, маневренности и огневой мощи, — тех качеств, при помощи которых Наполеон добивался победы над противниками. Недооцененной оказалась и деморализация войск от пиратского успеха похода: *«Огромная награбленная добыча сделала то, что весьма многие солдаты отделялись от своих частей под всяческими предложениями и примыкали к тем отрядам, которые были посылаемы в тыл. От этого еще более увеличился и без того громадный обоз... Число таких отлучившихся... простиралось от 6 до 8 тысяч; они образовали кадры тех безоружных, которые скоро возросли в такой прогрессии, что вооруженные делались почти только исключением»* [30].

Теперь Великой армии предстояло познакомиться с последствиями доселе терпимых системных пороков, приведших к тому, что *«Наполеон подготовился не столько к методическому ведению кампании, основанному на постепенном упрочении за собою занятой страны, сколько к военной экзекуции над русским государством»* [31]. Это ставит Бонапарта как стратега ниже Г. А. Потемкина и М. Б. Барклая де Толли. Как можно было в такой ситуации продолжать планировать военные действия скорыми маршами налегке, — загадка для военной науки. Впрочем, имеется множество свидетельств тому, что насколько Наполеон был осведомлен, пунктуален и требователен по выполнению его тактических и стратегических планов, настолько он был чужд и несведущ относительно нужд своих солдат. Великая армия стала походить на кулак, по видимости крепкий, но малокровный и лишившийся необходимого для нанесения мощных ударов плеча.

Можно, конечно, искать оправдания Бонапарту в новой авантюрной попытке разгромить Кутузова и напиться русскими запасами (до этого ведь удалось, на грани истощения была достигнута Москва), если бы не Витгенштейн, *«сохранявший угрожательную осанку в течение всей кампании»* против трех французских корпусов [32], и идущий ему навстречу Чичагов. Наполеон вверг себя в абсолютный проигрыш, упорствуя в ложном образе действий, пока не стало оче-

видным: ни новое сражение, ни очередная погоня за осторожным русским фельдмаршалом его армию не спасут. Все это завоевателю предстояло осознать за одну поворотную неделю с 6 (18) по 13 (25) октября, когда начало сбываться пророчество Декрэ: *«Император — ненормальный, совершенно ненормальный человек! Он погубит всех нас, сколько бы нас ни было, и все это кончится ужасной катастрофой»* [33].

При выступлении из Москвы Бонапарт велел временно остающемуся в столице маршалу Мортье распространить воззвание о походе на Калугу, Тулу и Брянск для овладения этими пунктами. Было, однако, достаточно ясно, что зимовать в России французская армия не может, и речь идет не о решительном завершении кампании, а об отходе на зимние квартиры маршрутом южнее Смоленска, где легче продовольствовать армию. Лишь в этом случае имели смысл названные Бонапартом пункты, включая Тулу, которую можно было разорить отдельным отрядом, если бы удалось отеснить Кутузова за Калугу. Мортье было приказано подорвать Кремль, что было актом мести и культурного вандализма, осужденным в самой Франции. Взрывы, произошедшие в половине второго ночи 11 (23) октября были подобны землетрясению. Уцелевшие московские дома поколебались на основаниях своих, грохот был слышен в армиях за пределами столицы [34]. При этом Наполеон не постеснялся оставить в Москве своих раненых, размещенных при Воспитательном доме Тутолмина, равняясь в человеколюбии с Кутузовым. С уходом Мортье возобновились ужасы безначалия: *«Беспреданно на улицах раздавались выстрелы, пожары вспыхивали и некому было тушить их... Эта ужасная ночь была последней для многих москвитян, сохранивших до этого времени жизнь свою среди всевозможных зол и лишений»*. Поутру в столицу вошли казачьи полки генерал-майора Иловайского 4-го, истребляя оставших французских мародеров [35].

Хотя возвания и распоряжения Наполеона при оставлении Москвы принято считать дезинформацией, и со времен Клаузевица принимается, что он мог отступать только на Смоленск, непредвзятый разбор показывает, что эта точка зрения ошибочна. В движениях французской армии все шире раскрывалась вилка между стратегической обстановкой и авантюрными планами командования. Отсюда вытекает неверная оценка ее планируемого маршрута. Сами захватчики не сомневались: *«Первое, что я узнал, присоединившись к армии, был слух, что Наполеон имеет намерение проникнуть в южные губернии, житницы России, по дороге разбить русских, уничтожить тульские*

оружейные заводы и предоставить нам тогда или хорошие зимние квартиры, или повести домой через богатые страны» [36]. Конечно, речь шла не об Украине, как то представляли советские авторы, основываясь на некоторых письмах Кутузова. Фельдмаршал пытался учесть все мыслимые движения противника, и набить себе цену, но видно, что он говорил о возможном переходе Бонапарта на Волынь из Белоруссии, а не через Калугу, Орел и Киев [37, 38].

Такая трактовка намерений Бонапарта берет начало от лицемерных объяснений Михаила Илларионовича императору Александру I о причинах неучастия главных сил его армии в сражении при Вязьме, данных 7 (19) ноября 1812 года. Именно в этом оправдательном документе полководца впервые значит: *«Намерен он был пройти в Орловскую губернию и потом в Малороссию»* [39]. Надо же было хоть на словах что-то сберечь! Этот тезис «спаситель» почерпнул у Ф. Ф. Эртеля, оправдывавшего свое безделье в Мозыре мифическими покушениями втрое слабейшего польского генерала Я. Г. Домбровского на Малороссию [40]. Подобные же мысли в дни приближения Наполеона к Москве высказал Ф. В. Ростопчин, написав А. Д. Балашеву: *«Дай Бог, чтобы движение неприятеля было остановлено... Он с отчаяния идет на Москву. Раз побитый, останутся одни французы, и ему предстоять будет единый путь, чрез Калугу и Киев, дабы не умереть с голоду. Но князь Кутузов тогда по пятам его искоренить может»* [41]. Нет нужды комментировать полное несоответствие этого речения обстановке. Наполеон, проведя ряд кампаний, умел отличать реальные маршруты движения войск от нереальных.

Намерение продовольствоваться на южных дорогах Центральной России объясняет недостаточные заготовки французов на Смоленской дороге. Более того, ее участок от Москвы до Вязьмы намеренно опустошался, чтобы создать полосу безопасности за своей спиной: *«Жюно получил секретный приказ сжечь ружья, находящиеся в Колотском монастыре, взорвать артиллерийские подводы, которые нельзя с собой захватить, и... принять все необходимые меры для эвакуации страны, занятой его войсками»*, после чего отступить к Вязьме [42]. Удайся Бонапарту безбедно уйти за счет разгрома новых территорий, он мог мнить из себя нового Батюя и готовить очередной поход на Русь.

В отличие от французского императора, Клаузевиц, зная весьма боеспособное состояние русских войск, не мог допускать подобных надежд. Поэтому он исходил из предположения, что Наполеон, перед лицом серьезной угрозы, намеревался вести свою армию ком-

пактно. А в этом случае движение по еще не разоренному краю захватчиков не спасало, массу в 120 тыс. чел. можно было довольствоваться только с подготовленных складов (магазинов) на обеспеченной гарнизонами дороге [43]. Таковая в распоряжении захватчиков была одна — Смоленская. Поэтому Клаузевиц пришел к выводу, что движение Наполеона по Калужской дороге было всего лишь разумным обманным маневром в заранее готовящемся отступлении французов на Смоленск. К его авторитетному мнению склонились последующие историки.

Н. А. Окунев, выносящий свое суждение на основании не одних умозрительных соображений, но принимая во внимание неоднократно высказанные намерения французов, полагал, что Наполеон движением к Калуге намеревался не только обеспечить свое отступление, а тшился продолжить наступательные операции. Но и он недоумевал: *«Весьма удивительно, что именно в ту минуту, когда так важно было для Наполеона продолжить наступательные действия, он увлекся системой губительного рассеяния войск... В обстоятельстве так важном, каково было сражение при Малом-Ярославце, где победа открывала ему новую дорогу к отступлению, сто тысяч человек его армию составлявшие были рассеяны на пяти разных точках»* [44]. Разделение сил не подходит для борьбы с сильным противником; в результате Окунев так и не сделал вывода о сущности переходной и глубоко ошибочной стратегии Бонапарта, выработанной им в Москве и реализовавшейся до Малоярославца. Чтобы прийти к правильному заключению, надо учесть такие факторы как французская оценка русского противника (которая после сдачи Москвы и ведения войны партизанскими силами была невысокой), а равно — острое положение с продовольствием и фуражом. Совокупность этих факторов приводит к вееру в качестве целесообразного способа движения французской армии.

Введенный в заблуждение полководческой слабостью и хитростью Кутузова, Наполеон продолжал недооценивать русскую армию. Дифирамбы русскому противнику начнут произноситься потом, а пока Бонапарт считал возможным играть силами, пуская свои корпуса по разным дорогам, подобно тому, как он преследовал того же Кутузова в Австрии, или разводил их по разным направлениям от Москвы. Лишь время от времени он намеревался собирать войска в одной точке на решительный бой, буде таковой потребует. И это должно было позволить ему легче продовольствовать свои войска.

Наполеоновский веер ясно обозначается серией его предписаний от 9 (21) октября. Мортье, по исполнению распоряжений в Москве, было приказано выступить утром 11 (23) октября *«по дороге к Верее, и, прибыв в сей город 13-го (25-го), сохранять связь между вестфальским корпусом, занимавшим Можайск, и главными силами, кои к тому времени должны были миновать Боровск... Вслед затем было предписано маршалу Жюно направить к Верее все маршевые батальоны и эскадроны, собранные в Можайске, а также находившуюся там артиллерию гвардии и армейских корпусов. Войска же 8-го корпуса... получили приказание... изготавиться к немедленному движению на Вязьму и принять меры к вывозу раненых из госпиталей, устроенных на Можайской дороге... Командовавшему французскими войсками в Вязьме, генералу Тесту, было приказано отправить бригадного генерала Эверса с отрядом из всех родов войск... для открытия сообщения с армией через Юхнов и для учреждения укрепленных постов (этапов) между Юхновом и Вязьмою»*. Линия Вязьма-Юхнов-Калуга, продолженная на восток, указывает на Тулу, давая понять, что захвати Наполеон Калугу с запасами, его слова о нападении на Тулу могли стать больше, чем пустым звуком. Такой резон свойственнее Бонапарту, чем тот, что нашел Богданович: *«потому что, оставляя сообщение со Смоленском через Можайск, надлежало обеспечить путь, ведущий к сему городу через Юхнов и Вязьму»* [45]. Легче поверить не историку, но адъютанту Евгения Богарне. — Эжену Лабому: *«Все, кто близко стоял к Наполеону и знал его намерение, уверяют до сих пор, что, отступая к Смоленску, он имел целью разрушить сначала Тульские оружейные заводы и затем продолжать отступление через Калугу, Серпейск и Ельню, окрестности которых не были еще опустошены»* [46].

Крайний левый фланг Наполеона продолжал находиться на Старой Калужской дороге (Ней и Латур-Мобур). Главные силы двигались на Фоминское. Кутузов, не зная об оставлении Москвы противником и походе Бонапарта на Калугу, 10 (22) октября отправил к Фоминскому 6-й пехотный корпус Дохтурова и 1-й кавалерийский корпус Меллера-Закомельского для разгрома обнаружившей себя дивизии Брусье, которую полагал в охранении фланга готовой к отступлению вражеской армии. Только благодаря этому движению русские генералы успели прикрыть Калужское направление под Малоярославцем. По ряду соображений Кутузов Калужскую дорогу оставить не мог, и был вынужден двинуться туда же.

Не окажи корпуса армии Кутузова серьезного сопротивления под Малоярославцем; не возьми Витгенштейн Полоцк, а Чичагов — Брест, Наполеон лишь правым своим флангом придерживался бы разоренной Смоленской дороги, держа на ней минимум войск. Левым усиленным флангом он уклонялся на юг и мог делать выпады далеко за Калугу. Посередине лежала почти не ограбленная дорога через Медынь, Юхнов, Рославль на Могилев. На ней лишь местами успели поразбойничать французы, осуществившие 14 (26) сентября нападение на Рославль. Но боевой дух Главной русской армии оказался выше, чем грезилось корсиканцу, да еще русский мешок грозил завязаться западнее Смоленска. Соединенное действие двух угроз, последняя из которых подразумевала цейтнот, привело к тому, что завоевателю пришлось отменить свои планы и уходить быстрее путем, по дороге, которой он не подготовил. Момент принятия этого решения есть момент окончательного перелома в ходе войны и начала французской катастрофы. Именно так комбинировал и описывал сознаваемые Наполеоном опасности Коленкур: во-первых, угрозу сообщениям армии (главная причина), во-вторых, необходимость разбить Кутузова *«для удовлетворения общественного мнения»*, и чтобы он не *«последовал за нами»*, осложняя отступление и постановку на зимние квартиры [47].

Указанный образ действий Бонапарта не конфликтует с соображениями Клаузевица о том, что *«мари Наполеона на Калугу являлся совершенно необходимым началом его отступления»*, поскольку *«от Тарутина, где находился Кутузов, до Смоленска на три перехода меньше, чем от Москвы... чтобы начать свое действительное отступление, Наполеону надо было потеснить русскую армию, чтобы уничтожить это ее преимущество»*. Только французский полководец стремился к большему, — обеспечить себе широкий коридор движения, охватывающий как можно больше еще не разоренных земель. Клаузевиц прав, утверждая: *«То обстоятельство, что отступление Наполеона начиналось с кажущегося нового наступления в южном направлении, имело для него, поскольку мы знаем характер этого человека, большое значение»* [48]. Прохождение своих войск в любой новой местности Наполеон назвал бы наступлением. Но теоретик недооценил авантюризм Бонапарта, не предполагая, что «кажущееся» наступление было задумано куда шире, и попросту провалилось. Бонапарта лучше понимал Ермолов, указавший в записке, отправленной Коновницыну вместе с донесением Дохтурова об обнаружении крупных сил врага

под Боровском: «Конечно, Москвы не удержит неприятель, но это еще не значит отступление» [49].

Полный провал наполеоновских планов был обозначен не выходом из Москвы, а французским военным советом в Городне 13 (25) октября 1812 года, точно так же как тактическая и моральная неспособность Кутузова противостоять Наполеону под Москвой была маркирована советом в Филях. И если, повествуя о Филях, наша история привлекает сумму стратегических обстоятельств, то к Городне надо подходить с той же меркой, не полагая достаточным заявить о победе и обругать столь же неадекватных оппонентов, видящих в разгроме Наполеона только роль «генерала Мороза».

Одним из первых, вместо продолжения патриотических крестных ходов вокруг «гения Кутузова», к этому моменту подвел и о стратегических обстоятельствах осени 1812 года сказал Богданович: «Успехи русских войск на флангах театра войны должны были побудить Наполеона к ускорению его обратного похода из Москвы... эти обстоятельства не могли быть так верно оценены в эпоху излагаемых событий как в настоящее время» [50]. Даже в 1850-х гг. историк был лишен возможности акцентировать на этих фактах внимание, и дал приведенную оценку в конце главы о пожаре Москвы, не включив в свои финальные выводы.

1. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 67.*
2. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 306–307.*
3. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 153.*
4. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 308–309, 319–320.*
5. Там же. С. 320–325.
6. Давыдов Д. В. *Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. I. С. 18.*
7. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 189.*
8. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 1, 28–29.*
9. Федоров В. *На закате славы // Тыс. восемьсот дв. год. СПб., 2012. Т. 2. Вып. 11–24. С. 33 (повт. нум.).*
10. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 2–3, 5.*
11. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 259.*
12. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 198–199.*
13. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 26.*

14. Бонналь А. Виленская операция. СПб., 1909. С. 54.
15. Записка о майоре франц. службы Александре Шмидте // Рус. Архив. 1864. № 11–12. С. 1220.
16. Записки соврем. о 1812 г. Гр. Боволье // Рус. Старина. 1893. № 1. С. 5.
17. Записка о майоре франц. службы Александре Шмидте // Рус. Архив. 1864. № 11–12. С. 1221–1222.
18. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 107.
19. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 6.
20. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 203.
21. Флиз Д. Поход Наполеона в Рос. М., 1912. С. 56.
22. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 87–88.
23. Идельсон Е. М. Болезни и врачебная помощь в эпоху войны 1812 г. Казань, 1912. С. 18–19.
24. Поибюск Л. Г. Письма о войне в Рос. М., 1833. С. 66.
25. Бонналь А. Виленская операция. СПб., 1909. С. 58.
26. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра 1 и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 3. С. 171.
27. Брандт Г. Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 6. Отд. I. С. 157.
28. Роос Г. У. С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 142–143.
29. Идельсон Е. М. Болезни и врачебная помощь в эпоху войны 1812 г. Казань, 1912. С. 22.
30. Брандт Г. Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 4. Отд. I. С. 244–245.
31. Бонналь А. Виленская операция. СПб., 1909. С. 58.
32. Давыдов Д. В. Мороз ли истребил франц. армию в 1812 г.? // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. I. С. 11.
33. Бонналь А. Виленская операция. СПб., 1909. С. 56.
34. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 102, 104.
35. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 22–23.
36. Роос Г. У. С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 78.
37. Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 г. на перекрестках мнений сов. историков 1917–1987. М., 1990. С. 211–212.
38. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 439. С. 354. Ч. 2. Док. № 363. С. 345.
39. Там же. Т. 4. Ч. 2. Док. № 335. С. 321.
40. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 52.
41. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 92. С. 102–103.
42. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 201, 208–209.

43. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 114.*
44. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 212.*
45. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 8–9.*
46. Лабом Э. *Битва под Малоярославцем // Французы в Рос. М., 1912. Ч. 2. С. 143.*
47. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 187.*
48. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 115.*
49. Попов А. Н. *Отеч. война 1812 г. От Малоярославца до Березины. СПб., 1877. С. 6.*
50. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб. 1859. Т. 2. С. 332.*

9.2. ПОЛОЦК И БРЕСТ: НЕДООЦЕНЕННЫЕ ВОЕННОЙ ИСТОРИЕЙ СРАЖЕНИЯ

После августовского сражения за Полоцк войска П. Х. Витгенштейна расположились главными силами по правую сторону реки Дриссы, у Сивошина; резерв у мызы Соколиши-щит, где находилась корпусная квартира, авангард — у С. Белого. Русские позиции были усилены укреплениями. За движениями войск маршала Макдональда наблюдал сводный гусарский полк под командованием подполковника Бедряги, пространство перед корпусом охранялось высланными вперед малыми отрядами [1]. Таким образом, штаб Витгенштейна не впал в ошибку разобщения сил и главной массой корпуса прикрыл пути, ведущие от Двины к Новгороду, Пскову и Петербургу.

В северной столице уяснили себе, что *«корпус графа Витгенштейна, по малочисленности своей, не в состоянии был вытеснить из Полоцка армию генерала Сент-Сира»* и рассматривали его как *«оплот, который удерживал неприятеля, не позволяя ему распространиться далее Полоцка»*. Александр I и его советники развили бурную деятельность. Царь провел переговоры в Або со Швецией, высвободив для войны с Бонапартом финляндский корпус Ф. Ф. Штейнгеля, к Витгенштейну прибывали ополчение и резервы, его корпус планировалось усилить до 50 тыс. чел. [2].

С 3 по 5 (15–17) сентября выступило собранное Кутузовым Петербургское ополчение в числе 15 тыс. чел. с 24 орудиями. В отличие от театра действий Главной армии, ополчение было хорошо материально обеспечено: продовольствием на 10 дней, жалованьем на 2 месяца

и деньгами на покупку провианта на 20 дней. Отношение к его боевому применению тоже было другое. На северо-западном театре войны ополченцам предстояло сыграть видную роль в боях. В те же дни царь распорядился подкрепить корпус Витгенштейна 4–5 тыс. ратников Новгородского ополчения (прибыли в октябре). 7 (19) сентября Витгенштейн получил высочайшее повеление взять Полоцк и отбросить неприятельские корпуса по направлению к Свенцянам. Дальнейшее преследование предполагалось поручить войскам Штейнгеля, а Витгенштейну повернуть к Докшицам, утвердиться на реке Уле, и к 10 (22) октября войти в связь с войсками адмирала Чичагова, отрезав отступление наполеоновской армии из России [3].

Корпус Ф. Ф. Штейнгеля в числе 10159 чел. 10 (22) сентября, после трудного пути из Финляндии, прибыл к Риге. Усилившись частями рижского гарнизона, Штейнгель 14 (26) сентября перешел в наступление на нижней Двине, имея перед собой в основном прусские войска. Его разногласия с И. Н. Эссеном, обиженным за нарушение своего старшинства, и недостаток сил (удалось собрать 22 тыс. солдат вместо 35 тыс. запланированных) привели к малоудачным боям, и 20 сентября (2 октября) корпус отступил обратно к Риге. Однако эти действия привели к тому, что маршал Макдональд с дивизией Гранжана перешел от Динабурга к Бауску и не смог помочь Сен-Сиру в отражении наступления Витгенштейна на Полоцк, подготовка к которому ускорила с известием о падении Москвы.

Перед вторым сражением за Полоцк войска Витгенштейна насчитывали до 40 тыс. чел., в том числе 10359 бойцов и офицеров ополчения [4], при 152 орудиях. Отрядным явлением было прибытие от 6 до 7 тыс. выздоровевших солдат (на такие подкрепления не могла рассчитывать Главная русская армия, бросавшая своих раненых). Им противостояли 27 тыс. французов и баварцев [5]. Полоцк был укреплен, оборонявшиеся располагали большим количеством артиллерии.

Наступление началось 4 (16) октября, за два дня до Тарутинского боя под Москвой. Для удобства управления русские войска были разделены на 1-й и 2-й корпуса, действовавшие в трех колоннах. Командование 1-м (старым) корпусом было вверено генерал-майору Г. М. Бергу, а новым — князю Л. М. Яшвилю. Кураторство над корпусными колоннами поделили между собой сам П. Х. Витгенштейн и начальник его штаба Ф. Ф. Довре, который *«всегда все исполнял с храбростью и большим успехом»* [6]. Н. А. Окунев невысоко оценил такое построение, утверждая: *«Полоцкая битва представляет нам новый*

опыт тех предприятий, кои, производимы будучи многими колоннами, из которых ни одна не довольно сильна для решительного удара на точку, которой завладеть ей предназначено, остаются бесплодными» [7]. Не приходится, однако, в данном случае соглашаться с Окуневым, принимая во внимание разнородность войск Витгенштейна, больше половины которых составляли ополчение и недавно прибывшие резервы. Его штаб сделал все возможное, чтобы сохранить управление и обеспечить натиск на Полоцк наибольшего числа бойцов, — в отличие от Кутузова, который тоже разделил на Чернишне свою армию на три части, но в бой ввел лишь одну из них.

По сведениям А. А. Миронова, первоначальный план штурма Полоцка предполагал переправу войск Витгенштейна и Довре (главный корпус) в количестве 30000 чел. на левый берег Двины, чтобы *«взять город с тыла и устранить этим излишнюю потерю людей... а также одновременно отрезать корпуса Удино и Сен Сира от главной французской армии. Наши войска на правом берегу Двины под командой генерал-лейтенанта князя Яшвиля, должны были отвлекать внимание осажденных, показывая вид, что приступ к городу будет произведен с правого берега».* Недостаток переправочных средств и невозможность постройки моста выше Полоцка при Горянах (не прибыла пионерная рота инженер-полковника графа Сиверса, обеспечивавшая переправу через Двину корпуса Штейнгеля) заставили отказаться от этого плана [8]. Тут снова приходится сожалеть о порочности отвлеченных инициатив Александра I, вздумавшего в Дриссе *«сформировать военный походный провиантский магазин, вследствие чего две роты понтонных... обращены были на сие учреждение, и по собственной воле императора понтоны обеих рот сожжены на берегах Западной Двины» [9].*

Авангард генерала М. Д. Балка, за которым следовали главные силы, с ходу произвел сильный натиск при Юревичах, отбросив французов от реки Полоты, где они собирались защищаться. Почти все дружины ополчения были приданы пехотным полкам и сводным батальонам 5-й и 14-й дивизий, составляя их резервы, построенные в колоннах и употребляемые исключительно для натиска. Постоянное соединение ополчения с регулярными войсками доставляло ратникам боевую опытность.

Петербургское ополчение 6 (18) октября получило боевое крещение, сражаясь *«весьма храбро»* [10]. Противник быстро вытеснялся с Невельской, Себежской и Рижской дорог и был принужден отсту-

пить к стенам Полоцка. Ополченцев сильно поддерживала артиллерия: *«Скоро дошли мы и до кирпичных шанцов. Тут-то воображали мы будет резня и кровопролитие! — Ожидание наше вовсе не сбылось. Шанцы достались нам очень дешево... добрая наша артиллерия, которую мы недавно с таким усердием на себе по грязи тащили, дружески отплатила нам за этот труд... так хорошо действовала, что когда мы явились, — ни орудий ни солдат тут уже не было... груды неприятельских трупов лежали по всему пространству бывшего завода, и мы очень были уверены, что в смерти всех этих убитых мы совершенно были невинны. Как бы то ни было, но мы взяли эти шанцы и очень были довольны своим подвигом»* [11]. Общие потери ополченцев в сражении были немалые: за сутки боя *«из 16 офицеров остались невредимыми только двое... из 800 солдат дружины — стояло к вечеру во фронте 96 человек»* [12]. Но и врагу они успели существенные потери причинить. Это была куда более славная боевая судьба и весомый вклад в общее дело, чем помирать при Главной русской армии за линиями, растерянно разбегаясь при оставлении Москвы.

Помимо наступательной тактики, боевую ценность ополчения повышало его оснащение огнестрельным оружием. В то время как Кутузов и Ростопчин ничего не выдали ополченцам из Московского арсенала и утратили его, Александр I и его штаб приложили много усилий к вооружению Петербургского, Псковского, Новгородского, Тверского, даже Ярославского ополчения ружьями из Петербургского арсенала и доставляемыми в северную столицу английскими ружьями. Созданный после потери Москвы смешанный корпус войск для защиты Московской дороги, более чем на 70 % состоящий из войск Петербургского и Новгородского ополчений, располагал двумя ротами артиллерии [13]. Он поддерживал левый фланг Двинской армии, состоя под командованием Винценгероде. Для сравнения, смешанному Калужскому корпусу Шепелева Кутузов «выдавил» от своих щедрот всего несколько пушек.

7 (19) октября к Полоцку начал приближаться Штейнгель со своим 9-тыс. корпусом, выступившим от Риги, что вынудило Сен-Сира ослабить себя разделением трех полков ему навстречу. Принятых мер оказалось недостаточным: Штейнгель, получивший нотацию от царя за неудачные действия на нижней Двине, сбил французский заслон. Это совершенно расстроило намерения Сен-Сира, который, ошибочно оценивая силы Штейнгеля в 20 тыс. чел. и преувеличивая основные силы Витгенштейна, теперь помышлял лишь о том, как удержаться в

Полоцке до ночи, чтобы организованно отступить. В помощь врагу опустился густой туман, но начавшийся отход был открыт и Яшвилль открыл огонь со всех своих батарей. В два часа ночи 8 (20) октября начался штурм.

Несмотря на сильные укрепления (город на возвышенности, защищаемый батареями, был окружен двойным палисадом и рвом с шанцами для ружейного огня, а с западной стороны, сверх того, речкою Полотой, текущей в глубокой рывтине) [14], получивший ранение Сен-Сир едва успел перейти с войсками и артиллерией на другой берег Двины. Атакующие, быстро заняв поврежденный мост через Полоту, вынудили его бросить в Полоцке корпусные запасы. По воспоминаниям Томаса Леглера: *«Началась... страшная канонада и бомбардировка... из малых орудий пули, точно дождь, падали в город... Арьергард был так тесним, что ему с трудом удалось уничтожить оба моста»*. Находившиеся в арьергарде 3-й и 4-й швейцарские полки *«потеряли в эту ночь 400 человек»* [15]. *«Град пуль сыпался из окон, из-за плетней и заборов. Русское «ура», проклятья французов и стоны раненых, валявшихся по узким и грязным улицам, сливались с гвалтом и воплем еврейского населения»* [16]. Отсутствие у Витгенштейна понтонных рот сделало невозможным дальнейшее преследование неприятеля.

Потери французов составили до 7 тыс. убитых и раненых, 2 тыс. пленных, одну 6-фунтовую пушку, множество огнеприпасов и (что было для них очень плохо) весь фураж и хлеб. Русские потери состояли из 8 тыс. убитых и раненых [17]. Соотношение потерь для Витгенштейна оказалось заметно лучше, чем для Наполеона при штурме Смоленска. Победе этой в Петербурге придавалось весьма большое значение, и все участники битвы были награждены выдачею по 5 рублей на человека, подобно тому как награждались солдаты Главной армии за Бородино, а сам Витгенштейн получил чин полного генерала.

Горькой пилюлей Полоцкого сражения оказалось нападение оторвавшегося от преследования и наведшего порядок в своих войсках Сен-Сира на корпус Штейнгеля. Авангард Финляндского корпуса был захвачен врасплох и разбит с потерей 1800 чел. пленными. Теперь французы могли безопасно продолжить отступление. Стратегической ситуации для них это, однако, не улучшило. На сей раз Окунев справедливо утверждает: *«До взятия Полоцка действия графа Витгенштейна были независимы; но когда он перешел черту Двины, то они...*

вошли во связь с движением большой армии» [18]. Иными словами, Наполеону игнорировать Витгенштейна и отделяться от него за счет отдельных корпусов было уже нельзя. 11 (23) октября Двинская армия форсировала Двину и, преследуя врага на протяжении 100 верст, соединилась с корпусом Штейнгеля. Понеся еще кое-какие потери, 18 (30) октября 2-й и 9-й французские корпуса Сен-Сира и поспешившего ему на помощь от Смоленска маршала Виктора, соединились в Чашниках.

Продолжая действия с целью прервать операционную линию наполеоновских войск, Витгенштейн 19 (31) октября навязал противнику сражение при Чашниках. Опять жестоко грохотала артиллерия Двинской армии: *«Дело было очень жаркое, но я жалея людей действовал более орудиями»*. Соответственно, расклад потерь был много лучше бородинского, примерно 1:3 в пользу русских войск [19]. Виктор дрогнул и отступил, а Витгенштейн закрепился в выгодной позиции на реке Уле, усилив угрозу длинному французскому «мешку». *«Теперь сии два неприятельские корпуса разбиты так, что они уже не в состоянии со мною драться без весьма сильного их подкрепления»*, — так несколько оптимистично анализировал обстановку командующий Двинской армией [20].

26 октября (7 ноября) под натиском отряженного Витгенштейном отряда генерал-майора В. И. Гарпе пал Витебск, — важный охранный, транзитный и складской пункт французской армии вторжения между Смоленском и Лепелем, в 80 верстах к северу от Орши, где вскоре предстояло пройти отступающему Бонапарту. Гарнизон города пытался отступить к Смоленску, но был разгромлен, и остатки вместе с генералом Пуже взяты в плен. Рядом с регулярными войсками доблестно сражались ополченцы полковника Шемиота. От пленных было получено радостное известие об освобождении Москвы, о чем Гарпе сообщил своему главнокомандующему [21, 22]. С этого момента Наполеону надо было опасаться любого неожиданного движения Двинской армии.

Неизбежность падения всей Двинской заградительной позиции с несколькими укрепленными городами, на которые она опиралась, была понятна французам: *«Взятие Полоцка имело весьма важное значение. Стоя по обеим сторонам Двины, он был ключом к этой реке; по взятии Полоцка неминуемо должны были пасть Десна, Дружа, Дрисса, Динабург и сам Витебск. Оба генерала одинаково сознавали это»*, — писал маркиз Пасторе [23]. Сам Бонапарт оценил действия Витген-

штейна следующим образом: «У императора Александра... есть отчасти лучшие помощники, чем у меня, так как Витгенштейн хотя и сделал несколько глупостей, но частенько маневрировал лучше, чем его противники» [24].

Запасной план Наполеона зазимовать в Литве фронтом по Двине и Днепру рухнул, ему предстояло отступление в Польшу и Пруссию. Маршал Виктор со своим резервным корпусом уже не мог прийти на помощь главной французской армии. Таким образом, эффект обезвреживания наполеоновских резервов стал результатом не Тарутинского боя, провалившего эту задачу, а Полоцкой битвы. Под наибольшую угрозу коммуникации Бонапарта поставила она, а не действия партизан. Соответственно, Полоцк, а не Чернишна, должен именоваться местом перелома в ходе войны 1812 года. По плану Александра I, саботируемому Кутузовым, предусматривалось наголову разбить Мюрата силами Главной армии, чтобы увлечь Виктора к Москве и сжать за его спиной русские клещи в Белоруссии; клещи исправно стали сжиматься, но привлекать врага на себя и удерживать его вдали от клещей Михаил Илларионович всячески отказывался.

Считается, что известия об исходе 2-го Полоцкого сражения Наполеон получил в Вязме, много позже сражения под Малоярославцем. Но после сведения воедино первоисточников можно считать доказанным, что эта точка зрения опирается на ошибку Богдановича. Бонапарт, располагая кратчайшими путями пересылок и скорой почтой-эстафетой, получил сведения об успешных действиях армии Витгенштейна к утру 13 (25) октября, — в Городне, в тот момент, когда им решалось, продолжать или нет сражение при Малоярославце. Прохождение этого сообщения прослеживается по мемуарам фон Лоссберга, который 11 (23) октября получил известие о начавшемся наступлении Витгенштейна от направлявшегося в Москву французского дивизионного генерала. Через три дня, к вечеру 14 (26) числа он уже знал о неудовлетворительном для французов и баварцев исходе Полоцкой битвы [25]. Генералы эстафету не возили; следовательно, был и офицер, который еще раньше повез это сообщение напрямиком к Наполеону.

По свидетельству Коленкура эстафетная почта приходила регулярно, партизанам удалось перехватить лишь двух курьеров. О прибытии к Двине корпуса Штейнгеля и движении на север русской Дунайской армии было известно задолго до выхода из Москвы. Описывая московские дела, он пишет: «Император был очень озабочен... донесени-

ями о событиях, разыгравшихся на Двине. Русские захватили там инициативу. Хотя они были отброшены от Полоцка, когда атаковали его 18 октября, однако 19-го раненый маршал Сен-Сир вынужден был эвакуировать город... возможные последствия этого дела беспокоили императора». Здесь Коленкур не точен. Сообщение о взятии Витгенштейном Полоцка не могло прийти в Москву, появившись после трехдневной задержки почты, возникшей в связи с выступлением французов из русской столицы, — у Малоярославца. Передавая свой разговор с Наполеоном 16 (28) октября в Успенском (за 33 версты до Вязьмы), Коленкур пишет: *«Император все еще не верил, что может оказаться принужденным отступить за Березину; он считал, что может пойти на это разве лишь для того, чтобы быть поближе к большим складам в Минске и Вильно и установить более тесный контакт с Шварценбергом и корпусами на Двине, последние операции которых должны были, конечно, оказать влияние на его решения. Учитывая их силы, он не сомневался, что они ВНОВЬ ВОЗЬМУТ ПОЛОЦК, и сожалел о ранении маршала Сен-Сира»* [26]. Де ла Флиз, упоминая о «неутешительных вестях с севера и юга», заставивших маршала Виктора «поспешить на помощь Сен-Сиру», не указывает дату, но симптоматично ставит это сообщение впереди описания Малоярославецкого сражения [27].

В Вязьме же был получен подробный рапорт о событиях. Апологеты игнорировали эти данные, заиклившись на своем видении дела. В бездумную фиксацию впал Жилин, приведя снабженный своими ремарками черновик письма Наполеона маршалу Бертье от 26 октября (7 ноября) 1812 года: *«Напишите сейчас же герцогу Беллуно... Его Величество приказывает, чтобы Вы собрали Ваши десять дивизий, без промедления атаковали противника и отбросили его за Двину с целью возвратить Полоцк. То же самое Вы должны были уже получить шифром № 2 (эта фраза перечеркнута Наполеоном. — П. Ж.)»*. То есть, Бонапарт давно знал о падении Полоцка! Но вместо осознания этого факта Жилин продолжает: *«Шифром. Этот маневр чрезвычайно важен. Через каких-нибудь несколько дней этот последний (имеется ввиду Полоцк. — П. Ж.) может быть буквально затоплен казаками... начинайте наступление (опередите их), от этого зависит спасение армии»* [28]. Ау, историки! Наполеон знает о взятии Полоцка, а потому «этот последний» упомянутый Бонапартом город, — не Полоцк! Скорее, французский император опасается за Вильну! Что там говорить, если неделей раньше, 20 октября, о взятии Полоцка знали в Покрове, описывая оттуда московские события [29].

Таким образом, нельзя игнорировать влияние 2-го Полоцкого сражения на решение, принятое Наполеоном под Малоярославцем, но в российской военной истории так и произошло по той причине, что Бонапарт на военном совете в Городне скрыл неудачу от своих маршалов и генералов. Скрыл он и другой факт, — поражения Шварценберга и Ренье под Любомлем и Брестом, позволившие Чичагову послать крупные отряды партизан в герцогство Варшавское и Литву (вот откуда страхи о затоплении казаками). О типичном для Наполеона утаивании плохих известий говорят французские авторы, де Сегюр [30] и Бонналь [31]. Согласно с ними Богданович пишет, что лишь после получения 25 октября (6 ноября) донесения маршала Виктора о сражении при Чашниках, Бонапарт *«решился наконец известить его, хотя и не вполне, о затруднительном положении своей армии»* [32]. И тогда появляется приведенное Жилиным письмо.

На юго-западном театре военных действий дела захватчиков к исходу первой недели октября обстояли плохо. Соединившись, русские войска на Вольни 10—11 (22—23) сентября перешли к активным действиям, начав наступление через реку Стырь. Александр I попытался было совершить с Чичаговым и Торماسовым ту же ошибку, что с Барклаем и Багратионом, не оговорив четко, кому принадлежит командование, но адмирал сразу поставил вопрос ребром: *«Г. Чернышев передат мне инструкцию Вашего величества касательно плана действий... Все что относится до идеи о командовании изложено так неопределенно, так бесполезно велеречиво, что с первого же шага генерал Тормасов не счел себя даже уполномоченным передат мне свою армию. Рискуя также найти сопротивление в начальниках всех корпусов, ибо ни одному не сказано, что он будет состоять под моим начальством»* [33]. Царь дал Чичагову просимое единоначалие.

Предприняв обходной маневр, 17 (29) сентября русские сбили противника с сильной позиции у Любомля, тесня его к Бресту. За Любомлем генерал Тормасов отбыл для принятия командования 2-й Западной армией, а Чичагов вновь занял Кобрин. 29 сентября (10 октября) он атаковал Шварценберга и Ренье под Брестом. Те ретировались, и дело *«ограничилось канонадой с левого берега Лесны по отступавшим войскам и преследованием неприятеля частью кавалерии графа Ламберта»* [34]. Чичагов расположился в Бресте. За первую неделю октября его армия вытеснила врага из окрестностей в радиусе 50—70 верст, от Бялы до Каменца-Литовского и Дрогичина. Австро-саксонские корпуса и польские войска были отброшены в герцогство Варшавское [35].

Рапорт Торماسова об успехе наступления был получен в Главной русской армии 3 (15) октября: *«Неприятель ретируется с великой поспешностью к Брест-Литовску. Арьергарды его настигаются легкою нашею конницею, убитыми до 2000 и пленных более 500 человек. Корпус князя Шварценберга столь стеснен был... что не имел времени соединиться с отрядом генерал-майора Зигенталя, коих наш авангард опережает»*. Еще 338 чел. (а по журналу боевых действий гораздо более) было пленено за первые дни наступления войсками Чичагова. Последняя неделя сентября стоила врагу 800 убитых и 700 пленных без учета раненых. В начале октября пленных считали тысячами. Вынужденные к долгим переходам австро-саксонские и польские войска теряли много людей большими, их численность сократилась вдвое. Это были более масштабные боевые действия, чем еще не разгоревшаяся как следует партизанская «герилья» Кутузова. Так, 2 октября отрядами Главной армии было пленено 70 и убито 10 врагов, 3 октября — пленено 79, а на следующий день — 50 неприятелей [36]. Всего за месяц с 2 сентября по 2 октября через дежурство Главной армии прошло 4 тыс. пленных [37].

Генерал-лейтенант Ф. Ф. Эртель 28 сентября (10 октября) писал Кутузову из Мозыря: *«Здесь носят слухи, что Бог благословил оружие 3-й Западной армии разбить неприятельский корпус гр. Шварценберга, остатки которого обратились к своим границам. От аванпостов же моих казачьих получил донесение, что шайки неприятельские оставили с большою поспешностью Пинск и все окружные места»* [38]. Можно не сомневаться, что до Наполеона западные известия дошли не позже, и в не менее драматической редакции. Тут к месту отметить, что пространно цитируемая П. А. Гейсманом статья в ежегоднике (1880) для немецкой армии и флота, связывает выход Наполеона из Москвы с успехами армии П. В. Чичагова [39].

Дальнейшее движение Чичагова грозило врагу, не ждавшему русского наступления после известия о падении Москвы, катастрофой. Однако адмирал, получив с прибытием флигель-адъютанта Чернышева высочайшие повеления оставить против Шварценберга заслон из частей 3-й армии, а самому идти на Минск, на соединение с Эртелем и Витгенштейном, остановился. Еще 22 сентября (4 октября) он отрапортовал фельдмаршалу о принятии Петербургского плана к исполнению, а потому теснил врага за Брест только с целью обеспечения себе свободы маневра.

Противник этого не знал, а потому действия отряженных Чичаговым в Польшу и Литву отрядов генералов Дехтерева, Желисенко,

Чаплица и возжелавшего повоевать полковника Чернышева, воспринял как продолжение успешного русского наступления. После 7 (19) октября, когда стало известно, что Чернышев занял Венгров, отстоящий на 80 верст от Варшавы, а его казаки показались всего в 10—15 верстах от польской столицы, паника там достигла апогея. Тщетно французский комендант Дютальи призывал жителей к вооружению: *«Поляки! Великий Наполеон смотрит на вас с московских колоколен!»* Чаплиц 8 (20) октября ликвидировал отряд польского генерала Кнопки, распустил несколько тысяч конскриптов (польско-литовских ополченцев), и занял важный узел дорог — город Слоним, отстоящий в 190 верстах от Вильны и Минска [40]. Географически это выглядело так, что у Наполеона остался лишь один коридор для снабжения и отступления из России — от Орши на Вильну. Нервозность в Литве поднялась до высокого градуса: *«Все известия удостоверяют, что страх великий в г. Вильне существует»*, — докладывал Чаплиц. *«В Вильне случаются частые тревоги, и в каждую ночь войска выходят в поле... На форштадте плоты разобраны и поделаны шанцы; раненые и больные выведены в Ковно»*. После известия о поражении французов под Полоцком *«в Вильне большая тревога»* [41]. Чрезвычайные меры безопасности принимались в Гродно.

Надо упомянуть, что в собственные намерения Чичагова входило идти не на Минск, а на Свислочь, *«сближаясь к Гродно и Вильне»*, чтобы *«узнать о движении корпуса генерал-лейтенанта Штейнгеля, и буде предстоять буде возможность, то открыть с ним сообщение»* [42]. То есть, испытывая трудности с тылами, он хотел, не переменяя своей операционной линии, перехватить коммуникации Наполеона по кратчайшему для себя направлению. Это соответствовало июльским инструкциям Барклая де Толли, и было для Бонапарта очень опасно, будучи наиболее дальним направлением от него. Таковы же были первоначальные планы Витгенштейна — двинуться навстречу Чичагову к Вильне, отсекая от Великой армии Наполеона корпус Макдональда и подвозы [43].

В советское время стало модно порицать движение Чичагова за Шварценбергом к Бресту и Варшаве, но суждение о пользе или вреде этого движения лучше предоставить противнику, а оно было единодушно: *«От Шварценберга мы также не получили хороших известий... все критикуют (во всех штабах армии) его отступление в Великое герцогство Варшавское, так как он этим обнажил наши сообщения на Минск»* [44]. Коленкур упоминает пришедшую в Москву и поразив-

шую окружение Наполеона записку Шварценберга: *«Положение и сейчас затруднительно, но может сделаться еще более серьезным»*, что было понято как неспособность австрийцев продолжать прикрытие коммуникаций. Бертье тут же попросил императора *«покинуть Москву и отойти поближе к Польше»* [45]. В таком контексте неоснователен был скепсис генерала В. В. Вяземского: *«Двор к нам прислал графа Чернышева. Хотел удивить нас сей ближний к государю. Полетел делать экспедиции... хочет быть Платовым. Собрал везде контрибуции, отправил их прямо в руки к неприятелю. Казаки взяты, офицер взят, и контрибуции взяты. Премудро!»* [46]. Произведенные гром и паника были важнее, а большую часть контрибуций противник вернуть не мог. У Чернышева был обычай поощрять из собранных средств чинов своего отряда и раздавать их населению в местечках, принадлежавших помещикам, не изменившим России. В частности, им были розданы 2000 червонных из 2500, полученных с имений князей Чарторыйских и Радзивилла [47, 48].

Глубокое, угрожающее Варшаве движение было верным и для целей исполнения Петербургского плана, исходящего из более агрессивного варианта окружения Наполеона *«в теснинах Борисова»*. Он требовал от Чичагова перемены операционной линии со сложной подготовкой (следовательно, австрийцев надо было отогнать подальше). Конечно, соединение Чичагова и Витгенштейна на Березине могло поставить *«неприятеля в самое несчастное состояние»*, однако соединиться там русские армии не успели. *«Точки выступления сих армий находились в расстояниях столь различных от той, в которой сие предприятие должно было исполниться, что не можно было ожидать совершенного согласия в движениях так растянутых»* [49]. Бонапарт стремительно пошел от Малоярославца в отступление. Кутузов, опасавшийся оказаться у него на дороге, за врагом не спешил. Не менее хитрый Эртель на соединение с Чичаговым идти вовсе не собирался. Такой ход вещей можно понимать как некоторую дефектность Петербургского плана, правильно задуманного вообще, но грешившего надеждами на исполнение войсками слишком сложных задач. Возможно, надо было перенести зажим клещей западнее, направив армию Витгенштейна от Полоцка на Докшицу и Вилейку, а Чичагова — на север правым флангом на Минск, не вынуждая его к дроблению сил и крутому маневру.

Возможным ли был захват армией Чичагова города Вильны с его огромными запасами для Великой армии Наполеона? Надо

полагать, да, поскольку к вечеру 25 октября (6 ноября), в ходе исполнения маневра к Борисову, главная квартира Чичагова без проблем пришла в Слоним, с тыла армия была прикрыта корпусом Ф. В. Остен-Сакена [50]. С другой стороны, Двинская армия, если бы ей было приказано двигаться от Полоцка к Вильне, могла прочно удерживать войска Удино и Виктора, которым ничего не оставалось, как идти за ней. В такой обстановке французским корпусам могло быть навязано выгодное сражение, а истощенный Бонапарт к ним не поспевал.

Впрочем, Петербургский план был полезен уже тем, что послужил отмене инспирированного Кутузовым бардака. Пытаясь отдалить от себя Торماسова, *«вместо прежнего назначения Дунайской армии действовать на Волыни, а 3-ей Западной — идти на соединение с главными силами, фельдмаршал предписывал Тормасову остаться по-прежнему против Шварценберга и Ренье, а Чичагову двинуться на Мозырь, Рогачев и Могилев»*. Такой приказ вносил сумятицу и ослаблял русские войска: Тормасов терял все свои приготовления к движению, а Чичагов вынуждался к еще более крутому изменению операционной линии с более протяженными маршами. Как отметил Богданович: *«Неотлагательное исполнение этого предписания было весьма трудно, потому что наши главнокомандующие... не хотели ослабить себя разделением сил. К тому же адмиралу Чичагову необходимо было присоединить к своим войскам парки и подвижной магазин, которые, двигаясь на волах из Валахии на Волынь, отстали от армии»* [51].

Существенную разницу планирования хорошо понимали в царское время. Чернышев так описал первую реакцию Кутузова на прочтенный ему новый план действий: *«Совершенно согласен с мнением императора... но, к сожалению, послал я третьего дня предписание Чичагову, не совсем сходное с предположением государя»*. В ответ царский посланник сразу же указал: *«По предположению вашей светлости нельзя отрезать князя Шварценберга и Ренье от главной армии Наполеона и от Минской губернии и предупредить их в занятии важных пунктов... и вообще большой Смоленской дороги, составляющей главную и почти единственную черту сообщений неприятеля... Польза, какую ваша светлость надеется получить, от одной Молдавской армии, притягивая ее к новой операционной линии вашей, гораздо будет действительнее и поспешнее, если обратить ее совершенно в тыл неприятеля по местам, назначенным от государя»* [52]. Главнокомандующему оказалось нечего возразить.

Надо указать и то, что Наполеон, опасавшийся за герцогство Варшавское и свои дальние сообщения, следя за движением армии Чичагова очень надеялся, что Кутузов «не преминет подтянуть к себе Молдавскую армию». В этом случае Бонапарт считал, что «если даже в своей экспедиции против Кутузова он не добьется успеха, то все же он сможет продолжать кампанию, и погода позволит ему это в течение еще некоторого времени» [53]. Изложенное — на заметку тем историкам, которые донныне усматривают мало различия между кутузовскими и петербургскими распоряжениями, и даже клеймят Петербургский план. Вот-де, у Михаила Илларионовича был другой, лучший план, который будто бы предусматривал «содействие этих армий для освобождения Москвы» [54]. Разве известна активная подготовка Кутузова к освобождению Москвы? Стратегическое и связанное использование фланговых армий впервые было определено Петербургским военным планом, в то время как Кутузов не сумел создать из них пособия в защите столицы.

В своем неизменном стиле никогда не поправлять вышестоящих, фельдмаршал не внес в Петербургский операционный план никаких изменений, оставив «план сей, объясненный мне подробно флигель-адъютантом Чернышевым, в полной его силе» [55]. Существо плана можно прочитать в царских рескриптах, опубликованных в приложениях к 1-й части 4-го тома сборника документов и материалов Кутузова [56] и у Бутурлина [57]. Он изложен у Харкевича [58], и в приложениях к главе XXVII 2-го тома «Истории Отечественной войны» Богдановича [59]. В то же время план Кутузова нельзя прочитать нигде, кроме как в измышлениях советских историков на хвалебную тему. Заодно они убирают на задний план боевую деятельность фланговых русских армий.

22 октября (3 ноября), получив известие о взятии Полоцка, Кутузов писал Витгенштейну: «После сего удачного сражения вижу я, что действия ваши будут сообразны общему плану, мною утвержденному, направляясь чрез Лепель на Борисов». Эти строки и дальнейшие соображения главкома не оставляют сомнения — речь идет о согласованном выполнении Главной и Двинской армиями Петербургского плана. В тот же день последовали указания Платову отправить в Двинскую армию два казачьих полка, а Н. В. Гудовичу — о занятии малороссийским ополчением Могилева. 23 октября следует предложение Чичагову поспешить через Минск на Борисов [60, 61]. Так фельдмаршал собственноручно опровергает своих апологетов. Но они не лыком шиты! Чтобы замутить воду, в сборнике документов и материалов

Кутузова под редакцией Бескровного рапорт главнокомандующего императору Александру от 23 октября подан под тенденциозным заголовком, а его текст отличается от изданного ВУА ГШ. Вместо слов: *«Желательно, чтоб адмирал Чичагов мог содействовать общему плану»* [62] прописано: *«Сожалительно... что адмирал Чичагов... не может иметь участия в общем действии»* [63].

Устремившиеся на восток неприятные сообщения из Варшавы, Вильны и Полоцка достигли Наполеона под Малоярославцем. Французский тыл устрасился и роптал: *«Слухи об опасности, угрожавшей сообщениям французской армии, достигли Минска еще во время нахождения Чичагова под Брестом»*, а сил для отражения угроз с севера и юга, не хватало [64]. Если у Бонапарта были агенты в Петербурге, он могли донести о грандиозных планах Александра: *«Цель предначертания состояла в том, чтобы собрать на реке Березине громаду сил более нежели во 120 тысяч человек, не считая резерва... а как фельдмаршал князь Кутузов не сделал никакого распоряжения противу сих распоряжений... то и разосланы были повеления для приведения в действо оных»* [65].

Русскому императору не удалось собрать такого количества войск на пути отступления Бонапарта, но замысел оказался близок к исполнению. Большую роль фланговых русских армий подзабыла российская, но издавна отмечала германская историческая традиция, живописуя несчастья немецких войск, фланги обеспечивавших, и порицая Бонапарта, двинувшегося к Москве без внимания к назревавшей угрозе: *«Если бы французы, овладев Москвою, и были в состоянии продолжать в продолжении всей зимы; то не можно было ожидать, чтобы русские оставили их в покое. Как могли они обезопасить сообщение свое с Вильною в расстоянии 800 верст? ...Рассуждения сии принудили бы каждого другого окончить поход в Смоленске»* [66]. У Бретшнейдера одна из глав его «Четырехлетней войны союзных держав против Наполеона Бонапарта» так и называется: *«Война на Двине и в Волынии. Положение французских войск вообще»*. А другая глава именуется: *«Происшествия на Двине и в Волынии. Влияние оных на отступление»*. Достаточно ясно, с чем он связывает исход сложившегося в 1812 году положения.

Весь XIX в. немецкая военная мысль прорабатывала решения погубившей Наполеона проблемы, придя к выводу, что она снимется *«в виду большого протяжения стратегического фронта союзных армий»*. Эту логику раскрыл в своем разборе назревающего русско-германского противостояния Гейсман [67]. Именно так действовали гер-

манские противники России и их сателлиты в Мировых войнах XX в. Русская же военная мысль, оглушенная баханьем в литавры цезаризма и ура-патриотизма, была привязана к концепции разящих наступательных ударов, проводимых по будто бы суворовскому и кутузовскому, а на самом деле дефектному образцу. В результате, все усилия ударных русских армий и группировок в 1914 и 1941 гг., проводимые при недооценке фланговой обстановки, закончились теми же, что и у Наполеона, результатами.

В 1812 году не столько действия Главной русской армии, сколько крайнее беспокойство за угрожаемые с флангов пути отхода в Европу, вызвало необходимость скорейшего отступления Великой армии из России, каковой приказ и был отдан Наполеоном затемно 13 (25) октября. Остаться восточнее затягивающейся горловины он больше не мог. И сказать своим войскам о том, что их коммуникациям глубоко и серьезно угрожают русские, тоже было нельзя. Это могло превратить тяжелое отступление в паническое бегство. В свете изложенных фактов многословные пассажи советских историков во главе с Жилиным о бездействии и нераспорядительности Чичагова и Витгенштейна являются вздором, предназначенным «выдать на-гора» идеологический заказ: «Очевидно Чичагов, поощряемый царем, упорно не хотел выполнять приказы Кутузова... Если бы Чичагов и Витгенштейн своевременно выполнили распоряжение Кутузова» [68]. Никаких приказов главнокомандующего, кроме разобранных выше, не было, и вместо них вступил в силу Петербургский план.

1. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 418.
2. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 2–3, 13–15.
3. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 422, 424.
4. *Ополчение 1812 г. Мат. для истор. дворянства СПб. губ. СПб., 1912.* Т. 2. С. 100.
5. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 437–438; 1860; Т. 3. С. 161–162.
6. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 6. Ф. Ф. *Довре.* С. 6.
7. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 226.
8. *Ополчение 1812 г. Мат. для истор. дворянства СПб. губ. СПб., 1912.* Т. 2. С. 98, 102.
9. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным.* М., 1897. Ч. 1. С. 79.

10. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 163–164, 169.
11. Зотов Р. *Рассказы о походах прапорщика СПб. ополчения.* СПб., 1836. С. 45–46.
12. Там же. С. 65.
13. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1912. Т. XIX. С. 283–289.
14. *Ополчение 1812 г. Мат. для истор. дворянства СПб. губ.* СПб., 1912. Т. 2. С. 114.
15. Леглер Т. *Записки о походе 1812 г.* // *Рус. Архив.* 1907. № 2. С. 236.
16. Крестовский В. В. *Истор. 14-го уланского Ямбургского полка.* СПб., 1873. С. 233.
17. *Ополчение 1812 г. Мат. для истор. дворянства СПб. губ.* СПб., 1912. Т. 2. С. 115.
18. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 227.
19. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1912. Т. XIX. С. 266.
20. *К истории Отеч. войны 1812 г. Письма кн. П. И. Шаховского и гр. Витгенштейна к настоятелю Псковско-Печерского монастыря* // *Рус. Старина.* 1900. № 10. С. 142.
21. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 4. В. II. Гарне. С. 4–5.
22. Крестовский В. В. *Истор. 14-го уланского Ямбургского полка.* СПб., 1873. С. 242–248.
23. Пасторе А. *Записки о войне 1812 г.* // *Рус. Архив.* 1900. № 12. С. 505.
24. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 183.*
25. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912. С. 72, 74.*
26. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 169, 217.*
27. Флиз Д. *Поход Наполеона в Рос. М., 1912. С. 54.*
28. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 254–255.*
29. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1897. Ч. 1. С. 55.*
30. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 108.*
31. Боннель А. *Виленская операция. СПб., 1909. С. 42.*
32. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 87.
33. Чичагов П. В. *Письма к имп. Александру I* // *Сб. РИО.* СПб., 1871. Т. 6. С. 34.
34. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 454.
35. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1911. Т. XVII. С. 212.
36. Там же. СПб., 1911. Т. XV. С. 38–39.
37. *Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1897. Ч. 1. С. 64.*
38. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1912. Т. XIX. С. 51–52.
39. Гейсман П. А. *От Берлина и Вены к Петерб. и Москве и обратно. Елисаветград, 1891. С. 48, 54.*

40. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 457–458, 462.
41. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1912. Т. XX. С. 86–87; СПб., 1914. Т. XXI. С. 71, 73.
42. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. к док. № 128.* С. 143.
43. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1912. Т. XIX. С. 266, 270.
44. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912.* С. 95.
45. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943.* С. 173–174.
46. Вяземский В. В. *Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Вяземский В. В. Дневник 1812. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/03.html>, 08.04.2018.*
47. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1914. Т. XXI. С. 36.
48. *Сб. РИО.* СПб., 1905. Т. 122. С. 70–71.
49. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 228–229.
50. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1911. Т. XVII. С. 215.
51. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 450.
52. *Сб. РИО.* СПб., 1905. Т. 122. С. 65.
53. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943.* С. 185.
54. Ивченко Л. Л. Кутузов. М., 2012. С. 436.
55. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 323.* С. 268.
56. *Там же. Прил. № 6–9.* С. 463–470.
57. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 132–142.
58. Харкевич В. И. *Березина.* СПб., 1893. С. 1–2, 10–18.
59. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 605–613.
60. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 181–183, 185.* С. 185–188.
61. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1912. Т. XIX. С. 148–150.
62. *Там же.* С. 151.
63. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 186.* С. 189.
64. Харкевич В. И. *Березина.* СПб., 1893. С. 24.
65. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 15.
66. Бретшнейдер К. Г. *Четырехлетняя война союзных держав против Наполеона Бонапарта.* СПб., 1820. Ч. 1. С. 73.
67. Гейсман П. А. *От Берлина и Вены к Петерб. и Москве и обратно. Елисаветград, 1891.* С. 43.
68. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968.* С. 262.

9.3. МАЛОЯРОСЛАВЕЦ. ЧУДЕСА ВЗАИМНОГО ОТСТУПЛЕНИЯ

Тарутинский бой встревожил Наполеона. Кутузов, уступивший требованиям Петербурга и своих генералов активизировать военные действия, из-за своего упрямства и конкурентных соображений не провел атаку решительно, получив перед собой досадующего, но не уменьшенного в силах противника. Еще 7 (19) октября генерал-майор И. С. Дорохов, ранее взявший Верею и стоящий со своим отрядом у Катова, донес в главную квартиру о появлении за Нарою, у Фоминского, французской дивизии Ж.-Б. Брусье. В связи с этим Дорохов был усилен присланными к нему из Тарутина 6-м и 33-м егерскими полками. Генерал, однако, не успокоился и проявил проницательность, полагая, что появление Брусье является предвестником движения прочих сил Наполеона. Он считал, что главные силы французов направляются к Вороново, а Брусье идет для сохранения их связи с Можайском. Как худший вариант развития событий, Дорохов предвидел, что *«сие действие неприятеля может быть предварительным движением целой его армии на Боровск»*. Об этом партизанский генерал сообщил в штаб армии [1, 2].

Кутузов, ожидая ухода Бонапарта из Москвы и рассчитывая на его отступление прямо к Смоленску, не был готов воспринять такую информацию. Предвидению Дорохова суждено было сыграть выдающуюся роль с участием дружественно настроенного к нему дежурного генерала Коновницына. Лучше понимающий в тактике, чем в штабных бумагах, Петр Петрович не стал порицать Ивана Семеновича за разведку Фоминского, в ходе которой *«по несообразности средств»* потерпели урон отряды Фигнера и Сеславина, и подал доклад фельдмаршалу в том стиле, что, выделив некоторые силы, можно разбить Брусье [3]. Задача была нереальной, но в складывающейся обстановке от выдвижения части русских сил в сторону Фоминского могла быть только польза. Поэтому неважно, верил ли Коновницын в то, что доложил главному, или хитрил, разделяя тревоги Дорохова. Во втором случае — еще большая ему честь. Такому маститому интригану и сомнительному тактику как Михаил Илларионович, важные идеи лучше было подсовывать интригански.

Ревнивый к чужим инициативам фельдмаршал, как обычно, отстранил от операции обоих инициаторов. Он отрядил по направлению к Фоминскому генерала Д. С. Дохтурова с подчиненными ему 6-м пехотным и 1-м кавалерийским корпусами, двумя конными

гвардейскими батареями, ротой конной артиллерии полковника Никитина, несколькими конными полками и частью тульской конной дружины. Зная слабость инициативы прямодушного и храброго Дохтурова, при нем было приказано находиться Ермолову, которому была дана инструкция о повышенной бдительности [4]. С Алексеем Петровичем должны были поддерживать связь преданные ему партизаны Сеславин и Фигнер.

В советском сборнике документов и материалов Кутузова источники сложены так, чтобы уверить читателя в том, будто он послал вперед Дохтурова не с частной целью, а предугадал необходимость прикрыть Новую Калужскую дорогу. Но, в данном случае, надо смотреть не порядок подборки, а содержание документов: *«Его светлость приказал мне донести вашему высокопревосходительству, что, по сведениям полученным, неприятель в расстоянии 30-ти верст отсюда имеет корпус войск, из 10 тысяч состоящий, от прочих его сил отдаленный, и что, желая истребить его, поручает вашему превосходительству отряжаемые на тот предмет войски»* [5]. Сохранившиеся в ВУА ГШ документы, — рапорт Ермолова № 443 из Машкова, и рапорт Дохтурова б/н от 7 часов вечера 10 (22) октября из Аристово, показывают выполнение ими указанной конкретной задачи, хотя Дохтуров отмечает появление новых французских войск, не замеченных генералом Дороховым.

Адъютант фельдмаршала А. Б. Голицын недоумевал: *«Надобно одному только удивляться, что Кутузов, имея в самый день сражения (при Тарутине. — А. Д.) в руках своих глухое предписание (маршала Бертье к генералу д'Аржану, доставленное из партизанского отряда Кудашева. — А. Д.) сосредоточить тяжести к Можайску и вследствие сего остановивши преследование неприятеля, не принял никаких мер к занятию Мало-Ярославца и не приготовил армии к походу»* [6]. Не дана была Михаилу Илларионовичу та часть стратегии, что связывает ее с тактикой; не разумел он того, чего опасались Дорохов, Коновницын, Ермолов и, задним числом, — Голицын.

Войска Дохтурова выступили из Тарутинского лагеря утром 10 (22) октября, с трудом преодолевая плохие дороги в дурную погоду. На ночлег остановились, пройдя Аристово. Наутро предполагали атаковать французский бивуак, замеченный у Катова. Вероятно, под Аристово к 6-му корпусу присоединились конные и егерские полки Дорохова. Как вдруг, к 9 часам вечера прискакал Сеславин с сообщением, что он лично, не доходя 4 верст до Фоминского, видел Напо-

леона со всей его свитой, французскую гвардию, корпус Нея и другие войска в значительном числе. В доказательство присутствия Бонапарта Сеславин привез языка — гвардейского унтер-офицера, который подтвердил худшие соображения Дорохова. Враг направлялся не к Тарутину, а взяв выгоднейшее для него направление на Калугу. Российская историческая наука высоко оценила достижение Сеславина, но забыла, что не будь двух донесений Дорохова и протекции Коновницына, вызвавших встречное движение русских корпусов на Фоминское, ничто не спасло бы Кутузова от обхода и сдачи Калуги. Он к Малоярославцу из Тарутина не успевал.

Дохтуров немедленно направил к фельдмаршалу дежурного штаб-офицера 6-го корпуса майора Болговского с донесением, в котором присовокупил о слухах от пленных, что французы идут на Можайскую дорогу. Опасаясь, что намерения Наполеона не таковы, Ермолов приложил к донесению записку, в которой предложил следующий план действий: *«Нужно, думаю, сколько возможно скорее отправить г. Платова между Подольском и Красною Пахрою. Оттуда удобно можно наблюдать движение неприятеля, если он отступает, и преследовать его с выгодою, и послать партию на Москву, и удостовериться в показании пленных об оставлении Москвы. Г. Милорадовичу со всею кавалериею нужно не одною ограничивать себя демонстрациею. Я думаю, что неприятель всеми силами пойдет на Боровск для сокращения своей линии и соединения с приспевающими к нему сикурсами. Надобно будет переменить позицию армии. Надобно быть на Калужской дороге, на Боровск идущей... Я полагаю, что корпус г. Дохтурова нужно здесь на несколько оставить. Это не мало будет развлекать силы неприятеля»* [7]. Далее он предостерегает, что уход Бонапарта из Москвы еще не означает его отступления.

А. Н. Попов, опубликовавший эту записку, не понял ее содержания; но мы видим, что Ермолов правильно учитывает неясности момента и возможные действия Наполеона, предлагая немедленно загородить Калужскую дорогу у Малоярославца основными силами русской армии. Уже вышедшие вперед корпуса, подчиненные Дохтурову, он видит в положении, нависающем на фланг противника, что не требовало от них нового изнурительного марша. Милорадовичу и Платову предлагается активизировать действия позади вышедшей на Калугу французской армии и тем внести ясность: то ли Наполеон маневрирует, отступая от Москвы на Смоленск, то ли всерьез рвется на Калугу. В обоих случаях их положение выгодное: в одном как можно

быстрее начинается преследование, в другом — создается угроза тылам врага на Калужском направлении.

План был плох лишь одним, — Кутузов не мог его оценить. Зная медлительность и недоверчивость Михаила Илларионовича, требовалось нечто большее, чтобы упредить противника в Малоярославце. Надо было уже идти туда в расчете, что по дороге придет повеление главнокомандующего. По счастью, Дохтуров и Ермолов времени не теряли и между собой не соперничали. Возможно, Коновницын намекнул Дмитрию Сергеевичу, что не во взятии Фоминского его главная задача. Поэтому *«весьма благосклонно принял генерал Дохтуров»* представление Ермолова о дальнейших действиях: вместе с рассветом следовать обратно, присоединить к себе брошенную на раскисшей дороге батарейную артиллерию и идти как можно быстрее к Малоярославцу, — важному пункту схождения дорог. Дохтуров согласился также, чтобы генерал Меллер-Закомельский с 1-м кавкорпусом и казачьими полками *«произвел обозрение к стороне Боровска и потом возвратился к корпусу»* [8].

Судя по переписке Вильсона, он тоже был с корпусом Дохтурова из солидарного с русскими генералами беспокойства: *«Парламентер, которого князь Кутузов принял в главной квартире... удостоверил неприятеля... что он не имеет причины опасаться наступательного действия. На основании сего он отвел силы от своего левого крыла и приблизился к Фоминскому, в намерении направить главную часть своей армии... как думают, на Калугу»*. По уверениям англичанина в адрес Александра I, он настойчиво советовал остановить атаку Фоминского, пока не будет установлено положение главных сил неприятеля, и даже приписывал себе основное влияние в принятии Дохтуровым правильного решения [9].

Разведка казачьим разведом к Малоярославцу показала — едва можно было к городу успеть благодаря тому, что мост через речку Лужу был сожжен местными ополченцами под руководством городничего П. И. Быковского, а понтонную переправу французам помешал навести спуск воды из запруды городской мельницы, произведенный С. И. Беляевым [10]. В городке царило смятение. У моста стояли три батальона вражеской пехоты из дивизии А.-Ж. Дельзона, а с русской стороны — только казачий развед. К сожалению, спуски калужскими ополченцами воды из окрестных запруд помешали двигаться и корпусу Дохтурова, который на несколько часов остановился у села Спасского, строя мосты и гати. Кутузов из Тарутинского лагеря

требовал, чтобы мосты были самые прочные и обеспечены охранением, — вслед за 6-м корпусом по ним надлежало пройти всей армии. То, чем он не удосужился заняться за три недели стояния в лагере (имея своим неусыпным предметом защиту Калуги), исправлялось авральным методом. Впереди задержавшегося корпуса в Малоярославец были отправлены егерские полки.

Наконец, ближе к полудню 12 (24) октября артиллерия подошедшего к Малоярославцу 6-го пехотного корпуса открыла огонь по мосту, *«который неприятель старался всячески исправить»*, но французы успели утром перейти в город и *«по набросанным кладкам перевезти два орудия»*. В Малоярославце шел бой, разгорались пожары. Игнорируя фланговый огонь двух батарей Дохтурова, генерал Дельзон направил через реку подкрепления, и русские егерские полки, защищавшие город, были вынуждены отступить. Враг полностью занял Малоярославец и выслал разведку для обозрения находящихся за городом русских сил [11].

Ермолов, которому Дохтуров поручил вести городской бой, контратаковал присланными к нему Либавским и Софийским полками, отбив большую часть Малоярославца. Батареинная рота полковника Никитина вела огонь с возвышенности у кладбища, корректируемый с передовых постов и колокольни. Бой протекал с переменным успехом, но во второй половине дня большие массы французских войск под командованием Евгения Богарне приблизились к городу, и Малоярославец опять оказался в руках неприятеля. Погибшего Дельзона заменил генерал А. Ш. Гильемино, ему на помощь одна за другой прибыли дивизии Брусье, Пино и итальянской гвардии. Выше разрушенного моста через Лужу начали переправляться дивизии Даву. *«Французы в больших массах выходили из города и строились в колонны»*, по ним открыла огонь резервная артиллерия 6-го корпуса [12]. Ермолов через генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова просил фельдмаршала ускорить движение армии.

Реакция Кутузова была та же, какой он оскорблял офицеров на Дунае в ответ на просьбы подкрепить атакованного Ахмедом-Пашой генерала Булатова. *«Армия стояла на реке Протве у села Спаского. Неприятным могло казаться объяснение мое фельдмаршалу, когда свидетелями были многие из генералов. Он отправил обратно графа Орлова-Денисова без всякого приказа. Не с большей благоклонностью был принят вторично посланный от меня... Он с негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланнику, что*

тот достал из кармана платок, и замечено, что лицо его имело более в том надобности» [13].

Нетрудно понять, что припадок безобразного поведения вызвало осознанное Михаилом Илларионовичем движение обстоятельств к новой битве с Наполеоном. Стремясь ее избежать, он *«остановил войска в 5 верстах от поля сражения и дал им отдых. Осторожный Кутузов неохотно решался на движение к Малоярославу, могущее повлечь за собою генеральное сражение»*. Он-то надеялся на другое, — что дивизия Брусье выслана для прикрытия южного фланга отступающей Великой армии. Только по этой причине *«известие об оставлении Наполеоном Москвы весьма обрадовало Кутузова»*. Фельдмаршал встретил Болговского словами: *«Расскажи друг мой, что такое за событие, о котором весть привез ты мне? Неужели в самом деле Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорее; не томи сердце; оно дрожит» [14].*

Оттого-то фельдмаршал отнесся к рапорту Дохтурова и записке Ермолова от 10 (22) октября с заметным недоверием. Калужскому губернатору П. Н. Каверину было дано знать только, что *«неприятель, с частью своих сил взял направление к Боровску»*, а Платову предписано *«немедленно выступить к Малоярославу, и, по достижении сего пункта, послать отряд к Боровску»*. То есть, Новую Калужскую дорогу поначалу предполагалось прикрыть одними казачьими полками! От генерала Милорадовича, которому приказывалось неспешно, *«за-втрешнего числа»* провести рекогносцировку на Старой Калужской дороге, ожидалось сведения о *«движении Мюратова авангарда вверх по Наре»* (на Можайск). Иначе говоря, продолжало полагаться, что маневрами у Боровска Наполеон прикрывает свое отступление к Можайску. Русская армия готовилась к выступлению с намерением преследовать его, но пока (исходя из представлений Кутузова) уходящий Бонапарт *«подтаскивал»* за собой Мюрата, можно было подождать. Поэтому 11 (23) октября армия оставалась на месте в ожидании возвращения фуражиров, которые, по разорению округа, вынуждены были промышлять верстах в 20 и далее от лагеря [15, 16].

Эта благостная картина начала колебаться в глазах главнокомандующего под влиянием рапорта доверенного князя Кудашева из Ардякино: *«Неприятель весь или большей частью тянется на Калужскую дорогу» [17]*. Рапорт подтверждался захваченными французскими бумагами, адресованными генералу Аржану. После этого Дохтурову, чей марш на Малоярославец был одобрен, было велено *«употребить все способы, чтобы выйти на Боровскую дорогу... и до прибытия Главной*

армии прикрыть оную» (ранее ему предписывалось отделить от себя для этой цели 4 казачьих полка) [18]. Наконец, грохот пушек и тревожные донесения Ермолова возвестили полный «облом»: Наполеон у Малоярославца в стремлении на Калугу! Михаил Илларионович всячески тормозит события в надежде, что они как-то повернутся на желанный для него лад. К трем часам дня 12 (24) октября к Малоярославцу прибывает один только 7-й пехотный корпус генерала Раевского и помогает Ермолову отразить итальянцев. Корпус мог быть там и раньше, но «не иначе мог выступить, как по собственному повелению фельдмаршала», отсутствие которого вынуждало Раевского к роли «любопытного зрителя», созерцающего очередное побоище, в котором русские были в заведомом меньшинстве [19].

По словам Вильсона, Кутузов «без всякой нужды остался 14 часов в лагере своем в пяти верстах от нас, хотя мог слышать оттуда всякий ружейный выстрел, а от пушечной пальбы верно и дом его трясся, потому что даже земля от того дрожала. Он оставался на месте, не имея ни малейшего любопытства быть зрителем происходивших действий. Когда же наконец, по неоднократным и убедительным нашим требованиям, получили мы вспоможение и наконец он сам прибыл около 5 часов вечера, то он оказывал такую личную осторожность, что она сделалась предметом всеобщего замечания». По свидетельству полковника Ж. Б. Кроссара, Кутузов, обозревая битву, высказался с недовольным видом: «Эти господа завязали генеральное сражение, чего я не желал». Для Вильсона это послужило основанием заявить русскому царю, что его офицеры и войска «достойны иметь и имеют нужду в искуснейшем предводителе»; он впервые предлагает заменить Кутузова генералом Беннигсеном [20, 21].

Пришлось, однако, «спасителю» вновь становиться на дороге у Наполеона. «Прежде вечера прибыл фельдмаршал с армией, которая заняла позицию по обеим сторонам дороги, идущей в Калугу, по возвышенностям в двух верстах с половиною от города. Приказал генерал-лейтенанту Бороздину 1-му вступить с корпусом в город, сменив утомленные полки... приказал также на ближайший от черты города пушечный выстрел строить несколько редутов и тотчас приступить к работам. С величайшим упорством дрались французы, и... корпус генерала Бороздина не мог уже противостоять. Место его заняли свежие войска в значительных силах. Окончательно введены гренадерские полки, и почти до полуночи продолжалась жесточайшая борьба. Войсками распоряжался дежурный генерал Коновницын, с обычной его неустрашимостью, и из

последних сил оставил город. Овладевши им неприятель, в крайней черте его (в опушке) расположил артиллерию и в продолжение ночи ничего не предпринял!» Восклицательным знаком Ермолов отметил неожиданный спад активности противника, а в подстрочном примечании к этому тексту разъяснил пороки распоряжений Кутузова [22].

Мнение Ермолова о нецелесообразности продолжения городского боя после прибытия основных русских сил, разделяется многими русскими генералами и военными историками, в том числе Богдановичем. Они указывают на выполнение главной задачи (закрытие армией Калуги, а Медыни казачьими полками), на благоприятное соотношение сил и превосходство русской артиллерии, делающие невыгодным для Наполеона полевое сражение [23]. Сходная критика звучала с французской стороны: *«Кутузов мог бы лучше защищать свои позиции... Ему ставили в вину, что он пожертвовал большим числом людей и потерпел поражение, не достигнув своей цели; эта цель должна была заключаться в том, чтобы удерживать позиции, если уж он оборонял их, по крайней мере до ночи. В действительности Кутузов, который узнал о выступлении императора только 23-го, был захвачен этим врасплох и лишь постепенно направлял на поддержку Дохтурова различные воинские части только для того, чтобы прикрыть отступление своей армии... так как он не хотел подвергаться риску большого сражения»* [24].

«Пока наши войска не были вытеснены из Малоярославаца, неприятель не мог развернуть своих сил, потому что для этого следовало ему обойти город, лежащий на высоте крутой и изрезанной оврагами» [25]. Вот почему Кутузов не желал оставлять город и особо просил Коновницына очистить его от французов, но никак не хотел ввязываться в дело главными силами, повторяя те же, что у Бородина, ошибки разобщенного ввода в бой резервов и перенапряжения сил обороняющихся в меньшинстве корпусов. В результате *«Малоярославец был захвачен врагами с разных сторон: дивизия Жерара стала между городом и деревней Терентьевым... а дивизия Компана расположилась за Спасскими садами, около дороги в дер. Чуриково... наши войска, защищавшие дорогу в Калугу, были принуждены отступить к деревне Немцову, которая лежит в двух верстах от города на Калужском тракте»*. Новая позиция, которую надо было занимать побыстрее, а не капризничать, губя в городе солдат, была очень выгодной, французы не имели места развернуться перед нею. Когда они попытались атаковать, их плотные порядки были расстроены русской артиллерией: *«Навстречу вышпавшему из города неприятелю загудели пушечные выстрелы; русская*

картечь отбила порыв нападавших и под своим смертоносным огнем заставила их вернуться вновь в горевший город» [26].

Приятным событием для главнокомандующего стало прибытие в конце дня арьергарда Милорадовича, войска которого сделали усиленный переход в 50 верст: *«Ты ходишь быстрее, чем летают ангелы»*, — похвалил он генерала [27]. Главком также одобрил инициативу Платова, имеющую целью снять угрозу обхода левого русского фланга. Атаман Платов показал существенный тактический прогресс и усвоение им уроков Бородина. 13 (25) октября поутру он собрал на оконечности левого русского крыла большое количество донских войск и произвел стремительное нападение на противника, жертвой которого едва не стал сам Наполеон. Платов прорвался на Медынскую дорогу, где оставил несколько полков в помощь уже находившемуся там полковнику Иловайскому 9-му, а с остальными отступил к Главной армии, уводя с собой пленных, 30 пушек (из которых удалось доставить 11) и одно знамя.

В тот же день казаки разбили дивизию храброго, но неспособного (он потерпел аналогичное поражение в Испании) генерала Лефевбра Деноэта, без мер предосторожности двигавшегося из Вереи на Медынь. Были потеряны лучшая часть дивизии, 5 пушек конной артиллерии, а генерал Тышкевич взят в плен. *«Все бывшие в этом деле офицеры соглашались с тем, что они никогда не видели так слепо и отважно нападавших казаков, и, если бы не два батальона 15-го пехотного полка, приданного к отряду, никто из нашей кавалерии не ушел бы живым из этой стычки» [28].* Нападение на Наполеона и разгром Лефевбра привел французских генералов к мнению, что Медынская дорога закрыта крупными силами русской кавалерии [29].

В остальном пасмурный день 13 (25) октября прошел в бездействии русских и французских войск. Несмотря на прочное положение русской армии на выгодной позиции, которую французы считали грандиозной (Богарне) и даже неприступной (Коленкур, Бессьер, де Сегюр) [30, 31, 32]; на поступившие от пленных сведения об отступлении польских войск и тяжелой артиллерии к Можайску, Кутузов не хотел рисковать. Он обдумывал отступление к Калуге, отдав распоряжение об отходе к Немцову авангарда Милорадовича [33], и этим давая знать Наполеону, что не желает возобновлять бой. К этому моменту относятся воспоминания артиллерийского офицера 6-го корпуса Митаревского: *«Я согрелся и спал (после боя) до самого света. Когда меня разбудили, то сказали, что пехота идет назад... Тут я рас-*

смотрел, что в пехоте офицеры и солдаты были мне не знакомы; они были из другого корпуса, кажется, генерала Милорадовича» [34]. Ни начальнику штаба Ермолову, с которым фельдмаршал обсуждал свое назревающее решение [35], ни генерал-квартирмейстеру Толю, отказывавшемуся «писать диспозиции об отступлении войск на новое место» [36], переубедить главкома не удалось.

Ведомые Кутузовым беседы с генералами были пародией на необходимый военный совет: избегая собрания, чтобы не остаться в меньшинстве, он выбирал из высказанных мнений такое, что ему подходило, и театральными приемами придавал ему авторитет. Хитрец предпочел крайний раз опереться на нелюбезного ему Беннигсена, считавшего, что Наполеон захватил Малоярославец с одной целью — продолжить атаку. Это стало фельдмаршалу оправданием для отказа от активных действий. После этого полководец сплясал свой обычный «воинственный танец»: сначала «приготовился его (неприятеля) встретить» [37] и в час пополудни 13 октября с торжественной натугой продиктовал рапорт государю: «Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сражению, без коего, ни под каким видом, в Калугу его не пушу» [38]. Затем начал колебаться, причем его не ободрили ни строящиеся укрепления, ни успешные действия казаков на Медынской дороге. Наоборот, главком истолковал их как случайный успех против двинувшихся по ней в обход французов (о чем позволяют судить записи в журнале военных действий) [39]. В ночь на 14 (26) октября «спаситель» отдал приказ отступать. События, давшие Наполеону повод заявить об очередной победе и выводившие его армию из-под удара при отходе к Вязьме, один в один напоминали бегство героя от Бородина, разве что причин бежать от Малоярославца было куда меньше.

Мнение, сложившееся в советской историографии, будто Кутузов этим маневром прикрывал Калугу от обхода противником по Медынской дороге и шел на «ситуационно оправданную предосторожность» [40, 41] является абсолютным неверным. Разделяющий это оправдание Троицкий, видимо, как и Михайловский-Данилевский, забыл глянуть на карту. Калужское и Медынское направления являются расходящимися, а потому Наполеон, если бы стремился к Калуге в обход русской позиции с Медынского тракта, мог предпринять его только на коротке, не более как в нескольких верстах от Малоярославца. Окунев весьма удивлялся, почему Бонапарт не отдал таких распоряжений, но, как мы видели, на его правом фланге активно действовали казаки. На

левом же фланге маневру препятствовала жестоко простреливаемая артиллерией мокрая речная низина. Поэтому отступление русской армии от города означало всего лишь сдачу хорошей позиции. После этого нельзя было мешать движению французов на Медынь: *«Как скоро фельдмаршал Кутузов отступил к Гончарову... дорога Медынская сделалась свободною и была открыта для армии французской. Русская армия не могла ни упредить ее в Медыни, ниже беспокоить ее движения, опоздав к тому на отступлении к Гончарову»* [42].

Таков же вердикт Бутурлина: *«Через сие необдуманное отступление россияне открывали неприятелю прямую дорогу из Малого-Ярославца на Медынь и давали ему возможность направить свое отступление... местами, нисколько еще не потерпевшими от бедствий войны. Причина наблюдать дорогу из Медыни в Калугу тем менее могла быть побудительна, что неприятельская армия, будучи стеснена под Малым-Ярославцем, не иначе могла перейти на упомянутую дорогу как через Боровск, Верею и Медынь; а сие составляло столь великий обход, что россияне всегда сохранили бы полную удобность предупредить неприятеля под Медынью посредством весьма короткого бокового движения от Малого-Ярославца к сему городу»* [43]. Что, кстати, Платов 13 (25) октября и исполнил. Но теперь казачьи полки на Медынской дороге остались без поддержки.

Даже А. Б. Голицын, старающийся разумно объяснять действия своего шефа, обронил: *«Но когда гр. Милорадович дал знать, что неприятель покоен и летучие отряды донесли о направлениях его к Верее, Кутузов решился отступить в Гончарово. Переход этот, дознанный всеми ненужным и заставивший нас потерять трое суток, был после... обвинением, которое возводимо было на него. Суждение о событии сем и после времени не оправдало Кутузова в глазах императора Александра»* [44].

По этой причине большинство авторов умалчивают о позорном отступлении от Малоярославца. В русской мемуаристике его описания не нашлось, но вот де Сегюр: *«Со стороны Кутузова это было настоящим бегством. Со всех сторон кавалерия, повозки, орудия, батальоны устремлялись к мосту, к которому примыкала русская армия. Тут все эти колонны, стекавшиеся справа, слева, из центра, сталкивались, торопились и смешались в такую скученную массу, что потеряли возможность двигаться дальше. Потрачено было несколько часов, чтобы очистить и освободить этот переход. Несколько ядер Даву, посланных им, как он думал, напрасно, попало в эту сумятицу. Наполеону достаточно было только двинуться на эту беспорядочную толпу»* [45].

Начальник артиллерии 3-го французского кавалерийского корпуса Л. Гриуа, подчиненные которого выпустили эти, вызвавшие панику, ядра, вспоминал: *«По странной случайности Кутузов начал отступление за несколько часов как отступили мы... я замыкал шествие... Едва успели выступить первые отряды арьергарда, как деревня, из которой они ушли, была охвачена огнем... и я боялся, что далеко распространившийся яркий свет привлечет внимание русских и откроет им наше выступление... Но неприятель сам поспешно отступал и мы без помехи двинулись последними»* [46].

А вот Вильсон: *«Без малейшей причины вздумал он (Кутузов) самым решительным образом ретироваться на виду и даже под пушками неприятеля... Колонны рассеивались, воли падали, лошади не везли, люди не могли проходить и последовало смещение языков, заставившее самого смелого из нас дрожать о последствиях такого беспорядка. Но всевидящий русский Бог ослепил неприятеля и паки вывел нас из неминуемой гибели»* [47]. Вильсон предупреждал Кутузова об опасности отступления за Немцовский овраг, если бы Наполеон в тот же момент решил к наступательным действиям. В ура-патриотической версии нашей истории его доводы «парируются» англофобскими выпадами [48].

Царские историки были не так методичны, как советские, избрав вместо молчания легче разоблачаемый путь разных домыслов. Так, Синельников умудрился написать, что русская армия из Тарутина пришла сразу в слободу Полотняный Завод, и оттуда выступила сражаться к Малоярославцу [49]. Михайловский-Данилевский, основываясь на ложных донесениях фельдмаршала, будто город к исходу боя остался за русскими, возвестил: *«Неожиданно, после полуночи донесли князю Кутузову, что передовая цепь Бороздина, без выстрела и приказания, отступила из Малоярославца, который и заняли французы. Нельзя было впотьмах видеть, как Наполеон воспользуется нечаянным случаем... местность не позволяла принять нападения в той позиции, где наша армия стояла, ибо сзади находились овраги... а потому князь Кутузов приказал армии занять, до рассвета, другую позицию»*. Потом *«не было причины стоять долее при Малоярославце», «позиция у Детчина крепче», «к Медыни вдвое ближе»*, и вообще, полководец, отступая в противоположную от Наполеона сторону, не лишал себя возможности его преследовать [50].

Нетрудно видеть, что эти глупости основаны на столь же сумбурном изложении от А. Б. Голицына, назвавшего конкретное паникера, — генерала М. М. Бороздина, приехавшего *«с испуганным лицом*

на бивак, где ночевал Кутузов» и сообщившего, что французы готовы к переходу в наступление. Спросонья Коновницыным и Кутузовым было предположено оттянуть арьергард в кордебаталию, а при появлении из города французских колонн, контратаковать их всеми русскими силами. Ничего не произошло, но получивший психологическую встряску главнокомандующий решил пресечь возможность сражения на корню. Видимо, как раз тогда были пушены в ход ложные представления о местности и взаимном расположении войск на ней, о которых первым сообщил Голицын [51].

Пустую говорильню о прикрытии Главной армией медынского направления подхватил Попов. Он впал в ту же ошибку, что Михайловский-Данилевский и Вильсон, которого без проверки цитировал (английский представитель, возражая против поспешного отступления в принципе, не уловил, что по географии Калужской губернии его водят за нос). Попов же взялся утверждать, будто отход русской армии к Детчину начался только в ночь с 14 на 15 (26–27) октября, то есть после отступления Наполеона. Какова же тогда его причина? Догнать Бонапарта, идя в противоположную сторону? То, чего не понял в своем кабинете Попов, быстро смекнули русские солдаты: *«Шли в безмолвии среди кустарников проселочною дорогою... когда же узнали, что опять отступают, то в войске раздался ропот, — солдаты говорили: «Видно опять будем бродить как под Смоленском»* [52].

А. И. Пирожников, ссылаясь на архивные данные, говорит не о прикрытии Медыни, а про *«общее распоряжение по армии об отступлении с целью приблизиться к Калуге»*, и далее пишет: *«В войсках раздавался ропот: отступлением были недовольны и генералы и солдаты»* [53]. Неприятный для апологетов вывод о начавшемся отступлении Кутузова к Калуге делают еще два царских офицера, Борисов и Сыцянок, безжалостно прибавляя: *«Кутузов, отойдя к Гончарову, давал неприятелю возможность направиться через Медынь, Юхнов и Ельню... по стране, еще не опустошенной и представлявшей некоторые средства для войск»* [54]. Приведенные мнения совпадают с указаниями С. И. Маевского: *«Кутузов собирался на другой день отступить в Калугу»* [55] и А. Х. Эйлера — из Леташевки туда были направлены все армейские обозы [56]. Как вежливо подытожил М. И. Богданович, поскольку *«на пути к Калуге не было никакой позиции, которая равнялась бы выгодами с местностью, занятой нашими войсками под Малоярославцем, то отступление князя Кутузова от сего города ясно выказывало, что он, в случае наступления Наполеона не заградил бы ему*

путь к Калуге, а отошел бы за Оку». Калужане на этот счет не заблуждались, и «переселились за Оку... Никто не хотел оставаться в городе» [57]. Приближение русской армии на 37 верст к Калуге так обеспокоило горожан, что Михаилу Илларионовичу пришлось написать по сему случаю успокоительное письмо [58, 59].

А как пришло неожиданное известие об отступлении Наполеона, очередные уступчивость врагу и грубая тактическая ошибка превратились в некую мудрость, ради правдоподобия которой армию вновь повернули, загнав на козьи тропы. Дорога от Гончарова и Детчино к Полотняному заводу была одной из худших, по которым приходилось ходить войскам: «Последний переход к заводам был из числа самых трудных и тяжелых: погода была мрачная, с дождем и сильным холодным ветром, пришлось идти очень темною ночью по проселочной дороге, между кустарников и лоз, где находились глубокие выбоины и колеи, в которых беспрестанно заседали орудия и ящики... остановки были беспрестанные: пройдут сажень двадцать, много пятьдесят, орудие завянет, а куда его вытаскивают, прочие стоят... Даже походить, чтобы согреться, было трудно, до того дорога была узка и грязна... Шли мы очень долго... Дохтуров всю ночь ездил и кричал, чего за ним никогда не водилось» [60]. Не ведая сего, выше всех ткнул пальцем в небо Жилин, сообщив читателям, будто для перехода от Малоярославца к Полотняному Заводу были «другие не менее важные соображения... необходимо было присоединить к армии артиллерийские парки и обозы с боеприпасами и продовольствием» [61]. Это по такой дороге-то, когда обозы ушли в Калугу?

16 (28) октября, находясь в слободе Полотняный Завод, главнокомандующий рапортовал царю об успехе своего флангового движения к Медынской дороге и... ошибке в оценке намерений противника, которыми оправдывалось это ненужное движение: «Сейчас полученными известиями подтверждается, что неприятель... возьмет направление через Можайск на Смоленск». Тут же фельдмаршал выложил самодержцу еще одну глупость: «Невзирая на то, остаюсь я еще некоторое время на Медынской дороге» [62]. Как последний акт фарса, 9 февраля 1813 года последовало ретушированное и совсем далекое от правды подробное донесение Александру I. В нем утверждалось, что Малоярославец 12 октября остался за русскими (полководец подзабыл, что раньше писал), а Наполеон уже в ночь с 12 на 13 октября совершил отступление к Боровску и Верее [63]. На самом деле Бонапарт санкционировал французский отход получив донесения об уходе Кутузова.

Есть в действиях русских войск под Фоминским и Малоярославцем еще одна забытая сторона. По прибытию в главную квартиру 8 (20) октября генерала от кавалерии А. П. Тормасова, ему было вверено начальство над 3-м, 5-м, 6-м, 7-м, 8-м пехотными корпусами, 1-м кавалерийским корпусом и обеими кирасирскими дивизиями [64]. В марше на Фоминское и бою за Малоярославец приняли участие эти самые войска, но о роли Тормасова мы ничего не знаем. Вряд ли он бездействовал, хотя письменный приказ Кутузова о назначении Тормасова командовать главными силами армии последовал только 21 октября (2 ноября). Михайловский-Данилевский пишет, что *«все внутреннее управление войсками возлегло на Тормасова»*, а в сражении при Малоярославце *«Тормасов, находясь при Кутузове, принимал участие в сражении советами, и лично являясь в огне»* [65].

Сколь много внимания в советской и российской литературе уделено злоязычному и местничавшему Багратиону, столь же мало сказано о Тормасове, который был отнюдь не меньшим патриотом России. Если он был молчалив как Барклай, ругательных писем не писал и не соперничал с Кутузовым за славу, — это ведь не основание выпихивать его из истории. По молчанию Ермолова угадывается, что он не нашел с Тормасовым общего языка: в битве за Малоярославец Тормасов исполнил ошибочное, по мнению Алексея Петровича, повеление Кутузова удержать город, а затем был противником отступления (Ермолов-то, в конце концов, отступить согласился). Большим стратегом Тормасов не был, но и от боя не бегал, в интриги не сваливался, служа для армии твердой опорой. Вскоре Михаил Илларионович это оценит. Тормасов полностью заменит при нем Барклая и Беннигсена.

В это время на стороне противника происходили важные события. Наполеон, прибыв около полудня 12 (24) октября на возвышение левого берега Лужи, удостоверился в сосредоточении к Малоярославцу русской армии; но это не заставило его отказаться от движения к Калуге. Через отбитый у русских город двинулась на передовые позиции артиллерия, прямо по телам убитых и раненых, которыми были завалены улицы. Затемно Бонапарт послал своего адъютанта Гурго на передовые посты, чтобы выяснить характер действий Кутузова и возвратился в село Городню, в такую же крестьянскую избу, в какой квартировал Кутузов в Филях.

«Первую половину ночи Наполеон провел в получении и прочитывании известий с поля сражения» [66] и, вероятно, донесений по прибывшей эстафете. Тут начинается интересное. Присутствующие замечают не-

обычное смятение Бонапарта, которое де Сегюр связывает с плохим рапортом маршала Бессьера, которого Наполеон направил осмотреть русскую оборону, а Коленкур — с общей сложностью положения. Тот же Коленкур подметил: *«Парижский портфель, варшавский и виленский пакеты определяли степень хорошего или плохого настроения императора»* [67]. Наполеон поочередно призывает Дюрока, Бертье, Мюрата, Бессьера, а под утро и Мутона, выясняя их мнение о состоянии своей армии и сложившейся обстановке. Обнаружив не свои собственные ему колебания, он все же отдает распоряжения к возобновлению сражения [68].

Французские генералы знают, что время не на их стороне и оговаривают свою уверенность в победе сомнениями в быстроте захвата Калуги как вследствие слабости конницы, так и желания Кутузова уклониться от боя. Этому опасается и сам Наполеон, ранее глухой к предостережениям, но теперь получивший дурные вести из Полоцка и Варшавы. *«За час до рассвета (в ночь на 25 октября) император снова вызвал меня... У него был очень озабоченный вид, и, казалось, он чувствовал потребность излить душу, высказать гнетущие его мысли. — Дело становится серьезным, — сказал он мне. — Я все время бью русских, но это не ведет ни к чему... Я сейчас удостоверюсь сам, находится ли неприятель на позициях или же, как видно по всему, отступает. Этот чертов Кутузов не примет боя! Прикажите подать лошадей. Едем!»* В ходе этой рекогносцировки Бонапарт попал под удар казаков Платова. Как опасность миновала, он убедился, что русский авангард отступил. Калугу можно было взять, но нельзя было исключить угрозу со стороны Главной русской армии, чтобы распустить по разным дорогам французские корпуса для фуражировки. Против угрозы Витгенштейна и Чичагова этим не достигалось вообще ничего. Наполеон повторно приглашает генералов и маршалов на совет. На нем *«вице-король и князь Экмюльский (Богарне и Даву) присоединились к князю Невшательскому и герцогу Истрийскому (Бертье и Бессьеру), и все вместе убеждали императора... возобновить движение по дороге на Боровск. Он возвратился в Городню, и оттуда были разосланы приказы. На завтра армия выступила на Боровск»* [69].

По версии де Сегюра, Наполеон возразил стороннику наступления Мюрату: *«Довольно отваги; мы слишком много сделали для славы; теперь время думать лишь о спасении остатков армии»*. После этого заявления Бессьер и Даву посчитали возможным открыто высказаться за отступление из России, расходясь между собой в выборе дорог:

первый предпочел Боровскую, второй — Медынскую. Наполеон прервал обсуждение словами: *«Хорошо, господа, я решу сам.»* В итоге он решил отступить *«по той дороге, которая даст возможность скорее удалиться от неприятеля»* [70]. Отдав приказ уходить, Наполеон снова отправился в авангард, где ему подтвердили известие об отступлении русских войск. Редкий случай в военной истории — две грозных армии отступали одна от другой. Арьергарды сторон простояли какое-то время в виду друг друга, обмениваясь редкими пушечными выстрелами, и отправились догонять свои войска [71].

«Казалось, оба полководца были в недоумевании один к другому, и оба не доверяли своим силам». Наполеон совершил *«непростительную»* ошибку, не пойдя на Медынь, Юхнов и Ельню, а Кутузов — отступив и сняв давление с французской армии [72]. Бутурлин указывал, что Бонапарт ошибся в выборе пути к Смоленску под давлением сообщений о движении армий Чичагова и Витгенштейна: *«Это был единственный путь к отступлению, на коем россияне не совсем могли предупредить их на реке Днепр»* [73]. Решение французского полководца критиковалось его собственными генералами и офицерами за то, что если по большой дороге на Смоленск отступить было быстрее, то на ней войска не только хуже продовольствовались, но легче и чаще подвергались обходу. Оторваться от преследования не удалось, следовательно, прав был не Бонапарт, а маршал Даву [74].

Барон Дедем де Гельдер сообщает: *«Наполеон, держа руки за спиной, грел их у бивачного огня, разведенного для императора около маленькой деревни в семи верстах за Боровском по дороге в Верею. Он лично мне объяснял свои планы, когда вдруг, повернувшись к принцу Невшательскому, сказал ему: «Но он будет взят». Его равнодушный тон поразил меня потому, что дело касалось вовсе не меня лично, а всей армии»* [75]. По смыслу речь могла идти только о перспективе взятия русскими войсками одного из главных транзитных пунктов на сообщениях Великой армии. Как высказался в своих воспоминаниях маршал Сен-Сир: *«Занять без боя Малоярославец — была основная мысль его отступления. Кажется, в это время только он понял всю силу тех бедствий, которым подвергал свою армию»* [76]. Следовало спешить. Чтобы оторваться от русских, Наполеон приказал сжигать все вокруг. Первыми жертвами пали окрестные деревни и город Боровск. По свидетельству Ц. Ложье: *«Неожиданное отступление после выигранной битвы произвело на нас самое тяжелое впечатление. Верно или ошибочно, но мы начинаем считать себя окруженными опасностями»* [77].

Российские историки избегают внимания к совету в Городне. Слишком уж яркий материал дает его сравнение с военным советом в Филях. Их обстоятельства одинаковы. Сначала каждая из сторон оставила выгодную позицию (русские Бородино, а французы — Москву), обнадеживая себя перспективой новой победоносной битвы. Оба полководца осознали недостижимость заявленных ими целей (Кутузов — отстоять Москву, Наполеон — закончить кампанию), но ничего не сообщается войскам, продолжается «победобесие». Затем проходят дебаты и советы, на которых полководцы расписываются в бессилии, занимаются пожарами. Только, в случае Кутузова, его тактическое фиаско в сочетании с цепкостью за командование привели к продлению войны и росту цены победы для России; а в случае Наполеона, — стратегический авантюризм при непомерном личном авторитете, — к полному поражению французов. Столкнувшиеся двое ущербных проявили свои недостатки именно в той последовательности, в какой они должны были их проявить (тактические пороки сказываются быстрее стратегических).

Соответственно ходу событий должно быть и методическое деление Отечественной войны 1812 года. Перелом наступил после переходной недели 6–13 (18–25) октября, и связан (если говорить о Подмосковном театре, игнорируя фланги войны) с действиями и решениями обанкротившегося Наполеона, а не Кутузова, которому и ранее не удавалось переломить ход событий. Увлекаясь принятым за аксиому полководческим гением Михаила Илларионовича, апологеты притягивают ход войны к частным и преувеличенным успехам Главной русской армии (а она действовала не одна), отдаляясь от стратегии, о которой все вроде бы только и говорят.

В боях за Малоярославец обе стороны понесли существенные потери. Богданович исчислял их с русской стороны в 6 тыс. чел. Бутурлин и Михайловский-Данилевский — в 5 тыс. Советская историография, опираясь на «правдивый» рапорт своего кумира, снизила цифру до 3 тыс. [78]. Но в сборнике документов Кутузова опубликована ведомость потерь русской армии при Малоярославце: 1282 убитых, 3130 раненых, 2253 пропавших без вести, всего 6665 чел. [79]. Большое число пропавших без вести обусловлено обстоятельствами городского боя — люди сторели в домах и остались под развалинами. С. В. Шведов указал на отсутствие в этой ведомости данных о потерях ополченцев (калужские и тульские дружины), в числе до 4–5 тыс. чел. принимавших участие в бою. Таким образом, совокупные рус-

ские потери составляли от 7,5 до 8 тыс. чел. [80]. Основательность поправки Шведова подтверждает Рапп: *«По виду трупов...ополченцы были перемешаны здесь с линейными войсками... если бились они и неумело, зато с отвагой шли в бой»* [81].

Сведения о французских потерях разноречивы. Официальные бюллетени Великой армии не более точны, чем данные советских историков. Большинство авторов, включая Коленкура, считали их не менее 4 тыс. чел., де ла Флиз — более 5 тыс. [82]. Максимальная оценка принадлежит де Гельдеру: *«Почти весь провиант и до 7 тысяч убитыми»* [83]. Такова же оценка Вильсона, который предполагал, что русские потеряли менее противника [84]. Коленкур и де ла Флиз, наоборот, отметили непропорционально большое число жертв с русской стороны: *«Русские потеряли убитыми необычайно много»* [85].

Средние цифры показывают, что соотношение потерь было не лучше, чем при Бородине. Кутузов опять вовремя не подкрепил войска, направляя корпуса в бой поочередно. Наполеоновские дивизии *«имели ту выгоду, что в продолжение первых 10-ти часов были подкрепляемы свежими войсками, а корпус генерала Дохтурова, прошедши 30 миль грязною дорогою, не подкрепил себя даже пищею»* [86]. Кутузов снова поскупился на пушки, хотя условия для действий русской артиллерии под Малоярославцем были хорошие. Поначалу часть орудий Дохтурова отстала в грязи; но с момента прибытия Главной армии следовало резко усилить огневую поддержку. *«Потери неприятеля были бы гораздо более значительными, если бы у нас было больше артиллерии»* [87]. Все было сделано так, что победой битву при Малоярославце назвать сложно, хотя, в отличие от Бородина, она завершилась отступлением французов. Но и этот результат Михаил Илларионович постарался потерять, — сам отошел и отпустил дрогнувшего Наполеона! Царским и советским пропагандистам осталось лишь сетовать: *«К сожалению, есть еще за рубежом историки, трактующие сражение под Малоярославцем как победу французской армии»* [88]. Как провальная тактика могла уберечь русских, а частная победа быть утраченной французами — это опять к тому, что вокруг поля боя незримо присутствовали еще чьи-то действия, явленные в другом месте, нарушившие и без того рваную ткань наполеоновской стратегии. Ничего другого по канонам войны быть не могло.

1. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 10–11.
2. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 41.* С. 57.
3. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 219. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 111.*
4. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 11.
5. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 42.* С. 58.
6. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г. // Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 75–76.
7. Попов А. Н. *Отеч. война 1812 г. От Малоярославца до Березины.* СПб., 1877. С. 6.
8. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 221. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 113.*
9. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 179. С. 238–239.
10. Бессонов И. И. *Битва в Малоярославце 12 окт. 1812 г. Калуга, 1912.* С. 11–13.
11. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 222. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 114.*
12. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г. М., 1871. С. 129.*
13. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 223. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 115.*
14. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 15, 35.
15. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 71, 72.* С. 85–86, 87–88.
16. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 15–16.
17. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 78 с ком.* С. 85–86, 87–88.
18. Там же. Док. № 73, 77. С. 89.
19. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 223. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 115.*
20. Попов А. Н. *Отеч. война 1812 г. От Малоярославца до Березины.* СПб., 1877. С. 16, 100.
21. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 179, 182. С. 241–242, 246.
22. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 224. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 116.*
23. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 39.
24. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 201.*

25. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 34–35.
26. Бессонов И. И. *Битва в Малоярославце 12 окт. 1812 г.* Калуга, 1912. С. 27–28, 32.
27. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 38.
28. Колачковский К.-И. Е. *Записки о войне 1812 г.* 1911. С. 67–68.
29. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву.* М., 1911. С. 97–98.
30. Донесение Е. Богарне Наполеону // *Французы в Рос.* М., 1912. Ч. 2. С. 133.
31. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос.* М., 1943. С. 201.
32. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву.* М., 1911. С. 94.
33. Бессонов И. И. *Битва в Малоярославце 12 окт. 1812 г.* Калуга, 1912. С. 41.
34. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г.* М., 1871. С. 133.
35. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 225–226. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г.* Брюкс.-Лондон, 1863. С. 117–118.
36. Попов А. Н. *Отеч. война 1812 г. От Малоярославца до Березины.* СПб., 1877. С. 20.
37. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 40.
38. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 88. С. 98.
39. Там же. *Прил. к док. № 119.* С. 132.
40. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты.* М., 2002. С. 272.
41. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос.* М., 1968. С. 239.
42. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях.* СПб., 1841. С. 231.
43. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 49, 58.
44. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // *Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 76.
45. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву.* М., 1911. С. 101–102.
46. Гриуа Л. *Отр. из мемуаров // Французы в Рос.* М., 1912. Ч. 2. С. 149.
47. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 182. С. 246.
48. Попов А. Н. *Отеч. война 1812 г. От Малоярославца до Березины.* СПб., 1877. С. 20–21.
49. Синельников Ф. М. *Жизнь фельдм. Кутузова.* СПб., 2007. С. 258, 259.
50. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 3. С. 326, 334–336.
51. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // *Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 76.
52. *Истор. лейб-гв. Егерского полка.* СПб., 1896. Т. 1. С. 89.
53. Пирожников А. И. *Истор. 10-го пех. Новоингерманландского полка.* Тула, 1913. С. 148–149.

54. Борисов В. Е. Сыцяно А. Походы 64-го пех. Казанского полка. СПб., 1888. С. 233–234.
55. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского* // Рус. Старина. 1873. № 8. С. 159.
56. Эйлер А. Х. *Записки* // Рус. Архив. 1880. Кн. 2. С. 60.
57. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 489.
58. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 130.* С. 144.
59. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 3. С. 342.
60. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г. М., 1871. С. 137–138.*
61. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 241.*
62. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 122.* С. 136–137.
63. *Там же.* Док. № 100. С. 110.
64. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 48–49.
65. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 1. А. П. Тормасов. С. 8.
66. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 94.*
67. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 156.*
68. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 36, 40–41.
69. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 207.*
70. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 98–100.*
71. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 46–47, 50.
72. Радужицкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев, 1912. С. 100–101.*
73. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 48.
74. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912. С. 75.*
75. Гельдер Д. *Из записок // Французы в Рос. М., 1912. Ч. 2. С. 156.*
76. Попов А. Н. *Отеч. война 1812 г. От Малоярославца до Березины.* СПб., 1877. С. 18.
77. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 227.*
78. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 239.*
79. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. 18. С. 714.* Ср. с док. № 122. С. 136.
80. Шведов С. В. *О численности и потерях рус. армии в сражении при Малоярославце // М. И. Кутузов и рус. армия на II этапе Отеч. войны 1812 г. Малоярославце, 1995. С. 104.*

81. Рапп Ж. Отр. из мемуаров // Французы в Рос. М., 1912. Ч. 2. С. 145.
82. Флиз Д. Поход Наполеона в Рос. М., 1912. С. 52.
83. Гельдер Д. Из записок // Французы в Рос. М., 1912. Ч. 2. С. 141.
84. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 181. С. 244.
85. Коленкур А. О.-Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 201.
86. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 181. С. 245.
87. Дурново Н. Д. Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Дурново Н. Д. Дневник 1812. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/01.html>, 09.04.2018.
88. Жилин П. А. Отеч. война 1812 г. М., 1988. С. 292.

9.4. ПЕРЕХОД РУССКОЙ АРМИИ К ПРЕСЛЕДОВАНИЮ НАПОЛЕОНА. ВЯЗЬМА

15 (27) октября главная квартира Наполеона перешла в Верею, где к его армии присоединились корпус Понятовского, находившийся там с 11 (23) числа, и сводный корпус Мортье, прибывший из Москвы. Кутузов в это время продолжал движение к Полотняному Заводу, будучи введенным в заблуждение «ложным известием о движении неприятельской армии от Боровска к Медыни» [1]. Вина за принятие ложных данных и недоверие к рапортам генерала Платова ложится и на Ермолова, который снял свои возражения против отступления армии, но «забыл» упомянуть об этом в записках. Картина, однако, проясняется по его рапорту о движении французских войск на Медынь [2]. Удивительное дело, поскольку отступив от Малоярославца, Михаил Илларионович и Алексей Петрович как раз освободили врагу путь на Медынь и Юхнов. Такова карта этой местности, таково было мнение Толя, то же доказывали действия казачьей конницы. Намерение врага идти на Смоленскую, а не Медыньскую дорогу выдавала перехваченная записка Бертье к Сансону, присланная в главную квартиру в ночи с 13 на 14 октября [3]. Но Кутузову было выгодно слушать совершившего ошибку Ермолова и своего зятя Кудашева, маловразумительно доносившего о движении вражеских войск и на Боровск, и на Медынь [4].

Как видно, случившееся было связано не только с желанием фельдмаршала уклониться от сражения, но и с плохой разведкой местности. Алексей Петрович смущенно сообщает в записках, что

«известия от местных жителей противоречили одно другим». Развернуть Кутузова было невозможно, оставалось исправлять ошибку скорейшим движением войск. Ермолов объявляет *«волею фельдмаршала»* 2-му и 4-му пехотным корпусам Милорадовича срочно выступить от Малоярославца в Медынь [5]. Из лагеря в Детчино форсированным маршем на Медынь отправилась 26-я дивизия Паскевича. Ему переподчинили казачьи полки, находившиеся в Медыни.

Корпуса Милорадовича переместились к селу Адамовскому. За уходящим Наполеоном держался лишь Платов, достигнув Серединского (на условной линии Малоярославец-Бородино). Сама же Главная армия задерживалась. Отпустив Паскевича, Кутузов вышел в трудный переход из Детчина и Гончаровки на Полотняный Завод в ночь с 15 на 16 октября. На следующий день армии потребовался отдых. *«Кутузов и ближайший штаб его заняли огромный, каменный со всеми удобствами дом. Толь вбежал в комнату Коновницына... и вскричал: «Петр Петрович, если мы фельдмаршала не подвинем, то мы здесь зазимуем. Утомленный старичок, начав было увлекаться комфортом, наступившим вдруг после больших лишений, уступил однако необходимости. Но уже поздно было»* [6]. Это наблюдение Щербинина подтверждается негодующим Вильсоном: *«Все затруднения, которые впредь Россия испытать может, падут на главу фельдмаршала Кутузова... Я не думаю, чтобы кто другой... был виновен в отступлении от Мало-Ярославца. Дежурный генерал Коновницын и полковник Толь громче всех его осуждают»* [7].

В Полотняном Заводе было получено донесение генерал-майора Иловайского 4-го об освобождении Москвы, и возникла мысль о параллельном преследовании Наполеона, впервые высказанная Коновницыным в письме Витгенштейну о действиях под Малоярославцем [8]. То же самое, судя по записям в журнале исходящих бумаг, было отписано для Винценгероде. С учетом рисунка дорог в этой части России, это был лучший способ догнать ушедшего вперед врага. К тому же идея параллельного (флангового) преследования обещала хорошие перспективы без больших сражений. Вероятно, этой мыслью Михаила Илларионовича в поход и выпихивали.

Таким образом, параллельное преследование является естественным развитием флангового Тарутинского маневра, и окончательно определилось как способ действий русской армии в результате исправления ошибок, допущенных под Малоярославцем. Это заставляет согласиться с Н. А. Троицким, пришедшим к выводу, что никакого

«плана контрнаступления», который Кутузов будто бы выработал еще до прихода в Тарутино, у него не имелось [9]. Царский и советский военный теоретик А. А. Незнамов отмечал, что Кутузов в 1812 году использовал неклассическое, «осторожное решение». Он занял и удерживал фланговое расположение, из которого сам мог отступать дальше, но которое в то же время делало пребывание Наполеона в Москве, а затем его отступление невыносимым [10]. В. М. Безотосный указал, что до 1947 года термин «контрнаступление» к преследованию Главной русской армией Наполеона не применялся [11]. Контрнаступлением можно назвать действия Витгенштейна, Тормасова, Чичагова, но не Кутузова, своей эскортной стратегией выстроившего Наполеону «золотой» (по метафоре Вильсона), но голодный и холодный мост.

Хотя Жилин в поддержку «контрнаступательной» точки зрения ссылается на слова Окунева о моменте *«перехода в наступление, с коим она (армия) уже не расставалась до конца кампании»*, он извлек их из отредактированного издания 1912 г., а в прижизненном издании Окунева 1841 г. есть только соседняя, тоже использованная Жилиным фраза, сравнивающая важность для Наполеона сражений при Бородине и Малоярославце: *«Первое открыло ему ворота в Москву, но дало ему только бесполезный трофей; спасение его армии зависело от второго»* [12, 13]. При этом участники войны 1812 года неоднократно высказывались о движении русской армии за уходящим Наполеоном как о наступлении, или «опыте наступательного действия», но никогда в смысле заранее спланированной и ведомой Кутузовым контрнаступательной операции. Подлинная мысль Окунева звучит так: *«Наполеон сделал все для того, чтобы быть остановленным на сообщении, которое он избрал для своего отступления, и которое одно, в его обстоятельствах, представляло ему некое вероятие удачи. Не время уже ему было мечтать о победах: но должно было драться, чтобы выиграть не совсем гибельное отступление»* [14]. Остановить врага «на сообщении, которое он избрал», это контрнаступление? Очевидно, что нет.

По замечанию А. К. Байова среди условий, которые заставили Наполеона обратиться к отступлению, *«отсутствовали активные действия главной массы нашей армии»* [15], и это не позволяет говорить о наступательном плане Кутузова. Современники говорили: *«Вытеснен злодей из Москвы не армией, но бородами московскими и калужскими»* [16]. Наконец, о чем вообще может идти речь после того, как общий план операций, выработанный при Александре I и одобренный фельдмаршалом, предусматривал не контрнаступление Главной армии

(этого от Михаила Илларионовича отчаялись ждать), а стратегическое окружение силами фланговых армий? Мы можем рассматривать только вопрос о средствах, какие Кутузов избрал для исполнения Петербургского плана, а не фантазировать по подобию позднейшей Великой Отечественной войны.

Параллельное преследование является альтернативой прямому преследованию, которому подвергается разбитая в бою армия. Коль уходящий Наполеон не был разбит, его опасно было преследовать прямо, подвергаясь риску, что он обернется и нанесет контрудар. Не будучи контрнаступлением (подразумевающим решительный бой), этот маневр позволял задействовать на победу мощные факторы. *«Безостановочное отступление усиленными переходами по разоренной дороге при недостатке продовольствия внесло во французскую армию страшный беспорядок, подорвало дисциплину, привело к упадку духа до такой степени, что многие солдаты бросили свое оружие, разбрелись по сторонам дороги, отыскивая себе продовольствие и грабя собственные обозы»* [17]. Для русской же армии параллельное преследование облегчало питание и фуражировку. Это было важно, учитывая, что русские войска не успели создать в Тарутинском лагере крупных запасов. В «Отчете о действиях интендантского управления в войне против французов в 1812, 1813 и 1814 годах» Е. Ф. Канкрин пишет: *«При преследовании неприятеля начальник армии взял ту спасительную меру, что войска шли наиболее стороною от большой дороги, которую взял неприятель, почему в скоте и фураже не было чувствительного недостатка, напротив того в хлебе»* (который везли издалека) [18].

Итак, выполнять Петербургский план уничтожения Бонапарта таким образом было можно и вполне целесообразно, но только до определенного момента. Преследование должно было завершиться проявлением решимости к разгрому обессиленного врага, входом в канву общего стратегического плана. Но Михаил Илларионович продолжал пасовать, перекладывая боевую работу на других. *«Не смотря на то, что наша армия... имела право не считать его (Наполеона) непобедимым... наши военачальники не решились вести против гениального полководца наступательных операций... не решились прибегать к необходимым сильным средствам, а потому в большинстве случаев и не достигали поставленных себе задач»* [19]. Богданович заметил: *«Трудно сказать что-либо определенное на счет тогдашних видов и предположений нашего фельдмаршала... предполагаю, что Кутузов предвидел неминуемое влияние обстоятельств, в которых находилась неприятель-*

ская армия, и что в этом состояла главная заслуга его в войну 1812 года» [20]. Боевые действия, руководимые таким человеком, не могли сохранить армию и страну от тяжелых потерь, но вели к выигрышу войны при постановке нового для военного дела вопроса: о цене победы и ответственности руководителей, неспособных минимизировать народные жертвы и причиняемый врагом ущерб. А со стороны нижних чинов события выглядели даже симпатично: *«Нужно признать, что этот одноглазый старик удачлив. Неприятель обратился в бегство, не будучи разбитым. Не составляет особого труда убивать и брать в плен бегущих»*, — записал Н. Д. Дурново [21].

Невозможно было тише начать преследования: русская армия 17 и 18 октября двигалась по Медынской дороге к Верее, потеряв из виду противника и не имея сведений о нем. А французы 16 (28) октября уже достигли большой Смоленской дороги, и Бонапарт со своей гвардией остановился на ночлег в Успенском. В то время как французская армия поспешно отступала к Вязьме и частью подразделений миновала Гжатск, Кутузов остановился на ночлег в Кременском. Опять опаздывая с осмыслением идеи Коновницына и Толя, он продолжал вести свою армию за «реабилитированным» Платовым, по направлению на Можайск, что уже не позволяло ни сесть на фланг, ни пересечь дорогу Наполеону. Атаман Платов с двадцатью казачьими полками в это время вышел на Смоленскую дорогу и со всей скоростью пошел по ней на запад, настигнув хвосты отступающих колонн у Колоцкого монастыря. Богданович предполагал, будто Кутузов думал, что Бонапарт собирается отступать через Гжатск, Сычевку и Белый к Двине, но и это не объясняет, почему фельдмаршал отправился от Медыни по такому направлению, какое не позволяло догнать неприятеля, даже если бы тот отступал на Сычевку [22].

По документам прослеживается, что утром 18 (30) октября в Медыни Кутузов наконец-то умозаключает: Наполеон *«по-видимому избрал для отступления большую дорогу от Можайска через Вязьму к Смоленску»*, но продолжает двигать армию на Кременское. Уже оттуда, получив рапорт Ермолова о стремлении Бонапарта к Смоленску, он пишет нотацию Платову, чтобы тот быстрее доставлял сведения, *«ибо, не имея скорых и верных известий, армия сделала один марш совсем не в том направлении, как бы ей надлежало»* [23]. Как будто не было ясно, что от Можайска Наполеон повернет на запад, и движение на Кременское делается вредным! Только в ослепленном разуме апологетов это село могло находиться на пути в Гжатск.

Положение исправляется Коновницыным и Толем в главной квартире, Ермоловым и Милорадовичем в авангарде. Генералы убедили Кутузова, что Наполеона нельзя беспрепятственно отпустить к Смоленску, и армия может сократить путь преследования, двигаясь прямо на Вязьму, будучи при этом *«совершенно прикрыта движением авангарда»* [24]. *«Опасности ни малейшей нет, с авангардом легко она (армия) соединится, продовольствие из Серпейска, Масальска и Мещовска самое удобное»*, — настойчиво разъясняет Ермолов [25]. Уговоры и сознание, что при очередных проволочках действующий в направлении Гжатска авангард может слишком далеко оторваться от Главной армии, заставляют Кутузова поспешить. Наконец, после 11 часов пополудни 19 (31) октября, отдается приказ о движении главных русских сил наперерез отступающим французам через деревню Спас-Кузов близ слободы Шанский Завод.

Свои ошибки Кутузов, как обычно, прячет чехардой дат (документы не стыкуются, — не могла армия выступить в правильном направлении в 5 часов утра, если основанием к изменению маршрута был рапорт Ермолова, полученный в 11 часов дня) и приукрашенными донесениями: *«К государю написать, что авангард 19-го числа около Гжати, а армия в селе Спасе в направлении к Вязьме»* [26]. Но в Спас-Кузове его квартира окажется только 20-го числа, а 19-го Наполеон уже прибыл в Вязьму.

Усилив марши, фельдмаршал предписал Милорадовичу двигаться левее Большой Смоленской дороги, что приводило авангард к дефиле у Царева-Займища. Туда же вслед за французами стремился Платов. Должно было развернуться первому сражению в ходе преследования, и местность диктовала цель: отрезать наполеоновские войска, не успевшие миновать дефиле. На путь отступления растянувшейся вражеской армии делали набег партизанские отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера. Полковнику Ефремову приказано действовать в направлении между Гжатском и Сычевкой, генерал-адъютанту Ожаровскому — на Ельню к Смоленску. Такое же назначение получил партизанский корпус Винценгероде, после пленения в Москве своего командира вверенный генерал-адъютанту П. В. Голенищеву-Кутузову.

По утверждению Богдановича, в Вязьме Бонапарт получил донесения *«Сен-Сира об очищении им Полоцка, Виктора, о его движении в связи с этой неудачей от Смоленска к Двине, и от герцога Бассано (Маре) из Вильны об успехах, одержанных Чичаговым»*, что создавало

угрозу отрезать все сообщения его армии [27]. Повторимся, что эту информацию он уже знал по эстафетам. Отнюдь не ослаблением воли полководца и увеличением влияния маршалов диктовалась резкая перемена действий французского императора. В своем присутствии Наполеон продолжал культивировать полное повиновение [28]. Он потребовал представить ему данные о всех средствах в Смоленске, приказал написать Могилевскому губернатору и коменданту Витебска о заготовке для армии большого количества хлеба. Пытаясь сохранить мину победителя, он извещал их, что отступление Великой армии *«не вынужденное, а есть... маневр, сделанный с целью приблизиться на четыреста верст к армиям, действующим на флангах»*. О том же было отписано Виктору: главные силы-де, следуют для расположения на зимовку между Двиною и Днепром [29]. Реальная обстановка была иной: корсиканец понял, что русские фланговые армии сокрушат его слабые тылы. Его солдаты и офицеры страдали от изнурения, голода и холода. Первыми начали дезертировать немецкие солдаты. Атаман Платов уже 20 октября (1 ноября) докладывал: *«Немец же, ...которые здоровы и объявляют желание остаться у нас, определяю к егерям с дачею им ружей, для истребления на неприятеля»* [30].

«Прошло только семь дней с тех пор, как мы покинули Малоярославцы, а наши потери уже очень значительны. Ни соломинки нельзя найти на полях и в деревьях... Сперва легко заменяли лошадей, падавших в артиллерийских обозах и повозках, на которых лежат больные и раненые, лошадьми, освободившимися... после сожжения багажа, или теми, на которых ехали маркитанты, или даже взятыми из кавалерии; но теперь все приведены в одинаковую негодность. Их впрягают по двенадцати, пятнадцати в пушку. Малейший подъем является непреодолимым препятствием для несчастных животных. В Верее в первый раз было взорвано несколько зарядных ящиков, в Колотском монастыре в первый раз разбили и бросили пушки. Каждый день что-нибудь приходится бросать, чтобы спасти хотя бы часть артиллерии. Положение людей столь же мало утешительно. Укого нет повозок, у тех провизия уже истощилась... на их долю остается только мясо лошадей, павших от голода, усталости и истощения. Кто не желает довольствоваться этой пищей, те уходят от войск вглубь страны и редко возвращаются. С пренебрежением теперь смотрят на драгоценные камни и вещи, на кожи или меха, которыми можно покрываться, и пища в каком бы то ни было виде, не имеют цены. Страшные биваки! Ужасные ночи! Очень много людей больных, раненых или слишком слабых для того, чтобы сле-

довать за войском, начинают отставать... Бог знает, какова будет их участь!» — записал в своем дневнике Ц. Ложье [31].

21 октября (2 ноября) Милорадович догнал неприятеля и предположил сосредоточить свои силы (5 пехотных дивизий из состава 2-го, 4-го и 7-го пехотных корпусов, 2-й и 4-й кавкорпуса, 5 казачьих полков, 9 рот артиллерии) [32, 33], чтобы отрезать арьергард французской армии у Царева-Займища, но не сумел добиться надежного управления войсками. Себя досрочно обнаружила 4-я пехотная дивизия принца Вюртембергского. К ее правому флангу пристроилась 26-я дивизия Паскевича. Началась перестрелка. Время для боя было неудобное, опускались сумерки. Французы, вместо того, чтоб остановиться на отдых и попасть в заготовленный для них мешок, ускорили движение по дороге и в темноте справа от нее.

Как эти события наблюдались из походной колонны Главной армии, описано в письме Вильсона лорду Кэткарту: *«Вся Можайская дорога была покрыта дымом; мы видели несколько фур с порохом, взорванные на воздух, и слышали канонаду в параллельной линии с здешнею деревнею, но нам остается еще 50 верст до Вязьмы. И я опасаюсь, что мы не успеем вовремя. Армия была весь нынешний день без пищи, и я боюсь, что то же случится и завтра, потому что фуры с провизией оставлены весьма в дальнем расстоянии; но войска переносят всякую нужду с удивительным мужеством. Как жалко, что они имеют такого начальника... что столь много крови должно быть еще пролито для одержания частных успехов, когда вся и полная добыча в руках их уже находилась»* [34].

К вечеру того же дня 21 октября Кутузов с главными силами дошел до Дубровы в 27 верстах от Вязьмы, а французский арьергард (корпус Даву) миновал дефиле у Царева-Займища, расположившись у Федоровского. В самой Вязьме находился корпус маршала Нея, долженствовавший сменить усталых солдат Даву в арьергарде. Установившие контакт между собой Милорадович и Платов (в его отряде находился и Ермолов) условились назавтра атаковать неприятеля у Федоровского. Расчет генералов был прежний: отрезать и уничтожить корпус Даву, сковать боем те французские силы, которые будут высланы ему на помощь, и разбить их с помощью войск Главной армии. Для поддержания этого нападения Кутузов отрядил генерала Уварова с обеими кирасирскими дивизиями, Тульским казачьим полком и двумя гвардейскими конными батареями [35]; сам же перешел из Дубровы к селению Быкову в 10 верстах от Вязьмы.

22 октября (3 ноября) силы французов на участке от Федоровского до Вязьмы составляли до 37 тыс., а Милорадович и Платов имели до 25 тыс. чел. Зато у них было 6,5 тыс. регулярной и иррегулярной кавалерии, усиленной 2 тыс. кирасир. Как только Богарне заметил движение русской кавалерии на путь отступления Даву, он остановил свои колонны и построил их к бою у Мясоедова; за ним двигались возвратившиеся от Вязьмы войска Понятовского и остатки французской резервной кавалерии. Развернулось довольно крупное сражение, в которое были вовлечены 4-я, 11-я, 17-я и 26-я русские пехотные дивизии. Разгрома враг избежал вследствие упрямого нежелания Кутузова действовать решительно. Он приказал *«сойти с большой дороги и расположить войска в параллельном ей направлении»*, и этим сорвал окружение войск Даву. Вместо него произошла перестрелка между идущими по дороге французами и войсками 4-й и 11-й пехотных дивизий. Французские корпусные командиры, которым было даровано соединиться, *«вице-король, Понятовский и Даву, съехавшись на совещание, решили... не вдаваться в упорный бой и отступить со всевозможною поспешностью»* [36].

Милорадович, не видя другой возможности отрезать движение неприятелю, решился атаковать его с фланга всеми своими силами, введя в бой 17-ю дивизию. 26-я дивизия усилила натиск на французов с тыла. 4-й пехотный корпус направился навстречу войскам Богарне, подкрепленным дивизией Разу из корпуса Нея. Русские кавалерийские корпуса следовали за пехотными дивизиями, казаки Платова устремились вправо от большой дороги, обходя французский фланг. Потерявшая подвижность наполеоновская артиллерия *«противу прежнего действовала слабо и неудачно»* [37]. То же самое подтверждает противник: *«Дурное состояние наших лошадей задерживает движение артиллерии»* [38].

Даву сумел достичь занятой Богарне позиции между хутором Рибопера и селением Ржавец. Преодолевая расстройство своих войск, он стал пристраиваться к боевому порядку корпуса Богарне. Генерал Милорадович атаковал этот рубеж всеми войсками своего авангарда и отряда Платова. После непродолжительного боя французы отступили к Вязьме. В это время генерал Уваров с двумя кирасирскими дивизиями и лейб-уланами сдерживал от ввода в бой большую часть корпуса Нея, ограничиваясь канонадой с дальнего расстояния из-за речки. Такая помощь вызвала ядовитые замечания о том, что его движение на периферию сражения было предпринято лишь для

того, чтобы Кутузов мог написать в реляции, что Главная армия тоже была в деле.

Расположившись на высотах впереди Вязьмы, французы обнаружили стремление упорно обороняться: *«Холод увеличивается, истощение солдат, еще ничего не евших, таково, что многие падают в обморок; другие почти не в состоянии нести оружие, но тем не менее желают боя, чтобы согреться, а может быть надеются найти смерть, которая избавит их от этой долгой агонии»* [39]. Превосходство русских орудий с фронта и обход флангов конницей заставили врага отступить. Милорадович, видя высочайший порыв войск, отдал приказ к штурму Вязьмы. Вскоре 11-я пехотная дивизия генерал-майора П. Н. Чоглокова с распущенными знаменами и барабанным боем вошла в город, на ходу обезвреживая брошенные в качестве мин горящие зарядные ящики [40]. С другой стороны ворвались в Вязьму партизаны Сеславина и Фигнера. Русские живо прошли пылающие кварталы, заняв окраину у смоленской заставы. Противник не обнаруживал желаний контратаковать, войска Милорадовича и Платова расположились на биваках между городом и деревней Крапивною. Французские корпуса, отойдя на несколько верст от Вязьмы, тоже стали на биваках в обширном лесу. Утрата города для постоя была для них весьма огорчительна.

Урон французам в Вяземском сражении по русским данным достиг 4 тыс. убитыми и ранеными, до 3 тыс. пленными, среди которых генерал Пелетье и более 30 штаб и обер-офицеров. Было захвачено 3 орудия и 1 знамя. Таковы же французские сведения о потерях: свыше 4000 бойцов, и много солдат разбежалось [41]. С русской стороны успех был оплачен жизнями и увечьями 1800 чел. Главнокомандующий Кутузов, как обычно, представил Александру I завышенные данные о потерях врага и заниженные о своих: *«Потеря неприятеля простирается убитыми и ранеными до 6000, в плен взято 2500... С нашей стороны урон убитыми и ранеными не более 500 человек»*. И сверх того приписал, что за 23–24 октября было *«взято в плен более 1000 человек, кроме раненых и больных»* [42].

Вязьма стала первым безусловным поражением наполеоновских войск. Для самых ревностных почитателей Бонапарта не осталось сомнений, — кампания проиграна. Один из командиров полков в корпусе Нея, Фезенсак, вспоминал: *«4-й и 1-й корпуса проходили через наши ряды в величайшем беспорядке. Мне и в голову не приходило, чтобы они пострадали и расстроились до такой степени»* [43]. Вязем-

ский бой существенно ухудшил моральное и физическое состояние французской армии. На следующий день лишился первых восьми тяжелых 16- и 24-фунтовых пушек не участвовавший в бою Вюртембергский корпус. Было приказано забить орудиям жерла и распилить лафеты [44].

Вместе с тем Богданович утверждал: *«Нельзя не сознаться в том, что Наполеон на месте Кутузова не стал бы строить противнику «золотого моста», а дал бы под Вязьмой генеральное сражение, и судя по относительной силе обеих сторон, одержал бы решительную победу. Но наш полководец... руководился иными расчетами, и, действуя осторожно, надеялся одержать менее блестящие, но зато более верные успехи... Он так был уверен в непогрешимости своего плана действий, что ни представления состоявшихся при нем Коновницына и Толя, ни записка, полученная им от Ермолова, о необходимости движения армии к Вязьме, не побудили его к преграждению пути Наполеону. Впоследствии расчет старого фельдмаршала оказался ошибочным: наша армия, преследуя неприятеля в суровое время года... понесла такой урон в людях, какой она едва бы могла потерпеть в генеральном сражении. Наполеонова армия была почти совершенно уничтожена, но сам он, все его маршалы и кадры неприятельских корпусов успели уйти за Неман, и этого было довольно... для упорной борьбы с новой коалицией в продолжение трех кампаний. Итак, — сознаемся, Кутузов ошибся в своем расчете... Его донесения государю темны и неопределительны: таков именно рапорт о причинах, не позволивших главным силам его принять участие в сражении под Вязьмою»* [45].

В других источниках тоже можно найти строки, показывающие, чего стоило русской армии затягивание кампании: *«К 1-му ноября существовало только название полка, а нижних чинов в нем было на одну роту; рядовых оставалось всего 115 человек, и этими рядовыми командовали два штаб-офицера, двенадцать обер-офицеров при сорока одном человеке унтер-офицеров и музыкантов, и семидесяти одном человеке нестроевых нижних чинов. По приведенным цифрам можно судить, как велики были лишения, выпавшие на долю русского солдата, преодолевать которые отказывались и железное здоровье русского человека и много-терпеливая русская натура нашего простого народа»* [46].

По французской традиции освещения событий при Вязьме их силы вели бой не с Кутузовым, а с Милорадовичем, которого называли *«русским Мюратом»* [47, 48]. Польский генерал Колачковский также сообщает: *«4 соединенных корпуса (Даву, Нея, Богарне и Поня-*

товского. — А. Д.) имели сражение с корпусом генерала Милорадовича» [49]. И этому взгляду на вещи, по большому счету, нечего возразить.

В драматическом изложении де Сегюра: «Милорадович, чувствуя, что добыча ускользает, попросил подмоги. Тут снова явился Вильсон, находившийся всюду, где он мог повредить Франции, — он отправился звать на помощь Кутузова. Он застал этого старого полководца отдыхающим со своей армией под шум битвы. Пылкий Вильсон тщетно пытался нарушить спокойствие Кутузова... объявив ему, что немедленно один из его англичан отправится в Петербург заявить императору и союзникам о его измене. Эта угроза несколько не тронула Кутузова: он по-прежнему оставался в бездействии» [50].

В будничном описании русского артиллериста: «На последнем переходе до Вязьмы слышна была во весь день пушечная канонада, становившаяся по мере приближения к Вязьме все сильнее и сильнее. Мы однакож двигались обыкновенным порядком и днем отдыхали. Говорили, что генерал Милорадович напал на французов, и так как выстрелы все подавались вперед, то заключали из этого, что успех на нашей стороне» [51].

В грустном повествовании от Ермолова: «От имени фельдмаршала получил я письмо полковника Толя, в котором чувствительно было негодование за настойчивость моих представлений... Нам известно было, что фельдмаршал стоял с армией в близком расстоянии, но с места не двигался... видел я генерала Беннигсена, который говорил мне, что армия наша недалеко, что он здесь любопытным зрителем происшествий. В то же время проезжал Коновницын, но в звании дежурного генерала ни во что не вмешивался... Если бы стоявшая вблизи армия присоединилась к авангарду, на первой позиции был бы опрокинут неприятель; оставалось большое пространство для преследования; могли быть части войск совершенно уничтоженные, и гораздо прежде вечера город в руках наших. С превосходством сил наших нетрудно было отбросить часть неприятеля на Духовщину и всегда предупреждать ее на худой дороге при следовании к Смоленску» [52].

По раздраженному рассказу Левенштерна: «Кутузов... не тронулся с места с главными силами армии, которые находились всего в 5 или 6 верстах от Вязьмы. Он слышал канонаду так ясно, будто она происходила у него в передней, но не смотря на настояния всех значительных лиц главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя, который мог бы иметь последствием уничтожение большей части армии Наполеона и взятие нами в плен маршала и вице-короля... Генералы и офицеры роптали или жгли бивуаки, чтобы доказать, что они более не

нужны; все только и ждали сигнала к битве... Ничто не могло побудить Кутузова действовать; он рассердился даже на тех, кто доказывал ему, до какой степени неприятельская армия была деморализована: он прогнал меня из кабинета за то, что, возвращаясь с поля битвы, я сказал ему, что половина французской армии сгнила, что от нее дурно пахло, и что после ее прохода оставался особый запах, который наши солдаты прозвали французским запахом. Он упорно считал все эти донесения преувеличенными и по-прежнему верил в Наполеона, верил в его обаяние и в его хорошо организованную армию... Видя по всему, что происходило на моих глазах в главной квартире, что там нечего было делать, как только есть, пить и жить в безопасности от выстрелов, я просил фельдмаршала позволения отправиться к авангарду. Он отказал мне в этом с досадою, сказав, что все не могут служить в авангарде, и что он хорошо сумеет вознаградить усердие тех лиц, которые разделяют его труды» [53]. Очень, видно, хотелось Михаилу Илларионовичу привлечь на свою сторону адъютанта Барклая.

По фаталистическому изложению уже переболевшего яростью Вильсона: «Если бы мы первоначально взяли надлежащее направление, то... добыча, конечно, не была бы так драгоценна, как при Мало-Ярославце, потому что Бонапарте сам уже тут не находился; но 50000 человек должны были нам сдаться в непродолжительном времени... либо принять отчаянное намерение пробиваться сквозь превосходную армию, в наилучшей позиции находящуюся и благоприятствуемую всеми обстоятельствами» [54].

Грубым просчетом назвал действия главнокомандующего Сеславин: «Боже, дай, чтоб не было ошибки, подобной в Вязьме» [55]. Щербинин и Окунов считали причиной этой ошибки промедление при Полотняном Заводе и Кременском: «Только часть неприятельского войска была достигнута 22 октября у Вязьмы, и по несосредоточению наших сил не могла быть остановлена» [56]. «Стратегическая ошибка его (Кутузова) в Малом Ярославце, поставила его в невозможность прибыть благовременно к месту сражения» [57]. Вступать в бой с ходу Михаил Илларионович не хотел и не умел. Соответствующий раздел тактики для него был самым недоступным.

Бенкендорф полагал, что результаты Вяземского боя должны были толкнуть Кутузова к усилению преследования врага, вплоть до перехода всей армии в прямое преследование: «Несомненно, армия Наполеона растаяла бы до вступления в Смоленск, если бы фельдмаршал Кутузов ускорил преследование и ежедневно вводил в серьезный бой

линейные войска вместо того, чтобы возложить эту задачу на алчных казаков» [58]. Трудно судить о его правоте, — идея продолжения параллельного преследования с проходом за Смоленск через Ельню тоже была плодотворна, да и кормить Главную армию на Смоленской дороге было нечем; но вот отзывать с большой дороги весь авангард Милорадовича, как это вскоре произошло, вероятно, не стоило.

Шанс серьезно ослабить Бонапарта еще на подходе к Смоленску был упущен, что Кутузов оправдывал утомлением своих войск и «ложными известиями... произошедшими от самих казаков», которые «впали в сие недоразумение невинным образом» [59]. Это объяснение, к которому он припел расстройство вымышленного намерения Наполеона идти в Малороссию, фельдмаршал решил дать царю только после битвы под Красным. Михайловский-Данилевский, развивая фантазии своего патрона, обвинил еще и Милорадовича, в штабе которого забыли вложить донесение о готовящейся атаке авангарда в «конверт» и «генерал Коновницын нашел его пустым» [60]. Однако, бумажный конверт был придуман в 1820 году Брюером, а до этого корреспонденцию писали на бумаге, складывали ее текстом внутрь и печатавали, так что нельзя было указанным образом потерять письмо. Пустая выдумка, все одно ясно, — Кутузов был извещен о замысле боя под Вязьмой. Успел же он прислать кирасир и приказать авангарду не становиться у французов на дороге! Возможно, воображение писателя напитали картины канцелярии Кутузова, в которой он сам «варился». Известен случай, когда скороспелый протеже Михаила Илларионовича, капитан Брозин, перепутал бумаги, отправляемые Витгенштейну и Чичагову, за что «Витгенштейн вымыл голову Брозину» [61].

Бутурлин, создававший свою «Историю нашествия императора Наполеона на Россию» по горячим следам событий, выразился кратко: «Князь Кутузов, не хотевший завязать общего дела с неприятелем, остановился при деревне Быковой, где и занял свою главную квартиру». В отличие от Богдановича, Бутурлин оправдывал действия главнокомандующего избеганием лишних потерь, но и он не мог молчать об упущенных выгодах: «За поражением французов неминуемо последовала бы конечная гибель их армии» [62]. Нетрудно понять, что воззрения Бутурлина ошибочны: русский авангард все равно вел упорный бой и нес повышенные утраты без надлежащего подкрепления; с военной точки зрения лучше было решительно подержать его, понеся ту же потерю в обмен на уничтожение двух французских корпусов. Фран-

цузам нечего было ответить на выдвижение в бой сотен пушек Кутузова. Поэтому Окунев предпочел не анализировать ход битвы (чтобы не подорвать свой же тезис о невозможности для Кутузова прибыть к ней), и сказал только: *«Два отважные воина противопоставлены один другому: генерал Милорадович и маршал Даву»* [63].

Прочим панегиристам осталось только комкать описание Вяземского боя и бросать фразы типа: *«Спокойны и величавы были действия кн. Кутузова»* [64]. Как черти ладана бояться они упоминания сурового императорского рескрипта от 30 октября, не допущенного в советский сборник документов и материалов Кутузова: *«Князь Михаил Ларионович! Получил Я донесения ваши до 24-го октября; с крайним сетованием вижу Я, что надежда изгладить общую скорбь о потере Москвы, пресечением врагу возвратного пути, совершенно исчезла. Непонятное бездействие ваше после счастливого сражения 6-го числа перед Тарутиным... и ненужное и пагубное отступление ваше, после сражения под Малым-Ярославцем, до Гончарова, уничтожили все преимущества положения вашего, ибо вы имели всю удобность... под Вязьмою... отрезать... путь трем корпусам: Давуста, Нея и вице-короля, сражавшихся под сим городом. Имев столь превосходную легкую кавалерию, вы не имели довольно отрядов на Смоленской дороге, чтобы быть извещенны о настоящих движениях неприятеля, ибо в противном случае вы бы уведомлены были, что 17-го числа Наполеон с гвардиею своею уже прошел Гжатск. Ныне сими упущениями вы подвергли корпус графа Витгенштейна очевидной опасности, ибо Наполеон, оставя перед вами вышеупомянутые три корпуса, которые единственно вы преследуете, будет в возможности с гвардиею своею усилить бывший корпус Сен-Сира и напасть превосходными силами на графа Витгенштейна... Все несчастья, от сего простечь могущие, останутся на личной вашей ответственности»* [65].

Зато на бумаге Михаил Илларионович воевал лучше Витгенштейна, Чичагова и Милорадовича вместе взятых, с помощью похвалы и фаворитов делая себе рекламу: *«Неприятель бежит из Москвы и мечется во все стороны, и везде надобно попевать»; «я первой генерал, перед которым Бонапарте так бежит»; «армия неприятельская бежит так, как никогда и никакая армия не отступала, бросая все тяжести, больных и раненых. Следы его ознаменованы ужасом»; «Бонапарт... бежит передо мной на протяжении трехсот верст, как школьник от своего учителя»*. Понимая, что хватил лишку, после последней фразы «учитель» приписывает: *«Но довольно, боюсь возгордиться»* [66].

Для подтверждения успехов в боевые трофеи записывалось все брошенное французами, включая собранные на Бородинском поле русские орудия. Бой Платова с арьергардом Даву при Колоцком монастыре 19 (31) октября *«был незначительный, Даву ответил на атаки врага артиллерийским огнем и продолжал свой путь»* [67]. У французов не было отбито ни одной пушки. Но Кутузов, нуждающийся в демонстрации своих побед, более 10 раз в рапортах и переписке перевозит «поражение французов» у монастыря, насчитывая сначала 20, а потом 27 трофейных орудий и 2 знамени, кои *«поверг к стопам»* Александра I [68]. Однако же в «Подробном журнале исходящих бумаг» его собственной канцелярии читаем, откуда эти пушки взялись: *«Унтер офицер Иван Фридрих Бем прусской службы показывает, что он помогал зарывать при Колоцком монастыре 27 орудий, большую частью русских... из коих многие заклепаны»* [69].

Действуя таким некорректным образом, Михаил Илларионович к концу октября 1812 года насчитал 209 взятых в бою пушек [70]. Как видно из подлинных документов, в основном это были непригодные к бою орудия, которые оставлялись русской армией на том же месте, где она их «отбила». Царь, подозревая такой обман, 9 (21) ноября предписал своему полководцу отправить все трофейные орудия в Москву. У армейского штаба и Смоленского губернатора начались заботы об их розыске и приведении в порядок, что видно из письма главкома П. Н. Каверину, записок Коновницына в адрес Ермолова и капитана Фаустова [71]. Скоро, однако, наполеоновская армия будет доведена до крайности, и начнет бросать исправные пушки десятками. Это покроет кутузовские «шалости» с приписками, а заодно подтвердит масштабы его собственных, сентябрьских потерь. По «Ведомости о собранных огнестрельных оружиях и вещах» от 24 декабря 1812 года значатся 394 орудия (без учета брошенных французами до Вязьмы), 81 из которых оказались русскими [72].

Вязьма стала рубежом, с которого трудное положение французов переросло в трагедию. Совпали три фактора: удар русских войск, полное истощение взятого из Москвы продовольствия и ухудшение погодных условий. По словам Ермолова: *«В Вязьме последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас повсюду и в самих нас уважение. Еще видели мы искусство их генералов, повиновение подчиненных и последние усилия их. На другой день не было войск, ни к чему не служила опытность и искусство генералов, исчезло повиновение солдат, отказались силы их, каждый из них более или ме-*

нее был жертвою голода, истощения и жестокости погоды» [73]. По признанию Вильсона: «Поведение фельдмаршала приводит меня в бешенство; со всем тем много уже сделано и будет сделано гораздо более, потому что неприятелю предстоит еще дальнейшее расстояние. Нет сомнения в том, что никогда еще французское оружие при Бонапарте не терпело такового поражения и посярмления, и военная его репутация совершенно погибла» [74].

Удивленно наблюдая катастрофу Наполеона, главными причинами которой были крайняя заносчивость и стратегическая близорукость «гиганта», Кутузов пишет: «Я много думаю о Бонапарте, и вот что мне показалось. Если вдуматься и обсудить поведение Бонапарта, то станет очевидным, что он никогда не умел или никогда не думал о том, чтобы покорить судьбу. Наоборот, эта капризная женщина, увидев такое странное произведение, как этот человек... из чистого каприза завладела им и начала водить на помочах как ребенка. Но увидев спустя много лет и его неблагодарность, и как он дурно воспользовался ее покровительством, она тут же бросила его» [75].

1. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 51.
2. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 90, 105. С. 100, 120–121.*
3. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 49–50.
4. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 110, 111. С. 122–123.*
5. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 226–227. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюсс.-Лондон, 1863. С. 119.*
6. Щербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 228.*
7. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 191. С. 263.*
8. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 125. С. 139.*
9. Троицкий Н. А. *Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 252.*
10. Незнамов А. А. *Оборонительная война. СПб., 1909. Ч. 1. Стратегия. С. 111.*
11. Безотосный В. М. *Значение событий под Малоярославцем в 1812 г. // События Отеч. войны 1812 г. на тер. Калужской губ. Малоярославец. 1993. С. 19–20.*
12. Жилин П. А. *Гибель наполеоновской армии в Рос. М., 1968. С. 240.*
13. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 212, 217.*

14. Там же. С. 213.
15. Байов А. К. Курс истор. рус. воен. иск-ва. СПб., 1913. Вып. 7. Эпоха имп. Александра I. С. 467.
16. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 193. С. 266.
17. Байов А. К. Курс истор. рус. воен. иск-ва. СПб., 1913. Вып. 7. Эпоха имп. Александра I. С. 460.
18. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. № 15. С. 703.
19. Байов А. К. Курс истор. рус. воен. иск-ва. СПб., 1913. Вып. 7. Эпоха имп. Александра I. С. 467.
20. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 331.
21. Дурново Н. Д. Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Дурново Н. Д. Дневник 1812. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/01.html>, 09.04.2018.
22. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 52, 60–61.
23. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 145, 149. С. 159, 162.
24. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 61.
25. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 73.
26. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2, резолюция к док. № 147. С. 161.
27. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 66.
28. См. напр.: Тучков П. А. Мои воспоминания о 1812 г. // Рус. Архив. 1873. № 10. С. 1961.
29. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 66–67.
30. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 84.
31. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 235–238.
32. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 222. С. 223.
33. Писанко А. А. Вяземский бой 22 окт. 1812 г. М., 1912. С. 3.
34. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 194. С. 268–269.
35. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 179. С. 184.
36. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 75.
37. Радужицкий И. Т. Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев, 1912. С. 109.

38. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 241.*
39. Там же. С. 242.
40. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 2. П. Н. Чоголков. С. 5.*
41. Руа Ж. Ж.-Э. *Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в Рос. СПб., 1912. С. 60.*
42. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 193. С. 202.*
43. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 79.*
44. Роос Г. У. *С Наполеоном в Рос. СПб., 1912. С. 95.*
45. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 81–83.*
46. Пирожников А. И. *Истор. 10-го пех. Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 150.*
47. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 114.*
48. Руа Ж. Ж.-Э. *Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в Рос. СПб., 1912. С. 60.*
49. Колачковский К.-И. Е. *Записки о войне 1812 г. 1911. С. 70.*
50. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 116.*
51. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г. М., 1871. С. 140–141.*
52. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 229–233. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 121–125.*
53. Левенштерн В. И. *Записки // Рус. Старина. 1901. № 1. С. 123–124.*
54. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 195. С. 270–271.*
55. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 207. С. 212.*
56. Щербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 228.*
57. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 239.*
58. Бенкендорф А. Х. *Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 128.*
59. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 335. С. 321.*
60. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 3. С. 380–382.*
61. Щербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 227.*
62. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 72, 74–75.*
63. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 233.*
64. Попов А. Н. *Отеч. война 1812 г. От Малоярославца до Березины. СПб., 1877. С. 65.*

65. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 214. С. 303.
66. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 142, 168, 192, 245. С. 157, 178, 198, 243.
67. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии.* М., 1912. С. 231.
68. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 164, 172, 181, 192, 220. С. 176, 181, 186, 197, 220 и др.
69. *Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г.* // *Тр. Моск. отд. ИРВИО.* М., 1912. Т. 2. С. 163.
70. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 254. С. 252.
71. *Там же.* Док. № 253, 282, прил. к док. № 290. Док. № 312. С. 251, 272, 278–279, 300.
72. *Отеч. война 1812 г. Мат.* ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 300.
73. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826.* М., 1991. С. 233. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г.* Брюс.-Лондон, 1863. С. 125.
74. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 197. С. 274.
75. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 255. С. 253.

Глава 10

ВОЗМЕЗДИЕ

10.1. СМОЛЕНСК И КРАСНЫЙ. ПЕРВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОКОНЧИТЬ С НАПОЛЕОНОМ

Наполеон выехал из Вязьмы накануне боя, и 23 октября (4 ноября) прибыл в Славково, в 115 верстах от Смоленска. Там он получил известие о вяземском деле, которое заставило его простоять на месте в предположении устроить засаду между Славковым и Дорогобужем для нападения всеми силами на преследовавшие его русские войска. Но состояние французской армии делало любой активный план нереальным, и Бонапарт был вынужден отказаться от этого намерения [1]. Все продукты и фураж, взятые с собой из Москвы (15 суточных дач) закончились: *«Солдатам объявили, как и прежде, при выдаче водки, что им выдаются последние запасы, с которыми им придется дойти до Смоленска, где они встретят большие магазины»*. Резко упала температура до 12 градусов мороза и ниже, поднялся ветер и пошел снег, выпав слоем в фут глубиной [2].

До Смоленска разным корпусам армии надо было пройти от 120 до 180 верст при световом дне менее 9 часов. Это было испытание на пределе сил человеческих. От стужи и недоедания росли болезни. *«Несчастные, дрожа от холода, тащились с трудом до тех пор, пока ком снега прилипший к их ногам, или какой-нибудь обломок, ветка или труп одного из товарищей не заставлял их поскользнуться и упасть. Тогда они напрасно принимались стонать — скоро их заносило снегом, и первое время эти тела можно было еще различать: они имели вид небольших бугорков, прикрытых снежной пеленой. Вся дорога была покрытой этими возвышениями, словно кладбище... Все, вплоть до нашего оружия, обратилось против нас. Это оружие в окоченелых руках наших солдат сделалось невыносимой ношей. Падая, они роняли его, оно ломалось или терялось в снегу... На другой день расположенные кругом окоченевшие трупы солдат указывали на место нашего бивуака, а рядом валялось несколько тысяч околевших лошадей»* [3].

Чрезвычайно распространилось воровство в поисках продуктов питания. Груз из сломавшихся или застрявших на дороге телег тут же

растаскивался солдатами, большая часть его портилась. Необходимая для боя солдатская спайка исчезала на глазах, постоянно возникали ссоры и драки. Дисциплина и человечность покидали даже морально безупречную гвардию [4, 5]. *«Неурядицы и отсутствие дисциплины вкрались в шеренги и каждый, без всякого приказа, начал собственноручно добывать себе фураж и припасы. Ежеминутно были видны одиночные солдаты, глухие к приказаниям офицеров, отрывавшиеся от своих батальонов... Вскоре и офицеры последовали примеру солдат и стали думать только о себе»* [6].

Наполеон, прекрасный тактик поля боя, оказался никчемным колонновожатым и стратегом, толкнувшим свою армию за грань выживания. Если ему не был вынесен французской историей приговор как авантюристу и губителю национальных сил, то лишь вследствие неодолимого ханжества, которым французская сторона, как и русская, никогда не была обделена. Знали же французы: *«В этих широтах подобное положение вещей продолжается без малого почти пять месяцев. Сами русские... заранее готовятся к этой перемене: лошади их подкованы, их телеги, кибитки... а также и пушки артиллерийского парка помещаются на полозья; казачьи полки тотчас же разбились на легкие отряды, каждый с небольшим количеством пушечных лафетов на санях. Во французской же армии... ничего не было заготовлено для этого времени года... Вследствие этого пришлось потерять большую часть оставшейся налицо кавалерии и лишиться почти всей артиллерии и почти всего обоза. Повсюду в то время можно было видеть разбросанными по дороге драгоценные вещи, из-за которых в Москве было немало ссор во время грабежа... Вскоре даже внешний вид дороги стал способным внушать ужас: она вся была усыпана лошадиными и человеческими трупами и покрыта жалкими толпами несчастных, с трудом тащившихся вслед за армией»* [7].

Все, чем мог помочь Бонапарт своим людям, — раздать ручные мельницы, *«чтобы молоть хлебные зерна, если таковые найдутся; но так как молоть было нечего, а машины были тяжелые и ненужные, то от них избавились через какие-нибудь сутки»*. Ужаснее всего приходилось русским военнопленным, которых в большом количестве вели на запад: *«Тут подошел к нам погреться один португальский унтер-офицер... ему поручено с отрядом конвоировать от 7 до 8 сот русских пленных, которые, не имея чем питаться, были принуждены поедать друг друга, т.е., когда один из них умирал, другие резали его на куски и съедали. В подтверждение своих слов он предложил мне посмотреть*

самому; но я отказался» [8]. Пленных, не могущие следовать за армией, расстреливали на переходах [9]. Часто на них не тратили патроны, разбивая головы прикладами.

В Семлево захватчикам пришлось бросить в Семлевское озеро взятую из Москвы крупную добычу: *«старинное оружие, украшения Кремля и крест с Ивана Великого»* [10]. Тяжелыми потерями ознаменовался переход через Дорогобуж, под которым часть армии заплутала, оказавшись в окружении казаков Платова. 25 октября (6 ноября) главная квартира Наполеона была перенесена в Михалевку. Там его ждал двойной удар. Сначала было получено донесение маршала Виктора о сражении при Чашниках и дальнейшем отступлении под натиском Витгенштейна, а затем пришло сообщение из Парижа о заговоре генерала Мале. Наполеон был поражен тем, что слухи о его смерти едва не разрушили в один день положения верного ему французского правительства [11, 12].

Следующий день не стал облегчением. К императору явился полковник Дальбиньяк, адъютант маршала Нея (после Вязьмы его корпус заменил в арьергарде потрепанный корпус Даву) с письмом, что командующий арьергардом слагает с себя всякую ответственность; его солдаты доведены до крайности и не хотят сражаться, видя брошенные по дороге пушки. Бонапарт повелел передать Нею первый обоз с провизией, высланный навстречу армии Смоленским губернатором Шарпантье и потребовал продолжать прикрытие отступления [13]. Наконец, 28 октября (9 ноября) гвардия во главе с Наполеоном добралась до Смоленска. Ради этого корпус Нея буквально принесли в жертву. Нею сделал даже больше сил человеческих, но не ему, а Кутузову Бонапарт был обязан своим успехом. На сей раз «спаситель», дабы не вступать в сражения, склонился к мнению Толя, полагавшего, что *«Наполеон, не имея возможности остановиться в Смоленске, будет стараться... сойти с разоренной столбовой дороги и отступить по другому направлению. Для этого могла служить ему дорога из Дорогобужа через Ельню и Мстиславль, к Могилеву, на которой уже стояла у Ельни дивизия Бараге-д'Ильгера. По мнению Толя, надлежало нам не допустить неприятеля на сей путь, и вернейшим средством к тому казалось движение нашей армии от Быкова на Ельню»* [14].

Догадка была неверной. После свирепой недельной голодовки Наполеон рвался к смоленским складам, выбора у него не было, подножный корм захватчиков не спасал. Но главные русские силы отправились к Ельне, а вскоре был отозван по тому же направлению

Милорадович: *«Ваше превосходительство можете еще со вверенным вам авангардом преследовать неприятеля, не доходя до Михалева, откуда фланговым маршем влево стараться в два марша присоединиться к армии»* [15]. Французов остались преследовать лишь казаки Платова и партизаны. Так была упущена возможность уничтожить под Дорогобужем заблудившийся 4-й корпус Богарне, едва сумевший перебраться через реку Вопь. Наполеон якобы приказал корпусу идти к Витебску на помощь генералу Пуже, но трудно понять такое невыполнимое распоряжение. Платов, окруживший Богарне своими слабыми силами, взял в плен 3000 чел., включая генерала Сансона, французами было брошено 62 пушки. Нетрудно догадаться, что могли бы сделать русские регулярные войска. Исходящая корреспонденция Кутузова буквально взрывается сообщениями о славной победе [16]. Журнал военных действий продолжает наполняться чем угодно, только не боевыми делами Главной армии. По словам Колленкура русские *«преследовали нас так слабо, беспокоили нас в походе так мало, что на них смотрели, как на людей, нуждающихся в отдыхе не меньше нашего»* [17].

Во что обошелся наполеоновским воякам голодный и холодный марш от Можайска до Смоленска, описал фон Лоссберг, полк которого считался одним из лучших в благополучном корпусе Жюно, и за время отступления ни разу не участвовал в боях: *«После тщательной проверки я убедился, что полк насчитывает теперь только 302 чел.; следовательно, он потерял, со времени выступления из Можайска, более 655 чел., из коих, наверно, большинство уже умерло. При оставлении нами сегодня бивуака, опять остались там лежать 40 человек, которым я не могу подать ни малейшей помощи. Таким образом, полк не мог пройти даже ни одного часа, не теряя на марше нескольких человек»*. За пять дней с 5 по 10 ноября он оценил убыль состава корпуса с 3000 до 1800 солдат [18]. И все же, для разгрома нашествия этих бед было мало.

В то же время Кутузов много внимания обращает на хозяйственную часть своей армии, снова начавшей ощущать нехватку продовольствия: *«Помимо опасности, коей мы подвергались со стороны неприятеля, нам приходилось бороться с холодом, голодом и всевозможными лишениями. Мы прятались друг от друга, чтобы съесть какой-нибудь жалкий сухарь и запить его отвратительнейшей водкой»* [19]. Фельдмаршал определяет меры по сбору продовольствия с жителей, требует ускорения доставки сапог и полушубков, а равно всяческого содействия со стороны губернаторов и военного министерства [20].

Угадывается, что проблемы снабжения существенно влияли на его решения.

Если несколько дней в Смоленске принесли французам мало пользы, то в этом виноват опять же Наполеон. Он не учел, как сильно нуждаются его люди, не принял во внимание психологию выживания. Войскам было приказано остановиться, не доходя до города, либо обойти его и ожидать доставки провианта из смоленских магазинов, но никакие усилия не могли удержать солдат. *«Вскоре город наполнился голодными, оборванными мародерами; эти несчастные, едва сохранявшие человеческий образ, кидались на все, что могло утолить терзавший их голод. В продолжение одной ночи с 28 на 29 октября (с 9 на 10 ноября) солдаты зарезали и съели 215 фуритадских лошадей»*, которым не пришлось уже везти припасы другим частям армии. Раздача продуктов была неправильна: вместо того, чтобы произвести равномерную дачу наибольшему числу людей, Бонапарт приказал, чтобы гвардии было выдано продовольствие на 2 недели, а прочим войскам на 6 дней. В гвардейские полки оно отпускалось прежде прочих, несчастные корпуса Даву и Богарне принуждены были оставаться без хлеба двое суток. *«Между тем, нахлынули отсталые... чиновники интендантской части ежечасно подвергались опасности погибнуть от рук голодных, приведенных в отчаяние»* [21].

«Несколько из старших офицеров, зная, что сам Наполеон делал распределение для всех припасов... выломали у меня окно и влезли ко мне; одни из них кричали, другие упрашивали; я не в силах был отказать им и решился удовлетворять их тем, чего они просили; получа желаемое, прославив то великодушие, за которое я могу быть расстрелян, выскочили опять в окно и исчезли как молния... Весьма сомнительно, чтобы императорская гвардия могла все то забрать, что ей выдано... для 1-го и 4-го корпусов останется только по кусочку хлеба на человека, и то, не более как дня на два... Верховный распорядитель припасов... позабыл совсем о больных и раненых, и потому с величайшим трудом мы выпросили для них несколько кулей муки». Это на 5000 увечных! Из-за раскоординации действий при отступлении «русские захватили Клементиново, там у нас были такие же полные магазины как и в Смоленске... самое прекрасное и самое большое наше пособие пропало.» [22].

«Добравшиеся бросились к складам и многие из них умерли, пока брали приступом двери. Их не допускали и спрашивали: «Кто они? Из какого корпуса?» Но у тех, которые приходили за провиантом, не было офицеров и они не знали, где находятся их полки. И в таком положении были

две трети армии. Тогда эти несчастные рассыпались по улицам Смоленска, не имея никакой надежды кроме грабежа... Бродячие солдаты принялись искать свои знамена... чтобы иметь возможность получить провиант, но весь заготовленный хлеб был уже роздан: не было ни сухарей, ни мяса. Им выдали сухих овощей, ржаной муки и водки. Понадобились невероятные усилия, чтобы воспрепятствовать отдельным отрядам различных корпусов убивать друг друга у дверей провиантских складов. А потом, когда после бесконечных формальностей эти жалкие припасы были розданы, солдаты отказались отнести их в свои полки; они набрасывались на мешки, выхватывая оттуда по несколько фунтов муки и, притаившись где-нибудь в уголке, пожирали ее. Тогда же они выпили и всю водку. На другой день все дома были переполнены трупами этих несчастных. Одним словом, этот злоеющий Смоленск, который армия считала конечным пунктом своих мучений, был только началом всех ужасов» [23].

Фон Лоссбергу досталась только мука, а другие вернувшиеся ни с чем фуражиры *«рассказывали с уверенностью, что если я еще не убит, то, вероятно, мне придется оставаться в Смоленске, для излечения от полученных побоев; они уверяли, что я, по всей вероятности, не получил никаких припасов»*. Корпус, не дождавшись, ушел, а когда он догнал его, *«пехота без фуражиров насчитывала не больше нескольких сот человек»*. В полку фон Лоссберга 13 (25) ноября оставалось только 92 чел. [24].

Посреди нуждающейся армии Наполеон, его окружение и командиры гвардии жили в каком-то другом мире, как эльфы среди низших гоблинов. Коленкур писал: *«Продовольствие в Смоленске находили все, у кого были деньги (а деньги были у всех). Туда прибыли из Франции продукты для императорского двора, а также рис и много других продуктов для армии. Виноторговец, бывший поставщиком императорского двора, привез для спекуляции большое количество вин, водок и ликеров; все это он продал на вес золота. Мы так пострадали от лишений, что солдаты тратили все свои деньги, чтобы раздобыть бутылку водки»* [25]. Это мешало осознать глубину катастрофы.

Полученные в Смоленске новости наводили на захватчиков такой же страх, как и голод: *«Даже заряды, разрывающиеся у наших ног, не могли так подействовать на нас, как глубоко поразившее нас неожиданное известие, что 9-й корпус, т. е. Виктор с 30-тыс. уцелевшим отрядом, на который мы возлагали все наши заветные мечты, отправлен навстречу Витгенштейну. Мы узнали, что Витгенштейн, изнашиви*

Сен-Сира из Полоцка, угрожал теперь тылу нашей армии; мы узнали, что войска, выступившие в Смоленск 9-го числа, успели взять себе и истребить весь провиант, который был сложен. Мы узнали далее, что генерал Бараге д'Ильер потерял одну из своих бригад, взятую в плен казаками, т. е. половину сил, которыми можно располагать в Смоленске. Мы раздавлены такими новостями, и в отчаянии не хотим им верить» [26]. «Всеобщий план русских сразу обнаружился! Нам сделалось страшно смотреть на карту этой страны... офицеры, присутствовавшие при взятии Полоцка, рассказывали нам все подробности; мы теснились вокруг них и слушали эти рассказы» [27].

Как только Наполеон и его гвардия успели отдохнуть, 1 (13) ноября из города стали выходить авангардные части, а на следующий день Бонапарт покинул Смоленск. В городе были брошены множество орудий и часть обозов. В строю оставалось 50 тыс. чел., окруженных безоружной толпой. Бессмысленная попытка взрыва смоленского кремля не могла ничего изменить, разве взбесить русских, знавших, что они дорвались до мщения. Недалеко от Смоленска французов уже поджидал выходящий к Красному и располагающий превосходящими силами Кутузов. Казалось, еще раз он не оплошает, — это конец.

Впереди армии Кутузова двигались партизаны [28]. Почитая своим делом не только разведку, но причинение наибольшего вреда неприятелю, 28 октября (9 ноября) отряды Д. В. Давыдова, А. Н. Славина, А. С. Фигнера и В. В. Орлова-Денисова, объединившись, разгромили и пленили под Ляховом (в окрестностях Ельни) бригаду Ж.-П. Ожеро, о которой так сокрушался Ц. Ложье. В плен попали сам генерал Ожеро, 19 офицеров и 1650 нижних чинов, была захвачена или погибла в пожаре часть складированного в Ляхово и предназначенного к отправке в Смоленск фуража и продовольствия [29]. Это был первый случай сдачи в плен целой бригады. Обрадованный Кутузов в рапорте царю прихвастнул: *«неприятельский корпус сдался нам»*. Александр не остался в долгу, вычеркнув из рапорта абзац о наградах, и приписав вместо него для опубликования: *«В каком числе состоял сей корпус... усмотреть изволите из представленного при сем журнала военных действий»* [30]. Утку о сдавшемся в плен корпусе пересказывал Синельников, более чем в 4 раза завысивший потери французов, после чего у него действительно получилось истребление 8-тыс. корпуса [31]. Наполеон же посчитал, что *«успех, одержанный русским авангардом над генералом Барагэ д'Илье, вскружит всем голову*

и Кутузов будет вынужден выйти из своего пассивного состояния» [32]. Он этого не боялся, самонадеянно считая свою гвардию способной отразить любое нападение.

В продолжение четырехдневного пребывания Наполеона в Смоленске, главные русские силы двигались южнее, параллельно к большой Смоленской дороге. 29 октября (10 ноября) армия Кутузова перешла от Ельни к Балутину, а авангард Милорадовича — от Алексеева к Ляхову. На следующий день полковник Бистром с отрядом из двух батальонов лейб-гвардии Егерского полка, эскадрона гвардейских кирасир и сотни казаков Тульского полка захватил большие вражеские магазины в с. Клемятино (Клементиново), о которых сожалел Поибюск. Главная квартира 30 октября была перенесена в Лабково на Рославльской дороге. При ней были 3-й, 5-й и 6-й пехотные корпуса; впереди этих войск у Сверчкова расположился Милорадович со 2-м и 7-м пехотными и 4-м кавалерийским корпусами. Для наблюдения Ельнинской дороги были оставлены у Жуковщины и Чуловой 4-й и 8-й пехотные, а также 2-й кавалерийский корпус.

В день, когда французские силы начали движение из Смоленска, Кутузов перешел на Мстиславльскую дорогу к селу Щелканову, соединив там большинство своих корпусов. Милорадович направился к Червонному. Партизаны Орлов-Денисов и Сеславин, двигаясь впереди авангарда, захватили 1000 артиллерийских лошадей, 400 телег с провиантом и 200 голов рогатого скота, идущих в Смоленск. Передовой отряд Орлова-Денисова оттеснил к Красному польские части генерала Зайончека, получившие от Наполеона задачу пройти к Могилеву. К Красному же направлялся отряд Ожаровского. Отдельный корпус генерал-адъютанта П. В. Кутузова шел к Духовщине, препятствуя отставшим частям противника уйти северным путем. Главные силы Кутузова 2 (14) ноября двинулись к Юрову, Милорадовичу с авангардом было предписано выйти к Рогайлову, а на следующий день — к большой дороге у деревни Ржавки, в 33 верстах юго-западнее Смоленска, где произвести разведку боем. Таким образом, русская армия снова опережала французскую.

Отступал Бонапарт так же авантюрно, как наступал. Богданович недоумевал, почему он *«еще более ослабил расстроенную свою армию, направляя ее из Смоленска к Орше в нескольких частях (эшелонах), выступавших постепенно, днем позже один после другого... Все... распоряжения к дальнейшему движению французских войск были сделаны так, будто бы им угрожала опасность только с тыла: эшелоны, выступившие из*

Смоленска первыми, были слабее прочих; обозы всех корпусов двигались впереди войск» [33]. Чрезвычайно осуждал Наполеона за то, что «*растянул он на пространстве двухсуточного перехода свою путевую колонну*» Окунев [34]. Но в том-то и дело, что Бонапарт полагал Кутузова далеко позади себя. Он готовился противостоять не Главной русской армии, но наскокам подвижных частей ее авангарда и партизан. Здесь французский полководец фатально ошибся, — русский фельдмаршал привел ему наперерез все свои войска. Возникла обстановка, угрожавшая французам полным разгромом и истреблением.

Это и показал бой на большой дороге у Ржавки 3 (15) ноября. Милорадович разрезал дорогу, повернув 2-й пехотный корпус к Смоленску, а 7-й к Красному. Пехота 7-го корпуса начала дело канонадой, а затем атаковала при поддержке кавалерии хвост проходившей колонны, захватив несколько орудий и несколько сотен пленных. Остальные неприятельские войска успели пройти с незначительными потерями и без остановок [35]. Все изменилось, когда во главе 2-го корпуса подошла 4-я пехотная дивизия Евгения Вюртембергского. Заметив огромный обоз под прикрытием колонны, окруженной толпами безоружных, он выдвинул к дороге 28 орудий, их огнем расстроил отступавших и решительно атаковал, сбросив с дороги. Всего за этот день было захвачено 11 орудий, 2 тыс. пленных и несметные богатства, включая походную казну, кухню и багаж самого Наполеона, — там было 1 млн 200 тыс. франков золотом и множество драгоценностей, которые победители оперативно грабили друг у друга [36].

Были получены сведения, что Наполеон с частью гвардии проехал здесь поутру, а 1-й корпус маршала Даву завтра выступит из Смоленска. Командующий авангардом рапортовал дежурному генералу Ковновницыну: «*Я около Ржавки атаковал обоими корпусами 15 тысяч идущего неприятеля, большую частью гвардии. Победа совершена, пушки были взяты... с канонирами и лошадьми, много пленных*». Полковник Кутайсов докладывал в штаб к Ермолову: «*Желание ваше удалось совершенно... пленные, взяты тут, почти все гвардейские... завтра, если вся армия придет сюда, то можно иметь всю неприятельскую армию в руках наших*». Но армия прийти к Ржавке не успевала. Главные силы 3 (15) ноября оставались на дневке в Волокове и Юрове. К ночи Милорадович, оставив на дороге казачий отряд генерал-майора Юрковского, расположил свои войска в 4 верстах от нее в деревне Угрюмовой. Ермолов немедленно доложил Кутузову о плачевном состоянии французских войск: «*Это все должно быть истреблено и принадлежать*

нам». Он предложил сосредоточить армию 4 (16) ноября у Красного и нанести врагу смертельный удар, успокаивая осторожного фельдмаршала тем, что после боя у Ржавки наполеоновская гвардия в Красном не останется и проследует далее [37]. *«Не могло быть более приятного известия фельдмаршалу, который полагал гвардию гораздо сильнейшую, составленную из приверженцев, готовых на всякое отчаянное пожертвование»* [38].

Был открыт путь к решительным операциям на большой дороге между Красным и Смоленском, но Кутузов медлил, опасаясь приукрашенных донесений, которые сам умел цветисто писать. Он знал, что его армия, выступив из Тарутинского лагеря в числе около 100 тыс. чел., и потеряв в боях не более 10 тыс., считала в своих рядах только 50 тыс. бойцов, оставив множество людей больными [39], а Наполеон, бросив на произвол судьбы ряд корпусов, сохранил костяк гвардии. От того, какая оценка обстановки будет принята, зависела судьба борющихся армий. Кутузов, взвешивая «за» и «против», опять склонялся к осторожному решению, — не становиться на дороге у Наполеона и его маршалов, а только щипать сбоку вражеские корпуса. *«Бог вам судья, ваше пр-ство! В Красном то же бездействие, та же нерешительность, что и в Вязме»*, — воскликнул Коновницину раздраженный Сеславин [40].

Петр Петрович, однако, сего упрека не заслуживал. Штаб Главной русской армии все еще надеялся отрезать французам отступной марш и заставить их сдать, о чем 4–5 (16–17) ноября продолжались распоряжения [41]. К сожалению, Михаил Илларионович проявил обычное свое злое упрямство, обрывая боевой порыв подчиненных. Находясь в выгоднейших условиях, не будучи в положении догоняющего как при Вязме, зная результаты боя у Ржавки, выявившего состояние войск и группировку противника, Кутузов позволил Наполеону искупить гибельный просчет, которым *«он предал армию свою на жертву»* [42], и дал врагу увести на запад максимум войск. Трехдневные бои под Красным явили собой эпопею, поражающую как русскими успехами, так и подвигами истощенных французов. Главными героями боев стали принц Евгений Богарне и маршал Ней, а с русской стороны — забытый князь Д. В. Голицын, сражавшийся с самим Наполеоном, сказавшим: *«Довольно я уже был императором; пора снова быть генералом»* [43]. Не довелось стать победителем Наполеона Тормасову. Между ним и Кутузовым было соглашение: ни в чем не перечить воле фельдмаршала в обмен на его покровительство.

Выполняя свою часть договора, Михаил Илларионович напомнил Александру I про баталию под Городечно и попросил для Александра Петровича орден Св. Андрея Первозванного [44], а тот, в свою очередь, пунктуально исполнял мнительные распоряжения главкома. Отказался от инициативы и Милорадович.

Первым к Красному вышел отряд А. П. Ожаровского: *«Узнав, что город сей занят был слабым неприятельским отрядом, он напал на него врасплох 2-го числа и взял его в плен; однакож видя приближение первых колонн французской гвардии, оставил город и отступил к деревне Кутькову»*, — написал Бутурлин [45]. То же сообщил Коленкур: *«Генерал Ожаровский вступил в Красное и захватил там итальянский батальон, то есть около 100 человек... Прибытие одной из гвардейских частей заставило, однако, Ожаровского в самом спешном порядке покинуть Красное, и он отступил на Кутьково»* [46]. В изложении от польского генерала Колачковского событие представляется менее значительным: Ожаровский ворвался на улицы, но сразу был выбит оттуда батальоном императорской гвардии, уже находившимся в Красном и занявшим *«кладбищенскую церковь, середину рынка и несколько каменных домов на том же рынке»* [47].

Наполеоновская гвардия в числе около 15 тыс. чел. простояла 3 (15) ноября на биваках у Красного, а в ночь на 4 (16) ноября Бонапарт, помогая проходу своих обозов от Смоленска, напал на отряд Ожаровского в Кутькове, потрепал его и отбросил к деревне Палкиной. От пленных он неожиданно для себя получил сведения о близком расположении главных сил Кутузова и остался в Красном для присоединения к гвардии корпусов Богарне, Даву и Нея. Досадный эпизод сглаживается всеми историками, но Ермолов пишет: *«Велика была потеря в храбром егерском полку; особенным счастьем уцелела артиллерия, и при общем замешательстве темнота была спасительным покровом. Молве о случившейся неудаче старались дать желанное направление... Государю описано происшествие с выгоднейшим истолкованием, и все остались довольными! Неприятель сам торжествовал победу в своем лагере»* [48]. Возвращаться навстречу своим войскам к Смоленску Бонапарт не рискнул. У Кутузова тоже прибавилось опасений.

Корпуса Милорадовича и Остермана с легкими отрядами наблюдали вражеское отступление: *«Мы увидели, что неприятельские колонны потянулись по большой дороге между Смоленском и Красным... нескончаемую вереницею; мы перерезывали им путь по всем направлениям. Французы выказывали изумительную храбрость и покорность воле Про-*

видения: они берегли патроны и стреляли только в упор. Наши гусары и казаки грабили их повозки у них на глазах. Французы проходили в десяти шагах от них не стреляя, но когда наши на них напали, то они храбро защищались... Между тем в главной квартире почти не имели понятия о том, что делалось на большой дороге, и не верили в дезорганизацию французской армии, которая была столь превосходно организована в начале войны» [49].

Утром 4 (16) ноября Милорадович с авангардом в числе 17000 чел. вновь приблизился к большой дороге у села Мерлина. Во второй половине дня на него вышел не успевший оправиться в Смоленске корпус Богарне. Его дивизии насчитывали менее чем по 2000 чел., их сопровождало множество безоружных. Русские наблюдали, как падали люди и лошади, бросались на дороге пушки и повозки. Евгений Вюртембергский, не дожидаясь приказа, выдвинул к дороге 44 орудия и открыл сильный огонь по французам. Всего в 1000 шагах за его дивизией сосредоточивался 7-й пехотный корпус; прибыла 26-я дивизия Паскевича, вслед за ней подходила 12-я дивизия. Положение было исключительно благоприятное, но прискакавший на место сражения Милорадович огласил повеление главнокомандующего остановить пехоту 4-й дивизии и приказал русской кавалерии сойти с дороги [50].

По-видимому, этот момент был описан Маевским, — как князь Кудашев установился на дороге в лоб Наполеону, ручаясь разбить все наголову, а фельдмаршал в ответ потребовал немедленно очистить дорогу. Кудашев был здесь и ходил к Богарне в качестве парламентаря с предложением о сдаче в плен. Яркие картины близости французских войск к уничтожению описал Ц. Ложье. Но вице-король, видя нерешительность русских, отказался. С остатками своего корпуса в числе примерно 3500 чел. он прорвался и достиг Красного, где соединился с гвардией Наполеона. Его потери составили около 2000 чел. пленными, в основном из числа безоружных и отсталых, одно знамя и 17 орудий. Русский урон не превышал 800 чел., — цифра вроде бы хорошая, но на самом деле — отвратительная, поскольку исправных бойцов разменяли на беглецов, а сохранившие боеспособность части французского 4-го корпуса пострадали не сильно.

По мнению Богдановича: *«Если бы Милорадович занял дорогу всеми силами, тогда бывшими в соседстве Мерлина, то французы потерпели бы совершенное поражение. Но он имел приказание от фельдмаршала избежать решительной встречи с неприятелем. Несмотря на известие,*

посланное в Главную квартиру генералом Ермоловым, который писал, что вице-король имел при себе не более трех или четырех тысяч человек, Кутузов упорно следовал принятой им системе действий, даже и тогда, когда бессилие неприятеля было несомненно». А Наполеон, «разгадав совершенно характер и образ ведения войны князя Кутузова... воспользовался слабой стороной его... Кутузов, хотя и постигал вполне бедственное положение неприятельской армии, однако же, вместо того чтобы довершить уничтожение ее остатков решительным ударом, надеялся столь же верно достигнуть цели войны без боя, сохраняя собственные войска и предоставляя уничтожение неприятеля пагубному влиянию тех самых обстоятельств, которых действительность оказалась на самом опыте... Полководец наш, несмотря на явное превосходство русской армии над неприятельскою, все еще опасался встречи с Наполеоном, который не раз заменял недостаток в силах искусством действий» [51].

Кутузов требует, чтобы ему доставили сведения, где находится Наполеон. Он дает поручения Ожаровскому и Сеславиному разведать, где именно расположена французская гвардия, «ибо без сего фельдмаршал не предполагает атаковать неприятеля» [52]. «По приближении к Красному, новые колебания; 5 ноября Толь и Коновницын советовали атаковать приближавшегося к Красному неприятеля. Кутузов соглашался на это, если только увериться можно в том, что не сам Наполеон тут командует». В результате «успех наш был не столь удовлетворительный, как если бы атака произошла ранее» [53]. Известия, доставленные Сеславиным о выступлении Наполеона из Красного к Лядам, рассеяли опасения главкома, и побудили его одобрить общую атаку.

А. А. Щербинин оставил потомкам такие наблюдения: «Во время сражения привели пленного баварского капитана. Кутузов все еще сомневался, не Наполеон ли тут командует. Об этом начались расспросы капитана на немецком языке, на котором Кутузов объяснялся, как самый образованный немец. Капитан не знал имени главнокомандующего неприятельскими войсками, хотя видел его во время дела. Кутузов начал описывать приметы Наполеона. Когда капитан отзывался утвердительно, то Кутузов с видом явной боязни, обращаясь к стоявшим позади него произносил: «C'est lui» (это он). Когда же капитан сказал: «Nein, er ist fohr? Vesver?» (Нет, ведь он...), то лицо Кутузова прояснилось, и он с полною наконец уверенностью сказал: «Non cela n'est pas lui» (Нет, это не он)» [54].

Уступая настояниям Коновницына, Ермолова и Толя, фельдмаршал соглашается, чтобы главные силы под начальством Тормасова,

прикрываясь со стороны Новоселок 3-м пехотным корпусом и 2-й кирасирской дивизией, направились на дорогу от Красного к Орше, и, заняв ее, отрезали единственный путь отступления французской армии. Войскам, стоявшим у Новоселок, совместно с авангардом Милорадовича, было назначено, после того, как неприятель пройдет, преследовать его с тыла, чтобы поставить меж двух огней. Наполеон в это же самое время рассчитывал атаковать русских восточнее, в районе Уварово, с надеждой вынудить осторожного Кутузова приблизить к себе Милорадовича, и тем открыть возможность для маршала Даву пройти от Смоленска к Красному. Число войск, которыми располагал Бонапарт, не превышало 13000 пехоты и 2200 кавалерии с 50 орудиями, а 3500 солдат прорвавшегося к нему корпуса Богарне были отправлены для отдыха в Ляды [55]. Следовательно, будь предложенная Кутузову диспозиция выполнена, — Наполеону не удалось бы пробиться на Оршу, и русские войска спихнули его армию с дороги вправо, где у него не было средств переправить ее через Днепр. При таких обстоятельствах французская армия была бы уничтожена.

Маршал Даву с 7500 бойцов при 15 орудиях выступил из Смоленска 4 (16) ноября, и к вечеру того же дня расположился со своей головной дивизией у Корытни, в 25 км восточнее Красного. Прочие дивизии корпуса равномерно следовали по дороге для прикрытия артиллерии и обозов от набегов казаков. Узнав о нападении Милорадовича на корпус Богарне, Даву приказал сократить интервалы между дивизиями и скорее двинуться дальше, известив маршала Нея, что не может ждать прибытия арьергарда. Около 9 часов утра 5 (17) ноября головная колонна корпуса Даву поравнялась с расположением русского авангарда и была атакована 2-м пехотным корпусом, имевшим в первой линии 52 орудия. Колонна сразу же была рассеяна. Положение французов было отчаянное, но бой опять был остановлен Милорадовичем, объявившим, что фельдмаршал Кутузов запретил завязывать дело: *«При приближении неприятеля к Красному не тревожьте его на марше, но как он вас минет, дабы, поставив его между вашим и нашим огнем, заставить сдаться»* [56]. Возмущение этим распоряжением было так велико, что войска авангарда оставались в бездействии почти до самого вечера [57, 58].

Между тем, генерал от кавалерии Тормасов с 5-м, 6-м и 8-м пехотными корпусами, 1-й кирасирской дивизией и авангардом генерал-майора А. В. Розена двинулся через деревни Зернова, Сидоровичи, Кутьково на Сорокино, на путь отхода французов, отрезая им дорогу

к Орше. Несколько позже по направлению через деревню Уварово на Красный начали двигаться прикрывающие войска под командой генерал-лейтенанта князя Д. В. Голицына: 3-й пехотный корпус и 2-я кирасирская дивизия. Одновременно, в стороне Смоленска, было предписано А. И. Остерману-Толстому с 4-м пехотным корпусом сделать движение к большой дороге на Корытню, но *«не препятствовать ему идти в Красное, тем более тесните его с тылу, дабы прогнать его к нам, а здесь...отрежем ему отступной марш»* [59]. Казалось бы, Кутузов решил положить Наполеону конец. Однако в общем замысле фельдмаршала вызывает удивление его намерение дать французским колоннам соединиться, в то время как русские войска оказывались разнесенными на 40 верст. Главные силы Тормасова впереди, по дороге на Оршу и Ляды; корпусной отряд Голицына в центре у Красного, а Милорадович с Остерманом-Толстым со своими корпусами — далеко позади (Корытня находится ровно на полпути между Красным и Смоленском), что ставило под вопрос их участие в сражении.

Эта тактическая оплошность испортила все дело. Вместо того, чтобы разгромить французские корпуса Богарне и Даву поодиночке, а затем, предоставив казакам далеко отставшего Нея, стянуть все силы против французской гвардии, Кутузов, растянув свои войска на дневной переход, продолжал опасаться Наполеона. Вся хронология дальнейших распоряжений Михаила Илларионовича есть хронология отказа от исполнения им же одобренного плана. Сначала полководец отменяет свое предыдущее распоряжение Остерману-Толстому, приказывая ему приблизить к Главной армии 4-й пехотный корпус, остановившись *«при деревне Толстики впрдь до другого назначения»* [60]. Затем, когда войска Голицына в селе Уварово неожиданно пришли в столкновение с молодой гвардией Наполеона и кавалерийским отрядом Латур-Мобура, и получены были сведения, что там же находится Бонапарт со старой гвардией, Кутузов посылает Тормасову приказание остановиться. Французский полководец, держась против Голицына с одной целью, — обеспечить переход через Красный к Лядам потрепанных дивизий Даву, как только они проходят, решает отступить по любезно открытому ему «спасителем» пути к Орше.

Видя отступление противника, усилил натиск Д. В. Голицын, нанося значительный урон дотоле непобедимой французской гвардии. Был почти поголовно истреблен 1-й вольгизерский полк молодой гвардии. Полковник артиллерии Никитин, расстреляв заряды, построил своих канониров в эскадрон и погнал дальше французских

гвардейцев, отбив у них три орудия. Русские кирасирские полки под командованием генерал-майора Кретова отрезали одну из отступавших колонн и причинили ей большие потери. Успех Голицына побудил колеблющегося фельдмаршала послать Торماسову приказ продолжить движение, но время было упущено. Наполеон с гвардией и костяком корпусов Богарне и Даву ушел. В три часа пополудни он прибыл в Ляды, куда до глубокой ночи собирались вышедшие французские войска, и наутро следующего дня двинулся к Дубровне. Русскими была разгромлена одна только запоздавшая дивизия генерала Ж. П. Фридрихса [61].

Приказ об остановке отряда Торماسова осуждал Богданович, и даже хвалебно описывающий боевые действия при Красном Бутурлин: *«Если б во всей точности была исполнена диспозиция, принятая россиянами, то неприятельская армия, предупрежденная на ее пути отступления колонной генерала Торماسова, была бы совершенно отрезана и приведена в затруднительную необходимость, или пробиваться силою, или броситься к Днепру... Наполеон, взяв сие последнее направление ускользнул бы только с малым числом войска, а главная часть его армии, припертая к Днепру, была бы совершенно уничтожена»* [62]. Михайловский-Данилевский, указывая, что *«повеление остановиться не порадовало однако войск, горевших желанием сражаться»*, оправдывает его тем, что *«тайна всей слабости Наполеона еще не была и не могла быть вполне раскрыта»* и нежеланием фельдмаршала проливать русскую кровь. В самом деле, зачем кровь проливать? Лучше сослаться на тайну для слепых: *«Мы видели кучи отсталых, безоружных, которые тянулись за войсками, падали от изнурения, шатались по сторонам»* [63]. Русские грабили французские обозы и выбирали себе лучшие кареты: *«Зять фельдмаршала, князь Кудашев был послан к нам, чтобы убедиться собственными глазами в положении дел... он стал выбирать экипажи, повозки, которые хотел отобрать у них»* [64]. А кровь, — пусть Чичагов и Витгенштейн на Березине ее прольют, она в их армиях, наверное, менее русская.

Иронично зол рассказ Левенштерна: *«Мы проводили воссояси корпус вице-короля итальянского и Даву... Генерал Милорадович, пропустил корпус Даву, обстреливал из орудий хвост его колонн. Наполеон, сосредоточив все свои силы, атаковал энергично войско, расположенное впереди него, и хотя понес огромные потери, тем не менее он внушил страх фельдмаршалу Кутузову и очистил себе дорогу, которая была бы отрезана, если бы фельдмаршал разрешил генералу Тормасову действовать, как*

он того хотел» [65]. Бенкендорф кратко отметил: «С нашей стороны бой велся там вяло, и французы вынужденные все поставить на карту, чтобы проложить себе дорогу, потеряли только около двадцати тысяч человек, в том числе наполовину убитых и пленных» [66].

По изложению де Сегюра: «Недалеко от Корытни другая дорога, — из Ельни в Красное, подходит близко к большой дороге... по ней подошел к нам Кутузов... расположившись позади авангарда, очутился таким образом в центре своих корпусов, радуясь успеху своего маневра, который не удался бы этому медлительному полководцу, если бы мы не были так непредусмотрительны; ибо это была борьба военных ошибок, а так как с нашей стороны их было больше, то мы думали, что все погибнем. Расположившись таким образом, русский генерал решил, что наша армия естественно находится в его руках; но дальнейшее спасло нас. Кутузов сам изменил себе в ту минуту, когда следовало приступить к делу: этот старец выполнил наполовину и плохо то, что так мудро задумал» [67].

По свидетельству Коленкура: «Император, хотя и ожидал какой-нибудь частичной атаки, не мог объяснить себе русский маневр и не был в состоянии верить тому, что сообщали пленные, а именно, что здесь находится вся армия Кутузова... Император решил схватиться с неприятелем, и, хотя в его распоряжении было меньше 25 тысяч человек, он был полон веры в своих старых усачей... В Красном император бросил вызов судьбе, но русские слишком мало воспользовались своими преимуществами» [68]. По описанию Колачковского: «Наполеон, с жалкими остатками своих войск, едва насчитывавших 20000 человек, способных носить оружие, схватился с 80-тысячной армией Кутузова. Мы не принимали участия в этой бессмысленной битве, так как в этот день уже подходили к Орше. Наполеон же, счастливо выбравшись из под Красного, прибыл в Ляды» [69].

Предельно ясен Окунев: «Когда обе армии сошлись на поле битвы под Красным, одна в совокупности; а другая в растянутой колонне, мудрено оправдать вялость, с которою фельдмаршал Кутузов действовал в сем сражении. Обоюдное положение было таково, что Наполеон, без всякой надежды выигрыша мог все потерять; а фельдмаршал Кутузов, напротив, безопасный от всякой потери, мог только все выиграть. Положение фельдмаршала Кутузова, ежели бы он действовал решительнее левым крылом своим чрез Сорокино на Доброе, заставило бы Наполеона стать лицом к неприятелю, в параллельном боевом порядке к большой дороге. Одна победа (нереальная) могла спасти французскую армию от совершенного разбития; ибо... она была бы отброшена на Днепр. Удаде-

ние разных корпусов и невозможность ввести их в дело совокупно, были верною порукою в том, что Наполеон был бы разбит при сем нападении. Предположив даже, чтобы ему удалось, пожертвовав частью войск своих, перейти Днепр; но оставив левый берег сей реки во власти неприятеля, он мог бы быть опережен им в Орше: и тогда соединение двух армий, Кутузова и Чичагова, не было бы подвержено ни малейшей трудности, ни же малейшему сомнению» [70].

Всего в день 5 (17) ноября французы потеряли, по данным Богдановича, от 6 до 9 тыс. чел. пленными, от 45 до 75 орудий, множество обозов, два знамени и маршальский жезл Даву, находившийся в одном из захваченных экипажей. Потери с русской стороны не превышали 700 чел. Кутузов, направляясь на свою новую квартиру и встретив по дороге тысячи пленных неприятелей, включая офицеров и солдат наполеоновской гвардии, видя множество захваченных орудий, был изумлен последствиями дела. *«Впервые со времени прибытия его в армию, он пустился в галоп на белом коне своем, подскочил к колонне Преображенского полка и, указав на отбитые трофеи, громко вскричал «ура!» [71].* Фельдмаршал походил на старого кота, несказанно довольного доставшимся ему хвостом ящерицы, поскольку поймать ее саму он не чаял.

Разумеется, бои под Красным превозносились Михаилом Илларионовичем так, как это было возможно. Проваленный маневр был представлен удавшимся: *«Понес неприятель новое и жестокое поражение при Красном, где часть армии обошла оною с тылу, когда другая поражала его спереди».* Но лично царю, памятуя монаршее неверие прошлым припискам, было послано краткое донесение, не упоминающее Тормасова, и вскользь Голицына, а дело изображалось как разгром корпуса Даву. Потери французов пленными исчислялись в 9306 чел. (на 3 тыс. больше, чем записано в журнале военных действий) и 70 орудий [72]. В рапорте Тормасова были указаны еще меньшие цифры: свыше 2000 убитых, 4000 пленных и 32 орудия.

Кутузов, вероятно, думал, что государь не поверит реляции о генеральном сражении (бои под Красным назвать генеральным сражением сложно). Как раз в эти дни ему пришлось раздумывать, что ответить Александру I на упреки о Вязьме. Но хитрец отыграется через два дня, послав царю рапорт о разгроме корпуса маршала Нея, с пленением 12000 войск неприятеля [73]. Конечно, главному известно было, что такого количества войск Ней не имел, — его поредевший корпус сопровождался толпой отставших. Комбинация из двух ин-

формационных пузырей сработала. Князю Кутузову «в память незабвенных заслуг» был пожалован титул Смоленского «за нанесенное в окрестностях Смоленска сильное врагу поражение» [74]. Ермолов описал эти манипуляции так: «*Нерешительные и медленные действия армии под Красным фельдмаршал в донесении государю представил батталиями, данными в продолжение нескольких дней, тогда как сражения корпусов были отдельные, не всеми их силами в совокупности, не в одно время, не по общему соображению. Робким действиям надо было дать благовидное окончание, и какое может быть лучше баталлий? А они составлялись по произволу*» [75]. Вместо полного успеха следствием боев под Красным явилось ослабление вражеских 1-го, 3-го и 4-го корпусов, а также начавшей разлагаться молодой гвардии [76]. Теперь самое время обратиться к описанию прорыва маршала Нея.

Ней достиг Смоленска позже прочих французских корпусов, полудни 3 (15) ноября. Вследствие этого ему было разрешено отложить выступление из города до 5 (17) числа, чтобы сделать приготовления для разрушения смоленских стен и приведения в негодность оставляемой артиллерии. Платов уже атаковал смоленские предместья, но маршал сказал, что казаки не заставят его отступить от инструкций. Он вышел из города в два часа пополудни 5 ноября, ведя остатки своего корпуса и дивизии Э. Рикара в числе 8000 пехоты и 300 конницы, с 12 орудиями. В Смоленске они получили шинели, обувь, патроны и трехдневную дачу провианта. До 7000 безоружных и отсталых, сопровождавших войска, весьма затрудняли их движение. После ухода Нея в городе было найдено брошенными 17 русских и 140 наполеоновских орудий, до 600 различных фур и повозок, и более 4000 больных и отсталых неприятелей [77].

К вечеру французские войска беспрепятственно пришли в Корытню. Казаки только наблюдали их движение. С направления Красного была слышна далекая канонада. Французы, надеясь на лучшее, считали этот гул сигналом приближения корпуса Виктора. На следующий день 6 (18) ноября появились в большом числе казаки с орудиями, что заставило выступившего из Корытни Нея уплотнить свои маршевые порядки. Русские распоряжения для встречи врага запоздали, что позволило дивизии Рикара перейти самое опасное место — Лосминский овраг, где накануне ожидал Даву сам Наполеон. Но когда на французов ударили войска 12-й и 26-й дивизий, генерал Рикар был ранен, а его дивизия в беспорядке отступила к ядру корпуса. Прибыл Милорадович с подавляющими силами: 2-м и

7-м пехотными, 3-м гренадерским, 1-м и 2-м кавалерийскими корпусами, 2-й кирасирской дивизией. К Нею послали парламентаря, требуя положить оружие.

У маршала оставалось не более 6 тыс. боеспособных солдат, его артиллерия состояла из 12 орудий, а кавалерия — из одного взвода находившегося при нем в конвое [78]. Ней задержал парламентаря (чтобы тот не сообщил о малом числе и плохом состоянии его войск) и произвел атаку. Вопреки сильному артиллерийскому противодействию (огонь вели 40 русских против 6 французских орудий), полкам Нея удалось дойти до неприятельских огневых. Здесь, когда русские пушки снимались с позиций, французы были опрокинуты ударом русской пехоты. Но под прикрытием этого боя Ней переводил войска с дороги к Днепру. Русские же были так самонадеянны, что не преследовали, став располагаться на отдых и потеряв отступивших из виду. *«Наполеон, хотя и недалеко был от Красного, ничего однако же не предпринял в помощь маршалу Нею. Ничто лучше не объясняло положения Наполеона, но армии нашей не возбудило деятельность. Непокоримым пребывал фельдмаршал, и занятием армии были одни остатки погибающего Нея»* [79].

На следующий день из придорожных лесов вышло и сдалось в плен до 11 тыс. чел., в подавляющем числе безоружных. В это время Ней уводил 3000 верных бойцов в надежде переправиться в стороне на правый берег Днепра. Им удалось найти скованный тонким льдом участок реки между селениями Сырокоренье и Гусиным, где они перешли ее, оставив на левом берегу остатки тяжестей, раненых и лошадей. Совершив переправу, Ней направился к Орше. Следы французов заметала метель, и на этой дороге они находили продукты практически во всех деревнях, через какие следовали. Лишь к вечеру 7 (19) ноября отряд Нея был вновь обнаружен казаками Платова. Те оценили его численность в 6000. Возможно, справедливо, так как по итогам преследования Нея Платов донес о взятии в плен до 4000 чел. [80].

8 (20) ноября маршал Ней из последних сил давал донцам Платова бой в Якубово. Он отбилсЯ, и поздно вечером, в десяти верстах от Якубово, встретилсЯ с посланным ему навстречу авангардом Богарне. Под его прикрытием Ней отступил к Орше, куда привел от 800 до 900 чел. По мнению Богдановича: *«Подвиг, совершенный Неем, заслуживает удивления, хотя ему удалось спасти только небольшую часть войск, находившихся под его начальством в деле при Красном»* [81]. УдивлятьсЯ придется еще больше, если правдивы слова Коленкура о

том, что кроме своих людей Ней вывел из западни «еще 4–5 тысяч отставших и московских беженцев-французов» [82], что сближает численность группы Нея с данными Платова. Ничто не спасло бы французского маршала, если бы не серьезные недостатки в работе штаба Кутузова, организованного по системе «своих людей», допуская проволочки и разногласия. Часто они видели свою роль в том, чтобы охранять своего патрона от назойливых боевых генералов.

В данном случае, инженер-генерал К. И. Опперман, известнейший впоследствии российский военный инженер, картограф и фортификатор, о котором фельдмаршал И. И. Дибич сказал: «Я никого не знаю, который мог бы занять место Опермана» [83], и которому Михаил Илларионович никак не мог найти применения, держа «без всяких определенных занятий», угадал маневр Нея: «Он назвал пункт на Днепре, в 12 верстах от Красного, где Ней переправиться и уйти может, и потому советовал тотчас занять этот пункт сильным отрядом». Ковновницын сомневался, но «пошел к главнокомандующему представить о мнении Оппермана» [84]. Оно принято не было, послужив основанием для приказа Д. В. Голицыну усилить патрулирование, особенно в направлении Сырокоренья [85]. Как и следовало ждать, ни к чему этот половинчатый приказ не привел. Будь он даже отправлен вовремя, нельзя задержать патрулями 3-тыс. или еще более крупный отряд! По утверждению Богдановича, аналогичный приказ был отправлен Милорадовичу, и с тем же нулевым результатом [86].

Более серьезные примеры неверной оценки ситуации являет переписка Кутузова с командующими другими русскими армиями. Так, 2 (14) ноября фельдмаршал направляет Витгенштейну секретное предписание об участии его войск в разгроме противника в районе между Днепром, Березиной и Двиной, в котором сообщает неактуальную и неадекватную информацию, утверждая: «Неприятель от Дорогобужа разделился на две части, одну отступил к Духовщине, другою к Смоленску». Это было не так, поскольку корпус Богарне, как того и следовало ожидать, возвратился к Смоленску, но сообщение Кутузова заставило Витгенштейна отложить движение на юг и наблюдать направление из Духовщины. Затем Михаил Илларионович сообщает о разделении сил противника на три части, в то время как тот стремился держаться соединенно. Попутно полководец расхолаживает коллегу своей рекламой об огромных потерях французской армии. 3 (15) ноября, когда Кутузов, наконец, уясняет себе, что Наполеон в Красном, а Чичагов не позже 7-го будет в Минске, он отправ-

ляет Петру Христиановичу предупреждение, что неприятель *«через то главнейшими силами обратится на Вас»* [87].

«Предвидение» крупно опоздало: еще 2 (14) ноября маршал Виктор, выполняя распоряжение Наполеона, собрав все свои силы, атаковал авангард Витгенштейна при мызе Смольне, где произошло большое сражение, стоившее Двинской армии более 1000 чел. потерь. Виктор был жестоко отбит и отступил, потеряв втрое больше — 1400 чел. только пленными, *«деревня Смольна была вся завалена мертвыми его телами, равно как и место сражения»*. В журнале военных действий Главной армии постфактум записано: *«Генерал граф Витгенштейн рапортом от 8-го числа донес, что неприятельские корпуса маршала Виктора и Сен-Сира 2-го числа атаковали его с большою стремительностью, стараясь сбить с позиции при мызе Смольне; но, не взирая на все их усилия, были отбиты, и что посланным от него отрядом Сенно занято, от коего имеет он коммуникацию с генерал-адъютантом Кутузовым, который находится уже в Бабиновичах»* [88]. Даже Александр I в Петербурге догадался о возможных действиях Наполеона на несколько дней раньше.

В результате отпора, полученного от Двинской армии, Наполеон решил попытать счастья ударом на армию Чичагова. Но Кутузов об этом не думает, и ориентирует Витгенштейна не на скорейшее соединение с адмиралом, а на преследование и разгром корпуса Виктора: *«Из вашего рапорта от 31 числа я усмотрел, что Виктор отделился от Сен-Сира, почему и заключаю, что ваше сиятельство, воспользовавшись разделением сил неприятельских, разбили совершенно последнего»* [89]. Результатом погони за Виктором могло быть только удержание армии Витгенштейна подальше от Березины.

Как обычно, Кутузов не может определиться с векторами угроз. Он отдает 7 (19) ноября приказание А. Н. Сеславиному разведать путь отступления Наполеона с гвардией в предположении, что *«он отважился на отчаянный и, может быть, последний удар: соединясь с Виктором и Сен-Сиром, напасть на генерала Витгенштейна и через то очистить себе путь в Литву»*. В тот же день фельдмаршал отписывает Александру листовое донесение об отсутствии угрозы для Двинской армии: *«Всеподданнейше смею уверить ваше императорское величество, что неприятель со всеми силами своими не в состоянии нанести сильного вреда генералу Витгенштейну. Армия неприятельская лишена способов отдалиться от меня. Я всегда по следам за нею... Вообще можно сказать, что Наполеон не имеет в виду соединиться с силами*

своими для нападения на генерала Витгенштейна». Конечно, «спаситель» опять приврал. Вместо того, чтобы преследовать Бонапарта, он снова отпустил его на много верст вперед, и в директиве от 9 (21) ноября осторожно советует Витгенштейну в случае появления перед ним соединенных сил Виктора и Наполеона *«на время отступить за Двину»* [90]! То ли Михаил Илларионович мало интересовался своими фланговыми армиями, то ли мы видим следствие фракционщины в его штабе, когда разные люди продвигали через дремлющего главнокома свое видение обстановки. Подобные вещи отдаляли перспективу соединения русских армий и осложняли исполнение Петербургского операционного плана.

Где у Кутузова было «предвидение», — это в постоянных намерениях царю и высокопоставленным чинам империи, будто бы Чичагов воюет хуже него, и может не выполнить свою часть плана. Еще 9 октября 1812 года, окрылившись после Тарутинского боя, «спаситель» пишет полтавскому губернскому предводителю дворянства Д. П. Трощинскому: *«Адмирал, который имеет сильную армию, должен бы действовать на сообщения неприятельские и тем способствовать мне, так что-то скромн, что и не рапортует мне о том, что делает»*. Спрашивается, какое губернскому предводителю дело до этого? Главнокомандующий всеми армиями может и должен прямо требовать от адмирала, а не точить лясы за его спиной! Но самому Чичагову Михаил Илларионович претензий не высказывает, неизменно подписывая свои письма елейным выражением: *«С истинным почтением и преданностью честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга»* [91]. Такая картина отношений была прямым следствием неискреннего, конкурентного отношения фельдмаршала к сопернику за царские блага. По наблюдению Ермолова: *«Легко мог я заметить, до какой степени простиралось неблагорасположение князя Кутузова к адмиралу»* [92].

Лишь в сфере политики Кутузов был безупречен. Так, 11 (23) ноября им был отдан приказ по армиям в связи с вступлением русских войск в Белоруссию. Фельдмаршал потребовал: *«Я нахожу нужным всем армиям, мною предводительствуемым, строжайше воспретить всякой дух мщения жителям белорусским, тем паче причинение им обид и притеснений, а напротив, да встретят они в нас... защитников от общего врага и утешителей»* [93]. Приказ объявлялся в войсках и белорусских губерниях. Общие успехи (неважно, благодаря или вопреки) тоже впечатляли. Недаром Вильсон писал Александру I: *«Имею*

счастье и истинное удовольствие поздравить Ваше величество с знаменитыми успехами, наконец достойно увенчавшими заслуги здешней армии... Я хотел представить Вашему величеству некоторые замечания, касательно необычайной медленности нашего движения к Красному, — недейтельности 4-го (16-го), хотя мы отдыхали накануне и прошли только 15 верст, и о затруднении, оказанном фельдмаршалом 5-го (17-го) в исполнении какого-либо плана нападения на неприятеля, но я изодрал оное письмо в надежде, что будущее время, при помощи Провидения, загладит прошедшее» [94].

1. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 83.
2. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912.* С. 81–82.
3. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву.* М., 1911. С. 118–119.
4. Роос Г. У. *С Наполеоном в Рос.* СПб., 1912. С. 94–95, 97, 99–100.
5. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912.* С. 78.
6. Колачковский К.-И. Е. *Записки о войне 1812 г. Б. м.* 1911. С. 69–70.
7. Руа Ж. Ж.-Э. *Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в Рос.* СПб., 1912. С. 61–63.
8. Бургонь А.-Ж. *Пожар Москвы и отступление франц.* СПб., 1898. С. 71, 76.
9. Роос Г. У. *С Наполеоном в Рос.* СПб., 1912. С. 87–89.
10. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву.* М., 1911. С. 120–121.
11. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 87.
12. Бургонь А.-Ж. *Пожар Москвы и отступление франц.* СПб., 1898. С. 77.
13. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву.* М., 1911. С. 123.
14. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 85.
15. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 208. С. 213.
16. Там же. Док. № 223, 224, 228. С. 226, 227, 229.
17. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос.* М., 1943. С. 232.
18. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912.* С. 81, 85, 86.
19. Левенштерн В. И. *Записки // Рус. Старина.* 1901. № 2. С. 367.
20. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат.* М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 189, 195–197, 211, 231–234. С. 193, 203–206, 214–215, 233–235 и др.
21. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 88–89.
22. Поибюск Л. Г. *Письма о войне в Рос.* М., 1833. С. 107, 113–114, 116.
23. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву.* М., 1911. С. 128–129.
24. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912.* С. 88–89.
25. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос.* М., 1943. С. 233.

26. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 267–268.*
27. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 131.*
28. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 209, 210. С. 213–214.*
29. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 95.*
30. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 257 и прим. 2 к нему. С. 255.*
31. Синельников Ф. М. *Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 271.*
32. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 237.*
33. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 108–109.*
34. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 241.*
35. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912. С. 91–92.*
36. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина. 1901. № 2. С. 369–370.*
37. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XX. С. 29–30.*
38. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 236. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 129.*
39. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 105.*
40. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XX. С. 39.*
41. *Там же. Т. XIX. СПб., 1912. С. 175–176.*
42. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 240.*
43. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 126.*
44. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 258. С. 255.*
45. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 95–96.*
46. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 238.*
47. Колачковский К.-И. Е. *Записки о войне 1812 г. Б. м., 1911. С. 71.*
48. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 238. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 130.*
49. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина. 1901. № 2. С. 367–368.*
50. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 116–117.*
51. *Там же. С. 117, 119–120.*
52. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 308, 309. С. 298–299.*
53. Шербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 228.*
54. *Там же. С. 228–229.*
55. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 123–124.*

56. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 315. С. 303.
57. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 125.
58. Крючков В. В. 95-й пех. Красноярский полк. СПб., 1897. С. 169.
59. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 313, 314. С. 301–303.
60. Там же. Док. № 317. С. 304.
61. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 125–129.
62. Бутурлин Д. П. Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 110–111.
63. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 14–16.
64. Левенитерн В. И. Записки // Рус. Старина. 1901. № 2. С. 368.
65. Там же. С. 370–371.
66. Бенкендорф А. Х. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армии. С. 128–129.
67. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 137.
68. Коленкур А. О.-Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 241–243.
69. Колачковский К.-И. Е. Записки о войне 1812 г. Б. м. 1911. С. 72.
70. Окунев Н. А. Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 242–243.
71. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 130–131.
72. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 320, 321. С. 306–308.
73. Там же. Док. № 335, 348. С. 320–322, 332.
74. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 286–287.
75. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 243. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 135–136.
76. Лоссберг Ф. В. Поход в Рос. Киев, 1912. С. 94–95.
77. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 133.
78. Там же. С. 135–136.
79. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 241. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 134.
80. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XX. С. 74, 76.
81. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 142.
82. Коленкур А. О.-Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 252.
83. Фельдм. гр. И. И. Дибич-Забалканский в его воспоминаниях // Рус. Старина. 1891. № 5. С. 273.

84. Шербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 229.*
85. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 327. С. 311.*
86. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 140–141.*
87. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 279, 280, 293. С. 269–270, 280.*
88. *Там же. Док. № 318, 387. С. 304–305, 379.*
89. *Там же. Док. № 349. С. 334.*
90. *Там же. Док. № 333, 336, 349. С. 319–320, 322, 334–335.*
91. *Там же. Док. № 40. С. 56.; ср. с док. № 117, 202. С. 127, 209.*
92. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 255, 249–250. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюсс.-Лондон, 1863. С. 148.*
93. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 376. С. 369.*
94. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 234. С. 325–326.*

10.2. ДВИЖЕНИЕ РУССКИХ АРМИЙ К РЕКЕ БЕРЕЗИНЕ И ИХ РАСПОЛОЖЕНИЕ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Готовясь идти к Березине, адмирал П. В. Чичагов был озабочен обеспечением своей армии продовольствием и охраной Волыни от возможного неприятельского вторжения. По мнению Богдановича, упреки Кутузова адмиралу в задержке у Бреста были неосновательны. В доказательство военный историк приводит пример Карла XII, который в Северную войну действовал в этом же краю медленнее Чичагова, хотя часть населения держала его сторону [1]. О трудностях с продовольствием и угрозой со стороны К. Ф. Шварценберга сообщает Михайловский-Данилевский, не упрекая адмирала в каком-либо промедлении [2].

Другим свидетельством безосновательности скепсиса Кутузова является его собственная переписка. 16 (28) октября фельдмаршал рапортует Александру I о задержке сближения армии Чичагова с Главной армией, и 23 октября повторяет свою «сомнительность». Еще через неделю, 2 (14) ноября, Кутузов пишет Витгенштейну: «*Отдаленность адмирала Чичагова так велика, что он более имеет удобства расстроить Виленскую конфедерацию, нежели участвовать в поражении главной неприятельской армии*» [3]. Эти слова полководца со-

ветские и постсоветские ортодоксальные историки считают доказательством медлительности адмирала [4]. Но уже на следующий день 3 (15) ноября Кутузов «с несказанным удовольствием» получает сведения о быстром движении бывшей Дунайской армии с намерением 7 (19) ноября быть в Минске, и отправляет в адрес Петра Христиановича совсем другую «песню»: «*Главная же армия и армия адмирала Чичагова тем временем употребят все способы, чтобы сблизиться сколь можно более для истребления главной неприятельской армии*» [5]. И тут панегиристы молчат, — описывать документы в связи между собой им не с руки. Слишком явной становится пустота писаний их кумира. Одно из правил войны: не распространяй домыслы, пока не получил сведения о фактах, оказалось нарушено Михаилом Илларионовичем.

Л. Л. Ивченко, понимая разницу сообщений Витгенштейну от 2 и 3 ноября, вынуждена процедить: «*Таким образом, сам собой отпал план Кутузова и формально вступил в силу план, начертанный Александром I*» [6], но затем это признание исчезает из ее писаний. В самом же конце многоголосого осуждения Чичагова крестом лежит неопровержимый факт, что Дунайская армия адмирала успела вступить на Березине в бой с Наполеоном, а вот Главная армия великого полководца Кутузова — нет.

Против австро-саксонских войск Чичагов был вынужден оставить значительную часть своих сил — 27-тыс. корпус под начальством генерал-лейтенанта Ф. В. Остен-Сакена с 92 орудиями, и, сверх того, отряд генерал-майора С. Я. Репнинского с 6 пушками для охранения Волыни. Большинство резервных батальонов были отправлены в Мозырь на усиление корпуса Ф. Ф. Эртеля. На решительные действия последнего весьма рассчитывали. Бывшая Дунайская армия, 18 (30) октября выступившая к Пружанам, и далее к Березине, насчитывала около 30 тыс. чел. со 180 орудиями. К ним должны были присоединиться спешащий из Молдавии через Пинск отряд генерал-майора Н. И. Лидерса в числе 3,5 тыс. чел., и от Мозыря — 15-тыс. корпус пресловутого Эртеля [7]. Недостаток и разобщение сил штаб Чичагова стремился возместить их умелым движением: «*Марши были так разочтены, что Эртель и Лидерс, сближаясь к армии, выступившей от Бреста к Минску, должны были, как будто в сети, захватывать неприятельские войска, разбросанные на пространстве между Березиной и Припятью*» [8].

Движение адмирала на Березину не могло укрыться от Шварценберга. Единственное назначение австро-саксонских сил заключалось

в том, чтобы препятствовать русским войскам из Литвы и Волыни обратиться в тыл Наполеона. В тот же самый день австрийцы поспешно начали переправу через Западный Буг у Дрогичина и Семятичей, и направились к Волковыску и Слониму *«такими усиленными маршами, каких нельзя было ожидать от немецких войск»* [9]. Остен-Сакен, в свою очередь, решился идти по следам австрийков и саксонцев, выступив 22 октября (3 ноября) из-под Бреста. Он был намерен остановить противника и обеспечить выполнение задачи Чичаговым, хотя бы через то сам подвергся поражению.

26 октября (7 ноября) Чичагов был уже в Слониме, а Шварценберг только выступал из Волковыска, что предоставило адмиралу возможность вредить его дальнейшему продвижению действиями своих партизан. Авангард корпуса Остен-Сакена под командованием генерал-майора А. П. Мелиссино 27 октября догнал арьергард саксонского корпуса Ж.-Л. Ренье, напал на него, захватил пленных и отбил часть обозов. Следующие несколько дней Остен-Сакен продолжал теснить Ренье к Волковыску. Оказывая такое давление, он повторял атакующий маневр Торماسова на Кобрин, позволивший тому в начале войны удержать Шварценберга и Ренье от помощи Наполеону.

Шварценберг поначалу не обратил внимания на донесения Ренье об угрожавшей ему опасности, и продолжал движение за Чичаговым. Остен-Сакен в ночь на 3 (15) ноября решился напасть на Ренье в Волковыске и неожиданным ударом занял город, вынудив французского генерала бежать через окно, бросив экипажи корпусного штаба и свою канцелярию. С рассветом сконфуженный неприятель (его войска пострадали мало, так как находились на биваках за городом), открыл сильную канонаду, покушаясь снова овладеть Волковыском. Донесение о падении Волковыска стало для Шварценберга сигналом к возвращению, — ему не были известны потери Ренье, а ночной бой и бегство из города всегда дают повод предположить худшее.

Весь день 3-го и в первой половине дня 4 (16) ноября бои за Волковыск шли с переменным успехом, когда на помощь Ренье стал подходить Шварценберг, намереваясь обойти с фланга и тыла войска Остен-Сакена. Опытному австрийскому полководцу удалось зайти авангардом генерала Фрелиха за правый русский фланг, захватив в Изабелине часть русских обозов и лазареты с больными. Диспозицией командира корпуса предусматривалось, что обозы должны были перейти в Гнезно, но это распоряжение не было выполнено рядом полковых командиров. Все же расчетливо-авантюжными действиями

Остен-Сакена австрийцы воспользоваться не успели. Ошибка Шварценберга, начавшего круто поворачивать к Волковыску, и слабость потрепанного Ренье, не дополнившего обход натиском с фронта, дали возможность русскому командующему контратаковать конницу Фрелиха, отбить часть обозов и отойти к Свислочи. Там он остановился, приводя войска в порядок.

В последующие дни Остен-Сакен, отступая, увлек Шварценберга и Ренье к Бресту и Кобрину, где 13 (25) ноября австрийцами был получен категорический приказ на выступление к Минску. На следующий день Шварценберг пошел обратно к Пружанам, но было уже поздно, — его корпус не успевал принять участия в боях на главном театре войны. Этот познавательный с точки зрения военной науки эпизод борьбы показывает, что движение армии Чичагова к Березине не было прогулкой, а его обеспечение — простой задачей.

Генерал-лейтенант, будущий генерал-фельдмаршал Ф. В. Остен-Сакен добился выдающегося результата. *«Будучи оставлен против неприятеля, имевшего почти двойные силы, он вполне выказал способности самостоятельного военачальника, настойчиво преследовал Ренье, заставил возвратиться Шварценберга, угрожавшего Дунайской армии нападением с тыла, умел уклониться от поражения, будучи обойден с фланга значительными силами австрийского корпуса, и отвлек неприятеля на значительное расстояние».* Русские потери в этой операции преувеличены зарубежными источниками. Как замечает Богданович, *«если бы Сакен действительно потерял 10 тысяч человек, почти все свои обозы и часть артиллерии, то Шварценберг мог, оставя для преследования его... корпус Ренье... обратиться на Слоним к Минску и прикрыть отступление остатков Наполеоновой армии»*, а этого не произошло [10]. Похвально отзывался о действиях командующего отдельным Западным корпусом Бутурлин: *«Осторожные и вместе твердые поступки генерал-лейтенанта барона Остен-Сакена, достойны внимания... успел он оттянуть австро-саксонцев к Бресту-Литовскому, а между тем адмирал Чичагов выиграл время, потребное для того, чтобы утвердиться на реке Березине»* [11]. Михайловский-Данилевский назвал Остен-Сакена *«полководцем с необычайною твердостью воли»* [12]. Кратко констатировал успех генерала Клаузевиц: *«Чичагов, избавившись благодаря Сакену от Шварценберга, двинулся... на Борисов»* [13].

Чичагов 25 октября (6 ноября) в Слониме получил известие об очищении неприятелем Москвы и отступлении Наполеона. Видя необходимость спешить на Березину, он выдвинул вперед авангард под

командованием К. О. де Ламберта, который расчистил дорогу на Несвиж и упредил противника, собиравшегося разрушить мост на Немане. Минский комендант генерал Брониковский, выслал навстречу русским отряд генерала Косецкого, но поляки и литовцы, оглуленные наполеоновской пропагандой, не были готовы сражаться с русской регулярной армией, которую они совсем не ждали. Только за один день 1 (13) ноября войсками Ламберта было захвачено в плен более 770 солдат и офицеров противника, потеря неприятеля убитыми простиралась до 500 чел.; с русской стороны было только 7 убитых и 37 раненых.

2 (14) ноября был истреблен неприятельский отряд из 300 чел. и захвачено много пленных, а следующий день 3 ноября стал самым успешным: были окончательно разгромлены части Косецкого. За эти два дня наполеоновские войска потеряли около 1000 чел. убитыми, а пленными — 65 офицеров и 3870 солдат, 2 знамени, 2 орудия и 10 фургонов с зарядами. Урон Ламберта был ничтожен. Дивизия польского генерала Домбровского, выпущенная к Минску бездействием Эртеля, пройти в город не успела, и направилась через Игумен (ныне Червень) к Борисову. Туда же 4 (16) ноября ретировался Брониковский, а Ламберт занял Минск, обнаружив большие материальные запасы и множество французских раненых. Всего в городе попало в плен 2300 солдат и офицеров. 5 ноября в Минск прибыла главная квартира адмирала Чичагова, а отряд полковника Парадовского, направленный к стороне Вильны, захватил более 2000 бежавших из города неприятелей и отбил множество обозов [14].

Большим достижением стал проход 5 (17) ноября из Дунайской в Двинскую армию Витгенштейна отряда флигель-адъютанта Чернышева (казачий полк майора Пантелеева), по пути освободившего из плена генералов Винценгероде и Свечина, и захватившего нескольких наполеоновских курьеров. Чернышев рапортовал, что адмирал движется к Минску, сообщил о результатах наблюдения за неприятелем, показания пленных, и представил изъятые у курьеров документы [15]. Эти ценнейшие данные должны были ускорить движение Витгенштейна в направлении Борисова.

Кутозову до Борисова, где по общему операционному плану предполагалось соединение русских сил, было всего два марша, но он навстречу Чичагову не спешил, докладывая царю о намерении продолжать параллельное преследование Наполеона. Сообразно этому Михаил Илларионович по завершении боев у Красного отписал

Павлу Васильевичу о необходимости установления связи между армиями окольным путем «*через Копысь, Староселье, Цезержин, Шепелевичи, Черной Усов, село Уша, что на Березине, Гроднянка, Смолевичи и Минск*» [16]. Вместе с тем, фельдмаршал не потребовал от Ф. Ф. Эртеля присоединиться к армии Чичагова. В результате небольшой отряд Н. И. Лидерса соединился с войсками Чичагова, но Эртель не выполнил отданного ему адмиралом приказа идти к Минску через Игумен. У мозырского «генерал-полицмейстера» была новая песня: он боялся соединения Виктора и Домбровского. Как едко высказались Мартос и Пирожников: «*Сей генерал знал лучше как сесть и вешать невинных поляков, которые в глазах его были все злодеи, нежели науку воевать*» [17]. «*Трудно объяснить, почему Эртель не исполнил приказание Чичагова, как и то, почему он задержал у себя собственные деньги нижних чинов в сумме 1520 рублей, принадлежавших рекрутам батальона штабс-капитана Вейсовского, на что те, по прибытии в 12-ю дивизию, и заявили претензию*» [18].

В оправдание своего бездействия Эртель ссылался на разные сложности, в том числе, на противоречащие Петербургскому плану повеления Кутузова действовать на Бобруйск [19]. Такая подначка Эртелю со стороны «спасителя» была: «*Я, не зная верного назначения корпуса генерал-лейтенанта Эртеля (как это возможно? — А. Д.), предлагаю вашему высокопревосходительству, не угодно ли будет его командировать к крепости Бобруйску, где оный... прикроет совершенно Черниговскую губернию и сохранит удобность по мере вступления Главной армии нашей в Минскую губернию двинуться по обстоятельствам к Минску или Несвижу. Впрочем, если ваше превосходительство дали уже ему какое направление, в таком случае пусть действует он сходно вашему предписанию*», — так 28 октября пишет Кутузов адмиралу Чичагову. Не дожидаясь ответа Чичагова, он строчит Эртелю: «*При теперешних обстоятельствах необходимо нужно, чтобы ваше превосходительство, если не имеете особенного назначения от адмирала Чичагова, со вверенным вам корпусом подвинулись к городу Бобруйску*» [20]. Вся остальная переписка Кутузова и Эртеля октября — начала ноября 1812 года крутится вокруг бобруйского направления и снабжения продовольствием Бобруйской крепости, как будто ничего не изменилось в ходе войны. Это была в полном смысле слова подрывная деятельность против Петербургского военного плана, который сам Кутузов полностью одобрил!

Естественно, боясь выступить навстречу Наполеону, Эртель нудил о необходимости согласовать полученные от адмирала приказания с

исполнением предположений Кутузова, и находил другие надуманные причины. С образцами этого лепета можно ознакомиться в материалах ВУА ГШ. Адмирал Чичагов совершенно справедливо донес государю, что *«генерал Эртель не тронулся из Мозыря, изыскивая ничтожные предлоги и делая незначущие вопросы»*, а *«Домбровский обязан Эртелю своим спасением»*, и отправил для принятия командования Мозырским корпусом генерала Тучкова 2-го. Для замены не прибывших войск, Остен-Сакену было предписано срочно отправить на соединение с армией через Пинск корпус П. К. Эссена 3-го [21]. К боям на Березине корпус прибыть не успел. Эртелю грозило наказание, но Михаил Илларионович защитил и пригрел «родственную душу».

«Непонятно... было равнодушие, с которым смотрели на важнейший тогда предмет соединения с армией адмирала Чичагова и на необходимость усиления ее средств», — писал Ермолов [22]. Вильсон 12 (24) ноября докладывал Александру I: *«В теперешней позиции теряем мы день, сделав роздых без нужды; если мы останемся на месте другие 24 часа, Бонапарт восстановит свои коммуникации... Он много потерпел от отрядов наших и от самой природы, но не был еще разбит. Напротив того, он мог увидеть, что и ослабевшее могущество его казалось страшным тому генералу, который предводительствует армиями Вашего Величества... Если фельдмаршал не будет употреблять все способы, находящиеся в его распоряжении, то сожалеть должно, что он из избытка своего не подкрепил адмирала Чичагова. Адмирал может удержаться, но ему должно предпринимать с тою деятельностью, которая ознаменовала операции Фридриха Великого»*. В этот момент англичанин, вероятно, находился в авангарде, о чем говорит приписка: *«О состоянии мостов и пр. также мало прилагается попечения. В корпусе генерала Милорадовича находится только один пионер и весьма чувствителен был этот недостаток»* [23].

После отдыха в Минске авангард Ламберта перешел 8 (20) ноября к Жодину, а главная квартира Чичагова к Антополю; отряд генерала Чаплица достиг Зембина, а полковник Луковкин, прибыв к Игумену, узнал о движении Домбровского к Борису и направлении туда же других польских войск, наблюдавших Бобруйскую крепость. Ему удалось настигнуть аррьергард Домбровского у деревни Уша и принудить его к сдаче. В тот день от пленных были получены сведения, что в Борисов ожидалось прибытие всего корпуса Виктора, и Ламберт решил тотчас идти к Борису, чтобы овладеть тамошними укреплениями прежде, чем неприятель мог сосредоточить силы. По-

сле долгого марша он решительно атаковал и добился успеха. 9 (21) ноября Борисов был взят. Урон неприятеля простирался до 1500 чел. убитыми, от 2000 до 2500 взятыми в плен, 7 или 8 орудий. Силы отряда Ламберта тоже были истощены — за дни стремительного похода он потерял половину своих людей от 1500 до 2000 чел.

10 (22) ноября главные силы бывшей Дунайской армии сосредоточились у Борисова. В город переправились главная квартира Чичагова и корпус генерала А. Л. Воинова. Адмирал разослал по войскам предписание с приметами Бонапарта, ибо конец его армии полагался неизбежным, а сам он, как считалось, не мог избежать смерти или плена [24]. Так исполнялось повеление Александра I, бескомпромиссно настроенного против врага, и ожидавшего его полного унижения. Это было высшее достижение армии Чичагова, удержать которое можно было только во взаимодействии с армиями Кутузова и Витгенштейна. Но взаимодействия не было. «Спаситель отчества» не двигался к Березине.

Кутузов неделю топтался на участке дороги между Красным и Оршей, который даже при уклонении на юг к Копысю, произведенному исходя из его ложных воззрений, составлял 98 км, или 3—4 дневных перехода (прямоком до Орши было 72 км). *«Его желание было, чтобы Наполеона полагали недалеко, и что он готов преследовать его»*. На самом же деле *«Наполеон отступал с невероятной поспешностью, опасаясь быть настигнут нашей армией прежде перехода за реку Березину. Но опасения его были напрасны... фельдмаршал не трогался с места... Я донес фельдмаршалу о переходе моем за Днепр и получил с нарочным приказание остановиться в местечке Толочине до прибытия авангарда Милорадовича»* [25].

П. В. Голенищев-Кутузов рапортовал Михаилу Илларионовичу 6 (18) ноября: *«Известия, полученные о неприятеле суть, что вся французская армия и сам Наполеон находится в Орше и тянется оттуда чрез Толочин на Борисов»*. Учитывая, что главнокомандующий знал: *«адмирал Чичагов к 9-му или 10-му числу может быть к Борисову»* [26], выводы, где произойдет следующее сражение, были очевидны. Но все драгоценное время, употребленное врагом для движения к Березине, Кутузов занимает рутинной. Убедившись (наконец-то!) в падении боеспособности наполеоновской армии, он возвращается к использованию ратников, соизволив приказать, чтобы в Копысь направили Дмитровское ополчение. Черниговское ополчение направляет в Могилев [27]. А самого необходимого главнокомандующий приказать не удосужился, увлек-

шись вместо умершей идеи движения Наполеона на север такой же оторванной от реальности мыслью о его уклонении в обход армии Чичагова на юг. Так Бонапарту было позволено соединиться с корпусами маршалов Н.-Ш. Удино и К. Виктора, обрушив все силы на адмирала.

В известной мере пассивность была следствием наступившего после боев под Красным кризиса снабжения Главной армии. Положение с хлебом, местами для постоя и обогрева людей было самое жалкое. Это вынуждало фельдмаршала ждать подвозов и жаться с армией на юг, в надежде получить транспорты с продовольствием из Бобруйска [28]. Такое положение вещей лишний раз подчеркивает ошибку Кутузова, не рискнувшего поставить точку в войне у Красного. Перенапряжение сил и материальная недостаточность все более приmeshивались в планы самолюбивого и упрямого, больше склонного управлять армейским хозяйством, чем воевать, старика. Военная мысль, в которой собственное желание получить хлеб из Бобруйска путалось с оценкой движений Наполеона, могла быть только плохой мыслью. Надо сказать, что оба полководца страдали такой алогичностью. Бонапарт так хотел разбить русских в начале войны, что они будто бы не могли отступить, так жаждал в Москве почетного мира, что не готовил отхода. А теперь Кутузов так хотел хлеба, что Бонапарт должен был бежать туда, где был хлеб.

Сегюр пишет: *«Наполеон пришел в Оршу с шестью тысячами гвардейцев, оставшимися от тридцати пяти тысяч! Евгений — с тысячью восьмьюстами солдатами, оставшимися от сорока двух тысяч, Даву — с четырьмя тысячами, уцелевшими из семидесяти тысяч»* [29]. Те же цифры называет Клаузевиц. Другой возможности прорыва, кроме как соединиться с корпусами Удино и Виктора, у французского императора не было, и это исключало путь отступления, какой удалял бы от них. При выступлении Бонапарта 8 (20) ноября из Орши, к нему присоединились кавалерийское депо из Горок, Оршинский и Могилевский гарнизоны. 9 (21) ноября приблизился корпус Удино, выйдя на большую дорогу у Бобра. Виктор все еще стоял против Витгенштейна, у Черей. 10 (22) ноября Наполеон получил известие о взятии русскими Борисовского тет-де-пона и города Борисова. Это сообщение, полученное вслед за известием о потере Минска *«было настоящим громовым ударом»* [30]. Нельзя было переправиться через Березину в виду противника, без понтонов, последние из которых были сожжены в Орше. Находясь в состоянии, близком к отчаянию, Наполеон созвал военный совет.

Генерал Г. Дод де ла Брюнери предложил двинуться вверх по течению Березины, присоединить войска Удино и Виктора, перейти реку по хорошим бродам, опрокинуть Витгенштейна и направиться к Вильне через Глубокое. По мнению Наполеона, тяжелое состояние войск не позволяло выбирать окольные пути и встречаться с силами Витгенштейна, стоявшими на выгодных позициях. В результате было принято мнение генерала Жомини переправляться несколько выше Борисова и двигаться по известным ему деревянным гатям к Вильне через Сморгонь, по кратчайшей и наименее разоренной дороге. Такое решение предполагало нанесение удара на Борисов с целью завладеть тамошним мостом, или хотя бы обезопасить на время другой пункт переправы. Разумеется, для успеха надо было, чтобы Кутузов не преследовал своего противника.

К сожалению, внимание Чичагова было отвлечено от перспективы скорого сражения, так как Кутузов постоянно «кормил» его известиями о величайшем расстройстве и потерях неприятеля у которого сам не решался стать на дороге. Даже 10 (22) ноября главнокомандующий послал к адмиралу гвардии поручика Орлова с письменными предположениями о бегстве Наполеона к Игумену и уверениями, что неприятель *«почти без артиллерии и кавалерии»*. Витгенштейн в свою очередь писал, что не располагает сведениями о движении наполеоновской армии, но высказал мнение, что она могла обратиться к Бобруйску, потому что при ее движении на Борисов маршал Виктор продолжал бы твердо удерживаться у Черей для прикрытия с фланга. Из Минска также поступило неопределенное донесение полковника Кнорринга о появлении передовых отрядов Шварценберга у Ново-Свержения [31, 32]. Все сообщения в совокупности привели Чичагова к недооценке противника и мнению о возможном боковом движении Бонапарта к Березине перед Борисовом.

Негативное влияние на ситуацию возымело ранение опытного генерала Ламберта, 9 (21) ноября покинувшего армию. Пока на его место назначали П. П. Палена 3-го, войска авангарда, оставшиеся без командира, не выслали разъездов для рекогносцировки и не приняли других мер предосторожности [34]. Бездействовал и критично настроенный к адмиралу Ланжерон, который *«тотчас же послал Витгенштейну известие об успехах, одержанных армией Чичагова, и о занятии Борисова, но не озаботился принятием мер для разведывания к стороне Бобра»* [35].

Адмирал был так самоуверен, что проигнорировал захваченные Ламбертом письма адъютанта Бонапарта князя Сулковского, сооб-

шившего генералу Брониковскому *«из Орши, что главная квартира будет 9-го в Бобре и 10-го в Борисове, и что он, Сулковский, сделает возможное, чтобы прибыть туда днем раньше с целью избежать столпления обозов при переправе через Березину»* [35]. *«По объявлению пленных маршал Виктор того же дня вечером обещал прийти на помощь генералу Домбровскому»* [36]. Но Чичагов истолковал отсутствие войск Наполеона у Борисова в означенную письмами дату как его поворот на другую дорогу, хотел *«двигаться навстречу Наполеону и раздавить его между собой и Кутузовым»*. В самом деле, по исходившей от Кутузова с середины октября информации, логичным представлялось ударить по отступающим боковым маршем от Бобра французам, и втиснуться между Наполеоном и Виктором, вынудив их обоих к бегству по расходящимся направлениям. Казалось легче легкого выполнить требование Петербургского плана: занять *«и далее лес и дефилеи по дороге от Борисова до Бобра»* [37, 38]. Такое требование было прописано, не надо уводить глаза общественности от него, будто адмирал самоуправно перешел через Березину. Он исполнял императорский приказ, но при этом переоценил свои силы и неправильно оценил ситуацию.

Марш Наполеона был прямой, и задержался лишь по причине крайнего расстройтва войск после боев у Красного. Генералы Чичагова, опасавшиеся, что при движении вперед, за Борисов, они могут быть атакованы соединенными силами Наполеона, Удино и Виктора, употребили все свое влияние, чтобы отменить адмиральский приказ [39]. По утверждению офицера квартирмейстерской части П. И. Фаленберга: *«Чичагов... не хотел верить, что тут вся армия Наполеона»* [40]. В результате споров, 11 (23) ноября авангард под командованием графа П. П. Палена 3-го был направлен по оршинской дороге для открытия неприятеля. Не предполагалось, что авангарду может потребоваться поддержка. Кавалерия оказалась далеко позади, до 3000 кавалеристов было распушено на фуражировку. Палену удалось захватить пленных, которые показали, что вся французская армия находится впереди него на расстоянии одного перехода. Командир авангарда запросил подкрепления, но адмирал самодурно приказал авангарду удержаться неприятеля [41].

Пленные обманули Палена, но не в силах французов, а в расстоянии до них. Три версты не доходя до деревни Лошницы, авангард бывшей Дунайской армии внезапно столкнулся с авангардом корпуса Удино и поляками дивизии Домбровского, всего 2500 чел. пехоты

и 1100 кавалерии с 12 орудиями, под общим командованием генерала Б. П. Кастекса. Тут подчиненным Палена было суждено на своей шкуре изведать цену уверениям Кутузова об отсутствии у врага кавалерии и артиллерии. Как того, так и другого после соединения наполеоновских корпусов у врага было довольно. Не было недостатка и в информации о русских, поскольку по дороге из Борисова в Бобр продолжалось бегство раненых и разных «негодяев», частью на хороших, быстрых конях [42].

Пален повторил ошибку покойного генерала Кульнева, продолжив движение вперед и втянувшись в бой. Лес не допускал разветвления русской колонны, а у занятой врагом Лошницы дорога выходила через разреженный перелесок на поляну. Там Кастекс и поставил в охватывающем положении свою пехоту (в перелеске), кавалерию и артиллерию (на поляне). Выждав, когда голова русской колонны покажется из лесу, он атаковал ее, используя свое большое огневое преимущество. Попытка Палена ускоренным маршем дебушировать на противника потерпела полную неудачу. Его артиллерия была сразу же сбита, французская кавалерия разметала русскую пехоту, заставив ее укрыться в лесу, преследовала по дороге русских всадников, и почти одновременно с ними в два часа пополудни появилась перед Борисовым [43].

Чичагов оказался застигнутым врасплох в тот момент, когда читал полученные им царские повеления исполненными, готовясь к преследованию остатков полчищ Наполеона, будто бы бредущих в обход Борисова на юг. *«Армия Чичагова стояла с непостижимой беспечностью, не делая никаких приготовлений к бою»* [44]. Бригада, назначенная в подкрепление Палену после сообщения о его неудаче, с выступлением опоздала. Пробуждение от бездумной самонадеянности повлекло за собой дикую панику: *«Я вам не могу описать тогдашней суматохи: ибо она превосходит всякое описание»* [45]. Приказано было отступать, но не принято мер, чтобы отступить в порядке. Едва успели сжечь мост через Березину; отрезанные от армии фуражиры спаслись тем, что примкнули к егерским полкам отброшенного авангарда, и вместе с ними 12 (24) ноября переправились назад через реку у деревни Брили севернее Борисова. В городе были потеряны многие полковые обозы, канцелярия главнокомандующего, частные экипажи, лазареты с ранеными и больными. *«Накрытый для обеда стол адмирала был взят французами вместе с серебряной посудой, его вещицами, одеждой и портфелем»* [46]. Общий урон русской армии убитыми

и пленными в этот позорный день был показан в журнале военных действий в количестве до 1000 чел., а по свидетельству Ланжерона — более тысячи. Поражение было полное.

И все же для наполеоновских войск победа оказалась бесплодной в силу разрушения моста: *«В этом месте Березина не только река, но и озеро, покрытое движущимися льдинами... мост через нее в 260 сажен длины... его разрушение непоправимо и переправа невозможна»* [47]. Лорд Тиркконнелл написал: *«Я надеюсь, что из сей неудачи последует то хорошее действие, что побудит адмирала... оказывать более внимания к советам тех генералов, к способностям коих он (кажется мне без причины) не имеет довольно уважения»* [48]. Увы, он ошибся. Павла Васильевича, как и Михаила Илларионовича, неукротимо несло на амбициях.

12 (24) ноября армия Чичагова оставалась у Борисовского тет-де-пона (старого предмостного укрепления на западном берегу Березины), поставив на нем 18–20 орудийную батарею, направленную на остатки моста, и выслав наблюдательные отряды генерал-майора Е. И. Чаплица и генерал-майора И. К. Оурка вверх и вниз по течению. Русские войска страдали от мороза и недостатка брошенных в городе продуктов. *«Сей день был самый жесточайший мороз; думали, что стужа была сверх 25 градусов»* [49]. *«Холод был уже очень чувствителен. Адмиралу и прочим штабам вырыты были землянки. В таком бездейственном положении простояли мы три дня. Разосланы были вверх и вниз по реке небольшие отряды для наблюдения за действиями неприятеля»* [50]. Расположившийся в лучших условиях на восточном берегу Удино занимался рекогносцировками течения Березины и открыл хороший брод в 16 верстах выше Борисова, у Студянки.

Швейцарский офицер Т. Леглер недоумевал: *«Я не могу вспомнить, чтобы за все наше пребывание в Борисове хоть один выстрел направлен был в город, до того наполненный людьми и солдатами всех родов оружия, что с трудом можно было в нем пробираться. Если бы неприятель обстреливал город, многие тысячи неизбежно бы погибли»* [51]. Возможно, адмирал Чичагов не так легко смотрел на разрушение городов с оставшимися в них русскими ранеными, как фельдмаршал Кутузов, а еще вернее, — береглись заряды, подвоза которых давно не было при быстроте движения к Борисову. Обстрелять город, а потом не иметь снарядов для отражения переправы было не умно.

В это же время, вдалеке от описанных неприятных событий, Кутузов прочно укрепился в ложной точке зрения о бегстве Наполеона от

Бобра к южной Березине. 11 (23) ноября он раздражается серией предписаний в адрес Д. В. Давыдова, А. Н. Сеславина, А. П. Ожаровского о следовании к Березино, так как *«Наполеон легко решиться может хотя с малою частию войск своих броситься от Бобра через местечко Березино на Игумен»*. В тот же день фельдмаршал рапортует Александру I, оправдывая задержку в движении Главной армии на Борисов: *«Сим движением надеюсь я воспретить неприятелю путь, еслиб оный восхотел повернуть от местечка Бобра через местечко Березино на город Игумен»* [52]. Наконец, 14 и 15 ноября, когда события давно уже шли по драматическому сценарию, Кутузов высказывается категорично: *«Главные силы нашей армии следуют прямо на местечко Березино»*, *«Главная армия завтрешнего числа имеет быть в окрестностях дер. Ухвала, что на дороге из мест. Бобра в мест. Березину»*. Учитывая, что из Копыся в Ухвалу главком повел свою армию далеко южнее Бобра, через Сомры [53], ничего он Наполеону не воспретил, а наоборот, предоставил тому время и место для движения по хорошей дороге от Бобра на Борисов.

Заблуждение тем более удивительное, что как считали многие русские генералы, включая Ермолова, и первый историк войны 1812 года Бутурлин, Наполеон не должен был колебаться в движении на Борисов, потому что *«ему оставалось только одно сие средство к спасению»* [54]. Окунев, давая топографическое рассмотрение местности, указывает: *«Наименее выгодное для Наполеона было то (направление), которое ведет от Березины в Игумен; ибо французская армия, опереженная в Минске, была бы принуждена броситься на Слуцк, и снова отрезанная в Несвиже, могла быть прижата к Припятским болотам. Итак переправа должна была необходимо произойти на пространстве между Веселовым и точкою ниже Борисова; но столь близко к городу, чтобы армия, переходя через Березину, могла безопасно выйти на большую дорогу из Борисова в Минск»* [55]. Михаилу Илларионовичу была доведена очередная записка генерала Оппермана, исходившая из того, что Наполеон будет переправляться через Березину у Борисова. То же самое думал Платов, рапортовавший Кутузову об освобождении Чичаговым города Борисова: *«Корпус Виктора... может желать соединения с Наполеоном у Борисова»* [56]. Но Кутузов не умел слушать своих генералов, и не собирал военных советов.

Помутнению разума главкома способствовал очередной припадок хвастовства, овладевший Михаилом Илларионовичем накануне. Он написал Волынскому губернатору М. И. Комбурлею о захвате 500 пу-

шек и разбитии 25-тыс. (!) корпуса Нея, в котором, как мы уже знаем, состояло только 8300 исправных бойцов. В письме к Е. М. Хитрово (совместное эпистолярное творение с Кудашевым) было приписано: *«Мы все поедем в Париж. Можно быть уверенным во всем, когда во главе находится такой гениальный полководец»*. Приложение к письму с *«мечтаниями»* самого Кутузова не сохранилось [57]. Помечтал, а намерения врага не вскрыл. Впрочем, Чичагова это не оправдывает, должен был иметь собственную голову на плечах.

«Мы хорошо различали Наполеона, Мюрата, других генералов, которые приехали 13-го (25-го), а уехали 14-го (26-го) на рассвете в Студянку, близ Веселова, чтобы приготовить мосты для переправы. Этому мы могли и должны были помешать. Между тем, утром 13-го ноября Чичагов получил от Кутузова известие... Чичагов принял этот совет за приказание и распорядился еще более нелепо, чем предполагал сделать это 11 ноября... Последний удар ему нанес граф О'Рурк... а также казачий полковник Луковкин, посланный вдоль Березины к с. Игумену и с. Березино; он доносил, что встретил там...польский полк, оставленный позади Домбровским для наблюдения за Эртелем... Адмирал видел в этом полку даже авангард Наполеона. Упрямству адмирала нет названия» [58]. Чичагов повел себя точно как Эртель, которого он сам сурово порицал.

Де Ламберт, 12 (24) ноября находясь в Стахове, *«послал к адмиралу своего адъютанта с письмом, где подробно излагал соображения, которые несомненно приведут неприятеля к решению переправиться в этом пункте»* (Студянке) [59]. Оно было проигнорировано Чичаговым точно так же, как и ранее захваченные Ламбертом вражеские письма. Такое нечем объяснить, кроме свойственного вельможам того времени пренебрежения к заслуженным боевым генералам. Окунев также говорит: при одном взгляде на карту и понимании основных военных соображений, адмирал должен был сосредоточивать свои силы у Большого Стахова, в 7 км севернее Борисова и 10 км южнее Веселова, но *«сделал именно противное тому, чего обстоятельства требовали»* [60].

Адмирал Чичагов был одной из многих сомнительных кадровых находок императора Александра I. Как охарактеризовал своего начальника А. Ф. Ланжерон: *«Он в продолжение трех лет был морским министром России и успел разрушить флот. Он не имел никакого понятия о службе на суше и его неведение ни нашей организации, ни наших маневров, делало его смешным перед всей армией. Характер Чичагова вполне гармонировал с его умом: он был сухой, неблагодарный и грубый,*

и в его сердце сосредоточивались все пороки так же, как в его голове все безумства... Трудно придумать те причины, которые заставили Государя доверить свою армию этому адмиралу, особенно при таких критических обстоятельствах» [61]. Чичагов, как и Аракчеев, декларировал щепетильную честность, был прям в общении с царем, и это показное пуританство ценилось впитавшим павловскую мелочность самодержцем.

Генералам и офицерам Чичагова служилось не лучше, чем при Кутузове. Если не интриги и лень, то грубость и дурь командующего нещадно истязали их. *«Уговорить его было невозможно. На нас, на свою армию и на своих врагов он смотрел с какою-то тоской; его лицо выражало сомнение и беспокойство; он не только не сделал никаких распоряжений, которых, по справедливости говоря, он и не в состоянии был сделать, но он даже и нам не позволял распорядиться за него»* [62]. Журнал исходящих бумаг адмирала Чичагова с 27-го сентября по 12-е декабря 1812 года, опубликованный в XV томе военно-ученого архива Генерального штаба изобличает его некомпетентность. Она выражалась в нещадной перетасовке и переброске туда-сюда, в зависимости от сиюминутных задач, множества подразделений, будто с палубы на палубу и от борта к борту гонялись части корабельной команды. В практике было неоднократное изменение ранее данных войскам маршрутов и поставленных задач. Отдаваемые адмиралом распоряжения не обнаруживают внимания к основным вопросам жизнедеятельности и боевой работы войск.

Недооценка тактических и переоценка умозрительных факторов была для Чичагова неизбежна. Такому человеку нельзя было высказывать предположений, надо было вести его вперед волей и властью главнокомандующего. Но Кутузов, в свою очередь, не исповедовал правильного образа действий, хотя достаточно хорошо знал адмирала. При них обоих русские армии неплохо ходили маршем (имея много отличных генералов 2-го плана), но как дело доходило до сражений, — начиналась чертовщина. Можно не сомневаться, что Кутузов со своим пиететом к Наполеону, на месте Чичагова совершил бы ту же ошибку, — отошел от переправы, и тем погубил бы на закате жизни свою военную карьеру. На роль «спасителя отечества» словоблудам пришлось бы назначать кого-то другого.

Маршал Удино не упустил свой шанс. Собирая материалы для строительства моста у Студянки, он провел ряд обманных мер, избравшая подготовку к переправе ниже Борисова: *«Французы собирали*

сведения о дорогах, ведущих южнее сего города, на Игумен к Минску, обнаруживая намерение идти по этому направлению, обещая щедрую награду проводникам... и требуя от собранных в Борисове евреев, что они все это сохраняют в глубочайшей тайне. Маршал весьма основательно надеялся, что они дадут знать нашим войскам... и невольно вовлекут нас в какую-либо ошибку» [63]. «Силой тут ничего нельзя было сделать. Поэтому попробовали хитрость. Вот почему... 300 солдат и несколько повозок были посланы к Укохольде с приказом собирать там, делая как можно больше шума, весь материал, необходимый для постройки моста; сверх того заставили торжественно пройти в той стороне на виду у неприятеля целую дивизию кирасир» [64].

По сообщению П. И. Фаленберга ложные приготовления были замечены и «военная хитрость, чтобы отвлечь внимание... совершенно удалась Наполеону». Он же сообщает, что оценить удобство переправы у Брилей и Студянки можно было только при тщательной рекогносцировке, которая не была проведена, положившись на глазок: «Речка, протекая по топкому местоположению в версту шириною, несколькими рукавами образует два небольших островка. Никак нельзя было этого предполагать» [65]. Увы, глазомер, показанный в делах быстрых, в таком непростом деле, как инженерная оценка местности подвел адмирала и его квартирмейстерскую службу самым беспардонным образом. Правы оказались Ламберт и пехотинцы авангарда Палена, переправившиеся к отброшенной на западный берег Березины армии как раз у Брилей, но этот факт Чичагов тоже не оценил. Не знал он и военной истории: в июне 1708 года Карл XII форсировал Березину между Брилями и Студянкой, а ниже по течению, у Борисова, произвел ложную демонстрацию.

В результате Чичагов обратил свое внимание к нижней Березине. Пополудни 13 (25) ноября, оставив у Борисовского тет-де-пона Ланжерона с одной пехотной дивизией, принадлежащей ей артиллерией и двумя драгунскими полками, со всеми остальными силами он пошел вниз по течению реки, прибыв к ночи к местечку Шабашевичи. При этом Чаплицу, стоявшему со своим отрядом у местечка Брили были отданы противоречивые распоряжения: сначала перейти к Ланжерону (а при отсутствии активности неприятеля — далее к Шабашевичам), затем — идти в противоположном направлении для вхождения в связь с Витгенштейном [66]. В журнале военных действий армии написано, что на рассвете 14 (26) ноября генерал-майор Чаплиц «сконцентрировал свой отряд к д. Стахову, и во исполнение

повеления главнокомандующего, пошел оставя казачьи посты по реке и уже был почти у самого Борисова. Как из форпостов донесли, что неприятель переправляется между Стаховым и Брилевым, то г.-м. Чаплиц... поспешно следовал назад, но переход 12 в. все же довольно времени оставил усилиться неприятелю» [67].

Богданович, приводя факты, все же выводит Кутузова из-под меча ответственности, утверждая, что его бестолковое предписание, посланное с Орловым, было получено Чичаговым не прежде 14 (26) ноября, и потому не может быть причиной сделанной адмиралом ошибки. Сию мысль упорно повторяют советские исследователи, но Ланжерон прямо говорит, что Орлов привез письмо фельдмаршала 13-го числа. Даже если оно не содержало определенного повеления, адмирал знал о повышенном внимании, которое уделяет главнокомандующий нижней Березине и Бобруйской стороне из предписания Кутузова от 28 октября и переписки с Эртелем. Таковы же воспоминания князя А. Г. Щербатова: *«Лучше было бы, если бы сия записка не дошла бы до нас. Она содержала неосновательное предположение о направлении французской армии на Бобруйск. Многие представляли невероятность такого движения, но он (Чичагов), согласив полученное в записке известие с донесением патрулей, которые в том же направлении слышали на противном берегу рубку леса... вдался в обман французам... оставил малый отряд у Борисова, а сам всеми силами 13 ноября бросился к мнимо угрожаемому месту» [68].*

Хорошо осведомленный Д. В. Давыдов называет *«намеки Кутузова, убежденного, что Наполеон направится к нижней Березине»* в качестве одной из основных причин допущенной Чичаговым ошибки, считая, что по трезвому анализу ситуации *«движение на Игумен ничем не может быть оправдано»* [69]. Клаузевиц тоже пишет, что Чичагов утвердился в своем неправильном мнении *«вследствие ошибочной ориентировки, исходившей от самого Кутузова»* [70]. Чичагов в рапорте о событиях указал: *«Неприятель с 11-го числа и до 15-го был пред нами... в то же время получил я от вашей светлости и от генерал-лейтенанта графа Витгенштейна уведомления, из коих вероятно казалось, что неприятель может взять направление свое к Березину и Свислочам... движение его тем было свободнее, что с 11-го до 15-го числа вечера о приближении сзади идущих войск наших мы ничего не слышали»* [71].

Чтобы до конца закрыть надуманный вопрос, надо указать последнюю деталь. В плане императора Александра, который приняли и обязаны были исполнять Кутузов и Чичагов, предусматривались

все три варианта развития событий при отступлении Наполеона: «По стремлению неприятеля или на левый фланг, через Улу, или на центр через Бобр и Борисов на Березину, или на правый фланг к Бобруйску». Для противодействия любому из них бывшая Дунайская армия занимала центральную позицию у Борисова, после чего значилось: «В сем положении ожидать должно, что произойдет в главных армиях (т. е. соединенных 1-й и 2-й армиях под непосредственным командованием Кутузова. — А. Д.), и по тем происшествиям в свое время без дальнейших наставлений оставлены не будете» [72, 73]. Эти-то наставления (только ошибочные) адмирал от фельдмаршала и получил, бросившись их выполнять!

В довершение всего, при своих подначках Эртелю не идти к адмиралу, Кутузов полагал армию Чичагова силой от 45 до 60 тыс. чел. В действительности она имела 32800 бойцов (из них порядка 12000 регулярной и казачьей кавалерии, которую адмирал в лесистой местности в полной мере применить не мог) [74], а после бегства из Борисова людей было и того меньше. Опирающаяся на документы оценка указана Е. В. Тарле: 24438 чел. по прибытии бывшей Дунайской армии в Вильну, что после прибавки до 5 тыс. потерь дает примерную численность войск армии к началу решающих боев на Березине в 29,5 тыс. чел. [75]. Вот, собственно говоря, все составляющие инспирированной Кутузовым неудачи, избежать которой адмирал не проявил трезвости мышления.

Пока Чичагов терпел поражение в Борисове и не знал, куда ему двигаться дальше, Двинская армия продолжала теснить корпус Виктора. В ночь на 10 (22) ноября Виктор отступил к Черее, а Витгенштейн двинулся следом. Виктор очистил Черее, и резко изменил свой маршрут на запад, увлекая Витгенштейна с дороги к Борисову за Холопеничи. Там он снизил темп отступления, 11 и 12 ноября происходили довольно жаркие арьергардные дела. В результате к 13 (25) ноября главные силы Витгенштейна сосредоточились у Холопеничей. Этой ошибке опять поспособствовал штаб Главной русской армии. В отношении от 11 (23) ноября генерал Ермолов написал: «Виктор отступает для соединения с большою армией, разве направление ее будет не на Борисов, а на Холопеничи и Докишцы». Дальнейший текст не оставляет сомнения в том, что он внушен генералу Кутузовым, который просит ускорить преследование Виктора [76]. С большим опозданием Витгенштейн получил от Чичагова известия, заставившие его двинуться к Борисову [77]. Но Двинской армии нужно было пройти 67 км — не менее двух

усиленных переходов. А Виктор, знавший, где развернутся главные события, мог оторваться и занять оборону у Студянки.

Витгенштейн должен был понять, что развязка драмы последует на берегах Березины у Борисова. Однако, он поздно сообразил это, поскольку Александровским планом ему указывалось *«ожидать, что произойдет в главной армии»* и утверждалось, что *«в свое время без дальних наставлений оставлены не будете»* [78, 79, 80]. Но вплоть до 13 ноября, когда в исходящей переписке Кутузова впервые прозвучало предположение о движении неприятеля к Борисову, он предписывал Витгенштейну *«усугубить внимание на Виктора»*. Одновременно командующий Двинской армией ставился в известность, что *«Главная армия от Копыса пойдет... на местечко Березино, во-первых, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствие, во-вторых предупредить неприятеля, естлиб оный пошел от Бобра через Березино на Игумен, чему многие известия дают вероятность»*. Следовательно, находившийся между угрожаемыми направлениями Борисов, к которому вышел Чичагов, почитался вне серьезной опасности. Подобное же 13 (25) ноября было писано Кутузовым для Чичагова с запоздалым советом на всякий случай *«занять отрядом дефилию при Зембине»* [81]. Мы видим, что фельдмаршал так и не смог определиться между двумя географически крайними возможностями, но одна из них нравилась ему больше другой, и даже опасаясь за события на севере, он продолжал увлекать Главную армию на юг!

Собственная разведка Дунайской и Двинской армий оказалась плохой, не вскрыв намерений Наполеона и сути отвлекающего маневра Виктора, что дало повод Давыдову заявить: *«Мужественный, но недальновидный защитник Петрополя... кругом был обманут французским генералом Леграном»* (командиром арьергарда корпуса Виктора) [82]. Увы, остается лишь сожалеть, что 12 (24) ноября, буквально за спиной маршала Удино и перед носом отступающего из Орши Наполеона, эскадроны 18-го драгунского полка Двинской армии вышли на дорогу Бобр-Борисов вслед за обозами корпуса Виктора: *«Назимов тревожил хвост колонны до Борисова, захватив при этом 100 фур, 218 человек пленных и более 100 штук присланного корпусу Виктора скота»* [83]. Навались в эту сторону Витгенштейн, великому завоевателю пришла бы крышка. Но понимания обстановки не было, и эскадроны с трофеями и пленными ретировались, освободив дорогу.

Раздав сподвижникам негодные указания, Кутузов далеко отстал. Генерал Ермолов прибыл с отрядом в Погост, тщетно убеждая Ми-

хаила Илларионовича как можно быстрее преследовать неприятельскую армию. Платов прошел со своими казаками Толочин, но это более 80 км от Борисова, а главные русские силы только переправлялись через Днепр у Копыса в 140—150 км позади! С сарказмом пишет Давыдов, изобличая главкома в мелких подлогах: «Кутузов... избегая встречи с Наполеоном и его гвардией, не только не преследовал настойчиво неприятеля, но, оставаясь почти на месте, находился во все время значительно позади. Это однако не помешало ему извещать Чичагова о появлении своем на хвосте неприятельских войск. Предписания его, означенные задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу; Чичагов делал не раз весьма строгие выговоры курьерам, отвечавшим ему, что они, будучи посланы из главной квартиры гораздо позднее чисел, выставленных на предписаниях, прибывали к нему в свое время» [84]. Все это подавало Наполеону надежду в отчаянном предприятии — переправиться через значительную реку, среди окружавших его со всех сторон русских войск.

Бонапарт пытался привести в порядок свою армию, представляющую собой лишь остатки прежних корпусов и дивизий, окруженные толпой безоружных бродяг. В Бобре он переформировал спешенных гвардейских кавалеристов в числе 1800 чел. в два батальона. Резервная кавалерия Латур-Мобура, в которой осталось около 150 всадников, была усилена кавалерийскими офицерами, сохранившими верховых лошадей. Этот отряд Наполеон назвал священным эскадроном; его возглавляли корпусные генералы Груши и Себастиани, а многие бригадные генералы командовали взводами. Он также повторил свое повеление сжечь все излишние обозы и снабдить остатки артиллерии лошадьми.

Все равно французская армия выглядела непрезентабельно, ошарашив сохранявших еще вид правильного войска бойцов корпуса Удино: «Мы отправились к месту, с которого лучше всего можно было видеть приближение Московской армии. Но что за ужасное зрелище представилось нашим глазам! Та самая армия, которая шесть месяцев тому назад заставила дрожать всю Европу, и была обеспечена всем лучшим, стала неузнаваемой. В изодранных мундирах, без сапогов, оружия, с перевязанными головами, руками и ногами; закутанные в кожухи, страшно исхудалые лица, многие из них похожи были на мавров, смешение всех сортов оружия; немногие, имевшие оружие, завернули его в тряпки. Все это сразу предстало нашему взору. Наибезобразнейшая карикатура не могла бы выдержать сравнения с описанной картиной...

Мы были ошеломлены этим зрелищем... Все мы глазами вопрошали друг друга: «Что думаешь ты об этом и что нам еще предстоит?» [85].

Французский император всячески ободряет Удино, требуя от него действовать инициативно, без оглядки на преимущество армии Чичагова. Получив от маршала донесение о появлении будто бы во второй половине дня 12 (24) ноября у Студянки войск Штейнгеля, Наполеон посылает ему на помощь две гвардейские дивизии, требуя срочно организовать переправу. В пять часов пополудни 13 (25) ноября он лично прибывает в Борисов. К 14 (26) ноября все остатки французской армии собрались между Лошницей, Борисовом и Студянкой [86]. В этот самый день Чичагов, ведомый своей некомпетентностью и неверными предположениями Кутузова, выступил вниз по Березине к Шабашевичам. Несколькими часами позже, в сумерках, Удино со своим 2-м корпусом и остатками дивизии Домбровского в общем числе 7000 чел. двинулся вверх, к Студянке.

Прискорбно сознавать, что в штабе Чичагова знали о важности Зембинского направления и удобствах переправы выше Борисова через Березину. Еще 7 (19) ноября из Минска было отдано приказание генерал-лейтенанту Воинову отрядить с поспешностью *«один казачий полк на Зембин, предписав начальнику одного дойти туда в один переход и разведать о переправах через реку Березину»*. В случае признаков появления неприятеля указывалось *«тотчас отрядить туда генерал-майора Чаплица с его корпусом, придав ему артиллерии сколько по усмотрению вашему потребно будет»*. 13 (25) ноября Ланжерону предписывается *«откомандировать к генерал-майору Чаплицу один пехотный полк и батарейную роту № 38-й»* [87]. Предписания об усилении отряда Чаплица не были исполнены. Адмирал все переиначил, как только получил рапорт из Донского казачьего полка Барабанщикова 2-го о ложной активности противника в Ухолодах. Этот рапорт, а вернее, серия писулков от есаула Летенкова 2-го и сотника Чичирова 2-го, командовавших полком в отсутствие подполковника Барабанщикова (народ должен знать своих героев), были образцом скоропалительных донесений, преувеличивающих силы и намерения противника, которыми весьма «прославились» в войну 1812 года многие храбрые, но неграмотные казаки. Мало общавшийся с ними адмирал этого не знал. Разведка, направленная в Борисов от корпуса Ланжерона, не смогла взять «языка», а от других отрядов армии — запоздала. Переубедить сухопутного флотоводца было нечем [88].

Как резюмировал Лорд Тирконнелл в донесении лорду Кэткарту, «Адмирала можно извинить некоторым образом в сей погрешности потому, что князь Кутузов дал ему повод думать, что неприятель будет стараться пробиться с правой стороны от нас. Всего сожальнее то, что он не последовал совету генерала Сабанеева и других генералов, которые все были того мнения... чтоб подождать по крайней мере до следующего дня». В письме герцогу Йоркскому он добавляет: «Правительство заслуживает порицания за то, что в столь важном деле употребило адмирала, вместо генерала, который не внимал совету и даже с презрением отвергнул мнение лучших офицеров». От первоначального очарования Чичаговым, которому поддался Тирконнелл, не осталось и следа [89].

1. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 462–463.
2. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 4. С. 103–105.
3. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 128, 186, 279.* С. 140, 189, 269.
4. Ивченко Л. Л. Кутузов. М., 2012. С. 437.
5. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 293, 295.* С. 280, 282.
6. Ивченко Л. Л. *Кто выпустил Наполеона из Рос. // Отеч. война 1812 г. Ис-точ. Пам. Проблемы. Бородино, 1999.* С. 4.
7. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 206–207.
8. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 4. С. 104.
9. Там же. С. 107.
10. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 218–219.
11. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 238–239.
12. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 4. С. 108.
13. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004.* С. 190.
14. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ.* СПб., 1911. Т. XVII. С. 218–219.
15. Там же. 1912. Т. XX. С. 4.
16. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 303, 320.* С. 291–292, 306.
17. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 8.* С. 463.
18. Пирожников А. И. *Истор. 10-го пех. Новоингерманландского полка. Тула, 1913.* С. 156.

19. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 227.
20. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 224, 229. С. 227, 230–231.*
21. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 228.
22. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 247, 249–250. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 139, 142.*
23. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 219. С. 307.*
24. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 234–236.
25. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 243, 245, 246. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 136, 137–138, 139.*
26. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 330, 336. С. 314, 322.*
27. Там же. Док. № 351, 355. С. 336, 339.
28. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 152.*
29. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 154.*
30. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 314.*
31. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 244–245.
32. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 363. С. 344–345.*
33. Храповицкий Я. С. *Воспоминания о Березинской переправе // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 114.*
34. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 99.*
35. Ламберт К. О. *Из воспоминаний // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1907. Вып. IV. С. 68–69.*
36. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 8. С. 497.*
37. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Прил. 6. С. 464–465.*
38. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 608.
39. Ланжерон А. Ф. *Березинская операция в войну 1812 г. // Березина 1812 г. Б. м., б. г., с пометкой «Из сб. разведчика, № 12. 1899 г.» С. 119.*
40. Фаленберг П. И. *Из записок // Рус. Архив. 1877. № 10. С. 202.*
41. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 221.*
42. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 5. Отд. I. С. 14.*
43. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 102–103.*
44. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 191.*
45. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 8. С. 497.*

46. Ланжерон А. Ф. Березинская операция в войну 1812 г. // *Березина 1812 г. Б. м. б. г., с пом. «Из сб. разведчика, № 12. 1899 г.»* С. 120–121.
47. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 174.*
48. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 249. С. 346.*
49. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 8. С. 497.*
50. Фаленберг П. И. *Из записок // Рус. Архив. 1877. № 10. С. 203.*
51. Леглер Т. *Записки о походе 1812 г. // Рус. Архив. 1907. № 2. С. 240.*
52. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 371–374. С. 366–368.*
53. *Там же. Док. № 395, 408, 414. С. 385, 393, 401.*
54. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 242.*
55. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 252–253.*
56. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 398. С. 386–387, Прил. 2 к док. № 408. С. 394–395.*
57. *Там же. Док. № 364–365. С. 345–347.*
58. Ланжерон А. Ф. Березинская операция в войну 1812 г. // *Березина 1812 г. Б. м. б. г., с пом. «Из сб. разведчика, № 12. 1899 г.»* С. 122–123.
59. Ламберт К. О. *Из воспоминаний // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вып. IV. Вильна, 1907. С. 70.*
60. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 253–255.*
61. Ланжерон А. Ф. Березинская операция в войну 1812 г. // *Березина 1812 г. Б. м. б. г., с пом. «Из сб. разведчика, № 12. 1899 г.»* С. 73.
62. *Там же. С. 79.*
63. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 256.*
64. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 178.*
65. Фаленберг П. И. *Из записок // Рус. Архив. 1877. № 10. С. 203–204.*
66. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 259.*
67. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 224.*
68. Щербатов А. Г. *Из записок // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1907. Вып. IV. С. 56–57.*
69. Давыдов Д. В. *Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 103, 106.*
70. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 191.*
71. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XV. С. 153.*
72. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Прил. 6. С. 464–465.*
73. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 608–609.*

74. Малиновский С. С. Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1907. Вып. IV. С. 77.
75. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Рос. // Тарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 710.
76. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 383. С. 374.
77. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 250.
78. Бутурлин Д. П. Истор. нашего нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 142.
79. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 612.
80. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Прил. 8. С. 468.
81. Там же. Т. 4. Ч. 2. Док. № 388, 389. С. 379–381.
82. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 104.
83. Цехановецкий В. П. Истор. 18-го драгунского Клястицкого полка. Варшава, 1886. С. 143–144.
84. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 105.
85. Леглер Т. Записки о походе 1812 г. // Рус. Архив. 1907. № 2. С. 239.
86. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 192.
87. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XV. С. 142, 148.
88. Там же. СПб., 1914. Т. XXI. С. 132–137.
89. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 249, 254. С. 349, 356–357.

10.3. ПЕРЕПРАВА НАПОЛЕОНА

Первым намерения Наполеона удалось определить генерал-майору Е. И. Чаплицу. Еще 12 (24) ноября он заметил неприятельских офицеров, производящих рекогносцировку Березины у Студянки. К вечеру 13 (25) ноября на противоположном берегу стали видны огни и передвижения войск. Желая знать намерения противника, Чаплиц приказал донскому казачьему полку Н. Г. Мельникова 5-го ночью перейти на восточный берег и захватить пленных, что было исполнено. Пленные объявили, что вся их армия собрана между городом и мызою Старый Борисов, но они не знают, где будет переправа. Стало известно, что неприятель предпринял постройку двух мостов, которые, по всей вероятности, будут установлены у Брилей, или

же Веселова. Такие сведения должны были, по мнению Богдановича, побудить Чаплица к охранению Брилей и верхней Березины. Но вместо этого он 14 (26) ноября отступил в соответствии с полученным им приказом Чичагова к Борисовскому тет-де-пону, оставив для наблюдения у Брилей генерал-майора П. Я. Корнилова с небольшой частью своего отряда: 28-м и 32-м егерскими, Павлоградским гусарским и двумя казачьими полками. При них были также 200 волыньских улан и рота конной артиллерии [1].

Как пояснял Д. В. Давыдов: *«Слабый авангард Чаплица, не будучи в состоянии оказать сопротивления неприятелю, отступил к Стахову; двинувшись один к Зембину, этот авангард отделился бы от прочих частей армии и был бы неминуемо истреблен»*. В тексте Давыдова содержится ответ на недоумение современной исследовательницы Л. Л. Ивченко, — почему Чаплиц не уничтожил гати через Зембинское болото. Чуть позже Чичагов действительно попытался сделать это, послав в Зембинское дефиле отряды генерала С. Н. Ланского и П. С. Кайсарова (прибывшего с казачьим полком из армии Кутузова). Оба с задачей не справились [2]. И не мудрено, поскольку рассказ Михайловского-Данилевского о том, как легко было сжечь эти *«худые мосты»*, подкрепленный ссылкой на мнение плохо знакомых с жизнью болотной Белоруссии французов, является чистым дилетантизмом. В отличие от свайных, обдуваемых со всех сторон воздухом мостов, погруженные в болото гати не горят, а сожжение легкого ограждения гатей и отдельных мостков через узкие речные протоки не могло задержать французскую армию [3].

«Ермолов, явившись к Чичагову, решился подать ему совет не портить Зембинского дефиле; он говорил, что по свойству местности, ему смолоду хорошо известной, это почти неудобноисполнимо, по причине болот и топей, окружающих речку Гайну, но если бы и удалось испортить некоторые, более доступные гати, то они от действия мороза не могли бы затруднить движения неприятеля, который, не будучи обременен тяжестями, мог легко по ним следовать» [4].

Однако Чаплиц не только вполне разумно не пошел к Зембину, но и не остался на берегу Березины, не обеспечив его охранение у Брилей и устья Гайны! Было ли это его роковой ошибкой? Анализ обстановки показывает, — нет! Чаплиц не имел орудий, способных состязаться с наполеоновскими батареями на высотах Студянки. Позиция для переправы, которая досталась Бонапарту, была такой выгодной, что в 1811 году предлагалась генералом К. И. Опперманом для устройства

на ней крепости, будучи охарактеризована «*весьма крепкой*» и «*весьма благонадежной*». Военный министр М. Б. Барклай де Толли поддержал не осуществленный за недостатком времени и денег проект [5]. Это обстоятельство в совокупности с перевесом сил противника диктовало, что отряд Чаплица не сможет препятствовать переправе, и будет сбит с берега с большими потерями. Поэтому было логично сделать именно то, что генерал сделал, — отойти за Стаховский лес, прикрыть направление на Минск, приблизиться к отряду Ланжерона и бить французские колонны на выходе из просек, как то произвел Кастекс с Паленом. Как раз эту ситуацию излагает журнал военных действий: «*Поставленная батарея из 30 или 40 орудий большого калибра прикрывала переправу вброд и постройку мостов; наши же конные орудия долго не могли устоять, только егери, пользуясь лесом, удерживали их и не впускали в оный, и так держался весь день и ночь, не позволяя неприятелю занять высот... и весь день и ночь продолжался сильнейший ружейный огонь*» [6].

Вообще-то, Кутузов, сохрани он при себе Баркляя, или поговори с Опперманом, мог и должен был знать, что удержать Наполеона отрядом с западного берега Березины будет трудно, и кратким распоряжением на сей счет не отделаться. Но данное замечание не отменяет плохого управления артиллерией в армии Чичагова (вопреки указаниям штаба армии, Чаплицу не дали батарейных пушек, и это лишило его средства выполнения задачи). Такую ошибку можно отнести к отсутствию опытного начальника артиллерии. Генерал-майор И. Х. Сиверс был болен, а генерал-майор Д. П. Резвый командирован в 1-ю армию [7]. Типовая же артиллерийская практика заключалась в превознесении принципа мобильности, в соответствии с которым в лесной и болотистой местности действовали легкие конные батареи. Имей Чаплиц роту 12-фунтовок, он сумел бы задержать переправу; имей две роты и возможность заменять выбывшие из строя орудия, — пресек бы ее. Но вместо этого создалось очень благоприятное для французов расположение войск и артиллерии противоположных сторон. Никакими «ясно видимыми» со стороны мерами по порче гатей этого было не изменить.

Наполеон начал переправу у Студянки утром 14 (26) ноября. Ударил мороз, но из-за предшествовавшей ему двухдневной оттепели, замерзшая река, будто назло французам, вскрылась, шел ледоход, затруднявший постройку мостов. В восемь часов утра Бонапарт приказал переплыть на западный берег Березины генералу Ж-Б. Ж. Корбино с одним

из эскадронов его бригады; вместе с ним переправились на плотках 400 егерей из отряда Я. Г. Домбровского. В то же время вся артиллерия корпуса Удино и французской императорской гвардии в числе 40 (по другим данным 48 или 56) орудий была выставлена на высотах у Студянки. Противодействовать этой сильной батарее, и обстреливать строящиеся мосты нельзя было, поскольку французы располагали дальнобойными корпусными орудиями, расположенными на хорошей позиции: *«Ядра наши едва долетали до половины реки»*, а огонь французских орудий *«мгновенно сбил и засыпал ядрами русские пушки»* [8, 9].

«Едва был сделан первый выстрел, как нас приветствовала с горы 40-орудийная батарея, засыпавшая всех с ног до головы ядрами и землю. Люди и лошади повалились, мне осталось полное убеждение, что нет никакой возможности помешать переправе... С левой стороны дороги из Зембина прискакал казачий офицер с донесением, что неприятельская кавалерия в значительном весьма числе переправляется вброд прямо против Зембина, и потому оба полка казацки отступают к отряду» [10]. Попытка Корнилова поступить так, как постфактум советовали Чаплицу, — опрокинуть французов в реку контратакой не удалась; его отряд был забросан ядрами, и отступил к лесу [11].

Уход Чаплица и неудачу Корнилова описал наблюдавший с левого берега Березины Леглер: *«Я своими глазами видел, как по другой стороне продефилировали неприятели: 1500 человек пехоты с двумя полевыми орудиями и 800 казаков. Казалось, будто они получили приказ пропустить нас беспрепятственно, так как ни одного выстрела не последовало во все время постройки мостов. Но как только наша легкая пехота прибыла на правый берег... вдруг появился значительный казацкий отряд, прятавшийся в лесу. Однако егеря быстро сформировались и начали стрельбу, поддержанную без опасности батареями, после чего казаки поскакали обратно. Между тем начался общий переход при повторяющихся криках: «Да здравствует император!»* [12]. Такого слабого сопротивления французы не чаяли. Они *«не смели верить своим глазам. Наконец, охваченные радостью, начали хлопать в ладоши и громко кричать... Наполеон бросился наружу из главной квартиры, взглянул, увидел последние ряды колонны Чаплица, удаляющиеся и исчезающие в лесу. И вне себя от радости он закричал: «Я обманул адмирала!»* Энергии французам прибавило появление лазутчика, литовского дворянина, сообщившего о победе Шварценберга над Остен-Сакеном. Об этом было объявлено по армии; исчезновение русских войск молва приписала их движению навстречу Шварценбергу [13].

В час пополудни самоотверженными усилиями понтонеров под командованием инженер-генерала Ж.-Б. Эбле был готов первый из двух мостов. Наполеон приказал перейти через реку корпусу Удино в числе 5600 чел. пехоты и 1400 кавалерии. Эти войска, *«проходя мимо Наполеона в величайшем порядке, приветствовали его громкими восклицаниями»* [14]. Французам удалось перевезти по шаткому мосту две пушки с зарядными фурами и несколькими патронными ящиками. За Удино пошли переправляться другие корпуса. Всего, по данным Ц. Ложье, *«в наличности было тогда около 32500 пехотинцев и 4060 кавалерии»* [15]. Другими источниками численность французской армии определяется различно, обычно в пределах 40000 чел. [16]. Корнилов был принужден отступать до поляны в лесу, где мог развернуть на позиции свои 12 орудий. Там он, не желая быть отброшенным далеко от переправы, снова вступил в неравный бой. К вечеру на помощь вернулся Чаплиц, но видя большое преимущество противника, не начинал атаки. В то же время Удино послал отряд к Зембину, для занятия длинных гатей, идущих через болотистую пойму речки Гайны. Находившийся там казачий пост мог только отступить. Неприятелю был открыт путь к Вильне.

Второй, более прочный мост переправы был готов в четыре часа пополудни, по нему пошла через реку артиллерия. Почти все 400 французских понтонеров погибли от переохладения и болезней, но подвиг свой они совершили. Уверенные теперь в силах французы, понимая по действиям русских, что их возможности невелики, поздно вечером сами атаковали Чаплица и Корнилова. Враг *«лез с отчаянною дерзостью, отодвинув отряд сколь можно далее к Борису»* [17]. Помощи не было. По заведенным в армии адмирала суровым дисциплинарным порядкам и памяти попытки отстранения от командования корпусом под Брестом [18], Ланжерон не решался действовать без повеления: *«Граф не мог оставить назначенный ему пост, чтобы подать помощь г. Чаплицу без разрешения главнокомандующего. Но пока посланный от Чаплица нарочный доехал до адмирала, сделавшего уже с армией 25 верст, и пока граф Ланжерон получил повеление двинуться, чтобы содействовать г. Чаплицу, прошло уже почти сутки»* [19]. Впрочем, у Ланжерона было всего 8 тыс. чел., а в Борисове на другом берегу все еще в большом числе находился неприятель. По описанию Леглера, мост через Березину был разрушен только с одной стороны, а часть его продолжала стоять, не давая полной гарантии от безумных попыток переправы. Следовательно, чтобы дви-

гаться самому, надо было удостовериться, что Чичагов уже выступил обратно от Шабашевичей.

Весь отданный на откуп Бонапарту холодный день 14 (26) ноября, адмирал Чичагов одно за другим получал донесения, идущие вразрез с исполненными им наставлениями Кутузова. Взятое Витгенштейном направление на Холопеничи указывало на маневры противника на верхней Березине, но предписание фельдмаршала имело больше силы [20]. Получив известия о начавшейся переправе Наполеона у Студянки, адмирал срочно отправил к фельдмаршалу майора Храповицкого с донесением. Тот, встретившись с летучим отрядом графа А. П. Ожаровского, передал сообщение. В отряде поначалу усомнились, и лишь убедившись в достоверности сведений, Ожаровский послал к Кутузову конногвардейского офицера Палицына. До главкома, находившегося в Копысе, за 150 км от места событий, донесение дошло тогда, когда вся французская армия уже переправилась через Березину [21]. В тот день атаман Платов подошел к Лошнице (21 км от Борисова), генерал Ермолов к Крупкам (48 км). Ближе всех был Витгенштейн, перейдя к Кострице (авангард у Житьково — всего 10 км от переправы французов), но утром 15 (27) ноября к переправе подошел корпус Виктора, обеспечив ее от угрозы со стороны Житьково.

В продолжение ночи с 14 на 15 ноября на западный берег Березины переправились войска Нея и молодая гвардия. В час пополудни 15-го реку перешла старая гвардия, и Наполеон переехал через Березину. Следом пошли остатки корпусов Богарне, Даву и Жюно. Последним переправлялся Виктор, оставив для прикрытия в Борисове дивизию Л. Партуно и бригаду Делетра. Непосредственно Студянку прикрывали пехотная дивизия Ж. Б. Жерара, усиленная одной из бригад 26-й дивизии Х. В. Данделса, и кавалерийская дивизия Ф. Л. Фурнье. Прилагались усилия для переправы безоружных, гражданских и отсталых, которые в огромном числе пробирались к переправе, но пропускной способности мостов не хватало, чтобы одновременно вести по ним войска и беженцев. Мост, предназначенный для артиллерии и обозов, дважды ломался. Множество обессилевших уже не могли следовать за армией. Боеспособные же войска, по мере переправы, сразу строились в боевой порядок фронтом к Стаховскому лесу, готовясь отражать прибывающую армию Чичагова. Всего на правой стороне Березины было построено к бою до 15 тыс. чел.

К утру 15 (27) ноября к отряду Чаплица успели подойти только два пехотных полка из корпуса Ланжерона. Поэтому нападение

на французов было вновь отложено. *«Ночь прекратила бой, а утро осветило оба войска в виду одно другого и в расстоянии ближе ружейного выстрела; никто не имел охоты начинать дело: мы были для этого слишком слабы, хотя ночью подошли к нам кое-какие полки из Борисова, а французы спешили переправиться, и потому довольны были, что их не беспокоят»* [22]. Вечером безоружные, раненые и гражданские лица, которым позволено было взойти на мосты со своими повозками, нахлынули в таком количестве, что все свободное пространство к мостам и между противоборствующими армиями было покрыто ими.

П. Х. Витгенштейн, узнав о переправе Наполеона, намеревался идти со своей армией от Кострицы прямо к Веселову и Студянке [23], но прямая дорога, плохая сама по себе, оказалась непроходимой из-за сделанных Виктором засек. Вследствие этого армия направилась к Борисову. Клаузевиц, находившийся при главной квартире Витгенштейна, наоборот, считал дорогу к Веселову проходимой, а решение командующего продиктованным *«чрезмерной осторожностью»* [24]. Впереди следовал авангард генерала Е. И. Властова. Партизанскому отряду А. Н. Сеславина и казачьему полку М. Г. Чернозубова 8-го было велено разведать Борисов и открыть связь с казачьим отрядом М. И. Платова.

Около трех часов пополудни авангард Властова вошел в соприкосновение с одной из колонн дивизии Партуно, выдвинутой к Старому Борисову для обеспечения отхода к переправе. Начавшийся бой и появление на Оршинской дороге казаков Сеславина убедили Партуно в том, что он окружен русскими войсками. Французы решились пробиваться к Студянке, не зная, что путь на Старый Борисов приведет их к столкновению со всей Двинской армией. К Властову подошли и строились в боевые порядки корпуса Штейнгеля и Берга. К Партуно послали парламентаря с требованием о сдаче. Он задержал его и, дождавшись темноты, попробовал пробиться к Студянке. Отчаянная храбрость позволила французам временно занять мызу Старый Борисов, там они были разгромлены и отброшены к Борисову, который уже занял Сеславин. Утром следующего дня 16 (28) ноября остатки пехотных бригад Партуно и кавалерийская бригада Делетра капитулировали. В плен попали 5 генералов, 240 офицеров и 7800 нижних чинов при 3 орудиях. Из окружения выскользнул только один батальон в числе 120 чел., проселком вдоль берега Березины добравшийся до прикрывавших переправу войск Виктора [25].

К этому времени Чичагов, вновь прибывший с главными силами своей армии к Борисовскому тет-де-пону, приказал навести понтонный мост, войдя в сообщение с Двинской армией и отрядами Платова и Ермолова. Считая французов вчетверо многочисленнее своих войск, адмирал все же намеревался атаковать, прося в поддержку две дивизии у Витгенштейна. Платову и Ермолову также было назначено перейти Березину. Витгенштейн не дал своих дивизий Чичагову, и в царской литературе этот вопрос практически не дискутировался [26]. Надо полагать, что вопреки критике советских авторов, он поступил правильно. Адмиралу негде было развернуть в лесистой местности требуемые дивизии. Просеки были заняты войсками и артиллерией, часто в неимоверной давке.

Наполеон, пользуясь каждым часом предоставленной ему отсрочки, продолжал переправлять на западный берег артиллерию, обозы и людей. Наименее боеспособные части получили приказ немедленно следовать через Зембин на соединение с баварским корпусом генерала К.-Ф. Вреде, охранявшим переправы через Вилию. Обратным переводом через Березину дивизии Данделса (фактически, одной бригады, потому что вторая бригада этой дивизии оставалась на восточном берегу) были усилены прикрывающие переправу войска Жерара. Всего за рекой у французов оставалось до 5 тыс. боеспособных войск при 14 орудиях, расположенных на левом фланге. Правый фланг поддерживала артиллерия наполеоновской гвардии с западного берега Березины.

Западный берег, на котором было суждено разыгаться главному эпизоду сражения 16 (28) ноября, был лесистый, что не давало русским задействовать свое преимущество в кавалерии. К наполеоновским порядкам древостой редел, что позволяло французским кавалеристам атаковать выходящие из густого леса голыи русские колонны, чьи резервы оставались стесненными в просеках. Для расположения артиллерии большая часть Стаховского леса была непригодной, пушки можно было поставить только на узкой дороге. Невыгодным было и болотистое побережье, позволяя французам обороняться малыми силами. Их начальники свидетельствуют: *«У меня под командой было 500 лошадей, впереди же меня, может быть, тысяча десять, но благодаря свойству почвы русские не могли развернуть своей линии и оказались в неприятной необходимости держаться небольшими отрядами на мощной дороге, рискуя иначе погибнуть в болотной топи: я разумею под словом «мощной» дорогу, покрытую деревьями, положенными одно воз-*

ле другого в виде плах» [27]. Наполеон, расположив до 17 тыс. своих войск на труднодоступной позиции, ждал нападения. В обстановке, похожей на конфигурацию проигранного Паленом Лошницкого боя, сражение грозило принять тот же малоприятный оборот.

Со стороны Стахова приказано было наступать Чаплицу, который повел свои войска четырьмя колоннами. Подобие дороги перед собой имели только две: главная, идущая по проселку из Борисова, и полковника Красовского, следовавшая вдоль речного берега. По причине узости проселка шедшая с колонной Чаплица артиллерийская рота И. К. Арнольди была вынуждена двигаться и вести огонь во взводной колонне, поддерживая наступающие войска огнем только двух орудий. В то же время *«французы воспользовались небольшой площадкой с возвышенностью, образовавшейся из наносного песку, и поставили на ней батарею в три яруса, в каждом по три орудия. Условия артиллерийской борьбы были значительно в пользу французов»* [28].

Дело началось в Стаховском лесу ожесточенной перестрелкой. Русские егеря теснили неприятеля, но по мере продвижения к Брилям встречали все более упорное сопротивление, а при выходе из леса оказались под огнем артиллерии. Арнольди вспоминал: *«Легкими 6-фунтовыми орудиями я не мог... отвечать тем же, и потому по двигался вперед на дистанцию, с которой была польза открыть огонь... Пока дошел я, или лучше сказать пробежал эту тяжкую пытку, — у меня не стало трети людей и лошадей, одного офицера и одного зарядного ящичка, взлетевшего на воздух»* [29]. Около 9 часов утра Чичагов послал в бой 9-ю и 18-ю пехотные дивизии под общим командованием своего начальника штаба генерал-лейтенанта И. В. Сабанеева. По мнению, переданному Давыдовым, Чичагов всю полноту командования в бою вверил Сабанееву [30]. Тот, стремясь преодолеть явные невыгоды местности, не видя другой возможности применить войска, рассыпал их в стрелках. С криками «ура!» и барабанным боем они начали продвигаться к опушке.

В это время Чаплиц уже вышел на открытое пространство, где был контратакован кавалерией Нея. Неприятель разбил голову колонны и захватил до 600 пленных (по наполеоновским оценкам до 2500, что маловероятно). Положение спас выход из лесу двух эскадронов павлоградских гусар, бросившихся навстречу французской кавалерии. Этот эпизод дал основание французам говорить о своей победе над армией Чичагова. Затем до ночи продолжался упорный стрелковый бой, одна цепь стрелков Сабанеева сменяла другую. Как передает Леглер: *«Мы*

удивлялись неприятельским, хорошо направленным, выстрелам: лучшие стрелки не могли бы нам причинить больше вреда. Наш полк потерял в этот день, кроме двух начальников, еще 10 офицеров; другие полки потеряли еще больше офицеров, чем мы... Число оставшихся в живых в четырех швейцарских полках равнялось к вечеру 28-го числа 300 человекам из 1300» [31]. Русская артиллерия по-прежнему работала с величайшим трудом: «Каждые два орудия действовали не более получаса, оканчивая обыкновенно совершенным истреблением себя». После истребления артиллерийской роты Арнольди, потерявшей более половины людей и лошадей, 9 взорванных зарядных ящиков и 2 передка, на занятой ею позиции были одна за другой разбиты еще три роты [32].

Французские потери в этом бою составили около 5000 чел. по Богдановичу [33] и 7200 по фон Хохбергу, командовавшему 2-й пехотной бригадой 26-й дивизии Данделса [34]. После битвы коса смерти продолжала гулять по французским рядам. «В ту же ночь и 29-го утром император начал отступление. 3000 трупов покрывали наши бивуаки. Наставшие холода и недостаточная медицинская помощь докончили многих раненых» [35]. Если с русской стороны потери были меньше, (более 2 тыс. по Богдановичу и от 3 до 4 тыс. по Ламберту) [36], то в этом очевидна заслуга рассыпных стрелков Сабанеева. Они, однако, были тем эффективней, чем гуще стоял лес, и уязвимей там, где он был реже; ими трудно было управлять, они не могли выйти в решительную атаку. Поэтому единственно возможное в условиях Стаховского леса боевое решение Сабанеева респекта со стороны ряда современников и военных историков не заслужило. Характерный отзыв принадлежит А. Г. Щербатову, действовавшему на редколесье: «Французы дрались отчаянно. Конница их отличалась мужеством и расторопностью; действуя в лесу, весьма редком, она нанесла нам большой вред и до ночи остановила наше наступательное движение. Командовавший в сем деле наш генерал С. сделал большую ошибку, рассыпав слишком много людей в стрелки и не оставив довольно твердых масс» [37].

Напротив, Давыдов и Ермолов оценивали Сабанеева как отличного генерала, карьеру которого тормозили наветы. «Один из отличнейших офицеров здешней армии», — так охарактеризовал Сабанеева лорд Тирконнелл лорду Кэткарту. О результатах действий Дунайской армии Тирконнелл отметил: «Хотя неприятель был принужден отступить на несколько верст, однакож он удержался в лесу и занимает еще дорогу к Зембину. Потеря наша в сем деле велика; я не видал списков, но полагаю, что простирается по крайней мере до 3 т. убитыми и ранены-

ми. Войска дрались с отменным мужеством, но они имели дело с неприятелем, умевшим пользоваться местным своим положением» [38].

Ермолов отнюдь не порицает решение Сабанеева, говоря: *«Пехотю нашу, рассыпанную в стрелках, распоряжался храбрый и отличных способностей генерал-лейтенант Сабанеев»,* и добавляет об обстановке: *«Кавалерия, в совершенном порядке сбереженная, по причине лесистого местоположения была бесполезною, и ничтожная часть артиллерии была употреблена, расположенная в просеке леса, на почтовой дороге... Не было в лесу поляны, где бы небольшие отряды кирасир не расстраивали нашей пехоты, даже нанося урон» [39].* Это — обстановка боя Суворова в Кырингумейлорском редколесье, с той разницей, что на месте Суворова был Наполеон [40]. После разъяснения фактов, зная, что плотная колонна Чаплица понесла больше потерь, чем рассыпные стрелки, и причинила мало урона неприятелю, — пусть критики предложат другое решение, нежели то, которое пытался провести в жизнь Сабанеев. Другое дело, что после войны Иван Васильевич заслужил спорную общественную репутацию, участвуя в делах против революционных настроений. Поэтому он не мог положительно оцениваться ни в либеральных кругах, ни советской школой. К военным способностям генерала это не относится.

Как указал один из лучших тактиков Отечественной войны генерал К. О. де Ламберт, разгром Наполеона под Брилями и Студянкой обеспечивало только своевременное построение русских войск на том самом месте за лесом, которое было бездарно уступлено французам [41]. То же докладывал и Тирконнелл: *«Я осматривал то место, где Бонапарте построил мост... и думаю, что не было возможности остановить его, потому что река проходит здесь под возвышением, на котором поставил он страшную батарею; но непременно понес бы он сильную потерю, если бы мы здесь остановились... большая часть его армии неминуемо погибла бы прежде, чем он мог пробиться» [42].* Но у Чичагова не хватало сил, чтобы одновременно прикрыть броды, расположенные выше и ниже Борисова. Ключевым стал вопрос определения намерений противника. В этой связи В. С. Норов замечал: *«Надобно признаться, что непослушание Эртеля много повредило Чичагову: если б сей корпус был в его распоряжении, то, может быть, он оставил бы его или Чаплица у Студянки, и французы не могли бы там переправиться» [43].*

Кроме того, решившись атаковать, делать это надо было немедленно, а не откладывать бой на сутки. В этой связи нелицеприятную

оценку Чичагову дал Клаузевиц: *«Из страха перед Наполеоном он не отважился поспешить с армией на помощь генералу Чаплицу, а остался в Борисове и лишь послал Чаплицу подкрепление»* [44]. Нельзя, впрочем, принять эту оценку как один из немногих клаузевицевых «ляпов». На сей раз он плохо знал обстоятельства и условия местности, глядя на поле боя из армии Витгенштейна. Адмирал по своему отношению к Бонапарту был самый бесшабашный из русских командующих. То, что он уступил инициативу Сабанееву, тоже говорит не о трусости, а о понимании сложности задачи. В. И. Харкевич отметил, что руководство Чичагова было слабое, но то, что в бой была введена только половина армии, *«отчасти объясняется свойствами местности, до крайности затруднявшей управление войсками»* [45]. Он же привел другой, по-военному веский резон действий адмирала, о котором будет сказано ниже.

Более благоприятно для русской стороны развивался бой на восточном берегу Березины. Витгенштейн сосредоточил против арьегарда Виктора все свои войска кроме корпуса Штейнгеля, принимавшего капитуляцию Партуно. Авангард генерала Властова опрокинул передовые посты неприятеля у селения Бычи, заняв выгодные высоты. С них открыла губительный огонь русская артиллерия, *«производя ужасное поражение в отступающих войсках по низменности... Все вдруг бросились на мосты, тысячи безоружных людей открывали себе путь, сбрасывая повозки в воду. Мосты, не выдержавши напора, обрушились»* [46]. *«В этой суматохе погибло множество людей, раздавленных в тесноте между опрокинутыми повозками; другие, сброшенные в реку, старались спастись вплавь между льдинами»* [47]. *«Я сам видел людей, погруженных по плечи в воду, с побагровевшими лицами, и все гибли самым жалким образом»* [48].

Защищавшие переправу наполеоновские войска дрались самоотверженно. Бросалась в контратаки конница Фурнье, порывы французской пехоты, пытавшейся ударить в штыки, захлебывались в крови под русским ружейным огнем. Неимоверными усилиями французам удалось удержаться до ночи, прекратившей бой, и маршал Виктор с остатками своих храбрых солдат ретировался за Березину. Он увел с собой менее половины людей, с которыми достиг этой реки. Наутро, при появлении казачьей разведки, мосты были подожжены. Недостаток в Двинской армии понтонных парков делал невозможной организацию быстрого преследования с целью захватить остаток вражеских войск при входе в Зембинское дефиле. *«Таким образом Бе-*

резина, которая должна была быть могилой для «Великой армии» спасла Наполеона, преградивши путь Витгенштейну» [49].

Потери в деле на левом берегу реки были значительны для обеих сторон. По донесению Витгенштейна убыль его армии за 15 и 16 ноября состояла из 800 убитых и 1200 раненых. По данным военного-ученого архива она повышается до 4000 чел. всех видов потерь. По сведениям Жомини, Виктор потерял от 4000 до 5000 чел. В. И. Харкевич относил такое относительно неблагоприятное соотношение к участию в бою только половины Двинской армии при выраженном стремлении с русской стороны к фронтальным атакам. Обход попытался предпринять только друг Беннигсена, — генерал А. Б. Фок, которому удалось поколебать французские построения, но *«не видно, чтобы он в своих распоряжениях руководствовался указаниями свыше»* [50]. Однако *«Витгенштейн кроме дивизии Партуно забрал в плен еще од восьми до десяти тысяч оставших; кроме того, было захвачено много пушек»* [51].

Общее соотношение потерь оказалось до 8000 убитых, раненых и травмированных с русской стороны против 20–25 тыс. убитых, плененных, замерзших и утонувших бойцов с французской. Не меньшее число людей погибло из числа отсталых и безоружных [52]. В истории 14-го уланского Ямбургского полка, подробно описывающей ужасы переправы, общее количество потерь издыхающего нашествия исчисляется до 50000 чел., причем не ясно, входят ли сюда взятые Витгенштейном 13000 плененных, *«владевших оружием»* [53]. Действительно, отделить вооруженных от безоружных, а равно установить сколько-нибудь точное количество погибших было невозможно. На пике паники огромная напиральная толпа сбрасывала свои первые ряды в воду с поломанных мостов, и не могла остановиться. Многие сами бросались в реку, надеясь перейти ее по льдинам, но никому из них не удалось добраться до другого берега. Очевидцы свидетельствовали: *«Березина так переполнена трупами, лошадьми и повозками, что вышла из берегов шагов на 50–60... Одним словом, Березина стала могилой этой армии, столь блестящей восемь месяцев тому назад»* [54]. *«Образовался уже, так сказать, живой мост из людей и лошадей, и по ним переправлялся кто мог, как мог и насколько мог, пока сам не делался точкою опоры следующему за ним товарищу. Ночь покрыла эту мрачную картину, но в ту ночь сильный мороз прозрачным саваном одел влажную могилу несчастных утопленников»* [55].

Харкевич и Бутурлин оценивают потери наполеоновской армии в 30000 чел., но исходя из ее завышенной численности в 45–80 тыс.

чел. [56, 57]. При этом следует согласиться с Бутурлиным, что потери были тем чувствительнее, что наиболее понесены корпусами маршалов Удино и Виктора, до этого еще сохранявшими порядок. Оценки по горячим следам боев были ниже: *«Не менее 15 тысяч человек собственно военного звания и множество людей разных наций, состояний и ремесел»* [58]. Картины повсюду были страшные, русские солдаты, особенно из армии Чичагова, не щадили никого и *«дрались с наивеличайшим остервенением»* [59]. *«Я не могу найти слов, чтобы описать ужасную картину, которую сегодня видел при переправе через реку, — писал Тирконнелл, — Сэр Р. Вильсон сообщил мне описание ужасов, сопровождавших отступление французской армии, но картина, которую я видел здесь, превосходит мое понятие* [60]. В дальнейшем, в потерявшей последние физические силы наполеоновской армии была огромная смертность на переходах от Зембина к Вильне. Уже через три дня по данным Ж. Шамбрэ она считала в своих рядах всего 8800 бойцов.

В 10 часов утра 17 (29) ноября Наполеон, оставляя за собой тысячи трупов, хаос и муки, вступил в Зембинское дефиле. Чичагов, известившись о его отступлении, двинулся вперед и *«собрал на пути 7 брошенных пушек и 3000 усталых неприятелей»*. Адмирал, зная о трудности прохождения по дефиле кавалерии (накануне он уже отряжал туда крупный отряд генерал-майора С. Н. Ланского с 20 эскадронами и одним казачьим полком), удовольствовался тем, что послал для неотложного преследования французов авангард под командованием Е. И. Чаплица. Истребленные французами мосты не стали препятствием, и Чаплиц *«преследовал вражеский арьергард до корчмы Кабинской-Рудни, где и остановился ночевать, отбив у неприятеля одну пушку и более 200 человек пленных, в том числе одного генерала»* [61]. Так на практике было опровергнуто мнение лиц, доньине воображающих, как легко было испортить путь через дефиле.

Если Чичагову достались лишь несколько пушек и голодные пленные, то добыча Витгенштейна была огромна: *«Пространство почти на квадратную версту было уставлено экипажами, фурами, повозками, между которыми, среди награбленной добычи, лежали кучи тел, ползали раненые и умирающие, бродили голодные, полузамерзшие неприятели. При стуже в 20 градусов положение этих несчастных, и в особенности скитавшихся с ними женщин и детей, было ужасно. Среди множества предметов роскоши, вывезенных... из Москвы, мужчины и женщины, едва покрытые грязными рубищами, просили у наших*

солдат как милости, — куска хлеба». Чрезвычайная добыча «была отдана солдатам и ратникам, за исключением церковных вещей, отправленных по распоряжению графа Витгенштейна, к главнокомандующему в Москву» [62].

Оставление денежной добычи войску практиковалось в ту эпоху, особенно при штурмах крепостей. В частности, так же поступил генерал И. С. Дорохов при штурме подмосковной Вереи. В своем решении П. Х. Витгенштейн руководствовался не только обычаем и желанием получить признательность войска. Розданное солдатам могло быть дешево выкуплено и обращено на обогащение генералов и штабных офицеров, в то время как оприходованные трофеи пришлось бы сдать в казну. Отдельные лица несказанно обогатились; были среди них как скупщики сокровищ, так и лица, имевшие возможность вести поиски на месте сражения. Г. У. Роос вспоминает о майоре, получившем приказание расчистить реку Березину в районе переправы: *«Он нашел в сундуках, ящиках и т.д. серебро сплющенное в виде кубов различной величины и веса, золото, драгоценные камни и много красивого и полезного... Он не пожалел всего этого и для своей команды»* [63].

Полное изъятие награбленных ценностей было для захватчиков наименьшим и справедливейшим из несчастий. В третий раз по ходу отступления из России они остались без продовольственных и вещевых запасов: практически ничего не удалось переправить через Березину из привнесенного корпусами Удино, Виктора, Оршинским и Могилевским гарнизонами, а остатки собственного обоза были начисто потеряны. Агонизирующая армия не могла питаться и согреться до самой Вильны. Достигнув города, она была слишком слаба, чтобы отстоять от преследующих русских войск его запасы. Поэтому успех переправы Бонапарта не спас остатков его армии. Окунев сказал: *«По переходе через Березину, можно почитать войну 1812 года конченною; ибо изнеможенные остатки французской армии принуждены были пешичь единственно... о личном своем спасении, скорейшим уходом за границу»*. Вместе с тем, Окунев отметил: *«Переправа через Березину, которая должна была погребсти почти всю французскую армию в болотах сей реки, совершилась, и не более стоила неприятелю, как 25 пушек и 28000 убитых, пленных и потонувших. Потеря сия чрезвычайна для армии, в которой не было и 40000 человек; но она ничтожна в сравнении с теми трофеями, кои должны были впасть в наши руки. Главнейшие лица, кроме генерала Партуно, ушли от участи, которая, казалось, их ожидала»* [64].

«Ожидания императора Александра не осуществились, потому что врагам не преградили обратного пути, не истребили их до последнего человека, как приказывал государь, и не схвачен был сам Наполеон», — вторит ему Михайловский-Данилевский [65]. Такую же оценку давали со стороны противника: «Будь мы на их месте, перехода не последовало бы. Одним словом, мы спаслись сверх всякого ожидания» [66], и несть подобным оценкам современников числа. Вновь вспалился невежественный ура-патриотизм, в адрес Чичагова зазвучали те же дикарские обвинения, как против Баркляя де Толли. Много домыслов было в Главной русской армии: «Узнав обстоятельно о переправе Наполеона, не только низшие офицеры, но даже некоторые генералы говорили, что Чичагов действовал как будто по предписаниям Наполеона. Негодованию не было пределов. Солдаты же решили по своему: что Чичагов изменник и пропустил французов, что его подкупил Наполеон, и даже определили, сколько дал бочонков золота. Офицеры, конечно, не верили такому вздору» [67]. «К несчастью, пропустили Бонапарта и его гвардию, вина покамест на Чичагове, оттого что человек морской», — написал Коновницын, подразумевая, что окончательно вина должна устанавливаться по разбору действий [68].

Но ура-патриотам никакой разбор не нужен. Общественное негодование против адмирала жило собственной жизнью, распространяясь среди досадающих и восторженных лиц, ничего не знающих о войне. Как вспоминал Ф. Ф. Вигель: «Все состояния подозревали его в измене, снисходительнейшие кляли его неискusstво, и Крылов написал басню о пирожнике, который берется шить сапоги, т. е. о моряке, начальствующем над сухопутным войском» [69]. Эту примитивную точку зрения восприняло большинство современников, но не сам Вигель, знакомый с возражениями Ермолова и Давыдова.

Вне критики остались Кутузов и Витгенштейн, не по какому-то реальному разбору дел их, но как полководцы, успевшие составить себе положительное реноме. События на Березине праздновались в Петербурге как «одержанная победа генералом от кавалерии графом Витгенштейном над французской армией под местечком Студенцом» [70], т. к. он один по результатам действий мог предъявить в большом числе захваченные пушки, трофеи и пленных, включая генералов. Впоследствии, чем больше вопросов открывалось к главнокомандующему Кутузову, тем чаще ортодоксальные историки, «восполняя пробел», позволяли себе выпады в отношении командующего Двинской армией.

Таким образом, с общественно-политической точки зрения, переправа «справедливо считалась в глазах людей 1812 года таким событием, которое, не оправдав наших надежд, делает более чести побежденному, нежели победителю» [71]; «событие не соответствовало надеждам, которые движение второстепенных армий российских на сообщения неприятеля внушало россиянам» [72]. Русская военная наука также признала переправу Наполеона крупным военным достижением [73]. Надо помнить и то, что Бонапарту очень не повезло с оттепелью. Через три дня после его отчаянной переправы, через Березину по окрепшему льду легко прошла вся русская резервная артиллерия «даже без интервалов» [74]. Следовательно, при ровной зимней погоде он сравнительно легко достиг бы Вильны. Остается исследовать, по каким субъективным и объективным причинам потерпел относительную неудачу общий план действий русских армий, предписывавший «Наполеона с главными его силами искоренить до последнего». Многие факты и действия ряда лиц, имеющие к этому отношение, уже описаны выше. Но многие другие — нет. Пришло время добавить недостающую часть картины.

1. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 1. П. Я. Корнилов. С. 4.
2. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 106–108.
3. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 190–192.
4. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 109–110.
5. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1903. Т. IV. С. 183–186, 210.
6. Там же. СПб., 1911. Т. XVII. С. 224–225.
7. Подробный журн. исх. бумаг собств. канцелярии... Кутузова-Смол. в 1812 г. // Тр. Моск. отд. ИРВИО. М., 1912. Т. 2. С. 178.
8. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 1. П. Я. Корнилов. С. 4–5.
9. Фаленберг П. И. Из записок // Рус. Архив. 1877. № 10. С. 204.
10. Арнольди И. К. Из записок о 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 103.
11. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 264.
12. Леглер Т. Записки о походе 1812 г. // Рус. Архив. 1907. № 2. С. 240.
13. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 181–182.
14. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 265.

15. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии. М., 1912. С. 327.*
16. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 180.*
17. Арнольди И. К. *Из записок о 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 104.*
18. Сб. РИО. СПб., 1905. Т. 122. С. 68.
19. Фаленберг П. И. *Из записок // Рус. Архив. 1877. № 10. С. 204.*
20. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 150–152.*
21. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 266–267.*
22. Там же. С. 270.
23. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 261–262.*
24. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 192.*
25. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 272–273.*
26. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 179–180.*
27. *Французы в Рос. М., 1912. Ч. 3. С. 211.*
28. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 183.*
29. Арнольди И. К. *Из записок о 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 105.*
30. Давыдов Д. В. *Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 107.*
31. Леглер Т. *Записки о походе 1812 г. // Рус. Архив. 1907. № 2. С. 244.*
32. Арнольди И. К. *Из записок о 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 106.*
33. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 277.*
34. *Французы в Рос. М., 1912. Ч. 3. С. 224.*
35. Леглер Т. *Записки о походе 1812 г. // Рус. Архив. 1907. № 2. С. 246.*
36. Ламберт К. О. *Из воспоминаний // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1907. Вып. IV. С. 73.*
37. Шербатов А. Г. *Из записок // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1907. Вып. IV. С. 57–58.*
38. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 249, 253. С. 347, 354.*
39. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 252. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 145.*
40. Орлов Н. А. *Тактика Суворова. Варшава, 1900. С. 20.*
41. Ламберт К. О. *Из воспоминаний // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1907. Вып. IV. С. 70, 73–74.*
42. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 249. С. 348.*
43. Норов В. С. *Записки о походах 1812 и 1813 гг. СПб., 1834. Ч. 1. С. 103.*

44. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М.*, 2004. С. 192.
45. Харкевич В. И. *Березина*. СПб., 1893. С. 194–195.
46. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М.*, 1991. С. 252–253. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон*, 1863. С. 145–146.
47. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 278.
48. Бургонь А.-Ж. *Пожар Москвы и отступление франц.* СПб., 1898. С. 286.
49. Терешкевич. *78-й пех. Навагинский полк в войну 1812 г.* Тифлис, 1913. С. 25.
50. Харкевич В. И. *Березина*. СПб., 1893. С. 192, 195–196.
51. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М.*, 2004. С. 193.
52. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 285.
53. Крестовский В. В. *Истор. 14-го уланского Ямбургского полка*. СПб., 1873. С. 265.
54. *Французы в Рос. М.*, 1912. Ч. 3. С. 210.
55. Фаленберг П. И. *Из записок // Рус. Архив. 1877. № 10. С. 204–205.*
56. Харкевич В. И. *Березина*. СПб., 1893. С. 201.
57. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона*. СПб., 1824. Ч. 2. С. 277.
58. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М.*, 1991. С. 253. См. также: Ермолов А. П. *Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон*, 1863. С. 146.
59. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 8. С. 502.*
60. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН*. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 249. С. 349.
61. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона*. СПб., 1824. Ч. 2. С. 273–274.
62. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 283–284.
63. Роос Г. У. *С Наполеоном в Рос.* СПб., 1912. С. 156.
64. Окунев Н. А. *Рассуждение о больших воен. действиях*. СПб., 1841. С. 256–257.
65. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 4. С. 185–186.
66. Леглер Т. *Записки о походе 1812 г. // Рус. Архив. 1907. № 2. С. 245.*
67. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г. М.*, 1871. С. 157–158.
68. Коновницын П. П. *Письма // Бумаги, собр. и изд. П. И. Шуккиным. М.*, 1904. Ч. 8. С. 118.
69. Вигель Ф. Ф. *Записки. М.*, 1928. Т. 2. С. 28.
70. *Камер-фурьерский церемон. журн. 1812 г. (июль-дек.)* СПб., 1911. С. 658–659.
71. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 289.

72. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 285–286.

73. Веймарн И. Ф. *Высшая тактика.* СПб., 1840. С. 193–194.

74. Эйлер А. Х. *Записки // Рус. Архив.* 1880. Кн. 2. С. 362.

10.4. К ВОПРОСУ О ТОМ, КТО, КАК И ЗАЧЕМ ВЫПУСТИЛ БОНАПАРТА ИЗ РОССИИ

В российской историографии донныне господствует представление о невозможности осуществления и дефектности Петербургского операционного плана Александра I, базирующееся на одностороннем разборе ошибок П. В. Чичагова, с самого начала ставшего «козлом отпущения». Вспомогательным «мальчиком для битья» привлекается П. Х. Витгенштейн. В советское время эта точка зрения стала канонической, а противоречащие ей факты и мнения участников Отечественной войны подверглись для широкой общественности умолчанию, а в научной среде — бездоказательному отрицанию.

Составителями сборника документов и материалов М. И. Кутузова под редакцией Л. Г. Бескровного план Александра I объявлялся «типично Бюловской схемой». В противовес утверждалось о наличии какого-то лучшего, принадлежащего Кутузову «плана окружения и разгрома армии Наполеона всеми силами» от сообщения которого Чичагову и Витгенштейну полководец воздерживался [1]. Разумеется, не объяснялось, как можно разгромить противника всеми силами, держа в неведении командующих армиями, и почему этот «лучший план» так же очевидно провалился, как и Петербургский. Если какие-то документы противоречили избранной схеме, их просто не публиковали, и не сопоставляли бумаги между собой. В упомянутом сборнике кутузовский план излагается так: «*Поставив задачу Чичагову выйти на Березину к Борисову, чтобы занять «отрядом дефилюе при Зембине, в коей удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля»... Кутузов приказал Витгенштейну идти на соединение с Чичаговым, чтобы не допустить отхода армии Наполеона севернее Борисова. Главная же армия должна была исключить обход Борисова с юга. Распоряжения Кутузова обеспечивали стратегическое окружение Наполеона... Из-за грубых ошибок Чичагова, медлительности и нерешительности Витгенштейна стратегическое окружение не перешло в тактическое» [2].*

О грубом несоответствии действительности этих утверждений мы уже многое знаем. Во-первых, не Кутузов, а император Александр поставил Чичагову задачу выйти к Борису и дальше — в дефиле между Борисовым и Бобром, а Витгенштейну идти на соединение с Чичаговым. Во-вторых, из числа направлений, ведущих на запад от Борисова, куда-то исчезло минское, что выставляет Чичагова и его генералов совсем уж балбесами, непонятно что оборонявшими. В-третьих, не могла Главная армия исключить обход Борисова с юга, находясь в 150 км позади, в Копысе, и лишь к исходу дня 16 (28) ноября рассчитывая прибыть в район села Сомры! Для сведения, от Сомр до Старо-Борисова, где двумя днями ранее начал переправляться через Березину Бонапарт, современные карты дают расстояние от 79 до 85 км! Поэтому речь может идти только о продолжении параллельного преследования Кутузовым предположительно уклоняющегося на юг Наполеона, очередной этап которого был организован с отставанием, но отнюдь не о каком-то новом или улучшенном плане «окружения и разгрома». Просто на этом этапе стратегия параллельного преследования дополнилась попыткой Кутузова уточнить движение фланговых русских армий наперерез Наполеону (это право ему предоставлял царский план), — но попыткой неудачной! Она растягивала, а не соединяла силы армий.

Распоряжения фельдмаршала касательно занятия Зембинского дефиле и движения Витгенштейна к Борису последовали лишь 13 (25) ноября, когда их исполнение было уже невозможно (Наполеон утром 14-го начал переправу и отрезал Чичагова от дефиле). Эти предписания представляли собой лишь страховочные замечания к прежнему, ошибочному соображению Кутузова, а потому продолжали требовать от Чичагова растяжения его небольших сил, указывая адмиралу на самые отдаленные от центра его позиции точки.

Не кто иной, как сам Михаил Илларионович ошибочно считал главным южное направление, и с высоты своего положения навязывал это мнение Чичагову, пользуясь неоспариваемым военными людьми правом главнокомандующего делать уточнения к общему плану операций. Это ведь сам Кутузов ориентировал Витгенштейна не на скорейшее соединение с Чичаговым, а на неотступное следование за Виктором, облегчив французскому маршалу обманный маневр! В итоге получилось то, что получилось: опоздание Двинской армии, отклонение Дунайской армии на юг, а Главной — вообще к черту на кулички. Лишь когда на повестку дня стал вопрос «кто виноват?», вто-

ростепенные и запоздалые распоряжения Кутузова стали преподноситься как главные, а прежние неверные — замалчиваться.

Совершенно замусорен тот очевидный для военного человека факт, что движение отступающего Наполеона через Зембин на Вильну окончательно решилось в результате мощного сопротивления и контратак армии Чичагова в Стаховском лесу. Не будь этого боя, Наполеон пошел бы на Минск, потому что по этому направлению было ближе к складам и до вспомогательных корпусов Ренье и Шварценберга, которые обеспечивали битой Великой армии более существенную поддержку, чем та, какую она могла получить на Виленском направлении. Вместе с тем Минское направление не имело тех неудобств (приближение к Припятским болотам и плохие дороги, подверженные обходу противником), какими отличалось направление Игумен-Слуцк.

Но все тщательно упрятываемые идеологами и сказочниками от военной истории ошибки Кутузова лишены значения, если неисполним был Петербургский стратегический план. Нельзя же, к примеру, порицать человека за то, что он разбил тарелку, и до того годную лишь на выброс. Поэтому необходимо тщательно рассмотреть исполнимость общего операционного плана окружения и уничтожения Наполеона. Только после этого, соотнеся действия и решения командующих армиями с реальной обстановкой и военным законодательством Российской империи, можно дать обоснованную оценку генеральским ролям. В заключение можно будет предположить, чем же руководствовался Кутузов, когда объективных данных о том, что у него был собственный план «окружения и разгрома Наполеона», не имеется, но наличие у фельдмаршала определенной, последовательно и строптиво проводимой политической и стратегической линии отрицать нельзя.

Почин критике Александровского плана положил Бутурлин, заявив: *«Если б предначертание сие могло быть исполнено во всем его пространстве, то совершенное истребление Главной армии Наполеона неоспоримо сделалось бы неизбежным. Но по несчастию невозможно было столько усилить российские армии, как означено в предположении; а от того естественно последовало, что сии разные армии не в состоянии были совершенно выполнить предоставленного каждой из них поручения».* *«Вместо громады 120000 воинов, долженствовавших быть в готовности соединиться на реке Березине, в обеих армиях, адмирала Чичагова и генерала графа Витгенштейна, вместе взятых, состояло не более 75000*

человек под ружьем. К тому же сии две армии находились не в довольно тесной связи между собою». В Главной же армии Кутузова, по сведениям Бутурлина «состояло тогда налицо не более 45000 человек» [3].

Нетрудно, однако же, видеть, что главный довод Бутурлина неоснователен. На Березине Бонапарт не располагал и 40000 войск со сниженной боеспособностью, в то время как Дмитрий Петрович неправильно исчислил его силы в 80000. То есть, наличных русских сил для выполнения задачи хватало. Как сказал Богданович: *«Нельзя не сознаться в том, что мы имели достаточно войск для преграждения пути Наполеону»* [4]. Гораздо важнее указание Бутурлина на недоучет авторами Петербургского плана того факта, что, стремясь переправиться через Березину, французские войска будут располагать хорошей и короткой дорожной сетью, а русские, если замыслият маневр, будут вынуждены обходить неприятеля далече [5]. Ярчайшим примером справедливости этого соображения являются действия Кутузова, избравшего путь через Копысь, уведший Главную армию очень далеко от пути отступления агонизирующих захватчиков. Другим примером — успех маневрирования Виктора перед Витгенштейном.

Авторы плана, бесспорно, увлеклись красивыми дефиле у Березины, мало думая, как действовать русским армиям против втягивающегося в эти дефиле Наполеона. Узким местом плана был не недостаток войск (120000 солдат на таком театре не могло требоваться), а отсутствие тактических разъяснений и недостаточная численность армии адмирала Чичагова. Она оказалась самой малой из трех идущих друг другу навстречу армий, в то время как на нее была возложена главная задача кузнечной наковальни, о которую расшибется Бонапарт под ударами молотов Кутузова и Витгенштейна. Удивительно, что Кутузову не было дано жестких предписаний способствовать увеличению ее состава, а сам Михаил Илларионович не обнаружил такого понимания, занимаясь растлением и без того не храброго Эртеля.

Не выказал фельдмаршал понимания и того факта, что образ действий параллельного преследования находится в противоречии с конечным требованием им же одобренного Петербургского стратегического плана, — нанести по вползающему в окружение Наполеону мощный удар. В какой-то момент должна была произойти перегруппировка сил Главной русской армии, направленная на усиление ее авангарда и переход в прямое преследование врага. Этот момент должен был сопровождаться усилиями по установлению взаимодействия между сблизившимися русскими армиями. Иного каноны во-

енного дела не предполагают. Но главнокомандующий этот момент упустил, потому что продолжал находиться в плену своих ложных (и после Красного непонятных) представлений о все еще высокой боеспособности противника. Как только он втянулся в очередной обход через Копысь на Игумен, Главная армия, из-за ухудшающейся в этом направлении дорожной сети, совсем не такой удобной, как от Медыни к Вязьме и Красному, утратила возможность прибыть к бою в нужный момент.

Однако погрешность Петербургского плана, выявленная Бутурлиным, недостаточна для его провала, даже будучи помножена на очередную фиксацию Кутузова. Ибо, если бы Чичагов не ошибся, Бонапарт никуда бы не делся. Позиция адмирала за Березиной была хороша, в 75000 войск он не нуждался. При верном определении места переправы, менее чем 20000 изготовившихся русских солдат с артиллерией (столько, сколько построил 15–16 ноября Наполеон, а больше местность применить не позволяла) легко бы воспрепятствовали переправе. У Чичагова еще остался бы целый корпус на прикрытие смежных направлений. Русские армии подошли друг к другу и сносились между собой в течение 48 часов, уклониться от них за такое время было нереально. Если бы Михаил Илларионович не ослабил преследование противника по пятам, и вовремя ориентировал Витгенштейна, Чичагов мог ограничиться истреблением переправ и демонстрациями. И без него Бонапарта расплющили бы о Березину.

Даже если бы Кутузов не менял своего порочного образа действий, но вовремя послал адмиралу необходимые оперативно-тактические разъяснения (что было его прямой обязанностью как главнокомандующего), Наполеон не пробился бы через Дунайскую армию. Удосужься Михаил Илларионович исполнить это вместо распространения фанфар о своих победах, не случилось бы уже самой первой неприятности с авангардом Палена. И мы снова возвращаемся к персональным действиям адмирала и фельдмаршала, плохо исполнившим предначертанное, как к главной причине относительного успеха Наполеона. Командующего Двинской армией из виновников приходится исключить. Он, имея против себя наиболее боеспособные силы противника, действовал из северного угла театра и был вне складывающейся за спиной Виктора обстановки, делая то, что ему полагалось делать по общему оперативному плану: давил противника перед собой и пунктуально исполнял распоряжения фельдмаршала, не обладая возможностью их коррекции.

Михайловский-Данилевский, в своем осторожном (нельзя было грубо порицать царя) скепсисе к Петербургскому плану пошел дальше, утверждая, что далеко разнесенные русские армии вообще не могли выполнить предначертание этого плана: *«Дунайская армия так долго простояла у Бреста, что сколько ни ускоряла после марша от Буга к Борисову, но все не могла поспеть вовремя на Березину»*, а вследствие этого не получилось должного взаимодействия с Витгенштейном. Для опровержения этого суждения не нужны ссылки на литературу. Общеизвестно, что армия Чичагова на Березину до подхода отступающего Наполеона прибыть успела. Достаточно близко подошел к Березине и Витгенштейн, и подошел бы еще ближе, не ограничивая Кутузов его задачу преследованием корпуса Виктора. Что же касается самого Михаила Илларионовича, то только и остается отговариваться тем, что он не мог преследовать Наполеона, пока в тылу у него был Ней, с которым вполне могли справиться один из корпусов Главной русской армии и казаки, да преувеличивать расстройство войск от длительных маршей и морозов. Конечно, трудности были, но отнюдь не такие, каким подвергался противник [6].

По этой прозрачной причине не склонный к льстивой болтовне Окунев занял менее уязвимую позицию, указывая на трудности не сближения, но информационного сообщения между собой русских армий, которые сохранялись вплоть до кризиса 12–14 (24–26) ноября: *«В сие время никак не могло быть того соотношения, которое бы давало живость, столь необходимую в больших военных действиях, между адмиралом Чичаговым и графом Витгенштейном; ни же между сим последним и фельдмаршалом Кутузовым... Действительно, если б соотношение между тремя российскими полководцами давало им средство впредь согласить их движения, то без сомнения совокупное нападение с трех сторон представило бы опыт злополучия (для французов. — А. Д.)... и может быть войны 1813 года уже бы и не было»* [7].

Однако и к этому суждению надо отнестись с подозрительностью. Во-первых, сам же Окунев убедительно показал, что стратегическая обстановка диктовала очень ограниченный, практически безвариантный набор решений, в чем с ним были согласны Бутурлин и Клаузевиц. Вследствие освобождения 26 октября (7 ноября) Витебска отрядом генерала Гарпе *«все запасы, собранные французами в Витебске были потеряны, что почти предreshало направление отступления великой армии на Минск»* [8]. В ожидании, когда в днепровско-березин-

ских дефиле появится и попытается дебушировать из них Бонапарт, не требовалось большой коммуникационной живости; важнее были хорошая разведка и тактическая грамотность, при наличии каковых двухсуточного срока пересылки сообщений русским командующим вполне хватало. К тому же мы знаем, что предписание Кутузова успело вовремя дойти до Чичагова, но было тактически бессодержательным и стратегически ошибочным.

Михаил Илларионович мог сократить время сношений, если бы подался вперед за собственным авангардом и арьергардами Наполеона, но к этому решению он пришел только 22 ноября (4 декабря), вознамерившись *«лично приблизиться к второстепенным армиям своим, по стечению обстоятельств сделавшихся главными действующими»*. В решающие дни он был далеко от событий, навевая анархию в отправке от себя предписаний и сообщений. Как упоминалось выше, Д. В. Давыдов и А. П. Ермолов упрекали Кутузова, что он подписывал свои предписания датами, далекими от реального времени их отправки. Бутурлин упоминает: *«Фельдмаршал Кутузов, разчислив, что наставления, посланные к адмиралу Чичагову, не могут прийти к нему вовремя, дал всем командующим армиями приказание производить все действия пятью днями позже, нежели как предписано»* [9]. Александру I фельдмаршал писал о том, что числа будет выставлять на исходящих бумагах *«пятью днями вперед»* [10]. В журнале исходящих бумаг канцелярии Московского генерал-губернатора увековечено недоумение командира Московского гарнизонного полка Чекалевского, получившего 8 ноября приказ главкома с несуразными реквизитами: *«10 октября... надписано ему в Москве, когда не только он в ней еще не был, но и его светлости не было известно об очищении ее от неприятеля»* [11]. Если это способ достичь взаимодействия, то военное дело — не более чем драка сумасшедших.

Как бы там ни было, подтвержденный приход в армию Чичагова извещений от Витгенштейна и предписания главнокомандующего Кутузова о дальнейших действиях, не позволяет считать длительность пересылок между армиями важным фактором неудачи операции. Собственно, к такому выводу пришел русский военный теоретик А. А. Свечин: *«Несмотря на такие трудности руководства в ту эпоху операцией по внешним линиям, когда проходило до 28 дней от момента события до получения реагирующего на него приказа, Березинская операция, намеченная сразу в магистральных чертах и основанная на верных предпосылках... получила плавное течение»* [12].

Русские армии заняли позиции для исполнения финальной части плана. И это было отмечено как современниками, так и военными историками. Клаузевиц указал, что в момент выступления из Орши Наполеону «до переправы оставалось еще 18 миль», а «оба русских корпуса, намеревавшихся преградить ей переправу... находились в Чашиниках и Борисове на расстоянии около 12 миль друг от друга». Оценивая местность, расположение, численность и состояние противоборствующих армий, он говорит: «Никогда не встречалось столь благоприятного случая, как этот, чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле. Березина, берега которой сплошь покрыты частью болотами, частью густым лесом, лишь в немногих пунктах представляет возможность переправы и продолжения марша после нее... У неприятеля было всего лишь 30000 человек... 40000 безоружных, отбившихся от своих частей, наконец, голод, болезни и полное истощение всех моральных и физических сил» По мнению Клаузевица, это было «наихудшее положение, в каком находился какой-либо полководец» [13].

Давыдов сказал: «Хотя успех и не увенчал этого достойного удивления плана, однакож не увенчал по обстоятельствам, совершенно не зависящим от сочинителей, которые при составлении его, обнаружили необыкновенную дальновидность и прозорливость» [14]. Харкевич считал, что «по смелости и правильности идеи, вложенной в основании плана, по силам, назначенным для его выполнения, и, наконец, по выбору стратегической позиции для армий, направляемых в тыл Наполеону, план императора Александра вполне соответствовал обстановке и обещал самые решительные результаты» [15]. По мнению Свечина: «Березинская операция представляет величайшее дерзание русской стратегической мысли. Полууспех явился в результате тактических ошибок, но не стратегических недостатков смелого замысла... Березинская операция... являлась прекрасным опровержением наполеоновских замыслов, оторвавшихся от реальных возможностей» [16]. Сюда же примыкает мнение основоположника советской исторической школы М. Н. Покровского. Лишь позднее солидарная позиция военных деятелей и историков была затерта шаманством вокруг «гения» Кутузова.

Как уже упоминалось, Петербургский план восходит к проекту оборонительной войны М. Б. Барклая де Толли, обеспечивавшемуся мероприятиями квартирмейстерских служб под руководством П. М. Волконского 1-го и К. И. Оппермана. Весной 1811 года «военный министр... указал князю Волконскому, что внимание офицеров, производящих рекогносцировки, должно быть особенно обращено на

окрестности Вильны, Свенцяи, Колтынян, и на пути оттуда к Десне, а на южном театре войны, на пространстве между Луцком, Дубно, Пинском до Березины и Днепра; вследствие того, новые партии офицеров были командированы в эти местности». Сведение воедино рекогносцировок было «возложено на заведывавшего военно-топографическим депо генерала Оппермана и на состоящего при нем флигель-адъютанта, инженер-полковника Баркляя де Толли». Курировал их работу П. М. Волконский [17]. По воспоминаниям Н. Д. Дурново, он весь август 1812 года корпел в главном штабе в Петербурге за черчением военной карты Смоленской губернии, а его коллеги составляли другие карты. Как раз в начале сентября, перед тем как к М. И. Кутузову был послан с царским военным планом флигель-адъютант А. И. Чернышев, эти карты отправлялись в войска [18]. Без этой кропотливой работы по созданию годных для вождения войск карт, невозможно было разработать исполнимый план окружения наполеоновских войск на Березине. Мы так же начинаем понимать, зачем к Кутузову был командирован игнорируемый им инженер-генерал Опперман.

Итак, Петербургский стратегический план базировался на серьезных наработках и был исполним. Для этого главнокомандующему Кутузову следовало выполнить свои обязанности, установленные «Учреждением для управления Большой действующей армии» и операционной директивой Александра I. Однако он не подумал о том, что Дунайская армия, воевавшая в степных и всхолмленно-кустарниковых условиях, не имеет опыта борьбы в заболоченных лесах и просеках. Никаких тактических инструкций на этот счет ее штабу прислано не было. Вместе с тем Петербургский план, не погружаясь в тактические детали, так и не восполненные штабом фельдмаршала, «не ограничивался постановкой отдельным начальникам общих целей, а входил в подробные указания относительно самих способов выполнения». Эти «указания предписывались к непременно и точному исполнению... Хотя император Александр в письме, отправленном адмиралу Чичагову одновременно с посылкой Чернышева к Кутузову, и писал адмиралу: «я вовсе не предполагаю, чтобы все могло быть исполнено с буквальной точностью; это только основа, и ваше собственное благоразумие вам укажет, как следует действовать», но, во-первых, разъяснение было сделано одному только Чичагову, а, во-вторых, оно лишь отчасти ослабляло впечатление» [19].

В этих условиях требование Петербургского плана занять «Борисов, где должно укрепить сильный лагерь, занимая и далее лес и де-

филии по дороге от Борисова до Бобра и укрепляя по дороге сей все способные к тому места так, чтобы на возвратном пути главной неприятельской армии... на каждом шагу могло быть производимо сильное сопротивление» [20], не подкрепленное тактическими разъяснениями, но которое адмирал постарался исполнить буквально, а потому поспешно перешел в город и отправил авангард к Лошнице, сыграло дурную роль.

По мнению Харкевича: *«Было еще одно обстоятельство, неблагоприятное для успешного выполнения плана. План принадлежал не главнокомандующему — Кутузову, а был препровожден свыше. Фельдмаршал не сделал никаких возражений против плана и немедленно отправил повеления по принадлежности, но, по-видимому, он не вполне верил в возможность осуществления плана. По крайней мере в донесении императору о принятии плана к исполнению он высказывал, что «отдаленные диверсии от главного действия войны не могут иметь такого влияния как ближние», и предусматривал возможность препятствий «в подробном исполнении плана, данного адмиралу Чичагову».* Далее Харкевич пишет: *«С началом отступательного движения французской армии Кутузов ставил себе более скромную цель и неуклонно стремился к ней до самого конца войны — избегая решительного боя и сохранив по возможности собственные войска от потерь, постепенно ослабить французскую армию и довести ее до полного разрушения. Он остался верен этой основной идее и после сражения под Красным, когда сильное расстройство французской армии стало для него уже совершившимся фактом»* [21].

Действительно, чтение возражений Кутузова от 10 (22) сентября 1812 года показывает, что он всецело находился в рамках воззрений, приведших его к одобрению идеи параллельного преследования Наполеона. Адмиралу он предлагал делать то же самое: *«Все однако же не должен он терять из виду перейти на неприятельскую операционную линию, или соображаясь с армиею графа Витгенштейна, или сколь можно скорее приблизиться к окрестностям Могилева».* Сидя за столом, он делает пометки: *«Сим заботливее делается положение главных неприятельских сил и тем скорее вынужденным он будет оставить сердце России»* [22]. Идею параллельного преследования можно считать своеобразным пассивным планом, но, как уже говорилось, по способам и средствам исполнения она входит в противоречие с активным планом Александра I, требовавшим соединения сил русских армий в одном оперативном районе для окружения и уничтожения захватчиков. Кутузовская мысль такого соединения не предусматривала, и даже требовала «эскортного» разведения рус-

ских армий, идущих лишь в необходимом приближении к Наполеону и оказывающих на него лишь достаточное давление. Это упрямый старик и делал, продолжая вводить в заблуждение своего императора и других командующих рассказами о неуклонном исполнении общепринятых повелений. А эти повеления ставили командующих в зависимость от интригана, требуя ждать от него наставлений.

Тот, кто сам не исполняет, не может наставлять исполняющих, — это аксиома, будь то военного или гражданского управления. Вот и дождались, когда Главная армия Кутузова потопала в очередной (уже третий после движений на Вязьму и к Красному через Ельню) эскортный обход на юг. При этом не случилось предупреждения Чичагова об угрозе со стороны Бонапарта, которого фельдмаршал отпустил от себя далеко вперед. Последнее выглядит странно и даже подло, учитывая тот факт, что Михаил Илларионович не мог не знать: от Павла Васильевича требуют не только занять Борисов, но выйти к Бобру! Это предписывалось доведенным до всех и обязательным для исполнения военным планом. По данным причинам следует согласиться с Харкевичем о дестабилизирующей роли Кутузова, и прямо назвать действия его светлости главной причиной неудовлетворительного исполнения Петербургского военного плана, а его самого — соучастником поражений Палена под Лошницей и Чичагова в Борисове.

Вывод далеко не новый. Липранди, также как Давыдов и Харкевич, называет Петербургский план *«мудро соображенным»*, а о причинах его неисполнения прямо говорит: *«Наполеон, окруженный со всех сторон, но недостаточно теснимый с тылу посланными войсками и партиями, которые вдруг как бы исчезают в то мгновение, когда они могли бы принести пользы более, чем когда-нибудь, дают Наполеону время отыскивать удобную переправу, которую он и исполнил... Под каким бы предлогом ни было, Кутузов всегда будет почитаться виновником выпуска из России Наполеона с ничтожными остатками его полчищ»* [23]. Мнение профессионала, ибо Липранди состоял обер-квартирмейстером 6-го пехотного корпуса Дохтурова.

То же самое сказал другой, не крайний в военном деле и знании боевой обстановки человек, адъютант Барклая Левенштерн: *«Адмирал Чичагов не мог остановить Наполеона, который успел выбрать пункт для переправы, так как наша армия не преследовала его по пятам... Фельдмаршал мог упрекнуть себя в том, что он действовал слишком медленно и осмотрительно. Каково должно было быть разочарование императора Александра, когда он узнал, что его прекрасный план,*

переданный на операционные линии умным и смелым Чернышевым, был таким образом искажен... Люди тут были ни при чем. Кутузов лишил армию лишней славы!» [24]

По суждению будущего генерала от кавалерии Бенкендорфа: *«Если бы наша главная армия преследовала неотступно и безостановочно, как и должно бегущего неприятеля, никогда Наполеон, ни один человек из его армии не спаслись бы... Наша главная армия занималась маневрами вместо того, чтобы нанести там последний удар» [25].* Таково же мнение большинства активных участников боев: *«Нет сомнения, что средство было удесятить потерю французов на Березине... и это средство не зависело от Чичагова, а от самого князя Кутузова... Армии Кутузова и Витгенштейна должны были лежать у французов на плечах, а не идти за 100 верст от них» [26].* Даже В. С. Норов, при своем несомненном пиетете к «спасителю», замечает: *«На противоположном берегу стояла армия Чичагова, Витгенштейн готов был ударить справа, между тем воображали, что Кутузов, со всей армией, преследует их (французов) с тылу; но он был за Днепром, в Копысе, то есть, за сто двадцать верст.» [27]*

Игнорируемый советскими и современными российскими историками Вильсон в полном согласии с этой традицией сказал: *«Погрешность, буде погрешности неприятель обязан своим спасением, состояла в потере нами времени у Красного и в Копысе, чем освобожден был неприятельский тыл, за которым бы нам надлежало следовать и угнетать его денно и ночью».* Позднее он добавил: *«Императору не хорошо служили — война могла бы быть кончена. Красное отдается в ушах моих денно и ночью, и я воображаю беспрестанно о том, что там сделано и что не сделано. Я сожалею тем более, что Бонапарте не только спасся там, но имел даже случай поправить свою военную репутацию» [28].* Со стороны противника генерал Хлаповский высказался так: *«Выяснилось, что отступление через Березину будет невозможно, ибо план русских заключался в соединении их корпусов с севера и с юга с тем, чтобы преградить нам путь. И это бы несомненно удалось, если бы Кутузов со своей армией, которая следовала за нами по пятам, напал на нас» [29].*

Интересно, что в исторической дискуссии, назначающей виновных, начисто отсутствует сопоставление обязанности действующих лиц с военным законодательством Российской империи, которое позволяет разъяснить, кто в ответе за невероятную переправу Наполеона. Параграф 20 отдела II части I «Учреждения для управления Большой Действующей Армии», четко указывает на главнокомандующего

всеми армиями: *«Он отвечает за точное выполнение данного ему плана главных операций»*. Параграф 26 того же отдела уточняет: *«За бездействие власти своей отвечает главнокомандующий как бы за злоупотребление оной»*. А власть Кутузова была колоссальна: *«Главнокомандующий Большой Действующей Армией представляет лицо императора и облачается властью Его величества»* (параграф 1 отдела I части I). *«Приказания главнокомандующего... исполняются яко Высочайшие Именные повеления»* (параграф 4 отдела I части I). *«Он может, без всякого различия званий и чина, отрешать от должности, высылать из армии и предавать суду»* (параграф 6 отдела I части I) [30]. Глядя на эти строки, можно лишь поражаться недоумению Бутурлина, почему на Березине не было проявлено должной инициативы снизу: *«Впрочем, даже в том предположении, что российские генералы имели особенные причины к принятию распоряжений, ими исполненных, всегда остается очевидным»* [31]. Уж конечно, они имели причины исполнять распоряжения Кутузова, даже если те казались им сомнительными! Что там Бутурлин, — доньне юридическая безграмотность офицерства и людей, претендующих на звание серьезных историков — положение обычное.

Итак, по закону главный виновник невыполнения операционного плана найден, равно как и причина, по которой Михаилу Илларионовичу следовало избегать так любимых им неконкретных, провоцирующих предписаний. Все адресаты, включая Чичагова и Витгенштейна, стремились не испытывать служебную судьбу и выполнять их буквально. А то, что фельдмаршал частенько подписывал свои листы фразами типа «ваш покорнейший слуга», — ровным счетом ничего не значило. Петр I тоже подписывался «Петрушка», и часто «бомбардир», но попробовал бы кто проигнорировать его как императора! Все о чем можно дальше говорить, — только о преступных действиях Кутузова. Лишь он один, без оглядки на возложенную на него ответственность, позволял себе экзерсисы вопреки царскому плану, в то время как Чичагов и Витгенштейн его неуклонно исполняли.

Поэтому неверна предпринимаемая в исторической литературе попытка растворить ответственность, объявив главной причиной неполного успеха русских войск на Березине отмеченную Давыдовым общую *«неприятнь и зависть существовавшую между военачальниками; Витгенштейн не хотел подчиниться Чичагову, которого в свою очередь, ненавидел Кутузов за то, что адмирал обнаружил злоупотребе-*

ния князя во время его командования Молдавской армией» [32]. Все это имело место, но закон обладает достаточной силой для пресечения неприязни. Если Кутузов ее не пресек, то он злоупотребил своим положением. Изложенные факты были известны царским теоретикам, излагаясь ими разве что без особого напора, чтобы не ввязываться в бесперспективную общественную дискуссию с блюстителями трона и ура-патриотическими слепцами.

Конечно, личное отношение Кутузова к Чичагову надо считать неудовлетворительным для взаимодействия. Опытный сухопутный генерал не только не помогал разъяснениями и наставлениями (что прямо было возложено на него Петербургским планом), но путал адмирала, об отсутствии опыта у которого ни у кого не было сомнений: *«Какая необычайность, что морскому адмиралу Чичагову поручено начальство над сухопутными войсками». — При сих словах вытаращили мы с Балашовым друг на друга глаза... Все таковые дела и поступки погружали меня в печаль и безнадежность на успехи нашего оружия»* [33]. *«На юг приехали адмиралы наши командовать сухопутными войсками. Один флот завезли в Англию, другой продали, третий гноят, а сухим путем собрались воевать. Новые планы, прожекты. Тра-ла-ла-ла-ла»* записал себе генерал-майор В. В. Вяземский [34].

Находившийся в армии Чичагова английский военный наблюдатель лорд Тирконнелл отмечал: *«Отношения (сообщения) кн. Кутузова к адмиралу не только редки, но крайне сокращены: уведомляет его где находится, но не входит в объяснение о силах неприятеля, намерениях его и проч. Недавно приехавший из главной армии офицер описывает плачевный раздор и зависть там существующие и столь предосудительные пользам службы Государя. Если будем иметь неудачу, то, конечно, не от недостатка ревности в нашем главнокомандующем»* (Чичагове). Проблема, видимо, была раздражающей, потому что лорд в одном доносении дважды возвращается к этой теме: *«Я получил разные письма от сэра Вильсона... мог я многое сообщить адмиралу, чего он не знал. Он недоволен получаемыми от кн. Кутузова письмами»* [35].

Видя такое, современники полагали, что *«старик жестоко мстил Чичагову; он думал погубить нас, но... та армия, которая год тому назад дала ему при Дунае лавр победителя... не устрашилась многочисленности врагов своих»* [36]. Тут мы опять наблюдаем признаки злопамятности Кутузова, его неумения вести войну вместе с людьми, которые были порицателями его слабостей. Это заставляет серьезнее отнестись к прозвучавшим в 1809 году «измышлениям» Прозоровского: *«Будучи*

обращен в резервный корпус, Кутузов имел бы обширное поле обратить все действие его интриг против меня, так что он принудил бы меня возвратиться из-за Дуная, или же, прижавшись к сей реке, послать к нему отряд; сверх того, будучи тонок и зная службу, он мог бы допустить неприятеля сжечь магазины и, некоторым образом, преподать туркам к тому способ, а вину возложить на частного, на poste находящегося генерала, который бы за то и пострадал; он же сам всегда был бы прав» [37]. По оценке Кутузова профессором С. А. Князьковым: «Люди были для него только средством в достижении поставленных им себе целей личного благополучия и возвышения, поэтому он не стеснялся быть как бы двуличным» [38]. В контексте приведенных мнений уже не выглядят поклепом слова Вильсона: «Он просто старый прожженный плут, ненавидящий все английское» [39].

Нынешние исследователи апологетического уклона тоже высказывают аналогичные предположения. Так, Л. Л. Ивченко заявила, что аустерлицким поражением Кутузов отомстил Александру I за невнимание к нему: «Он не боялся посягнуть на авторитет досаждавшего ему соперника, даже если это был сам царь. Именно так он рассчитался с ним под Аустерлицем, когда Александр I с молодыми друзьями отстранил старого генерала от командования, подвергая насмешкам его осторожные советы» [40]. Позвольте, а как же тысячи погибших, престиж и военно-политические интересы России? По законам не только нашего, но и того отдаленного времени это чистейшая измена!

В обстановке, когда всем рассказывалось одно, а делалось другое, и фельдмаршал сторонился адмирала, возникновение крупной оперативно-тактической коллизии было неизбежно. О хождении Михаила Илларионовича по краю измены свидетельствует его собственная переписка, обнаруживающая, что он думал на самом деле, как клеветал на других и оправдывался сам. Резким рубежом в ней являются документы, датированные 14–15 (26–27) ноября. В рапорте Кутузова Александру I от 14 ноября вдруг появляется отсутствовавшая ранее определенность: «По всем известиям, донные о направлении далее неприятельской ретирады полученным, заключить должно, что оное последует через Борисов... По пятам неприятеля идет сильный авангард из двух корпусов под командою генерала Милорадовича (ложь, прибыть к сражению не успел. — А. Д.)... Адмиралу Чичагову поставлено на вид действовать на головы колонн при переправе через Березину и в особенности пользоваться трудными дефилями при Зембине (ложь, ибо ничего не говорилось Чичагову о том, что Зембинское направление будет

главным. — А. Д.). Завершается рапорт подтверждением ухода Главной армии к Березино «для воспрепятствования неприятелю взять влево к Игумену» [41] Разве Наполеон мог ретироваться одновременно через Зембин и Игумен? Эта чушь избочливает начало смятения в штабе Кутузова: события пошли не по его ожиданиям.

Адмиралу Чичагову, повторимся, предупреждение о внимании к Зембинским дефиле было отправлено накануне, 13 (25) ноября, в следующей форме: «Если Борисов занят неприятелем (Кутузов писал, не зная, что Ламберт взял Борисов. — А. Д.), то вероятно, что оный, переправясь прямым путем через Березину, пойдет к Вильне, идущим через Зембин, Плещеницы и Вилейку. Для предупреждения сего необходимо, чтобы ваше превосходительство заняли бы отрядом дефилею при Зембине, в коей удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля. Главная наша армия от Копыса пойдет через Староселье, Цесаржин к местечку Березине, во-первых, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствие; во-вторых, чтобы упредить оно, если бы пошел от Бобра через Березино на Игумен, чему многие известия дают повод к заключениям. Ниже города Борисова в 8-ми верстах при деревне Ухолоды весьма удобный брод для прохода кавалерии» [42]. Что же должен был думать Чичагов, получивши этот «рататуй»: иди туда, и сюда тоже иди, к Зембину, Ухолодам и селу Березину? Яснее всего звучат предположения главкома о направлении отступающего Бонапарта через Березино на Игумен!

Однако, надо сделать худшее предположение: 13 ноября в адрес Чичагова предупреждение не отправлялось. Известный нам рисунок переписки сложился после того, как 14 ноября до Кутузова дошли сообщения Платова и Витгенштейна о занятии адмиралом Борисова. Это и было моментом прозрения в том, что Чичагов, исполняя Петербургский план, движется на Бобр. А Ермолов уже в Толочине, и хвоста колонн противника не наблюдает. Следовательно, Дунайская армия неминуемо входит в столкновение с Наполеоном! В предвидении осложнений в канцелярии главкома пошло обычное липование документов вчерашними датами. Чичагову срочно шлется предупреждение о внимании к Зембину. Затем паника нарастает, и Витгенштейну, тем же задним числом, отписывается более грозное предположение: «Из полученных же разных известий заключить должно, что она (вражеская армия) продолжать будет отступное свое движение через Бобр к Борисову» [43]. Для опытного военачальника угадать было несложно. Мы знаем, как разбитый Пален привел на своих плечах

войска Удино прямо к городу на Березине; привод врага на плечах есть «классика жанра». Но осмысление ситуации фельдмаршалом все еще не полное, — в том же документе Витгенштейну подтверждается задача следовать за корпусом Виктора.

Это осмысление появляется в документах, датированных 14-м числом. Наконец-то Кутузов ориентирует на движение к Борису авангард Милорадовича, армию Витгенштейна и правильно ставит задачу: *«Должно обратить особенное внимание на город Борисов, где в окрестностях оного можно нанести неприятелю весьма разительный удар»*. Фельдмаршал тут же направляет в Петербург рапорт о своем «предвидении» рывка Бонапарта на Борисов, и принятых им мерах; но только на следующий день 15 (27) ноября рапортует о взятии Борисова императору. Тут мятущийся главком обмолвился: *«Такое критическое положение неприятеля, окруженного повсюду, предвещает некоторые последствия»*. Еще более определенно он выразился в датированном тем же числом личном письме к супруге: *«Чичагов с армией подошел к Борисову и крепость занял. Это на самой дороге, где идти неприятелю: увидим, что бог определит»* [44]. Растяпа понял, что промахнулся, прикрылся от последствий, затаился и ждет. Стремление напоказ соглашаться с Александром I, но тихой сапой делать свое, привело Кутузова к тому, что он банально подставил адмирала, выполнявшего инструкции императора, и ждавшего от своего главнокомандующего того же.

Единственным оправданием для Кутузова, снявшего давление с бежавших за Днепр наполеоновских войск, является тезис об истощении сил и запасов Главной армии после маршей и боев у Красного. Он подкрепляется высосанной Михайловским-Данилевским из пальца *«необходимостью выждать поражение Нея»*. С торжественной натугой повторяет историк приводимые А. Б. Голицыным слова фельдмаршала о сбережении армии для зарубежных походов: *«Европа должна видеть, что наша армия действительно существует, не есть призрак или тень. Правда, она уменьшается на марше, но месяц покоя и хорошие квартиры оправят ее. Только сильная армия может дать нам вес в делах политических и склонить Германию на нашу сторону»* [45, 46]. Как будто, если бы Европа увидела полный разгром и пленение Наполеона на Березине, она поняла что-то другое.

Кутузов ожидал подвозов, и в Копысе он действительно их отчасти дождался. Но каверзный вопрос возникает в том, почему так заботясь об армии, Михаил Илларионович повел ее в направлении Бе-

резино и Игумена по плохим дорогам, в то время как дорога от Орши на запад была *«одна из красивейших в Европе. Совершенно прямая, она с обеих сторон окаймлена посаженными в два ряда березами»* [47]. Долгие дни похода по морозному бездорожью произвели в русских войсках больше потерь, чем если бы они догнали Бонапарта и положили ему конец. Никакие реквизиции остатков припасов в крохотных белорусских селах не оправдывали «попечения». Загнав свою армию на заснеженные проселки, Кутузов был вынужден оставить в Копысе 10 наиболее обесиленных артиллерийских рот [48], потому что они там бы не прошли. Полученное в Копысе продовольствие вскоре было проедено, а подвозы опять отстали. Вплоть до Ошмян и Вильны пополнить запасы было нечем.

По воспоминаниям И. Т. Радожицкого: *«От Копыса артиллерия 4-го корпуса... шла отдельно от пехоты, занимая для постоя целые деревни. Жителей мы нигде не находили; селения были пусты... ни кошки, ни собаки. В амбарах и сараях все было чисто: ни зерна, ни крупинки, и ни клока сена. По крайней мере, были целы избы, в которых мы согревались на соломе, ею же кормили и лошадей»* [49]. По русским фуражным нормам 5 фунтов соломы заменяли 5 фунтов сена, если прибавить к ним фунт отсутствующей муки.

Пехота такого комфорта не имела. П. С. Пущин 17 (29) ноября записал в своем дневнике: *«Никто не может дать себе отчета, почему мы не опередили Наполеона у Березины или не появились там одновременно с французской армией. Мы изнурены от этого не меньше, а пользы никакой. У нас большая убыль в людях от наших переходов, и во всем полку ни в одной роте нет под ружьем более 50 человек»*. А вот его записи от 23 и 24 ноября: *«Этот переход чрезвычайно утомительный; в полку много отставших и пятеро умерло... Поход такой же тяжелый как и вчера, а холод все сильнее. Мы шли все проселками... все без обеда, так как наш обоз не мог своевременно прибыть из-за дурной дороги. Солдаты тоже почти без квартир и обеда. Сегодня убыль в людях еще более, нежели вчера; много замерзло»* [50].

Из записей за те же дни А. В. Чичерина: *«Вчера, когда усталый, замерзший, выбившийся из сил, проделав 35 верст в сквернейшую погоду, я вошел в грязную и переполненную избу, она показалась мне дворцом... Я весел и доволен, но дела наши идут вовсе не хорошо или, верней, не завершаются так, как следовало бы. Наполеон, говорят, убежал от нас; прекрасный маневр трех армий, соединившихся, чтобы раздавить и совершенно уничтожить одну деморализованную и обесиленную армию, не*

удался по воле одного человека в силу несчастной привычки, кажется им усвоенной, — задумывать блестящий маневр и не осуществлять его как раз тогда, когда успех особенно вероятен». Далее Чичерин описывает свой разговор с гвардейским кавалеристом, смело и открыто утверждающим, что солдаты терпят нужду и о них плохо заботятся [51].

«Мы идем совсем в другом направлении, которое названо фланговым движением, хотя мы гоним без пощады лошадей наших и насаждаем стратегию выше сил ее и способностей», — отозвался Вильсон о маршах из Копысы на Игумен [52]. Сомнительно, чтобы этими дорогами Главная армия догнала Наполеона, если бы он действительно повернул от Бобра к Игумену (по пути более чем на 50 верст короче). Пущин говорит, что дорога Бобр-Игумен была перерезана мерзнувшей и истощенной в «ледовом походе» армией Кутузова только 23 ноября! Но иначе нельзя было продолжить параллельного преследования, ставшего «идеей фикс» для полководца, в то время как состояние французской армии, география района и требования операционного плана говорили, что оно изжило себя. Это знал генерал Опперман, напрасно пытавшийся достучаться до Кутузова своими письменными соображениями. Если уж противодействовать Наполеону в его возможном походе на Нижнюю Березину, то для армии Чичагова выйти Бонапарту наперерез было несравненно легче, а Михаилу Илларионовичу надо было насаждать на врага, подвергаясь «опасности» вновь сразиться с измученным арьергардом Наполеона. Вместо этого он втюхивал царю: «Из всеподданнейших донесений моих ваше императорское величество усмотреть изволили, как сближались армии к Борису, куда, теснимый авангардом моим неприятель отступал» (?) [53].

Устроенный Кутузовым снежный марш по морозной глуши истощил возможности войск. Когда Главная армия вышла на следы отступающего Наполеона и преследовавшей его армии Чичагова, ее дела обстояли так: «Из Копысы мы опять пошли боковой дорогой и вышли на большую уже у Ошмян... Очень и очень часто случалось видеть даже гвардейских молодцов, замерзающих на дороге, а пособить было нечем... Почти на каждых 20-ти саженьях встречалось или покинутое орудие, или с зарядами фура... О взятии этих фурун или орудий на подводы никто даже не имел помышления, ибо каждый заботился о личном своем сохранении, или о сбережении вверенной ему команды. Счастливым был тот, у кого имелся тулуп, как у меня, или кто еще не износил своей ватной шинели, а бедные солдаты, хотя в Копысе и получили полушубки, но

страшно терпели от несообразной, по времени года, обуви. Тогдашняя форма заключалась в так называемых «кожаных крагах», плотно облегающих икру ноги и застегивающихся медными пуговицами. Для красоты в этом месте не вставлялось сукно при панталонах, а пришивался кусок холста. А как солдат не имел возможности ничего подвертывать под краги, то тут и начиналось для него самое гибельное от стужи поражение... Боже сохрани еще от подобных обстоятельств» [54].

Потеря нескольких возможностей покончить с Наполеоном и систематическое направление по обходным путям обошлись русской армии дорого: *«Главная армия, выступившая из Тарутина в составе 97112 человек, считала по прибытии в Вильну в своих рядах 27464 человека. Из 622 орудий, находившихся при армии, оставались налицо только 200; прочие были оставлены вследствие потери лошадей и убиты в прислуге. 48000 больных были рассеяны по госпиталям, а остальные убиты в делах, умерли от ран и болезней» [55].* Следовательно, марш от Копыса по белорусской глуши, безо всякого столкновения с противником обошелся армии Кутузова порядка 15 тыс. человек (если считать русскую армию под Красным в 45 тыс. бойцов)!

Очень смутно изложен вопрос у Богдановича: *«Войска князя Кутузова двигались медленно, с растагами, для сохранения людей, и для того, чтобы выждать подвоз запасов, которые отстали на несколько переходов» [56].* Пойди армия прямо, по хорошей дороге, она сохранила бы людей больше, и запасы прибыли бы скорее. В общем, следует сказать, что каковы бы продовольственные, фуражные и вещевые трудности ни были, можно и нужно было распорядиться русскими силами экономнее и быстрее. Моральное состояние войск это позволяло: *«Хотя наша главная армия и отстала от французов... полагали, что Наполеон и вся его армия окружены, а на Березине будет конец и им, и войне. Об этом знали не только офицеры, но и солдаты, и потому, не смотря на все трудности, шли бодро и весело, даже пеняли на фельдмаршала за то, что тихо идем» [57].*

16 (28) ноября полководца настигло сообщение о переправе Наполеона через Березину при Студянке. В том положении, в которое он себя поставил, Кутузов не мог предпринять ровнехонько ничего. А потому лишь повелел Витгенштейну представить соображения о действиях его корпуса. Через сутки Михаил Илларионович набирается наглости требовать пояснений у Чичагова: *«Сему я почти верить не могу, зная, что дорога, по которой неприятель к Веселову идти должен, открывается с правого берегу Березины. Равномерно, заняв дефилею при*

Зембине малым отрядом, можно воспретить в сем месте сильному неприятелю переход через Березину» (?) [58].

После того, что нам известно о местности при Зембине, Стахове, Брилях и Студянке, логично спросить — а сам фельдмаршал что, переправу Ахмеда-Паши через Дунай у Слободзеи предотвратил? Силы сторон там были примерно те же, расположение речной преграды и береговых высот с артиллерией — такое же. Разве генерал-майор Булатов, брошенный сбить с дунайского берега неприятеля, добился лучших успехов, чем генерал-майор Чаплиц на Березине? Чаплиц хотя бы пушек и знамен не терял. Чтобы предотвратить переправу 35-тыс. армии, напротив Студянки должен был стоять корпус с тяжелой артиллерией, но никак не малый отряд. Легко писать назидания издали. 18 (30) ноября, через два дня после завершения боев, авангард Кутузова (отпустив Милорадовича, он собрал и выдвинул перед собой новый авангард под командованием генерала Васильчикова) наконец-то оказался на Березине в Ухолоде [59]!

Императору Александру I Михаил Илларионович направил донесение об ошибках Чичагова. В нем он порицал адмирала за переход Березины в Борисов, предусмотренный Петербургским планом (!) Далее Кутузов шуняет Чичагова за не уничтожение переправы на речке Зайке, причем так коварно, что можно подумать, будто на ней был *«высокой и узкой на сваях мост... длиною до 300 сажен»*. Мы же знаем, что это ложь, — и речка, и мосток были незначительные, а истреблять надо было погруженные в болото гати. В заключение он упрекает адмирала, что не атаковал Бонапарта *«большими массами»* — это по узким просекам через Стаховский лес?! Для подкрепления сих измышлений главком послал инженер-генерал-майора Ферстера осмотреть укрепления в Борисове и собрать сведения о военных действиях там происходивших. Свой рапорт, основанный на показаниях таких «светил», как *«коменданта Свечина, доктора Гириша, профессора Жакмара и разных пленных офицеров»* Ферстер представил в декабре [60].

Хорошо видно, что упреки и замечания Кутузова ничтожны, преследуя цели самооправдания. Зато политическая интуиция и чувство опасности у старого интригана были превосходные. Почуввав кризис кампании, Михаил Илларионович 15 (27) ноября, без объяснения причин, выслал из армии в Калугу своего главного разоблачителя, — генерала Беннигсена [61]. О раскрытии «оснований» этого шага позаботились советские историки, в обширном примечании к коронькому приказу припомнив всю до кучи антибеннигсеновскую

галиматью. Беннигсен вместо Калуги направился в Петербург, отправив вперед курьера. В Порхове он получил царское письмо с повелением *«остановиться в пути, чтобы я смог переговорить с Вами о том, что я считаю необходимым сделать в отношении Вас»* [62].

И хотя грозу от себя Михаил Илларионович отвел, никак нельзя вслед за Л. Л. Ивченко повторить, что *«мнение Кутузова, определившего главного виновника и причину неудачи, справедливо»*. Если озаботиться знаниями основ тактики и сведениями о поле боя, каковым оно было в начале XIX в., нельзя изречь такого бреда о битве на западном берегу Березины: *«Русские войска, несмотря на свое численное превосходство, не смогли удержать отчаянного натиска колонн»*. В этом бою не Наполеон (загодя построившийся в линии за лесной преградой), а опоздавшие к месту переправы русские войска наступали колоннами. Это головы русских, выходящих из лесу колонн, нещадно били французы охватывающим расположением массы своих войск и артиллерии, а ударом конницы завершая замешательство! Никакого средства против этого позиционного проигрыша, кроме того, что применил «бездарный» генерал Сабанеев, не было. Оно не стало панацеей, но не стоило госпоже Ивченко бездоказательно его судить, утверждая, что Сабанеев *«сразу допустил ошибку»* [63]. Отмечаемое ею (на каком основании?) мнение генерала Ермолова тут значительно более квалифицированное.

Горько, что пишет эту ерунду автор книги «Кутузов» из серии «Жизнь замечательных людей», с целью приподнять своего кумира пересказывая сплетни и поклепы не только на Сабанеева, а буквально на всех русских генералов подряд. Так, генерал Чаплиц обозван *«дураком и коровою»* [64]. При этом Ивченко ссылается на цитату из сочинений Давыдова московского 1895 года издания, в каталогах электронных библиотек отсутствующего. Но в отслеженных при написании данной работы изданиях 1860 и 1893 годов такого демарша нет. Современниками Чаплиц характеризовался совсем иначе: *«Любезный характер, скромность и просвещенный, образованный ум составляют отличительную черту храброго, опытного Чаплица. Войска его любят»* [65]. При этом все остальное цитирование от Лидии Леонидовны постранично совпадает с Петербургским изданием Давыдова 1893 года, в котором по затронутому вопросу на указанной ею с. 124 говорится прямо обратное тому, что она тщится доказать: *«Относительно порчи частей в Зембинском дефиле Чичагов в этом мало виноват»* [66]. Гадкий экзерсис про «корову и дурака» на самом деле

изложен в записках князя А. Б. Голицына, описавшего, как Кутузов поначалу обвинял во всем Чаплица и Витгенштейна. Первого в том, что ему *«следовало держаться до нельзя»* (вот сам бы и держался против Наполеона, от которого бегал), а второго *«в самолюбии и нежелании подчиниться Чичагову»*. Исполнивший намеки фельдмаршала Чичагов лишь позднее стал объектом колкостей с его стороны [67].

Разумеется, автором юбилейного опуса розданы зуботычины Ермолову и Витгенштейну, столь же легко опровергаемые. Если Ермолов со своим отрядом и *«потерял из виду неприятеля»* вследствие задержки при переправе через Днепр, то он правильно послал перед собой на Борисов атамана Платова, ориентируя его на установление связи с Витгенштейном. Платов не «проспал» и первым поднял тревогу. Чтобы увидеть это, надо лишь дочитать до конца письмо Ермолова и соседние документы. Из них черным по белому явствует, что это Кутузов потребовал от Ермолова на два дня остановиться в Толочине для ожидания авангарда Милорадовича [68], и в тот же день выдал войскам Главной армии диспозицию на переход в сторону от Борисова, к Копысю! Более того: *«Кутузов, прощаясь с Ермоловым в Добром... сказал ему: «Смотри, брат, Алексей Петрович, не слишком горячись, поберегай гвардейцев, наше дело сделано, теперь очередь Чичагова»* [69]. Как можно было Ермолову, исполняя такие приказы, не потерять из виду неприятеля? Кому нужно непомерное возвышение одного человека посредством неуклюжего принижения многих других? Несть числа холуйским нападкам, поэтому данная полемика приведена здесь лишь как пример. Больше следует уповать на открывшуюся после оцифровывания литературу XIX в. и привлечение внимания читателей к ее содержанию. Оно же таково, как расписано выше. Источники из наполеоновской армии это тоже подтверждают: *«Как кажется, русские, за исключением немногих казаков, прекратили преследование на нашем пути отступления, так как на нем не слышно об арбергартных боях»* [70].

В этом контексте неприятны были Кутузову доводы, которые озвучил в защиту Чичагова генерал Ермолов, тем более, что последнему удалось обсудить их с командующими бывшей Дунайской и Двинской армиями: *«Графу Витгенштейну известно уже было, что причиной отдаления адмирала к городу Иеумену был фельдмаршал, имевший неосновательные сведения, что Наполеон найдет там удобнейшую переправу»*. Репликой Ермолова Чичагову было: *«В звании моем начальника главного штаба 1-й армии мне известны предположения*

его светлости князя Кутузова. Вы теперь изволите видеть, сколько не сходятся с ними настоящие обстоятельства». Ермолов указал, что при успешном уничтожении гатей на Зембин, Наполеону не осталось бы ничего другого, как обрушиться всеми силами на растянутую армию адмирала, и прорываться к Минску. Последствия этого могли быть еще хуже [71].

С Алексеем Петровичем был полностью солидарен Давыдов: *«Если бы Чичагов, испортив гати Зембинского дефиле, остался с главною массою своих войск на позиции, насупротив которой Наполеон совершил свою переправу, он не возбудил бы противу себя незаслуженных нареканий и неосновательных воплей своих соратников, соотчицей и потомков, незнакомых с сущностью дела; но присутствие его здесь не могло бы принести никакой пользы общему делу, ибо... Чичагову невозможно было избежать полного поражения... что было бы для нас по обстоятельствам того времени вполне невыгодно и весьма опасно»* [72]. С ними обоими был не согласен офицер квартирмейстерской части Дунайской армии, будущий генерал-лейтенант С. С. Малиновский, считавший Стаховскую позицию *«от природы крепкой»*: тут уже наполеоновские колонны, выходя из лесу, оказывались в невыгодном положении; к тому же они были бы вынуждены пересекать речку и болото [73]. Но и в таком случае позицию при Стахове надо было занимать крупными силами и заблаговременно, чего по обстоятельствам движения Дунайской армии на юг с запоздалым возвратом оттуда, не могло быть.

Как раз эту настоятельную необходимость собраться с силами на Стаховской позиции Харкевич называет главной причиной промедления адмирала в атаке французских порядков, приводя прямые слова Чичагова: *«Я хотел соединить все мои войска для того, чтобы атаковать его при его отступлении и сделать ему как можно более вреда, или же защищать до последней крайности дорогу в Минск»* [74]. И тут, вопреки традиции побивать адмирала камнями за его некомпетентность, он прав. Было бы крайне опрочетливо уступить Бонапарту хорошую дорогу и большие минские склады. По счастью, Наполеон не имел сведений о раздроблении сил бывшей Дунайской армии. Поэтому, хотя он не упустил прощупать путь на Минск, настойчив не был: *«16 ноября. С рассветом неприятель... оттиснул назад наши войска и занял Стахов, но в это время подоспел со всеми корпусами и отрядами адм. Чичагов и... занял опять Стахов»* [75]. Путь, который мог обеспечить спасение наибольшего числа французских войск, для Бонапарта закрылся.

По этой причине Ермолов полагал последствия Березинской операции удовлетворительными: *«Итак, неприятельская армия в полном и решительном отступлении. Кончены на реке Березине все трудные и сложные соображения и расчеты!»* К этому времени он постиг острожную методу действий Кутузова, видел в ней скрытые достоинства, частично искупавшие очевидные недостатки: *«Князь Кутузов имел точные сведения о гибельном положении неприятельской армии; со свойственной ему прозорливостью предусмотрел неотвратимые бедствия, непрерывно возрастающие и грозящие ей впоследствии... Ощутительно было, судя по тысячам трупов, застилающих дорогу, что она не избегнет состояния, близкого к разрушению. Напротив, наша армия без потерь будет, сколько возможно, бережена!.. Несколько тысяч пленных более и если бы даже некоторые из маршалов не увеличили бы славы и торжества русских!»* [76]. Подобная точка зрения была изложена в декабрьском рапорте главнокомандующего императору Александру I: *«Хотя и удалось Наполеону перейти в виду армии Чичагова, но последствия для него не могли быть пагубнее, как оные оказались»* [77].

Клаузевиц также посчитал стратегию Кутузова достаточной: *«Бои под Вязьмой, Красным и на Березине принесли французам огромные потери, хотя формально отрезанных французских частей было немного. Как бы критики не отзывались об отдельных моментах преследования, надо приписать энергии, с которой велось это преследование, то обстоятельство, что французская армия оказалась совершенно уничтоженной»* [78]. Длительное преследование Наполеона, совершенное армией Кутузова по разоренным дорогам зимней России, Клаузевиц оценивает как *«нечто беспрецедентное»* [79], и это действительно так. Отчетливо выявилось, что как военный администратор, следящий за обеспечением войск, Михаил Илларионович был сильнее Бонапарта. Его адъютант вспоминает, с каким беспокойством фельдмаршал ожидал прибытия провианта: *«Это его столько заботило, что в нетерпении своем он посылал каждый час ординарцев на встречу подвод и сам рассчитывал часы прихода их к армии»* [80].

К сожалению, сильная логистика и прагматичная стратегия Кутузова сопровождалась слабой, уступчивой к Наполеону тактикой, о чем неустанно говорил тот же Клаузевиц: *«Мы не станем отрицать, что личное опасение понести вновь сильное поражение от Наполеона являлось одним из главных мотивов его деятельности»* [81]. Угнетенная тактика требовала особых, неблагоприятных для противника условий; обладала высокой ценой в виде уничтоженной Москвы и кре-

стьянского моря в губерниях, а для переноса боевых действий вслед за Бонапартом в Европу такой образ действий был вообще непригоден. В современной вооруженной борьбе им пользуются армии неразвитых стран, вынужденно пренебрегающие неблагоприятным соотношением потерь и разгромом собственной инфраструктуры. Но русская армия 1812 года французскому противнику не уступала, а потому деятельность Кутузова в качестве главнокомандующего всегда будет оспариваться и во многих моментах осуждаться, если, конечно, речь идет о военном деле, а не о пропаганде для чьего-либо профита.

Специфическая личность Михаила Илларионовича наложила глубокий отпечаток на ход Отечественной войны. Ф. П. де Сегюр, придавая определяющее значение личности полководца, пришел к выводу: *«Особенности характера Кутузова способствовали ему более чем его таланты. Пока нужно было обманывать и замедлять, его лукавство, его леность, его преклонный возраст действовали сами по себе: вначале он показал себя подходящим человеком, но перестал им быть, как только стало необходимым быстро наступать, преследовать, предупредить, нападать»* [82]. Оценки Сегюра переключались в царскую военно-историческую литературу. С. А. Князьков писал: *«Когда нам поневоле приходилось отступать, медлительная осторожность Кутузова, в которого верило войско, была как раз у места. Но потом эта осторожность... в соединении с некоторой старческой неподвижностью, болезненностью и усталостью сказалась для успехов нашей армии и с отрицательной своей стороны: привыкнув действовать с оглядкой, Кутузов часто при отступлении Наполеона во время преследования его нашими войсками не находил у себя достаточно сил и решительности для того, чтобы разом покончить с расстроенной французской армией, и пропустил не один удобный к тому случай»* [83].

Вопреки озвученной позиции следует сказать, что хороших решений в обороне и отступлении от Кутузова страна и армия тоже не имели. Его размышления над сражениями были долгими и тягостными: полководец пытался оттянуть час битвы, учесть все возможные сценарии, распылял ударную мощь войск для одновременного противодействия разным возможностям противника. Это приводило к отдаче рубежей для тактического и стратегического маневра, невыполнению задач и росту потерь дивизий и корпусов, вовлеченных в столкновение с сосредоточенным врагом. С зажатой и маклачской тактикой Кутузова последовательно знакомятся Багратион (Бородино), Беннигсен (Тарутино), Ермолов (Малоярославец), Милорадович

(Вязьма), Тормасов (Красный) и Чичагов (Березина). Целый месяц «обсасываются» пути отступления Наполеона, чтобы совершить, в конце концов, грубую ошибку. Оба периода Отечественной войны в исполнении Кутузова оканчиваются крупными фиаско (Москва, Березина). Нет оснований противопоставлять их один другому по уровню полководческого мастерства. Французские авторы различают «Кутузова в отступлении» и «Кутузова в наступлении» лишь потому, что стиль его командования они стали изучать лишь тогда, когда сами оказались в тяжелом положении.

Кутузов, прежде всего, — опытный военный администратор, умеющий поддерживать в спайке, снабжать и перемещать массы войск, а как политик и дипломат — видящий отдаленные цели и рассчитывающий последствия. Это важные составляющие, но не суть боевого мастерства. Как бы Михаил Илларионович не хвастался, он отдавал себе в этом отчет. В разговоре с Ермоловым, состоявшемся вскоре после Березины, Кутузов высказался ему так: *«Голубчик, если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня избрет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я право плюнул бы тому в рожу!»* [84]. Отсюда проистекала компенсаторная деятельность полководца по выработке такого образа действий, который возместил бы недостатки и укрепил его положение. В ход было пущено все: ложь монарху, приписки, фальсификация записей в журнале военных действий и дат переписки, устранение конкурентов, фавориты, родственники, дипломатия, хозяйственные навыки. В результате кутузовская армия жила бурной политической и тайной экономической жизнью, больше выжидая благоприятного поворота войны, нежели стремясь переломить ее в свою пользу. Такое положение дел не могло устроить Александра I. Отсутствие больших, вполне назревших побед выбивало у него из рук политические козыри. Как только позволят обстоятельства, царь вернется в армию и сделает все, чтобы не трогая чувств и заблуждений русского дворянства, отстранить фельдмаршала от реального командования.

Не подтверждена какими-либо доказательствами и конспирологическая версия, будто масон Кутузов намеренно саботировал Петербургский военный план, выпуская из России Наполеона. Главным инструментом его действий после устранения с дороги Бонапарта основной массы войск Чичагова якобы оказался Чаплиц, — масон, имевший девиз «В человечности отвага», и высоко поднявшийся на масонской иерархии после 1812 года. Масоном был Ланжерон, не

спешивший на помощь Чаплицу, и позднее возглавивший ложу в Одессе. Масоном был и Чичагов. Такого заговора, конечно, не было. Можно лишь до известной степени принимать во внимание принадлежность Михаила Илларионовича к шведскому масонству, конкурировавшему с английским, считавшим низвержение Наполеона главной задачей своих лож. В то же время шведские и немецкие масоны были склонны считать злом непомерные амбиции Британии, ища ей противовес.

Судя по всему, таково было внешнеполитическое кредо фельдмаршала. В октябре, совещаясь по вопросу об отступлении от Малоярославца, он сорвался в адрес Вильсона: *«Меня не интересуют ваши возражения. Лучше построить неприятелю «золотой мост», как вы изволите выражаться, нежели дать ему «сорваться с цепи». Кроме того, повторяю еще раз: я не уверен, что полное изничтожение императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Его место займет не Россия и не какая-нибудь другая континентальная держава, но та, которая уже господствует на морях, и в таком случае владычество ее будет нетерпимо»* [85]. Утверждают также, что ранее Кутузов сказал Беннигсену (а тот передал Вильсону): *«Мы никогда, голубчик мой, с тобою не согласимся; ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если сегодня этот остров пойдет на дно моря, я не охну»* [86]. Таким образом, Кутузов, внешне соглашаясь с решительным планом действий, предложенным ему самодержцем, мог считать достаточным вести их так, чтобы не уничтожить, а ослабить Наполеона, выпустив его из России без армии, но все еще грозным для европейских континентальных держав. В этом случае они продолжали нуждаться в поддержке России, а равно, не могли сплотиться против нее под эгидой Англии. Такая военно-политическая стратегия невозможна без интеллектуального потенциала, твердости и способности пойти на серьезный политический риск, поскольку она противоречила устремлениям Александра I.

Данная точка зрения импонирует современным российским ура-патриотическим настроениям, подтверждением чему является апологетическая и до треска англофобская статья А. Т. Дробана, опубликованная в сборнике материалов международной научной конференции «Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы», прошедшей в Москве в октябре 2012 года. Статья едва ли не открывается утверждением: *«Английская агентура устранила императора Павла I»*. Далее внушается, будто во время визита в Тарутино Лористона она же

«подготовила свержение главнокомандующего с его поста. Неизвестно, собирался ли Вильсон уготовить Кутузову участь Павла I... Вся эта история показывает лишний раз, на какие преступления была готова пойти Англия, чтобы подчинить себе политику России, а особенно русскую армию». Характерно, что Дробан не смог привести аргументов в поддержку своих утверждений, признавая, что «удаление с престола и убийство Павла происходили в условиях недовольства гвардии и широких общественных кругов», а в Стамбуле «Вильсон... оказывал давление на турецкое правительство в пользу ратификации мира с Россией». Критик не привел против Р. Т. Вильсона ни одного высказывания из среды русского генералитета, прячась за отзывами младших офицеров Н. Е. Митаревского и А. Н. Муравьева. Всех солидарных с англичанином русских генералов (кроме Беннигсена) он оставил безымянными. Ни слова нет о письмах и публицистике Вильсона [87], в которых тот предстает искренним другом России, не упомянуто об английской финансовой и оружейной помощи, начавшей оказываться еще до войны [88]. Уж конечно, за научную истину Дробаном выдается чушь о целесообразности отступления Кутузова от Малоярославца, о «главной вине» Чичагова и Витгенштейна на Березине и пр. Одним из завершающих пассажей является: «Русский народ, патриоты России своей кровью отстаивали независимость Отечества, завоевывали его победу и славу. Коварный союзник примазывался к этим усилиям в эгоистических целях» [89]. Надо полагать, таким исследователям в стиле мракобесных 1937–1938 гг. союзники вообще не нужны, они готовы допустить, что их у России не будет.

В свое время М. Н. Покровский изложил причины, по которым *«единственным прочным и постоянным союзником Александра I могла быть только Англия. Русский император мог не понимать этого и стремиться к другим союзам; русское дворянство могло иногда не видеть этого: объективный ход вещей был сильнее индивидуальных склонностей, сильнее сознательных влечений той или другой общественной группы... Малейшее уклонение в сторону... ставило под вопрос хозяйственную обеспеченность завтрашнего дня и, вызывая негодование всех, кто владел и правил, грозило самой непосредственной опасностью виновникам совершенной дипломатической ошибки... Александр Павлович мог негодовать на это сколько угодно; он мог уверять — и может быть искренно — Наполеона, что он «ненавидит англичан столько же», как и его собеседник. Красный мундир все равно был подле: и если Александр не хотел видеть его в качестве врага, ему оставалось только сделать его своим другом.*

Опыт одиннадцати лет царствования убедил его, что другого выхода не оставалось. Но то, что теперь представляется нам ясным a priori, никогда не бывает таким для современников» [90].

Конечно, Вильсон порой обнаруживал национальный и великодержавный британский эгоизм, но, положив руку на сердце, не больше, чем сами русские великодержавный русский: *«Мы должны подумать, какая выгода будет для нас из всякого успеха и употребить к тому все усилия. Я полагаю, то вся твердая земля готова принять наши предложения, но сие не может исполниться по одной к нам наклонности; мы сами должны воспользоваться настоящей минутой и неусыпно действовать, преодолевая всякие препятствия. Одной державе должны мы обещать внутренность (the bowels) земли, другой одну поверхность, — но все таковые дары обратятся в пользу дарителя»,* — так метафорически писал он герцогу Глостерскому. Русский император об этом прекрасно знал; приведенные слова сохранились в сделанном специально для него извлечении из просматривавшейся английской переписки [91].

Действительно ли главнокомандующий Кутузов намеренно действовал вопреки царским инструкциям, по своей антианглийской политической стратегии, останется тайной. Слишком уж хорошо такие высказывания прикрывали его полководческую слабость, а потому пикировки с Вильсоном и Беннигсеном могли иметь самый обычный, неприязненно-защитительный характер. Стать на эту линию поведения было просто, поскольку Михаил Илларионович и его супруга были воспитаны на французской культуре. Кутузов просил царя вновь позволить пьесы французского театра. Это ввергло в детский восторг Е. И. Кутузову, обрадованную, что *«мы не будем сидеть с мужиками»* (простыми русскими, не знающими французского языка), чем она навлекла на себя осуждение: *«Не русские ли мужики способствовали славе ее мужа? ... Не стыдно ли ей это говорить, она правда как полоумная»* [92, 93]. В то же время Александр I говорил: *«Двор моей бабки испортил воспитание во всей империи, ограничив его изучением французского языка, французского ветрогонства и пороков и, в особенности, азартных игр»* [94]. Но этот культурный конфликт мало значил в вопросах любви к родине, мира и войны, чему самодержец и его фельдмаршал отдавали себе отчет. Поэтому надо полагать, что истинная мотивация Кутузова, как это характерно для большинства людей, была не так принципиальна, как он о том говорил. Фельдмаршал не предпринял попыток отстаивать свою линию, когда к армии вернулся император Александр.

Имеется письмо М. И. Кутузова в адрес Е. И. Кутузовой от 19 ноября 1812 года, в котором говорится: *«Не могу сказать, чтобы я был весел, не всегда идет все так, как хочется. Все еще Бонапарте жив... Грустил, что не взята вся армия неприятельская в плен»* [95]. Щербинин написал о том, как *«в Вильне князь Кутузов однажды воскликнул у себя за обедом, когда произнесли тост победителю: «Ах, не все сделано! Если бы не адмирал, — то простой псковский дворянин сказал бы: «Европа, дыши свободно!» Он намекал на возможное взятие самого Наполеона»* [96]. Офицеры Главной армии вспоминают, что *«фельдмаршал наш, известившись о прорыве Наполеона с войском, был крайне опечален»* [97]. Вильсон писал лорду Кэткарту: *«Я не могу смотреть на фельдмаршала без сожаления, хотя он заслуживает порицания. Он верно чувствует свое несчастье. Я очень уверен, что он желал погубить Бонапарте; но думал, что можно это сделать без дальней отваги»* [98].

Надо полагать, Михаил Илларионович не отказался прибавить себе славы, надеясь, что Чичагов справится, и они разделят лавры победы. В конце концов, английский генерал раскусил, что Кутузов имеет определенные культурные предпочтения и предрассудки, но это никоим образом не относится к его деятельности главнокомандующего, истоки слабостей в которой надо искать в других чертах характера, военной подготовки и жизненного пути фельдмаршала. Это снизило накал страстей между ними. В Вильне Кутузов *«оказывал расположение к доброму согласию»*, и даже возжелал иметь Вильсона *«при себе для иностранной переписки и доставления сведений»* [99].

О том, что Кутузов готов был забыть свою риторику и уничтожить Наполеона, говорит Харкевич, разбирая переписку фельдмаршала: *«Но вот 15 ноября в Круглом Кутузов получает донесения Витгенштейна и Платова, которые раскрывают ему глаза на критическое, почти безвыходное положение Наполеона... Кутузов убеждается, что благоприятно сложившаяся обстановка сделала конечную цель плана близкой к исполнению. «Ваше сиятельство усмотреть можете, — пишет он Витгенштейну, — сколь пагубно есть положение Наполеона, соединившегося с Виктором, и что одна главнейшая цель всех наших действий есть истребление врага до последней черты возможности». Каких результатов он ожидает от предстоящих действий, видно из слов его в том же предписании, что «неприятелю должны быть нанесены решительные удары, от коих зависит, может быть, благоденствие не одного народа русского, но и всех народов Европы». Кутузов забывает... что полученные им известия рисуют обстановку, имевшую место уже за два*

дня до того. Не только главные силы его армии отсутствуют на решительном пункте, но и сам он слишком удален от места, где происходит развязка операции. Он добровольно лишил себя возможности руководить действиями в момент кризиса и является простым свидетелем совершающихся событий» [100].

Мечтам главкома был нанесен жестокий удар. Михаил Илларионович был настолько огорошен настигшими его известиями о свершившейся переправе Наполеона, так не хотел отказываться от падающей в его руки сказочной победы, что поначалу отказался верить рапортам Ожаровского и Чичагова от 15 (27) ноября и Платова от 16 (28) ноября. Безнадежно отставая от обстановки, 18 (30) ноября он пишет Чичагову и Платову об отсутствии достоверных сведений о переходе Наполеона через Березину и просит подтвердить полученные им данные: *«Доколе не узнаю совершенно о марше неприятеля, не могу я переправиться через Березу, дабы не оставить графа Витгенштейна одного противу всех сил неприятельских»*. Тогда же возникает его намерение как можно быстрее двигаться за Наполеоном к Вильне, которое вышибет остатки сил из Главной армии на усиленных маршах: *«Ежели же перешел, то мне спешить должно переправиться при Жуховце и, оставя Минск в левой руке, держаться к Вильне»* [101].

Итак, ничто не отменяет упреков Богдановича в том, что всех целей Кутузов мог достичь быстрее и меньшими потерями. Ничто, кроме атактичности, не мешало ему разбить Мюрата на Чернишне, преследовать Бонапарта от Малоярославца, уничтожить при Вязьме корпус Даву, а при Красном — Нея и Богарне, если не самого Наполеона. Будь эти бои твердо проведены, Бонапарт вообще не смог бы дойти до Борисова, условия движения русской армии к границе стали бы несравненно комфортнее, а немцы быстрее побежали бы к царю в союзники. Еще более выгодная ситуация могла возникнуть, сумей Михаил Илларионович правильно распорядиться потенциалом Барклая и итогами Бородина, не отдай он Москву врагу в тот момент, когда тот уже лишился запасов. Клаузевиц считал, что *«если бы Москва оставалась в руках русских, то... опираясь на нее... русскими был бы организован столь мощный отпор, что ослабленные силы Наполеона неизбежно могли оказаться недостаточными»* [102].

Итоги рассмотрения Березинской битвы таковы, что главным виновником частичного неуспеха Петербургского стратегического плана является генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Он, де-факто, и выпустил Наполеона из России, скорее всего, не-

умышленно. Симптоматично, что Гейсман, чья биография полководца со дня Бородина теряет связность, все-таки признает: «Трудно... целиком отвергать обвинение Кутузова в бездействии во время Березинской переправы» [103]. Как указал Клаузевиц: «Он знал, что Чичагов и Витгенштейн преградят путь противнику у Березины и заставят его остановиться, — это было в плане, предписанном императором. В этих обстоятельствах ему следовало именно в этот момент держаться не далее одного перехода от неприятельской армии... Так как в данном случае вопрос стоял не о большем или меньшем общем успехе кампании, а о содействии, которое ОН ДОЛЖЕН БЫЛ оказать подчиненным ему генералам, то здесь надлежит судить по-другому, чем под Красным» [104].

«Если погибли не все до единого французы великой армии, — говорит один из участников войны 1812 года, — то виноваты сами русские. По человеческим расчетам и по всему тому, что ежедневно происходило во французской армии, она должна была найти свою могилу на Березине». Нельзя не признать значительной доли справедливости за этими словами. Грандиозный план, ставивший целью преграждение пути отступления и пленение французской армии... был близок к осуществлению... французская армия переживала критические минуты, и только ошибки исполнителей плана императора Александра и ряд счастливых случайностей дали ей возможность избежать гибели... Если бы все стоявшие во главе операций... были преданы военному суду, самые строгие судьи должны были бы признать наименее виновным адмирала Чичагова, потому что один он точно выполнил данные ему предписания и один оказался на месте, прибыв на Березину ранее французской армии, чтобы встретить ее и противодействовать ее переправе», — резюмировал Харкевич [105, 106].

По суждению фон Лоссберга, армия Чичагова стала причиной окончательного разгрома нашествия. Если бы ее не оказалось у Борисова, «было бы весьма вероятно, что Наполеон достиг бы королевства Прусского с 30000 старых солдат и что тогда не совершился бы этот новый шаг к уничтожению армии. В этом случае Наполеону, вероятно, удалось бы удержаться с 30000 в королевстве Прусском, и Таурогенская конвенция не состоялась бы» [107]. Как заявил Н. П. Поликарпов в заметке «Во имя исторической правды»: «Обвинять адмирала Чичагова в неудачном исходе для нас Березинской операции 1812 г. можно только или по неведению... или же по специальному, предвзятому предубеждению... Адмирал Чичагов выполнил точно относившуюся к его армии часть Высочайше начертанного плана... Между тем еще 2 ноября ген.

Беннигсен... писал императору Александру I: «Медленность и слабость, с которыми мы преследуем неприятеля, доведут до того, что сил у Чичагова не останется, чтобы остановить его (Наполеона) у Березины». Предсказание сбылось буквально» [108].

Тому, кто хочет судить о Березине беспристрастно, следует учесть и слова С. Н. Марина: «Адмирала... здесь ненавидят и раздирают на части, полагая, что он причиной спасения великого злодея. Но в сих случаях я молчу, ибо в проклятом воинском ремесле надо быть на месте и в делах, чтобы судить, кто прав, кто виноват; у нас же репутации возвышаются и упадают очень часто без всякой причины» [109]. Прошли века. Невозможно спросить современников о том, чего они не рассказали, но остается возможность судить от поля битвы и комплекса документов о ней, а не от пристрастной обработки чьих-то лукавых наследий.

1. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. С. XI; Т. 4. Ч. 2, прим. 1 к док. № 123. С. 137.

2. Там же. Т. 4. Ч. 1. С. XXVI–XXVII.

3. Бутурлин Д. П. Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 142–143, 239, 292.

4. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 293.

5. Бутурлин Д. П. Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 291.

6. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 186, 196.

7. Окунев Н. А. Рассуждение о больших воен. действиях. СПб., 1841. С. 245–246.

8. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 188.

9. Бутурлин Д. П. Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 143, 284.

10. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 323. С. 268–269.

11. Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 198–199.

12. Свечин А. А. Эволюция воен. иск-ва с древн. времен до наших дней. М., Л., 1927. Т. 1. С. 379–380.

13. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 122–123, 190.

14. Давыдов Д. В. Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 113.

15. Харкевич В. И. Березина. СПб., 1893. С. 15–16.

16. Свечин А. А. Эволюция воен. иск-ва с древн. времен до наших дней. М., Л., 1927. Т. 1. С. 382.

17. Глиноецкий Н. П. Истор. рус. Ген. штаба. СПб., 1883. Т. 1. С. 243–244.

18. Дурново Н. Д. *Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Дурново Н. Д. Дневник 1812. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/01.html>, 10.04.2018.*
19. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 16–17.*
20. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Прил. 6. С. 464–465.*
21. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 17, 203.*
22. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 1. Док. № 323. С. 268.*
23. Липранди И. П. *Война 1812 г. Замеч. на книгу... г-м. Богдановича. М., 1869. С. 41–42.*
24. Левенитерн В. И. *Записки // Рус. Старина. 1901. № 2. С. 374–375.*
25. Бенкендорф А. Х. *Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 129–130.*
26. Арнольди И. К. *Из записок о 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 110.*
27. Норов В. С. *Записки о походах 1812 и 1813 гг. СПб., 1834. Ч. 1. С. 81.*
28. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 250, 259. С. 350, 363–364.*
29. Хлаповский Д. *Воспоминания о войне 1812 г. // Военский К. А. Св. памяти 12-й год. СПб., 1912. С. 63.*
30. *Полн. собр. законов Рос. Имп. СПб., 1830. Т. XXXII. С. 43–45.*
31. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 296.*
32. Давыдов Д. В. *Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 108.*
33. Шишков А. С. *Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 126.*
34. Вяземский В. В. *Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Вяземский В. В. Дневник 1812. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/03.html>, 10.04.2018.*
35. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 232. С. 322, 324.*
36. *Записки инж. офицера Мартоса // Рус. Архив. 1893. № 8. С. 466.*
37. Петров А. Н. *Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1887. Т. 2. С. 242.*
38. Князьков С. А. М. И. *Голенищев-Кутузов // Отеч. война и рус. об-во. М., 1912. Т. 4. С. 3.*
39. Вильсон Р. Т. *Дневник и письма 1812–1813. М., 1995. С. 79.*
40. Ивченко Л. Л. *Кто выпустил Наполеона из Рос. // Отеч. война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999. С. 4.*
41. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 395. С. 384–385.*
42. *Там же. Док. № 388. С. 380.*
43. *Там же. Док. № 389, 413. С. 381, 400.*

44. Там же. Док. № 398, 400, 408, 411. С. 386, 388, 393, 397.
45. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны*. СПб., 1839. Ч. 4. С. 196, 198.
46. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // Военский К. А. *Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 80.
47. Ложье де Белленкур Ц. *Дневник офицера вел. армии. М.*, 1912. С. 311.
48. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 385. С. 375.
49. Радужицкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев*, 1912. С. 121.
50. Пуцин П. С. *Дневник (1812–1814)*. Л., 1987. С. 74–75.
51. Чичерин А. В. *Дневник 1812–1813*. М., 1966. См. также: Чичерин А. В. *Дневник 1812–1813*. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Chicherin/chicherin_1812.html, 10.04.2018.
52. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН*. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 259. С. 363.
53. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 446. С. 429.
54. Жиркевич И. С. *Записки* // *Рус. Старина*. 1874. № 5–8. С. 664–666.
55. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I*. СПб., 1897. Т. 3. С. 130–131.
56. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 293.
57. Митаревский Н. Е. *Воспоминания о войне 1812 г.* М., 1871. С. 156–157.
58. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 417. С. 403–405.
59. Там же. Док. № 421, 424. С. 406, 409.
60. Там же. Док. № 437, 438. С. 421–424.
61. Там же. Док. № 333, 336, 349. С. 319–320, 322, 334–335.
62. Дурново Н. Д. *Дневник 1812 // 1812 г. Воен. дневники*. М., 1990. См. также: Дурново Н. Д. *Дневник 1812*. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/01.html>, 05.04.2018.
63. Ивченко Л. Л. *Кто выпустил Наполеона из Рос.* // *Отеч. война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино*, 1999. С. 4.
64. Ивченко Л. Л. *Кутузов*. М., 2012. С. 440.
65. *Записки инж. офицера Мартоса* // *Рус. Архив*. 1893. № 8. С. 462.
66. Давыдов Д. В. *Соч.* СПб., 1893. Т. 2. С. 124. См. также: Давыдов Д. В. *Дневник партизанских действий* // Давыдов Д. В. *Соч.* М., 1860. Ч. 1. С. 106–107.
67. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г.* // Военский К. А. *Отеч. война 1812 г. в записках соврем.* СПб., 1911. С. 78–79.
68. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М.*, 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 380, 383. С. 372, 373–374.
69. Норов В. С. *Записки о походах 1812 и 1813 гг.* СПб., 1834. Ч. 1. С. 75.
70. Лоссберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев*, 1912. С. 99.

71. Ермолов А. П. *Записки 1798—1826. М., 1991. С. 249—250, 251. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 142, 144.*
72. Давыдов Д. В. *Дневник партиз. действий // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Ч. 1. С. 112.*
73. Малиновский С. С. *Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1907. Вып. IV. С. 88.*
74. Харкевич В. И. *Березина. СПб., 1893. С. 161—162.*
75. *Отч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVII. С. 225.*
76. Ермолов А. П. *Записки 1798—1826. М., 1991. С. 253—254. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 146—147.*
77. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950—1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 564. С. 556.*
78. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 202.*
79. *Там же. С. 124.*
80. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г. // Военский К. А. Отч. война 1812 г. в записках соврем. СПб., 1911. С. 77.*
81. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 125.*
82. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 171.*
83. Князьков С. А. *Второй период войны и М. И. Голенищев-Кутузов // Отч. война и рус. об-во. М., 1912. Т. 4. С. 4—5.*
84. Ермолов А. П. *Записки 1798—1826. М., 1991. С. 258. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 151.*
85. Вильсон Р. Т. *Дневник и письма 1812—1813 гг. СПб., 1995. С. 273—274.*
86. Фельдм. Кутузов. *Док. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 413.*
87. Вильсон Р.-Т. *Кр. замеч. о свойстве и составе рус. войска. СПб., 1812.*
88. *См. напр.: Отч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1903. Т. IV. С. 84—85, 194—195.*
89. Дробан А. Т. *Два фронта фельдм. Кутузова в 1812 г. // Эпоха 1812 г. в судьбах Рос. и Европы. М., 2013. С. 175—186.*
90. Покровский М. Н. *Дипломатия и войны царской Рос. в XIX ст. М., 1923. С. 3—4.*
91. Дубровин Н. Ф. *Отч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 186. С. 257.*
92. *Там же. Док. № 341. С. 464.*
93. Шишков А. С. *Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 176—177.*
94. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 130—107.*
95. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950—1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 435. С. 416—417.*
96. Щербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г. // Отч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 230.*
97. Радожницкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Рос. Киев, 1912. С. 122.*

98. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 259. С. 364.
99. Там же. Док. № 267, 270. С. 374, 383.
100. Харкевич В. И. *Березина.* СПб., 1893. С. 204–205.
101. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956.* Т. 4. Ч. 2. Док. № 427, 428. С. 410–411.
102. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004.* С. 154.
103. *РБС.* СПб., 1903. Т. 9. С. 686.
104. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004.* С. 125–126.
105. Харкевич В. И. *Березина.* СПб., 1893. С. 202–203, 209–210.
106. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф.* // *Воен. сб. 1870.* № 6. Отд. I. С. 158.
107. Лосберг Ф. В. *Поход в Рос. Киев, 1912.* С. 108.
108. Поликарпов Н. П. *Во имя историч. правды* // *Тыс. восемьсот дв. год.* СПб., 2012. Т. 1. Вып. 1–10. С. 152–153.
109. Марин С. Н. *Полн. собр. соч. М., 1948.* С. 337.

ЗАВЕРШЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АРМИИ

11.1. У ГРАНИЦ ИМПЕРИИ. ОБОСТРЕНИЕ РАЗНОГЛАСИЙ
МЕЖДУ КУТУЗОВЫМ И АЛЕКСАНДРОМ I.
ПЕРЕМЕНЫ В КОМАНДОВАНИИ

Начиная описание преследования наполеоновских войск от реки Березины к границам Российской империи, Богданович прибегает к уловке о некоем «*совете русских военачальников*», примиряющей истинные события с тем взглядом на них, который хотелось иметь патриотическому общественному мнению [1]. Такого совета не было. Со времени своего потрясенного бегства через Москву М. И. Кутузов не терял управления действующими войсками, как это опять случилось у него на Березине. Совещаться между собой могли П. В. Чичагов и П. Х. Витгенштейн, М. И. Платов и А. П. Ермолов, но никак не Михаил Илларионович, застрявший в снегах нижней Березины, и не М. А. Милорадович, не успевший привести к боям у Борисова авангард Главной армии.

Из своей глуши фельдмаршал 19 ноября (1 декабря) отписал Чичагову, Витгенштейну и Александру I соображения о действиях по уничтожению прорвавшегося противника. Основывались они, как нетрудно видеть по документам, на предложениях Витгенштейна: «*Милостивый государь мой граф Петр Христианович! Генерал Ермолов мне доносит, что ваше сиятельство по переправе через Березину намерены итти вправо, дабы отрезать Макдональда и не допустить его соединение с Наполеоном. Сие намерение я не могу иначе как одобритъ, с тем однакож, что нужно иметь вам весьма тесное сношение с адмиралом Чичаговым*» [2]. План был очевиден: крупные русские силы в 60 тыс. чел. не могли быстро пройти за Наполеоном через Зембинское дефиле. Да и что им было делать там, где вполне хватало армии Чичагова, отряда Ермолова, партизан Давыдова, Сеславина и казаков Платова? Два дня Витгенштейн наблюдал, как обоз Дунайской армии «*загромождает Зембинскую теснину*» [3]. Его решение обратиться на Вреде и Макдональда было правильным и своевременным. Уведенной фель-

дмаршалом в пустоту Главной армии тоже предлагалась осмысленная задача: оттеснить от Наполеона корпус Шварценберга. Поэтому Кутузов соглашается с предложениями, и ставит партизанам Давыдова и Сеславина задачу двигаться как можно быстрее, миновать Вильну и уничтожить вражеские запасы в Ковно, а Платову — любой ценой выиграть марш у авангарда Наполеона [4].

Опасаясь обвинений в бездеятельности Михаил Илларионович оставляет Главную армию, начавшую забираться к северу от Игумена, через Рованичи на Смолевичи, и утром 22 ноября (4 декабря) кидается вслед за собственными указаниями. Командование армией фельдмаршал возложил на Торماسова, поручив вывести ее в обход Минска с севера на дорогу к Вильне. То есть, он опять не собирается выполнять только что одобренный им план. Вместо этого Кутузов зациклился на личных соображениях, и в очередной раз водит за нос царя, намекая о каких-то действиях, будто бы ведомых им против Шварценберга: *«Сими четырьмя путями, которыми пойдет, армия... может легко воспретить соединение корпусов Макдональда и Шварценберга с Наполеоном»* [5]. На деле он направляет Главную армию вдаль от австрийского корпуса Шварценберга, отряды которого успели за спиной Чичагова занять Слуцк, Пинск и войти с юго-запада в Минск.

Ермолов вспоминает: *«Проходя с отрядом моим по большой дороге на Вильну, на ночлег приехал неожиданно князь Кутузов и расположился отдохнуть. Немедленно явился я к нему и продолжительны были расспросы его о сражении при Березине». В этот момент вопрос о лояльности Ермолова стоял для фельдмаршала остро как никогда. «Князь Кутузов не предпринял склонить меня понимать иначе то, что я видел собственными глазами. Он принял на себя вид чрезвычайно довольного тем, что узнал истину и уверял (хотя не уверил), что совсем другими глазами будет смотреть на адмирала... Он приказал мне представить после записку о действиях при Березине, но чтобы никто не знал о том»* [6]. О собственных промахах Алексей Петрович говорить не любил, хотя это он первым высказал ошибочное мнение о необходимости следования Главной армии в Литву, подсобив Михаилу Илларионовичу отправиться к главному политическому (но не стратегическому) пункту окончания войны. Этот факт — донесение Ермолова от 17 (29) ноября № 525 из Стахово, выдают материалы XX тома ВУА ГШ.

Пока Главная армия продолжала выбиваться из сил на пустых проселочных дорогах (самая тяжесть этого марша началась после отъезда Кутузова), от армии Чичагова непосредственное преследование врага

вели отряды генералов С. Н. Ланского и Е. И. Чаплица. Недалеко от Ошмян атаман Платов обошел авангард Чичагова, и, не останавливаясь, продолжал движение в ночное время. Еще дальше вперед вырвался Сеславин, по ходу своего движения на Ковно попытавшийся поймать в Ошмянах самого Наполеона, и ретировавшийся оттуда по недостатку сил. Трещали морозы в 25–27 градусов, наполеоновская армия умирала, вовлекая в свое разложение последние прибывающие к ней резервы. *«На другой день, 17 ноября, мы пошли по пятам за бегущим неприятелем, которые не мог уже делать никакого отпора нашему преследованию, но затруднял оное, истребляя все мосты и плотины. Кто не был очевидцем... тот не может вообразить всего ужаса той картины, которая представлялась нам на каждом шагу... от Березины до Вильны. Ужас сей, превышающий всякое описание, постепенно возрастал с приближением к сему городу. Вся дорога устлана была замерзлыми трупами людей, во многих местах служившими помостом канав для провоза артиллерии, палыми лошадьми, брошенными пушками, зарядными ящиками, фурами и проч., так что иногда надо было расчищать путь для прохода нашего войска; а по бокам дороги тянулись толпы полузамерзших французов, почти нагих, и которым при всем желании и человеколюбии не было возможности подать помощь»* [7].

«Множество людей и повозок, столпившихся на узких мостах Гайны, были сброшены во рвы и болота и потонули в грязи еще не совершенно застывшей... Войска совершенно потеряли прежний свой вид: нельзя было узнать в них ни солдат, ни офицеров. Тысячи нищих, окутанных грязными рубищами, едва тащили ноги, обернутые шерстяными одеялами, либо мехом, обвязанные шнурками, лыками, чем попало. У каждого из этих несчастных были отморожены руки, уши, либо ноги... Господствующими болезнями были ревматизмы, простуда легких и кровавые поносы. Для тысяч больных недоставало докторов, да и не было никаких медицинских средств... Люди изведенной храбрости, подавленные неслыханными бедствиями, сделались малодушными; почти никто не мыслял о сопротивлении неприятелю; все искали спасения в бегстве и никто не был в состоянии бежать от совершенного истощения сил» [8]. Жесточайше свирепствовал умножившийся еще в Смоленске тиф. В Литве началась повальная эпидемия, распространившаяся не только в наполеоновской армии, но и между жителями. Переходом в тиф обычно заканчивались все другие болезни. От тифа выздоравливали немногие, да и те страдали осложнениями, делающими их негодными к службе.

Наполеон писал к Маре, герцогу Бассано: *«Я желаю, чтобы в Вильне не было ни одного иностранного агента. Армия в настоящее время выглядит некрасиво... Продовольствия, продовольствия и продовольствия! Без этого нет насилия, на которое не была бы способна эта масса, утратившая дисциплину... более сорока тысяч, вследствие лишений, недостатка продовольствия и холода, превратились в бродяг, или вернее, в разбойников. Если Вильна не в состоянии дать нам ста тысяч рационов хлеба, мне жаль этот город»* [9].

Баварский корпус генерала К.-Ф. Вреде, на который рассчитывал для обеспечения своего отступления Бонапарт, был бит авангардом отряда генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова, его соединение с остатками Великой армии было предотвращено. Французский арьергард под началом маршала Виктора жестоко погромили у Молодечно отряды генералов Чаплица, Платова и Ермолова. Следом надвигалась вся Дунайская армия, противопоставить ей было нечего. С прибытием Чичагова к Молодечно Витгенштейн перешел к Долгинову, Милорадович достиг Логойска [10]. Виктор докладывал начальнику штаба Наполеона маршалу Бертье: *«Бывшее в арьергарде 23-го числа дело есть последнее наше усилие. Войска арьергарда доведены до крайности, и остатки их в таком жалком положении, что я нахожусь принужденным ставить их дальше от неприятеля, избегая всякой встречи с русскими. Я решился на единственное, остающееся мне средство спасения: продолжать отступление... вероятно, сегодня буду я столь же сильно преследуем, как вчера; думаю, что его величеству приличнее отъехать от нас далее»* [11]. Командир арьергарда более не ручался за безопасность наполеоновской главной квартиры. В ней самой царили беспорядок и грабежи.

Наполеон, потеряв надежду преодолеть распад остатков своей армии, решил бросить ее и ехать в Париж для спасения политических миражей проваленной кампании. Продиктовав в Молодечне 29-й бюллетень, готовящий Европу к осознанию огромных потерь, он приказал своему последнему резерву, дивизии Луазона, выступить из Вильны в Ошмяны. Обеспечив таким образом свое бегство, через сутки он прибыл в Сморгонь, где объявил о принятом решении Дарю, Дюроку и маршалам, а начальство над войсками поручил Мюрату. *«Дарю не видел в этом необходимости... но император ответил, что не чувствует себя достаточно сильным, чтобы оставить между собой и Францией Пруссию... совершенно необходимо вернуться во Францию, ободрить ее, вооружить ее и удержат всех немцев верными ей.*

Наконец, что это неизбежно для того, чтобы вернуться с достаточным новым войском на помощь остаткам Великой армии». По свидетельству де Сегюра, сцена, которая произошла наедине между Бонапартом и Бертье, была ужасна [12]. Люди, озлобленные неслыханными бедствиями, проклиная Наполеона, кричали: «Он бежит, как бежал из Египта, он оставляет нас, предав гибели» [13].

Коленкур сообщает: «Он торопился уехать, чтобы опередить известие о наших несчастьях. Надо сказать, что о них по большей части даже не знали. Вера в гений императора и привычка видеть, как он торжествует над самыми трудными препятствиями, были так велики, что общественное мнение в то время скорее преуменьшало, чем преувеличивало наши беды, сведения о которых дошли до него». Тут же Коленкур порицает неисправимое прожектерство Бонапарта: «Император считал, что в одну неделю он соберет в Вильно для отпора русским больше сил, чем могли бы русские собрать за целый месяц. Он уже видел, как Польша вооружает всех своих крестьян, чтобы прогнать казаков, а французская армия вырастает втрое, так как она найдет пропитание и одежду и уже подошла к своим подкреплениям, тогда как русские от своих подкреплений отделились». Замечания, что даже переход армии через Неман не прекратит беспорядок, а Вильну следовало заблаговременно эвакуировать, не произвели на него впечатления [14].

За спиной Наполеона дивизия Луазона, наполовину состоявшая из непривычных к холоду итальянцев, понесла большие потери еще до столкновения с русскими в Ошмянах: «Посланная из Вильны к отступающей французской армии... дивизия из резервных, вновь набранных конскриптов, не вынесла труда, и на расстоянии между городами Ошмянами и Вильною была жертвою лютости мороза; малое число спасшихся возвратилось в Вильну» [15]. П. С. Пущин писал: «Проехав от Ошмян большой дорогой около 2 верст, мне представилась возможность видеть ужасное зрелище. Поля были совершенно усеяны трупами; не преувеличивая можно сказать, что их приходилось по 20 на каждую квадратную сажень; все местечки, деревни, трактиры опустошены и переполнены большими и умирающими» [16]. Среди офицеров дивизии созрел заговор против Наполеона, руководимый служившим в 113-м (тосканском) полку майором Лапи. Покушение на императора не состоялось по причине быстрого отъезда последнего [17].

24 ноября (6 декабря), в 28 верстах от Вильны, в Медниках, своего императора встретил Маре. На его вопросы Наполеон отвечал: «Армии нет; нельзя назвать армией толпы солдат и офицеров, без обуви и

одежды, в 26 градусов стужи всюду скитающихся для отыскания пищи и крова... Главный мой штаб ни о чем не заботился, ничего не предвидел» [18]. Пробыв в городе всего несколько часов, Бонапарт в тот же день отправился по Ковенской дороге дальше. На заре 26 ноября (8 декабря) он пересек обратно русскую границу.

По подсчетам Клаузевица, на участке отступления от Москвы до Вязьмы французская армия теряла ежедневно $1/35$ своего состава. От Вязьмы до Смоленска — $1/26$, от Смоленска до Березины — $1/20$. А на участке от Березины до Вильны суточная потеря составляла уже от $1/12$ до $1/8$ от общего состава обреченной армии. Убыль в людях за 10 дней пути к Вильне составила 18000 чел., в то время как боев было мало. На участке от Вильны до Немана процент суточных потерь еще более возрос и достиг $1/5$ [19]. Трудно найти более ясный приговор полководческому и стратегическому неразумению Бонапарта. Он самонадеянно и надменно считал своими функциями командовать на поле боя и принимать почтения. Между ним и штабом, состоящим из талантливых и работоспособных людей, сложились ненормальные отношения, в которых не штаб был виноват, а полководец, чрезвычайно урезавший объем собственных функций, но никому не дававший через свою голову что-либо предпринять. Город Вильна, равно как Москва и Смоленск, был завален продуктами и прочими статьями армейского снабжения, но погибающим наполеоновским войскам они опять не достались.

Кутузов наоборот, следил за широкой сферой жизни войск, от которой устранился Наполеон. Направляясь к Чичагову, он первым делом запрашивает самые подробные сведения о снабжении его армии продовольствием, о наличии продуктов питания непосредственно в войсках [20]. Конечно, при всем внимании Кутузова к вопросам обеспечения, его метода действовать не через правильно организованный штаб и его органы, а через доверенных, преданных лиц при слабом личном контроле, давала сбои. Неискоренимы были при такой методе злоупотребления, соединяясь с трудностями параллельного преследования. Транспорты из обывательских подвод, взятых насильно, «угнетами», не поспевали за армией по объездным дорогам, оттого и был систематический недостаток хлеба. Затруднения увеличивались большим количеством пленных, которых тоже надо было кормить. «Гвардия уже 12 дней, вся армия целый месяц не получает хлеба», — записал 28 ноября в своем дневнике поручик Чичерин [21]. Хлебные затруднения подтвердились Пушиным и многими другими [22].

Касательно вещевого довольствия, подорванного *«как с потерей Москвы потеряны и удалены наши комиссариатские запасы»*, проведенная по приказанию Кутузова реквизиция сапог, шуб и лаптей не смогла выправить положение. *«Только некоторая часть достигла армию до Вильны; остальные прибыли по вступлении уже наших войск в сей край»*. Отмечались невысокое качество обуви и факты разворовывания трофейных магазинов, вещи из которых не поступали в интендантское ведомство [23]. Ничего не получила армейская казна из Минска с его обширными магазинами, которыми не успели воспользоваться ни Чичагов, ни Шварценберг. После оставления австрияками город оказался за флангом Главной русской армии, в зоне досягаемости лиц, пользовавшихся покровительством фельдмаршала. На этом эпизоде войны опять зияет пробел: все повествования заканчиваются взятием Минска войсками Чичагова. В материалах ВУА ГШ сохранилось распоряжение Кутузова полковнику Кноррингу, из которого видно, что запасы вывозились и продавались организованно. Михаил Илларионович не требовал никого арестовывать и пороть, а лишь узнать и известить его, *«кто именно были в том участники, кем и кому было продаваемо»* [24]. Этого было достаточно, чтобы установить таксу отчислений с дельцов, а о большем он и не заботился.

В собственно боевой сфере культовый полководец обнаруживает прежнюю умозрительность. Еще 22 ноября (4 декабря) он отписал Ф. В. Остен-Сакену: *«Не зная, какое направление берет князь Шварценберг, спешу вашему высокопревосходительству предписать, чтоб вы все меры приняли воспретить марш ему на Вильну»*. На следующий день беспокойство Кутузова возрастает (он-то знал, что Главная русская армия направлена им по пути, который не позволит препятствовать австро-саксонским войскам). Чичагову предлагается остановиться в Ошмянах, обождать приближения Витгенштейна и Торماسова [25]. Прибыв 24 ноября в Радошкевичи, главноком *«всегда чрезвычайно осторожный, полагал, что Наполеон мог сделать еще напряжение последних сил и отважиться на крайнее средство — принять сражение под Вильною, с войсками, находившимися в сем городе, присоединив к ним корпуса князя Шварценберга, Ренья и Макдональда»* [26].

Эти соображения опять выявляются несостоятельными, — Шварценберг на соединение с Бонапартом не пошел, а стремительность русских войск воспрепятствовала очередной попытке Кутузова дать наполеоновским войскам передышку. Царю облегченно докладывается: *«Неприятель в Вильне не остановится... неуповательно, чтоб он*

мог соединиться с князем Шварценбергом так скоро; неверно также и то, чтобы успел или возмог с ними соединиться Макдональд». Теперь Кутузов сам предполагает остановить русскую армию на отдых в Вильне [27]. «Приготовления к атаке Наполеона у Вильны оказались ненужными», — резюмировал Михайловский-Данилевский [28].

Отступление врага ускорялось насколько возможно. 25 ноября (7 декабря) главная квартира Мюрата прибыла в Медники. Провиант не раздавался со времени выхода наполеоновских войск из Орши. Большая надежда была на ошмянские магазины, но вслед за Сеславиным, воспользовавшись анархией, начавшейся по отъезде Наполеона, в город ворвался отряд Кайсарова, и уничтожил их. 26-го Мюрат был в Вильне, а Чаплиц, преследуя к Ошмянам противника, не имевшего уже арьергарда, захватил 61 орудие и до 4 тыс. пленных. На следующий день войска Чаплица добились замерзшую дивизию Луазона, захватив еще 16 новеньких пушек и 1300 чел. пленными. Перед Вильной маршалу Виктору удалось соединиться с корпусом Вреде. Мюрат приказал как можно дольше закрывать город, но сил одного отряда Сеславина хватило, чтобы выбить с позиций остатки двух некогда грозных вражеских корпусов. В два часа пополудни 27 ноября (9 декабря) в Вильне стала слышна канонада. Затем Сеславин ворвался в предместье, но был вытеснен оттуда и стал вблизи города на биваках, ожидая авангард Дунайской армии. Мюрат оказался плохим главнокомандующим, и Вильну охватило безвластие. При избытке провианта в магазинах, трудно было получить его. Русские подходили со всех сторон, а сражаться могли только остатки гвардии, дивизий Луазона и Вреде, в числе 4 тыс. чел. под общим командованием несгибаемого Нея. В остальных пяти корпусах оставалось всего-навсего 300 чел. Положение не позволяло удержать Вильну, и последовало распоряжение раздавать припасы без формальностей, была предпринята лишь попытка спасти казну [29].

28 ноября (10 декабря) французская главная квартира отправилась по Ковенской дороге. За ней выступили немногие сохранившие порядок подразделения и потянулись толпы безоружных. Прибывшие отряды Орлова-Денисова, Платова и Кудашева не совершили ошибки. Оставив без внимания город, где забаррикадировались оставшиеся неприятели, они сосредоточили усилия у Понарской горы, где отступавшие колонны наиболее замедлялись. Отряды имели в общей сложности 10 пушек, и этого хватило. Были захвачены тысячи пленных, французские начальники ускакали по Ковенской дороге, за ними ушел арьергард Нея. Вывезенная из Вильны казна была брошена. Из

суммы, «простиравшейся до 11 миллионов франков, было спасено с небольшим 4 миллиона, а разграблено 6 миллионов 800 тысяч франков» [30].

В тот же день город Вильна был взят русскими войсками под общим командованием генерала Чаплица. Он провел штурм стремительными обходами, сохранив людей и сберегая город от уничтожения. Неприятель бросил в улицах и по дороге в Понары более 100 пушек, сверх того было найдено 41 орудие в арсенале. В плен попали 7 генералов, 242 штаб и обер-офицера и более 14000 нижних чинов, из них 5000 больных в госпиталях. Материальные трофеи были огромны. *«В чрезвычайных размерах были заготовления всяких для армии потребностей. Ничто не упущено из виду и ничто не истреблено неприятелем. Ценность казенного имущества может восходить до огромного числа миллионов. Остались и частные богатые магазины»*, — писал Ермолов [31]. Итак, отнюдь не недостаток припасов послужил разгрому и упадку французской армии. Один раз безрассудно доведенные своим полководцем до сильного голода, войска буквально взломали не готовую к кризису систему обеспечения в Смоленске, а затем ослабели настолько, что не могли защитить свои магазины по пути отступления. Лишь потерю минских, полоцких и витебских складов надо отнести не к бесхозяйственности, а к стратегическому авантюризму Наполеона, оставившему без надежного прикрытия свои фланги.

В кварталах, где располагались остатки наполеоновской армии, город был обителью смерти. *«Бродившие по улицам французы походили более на мертвых, нежели на живых людей. Иные, идя, вдруг падали и умирали, другие были в одурении, вытараща глаза, хотели нечто сказать, но испускали только невнятные звуки. В одном месте находилась стена, составленная из смерзшихся вместе тел, накиданных одно на другое. Большого труда стоило убрать мертвых, привести в известность больных и пленных, наполнявших без изъятия все дома, и большею частью страдавших прилипчивыми болезнями, гнилыми горячками, злокачественными сыпями, кровавыми поносами. Более 800 артиллерийских и других казенных лошадей были наряжаемы несколько суток сряду для вывоза трупов; до 200 русских и пленных лекарей... не успевали осматривать всех порученных им страдальцев... 13000 раненых и изнемогавших неприятелей собраны были в католических монастырях, где... навалены были костры умерших и издыхающих»*. С театра войны зараза распространялась в губернии: *«Новгородскую, Псковскую, Вологодскую, Костромскую и Орловскую, велено было остановить рассылку пленных и оставить их на тех местах, где застигнет предписание»* [32].

Главные силы бывшей Дунайской армии прибыли в Вильну 29 ноября (11 декабря), и Кутузов тотчас же перенес туда свою главную квартиру. *«Фельдмаршал со своим штабом расположился в замке; там встретил его Чичагов во флотском вице-мундире, с кортиком, держа фуражку под мышкою, подал ему строевой рапорт о состоянии своей армии и вручил ключи от города. Свидетели этой встречи уверяют, что она была холодна до крайности. Чичагов знал, что фельдмаршал обвинял его в несовершенной удаче действий на Березине, а Кутузову было известно, что Чичагов оправдывался полученными от него известиями о намерении Наполеона направиться на Игумен»* [33].

Все же главком не хотел открыто портить отношения с адмиралом. Направляясь к Вильне, он пишет ему благодарность за взятие и сохранение города, просит подождать его приезда. Кутузовские строки: *«Лестно всякому иметь такого сотрудника и такого товарища, какого я имею в вас»* десятилетиями толковались советскими историками как сарказм, но фельдмаршал был слишком умен и меркантилен, чтобы бессмысленно иронизировать. Цель этой лести выдает постскриптум: *«Р. С. Что касается до Тучкова и прочего, обо всем переговорим лично»* [34]. Следовательно, речь должна была идти о судьбе Эртеля. Снятие обвинений с незадачливого командира Мозырского корпуса, обратившегося к Кутузову за заступничеством, усиливало позицию Михаила Илларионовича в кулуарных обсуждениях ошибок, допущенных на Березине. Адмиралу не следовало проявлять доброты, но успокоенный миролюбием старого хитреца, он уступил.

Со стороны фельдмаршала мог иметь место зондаж по прочим важным для него вопросам. Надо было разъединить Чичагова и Витгенштейна, посягнувшего на слишком большой кусок славы: *«Граф Витгенштейн часто, но всегда довольно неловко, давал чувствовать, что Петербург обязан ему спасением и путь в Литву проложен его победами... Находя его на первом плане действующих лиц фельдмаршал признавал необходимым иметь основательное сведение о способности и познаниях»* Витгенштейна [35]. Существенна была и другая тема: Кутузов хотел *«представить на монаршее воззрение предположение, чтобы генералов и офицеров, отличившихся во время отечественной войны, наградить поместьями литовских и белорусских мятежников»* [36]. Заручившись поддержкой Чичагова, легче было продвинуть идею. Надо помнить, что секвестрированные и подаренные Екатерине II имения составляли основу богатства Михаила Илларионовича, он не отказался бы добавить к ним еще. Но тут хитрец не достиг успеха.

Всепрощение, объявленное Александром I, расстроило его алчные намерения.

Безостановочно продолжалось бегство остатков нашествия. Более ста верст от Вильны до Ковно было пройдено французами в три перехода, а войсками их арьергарда — в четыре. Мюрат прибыл в Ковно в ночь с 29 на 30 ноября, обнаружив значительные магазины и два с половиной миллиона франков, о вывозе которых никто не позаботился. Из-за пропагандистской лжи никто не предполагал катастрофического положения еще недавно победоносной армии. Для обороны Ковно было оставлено 1,5 тыс. немецких новобранцев и 42 орудия, из которых только 25 имели конную тягу. К этим скромным силам Мюрат мог добавить еще 1,5 тыс. гвардейских солдат, не все из которых были способны сражаться. Он собрал военный совет, на котором, приведенный в отчаяние, стал порицать Бонапарта в ненасытном властолюбии, погубившем армию. Даву заставил его прекратить эти возгласы, заметив, что люди, возведенные Наполеоном на высокие степени, не должны упрекать его; надлежит думать о спасении войск, а не возбуждать их неудовольствие напрасными жалобами. Решено было, что Ней, остановившись с арьергардом у Ковно, прикроет отступление, а потом отойдет к Кенигсбергу на соединение с Макдональдом. Остатки прочих корпусов пойдут за Вислу.

1 (13) декабря маршал Ней прибыл в Ковно и начал вместе с дивизионными генералами Жераром и Маршаном организовывать оборону города, попутно пытаясь прекратить начавшиеся грабежи и беспорядки. На следующий день 2 (14) декабря к городу подошел генерал И. К. Орурк с кавалерией Чаплица и Платов с казаками. В десять часов утра русские пушки, следовавшие с конницей на санях, открыли огонь. Защищавшие заставу новобранцы разбежались. Ней и Жерар привели подкрепления и отбили заставу, но город был окружен. Его большой периметр нельзя было отстоять при скованных льдом и свободных для прохода реках. Французы, не осмеливаясь оставаться в Ковно, зажгли магазины и бежали, частью к Тильзиту, частью к Вильковишкам.

Число солдат Великой армии, вышедших обратно из России с оружием, не превышало 400 чел. пехоты старой гвардии и 600 чел. гвардейской кавалерии. Во всех прочих корпусах остались только знамена, сопровождаемые несколькими офицерами и унтер-офицерами. Артиллерия всей армии состояла из 9 орудий, увезенных Мюратом из Ковно. Генерал Г.-М. Дюма писал: *«Вырвавшись из окаянной*

России, я отдыхал на своей квартире в Вильковишках, как вдруг вошел ко мне человек в коричневом сюртуке, с длинною бородою, красными, сверкающими глазами. — Вы не узнали меня? — спросил он. — Нет! Кто Вы? — Я аррьергард великой армии, маршал Ней. — Действительно, при нем тогда не было никого, кроме генерала Жерара» [37].

К сожалению, на указанные цифры нельзя опираться при освещении дальнейших военных действий. В течение многих дней в Пруссию продолжали выходить группы наполеоновских вояк и одиночки, приводившиеся в порядок французским командованием. В результате, остаточная численность разбитой центральной группировки врага в январе 1813 года оценивалась русским командованием в 20 тыс. чел. [38], а по отдельным оценкам — до 30, и даже до 40 тыс. Среди них было 2459 офицеров, принадлежащих к гвардии, 1-му, 3-му и 4-му армейским корпусам, и много опытных, надежных унтер-офицеров. Выпустить из России эти враждебные кадры, имея не одну возможность их уничтожить, — было большой ошибкой. Без них Бонапарт просто не смог бы в 1813—1814 гг. эффективно воевать. В то же время, кадры русской армии потерпели чрезвычайный урон, что дало Г. Гурго повод заявить, будто под Красным *«Кутузов не атаковал французскую армию потому, что действительная русская армия была истреблена при Бородине, а вновь сформированная... разбита под Малым Ярославцем»* [39].

Кроме того, в пределах Российской империи еще находились вспомогательные корпуса наполеоновской армии. Из них наибольшую опасность представлял австрийский корпус Шварценберга. Австрияки, выступив из Кобрина 15 (27) ноября, получили ложное известие о победе Наполеона на Березине, и выдвинули свой авангард от Слонима к Несвижу, послав сильные партии к Минску и Слуцку для действий против будто бы опрокинутых русских войск. Они заняли Минск, изгнав русских из приходуемых ими магазинов [40]. По прибытии в Слоним Шварценберг был введен в недоумение известиями от Маре, и остановился в ожидании прояснения обстановки. Вспомогательный корпус Ренье оставался в Бресте до 18 (30) ноября, отогревая людей временным размещением по квартирам, после чего потянулся вслед за Шварценбергом к Ружанам. Ренье прибыл туда 25 ноября (7 декабря) и расположил свои войска в окрестностях местечка.

Русский корпус Ф. В. Остен-Сакена, испытывая острый недостаток в продовольствии, был вынужден отойти к Волыни. Части

сил корпуса под командованием П. К. Эссена 3-го было приказано идти к Ратно, имея в виду прикрытие Пинска и исполнение приказа П. В. Чичагова о прибытии вместо Ф. Ф. Эртеля на Березину. Получив вблизи Ратно предписание на марш к Борисову, Эссен не мог исполнить его из-за движения Шварценберга, и направился на соединение с Дунайской армией в обход, на Новоград-Волынский и Овруч.

Кутузов не постеснялся поставить тяжелое положение Остен-Сакена и Эссена в вину Чичагову. В рапорте Александру I от 9 (21) декабря он писал: *«Важнейшее обстоятельство, которое я на вид должен поставить вашему императорскому величеству, есть то, что генерал-лейтенант Сакен по приказанию адмирала Чичагова 15 ноября должен был отделить 10-т. корпус с генерал-лейтенантом Эссеном к нему на соединение, который, узнав, что Пинск занят неприятелем, вместо того, чтобы возвратиться к Сакену, пошел из местечка Колки через Клевань, Новоград-Волынской, Овруч на Мозырь, куда имеет прибыть 16 декабря. Через сие разделение сил лишилась армия на время действия двух корпусов, ибо корпус генерал-лейтенанта Сакена по слабости своей должен был отступить к Любомлю на Волынь, где находился еще 20 ноября, а корпус генерал-лейтенанта Эссена потеряет время в пустых маршах. Я нарочно сегодня послал к генерал-лейтенанту Эссену, чтобы повернуть его на соединение с корпусом генерала Дохтурова»* [41].

Как обычно у Михаила Илларионовича, попреки на первый взгляд справедливы, а по существу — безобразны. Верно в них лишь то, что Чичагову не стоило пытаться притянуть к себе корпус Эссена. Но сделано это было потому, что после многочисленных подначек со стороны фельдмаршала к адмиралу не пришел на соединение Эртель. Если главком так пекся о соединении русских сил против корпуса Шварценберга, почему он повел утащенную им от Березинской битвы Главную русскую армию в обход Минска с севера, а для наблюдения австрийцев послал малый отряд Ожаровского? Направление Кутузовым на Минск корпуса генерал-майора С. А. Тучкова 2-го (возглавившего Мозырский корпус Эртеля) тоже запоздало, поскольку Тучков получил это предписание, успев отклониться на два марша к Борисову и находясь в Якшицах, в 113 км восточнее Минска [42]. Для открытия связи с Эссеном надо было своевременно употребить средства, а не посылать нарочного аж... 9 (21) декабря, а то и позже, как можно думать по датировкам на копиях документа. Разумеется, нельзя было посылать адмиралу упрек в «омертвлении» кор-

пуса Остен-Сакена, ибо он изначально предназначался для борьбы со Шварценбергом и охраны Волыни, а не для действий на главном театре войны. Корпус выполнил свою задачу на все 100 процентов.

А сам Кутузов сызнова нехорошо исполнил одобренный им план преследования Бонапарта от реки Березины к границам империи, но не был наказан за это противником, что неминуемо случилось бы, будь на месте Шварценберга Ней или Даву. Если бы Главная армия обошла Минск с юга, что из ее положения близ Игумена было ближе, она легко оттеснила бы австрийцев и открыла дорогу корпусу Эссена, а равно ее мог догнать Тучков. Не утрачен был бы смысл тяжелого марша через белорусскую глушь. Имея за спиной Главную русскую армию и стремящиеся к ней отдельные корпуса, Шварценберг не мог идти на соединение с Бонапартом, нечего было бы о том гадать. Ему осталось бы только быстрее убраться из России. Поддержание связи с отдельными корпусами Кутузов провалил, а права изменить направление маршей армии Тормасову не дал, заранее детализировав путь ее движения вплоть до Трок [43].

Похоже, фельдмаршал совсем не горел желанием сразиться с австрийцами, как и с Наполеоном. Спутав ноги Тормасову, допустив разделение и блукание сил куда горше, чем Павел Васильевич, непорочный Михаил Илларионович мчится в Вильну! Сбор бонусов и дождь наград случится там! Впоследствии оказалось, что риска не было, *«для побуждения Шварценберга к очищению наших областей не было надобности в силе оружия»* [44]. Князь Шварценберг весьма основательно сообразил, что он уже не мог принести пользы остаткам Великой армии, отступавшей в значительном от него расстоянии. Но уходить из Белоруссии без давления со стороны русских он тоже не хотел, так как прикрывал австрийские границы. 2 (14) декабря Шварценберг выступил из Слонима к Белостоку, где расположил главные силы своего корпуса на отдых. Ренье, командовавший небольшим саксонским корпусом, был принужден во всем соображаться с действиями австрийцев, и остался у Бреста. Венское правительство всячески медлило, стараясь выиграть время для укрепления своих войск и политических рекомбинаций. Лишь в январе 1813 года (намного позже, чем это случилось бы, поставь фельдмаршал задачи правильно) австрийцы ретировались из пределов России. Отряд Давыдова 8 (20) января без боя занял Гродно после переговоров с генералом Фрелихом, а 13 (25) января весь австрийский корпус отошел от Белостока к Пултуску.

В северной части театра военных действий шло преследование французского корпуса Макдональда и поддерживающих его пруссаков русскими войсками под общим командованием Витгенштейна. Забавно выглядят утверждения советских и прочих ортодоксальных историков, будто Витгенштейн *«не выполнил ничего из того, что от него требовалось»* [45]. Равно нелепы глубокомысленные речения фельдмаршала, переданные А. Б. Голицыным: *«Отдельные действия Витгенштейна оправдать нельзя, а могут они только прощаться ради тогдашней славы его... Бог довершит то, что не умели сделать отдельные русские генералы»* [46]. Эти «отдельные генералы» подчинялись ему, и на нем лежала ответственность за общий ход операций. Витгенштейн и его штаб как раз добились в зоне своей ответственности «совершенного поражения неприятеля». В это же время Кутузов на главных пунктах сдал Москву, выпустил агонизирующего Наполеона к Смоленску и за Днепр, провалил содействие Чичагову на Березине, а затем проигнорировал Шварценберга и прочно засел в Вильне.

Большой скорости в действиях (в отсутствии которой обвиняют Витгенштейна) не требовалось, так как маршал Макдональд все еще оставался в Курляндии. Следовательно, русскому командующему можно и нужно было привести в порядок свои войска, чем он и занимался вплоть до 5 (17) декабря. Затем Витгенштейн попытался отрезать Макдональду путь отступления, отправив отряд генерал-майора И. И. Дибича на Россиены, а генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова и генерал-майора Е. И. Властова к Тильзиту. Следом готовилась к выступлению вся Двинская армия. Преследование Макдональда с тыла возлагалось на силы рижского гарнизона под началом генерал-адъютанта Ф. О. Паулуччи, сменившего генерал-лейтенанта И. Н. Эссена 1-го [47].

Макдональд, до которого известия о крахе Великой армии дошли с большим опозданием, начал отступление 6 (18) декабря высылкой обозов по дорогам в Тильзит и Мемель (Клайпеду). На следующий день выступил первый войсковой эшелон. Второй эшелон, состоявший из прусских войск под командованием генералов Л. Йорка и Ф. Клейста, двинулся 8 (20) декабря, следуя за первым на расстоянии дневного перехода. В тот же день Паулуччи заметил отступление Макдональда и направил вслед за ним генерал-лейтенанта Ф. Ф. Левиза, а сам двинулся к Митаве, вытеснил оттуда арбергарт Йорка и занял город на рассвете 9 (21) декабря. В день взятия Митавы авангард отряда П. В. Голенищева-Кутузова под командой полковника К. фон

Теттенборна (в прошлом адъютанта князя Шварценберга) занял Тильзит. Паулуччи направился к Мемелю, который капитулировал перед ним 15 (27) декабря. Отряд Дибича, двигаясь наперерез Макдональду от Россиен, находился у Лафкова. Сам Витгенштейн вел главные силы к Тильзиту, приказав Голенищеву-Кутузову занять дефиле у Пиклупенена, чтобы остановить там Макдональда.

Дибич предположил, что противник откажется пробиваться на Тильзит и обратится на Мемель для отступления по косе Нерунг к Кенигсбергу. Это заставило его продолжить движение по направлению к Мемелю. 12 (24) декабря отряд Дибича из 1400 чел. при 6 орудиях оказался у Колтынян, вклинившись между двумя эшелонами отступающих прусских войск. Он отрезал не вражеский арьергард, как поначалу решил из расспросов маркитантов, а главную колонну Йорка и Клейста в числе более 10 тыс. чел. Дибичу суждена была слава, в то время как более крупные силы Голенищева-Кутузова не решились задачу у Пиклупенена. Сначала оттуда дивизией Гранжана был выбит авангард генерала Властова, затем введение в бой двух казачьих полков Иловайского 4-го и Кутейникова 6-го не остановило наступления противника, а вскоре русскими войсками был оставлен Тильзит. Макдональд вовсе не обращался к Мемелю, а всемерно ускорял свой марш на Тильзит, направив войска по параллельным дорогам, через Колтыняны и Пиклупенен.

В это время Дибич, зная уже недостаток своих сил, остановился на пути следования пруссаков и решился открыть переговоры. На его счастье, генерал Йорк полагал, что у Пруссии нет будущего с Наполеоном. Зная о колебаниях своего короля (Йорк состоял в секретной переписке с Витгенштейном по поручению Берлинского двора), он рискнул заключить договор, 17 (29) декабря сообщив посланному к нему подполковнику Клаузевицу, что твердо решился оставить французов. Военным аргументом, положенным в обоснование этого решения стало то, что главные силы Витгенштейна после неудачи в Пиклупененском дефиле оседлали дорогу между Кенигсбергом и Тильзитом, о чем прусскому генералу было позволено ознакомиться из адресованного Дибичу письма Довре [48]. *«Если бы Витгенштейн действительно осуществил свой марш таким образом, а Макдональд захотел дожидаться генерала Йорка в Тильзите... то представлялось весьма сомнительным, удалось ли бы обоим пройти».* Йорка также ознакомили с перехваченным письмом Макдональда, где были слова: *«Бомба с генералом Йорком наконец взорвалась»*, — и тот понял, что

уже был *«сильно скомпрометирован своим медленным продвижением и ведением бесконечных переговоров с неприятелем»* [49].

Для русских целей оказалось полезным, что переговоры с генералом Йорком вели два таких прожженных немецких лиса, как Дибич и Клаузевиц, а в штабе Витгенштейна, возглавляемом французом Довре, на сей счет существовало правильное, а не патриотично-истеричное понимание «о скольких бочонках золота идет торг за Расаею». Эта «иностранный шайка» облапошила Макдональда. Клаузевиц не прибавляет к своему изложению никаких высоких принципов, руководствуясь только психологией и логикой: *«Первое из этих писем не могло произвести на такого человека как Йорк, особого впечатления, но как лжеоправдательный документ военного характера... оно имело большое значение. Второе письмо должно было, по меньшей мере, снова пробудить в душе генерала Йорка все его озлобление, которое могло несколько ослабеть в последние дни под влиянием осознания собственной вины перед Макдональдом»* [50].

18 (30) декабря была заключена вызвавшая восторг в Петербурге конвенция на Пошерунской мельнице (она же Таурогенская конвенция). Генерал Йорк отправил к находившемуся в Тильзите генералу Массенбаху приказание присоединиться к нему, что тот и выполнил, приведя свои войска из Тильзита на соединение с русскими войсками. Таким образом, французы лишились содействия 16 тыс. пруссаков с 48 орудиями. Прусские отряды продолжали присоединяться, и вскоре количество лояльных России войск под командованием Йорка достигло 18 тыс. Узнав об этом, Макдональд со всей поспешностью ретировался к Кенигсбергу. Он был достаточно благоразумен, чтобы не допустить мщения.

Витгенштейн попытался преградить французам путь под Шилупишкеном, направив туда авангард генерала Д. Д. Шепелева, усиленный частью кавалерии Берга и Штейнгеля. Однако, как пишет Богданович, из-за задержки в Зомерау и разлившихся в оттепель ручьев русские войска пришли к Шилупишкену тогда, когда неприятель уже миновал его, а четыре казачьих полка полковника Ягодина, не имея возможности удержать 5–7 тыс. французов (все, что осталось от 30-тыс. корпуса), перешли в сторону от дороги. Бенкендорф, описывая пребывание авангарда в Зомерау, съезвил, что Шепелев упустил Макдональда *«заявишись провозглашением тостов во славу нашего оружия»* [51]. По версии, изложенной в советском сборнике документов Кутузова, случилась путаница, из-за которой русские войска вместо

Шилупишкена прибыли к селению Краупишкен, в стороне от пути отступления Макдональда.

Отряд Дибича, усиленный казаками Ягодина, настиг арьергард Макдональда у Скайгирена и захватил около 500 пленных. Для прикрытия отступления французского корпуса из Кенигсберга выступила дивизия Геделе. Тем не менее, авангард Шепелева настиг при Лабиау бригаду Ж. Д.-Ж. Башелю. Русские потеряли 350 чел., а противник (поляки, вестфальцы и баварцы, состоявшие под французским командованием) 500 одними только пленными и 3 орудия. Шепелев 24 декабря (5 января 1813 года) занял Кенигсберг, взяв в плен 1300 чел., не считая 8 тыс. отсталых и больных (весь корпус Макдональда и гарнизон), огромные неприятельские магазины и потопленные пушки. Жалкие остатки вражеских войск (не более 3 тыс. чел. из числа 7-й польско-немецкой пехотной дивизии) бежали к Данцигу. Через несколько дней Мюрат, узнав, что не может рассчитывать на войска Макдональда, перенес свою главную квартиру в Познань [52]. Кутузов, ревниво относившийся к успехам Витгенштейна, потребовал *«обстоятельно узнать от вас, как мог Макдональд избавиться от предусмотренной для него гибели»* [53].

Такова была прелюдия к заграничным походам, и ее пришлось безотлагательно совершить вследствие того, что уничтожить Бонапарта на Березине не удалось, а его союзники сами собой отпадать не торопились. В те же дни декабря 1812 года в герцогство Варшавское, а затем в Пруссию вступила армия Чичагова. В это время *«главные силы князя Кутузова, авангард Милорадовича и бывший отряд Ермолова (расформированный по прибытии армии к Вильне), расположились по квартирам между Вилькомиром и Воложином»* [54]. Оставаясь в Вильне, *«фельдмаршал покоился на пожатых лаврах, готовый продолжить бездействие»*, *«наслаждался полным покоем. Ничто до слуха его допускаемо не было, кроме рабственных похвал льстецов, непременных спутников могущества»*. Михаил Илларионович ждал приезда императора и занимался распоряжениями о его встрече. Это было для него *«поле обширное, на котором известный хитростию Кутузов, всегда первенствующий, неодолимый ратоборец!»* [55].

Главнокомандующий, ранее отправлявший должность Литовского военного губернатора, имел в городе много приверженцев. *«Население, забыв Наполеона и исчезнувшие мечты о восстановлении Польского королевства, приветствовало торжествующего полководца; посыпались оды, речи, на театральной сцене засияло изображение*

Кутузова с надписью «Спасителю отечества» [56]. Так этот лестный титул был публично визуализирован... польско-литовскими коллаборационистами, от коих переключался в российскую панегирическую историографию. В иллюминации Вильны «были употребляемы те же самые украшения, которые употреблялись во время празднеств, устраиваемых Наполеону, с некоторыми необходимыми изменениями, так заменена буквой «А» буква «Н», заменен русским двуглавым орлом одноглавый французский» [57].

На сей раз Михаилу Илларионовичу не удалось провести Александра. Слишком многих критиков, сдерживая армию и защищая свое положение, он нажил. Вероятно, не были тайной для петербургских эмиссаров денежные злоупотребления. Были вокруг царя люди, понимавшие вред пустых маршей от Красного на Игумен, и мимо Минска на Вильну. Сам Кутузов вынужденно проговаривался: «Признаться должно, что ежели бы не приостановясь, а продолжить действие еще верст на полтораста, тогда бы, может быть... должно бы, так сказать, снова составлять армию». Он прячет потери и оправдывается: «Что донныне не посылаются к В. И. В. десятидневные рапорты о числе людей, тому причиною то, что Главная армия... чрез необыкновенно большие марши, пришла в такое состояние, что слабость ее в числе людей, должно было утаить не только от неприятеля, но и от самих чиновников в армии служащих» [58].

Самодержца раздражали цифры, показывающие, что Главная армия из 97112 чел., доукомплектованная в пути рекрутами до 102254 чел., без решительных боев пришла к Вильне в числе 27464 чел. (менее 27 % от своего состава). В одно время с Кутузовым начавший свои бои и движения Витгенштейн привел к Вильне 34483 офицеров и солдат (более 54 %). Равным образом, Чичагов, ведя непрерывные марши, бои и преследуя Наполеона, сохранил в строю 17454 людей, или 45 % войска, выступившего с ним от Бреста [59, 60]. Выковалась и была замечена Александром I хорошая замена навсегда уходящим «екатерининским старцам», да и сам царь подал пример компетентности.

Как указал Богданович: «Нельзя не сознаться в том, что войска наши, утомленные зимним походом и ослабленные множеством больных, имели необходимую нужду в отдыхе; но зато и Мюрат, пользуясь остановкою наших легких отрядов по переходе их через Неман, собрал рассеянные остатки своих корпусов на Висле: 5-го в Варшаве, 6-го в Плоцке, 1-го и 8-го в Торне, 2-го и 3-го в Мариенбурге, 4-го в Мариенвердере; гвардия, в виде арьергарда, занимала Инстербург, до прибытия туда на

смену дивизии Геделе, а потом отошла к Кенигсбергу» [61]. Разбитая наполеоновская армия была подкреплена 16 тыс. войск нового набора, проводимого в герцогстве Варшавском, и опиралась на 8-тыс. группировку гарнизонных войск. Вместе с вспомогательными корпусами вражеские войска у границ России насчитывали в своем составе 124000 чел. Им противостояло 141000 русских войск [62]. Мирных переговоров не предвиделось, а соотношение сил было не таким, чтобы почивать на лаврах, — мобилизационные возможности Наполеона по-прежнему считались выше российских.

Особенно беспокоился по этому поводу Вильсон, оценивший в 153000 солдат силы, которые Бонапарт способен собрать в Польше. *«Теперь-то фельдмаршал пожалеет о потерянных им случаях; теперь-то венцы совершенной победы, упущенные при Мало-Ярославце, при Вязме и при Красном, будут мелькать в глазах людей, ослепленных невежеством. Когда-то фортуне угодно будет доставить нам новый случай совершить без опасности или без потери в один день все то, что стоило толик слез, толиких сокровищ и жизни толь многих храбрых воинов»*. Вильсон советовал Александру I *«приступить немедленно к деятельным операциям, если освобождение Волынии и граница по Висле почитаются предметами первой важности»*, невзирая на *«ослабленное состояние здешней армии»*. Анализируя обстановку, английский генерал писал: *«Соображение многих военных причин ведет к заключению, что... можно одержать такой успех в теперешних обстоятельствах, какого нельзя иметь в другое время с тройными силами. И потому, признаюсь, я опасаясь, что ежели неприятель не будет вытеснен из мест им ныне занимаемых, то настоящий вопрос может кончиться не только потерей того, что мы могли бы приобрести, но и того что до сих пор оставалось в неприкосновенности»*. Попутно Вильсон указывает на ошибку Кутузова в обходе корпуса Шварценберга: *«Если будет приступлено к наступательным действиям против Варшавского герцогства, то сия армия, двигаясь на Вильну, сделала ложное движение. Мы удалялись вместо того чтобы приближаться к нашему предмету»* [63].

Самодержец и его штаб были согласны с этими соображениями. Александр, получив донесение Кутузова от 25 ноября (6 декабря) с осторожным изложением его намерения остановить главные силы армии у Вильны и преследовать неприятеля только передовыми отрядами армий Чичагова и Витгенштейна, 2 (14) декабря написал в ответ: *«Положение дел нынешних требует всех усилий к достижению главной цели, не смотря ни на какие препятствия. Никогда не было столь дорого*

время для нас, как при нынешних обстоятельствах. И потому ничто не позволяет останавливаться войскам нашим, преследующим неприятеля, ни на самое короткое время в Вильне. Я уважаю причины в донесении вашем помещенные, нахожу полезным оставить в Вильне единственно небольшую часть войск, более других расстроенную, которая собрала бы отставших и выздоровевших людей, равно и батальоны князя Урусова, а прочим всем войскам, как большой армии, так армии адмирала Чичагова и корпуса графа Витгенштейна, следовать непрерывно за неприятелем, взяв такое направление, чтобы не только внутри, но и вне границ наших иметь в виду ту же цель — отрезывать ему сообщение и соединение с новыми подкреплениями его» [64].

Под военными разногласиями прятались политические. Кутузов был сторонником не идти в Европу и завершить войну у границ Российской империи. В этом случае было неизбежно соглашение с Наполеоном, которого России следовало в дальнейшем использовать в качестве карателя социальных бунтов и противовеса для амбиций англичан. Александр же решал вопрос безопасности своего государства иначе. Его точка зрения лаконично и ясно проявилась в беседе с Р. С. Стурдзой: *«Если хотеть мира прочного и надежного, то надо подписать его в Париже; в этом я глубоко убежден» [65].*

В последующей историографии точка зрения императора Александра I многократно порицалась, а Кутузова превозносились за дальновидность (в итоге Франция стала союзником, Англия — соперником, а Пруссия и Австрия — врагами России), но непременно с амнезией одного чрезвычайно веского «НО». Оно состоит в том, что ни одна большая война, в которой одна из европейских континентальных держав претендовала на гегемонию, соглашением не заканчивалась. Не были таковыми последующие мировые войны, не обещала быть такой и война 1812 года. В начале кампании, во время мирной миссии Балашева, Наполеон, по свидетельству Коленкура, *«открыто сказал при мне, при князе Невшательском, герцоге Истрийском и, кажется, Дюроке: «Александр насмеяется надо мной. Не думает ли он, что я вступил в Вильну, чтобы вести переговоры о торговых договорах? Я пришел, чтобы раз навсегда покончить с колоссом северных варваров. Шпага вынута из ножен. Надо отбросить их в их льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы. Даже при Екатерине русские не значили ровно ничего или очень мало... цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна устраиваться без них» [66].*

Еще в 1808 году А. А. Чарторыйский, не обольщаясь намерениями Бонапарта относительно Польши, писал царю: *«У Наполеона только одна цель, которую он преследует непрерывно с тех пор как управляет Францией; эта цель состоит в том, чтобы унижать, порабощать и уничтожать все существующие правительства для того, чтобы его собственная власть и его династия стали непоколебимыми. Он не может не желать унижения России. Это государство не может не внушать ему недоверия»* [67].

Если Александр, зная о непомерных претензиях Бонапарта, отбрасывающих Россию на задворки цивилизации, не предлагал ему мира, то и Наполеон, после того как понял, что речь идет о конце французского господства, — тоже перестал его предлагать. Проиграв кампанию 1812 года, он наращивал усилия для стабилизации антирусского блока. Россия была разорена, а Франция и ее союзники — нетронуты. Наполеон мечтал собрать новую армию в 1200000 чел. [68]. При отъезде он заявил своим маршалам: *«Необходимо стать в такое положение, чтобы мы могли вести вторую кампанию, потому что впервые война не окончилась одной кампанией»*. Бонапарт требовал держаться на Немане, а в случае невозможности — прикрыть Варшаву и Кенигсберг, формируя для этого польско-литовские ополчения и корпуса. В Варшаве он обещал полякам: *«Я возвращусь к вам весной с новою армией»* [69]. При таких обстоятельствах расставаться с английской поддержкой и рисковать остаться один на один с Наполеоном было преждевременно, а оставаться при этом внутри собственных границ — стратегически убийственно.

История не так быстра; бесплодны мысли о том, что если что-то случилось через годы (франко-русский союз), то оно было возможно и по горячим следам кампании. Как не мог СССР отложиться от союза с США и Великобританией, едва изгнав гитлеровские полчища, не мог сделать того же Александр I. Зарвавшийся, амбициозный, раздосадованный неудачей Наполеон был абсолютно не тем человеком, с кем можно было заключить прочное соглашение. Если Михаил Илларионович этого не понимал, то он был недостаточно прозорлив, или (что вероятнее) прикрывал политическими соображениями личные цели. С другой стороны, Александр не был филантропом, действующим в интересах Пруссии и Австрии. Он действовал в интересах собственной монархии.

Не удивительно поэтому, что Н. К. Шильдер, осуждающе замечая, что мнение Кутузова порицалось *«вообще людьми, судившими о про-*

исходивших военных действиях из глубины своего кабинета», через несколько страниц изложения констатировал: «Обе враждовавшие стороны поступили однако как раз противно своим собственным интересам. Война продолжалась» [70]. М. Н. Покровский, опираясь не на симпатии, а на факты, в том же вопросе не юлил: «Кутузов был прав, когда говорил, что для новой кампании придется создавать и новую армию. Но он сам же и был главной причиной того, что эту новую кампанию приходилось вести... патриоты, и тогдашние, и позднейшие, проливали немало слез по поводу принесения в жертву истинно русских интересов интересам чуждых нам и враждебных западноевропейских держав. Мы уже не раз имели случай заметить, что донкихотство было в высокой степени чуждо Александру Павловичу... весьма трезво смотревшему на вещи... Целый ряд обстоятельств вынуждал Россию биться до конца, до разрушения наполеоновской империи» [71].

Ход исторических событий доказал, что Кутузов ошибался, а прав был «расточительно европейски» мыслящий царь Александр. Корни миролюбия были мелки, заключаясь в том, что войной, ход которой оказался далек от ура-патриотических восторгов, наелись досыта. Внизу царили усталость и разруха, вверху — самолюбование и нежелание рисковать дальше. Дележ славы был предпочтительнее. Показательно в этом отношении письмо Витгенштейна супруге от 3 января 1813 года: «Могу без хвастовства сказать, что сделал прекрасную кампанию. За нее благодарит меня вся Россия. Много со всех сторон шлют приветственных писем. Но, хотя я и приобрел имя в Европе, я не скрываю о себе, что у меня есть завистники, старающиеся повредить мне всеми способами, но это им не удастся. Впрочем, я уже не долго буду заботить их. Отечество спасено; я теперь буду заботиться только о том, как бы немного отдохнуть. Остальное пусть делают без меня» [72].

Нельзя было надежно защитить границу России, остановившись на самой границе, когда у врага остались неповрежденная экономика, союзники и резервы. Даже убежденные противники продолжения «ненужной» и «реакционной» заграничной войны вынуждены признавать это. Не прижилась изоляционистская мысль Е. В. Тарле, будто бы Кутузов имел целью «выгнать Наполеона из России, и ни шагу далее. Уничтожение вторгнувшейся армии было достигнуто Кутузовым, а больше ничего фельдмаршалу и не требовалось» [73]. Большинство историков рассуждают о некоем плане фельдмаршала, направленном на прикрытие границы и склонение Наполеона к миру. К примеру,

будто бы Михаил Илларионович еще 19 ноября на Березине начал планировать *«перенести военные действия на территорию наполеоновских союзников»*, завершить войну на Одере, *«не допустить соединение остатков разгромленной московской армии Наполеона с обширными резервами Великой армии»* и т. д. [74].

При таком подходе можно долго путаться в вопросе, кому принадлежала правильная стратегическая инициатива. Увы, все три соны сего дремучего леса давно срублены, ибо сохранился подлинный операционный план культового полководца от 30 ноября, отправленный царю 1 (13) декабря 1812 года. В нем мы читаем, что фельдмаршал планировал выдвинуть из пределов России корпуса Макдональда и Шварценберга, после чего остановиться в Восточной Пруссии и Польше по линии Гусев (Гумбиннен), Ольштын (Алленштайн), Венгров, угрожая Варшаве. После отдыха у Вильны Главная армия должна была занять центральное положение у Гродно, фронтом к Варшаве. Чтобы ничего не «начудил» располагавший наиболее сильными войсками Витгенштейн, он временно подчинился Чичагову. Минимум сил выделялся Торماسову [75].

В соответствии с этим планом Кутузов направил Чичагову предписание подойти к Неману не ранее 7 (19) декабря и остановиться на его правом берегу. Витгенштейну было указано *«стараться быть 5-го сего месяца около Ковно»*. Инициатив штаба Петра Христиановича и его связей с Петербургом фельдмаршал более всего опасался, а потому заблаговременно отписал в его адрес: *«Ежели бы и встретилось обстоятельство, по которому надлежало вам отнестись прямо к государю императору, в таком случае в то же время прошу мне немедленно рапортовать»*. Тормасов получил указание остановить авангард генерал-адъютанта Васильчикова в Мостах, на линии Гродно-Слоним, а самому следовать к Ново-Сверженю на верхнем Немане; Давыдову было предписано следовать впереди Главной армии к Гродно, чтобы обеспечить ей квартиры; Ожаровскому — к Белице на Немане [76]. Все это громко было названо советскими историками «План преследования французских войск за Неманом, составленный М. И. Кутузовым». Хотя эти историки замутили воду, поставив в сборнике документов частные распоряжения впереди общего плана и разбавив их прочими бумагами, мы видим: больше, чем «ни шагу далее», но все же — это план остановки русских войск на Немане с выдвинутым вперед отрядов прикрытия и превращением армии Витгенштейна в обсервационный корпус против Пруссии.

Предписание, выданное фельдмаршалом 2 (14) декабря Платову (оно одно оказалось сразу за текстом плана, подкрепляя собой крикливый заголовок) *«следовать за неприятелем до самой Вислы»*, ничего не меняет, поскольку в нем указано: *«В подкрепление назначается часть регулярной кавалерии с пехотой, которые, перейдя Неман, не очень удаляются от армии Чичагова и корпуса графа Витгенштейна, которые впредь до повеления остаются на правом берегу Немана»*. В тот же день Кутузов рапортует царю об остановке Главной армии в районе Вильны и указывает: *«Армия адмирала Чичагова и корпус графа Витгенштейна идут к Неману и останавливаются на правом берегу сей реки. Остановление сие сделано потому, что не имеем еще подлинных сведений о движении Макдональда»*. После этого, — какое завершение войны на Одере? Какие Алленштайн и Венгрув? Концовка рапорта выдает, что Платов получил приказ на поиск до Вислы в качестве сладкой пилюльки для себя (пограбить и не роптать) и для самодержца. Главком в очередной раз убоился своего же плана, снова подорвал усилия штаба, пытавшегося протолкнуть профессиональный взгляд на вещи! Все это сопровождается явным нежеланием Кутузова связываться с Шварценбергом, против которого он оставляет «сборную солянку» не пришедших к взаимодействию отдельных отрядов и корпусов, поручив их Тормасову (тот будет их еще месяц собирать) [77].

Лишь 3 (15) декабря, получив сведения, что маршал Макдональд задержался у Риги, Кутузов отдает предписание Витгенштейну следовать не к Ковно, а к Россиенам (Расейняй), чтобы отрезать корпусу Макдональда путь отступления в Пруссию, рассматривая эти действия как частную операцию, не затрагивающую его статичный план. В такой диспозиции, при таком образе принятия решений по типу «шаг вперед, два шага назад», не допустить подхода французских резервов, их соединения с остатками войск противника и совместного выдвижения обратно к русской границе было невозможно. Не затрагивались важные центры Пруссии, а потому ее отпадение от союза с Наполеоном становилось нереальным. И что же, наблюдая такую картину, делали бы австрийцы?

«Если бы нашему отряду позволили тотчас же перейти Неман и преследовать бегущих в Пруссии, почти все маршалы, генералы и офицеры были бы взяты. Вместо этого они имели время прибыть в Кенигсберг, где, при помощи денег, получили от немцев все, в чем нуждались», — досадовал Бенкендорф [78]. Сия миссия была по инерции возложена Кутузовым на получивших самые общие указания казаков Платова, которых

офицеры и солдаты регулярных войск считали грабителями. В своих письмах они писали, к примеру, такое: *«В Мюльгаузене не посмели два целых казачьих полка атаковать 100 рейтаров французских; они сами признаются, что они слишком богаты, чтобы ввергаться в опасности»*. В то же время пехота армии Витгенштейна, первой перешедшая Неман, была *«от беспрестанных движений в весьма худом положении»* [79].

Операционный план Кутузова от 30 ноября 1812 года озадачивает, как документ стратегически слабый, а его коррективы от 2 декабря вообще повергают в шок. Здесь сказались как пороки Михаила Илларионовича (эгоизм, лень, алчность к почитанию и подаркам в хорошо известном ему Виленском крае), так и его консервативные политические взгляды. В конце ноября — начале декабря 1812 года распространялись слухи о революции в Париже, которыми фельдмаршала усиленно снабжал дружественный ему Волынский губернатор и крупный помещик М. И. Комбурлей [80]. Казалось, можно отпустить Наполеона, чтобы он задушил революцию и, окончательно ослабнув, успокоился. Но в стратегии такое недопустимо, — она не должна сужаться в зависимости от любимой политической концепции, подчиняясь слухам.

Сколько бы ни кляли панегиристы пролитие русской крови под Дрезденом и Лейпцигом, «спаситель отечества» Кутузов готовил еще более тяжкую битву с возрожденной армией Бонапарта где-то между Гродно и Варшавой, с перспективами по своему обычаю отступить и потаскать врага по Украине. На разоренную Москву Наполеон уж не пошел бы. Была отбита охота и к удару на Петербург. Оставалась возможность окончательно сломать экономику России. Грозил сбывшееся пророчество Вильсона, настроившийся на худшее английский генерал написал: *«Я не надеюсь теперь, чтобы мы дошли до Вислы в нынешнем году. Я доволен буду, если достигнем Немана. Нам не должно бы было останавливаться; но тот, который не хотел сражаться под Малым-Ярославцем, который не хотел рассеять теней воинов под Красным, тот никогда не отважится действовать наступательно, особенно когда расчеты в успехе очень уменьшились, а бедствия в случае неудачи весьма многочисленны»* [81].

Зато споро собирались трофеи. Когда нельзя было утаить найденного богатства, главнокомандующим находилась возможность оприходовать ценности так, чтобы тут же запустить в них руку: *«Генерал-майор Чаплиц представил взятой при занятии нашими войсками Вильны бочонок с серебряными флоринами... всего 12000 флоринов. Об-*

ратив деньги сии в ведомство казенное и записав принять в приход в экстраординарную сумму, имею счастье всеподданнейше донести об этом вашему императорскому величеству» [82]. В каком бешеном темпе списывались и исчезали экстраординарные суммы при Кутузове, мы знаем из разбора дел в Тарутинском лагере.

По свидетельству Ермолова: «В Вильне нашлись также частных продавцов богатые магазины офицерских, золотых и серебряных вещей, которые присвоены себе разными лицами... не чуждыми главной квартире и без всякой осторожности». Пресечение этих грабежей, очевидно, не входило в приоритеты Михаила Илларионовича, хотя он следил за тем, чтобы никто из его ближайшего окружения не был прямо замешан. «При сих обстоятельствах генералы Коновницын и Толь вели себя самым благородным образом» [83]. Мера благоразумия была соблюдена и с другой, более важной стороны: главнокомандующий объявил неприкосновенными продовольствие, солдатскую амуницию, госпитальное имущество, аптечные и медико-инструментальные запасы.

Тут же обнаруживаются поползновения фельдмаршала забрать у Витгенштейна и Чичагова резервные эскадроны для укомплектования гвардейской кавалерии и кирасирских дивизий. Не стоило делать такое, всего два дня тому поставив Петру Христиановичу задачу отрезать корпус Макдональда (не пехом же его отрезать), и проектируя Павлу Васильевичу идти к Венгрову; но своя рубашка к телу ближе, надо было латать дыры от «умелого» командования Главной армией. В то же время, ополчение Михаила Илларионовича по-прежнему интересует мало. Вслед за Малороссийскими он планирует направить Нижегородские, Тульские и Рязанские дружины в качестве обсервационного корпуса на Волынь, о чем и сообщает государю [84].

По счастью, Александр I и его окружение не бездействовали. Царь, совершивший массу ошибок в 1805–1811 и горьким летом 1812 года, наконец-то нашел себе адекватных советников. В ночь с 6 на 7 декабря, как только в Петербурге узнали об освобождении Вильны, он со своим штабом собрался, и отправился в главную квартиру Кутузова. Целью путешествия государя было «придание большей настойчивости действиям наших армий». 11 (23) декабря Александр I прибыл в Вильну, принял от главнокомандующего строевой рапорт и с любезным видом повел в приготовленный царский кабинет, где в беседе наедине «упрекал его в бездействии армии при отступлении Наполеона». Не своему полководцу, но всем собравшимся русским генералам, царь сказал: «Вы спасли не одну Россию; вы спасли Европу» [85].

Фельдмаршал, успевший навести показуху (в канун приезда самодержца последовала серия невыполнимых распоряжений об окружении австрийского корпуса Шварценберга, на основании которых появился велеречивый рапорт об изгнании из пределов России французских войск) [86], продолжал получать причитающиеся ему от неизбывной дворянской любви почести. Еще до отъезда из Петербурга Александр указал Сенату присвоить князю Кутузову титул Смоленского, *«особливо же за нанесенное в окрестностях Смоленска сильное врагу поражение, за которым последовало освобождение сего знаменитого града»* [87]. По выходе Михаила Илларионовича из императорского кабинета гофмейстер граф Толстой поднес ему на серебряном блюде орден Св. Георгия 1-й степени, безо всякой общественной церемонии, как кубик сахара к горькой настойке негодования императора. Это было похоже на акт почетной отставки.

И действительно, в соответствии с параграфом 18 Отдела I Части I «Учреждения для управления Большой Действующей Армии», *«Присутствие Императора слагает с главнокомандующего начальство над армией, разве бы отдано было в приказе, что главнокомандующий остается в полном его действии»* [88]. Такого приказа не последовало. Наоборот, под благовидным предлогом, что здоровье и силы фельдмаршала ослабли, царь стал лично входить в проблемы и распоряжения по войску: *«При особе его величества состоял генерал барон Беннигсен, и к его изведенной опытности и познаниям обращался государь во всех случаях, когда важность обстоятельств могла требовать точнейших соображений»* [89].

Незамедлительно появился подле них Вильсон, следующим образом передавший слова, сказанные ему царем: *«Теперь вам предстоит выслушать от меня тягостное признание... Мне известно, что фельдмаршал ничего не исполнил из того, что следовало сделать, не предпринял против неприятеля ничего такого, к чему бы он не был буквально вынужден обстоятельствами. Он побеждал всегда только против воли; он сыграл с нами тысячу и тысячу штук в турецком вкусе. Однако дворянство поддерживает его, и вообще настаивают на том, чтобы олицетворить в нем народную славу этой кампании... Мне предстоит украсить этого человека орденом Св. Георгия первой степени, но, признаюсь вам, я нарушаю этим статуты этого славного учреждения... я только уступаю самой крайней необходимости. Отныне я не расстанусь с моей армией и не подвергну ее более опасностям подобного предводительства. За всем тем, это старец. Я прошу вас не отказывать ему в подобающем*

внимании и не отталкивать открыто оказанную с его стороны предупредительность» [90].

Ситуация внешне выглядела как в 1805 году под Аустерлицем, но внутренне была иной. Александр I понял, что в военном деле должно опираться не на группу придворных, а на правильно организованный штаб (которого под Аустерлицем у него не было, он полностью оставил его во власти Кутузова). Царь знал, чего ожидать от фельдмаршала; где по-прежнему можно использовать его опыт и способности, а где нет, как действовать, имперский военный закон, делающий положение Кутузова шатким и зависимым от суверена, не смотря на продолжавшие доставляться ему почести: *«Оказывая постоянно высокое уважение фельдмаршалу... государь, желая продолжить его успокоение, оставил при нем громкое наименование главнокомандующего и наружный блеск некоторой власти. В распоряжение армиями входил сам; о состоянии их, о средствах снабжения всеми потребностями нужные сведения поручил собрать находившимся при себе лицам, удостоенным особой доверенности»* [91].

Сдержанность императора остановила хор голосов, готовых начать критику Кутузова, подогреваемую тем, что он не справился со справедливой раздачей наград. Н. Н. Раевский писал из Вильны своей супруге С. А. Раевской: *«Кутузов, князь Смоленский, грубо солгал о наших последних делах. Он приписал их себе и получил Георгиевскую ленту»* [92]. Флигель-адъютант, полковник А. А. Закревский оставил еще более резкое высказывание: *«Надели на Старую Камбалу Георгия 1-го класса. Если спросите за что, то ответа от меня не дождетесь»* [93]. Лейб-гвардии полковник и известный сатирик С. Н. Марин писал графу М. С. Воронцову: *«Сколько тут зла! За одного порядочного производятся пять дрянных, чему все свидетели»* [94]. *«Все тщеславятся торжеством над неприятелем и не могут никак по сие время разрешить загадку сего чудного переворота... Интриг пропасть, иному переложили награды, а другому недомерили»*, — иронизировал генерал от инфантерии А. М. Римский-Корсаков в письме к министру внутренних дел О. П. Козодавлеву [95].

Генерал-адъютант князь П. М. Волконский 1-й, как ближайший сотрудник государя и выдающийся военный деятель, был назначен начальником Главного штаба всех армий. Михаил Илларионович представил от себя в штаб Волконского дежурного генерала П. П. Коновницына и недавно произведенного в генерал-майоры К. Ф. Толя. В Петре Петровиче, *«блистательного неустрашимостью»*,

но не обладающего штабной усидчивостью и познаниями, Волконский и Аракчеев пользы не усмотрели. Царь предложил ему возглавить 3-й пехотный корпус и предоставил отпуск. *«Отсутствие его в армии чувствуемо было, а вскоре даже не упоминаемо о нем»* [96]. Толь, наоборот, произвел впечатление способностями, и занял место генерал-квартирмейстера всех армий. До сведения императора дошла докладная записка А. П. Ермолова о Березине, в которой он показывал *«себя очевидным свидетелем, не участвовавшим в приобретенных успехах, и что даже пришедшие со мною войска, составляя резерв, не сделали почти выстрела»* [97]. Благодаря ей Ермолов получил назначение начальником артиллерии всех действующих армий, оттеснив от этой должности любезного Кутузову генерал-майора Д. П. Резвого. Фельдмаршал не предпринял попыток отстоять своего протеже, и даже уверял, что имеет солидарное с Александром I и Аракчеевым мнение о генерале Ермолове [98].

Странной оказалась судьба адмирала Чичагова. Возмущенный кривотолками в обществе и армии, он не нашел в себе духа Баркляя, и быстро оставил войска. Трудно, конечно, было сохранять выдержку, когда в его адрес злословили все кому не лень с почина Г. Р. Державина, сочинившего эпиграмму про *«земноводного генерала»*, который *«приполз и распустил»* гибельную для Наполеона сеть, баснописца И. А. Крылова и статс-дамы императорского двора Е. И. Кутузовой, изрекшей: *«Витгенштейн спас Петербург, мой муж — Россию, а Чичагов — Наполеона»*. Ее слова были известны даже в Англии [99, 100]. Павел Васильевич имел упрямство и неосторожность направить фельдмаршалу свой рапорт об увольнении от командования армией, который тот не преминул сразу же переслать в Петербург [101]. Ход дела замедлился тем, что Александр, не получив рапорта, прибыл в Вильну. Чичагов мог исправить положение, но неправильно рассчитал свои действия. Он хлопотал о другой должности, однако преподанной ему стал собственный рапорт.

Оставление генералами своих обязанностей в действующей армии Александр I оценивал как неблагоприятные поступки, что прослеживается в его упреках в адрес М. Б. Баркляя де Толли и переданных П. С. Пущиным нареканий офицерам Семеновского полка за историю с покинувшим армию полковником Криднером. К тому же Чичагова не поддерживало английское лобби, — лорды были хорошо осведомлены о событиях в бывшей Дунайской армии, приняв сторону генералов И. В. Сабанеева и А. Ф. Ланжерона. Поэтому 3 (15) февраля

1813 года адмирал был отрешен от командования «по болезни», а 25 февраля 1814 года получил бессрочный заграничный отпуск с сохранением содержания. В эмиграции он желчно критиковал настроения в России, близко сойдясь с другим высокопоставленным изгнанником — графом Ф. В. Ростопчиным, не вынесшим обвинений в сожжении Москвы. Кутузов до самого своего конца продолжал *«делать вред адмиралу, многими замеченный впоследствии»* [102]. В самом деле, собственной супруге язык мог бы укоротить, да и Державину, с которым состоял в переписке, на необъективность попенять. Это, однако, было не в интересах «спасителя». А для армии из всего этого получился плюс: на место Чичагова вернулся Барклай.

Участники боев судили об адмирале иначе, чем экзальтированная патриотическая общественность. В сохранившемся письме одного из офицеров излагается: *«Я вижу, что в Петербурге совсем не отдают справедливости Чичагову. Хотя, конечно, были ошибки (не один он их делал), но движение его к Борису прямо, оставляя Сакена занимать Шварценберга, прекрасно и пресмело. Мало из тех, кои его бранят, пошли бы с 30000 прямо в зубы к Бонапарте, у коего было до 80000. Березина можно сказать доконала французов и сражение, что Чичагов имел в лесу, тысяча раз важнее и труднее, нежели взятие генерала Партоннэ с мародерами, о коем так у вас радуются и кричат... Ваши суждения в Петербурге о начальниках часто ложны... Все французы говорят, что погубила их окончательно встреча с Молдавской армией у Березины»* [103].

В журнале военных действий армии Чичагова значится: *«За 19 дней преследования неприятельской армии от Борисова до границ России, одна 3-я Западная армия повергла к стопам Его Императорского Величества 6 генералов, 747 штаб и обер-офицеров, 42633 нижних чинов, 8 знамен, 297 пушек и 4125 фургонов военного обоза, да почти ж такое число людей осталось по дороге убитыми и замерзшими»* [104]. В записке Минского губернатора о состоянии губернии в 1812 году указано: *«Погребено и сожжено в гор. Минске умерших неприятелей 17000 чел.; в Борисовском уезде зарыто и сожжено человеческих трупов 40296, а лошадей 34511, в том числе полагать должно зарытых при с. Студенке человеческих тел 8052, лошадей 4258; в прочих же уездах по пути следования неприятелей зарыто и сожжено трупов: человеческих 55636, лошадей 31613; однако же и это число можно принять только как приблизительное... весьма много было там зарываемо жителями, до назначения еще правительством для сего особых чиновников»* [105]. Итого,

не менее 112932 людских тел на территории одной только Минской губернии, из которых 8052 можно отнести к действиям Двинской армии Витгенштейна (со стороны Студянки), и сопоставимое число списать на русские потери. Остальные — наполеоновские вояки с их подавшимися в Россию за дармовщиной попутчиками. При взгляде на цифры общепринятое мнение, будто действия армии Чичагова были менее значимы, чем действия Главной армии Кутузова, рушится необратимо, и его нельзя восстановить.

Помимо кадровых перестановок, последовали высочайшие повеления на счет переформирования кавалерии и войск инженерного ведомства (без приведения в порядок этих родов войск невозможно было наступать). Выступление армии за границу назначено на 1 (13) января 1813 года. Общий план действий хранился в тайне. В день Рождества Христова высочайший манифест возвестил об изгнании неприятеля из пределов России. Этот документ впоследствии был объявлен манифестом о благополучном окончании Отечественной войны, хотя слова «Отечественная война» в нем не встречаются. Не превозносится в нем и Кутузов, будучи поставлен в ряд деятелей, усилиями которых достигалась победа: *«Не отнимая достойной славы ни у Главнокомандующего над войсками нашими, знаменитого полководца, принесшего бессмертные Отечеству заслуги, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием, ни вообще у всего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. И так да познаем в великом деле сем промысел Божий»* [106].

Царь повелел соорудить храм Христу Спасителю и на памятной медали в честь 1812 года с изображением Всевидящего Ока отчеканить: *«Не нам, не нам, а имени Твоему!»* [107]. Смысл и посыл понятны: главную роль в чуде разгрома нашествия и великой победе сыграл не он сам, непреклонный Александр I, не главнокомандующий М. И. Кутузов, и не кто-либо другой, а все вместе, и один Русский Бог.

1. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 296.

2. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 441.* С. 425.

3. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 278.

4. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 442, 443.* С. 426.

5. Там же. Док. № 446, 447, 455. С. 430–431, 439.
6. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 255. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюссель-Лондон, 1863. С. 148.
7. Щербатов А. Г. Из записок // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1907. Вып. IV. С. 58–59.
8. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 301–302.
9. Харкевич В. И. Березина. СПб., 1893. С. 202.
10. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 303–304.
11. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 228–229.
12. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 194–195.
13. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 309.
14. Коленкур А. О.-Л. Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 273, 276.
15. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 256. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюссель-Лондон, 1863. С. 149.
16. Пущин П. С. Дневник (1812–1814). Л., 1987. С. 76.
17. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 310–311.
18. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 232.
19. Клаузевиц К. Ф. Поход в Рос. М., 2004. С. 200–201.
20. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 460. С. 443.
21. Чичерин А. В. Дневник 1812–1813. М., 1966. С. 63; См. также: Чичерин А. В. Дневник 1812–1813. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Chicherin/chicherin_1812.html, 05.04.2018.
22. Пущин П. С. Дневник (1812–1814). Л., 1987. С. 72–73.
23. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. № 16. С. 705–706.
24. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XIX. С. 210.
25. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 461, 466. С. 443, 448.
26. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 226–227.
27. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 473. С. 454–455.
28. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 228.
29. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 316–319.

30. Там же. С. 320–321.
31. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 257. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 150.*
32. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 332–333.*
33. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 323.*
34. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 498. С. 476.*
35. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 258. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 151.*
36. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 134.*
37. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 339–340.*
38. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 461. С. 127.*
39. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 6. Отд. I. С. 159–160.*
40. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 355.*
41. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 578. С. 582.*
42. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона. СПб., 1824. Ч. 2. С. 285.*
43. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 445. С. 428 и др.*
44. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 357.*
45. Ивченко Л. Л. *Кутузов. М., 2012. С. 441.*
46. Голицын А. Б. *Записка о войне 1812 г. // Военский К. А. Отеч. война 1812 г. в записках соврем. СПб., 1911. С. 80.*
47. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 366.*
48. Там же. С. 378.
49. Клаузевиц К. Ф. *Поход в Рос. М., 2004. С. 140–141.*
50. Там же. С. 142.
51. Бенкендорф А. Х. *Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 135.*
52. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 385–386.*
53. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 657. С. 645–646.*
54. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 341.*

55. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 259, 260, 261. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 152, 153, 154–155.*
56. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 130.*
57. Пущин П. С. *Дневник (1812–1814). Л., 1987. С. 77.*
58. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 516, 563. С. 495, 551.*
59. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 327–329.*
60. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. к док. № 563. С. 552–553.*
61. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 345–346.*
62. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 460, 461. С. 126–127.*
63. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 258, 260. С. 360–361, 367.*
64. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 473, 529. С. 455, 504.*
65. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 128.*
66. Коленкур А. О.-Л. *Поход Наполеона в Рос. М., 1943. С. 89–90.*
67. Чарторыйский А. А. *Записка, поданная имп. Александру I 26 июня 1808 г. // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 372–373.*
68. Сегюр Ф. П. *Поход в Москву. М., 1911. С. 200.*
69. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 308, 314.*
70. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 130, 137.*
71. Покровский М. Н. *Дипломатия и войны царской Рос. в XIX ст. М., 1923. С. 61–62.*
72. Витгенштейн П. Х. *Письма // Рус. Архив. 1913. № 3. С. 360–361.*
73. Тарле Е. В. *Нашествие Наполеона на Рос. // Тарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 709.*
74. Жучков К. Б. *Рус.-франц. противостояние в конце 1812 — нач. 1813 гг. М., 2013. С. 3.*
75. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. к док. № 516. С. 495–496.*
76. *Там же. Док. № 485, 505, 506, 509, 515. С. 467, 482–484, 493.*
77. *Там же. Док. № 521, 523, 526. С. 499–503.*
78. Бенкендорф А. Х. *Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 131–132.*
79. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 322. С. 438.*
80. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1912. Т. XX. С. 124, 169, 177–178.*

81. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 260. С. 368.
82. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 537.* С. 524.
83. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 261. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 154.*
84. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 539, 540, 543. С. 525, 529.*
85. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 347.*
86. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 548–552, 560, 561. С. 533–536, 549–550.*
87. Там же. Док. № 555. С. 545.
88. *Полн. собр. законов Рос. Имп. СПб., 1830. Т. XXXII. С. 44.*
89. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 263. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 156–157.*
90. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 134.*
91. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 262. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 155.*
92. 1812–1814. М., 1992. С. 236.
93. *Цит. по: Безотосный В. М. Рос. титулованный генералитет в 1812–1815 гг. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Bezotosny_03.pdf, 05.04.2018.*
94. Марин С. Н. *Полн. собр. соч. М., 1948. С. 337.*
95. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 291. С. 401.
96. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 350.*
97. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 263, 265. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 157, 159.*
98. Маевский С. И. *Мой век, или истор. ген. Маевского* // *Рус. Старина.* 1873. № 8. С. 164–165.
99. Державин Г. Р. *Соч. СПб., 1866. Ч. 3. С. 451.*
100. Алексеев М. П. *Русско-англ. лит. связи (18–I пол. 19 вв.)* // *Лит. наследство.* 1982. Т. 91. С. 403.
101. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 566.* С. 557.
102. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 258. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 151.*
103. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН.* СПб., 1882. Т. 43. Док. № 351. С. 451.
104. *Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 230.*
105. Военский К. А. *Акты, док. и мат. для политич. и быт. истор. 1812 г. Т. I* // *Сб. РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 468.*

106. Собр. Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений. СПб., 1816. С. 97–98.

107. Богданович М. И. Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1860. Т. 3. С. 409.

11.2. ЦЕНА ВОЙНЫ. ПОТЕРИ РУССКИХ ВОЙСК И РАЗОРЕННЫХ ГУБЕРНИЙ

Потери в Отечественной войне с Наполеоном не были для царских и советских историков предметом систематического изучения. Конечно, подсчитывались потери сражающихся армий, но вопрос об общих человеческих, материальных и культурных утратах России долго не становился в повестку дня, затеняясь прославлениями народного духа и указаниями на абстрактные выгоды общественного развития от его пробуждения. Патриотическое поглаживание: «Русский народ не есть народ обыкновенный» с верноподданническими экивоками на «*боеспособные организационные кадры*», которые «*наиболее целесообразно могли использовать подъем народного духа*» [1], стали основой большинства «исследований», имеющих ценность, прежде всего, в оседлании народного энтузиазма. Вопрос об эффективности проведенной борьбы оказался задвинут на задний план, равно как идея, что персоналии руководства армией и страной надо оценивать с точки зрения их компетентности и эффективности, а не конкурентоспособности в оглушении масс и пожирании соперников. Мало что изменилось в этом вопросе до сих пор. Раз за разом непогрешимым объявляется какое-то новое лицо, проверка подлинных качеств и действий которого изъята из повестки дня. Если же критику, даже самую конструктивную, пытаются начать, то «святотатцам» закрываются рты при помощи организации ура-патриотической общественности и нападков; ровно так же, как при помощи интриг вверху и точащих яд ура-патриотов внизу вышибали из русской армии М. Б. Баркляя де Толли.

Отсутствует оценка общих потерь и состояния России после Отечественной войны у Д. П. Бутурлина, и даже у подробного во всех отношениях М. И. Богдановича, попытавшегося в заключении осветить вопрос о ее последствиях. Почти таков же А. И. Михайловский-Данилевский, абстрактно говоря о «*кровавом опыте беспримерных ужасов нашего нашествия*» [2]. Однако эти авторы нашли необходимым привести

хотя бы частные цифры по отдельным губерниям. Скромнее всех был родоначальник доньне господствующей тенденции говорить только о потерях врага, — сам М. И. Кутузов. Неофициально он оставил в своем письме от 16 (28) декабря 1812 года такие данные: «*Наполеон вошел с 480000, а вывел около 20000, оставив нам не менее 150000 пленных и 850 пушек*», — и никогда, ни слова о потерях собственных [3].

Литература, в которой производятся попытки подсчитать цену победы появляется много позже, к юбилейному 1912 году. Особняком стоит издание 1856 года «Пособия и льготы после Отечественной войны 1812 года», являющееся извлечением из дел Министерства полиции, печатанное по приказанию Министра внутренних дел империи С. С. Ланского. В нем сразу оговорено: «*Последствия неприятельского нашествия... были ощутительны не только для тех местностей России, которые служили театром войны, но и для самых отдаленных ее областей. Первые были совершенно разорены; вторые... чувствовали тягость войны по усилению повинностей, застою торговли, в том общем смещении всех экономических отношений, которое необходимо сопряжено с чрезвычайными явлениями в жизни народа... Война лишила многие семейства своего достояния, образовала целый класс выходцев из разоренных губерний и оставила после себя огромное число раненых, вдов и сирот, без пристанища, без всяких средств к существованию*» [4]. Советскую историческую традицию в этом отношении можно не упоминать. Лишь после краха СССР, своим вождизмом вновь разбудившего в народе рефлексию цезаризма и страстей к подсчету убиенных врагов, возобновились исследования на тему собственных убытков. В результате, данные о человеческих и материальных потерях России заинтересованному читателю и исследователю приходится вылавливать из литературы фрагментами.

В профильной статье Военного энциклопедического словаря 2002 года издания, по словам редакционной коллегии, отражающего «*систему своевременных отечественных и зарубежных военных знаний, процесс создания новой военной организации Российской Федерации*» не содержится данных о русских потерях и сообщается только, что «*враг потерял на полях сражений до 570 тыс. чел. и св. 1 тыс. ор.*». Сразу за сим идут речения «*о полном превосходстве русского военного иск-ва над военным иск-вом Наполеона*» [5]. Цифра наполеоновских военных потерь, как очевидно, завышена. Исходя из максимальной оценки численности неприятельских войск, вошедших за всю войну в пределы России в 610–612 тыс. чел., учитывая до 80 тыс. вернувшихся обратно

и 50–60 тыс. дезертиров, отделившихся до Днепра, он мог потерять в боях и при отступлении не более 470–480 тыс. чел. (включая умерших от болезней и замерзших). Другое дело, что погибло немало европейского люда, устремившегося за Великой армией по родству с ее офицерами и солдатами, или в стремлении заработать и пограбить. Число их никому неизвестно, и эту категорию лиц никогда не было принято считать в военные потери.

В одном из авторитетных специальных исследований, принадлежащем Б. Ц. Урланису, число выбывших из строя в бою солдат и офицеров наполеоновской армии за весь 1812 год определяется в количестве 112000 убитых и 213800 раненых. Из них 100000 убитых и умерших (почти 90 %) приходится на *«поход на Москву»*. Но, сверх того, еще 350000 умерло от голода, холода и болезней, составляя небоевые потери. Русские боевые потери в Отечественной войне Урланис оценивает в 111000 чел., производя ту цифру от потерь в крупнейших сражениях; и сам говорит о ее недооценке из-за неизвестности потерь во многих малых боях и партизанской войне. Общий размер русских потерь в наполеоновских войнах он оценил в 420 тыс. чел., в том числе 90 тыс. убитых. Вопрос о русских небоевых потерях исследователь не решает, давая частные цифры за период от начала войны до соединения русских армий в Смоленске, и за период преследования Наполеона, сложение которых дает 108 тыс. чел. [6]. Как мы знаем, в период оставления Москвы и отступления в Тарутино русские небоевые потери были очень большими. Итак, можно сделать вывод о недоучете Урланисом русских военных потерь, связанном с нехваткой источников, которые он смог привлечь для своего исследования.

В части наполеоновских потерь цифры Урланиса практически совпадают с первыми широко опубликованными данными Бутурлина, если к умершим от голода и болезней причислить пленных, как оно с вероятностью 95 % и было: 125 тыс. убитых в сражениях, 194 тыс. пленных, 130 тыс. *«погибших от болезней, голода, стужи и других случайных причин»*; всего 450 тыс. чел. Было отбито у неприятеля 75 орлов, знамен и штандартов, 929 орудий, не считая зарытых в землю и потопленных [7].

Касательно русских потерь, по одной из первых оценок, принадлежащей Р. Т. Вильсону: *«Россия потеряла в сию войну около 80 тыс. убитыми, умершими и пленными, около 70 тыс. больных и раненых... Потеря собственности русских в сию войну велика. Москва одна стоит 25 миллионов фунтов стерлингов»*. Наполеоновские потери он оценил в

185000 чел. [8]. Все цифры, как следует понимать, занижены. Достаточно сказать, что по ведомости от 22 ноября 1812 года, опубликованной Бутурлиным, в одной только Главной русской армии Кутузова числилось 48335 больных, из которых при армии было 777 чел., еще 1276 отправлены в обоз, а остальные оставлены в разных госпиталях. Ведомость, по всей вероятности отражает нарастающий итог с момента выхода армии из Тарутинского лагеря [9]. К этим цифрам нужно прибавить 12826 замерзших и больных (40290—27464 чел.), убывших в период с 22 ноября до нового строевого подсчета в Вильне. Итого — 61161 выбывших из строя по болезни в одной только Главной русской армии за период преследования Наполеона, а вильсоновы 70000 могут соотноситься с общим числом заболевших в Главной армии со дня начала войны. Общую же заболеваемость во всех русских армиях и отдельных корпусах надо исчислять цифрой порядка 150 тыс. чел.

Богданович указал: *«В продолжение похода, поступило на пополнение нашей главной армии до 134 тысяч рекрут и ратников, что составляло с людьми, находившимися под ружьем в обеих Западных армиях при открытии войны всего около 280 тысяч человек, а по достижении нами Вильны, в декабре, оставалось в армии князя Кутузова и корпусе Витгенштейна вообще 70 тысяч»*. На этом основании, произведя допущение о примерном равенстве потерь в остальных русских армиях с числом вернувшихся в строй больных (40 тысяч), он посчитал возможным *«почти безошибочно определить общую потерю наших войск в продолжение действий 1812 года, до 200 тысяч человек»* [10].

Однако, Модест Иванович ошибся уже в том, что по известным ведомостям, у Кутузова и Витгенштейна осталось к Вильне не 70, а 60 тыс. солдат. Отнять 60 от 280 дает не 200, а 220. Кроме того, Двинская армия (корпус) Витгенштейна имела самостоятельные пополнения рекрутами и ратниками. Недоучет пополнений Двинской армии ведет к росту недоучета потерь. Налицо банальная «подгонка». Рассуждая дальше и рассматривая действия 3-й Западной, Дунайской и Двинской русских армий, легко заметить, что они потеряли много больше 40 тыс. чел. Стоит только сравнить первоначальную численность армий Торماسова и Чичагова с численностью армии Чичагова в Вильне и корпуса Остен-Сакена после боев за Волковыск, чтобы выявить около 55 тыс. потерь! Порядка 40 тыс. убыли определяется по начальному и конечному составу армии Витгенштейна. Были потери в Рижском гарнизоне, в корпусе Штейнгеля до его присоединения к Витгенштейну, и кое-какие в Мозырском корпусе Эртеля. Имелись

жертвы в смешанных корпусах и отрядах ополчения, действовавших отдельно от регулярных корпусов и армий (корпус Шепелева и др.). Следовательно, избавленный от ошибок метод Богдановича приводит нас к оценке русских потерь цифрой порядка 300–330 тыс. бойцов, что он, по-видимому, просто не рискнул показать. Эта откорректированная оценка весьма близка к современным. Такое же *«первое приближение»* дал С. В. Шведов, исходя из разницы числа войск, состоявших в русской действующей армии налицо в строю и оказавшихся к началу 1813 года под ружьем у вновь достигнутой русской границы [11].

То, на что не рискнул историк, давно сделал сам император Александр I. В письме к австрийскому императору Францу I, написанному летом 1813 года, он начертал: *«Провидение пожелало, чтобы 300 тыс. человек пали жертвой во искупление беспримерного нашествия»* [12]. Но это лишь военные потери, без смертности населения. Помимо самых скорбных, человеческих потерь, очень велики были расходы на войну и вызванные ею разрушения и убытки.

По утверждению Богдановича: *«Жертвы, принесенные всеми сословиями России на алтарь Отечества, неисчислимы. Не считая рекрутских наборов, было выставлено ратников и казаков до трехсот тысяч и добровольно дано до ста миллионов рублей ассигнациями»*. Касательно состояния губерний, где прошла война, он говорит: *«Невозможно с совершенною достоверностью определить убытки, нанесенные жителям неприятельскими войсками. Сколько можно судить из сведений, собранных на месте (сведений, частью неполных, частью преувеличенных), каждая из белорусских губерний претерпела разорение на сумму до 18 миллионов рублей. Потеря в народонаселении также была весьма значительна: число душ мужеского пола в помещичьих имениях Могилевской губернии, по ревизии 1811 года, простиралось до 359946, а по ревизии 1816 года — только до 287149»* [13].

Михайловский-Данилевский в «Описании Отечественной войны 1812 года» приводит следующие цифры: *«Ценность сожженного и расхищенного неприятелями имущества обывателей, потери от скотского падежа, истребления хлеба на полях, различных поставок для неприятельской армии, и вообще понесенные в отечественную войну губерниями убытки составляли: в Гродненской — 32535616 рублей; Виленской — 19273007; Минской — 34186976; Витебской — 39942110; Могилевской — 33497764; Белостокской области — 777321. Итого: 160212794 рублей»* [14]. По какой-то причине данные (как и у Богдановича) приводятся по западным, а не центрально-русским губерниям.

Выборочная проверка цифр обнаруживает их неполноту. Михайловский-Данилевский пользовался записками гражданских губернаторов. По записке из Гродненской губернии приведенные историком 32535616 руб. являются суммой стоимости похищенного движимого имущества и убытков, причиненных падежом скота. Вместо суммы потерь недвижимого имущества в записке указана сумма убытков населения от двух сражений — при Кобрине и Волковыске, — 539756 руб. серебром, и она Александром Ивановичем не учтена. Всего, стало быть, убытки Гродненской губернии исчисляются в 33075372 руб. Записка Виленского гражданского губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского маловразумительна, и по ней можно предположить, что в число подсчитанных убытков губернии не вошли содранные с нее Наполеоном на формирование литовских полков 2159566 злотых [15].

Исходя из материалов ревизий 1811 и 1816 гг., на 19,9 % уменьшилась численность мужского населения в Виленской губернии, а Гродненской — на 14,3 % соответственно. В Кобрине население сократилось с 2260 до 642 чел., Лиде — с 1300 до 589 чел., а Волковыске — с 1277 до 434. Был выбит рабочий и домашний скот. Так, потери поголовья лошадей составили 56,3 % в Виленской губернии и 53,2 % в Гродненской. Почти в той же пропорции сократилось количество рабочих волов. Количество крестьянских кормилиц — коров, сократилось в Виленской губернии на 43,7 % а в Гродненской — на 46,6 %. После войны начались эпидемии; последствия разорения ощущались и через десять лет [16]. Весьма пострадала от боевых действий, прохождения войск, реквизиций и крестьянских бунтов, подстрекаемых польско-литовской шляхтой, Витебская губерния, в состав которой тогда входил Полоцк. В сельских местностях губернии царил величайший беспорядок; бунты, возбужденные против русских, в итоге усмиряли французские карательные отряды. В довершение всего Витебская и другие западные губернии были ограблены бандами французских мародеров, — их бродило по Белоруссии до 50—60 тыс. чел. [17].

По Смоленской губернии опубликованные цифры таковы: *«По числу душ мужского пола убыль исчисляется в 57582 души по всей губернии. Но, конечно, эту цифру нельзя назвать точною, она несравненно больше, если к этому прибавить смертность людей от повальных болезней, появившихся с наступлением весны 1813 г. Окрестности городов, селений, большие и малые дороги, поля и леса были покрыты массою трупов, которых сожжено в губернии 61886 и закопано в ямы 107188 челове-*

ских тел. Кроме того, сожжено скотских трупов 27752 и закопано в ямы 81902... Скота расхищено: лошадей 79409, коров 132637, овец 278619. Не засеяно озимых хлебов 57843 и яровых 263223 десятины» [18]. По сообщению Михайловского-Данилевского: «В Смоленской губернии, иные дворяне, имевшие в начале августа по 1000 и более душ, увидели себя в декабре без куска хлеба, принужденными обуваться в лапти. В малом числе уцелевших изб теснились, как могли, помещики вместе с крестьянами и слугами». Что касается мелкопоместных дворян, то они часто вообще ничего не находили на пепелищах своих домов и имений [19].

По данным Ф. Н. Глинки, составившего записку о потерях Смоленской губернии: «В течение полутора года убыло в Смоленской губернии от войны, мора и голода разного состояния людей мужского пола 100000 человек. Обывательских домов сожжено, кроме городских, 13132. Мельниц разрушено 260. Лошадей погибло 122798. Рогатого скота 130395. Мелкого скота, кроме последнего падежа 250332. NB. Все сие означено здесь по самому верному и умеренному начислению. Сверх того два рекрутских набора извлекли из каждого 500 душ по 18 лучших молодых людей; да из воинов Земского ополчения в дома не возвратилось: 4407 человек». Глинка описывает нищету множества семейств Смоленщины после войны: «Я видел разорение моей родины, я слышал тяжкие вздохи ее» [20].

«В Смоленске до нашествия неприятеля было 15 тысяч жителей, после же 1812 г. не насчитывалось и 10 тысяч... Сгорело 45 каменных домов и 1568 деревянных, 69 лавок каменных и 248 деревянных; из 2250 обывательских домов, лавок и заводов уцелело лишь 350. Убытки города простирались до 6600000 рублей... И прозвали жители Смоленска этот злполучный год «разореньем» [21]. В 1840 году в заново отстроенном Смоленске проживало 11 тыс. чел., — город не восстановился полностью. В 5 млн 800 тыс. 332 руб. было оценено разграбление Гжатска, — «одного из лучших городов России». 5 млн 550 тыс. руб. составили убытки Вязьмы, 1 млн 048 тыс. 875 руб. — Дорогобужа, 463 тыс. 246 рублей — Поречья [22]. Эти города также не восстановились. В 1811 году в Смоленской губернии проживало 1 млн 190 тыс. населения, — больше, чем в Московской, где обитало 946,8 тыс. чел. Война «исправила» такое положение дел раз и навсегда [23]. Царское правительство оценивало убыль населения в Смоленской губернии как чрезвычайную.

По свидетельству Феофилакта, архиепископа Рязанского: «Город Сычевка хотя не потерпел от неприятеля... здесь почти всякий дом — больница. Городничий сказывает, что сие будто бы от поветрия, а я

отношу к недостатку насущного хлеба. Больных... очень много; немало также и умирающих. Ежели в столь жалком положении город, спасшийся от нашествия неприятельского, то какая ужасная картина представится мне в Гжатске, Вязьме, Дорогобуже, Смоленске, Красном и Поречье!» Далее, по ходу своего путешествия, он пишет: «Вязьма сколько была красива и богата, теперь обезображена и недостаточна. Шестая только часть ее уцелела от разорения... По показанию здешних дворян, хлеба в Смоленской губернии неостанет и на два месяца. Сколько же погибнет людей без подвоза съестных припасов из других губерний, — предоставляю сие заключению вашей прозорливости. Одного только г. Каверина и губернатора квартиры без больных». «Город Смоленск... есть совершенная западня. Не имеет он сообщения ни с какими городами... От Вязьмы на Смоленск через Дорогобуж нет никакого тракта по причине разорения селений и г. Дорогобужа». В Смоленской епархии было сожжено 379 священнослужительских и 14416 приходских домов [24].

Серьезно пострадала Калужская губерния, где опустошению и грабежу более других подверглись Боровский, Малоярославецкий и Медынский уезды. Были сожжены города Боровск и Малоярославец; в Боровском районе было разорено 49 имений и 40 селений экономических крестьян; в Малоярославецком уезде — 33 имения, а в Медынском — 40. Помощь, которую вынуждено было предоставить правительство крестьянам и духовенству, превысила 356 тыс. руб. Заявления о понесенных в войну убытках принимались до 2 мая 1838 года [25]. Примерно такое же положение было в Волынской губернии, где военными действиями были разорены несколько уездов, а вся губерния истощена как ближний тыл 3-й Западной и Дунайской армий.

Вскоре после изгнания неприятеля русское правительство было вынуждено выделить в распоряжение управлявшего Смоленской и Калужской губерниями сенатора П. Н. Каверина 6 млн рублей ассигнациями, из которых отведено на Калужскую губернию 900 тыс. рублей. На эти деньги надо было прокормить 200 тыс. обездоленных душ и засеять по весне 100 тыс. десятин земли. Сверх того, впоследствии Комитет Министров империи выделил Смоленской губернии 352050 руб. на покупку лошадей и скота, 225150 руб. на восстановление мостов и переправ, 45 тыс. руб. на строительство кирпичного завода, и другие пособия. Эти суммы были каплей в море разгрома, ибо только на покупку лошадей и скота взамен погибшего просилось 20 млн руб. ассигнациями. Что касается потерпевших полное разо-

рение помещиков, специальными следственными комиссиями были составлены списки лиц, заслуживающих возмещения, по которым их убытки в Смоленской губернии были оценены в 306400 руб., а возмещение определено в сумме 160875 руб. ассигнациями. В Калужской губернии, только по городам Боровску и Малоярославцу, было исчислено 216672 руб. полного помещичьего и купеческого разора [26]. Частичный ущерб никому не возмещался, а если кто получал деньги, имея уцелевшее поместье в другой губернии, — они подлежали возврату с процентами.

Угнетающая общественную жизнь и экономику паника прокатилась по Владимирской, Тверской, Рязанской, Ярославской губерниям. Из Владимира шла эвакуация ценностей [27]. Тверь покинуло более половины населения, прекратилась торговля. *«Жители, выехавшие из Твери, за сентябрь и первую половину октября, много вынесли и перестрадали. После того как было получено известие об оставлении Москвы французами, население Твери начало мало помалу приходить в себя»* [28]. То же в Ярославле, откуда *«поспешно выехали и многие жители и приезжие»* [29]. В Рязанской губернии население ближайшего к Москве Зарайского уезда бежало, и в городе Зарайске *«оставалась обывателей едва третья часть»*. В Зарайском и Егорьевском уездах процветали анархия и грабежи. Людям пришлось терпеть не от неприятеля, но от своих войск и мародеров. Нельзя было достать лошадей для вывоза церковного и государственного имущества из Рязани: *«Всякий спешил куда ни на есть уехать»* [30]. Материальные возможности всех названных губерний были истощены, что вынуждало военное командование и царское правительство с одной стороны уменьшать поборы, а с другой — продлевать военное положение для обеспечения взимания необходимых для действующей армии ресурсов. Так, М. И. Кутузов 8 (20) декабря направил рапорт Александру I об оставлении ряда губерний на военном положении, и в то же время санкционировал и ходатайствовал о снятии ряда повинностей с Волынской и Курской (в связи с неурожаем) губерний [31].

Весьма неохотно (как показывать такое свидетельство «полного превосходства русского военного искусства») говорили исследователи о потерях Москвы. Город был очищен от тел к 13 марта 1813 года. По донесению обер-полицмейстера Ивашкина: *«Ныне в столице мертвые тела и лошадиные трупы на поверхности земли и мелко зарытых не находятся; могут быть только разве под снегом и под развалинами обгорелых мест. Сожжено: трупов 11958, лошадей 12576»* [32].

Согласно Михайловскому-Данилевскому в Москве «*в трои сутки сгорело 6496 разного рода зданий*» [33]. Богданович дополняет эти сведения тем, что «*большая часть церквей была разрушена, либо разграблена... Русские, имевшие несчастье остаться в Москве, были обобраны до рубашки и лишены последней обуви. Многие из этих несчастных питались кореньями с огородов, либо мокрою пшеницею, добытою из севших на дно реки барок*». Но потерь он численно не считает, ограничиваясь высказыванием: «*Нет никакого сомнения в том, что пожар Москвы нанес огромные потери как казенным, так и частным имуществам*» [34]. Шильдер кратко приводит высказывание Александра I: «*После этой раны все прочие ничтожны*» [35].

Ф. В. Ростопчин соглашался с мнением специально учрежденной комиссии, определившей, что «*убытки, понесенные населением как от пожара, так и от войны не только в столице, но и во всей Московской губернии, не превышали 321 миллиона рублей*» [36]. Однако к 1912 году московская историческая традиция перешла ближе к оценке ущерба в несколько миллиардов рублей, указанной в бюллетенях Наполеона. По мнению Д. Н. Бородина: «*Погибшая в огне недвижимость... вряд ли превышала эту сумму, но кто мог исчислить все убытки от истребления съестных припасов, домашней обстановки, предметов роскоши и искусств, научных коллекций и тысячи других! Одна только библиотека графа Бутурлина, насчитывавшая свыше 30000 томов, из которых 379 названий принадлежали к чрезвычайно редким (напечатанным до 1500 года), оценивалась в миллион рублей, и от нее не осталось ни одного печатного листа; та же самая участь постигла и библиотеку князя Голицына и такую же тайного советника Мятлева, а обе они представляли также значительную ценность. Университетская библиотека и естественноисторический музей также погибли безвозвратно... Наконец, как оценить загубленные человеческие жизни?» [37].*

В этой связи надо отметить, что Михайловский-Данилевский привел данные Московской казенной палаты, согласно которым насчитывалось 165 млн 854 тыс. 758 руб. заявленных частными лицами убытков от пропажи движимого имущества в самой Москве, и еще 14 млн 539 тыс. 935 руб. в уездах, а всего — 180 млн 394 тыс. 693 руб. Общая сумма потерь движимого и недвижимого имущества по данным палаты равнялась 271 млн 20 тыс. 387 руб. 27 коп. Однако историк уточняет, что «*по делам Комитета министров показано разорение в 278 млн 969 тыс. 289 руб. 69 коп., а по делам Государственного Казначейства в 280 млн 9 тыс. 570 руб. 70 коп., и в заключении помещено*

следующее примечание: «Ведомость о разорении составлена на показаниях жителей, которые собраны городничими и земскими судами, и как многие объясняли потерю без цены, по Московскому же уезду от многих и сведений не отобрано за отлучкою, а по Рузскому уезду от помещичьих крестьян объявления поданы без цены, равно и по Дмитровскому уезду... то общего по губернии заключения о разорении сделать невозможно». К сему исчислению должно присовокупить огромные, но неизвестно до какого количества простиравшиеся убытки в зданиях и движимости, понесенные в Москве и Московской губернии дворцовыми, духовными, военными и другими казенными и общественными ведомствами» [38].

Благодаря С. С. Ланскому мы знаем, что цифры Михайловского-Данилевского взяты прямым из поступивших от горожан просьб о пособиях, без какой-либо авторитетной оценки реальных убытков. Возмещено по этим просьбам было всего 15 млн 755 тыс. руб. в виде беспроцентной ссуды на 10 лет. И уж само собой, не было никаких возмещений поставок для армии, хотя только на тягловых волов было пожертвовано 1 млн руб. Московская городская Дума в конце 1812 года имела долгов на 1 млн 257 тыс. 221 руб., а в безнадежной недоимке считалось 982 тыс. 577 руб. разных сборов [39]. К убыткам надо приплюсовать и суммы, выделенные Комитетом Министров для неотложного пропитания и постройки новых жилищ населению столицы — 7,5 млн руб. ассигнациями.

Таким образом, приведенную Ростопчиным комиссионную оценку потерь Москвы и Московской губернии следует считать существенно заниженной, а оценку Бородина, данную 100 лет спустя, — обоснованной. Соотношение между стоимостью утерянного движимого и недвижимого имущества составляло по объявлениям о его утрате примерно 2:1, и это приводит к общей оценке московских городских и губернских потерь до 1 млрд. руб. в ценах 1812 года. Сильные морозы способствовали уходу из города эпидемий, но общее угнетение от повального московского исхода и разорения было таково, что к 11 января 1813 года в столице полагали до 100 тыс. жителей, или 35 % от их довоенного числа [40]. Куда делись остальные 200 тыс. суровой зимой, — Бог весть.

В глубокой тени остаются материальные и человеческие потери Подмоховья, где было сожжено 400 сел и несколько городов. В 261 тыс. 543 руб. были оценены убытки в Рузе, 150 тыс. руб. — в Бронницах, 182 тыс. 555 руб. — в Звенигороде, а гораздо более крупные потери по Дмитрову и Верее — неизвестны [41]. К работе по

уборке трупов в Подольске было привлечено 2807 чел. (что говорит об объеме работ), а в Можайском уезде убрано трупов 56811, падали 31664. Но и после этого на поле Бородинского сражения и во многих других местах было полно тел и костей. Вероятно, поэтому Михайловский-Данилевский, ссылаясь на донесение Можайского уездного стряпчего от 26 мая 1836 года, приводит большую цифру: 58521 сожженных человеческих и 35478 конских трупов только на одном Бородинском поле [42]. Тут проглядывает ужасающая смертность раненых солдат, половина которых, как русских, так и французов, бросалась на поле боя.

В советское время безудержной апологетики Кутузова и прославления Отечественных войн тени сгустились еще больше. Как писал П. А. Жилин, на хвалебно-ретушированных опусах достигший научного признания и генерал-лейтенантского чина: *«По явно преуменьшенным данным Министерства финансов, расходы на войну равнялись 157,5 млн рублей, а убытки населения составили 200 млн рублей»*. Как говорится, «Америку открыл», когда сложение неполных, давным-давно приведенных Михайловским-Данилевским и Ростопчиным цифр московских и белорусских убытков дает полмиллиарда рублей. Жилинская цифра казначейских расходов взята из справки главнокомандующего Барклая де Толли от 24 марта 1815 года об основных статьях расхода на армию, поданной сводившему окончательную цифру Е. Ф. Канкрину [43].

Как указал Н. Н. Трошин, пресловутые 157,5 млн рублей — это только те деньги, что были переданы казначейством в войска. Она не включает другие расходы казначейства на войну, сделанные в обход касс полевого интендантского управления, и тем более не включает реквизиции. Ввиду невызначенности данных по годам, Трошин оценил расходы на Отечественную войну и заграничные походы суммой порядка 950 млн рублей [44], что в общем приближении дает сумму расходов на 1812 год (с реквизициями) порядка 400 млн рублей. Другие современные оценки поднимают общую сумму расходов и потерь России свыше 1 млрд рублей [45]. Можно не сомневаться: гораздо более 1 миллиарда, если по одной только Москве и Московской губернии в совокупности с потерями белорусских губерний, расходами казначейства и реквизициями обрисовывается более 1,5 млрд. Восстановление растянулось на многие годы.

Когда Наполеон занял Москву, правительство Александра I включило печатный станок, за осень 1812 года пустив в обращение не менее

64,5 млн бумажных рублей. За счет эмиссии покрыли часть расходов на войну, в ее ходе бумажный рубль даже пользовался ажиотажным спросом как средство перераспределения колоссальных награбленных ценностей, но по окончании кампании стоимость ассигнаций по отношению к серебряному рублю сильно упала. В конце 1812 года за бумажный рубль давали не более 20 копеек серебром. Устойчивости русской экономики способствовала активная внешняя торговля с Великобританией. Пока Наполеон занимал Москву, торговля через Архангельск, черноморские порты и даже на Балтике не прекращалась. Общая стоимость экспортированных Россией в 1812 году товаров достигала 150 млн руб., а положительное сальдо торгового баланса — 59,3 млн руб. ассигнациями. Даже неполный перечень потерь выявляет, что правительство Александра I после «года ужаса и славы» было лишено экономической возможности оставить Россию без союзников и торговых партнеров, помирившись с Наполеоном. Этим властно диктовалось царское решение продолжать активные военные действия, и отбить от союза с Бонапартом Пруссию и Австрию.

Очень трудно решается вопрос общей убыли в результате ужасной войны мирного населения; тут и недоучет рождаемости (девочек), разные виды смертности, и миграционные причины сплетаются в тугой клубок. Депопуляция в пострадавших губерниях не была преодолена даже 1838 году, за исключением столичной, Московской. Так, по 6 белорусским губерниям в 1811 году числилось 5087,0 тыс. чел., а в 1838 — только 4956,6. По Смоленской в 1811 году было 1190,0 против 1064,2 спустя 27 лет; по Калужской — 986,9 против 914,9; по Курляндской — 510,0 против 503,0. Демографический провал более-менее выправился лишь в 1850—1860-е годы [46]! Это заставляет подозревать, что потери мирного населения от военных действий, голода и болезней намного превышали собственно военные потери.

По мнению В. М. Безотосного: *«Людские потери России в 1812—1814 гг. можно оценить приблизительно в диапазоне до 1 млн чел., но никак не больше. Но... это все предположительные данные. С достаточной долей достоверности сегодня никто не сможет точно сказать, сколько людей в России сражалось против наполеоновской армии и сколько из них погибло. Этим делом, видимо, займутся лишь будущие поколения историков, если они будут располагать новой и надежной методикой подсчетов»* [47]. Он сослался на вычисления А. А. Корнилова, основанные на сличении ревизий 1811 и 1815 гг. По этим данным в 1811 г. население мужского пола равнялось 18 млн 740 тыс. душ, а в 1815 г. — 17 млн 880 тыс. душ.

То есть, за 4 года мужское население уменьшилось на 860 тыс. чел., в то время как в мирных условиях следовало ждать прироста 1–1,25 млн чел. Отсюда было сделано заключение, что *«действительная убыль людей от войны и связанных с нею бедствий и эпидемий была около 2 миллионов душ одного только мужского пола»* [48].

В «Опыте начертания статистики главнейших государств по нынешнему их состоянию» 1821 года издания указано *«по седьмой ревизии, кончившийся в августе месяце 1817 года»* от 17905788 до 17950137 *«душ, состоящих в кладе, т. е. купцов, мещан и крестьян»* мужского пола. Это близко к цифрам Корнилова, а ежегодное превышение рождаемости над смертностью полагается до 500 тыс. чел. обоего пола, что ведет к тому же выводу о громадности людских утрат [49].

Применительно к оценке полководческой деятельности М. И. Кутузова желательнее попытаться определить, что он сберег, а что потерял. По счислениям состава войск усматривается, что Главная армия под его началом несла повышенные в сравнении с фланговыми армиями потери. Мрачно выглядят гражданский урон и убытки Москвы, Московской и сопредельных центральных губерний, понесенные после того, как полководец не сумел воспользоваться позициями при Царевом-Займище, Гжатске и Бородине, не отстоял столицу. *«Москва строится и одумавшись очень изволит гневаться на бессмертного воеводу Михаила (Кутузова)»* [50]. Конечно, не представляется возможным прямо возложить эти потери на Михаила Илларионовича, и никому не известен альтернативный ход войны. Но от критики на этот счет фельдмаршал не избежит никогда.

Воюющая смертность раненых проистекала не только из отступления армии на первом этапе войны, но из-за упорного стремления Кутузова избавиться от этой материальной, санитарной и моральной проблемы, возложив призрение и лечение раненых солдат на гражданскую администрацию тех губерний, куда они отправлялись. Без поддержки командования остались функционировавшие при Барклае де Толли развозные и подвижные полевые госпитали, оказывавшие самую эффективную помощь. *«В армии тогда завелось, что интендант почти один занимался частью госпитальной»*. *«Раненые, особливо пешие, впускаемы были прямо в столицу без билетов на госпитали и без всякого препровождения»*. За Москвой многие санитарные фуры *«вместо раненых везли жен вахтеров, шкафы, сундуки и мебели, не стоящие одного колеса фуры»*. При переправе через Москву-реку в Панках генерал-интендант просто-напросто получил повеление

«очистить армию от больных, обратив их на Касимов и Елатьму», где к тому моменту не было устроено никаких госпиталей [51].

Согласно параграфу 9 Главы II Отдела II Части I «Учреждения для управления Большой действующей армии» устройство госпиталей возлагалось на главный штаб армии, при котором имелись должности директора госпиталей и полевого генерал-штаб-доктора. Надзор за состоянием госпиталей возлагался на дежурного генерала (параграф 124 Отдела VI Главы I Части II) [52]. Как видно из исходящего журнала П. П. Коновницына за октябрь–декабрь 1812 года, опубликованного в 8 томе бумаг П. И. Щукина, он пытался вести такой надзор, регулярно запрашивая сведения о раненых и больных, их пропитании, организации госпиталей в отдельных армиях, но изменить ситуацию не мог. Большое спасибо Петру Петровичу уже за то, что помнил «Учреждение», и напоминал дежурствам и госпитальным чиновникам исполнять свои обязанности.

Московский негативный опыт не вернул упрямого Михаила Илларионовича к предписанному порядку, и *«в бытность под Тарутинным госпитальная часть по сделанному особому плану поручена была гражданским губернаторам позади лежащих губерний; но и тут открылись многие естественные затруднения: положение наших провинций... не способствует даже к скорому устройству таких заведений вновь»*. Эта система оказалась абсолютно непригодной для наступающей армии. Надо было возвращаться к развозным и подвижным госпиталям, но нельзя было восстановить их в короткое время: *«Когда начали преследовать неприятеля, часть госпитальная была самая печальная и вместе затруднительная»*. Лишь в Вильне удалось, наконец, учредить для русских солдат *«порядочный госпиталь, хотя же первый раз на соломе»* [53].

Порочность установленной Кутузовым в обход закона системы видна из его рассуждений о *«перволинейных временных госпиталях»*. 14 (26) октября он распоряжается П. Н. Каверину о дислокации этих госпиталей в Калуге, Туле, Козельске, Белеве и Орле. В ближайшие дни это стал глубокий тыл, везти туда с фронта раненых без сортировки и медицинской помощи в передвижных госпиталях, — означало морить их наподобие французских пленных. В упомянутом предписании проявилось все: спихивание проблемы на генерала-интенданта В. С. Ланского (соответственно, на другие статьи финансирования, какие тот найдет), макачские рассуждения о цене вопроса для подрядчиков, о перевозке раненых реквизируемыми у обывателей

подводами (казенного транспорта не выделялось) [54]. Как результат, были «перевозы раненых даже бесчеловечны, без пособий и надзору» [55]. Переписка «об учреждении внутри России госпиталей для действующих армий и о снабжении их всеми потребностями», избочливающая переключивание Кутузовым и А. И. Горчаковым 1-м проблемы лечения раненых друг на друга и на генерал-кригс-комиссара А. И. Татищева, находится в конце XX тома ВУА ГШ.

К возобновлению активных боевых действий в октябре 1812 года у Главной армии отсутствовали аптечные запасы, а фельдмаршал спохватился об этом лишь 26 октября (7 ноября) с подачи главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова, хотя потом уж о проблеме не забывал. Увы, как все с опозданием решаемое, она начала закрываться только в Вильне, за счет «оставленного здесь неприятелем аптечного магазина» [56]. Но теперь полковые аптеки оказалось не на чем возить: «Аптечные ящики еще из Тарутинской позиции отправлены в Калугу, и где ныне находятся — неизвестно, а потому полки остаются без медикаментов» [57]. Во многих корпусах аптеки оказались только в феврале 1813 года, после вмешательства П. М. Волконского.

Кутузовское управление военной медициной оказалось таким же ненормальным, как его управление артиллерией. Оно привело к тому, что «медицинское в действующей армии управление, существовавшее со времени Аустерлицкой кампании, было вовсе оставлено, а новое не приведено в исполнение» [58], и внесло свой негативный вклад в истощение наступающей армии. К 7 (19) ноября 1812 года явились в Москву, в окрестностях которой происходили многочисленные передвижения войск и бои, всего 300 выздоровевших нижних чинов, к 18-му числу — 600, к 9 декабря — свыше 600 [59]. По сравнению с тысячами загубленных, это была капля в море. По мнению выдающегося русского военного врача Н. И. Пирогова: «Что преимущественно влияет на успехи лечения и уменьшение смертности в войсках? Уж верно, не терапия и хирургия сами по себе. Для масс в терапии и хирургии без хорошей администрации даже и в мирное время мало проку, а в таких катастрофах, как война, и подавно» [60].

Легче поддаются учету потери, проистекшие из ошибок Кутузова в планировании движений армии. Полностью замолчаны историками огромные потери войск при оставлении Москвы, превышавшие 30000 чел. боевого состава. Ошибочные марши от Копыся к Игумену через морозную глушь, после которых последовал форсированный поход к Вильне, привели к бесцельной потере 15000 чел. Армия,

имевшая в Копысе около 45000 солдат, уменьшилась до 27464 человек без соприкосновения с противником.

К числу относимых на счет нераспорядительности Кутузова может быть зачислена негативная разница русских и французских боевых потерь в крупных сражениях. Из-за небрежения принципом массирования сил русские войска у Бородина и Малоярославца дрались в меньшинстве, при слабой поддержке артиллерией. Это вызвало лишнюю потерю порядка 20000 чел. В армиях Витгенштейна, Тормасова, Чичагова и в Главной армии под руководством Барклая де Толли столь неудачного соотношения потерь не отмечалось, они были 1:1 с неприятелем, а в ряде случаев (Кобрин, Клястицы, Смоленск, Валутинская Гора, Смольна) — даже лучше. Главной наполеоновской армии довелось испытать «прелести» ружейного и артиллерийского боя в меньшинстве на восточном берегу Березины под ударом Двинской армии Витгенштейна, в которой массирование огня было правилом: *«Сонмы русских палили в нас таким сильным огнем, что после часовой битвы нам пришлось значительно двинуться назад»*. В ответ французские пехотинцы вынуждены были бросаться в штыки, но *«через двадцать минут они снова стали одерживать верх и пытались сбросить нас в Березину, — вспоминал Луи Брего. — «Я достиг беспрепятственно большой дороги; но, прибыв туда, подумал, что настал мой последний час. Дорога была изрыта русскими ядрами; они сыпались со всех сторон и катились во всех направлениях... Бомбардировка не прекращалась. Влесу с шумом падали огромные деревья... Нужно самому видеть это ужасное зрелище для того, чтобы представить себе его!»* [61].

Изложенное подводит к оценке, что от четверти боевых до половины гражданских и материальных русских потерь в 1812 году относятся к действию факторов, сплетенных с совершенными «спасителем отечества» организационными, тактическими и стратегическими ошибками. Разумеется, не были свободны от ошибок Барклай и другие русские командующие армиями и отдельными корпусами, но не представляется возможным выделять на их фоне Кутузова как наиболее успешного командующего.

Другим камнем преткновения современной историографии являются огромные потери Белоруссии, на территории которой происходили интенсивные боевые действия. Маленький, недавно получивший независимость белорусский народ не может напираться на великодержавный пафос. Он более скорбит, пытаясь с разных сторон осмыслить трагедию, что современными российскими «патрио-

тами» часто трактуется как русофобия. Не всегда упреки белорусских авторов справедливы, как, к примеру, выводы работы А. М. Лукашевича «Российская тактика выжженной земли» планы и применение на белорусских землях летом 1812 года». Как не рассматривая приведенные им факты, все же видно, что отступавшие русские войска не трогали мирное население, его домохозяйства, посеы и скот, истребляя лишь запасы, подлежащие конфискации наступающим противником. Конечно, уменьшение складских запасов, угон транспортных средств и разрушение переправ, вывоз документов и специалистов, владеющих сведениями о крае, оказали негативное воздействие на белорусскую экономику, но это все-таки не та деятельность, которая возникает в уме при многократном повторении словосочетания «тактика выжженной земли». Отсутствуют посылки к выводу, что *«местное население обрекалось неминуемо на голод, страшные лишения и даже смерть»* [62].

Другое дело, что наполеоновские войска не миндальничали с населением Беларуси, и на ее территории дольше, чем в каких-либо других местностях, продолжались бои. К примеру, в Гродненской губернии 28 июля (9 августа) отрядом вестфальцев, после того, как они получили все, что требовали, было разграблено местечко Щучино, убито 3, ранено пулями 2 и изувечено не менее 12 жителей. Сверх того, мародеры пленили и увели с собой из местечка 60 чел. 8 (20) августа саксонцами разграблено село Кобедзичи. Итог — 1 погибший, уведено 9 лошадей и 7 быков. 26 сентября (8 октября) французский отряд обчистил Каменку под Лидой, были ранены пулями и саблями 20 поселян, сведены 23 лошади, изъято все продовольствие и фураж [63].

Стоит напомнить и свидетельство Брандта о первых днях движения захватчиков по литовской земле: *«Проходившие здесь прежде нас войска растаскали избы на бивуачные костры. Крестьяне скрывались в соседнем лесу... Кругом все было опустошено и разграблено... Насколько видел глаз, хлебные поля были скошены для корма лошадей и для покрывки шалашей»*. Окрестности Вильны *«на далекое пространство представляли пустыню: целые селения исчезли с лица земли; на бивуаки являлись бедные жители просить куска хлеба. Они горько жаловались на повсеместные грабительства и бесчинства... При наших беглых экскурсиях по городу мы ежеминутно наталкивались на солдат, позволявших себе насилие с жителями»*. А *«в Ошмянах... почти в каждом доме жили мародеры»* [64]. По воспоминаниям графини Шуазель-Гуфье (урожденной Тизенгаузен): *«Благотетели поляков хозяйничали по-своему*

в окрестностях Вильны: грабили церкви, оскверняли священные сосуды, не щадили даже кладбищ, бесчестили женщин» [65].

Все это привело к мучениям и гибели населения, а не одна только русская тактика лета 1812 года, которая будто бы «неминуемо обрекла» всех. В полемическом запале Лукашевич местами проговаривается: «Значительные запасы провианта, фуража и даже боеприпасов удалось спасти от уничтожения в Поневеже, Свири, Вилейке, Лепеле и м. Холуи» [66]. Какое отношение боеприпасы имеют к голоду и лишениям, хотелось бы спросить? Вопреки той цели, которую преследует автор статьи, четко видно, зачем русские войска истребляли магазины в этих местах. Но и такие ляпы не являются основанием для враждебной полемики и взаимных обвинений: легко видеть соринку в чужом глазу, не замечая бревна в своем. Великодушие и терпимость способнее найти правду и расставить факты по своим местам, чем идеологическая сшибка.

1. Тарле Е. В. *Нашествие Наполеона на Рос.* // Тарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 736, 738.
2. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 4. С. 341.
3. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 619. С. 618.*
4. *Пособия и льготы после Отеч. войны 1812 г.* СПб., 1856. С. 3–5.
5. ВЭС. М., 2002. С. 5, 1092–1093.
6. Урланис Б. Ц. *Истор. воен. потерь.* СПб., 1998. С. 77, 79, 85–88, 275, 280–281.
7. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 342–343.
8. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 260, 268. С. 367, 376.
9. Бутурлин Д. П. *Истор. нашествия имп. Наполеона.* СПб., 1824. Ч. 2. С. 445.
10. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1860. Т. 3. С. 396–397.
11. Шведов С. В. *Комплектование, численность и потери рос. армии в Отеч. войне 1812 г.* Саратов, 2005. С. 18.
12. *Внеш. политика Рос. XIX и нач. XX в.: док. рос. МИД. 1801–1815 гг.* М., 1970. Т. VII. С. 292–293.
13. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ.* СПб., 1859. Т. 2. С. 400.
14. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 4. С. 319.
15. Военский К. А. *Акты, док. и мат. для политич. и быт. истор. 1812 г.* Т. 1 // Сб. РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 396, 444–445, 451.

16. Цинкевич А. А. Ущерб, нанесенный войной 1812 г. Виленской и Гродненской губ. // *Война 1812 г.: события, судьбы, память. Витебск, 2012. С. 185–187.*
17. Литвиновская Ю. И. К ситуации в Витебской губ. в 1812 г. // *Война 1812 г.: события, судьбы, память. Витебск, 2012. С. 111–114.*
18. Смоленск и его губ. в 1812 г. Смоленск, 1912. С. 212.
19. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 4. С. 318–319.*
20. Глинка Ф. Н. *Письма рус. офицера. М., 1870. С. 244, 246.*
21. Смоленск и его губ. в 1812 г. Смоленск, 1912. С. 203, 205.
22. *Пособия и льготы после Отеч. войны 1812 г. СПб., 1856. С. 56–58.*
23. Рашин А. Г. *Население Рос. за 100 лет (1813–1913). М., 1956. С. 28–29, 90.*
24. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 289, 290, 300, 347. С. 398, 399, 406–407, 472.*
25. *В тылу армии. Калужская губ. в 1812 г. Калуга, 1912. С. 50.*
26. *Пособия и льготы после Отеч. войны 1812 г. СПб., 1856. С. 7–14, 22.*
27. *К событиям 1812 г. в гор. Владимире // Тр. Влад. ученой архивной комиссии. Владимир, 1910. Кн. 12. С. 25.*
28. Вершинский А. Н. 1812 г. в Тверской губ. по запискам и воспоминаниям соврем. Старица, 1912. С. 6–8.
29. *Письма 1812 г. // Рус. Архив. 1866. № 2. С. 226.*
30. Проходцов И. И. *Рязанская губ. в 1812 г. преим. с быт. стороны. Рязань. 1913. Ч. 1. С. 54–55, 57–58.*
31. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 546, 572, 648. С. 531–532, 577–578, 636–637.*
32. Апухтин В. Р. *Сердце Рос... Москва и Московская губ. в Отеч. войну. М., 1912. С. 15.*
33. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 403.*
34. Богданович М. И. *Истор. Отеч. войны 1812 г. по дост. источ. СПб., 1859. Т. 2. С. 309, 330.*
35. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 112.*
36. Ростопчин Ф. В. *Соч. СПб., 1853. С. 236.*
37. Бородин Д. Н. *Двенадцатый год. Пожар Москвы. СПб., 1912. С. 30–31.*
38. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 3. С. 291–292.*
39. *Пособия и льготы после Отеч. войны 1812 г. СПб., 1856. С. 15–16, 27, 44.*
40. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 327. С. 446.*
41. *Пособия и льготы после Отеч. войны 1812 г. СПб., 1856. С. 53–55.*
42. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны. СПб., 1839. Ч. 2. С. 276.*
43. *Чего стоила война с франц. 1812, 1813 и 1814 гг. // Рус. Архив. 1874. № 9. С. 735.*

44. Трошин Н. Н. Цена победы: К вопросу о финансовых расходах на Отеч. войну 1812 г. и Заграничные походы 1813–1815 гг. URL: <https://riss.ru/analytics/994/>, 11.04.2018.
45. Отеч. война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Мат. X Всеросс. науч. конф. 3–5.09.2001. М., 2002. С. 152.
46. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). М., 1956. С. 28–29.
47. Безотосный В. М. Рос. и Европа в эпоху 1812 г. Стратегия или геополитика. М., 2012.
48. Корнилов А. А. Эпоха Отеч. войны и ее значение в новейшей истор. Рос. // Рус. мысль. 1912. № 11. С. 148.
49. Гейм И. А. Опыт начертания статистики главнейших государств. М., 1821. С. 50–51.
50. Бумаги гр. А. А. Закревского // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 464.
51. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. № 17. С. 706–708.
52. Полн. собр. законов Рос. Имп. СПб., 1830. Т. XXXII. С. 45–46, 52.
53. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Прил. № 17. С. 708–709.
54. Там же. Док. № 95 с прил. к нему. С. 103–104.
55. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 11.04.2018.
56. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 212, 266, 479, 644. С. 215, 260, 461, 634.
57. Там же. Т. 5. Док. № 111. С. 91–92.
58. Идельсон Е. М. Болезни и врачебная помощь в эпоху войны 1812 г. Казань, 1912. С. 41–42.
59. Бумаги, собр. и изд. П. И. Шукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 195, 205, 229.
60. Идельсон Е. М. Болезни и врачебная помощь в эпоху войны 1812 г. Казань, 1912. С. 50.
61. Французы в Рос. М., 1912. Ч. 3. С. 213–214.
62. Лукашевич А. М. Рос. тактика выжженной земли: планы и применение на белорус. землях летом 1812 г. // Война 1812 г.: события, судьбы, память. Витебск, 2012. С. 47, 54.
63. Военский К. А. Акты, док. и мат. для политич. и быт. истор. 1812 г. Т. 1 // Сб. РИО. СПб., 1909. Т. 128. С. 442–443.
64. Брандт Г. Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 1. Отд. I. С. 23–24, 26, 27.
65. Воспоминания об имп. Александре I и о Наполеоне // Воен. сб. 1866. № 3–4. Отд. неофиц. С. 361.
66. Лукашевич А. М. Рос. тактика выжженной земли: планы и применение на белорус. землях летом 1812 г. // Война 1812 года: события, судьбы, память. Витебск, 2012. С. 53.

11.3. ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД. ДАЛЬНЕЙШИЕ ОПЕРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ И СОЮЗ С ПРУССИЕЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЛИЯНИЯ КУТУЗОВА

Военные операции 1813–1814 годов оказались в тени возвеличенной и мифологизированной Отечественной войны. На юбилейных конференциях 2012 года отмечалось: «Русские историки сосредоточили свое внимание на военных операциях 1812 г.; эта тенденция проявилась еще до революции 1917 г. и с новой силой развивалась в советский период. Обратной стороной этой увлеченности стало то, что... контраст между огромным объемом знаний, имеющимся о 1812 г., и очень ограниченным вниманием, уделяющимся периоду 1813–1814 гг., остается колоссальным и разительным» [1]. По мнению Д. Ливена, это отдало перевес в освещении истории Наполеоновских войн авторам буржуазно-националистической прусско-германской школы. Такого же мнения К. Б. Жучков, констатируя: «На сегодняшний день об указанном периоде войны нет ни одного монографического труда на русском языке» [2]. О схоластическом противопоставлении «освободительной» Отечественной войны и «феодално-реакционных» походов в Европу говорила Т. А. Капустина [3]. Малоизученным в литературе назвал заграничный поход 1813 года А. Г. Тартаковский.

Между тем, только исследование указанного периода и его состыковка с событиями и документами 1812 года позволяет аргументировано решить вопросы о правоте или неправоте взглядов М. И. Кутузова на европейскую войну и роль России в ней, о наличии или отсутствии его военно-практического наследия: что осталось после фельдмаршала, а что не прошло проверку войной и жизнью. Ошибочно судить о крахе империи Наполеона по итогам Отечественной войны. Бонапарт «смог в 1813 г. собрать новую Великую армию численностью в полмиллиона человек... Одна из причин, по которой стоит обратить пристальное внимание на события 1813–1814 гг., заключается в том, что без них стратегия, избранная Россией в 1812 г., не имела бы смысла. Александр I всегда рассматривал оборонительную кампанию на территории России... в качестве первого этапа борьбы с целью вытеснения французов из Германии... Пока французский монарх контролировал Германию, а также большую часть Западной и Южной Европы, Россия не могла чувствовать себя в безопасности... Под непосредственным или опосредованным управлением Наполеона находились 63 млн человек, а Александра — 42 млн подданных. При столь неравном соотношении сил,

с чисто финансовой точки зрения, Россия могла оборонять свои протяженные границы лишь в течение короткого промежутка времени. Поэтому Александр был полон решимости использовать временное ослабление Наполеона в декабре 1812 г.» [4].

Желающим отмахнуться от этой точки зрения как от «нерусской», можно напомнить слова Михайловского-Данилевского: *«Могущество Наполеона, глубоко потрясенное нашей Отечественной войною 1812 года, не было сокрушено ею... Наполеон все еще повелевал Западной Европою. От левого берега Немана до Атлантического океана и Средиземного моря все земли, или находились в непосредственной у него зависимости, или соединены были с ним союзами. Нравственная сила его, следствие прежних побед, еще вполне ослепляла умы... Не о мире, и тем менее не о покорности жребию мыслил он. Новой борьбы, новой победы алкал он, и по прибытии из Сморгони в Париж устремлял всю свою кипучую деятельность на собрание многочисленных сил. С ними хотел он опять явиться на поле бранном, решить роковой спор с Александром... Таким образом, не могло быть мира и после 1812 года».* По мнению историка, война в Германии *«основною мыслью и самыми событиями сливалась с Отечественной войною 1812 года»* [5]. Вопреки этим очевидным резонам, культ Кутузова служит разрыву периодов. С момента его смерти русским читателям и историкам все становится неинтересно. Почти открыто постулируется, что конечная победа в Наполеоновских войнах была стране не нужна, и достигалась не в интересах самой России, а внешних сил.

Необходимо вернуться от этих фантазий на точку зрения современников, выраженную в царском манифесте от 1 января 1816 года *«О благополучном окончании войны с французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу, за оказанные в продолжение войны подвиги».* В нем все военные действия 1812–1814 гг., и даже периода «ста дней» 1815 года, рассматривались как одно целое [6]. Лишь в 1823 году для учетно-бюрократических целей последовали высочайший указ и приказ Генерального штаба *«О показании кампаний в формулярных списках».* Война 1812–1814 гг. была разделена на 6 кампаний: летнюю с 12 июня по 1 октября 1812 г., зимнюю с 1 октября 1812 года по 1 января 1813 г., весеннюю с 1 января 1813 г. до заключения Рейхенбахского перемирия, и т. д. [7]. Эти документы создали повод обособить Отечественную войну, искусственно выделив ее из непрерывно продолжавшихся военных действий (в канун 1813 года русские войска частью перешли на чужую территорию, а частью

наполеоновские вспомогательные корпуса продолжали находиться на российской земле).

Дальнейший разрыв периодов был обусловлен охлаждением отношений России с Европой из-за патерналистских ошибок императора Николая I и враждебными отношениями с Англией, возникшими в ходе Крымской войны. Достаточно сравнить оценки намерений Наполеона, высказанные в работах русских историков 1830–1850-х гг. издания с текстом «Войны «за независимость Германии» Богдановича, вышедшей в 1863 году. Акценты сместились: в начале 1-й главы выпячиваются отдельные высказывания Наполеона о возможности переговоров и мира с Россией, никогда не переходившие границ зондажа, и лишь потом излагается: *«На стороне Наполеона были почти все материальные выгоды; а на стороне императора Александра — только надежда на готовность Германии присоединиться к нему, да и то в случае успеха русских войск»* [8]. *«Без Александра не было бы войны 1813 г.»*, — заявлял Шильдер [9]. Грубее посыл к читателям от Орлова: *«Война 1813 г. за освобождение Германии является личным достоянием русского императора, принадлежит ему одному»*. И далее: *«Англия желала войны, ибо всегда в ее интересах сорвать континентальные державы»* [10]. Новый виток англофобии произошел в XX веке, с наложением на историю прокрустовой схемы якобински понимаемого марксизма. То же самое наблюдается ныне, в очередное похолодание отношений с Западом.

Созданный идеологическим вмешательством пробел пошел во вред освещению огромной роли России в окончательном ниспровержении Наполеона, — реакционера, подавившего французскую революцию и ставшего главным угнетателем Европы. Этот пробел позволяет преуменьшить вклад русского народа и государства в общеевропейское дело. Достаточно сказать, что по данным Урланиса военные потери России за 1813 год составили 76 % от военных потерь 1812 года; следовательно, страна продолжала воевать с большим напряжением. Русские потери в битвах при Дрездене и Лейпциге превышали потери Аустерлица, значительны были жертвы при Кацбахе, Кульме и Бауцене [11]. Французские же потери в 1813 году превысили урон 1812 года, чего без активного участия опытной русской армии быть не могло. Остаться с непомерно восхваляемым Кутузовым (который за рубежом гораздо менее интересен), но с серьезной недооценкой вклада России в мировую историю, — это проявление близорукого изоляционизма и ура-патриотизма.

Дальнейшие военные события, конечно, основывались не на операционном плане Кутузова от 30 ноября 1812 года. Этот план, последние распоряжения по которому последовали 10 (22) декабря за подписью Коновницына [12], отвергли за неадекватностью: *«Государь по прибытии своем изъявил намерение двинуть за границу армию»* [13]. Действия Чичагова и Витгенштейна начали разворачиваться более самостоятельно, а затем по доведенному до их сведения операционному плану Александра I — Волконского. Поначалу перемены привели командующих к нерешительности, чему отчасти был обязан Макдональд своим относительно благополучным отступлением из Курляндии. Среди генералов и офицеров, на плечах которых не лежал груз ответственности, обрывание фельдмаршальской шлейки, наоборот, произвело взрыв инициативы и некоторую анархию: *«Все хотели перейти границу, и множество отрядов под командой разных начальников и без общего руководства... наводнили эту часть Пруссии... Наконец, прибыл граф Витгенштейн и положил конец беспорядочным действиям»* [14]. Эффективность таких действий была низкой, но, если Александром ставилась цель показать пруссакам многочисленность и решимость русских войск, заставив колебаться короля Фридриха Вильгельма III, — она была достигнута.

Главная русская армия перешла через скованный льдом Неман 1 января 1813 года у Мереча, после торжественного молебна, отслуженного в присутствии императора Александра и цесаревича Константина. Против нового оборота военно-политических мыслей и дел Кутузов серьезных возражений не имел. В канун этого события он отписал супруге: *«Что касается до дел, то вот что можно сказать: видимостей нет, чтобы дела военные испортились, ибо все делается осторожно, что же касается до политических, то я, кажется, побожусь, что ничего еще такого не вздумали, чего бы не надобно было непременно»* [15].

Внимательное чтение документов показывает, что опасения у фельдмаршала все же были, но в другой плоскости. Он не исключал своей очередной опалы. Определенные надежды сохранить влияние Михаил Илларионович возлагал на К. Ф. Толя, упомянув его в письме к Е. И. Кутузовой от 23 декабря: *«Услышишь, что едет сюда Толь, не удивляйся этому — я сам этого хотел. Надобно все продумать. Ну, ежели со мной что сделается, так кто же будет?»* [16]. Боязнь опалы может быть ответом на вопрос, зачем он так мчался в Вильну, поставив свои интересы выше стратегии и страданий вверенной ему армии.

Кутузов мобилизует всех могущих быть ему полезными людей: вызывает к себе раненого под Чернишной Михайловского-Данилевского с намерением представить его государю, пытается сохранить влияние на военные суды через обязанного ему заступничеством Эртеля. Перед самым приездом царя он назначает его генерал-полицмейстером всех армий. Идея самодержцу не понравилась, — Эртеля из приказа вычеркнули, и военные суды подчинили Виленскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову, к которому благоволил Александр I [17].

11 (23) декабря, уловив решительный настрой прибывшего государя, Кутузов направляет Чичагову и Витгенштейну запоздалые предписания: *«Главнейший предмет теперь ваших действий должен состоять в том, чтобы сколь возможно не допустить Макдональда к соединению с главными неприятельскими силами, — сопровождая их осторожными просьбами: — не ввязываться в бой с гораздо превосходнейшим неприятелем»*. Затем появляется записка в адрес Чичагова: *«Ныне предпринимается общее действие на Пруссию»* [18]. 13 (25) декабря фельдмаршал приказывает быстрее двигаться вперед Платову, а Е. И. Кутузовой посылает письмо с намеком на возобновление больших военных действий: *«С помощью божиею скоро опять буду без постели и генералы опять будут греться у огня»*. На следующий день в переписке Кутузова появляется название «Кенигсберг». Перемена наступает и в отношении к ополчению: 15 (27) декабря он приказывает Тульскому ополчению выступить в Витебск [19].

По документам, опубликованным Н. Ф. Дубровиным, проясняется, что Александр I начал давать указания о приближении ратных дружин на запад еще 3—4 декабря, ссылаясь на ноябрьские предписания главкома о сборе ратников, отставших от команд. Но если Михаил Илларионович говорил только о скорейшей высылке беглецов в полки, то царь передвигает и сами полки [20]. Еще через две недели, ища пополнений для армии, император издает указ Правительствующему Сенату о приеме на военную службу всех желающих гражданских чиновников. Одновременно он предписывает сократить число людей в канцеляриях, *«чтобы самое только нужное количество чиновников оставлено было; а прочих всех или уволили от службы или бы согласили на определение в полки»* [21].

С середины декабря 1812 года Кутузов подписывает большое количество предписаний и распоряжений. Заметно меняется их тональность и они приближаются к полному кругу обязанностей глав-

нокомандующего, установленному «Учреждением для управления Большой Действующей Армии». Наконец-то в обилии появляются документы о раненых и госпиталях, об инженерном оборудовании тыла, дорог и мостов. В переписку вкрапляются письма с самовосхвалениями: *«22 августа застал я армию, скрывавшуюся от неприятеля, а 6 декабря неприятель с бедными остатками бежал за границу нашу. Разумейте языци и покоряйтесь, яко с нами Бог»*. Во-первых, не 22, а 17 августа, и не бегущую от противника, а окапывавшуюся на поле при Царевом-Займище; во-вторых, пределы России еще не были очищены от неприятельских войск, когда писались процитированные строки. Заметна ревность Кутузова к Витгенштейну, взявшему Кенигсберг: *«Один авангард Витхенштейнов подошел, и Макдональд все бросил и бежал. Все это следствие щастливых действий Главной армии»* [22].

21 декабря (2 января) фельдмаршалом был отдан приказ по армии, озаглавленный впоследствии «в связи с окончанием Отечественной войны», а на самом деле провозглашавший продолжение кампании: *«Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля в собственных полях его»*. Риторика приказа похожа на царские манифесты; скорее всего, текст был составлен при П. М. Волконском и одобрен Александром I, который решил, что никому иному, как Кутузову прилично подписать его [23]. Себе же царь оставил возможность переговоров, — в последовавшем высочайшем манифесте от 25 декабря нет ни слова о продолжении войны, и сказано только: *«Да продлит (Бог) милость свою над нами и прекратя брани и битвы, ниспошлет к нам побед победу желанный мир и тишину»* [24]. В глубине души Михаил Илларионович наступательные действия по-прежнему не одобряет, это изредка прорывается у него на людях. *«Самое легкое дело, — сказал он однажды с негодованием, — идти теперь на Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови»* [25].

Было бы интересно провести стилистическую и лингвистическую экспертизу документов последнего периода жизни и деятельности Кутузова. Его язык своеобразен, изобилуя разговорными словами и словосочетаниями, смягчающими и размывающими смысл: «так сказать», «надобно сказать», «ежели бы», «должно бы», «сколь возможно» и пр. попадавшими при диктовке на бумагу. Язык Александра I и стандарты в документальном общении, которые задавал Волконский, — совсем другие. Их риторика плавна, определена, и если

дело касалось какого-то конкретного вопроса, — содержит ссылки. А Михаил Илларионович часто излагал не четкие повеления, факты и ссылки на документы, а свои предположения. Его стиль не вполне штабной, вкрадчивый, туманный, и лишь в том, что касалось нижних чинов — жесткий и волевой. Анализ помог бы установить, в какой мере Кутузов утратил, и возвратил ли, свое влияние.

Продолжаются попытки утверждать, будто *«замена начальника штаба не оставила каких-либо следов ни в делопроизводстве штаба Кутузова, ни в формулярах исходящих бумаг главнокомандующего, ни в способе выражения мыслей, ни даже в литературном слоге этих документов, поскольку «производство» документов находилось в руках тех же сотрудников М. И. Кутузова, что и до назначения П. М. Волконского»* [26]. Непредубежденный взгляд показывает, что это не так; разница слога была тем больше, чем важнее документ. Ярким примером является политическое воззвание к жителям Пруссии, о котором Михайловский-Данилевский сообщил: *«Фельдмаршал немедленно издал следующее печатное на французском и немецком языках объявление, важное по своему содержанию, как заключающее в себе дальнейшие намерения императора Александра, драгоценное потому, что черновое написано собственною рукою монарха»* [27, 28]. Очевидное бесстыдство, — не мог Кутузов изменить ни одного слова, вышедшего из-под царской руки. Письмо, которым Александр I препроводил главнокомандующему готовую *«прокламацию, которую нахожу нужным, чтоб издана была от имени вашего»*, опубликовал Н. Ф. Дубровин [29]. Итак, несмотря на подпись под воззванием «князь Кутузов-Смоленский», споры об авторстве излишни.

То же самое касается упомянутых приказа по армиям от 21 декабря и предписания Витгенштейну объяснить причины прорыва Макдональда. Посланного к Витгенштейну полковника Ф. Я. Эйхена, обязанного докладом не только фельдмаршалу, но лично царю, никак нельзя назвать человеком Кутузова. Место Коновницына занял полковник императорской свиты по квартирмейстерской части Н. И. Селявин, и вновь состоялось предписанное законом разделение полномочий по должностям начальника Главного штаба и дежурного генерала. Кадровые перестановки были заметны. Другое дело, что младшие офицеры-делопроизводители остались на своих местах, и повседневные организационно-распорядительные и хозяйственные документы армии перемены почти не обнаруживают. Тут перемены надо искать не в слоге, а в круге решаемых проблем. Как

отозвался Щербинин: «В обращении с нами нового начальника Главного штаба князя Петра Михайловича Волконского, мы нашли полное возна-граждение. Впрочем, тот же Карл Федорович... оставался посредником между нами и начальником штаба» [30].

В общем, потуги доказать, будто с прибытием в действующую армию императора Александра I и переменами в руководстве Главного штаба Кутузов не потерял в объеме своей власти, не блещет основательностью доводов. С этой целью множественные дореволюционные источники выставляются как «некоторые», высказывания высокопоставленных очевидцев вроде Ермолова объявляются «неосторожными», и неправильно интерпретируются прочие данные. Так, К. Б. Жучков на основании «анализа формуляров исходящих документов главнокомандующего» умудрился высчитать «долю самостоятельности Кутузова в руководстве военными действиями», которая «в целом составляла 90,8 %». По его мнению, «в период с 19 ноября 1812 года по 28 февраля 1813 года 9 из 10... решений принимались лично М. И. Кутузовым, и только 1 из 10 принималось им же со ссылкой на волю императора» [31].

Что сказать? Псевдонаука и только. Во-первых, на каком основании началом периода избрано 19 ноября, когда царь приехал в Вильну к вечеру 10 (22) декабря, и по эту дату продолжалась нераздельная военная власть Кутузова? Во-вторых, кто удостоверит, что если в документе нет отсылки на волю императора, он не прошел перед глазами Александра I и П. М. Волконского, прежде чем быть представленным на подпись Михаилу Илларионовичу? И попробовал бы он не подписать! О таком основополагающем акте, как «Учреждение для управления Большой Действующей Армии», определяющем права и обязанности главнокомандующего в отсутствие и в присутствии государя (от которого как черт от ладана прячутся современные историки), приходится упомянуть снова.

Тот же Жучков приводит гораздо более интересные данные, а именно сводную таблицу «Расквартирования главных квартир императора и главнокомандующего с 27 декабря 1812 года по 27 февраля 1813 года» [32]. По его мнению, из того факта, что квартиры главнокомандующего и императора в ряде случаев располагались в разных географических пунктах, следует самостоятельность Кутузова. Увы, это не так. Взгляд на таблицу сразу открывает, что вопросы стратегии и оперативного руководства войсками были изъяты из сферы влияния Михаила Илларионовича, с оставлением ему руководства дея-

тельностью по снабжению армии всем необходимым, поддержанию порядка и обеспечению тыла.

В период с 27 декабря 1812 года по 7 января 1813 года император и главнокомандующий располагаются в одних и тех же пунктах. Затем начинается опережающее движение императора и запаздывающее движение Кутузова. С 7 по 10 января императорская квартира продвигается по маршруту Лык-Калиново-Дригален, а кутузовская остается в Лыке, и лишь 11 января он догоняет императора в Иоганнесбурге. Далее император уходит по маршруту Фридериксдорф-Вилленберг, а Кутузов только 15 января догоняет его в Вилленберге. То же самое происходит с движением к Млаве и Клодаве. В последний из названных пунктов Александр I прибыл 3 февраля, а Михаил Илларионович — 4-го, после 10-дневного стояния в Плоцке. Император всероссийский явно не без армии по странам немецким и польским гулял. Следовательно, оперативный штаб, который всегда движется с основной массой войск, был не при фельдмаршальской, а при царской квартире.

По свидетельству Михайловского-Данилевского, император Александр стремился быть во главе и на виду у всех: *«Государь был всегда верхом, одетый щеголем; удовольствие не сходило с прекрасного лица его»*. В главной квартире историк *«нашел великую перемену против того, что было в Тарутине... увидел также множество новых лиц... все было в величайшей деятельности, писали и составляли планы будущим военным действиям, но особенное внимание обращено было на формирование запасных войск и на союз с Пруссией и Австрией»*. Что же касается объема военной и политической власти Кутузова, говорится: *«Влияние его отчасти и ограничивалось присутствием государя и он не имел, как в отечественную войну, диктаторской власти, но без воли его ни к чему не приступали»*. И это пишет человек, построивший карьеру на возвеличивании Михаила Илларионовича! Твердой истины видно лишь то, что объем власти фельдмаршала сократился, а круг вопросов, который сообщали или не сообщали ему для одобрения, историк знать не мог. На зарубежной земле исчезла гражданская власть Кутузова, и его влияние уменьшалось тем, что *«его не любили за его лукавство. Приметно было также, что были недовольны неохотою его подаваться вперед с армией»* [33].

При литературной обработке своего журнала в «Записки о 1813 году» Михайловский-Данилевский еще более смягчил оценки и убрал из текста все, что напоминало об ограничении власти Михаила Ил-

ларионовича. Не стало ни «новых лиц», ни «неимения диктаторской власти», ни «лукавства». Осталось только: «*Мы настигли около Плоцка главную квартиру, которая, по причине присутствия в ней Государа и счастливого оборота войны, являлась в блестящем и совсем ином виде, нежели в Леташевке... В Плоцке занимались с величайшей деятельностью приготовлениями к новому походу*» [34]. А в еще глубже отредактированном «Описании войны 1813 года» нет и этого. Без знакомства с первоначальными наблюдениями автора действительно может показаться, будто изменения носили характер чисто декоративный. Ко времени издания «Записок» и «Описания» упокоился в земле император Александр I. При дворе его преемника Николая I культ Кутузова стал более востребован, чем верность Александру, по своей мягкости подвергнувшего угрозе стабильность империи (так стало считаться во времена Николая). Уж в чем, а в реформаторстве и либерализме Михаила Илларионовича упрекнуть было нельзя. Крупный помещик, придворный вельможа, рьяный монархист и патерналист, — все это импонировало возобладавшему реакционному течению.

Для сравнения, Щербинин в своем «Военном журнале 1813 года» кратко упоминает Кутузова только однажды в связи с его болезнью в Бунцлау. Зато князь Волконский упоминается больше десятка раз, всегда в связи с исполнением руководящих обязанностей, и удоставляется строк: «*Находясь лично при князе Петре Михайловиче, я имел случай увериться в великих способностях его. Счастливая память, сопряженная с неутомимою, можно сказать, беспримерною деятельностью, способствовали ему к скорому обозрению дел. Важную должность свою исполнял он с большим успехом. Много обязаны ему должно быть за усовершенствование внутреннего порядка армии*» [35]. Не странно ли, как после выдающегося полководца Кутузова пришлось совершенствовать порядок в армии? Не соответствуют тезису о сохранении влияния и власти фельдмаршала большинство других признаков. Хотя император продолжал личное общение с Кутузовым, вызывая его к себе и обедая с ним, сам приезжал на квартиру главнокомандующего, по несколько скандальному признанию Михайловского-Данилевского «*часто заставая не одетым старца, увенчанного лаврами, занимался с ним делами в его кабинете*» [36], но ничего подобного не наблюдается с семьей Михаила Илларионовича.

Камер-фурьерский церемониальный журнал не выдает присутствия супруги — статс-дамы и фрейлин — дочерей полководца при Елизавете Алексеевне. Императрицей принимаются такие оппонен-

ты фельдмаршала как М. Б. Барклай де Толли и А. А. Закревский. Принят П. П. Коновницын, которого нельзя считать человеком Кутузова из-за критики оставления Москвы и Малоярославца. Когда в Петербург привозят ключи от Варшавы, указывается, что они присланы императором, и лишь как часть церемонии в Казанском соборе зачитывается донесение Кутузова о взятии Варшавы и Пиллау. По поводу победы над саксонцами под Калишем зачитывают донесение Винценгероде, а к императрице допускается его супруга. Была у нее и жена Беннигсена. По взятии Берлина читается донесение «о занятии российскими войсками под командованием генерал-адъютанта Чернышева города Берлина». Лишь в мартовские дни поминовения императора Павла Петровича «благодарила статс-дама княгиня Кутузова-Смоленская за пожалование внучку ея графиню Тизенгаузен во фрейлины». О взятии Гамбурга озвучивают донесение Кутузова, но о его дамах в журнале опять ни духу. За Дрезден — снова чествуется Винценгероде. За Люнебург — Чернышев и так вплоть до похорон фельдмаршала, когда его вдова была удостоена царственным посещением [37]. Не такая картина наблюдалась во времена фавор Михаила Илларионовича, когда его дамы регулярно упоминались в журнале, и это заставляет думать, что с ним обращаются скорее как с нужной для царской власти мифологической персоной, нежели как с реальным фаворитом.

Высочайшим указом от 20 марта 1813 года права главнокомандующего Большой действующей армией, нераздельно принадлежавшие Кутузову, были даны командующему резервной армией Д. И. Лобанову-Ростовскому «за исключением только наград всякого рода и влияния на гражданскую часть, так как губернии, где армия резервная располагается, состоят уже в военном положении и подчинены... Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» [38]. Думается, Михаил Илларионович никогда не ходатайствовал бы о предоставлении таких прав Лобанову-Ростовскому. Тем более он не возвратил бы на должность командующего 3-й Западной армией Баркляя де Толли, да еще с той же формулировкой «со всеми правами и преимуществами, предоставленными в Учреждении о большой действующей армии» [39].

В советском сборнике документов и материалов Кутузова документы о его участии в походе за границы России в большинстве своем содержатся в V томе, в разделе «Наступление русской армии в Пруссии и Польше». Открываются они тем, что 17 (29) декабря, в распоряжении о действиях отряда генерал-майора С. Н. Ланского,

фельдмаршал сообщает Чичагову об «*общем движении армии в герцогство Варшавское*». В тот же день инструкцию Торماسову «*на случай движения главной армии в герцогство Варшавское*» отправляет Коновницын. На следующий день дежурный генерал 1-й армии, флигель-адъютант П. А. Кикин передает великому князю Константину Павловичу распоряжение о выступлении к границе подчиненных ему войск за исключением гвардии. Вероятно, тот же Кикин 19 (31) декабря от имени главнокомандующего распоряжается о выступлении войск Главной армии Торماسова к границе по ранее данным маршрутам [40]. При разном авторстве документов их заголовки продолжают пестреть словосочетаниями «приказание М. И. Кутузова», «предписание М. И. Кутузова», но непосредственно отдавшие распоряжения должностные лица (Кутузов, Кикин, Коновницын, Волконский) ссылаются в них как на волю главнокомандующего, так и на волю императора. Все 64 декабрьские документа в указанном разделе распределяются так (звездочкой обозначены неоспоримо относящиеся к языку и воле Михаила Илларионовича тексты):

1*. Вышеупомянутое письмо Чичагову, подписанное «Генерал-фельдмаршал князь Смоленский».

2. Предписание Торماسову, подписанное Коновницыным с приложением большого штабного документа (маршрутов) авторство и написание которого Кутузовым исключено.

3. Приказание великому князю Константину Павловичу за подписью Кикина и ссылкой на повеление его светлости князя Голенищева-Кутузова-Смоленского.

4*. Черновик предписания В. С. Ланскому об организации заготовки продовольствия для войск. Авторство Михаила Илларионовича угадывается по словам «*елико можно, без малейшей, впрочем, огласки*», «*по всей возможности*», «*необходимо нужно*».

5. Приказание генералу И. В. Васильчикову о содействии миссии И. О. Анштетта к фельдмаршалу К. Ф. Шварценбергу с формулировкой: «*По высочайшей воле государя*», без подписи.

6. Полномочия Анштетту, подписанные Кутузовым, но со ссылкой на «*Его императорское величество*».

7. Секретная инструкция Анштетту, подписанная Кутузовым, со ссылкой на устные приказания царя (как следует из комплекта документов по данному вопросу).

8. Документ, не относящийся к Кутузову (конвенция на Пошерунской мельнице).

9. Приказание Тормасову о выступлении к границе по ранее данным маршрутам, без подписи. Составлял его не Кутузов, что видно по фразе: *«Честь имею донести вашему высокопревосходительству»*.

10*. Предписание Ланскому об оставлении в Вязьме для нужд населения продовольствия. Без подписи, но авторство Кутузова угадывается по слогу.

11. Приказ о назначении генерал-майора Е. Х. Ферстера начальником инженеров и о формировании в Орле легионов из военнопленных за подписью Кутузова со ссылкой: *«Его императорское величество высочайше повелеть соизволил»*.

12. Рапорт Чичагова о благожелательном отношении к русским войскам населения Пруссии.

13. Приказание Ф. В. Остен-Сакену о сосредоточении его корпуса к Гранно, без подписи, со ссылкой на повеление Кутузова.

14. Приказание Остен-Сакену об установлении дружественных связей с населением Варшавского герцогства, без подписи, со ссылкой на повеление Кутузова.

15. Приказ великому князю Константину Павловичу о выступлении гвардии из Вильны, без подписи, со ссылкой на повеление Кутузова.

16. Приказ генерал-майору Н. Ф. Титову без подписи, со ссылкой: *«Его величество высочайше указать соизволил»*.

17. Приказание Тормасову о направлении полков Н. Ю. Урусова к Чечерску, за подписью «генерал-адъютант Коновницын» и отсылкой *«высочайше повелено»*. Тем не менее, в сборнике документ именуется приказанием Кутузова.

18. Письмо Кутузова к Чичагову об установлении местонахождения французской осадной артиллерии, за его подписью, его же диктовке принадлежащее, но со ссылкой: *«Государю императору весьма желательно иметь о том достоверное известие»*.

19*. Письмо Кутузова Литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову с просьбой принять на временное хранение обозы запасных батальонов, его несомненного авторства.

20*. Предписание Кутузова Ланскому о заготовке леса для устройства переправ через Неман, его авторства.

21. Приказание великому князю Константину Павловичу об организации ухода за больными и ранеными солдатами гвардейских полков без подписи, со ссылкой на волю генерал-фельдмаршала.

22*. Письмо Кутузова Чичагову о способах пресечения отхода Макдональду, такое неопределенное, что составители сборника не реши-

лись назвать его приказом. Авторство Михаила Илларионовича несомненно: *«Скажу вам одно только из моих мнений, что ежели больших сил нет в Кенигсберхе»*. Чичагов на Березине досыта наелся таких «мнений».

23. Приказание М. А. Милорадовичу об отправке конноартиллерийской роты Никитина за подписью: *«Генерал-адъютант Коновницын»* и ссылкой на приказание Кутузова.

24. Предписание Остен-Сакену остановиться на Буге при Гранно, без подписи, со ссылкой на его светлость.

25. Предписание Винценгероде о поручении ему командования главным авангардом армии. Без подписи, без ссылок на чью-либо волю.

26. Письмо Кутузова к Чичагову о назначениях П. К. Эссена 3-го и Д. М. Волконского. Подписано «князь Смоленский», но Д. М. Волконский пишет, что место ему дал царь: *«21-го получил я от дежурного генерала, что высочайше пожалован мне в команду корпус бывшей генерал-лейтенанта Эссена 3-го»* [41].

27. Предписание генерал-лейтенанту К. И. Опперману без подписи о восстановлении крепости Борисов.

28. Приказание Торماسову принять меры к улучшению положения больных солдат. Без подписи, со ссылкой на волю его светлости.

29. Предписание Ланскому об улучшении устройства госпиталей и хранения продовольственных запасов. Без подписи.

30. Предписание Римскому-Корсакову отправить в Орел пленных офицеров, желающих вступить в формируемые иностранные легионы. Без подписи, со ссылкой: *«Государь император высочайше указать соизволил»*.

31. Приказание Коновницына генерал-майору Н. Ю. Урусову об отправке резервных войск в Новую Белицу, со ссылкой на волю генерал-фельдмаршала.

32*. Предписание об оказании поддержки командированному с особым поручением за границу подполковнику А. С. Фигнеру. Подписано генерал-фельдмаршалом Смоленским.

33*. Письмо Римскому-Корсакову об устройстве путевых продовольственных магазинов. Подписано князем Смоленским и по слогу его авторства.

34*. Обращение Кутузова к местным властям и населению Польши.

35. Рапорт Чичагова о дружелюбии населения Пруссии.

36. Выписка из журнала военных действий с 23 по 28 декабря 1812 года.

- 37*. Рапорт Кутузова Александру I о занятии Кенигсберга.
- 38*. Предписание Витгенштейну об установлении порядка в Кенигсберге. Подписано: «Фельдмаршал князь Смоленский».
39. Объявление Кенигсбергского магистрата.
- 40*. Предписание Витгенштейну о согласовании его действий с Чичаговым. Подписано генералом-фельдмаршалом князем Смоленским.
41. Приказание Чичагову о преследовании противника до реки Вислы. Подписано Кутузовым, но имеет ссылку на общий план Александра I и П. М. Волконского.
42. Приказание Милорадовичу о сближении войск авангарда к местечку Гониондз. Без подписи, со ссылкой на волю его светлости.
43. Приказание Остен-Сакену об остановке на Буге при Гранно. Без подписи, со ссылкой на волю его светлости.
- 44*. Предписание Васильчикову о присоединении к авангарду Милорадовича. Без подписи, но по слогу — диктовка Кутузова.
- 45*. Письмо М. И. Кутузова супруге.
- 46*. Приказ по армиям о порядке получения продовольствия и фуража. Подписан князем Смоленским.
- 47*. Рапорт Александру I о занятии Кенигсберга (ср. с № 37). Подписал князь Смоленский.
48. Инструкция генерал-лейтенанту С. М. Долгорукому о переговорах с генералом Йорком, подписана: «Генерал-фельдмаршал князь Кутузов». Однако, из следующего документа выясняется, что Долгорукий исполняет поручение *«по высочайшему повелению»*.
49. Приказание Тормасову без подписи со ссылкой на волю его светлости.
- 50*. Письмо Кутузова к Римскому-Корсакову об уничтожении построенных противником в Ковно укреплений.
51. Рапорт Кутузова Александру I о выдаче генералу Йорку 60 тыс. талеров со ссылкой: *«Во исполнение вашего высочайшего императорского величества повеления»*.
- 52*. Письмо Кутузова министру финансов Д. А. Гурьеву о недостатке в армии золотой и серебряной монеты.
- 53*. Предписание генерал-лейтенанту Е. Ф. Канкрину о заготовке продовольствия по пути следования войск. Подписано: «Генерал-фельдмаршал».
- 54*. Приказ о полушубках. Подписал князь Кутузов-Смоленский.

55. Приказание великому князю Константину Павловичу о выступлении 3-го пехотного корпуса к деревне Кибише. Подписал генерал-адъютант князь Волконский со ссылкой на волю Кутузова.

56. Приказание Д. С. Дохтурову о подчинении ему 6-го и 8-го пехотных корпусов. Без подписи, со ссылкой на волю генерал-фельдмаршала. Прилагаемые диспозиция и таблица движения армии подписаны П. М. Волконским. Вопросы о командовании корпусами, насколько нам известно, решал лично Александр I.

57*. Письмо Волынскому гражданскому губернатору. Без подписи. По тексту — смесь слога Кутузова с новым, установленным П. М. Волконским штабным стандартом со ссылками на номера конкретных документов (мог внести в текст офицер-исполнитель).

58*. Письмо генералу от инфантерии Д. И. Лобанову-Ростовскому о дополнительном расформировании части пехотных полков. Подписал князь Кутузов-Смоленский.

59*. Предписание Канкрину об обеспечении госпиталей. Без подписи. Предположительно диктовка Кутузова.

60. Выписка из журнала военных действий с 29 по 31 декабря.

61. Предписание Остен-Сакену о действии на отступающего Шварценберга. Подпись Кутузова, но ссылка на генеральную диспозицию П. М. Волконского.

62. Аналогичное предписание Милорадовичу.

63. Предписание генерал-майору Н. Ю. Урусову ускорить свое прибытие в Белицу за подписью П. М. Волконского со ссылкой на волю его светлости.

64. Приказание Ермолову об осмотре брошенных в Пруссии артиллерийских орудий. Без подписи, со ссылкой на волю его светлости главнокомандующего [42].

Из приведенного не получается «доля самостоятельности» Кутузова в принятии решений 90 %, а выходит что-то около 40 %, если можно так измерять. Если привлечь в выборку материалы, опубликованные в конце 2-й части 4-го тома сборника и пропущенные документы, — видны существенные перемены в штабе и управлении армией. Несомненные распоряжения Михаила Илларионовича касаются не боевых, а маршевых и тыловых аспектов деятельности войск, их связей с населением. Он, конечно, интересуется боевым руководством, но вместо отдачи самостоятельных приказов скорее просит, чем приказывает. В январе 1813 года картина документов почти такая же, за исключением третьей декады, когда Кутузов предпринимает

попытки вернуть себе влияние. Можно только улыбнуться «логике» К. Б. Жучкова, введенного в заблуждение броскими заголовками документов от Л. Г. Бескровного, и «критике» Н. А. Троицкого, будто *«руководство войсками, координация действий трех армий и обеспечение их всем необходимым отнимали у Кутузова много времени и сил»*. Ну, разве что он *«подписывал распоряжения о заготовке продовольствия и фуража... об организации полковых аптек, о закупке сукна на обмундирование, о доставке из Вильны в Калиш сапог для воинов, об устройстве бань»*. Вот фельдмаршал и *«успевал волочиться за нежным полом, привязывая ленты у башмаков прекрасной 16-летней польки Маячевской»* [43, 44].

Согласно последовавшим 28 января 1813 года по высочайшему соизволению указаниям Волконского о перестройке управления армиями (конечно же, названным в сборнике документов «приказаниями М. И. Кутузова»), русские корпуса, разошедшиеся в разные точки по стране, были исключены из заведывания дежурства 1-й армии с предоставлением им прав отдельных корпусов. Соответственно, они вышли из прямого подчинения фельдмаршалу, под управлением штаба которого остались войска Торماسова и вагенбург [45]. На деле за Михаилом Илларионовичем сохранились только административно-хозяйственные полномочия, поскольку с непосредственным командованием войсками Тормасов справлялся и сам. Фельдмаршалу осталось искать упрочения пошатнувшегося положения в политической сфере (отношения с союзниками и пр.), где он его и нашел.

Промежуточный итог опыту войны 1812 года и преобразованиям П. М. Волконского подвел Р. Т. Вильсон: *«Русские переименовали своих драгун в конные егеря, вооружив их карабинами... распоряжение весьма полезное. Их егеря много наносят вреда в деле. Пехота их требует мало улучшения; артиллерия их превосходнейшая в мире, многочисленна и деятельна. Комиссариат у них теперь не может быть опорочен. Медицинская часть много исправлена. Прошедшая кампания дает вам самое лучшее понятие о их генеральном штабе. Россия всегда будет могущественная держава со стороны военных успехов»* [46].

Наступающая армия после всех понесенных утрат была невелика. Численность русских войск по сводной ведомости от 23 января 1813 года составляла 138318 человек при 645 орудиях, из которых только 186 батарейных, пригодных для осады крепостей, — образу действий необходимому, чтобы прикончить врага в его логове. Прилагались недюжинные усилия к пополнению армии за счет резервных частей,

присоединения к ней отставших и выздоровевших, а главное, — за счет народного ополчения, которое так мало использовал Кутузов. Соединения ополчения, готовившиеся перейти границу, насчитывали 65 тыс. ратников [47] (без дополнительно выставленных дружин Петербургского, Псковского, Новгородского ополчений, использовавшихся в армии Витгенштейна). В Пруссию перебрасывался 9-тыс. русско-германский легион, созданный из немецких военнопленных. По планам русского командования он должен был стать средоточием враждебных французам элементов в Германии.

Замысел операционного плана Александра I — П. М. Волконского исходил из идеи одновременного нанесения ударов на трех направлениях: Главная русская армия двигалась к Варшаве, П. В. Чичагов на важную крепость Торн (Торунь), а П. Х. Витгенштейн — на Кенигсберг и Данциг (Гданьск). По всему широкому фронту русские войска должны были выйти на линию Вислы, а М. И. Платову предписывалось тревожить врага вплоть до Одера. На блокаду Данцига, где со значительным гарнизоном засел неуступчивый французский генерал Ж. Рапп, был направлен корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Левиза. Отряд генерал-майора К. К. Сиверса отвлекался для овладения Пиллау. С. Л. Рагт осаждал Замостье, И. Ф. Паскевич — Модлин, Ф. В. Остен-Сакен — Ченстохов. Такое разделение сил могло быть компенсировано только взаимодействием и скоростью продвижения, — нельзя было дать наполеоновским войскам отомобилизоваться. Во всяком случае, надо было успеть занять оборону по Висле. В случае успеха предполагалось продолжать наступление, выйдя на линию Штеттин (Щецин) — Бреслау (Бреславль) по Одере, полностью заняв Восточную Померанию, герцогство Варшавское, и уничтожив квартиру Мюрата в Познани. Тем самым оказывался в пределах русских действий Берлин. Далее, при содействии прусских войск, планировалось двигаться вглубь Германии к Эльбе.

План был похож на ту наступательную стратегию, которую применил в 1810 году на Дунае Н. М. Каменский 2-й. Осторожный и медлительный Кутузов не мог быть его соавтором. Еще недавно, в отвергнутом царем операционном плане от 30 ноября, он нарисовал скромную линию продвижения: Гумбиннен, Алленштайн, Венгров. На угрожаемое из-за неясной позиции австрийцев Варшавское направление Михаил Илларионович направлял армию Чичагова, оставляя себе максимально прикрытую дислокацию в центре, позади вынесенных вперед флангов операционной линии. Царь решительно

оборвал эти хитрости, направив на Варшаву Главную армию и, вопреки конструкции сдержек, которую создавал фельдмаршал, подчинил не Витгенштейна Чичагову, а Чичагова Витгенштейну. И правильно сделал. А. С. Фигнер, выполняющий разведывательную миссию в Данциге, докладывал: *«Не могу молчать о удивительной доверенности здешних жителей к графу Витгенштейну и странной недоверчивости к адмиралу, не токмо жителей вообще, но даже вспомоществующие мне поражены унынием чрез оставление графом начальства»* [48].

По документам Кутузова видно, — он избегает говорить о нелюбезном ему плане, но не возражает: *«Не знаем, когда будем в Варшаве, а ежели будем, то не остановимся, и тебе, мой друг, никак приехать будет не можно»*. Его скепсис выражается в деталях: в направленном в адрес Чичагова мнении о невозможности осады Данцига, в совете Платову не двигаться к Одеру, а *«подать вид»* такого движения [49]. Михаил Илларионович очень беспокоится о широкой и вынесенной вперед операционной линии. Компьютерный поиск по оцифрованному изданию V тома документов и материалов Кутузова показывает 12 упоминаний операционной линии, но лишь одно — операционного плана. Оно последовало 5 (17) февраля, касаясь попытки еще больше ускорить операции, предпринятой Александром I в период с 1 по 4 февраля, на пути из Плоцка в Коло [50]. Михаил Илларионович сообщает новый царский план Витгенштейну, но тут же дезавуирует инструкцию о наступлении на Ландсберг своими указаниями на *«некоторые обстоятельства»*, которые *«воспевают еще теперь открыто быть с ним в связи»* (с прусским корпусом фон Бюлова, назначенном в помощь Витгенштейну). Месяц тому назад фельдмаршал делал вид, что разделяет надежды на скорое присоединение к русской армии прусских войск, а тут без малого бунтует [51]!

Видно, что Кутузов действует с политической стороны, по своему знанию пруссаков из близкой работы с чиновниками Г.-Я. Ауэрсвальда [52], и Александр I с П. М. Волконским соглашаются с обстоятельствами, делающими невозможной активную помощь со стороны прусской армии. Зондаж, как далеко могут зайти без воли своего короля прусские генералы, выявил, что командующий значительным корпусом фон Бюлов не готов последовать примеру Йорка. Он дал лишь устные заверения о добрых намерениях вступившему с ним в переговоры Чернышеву. Йорк тоже исчерпал пределы своих инициатив, колеблясь, кем он станет для своего короля: фаворитом или изменником. *«Отзывы Йорка и Бюлова побудили государя отло-*

жить принятое в Колло намерение идти немедленно в середину Германии. Вместо этого император приказал стать Главной армии на кантонир-квартирах около Калиша, в ожидании объявления войны прусского кабинета французам и положительного ответа из Вены» [53]. С этого момента начинается возврат Кутузова к участию в планировании военных операций, связанный с тем, что Александр посчитал полезным снова привлечь на службу его дипломатические и политические способности.

Благоприятные для Михаила Илларионовича условия возникли с прибытием 13 (25) января 1813 года прусского короля из Берлина в Бреславль (Вроцлав), значительно ближе к русской главной квартире. Активизировались русско-пруссские переговоры, а одним из ключевых вопросов для обедневшей Пруссии было создание пеших и конных дружин вольных егерей (ополченцев). В этой области деятельности Кутузов мог оказать содействие набирающему военно-политический вес генералу Г. И.-Д. Шарнхорсту. Создание крупных сил антифранцузски настроенного прусского ополчения более чем устраивало Александра I. Под эгидой русских военных властей оно уже набиралось в Восточной Пруссии «по предложению генерала Йорка», что вызвало у представителей прусского двора (фон Кнезбек) опасения, что русское правительство «стремилось к приобретению Восточной Пруссии» [54]. Для развенчания подобных страхов вкрадчивый дипломат Кутузов был более чем полезен. Куратор прусских генералов Шарнхорста и Йорка по мобилизационным вопросам, игрок с фон Бюловым, успокоитель и нейтрализатор недружественных представителей прусского королевского двора, — вот его новое поприще.

Первым документом, выдающим желание Михаила Илларионовича вернуть себе утраченное влияние в военной сфере является его предписание Витгенштейну от 21 января 1813 года о блокаде крепости Данциг с оценкой общей обстановки на театре военных действий. Начинается оно словами: «Государь император совершенно опробует мнение ваше», переходит к фразам, намекающим, что Кутузову доверены политические маневры вокруг корпуса генерала Йорка, затем излагает движения Главной армии в таком виде, будто фельдмаршал возобновил самостоятельное командование ею. Далее следуют вкрадчивые советы Витгенштейну и просьбы не оставлять опального главкома без прямых уведомлений. В заключение употреблены слова, из которых понятно, что фельдмаршал не посвящен в детали операционного плана и разведывательную информацию, но хочет возобновить свое уча-

стие в них: *«Трудно в нынешних обстоятельствах сделать какое-нибудь основательное положение плана... Все сие еще в такой темноте, что я как вы из моего сего повеления видите, ничего не предписываю категорически... частые ваши со мною сношения дадут нам потребное согласие во взаимных движениях наших»* [55]. Попытка выглядит робко, но проходят еще две недели, и происходит первое серьезное вмешательство Кутузова в спланированные без него операции.

Развивается эта интрига на том фоне, что опасения фельдмаршала не оправдались, подтвердив правоту Александра I и П. М. Волконского в обоих смыслах: военном (операции развивались хорошо) и политическом — добиться привлечения на свою сторону Пруссии и Австрии без серьезного военного нажима оказалось невозможно. Прусский король торговался одновременно с Александром и Бонапартом. Он отрешил от командования генералов Йорка и Массенбаха, повелев предать первого из них военному суду. Королевская воля не была исполнена ввиду русской обструкции, дополнявшейся мощной оппозицией прусского генералитета и офицерства. Король предложил Наполеону выставить против России вспомогательный корпус сильнее прежнего, но за французский счет. Он уведомил французов о начале переговоров с царем, обусловив их необходимостью нейтралитета Силезии (это было Бонапарту выгодно, так как сужало русское операционное пространство, позволяя сосредоточить силы у Берлина). Одновременно Фридрих-Вильгельм III тайно предлагал Александру оборонительный и наступательный союз, с серьезными оговорками и требованиями на случай, если его государство будет принуждено вести войну с Наполеоном, и просил продолжать движение русских войск за Вислу и Одер.

Двурушничество было налицо. Если бы русская армия оказалась неспособна наступать, а Наполеон удовлетворил часть прусских просьб, никакого союза не было бы. Но Бонапарт не дал Фридриху-Вильгельму просимых 94 млн франков и отказался заменить французские гарнизоны в Данциге, Штеттине, Кюстрине и Глогау на прусские войска, продолжая болезненно давить на прусские национальные чувства. С другой стороны Александр I согласился на все предложения Пруссии, гарантировав восстановление ее суверенитета, а русские армии продолжали движение. В ожидании, куда склонится чаша весов войны, король как можно быстрее собирал силы, приступив по совету копирующего русский опыт Шарнхорста к созданию ополчений [56].

Еще меньше можно было надеяться на содействие Австрии. В отличие от Пруссии, она сохранила и вовремя умножила свою армию. Венский кабинет выжидал, находясь в выгодном положении, помня о потерях, нанесенных стране и ее национальной гордости французским императором, и в то же время *«соблюдал безукоризненно условия союзного договора, заключенного с Наполеоном»*. К тому же, между австрийским домом и Наполеоном возникли родственные связи через Марию-Луизу Австрийскую. Поэтому Австрия предпочитала позицию посредничества между воюющими государствами. Австрияки имели хорошую агентуру во Франции: *«По мере успехов вооружения Наполеона, виды австрийского правительства в отношении к России содейвались более и более сомнительны»*. В венских кругах распространялась идея, аналогичная той, которую высказывал Кутузов: использовать ослабленного Бонапарта в своих целях, против влияния Англии и России [57]. То, что из реализации кутузовских идей могла в ущерб России извлечь пользу Австрия, окончательно ставит на них крест. Это был редкий случай, когда Михаил Илларионович ошибся как политик. Строить военные планы на слухах, что *«цесарцы скоро соединятся с нами»* [58] было нельзя.

Саксонский король глядя на Австрию не решался порвать с Бонапартом, для прочих мелких немецких государей об этом нечего было помышлять. Колебалась Швеция, которая лишь под мощным давлением Англии обязалась *«неотлагательно содействовать русским войскам, по меньшей мере, тридцатитысячным корпусом»*. Но при открытии кампании невозможно было надеяться на участие Швеции. России обещались английские субсидии на содержание 150-тыс. армии за границей, но договор о них был подписан только в июне 1813 года в Рейхенбахе на далекую от русских мечтаний и потребностей сумму в 1,334 млн фунтов стерлингов (13 млн руб.) [59].

Наполеоновские войска 31 декабря (12 января 1813 года) очистили перед Витгенштейном Эльбинг и отступили к Мариенвердеру, где были атакованы отрядом Чернышева. Богарне, Виктор и другие французские генералы с остатками расстроенных войск спаслись бегством по льду в Познань, бросив 15 пушек и несколько сотен пленных. Отряд генерал-майора графа Сиверса 1-го принудил к капитуляции крепость Пиллау. Главные силы Двинской армии остановились в Старгарде, ожидая подхода к Висле войск Чичагова. По прибытию адмирал обложил 16 (28) января крепость Торн и выслал авангард к Познани. Его главные силы расположились у Бромберга.

Там Чичагов сдал начальство над вверенными ему войсками Барклаю де Толли и отправился в Петербург. Положение французов перед войсками Двинской и бывшей Дунайской армий было непрочно: к середине января они располагали всего 4 неполными дивизиями общей численностью 14 тыс. чел. Потерявший веру в победу Мюрат самовольно оставил вверенное ему Наполеоном командование, передав его Богарне, и уехал в свои владения.

Главная русская армия двигалась к Плоцку и Варшаве, обходя с фланга австрийский корпус. При ней находились главные квартиры императора Александра I и князя Кутузова. Фельдмаршал вел себя скромно, *«уклоняясь от всяких изъявлений благодарности жителей, повторял, что не он, а сам Бог поразил Наполеона»* (т. е. Александровскую формулу победы) [60]. Непосредственные действия против Шварценберга были возложены на левую колонну Милорадовича (кавалерия Ф. К. Корфа и пехота Ф. В. Остен-Сакена). Крупный отряд под командованием Винценгероде, состоявший из двух пехотных корпусов и нескольких летучих отрядов двигался в авангарде, имея целью нейтрализацию саксонского корпуса Ренье. Бои не открылись, поскольку русские и австрийцы 18 (30) января достигли соглашения избегать военных действий без предупреждения друг друга за 15 дней. Сдача польской столицы была решена 20 января, когда русские войска сблизилась с австрийцами (Шварценберг сам просил об этом, дабы иметь благовидный предлог к отступлению). 26 января (7 февраля) 1813 года войска Милорадовича бескровно вступили в Варшаву. Польской наполеоновской партии был нанесен смертельный удар. Остатки войск Понятовского отступили к Кракову. За ними в погоню был отправлен Остен-Сакен.

По описанию Михайловского-Данилевского, об условиях сдачи Варшавы Милорадович сносился прямо с Александром I. В сборнике документов и материалов Кутузова имеется запрос Милорадовича об условиях сдачи Варшавы, адресованный в обход фельдмаршала Волконскому: *«С нетерпением ожидая уведомления вашего сиятельства, с отличным почтением и совершенною преданностию честь имею быть вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорный слуга»* [61]. От Александра же Михаил Андреевич получил особую награду — именное царские вензеля на эполеты. Михаил Илларионович отнесся к этому болезненно, с укором написав: *«Великие заслуги ваши столь много сблизили вас с всеавгустейшим императором нашим, что сие даваемое им вам преимущество находится при особе его императорского*

величества, сделалось необходимым для вас и для него». Фельдмаршал был недоволен мягкими условиями сдачи города: освобождение от постоя войск, оставление лишь формально пленными французских и польских раненых, сохранение вооруженной национальной гвардии. Напоминаниями о враждебных настроениях поляков ему удается добиться своего: Милорадовичу посылаются повеления о полном разоружении Варшавы, взятии под русский контроль арсенала и монетного двора. Это свидетельствует о продолжающемся восстановлении влияния Кутузова [62].

Вскоре Винценгероде настиг у Калиша Ренье, полагавшего себя в безопасности. В сражении, состоявшемся 1 (13) февраля, саксонский корпус понес большой урон: 1,5 тыс. чел. убитыми и ранеными, столько же пленными, 2 знамени и 6 орудий. Потери с русской стороны составили 670 чел. убитыми и ранеными [63]. Александр I с удовлетворением отметил успех Винценгероде в качестве самостоятельного командующего. 8 (20) февраля к Калишу перешел Милорадович, а 12 (24) февраля туда же прибыла из Плоцка правая колонна Главной армии с объединившейся царской и фельмаршальской главной квартирой. Авангардный корпус Винценгероде достиг Равича на дороге между Познанью и Бреслау, где и остановился, не нарушая границу Силезии.

Одновременно с падением Варшавы сдалась крепость и порт Пиллау, имевшая большое значение для снабжения русских войск, шли рейды русских летучих отрядов к Познани и Одеру. В ночь на 31 января (11 февраля) отряд Чернышева наделал много шума, взяв мост через Одер в местечке Цирке и разгромив польский отряд генерала Гедройца. Активные действия отрядов Чернышева и Воронцова побудили Богарне в начале февраля оставить Познань и отступить к Франкфурту-на-Одере. К Глогау на Одере 7 (19) февраля прибыли остатки корпуса Ренье. Одержанные успехи подавали надежду к занятию русскими войсками линии по Одеру. Их приближение к Берлину и Бреслау показывало Фридриху-Вильгельму III, что союз с Наполеоном становится для него невозможным.

Для создания новой армии Наполеон провел два рекрутских набора (первый было велено начать в день его отступления из Смоленска), отозвал часть войск с Пиренейского полуострова, 40000 матросов с флота и несколько тысяч конных жандармов для укомплектования офицерами вновь формируемых кавалерийских полков. Его намерения были таковы: *«В течение февраля трехсоттысячная резервная армия прибудет к Рейну, Майну и Одеру, и соединится с Большой армией,*

находящейся под начальством вице-короля. Мы откроем поход с двойными силами в сравнении с теми, какие были у нас в 1812 году». Численность французской армии, так и не восстановившейся, но подкрепленной дивизией Гренье и корпусом Ожеро, составляла 40000 чел. Еще 10000 чел. оставалось у Понятовского, а 85000 войск находилось в гарнизонах, в том числе до 37000 в окруженном Данциге. Всего 135000 чел., — внушительные силы, если бы они не были разобщены стремительными русскими действиями [64].

Как уже говорилось, в распоряжении Александра I в конце января 1813 года было 138 тыс. чел., большей частью в Главной и Двинской армиях. Армия Чичагова в то время фактически представляла собой 14-тыс. корпус, осаждавший Торн. В западных губерниях России спешно создавалась резервная армия под командованием генерала от инфантерии Д. И. Лобанова-Ростовского в составе 4 пехотных и 2 кавалерийских корпусов, всего 179295 чел. пехоты и конницы, не считая состава артиллерии. Комплектование производилось за счет рекрут по набору, объявленному 30 ноября 1812 года, с 500 душ по 8 человек. Инспектору артиллерии генералу П. И. Меллеру-Закомельскому поручено было составить артиллерийский резерв из 37 пеших, 10 конных батарейных и 3 понтонных рот (в основном из числа оставленных в разных местах при изгнании Наполеона). Широко использовались трофейные артиллерийские заряды и снаряды. Сверх того был сделан заказ в Англии [65].

Подтягивались и вступали в бой ратники: Петербургское и Новгородское ополчения находились при осаде Данцига, а несколько дружин — у Витгенштейна. Тульский конный казачий полк был при конвое Главной русской армии. Полтавское и Черниговское казачье ополчение выдвинулось к Замостью. Башкирские национальные полки сосредоточивались на Волыни. Остальные ополчения несли гарнизонную службу, отправляли полицейские обязанности, стояли при парках и госпиталях, в конвоировании пленных. О том, что Кутузов по-прежнему был противником боевого использования ополчения, показывает его стремление выводить с фронтальной службы ратников, оставляя их при вновь формируемых госпиталях и т. п. [66]. Волконский и Александр I решили иначе. В армию Витгенштейна направили тульские части, башкирская конница появляется под Данцигом, казачьи полки Полтавского и Черниговского ополчений последовали в Плоцк. Полтавское ополчение в марте влилось в корпус генерала С. Л. Ратта [67].

Денежные потребности войск покрывались печатанием бумажных ассигнаций; они неплохо сбывались с рук в Пруссии, поддерживаясь антинаполеоновским ажиотажем населения, и принимались английскими торговцами на Балтике. О хождении бумажных денег по указанию царя было издано специальное объявление на русском, немецком и польском языках [68]. Здесь тоже наблюдается разность подходов Кутузова и Александра I: фельдмаршал явно опасается инфляции (массу бумажных денег больше нельзя было прятать в обороте грабежей), государь же пренебрегает ею, пока есть благоприятное внешнеторговое сальдо и возможность сбыта бумаг [69]. Русское государство напрягало все силы, чтобы добить грозного врага вдали от своих разоренных земель.

Наступление, продолжавшееся на всех направлениях около 900 км, было близко к истощению. Второе дыхание в кампанию можно было вдохнуть лишь с помощью прусских войск, а для этого надо было склонить короля к открытому военному союзу. Как только Фридрих-Вильгельм перебрался из Берлина в Бреславль, к его двору были посланы от Александра I авторитетнейший немецкий противник Наполеона — барон Г. Ф. Штейн и представители Восточной Пруссии, а от Англии брошено в атаку британское лобби. Поначалу был достигнут комический результат с предписанием короля от 8 (20) февраля генералу Йорку *«наступить к Одеру так, чтобы постоянно находиться позади русских войск»*. Пока совершался этот политический поворот, последовал временный переход от наступательной стратегии Волконского к более осторожному образу действий Кутузова. Вперед снова были посланы партизаны. Отряды Чернышева, Теттенборна и Бенкендорфа перешли готовый вскрыться Одер, и 9 (21) февраля устроили крупную диверсию на Берлин, ворвавшись в город и дойдя до Александерплатц. Хотя городом Чернышев и Теттенборн не овладели, это заставило французского вице-короля выступить к Берлину. По дороге на него напал Бенкендорф и уничтожил 4-й итальянский конно-егерский полк. Положение французов в Берлине осложнилось [70].

15 (27) февраля 1813 года в Бреслау был заключен русско-прусский союзный трактат. На следующий день он был подписан в Калише М. И. Кутузовым и Г. И. Д. фон Шарнхорстом. Пруссия обязалась выставить на борьбу с Наполеоном 80-тыс. полевую армию, вести солидарную с Россией политику в отношении Франции, Австрии, Англии. Последняя держава незримо стояла за достигнутым согла-

шением обещаниями финансовой помощи, и обнаруживая притязания на Ганновер. Что касается Михаила Илларионовича, то его положение подписанта и благосклонность короля Фридриха-Вильгельма III выдвинули фельдмаршала на роль главнокомандующего союзной армией, хотя бы и без оформленных надлежащим образом с русской стороны полномочий [71]. Это вновь сделало Кутузова крупнейшей военно-политической фигурой. Создание операционного плана действий союзной русско-прусской армии, *«основная идея которого была предложена генералом Шарнгорстом во время пребывания его в главной квартире императора Александра»*, проходило при его непосредственном участии, что дало Михаилу Илларионовичу большую степень контроля над исполнением [72].

О заключении русско-прусского союза не было объявлено, и на некоторое время возникла двусмысленность. Генерал Йорк был угнетен разбирательствами до 12 марта, когда заключенная им на Пошерунской мельнице конвенция была признана *«неподлежащую какому-либо упреку»*. Вплоть до третьей декады февраля генерал Бюлов получал распоряжения из главной квартиры французского вице-короля, и был вынужден отвечать на них [73]. Выигрывая таким образом время, Пруссия вела мобилизацию. Через три недели после заключения союза число прусских войск достигло 128530 чел., из них в готовой немедленно выступить в поход первой линии — 56350 чел. [74]. Лишь после завершения первой волны мобилизации и объявления Пруссией войны Наполеону, русский и прусский монархи открыто встретились 3 (15) марта в Бреслау.

Прусский патриотизм испытывал величайший подъем: издавалась и распространялась исполненная ненависти к Наполеону и французам литература, портреты Кутузова и Александра I. *«Появились во множестве оды и песни, возбуждавшие народ к мести и презрению смерти... профессор философии Фихте, возбуждив дух своих слушателей чтениями об истинном значении войны, вооружился с головы до ног и стал в ряды ландштурма. Директор академии художеств Шадов собрал из своих подчиненных целую дружину. Даже духовные, вместо слова мира и любви, обращались к своим прихожанам с увещеваниями, — сражаться до последнего издыхания и называли предстоящую войну святой бранью за правое дело»*. В армию, пряча свой пол, вступали женщины, некоторые из них впоследствии отметились боевыми заслугами [75]. Наполеоновская Франция сторицей пожала плоды притеснений, чинимых с 1807 по 1812 год, о которых генерал Брандт писал: *«Я действитель-*

но видел везде страдания и нищету, непременно облеченные в законную форму, но от этого положение становилось еще невыносимее» [76].

Кутузов сдержанно признал стратегическую правоту своих соперников: *«Благодарить Бога, а без нынешней кампании этого бы не было» [77].* В последний период своей жизни он стал менее злопамятен, меньше ревнив к славе и неконфликтен. Михаил Илларионович постоянно жалуется на здоровье. Он давно уже не любил войну, приходит переоценка и в остальном: *«Я всегда любил философствовать, но теперь более, нежели когда либо... Я смеюсь над собою, когда размышляю, с какой точки зрения смотрю на звание мое, на мою власть и на почести, меня окружающие» [78]. «А я все скитаюсь, окружен дымом, который называют славою. Но к чему постороннему не сделаешься равнодушен! Я тогда только щастлив, когда спокойно думаю о своем семействе и молюсь за их Богу».* В его письмах появляются невозможные ранее признания: *«Несколько счастливых обстоятельств для меня стекшихся в 1812 году»*, и заверения в своей *«нелицемерной преданности» [79].*

В условиях единства в руководстве военными действиями и отвлечения русскими партизанами противника к Берлину, вступил в силу операционный план Александра I — Шарнхорста. Согласно этому плану, действовавшая на Берлинском направлении армия Витгенштейна направлялась к Магдебургу, а армия генерала от кавалерии Г. Л. фон Блюхера — к Дрездену, куда и выступила из Бреслау несколькими эшелонами в течение 4–12 (16–24) марта. Главная русская армия готовилась следовать за войсками Блюхера. На Дрезденское направление перемещался и корпус Милорадовича, замененный в осаде крепости Глогау (Глогов) прусскими войсками. Так создавалось массирование и эшелонирование союзных сил на левом (южном) крыле фронта действий, а Витгенштейну предписывалось обходить северный фланг противника легкими войсками. План был адекватен и достигал цели вытеснения французов из германских земель, препятствуя любому варианту ответа Наполеона. Ему возражал фон Кнезебек, предлагавший авантюру, — первым делом освободить Берлин и прорваться по кратчайшему направлению на Эльбу, тем самым оголив юг, наиболее близкий для удара наполеоновских резервов.

Численно силы союзников были распределены так: северная колонна Витгенштейна насчитывала 20000 русских и 30000 прусских войск. Южная — Блюхера, состояла из 27000 прусских и 13000 русских войск, за ней находилась 30-тыс. русская Главная армия из

опытных солдат, прошедших суровую школу 1812 года. Она составляла резерв, продолжая оправляться от предыдущей кампании. Большие надежды возлагались на освобождение для активных операций войск Барклая де Толли (ради чего усиливалась бомбардировка Торна) и резервы, прибывающие на Неман к Тильзиту и Юрбургу. Чтобы быстрее высвободить корпус Остен-Сакена для борьбы с остатками сил Понятовского в Кракове, были смягчены условия капитуляции крепости Ченстохов [80]. Французы тоже даром времени не теряли, их силы на Эльбе достигли 57000 чел. во главе с опытными военачальниками Богарне, Даву и Виктором. Из Франции шел Наполеон с новой большой армией.

По утверждению Богдановича: *«Неограниченное доверие императора Александра к Шарнгорсту заставило союзников предпочесть предложенный им план действий»* [81]. Между тем, очевидно, что этот план отстаивал и Кутузов, не торопившийся идти к Эльбе без решения вопроса, как встречать крупные наполеоновские резервы. Впервые в документах фельдмаршала основы нового операционного плана упоминаются рано, в сообщениях Витгенштейну и Барклаю де Толли от 9 февраля 1813 года [82], что говорит о его параллельной проработке Шарнхорстом, Кутузовым и Волконским. И это для Михаила Илларионовича просто невероятный шаг вперед. До этого времени *«он был враг советов и не требовал мнений посторонних»* [83], за что неоднократно платился ошибками и задержками в принятии важных решений. Единство мнений трех военачальников сохранялось вплоть до смерти Кутузова. Это прямо следует из писем Волконского Шарнхорсту от 28 марта, 5 и 8 апреля 1813 года, и письма самого фельдмаршала в адрес И. Л. Голенищева-Кутузова [84]. О том же говорят взаимные предписания «триумвиров» в адрес подчиненных генералов. Таковы свидетельства полководческого роста Кутузова, продолжающегося вопреки его прогрессирующей немощности. Акселератор личных амбиций был выключен и это стало приносить плоды.

20 февраля (4 марта) 1813 года авангард Витгенштейна при содействии городских жителей занял спешно очищенный французами Берлин. Вступившим в город через несколько дней главным силам Витгенштейна была устроена торжественная встреча. Следом двинулся корпус Бюлова и Йорка, тоже получившие радостный прием. 3 (15) марта Александр I торжественно прибыл в Бреслау. На следующий день из Бреславля, по направлению через Лигниц на Бунцлау (Болеславец), начала выступать в поход армия Блюхера. Перед ней

двигались русские авангарды, сменяемые, по мере продвижения, прусскими войсками.

Дальнейшую заминку действий северного крыла русско-прусских войск ошибочно связывают с несогласием *«видов князя Кутузова с планом действий, составленным генералом Шарнгорстом»*. На самом деле фельдмаршал отстаивал коллективную диспозицию, присланную Витгенштейну из главной квартиры, ссылаясь на *«мнение о первоначальных действиях»* и противился переправе войск через Эльбу в разное время и удаленных друг от друга пунктах. Он настаивал на согласованности движений с армией Блюхера, чтобы иметь возможность действовать за Эльбой сосредоточенными силами [85, 86]. То есть, он продолжал следовать плану Шарнхорста, и против предположений Кнезебека, с конца февраля толкавшего Витгенштейна перейти Эльбу, тогда как войска фон Блюхера вышли к ней в середине марта, а Главная русская армия задержалась на Калишских квартирах до 26 марта (7 апреля).

Особенностью возобновившихся указаний Кутузова, как и прежде, была их лексическая неопределенность и склонность к передоверию. Его язык с множеством оговорок, — по-прежнему плохой военный язык, иллюстрирующий, говоря современными категориями, низкую штабную культуру. Принятый и начавший исполняться операционный план подрывался приданием лишней самостоятельности Витгенштейну, который и без того стал слишком самостоятелен. *«Уважение, что известия о всех движениях неприятеля по близости вашей к нему вы несколькими днями прежде получать будете, нежели оне сделаются известны мне, все сие и делает необходимым не связывать вас общим планом»*, — это плохая формулировка. Что происходит у Эрфурта — тоже изложено малопонятно, вместо того, чтобы ясно указать на признаки усиления врага на этом пункте [87].

Логичным было самому двинуться вперед, но это не происходило по возрасту и состоянию здоровья; не следовало и отказа от ставшего невмоготу главнокомандования. При таких условиях успехи партизан подстрекали генералов к инициативам, а к главнокомандующему сведения запаздывали. Отрядом Ф. К. Теттенборна 8 (20) марта был освобожден Гамбург, — достижение, восторженно праздновавшееся во всей Пруссии и еще более поднявшее реноме П. Х. Витгенштейна, но почти ничего не давшее для определения намерений противника и целей его разгрома. Враг потерял шесть 24-фунтовых орудий и очень мало пехоты, а Гамбург выставил на сторону союзников только 2000

ополчения и через два месяца был сдан державшим сторону Наполеона датчанам. Два дня спустя, 10 (22) марта, был легчайше освобожден Любек. 15 (27) марта русско-пруссские войска вступили в столицу Саксонии Дрезден. Партизаны А. И. Чернышева и В. К. Ф. Дернберга 21 марта одержали победу при Люнебурге над корпусом генерала Ш.-А. Морана. Михаил Илларионович сознавал свою физическую ограниченность, прося Витгенштейна связываться непосредственно с Шарнхорстом [88].

Видимо, это не помогло, потому что 17 (29) марта Кутузов вновь пишет Витгенштейну, в каком-то просветлении найдя более прямые слова: *«Везде, где вы встретите неприятеля слабее себя, он держаться не станет. Все то, что вы в состоянии будете ему сделать, будет ограничиваться малым вредом, который вы ему нанесете. Он будет отступать на главные силы свои и... усиливаться. Я не спорю, сколь полезно было бы захватить более Германии и тем ободрить и поднять народы, но польза сия разве равна будет той опасности, которая нам предстанет от последственного ослабления нашего самым тем отдалением и усилением неприятеля по той же самой пропорции? И по сей то самой причине полагаю я необходимым отнюдь не дальше отдаляться как до реки Эльстера, которая черта самая крайняя. Сие последнее не относится до партизанов. Будущие обстоятельства развяжут нас может и более»* [89].

То же самое Михаил Илларионович неустанно объясняет Винценгероде, призывая противостоять устремлениям стихийного прусского патриотизма, столь же бездумного, как и русский: *«Я знаю, что во всей Германии каждая мелкая личность позволяет себе порицать нашу медлительность... Я же по долгу своего положения подчиняюсь расчетам... Чем быстрее мы будем продвигаться вперед, тем больше будем отдаляться от наших ресурсов и ослаблять себя. Это налагает на меня обязанность разъяснить такую опасность генералам... И будьте уверены, что любая наша неудача нанесет большой урон нашему престижу в Германии. Я не могу говорить с такой же доверенностью с генералом Блюхером, но вам, Ваше превосходительство, следует повлиять на него в этом духе»*. Предписания Кутузова вскоре оправдались известиями о сосредоточении в районе Магдебурга до 50 тыс. вражеских войск, представляющих угрозу для корпуса Блюхера и армии Витгенштейна. Фельдмаршал всячески стремится не допустить, чтобы союзные армии преждевременно ввязались в бой по частям: *«Повторить должен... быстрое движение наше вперед для главного предмета будущей*

кампании пользы принести не может». Дальнейшая переписка показывает, что в этом он нашел понимание у отправленного к Витгенштейну генерала Шарнхорста [90].

При Лейпцау 24 марта (5 апреля) были разбиты сделавшие крупную вылазку из Магдебурга войска Богарне. Эта битва показала, что полевая удача может отвернуться от французских войск: *«Неприятель сим неожиданным поражением был изумлен столько, что на другой день с поспешностью бросился в крепость и почти под стенами оной сжег без всякой нужды мосты на Клуздаме, чем доставил нам величайшую выгоду»* [91]. Винценгероде 3 (15) апреля вошел в Лейпциг. Крепость Торн капитулировала 6 (18) апреля. Вместе с тем растет напряжение, вызываемое ожидаемым контрнаступлением Наполеона, с 5 (17) апреля следует серия распоряжений Кутузова и Волконского, направленных на отражение вражеского удара. Ради концентрации сил фельдмаршал предлагает временно оставить без прикрытия Берлин. В этом же направлении давит на Витгенштейна и Волконский. Свои тревожные для пруссаков распоряжения главнокомандующий и начальник штаба компенсируют направлением к Франкфуркту-на-Одере войск Баркляя де Толли, и двух дивизий из-под Данцига [92].

Витгенштейн, получив 7 (19) апреля известия о подходе армии Наполеона, имевшем целью соединение с войсками вице-короля и разобщение союзных корпусов, решился идти на соединение с Блюхером. Для этого его корпуса переходили на юг по направлению к Галле и Лейпцигу. Тем самым Витгенштейн выполнил инструкции фельдмаршала и главного штаба [93]. Повеления Кутузова *«тяготили Блюхера, порываемого желанием стремиться вперед»* [94], но поскольку командующие, хоть и с недовольством, удержались в повиновении, Бонапарт лишился возможности провести те же маневры, что при Иене и Ауэрштедте. В эти дни у триумvirата Кутузов — Волконский — Шарнхорст появляется еще одна забота, кроме прусских генералов и сочувствующего им Витгенштейна: вновь начинает распоряжаться нетерпеливый Александр I, подгоняя вперед войска. Волконский пытается умерить царский пыл, информируя Кутузова и настаивая на согласовании всех распоряжений с фельдмаршалом. Подполковнику Брозину дается распоряжение скорейше возвращать в главную квартиру бумаги с пометками и замечаниями главнокомандующего, и непременно сообщать о его здоровье [95].

В этот момент силы окончательно оставляют Михаила Илларионовича. В начале апреля он простудился в Бундлау. Болезнь затя-

нулась, принимая тяжелые формы: «Я действительно в отчаянии от своей длительной болезни и день ото дня чувствую себя все слабее. Я все еще не мог бы перенести поездку на почтовых. Пока же надо работать над сосредоточением войск, находящихся за Эльбой», — отписывает он 10 (22) апреля Александру. На следующий день фельдмаршал уже не может составить собственноручно короткого письма домой: «В правой руке отнялась чувствительность перстов... Я отстал от государя: он уже в Дрездене, а я за 17 миль от него» [96]. Армии, которые он вместе со своими бывшими соперниками, превратившимися в единомышленников, готовил к новым сражениям, вступят в бой без него. На протяжении последнего этапа своей полководческой деятельности Кутузов вернул себе военно-политическое влияние и показал личный прогресс. Он больше не ревнивый одиночка, не султан над собственной камарильей, поедаящий конкурентов. Полководец поднялся до высот, каких не демонстрировал ни в 1811, ни в страшном 1812 году.

1. Ливен Д. *Рос. и разгром Наполеона // Эпоха 1812 г. Исслед. Источники. Историография: сб. мат. / Тр. ГИМ. Вып. 166. М., 2007. С. 306. См. также: Ливен Д. Рос. против Наполеона // Эпоха 1812 г. в судьбах Рос. и Европы. М., 2013. С. 11.*

2. Жучков К. Б. *Рус.-франц. противостояние в конце 1812 — начале 1813 гг. М., 2013. С. 6.*

3. Капустина Т. А. *Александр I и заграничные походы рус. армии в 1813–1814 гг. URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kapustina.pdf>, 08.04.2018.*

4. Ливен Д. *Рос. против Наполеона // Эпоха 1812 г. в судьбах Рос. и Европы. М., 2013. С. 11–12.*

5. А. И. Михайловский-Данилевский. *Опис. войны 1813 г. СПб., 1840. Ч. 1. С. 2–3, 5.*

6. *Полн. собр. законов Рос. Имп. СПб., 1830. Т. XXXIII. С. 424–429.*

7. *Там же. Т. XXXVIII. С. 1187–1188.*

8. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии. СПб., 1863. Т. 1. С. 2–3.*

9. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I. СПб., 1897. Т. 3. С. 137.*

10. Орлов Н. А. *Война за освоб. Германии в 1813 г. и низлож. Наполеона в 1814 г. М., 1911. С. 5–6.*

11. Урланис Б. Ц. *Истор. воен. потерь. СПб., 1998. С. 77, 86–87.*

12. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 585, 587. С. 589, 590–591.*

13. Ермолов А. П. *Записки 1798–1826. М., 1991. С. 262. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон 1863. С. 155.*

14. Бенкендорф А. Х. *Записки // Харкевич В. И. 1812 г. в дневниках, записках и воспом. соврем. Вильна, 1903. Вып. II. 1 и 2 Зап. армии. Гл. армия. С. 136–137.*

15. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 661. С. 649.
16. Там же. Док. № 652. С. 642.
17. Там же. Док. № 613, с прим. 1 и 2 к нему. С. 611.
18. Там же. Док. № 593, 594, 597. С. 597–598, 599–600.
19. Там же. Док. № 600, 601, 610. С. 604, 610.
20. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 281, 282. С. 390–392.
21. Там же. Док. № 293, 294. С. 401–403.
22. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 611. С. 610. Т. 5. Док. № 45. С. 38.
23. Там же. Т. 4. Ч. 2. Док. № 643. С. 633–634.
24. *Собр. Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений.* СПб., 1816. С. 98.
25. Шильдер Н. К. *Имп. Александр I.* СПб., 1897. Т. 3. С. 142.
26. Жучков К. Б. *Рус.-франц. противостояние в конце 1812 — начале 1813 гг.* М., 2013. С. 30.
27. А. И. Михайловский-Данилевский. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 12.
28. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 66. С. 57–58.
29. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 286. С. 394–395.
30. Щербинин А. А. *Бумаги о воен. действиях 1812 г.* // *Отеч. война 1812 г.* Мат. ВУА ГИШ. СПб., 1914. Т. XXI. С. 230.
31. Жучков К. Б. *Рус.-франц. противостояние в конце 1812 — начале 1813 гг.* М., 2013. С. 26–27.
32. Там же. С. 32.
33. Михайловский-Данилевский А. И. *Журн. 1813 г.* // 1812 г. *Воен. дневники.* М., 1990. С. 316–319. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. *Журн. 1813 г.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>, 08.04.2018.
34. Михайловский-Данилевский А. И. *Записки о походе 1813 г.* СПб., 1836. С. 3–5.
35. Щербинин А. А. *Воен. журн. 1813 г.* // 1812 г. *Военные дневники.* М., 1990. См. также: Щербинин А. А. *Воен. журн. 1813 г.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/05.html>, 08.04.2018.
36. Михайловский-Данилевский А. И. *Журн. 1813 г.* // 1812 г. *Воен. дневники.* М., 1990. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. *Журн. 1813 г.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>, 08.04.2018.
37. *Камер-фурьерский церемон. журн. (январь-июнь 1813 г.)* СПб., 1912. С. 16, 56, 68–71, 80–82, 90, 113, 116, 124, 143, 150, 244 и др.
38. *Санкт-Петербургские Сенатские ведомости.* 26.04.1813 г. № 17. С. 94.
39. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 276. С. 230.
40. Там же. Док. № 1–3, 9. С. 1–2, 5, 11.

41. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html>, 08.04.2018.
42. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 1–64. С. 1–56.
43. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 331–332.
44. Михайловский-Данилевский А. И. Записки о походе 1813 г. СПб., 1834. С. 67.
45. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 234. С. 199–200.
46. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 326. С. 445.
47. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 131. С. 115. Прил. к док. № 212. С. 183–184.
48. Там же. Док. № 95. С. 78.
49. Там же. Док. № 67, 70, 104. С. 58, 60, 86.
50. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. войны 1813 г. СПб., 1840. Ч. 1. С. 60–61.
51. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 74, 75, 271, 272. С. 62–63, 225–227.
52. Там же. Док. № 77. С. 64.
53. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. войны 1813 г. СПб., 1840. Ч. 1. С. 64.
54. Богданович М. И. Истор. войны 1813 г. за независ. Германии. СПб., 1863. Т. 1. С. 34, 40.
55. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 184. С. 158–160.
56. Богданович М. И. Истор. войны 1813 г. за независ. Германии. СПб., 1863. Т. 1. С. 6–8, 39–40.
57. Там же. С. 8–9, 484–485.
58. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 97. С. 80.
59. Богданович М. И. Истор. войны 1813 г. за независ. Германии. СПб., 1863. Т. 1. С. 10, 487.
60. Там же. С. 13–14.
61. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 194. С. 167.
62. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. войны 1813 г. СПб., 1840. Ч. 1. С. 30–33.
63. Богданович М. И. Истор. войны 1813 г. за независ. Германии. СПб., 1863. Т. 1. С. 19–20.
64. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. войны 1813 г. СПб., 1840. Ч. 1. С. 41–42.
65. Там же. С. 45–47, 50–51.
66. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 109, 118, 203. С. 90, 96–97, 175–176.

67. Там же. Док. № 236, 250, 268, 462, 466 с. 201, 211–212, 224, 417–418, 419.
68. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 54–56.
69. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 106, 107, с пометами, 136.* С. 88–89, 123.
70. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 51, 57–58.
71. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 69.
72. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 67.
73. Там же. С. 52–54.
74. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 68.
75. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 35–37, 74.
76. Брандт Г. *Из записок прусского ген. от инф. // Воен. сб. 1870. № 1. Отд. I. С. 19.*
77. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 319.* С. 282.
78. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 692.
79. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 342, 344.* С. 303–305.
80. Там же. Док. № 535, 536, 544 с. 480, 486.
81. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 68.
82. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 296, 298.* С. 251–252, 257–258.
83. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. Отеч. войны.* СПб., 1839. Ч. 2. С. 201.
84. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 557, 561, 606, 625.* С. 493–495, 497, 529–530, 540–542.
85. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 76–77.
86. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 353, 388.* С. 317, 352–353.
87. Там же. Док. № 421 с прил. к нему, 423, 430. С. 381–384, 391.
88. Там же. Док. № 446, 453. С. 404–405, 410–411.
89. Там же. Док. № 476. С. 427–428.
90. Там же. Док. № 525, 531, 551 с прим. 1. С. 466–467, 474–476, 491
91. Там же. Док. № 576. С. 508.
92. Там же. Док. № 607, 608, 617, 625, 630, 635. С. 530, 536–537, 541, 546, 549–550.

93. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии. СПб., 1863. Т. 1. С. 105–106.*
94. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г. СПб., 1840. Ч. 1. С. 126–128.*
95. Кутузов М. И. *Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 632, 638, 639. С. 548, 551.*
96. *Там же. Док. № 633, 637. С. 549, 550.*

11.4. СМЕРТЬ КУТУЗОВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ

18 (30) апреля 1813 года П. М. Волконский, находившийся при императоре Александре I, получил уведомление Е. Б. Фукса, начальника военной канцелярии М. И. Кутузова: *«16-го сего апреля в 9 часов 35 минут пополудни свершилось ужаснейшее для нас происшествие. Обожаемый нами фельдмаршал князь Михайло Ларионович кончил дни свои»*. Событие ожидалось. Опираясь на неутешительный врачебный прогноз К. В. Гуфеланда, уже был издан царский указ о назначении П. Х. Витгенштейна *«главнокомандующим соединенных армий, на правах и преимуществах сего звания в силу «Учреждения для большой действующей армии»* [1, 2]. Решение Александра, согласованное с прусским королем, ускорилось недоразумениями, появившимися между Витгенштейном и Г. Л. фон Блюхером *«кому из нас у кого состоять под командою?»* [3].

Вероятно, были трения и среди превосходящих Витгенштейна старшинством русских генералов. Слишком много было формальных претендентов: Торماسов, Барклай де Толли, Милорадович, Дохтуров. Первые двое из названных уже командовали армиями, а Милорадович был популярен как «русский Мюрат». В этих условиях выбор надо было делать быстро, и пал он на кандидата, пусть младшего по старшинству, но популярного в германских землях, чьи победы давали основание надеяться, что он будет успешным главнокомандующим. К остроте соперничества между генералами следует отнести последовавший выезд из армии «по болезни» Торماسова, в утешение назначенного членом Государственного совета Российской империи [4]. Рассматривался вопрос об удалении Баркляя де Толли *«в Северную Германию, под начальство наследного шведского принца, долженствовавшего в скором времени прибыть из Швеции в Старльзунд»* [5].

Следовательно, Александр не был у смертного одра полководца, и не имел с ним 15 (27) апреля легендарного разговора, который будто бы подслушал скрывшийся за ширмой у постели некто Крупенников: *«Прости меня, Михаил Илларионович!»* — *«Я прощаю, Государь, но Россия вам этого никогда не простит!»* Жертвой этой мистификации стал даже академик Е. В. Тарле [6]. По сведениям Михайловского-Данилевского и Богдановича, уважая болезнь фельдмаршала, самодержец задержался в Бунцлау (Болеславце) на 3 дня, с 6 по 9 апреля. Но 10 (22) апреля царь был уже в Бауцене, а 12 (24) числа — в Дрездене, откуда 17 (29) апреля он выехал в Герингсвальде, а затем — в Фробург [7, 8, 9]. Когда известие о кончине фельдмаршала пришло в Фробург, юго-восточнее Лейпцига, куда прибыла царская квартира, большая французская и союзная русско-прусская армия уже двигались навстречу друг другу. По реке Сале (Заале) завязались авангардные бои, в одном из которых, на ручье Риппах под Лютценом, погиб маршал Ж.-Б. Бессьер.

20 апреля (2 мая) загрохотали пушки в первом большом сражении 1813 года при Лютцене. Имя и действия покойного фельдмаршала в связи с ходом этой битвы в литературе не упоминаются, и это несправедливо. Планы, приведшие в движение воинские массы, не исчезают в момент смерти их создателя, а выгодное для союзников расположение войск между Лейпцигом и Лютценом сложилось благодаря солидарной работе Кутузова и Волконского. Выздоровев Кутузов и прибавь к полю боя, Лютцен стал бы самым успешным его сражением с Наполеоном. Его присутствие, благодаря патриотическому образу, благотворно повлияло бы на войска, а смерть, напротив, имела удручающее воздействие. По этой причине Александр I *«приказал держать втайне известие об его смерти и не объявлять о том прежде конца сражения»* [10].

Главным достижением Кутузова и Волконского стало то, что подступающий Наполеон *«думал, что русские и пруссаки находятся за Лейпцигом; он хотел овладеть сим городом поспешнее, для того, что по дошедшим к нему неверным известиям, считал он Блюхера и графа Витгенштейна еще не соединившимися. Занятием Лейпцига надеялся он воспретить их соединению, и, двинувшись потом вперед, разбить их поодиночке и отрезать им отступление к Эльбе... Таким образом, перед самым началом сражения, французы, кроме Неева корпуса, продолжали спокойно движение к Лейпцигу, а союзники стояли в ружье, готовясь к атаке»* [11]. В тот момент, когда авангард армии Наполеона атако-

вал у Лейпцига 6-тыс. русско-прусский отряд генерала Ф. Г. Ф. фон Клейста, маршал Ней, почитая свой корпус в тылу, оставил его и отправился туда, где, по его мнению, должны были развернуться основные события.

Сложилась очень выгодная для союзников обстановка: они могли ударить своими главными силами во фланг и тыл растянутой наполеоновской армии, в которой было много неопытных солдат, и сравнительно меньше конницы с артиллерией. Это сводило на нет численное преимущество, и упреждало любой маневр французов; правильно и решительно исполненный удар мог стать катастрофическим. Все благоприятствовало состоявшемуся обману Бонапарта: и активность Витгенштейна на севере, после чего последовал его переход на юг для соединения с Блюхером, и занятие Лейпцига Клейстом, — одним из самых решительных прусских генералов. Перед превосходящим противником он не бежал, а вел дезориентирующее Наполеона сопротивление, организованно отступая из города через дефиле у Линденау. Это заставляет утверждать, что план Кутузова — Волконского — Шарнхорста увенчался успехом, и российские историки зря комкают описание войны в Германии, не видя лучший образец полководческой работы своего кумира.

Диву можно дать, читая Гейсмана, будто *«в кампанию 1813 г. Кутузов действовал, в общем, так же как во время Аустерлицкой операции 1805 г. — сдерживая излишние порывы главной квартиры союзников к решительным действиям»* [12]. Воистину, только апологет, всегда склонный вместо живого лица видеть икону, может сделать такой «комплимент», сообщая, что за 8 лет и 3 войны полководец не имел прогресса, а только продолжал осторожничать и сдерживать. Вздорность этого утверждения сразу видна в том, что в 1805 году у Кутузова не было наступательного плана, а в 1813 году был, и проводился твердой рукой, что видно из вышеприведенных предписаний. Не советовать генерального сражения, катясь по шаблону, или вдумчиво готовиться к нему — вещи очень разные. Соответственно этому изменились отношения полководца с самодержцем — Михаил Илларионович не жался и не прятался, как перед Аустерлицем и под Москвой, им было что обсуждать.

В том числе Богданович напрасно упирает на медленность сосредоточения союзных войск в Саксонии, где они из-за скарденности недружелюбных саксонцев стали терпеть недостаток снабжения: *«Если бы российско-прусские войска безостановочно преследовали остатки*

французской армии, то могли бы очистить от неприятельских войск всю Германию, что не позволило бы Наполеону присоединить к сформированной им армии войска Рейнского Союза. Потеря союзниками более месяца нисколько не послужила к значительному усилению их войск, а... дала возможность Наполеону увеличить вчетверо армию, действовавшую в Германии» [13]. Не проведя мобилизацию в Пруссии, имея за плечами несколько не покоренных крепостей и 10 тыс. войск Понятовского, продолжающих сопротивление в южной части герцогства Варшавского, — такая стратегия смотрится крайне авантюрно. Кроме того, любая стратегия имеет целью доставление своим войскам выгод при столкновении с противником. План Кутузова — Волконского — Шарнхорста их обеспечил, а рассеявшись по рейнским землям, союзники таких выгод не получали.

Новый главнокомандующий Витгенштейн находился в трудном положении. Прежде всего, как на этот раз справедливо замечает Богданович: *«В 1812-м году он распоряжался совершенно самостоятельно; в 1813-м году... он должен был действовать в присутствии своего государя и короля Прусского, доносить монархам о своих намерениях, испрашивать их согласия на исполнение своих соображений. Все это должно было повести к медленности действий» [14]. Действительно, царского приказа для обеспечения независимости и самостоятельности действий главнокомандующего, предусмотренного параграфом 18 Отдела I Части I «Учреждения для управления Большой Действующей Армии», опять не последовало.*

Штаб Витгенштейна, переоценивая значимость Берлинского направления, полагал сосредоточить союзную армию между Лейпцигом и Вурценом, но на военном совете, собранном в Голисе, Александр I и Волконский вмешались, указав собрать войска между Лейпцигом и Борном. Это было правильное распоряжение, продолжавшее соответствовать мыслям покойного Михаила Илларионовича. В солидарном предписании-разъяснении Кутузова и Волконского от 8 (20) апреля, данном для Витгенштейна и его начальника штаба Довре, говорилось: *«Опасность, которая, как вы полагаете, будет угрожать Берлину, мосту через Одер у Гюстебизе и операционной линии на Кенигсберг... все это заставляет меня спросить вас: какие крупные военные склады, большие магазины... вынуждают вас держаться за эту операционную линию? И если, к несчастью, вы их уже создали, прикажите перенести их возможно быстрее в направлении Кроссена, Познани и Плоцка... по которому к вам будут прибывать все войсковые резервы*

и артиллерийские парки, тогда как операционная линия Главной армии пройдет через Штейнау, Калиш на Варшаву. Эти операционные линии облегчают нам возможность возобновить наступательные действия в случае, если бы неприятель захотел двинуться... на Кенигсберг (как вы это предполагаете), потому что тогда мы двинемся прямо на его коммуникации. Вы, может быть, возразите, что Берлин будет оставлен неприятелю на разграбление. Никогда не следует держаться за город, если только это не дает нам реальных преимуществ. Берлин не относится к числу таковых». Там же содержалось предписание двигаться к Борну [15]. То есть, в Голисе был подтвержден прежний план Кутузова — Волконского — Шарнхорста.

На этой основе была выработана наступательная диспозиция на 19 апреля (1 мая), «основную идею коей многие приписывали Шарнгорсту; но она, по всей вероятности, принадлежит Дибичу», которая «состояла в том, чтобы атаковать неприятельскую армию с фланга и разбить ближайшие французские корпуса, прежде, нежели прочие могли подоспеть им на помощь». Эта диспозиция, подписанная Витгенштейном, опубликована Богдановичем с указанием, что она была приведена в действие на следующий день, поскольку союзные войска собирались после неразберихи, вызванной начавшим исполняться и отмененным движением к Вурцену [16]. Мнение об авторстве генерал-квартирмейстера бывшей Двинской армии Дибича разделял Орлов [17]. К избранию атакующего образа действий союзников толкали удобный момент, заметный перевес в кавалерии (которую не успел отобилизовать Наполеон, имевший всего 8 тыс. конников против 20 тыс. союзных), артиллерии (350 орудий противника против 656 союзных пушек) и выучке войск. Не последнюю роль играли моральный порыв пруссаков и желание усилить политическое давление на прочих немецких князей. Всего у союзников было 92 тыс. войск против 130 тыс. у Наполеона. При оттяжке сражения численный перевес французов возрастал, — к ним спешили резервы [18].

Вопреки критике Богдановича, диспозиция была выдержана в лучших традициях наступательных боев армии Витгенштейна: «Батарея артиллерия, в корпус Блюхера назначенная, должна быть в голове его колонн и генерал Блюхер делает ею дальнейшее распоряжение». В развитие принципа массирования артиллерии приказывалось: «Генерал-лейтенант Винценгероде командует всею прусскою резервною кавалериею и прикажет своим батарейным ротам примкнуть при Вербене к обеим колоннам генерала Блюхера... Если неприятель по-

кажется в значительных силах, то резервная кавалерия и конная артиллерия быстро выдвигаются вперед. Артиллерия расстреливает его картечным огнем, а кавалерия опрокидывает его» [19]. Распоряжения о выдвигании в бой артиллерии в ходе сражения делал и сам Александр I [20].

Недостатком диспозиции было отведение для превосходной союзной кавалерии второстепенных ролей и нежелание активно действовать ею в начале боя. Так проявилось намерение сохранить кавалерию для обеспечения отхода армии при неудаче сражения, т. е. избыточное резервирование артиллерии было подменено избыточным резервированием кавалерии. Следует заметить, что сражения 1812 года армия Витгенштейна вела, придерживаясь тактики пехотных колонн (в лесисто-болотистой местности на конях не разгуляешься), но германский театр лучше подходил для конного маневра, и эта разница учтена не была. Другой ошибкой диспозиции Дибича было отделение целого корпуса Милорадовича для обеспечения левого, южного фланга союзной армии на Цейц. Там он простоял без дела, в то время как следовало сразу же, в условиях внезапности, ввести слева массы кавалерии, а корпус предназначить для массирования удара во вражеский центр. Тем не менее, Леер считал диспозицию Дибича превосходным планом, сокрушаясь, что ее исполнителем был не сам составитель, а Витгенштейн [21].

Передача диспозиции в войска запоздала, что породило путаницу и задержки в занятии исходных позиций. Лишнее значение было придано предварительному развертыванию. Когда войска уже задержались от утра к полудню [22], следовало не разворачивать в линию 1-й эшелон, а ввести его в бой с ходу, колоннами. Вероятно, главнокомандующий и его штаб боялись дальнейшего расстройтва войск. Это породило отзыв Гнейзенау: *«Основная идея была хороша, а распоряжения плохи. Союзники потеряли много времени на мелочное развертывание войск, вместо того, чтобы внезапно атаковать застигнутого врагсплох неприятеля» [23]. С ним были солидарны все последующие русские военные историки: «Замысел был хорош, но исполнен он вяло и неуклюже» [24].*

Хотя Витгенштейн вовремя отдал приказ о начале атаки (ровно в полдень, когда силы Наполеона максимально растянулись к Лейпцигу, где с 9 утра гремела канонада), он отправил в бой всего две прусских бригады, поддержанные пятью ротами артиллерии. В «Истории лейб-гвардии Егерского полка» повествуется, что Витгенштейн не

понял Дибича, проигнорировал явные признаки движения главных сил Наполеона к Лейпцигу, и посчитал французские биваки у Гросс-Гершена «за сильный авангард французской армии, расположенной, по его мнению, у Люцена, и решил сначала вытеснить предполагаемый им авангард из занимаемых им деревень, а потом уже повести общую атаку» [25]. Иначе говоря, полководец находился в плену своих прежних представлений о расположении двух армий. Большой глупости трудно было придумать. В нежелании размышлять над диспозициями, передоверяя умственную работу другим, Петр Христианович оказался на уровне Михаила Илларионовича под Аустерлицем. Поплатиться за это предстояло соответственно и неотвратно. Можно не сомневаться, что живой Кутузов образца 1813 года в такую ересь не впал бы, а, помедлив на сосредоточение и упорядочивание, велел атаковать врага сразу всем 1-м эшелоном.

В условиях внезапности бригады поначалу имели полный успех: *«На столбовой дороге по обеим сторонам Люцена, и на пространстве между дорогою и местом сражения, приметны были в неприятельских войсках беготня и суматоха, происшедшие от неожиданного французами нападения нашего»* [26]. В этот момент *«наполеоновы войска были растянуты на сорок верст, и если бы союзная армия, сосредоточенная и совершенно готовая к бою, атаковала Нея всюю пехотою, отрядив для задержания прочих неприятельских корпусов свою многочисленную кавалерию, то французская армия, разобценная на две отдельные части, могла быть поставлена в весьма опасное положение»* [27]. Но атака не была своевременно поддержана главными силами корпуса фон Блюхера, и это дало возможность прийти в порядок корпусу Нея, а Бонапарту, быстро сообразившему обстановку, поспешить с подкреплениями к Лютцену. Со стороны Лейпцига он оставил корпуса Лористона и Макдональда с задачей обходить правое крыло обозначивших себя между Лютценом и Пегау союзных войск.

Пока Наполеон нацеливался на правый фланг русско-прусской армии, сопротивление опомнившихся французов в центре стало быстро нарастать. Оставшийся командовать за маршала Нея дивизионный генерал Ж. Сугам показал себя хорошо: к двум часам дня весь корпус фон Блюхера, вместо нанесения острого удара, был втянут в лобовое сражение близ деревень Клейн-Гершена и Раны с войсками корпуса Нея. Достигнутая стабилизация обороны и прибытие первых резервов дали возможность примчавшемуся во весь опор Бонапарту распорядиться о переходе в контрнаступление. Французы вновь овладели

злосчастными деревнями, и снова были выбиты оттуда вводом в бой прусских войск 2-й линии: корпусов Берга и Йорка. Союзники двинулись вперед, заняв селение Кайю близ Лютцена, угрожая дороге, по которой перебрасывались французские резервы (что надо было сделать сразу же, а не топтаться на месте). Прибытие французских войск продолжалось, и долго союзники в Кайе не продержались. Наполеон предпринял все меры к тому, чтобы обезопасить от прорыва центр, в то время как Витгенштейн, казалось, думал не о решительных целях, а всего лишь *«окончательно выбить неприятеля из селений»* [28].

По мере наращивания сторонами сил возник фронтальный тупик, из которого Витгенштейн попытался выйти двойным охватом, направив на правый фланг противника 2-й пехотный корпус Евгения Вюртембергского, а на левый — корпус Винценгероде. К месту боя приблизились войска русской Главной армии под командованием Торماسова, расположившись у Домсена. Распоряжения о двойном охвате были ошибочны, — следовало массировать силы по одному направлению. *«Часу в 7, вдруг поднялось с нашей правой стороны густое облако пыли, и из него стали выходить колонны вице-короля, спешившего от Лейпцига»*. Теперь в положении полуохвата оказался 2-й пехотный корпус. *«Поставив батареи он (враг) бил вдоль наших линий; ядра перелетали через государя»*. Оттеснив корпус из занятого им селения Айсдорф, противник сам начал стремиться к двойному охвату русско-прусских построений. Главные силы сторон были в бою, и *«по всей линии сражение кипело до наступления совершенного мрака»* [29]. С неудачей ночной кавалерийской атаки фон Блюхера, надеявшегося на внезапность, битва затихла. Союзники оказались в оборонительном положении, утратив возможности для ввода в бой своей конницы, перед лицом собравшейся французской армии [30]. По итогу дня наполеоновские войска немного попятнулись в Гросс-Гершене назад, но общее положение союзников ухудшилось, исход битвы при ее продолжении на следующий день стал внушать опасения.

Наполеона опять не сумели ухватить за его типическую ошибку. Ему позволили собрать армию в кулак и выяснить расположение союзников. Плохо (и это после поучительных партизанских кампаний) использовались малые отряды, получившие пассивные, наблюдательные задачи. Наиболее инициативные командиры стремились проникнуть в тыл французских корпусов, но отдельные наскоки не могли смутить противника [31]. Со стороны Лейпцига Лористону удалось, оттеснив корпус фон Клейста, создать угрозу северному

флангу и тылу союзной армии, что послужило главной причиной отдачи монархами приказа об отступлении на следующий день 21 апреля (3 мая). Наполеон не воспользовался возможностью охвата со стороны Лейпцига, предпочтя немного отступить к Лютцену, держа там свои войска соединенными, но об этом не было сведений.

Замены Кутузову из Витгенштейна не вышло. Он уступил и Дибичу, не сумев реализовать его диспозицию. Были повторены все прежние ошибки, разве кроме избыточного резервирования артиллерии. По записям Михайловского-Данилевского: *«Войска наши и прусские покрыли себя славою под Лютценом. Прусские генералы и офицеры дрались не только храбро, но с истинным ожесточением. Я не мог налюбоваться чиновниками их генерального штаба и адъютантами; они так бесстрашно и хладнокровно развозили приказания, что в сем отношении превзошли наших офицеров. Граф Витгенштейн не явил себя в блестящем виде: распоряжения его были самые плохие. Он не умел сначала воспользоваться победою, когда растянутые силы неприятеля представляли ему к тому способ, он не воспользовался своим великим превосходством в коннице, которую за нашими линиями переводили с места на место под неприятельскими выстрелами, а когда дело было проиграно, он не принял благоразумных мер к отступлению»*. На рассвете следующего дня историка *«разбудили и послали к графу Витгенштейну узнать от него распоряжения его на наступавший день... никто не знал, где главнокомандующий, наконец, я нашел его на поле, сидевшего с большим хладнокровием. Узнав, зачем я был к нему прислан, он мне отвечал: «В армии находится император, и я ожидаю повелений его величества»*. Таким образом, никто не давал приказаний, государь надеялся на главнокомандующего, а тот на государя» [32]. Это была та же бездеятельность, какую проявил Кутузов в 1805 году.

Ущербность дворянского сознания с его соперничеством и старшинством наглядно показывают следующие строки из дневника историка: *«После сего меня отправили к Милорадовичу, с повелением ему государя принять начальство над арьергардом, и прикрывать отступление армии. Он был в городке Цейц, наблюдая за неприятелем, но в самом деле для того, чтобы не подчинить ему графа Витгенштейна, младшего его в чине. Я застал его в совершенном расстройстве. Когда мы остались наедине, он сказал мне: «Я вчера плакал, как ребенок, в первый раз в жизни слышал я пушечные выстрелы и не участвовал в деле! Доложите государю, — продолжал он, — что я буду служить под чьею командою он прикажет, ежели не вверяют мне армии, пусть мне дадут батальон*

или роту; мне все равно» [33]. Орлов тоже разделял мнение об отдалении Милорадовича из боязни соперничества с Витгенштейном, из-за чего последний «лишил себя существенной поддержки в 12 т. чел.», «сослав» своего конкурента к Цейцу для обеспечения левого фланга армии от обхода [34].

Далее Михайловский-Данилевский вспоминает: «Из Цейца я поехал едва живой от усталости через Альтенбург в Пениг, где назначена была главная квартира, ибо положено было отступить на правой берег Эльбы. Император и несколько приближенных к нему особ проскакали мимо меня во весь опор в колясках. Князь Волконской, сидевший в одной из них... остановил коляску и сказал: «Напиши в реляции, что мы идем фланговым маршем!» Едва он выговорил сии слова, как закричал... «пошел!» и понесся вслед за государем» [35]. Маскируя неудачу, использовали идеи покойного фельдмаршала. Разумеется, были лица, пытавшиеся возложить вину на союзников: «Недостаточная верность рекогносцировки неприятельской позиции, обманула пруссаков в численности неприятеля и им пришлось перейти к оборонительному образу действий» [36]. Однако, нужно было воевать дальше, и оговоры не нашли почвы для проникновения в массы.

Первой в числе причин, «по коим нас под Лютценом разбили» Н. Н. Муравьев выделял отсутствие «настоящего главнокомандующего», вместо которого распоряжались монархи, а под ними — все, кто имел дворянское и служебное старшинство: «Приказания часто перечили одно другому; случалось что и флигель-адъютанты приказывали», а также увидевшие беспорядок командиры корпусов. Следующими причинами он называет неиспользование кавалерии и пассивность левого фланга [37].

Поведение Витгенштейна после Лютцена напоминало метания Кутузова после Бородина. На совещании главных начальников, созванном в 9 часов вечера на высоте впереди селения Вербена, он, «сколько можно было судить из его первых слов, желал сразиться снова. Но многие обстоятельства заставляли его сомневаться в успехе боя». Закончилось собрание тем, что полководец, «не отваживаясь принять на себя ответственность в решении... отправился в главную квартиру союзных монархов... Объяснив императору Александру... обстоятельства, Витгенштейн испросил соизволение государя на отступление к Эльбе. Но надлежало еще согласить к тому прусского короля, что было нелегко» (он оказался под угрозой разорения Наполеоном своего королевства, как Ростопчин — Москвы). Лишь после консультаций с

Шарнхорстом король согласился на это решение [38]. Зато в личной переписке Витгенштейн выставлял загубленную им битву как победу: *«Дело под Лютценом было блестящее. Наполеон разбит. Мы отняли у него шесть пушек и взяли много пленных»* [39]. Сравнение поведения двух полководцев позволяет понять, что гадкие с точки зрения современного человека и офицера поступки Кутузова под Москвой были для представителей дворянской военной верхушки того времени поведением вполне типичным. Скоро безответственность приведет Петра Христиановича к тому же банкротству, из какого чудом выбрался Михаил Илларионович.

Ничто не могло возместить союзникам утрату возможности быстро завершить войну. После разгрома 1812 года, *«разбитый под Люценом и принужденный отступать, он утратил бы нравственное могущество над умами в немецкой земле, и лишился содействия союзников своих. Тогда отложились бы от него мгновенно многие владельцы Рейнского Союза и перешли на нашу сторону. Так, например, Саксонский король, единственно из опасения последствий Люценского сражения, возобновил союз свой с Наполеоном»* [40]. По этим причинам Бонапарт поспешил объявить битву своей победой. Союзники объявили то же самое, хотя им пришлось отказаться от позы скорых освободителей Германии. Неудача умерялась отказом от дальнейших сумасбродств, и довольно быстро из-под оседающей пыли отступивших колонн проявился нерешительный исход битвы, симптоматичный для пристально наблюдающей за военными событиями Австрии.

Соотношение потерь оказалось не в пользу Наполеона. Этот момент был достигнут превосходством союзной артиллерии на поле боя, и начальным позиционным перевесом союзников, для исправления которого Бонапарт был вынужден вводить в бой резервы частями по их прибытии, как в свое время поступал Кутузов. *«Потеря французов убитыми и ранеными простиралась до 15000 человек; у нас выбыло из строя: русских 259 офицеров и 2856 нижних чинов; пруссаков 8000... в плен взято 800 французов. До 1000 русских и пруссаков, большею частью тяжело раненых, по недостатку подвод, остались на поле сражения, и достались неприятелю на другой день после нашего отступления»* [41]. *«Наполеон потерял до 15 т. чел., союзники, — немногим меньше, но захватили до 800 пленных и 5 орудий»* [42]. *«Сражение при Люцене стоило французам убитыми и ранеными вообще до пятнадцати тысяч человек... урон союзных войск весьма лишь немногим уступал неприятельскому»* [43]. Как и раньше, героизм и жертвенность патриотично

настроенных пруссаков и отличные боевые качества русских меньше значили для успеха, чем твердое и компетентное командование.

Лютценская интенсивная битва опять выявила малость возимого боезапаса русской артиллерии: *«Причиною отступления, как говорили, был недостаток в огнестрельных снарядах»* [44, 45]. Это стало пятном на карьере генерала Ермолова. Алексей Петрович писал главному виновнику ошибочных раскладок боекомплекта Аракчееву: *«Общая молва обвиняет меня недостатком снарядов. Я все то имел при армии, что имел в распоряжении; более не мог иметь того, что мне дано... Если что упущено мною по нерадению о должности, по недостатку деятельности, я испрашиваю одной и последней милости — военного суда, которого имею я все причины не страшиться и единственным к оправданию средством»* [46]. Своему другу А. П. Казадаеву Ермолов жаловался: *«Никто не хотел слушать моих оправданий, никто не хотел принять моих бумаг, ясно показывающих недостаток данных мне средств, о которых всегда прежде известно было начальству»* [47]. Неудача Ермолова открыла дорогу Л. М. Яшвилю, который вступил в должность начальника артиллерии Главной армии 5 мая 1813 года, и вскоре довел русское артиллерийское дело до образцового порядка.

Итак, нелегко было найти замену Кутузову. А затем ранение при Лютцене генерала Шарнхорста (не излечившись, он умер от осложнений) и разочарование Александра I в Волконском нанесли военному наследию Михаила Илларионовича последний удар. Не осталось крупных генералов, разделяющих его мысли. Не было учеников, не пошли в высокий полет согласившиеся с его методами руководства, отступившие в тень перед ним Тормасов, Милорадович и Ермолов. У военного дела России оказался один единственный путь вперед: исправить ошибку Александра I, шарахнувшегося в августе 1812 года под влиянием истеричных ура-патриотов, и вернуть на высшую ступень командования Баркляя де Толли, соединив его неподверженный интригам ум с деятельностью лучших генералов штаба Витгенштейна. Этому поспособствовала битва при Бауцене 8–9 (20–21) мая 1813 года. Будучи возвратом к оборонительной и стесненной диспозиции типа Бородино, она окончательно дискредитировала Витгенштейна. Противник был едва остановлен русской артиллерией [48]. Благодаря ей соотношение потерь снова оказалось 1 : 1,5 не в пользу Бонапарта.

После Бауцена продолжилось отступление. В трудно оправлавшейся от разгрома Москве *«известия, дошедшие сюда из разных мест*

*об отступлении войск наших за Эльбу, произвели страх и уныние... Если неизвестность о военных действиях наших продлится доле и не пресе-
чется или победами или занятием вторично Дрездена, то много беспо-
койства здесь будет» [49].* В обстановке общего недовольства русские генералы через посредство Милорадовича смогли убедить Витгенштейна добровольно уступить должность главнокомандующего более достойному. То, что Петр Христианович не держался за место, и не имея «генералопожирательных» инстинктов Кутузова, успел привести в Главный штаб Яшвиля, Дибича и Довре, следует рассматривать как его добрые достижения.

Барклай де Толли вступил в должность главнокомандующего союзными армиями 29 мая 1813 года. Начальником штаба вверенных ему армий, сменив Довре, стал генерал Сабанеев, снискавший расположение Барклая при осаде Торна и Бауцене. Усилия Сабанеева привели в порядок расстроившиеся армии. Место свое он уступил не менее талантливому Дибичу [50]. Не было чудес; лишь не всегда правильное, но в целом положительное движение набравших большой боевой опыт военных кадров. Благодаря своим заслугам они «просачивались» на охраняемые дворянским старшинством высшие командные должности. Отживали свое коррупционные и фаворитические схемы работы интендантств и штабов. Наконец, через 14 месяцев после начала войны 1812 года, последовало первое разгромное поражение крупного французского корпуса генерала Ж.-Д. Вандама под Кульмом. Примерно такое же время потребовалось в ходе Второй мировой войны на исправление ситуации в РККА и возврат к незаслуженно ошельмованным советскими ура-патриотами профессиональным военным наработкам и отношениям.

Говоря о наследии М. И. Кутузова нельзя обойти стороной его политико-административную часть. У Михаила Илларионовича, специально привлеченного Александром I и П. М. Волконским для решения задач в оккупированном герцогстве Варшавском и союзной Пруссии, были здесь заметные достижения. Даже критичный Троицкий констатирует: *«В Польше Кутузов снова отлично проявил себя и как администратор. Именно он разработал положение о Временном правительстве Варшавского герцогства, утвержденное Александром I 1 (13) марта» [51].* Конечно, Кутузов не единолично создал *«Образование Верховного временного совета, учреждаемого для управления Варшавским герцогством»* и прилагаемую *«Записку о предметах, в начальном образовании Верховного совета особенного внимания требующих» [52].*

Но для их редакции он использовал губернаторские навыки, оградив свою власть (п. 3), интересы вверенной ему армии (п. 18) и вложив в текст политические и умиротворяющие декларации (п. 10). Еще больше рука фельдмаршала чувствуется в записке. Речь идет об устройстве внутреннего управления под властью Верховного временного совета, даются практические указания в управлении казенными имуществами, расчетах по продаже хлеба, способах контроля над продажами табака и пр., даже о конкретных кандидатурах лиц, полезных в той или иной области управления. Такой суммой знаний мог обладать только Виленский военный и гражданский губернатор, хорошо знающий сопредельный польский край.

Из пакета сопровождающих документов видно, что состав Верховного временного совета для управления Варшавским герцогством обсуждался между Кутузовым и Александром I до издания рескрипта, его утвердившего, и полководцу удалось провести в него две желанные ему кандидатуры: В. С. Ланского (в президенты) и управляющего имениями короля Саксонского в герцогстве Варшавском де Коломба (упомянут в «записке»). Фельдмаршал торопит Ланского со вступлением в должность и ориентирует его использовать новый властный орган для воздействия на сохранившего верность Наполеону генерала Понятовского, чтобы склонить его к прекращению борьбы против России. Не забыл Михаил Илларионович и собственные интересы. По «Образованию» Ланской стал прямым подчиненным Кутузова, и тот сразу же пишет ему: *«Вашему превосходительству по прибытии в Варшаву, надлежит с того же времени заняться... образованием Совета. В сем вспомоществовать вам будет г. де-Коломба... имеющий достаточные сведения не только по части финансов, но и по всем прочим важнейшим предметам, рассмотрению и уважению Совета подлежащим. Для открытия Совета нет нужды ожидать всех гг. членов; но коль скоро, кроме г. де-Коломба, прибудет хотя один еще советник, то Совет тогда же возыметь должен настоящее свое действие, а между тем ваше высокопревосходительство, яко генерал-губернатор, обнарудуете воззвание Совета, предпишете выбор в Центральный комитет депутатов и к замещению праздных должностей в префектурах»* [53]. То есть, Кутузов стремился получить контроль над всей административной и финансово-распорядительной деятельностью Верховного временного совета, а чуждые ему кандидатуры со стороны Александра I оттирались.

Рапорт фельдмаршала на высочайшее имя от 9 (21) марта гласит: *«Когда армиями вашего императорского величества занято почти все*

герцогство Варшавское, для отвращения могущей возникнуть здесь и в Пруссии дороговизны на хлеб, равно для облегчения способов в продовольствии войск российских и собственно для кругообращения капиталов посредством хлебной торговли... нужно бы отменить существующее запрещение на вывоз хлеба из России в прусские владения и герцогство Варшавское». Михаил Илларионович желает занять контрольную позицию в хлебных спекуляциях, которой он ранее обладал в Вильне. Иного толкования не допускают его собственные слова в вышеупомянутой записке к «Образованию»: «Весьма полезно как можно поспешнее учредить сие управление, дабы воспользоваться дорогою ценою хлеба и получить с арендаторов следующие по контрактам деньги». И это не все. В наш век борьбы с коррупцией легко понять, какие конвертируемые полномочия давало Кутузову введение в Польше суда «именем Верховного временного совета герцогства Варшавского» [54].

То же и в Пруссии, действия фельдмаршала не исчерпывались подписанием 26 марта (6 апреля) 1813 года объявления об учреждении административного совета для союзных государств Северной Германии и назначением его временным президентом барона К. фон Штейна [55]. Кутузов работал с чиновниками президента Главного управления Восточной Пруссии Г.-Я. Ауэрсвальда, плотно общался в Калише с представителями прусского королевского двора. Эти связи стали важным источником реванша его влияния, как полководца.

Если Кутузов где-то недоработал по административной линии, то не в доходных, а в затратных вопросах. Понятно желание сократить расходы на содержание армий, но экономия часто наводилась за счет самых незащитных людей. В начале февраля 1813 года, продолжая избавляться от раненых, Михаил Илларионович утвердил «временное положение о заграничных госпиталях», по которому *«продовольствие госпиталей за границами возлагается на счет земли и исправление хозяйственной части на местное начальство». За границей заведомо не могли оказывать лучшего попечения о русских раненых, чем в России, где такая схема провалилась. Экономия продолжалась вопреки тому, что «дошло до сведения генерал-фельдмаршала, что госпитали, учрежденные за границую, находятся в весьма худом положении, что больные остаются без всякого призрения и не только нуждаются в белье и прочих потребностях, но даже и в самой пище и медикаментах... местное начальство ни мало о том не заботится и совершенно оставляет часть сию без всякого его внимания» [56]. Остро не хватало подвижных госпиталей, что являлось следствием утекания денег из*

армейской казны на прочие нужды. Сбор и вывоз раненых в крупных сражениях были неудовлетворительными. К середине 1813 года это «было расценено командованием как серьезное упущение... однако, формирование полевых госпиталей шло медленно, и к Лейпцигской битве они не были развернуты» [57]. Это тоже «заслуга» Кутузова, при всей его оборотистости в иных направлениях. Исправлять ситуацию начали Волконский и Барклай де Толли.

На семейные же дела фельдмаршала средства изыскивались и отпускаясь им без всякой меры. Сколь бы часто и много он не слал денег своей супруге и дочерям (даже стоя одной ногой в могиле, Кутузов отправил им 16 тыс. талеров и обещал прислать еще) [58], ненасытные женщины чрезмерно эксплуатировали любвеобильного главу рода. Они знали, — им не будет отказа. В январе 1811 года Михаил Илларионович писал своей дочери Е. М. Тизенгаузен: «В теперешнее время доходы плохи, — это неприятно, но все тому же подвержены; только до тебя это не касается, потому что я не допущу тебя до нужды». Вскоре он высылает ей 2500 руб. [59]. Мало кто знает об отношениях Кутузова с душевнобольным братом Семеном и ограниченно дееспособной сестрой Дарьей. Он устроил их дела, выхлопотав Дарье Илларионовне пенсию 2 тыс. руб. в год, и выплатив по 9 тыс. руб. за имения брата Семена и старшей сестры Анны, чтобы они не ушли за долги [60].

После смерти главнокомандующего оказалось, что долги его женщин много возросли с 1806 года, когда в обязательства семейства впервые вмешался император. Они стали грозить репутации покойного героя и самого царя (не мог же он допустить, чтобы престарелая супруга и дети полководца были вышвырнуты из своих домов и имений). Поэтому именным указом от 4 декабря 1813 года Е. И. Голенищевой-Кутузовой было назначено пожизненное содержание в размере жалования, которое Михаил Илларионович получал в заграничном походе, то есть более 86 тыс. руб. в год. Сверх того, 30 августа 1814 года Александр I предписал министру финансов выдать вдовствующей супруге фельдмаршала 150 тыс., а каждой из его дочерей по 50 тыс. руб. на оплату долгов. То есть, 486 тыс. руб. вместе с пенсией на 1814 год [61]! Чтобы понять, как это много, достаточно указать, что данная сумма равна 0,25 % расходов казначейства на армию в 1812 году. Четыреста таких бенефициариев — и стране с сорокамиллионным населением войну вести было бы не на что! Надо полагать, общая сумма долгов мотоватого семейства много превысила 500 тыс. руб. Поставленный на такой «счетчик» Кутузов искал денег повсюду.

Потомки Михаила Илларионовича продолжали занимать высокие места в дворянском классе России. В частности, произошел династический казус: его праправнучка (по линии дочери Дарьи), графиня Дарья Евгеньевна Богарне, 1870 года рождения, была одновременно праправнучкой императрицы Франции Жозефины Бонапарт и правнучкой Николая I, унаследовав это родство от своего отца — Е. М. Романовского, 5-го герцога Лейхтенбергского. В 1918 году она вернулась в Советскую Россию. В 1927 году приняла гражданство СССР и сменила имя на Дору Евгеньевну Лейхтенберг. Работала в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде (ныне Российская национальная библиотека). В сентябре 1937 года была репрессирована и вскоре расстреляна, не дожив до сталинской канонизации Кутузова, которая могла обеспечить ей спокойную старость.

Еще одной успешной стороной деятельности Кутузова была его постоянная работа с патриотической общественностью. Тут Михаил Илларионович, способный наскоро выносить смертные приговоры и изрыгать площадную брань, был добр, скромнен, терпелив. Он понимал, что громкое имя — тоже капитал, и рассылал письма о своих преувеличенных военных успехах губернаторам, предводителям дворянства и командующим другими русскими армиями. В последнем случае это шло в ущерб тактическим и стратегическим вопросам, такую практику попрекали как *«цесарское маранье бумаг и самохвальство»* [62]. Главком состоял в переписке с Д. И. Хвостовым, Ф. М. Синельниковым, Г. Р. Державиным, А. Ф. Коцебу и многими другими деятелями культуры, которые писали ему панегирики. При штабе Кутузова в армейской походной типографии служил поэт В. А. Жуковский, составлявший известия штаба и писавший популярные патриотические стихи. Многие авторы, к примеру, И. А. Крылов и А. П. Бунина, не рискуя утруждать самого военачальника, обращались со своими творениями к Е. И. Кутузовой, а она пересылала их Михаилу Илларионовичу и передавала авторам его замечания [63]. Екатерина Ильинична, острая на язык, являлась рупором полководца при дворе и в дамских салонах.

Кутузов никогда не перечил самым диким патриотическим слухам, никого от них не защищал, а лишь скромничал и осторожно подливал выгодную для себя информацию в их русло, удерживая героическую позицию. Любое слово кумира ловилось на лету, отзываясь плоскими анекдотами. Отъехавший из армии Барклай де Толли был ошарашен нелепостью пересудов: *«Всемиловнейший Государь!*

Проезжая губернии внутренние, с сокрушением сердца слышу я повсюду различные толки о действиях армий наших, и особливо о причинах отступления их от Смоленска и Москвы. Одни приписывают то робости, другие недостаткам и слабостям разного рода, а некоторые, что всего оскорбительнее, даже измене и предательству!» Эти впечатления послужили для Барклая побудительным мотивом к написанию «Изображения военных действий 1-й армии в 1812 году», сначала появившемуся в форме краткого объяснения [64].

Кутузов, в отличие от Барклая, лицемера и принимая эффектные позы, умел представить себя перед войсками и дворянством в самом лучшем виде. Пример его театрального мастерства — обыгрывание полета орла, замеченного над русскими войсками, глядя на которого главнокомандующий будто бы снял с себя перед строем головной убор и произнес: *«Здравствуй, добрый вестник!»*. Этой широко разошедшейся истории были посвящены стихи и картины. Скоро потерялось, где же парил орел: у Синельникова орел кружит над Царевым-Займищем, а на приложенной к рассказу литографии *«Князь Кутузов осматривает армию перед Бородинским сражением, и парение явившегося над ним орла»*. В старейшем биографическом издании военного министерства орел парил над Бородинской позицией *«в виде вестника, ниспосланного во знамение предстоящей победы»* [65, 66].

Из описания очевидца сцены Н. Н. Муравьева познается, что случай с орлом произошел 23 августа 1812 года во время рекогносцировки местности *«на небольшом возвышении против левого фланга 2-го корпуса Багговута»*. Это Багговут, первым заметивший летающего орла, снял фуражку и закричал *«Ein Adler, ach ein Adler»* («Орел, ах, орел!»), а следом Кутузов, *«снял также фуражку свою, воскликнув: «Победа российскому воинству! Сам Бог нам ее предвещает!»* Случай этот тотчас сделался известен во всей армии, и конечно способствовал к вящему ободрению войска» [67]. Генерал Багговут из последующих фантазий исчез, остался лишь моментально среагировавший на возможность подать себя и поднять воинский дух Кутузов, в обрамлении добавленных позднее декораций.

Как писал наблюдавший за фельдмаршалом И. С. Жиркевич: *«Кутузов был вообще красноречив; но при солдатах и с офицерами он всегда говорил таким языком, который бы им врезывался в память и ложился бы прямо на сердце»*. Если надо было поведать какую-то историю, он повторял свои рассказы на разных языках, *«видимо с целью, чтобы от него перешло это выше — в Петербург»*; а также пересказывал

генералам и офицерам полученные им панегирики [68]. В Силезии главком нашел время пригласить два десятка собравшихся дам, от которых *«слышал множество комплиментов, что они приехали видеть своего избавителя, что им теперь не надобно смотреть на портреты мои, что мой образ запечатлен в сердцах их. На улицах кричат: «Vivat Kutusoff! Vivat der grosse alte!» Иные просто кричат: «Vivat unser grossfater Kutusoff!» Этого описать нельзя, и такого антузиязма не будет в России. Несть пророк честен во отечестве своем»* [69].

Прусский патриотический шквал много сыграл на укрепление репутации Михаила Илларионовича, хотя пруссаки ничего не знали о том, как делалась победа в Отечественной войне. Их вполне устраивала простая схема: великий завоеватель Наполеон побит русской армией, которой командовал Кутузов, следовательно, он и есть выдающийся военный талант, гениальный победитель Бонапарта. То, что подготовка, руководимая Барклаем, длилась годы, а русских армий было несколько, и в войне активно действовали два русских Главных штаба: в Петербурге и Главной армии, — их не интересовало. Зато все доподлинно знал император Александр I, вымаравший из военного журнала слова Михайловского-Данилевского о том, что войска после смерти Кутузова *«осиротели»* [70]. Часто говорят, что царь действовал из неприязни; но если подумать, его понимание роли полководца соответствовало русской былинной традиции, любящей и уважающей богатырей-защитников, но никого из них непомерно не возносящей, четко разделяющей ратное дело с властью и политикой.

Иным было понимание прусского короля, — в русле немецкой героической традиции, воспевающей слияние силы и власти (венцом чего вскоре стала молодая и агрессивная Германская империя). В Бунцлау Кутузову был воздвигнут чугунный обелиск высотой 11 м 63 см с лежащими у его подножия четырьмя львами и надписью: *«До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас отечество свое, он открыл путь к избавлению народов, да будет благословенна память героя. Ему поставил сей скромный памятник Фридрих-Вильгельм III»* [71]. Такого рода рефлексия в течение XIX—XX вв. закрепляется и в общественно-политическом сознании России. Одним из первых ее литературно оформляет наблюдавший сцены всеобщего почитания фельдмаршала в немецких землях Михайловский-Данилевский, называя Кутузова *«спасителем миллионов»*. Ему вторит Синельников: *«Бессмертный герой», «Спаситель Отечества»*.

*«Ежели вся Европа чувствует себя признательною к подвигам бес-
смертного князя... то кому из истинных сынов России не будет при-
ятно знать все подробности, относящиеся до жизни сего великого, сего
беспримерного, сего чудесного мужа»* [72, 73]. Произошел взрыв пане-
гирической литературы о Кутузове, всякий хотел составить себе на
этом поприще моральный капитал. Но где сегодня признательность
Европы? И сколько шрамов оставил на теле России слепой вождизм
и ура-патриотизм? Разве не лучше отдать фельдмаршалу соразмер-
ную дань уважения, а себе — отчет в ошибках, чтобы никогда больше
не пускать вглубь отечества иноземные полчища, не издеваться над
соседними народами, и не разваливать страну, сначала зацеловывая,
а затем бессильно и запоздало проклиная каждого нового «великого,
беспримерного, чудесного»?

Прусский патриотизм маскировал и материальные недостатки
русской военной машины, коренящиеся в неизбывных разгильдяй-
стве и казнокрадстве, каким плохо противостоял и частью которых
был Кутузов. В 1813 году русская армия просила пруссаков *«снабдить
нас, хотя взаймы, снарядами и порохом»* [74]. Прусские пожертвования
восполнили острые недостатки в фураже и провианте для войск, пло-
хо подвозимых из России, где по военным подрядам и заказам шел
суший грабеж.

Конечно, такими вопросами не задавались толпы людей, искрен-
не оплакивавших фельдмаршала. Похороны Кутузова в Петербурге
в июне 1813 года стали не только государственным, а поистине все-
народным мероприятием. Но далеко не все, объединенные любовью
к родине и скорбью по случаю смерти человека, ставшего одним из
ее символов, разделяли унизительно несамостоятельные, холопские
выводы Синельникова и ему подобных. Начали появляться серьез-
ные работы, в которых объяснялись для пользы молодого офицерства
некоторые ошибки. Можно лишь присоединиться к словам Богдано-
вича: *«Напущаемый в вечность благословениями современников, он
должен жить в памяти потомков, как орудие Всесильного промысла,
порадившее завоевателя... Скажем, что он был вождем русских в ве-
ликой войне, поколебавшей преобладание Наполеона, что... он принес
в жертву последние дни свои великому делу освобождения Германии.
История не забудет этих подвигов. Она не допустит в скрижали свои
ни возгласов лести, ни шипения зависти, равно оскорбительных для свя-
щенной памяти великого мужа»* [75].

1. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 643, 644. С. 557–558.
2. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 690.
3. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 136–137.
4. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 192.
5. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 132.
6. Тарле Е. В. *Нашествие Наполеона на Рос.* // Тарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 731.
7. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 642, 646. С. 560, 566.
8. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 133.
9. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 115.
10. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 168.
11. Там же. С. 153–154.
12. РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 690.
13. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 163.
14. Там же. С. 166.
15. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 625. С. 541.
16. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 172.
17. Орлов Н. А. *Война за освоб. Германии в 1813 г. и низлож. Наполеона в 1814 г.* М., 1911. С. 14.
18. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 164–165.
19. Там же. С. 172–174.
20. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 157.
21. Леер Г. А. *Записки стратегии.* Вып. I. СПб., 1877. С. 190–191.
22. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 151–152.
23. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии.* СПб., 1863. Т. 1. С. 175.
24. Орлов Н. А. *Война за освоб. Германии в 1813 г. и низлож. Наполеона в 1814 г.* М., 1911. С. 14.
25. *Истор. лейб-гв. Егерского полка.* СПб., 1896. Т. 1. С. 104.
26. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 155.

27. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии*. СПб., 1863. Т. 1. С. 179.
28. Там же. С. 184–185.
29. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 158.
30. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии*. СПб., 1863. Т. 1. С. 187–188.
31. Левенитерн В. И. *Записки лифляндца* // *Воен. сб.* 1865. № 9. Отд. неофиц. С. 169–170.
32. Михайловский-Данилевский А. И. *Журн. 1813 г.* // 1812 г. *Воен. дневники*. М., 1990. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. *Журн. 1813 г.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>, 04.04.2018.
33. Там же.
34. Орлов Н. А. *Война за освоб. Германии в 1813 г. и низлож. Наполеона в 1814 г.* М., 1911. С. 15.
35. Михайловский-Данилевский А. И. *Журн. 1813 г.* // 1812 г. *Воен. дневники*. М., 1990. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. *Журн. 1813 г.* URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>, 04.04.2018.
36. Зноско-Боровский 1-й Н. А. *Истор. лейб-гв. Измайловского полка*. СПб., 1882. С. 68.
37. Муравьев Н. Н. *Записки* // *Рус. Архив.* 1885. № 12. С. 466–467.
38. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии*. СПб., 1863. Т. 1. С. 190–191.
39. Витгенштейн П. Х. *Письма* // *Рус. Архив.* 1913. № 3. С. 361.
40. Михайловский-Данилевский А. И. *Опис. войны 1813 г.* СПб., 1840. Ч. 1. С. 162.
41. Там же. С. 161.
42. Орлов Н. А. *Война за освоб. Германии в 1813 г. и низлож. Наполеона в 1814 г.* М., 1911. С. 15.
43. Богданович М. И. *Истор. войны 1813 г. за независ. Германии*. СПб., 1863. Т. 1. С. 191–192.
44. Радожицкий И. Т. *Походные записки артиллериста. Война в Германии*. М., 1835. С. 88.
45. Глиноецкий Н. П. *Кр. биогр. ген. от арт. Ермолова* // *Воен. сб.* 1861. № 5–6. Отд. неофиц. С. 252.
46. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН*. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 365. С. 488.
47. Ермолов А. П. *Письма* // *ОР РНБ. Ф. 325. Ед. хр. 33. Л. 49.*
48. Орлов Н. А. *Бауценское или Вурштенское сражение*. СПб., 1883.
49. Дубровин Н. Ф. *Отеч. война в письмах соврем.* // *Записки ИАН*. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 368. С. 490.
50. Михайловский-Данилевский А. И. *Александр I и его сподв.* СПб., 1845–1850. Т. 5. Кн. М. Б. Барклай де Толли. С. 80; Т. 2, И. В. Сабанеев. С. 8–9.

51. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 334.
52. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 370, 371. С. 329–337.
53. Там же. Док. № 372, 393, 495. С. 338, 357–359, 439.
54. Там же. Док. № 371, 434, 486. С. 337, 393, 434–435.
55. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 335–336.
56. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Прил. 1 к док № 316, док № 235. С. 200–201, 272–273.
57. Будко А. А. Журавлев Д. А. Мед. обеспечение войск в заграничных походах русской армии // Вестник СПб. гос. ун-та культуры и искусства, 2012. С. 603–610.
58. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 637. С. 550.
59. Кутузов М. И. Письма // Рус. Старина. 1874. № 5–8. С. 353–354.
60. Макеенко Л. Н. Замеч. люди Опочецкого уезда: Голенищевы-Кутузовы и др. Опочка, 1997. С. 29, 31–32.
61. Троицкий Н. А. Фельдм. Кутузов. Мифы и факты. М., 2002. С. 341.
62. Бумаги гр. А. А. Закревского // Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 463.
63. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. — Т. 4. Ч. 2. Док. № 311, 569, 661. С. 300, 559, 649; Т. 5. Док. № 449, 572. С. 406–407, 504.
64. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах современ. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 203–205. С. 287–294.
65. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 210.
66. Жизнь и воен. подвиги ген.-фельдм., св. кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смол. СПб., 1813. С. 158.
67. Муравьев Н. Н. Записки // Рус. Архив. 1885. № 10. С. 251.
68. Жиркевич И. С. Записки // Рус. Старина. 1874. № 5–8. С. 658, 660–661.
69. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5. Док. № 578. С. 510.
70. Михайловский-Данилевский А. И. Журн. 1813 г. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. Журн. 1813 г. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>, 04.04.2018.
71. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 5, прим. к док. № 651. С. 571.
72. Михайловский-Данилевский А. И. Журн. 1813 г. // 1812 г. Воен. дневники. М., 1990. См. также: Михайловский-Данилевский А. И. Журн. 1813 г. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html>, 04.04.2018.
73. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 419.
74. Эйлер А. Х. Записки // Рус. Архив. 1880. Кн. 2. С. 364.
75. Богданович М. И. Истор. войны 1813 г. за независ. Германии. СПб., 1863. Т. 1. С. 118.

Заключение

М. И. КУТУЗОВ КАК РЕАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ, ГЕРОЙ СВОЕГО И НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Завершая описание жизни и деятельности генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова по множеству источников, исследовав его войны и сражения, можно более-менее достоверно определить подлинный образ знаменитого полководца. Он оказывается далек от золоченых картинок, разворачиваемых пропагандой и мифологизированной историей. Не обнаруживается ничего поистине гениального, — зато перед нами оказывается образованный и деятельный человек своего привилегированного класса и времени, с присущими его классу принципами, привычками, пороками, тягой к власти, роскоши и вседозволенности. Сегодня мы знаем деятелей аналогичных качеств и дарований, вокруг которых ведутся те же попытки надуть ореол исключительности. Ошибки и недостатки Кутузова оказываются такими же ценными для понимания, как достоинства, превращая полководца в яркий и типический образ заката екатерининского времени. Наконец-то образ виден в динамике: не как монумент, а реальный человек с развитием пороков и прогрессом достоинств.

Первой не выдерживает критики народность, которую придется понимать только как широкую известность Кутузова, соединившуюся в момент наполеоновской угрозы для страны с массовыми иррациональными чаяниями, основанными на тоске по добрым екатерининским временам, недоверии к иностранцам и желании восстановить пошатнувшееся имперское величие. Каждый видел в этом какую-то пользу для себя, даже крестьяне, надеявшиеся избежать усиления гнета и военных разорений. Проекция на полководце сословных и общественных иллюзий стала первым, прижизненным слоем лака на образе. Создание золотой маски было довершено его попаданием в зону профита царской, а затем советской неоимпериалистической пропаганды.

Родившийся в семье крупного помещика и царского генерала Кутузов не мог воспитываться иначе, как в духе патерналистского, высокомерного и пренебрежительного отношения к зависимым, лично несвободным солдатам, слугам и крестьянам. В том же направлении

действовало его упорное стремление пробиться в ряды придворных первой руки. Без флера притворств и иллюзий Михаил Илларионович предстает перед нами упрямым и властным, подчас грубым и жестоким, с холерическим темпераментом, проявлявшимся там, где можно было вести себя раскованно с подчиненными. В то же время, в генеральском кругу и при царском дворе он был лицемерным и конкурентным, не чураясь лакейства, оговоров и взяток за покровительство. А в личном быту, обустроенном трудом слуг, — с детства сибаритствующим и ленивым. Кутузов как полководец не умел и не ставил себе целью минимизировать народные жертвы, мало отличаясь в этом отношении от Наполеона. Он был чужд прогрессивным течениям мысли, воспринимая их скорее как угрозу, чем как необходимую дань развитию общества, не останавливался перед поджогами городов и селений, не любил и плохо использовал в руководстве коллегальность, избегая ее путем интриг.

Давно пора отрешиться от утопического взгляда на военные, административные и судебные полномочия, как на такие, что доверяются только бескорыстным слугам народа и государства. Тогда дела и документы Кутузова открываются в поле реальных отношений XIX в., о которых император Николай I говаривал: «В России не крадет только один человек — это я!». В те времена считалось нормальным, если чиновник или генерал «закладывал свой интерес» (как сказали бы сегодня) в порученное ему дело. Русские военные власти, опираясь на силу, занимались на оккупированных территориях «крышеванием» купцов, торговых путей, даже целых отраслей экономики, а скупкой за бесценок награбленного (трофеев) — это само собой. Свое место в этой системе отношений занимал и Кутузов. Все на эту тему написанное предназначено не к очернению полководца с высоты морали XXI века, а для полноты образа, и против лживой апологетики.

Вслед за народностью исчезает некая судьбоносная, спасительная роль, будто бы принадлежащая Кутузову в деле защиты России. На основании массы документов и свидетельств современников это оказывается не так. Если у кого-то в те времена была такая роль, то первым претендентом на центральное место в пантеоне 1812 года надо назвать М. Б. Баркляя де Толли. В ходе борьбы с Наполеоном не было применено ни одного стратегического и тактического решения, которое ранее не обдумывал бы Барклай, а утрата его соображений при смене командования дурно повлияла на ход операций. Н. П. Шиш-

ков донес до потомков голоса критиков Кутузова, утверждавших: *«Он ничего не сделал, а только счастливо исполнил план Баркляя де Толли, что мог бы исполнить и всякой»* [1]. Равным образом, лучшие страницы русско-турецкой войны 1806—1812 гг. связаны с именем Н. М. Каменского 2-го. Кутузов может почитаться наравне с этими титанами только как главнокомандующий, принявший у них армию и доведший обе войны до победы. Безусловно, это большая заслуга, но он оказывается одним из трех крупнейших русских полководцев данного периода, а не единственным незабвенным. Рядом стоит четвертая фигура — П. М. Волконского, автора Петербургского плана окружения Наполеона на Березине и соавтора плана Кутузова — Волконского — Шарнхорста. А за вождями — плеяда генералов, роль которых тоже оказывается выше описываемой апологетами.

Общая характеристика личности полководца оказывается ближе к той, какую сообщили Наполеону, и дополнил послевоенными знаниями Ф. П. де Сегюр: *«Его значение было неоспоримо, но его упрекали в том, что он нередко действовал под влиянием своих личных интересов; он был слишком расчетлив. Он обладал гением медлительным, склонным к мстительности и особенно к хитрости... он был скорее ловким царедворцем, чем опытным генералом... Он умел пленить как целый народ, так и каждого в отдельности, начиная с генерала и кончая простым солдатом»* [2]. Раздутость образа — дело пропаганды, целью которой всегда было подкладывание людям ориентиров, на которые они смотрели бы с обожанием, не озабочивая власть имущих требованиями исправить неудовлетворительное во многих отношениях положение. Избавившись от этого миража, необходимо изучать вопросы о значении *настоящей* личности и деятельности Кутузова для русской армии, военной науки и государства. При этом не нужно лезть к нему в постель или на обеденный стол, чем грешат некоторые исследователи. Понятно, что таким способом они хотят в самом эффективном виде разоблачить обман, но тем подменяют критику злокачественных общественных явлений литьем помоев в адрес одного человека, а это лишает такую критику и привлекательности, и убедительности.

Хотя Михаилу Илларионовичу от рождения была начертана наследственная военная карьера, не здесь лежали главные интересы Кутузова. Молодой Михаил охотно принимал столичную жизнь дворцовую, политическую и дипломатическую стезю, имел способности к иностранным языкам, риторике и разбору хитросплетений

интриг. Не случайно, прежде чем оказаться в действующей армии, он дважды задерживается в Петербурге: как флигель-адъютант принца Гольштейн-Бекского, и в секретариате Уложенной комиссии. Затем его отвратили от военно-полевой карьеры мстительное самодурство Румянцева и тяжелые ранения. В свои зрелые годы Кутузов не любил войну, как следует из ряда его личных писем: *«Когда смогу я, наконец, забыв про бойню, соединиться с вами!»* [3]. Зато при царском, султанском, шведском и прусском дворах он чувствовал себя как рыба в воде.

Увы, Кутузов не сумел построить дипломатическую карьеру. В последние годы жизни Екатерины II он прорвался в послы, но не закрепился на этом поприще. Виной тому были фаворитизм (генералу пришлось прибегнуть к протекции П. А. Зубова и позволить ему распоряжаться своей судьбой), вновь окрепшее старшинство или местничество, а потом — резкие переломы от екатерининских к павловским и александровским порядкам. Другой препоной был его характер: путь дипломата при нужной для этого дела изворотливости требует кристальной честности перед сувереном, а Михаил Илларионович был слишком себе на уме. По этой причине Александр I, которого было сложнее провести, чем взбалмошного Павла I, не любил его. Кутузову остались только две стези — военная и административная. Из них он предпочитал вторую.

Рассматривая М. И. Кутузова как администратора и губернатора, виден его постепенный рост. Вряд ли он был хорошим литовским военным губернатором в свою первую каденцию 1799—1801 гг., проводя время при Павле I в Петербурге. Неосторожен он был в должности Петербургского военного и гражданского губернатора в 1801—1802 гг. Вскрывшиеся протекционистские злоупотребления и плохая работа столичной полиции вкупе с неискренними докладами Александру I вызывают его первую опалу. По сходным причинам, из-за материальных злоупотреблений и плохого контроля за делом, неудачен был в 1806 году дебют Михаила Илларионовича в роли организатора нового войска против Наполеона. Но, получив один за другим два крепких урока, в должности Киевского военного губернатора он смотрится более уверенно. Как управитель Дунайских княжеств, — уже хорошо, если не считать прежнего гула махровой коррупции, который следует за ним по пятам; а в должности Литовского военного губернатора в 1809—1811 гг. — отлично. Превосходны его административные и политические навыки, продемонстрированные в Польше и Пруссии в

1813 году. И опять мы видим, как Кутузов пытается взять под личный контроль управление и доходные статьи экономики герцогства Варшавского.

Собственно же полководческая деятельность Кутузова была наименее успешна. Коррупционные и фаворитические методы руководства, которые усвоил и постоянно использовал Михаил Илларионович, будучи терпимы в мирное время, не годятся для действующей армии. Запутанны при князе Смоленском вопросы снабжения войск, и при его похвальном бдении над ними, теневой стороной усматривается личная выгода. Не случайно в ходе расследования злоупотреблений и. о. военного министра А. И. Горчакова 1-го прозвучали особые мнения Н. С. Мордвинова и А. С. Шишкова, указывающие, что предложенный министром способ продовольствия армий был лучше, чем предписанный Кутузовым. Практика фельдмаршала характеризуется как *«дорогая для казны, отягожительная и деньгами и ущербом в скоте для народа, и неблагонадежная в выполнении»* [4].

Приходится указать, что ориентирами в военном искусстве для Кутузова были не Румянцев и Суворов, а прусский король Фридрих II Великий, являвшийся скорее успешным политиком и военным администратором, нежели выдающимся полководцем. Своими успехами Фридрих как бы обозначал торжество тех наклонностей, что были у Кутузова. Свою карьеру на большой войне молодой офицер начинал под командованием сторонника прусской системы Ф. В. Боура. Это было не то направление мысли, которое на рубеже XVIII и XIX веков дало военному делу развитие. Консервативные убеждения с упорными попытками приблизиться ко двору не способствовали обращению мысли Михаила Илларионовича к переменам во французской военной школе, а наследие аполитичного и колкого Суворова им вовсе отрицалось, что все более подмечается биографами.

Полковником, бригадиром и генерал-майором Кутузов стал в мирное время, его участие в русско-польских конфликтах и русско-турецких войнах XVIII в. вплоть до вручения главнокомандования его другу Н. В. Репнину не было связано с решением крупных боевых задач. Отряды и корпуса Кутузова действуют против слабого, плохо организованного противника, нередко именуемого просто толпами: *«Кутузов разбивает толпу мятежников»* [5], а действия против них называются *«усмирением бунтов»* или *«восставших»* [6]. В таких войнах негде было применить массу артиллерии, не было нужды в развитии инженерного дела. Действенным средством считалась

крепкая воинская дисциплина и твердые строи — каре и линии. Неудивительно, что Кутузов не проникся ни потемкинскими егерями, ни суворовской «наукой побеждать». Даже столкнувшись с ее вдохновляющим (но и ужасным) примером при штурме Измаила, он продолжал следовать шаблонам прусской линейной тактики.

Осенью 1792 года Кутузов отбывает в Петербург и переходит на дипломатическую стезю, а затем укрепляется при царском дворе. Дворцовая карьера оттачивает в нем лицемерие и угодливость. Как отмечал А. П. Скугаревский, из отменных администраторов и придворных не получаются хорошие боевые генералы. Дарованные Павлом I за поддакивание и маневры ордена и чин генерала от инфантерии не обозначали прогресса в военных навыках Кутузова. Не виден его интерес к формирующейся военной науке. Труды Жомини замечали на столе у Н. М. Каменского 2-го, интересовались ими и другие молодые генералы [7], но нет таких свидетельств о «спасителе». Так человек, могущий быть выше Наполеона, оказался не ровней своему сопернику, уступая ему в практическом применении артиллерии, тактически, да к тому же не умея настаивать на вопросах первостепенной важности перед царем. В 1812 году русский полководец рассчитывал не победить, а перехитрить Бонапарту и удивлялся его провалу, не забывая приписывать ход событий своему таланту.

В прорехах боевого опыта Кутузов был не одинок. Как подмечал Ланжерон, Россия имела *«мало генералов, которые командовали, или хотя бы сражались против дисциплинированных армий... Многие русские генералы отличаются образованием и талантом, но они, за исключением двух или трех, не приобрели опыта... в тактических маневрированиях»*. Князь Смоленский получил такую оценку: *«Михаил Кутузов также считается одним из военных идолов русских. Трудно иметь более ума; но вот и все, что можно сказать о нем»* [8]. Признание тех же фактов сквозит у Богдановича, причислившего к лучшим генералам Екатерининского времени Михельсона, разбившего Пугачева, и Ферзена, — победителя Косцюшко [9]. В охочем до славы дворянском сознании так оно и было, но на поле боя нельзя равнять победителя Массены с палачами повстанцев и партизан. Герои таких «викторий» создавали сильную и ложную конкуренцию настоящим полевым генералам.

Упадок профессионализма с компенсаторными попытками уже сточить дисциплину стал ахиллесовой пятой русской императорской армии. Она оставалась крепкой духом, достойно вооруженной, но

растерявшей своих полководцев и возглавляемой номинальными авторитетами с интригами и вспышками соперничества между ними. *«Не стало полководцев Екатерины; оставались их сподвижники, но общественное мнение, убежденное в их мужестве, не доверяло их искусству»* [10]. *«У нас не доставало... искусных военачальников для борьбы с Наполеоном»* [11]. До Аустерлица, где этот изъян впервые со всей силой сказался, русская армия сто лет не проигрывала сражений. У России по-прежнему трудно было выиграть войну, но нанести ей поражение в одной-двух битвах, добившись психологического надлома царского правительства стало возможно. Наполеон дерзнул, хотя и неудачно, сделать это.

При Екатерине II вновь далеко зашло обояривание перетряхнутой Петром I служилой верхушки. Дворянское сословие вернулось к системе старшинства, уже ввергавшей русское государство в застой в XVI—XVII вв. На высшие военные должности претендовали представители узкого круга родовитых семей. Никто уже не поднимался снизу вверх, как Меншиков, Орлов, Потемкин, Тормасов. Возможности служебного роста для небогатых дворян закрывались, а отпрыски крупных помещиков и придворных к 17 годам «выстреливали» в капитаны (Кутузов оказался в этом чине в 15 лет), а вскоре, перебираясь из гвардии в обычные полки, — в полковники и генералы. Серьезного боевого опыта за такими командирами не числилось. Помимо этого, русские генералы, наряду с прямыми задачами, были вынуждены решать самые разные придворные, родственные и помещичьи дела. Только так они могли поддерживать свой статус. *«Закулисный «византизм» настолько перегружал головы военных чинов привходящими обстоятельствами, что на решение чисто военных вопросов часто не оставалось времени»* [12].

Кутузов, взявший курс на приспособление к прогрессирующим порокам системы, глубоко погряз в них. Когда успех службы больше решался не на службе, расцветали злоупотребления, описанные генерал-поручиком С. М. Ржевским: *«Неограниченность во власти, присвоенная к существенному вреду... Истребление нечувствительное непременных квартир... Неслыханная дороговизна в подрядах... Обиды в произвождении честным и заслуженным офицерам... Отдаление генералов от их полков»* и пр. *«Неужели военная наука так легка кажется, что без всякого разбору произвождение идти может, как будто мундир вселяет в офицера знание, а именной указ сочиняет генерала?»* [13]. Дворянские низы начинали роптать, но по большей части не против знати, а против конкурирующих с ними дворян иностранных фамилий.

Первый болезненный укус дворянское старшинство (возобновившееся местничество) нанесло после смерти Г. А. Потемкина в 1791 году, когда на главнокомандование стали претендовать М. Ф. Каменский и М. В. Каховский. Второй из них был определен для принятия команды Потемкиным, а первый опирался на свое преимущество. *«Старшинство по службе Каменского перед Каховским заключалось в одном только годе. И этот-то один год был сильным поводом к местничеству... В этом споре особенно замечательно и предосудительно для обеих сторон было то, что он происходил ввиду уполномоченных турецких и иностранцев... мог послужить к разрыву мирных переговоров»* [14]. Еще более ядовитым был укус 1812 года в виде распри между Барклай-де-Толли и Багратионом, инициированной последним.

В довершение системного затирания кадров император Павел I погромил и перетасовал офицерство и генералитет. Александр I, прекратив чехарду, не сумел избавиться от ее последствий, не справился с задачей выдвижения в командующие лучших генералов, которую незаметно (частью благодаря осуждаемому всеми фаворитизму) решала его бабка Екатерина. Александр не чувствовал себя так уверенно, чтобы высоко поднимать и крепко защищать своих избранников. Поэтому, со смертью Суворова и обладавшего военными дарованиями Николая Каменского, которого современники называли *«светлой надеждой России»* [15], тяжелый ход русских войн с Наполеоном был заданным. Ротации из военного в гражданское управление и обратно стали нормой, но не решали проблему. На высокие военные посты продолжали назначаться люди, не знающие новой европейской войны. Кутузов в 1805 году мог подготовить репликацию Мачина, но она-то и стала катастрофой Аустерлица. В 1809 году он показал непонимание суворовских приказов при штурме Браилова. Другим примером негодности ротационной системы был Ф. В. Ростопчин, пробившийся с должности командира гренадерского батальона ко двору, и вернувшийся оттуда генералом от инфантерии на должность Московского военного губернатора и главнокомандующего. По своему дилетантизму и ура-патриотическому ослеплению он зря порочил военного профессионала Барклая.

Не Кутузов, а Барклай де Толли разработал стратегическую концепцию отступления вглубь страны с целью истощения наполеоновских резервов и перехвата коммуникаций. Аналогичные идеи высказывали русский посол в Париже князь А. Б. Куракин и резидент А. И. Чернышев. Мысль об отступлении долго казалась царю и

дворянско-помещичьей верхушке неприемлемой как малодушная и ставящая под угрозу их доходы, крепостное право и землевладение. Было бы удивительным, если бы такой взгляд, вопреки всему русскому дворянскому обществу, обосновал Кутузов — опытный придворный и крупный помещик. Однако он сам высказывал подобные мысли на чужой земле перед Аустерлицем, ничего другого не мог предложить, а потому продолжил действовать по ходу событий, заданному ошибками Александра I и умом Барклая. Он даже завел отступление слишком, слишком далеко.

В то же время, призвав на помощь всю свою политическую устойчивость и дипломатическое искусство обмана, Кутузов перечеркнул страх поражения, и сумел воспользоваться ошибками противника. Увы, лишний пиетет и покладистость к Наполеону сильно умеряли цели русского полководца, и вредили их достижению. Помимо военных ошибок, они приводили к курьезным сценкам: *«Когда Данилевский прочел Кутузову проект первого «Известия из армии», он... переменил только одно слово; известие оканчивалось предсказанием, что враги, ворвавшиеся в пределы России, «найдут гробы свои в недрах отечества нашего». — «Почему ты это наверное знаешь, — сказал фельдмаршал, — что они найдут у нас гробы свои? Напиши, что они найдут их может быть»* [16]. Ну, как если бы в 1941 году Сталин заявил, что победа, может быть, будет за нами. В другой раз Михаил Илларионович потребовал от Михайловского-Данилевского убрать из текста некоторые смелые выражения в адрес Наполеона.

Такие качества мешали Михаилу Илларионовичу видеть промахи своего врага, который в 1812 году не явил в военном деле ничего гениального, войдя в собственный период чванливого декаданса. К сентябрю 1811 года относится пророчество Чернышева: *«Наше правительство... должно... продолжать войну насколько это будет возможно. Опыт доказал нам, что это единственный способ, который дает возможность... победоносно действовать против Наполеона, и он всегда затруднялся и делал ложные движения всякий раз, когда встречал продолжительное сопротивление. Никогда не умели пользоваться дурными положениями, в которые он себя ставил, по той причине, что никогда вовремя не заботились собрать необходимые для этого силы»* [17]. Вильсон в конце кампании писал: *«Бонапарте потерял... военное доверие и свою армию. Он сделал такие ошибки, каких не сделал бы человек самый несведущий, получив начальство... и если Франция останется ему верной, то он поставил себя в зависимость от Австрии и Пруссии»* [18]. По

французским отзывам, восточная кампания была полна удручающих ошибок обеих сторон. Авантюрист не единожды был у Кутузова в руках, но фельдмаршал так осторожничал, что ушел с прекрасной позиции у Царева-Займища, потом от Бородина, сдал Москву, сбежал от Малоярославца, а затем упустил две возможности (под Красным и на Березине) уничтожить врага и выпустил его из России.

Тем не менее, роль фельдмаршала в разгроме нашествия не может быть отрицаема как вследствие умелых затяжек времени, так и организованного им, пусть и недостаточно настойчивого преследования. Главная русская армия не была разбита, и в совокупности с нажимом фланговых армий это решило все. *«Генералы Бонапарта говорили ему: «не входите в Москву, дайте сражение Кутузову; вы его разобьете... и вся слава будет за вами». Но он, как Фридрих, сказал в ответ: «Ну вот еще что!» и вступил в Москву... Вот в этих то обстоятельствах нравственные качества Кутузова послужили отечеству на пользу... Он так ловко сумел обмануть этого разбойника, принимая его посланцев с таким важным видом и делая распоряжения, будто готовился к перемирию, что Наполеон пропустил в выжиданиях 38 дней и через это потерял все»* [19]. Таково одно из ярких описаний паллиативного мышления Кутузова. Но надо помнить, что цена замены полководческой силы фельдмаршала его выдающейся хитростью была для России едва вытерпываема и поистине ужасна.

Собственно боевые достижения М. И. Кутузова по снятию с них слоя хвалебных слов обескураживают: *«Результаты получились обратные тем, каких ожидали в Петербурге от перемены главнокомандующего»* [20]. Из впечатления наготы короля исходили многие современники, включая М. Б. Баркляя де Толли, П. И. Багратиона, Д. С. Дохтурова, А. П. Ермолова, М. А. Милорадовича, Н. Н. Раевского, И. Ф. Паскевича и И. П. Липранди, характеризую усилия поставить князя Смоленского на первый план как безуспешные. В ответ апологетическая традиция, превозносившая *«вождя спасения»* бурчала, что они относятся к Кутузову с *«явным предубеждением и извращением истины»* [21]. Отметая любые упреки и замечания, апологеты и по сегодняшний день уклоняются от разборов по существу, не желая декларировать юми истину установить. Подобная позиция простительна разве что родственникам фельдмаршала.

Легко обнаруживаются умолчания об ошибках и приписки в пользу Кутузова от целого ряда генералов. В военной истории не прижилась идея Коллюбакина считать днем начала Бородинской операции

8 (20) августа 1812 года, когда Кутузов еще не прибыл к армии [22], но и не была дана научная оценка прерванной Царево-Займищенской операции Барклая, развивавшейся с 8 по 18 число. Предостережением от постыдного образа мышления навеки останутся упреки Бутурлина в адрес командира 3-го пехотного корпуса генерала Н. А. Тучкова 1-го, смертельно раненого при Бородино, а единственным извинением тому — незнание подлинного хода сражения, в котором Бутурлин не участвовал [23]. Историк от своих необдуманных слов отказался, но двести лет спустя вновь звучат невежественные суждения в адрес генералов Е. И. Чаплица и И. В. Сабанеева. Если не критическое вознесение в примеры для подражания одних и унижение других называется историей, — то это плохая, лакейская история.

Так затемняется факт, что в 1812 году Михаил Илларионович сам не чаял и не числился сведущими людьми в претендентах возглавить русскую армию в борьбе с Наполеоном. Но в распоряжении Александра I остались лишь два военачальника: Барклай де Толли и Беннигсен. Оба не принадлежали к титульной русской нации, возбуждая недовольство дворянства. Стратегию Барклая царское окружение не принимало. Горячность Беннигсена под угрозой проиграть генеральное сражение пугала. Царь пытался задействовать обоих генералов, но они не могли работать вместе. Лично возглавить войска Александр был не готов и боялся очередного дворянского мятежа. Поэтому он уступил воспалившемуся национальному чувству и чванству, позволив определить главнокомандующим Кутузова, назначив к нему начальником штаба того же Беннигсена.

При этом царь обрек себя на сидение в Петербурге, поскольку неспособность Михаила Илларионовича командовать при наличии в армии особ властью выше него, наблюдал в 1805 и 1809 гг.: *«Я же только и желал, что быть с армией... отказался же от этого лишь после, отчасти, по воспоминанию, что произошло при Аустерлице от лживого характера Кутузова, отчасти по вашим собственным советам и многих других одного с вами мнения»*, — так написал Александр своей любимой сестре, великой княгине Екатерине Павловне [24]. Очень скоро самодержец пожалел о содеянном, но повторная смена командующих могла принести не меньше вреда, чем первая. Тогда он сделал двойную ставку: наряду с нажимами на Кутузова санкционировал Петербургский военный план стратегического окружения Наполеона. С этого момента история Отечественной войны усложнилась, но внимание историков и пропагандистов сосредоточилось лишь на

действиях Главной русской армии. Это совершенно неправильно, учитывая, что ее боевые действия закончились под Красным.

Кутузов сразу отдалил от себя Барклая, и вскоре — Беннигсена. Князь Смоленский отстоял свое единоличное командование, и заодно саботировал многие дельные предложения опытных генералов. Это были на редкость негодные, конкурентно-политические отношения между главнокомандующим и его помощниками, привнесенные им в армию из дворцового соперничества. Конкурентность и политичность не мешали Кутузову следовать стратегическим ориентирам, но они враждебны задачам взаимодействия и тактической изобретательности. Отсюда берут начало его военные достоинства и недостатки: политическая и отчасти стратегическая прозорливость при низком оперативном искусстве, которое по самой природе дефекта (атактичность), не могло быть у Михаила Илларионовича высоким. *«Труд рассуждать не всегда принимал он на себя, часто представляя другим эту черную работу. Служащие при нем близко имеют сильное на него влияние, и весьма часто не принадлежат к числу людей достойных»*, — это замечание Ермолова в разных изданиях его «Записок» адресуетея то Кутузову, то Витгенштейну, будучи справедливым для обоих [25].

Благодаря жизненному пути, сделавшему из молодого человека храброго офицера, а потом — отличного дипломата и верткого придворного, в личных качествах Кутузова была обострена главная беда русской армии начала XIX в., — стагнация командного сознания. Оно больше не соответствовало, увеличившей размах и средства поражения войне. В этих же качествах был выпячен простейший способ ее преодоления, — прочно подчинить ведение войны требованиям и ожиданиям политики. Увы, как и 130 лет спустя, когда этот же механизм был использован в СССР, оказалось, что политический талант — не замена военному. Паллиативы на войне ведут к затягиванию кампаний, большому числу проигранных боев и огромным жертвам. *«Самоуверенность, воинственный пыл, даже фанатизм могут сделать очень многое, но все-таки их недостаточно для одержания победы... недостаточно даже мужества, железной дисциплины и той непоколебимости солдат, которая заставляет их умирать, стоя на месте. Примером могут служить русские войска во все времена. Для победы нужно еще одно качество, которого никогда не заменят ни воинственный фанатизм, ни суровая дисциплина. Нужно тактическое превосходство над неприятелем, обеспечивающее успех, который в свою очередь внушает*

войскам бодрость и воинственный дух, нравственно возвышает их, и в той же мере роняет моральные силы противника» [26].

Как давно указал П. А. Гейсман: *«Всестороннее и в то же время объективное изучение военной истории... приводит к следующему заключению: начиная с древнейших времен и до наших дней, уроки истории, в громадном большинстве случаев, пропадали для политики; вследствие этого политика решала вопрос о целесообразности войны сплошь и рядом неправильно, — давала стратегии задачи, не отвечающие силам и средствам, не исполняла своих обязанностей... в деле подготовки к войне... наконец, во время самой войны, весьма часто, а иногда и на всяком шагу, стесняла ту же стратегию неуместным вмешательством в сферу ее деятельности. Желательно ли повторение этого явления в будущем? На наш взгляд, на этот вопрос возможен только один ответ: нет, не желательно; мало того, желательно скорейшее устранение указанной, хронически повторяющейся, погрешности»* [27].

В силу цезаристских ориентиров российского общества и сохранения в Петербурге ура-патриотического кликушества, после победного завершения наполеоновских войн промахи в вооруженной борьбе стали маскироваться купюрами в военно-исторической науке и превознесением наряду с ретушированной деятельностью Кутузова военного искусства Наполеона. Почтительные сентенции к Бонапарту были легким способом объяснить разрушение войной сердца России. *«Образцы полководческой практики Наполеона, возведенные... на степень незыблемых принципов, надолго сковали европейскую военную мысль, прошедшую мимо новых явлений»*. В оковах наступления ради наступления находилось перед мировыми войнами русское и советское военное дело. Генералы от Самсонова до Жукова, воспитывались *«кривым зеркалом»* Наполеона [28], подменявшего стратегию амбициями. За короткий период Бонапарт многократно ставил свою армию под угрозу разгрома. В 1914 и в 1941 гг. подражание привело к тому же.

Сверх того, в царской России и СССР создали еще и кривое зеркало Кутузова, хотя он не оставил ничего равного *«Полковому учреждению»* и *«Науке побеждать»* Суворова [29], *«Обряды службы»* или *«Мысли»* Румянцева [30], *«Воинскому уставу о пехотной службе»* и *«Наставлению господам пехотным офицерам в день сражения»* Баркляя де Толли [31]. Не мог он написать и такую работу как *«Русская армия в год смерти Екатерины II»* Ланжерона [32]. Единственный труд Кутузова *«Примечание о пехотной службе вообще и о егерской особенно»* [33]

имеет сильный крен в устаревшую линейную тактику пехоты. Характерно, что при публикации в 1955 году, предисловие Л. Г. Бескровного, введение Ю. Н. Яблочкина и прочие дополнения составили 60 % содержания книги с кутузовской «нетленкой».

Следование этому шаблону привело к тому, что в последующих войнах *«русские сражались в неповоротливых батальонных колоннах»*, хотя их егерские *«опыты относительно огня и атаки в рассыпном строю»* были впереди планеты всей [34]. Линейная «штыкомания» Кутузова с пропагандистской привязкой его имени к достижениям Суворова на десятилетия законсервировали оружие и тактику русской пехоты. Значение огня в бою приходилось снова и снова разъяснять офицерам, не желающим *«отказаться от обстановки, с которой свыклись на протяжении столетий, и тесно связанной с блестящими воспоминаниями нашей прошлой военной истории»*. К последней четверти XIX в. армия успела умыться кровью в Крымской войне и долгих столкновениях с хорошими стрелками — кавказскими горцами. Соотношение потерь достигло ужасных 1 : 4 и даже 1 : 5 в пользу противника [35].

Таким же консервативным было отношение Кутузова к русскому солдату. Вопреки имевшимся перед ним образцам Суворова и Барклая, требовавших понимания нижними чинами своего маневра, он воспитывал слепое повиновение, добиваясь его запретами и телесными истязаниями. *«Не тот истинно храбр, — говорил Кутузов, — кто по своему произволу мечется в опасность, а тот, кто повинуется»* [36]. Наказания, назначаемые им за неповиновение были более суровыми, чем за мародерство, дезертирство и прочие воинские преступления. Так, рядовой 36-го егерского полка Швец за сопротивление бившему его унтер-офицеру был наказан прогоном шпицрутенами через тысячу человек 4 раза, пойманные под Москвой мародеры из разных полков, — 1 раз через тысячу, а те, что грабили вместе с французами, — 2 раза через тысячу [37]. В 1812 году мера этого варварского наказания не регламентировалась, и всецело зависела от командующего. Избиение несчастного Швца немного не дотянуло до высшей меры истязания, определенной в 1830 году, и превысило таковую по указу 1834 года, то есть, «спаситель» был жесток почти до предела. Его стиль командования резко контрастировал с передовыми образцами, например, с приказами генерал-лейтенанта М. С. Воронцова [38].

Трудно было избегать подражания ошибкам культового военачальника, когда наряду с хоть какими-то рациональными соображениями в адрес Михаила Илларионовича преподавателям и профес-

сорам военных училищ и академий надо было подавать слушателям «образцово веденные» им кампании, «образцово» занятые позиции, или хотя бы «образцово» проведенные военные советы [39, 40]. Ни тех, ни других, ни третьих, трезво рассуждая, никогда не было, что понимали лучшие ученики. К примеру, в юбилейном 1912 году вышла статья капитана С. Толкушкина «Способы и средства сохранения в бою свободы действий». В ней многократно упомянуты Суворов, Наполеон и даже немецкий пехотный устав, а ни разу — Кутузов, и ни одно из его сражений [41]. Ровно так же написаны «Учебник тактики» М. И. Драгомирова и «Курс истории русского военного искусства» А. К. Байова [42, 43]. Вообще, в военно-исторической науке царского периода обнаруживается множество теоретических работ, раскрывающих и осуждающих типично кутузовские анахронизмы и пороки, тщательно уклоняясь при этом от русских имен и сопоставлений.

В труде Г. А. Леера «Военное дело в XVIII в.» указывается, что генерал-полковники создают *«счастливое сочетание ума, характера и глазомера»*. Теоретик присоединяется к мнению Г. Ллойда: *«На недостаток глазомера в генералах следует смотреть как на главную причину их обыкновенной нерешительности в бою. Неспособные к изменению плана сообразно с новыми обстоятельствами, они поддаются все большему и большему беспокойству по мере приближения неприятеля. Они основательно опасаются исполнить какое-либо движение в виду его, не будучи в состоянии оценить, позволит ли время и место исполнить тот или другой маневр»* [44]. Мы помним, как современники превозносили ум Кутузова и пеняли на его нерешительность и упрямое следование своим планам при изменившихся обстоятельствах. Словно о русской армии при Бородино сказано: *«Построенный в две длинные развернутые линии, почти без интервалов между частями, имея крайне слабый резерв, фридриховский боевой порядок... не удовлетворял... ни одному из основных условий»* [45]. В заключение Леер описывает прусские истоки характерной для Толя и Кутузова установки боевых линий в косвенном направлении к противнику. Фридрих хотел этим добиться, чтобы исход сражения решался на атакованном им самим пункте, а Кутузов и Толь — на пункте, куда они манили наступающего.

В советское время положение стало еще стеснительнее, но и в этот период серьезная военная литература избегала освещать сомнительное. В курсе «Военная стратегия» под редакцией маршала Советского Союза В. Д. Соколовского многократно упоминается Наполеон, и ничтожное место занимает Кутузов, когда надо общо

похвалиться, что «Россия в начале XIX в. оказалась носителем наиболее передового военного искусства, выработала наиболее совершенные способы ведения войны» [46]. Что же касается практики, то даже далекая от наполеоновской эпохи Великая Отечественная война явила множество примеров патриотически-химического во вред полезному. Е. В. Тарле указывал, что «в основных целях нашествия и в характере действий неприятеля на русской территории существует огромная разница между войной 1812 года и Великой Отечественной войной» [47]. Однако от этой посылки не строился мостик к выводу о том, что некритическое копирование старого опыта стало причиной еще более крупных потерь.

В военной истории укрепилось положение, давным-давно охарактеризованное В. Р. Марченко: «Эпоха отечественной войны описана в множестве книг; но справедливость их я отношу единственно к битвам и числу войск, а за остальное не держу пари ни рубля. Последнее сочинение генерала Михайловского-Данилевского, которому, по высочайшей воле, были открыты все архивы, должно быть вернее прочих; только я, грешный, при полном уважении к уму и достоинствам Александра Ивановича, не полагаюсь на правдивость его, видя, что он выставляет себя... каким-то близким действующим лицом у фельдмаршала Кутузова и императора Александра; и более, что он чересчур уж льстит некоторым вельможам, играющим теперь важные роли, — от чего и звезды получает за книги и о фрейлинстве дочерей своих говорит, как об обстоятельстве, зависящем от него: «Сегодня представлю, и фрейлина!» [48].

Не существует альтернативы возрождению объективной военной истории, которая, по емкому суждению А. П. Скугаревского, «должна представить нам законы развития военного искусства, чтобы мы могли правильно понять современное его положение и направление дальнейшего движения вперед. Она должна показать нам все факторы такого прогресса... значение действующих лиц и всякие другие влияния. То же самое мы вправе требовать от науки в частностях, по каждой войне. Она должна нам представить как внешнюю сторону каждого факта, так и внутреннее его содержание: под влиянием каких причин событие проявилось, что влияло на его рост, какие общие выводы можно подметить в развитии вопроса, к каким окончательным заключениям можно прийти о современном значении факта. Такова научная сторона Военной Истории; реальные, практические задачи ее заключаются в том, чтобы научить делу, как учит действительный опыт. К выпол-

нению такой задачи должны быть направлены все стремления военного историка» [49]. Подчиняясь этим требованиям надо объяснять, почему полтора десятилетия спустя 1812 года русская армия «явилась на театр войны, гордая своим славным историческим прошлым... и те самые войска, которые... победоносно пронесли свои знамена от Москвы до Парижа... не достигли почти никакого результата в течение кампании 1828 года» [50]. Затем случилось поражение в Крымской войне, и циклы трудного роста боевой компетенции, сменяемые стагнацией и поражениями, повторялись.

Результатом многостраничного изложения необходимо сообщить следующее. Помимо известной антитезы двух стратегических концепций ведения войны 1812 года: глубокого отступления и маневренных приграничных сражений в надежде с ходу разгромить Наполеона (план Пфуля), обнаруживается наличие в русской военной мысли и практике двух разных способов ведения борьбы (оперативно-тактических подходов), применявшихся в ходе стратегического отступления. Один из них можно назвать именами Кутузова-Толя, а другой — Каменского-Барклая. Подход, исповедуемый М. И. Кутузовым и К. Ф. Толем, был чисто оборонительным, не предусматривая контрударов и сковывая наступательный порыв войск, подменяя необходимое контрнаступление параллельным преследованием, по сути, — эскортным выпроваживанием противника. Эта не лишенная частных преимуществ, но тактически обедненная, зажата в тесных оборонительных позициях и отдающая инициативу противнику схема оказалась тупиком военного развития. Она не имеет ничего общего ни с полководческим искусством Суворова, ни с направлением, которое требовалось придать развитию русского военного дела. Временное торжество подхода Кутузова-Толя произошло в силу урапатриотического давления, вызвавшего отстранение Барклая де Толли от командования, и принесло много вреда.

В то же время, штаб Двинской армии Витгенштейна продолжал придерживаться не страдающего боязнью контрударов оперативно-тактического подхода Каменского-Барклая. Это кредо нашло свое выражение в словах военного министра, адресованных российскому самодержцу в 1810 году: *«Хотя война сия, по цели и свойству, представляется в виде оборонительной, но не должно ограничивать ее единственным предметом обороны. Счастливым успех в сопротивлении тогда токмо быть может, когда предназначены и приуготовлены будут все средства действовать и наступательно на места, самые важные для*

неприятеля, пользуясь обстоятельствами и временем» [51]. Оно дало возможность вести под началом неважного полководца Витгенштейна успешные боевые действия, проводить решительные сражения и штурмы в самый тяжелый период войны, и удачно задействовать силы ополчения. Оно же дало дерзость Остен-Сакену преследовать сильнейшие вражеские корпуса, освободив армию Чичагова для марша к Борисову.

В Главной же армии все сложилось не так. Безвольная сдача Наполеону Москвы находится в прямой связи от соединения концепции глубокого стратегического отступления с пассивным оперативно-тактическим подходом Кутузова-Толя. Точно таким же образом, соединение этого порочного подхода с активным Петербургским планом стратегического окружения и уничтожения Наполеона породило относительную неудачу Березинской операции. Правильные стратегические идеи нельзя дополнять отказом от активной тактики и оперативной остроты. Сокрытие этого доктринального факта, хорошо подтверждаемого результатами Отечественной войны, является главным негативом апологетики Кутузова. Во многом по этой причине оперативные просчеты, сопровождаемые высокими потерями, преследовали российскую и советскую армию.

Наиболее деликатно состыковка исторической правды и мифа была проведена М. И. Драгомировым, написавшим в своей рецензии на роман Л. Н. Толстого «Война и Мир»: *«Были, правда, у нас предания чисто русские, другой тактики и других учений, предания Румянцева, Суворова; но к тому времени, когда кн. Андрей должен был начать свою службу, эти предания пришибло морозом, до такой степени основательным, что их как будто и не бывало. Оставались деятели, сформировавшиеся под влиянием этих преданий, но они что-то молчали: вероятно, противное течение было слишком сильно; одни не хотели, другие не умели ему противостоять и держали про себя то, что приняли как священный завет, от гениального чудака, поднимавшего свою армию пехотным криком, вместо барабанного боя, для этого установленного»* [52]. Таким образом, особых военных дарований не проявлялось в Кутузове, но будто бы имелся у него некий «священный завет», как амulet для успокоения апологетов. Если он и вправду был, — завет (т. е. понимание сути военного искусства), как можно было, будучи *«облеченным властью Его Величества»* [53] над войсками, каких у Румянцева и Суворова не бывало, уйти от Царева-Займища и Бородина, сдав обнадеженную им Москву?

Увы, деликатность изложения — не панацея педагогики. С ее помощью можно донести до слушателей несколько неудобных фактов, но трудно привить способность к вскрытию системных недостатков, для чего необходима сопротивляемость общему нарративу. Русская армия сурово поплатилась за кутузовские взгляды и практику, владевшие учеником Драгомирова, — военным министром В. А. Сухомлиновым: *«Главный же его недостаток состоял в том, что он был... очковтиратель и, не углубляясь в дело, довольствовался поверхностным успехом своих действий и распоряжений. Будучи человеком очень ловким, он... изворачивался чтобы удержаться, и лавировал для сохранения собственного благополучия. Виновен Сухомлинов... в особенности в том, что вопрос об огнестрельных припасах был решен неудовлетворительно: недостаток их — одна из главных причин наших неудач 1915 года»*. К недостатку артиллерийских снарядов генерал Брусилов часто возвращается в своих воспоминаниях, указывая, что первые требования об ограничении расхода боеприпасов он получил от главнокомандования в ночь с 28 на 29 августа 1914 года, — через три недели с начала военных действий [54].

Солдаты в армию приходили обученные так, как Кутузов учил ополченцев 1812 года: *«Прибывавшие на пополнение рядовые в большинстве случаев умели только маршировать, да и то неважно; большинство их и рассыпного строя не знало, и зачастую случалось, что даже не умели заряжать винтовки, а об умении стрелять и говорить было нечего»*. *«Что же касается санитарной части, то она была лишь в самом зародыше, и... во время первых сражений положение раненых было очень тяжелое»*. И далее: *«с начала войны я никак не мог узнать плана кампании... В чем же заключался наш новый план войны, — представляло для меня какую-то тайну, которой не знал, по-видимому и главнокомандующий фронтом»* [55]. Это создавало опасность разброски сил и возникновения дефектов фронтового планирования. Параллели с ошибочными методами командования хитрого и упрямого фельдмаршала очевидны.

Другой жертвой химеры пал генерал А. Н. Куропаткин, — большой почитатель военного таланта Михаила Илларионовича, храбрый офицер, неплохой придворный и военный министр, проигравший вызвавшую поначалу большое патриотическое воодушевление русско-японскую войну. Командир 6-го сибирского армейского корпуса генерал Л. Н. Соболев указал на бессмысленное сходство образа действий двух полководцев: *«Куропаткин, при помощи своего генерал-*

квартирмейстера, изучал во время японской войны кампанию 1812 г. и, как Кутузов отступал и сжигал запасы, часто грошовые. Телеграммы произвели в отряде недоумение и крайне дурно отозвались на состоянии духа войск» [56]. По замечанию Брусилова: «Не находили достаточно слов, чтобы насмеяться над Куропаткиным и его системой изрыть всю Маньчжурию, постоянно отступая и не используя при том большей части своих заблаговременно укрепленных позиций» [57]. Действия, копирующие манеру «спасителя» окапываться перед каждым отступлением, породили крайнюю нелюбовь войск к укреплению своих позиций.

А. А. Свечин, исследуя опыт русско-японской войны, называет одной из основ управления войсками взаимное доверие, к которому Кутузов никогда, за исключением последних месяцев своей жизни, не был склонен, и за то же самое поплатился Куропаткин: *«Общая дружная работа, без которой нельзя добиться победы, возможна лишь при знакомстве с идеями плана войны, с вытекающими из него частными задачами»*. В противном случае *«начальники не могут... согласовать в каждый момент свои действия», а «течение событий всецело подчиняется воле противника... Неудачи наши в прошлую кампанию во многом объясняются недостатком доверия и правдивости» [58].*

«Куропаткин, не обладая талантом крупного военачальника, проявил нерешительность в руководстве войсками. Боязнь риска, постоянные колебания, неумение организовать взаимодействие отд. соединений, недоверие к подчиненным и мелочная опека характеризовали стратегию Куропаткина, что было одной из гл. причин поражения в рус.-япон. войне 1904–05» [59]. Эта характеристика из энциклопедии будто пропечатана про Кутузова, только конец фразы надо изменить на: «что было одной из гл. причин поражения при Бородино, сдачи Москвы, прорыва Наполеона на Березине, несоизмеримых потерь русских войск и огромных жертв мирного населения», но буквально через несколько страниц там написано о Кутузове другое. Зная подлинные факты, эту эклектику нельзя читать без удивления. Окропленный кровью войн взгляд на вещи кардинально отличается от шарманки с превознесением недоверия и секретности, которой до сих пор мелют дилетантскую труху апологеты Кутузова, продолжая утверждать, будто один единственный вождь, человечий, полководчий, — в состоянии выиграть войну, пряча от всех свои замыслы и не подчиняясь общему оперативному плану.

Думающим современникам было видно, что война 1812 года была сделана на низком командном уровне и повлекла чрезмерные жерт-

вы. Вероятно, поэтому император Александр I, в отличие от Михайловского-Данилевского, не считал ее *«прекраснейшей страницей в громком царствовании»*. Подобно Кутузову, он наелся бойней досыта, и впоследствии *«не посетил ни одного классического места войны 1812 года, Бородина, Тарутина, Мало-Ярославца и других... Достоинно примечания, что государь не любит вспоминать об Отечественной войне и говорить о ней»* [60]. Мнение о самопроизвольном ходе событий войны и малой роли командования было представлено обществу Л. Н. Толстым в романе «Война и мир». По разбору М. И. Драгомирова: *«Мысль, что старшие начальники в бою ничего не делают, составляет основной мотив рассуждений автора»* [61]. Сюда же примыкают сокровенные слова А. П. Ермолова своему другу А. В. Казадаеву о *«злодеях Главной квартиры»* и *«слабой воле покойного фельдмаршала»*, сказанные с таким смыслом, что не главнокомандующий единолично, а штаб Главной русской армии, упорно отодвигаемый в тень образа победителя, *«последнюю войну сделал»* [62].

Никто не может отнять у Михаила Илларионовича лавры храброго офицера, крупного государственного деятеля, военного администратора и дипломата, а равно славу главнокомандующего победоносной армией, сумевшего избежать гибельных авантур и распознать несколько правильных решений и предложений. Но лавры не должны освобождать его от объективного анализа битв и кампаний, от вердикта, что он лучше умел сколачивать и водить маршем войска, нежели добиваться победы в сражениях. Оценивая итоги Отечественной войны, не должно упускать, что стратегическое развертывание на флангах и глубокое отступление в центре с малыми предприятиями, — это идея плана войны Барклая де Толли. Ее эффективность (соотношение результата с потерями) зависела от исполнения, и оказалась при Кутузове ниже, чем могла быть. Не приходится соглашаться с Бутурлиным, едва наметившим критическую работу, что ошибок у князя Смоленского было только две: Бородинское сражение (которого будто бы не следовало давать), и отступление от Малоярославца. Ошибок было много, и надо подвести им счет, каким бы нападкам по линии *«задним умом все крепки»* и *«каждый мнит себя полководцем, видя бой со стороны»*, такая позиция не подвергалась.

1. Срыв армии с двойной Царево-Займищеской и Гжатской позиции в так называемой «Священной долине», на которую установил войска Барклай, был первой и далеко идущей по негативным послед-

ствиям ошибкой Кутузова. Зафиксировавшись мыслью на Можайском рубеже под Москвой, он не просто отдал выгодные и трудные для обхода противником позиции, но утратил глубину пространства для стратегического маневрирования.

2. Целым комплексом ошибок, имеющих корни во фридриховском линейном шаблоне, неверном оперативно-тактическом подходе и особенностях личности полководца, характеризуется тщательно продумываемая Кутузовым Бородинская битва. Наиболее серьезными из них явились: позиционная квартирмейстерская ошибка; неглубокие и равномерные линейные построения без акцента на решительные участки, отказ от заблаговременной перегруппировки войск на левое крыло; чрезмерное резервирование орудий и плохое управление артиллерией; раздвигание гвардейского резерва, игнорирование собственных наступательных возможностей. В результате армия Багратиона оказалась в тяжелейшем положении, неподготовленная инициатива Платова и Уварова воспрепятствовала более серьезным планам Барклая, а соотношение потерь оказалось плохим: 45,6 тыс. русских против 30,0 тыс. французских. Заметная часть этих недочетов, как-то: плохой контроль за работой квартирмейстерской части, склонность к решению активных задач плохо рассчитанными с точки зрения силы и позиционного пространства широкими обходными движениями, составление слабого резерва и гвардия с начала сражения в огне, характеризовали и Аустерлиц.

3. Срыв армии с Бородинской позиции после сражения с продолжением отступления в восточном направлении, произведенный до прояснения дальнейших намерений Наполеона, есть отдельная крупная ошибка полководца, поставившая под неотвратимую угрозу Москву. Такой же плохо мотивированный срыв с единственной целью, — уклониться от сильного противника в надежде затянуть время и занять лучшую оборонительную позицию, имел место в 1811 году под Рушуком.

4. Кутузовские спекуляции на патриотизме, клятвы «своими сединами», ложные сообщения о победе у Бородина, и обещания не допустить врага к столице, раздаваемые, когда они были уже несбыточны, привели к тому, что богатейший город с его запасами и госпиталями был сдан противнику неожиданно. Результатом явились хаос и пожар, гибель невероятных материальных и культурных ценностей, десятков тысяч раненых и мирного населения. Такая сдача Москвы является больше чем ошибкой. Это — военное преступле-

ние, настолько громадное, что представляло опасность для устоев государства. Только благодаря этому Кутузов избежал ответственности, покрыв свои действия новой, «жертвенной» ложью. Оставление столицы вызвало большие потери в деморализованной русской армии: около 30 тыс. чел., 40–50 орудий (не считая взятых французами в арсенале) и 5000 повозок обоза, что не позволяет говорить о том, будто сдачей Москвы была сохранена армия. Ее с таким же «успехом» можно было сохранить в новом генеральном сражении по сценарию Бородино.

5. Серьезным промедлением со стороны Кутузова характеризовалось принятие решения на проведение Тарутинского маневра, предложенного 1-го, но решенного лишь 4–6 сентября. В период 2–4 (14–16) сентября Кутузов, следуя своим ошибочным замыслам отступить к Владимиру, и под гнетом ответственности за сдачу Москвы, допустил утрату управления войсками, что вызвало замедление их движения в окрестностях оставленной столицы и могло кончиться фатально.

6. Ошибочными, путанными и запоздалыми были указания Кутузова о приближении 3-й Западной и Дунайской армий к Могилеву, не имевшему большого значения для коммуникаций Наполеона. Лишь в силу прибытия А. И. Чернышева с Петербургским военным планом, эта ошибка была исправлена, не сказавшись на ходе войны.

7. Из-за ошибок в планировании Тарутинского боя и намеренно сдерживания фельдмаршалом наступательного порыва войск, это сражение не решило ставившихся перед ним задач. При этом Кутузов неправильно определил направление отступления Наполеона из Москвы, и только инициатива генералов И. С. Дорохова, П. П. Коновницына, Д. С. Дохтурова, А. П. Ермолова, Р. Т. Вильсона предохранила русскую армию от обхода главными силами Наполеона по Новой Калужской дороге.

8. Ошибки при ведении сражения в Малом Ярославце, связанные с вводом в бой корпусов поочередно (из опасения ввязаться в генеральное сражение), привели, как и при Бородино, к большим русским потерям. В заключение армия была бессмысленно и опасно сорвана Кутузовым с хорошей Малоярославецкой позиции в отступление к Калуге, оставленное нежданном для фельдмаршала сообщением об отходе французов, и под влиянием репутационных мотивов и неправильных представлений о местности превратившееся в тяжелый, бесполезный маневр от Гончарова и Детчина на слободу Полотняный

Завод. Прикрыть Медыньское направление так было нельзя. Лишние марши изнурили русскую армию и освободили отход Наполеона.

9. Следующей была сделана непостижимая ошибка в марше армии от Медыни на Кременское, увеличившая отставание главных русских сил от уходящего Бонапарта.

10. Ведение Вяземского боя характеризовалось неподачей подкреплений М. А. Милорадовичу и прямыми требованиями Кутузова не становиться на дороге у французов, из-за чего не был отрезан арьергардный корпус маршала Даву.

11. В результате аналогичной нерешительности под Красным и тактического разъединения русских корпусов не была использована крупнейшая ошибка Наполеона, растянувшего свои силы при выступлении из Смоленска и позволившего бить их по частям. Бонапарту было позволено уйти с потрепанной армией на Оршу, только корпус маршала Нея потерпел невосполнимые, 90 % потери, однако сам Ней с лучшими своими людьми ушел.

12. Тяжелейшей ошибкой Кутузова было прикрытое его лицемерным согласием неприятие Петербургского стратегического плана окружения Наполеона на Березине. Желая преодолеть кризис снабжения Главной армии ее приближением к Бобруйску, фельдмаршал самонадеянно нарушил общий план операций, упустив момент для перехода от параллельного к прямому преследованию врага. Он знал, что по плану армия Чичагова должна занять Борисов и выйти в лесные теснины к Бобру; но как раз в этот момент отстал от Бонапарта и увел силы Главной русской армии к югу, на Копысь и Игумен. Неправильно оценив намерения противника, Кутузов ввел в заблуждение о его действиях командующих фланговыми армиями, направив им неверные, тактически бессодержательные предписания. В результате Наполеон выскользнул из ловушки со всеми командными кадрами и целым корпусом войск.

13. После переправы Наполеона через Березину Кутузов ошибочно направил Главную армию в обход Минска с северо-востока, из-за чего она оказалась выключенной из боевых действий. Армия шла по плохим зимним дорогам без возможности постоя, неся от холода и голода истощающие потери. Вне контакта с противником она потеряла 15000 чел., — вдвое больше, чем в боях на Березине армии Чичагова и Витгенштейна вместе взятые. Был освобожден от преследования австрийский корпус К. Ф. Шварценберга, что позволило австриякам еще на два месяца задержаться на русской территории.

Возникла необходимость переразвертывания русских войск от Вильны к Варшаве.

14. Глубоко неверным был операционный план Кутузова от 30 ноября 1812 года, в соответствии с которым преследование отступающего противника было остановлено у границы, а русские армии разворачивались для ее пассивного и неглубокого прикрытия. В результате, в самом коротком времени, русским войскам стала противостоять численно почти равная и заново сколачиваемая наполеоновская группировка.

15. Из ошибок, совершенных Кутузовым в тиши главной квартиры, надо назвать умаление роли штаба, поощрение враждебных компетентности интриг и фаворитизма, сворачивание такого командного института как военный совет. Уповая на свой большой ум, он часто принимал решения, не выяснив намерений противника, а равно провалил стратегическое взаимодействие подчиненных ему армий, увлекаясь «цесарским мараньем бумаг» и дикой идеей обозначать свои предписания далекими от реальности датами. Его манера управления была авторитарной, попирающей прогрессивные принципы, заложенные в «Учреждении для управления Большой Действующей Армией» и насквозь коррупционной. Искоренение этой душившей армию гнилой среды, взрастившей Кутузова, современники ставили в большую заслугу военным реформам Павла I, Александра I и Николая I, даже если они были непродуктивны в других направлениях. Современная армия так управляться не может.

16. Ошибочным следует считать предпочтение, которое фельдмаршал отдавал тесным, пересеченным и заросшим позициям для сражений, препятствующим развитию активного начала в обороне, создающим избыточные трудности для размещения и маневра собственных войск, зато «обратимым», то есть дающим противнику возможность при неуспехе его наступления стать в такую же крепкую оборону. Этими недостатками страдали как Бородинская, так и подмосковная позиции. То же и Тарутинский лагерь, — стесненный, подверженный обзору с Виньковских высот и обходу со стороны Новой Калужской дороги. Его место было тактически невыгодно, а лишь стратегически допустимо. Правильными надо признать позиционные принципы Барклая де Толли.

17. Изъятие Кутузовым из-под контроля командующих отдельными армиями квартирмейстерских служб и пионерных (инженерных) подразделений привело к ухудшению их работы и снижению уров-

ня информированности штабов. Результатом явились упомянутые позиционные и маршевые ошибки, недострой укреплений, плохое состояние дорог, на которых отступающая армия подвергалась опасности. Ситуация начала исправляться лишь по представлениям Р. Т. Вильсона и П. М. Волконского.

18. Кутузов не сумел решить задачу эффективного боевого применения ополчения, которое сам же и создавал. Ее независимо друг от друга успешно решили в Двинской армии П. Х. Витгенштейна и отряде (корпусе) Ф. Ф. Винценгероде. Но главнокомандующий давал ополчению только обозные и санитарные задачи, следствием чего явилась деморализация ратников и их бегство из Главной русской армии при оставлении Москвы.

19. До самого конца своей военной деятельности Кутузов, один из лучших выпускников Соединенной Артиллерийской и Инженерной школы в Петербурге, ничего не внес нового и полезного в тактику и обеспечение боезапасом русской артиллерии, недостаточно подготовленной к действиям в крупных, интенсивных сражениях. Наоборот, резервирование артиллерии при Михаиле Илларионовиче приняло гипертрофированные и опасные формы. Недооценивалась важность контрбатарейной борьбы и не осознавалась необходимость выделять для нее дополнительные орудия. Эти проблемы были осознаны А. П. Ермоловым и П. М. Волконским, но начали решаться только Л. М. Яшвилем при подготовке к Бауценской битве.

20. Упрямая экономия на раненых привела Михаила Илларионовича к созданию непредусмотренной «Учреждением для управления Большой Действующей Армии» системы лечения раненых, перекладывающей расходы и обязанности по устройству и содержанию госпиталей на гражданские власти. Это привело к ухудшению лечения, повышенной смертности раненых и снижению процента возвращения солдат в строй. Его преемники постепенно вернули госпитальное дело в рамки предписаний «Учреждения».

21. Трудно назвать продуктивной с точки зрения военного дела склонность Кутузова к тактике выжженной земли, впервые проявившуюся в 1791 году в Бабадагском поиске, а затем в 1811 году на Дунае. В этом направлении он шел дальше Барклая де Толли, осуществлявшего комплекс мер по затруднению снабжения и движения наполеоновской армии, но не пятнавшего себя сжиганием населенных пунктов без боя. Такая тактика призывается на помощь стороны,

думающей о поражении, идет вразрез с общечеловеческой моралью и обычаями войны. Пожары Монастырища, Рушюка, Можайска и Москвы всегда будут оставлять тень на образе Кутузова-полководца. Вопрос же о влиянии пожаров на поражение турок и французов ни по какой методологии не может быть решен однозначно.

Неудачи Главной русской армии под непосредственным командованием Кутузова были в значительно большей степени, чем принято считать, компенсированы активной боевой деятельностью армий Торماسова, Чичагова и Витгенштейна; а недостатки его планирования, — Петербургским планом разгрома Наполеона. Можно считать установленным, что главной причиной отступления Наполеона от Малоярославца было наступление армий Чичагова и Витгенштейна под Брестом и Полоцком, а не действия Кутузова, обратившего свои войска к Калуге.

К числу правильных решений Кутузова относятся: 1) осознание выгоды маневра армии на Калужскую дорогу, предложенного Л. Л. Беннигсеном, К. Ф. Толем и А. П. Ермоловым; 2) развитие партизанского движения, за которое ратовал перед ним тот же Ермолов; 3) проявленная главнокомандующим воля продолжать войну после сдачи столицы и применяемые им меры по обману противника в сентябре-октябре 1812 года; 4) понимание эффективности идеи параллельного преследования, предложенной К. Ф. Толем и П. П. Коновницыным; 5) приложение им серьезного внимания к вопросам снабжения войск; 6) принципиальный отказ от авантюры; 7) присоединение к плану Шарнхорста-Волконского и отказ от конкурентного мышления с переходом к совместной работе с П. М. Волконским.

Перечни неудач и достижений, дополненные поражениями при Аустерлице и Браилове, сомнительным Кремским боем, утратой завоеваний Н. М. Каменского на Дунае, победой при Мачине, заслугами при штурме Измаила и принятием соображений Е. И. Маркова, И. В. Сабанеева и А. Ф. Ланжерона под Слободзеей, доказывают, — Кутузов не был гениальным полководцем. Он не взял бы верх над Наполеоном, не будь поставлен во главе мощных и крепких духом вооруженных сил, на почву серьезной профессиональной подготовки к войне, выполненной под руководством Барклая, да не соверши его противник целый ряд стратегических и военно-хозяйственных ошибок.

Главных своих успехов Кутузов достиг не в сражениях, а в залах дворцов, переносимые им оттуда в армию «новеллы» чаще были пло-

хи, чем хороши. Его сногшибательная военная репутация объясняется не безупречной работой военачальника, а особым состоянием российского общественного сознания, о котором И. И. Тургенев сказал: *«В русской жизни, где все делается таинственно и по интриге, где солнце гласности освещает только результаты, никогда не углубляясь до причин, репутация человека зависит не столько от него самого, сколько от тех, которые берутся составить ему таковую»*. Великий князь Николай Михайлович (кому лучше знать взлеты и падения в российских верхах), полагал о данном суждении: *«В рассматриваемую эпоху оно подмечено верно и применимо ко многим деятелям Александровского времени»* [63]. Не блистательные полководческие навыки Михаила Илларионовича хорошо объясняются замечанием генерала Брусилова: *«Ни одно учебное заведение фабриковать военачальников не может... Необходимо... в течение всей службы, непрерывно следить за военной наукой и продолжать изучать ее, так как военная техника быстро совершенствуется, и тот, кто успокоится, сложив руки, по окончании какой бы то ни было академии, быстро отстанет от своего времени и дела и сделается более опасным для своей работы, нежели неуч, так как будет обладать отсталыми... воображаемыми, но не действительными знаниями. Нельзя не осудить также карьеризма»* [64].

Боевые раны заслуживают уважения, но не могут служить доказательством генеральского мастерства. Но видно и то, что Кутузов, вопреки придворно-дипломатической ориентации своих интересов и дефекту зрения, до самого конца жизни прогрессировал в военном деле. Его полководческую биографию можно разделить на три этапа. Первый — мачинский, на котором он стремился применять апробированные приемы русско-турецких войн. Этот этап затянулся в сознании полководца многолетним переходом на дипломатическую и столичную службу. Попытка применить старые знания против Наполеона привела к краху Аустерлица. На следующем этапе Кутузов не находил способов противодействия Бонапарту, и даже начал тушеваться перед возросшими боевыми качествами турецкой армии. Это привело его к сугубо оборонительному образу действий, придерживаясь которого он встретил Отечественную войну. Третий этап начался после сдачи Москвы, с вынужденного признания Кутузовым предложений ряда генералов, из которых фельдмаршалу открылись средства борьбы с Наполеоном. Потрясения ускоряли эволюцию. В 1811 году на Дунае мы видим долгое, тоскливое стояние против турок, пока полог главнокомандующего обивали своими идеями генералы. Тарутин-

ский маневр он решился одобрить скорее. Кутузов мнется с мыслью о партизанском движении, но вскоре развивает ее. Идею параллельного преследования и план Шарнхорста-Волконского фельдмаршал уже хватает на лету. И все же, он готов был сдать экзамен на хорошего полководца лишь тогда, когда смерть подводила итог дням его. Своей косою она не дала Кутузову насладиться вероятной и заслуженной победой при Лютцене.

В те времена руководящая деятельность еще чаще чем сегодня имела низкий КПД, а мораль — декларативное, а не императивное значение. Рассматривая длинный список сомнительных качеств, ошибок и неудач Михаила Илларионовича, не стоит думать, будто он был совсем плох на фоне прочих персонажей из верхов империи. Князь Смоленский был лучше генерал-фельдмаршала Н. И. Салтыкова и генерала от артиллерии А. А. Аракчеева хотя бы потому, что умел командовать армией и водить войска. Кутузова надо ставить выше генерала от инфантерии П. И. Багратиона, — хорошего тактика поля боя и корпусного начальника, но плохого главнокомандующего, скомпрометировавшего себя местничеством, оперативной слепотой и авантюризмом; выше неважно командовавших своими отдельными корпусами И. Н. Эссена и Ф. Ф. Эртеля. Нет оснований предпочесть Кутузову генерала от кавалерии А. П. Торماسова, адмирала П. В. Чичагова и московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина, даже после устранения наговоров на них. Часты были ошибки у Л. Л. Беннигсена. Выйдя за пределы частных операций, обанкротился как главнокомандующий П. Х. Витгенштейн. По крайней мере трижды промахнулся А. П. Ермолов: в отношении Барклая, под Малоярославцем, и за Березиной. Заметно лучше «спасителя» были только М. Б. Барклай де Толли и покойный Н. М. Каменский 2-й, да и те иногда ошибались, совершая типичные для самолюбивых и заносчивых дворян просчеты.

Как ни странно, до сих пор приходится доказывать, что крупные войны выигрываются и проигрываются стратегически, а действия отдельных полководцев часто не имеют к их результату того прямого отношения, какое им пытаются приписать. Такие приписки мешают извлечь науку из опасных ошибок, несогласований и фиксаций. На деле можно проиграть крупное сражение, и не одно, но победить в войне, и наоборот, — одерживать частые победы как хороший тактик поля боя, но разгромно проиграть кампанию. Боевые биографии Кутузова и Наполеона это вполне доказывают. В то же время цена

победы имеет в военной науке и для послевоенного развития стран гораздо больше значения, чем для идеологии, прячущей потери и рисуемой миражи.

Методическое описание службы и войн М. И. Кутузова позволяет сделать еще один общественно-значимый вывод: агрессивный и скородеятельный ура-патриотизм несет в себе не только пользу сплочения для отпора врагу, но и большой вред. В 1812 году поднятая ура-патриотами истерия породила поток дезинформации, спровоцировала массу бессмысленных конфликтов внизу, серьезно ограничила возможности царской и военной власти в принятии тех вполне компетентных решений и кадровых назначений, которые невежественной толпой и рисующимися на фоне стихии руководителями трактовались как изменнические. Сужался кругозор генералов, рождалось неповиновение, патриотические настроения использовались опасными интриганом в личных целях.

Справедливо сказать, что ура-патриотические крикуны со своими неразумными действиями оказались не в меньшей степени, чем наполеоновская армия, ошибки Александра I и Кутузова, ответственны за сдачу врагу Москвы и непропорционально огромные для России жертвы кампании. Трещи и улюлюкая, красуясь в позе и ища ведьм, они не осознавали реалий, загороженных от них «правильными» инстинктами и эмоциями. Они настаивали на совершении крупнейших ошибок и препятствовали их исправлению. Вслед за потерей Каменского дискредитировать Барклая, — такого империя позволить себе не могла, но это произошло. В то же время Кутузов и Багратион, которых ура-патриоты избрали себе вождями и образцами для подражания, не отличались ни порядочностью, ни безупречностью военного мышления, а больше — заносчивостью и лютыми спекуляциями на патриотизме.

По меткому замечанию М. Н. Покровского *«представители этой разновидности»*, являющиеся *«элементом невоенного характера»* (профанами), во все времена были уверены, что *«неприятеля можно шапками закидать»* [65]. Ура-патриоты, век спустя получившие от социалистов прозвище «черносотенцы» точно так же вели себя в 1853, 1905, 1914 и 1937–1941 гг., подавляя любую трезвую мысль и подменяя ее победными песнями. В трех случаях из упомянутых четырех, побед не случилось, а в последнем, — жертвы и разрушения превысили все мыслимые пределы. Из-за изоляционизма и хамства современных ура-патриотов, из-за их специфического представления о политике

и морали, дающего санкцию на любое преступление в отношении каждого, кто инстинктивно или по указке свыше признан врагом, Россия растеряла союзников, включая обширные русские диаспоры. Но российская власть, дезориентированная в опытах прошлого, продолжает заигрывать с этими мракобесами и шовинистами, все шире используя их всеправую риторику и усваивая репрессивные замашки. Плодом такого настырно-деятельного альянса верхов с низами всегда было и будет искажение истории по типу замалчивания собственных недостатков в политической деятельности и вооруженной борьбе, превознесение ложно выписанных великих фигур и побед, социальная жестокость и остракизм, сопровождаемые опережающей конфронтацией с внешними силами.

Ура-патриоты гробят любое дело, за какое с энтузиазмом и презрением последствий берутся, будь то революция, защита от иноземных вторжений, или мирное народное образование, а разгребать последствия приходится другим. Они же, отбежав в сторонку и справившись с конфузом, начинают петь новую осанну и сбиваться в новые стаи. По прихоти этих «идейных борцов», скандалящих против любой слабой и заискивающих перед всякой сильной властью, но никогда не забывающих о своем профите, чинах и наградах, мы стали свидетелями распространения идеологии «республики-паразиты» (лифляндцы — плохие) и форсированного роспуска СССР в надежде, что республики приползут к ним на коленях. Не вышло, народного счастья не прибыло, не удалось выдать себя за новую мировую элиту, — так в этом оказались виновны враги, для урока которым потребовалось ударить ближнего и слабого. Возникла украинская авантюра. Длительные, иногда не безоблачные, но в целом позитивные и крепкие связи двух народов потерпели жесточайший за последние триста лет удар. В 1812 году украинское ополчение рвалось в бой против Наполеона, в сражениях отличились формировавшиеся на Украине регулярные полки, а ее ресурсы помогли залечить раны войны. Два века спустя единства нет в помине, люди заняты причинением друг другу проблем и дискредитацией своих стран.

Сегодня дистанция между реальными действиями международных соперников России, и ответными конфронтационными мерами на основе доставшейся в наследство российскому народу и государству концепции священности отечественных войн, непогрешимости их вождей и подстрекания охранительных патриотических движений, велика как никогда. Ложь во благо, воздвижение

золоченых героических статуй, поиски и битье внутренних врагов, чтобы внешние боялись, провокации «народных» войн, все эти ретроградные способы доказательств собственной силы более не работают. В пещерах имперского и совкового ура-патриотизма ничего кроме костей и бактерий зомбического помешательства найдено не будет. Необходимо иное, более рассудочное и созидательное качество любви к своему народу и отечеству. Первым предметом приложения патриотизма должно быть обретение доброй славы и друзей, достижение реальной компетентности и улучшения жизни людей, а не подстрекательский пафос мельгешения за Россию по типу «всех по-рвем». Легковесные и неправдивые ура-патриотические и панегирические подходы каждую новую войну превращают в сознании масс в героическую прогулку под руководством непогрешимых политиков и полководцев, в то время как война раз за разом проявляет другую природу, — ревушего смерча трагедии и боли, самой страшной и непоправимой глупости, которую по старинке все еще позволяет себе хищник-человек.

Неадекватность ура-патриотов есть свойство всеобщее, лишь окрашиваемое тем или иным национальным характером. Так, польские русофобы начала XIX в. дезориентировали Наполеона, скармливая ему приукрашенную информацию о себе и слабостях России. В результате Бонапарт мало верил донесениям петербургских посланников Коленкура и Лористона, пытавшихся отговорить его от войны [66], а польская легкая кавалерия, которую он надеялся противопоставить казакам, оказалась малочисленной и способной лишь на преступления против русских крестьян. Новейшие примеры подобных сумасбродств лежат на поверхности.

Кутузов, при всех его недостатках, был далек от подобных людей, хотя и играл на них. К концу жизни он показал способность презрения к славе и отличную работу на мировой русский престиж. Он не хранил деньги за рубежом. Его отношение к семье доньине может служить образцом для подражания. В 1812 году, проигрывая Наполеону тактически, оказавшись в неладах с совестью и имперским законом, он имел силы не только защищать себя, но надеялся на стратегический реванш для родной России, борьбу за который продолжал вести как умел. Освобожденный от пения сирен, развенчанный от пророческой непогрешимости Кутузов остается в пантеоне победителей ценнейшей для военно-исторической науки фигурой, изучая достоинства и недостатки которой можно извлечь массу пользы с предо-

стережениями на будущее. В личности и образе ведения дел Михаила Илларионовича видны параллели и подобию с рядом современных руководителей; они вернулись на наши глаза, когда возвратилась эпоха коррупции, стремления к обогащению любыми средствами, и богемной пляски вокруг первых державных персон. В этом смысле Кутузов является героем не только своего, но и нашего времени.

Могут спросить, с чем мы останемся, избавившись от идеологического монумента, и приобретя реального человека, что великого сохранится в «осиротевшей» истории? Ответ больше, чем нам рассказывали! Останется почтение к храброй молодости уму Кутузова. Поднимется фигура Барклая как автора подготовки к Отечественной войне и планов, на основе которых разгромили Наполеона; он займет принадлежащее ему место лучшего стратега и тактика — хранителя армии на поле Бородинской битвы и в дни московской катастрофы. Никуда не исчезнут героизм и самопожертвование русских войск. Не потеряют значения образцов военного искусства Тарутинский маневр и параллельное преследование. К ним прибавится другой блестящий маневр — Чичагова — Сакена. Будут по достоинству оценены Петербургский военный план Александра I — Волконского и деятельность фланговых русских армий. Вернется память о победной кампании 1810 года и безвременно угасшем Николае Каменском, первым из русских полководцев стремившемся к сильному артиллерийскому бою, тактическому разнообразию и обману противника, увязке отдельных сражений в маневренные операции.

Мы будем лучше помнить военачальников, хорошо действовавших в грозном 1812 году, но мало упоминаемых сегодня: П. М. Волконского, Л. М. Яшвиля, Ф. Ф. Довре, Ф. В. Остен-Сакена, И. И. Дибича, К. И. Оппермана. Признаем, что выше ныне известной была роль Л. Л. Беннигсена, А. П. Ермолова, Д. С. Дохтурова, И. С. Дорохова и П. П. Коновницына. Увидим, как достойны памяти потомков Д. В. Голицын, А. И. Горчаков 2-й, и даже королевских кровей полевой генерал Е. Вюртембергский, недооценены за незаслуженно сваленную на них Березинскую неудачу Е. И. Чаплиц и И. В. Сабанеев, а с ними забыт умный и острый тактик К. О. де Ламберт. Разберемся с заслугами и ошибками К. Ф. Толя, крупную роль которого отмечал Д. П. Бутурлин. Заново изучим выдающуюся роль организаторов тыла и снабжения В. С. Ланского и Е. Ф. Канкрин. Лишь помня о многих именах, включая павших рядом с Кутузовым под Алуштой и Измаилом подполковнике Фон-Рудене и бригадире Рибопьере, мож-

но убрать с глаз пелену ложных доблестей, увидеть и донести до новых поколений, на чем в действительности держались непобедимость и добрая слава России.

И уж конечно, огромную пользу принесет разложенное на исторических примерах понимание деформаций общественного сознания, которым надо противостоять, а не потакать; а равно — опыт взвешенного и объективного отношения к деятелям, решавшим грандиозные задачи, имевшим большие достижения и успехи, но совершившим при этом чудовищные преступления и ошибки. На славословиях и вождизме, из-за своей фальши неминуемо превращающихся в проклятия, никого и ничему в современном мире научить больше нельзя. Это вопрос обретения прочного будущего, а не подрыва существующей политической системы. По природе общества она тем более уязвима, чем выше, дольше и упорнее громоздит и отстаивает свою непогрешимость и историческую ложь.

1. Шишков Н. П. Воспоминание о кн. Смол. М. И. Голенщеве-Кутузове // Рус. Архив. 1866. № 4. С. 464.
2. Сегюр Ф. П. Поход в Москву. М., 1911. С. 19–20.
3. Кутузов М. И. Сб. док. и мат. М., 1950–1956. Т. 4. Ч. 2. Док. № 619. С. 618.
4. Мнение адм. Мордвинова по делу о кн. А. И. Горчакове // ЧОИДР. М., 1860. Кн. III. Отд. V. С. 172.
5. Синельников Ф. М. Жизнь фельдм. Кутузова. СПб., 2007. С. 30.
6. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподв. СПб., 1845–1850. Т. 3. Кн. М. Л. Голенщев-Кутузов Смол. С. 5.
7. Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 253.
8. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 3. С. 152, 163.
9. Богданович М. И. Рус. армия в век имп. Екатерины II. СПб., 1873. С. 36.
10. Богданович М. И. Истор. царств. имп. Александра I и Рос. в его вр. СПб., 1869. Т. 2. С. 1.
11. Бутенев А. П. Воспоминания рус. дипломата // Рус. Архив. 1881. N. 3. С. 43.
12. Епанчин Ю. Л. Споры вокруг фельдм.: оценка личности М. И. Кутузова в совр. историографии // Воен.-историч. исслед. в Поволжье. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 334–336.
13. Ржевский С. М. О рус. армии во второй пол. Екатерининского царств. // Рус. Архив. 1879. № 3. С. 357–362.
14. Местничество в исходе XVIII в. Спор о командовании рус. армиями по кончине кн. Потемкина // Рус. Архив. 1873. № 1. С. 50–51.
15. Михайловский-Данилевский А. И. Опис. первой войны имп. Александра с Наполеоном. СПб., 1844. С. 198.

16. Шильдер Н. К. А. И. Михайловский-Данилевский. К столетней годовщине со дня рожд. // Рус. Старина. 1891. № 9. С. 494.
17. Чернышев А. И. Донес. канцлеру гр. Н. П. Румянцеву // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 242.
18. Дубровин Н. Ф. Отеч. война в письмах соврем. // Записки ИАН. СПб., 1882. Т. 43. Док. № 260. С. 367–368.
19. Деша гр. Ж. де-Местра Сардинскому королю // Рус. Архив. 1912. № 1. С. 49.
20. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской Рос. в XIX ст. М., 1923. С. 54.
21. Голенцев-Кутузов-Толстой П. М. Несколько слов о кн. Голенцеве-Кутузове-Смол. // Рус. Архив. 1883. № 4. С. 361–364.
22. Колобакин Б. М. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. I // Тр. ИРВИО. СПб., 1912. Т. V. С. 21.
23. Бутурлин Д. П. Кутузов в 1812 г. // Рус. Старина. 1894. № 10. С. 207.
24. Романов А. П. Самооправдание имп. Александра Павловича в письме к вел. кн. Екатерине Павловне // Рус. Архив. 1911. № 2. С. 305.
25. Ермолов А. П. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 258. См. также: Ермолов А. П. Записки о войне 1812 г. Брюс.-Лондон, 1863. С. 152.
26. Мысли о тактике европ. пехоты ген. Ренара // Воен. сб. 1858. № 1–2. Отд. неофиц. С. 314.
27. Гейсман П. А. Война. Ее значение в жизни народа и гос-ва. СПб., 1896. С. 3.
28. Левицкий Н. А. Полководческое иск-во Наполеона. М., 1938. С. 5.
29. Суворов А. В. Сб. док. М., 1949–1953. Т. 1. Док. № 24. С. 73–151; Т. 3. Док. № 514. С. 501–508.
30. Румянцев П. А. Сб. док. и мат. М., 1953–1959. Т. 2. Док. № 120, 259. С. 233–254, 516–517; Т. 3. Док. № 14. С. 19–33.
31. Воен. сб. 1902, № 7. Стр. 242–244. См. также: Богданов Л. П. Русская армия в 1812 г. М., 1979. С. 126–131.
32. Ланжерон А. Ф. Рус. армия в год смерти Екатерины II // Рус. Старина. 1895. № 3–5.
33. Кутузов М. И. Прим. о пех. службе вообще и егерской особенно. М., 1955.
34. Пузыревский А. К. Очерки из истор. пехоты // Воен. сб. 1876. № 12. Отд. I. С. 353.
35. Тотлебен Э. И. О значении огня в бою // Воен. сб. 1876. № 8. Отд. I. С. 294–306.
36. Бантыш-Каменский Д. Н. Биогр. рос. генералиссимусов и ген.-фельдм. СПб., 1840. Т. 3. С. 155.
37. Бумаги, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 459–460, 462.
38. Клауген Л. Несколько слов о телесном в рус. войсках наказании // Воен. сб. 1859. № 9–10. Отд. неофиц. С. 199, 206.
39. Леер Г. А. Война Рос. с Турц. 1806–1812 гг. СПб., 1888. С. 26. См. также: Леер Г. А. Тактич. значение местности. СПб., 1878. С. 12.

40. Драгомиров М. И. Разбор романа «Война и мир». Киев, 1895. С. 105–107.
41. Толкушкин С. Способы и средства сохранения в бою свободы действий // Воен. сб. 1912. № 1. С. 19–40.
42. Драгомиров М. И. Учебн. тактики. СПб., 1879.
43. Байов А. К. Курс истор. рус. воен. иск-ва. СПб., 1913. Вып. 7. Эпоха имп. Александра I.
44. Леер Г. А. Воен. дело в XVIII в. // Воен. сб. 1864. № 10. Отд. неофиц. С. 199–201.
45. Там же. С. 223–224.
46. Воен. стратегия. М., 1963. С. 321.
47. Тарле Е. В. Наполеон // Тарле Е. В. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 436.
48. Марченко В. Р. Автобиогр. записка гос. секретаря // Рус. Старина. 1896. № 3. С. 499–500.
49. Скугаревский А. П. О воен. истории. СПб., 1874. С. 39–40.
50. Епанчин Н. А. Очерк похода 1829 г. в европ. Турц. СПб., 1905. Ч. 1. С. 3.
51. Отеч. война 1812 г. Мат. ВУА ГШ. СПб., 1900. Т. I. С. 1.
52. Драгомиров М. И. Разбор романа «Война и мир». Киев, 1895. С. 25.
53. Полн. собр. законов Рос. Имп. СПб., 1830. Т. XXXII. С. 43.
54. Брусилов А. А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 55, 67.
55. Там же. С. 90, 105, 107.
56. Соболев Л. Н. Куропаткинская стратегия. СПб., 1910. С. 179–183, 279.
57. Брусилов А. А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 130
58. Свечин А. А. Война в горах. Тактич. исслед. по опыту рус.-яп. войны. СПб., 1906. С. 6–7, 11–13.
59. Сов. историч. энцикл. 1961–1976. Т. 8. С. 317–318.
60. Дубровин Н. Ф. После Отеч. Войны // Рус. Старина. 1904. № 1. С. 6.
61. Драгомиров М. И. Разбор романа «Война и мир». Киев, 1895. С. 84.
62. Ермолов А. П. Письма // ОР РНБ. Ф. 325. Ед. хр. 33. Л. 49.
63. Романов Н. М. Имп. Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 205–206.
64. Брусилов А. А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 62.
65. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской Рос. в XIX ст. М., 1923. С. 54.
66. Чернышев А. И. Донес. канцлеру гр. Н. П. Румянцеву // Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 284–285.

Библиография

1. Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917—1987. М., 1990.
2. Авенариус В. П. Среди врагов. Дневник юноши, очевидца войны 1812 года. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1912.
3. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII — 1 половина XIX вв.) // Литературное наследство. 1982. Т. 91.
4. Андреев Н. И. Воспоминания Николая Ивановича Андреева // Русский Архив. 1879. Т. 40, № 10.
5. Анекдоты, или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском: в 2 ч. СПб.: Морская тип., 1814.
6. Анненков И. В. История лейб-гвардии Конного полка: в 4 ч. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1849.
7. Антоновский А. И. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1904. Вып. 3: Корпус Витгенштейна.
8. Ануфриев В. П. Хронология Шевардинского боя // Исторический Форум: междунар. науч. журн. 2015. № 3.
9. Апухтин В. Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественной войне. М., 1912.
10. Апухтин В. Р. Сердце России, первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. М.: Тип. В. И. Воронова, 1912.
11. Арнольди И. К. Из записок о 1812 годе // Военский К. А. Священной памяти двенадцатый год. СПб.: Изд-во «Сельского вестника», 1912.
12. Архив князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского (1745—1813), ныне принадлежащий Ф. К. Опочинину. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1872.
13. Архив Раевских: в 5 т. / под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1908.
14. Афанасьев А. К. Гибель Московского арсенала в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: матер. Междунар. науч. конф. (Москва, 8—11 октября 2012 г.). М., 2013.
15. Афанасьев В. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М.: Изд. Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, 1912.
16. Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1819.
17. Бабкин В. И. Народное ополчение в войне 1812 года. М., 1962.
18. Байов А. К. Курс истории русского военного искусства: в 7 т. СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1913. Вып. 7: Эпоха императора Александра I.

19. Бакунина В. И. Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Русская Старина. 1885. Т. 47, № 9.
20. Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 3 т. СПб.: Тип. Третьего департ. М-ва гос. имуществ, 1840.
21. Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий Первой армии в 1812 году. Донесение государю императору главнокомандующего Первою армиею, военного министра Барклай де Толли. М.: Университ. тип., 1859.
22. Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий 1-й армии // Отечественная война 1812 года: матер. ВУА ГШ. СПб.: Тип. «Бережливость», 1911. Т. XVIII: Боевые действия в 1812 г. (Сентябрь месяц. Переписки март—декабрь и документы без дат).
23. Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1887.
24. Безотосный В. М. Значение событий под Малоярославцем в 1812 г. // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии. Малоярославец, 1993.
25. Безотосный В. М. Российский титулованный генералитет в 1812—1815 гг. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Bezotosny_03.pdf (дата доступа: 05.04.2018).
26. Безотосный В. М. Россия и Европа в эпоху 1812 года. Стратегия или геополитика. М.: Вече, 2012.
27. Белькович Л. Н. Князь Петр Иванович Багратион // Русская Старина. 1912. Т. 151, № 7.
28. Бенкендорф А. Х. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: матер. ВУА ГШ. Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1903.
29. Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев: Губ. тип., 1912. Вып. II: 1 и 2 Западные армии. Главная армия.
30. Беннигсен Л. Л. Записки гр. Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 г. // Русская Старина. 1909. Т. 139—140, № 7—9, 11—12.
31. Бережинский В. Г., Лапатиева Н. В. Украинское ополчение 1812 года // Международная научно-практическая конференция. Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2012.
32. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1958.
33. Бессонов И. И. Битва в Малоярославце 12 октября 1812 года. Калуга: Тип. губ. правл., 1912.
34. Бестужев-Рюмин А. Д. Записки Алексея Дмитриевича Бестужева-Рюмина о Москве 1812 года // Русский Архив. 1896. Т. 90, № 7.
35. Бешанов В. В. Шестьдесят сражений Наполеона. М.: Харвест, 2000.
36. Биографическая библиотека Ф. Павленкова: жизнь замечательных людей: в 3 т. М.: Олма-Пресс, 2001. Т. 2: XVII—XVIII вв.

37. Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России, воздвигнутом в г. Новгороде в 1862 г. / сост. О. и И. Куприяновы. Новгород: Тип. М. Сухова, 1862.
38. Богданов Л. П. Русская армия в 1812 году. М., 1979.
39. Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1863.
40. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам: в 3 т. СПб.: Тип. Торг. дома С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко, 1859–1860.
41. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время: в 6 т. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1869–1871.
42. Богданович М. И. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1852.
43. Богданович М. И. Русская армия в век императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. департ. уделов, 1873.
44. Богуславский Л. А. История Апшеронского полка 1700–1892: в 3 т. СПб., 1892.
45. Бондырев С. А. Очерк участия Киевских драгун в Отечественной войне 1812 г. Васильков: Тип. В. М. Рейнгольда, 1912.
46. Бонналь А. Виленская операция. Современное военное искусство в стратегии Наполеона с января 1811 г. по июль 1812 г. СПб.: Экономич. тип., 1909.
47. Борисевич А. Т., Геништа В. И. История 30-го драгунского Ингерманландского полка. 1704–1904: в 2 ч. СПб.: Тип. «Бережливость», 1904. Ч. 1: Период 1704–1825 гг.
48. Борисов В. Е., Сыщанко А. Походы 64-го пехотного Казанского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб.: Тип. И. Скороходова, 1888.
49. Бородин Д. Н. Двенадцатый год. Пожар Москвы. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1912.
50. Бородино. 1812. М.: Мысль, 1989.
51. Бородино. 1812–1962. Документы, письма, воспоминания / под ред. Л. Г. Бескровного, Г. П. Мещерякова. М.: Сов. Россия, 1962.
52. Брандт Г. Из записок прусского генерала от инфантерии Брандта о походе Наполеона в Россию в 1812 г. // Военный сборник. 1870. № 1–6.
53. Бретшнейдер К. Г. Четырехлетняя война союзных держав против Наполеона Бонапарта: в 3 ч. СПб.: Морская тип., 1820.
54. Бродский Г. Е. Позиция русских армий у с. Царево-Займище 17–18 августа 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2017.
55. Брусилов А. А. Мои воспоминания. Харьков: Фолио, 2012.

56. Будко А. А., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение войск в заграничных походах русской армии // Вестн. Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2012.
57. Булгаков А. Я. Из писем Александра Яковлевича Булгакова к его брату. 1812 год // Русский Архив. 1900. Т. 102, № 5.
58. Булгарин Ф. В. Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846.
59. Бумаги графа А. А. Закревского // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1890. Т. 73.
60. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным: в 10 ч. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1897–1912.
61. Бунт ополчения в 1812 г. // Бунт военных поселян в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб.: Печатня Головина, 1870.
62. Бургонь А.-Ж. Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1898.
63. Бутенев А. П. Воспоминания русского дипломата Аполинария Петровича Бутенева // Русский Архив. 1881. Т. 46, № 3 (1); 1883. Т. 50, № 1.
64. Бутовский И. Г. Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща: первая война императора Александра I с Наполеоном I в 1805 г. СПб.: Воен. тип. Гл. штаба Е. И. В., 1858.
65. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: в 2 ч. СПб.: Воен. тип. Гл. штаба Е. И. В., 1823–1824; СПб.: Военная тип., 1837–1838.
66. Бутурлин Д. П. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I: в 2 ч. СПб.: Тип. Имп. воспитат. дома, 1829.
67. Бутурлин Д. П. Кутузов в 1812 году // Русская Старина. 1894. Т. 82–2, № 10–11.
68. В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Обзор событий и сборник документов / сост. В. И. Асонов. Калуга: Тип. Е. Г. Архангельской, 1912.
69. Вандаль А. Наполеон и Александр I. От Тильзита до Эрфурта: в 2 т. СПб.: Тип. акц. о-ва «Слово», 1910–1911.
70. Васильев А. А. Сражение при Кремсе 11 ноября 1805 г. // Воин. 2002. № 9.
71. Вахрушев М. Н. История 101-го пехотного Пермского полка. СПб.: Тип. Е. А. Евдокимова, 1897.
72. Веймарн И. Ф. Высшая тактика. Для руководства в Императорской военной академии. СПб.: Тип. Э. Праца, 1840.
73. Вершинский А. Н. 1812 год в Тверской губернии по запискам и воспоминаниям современников. Старица: Тип. И. П. Крылова, 1912.
74. Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 т. М.: Круг, 1928.
75. Вильсон Р.-Т. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995.
76. Вильсон Р.-Т. Краткие замечания о свойстве и составе русского войска. СПб.: Тип. Имп. театра, 1812.

77. Висковатов А. В. Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. 1730–1850. СПб.: Тип. Гл. упр. путей сообщения и публичных зданий, 1851.
78. Висковатов А. В. Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб.: Тип. Гл. штаба Е. И. В., 1832.
79. Витгенштейн П. Х. Письма фельдмаршала князя Витгенштейна // Русский Архив. 1913. Т. 141, № 3.
80. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского МИД. Серия I: 1801–1815 гг.: в 8 т. М.: Госполитиздат, 1958–1970.
81. Военная стратегия / под ред. В. Д. Соколовского. М.: Изд-во М-ва обороны СССР, 1963.
82. Военные подвиги и анекдоты графа Петра Христиановича Витгенштейна, выбранные из достоверных источников и иностранных журналов. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1814.
83. Военный энциклопедический словарь (ВЭС). М.: Большая Рос. энциклопедия, 2002.
84. Военский К. А. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Т. 1 // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. А. Ф. Штольценбурга, 1909. Т. 128.
85. Военский К. А. Наполеон и его маршалы в 1812 году. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1912.
86. Военский К. А. Священной памяти двенадцатый год. СПб.: Изд-во «Сельского вестника», 1912.
87. Волконский Д. М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 год. Военные дневники. М.: Сов. Россия, 1990. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/02.html> (дата доступа: 17.04.2018).
88. Волконский С. Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб.: Синодальная тип., 1901.
89. Волховской К. Материалы для биографии князя М. И. Голенищева-Кутузова // Русская Старина. 1912. Т. 151, № 9.
90. Воронов П. Н. Кто управлял русскими войсками в июне 1812 г., после переправы Наполеона через Неман // Русская Старина. 1912. Т. 151, № 7.
91. Воспоминания об императоре Александре I и о Наполеоне // Военный сборник. 1866. № 3–4.
92. Вуич И. В. Малая война для руководства в Императорской военной академии. СПб.: Тип. Э. Праца, 1850.
93. Вюртембергский Е. К.-П. Воспоминания принца Евгения Вюртембергского // Русский Архив. 1878. Т. 35, № 1.
94. Вяземский В. В. Дневник 1812 // 1812 год. Военные дневники. М.: Сов. Россия, 1990. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/03.html> (дата доступа: 09.04.2018).

95. Гарнич Н. Ф. 1812 г. М.: Госкультпросветиздат, 1952.
96. Гейм И. А. Опыт начертания статистики главнейших государств по нынешнему их состоянию. М.: Университ. тип., 1821.
97. Гейсман П. А. Война. Ее значение в жизни народа и государства. СПб.: Тип. А. А. Пороховщикова. 1896.
98. Гейсман П. А. От Берлина и Вены к Петербургу и Москве и обратно. Ответ воинствующим тевтонам-русофобам. Елисаветград: Тип. Гольденберга, 1891.
99. Гельдер Д. Из записок барона Дедема де Гельдера // Французы в России. 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев / сост. А. М. Васютинский и др. М.: Задруга, 1912. Ч. 2.
100. Генерал Багратион // Русские полководцы. Документы и материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1945.
101. Гениев Н. История Псковского пехотного генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полка. 1700—1881. М.: Тип. А. Иванова, 1883.
102. Геруа А. В. Бородино (по новым данным). СПб.: О-во ревнителей воен. знаний, 1912.
103. Гизетти А. Л. Хроника Кавказских войск / под ред. ген.-лейт. Чернявского. Тифлис: Тип. канц. главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896.
104. Глинка С. Н. Жизнь Суворова, им самим описанная, или Собрание писем и сочинений его, изданное с примечаниями Сергеем Глинкою. М.: Тип. С. Селивановского, 1819.
105. Глинка С. Н. Записки. СПб.: Изд. ред. журн. «Русская Старина», 1895.
106. Глинка С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб.: Тип. Имп. Рос. академии, 1836.
107. Глинка С. Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. СПб.: Тип. Имп. Рос. академии, 1837.
108. Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М.: Директ-Медиа, 2014.
109. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1870.
110. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1990.
111. Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба: в 2 т. СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петерб. воен. округа, 1883—1894.
112. Глиноецкий Н. П. Краткая биография генерала от артиллерии Ермолова // Военный сборник. 1861. № 5—6.
113. Глиноецкий Н. П. Русский Генеральный штаб в царствование императрицы Екатерины II // Военный сборник. 1872. № 1—2.
114. Гогель И. Г. Полезна ли полковая артиллерия? // Артиллерийский журнал. 1810. № 3.
115. Голенищев-Кутузов-Толстой П. М. Несколько слов о князе Голенищеве-Кутузове-Смоленском // Русский Архив. 1883. Т. 51, № 4.

116. Голиков В. И. История Томского пехотного полка в битвах XVIII—XX вв. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 4 (20).
117. Голицын А. Б. Записка о войне 1812 года князя А. Б. Голицына // Военский К. А. Отечественная война 1812 года в записках современников. Материалы ВУА. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1911.
118. Голицын Н. Б. Очерки военных сцен. 1812—1814. Записки князя Николая Борисовича Голицына // Русский Архив. 1884. Т. 54, № 4.
119. Головин Н. Н. Суворов и его «Наука побеждать». Репринтное издание 1931 г. М., 2000.
120. Головкин Ф. Г. Записки // Русская Старина. 1907. Т. 129, № 2.
121. Город Белый и его уезд в 1812 году // Военный сборник. 1872. № 5—6.
122. Гоувальт О. Х. История лейб-гвардии Павловского полка. 1726—1850. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1852.
123. Граббе П. Х. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. Отечественная война. М.: Университ. тип. (Катков и К°), 1873.
124. Грабовский С. В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700—1880). СПб.: Тип. Кесневеля и Балашева, 1883.
125. Греч Н. М. Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002.
126. Гриуа Л. Отрывок из воспоминаний // Французы в России. 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев. Неман — Смоленск — Бородино — Вступление в Москву / сост. Васютинский А. М. и др. М.: Задруга, 1912. Ч. 2.
127. Гросул В. Бухарестский мир 1812 г. и формирование новой юго-западной границы России // Русин: междунар. ист. журн. Кишинев, 2012. № 1 (27).
128. Давыдов Д. В. Воспоминание о Кульневе в Финляндии. 1808 год // Давыдов Д. В. Сочинения: в 3 ч. М.: Тип. Бахметева, 1860. Ч. 2.
129. Давыдов Д. В. Встреча с великим Суворовым // Давыдов Д. В. Сочинения: в 3 ч. М.: Тип. Бахметева, 1860. Ч. 2.
130. Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий // Давыдов Д. В. Сочинения: в 3 ч. М.: Тип. Бахметева, 1860. Ч. 1.
131. Давыдов Д. В. Опыт теории партизанских действий для русских войск // Давыдов Д. В. Сочинения: в 3 ч. М.: Тип. Бахметева, 1860. Ч. 1.
132. Давыдов Д. В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? // Давыдов Д. В. Сочинения: в 3 ч. М.: Тип. Бахметева, 1860. Ч. 1.
133. Давыдов Д. В. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона // Давыдов Д. В. Сочинения: в 3 ч. М.: Тип. Бахметева, 1860. Ч. 1.
134. Давыдов Д. В. Записки Дениса Васильевича Давыдова в России цензурою не пропущенные. Брюссель — Лондон: Тип. кн. П. В. Долгорукова, 1863.
135. Две беседы полковника Мишо с императором Александром I в 1812 году // Военский К. А. Священной памяти двенадцатый год. СПб.: Изд-во «Сельского вестника», 1912.
136. Деменков П. С. Заметки ветерана 1812 года // Русский Архив. 1911. Т. 137, № 11.

137. Деккер К. История артиллерии. СПб.: Тип. Х. Гипше, 1833.
138. Деша графа Жозефа де Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 года // Русский Архив. 1912. Т. 138, № 1.
139. Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. СПб., 1864—1883.
140. Дивов Н. А. Из воспоминаний // Русский Архив. 1873. Т. 22, № 7.
141. Дивов П. Г. Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное // Русская Старина. 1899. Т. 100, № 10.
142. Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка: в 2 ч. СПб., 1883.
143. Довнар-Запольский М. В. Война 1812 года и современное ей русское общество. Казань: Тип. И. Н. Харитоновна, 1912.
144. Донесение Евгения Богарне Наполеону // Французы в России. 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев. Битва под Малоярославцем / сост. А. М. Васютинский и др. М.: Задруга, 1912. Ч. 2.
145. Дохтуров Д. С. Письма Д. С. Дохтурова к его супруге во время войн 1805—1813 годов // Русский Архив. 1874. Т. 23, № 1.
146. Драгомиров М. И. Разбор романа «Война и мир». Киев: Изд. книгопродавца Н. Я. Оглобина, 1895.
147. Драгомиров М. И. Учебник тактики. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879.
148. Дробан А. Т. Два фронта фельдмаршала Кутузова в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: матер. междунар. науч. конф. (Москва, 8—11 октября 2012 года). М., 2013.
149. Дроздовский А. В. Светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский // Тысяча восемьсот двенадцатый год. Иллюстрированный двухнедельный журнал: в 2 т. Репринтное издание 1912 года. СПб.: Альфарест, 2012. Т. 1, вып. 1—10.
150. Дубровин Н. Ф. А. В. Суворов среди преобразователей Екатерининской армии. СПб.: Тип. Имп. акад. наук (ИАН), 1886.
151. Дубровин Н. Ф. Москва и граф Ростопчин в 1812 году // Военный сборник. 1863. № 7—8.
152. Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815) // Зап. Имп. акад. наук (ИАН). СПб., 1882. Т. 43.
153. Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1808 по 1829 год). СПб.: Тип. Имп. акад. наук (ИАН), 1883.
154. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская Старина. 1901. Т. 108, № 10—12; 1902. Т. 109, № 1—2.
155. Дубровин Н. Ф. Турецкая война 1806—1812 гг. статьи «Князь П. И. Багратион» и «Граф Н. М. Каменский 2-й» // Военный сборник. 1864. № 11—12; 1865. № 1—8.
156. Дурново Н. Д. Дневник 1812 // 1812 год. Военные дневники. М.: Сов. Россия, 1990. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/01.html> (дата доступа: 17.04.2018).

157. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы Дуровой. СПб.: Тип. т-ва «Свет», 1912.
158. Екатерина Вторая и Г. А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). М.: Наука, 1997.
159. Елагин Н. Лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки в Бородинской битве. Б. м., б. г. Перепечатка из: СПб. ведомости. 1845. № 4. С. 5–7.
160. Епанчин Н. А. Очерк похода 1829 г. в европейской Турции: в 3 ч. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1905–1906.
161. Епанчин Ю. Л. Исторический портрет. Николай Николаевич Раевский // Вопросы истории. 1999. № 3.
162. Епанчин Ю. Л. Споры вокруг фельдмаршала: оценка личности М. И. Кутузова в современной историографии // Военно-ист. исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 7.
163. Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост. В. А. Федоров. М.: Высш. шк., 1991.
164. Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова о войне 1812 года. Брюссель-Лондон: Тип. кн. П. В. Долгорукова, 1863.
165. Ермолов А. П. Письма // ОР РНБ. Ф. 325.
166. Жизнь и военные подвиги генерал-фельдмаршала, светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб.: Тип. Воен. м-ва, 1813.
167. Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968.
168. Жилин П. А. Отечественная война 1812 г. М.: Наука, 1988.
169. Жиркевич И. С. Записки // Русская старина. 1874. Т. 10–11, № 5–12.
170. Жиркевич И. С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М.: Кучково поле, 2009.
171. Жихарев С. П. Записки Степана Петровича Жихарева. М.: Университ. тип., 1890.
172. Жмодиков А. Л., Жмодиков Ю. Л. Штыковая атака и штыковой бой в сражениях Наполеоновской эпохи // Сб. исслед. и матер. Военно-ист. музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2015. Вып. X.
173. Жомини Г. А. Аналитический обзор главных соображений военного искусства, и об отношениях оных с политикой государств. СПб.: Тип. Врем. департ. воен. поселений, 1833.
174. Журналы Комитета Министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1888–1891.
175. Жучков К. Б. М. И. Кутузов по характеристике его окружения в Отечественную войну 1812 года // Вестн. Псков. гос. ун-та. Социально-гуманитарные науки. Псков, 2008.
176. Жучков К. Б. Русско-французское противостояние в конце 1812 — начале 1813 гг. Проблемно-историографический очерк. М.: Новый хронограф, 2013.

177. Замечания на официальные известия из армии 27 августа // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы ВУА ГШ. Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1903. Вып. II: 1 и 2 Западные армии. Главная армия.
178. Залесский К. А. Наполеоновские войны 1799—1815: биограф. энцикл. словарь. М.: Астрель, 2003.
179. Записка о майоре французской службы Александре Шмидте, составленная для гр. Нессельроде А. Я. Булгаковым. Объяснительные ответы // Русский Архив. 1864. Т. 2, № 11—12.
180. Записки инженерного офицера Мартоса // Русский Архив. 1893. Т. 81, № 7—8.
181. Записки маркиза Пасторе о войне 1812 года // Русский Архив. 1900. Т. 103, № 12.
182. Записки современников о 1812 годе. Граф Боволье // Русская Старина. 1893. Т. 77, № 1.
183. Зноско-Боровский 1-й Н. А. История лейб-гвардии Измайловского полка. 1730—1880. СПб.: Тип. П. Е. Лобанова, 1882.
184. Зотов Р. Рассказы о походах прапорщика Санкт-Петербургского ополчения. СПб.: Тип. И. Глазунова, И. Смирдина и Ко, 1836.
185. Иванов Н. А. В память столетия Отечественной войны. 1812—1912. Одесса: Тип. о-ва «Русская речь», 1912.
186. Иванов Н. А. 1812-й год. Русская конница в великой Бородинской битве. Одесса: Тип. о-ва «Русская речь», 1912.
187. Иванова Т. П. Тверское ополчение в войне 1812 г. // Междунар. науч.-практ. конф. Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2012.
188. Ивченко Л. Л. Кто выпустил Наполеона из России // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1999.
189. Ивченко Л. Л. Кутузов. М.: Мол. гвардия, 2012.
190. Идельсон Е. М. Болезни и врачебная помощь в эпоху войны 1812 года. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1912.
191. Известия о военных действиях российской армии против французов 1812 года. СПб.: Медицинская тип., 1813.
192. Из журнала участника войны 1812 года Суханина // Русская Старина. 1912. Т. 149, № 2—3.
193. Из семейного архива графа Нессельроде // Русская Старина. 1906. Т. 125, 126, № 3—4.
194. История кавалергардов и Кавалергардского ее величества полка: в 2 т. СПб.: Военная тип., 1851.
195. История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет 1796—1896 / сост. по архив. док-там и др. источникам офицерами лейб-гвардии Егерского полка: в 2 т. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1896.
196. История лейб-гвардии Кирасирского полка. СПб.: Военная тип., 1833.

197. История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 г. / изд. лейб-гвардии Преображенского полка: в 3 т. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1883–1888.
198. История Отечества: учебник для военных вузов / под ред. О. Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2014.
199. История Отечественной войны 1812 года // Военный сборник. 1860. № 3–6.
200. История русской армии: в 2 т. СПб.: Полигон, 2003.
201. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. М.: Наука, 1966–1980.
202. К биографии графа Н. М. Каменского // Русская Старина. 1895. Т. 84–1, № 9.
203. К истории Отечественной войны 1812 г. Письма князя П. И. Шаховского и графа Витгенштейна к настоятелю Псковско-Печерского монастыря (1812–1827 гг.) // Русская Старина. 1900. Т. 104, № 10.
204. К истории 1812 года. Приказы Барклая де Толли // Русский Архив. 1904. Т. 114, № 2.
205. К событиям 1812 г. в гор. Владимире // Тр. Владимир. уч. архив. комиссии. Кн. 12. Владимир: Тип. губерн. правл., 1910.
206. Казанский П. О походных движениях. Лекции, читанные в Николаевской академии Генерального штаба // Военный сборник. 1876. № 2–4.
207. Камер-фурьерские церемониальные журналы. СПб., 1901–1912.
208. Капустина Т. А. Александр I и заграничные походы русской армии в 1813–1814 гг. URL: <http://www.reenactor.ru/ARN/PDF/Kapustina.pdf> (дата доступа: 08.04.2018).
209. Клаузевиц К. Ф. О войне. М.: Эксмо, 2007.
210. Клаузевиц К. Ф. 1812 год. Поход в Россию. М.: Захаров, 2004.
211. Клембовский В. Н. Campaigns de 1805. Обзор кампании 1805 г. в Германии и Италии: пер. с фр. СПб.: Изд. В. Березовского, 1889.
212. Клуген Л. Несколько слов о телесном в русских войсках наказании // Военный сборник. 1859. № 9–10.
213. Князьков С. А. М. И. Голенищев-Кутузов // Отечественная война и русское общество: юбил. изд. М., 1912. Т. 4.
214. Колачковский К.-И. Е. Записки генерала Колачковского о войне 1812 года. М., 1911.
215. Коленкур А.-О. Л. Поход Наполеона в Россию. М.: Госполитиздат, 1943.
216. Колюбакин Б. М. 1812 год. Бородинская операция и Бородинское сражение: в 3 кн. // Тр. Имп. Рус. военно-ист. о-ва (ИРВИО). СПб.: Тип. Гр. Скачкова, 1912. Т. V–VII.
217. Колюбакин Б. М. 1812 год. Бородинское сражение 26 августа // Русская Старина. 1912. Т. 151, № 8.
218. Колюбакин Б. М. 1812 год. Избрание М. И. Кутузова главнокомандующим всеми армиями, приезд его в армию и первые дни его деятельности // Русская Старина. 1912. Т. 151, № 7.

219. Колюбакин Б. М. 1812 год. Последние дни командования Барклаем 1-й и 2-й Западными армиями // Русская Старина. 1912. Т. 150, № 6.
220. Кольчугин Г. Н. Записки Григория Никитича Кольчугина о 1812 годе. М.: Тип. Лебедева, 1879.
221. Кольчугин Г. Н. Записка Г. Н. Кольчугина // Русский Архив. 1879. Т. 40, № 9.
222. Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб.: Б-ка мемуаров изд-ва «Огни», 1914.
223. Коновницын П. П. Письма к жене 1812 года // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1904. Ч. 8.
224. Корнилов А. А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11.
225. Короленко П. Черноморцы за Бугом // Военный сборник. 1868. № 3–6.
226. Крестовский В. В. История 14-го уланского Ямбургского ее императорского высочества великой княжны Марии Александровны полка. 1771–1781. СПб.: Тип. М. О. Этингера, 1873.
227. Крылов В. М., Гуляев Ю. Н. Артиллерийские офицеры и военные инженеры — воспитанники Артиллерийского и Инженерного Шляхетного кадетского корпуса — 2-го кадетского корпуса в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: матер. 3-й науч. конф. (Бородино, 1994 г.). Бородино, 1995.
228. Крючков В. В. 95-й пехотный Красноярский полк. История полка 1797–1897. СПб.: Паровая скоропечатня Я. И. Либермана, 1897.
229. Кубасов И. Иван Никитич Скобелев // Русская Старина. 1900. Т. 101, № 2.
230. Кудашев С. С. История императора Александра Павловича. Ч. 3: Отечественная война. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1912.
231. Кузьминский К. Что осталось от Москвы после пожара 1812 года. М.: Гор. тип., 1910.
232. Куракин А. Б. Донесения императору Александру Павловичу князя А. Б. Куракина // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. Имп. акад. наук (ИАН), 1877. Т. 21.
233. Куракин А. Б. Донесения и письма князя А. Б. Куракина канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. Имп. акад. наук (ИАН), 1877. Т. 21.
234. Курганов Н. Г. Книга о науке военной. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1777.
235. Кутузов М. И. Письма к Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово // Русская Старина. 1874. Т. 10, № 5–8.
236. Кутузов М. И. Примечание о пехотной службе вообще и егерской особенно / под ред. Ю. Н. Яблочкина. М.: Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1955.

237. Кутузов М. И. Сборник документов и материалов: в 5 т. / под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Воениздат, 1950–1956.
238. Лабом Э. Битва под Малоярославцем // Французы в России 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев / сост. А. М. Васютинский и др. М.: Задруга, 1912. Ч. 2.
239. Ламберт К. О. Из воспоминаний графа К. О. Ламберта // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы ВУА ГШ. Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1907. Вып. IV.
240. Ланжерон А. Ф. Березинская операция в войну 1812 года. Б. м., б. г. С пометкой: «Из сборника разведчика. № 12. 1899 г.»
241. Ланжерон А. Ф. Записки // Русская Старина. 1907. Т. 131, № 7–9; 1909. Т. 139, № 7–9; 1910. Т. 143–144, № 7–12.
242. Ланжерон А. Ф. Записки // Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995.
243. Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство русской армии // Русская Старина. 1895. Т. 83–1, 83–2, № 3–4.
244. Ларионов А. П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год: сб. ст. М., 1962.
245. Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. 1796–1801 // Русская Старина. 1877. Т. 18, № 2, 4.
246. Левенштерн В. И. Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская Старина. 1900. Т. 104, № 10–12; 1901. Т. 105, № 1–3.
247. Левенштерн В. И. Записки лифляндца // Военный сборник. 1865. № 5–10; 1866. № 1–2.
248. Левенштерн В. И. От Бородина через Москву // Россия и Наполеон. Отеч. война в мемуарах, документах и художественных произведениях. М.: Задруга, 1912.
249. Левицкий Н. А. Полководческое искусство Наполеона. М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны СССР, 1938.
250. Леглер Т. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года // Русский Архив. 1907. Т. 123, № 2.
251. Леер Г. А. Военное дело в XVIII веке // Военный сборник. 1864. № 10, 11.
252. Леер Г. А. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Рецензия генерал-лейтенанта Г. А. Леера. СПб.: Тип. «Артиллерийск. журн.», 1888.
253. Леер Г. А. Записки стратегии. Вып. 1–2. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза»; Рус. скоропечатня, 1877–1880.
254. Леер Г. А. Значение подготовки к войне вообще и подготовительных стратегических операций в особенности. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1875.

255. Леер Г. А. О позициях // Военный сборник. 1866. № 5–6.
256. Леер Г. А. Подробный консп. Война 1805 года. Аустерлицкая операция. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1888.
257. Леер Г. А. Тактическое значение местности. Исследование о позициях // Военный сборник. 1878. № 7–9.
258. Лейб-гвардии конная артиллерия в войнах 1805 и 1807 гг. и в Отечественной войне 1812 г. (Памятка канонира) / сост. Борисевич А. Т. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912.
259. Ливен Д. Россия и разгром Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VI: Сб. материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 166.
260. Ливен Д. Россия против Наполеона // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: матер. междунар. науч. конф. (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013.
261. Липранди И. П. Война 1812 года. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам», соч. г.-м. Богдановича. М.: Университ. тип., 1869.
262. Липранди И. П. Выписка из дневника 1812 года, сентября 3-го и 4-го дня // 1812 год. Военные дневники. М.: Сов. Россия, 1990.
263. Липранди И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 г. Собрание статей. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1867.
264. Липранди И. П. Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня? М.: Университ. тип., 1867.
265. Листовки Отечественной войны 1812 года: сб. док. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
266. Литвиновская Ю. И. К ситуации в Витебской губернии в 1812 году // Война 1812 года: события, судьбы, память: Междунар. науч.-практ. конф. Витебск. УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2012.
267. Ложье де Белленкур Ц. Дневник офицера великой армии в 1812 году. М.: Задруга, 1912.
268. Лопатин В. С. Светлейший князь Потемкин. М.: Олма-Пресс, 2005.
269. Лоссберг Ф. В. Поход в Россию в 1812 году. Киев: Губ. тип., 1912.
270. Лукашевич А. М. Российская тактика «выжженной земли»: планы и применение на белорусских землях летом 1812 года // Война 1812 года: события, судьбы, память: Междунар. науч.-практ. конф. Витебск. УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2012.
271. Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб.: Тип. Э. Праца и Ко, 1837.
272. Маевский С. И. Мой век, или История генерала Маевского // Русская Старина. 1873. Т. 8, № 8–11.
273. Макеенко Л. Н. Замечательные люди Опочечского уезда: Голенищевы-Кутузовы и другие (середина XVIII в. — середина XIX в.). Опочка, 1997.

274. Малиновский С. С. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы ВУА ГШ. Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1907. Вып. IV.
275. Манзей К. Н. История лейб-гвардии Гусарского его величества полка. 1775–1857: в 4 ч. СПб.: Воен. тип., 1859.
276. Марин А. Н. Краткий очерк истории лейб-гвардии Финляндского полка: в 2 кн. СПб.: Тип. Имп. акад. наук (ИАН), 1846.
277. Марин С. Н. Полное собрание сочинений. 1776–1813. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1948.
278. Маркграфский А. Н. История лейб-гвардии Литовского полка. Варшава: Тип. Варшав. жандарм. округа, 1887.
279. Мартенс К. Из записок старого офицера // Русская Старина. 1902. Т. 109, № 1–2.
280. Мартынов А. Г. История 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб.: Тип. «Бережливость», 1908.
281. Мартынов А. И. Краткая история 46-го драгунского Переяславского императора Александра III полка. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1899.
282. Марченко В. Р. Автобиографическая записка Государственного секретаря Василия Романовича Марченки. 1782–1838 // Русская Старина. 1896. Т. 85, № 3.
283. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. II: Царствование Екатерины Великой. 1762–1794 годы. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1894.
284. Массонство в его прошлом и настоящем / под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова: в 2 ч. М.: Задруга, 1914–1915.
285. Мелентьев В. Д. Фельдмаршалы победы. Кутузов и Барклай-де-Толли. СПб.: Питер, 2012.
286. Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России: в 2 т. СПб.: Тип. Гл. штаба Е. И. В., 1857. Т. 1.
287. Местничество в исходе XVIII века. Спор о командовании русскими армиями по кончине князя Потемкина // Русский Архив. 1873. Т. 21, № 1.
288. Мера, предложенная императором Александром I, чтобы окончить скорее войну с Турцией в 1812 году // Русская Старина. 1898. Т. 94, № 4.
289. Местр Ж. Петербургские письма 1803–1817. М.: Инапресс, 1995.
290. Миркович Ф. Я. 1789–1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб.: Воен. тип., 1889.
291. Миркович Ф. Я. 1812-й год. Из дневника конногвардейского офицера Ф. Я. Мирковича // Русский Архив. 1888. Т. 62, № 1, 2.
292. Митаревский Н. Е. Воспоминания о войне 1812 года. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1871.
293. Митаревский Н. Е. Нашествие неприятеля на Россию. Рассказы об Отечественной войне 1812 года. М.: Тип. Ф. Иогансона, 1878.

294. Михайловский-Данилевский А. И. Александр I и его сподвижники: в 6 т. СПб.: Тип. Карла Краия, 1845–1850.
295. Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года // 1812 год. Военные дневники. М.: Сов. Россия, 1990. URL: <http://militera.lib.ru/db/1812/06.html> (дата доступа: 04.04.2018).
296. Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний // Русская Старина. 1897. Т. 90, № 6.
297. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году: в 4 ч. СПб.: Воен. тип., 1839.
298. Михайловский-Данилевский А. И. Описание войны 1813 года: в 2 ч. СПб.: Воен. тип., 1840.
299. Михайловский-Данилевский А. И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1844.
300. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1841.
301. Михневич Н. П. Основы русского военного искусства. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса погран. стражи, 1898.
302. Мнение адмирала Мордвинова по делу о князе А. И. Горчакове // Читения в Имп. о-ве истории и древностей российских (ЧОИДР) при Моск. ун-те. М.: Университ. тип., 1860. Кн. III, июль–сентябрь. Отд. V.
303. Мокринский Г. А. История 113-го пехотного Старорусского полка. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1900.
304. Мосолов С. И. История моей жизни // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1904. Ч. 8.
305. Муравьев Н. Н. Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский Архив. 1885. Т. 58, № 9–12; 1886. Т. 59, № 1–2.
306. Муравьев Н. Н. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. М.: Правда, 1989.
307. Мысли о тактике европейской пехоты генерала Ренара // Военный сборник. 1858. Т. 1, № 1–2.
308. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: сб. док. / под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
309. Нарышкина Н. Ф. Пребывание в г. Ярославле семьи графа Ф. В. Ростопчина осенью 1812 г., по описанию Н. Ф. Нарышкиной, рожденной графини Ростопчиной // Тр. Яросл. губ. учетной архивной комиссии. Ярославль: Тип. Н. Х. Николаевой, 1912. Кн. III, вып. 3.
310. Неелов Н. Д. Опыт описания Бородинского сражения. М.: Тип. Н. Степанова, 1839.
311. Незнамов А. А. Оборонительная война (теория вопроса). Стратегия. СПб., 1909. Ч. 1.

312. Неизвестный автор. Воспоминания об оставлении Москвы // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы ВУА ГШ. Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1903. Вып. II: 1 и 2 Западные армии. Главная армия.
313. Ниве П. А. Отечественная война: в 5 т. СПб.: Книгоизд-во В. К. Ильинчика; Тип. Мор. м-ва, 1911–1912.
314. Николаев Н. Г. История 17-го пехотного Архангелогородского Е. И. В. великого князя Владимира Александровича полка. 1700–1900. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900.
315. Нилус А. А. История материальной части артиллерии: в 2 т. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1904.
316. Норов А. С. Война и мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и Мир». СПб.: Тип. департ. уделов, 1868.
317. Норов А. С. Воспоминания Авраама Сергеевича Норова // Русский Архив. 1881. Т. 46, № 3–1.
318. Норов В. С. Записки о походах 1812 и 1813 годов. От Тарутинского сражения до Кульмского боя: в 2 ч. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1834.
319. Окунев Н. А. Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса внутр. стражи, 1841.
320. Ополчение 1812 года. Материалы для истории дворянства С.-Петербургской губернии / под ред. А. А. Бобринского; сост. А. А. Миронов. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1912. Т. 2, вып. 1.
321. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об отечественной войне 1812 года / сост. И. П. Липранди; изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1876.
322. Ордера и записки князя Потемкина к князю Суворову // Русский Архив. 1877. Т. 34, № 10.
323. Орлов Н. А. Бауценское или Вуршенское сражение 8 и 9 (20–21) мая 1813 года. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1883.
324. Орлов Н. А. Война за освобождение Германии в 1813 г. и низложение Наполеона в 1814 г. М.: Тип. Рус. т-ва, 1911.
325. Орлов Н. А. Тактика Суворова. Варшава: Тип. окружн. штаба, 1900.
326. Орлов Н. А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1890.
327. Осокин Н. А. От Рушука до Константинополя // Русская Старина. 1878. Т. 21, № 1.
328. Отголосок Аустерлица. Мнение аудитора Маевского о выписанных из службы капитане Сухотине и штабс-капитане Хатове за их уклонения от Аустерлицкого боя // Русский Архив. 1905. Т. 119, № 9.
329. Отечественная война 1812 года. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава: Тип. преемников Дохмана, 1912.

330. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба: в 21 т. СПб.: Тип. «Бережливость», 1900—1914.
331. Отзвук Бородинского боя. Воспоминание Д. В. Губерти // Русский Архив. 1900. Т. 102, № 6.
332. От Тарутино до Малоярославца. К 190-летию Малоярославецкого сражения / сост. Н. В. Котлякова, Е. А. Назарян. Калуга, 2002.
333. Панин П. И. Письма графа П. И. Панина // Русский Архив. 1888. Т. 67, № 11.
334. Паскевич И. Ф. Из записок князя Паскевича // Русский Архив. 1889. Т. 68, № 3.
335. Паскевич И. Ф. Походные записки 1837—1838 гг. // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.
336. Пасторе А. Записки маркиза Пасторе о войне 1812 года // Русский Архив. 1900. Т. 103, № 12.
337. Пейр Р. История Наполеона I. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1893.
338. Переписка императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910.
339. Петров А. Н. Влияние турецких войн на развитие русского военного искусства: в 2 т. СПб.: Воен. тип., 1893—1894.
340. Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 гг.: в 5 т. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866—1874.
341. Петров А. Н. Война России с Турцией 1806—1812 гг.: в 3 т. СПб.: Воен. тип., 1885—1887.
342. Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787—1791 гг.: в 2 т. СПб.: Тип. Р. Голике, 1880.
343. Петров А. Н. К биографии Светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского // Военный сборник. 1900. № 4.
344. Петров М. М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.
345. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов: в 3 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884.
346. Петухов В. В. Бои под Вязьмой в связи с общим обзором Отечественной войны 1812 года. Вязьма, 1912.
347. Писанко А. А. Вяземский бой 22 октября 1812 года. М.: Печатня А. Снегиревой, 1912.
348. Писарев А. А. Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим. М.: Тип. С. Селивановского, 1817.
349. Письма 1812 года. Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // Русский Архив. 1866. Т. 5, № 2.
350. Письма на походе 1812 года к генерал-майору Ермолову. Письма князя Багратиона // Чтения в Имп. о-ве истории и древностей российских

- (ЧОИДР) при Моск. ун-те. М.: Университ. тип., 1862. Кн. 1, январь—март. Отд. 5.
351. Подготовка Наполеона к войне 1812 года по мемуарам Пакье // Русский Архив. 1913. Т. 142, № 7.
352. Подробный журнал исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 году / под ред. В. П. Никольского // Тр. Моск. отдела Имп. рус. военно-ист. о-ва (ИРВИО). М.: Тип. штаба Моск. воен. округа, 1912. Т. 2: Материалы по Отечественной войне.
353. Поибюск Л. Г. Письма о войне в России 1812 года. Сочинение Поибюска, генерал обер-провиантмейстера войск Наполеоновых. М.: Университ. тип., 1833.
354. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сб. ст. М.: Красная новь, 1923.
355. Полевой Н. А. Русские полководцы, или жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1845.
356. Поликарпов Н. П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Ч. 1: Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года // Тр. Моск. отдела Имп. рус. военно-ист. о-ва (ИРВИО) / под ред. В. П. Никольского. М.: Печатня А. М. Снегиревой, 1913. Т. IV: Материалы по Отечественной войне.
357. Поликарпов Н. П. К истории Отечественной войны 1812 года. Вып. 1. М.: Рус. Печатня, 1911.
358. Поликарпов Н. П. Отечественная война 1812 года. По неисследованным военно-историческим документам (первоисточникам) Московского отделения общего архива Главного штаба (Лефортовского архива) // Тысяча восемьсот двенадцатый год: иллюстр. двухнедельный журн.: в 2 т. Вып. 1—24. Репринтное издание 1912 года. СПб.: Альфа-рест, 2012.
359. Поликарпов Н. П. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го пехотного Устюжского генерала князя Багратиона полка. Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1897.
360. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 32, 33. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830.
361. Полянский М. И. 3-й пеший полк Владимирского ополчения, сформированный 18 августа 1812 года в городе Коврове для обороны Москвы во время Отечественной войны. М.: Тип. В. Карякина, 1912.
362. Понятовский С. Воспоминания князя Станислава Понятовского (1776—1809 гг.) // Русская Старина. 1898. Т. 95, № 9.
363. Попов А. Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская Старина. 1897. Т. 90, № 6.
364. Попов А. Н. Москва в 1812 году. М.: Тип. Грачева и Ко, 1875.

365. Попов А. Н. Отечественная война 1812 года. Изгнание Наполеона из России. М.: Минувшее, 2010.
366. Попов А. Н. Отечественная война 1812 г. От Малоярославца до Березины. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1877.
367. Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский Архив. 1892. Т. 78, № 5.
368. Попов Ф. Г. История 48 пехотного Одесского полка. М.: Тип. Рус. т-ва, 1911.
369. Пособия и льготы после Отечественной войны 1812 года. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1856.
370. Потемкин П. С. Письма графа П. С. Потемкина // Русский Архив. 1876. Т. 30, № 6.
371. Проходцов И. И. Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны. Материалы для истории Отечественной войны. Рязань: Тип. Н. В. Любомудрова, 1913. Ч. 1.
372. Проценко Н. Ф. Светлейший князь Михаил Ларионович Кутузов–Смоленский, спаситель отечества в 1812 году от полчищ Наполеона и с ним двадцати народов. М.: Тип. Шумана и Глушкова, 1864.
373. Пузанов В. В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. 1812–1912. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1913.
374. Пузыревский А. К. Очерки из истории пехоты // Военный сборник. 1876. № 7–12.
375. Пушкин А. С. Собр. сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
376. Пущин П. С. Дневник Павла Пущина (1812–1814). Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
377. Пчелов Е. В. Генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсен // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: матер. науч. конф. 1994. М., 1994.
378. Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста. 1812 г. Война в России. Киев: Губ. тип., 1912.
379. Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста. 1813 г. Война в Германии. М.: Тип. Лазаревых, 1835.
380. Раевский Н. Н. Личные письма Н. Н. Раевского. 1812–1814. М., 1992.
381. Рапп Ж. Отрывок из мемуаров // Французы в России 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев / сост. А. М. Васютинский и др. М.: Задруга, 1912. Ч. 2.
382. Распопов Н. М. Из воспоминаний Николая Максимовича Распопова // Русский Архив. 1879. Т. 40, № 9.
383. Рассказ смоленского дьячка о нашествии 1812 года. Из воспоминаний К. Н. Леонтьева // Рус. Архив. 1881. Т. 46, № 3–2.
384. Ратч В. Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве // Военный сборник. 1861. № 5–6, 11–12.
385. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М.: Гос. статист. изд-во, 1956.

386. Ржевский С. М. О русской армии во второй половине Екатерининского царствования // Русский Архив. 1879. Т. 38, № 3.
387. Роберт Вильсон, очевидец кампании 1812 года // Военный сборник. 1860. № 11–12.
388. Романов А. П. Письмо императора Александра I к адмиралу Чичагову // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1871. Т. 6.
389. Романов А. П. Самооправдание императора Александра Павловича в письме к великой княгине Екатерине Павловне // Русский Архив. 1911. Т. 135, № 2.
390. Романов Н. М. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912.
391. Роос Г. У. С Наполеоном в Россию. Воспоминания врача о походе 1812 года. СПб.: Тип. «Луч», 1912.
392. Ростопчин Ф. В. Записки. Пожар Москвы. М., 1911.
393. Ростопчин Ф. В. Письма графа Ростопчина к императору Александру Павловичу // Русский Архив. 1892. Т. 78, № 8.
394. Ростопчин Ф. В. Письма графа Ф. В. Ростопчина к супруге и дочери и заметки о 1812 году // Русский Архив. 1901. Т. 105, № 8.
395. Ростопчин Ф. В. Письма графа Ф. В. Ростопчина к фельдмаршалу князю М. И. Кутузову-Смоленскому в 1812 году // Русский Архив. 1875. Т. 28, № 12.
396. Ростопчин Ф. В. Письмо графа Ф. В. Ростопчина к издателю «Русского Вестника» С. Н. Глинке // Русский Архив. 1876. Т. 31, № 12.
397. Ростопчин Ф. В. Правда о пожаре Москвы. М.: Университ. тип., 1823.
398. Ростопчин Ф. В. Сочинения Ростопчина (графа Федора Васильевича). СПб.: Тип. А. Дмитриева, 1853.
399. Руа Ж. Ж.-Э. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб.: Тип. «Луч», 1912.
400. Румянцев П. А. Сборник документов и материалов: в 3 т. / под ред. П. К. Фортунатова. М.: Воениздат, 1953–1959.
401. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. II, вып. 3. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1906.
402. Русский биографический словарь (РБС): в 25 т. / под ред. А. А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов; Тип. И. Н. Скороходова, 1896–1918.
403. Рыбаков С. П. Русская мемуаристика о сражении при Аустерлице // Вестн. МГИМО. 2012. № 4 (25).
404. Самойлов А. Н. Деяния князя Г. А. Потемкина-Таврического // Русский Архив. 1867. Т. 8, № 10–12.
405. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1813. № 17.
406. Свербеев Д. Н. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826): в 2 т. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1899.
407. Свечин А. А. Война в горах. Тактическое исследование по опыту Русско-японской войны. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1906.

408. Свечин А. А. Стратегия. М.: Гос. воен. изд-во, 1926.
409. Свечин А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней: в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.
410. Сегюр Ф. П. Бородинское сражение и занятие Москвы французами. М.: Образование, 1912.
411. Сегюр Ф. П. Пожар Москвы. М.: Образование, 1912.
412. Сегюр Ф. П. Поход в Москву в 1812 году. М.: Образование, 1911.
413. Секретное письмо кн. Кутузова-Смоленского А. М. Римскому-Корсакову // Русская Старина. 1897. № 9.
414. Селиванов В. Из давних воспоминаний // Русский Архив. 1869. Т. 11, № 1.
415. Семевский В. И. Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1912. Т. 5.
416. Симанский Л. А. Журнал участника войны 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1913. № 2.
417. Синельников Ф. М. Жизнь фельдмаршала Кутузова. Перепеч. с изд. 1813–1814 гг., с испр. СПб.: Рус. симфония; Б-ка АН, 2007.
418. Скобелев И. Н. Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым. СПб.: Тип. Н. Греча, 1833.
419. Скугаревский А. П. Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб.: Тип. «Родник», 1912.
420. Скугаревский А. П. О военной истории. СПб.: Тип. департ. уделов, 1874.
421. Слезин О. А. Артиллерия в Бородинском сражении: новые исследования // Война и оружие: Новые исследования и материалы: тр. Третьей междунар. науч.-практ. конф. 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. III.
422. Смоленск и его губерния в 1812 году / сост. В. И. Грачев. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1912.
423. Смоленские партизаны в 1812 году. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1912.
424. Соболев Л. Н. Куропаткинская стратегия. СПб.: Рус. скоропечатня, 1910.
425. Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб.: Морская тип., 1816.
426. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М.: Сов. энцикл., 1961–1976.
427. Соколов О. В. Битва двух империй. 1805–1812. М.: Астрель; СПб.: Астрель-СПб, 2012.
428. Соловьев С. М. Император Александр I. Политика — дипломатия. СПб., 1877.
429. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 т. М., 1995. Кн. 16: Работы разных лет.
430. Соседко Ф. Д. История 72-го пехотного Тульского полка, Варшава: Тип. «Земледельч. газеты», 1901.

431. Сперанский М. М. Пермское письмо к Александру Павловичу и оправдательная записка // Русский Архив. 1892. Т. 77, № 1.
432. Сражение под Кремсом 30-го октября 1805 года. СПб.: Изд. ред. журн. «Чтение для солдат», 1885.
433. Станкевич А. Е. Критический разбор кампании 1809 года. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1861.
434. Столетие военного министерства. 1802—1902: в 50 т. СПб., 1902—1914.
435. Столетие российской конной артиллерии 1794—1894 / сост. Потоцкий П. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894.
436. Сто лет назад. Письма И. И. Оденталя к А. Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах / собрал Долгов С. О. // Русская Старина. 1912. Т. 150—152, № 4—11.
437. Струков Д. П. Воспоминание о дне 1-го сентября 1812 года на Филях под Москвою. М., 1887.
438. Суворов А. В. Сборник документов: в 4 т. / под ред. А. В. Сухомлина, Д. В. Стырова. М.: Воениздат, 1949—1953.
439. Суворов В. Светлейший князь Смоленский фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов и его современники. Исторический очерк жизни полководца и его эпохи. М.: Тип. И. Д. Сытина и Ко, 1888.
440. Суворовский Прошка по кончине своего барина // Русский Архив. 1901. Т. 105, № 5.
441. Судравский В. К. История лейб-гвардии Гренадерского полка. 1756—1906. СПб.: Тип. т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1906. Т. 1.
442. Суляк С. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX — начале XX века // Русин: междунар. ист. журн. Кишинев, 2012. № 1 (27).
443. Тарле Е. В. Наполеон // Тарле Е. В. Сочинения: в 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7.
444. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию // Тарле Е. В. Сочинения: в 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7.
445. Тартаковский А. Г. Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Исторические записки. 1973. Т. 92.
446. Терешкевич. 78-й пехотный Навагинский полк в войну 1812 года. (Историческая справка). Тифлис: Тип. штаба Кавказск. воен. округа, 1913.
447. Толкушкин С. Способы и средства сохранения в бою свободы действий // Военный сборник. 1912. № 1.
448. Толь К. Ф. Описание битвы при селе Бородине 24 и 26 августа 1812 года. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1839.
449. Толстой Л. Н. // Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях. М.: Задруга, 1913.
450. Тольчева Т. Рассказы очевидцев о 12-м годе. М.: Университ. тип., 1872.
451. Тотлебен Э. И. О значении огня в бою // Военный сборник. 1876. № 8.

452. Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. М.: Центрполиграф, 2002.
453. Трошин Н. Н. Цена победы: К вопросу о финансовых расходах на Отечественную войну 1812 г. и Заграничные походы 1813–1815 гг. URL: <https://riss.ru/analitics/994/> (дата доступа: 11.04.2018).
454. Тударев А. И. Краткая история 5-го гренадерского Киевского полка. Калуга: Тип. губ. правл., 1892.
455. Тургенев А. М. Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская Старина. 1887. Т. 53, № 1.
456. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. СПб.: Тип. Глазунова, 1897.
457. Тучков П. А. Мои воспоминания о 1812 году // Русский Архив. 1873. Т. 22, № 10.
458. Ульянов А. И. Тарутинский лагерь: «неудобные» факты // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: матер. науч. конф., посвящ. 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец: Малоярославецкая тип., 1994.
459. Ульянов А. И. Бой на реке Чернишне // От Тарутино до Малоярославца: к 190-летию Малоярославецкого сражения / сост. Н. В. Котлякова, Е. А. Назарян. Калуга, 2002.
460. Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон: АСТ, 1998.
461. Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. СПб.: Имп. акад. наук, 1776.
462. Ушаков Н. И. История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.: в 2 ч. СПб.: Тип. Э. Праца и Ко, 1836.
463. Ушаков С. И. Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею, в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах, с кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную. Ч. 1. СПб.: Тип. Карла Краия, 1822.
464. Фадеев А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. Одесса: Тип. Южнорус. о-ва печатного дела, 1897.
465. Фаленберг П. И. Из записок Петра Ивановича Фаленберга // Русский Архив. 1877. Т. 34, № 9, 10.
466. Федоров В. На закате славы // Тысяча восемьсот двенадцатый год: иллюстр. двухнед. журн.: в 2 т. Репринтное издание 1912 г. СПб.: Альфарест, 2012. Т. 2, вып. 11–24.
467. Фельдмаршал граф Ив. Ив. Дибич-Забалканский в его воспоминаниях, записанных в 1830 г. бароном Тизенгаузеном // Русская Старина. 1891. Т. 70, № 4.
468. Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М.: Археографический центр, 1995.

469. Фигнер А. В. Партизан Фигнер. Из семейных воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. 18, № 10.
470. Флиз Д. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М.: Образование, 1912.
471. Фонвизин М. А. Барклай де Толли и Отечественная война 1812 г. // Русская Старина. 1912. Т. 151–152, № 8–12.
472. Фонвизин М. А. Записки Фон-Визина, очевидца смутных времен царствований Павла I, Александра I и Николая I. Лейпциг: Тип. Вольфганга Гергарда, 1859.
473. Фонвизин М. А. Сочинения и письма: в 2 т. Иркутск: Восточносиб. кн. изд-во, 1979–1982.
474. Фоссен В.-А. Дневник поручика Фоссена // Русский Архив. 1903. Т. 113, № 11.
475. Французское нашествие 1812 года в письмах современников. Из архива Н. О. Котлубицкого // Русский Архив. 1912. Т. 139, № 6.
476. Французы в России. 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев. Тирион: в 3 ч. М.: Задруга, 1912.
477. Фукс Е. Б. Анекдоты князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского. СПб.: Сенатская тип., 1900.
478. Фукс Е. Б. История генералиссимуса, князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского: в 2 ч. М.: Тип. Н. С. Всеволожского, 1811.
479. Харкевич В. И. Барклай-де-Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1904.
480. Харкевич В. И. 1812 г. Березина. СПб.: Воен. тип., 1893.
481. Хатов А. И. Бой при редуте Шевардинском, 24 августа 1812 года. СПб.: Воен. тип., 1839.
482. Хатов А. И. Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голеннищева-Кутузова в 1811 году. СПб.: Воен. тип., 1840.
483. Хвостов В. С. Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский Архив. 1870. Т. 13, № 3.
484. Хлаповский Д. Воспоминания генерала Хлаповского о войне 1812 года // Военский К. А. Священной памяти двенадцатый год. СПб.: Изд-во «Сельского вестника», 1912.
485. Хомутова А. Г. Воспоминания Анны Григорьевны Хомутовой о Москве в 1812 году // Русский Архив. 1891. Т. 76, № 11.
486. Хомченко С. Н. Археологические находки боеприпасов как источник изучения Бородинского сражения. Русские позиции // Бородино в истории и культуре: матер. Междунар. науч. конф., Бородино, 7–10 сентября 2009 г. / сост. А. В. Горбунов. Можайск, 2010.
487. Храповицкий Я. С. Воспоминания о Березинской переправе // Военский К. А. Священной памяти двенадцатый год. СПб.: Изд-во «Сельского вестника», 1912.
488. Хронологический указатель действий русской армии и флота: в 5 т. СПб.: Тип. «Бережливость»; Военная тип., 1908–1913.

489. Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: Тип. А. С. Суворина, б. г.
490. Цветков С. Н. Вывоз из Москвы государственных сокровищ в 1812 году. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912.
491. Цебриков Р. М. Вокруг Очакова. 1788 год // Русская Старина. 1895. Т. 84—1, № 9.
492. Цинкевич А. А. Ущерб, нанесенный войной 1812 года Виленской и Гродненской губерниям // Война 1812 года: события, судьбы, память: Междунар. науч.-практ. конф. Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2012.
493. Чарторыйский А. А. Записка, поданная императору Александру I 26 июня 1808 г. // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. Имп. акад. наук (ИАН), 1871. Т. 6.
494. Чарторыйский А. А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: в 2 т. М.: Тип. К. Ф. Некрасова, 1912—1913.
495. Чего стоила война с французами 1812, 1813 и 1814 годов // Русский Архив. 1874. Т. 25, № 9.
496. Чернышев А. И. Донесения полковника Чернышева императору Александру Павловичу // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. Имп. акад. наук (ИАН), 1877. Т. 21.
497. Чернышев А. И. Донесения полковника Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. Имп. академии наук (ИАН), 1877. Т. 21.
498. Чернышев Г. И. Письма во время осады Измаила 1790 года // Русский Архив. 1871. Т. 15, № 3.
499. Чичагов П. В. Из записок адмирала Чичагова. Дела с Турцией в 1812 году // Русский Архив. 1870. Т. 14, № 8—9.
500. Чичагов П. В. Письма адмирала Чичагова к императору Александру I // Сб. Рус. ист. о-ва (РИО). СПб.: Тип. Имп. акад. наук (ИАН), 1871. Т. 6.
501. Чичерин А. В. Дневник 1812—1813. М., 1966. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Chicherin/chicherin_1812.html (дата доступа: 10.04.2018).
502. Чуйкевич П. А. Рассуждения о войне 1812 года. С таблицами: исчисления неприятельских сил, вошедших в пределы Российской империи, и потери неприятельской в каждом сражении и деле, с начала кампании до 1 января 1813 года. СПб.: Сенатская тип., 1813.
503. Шавров К. Краткая история 11-го гренадерского Фанагорийского генералиссимуса князя Суворова полка. М.: Тип. Т. И. Гаген, 1890.
504. Шаховской А. А. Двенадцатый год. Воспоминания князя А. А. Шаховского // Русский Архив. 1886. Т. 61, № 11.
505. Шведов С. В. Комплектование, численность и потери российской армии в Отечественной войне 1812 года. Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2005.

506. Шведов С. В. О численности и потерях русской армии в сражении при Малоярославце 12 октября 1812 г. // М. И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995.
507. Шелехов Ф. П. История 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. 1796–1896. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1896.
508. Шефов Н. А. Битвы России. М.: Аст, 2006.
509. Шильдер Н. К. А. И. Михайловский-Данилевский. К столетней годовщине со дня рождения. 1790–1848. По неизданным запискам Михайловского-Данилевского и собранным им историческим материалам // Русская Старина. 1891. Т. 71, № 9.
510. Шильдер Н. К. Из записок графа Сегюра. Кампания 1805 года // Военный сборник. 1874. № 1–4.
511. Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897–1898.
512. Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1901.
513. Шильдер Н. К. Кто истинный виновник войны 1812 года // Русская Старина. 1897. Т. 89, № 3.
514. Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин: В. Behr's Buchhandlung; Прага: Тип. И. С. Скрейшовского, 1870.
515. Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания при блаженной памяти государе императоре Александре Первом с бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб.: Тип. Имп. рос. акад., 1831.
516. Шишков Н. П. Воспоминание о князе Смоленском М. И. Голенищеве-Кутузове // Русский Архив. 1866. Т. 5, № 4.
517. Шишов А. В. Кутузов. Фельдмаршал великой империи. М.: Олма-Пресс, 2006.
518. Шмидт Г. Виновники пожара Москвы в 1812 г. Рига, 1912.
519. Шницлер И. Г. Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году. СПб.: Тип. «Луч», 1912.
520. Щербатов А. Г. Из записок кн. А. Г. Щербатова // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы ВУА ГШ. Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1907. Вып. IV.
521. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: в 7 т. СПб.: Тип. Р. Голике; Тип. Тренке и Фюсно, 1888–1899.
522. Щербачев Ю. Н. Отрывочные заметки и письма, касающиеся Отечественной войны (из бумаг А. А. Щербинина). М.: Изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, б. г.
523. Щербинин А. А. Бумаги покойного гофмейстера Щербинина о военных действиях 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА ГШ. СПб.: Тип. «Бережливость», 1914. Т. XXI: Боевые действия в 1812 г. (декабрь месяц).

524. Эделинг Р. С. Из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы // Русский Архив. 1887. Т. 62, № 1–2.
525. Эйлер А. Х. Записки А. А. Эйлера // Русский Архив. 1880. Т. 42, кн. 2.
526. Энгельгардт Л. Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. М.: Тип. Каткова и Ко, 1860.
527. 1812-й год в карикатуре. М.: Изд. «Будильника»; тип. И. Ф. Смирнова, 1912.
528. 1812-й год. Из писем Н. М. Лонгинова к графу С. Р. Воронцову // Русский Архив. 1912. Т. 138, № 4.
529. 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии. М., Terra, 1992.

Автор благодарит электронные библиотеки НЭБ РФ, ГПИБ РФ, «Руниверс», «Царское село» и электронный архив «Мемориал Отечественной войны 1812 года» за предоставленную литературу.

Монографія є результатом дослідження і переосмислення значної кількості історичних матеріалів про фельдмаршала М. І. Голенищева-Кутузова (1747–1813) і проведені за його участю військові кампанії, що стали доступними дослідникам у нову цифрову епоху.

Книга призначена всім, хто цікавиться військовою історією Росії та справжніми фактами, що лежать під покривом ідеологічних міфів.

Наукове видання

ДЕМИДЕНКО Артур Миколайович

**СЛУЖБА І ВІЙНИ
ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА
М. І. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА
БЕЗ ПРИКРАС**

Монографія

Російською мовою

Надруковано в авторській редакції

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*
Технічний редактор *М. М. Бушин*

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 60,92.
Тираж 300 прим. Зам. № 436 (92).

Видавництво і друкарня «Астропринт»
65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
e-mail: astro_print@ukr.net; www.astroprint.ua; www.stranichka.in.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.